

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ

ПІЧЭТАЎСКІЯ ЧЫТАННІ – 2021:
100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту
Беларусі

Матэрыялы
міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі

Мінск, 27–28 кастрычніка 2021 г.

Мінск
БДУ
2021

УДК 378.4(476-25)(091)(06) + 93/94:378.4(476-25)096(06) + 930:378.016(06)
ББК 74.484.7(4Бей)г.я431 + 63р30я431
ПЗ6

Навуковыя рэдактары М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі

Рэдакцыйная калегія:

доктар педагагічных навук прафесар *А. Д. Кароль* (гал. рэд.);
доктар педагагічных навук прафесар *Д. Г. Мядзведзеў*;
доктар фізіка-матэматычных навук прафесар *В. Р. Сафонаў*;
доктар гістарычных навук прафесар *А. Г. Каханоўскі*;
доктар гістарычных навук прафесар *Л. С. Белавусаў*;
доктар гістарычных навук прафесар *П. І. Брыгадзін*;
доктар гістарычных навук прафесар *С. М. Ходзін*;
доктар гістарычных навук прафесар *Т. І. Хархордзіна*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *А. В. Бурачонак*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *А. А. Кондраль*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *М. Ф. Шумейка*;
кандыдат гістарычных навук прафесар *А. А. Яноўскі*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *Т. Д. Герновіч*

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук прафесар *В. Ф. Голубеў*;
доктар гістарычных навук прафесар *А. Л. Самовіч*

Пры падтрымцы міжнароднага праекта COMPASS

(Комплекснае павышэнне патэнцыялу ва Усходнім суседстве і Цэнтральнай Азіі:
інтэграцыя даследаванняў, эфектыўнае кіраванне і ўстойлівыя супольнасці)

Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту
ПЗ6 Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 27–28 кастр.
2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) [і інш.]; навук.
рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. – Мінск: БДУ, 2021. – 791 с.
ISBN 978-985-881-250-8.

Змешчаны матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі,
праведзенай гістарычным факультэтам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пры
падтрымцы міжнароднага праекта COMPASS. Даследчыкі з Беларусі, Расіі, Украіны,
Германіі, Францыі разглядаюць найбольш актуальныя праблемы, звязаныя з гісторыяй
развіцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў кантэксте еўрапейскіх універсітэцкіх
традыцый, навуковай спадчынай У. І. Пічэты і развіццём славістыкі на сучасным этапе,
інавацыямі ў вывучэнні сусветнай гісторыі і гісторыі Беларусі, гістарыяграфіі,
дакументальнай, этнакультурнай і археалагічнай спадчыны.

УДК 378.4(476-25)(091)(06) + 93/94:378.4(476-25)096(06) + 930:378.016(06)
ББК 74.484.7(4Бей)г.я431 + 63р30я431

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	12
ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА БГУ А. Д. КОРОЛЯ	Ошибка! Закладка не определена.
ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 100-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА.....	16
РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКІХ УНІВЕРСІТЭЦКІХ ТРАДЫЦЫЙ	
<i>А. А. Яноўскі</i>	
100 ГОД БДУ: ЮБЛЕЙ, ЯКІ НАТХНЯЕ НА ПОШУК НОВЫХ І ЎДАКЛАДНЕННЕ ВЯДОМЫХ КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ ПЕРШАГА ЎНІВЕРСІТЭТА БЕЛАРУСІ	18
<i>О. В. Солопова</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА И БГУ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ	28
<i>М. Ф. Шумейко</i>	
СТОЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ БГУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ....	45
<i>Т. И. Хорхордина</i>	
В. И. ПИЧЕТА В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ – ЦЕНТРАРХИВЕ РСФСР (1918–1923 гг.).....	58
<i>Т. Д. Гернович, А. С. Шапко</i>	
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ АРХИВ: НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВА БГУ	69
<i>А. К. Дубовик</i>	
ОТ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ И ФАКУЛЬТЕТУ БЕЛОРУССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1929–1933 гг.)	78
<i>И. О. Евтухов</i>	
ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В БГУ ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ (1921–1961 гг.).....	85
<i>А. В. Кожар</i>	
ПЫТАННЕ ПРАВАВОГА СТАНОВІШЧА СЯЛЯН ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ПРАЦАХ АКАДЭМІКА У. І. ПІЧЭТЫ	92
<i>А. А. Кухаренко</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ БГУ	98

А. А. Приборович

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ КАФЕДРЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 110

А. А. Торканевский

ПРОФЕССОР В. А. ФЕДОСИК КАК ОСНОВАТЕЛЬ НАУЧНОЙ
ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХРИСТИАНСТВА 116

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫІ

Т. Н. Агеенко

ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ 1920-х гг.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК 122

Н. В. Анофранка

АДЛЮСТРАВАННЕ КОЛЬКАСЦІ ГРАБЯЖОЎ У БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКИХ
ГУБЕРНЯХ ЗА 1815–1854 гг. У АФІЦЫЙНЫХ ЗВЕСТКАХ МІНІСТЭРСТВА
ЎНУТРАНЬХ СПРАЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЭРЫІ 128

А. В. Бараноўскі

ЧАСОВАЕ БЕЛАРУСКАЕ БЮРО ЦК РКП(Б) (ЛЮТЫ–МАЙ 1924 г.):
АРГАНІЗАЦЫЙНА-СТРУКТУРНАЯ ПАБУДОВА І ДЗЕЙНАСЦЬ 136

І. Г. Бачыла

КАФЕДРА ЭТНАЛОГІІ, МУЗЭЯЛОГІІ І ГІСТОРЫІ МАСТАЦТВАЎ ГІСТАРЫЧНАГА
ФАКУЛЬТЭТА БДУ: ВЫНІКІ ПАЛЯВЫХ ЭТНАГРАФІЧНЫХ
ДАСЛЕДАВАННЯЎ (2016–2021 гг.)..... 141

А. В. Беляева

СОСТОЯНИЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД
ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БУША-МЛ. (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ
ДВУСТОРОННИХ ВСТРЕЧ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ)..... 147

А. М. Белявский

ОБРАЗ АРХИВИСТА В СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ:
ШАРЛЕМАНЬ vs. ИЗЯ КАЦМАН..... 153

Ю. А. Блашков

РЕАЛИИ ВОСПРИЯТИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ М. М. СПЕРАНСКИМ 162

О. В. Бригадина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ УГРОЗЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 168

А. В. Бурачонок

ШПАЛЕРНАЯ ВЫТВОРЧАСЦЬ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX –
ПАЧАТКУ XX ст. 174

С. И. Бусько

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА..... 180

Ю. В. Веретилло

О ВЫДАЧЕ АКЦИЗНЫМИ УПРАВЛЕНИЯМИ РАЗРЕШЕНИЙ НА ПРАВО
ПРОИЗВОДСТВА И ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. 186

Е. В. Воднева

НАСЛЕДИЕ Ф. В. БУЛГАРИНА (1789–1859): ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ 189

А. Н. Глазко

ИЗУЧЕНИЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАБОЧИХ
г. МИНСКА В 1970–80-е гг. 197

А. А. Гужалоўскі

ЗАРАДЖЭННЕ СТУДЭНЦКАГА БУДАТРАДАЎСКАГА РУХУ Ў БССР У ГАДЫ
ХРУШЧОЎСКАЙ «АДЛІГІ» 206

К. Дз. Даўматовіч

З’ЯВЫ НАДВОР’Я Ў ВЯЛКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ ВА ЎСПАМІНАХ ФЁДАРА
ЕЎЛАШЭЎСКАГА 213

М. С. Довгялло

ПЕРВАЯ МЕЖСЛАВЯНСКАЯ СЕРБСКО – БОЛГАРСКАЯ ВОЙНА
НОВОГО ВРЕМЕНИ 218

О. В. Друзенюк

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДА ВИТЕБСКА
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – СЕРЕДИНЕ 1960-х ГОДОВ 226

В. А. Есис

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX–XIV вв. 233

А. У. Ерашэвіч

НЕКАТОРЫЯ ЗАЎВАГІ АБ ПРЫНЦЫПАХ НАВУКОВАГА ГІСТАРЫЧНАГА
ДАСЛЕДАВАННЯ 239

О. И. Ершова

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В
БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1920–1930 гг.) 250

А. М. Загідулін

РАСІЙСКАЯ СУЧАСНАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў
СКЛАДЗЕ ПОЛЬШЧЫ (1918–1939 гг.) 258

А. М. Запартыка, Л. І. Масейчук

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХІЎНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПА ГІСТОРЫІ ВЫШЭЙШАЙ
АДУКАЦЫІ БЕЛАРУСІ (1920–1940-я гг.) 266

Н. М. Здасюк

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ 273

Л. С. Иваничева

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИЗМА
(ПРОТОКОЛ «ПАНДЕМИЯ 2020») 279

<i>В. С. Иванова</i>	
КУЛЬТУРА ПАМ'ЯЦІ БЕЛАРУСКІХ ВЯСКОЎЦАЎ: ДАКУМЕНТЫ, УСПАМІНЫ, АРТЭФАКТЫ.....	285
<i>Е. М. Ирха</i>	
НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ П. Н. ЖУКОВИЧА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	295
<i>А. В. Кащеев</i>	
ИСТОРИЯ С «ГРИФОМ»: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ МИЛИЦИИ.....	303
<i>А. І. Калтачэнка</i>	
КРЫНІЦЫ ВЫВУЧЭННЯ ЗАМЕЖНОЙ АДУКАЦЫІ МАГНАТАЎ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў РАННІ НОВЫ ЧАС	309
<i>А. Г. Кохановский</i>	
ДИНАМИКА УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	317
<i>А. С. Кандраценка</i>	
СТАНОВІШЧА РУСІНАЎ У СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІЦЫ Ў 1939–1945 гг.....	327
<i>А. А. Каплиев</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.....	334
<i>О. Б. Келлер</i>	
ФИНАНСИРОВАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ.....	342
<i>А. В. Козленко</i>	
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И РАЗБОЙНИКИ: КТО ИМЕЕТ ПРАВО НА НАСИЛИЕ?	351
<i>Н. В. Козловская</i>	
ПОНЯТИЕ «ЭЛИТА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ	358
<i>Е. Г. Колб</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2017 г.....	366
<i>М. С. Короленко, А. А. Герасимович</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	373
<i>П. Г. Космач</i>	
РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ АБОЛИЦИОНИЗМА XVIII–XIX вв.	376
<i>Н. В. Кошелева</i>	
ИСЛАМИЗМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ: «СОВЕТ МУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США»	382

М. И. Кочан

ФЕДЕРАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ И ЕЕ РОЛЬ В
ИНДЕЙСКОМ ДВИЖЕНИИ В США (1934–1940 гг.) 390

М. А. Крэньц

КАНТРЫБУЦЫЙНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ
БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (1863–1896 гг.): АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І МЕТАДЫ
ДАСЛЕДАВАННЯ 397

Т. Т. Кручковский

ПОЛЬСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ НА МОСКВУ В ПЕРИОД СМУТЫ В
ОЦЕНКЕ Н. М. КАРАМЗИНА 404

К. А. Кухарава

АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ ВЫВУЧЭННЯ ШКЛЯНЫХ УПРЫГАЖЭННЯЎ
ІХ–XIV стст. У САВЕЦКАЙ І ПОСТСАВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 412

М. А. Лавринович

«ПОБЕДНЫЙ ФЕВРАЛЬ» 1948 ГОДА В ЧЕХОСЛОВАКИИ В
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ И ПРАКТИКАХ ПАМЯТИ В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ 419

Л. В. Ландина

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА 426

И. В. Латушкин

СИСТЕМА МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА 433

Я. М. Ляпешкін

СТАСУНКІ ГУБЕРНАТАРАЎ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ З МІНІСТРАМ УНУТРАНІХ
СПРАЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў 1864–1914 гг. 441

А. І. Лізуноў

СУПРАЦЬСТАЯННЕ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬГА КАМІТЭТУ
І БЕЛАРУСКАЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ГРАМАДЫ Ў ПЫТАННІ ФАРМІРАВАННЯ
БЕЛАРУСКАГА ВОЙСКА 451

О. Л. Липницкая, Е. Э. Попова, Д. Н. Бузун

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ АРХИВИСТОВ И
ДОКУМЕНТОВЕДОВ 457

Ю. І. Літвіноўская

ФАРМІРАВАННЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ КІРАВАННЯ
НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX ст. 467

Д. У. Лішай

ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ДАСЛЕДАВАННЯ МАНІФЕСТАЦЫЙНАГА
ПЕРЫЯДУ 1861–1862 гг. У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 474

В. В. Лучинович

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО ВОЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА
ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. 481

<i>И. В. Лютаревич</i>	
СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ВЫСШЕГО АРХИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ США.....	488
<i>Н. Н. Малишевский</i>	
АРХИВ БОРИСОГЛЕБСКОЙ (КОЛОЖСКОЙ) ЦЕРКВИ В ГРОДНО.....	496
<i>Л. I. Масейчук, Н. А. Поляк</i>	
МЕТАД ІНТЭРВ'Ю ПРЫ ВЫКЛАДАННІ ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ МЕДЫЦЫНСКІМ УНІВЕРСІТЭЦЕ	504
<i>О. Г. Машаров</i>	
БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПОГРАНИЧНЫМ ВОПРОСАМ В КОНТЕКСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ	512
<i>Ю. В. Маханько</i>	
БРИТАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА.....	517
<i>І. С. Махоўская</i>	
БЕЛАРУСКАЯ ТРАДЫЦЫЙНАЯ СЯМ'Я Ў КАНТЭКСЦЕ МАДЭРНІЗАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ.....	523
<i>Т. М. Милач (Тохиян)</i>	
РИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР В ОЦЕНКЕ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 90-х гг. ХХ в. – НАЧАЛА ХХІ в.	530
<i>М. А. Михайлец</i>	
КАТЕГОРИИ «АУТЕНТИЧНОСТЬ» И «УНИКАЛЬНОСТЬ» КАК УГРОЗЫ СОХРАНЕНИЮ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	538
<i>В. Ю. Монзуль</i>	
ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕРИМСКИХ РЕФОРМАТОРОВ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В 133–121 гг. до н. э. В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Д. П. КОНЧАЛОВСКОГО	544
<i>Е. Н. Мох, Я. В. Маковская</i>	
РАЗРАБОТКА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИКО- ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ (2006–2021).....	551
<i>Т. А. Наваградскі</i>	
ЭТНАГРАФІЧНЫЯ ЭКСПЕДЫЦЫІ КАФЕДРЫ ЭТНАЛОГІІ, МУЗЕЯЛОГІІ І ГІСТОРЫІ МАСТАЦТВАЎ БДУ (2001–2021).....	559
<i>В. И. Настусевич</i>	
ВЛИЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ОБРАЗОВАНИЕ В ИСПАНИИ В ПЕРИОД ФРАНКИЗМА (1939–1975).....	566
<i>А. В. Науменко</i>	
УСТАНОВЛЕНИЕ И ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С УКРАИНОЙ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ.....	571

И. В. Олюнина

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ
ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 576

Н. Е. Орлова

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В АНГЛИИ В 1840–1860-х гг. 582

О. В. Перзашкевич

εθνος И ЕГО ПОНИМАНИЕ В КНИГАХ ПЯТИКНИЖИЯ МОИСЕЕВА,
ПРИВЕДЕННЫХ В БИБЛИИ СКОРИНЫ И ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ 591

Т. У. Пецюкевіч

ГАРАДСКАЯ ГАСПАДАРКА МІНСКА Ў 1920-Я ГГ.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ 603

Я. А. Поддевалина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТОВ ВЕСОМОСТИ ДЛЯ ОЦЕНКИ
КАЧЕСТВА СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА 608

Н. М. Палтаржыцкая

КРЫНІЦА ЗНАЎЧАЯ КАШТОЎНАСЦЬ І ИНФАРМАТЫЎНАСЦЬ КНІГ ГАРАДСКОГА
САМАКІРАВАННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ МАГІСТРАЦКІХ КНІГ МЕНСКА ЗА ДРУГУЮ
ПАЛОВУ XVII СТАГОДДЗЯ) 615

Д. С. Пыж

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНСКОГО ПОЛЬСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА (1922–1937) 621

А. А. Рахоўская

ФРАНЦЫСКАНСКАЯ СІСТЭМА АДУКАЦЫІ Ў XIII ст.: ПРАБЛЕМЫ СУАДНОСІН
ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ І РЭЛІГІЯНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ 627

В. В. Ретин

ГОДОВЩИНЫ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИИ XX В. КАК
СТРУКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНЫХ ПРАКТИК В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 633

А. Дз. Русін

АДУКАЦЫЯ СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР ЯК КАНАЛ САЦЫЯЛЬНАЙ
МАБІЛЬНАСЦІ (1944-1965) 640

Д. В. Саватеева

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ В ФРГ 646

Д. Саджади

АМЕРИКАНО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД
БАХРЕЙНСКОГО КРИЗИСА 2011 г. 652

А. П. Сальков

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДОБРУДЖИ В
МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ОТ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ДО СЕНТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА
В БОЛГАРИИ (ИЮНЬ 1941 – СЕНТЯБРЬ 1944 г.) 658

<i>Д. С. Самохвалов</i>	
РЕВОЛЮЦИЯ КНИГОПЕЧАТНИКОВ И ИСТОРИКОВ: К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	667
<i>С. О. Сидорова</i>	
ПЕРЛЮСТРАЦИЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	673
<i>В. В. Синчук</i>	
СКАУТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БРЕСТСКОЙ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	679
<i>А. И. Сенько</i>	
ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В БЕЛАРУСИ (1861–1914)	686
<i>С. М. Смірноў</i>	
РЭЛІГІЙНЫ СІНКРЭТЫЗМ РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ Ў ПРАЦАХ АЙЧЫННЫХ І ІТАЛЬЯНСКІХ ГІСТОРЫКАЎ (2-АЯ ПАЛОВА XX – ПАЧ. XXI ст.)	694
<i>Е. В. Смолякова</i>	
ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ БССР В 1920-Е ГГ.	701
<i>А. Э. Сакольчык</i>	
СІСТЭМА АХОВЫ ПРАВАПАРАДКУ БЕЛАРУСКА-ЛІТОВСКИХ ГУБЕРНЯЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ	708
<i>Н. С. Соломкина</i>	
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СОСТАВ МАТЕРИАЛОВ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА БССР ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВИЧА ВОЛКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ	717
<i>О. Н. Старжинская</i>	
МИФ О «ГОСУДАРСТВЕ» ИЕЗУИТОВ	722
<i>Т. И. Тарасенкова</i>	
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «СМОЛЕНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»: КОМПЛЕКС МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	729
<i>Н. Я. Трифонова</i>	
ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ МОГИЛЕВЩИНЫ И ВИТЕБЩИНЫ В ОЦЕНКАХ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.	734
<i>Е. Н. Филатова</i>	
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772 г. – февраль 1917 г.)	739
<i>Д. У. Філіпчык</i>	
СЯДЗІБНА-ПАРКАВЫЯ КОМПЛЕКСЫ АРШАНСКАГА РАЁНА: ГІСТОРЫЯ, СУЧАСНЫ СТАН, ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫКАРЫСТАННЯ Ў ТУРЫЗМЕ	748

В. Е. Шамова

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СНИЛ «БЕЛЫ КРЫЖ»)..... 755

О. М. Шутова

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИСТОРИОГРАФИИ: НА ПРИМЕРЕ
НЕСКОЛЬКИХ НОВЫХ СТАРЫХ СЮЖЕТОВ В СКОРИНОВЕДЕНИИ..... 759

Д. Н. Черкасов

БОРЬБА ЗА ГЕРЦОГСТВО ЛОТАРИНГИЯ И БИТВА
ПРИ БЮЛЬНЕВИЛЕ (2 ИЮЛЯ 1431 Г.)..... 769

Ван Чунхуа

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ВОПРОСУ О ПРОДАЖЕ
АМЕРИКАНСКОГО ОРУЖИЯ ТАЙВАНЮ В 1981–1982 ГГ. 776

И. И. Янушевич

ВКЛАД УЧЕНЫХ БССР В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ..... 780

Г. О. Ярошук

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МАРГИНАЛЬНЫХ ГРУПП
НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 786

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нынешние «Пичетовские чтения–2021», пленарное заседание которых прошло 27 октября 2021 г. в конференц-зале географического факультета, а секции на следующий день работали в аудиториях исторического факультета Белорусского государственного университета, имеют особое значение. Они приурочены к 100-летнему юбилею первого в Беларуси университета, к созданию которого так много сил и энергии приложил выдающийся ученый, историк широчайшего научного кругозора, академик АН БССР и АН СССР Владимир Иванович Пичета, ставший его первым ректором. Можно без преувеличения утверждать, что прошедшие в юбилейных год «Пичетовские чтения» вышли не только на общеуниверситетский и республиканский, но и на международный уровень как по количеству и составу участников, так и по тематике вопросов, вынесенных на обсуждение докладчиками восьми секций. И это, заметим, несмотря на достаточно сложные условия, связанные с их организацией и проведением – ограничения, вызванные пандемией, переезд исторического факультета, главного организатора «Чтений», в другое здание, общая «предъюбилейная лихорадка».

«Пичетовские чтения–2021» в очередной раз продемонстрировали приверженность его участников, а в их лице – значительной части представителей отечественной и зарубежной гуманитаристики – к разработке актуальных проблем в области отечественной и всеобщей истории, историографии, источниковедения, специальных исторических дисциплин, литературоведения и др. Отрадно отметить, что в них наряду с известными учеными активное участие приняли и начинающие исследователи, для многих из которых «Чтения» станут началом их будущего научного пути. Таким образом можно говорить, что двухдневное научное собрание символизировало некую связь поколений, продемонстрировало сохранение и развитие научных традиций, которым были всегда верны наши предшественники. И в их числе – не только выдающийся ученый и организатор науки, но и опытный педагог-наставник В. И. Пичета, создавший благодаря исповедуемому им принципу «Учитель, воспитай ученика, чтобы было потом у кого учиться!» блестящую научную школу.

Формируя структуру настоящего сборника, составители и научные редакторы отошли от строгого деления его материалов в соответствии с работавшими на «Чтениях» восемью секциями. Все озвученные тексты в

данном сборнике были систематизированы по двум разделам. В первый, сохранивший название первой секции «Развитие Белорусского государственного университета в контексте европейских университетских традиций» (модераторы – профессор С. Н. Ходин, доценты Т. Д. Гернович и А. Н. Максимчик) вошли доклады О. А. Яновского, О. В. Солоповой, Т. И. Хорхординой, М. Ф. Шумейко, прозвучавшие на пленарном заседании, а также выступления участников этой секции. Во второй раздел, принявший название второй секции «Актуальные проблемы современной исторической науки и образования» (модераторы – профессор В. С. Кошелев, доценты Д. Г. Ларионов и В. В. Репин) включены выступления на этой и остальных секциях («Традиции и новации в изучении и преподавании истории Беларуси» (модераторы – профессор А. А. Гужаловский, доценты А. Е. Веремейчик и В. А. Подолинский); «Традиции и современные подходы к изучению историографии» (модераторы – профессор А. М. Лукашевич, доценты Е. Э. Сокольчик и А. В. Любый); «История и память: современные подходы к исторической реконструкции» (модераторы – доценты К. И. Козак, В. А. Латышева и В. С. Макаревич); «Архив и документ в культуре, науке, образовании и государственном управлении» (модераторы – доценты З. В. Антанович, А. Н. Латушкин и О. Л. Липницкая); «Этнокультурное и археологическое наследие Беларуси» (модераторы – доценты И. Г. Бочило, П. С. Курлович и М. А. Михайлец); «Путь в науку: трибуна начинающего исследователя» (модераторы – доценты Н. В. Кошелева и А. И. Маскевич).

Надеемся, что заинтересованный читатель найдет в сборнике те материалы, которые его больше всего интересуют в контексте личных научных пристрастий, а также, что в целом широкая проблематика позволит расширить исследовательский кругозор и определить возможные новые для себя ориентиры.

*М. Ф. Шумейко
О. А. Яновский*

ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА БГУ А. Д. КОРОЛЯ

В 2021 году Белорусскому государственному университету исполнилось 100 лет. Прошла целая эпоха со дня начала регулярных занятий на трех его первых факультетах – медицинском, рабочем и общественных наук. С них начинается становление БГУ и в целом высшей школы Беларуси. Поэтому празднование юбилея университета – это особое и значимое событие для нашей страны. В БГУ этой красивой и важной дате на протяжении практически последних двух лет посвящали разные мероприятия, которые позволили показать широкой общественности ключевые исторические вехи и современные тренды нашей корпорации.

Среди десятков юбилейных акций отдельной линией проходит цикл научных симпозиумов, конференций, круглых столов и семинаров. В их организацию были вовлечены все подразделения, факультеты и НИИ университета. Представители естественнонаучных и гуманитарных специальностей в своих докладах в контексте столетней истории университета заявленную проблематику сопрягали с историческими и современными решениями.

Обобщающим мероприятием целого научного цикла определена Международная конференция «Пичетовские чтения – 2021: 100 лет первому университету Беларуси», где центральной темой заявили историческое осмысление роли университета в развитии отечественной системы высшего образования. Участниками форума стали более 200 молодых и опытных ученых из Беларуси, России, Германии, Франции, Украины, Китая и других стран. Замечательно, что в конференции выступили представители почти всех университетов и научно-исследовательских институтов Беларуси. Отдельное восхищение вызывает участие аспирантов, магистрантов и студентов.

Представляемый сборник научных трудов стал результатом двухдневной работы международной конференции. В этом издании содержатся итоги исследований в области современной исторической науки, образования и историографии, рассматриваются традиции и инновации в изучении и преподавании истории Беларуси, вклад в становление первого белорусского университета первого ректора БГУ Владимира Пичеты, его методические подходы к педагогической деятельности и др. «Многотемье» в некотором смысле символично. Сам

Владимир Иванович Пичета был необычайно разносторонним ученым. И уже 100 лет наш БГУ демонстрирует высокий уровень научных достижений во всех направлениях гуманитарных знаний. Очень надеюсь, что «Пичетовские чтения» и этот фундаментальный сборник позволят внести достойный вклад в развитие гуманитаристики и сподвигнут представителей естественнонаучных знаний на поиск целостной истины, метапредметной по своей сути.

Андрей Дмитриевич Король
ректор Белорусского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 100-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА**

*Уважаемый Андрей Дмитриевич!
Дорогие коллеги, уважаемые преподаватели и студенты
Белорусского государственного университета!*

Позвольте от всего профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, учащихся исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и от себя лично поздравить Белорусский государственный университет со 100-летним юбилеем!

За годы своего существования ваш университет занял определенную нишу в системе высшего образования не только Беларуси, но и всего пространства СНГ и мира в целом, зарекомендовал себя как учебный и научный центр с неизменно высоким качеством образования, трепетно хранящим свою историю, традиции и, вместе с тем, непрерывно развивающимся.

Мы с особой гордостью всегда отмечаем, что у истоков нашего факультета-побратима – исторического факультета Белорусского университета – стояли профессор и выпускники Московского университета. Это, в первую очередь, Владимир Иванович Пичета, Николай Михайлович Никольский, Владимир Николаевич Перцев...

Конечно, сотрудничество с историческим факультетом БГУ для нас первостепенно, оно обширно и наполнено множеством уже проведенных и еще только намеченных инициатив, но оно также стало основой для расширения, укрепления и интенсификации межвузовского взаимодействия.

Взаимодействие исторического факультета с Белорусским государственным университетом представлено множеством разнообразных направлений: проведение международных конференций и научных мероприятий, разработка совместных образовательных и научных проектов, студенческий обмен и стажировки, приглашенные лекции ведущих преподавателей и профессоров, студенческие общественные инициативы. Особенной гордостью для нас является первая в истории Международная российско-белорусская магистерская

программа МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ – «История белорусской диаспоры», которую инициировали и реализуют уже третий год исторические факультеты.

За годы интенсивного сотрудничества мы стали не просто коллегами, но и добрыми друзьями. С большим удовольствием в Вестнике Московского университета. Серия 8. История мы опубликовали большую статью белорусских коллег, посвященную юбилею выдающегося историка, настоящего Университетского человека, заведующего кафедрой истории России исторического факультета БГУ профессора Яновского Олега Антоновича.

И что особенно дорого, мы рядом и в радости, и в горе – хочу в этот праздничный день вспомнить и еще раз сердечно поблагодарить исторический факультет БГУ за выпуск Журнала Белорусского государственного университета. Серия История, в котором раздел был посвящен памяти предыдущего декана исторического факультета МГУ, безвременно покинувшего нас, моего друга, профессора Тучкова Ивана Ивановича.

От всей души поздравляю со столетним юбилеем вашей Alma mater! Желаю долгих лет яркой творческой деятельности, достижений новых научных высот, сохранения и развития нашего межуниверситетского братства!

Лев Сергеевич Белоусов
и.о. декана исторического факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
академик РАО, доктор исторических наук, профессор

**РАЗВІЦЦЁ
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЁНІВЕРСІТЭТА
Ё КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКІХ УНІВЕРСІТЭЦКІХ
ТРАДЫЦЫЙ**

УДК 378. 4(476-25)(091)

**100 ГОД БДУ: ЮБІЛЕЙ, ЯКІ НАТХНЯЕ НА ПОШУК НОВЫХ
І ЁДАКЛАДНЕННЕ ВЯДОМЫХ КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ
ПЕРШАГА ЁНІВЕРСІТЭТА БЕЛАРУСІ**

А. А. Яноўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030,
г. Мінск, Беларусь, helgoleg@mail.ru*

Адзначана, што падрыхтоўка да святкавання 100-гадовага юбілею дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ўзрушыла гісторыкаў да напісання шэрагу кніг і артыкулаў, у якіх на падставе даволі шырокага комплекса крыніц паказаны этапы развіцця, выдатныя дасягненні калектыву і асобных выкладчыкаў і вучоных першага ўніверсітэта краіны. Між тым увага засяроджана на тым, што праца над выданнямі дазволіла накіраваць значны дакументальны і візуальны матэрыял, які з'яўляецца падставай да працягу даследаванняў па гісторыі БДУ. Мноства ўнікальнай інфармацыі атрымана ад чытачоў выдадзеных юбілейных выданняў. Яна прымушае і дазваляе павольна пераасэнсаваць некаторыя старонкі мінулага як у дзейнасці ўніверсітэта ў цэлым, так і яго асобных інстытуцый, а тым больш удакладніць біяграфічныя звесткі некаторых выдатных асоб.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; юбілей; крыніцы гісторыі; новыя сведчанні; выдатныя асобы.

**100 ЛЕТ БГУ: ЮБИЛЕЙ, КОТОРЫЙ ВДОХНОВЛЯЕТ НА
ПОИСК НОВЫХ И УТОЧНЕНИЕ ИЗВЕСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛАРУСИ**

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, helgoleg@mail.ru*

Отмечается, что подготовка к празднованию 100-летия Белорусского государственного университета вдохновила историков к написанию ряда книг и статей, в которых показаны этапы развития, выдающиеся достижения коллектива и отдельных преподавателей и ученых первого университета страны. Между тем, акцентируется внимание на том, что работа над изданиями позволила накопить значительный документальный и визуальный материал, который является основой для дальнейших исследований по истории БГУ. Много уникальной информации было получено от читателей вышедших юбилейных изданий. Это заставляет и позволяет по-новому переосмыслить некоторые страницы прошлого в деятельности университета в целом и

его отдельных учреждений, а тем более уточнить биографические данные некоторых выдающихся людей.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; юбилей; источники истории; новые доказательства; замечательные люди.

BSU 100 YEARS: AN ANNIVERSARY THAT INSPIRES TO SEARCH NEW AND REFINE KNOWN SOURCES ON THE HISTORY OF THE FIRST UNIVERSITY OF BELARUS

O. A. Yanovsky

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, helgoleg@mail.ru*

It is noted that the preparation for the celebration of the 100th anniversary of the Belarusian State University inspired historians to write a number of books and articles, which show the stages of development, outstanding achievements of the team and individual teachers and scientists of the first university in the country. Meanwhile, attention is focused on the fact that the work on the editions allowed the accumulation of significant documentary and visual material, which is the basis for further research on the history of BSU. A lot of unique information was received from the readers of the published anniversary editions. This makes and allows us to rethink some pages of the past in the activities of the university as a whole and its individual institutions in a new way, and even more to clarify the biographical data of some outstanding people.

Key words: Belarusian State University; anniversary; sources of history; new evidence; wonderful people.

Задоўга да 30 кастрычніка 2021 года – найважнейшай даты ў гісторыі беларускай вышэйшай адукацыі і навукі, бо стогадовы юбілей першага ў краіне ўніверсітэта нават сваёй лічбай натхняе на больш уважлівае асэнсаванне неверагодна разнастайных вынікаў яго дзейнасці – былі распачаты некалькі выдавецкіх праектаў. Па-першае, у 2016 г. на нарадзе, якая праходзіла непасрэдна ў кабінете рэктара БДУ С. У. Абламейкі, сабраўшыся гісторыкі (П. І. Брыгадзін, С. М. Ходзін, А. Г. Каханоўскі, В. Г. Шадурскі і А. А. Яноўскі) пасля працяглага абмеркавання вырашылі распачаць напісанне да юбілею адмысловай кнігі, у якой былі б прадстаўлены нарысы аб выбітных педагогах і навукоўцах універсітэта. Па-другое, у хуткім часе былі акрэслены сэнс і шляхі творчай працы па падрыхтоўцы да выдання кнігі, у якой чытач мог бы пазнаёміцца (пасля адпаведнай археаграфічнай апрацоўкі яе складальнікамі) з некаторымі важнымі складнікамі творчай спадчыны першага ўніверсітэцкага рэктара Уладзіміра Іванавіча Пічэты. Спадчына гэтая змяшчае тысячы старонак разнастайнага тэксту і да гэтага часу вядома ў агульных рысах толькі вузкому колу гісторыкаў і ніколі не друкавалася. Тут надзеі ўскладваліся на добрыя творчыя сувязі, якія меліся ў дацэнта гістфака БДУ Міхаіла

Фёдаравіча Шумейкі з калегамі Архіва Расійскай акадэміі навук, дзе і знаходзіцца асабісты фонд У. І. Пічэты. Фонд утрымлівае вялікае мноства лістоў ягоных рукапісных і машынапісных тэкстаў.

Спачатку свае намаганні ўніверсітэцкія гісторыкі сканцэнтравалі на падрыхтоўцы першай кнігі. Але незаўбаве стала відавочным, што абмежавацца адной, нават вельмі аб’ёмістай, кнігай немагчыма. Сто гадоў гісторыі, сотні выдатных універсітэцкіх вучоных проста нерэальна было змясціць нават у самым сціслых тэкстах пад адной вокладкай. Дэталёвае асэнсаванне таго, якое выданне хоць нейкім чынам магло б выразіць памяць і павагу сённяшняга пакалення выкладчыкаў і навукоўцаў БДУ да сваіх папярэднікаў-прашчुरаў, падштурхнула да рэалізацыі за няпоўныя пяць гадоў сапраўднага «мегапраекта» – шматтомнага выдання, назва якога нарадзілася як бы сама сабой. Яна спалучыла два словы, якія і сёння яшчэ ў грамадстве ўспрымаюцца з пэўнай засцярогай і нават недаверам – «Інтэлектуальная эліта». Так без усялякага перабольшвання аўтарскі калектыў вызначыў ролю тых, хто за 1921–2021-я гады залажыў і ўмацаваў праз дзейнасць БДУ навукова-адукацыйныя падмуркі ўсёй Беларусі – яе грамадства і дзяржавы.

Пад час працы над першым томам гэтага выдання быў вызначаны і алгарытм падачы расказу аб «героях» нарысаў. Дзякуючы пастаянным кантактам з супрацоўнікамі Упраўлення рэдакцыйна-выдавецкай работы БДУ (Наталляй Мікалаеўнай Герасімовіч, Аленай Аляксандраўнай Лагвіновіч, Вольгай Уладзіміраўнай Гасюк, Таццянай Юр’еўнай Таран, Наталляй Вацлаваўнай Яненка і інш.) стала магчымым выпрацаваць арыгінальную мастацка-дызайнерскую падачу тэкстаў, насычэнне іх фотаздымкамі, ажыццявіць дэталёвую рэдакцыйную апрацоўку аўтарскіх матэрыялаў. Пэўную візуальную нагрузку надалі і вокладкам: за кошт змешчаных на іх адмысловых фотаздымкаў меркавалася ўвесці чытача ў асяроддзе кожнага з пяці дваццацігоддзяў, на якія з доляй умоўнасці быў падзелены задуманы пяцітомнік «Інтэлектуальная эліта Беларусі. Распачынальнікі беларускай навукі і вышэйшай адукацыі». Яго тэксты дзеля прываблівання больш шырокага кола чытачоў аўтары пагадзіліся пісаць на рускай мове [1].

Праца над тэкстамі запатрабавала ад 40 аўтараў (такім у рэшце рэшт аказаўся агульны склад творчага калектыву, а гэта 2 рэктары БДУ, 3 дырэктары ўніверсітэцкіх устаноў, 7 загадчыкаў кафедрам, 3 прафесары, 20 дацэнтаў, 2 старшых выкладчыка, 3 аспіранты) напружанага пошуку малавядомай і зусім эксклюзіўнай інфармацыі. Да ўвагі ў першую чаргу

браліся архіўныя дакументы, сведчанні літаратурных і навуковых крыніц, інтэрнет-рэсурсы. Асобнае месца ў працы даследчыкаў (так, кожны аўтарскі радок павінен быў мець спасылку на дакумент, хаця ў саміх кнігах тэкст даваўся без іх – дзеля аблягчэння чытання) занялі матэрыялы, выяўленыя ў асабістых, сямейных архівах, зафіксаваныя праз размовы з родзічамі і сваякамі, калегамі тых, аб кім падаваўся нарыс. Гэта было неабходна, бо ўсе тэксты па магчымасці распавядалі як аб непасрэдна творчым жыцці, працы ў БДУ (таксама да і пасля БДУ), так і ўвогуле адсочвалі жыццёвы шлях інтэлектуала ад народзінаў да апошніх дзён жыцця. Зразумела, расказ аб універсітэцкіх гадах займае абсалютна большую частку ўсіх нарысаў. І гэта расказ не толькі аб асобе, але і аб самім універсітэце, тым ці іншым факультэце, кафедры, навуковых і адукацыйных плынях, аб людзях, розных калектывах універсітэта. Герой нарыса ў цэнтры ўвагі, але ён як бы прыцягвае да сябе і сваёй справы размову аб іншых людзях БДУ і ўсёй Беларусі – калегах, кіраўніцтве рознага ўзроўню, стасунках з замежнымі навукоўцамі і г. д. У цэлым аўтары імкнуліся паказаць час, асоб, працэсы, якія адбываліся ў выкладанні і навуцы, змены парадыгм інтэлектуальнай дзейнасці і інш. Даволі шмат месца адводзіцца расказу аб грамадска-палітычным асяроддзі, у якім тварылі інтэлектуалы БДУ. І сярод іншага адсочваліся лёсы ў трагічныя для ўсіх 1930-я гады, гады Вялікай Айчыннай вайны, часы пасляваеннага ўзнаўлення дзейнасці ўніверсітэта.

Такім чынам, пяць кніг дадзенага выдавецкага юбілейнага праекта – гэта дэманстрацыя павагі і пашаны сучасных навукоўцаў БДУ да сваіх інтэлектуальных продкаў. І адначасова – гэта прадстаўленне чытачу шматвектарнай сутнасці ўсяго Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. «Гісторыя праз асобу», «інтэлектуальная гісторыя», «біяграфіка», прасапаграфічны метады правядзення даследаванняў – сучасныя трэнды, якія вядомы гісторыкам у тым ці іншым спалучэнні, набылі ў выданні «Інтэлектуальная эліта Беларусі. Распачынальнікі беларускай навукі і вышэйшай адукацыі» поўнаватраснае выкарыстанне. Сваю ролю адыгрываюць фотаздымкі, якімі насычаны тэксты, кароткія і ёмкія па сэнсу прэамбулы да кожнага з нарысаў.

Сам зацікаўлены чытач можа даць ацэнку ўсяму пяцітомніку і кожнаму з 132-х нарысаў, якія змешчаны ў ім. Між тым выснова адна – гэты праект павінен мець працяг. Ужо тое, што для аўтараў галоўнай праблемай з’яўляўся адбор імёнаў з ліку многіх соцён выдатных прадстаўнікоў гуманітарных ды прыродазнаўчых навук, матэматыкаў ды

эканамістаў, стала падставай суцяшацца перспектывай далейшай працы ў абраным накірунку. Нельга не падкрэсліць амаль што апантанасць даследчыкаў па як мага больш дэталёваму «прачытанню» жыццяпісу свайго героя. Абсалютна даследчыцкі падыход да тэкстаў дазволіў некаторым аўтарам (А. М. Максімчык, В. С. Макарэвіч, А. А. Гужалоўскі, В. А. Кахновіч, М. Ф. Шумейка, С. М. Ходзін, В. І. Яршова, А. А. Яноўскі і інш.) накоплены матэрыял аформіць у выглядзе навуковых артыкулаў і надрукаваць яго ў розных часопісах.

Адным з першых водгукаў на выданне кожнай з кніг (дарэчы, знамянальна, што сігнальны выдавецкі экзэмпляр пятай кнігі пабачыў свет якраз на дзень народзінаў У. І. Пічэты – 21 кастрычніка 2021 г. !) сталі звароты (пісьмы, тэлефонныя званкі, сустрэчы) сваякоў, калег, знаёмых тых, аб кім ідзе распавяданне. І нярэдка аўтарам прапаноўваліся да асэнсавання і магчымага ў будучыні дапаўнення ўжо надрукаванага найцікавыя звесткі, дэталі жыцця і творчасці, якія не знайшлі адлюстравання. Напрыклад, новая інфармацыя была даслана аб лёсе першага дэкана гістфака БДУ В. К. Шчарбакова. Ягоны вобраз набыў новыя фарбы, што вынікае не толькі з новых архіўных дакументаў, але і новых фотаздымкаў. Здавалася б, аб яшчэ адным даваенным дэкане ўніверсітэцкага гістфака – А. П. П’янкеве – удалося напісаць даволі дэталёвы нарыс, прадставіць гэтага выдатнага навукоўца ў некалькіх артыкулах. Але калі на факультэт пасля выхаду другой кнігі «Інтэлектуальнай эліты...» ягоны ўнук Дзяніс Ігаравіч П’янкеў прынёс мноства папер з асабістага архіва дзеда, карпатліва сабраных удавой гісторыка, то стала зразумелым, што патрэбна шмат што дапаўняць і нават папраўляць. А выяўленыя новыя звесткі аб жыцці аднаго з першых прафесараў-расіязнаўцаў БДУ і выбітным метадысце выкладання гісторыі ў школах і вну Беларусі, Дз. А. Жарынаве, дапамагаюць цяпер раставіць усе кропкі над «і» у ягоным складаным лёсе пасля вымушанага развітання з Мінскам, прасачыць літаральна «выжыванне» гэтага аднаго з папличнікаў У. І. Пічэты ў 1930-я гады, у гады Вялікай Айчыннай вайны (пад час напісання нарыса нават не ўдалося высветліць дату і месца ягонай смерці).

Такія прыклады можна было б працягваць. Чаго толькі каштуе тая інфармацыя, якую даслаў аўтару нарыса (А. М. Максімчыку) аб першым прарэктару БДУ (дакладней, намесніку Праўлення – як у пачатку дзейнасці ўніверсітэта называлася пасада «правай рукі» рэктара) – С. З. Кацэнбогене. Унук гэтага выбітнага сацыёлага і арганізатара вышэйшай

школы ў Беларусі і Расіі прывёз у Мінск вялікі стос унікальных дакументаў, што дазволіла Андрэю Мікалаевічу падрыхтаваць і апублікаваць ва ўніверсітэцкім выдавецтве ў серыі «Памяць і Слава» асобную кнігу з біяграфіяй, дакументамі і навуковымі тэкстамі Саламона Захаравіча [2]. Унікальная інфармацыя была перададзена аўтарам нарысаў ад унукаў прафесара-матэматыка І. С. Пятосіна, рэктара БДУ і прафесара-географа К. І. Лукашова, народнага пісьменніка Беларусі і прафесара-філолага І. Я. Навуменкі і інш. А дакументы і фотаздымкі, што даслаў унук не героя нарыса, а толькі мімаходзь згаданага ў юбілейных кнігах прадстаўніка першых беларускіх правазнаўцаў, Г. І. Нямытых, дазваляе ў далейшым уключыць у новыя кнігі шматтомніка пра ўніверсітэцкіх інтэлектуалаў нарыс аб наркаме юстыцыі і пракуроры БССР, а адначасова намесніку дэкана факультэта права і гаспадаркі М. А. Сегале. Як і аб двух ягоных памочніках па лініі наркамата і пракуратуры – прафесары БДУ С. М. Гохмане і згаданым вышэй Георгіі Іванавічу Нямытых. Важна, што ў такім разе магчыма сумясціць дасланыя сведчанні некалькіх архіваў з расійскай «глыбінкі», захаваныя дакументы ў сямейным архіве і матэрыялы, што ўдалося пасля кантактаў з унукам знайсці ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь [3].

Не засталіся абыякавымі і тыя гісторыкі факультэта, хто не быў задзейнічаны ў напісанні пяцітомніка. Сталі ўсё часцей узгадвацца розныя іншыя асобы, якім пакуль што «не знайшлося месца» на надрукаваных старонках. Так, найцікавыя дакументы з сямейнага архіва прынесла на факультэт дацэнт Л. Л. Міхайлоўская – дачка двух універсітэцкіх гісторыкаў Ніны Георгіеўны Паўлавай і Льва Антонавіча Міхайлоўскага. Гэта тры сшыткі канспектаў лекцый па гісторыі СССР вядомага расійскага і савецкага гісторыка Івана Іванавіча Палосіна, якія ён чытаў беларускім студэнтам на станцыі Сходня пад Масквой, а таксама некаторыя іншыя матэрыялы навукоўца Людміла Львоўна суправадзіла дакументы такім тэкстам, які ўзгадвае магчымыя абставіны, з-за якіх унікальныя дакументы расійскага гісторыка апынуліся ў сям’і гісторыкаў-беларусаў:

«История как процесс, как закономерность и Magistra vitae никогда не прерывается окончательно. Ее нетленные нити, проходящие сквозь века и пространство, связывают как людей, так и целые поколения и возвращаются в виде неизбежных событий, процессов, научных дискуссий.

Осознание этого «единства времен» пришло в тот момент, когда я, пересматривая семейный архив, раскрыла ветхие тетради. Они

принадлежали замечательному русскому историку Ивану Полосину и хранят разнообразные материалы, в том числе по исследованию Русской Правды, которую с большим трудом изучала когда-то и я сама, слушая, а затем и читая курс по истории Древней Руси... Как попали они ко мне через столетие, какой код несут?...

Об Иване Полосине и его драматической судьбе мне рассказывала моя мама, Нина Георгиевна Павлова. В 1938 г. она стала студенткой исторического факультета БГУ, а в 1943 г. вместе с возобновившим свою деятельность университетом оказалась на станции Сходня под Москвой. Там она слушала лекции московских профессоров-историков, в числе которых был и И. И. Полосин. Возможно, что там он и передал ей свои исследования. Нина Павлова мечтала о диссертации по Киевской Руси. Возможно также, что эти тетради попали к ней через ее тетку (Юлию Горецкую), которая дружила с сестрой Ивана Полосина Марией Ивановной. Эти связи были особенно тесными в период работы над созданием первого школьного учебника по истории БССР (авторы – Абецедарский Л. С., Баранова М. П., Павлова Н. Г., Минск, 1959). Однако, независимо от того, как пришли к нам рукописи И. Полосина, они всегда будут образцом кропотливого (зачастую неблагодарного) труда историка».

Асобнае месца ў даследчыцкай працы, якую праводзілі аўтары юбілейнага выдання, займала суправаджэнне тэкстаў візуальнымі крыніцамі. Толькі невялікая колькасць сабраных фотаздымкаў трапіла на старонкі кніг. Для магчымага працягу размовы ў цэлым аб гісторыі БДУ ў розных яе праявах накоплена аграмадная фотатэка, якую хацелася б і сістэматызаваць, і прадставіць на нейкіх інтэрнэт-рэсурсах. Больш за тое, новыя здымкі паступалі ў распараджэнне аўтараў амаль што кожны дзень. Шмат чаго ў гэтым накірунку зрабіў студэнт, а сёння магістрант гістфака Юрась Тамковіч, які выявіў новыя відовішчы будынкаў, у якіх у той ці іншы час месціліся ўніверсітэцкія інстытуцыі, «дакапаўся» да абставін іх уключэння ў склад БДУ, выкарыстання ў вучэбным, навуковым, гаспадарчым працэсах. І змог пад час святкавання 100-годдзя БДУ надрукаваць у выдатным навуковым выданні «Беларускі гістарычны часопіс» сваё скрупулёзнае даследаванне па гісторыі пятнаццаці «Дамоў БДУ», у якіх у 1920–1930-я гады месціўся ўніверсітэт, ягоныя факультэты, інстытуты, клінікі, інтэрнаты, жылыя дамы прафесуры і выкладчыкаў і інш. [4]. Некалькі ўнікальных фотаздымкаў (дарэвалюцыйны партрэт У. І. Пічэты, калектыўны здымак выпускнікоў адной з груп рабфака 1937 г. і

інш.) адшукаў яшчэ ў 2014 г. на інтэрнэт-аўкцыёнах цяпер ужо студэнт магістратуры Ігар Кандратовіч. Ён падараваў іх музею гісторыі БДУ і суправадзіў словамі – *«Я проста шукаў што-небудзь цікавае аб сваім Універсітэце і выпадкова натрапіў...»*.

Юбілей БДУ ўзрушыў ініцыятывы факультэтаў, навукоўцаў, студэнтаў. Іх мноства. Напрыклад, заслугоўвае асаблівай ўвагі дзейнасць гістфакаўцаў па адшукванню, прывядзенню ў прыстойны стан, мемарыялізацыі праз СМІ і фотархівы магіл універсітэцкіх вучоных – рэктараў, прафесараў, выкладчыкаў. Гэта толькі пачатак такой працы. Толькі ў апошні час былі выдадзены адмысловыя кнігі аб гісторыі і сучасным стане, аб асобах двух матэматычных факультэтаў універсітэта, факультэта міжнародных адносін, Фундаментальнай бібліятэкі БДУ, кафедры фізвыхавання і спорту і інш. Існуе неабходнасць удакладніць і літаральна з нулявой адметкі расказаць аб распачынанні ва ўніверсітэце мастацкай самадзейнасці і надаць належнае ролі ў гэтай справе Уладзіслава Галубка. Малавядомымі застаюцца для нас старонкі арганізацыйна-адміністрацыйнага суправаджэння дзейнасці БДУ (тут магчыма паказаць ролю Уладзіміра Іванавіча Метліна, Льва Георгіевіча Сідлярэўскага, Дзмітрыя Іванавіча Сярко – аднаго з першых «канцылярыстаў» і юрыдычных дарадчыкаў), аб функцыях Праўлення, Савета, прадметных камісій, навукова-вучэбных кабінетаў, музеяў, медыцынскіх клінік і навукова-даследчых інстытутаў. А ўдакладненні сведчанняў аб дзейнасці тых ці іншых кафедраў у сучасным разуменні сэнсу гэтых важных універсітэцкіх інстытуцый немагчыма без разумення дэфініцый гэтага пазначэння ў кантэксце амаль што цалкам 1920-х гадоў. Каб не вялася гісторыя той ці іншай «кафедры» ужо з 1921 ці 1922 гадоў, калі пад такой назвай пазначалася наяўнасць чытання пэўнага прафесарскага лекцыйнага курса, а не асабага прафесійнага калектыву. З другога боку, скарачэнне тэрміну гісторыі, напрыклад, кафедры фізкультуры амаль на 20 гадоў азначае, што мы як бы «выкідваем з памяці» дзесяткі прозвішчаў і тысячы вучэбных і грамадскіх дзеянняў, якія былі з 1928 г. ажыццёўлены поўнаўвартаснай адпаведнай кафедрай, што займалася арганізацыяй «фізкультурызацыі» БДУ побач з ваеннай кафедрай, якая несла адказнасць за яго «ваенізацыю»!

І калі гэта сённяшняе студэнцтва, можна казаць, праніклася ідэяй ушанавання памяці БДУ і яго людзей, само праяўляе ініцыятыву і эўрыстычныя здольнасці, то тым больш натуральным сталі сведчанні, якія ў матэрыяльным і вербальным выглядзе не аднойчы сталі прапаноўваць

аўтарам «Інтэлектуальнай эліты...» універсітэцкія ветэраны, выпускнікі розных гадоў. Гісторыкі былі здзіўлены, калі на факультэт у пачатку 2021 года завітаў выпускнік 1951 года Яўген Яфімавіч Захараў. Гэты ветэран – чалавек з надзвычай вострай памяццю, красамоўны рытар, сведка і актыўны ўдзельнік пасляваеннага ўзнаўлення дзейнасці БДУ. Акрамя выдатных сваёй інфармацыйнай насычанасцю ўспамінаў ён падараваў факультэту, а значыць усяму ўніверсітэту, шэраг унікальных фотаздымкаў з тых часоў гісторыі БДУ. Ягоны расказ аб студэнцкім жыцці і вучобе ў разбураным фашысцкімі акупантамі Мінску натуральна дапаўняе ўспаміны прафесара і былога дэкана гістфака Іраіды Восіпаўны Царук, якой прысвечаны нарыс у пятай кнізе «Інтэлектуальнай эліты...», і ўспаміны прафесара геафака Вольгі Філіпаўны Якушка, нарыс аб якой яшчэ наперадзе. Увогуле наспела неабходнасць абагульнення такога роду ўспамінаў аб БДУ ў шэрагу выданняў. Мы маем выдатныя прыклады, якія падаюць нашы калегі з універсітэтаў Расіі, Украіны, еўрапейскіх краін. Так, у Саратаўскім дзяржаўным універсітэце за апошнія гады выдадзена мноства кніг-мемуараў прафесуры розных спецыяльнасцяў і рознага часу працы ва ўніверсітэце. Ініцыятарам такой справы з’яўляецца доктар гістарычных навук, прафесар Уладзімір Анатольевіч Саламонаў – апантаны даследчык як гісторыі свайго ўніверсітэта ў цэлым, так і шматвектарнай тэмы «людзі навукі», «інтэлектуальнай гісторыі» [5].

Асобная тэма ў кантэксце гэтай караценькай канстатацыі – дакрананне даследчыкаў самых розных асабістых навуковых прыхільнасцяў да самой тэмы «гісторыя БДУ праз жыццё і дзейнасць яго інтэлектуалаў». А тым самым спазнанне зусім новых крыніц, калі, напрыклад, медыевісты ды антычнікі павінны былі амаль што ўпершыню месяцамі працаваць з фондамі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. А ўжо вопытныя ў такой справе беларусазнаўцы прыадкрылі для сябе некаторыя інфармацыйныя таямніцы маскоўскіх архіваў (Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі, Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі і інш.), не гаворачы ўжо аб рукапісах і іншага роду матэрыялах бібліятэчных сховішчаў, музейных фондаў. Гэтая праца дазволіла намеціць новыя арыенціры. Так, стала зразумелым, што да гэтага часу мы не вельмі дакладна ўяўляем сабе ход падзей 1919 – пачатку 1921 гадоў, калі пасля вядомага дэкрэта ЦВК ССРБ ад 25 лютага 1919 г. прыйшлося шмат разоў карэктаваць практычныя крокі па стварэнню ўмоў для распачынання працы БДУ. Неяк у баку ад нашай увагі застаецца і сёння той няўхільны факт, што 10 гадоў у структуры ўніверсітэта

дзейнічаў такі выдатны і знакавы факультэт, як медыцынскі. Узнаўленне творчых і жыццёвых біяграфій некалькіх ягоных прафесараў відавочна ставіць пытанне аб як мага больш поўным раскрыцці тэмы «медыцынская адукацыя, навука і практыка ў БДУ» з абавязковым уключэннем старонак аб тым, як універсітэцкія медыкі наладжвалі сістэму аховы здароўя ў маштабах усёй Беларусі, як ствараліся савецкія клінікі і бальніцы ў Мінску.

Такім чынам, юбілейнае выданне паказала, што мы толькі на пачатку шляху да напісання поўнаватраснай гісторыі нашай альма матэр, а тым больш – да праявы сваёй удзячнай памяці аб тых, хто ствараў і рухаў наперад родны ўніверсітэт у высокародных сферах вышэйшай адукацыі і вышэйшай па сваёй гуманістычнай і прагматычнай ролі навуцы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования. Кн. 1–5 / Под об. ред. С. В. Абламейко, А. Д. Короля.; науч. ред О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017–2021.

2. Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / сост. А. Н. Максимчик. Минск: БГУ, 2019.

3. НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 959; Ф. 15 п. Воп. 22. Спр. 38.

4. Юрый Тамковіч. Спроба рэканструкцыі карты Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1921–1941 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2021. № 10. С. 18–27.

5. Владимир Анатольевич Соломонов: Биобиблиографический указатель (1985–2012) / Авт.-сост. Ю. Г. Степанов. Саратов, 2012.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА И БГУ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

О. В. Солопова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, пр.
Ломоносовский, д. 27, кв. 4, 119991, г. Москва, Российская Федерация
osolopova@mail.ru*

В статье выявлены и проанализированы основные этапы многостороннего сотрудничества исторических факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Белорусского государственного университета, которое характеризует многолетнее взаимодействие. С 2014 года реализуются новые его формы в рамках рабочих программ сотрудничества, включающие конкретные мероприятия и проекты. Основные направления составляют образовательные и научные инициативы, студенческие и общественно-значимые проекты, укрепление междууниверситетских связей МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ, в том числе, при участии Федеральной национально-культурной автономии Белорусов России.

Ключевые слова: история Московского университета; история Белорусского государственного университета; сотрудничество исторических факультетов

HISTORICAL FACULTIES OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY AND BSU: FEATURES OF INTERACTION IN MODERN HISTORY

O. V. Solopova

*Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Ave., 119991, Moscow,
Russian Federation, osolopova@mail.ru*

The article identifies and analyzes the main stages of multilateral cooperation between the history faculties of Lomonosov Moscow State University and Belarusian State University. The historical faculties are united by the tradition of common teachers, commonality of historical schools, and many years of interaction at the level of personal contacts. Since 2014, a new form of systematic joint work has been implemented: working programs of cooperation that include specific activities and projects are regularly signed. The main areas are: educational and scientific initiatives, student and public projects, and strengthening inter-university ties between Lomonosov Moscow State University and BSU.

Key words: history of Moscow University; history of the Belarusian State University; cooperation of historical faculties

История взаимодействия Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Белорусского государственного университета насчитывает не одно десятилетие.

Хорошо известен и высоко ценится тот вклад, который внес Владимир Иванович Пичета в становление БГУ как флагмана национального образования Беларуси, в развитие научной проблематики исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, в оформление

научных специальностей советской исторической школы. Кроме этого славного имени нельзя не вспомнить имени и таких выдающихся историков, имеющих прямое отношения к развитию исторических школ как в России, так и в Беларуси, как Николай Михайлович Никольский, Владимир Николаевич Перцев, Эдуард Михайлович Загорульский...

После 1991 года на уровне личных контактов коллег, учителей и учеников, единомышленников и оппонентов, связи между факультетами никогда полностью не прекращались. Даже в сложный порубежный период между XX и XXI векам. В новейшей истории этому способствовало и то обстоятельство, что белорусская история стала изучаться на историческом факультете Московского университета с октября 2008 года как самостоятельное учебно-научное направление с обязательным изучением белорусского языка. Еще до этого отдельные лекционные курсы или сюжеты, касающиеся белорусской истории, читались на разных кафедрах исторического факультета МГУ – истории России, южных и западных славян, этнологии, археологии.

Однако то, что сначала при административной поддержке декана академика РАН Карпова Сергея Павловича, затем декана профессора Тучкова Ивана Ивановича, а в настоящее время исполняющего обязанности декана академика РАО Белоусова Льва Сергеевича это направление (которое я имею великую честь при поддержке и содействии белорусских коллег формировать и развивать) крепнет и прирастает учениками, и то, что на историческом факультете БГУ академично, фундаментально, в лучших традициях университетской науки и преподавания действует кафедра истории России – без сомнения, сыграло неоспоримо важную роль для развития нашего сотрудничества.

Системное, институализированное взаимодействие исторических факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ началось в новейшей истории в 2014 году с подписания первой Рабочей программы в рамках Договора о научном и учебном сотрудничестве МГУ и БГУ на два года деканами С. П. Карповым и С. Н. Ходиным. Впоследствии и до сегодняшнего дня было подписано еще пять таких программ, две Ходиным Сергеем Николаевичем (2014–2015; 2016–2017) и три деканом исторического факультета БГУ доктором исторических наук, профессором Кохановским Александром Геннадьевичем (2018–2019; 2019–2020; 2021–2022).

В результате выросли многочисленные научные диспуты и дискурсы, конференции и круглые столы, публикации и стажировки. Оформилось

несколько основных направлений, в рамках которых развивается наше взаимодействие. Сформировались условия для совместной работы, обмена идеями и проектами не только в среде историков России и Беларуси, людей науки и образования, но также тех, кто своим участием поддержал это сотрудничество, внес свою лепту в этот процесс. Среди них общественные и государственные деятели, блестящие профессионалы, напрямую не связанные с исторической наукой, но обнаружившие стремление способствовать развитию российско-белорусских гуманитарных связей в том числе через инициативы исторических факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ.

Образовательное сотрудничество

Важнейшим направлением взаимодействия исторических факультетов МГУ и БГУ, безусловно, является образовательный процесс. Преподавание истории Беларуси и белорусской диаспоры осуществляется на истфаке МГУ имени М. В. Ломоносова в бакалавриате, в рамках магистерской программы «История стран ближнего зарубежья», межкафедральной магистерской программы «История диаспор и миграционных процессов», затрагивается отдельными кафедрами. На историческом факультете БГУ действует единственная в Беларуси кафедра истории России, которую возглавляет профессор Яновский Олег Антонович.

Квинтэссенцией нашего межвузовского сотрудничества в рамках этого направления стало открытие первой российско-белорусской Международной совместной магистерской программы МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ «История белорусской диаспоры» с двумя дипломами.

Соглашение об открытии программы подписали ректор Московского университета академик В. А. Садовничий и ректор Белорусского государственного университета А. Д. Король 17 июля 2019 года в ходе работы секции «Образовательное пространство России и Беларуси: проекты и направления развития» VI Форума регионов России и Беларуси.

Намерения открыть совместную магистерскую программу были обозначены в рамках Дней дружбы МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ в 2018 году и зафиксированы ректорами двух вузов в соответствующем документе. Примечательно, что первая в истории такая международная программа была создана усилиями именно двух исторических факультетов этих университетов.

Соруководителями стали с российской стороны руководитель учебно-научного направления «История Беларуси и белорусской диаспоры» О. В.

Солопова, с белорусской стороны А. Г. Кохановский возглавил как руководитель экспериментального плана «Обучение иностранных граждан по специальности 1-21 80 15 История» профилизации «История белорусской диаспоры» в сетевой форме взаимодействия, а заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Прохоров Андрей Аркадьевич как соруководитель магистерской программы с белорусской стороны.

Новая магистерская программа призвана дать учащимся в рамках обозначенной тематики лучшее из того, чем располагают сегодня исторические факультеты МГУ и БГУ при опоре на белорусские диаспоральные объединения России и мира. Обе стороны предоставляют магистрантам возможности для получения фундаментальных знаний, возможности пройти совместные интересные и яркие учебные практики как в Москве, так и в Минске, принять участие в полевых исследованиях.

В 2021 году состоялся первый выпуск магистерской программы с блестящими результатами: все три выпускника защитили магистерские диссертации на отлично: двое из них, граждане РБ, получили красные дипломы МГУ имени М. В. Ломоносова. На сегодняшний день на магистерскую программу «История белорусской диаспоры» осуществлен уже третий набор.

В реализации программы принимают участие многочисленные партнеры факультетов. В первую очередь, Федеральная национально-культурная автономия Белорусов России, которая оказывает активную информационную поддержку, о реализации программы Председатель ФНКА Белорусов России академик РАО, профессор Кандыбович Сергей Львович докладывал на самых представительных площадках России и Беларуси, в том числе главе Российского государства Президенту В. В. Путину на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям.

При поддержке ФНКА Белорусов России на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова действует цикл форсайт-лекций «Белорусская диаспора России и мира», сопровождающий одноименный лекционный курс в рамках российско-белорусской магистерской программы. Студентам предоставлена возможность проходить практику в ФНКА Белорусов России.

В реализации программы приняли активное участие и другие общественные организации белорусской диаспоры. Главы общественных организаций выступают с приглашенными лекциями для студентов

программы, оказывают организационную поддержку, консультирование при написании магистерской диссертации по теме, посвященной истории этой общественной организации.

Еще одним важным партнером магистерской программы стал Республиканский центр национальных культур Беларуси и его директор Антоненко Ольга Витальевна. Здесь магистранты проходят учебную практику.

Образовательный обмен

Очень важным с точки зрения обучения и обмена опытом молодых российских и белорусских историков является студенческий обмен и приглашение с лекциями специалистов из партнерского вуза по проблематике, наиболее значимой и интересной в рамках существующих реалий развития исторической науки.

С 2015 года прошло 11 научных стажировок магистрантов, аспирантов и сотрудников исторических факультетов МГУ и БГУ. В ходе этой работы у исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова при содействии истфака БГУ было выстроено также взаимодействие с филологическим факультетом БГУ. Благодаря этому направлению сотрудничества было организовано повышение квалификации преподавания белорусского языка для научного сотрудника истфака МГУ А. В. Козопольской, которая преподает белорусский язык для историков Московского университета.

В рамках обмена специалистами, состоялись блестящие лекционные курсы и отдельные лекции для специализирующихся студентов: на историческом факультете МГУ белорусских коллег А. Г. Кохановского, А. А. Прохорова, С. Н. Ходина, на историческом факультете БГУ – российских коллег Н. С. Борисова, О. В. Томашевич, И. И. Тучкова.

Публичные лекции

Особым достижением в сотрудничестве стал активно применяемый и востребованный слушателями формат публичных лекций.

С 2009 года для студентов исторического факультета МГУ прошли более таких 30 лекций по белорусской проблематике, прочитанных историками Республики Беларусь, приглашенными экспертами, лидерами белорусской диаспоры в рамках Академического лектория исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, лектория «Слово лидерам», цикла брифинг-лекций «Народы Москвы для Москвы» и лекционного форсайт-цикла «Белорусская диаспора России и мира».

Для московских студентов, историков, членов диаспоры прозвучали лекции (в хронологическом порядке с указанием должностей на момент проведения мероприятия):

декана исторического факультета БГУ, заведующего кафедрой источниковедения профессора Ходина Сергея Николаевича,

ректора Белорусского государственного университета, доктора педагогических наук, профессора, иностранного действительного члена Российской академии образования Короля Андрея Дмитриевича;

декана исторического факультета БГУ доктора исторических наук, профессора Кохановского Александра Геннадьевича;

заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков Прохорова Андрея Аркадьевича.

В 2016 году историческим факультетом БГУ были организованы открытые публичные лекции декана исторического факультета МГУ, д. иск., профессора И. И. Тучкова и заведующего кафедрой истории России до начала XIX века профессора Н. С. Борисова для студентов и преподавателей исторического факультета БГУ и заинтересованной белорусской общественности.

В 2014 году, состоялась не лекция, но открытая презентация научных трудов с элементами лекции академика РАН, профессора С. П. Карпова в Национальной библиотеке Беларуси, которая была организована нашими коллегами с исторического факультета БГУ, и туда тоже были приглашены студенты.

Отдельно необходимо сказать об уникальной встрече студентов двух вузов с народным архитектором Российской Федерации, заслуженным архитектором Республики Беларусь, членом Совета РОО «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы»» Григорьевым Юрием Пантелеймоновичем, ушедшем от нас в 2019 году. Его участие в Днях дружбы МГУ им БГУ стало открытием для многих. А его утрата не позволила развиваться этому взаимодействию в полной мере и лишней раз показала необходимость действовать, не откладывая там, где научные и общественные интересы подкреплены фактором человеческого участия и взаимного стремления к конструктивному диалогу.

Новаторским форматом в рамках межфакультетского взаимодействия стала организация публичных лекций на площадке Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. На них приглашались московские студенты, а также члены белорусской диаспоры и все заинтересованные. В таком формате в 2015 и 2017 годах при активном

содействии Региональной национально-культурной общественной организации «Белорусы Москвы» состоялись выступления декана исторического факультета БГУ профессора С. Н. Ходина и директора Института истории НАН Беларуси В. В. Даниловича.

Научное сотрудничество

Еще одним важнейшим направлением сотрудничества исторических факультетов является совместная научная деятельность. С 2008 года было проведено более 80 совместных международных научных конференций и круглых столов при участии других российских и белорусских научных и учебных центров.

Результатом этой деятельности стал обмен новейшими достижениями исторической науки Беларуси и России, обсуждение понятийно-категориального аппарата, формирование внятных представлений о существующих концепциях исторических процессов и периодов, открытая и внутренняя полемика, подготовка совместных научных публикаций – то есть движение мысли, имеющее возможность сопоставления и понимания направлений научного сотрудничества.

Участниками многочисленных конференций, форумов, круглых столов на историческом факультете МГУ в разное время становились представители Института истории НАН Беларуси во главе с Даниловичем Вячеславом Викторовичем и Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси во главе с Коваленей Александром Александровичем, факультета философии и социальных наук БГУ во главе с деканом Гигиным Вадимом Францевичем, Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова во главе с первым проректором профессором Лавриновичем Дмитрием Сергеевичем и деканом историко-филологического факультета Борисенко Владимиром Васильевичем, исторического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины во главе с деканом Мезгой Николаем Николаевичем.

Особую поддержку нашим научным инициативам неизменно оказывали профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, экс-министр иностранных дел Республики Беларусь Антонович Иван Иванович и Председатель ФНКА Белорусов России академик РАО, профессор Кандыбович Сергей Львович.

Особым направлением сотрудничества стало выстраивание взаимодействия с филологическим факультетом БГУ: 14 апреля 2017 года на базе кафедры иностранных языков и кафедры древних языков при участии методической комиссии по иностранным языкам исторического

факультета МГУ состоялась научная конференция «Роль и место иностранных языков в университетском историческом образовании». С пленарным докладом на тему «Белорусский язык как иностранный и «новые» носители языка» на ней выступила профессора кафедры современного белорусского языка, доктора филологических наук Рамзы Татьяны Ростиславовны.

Студенческая жизнь

Не менее значимым для исторических факультетов двух вузов направлением сотрудничества является обеспечение студенческого взаимодействия.

С этой целью в 2014 году историческими факультетами МГУ имени М. В. Ломоносова и Белорусского государственного университета (в рамках Рабочей программы сотрудничества факультетов, подписанной в январе 2014 года) совместно с РОО «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы»» был учрежден Международный российско-белорусский конкурс студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе».

На текущий момент уже состоялось 6 конкурсов, очные туры которых проводились трижды в Москве, дважды в Минске, один раз онлайн, общее число лауреатов составило более 80 человек.

Соорганизатором конкурса, наряду с историческими факультетами двух университетов, до 2017 года выступала РНКА «Белорусов Москвы», с 2017 года стала уже Федеральная национально-культурная автономия Белорусов России. Партнерскую поддержку ему в разные годы оказывали: Государственный музей искусства народов Востока, Ботанический сад биологического факультета МГУ, Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль», Музей современной белорусской государственности – филиал Национального исторического музея Республики Беларусь, Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», археологический музей «Берестье» – филиал Брестского областного краеведческого музея, общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», Государственный исторический музей, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь – Российский центр науки и культуры в г. Гомеле, Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации.

По итогам проведения каждого конкурса вручалась и продолжает вручаться специально учрежденная премия сначала РНКА «Белорусы Москвы» ныне – ФНКА Белорусов России: студентам-белорусам за

лучшую работу по истории России, студентам-россиянам за лучшую работу по истории Беларуси, учащимся обеих стран – за лучшую работу по российско-белорусской истории.

Для организаторов Конкурса высокая честь, что его лауреаты – граждане Беларуси попадают в «Банк данных одаренной и талантливой молодежи Республики Беларусь».

Среди студенческих инициатив реализуется ряд совместных внеуниверситетских образовательных и научно-популярных проектов. Одним из них стала Российско-белорусская школа молодых историков, проходившая в 2016 году во Владимире. В ее работе приняли участие студенты и аспиранты исторических факультетов российских и белорусских ВУЗов, учащиеся и сотрудники Института истории НАН Беларуси. Организаторами школы выступили лаборатория истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Региональная общественная организация журналистов «Медиа-клуб «Формат-А3» при поддержке исторического факультета Белорусского государственного университета, Института истории Национальной академии наук Беларуси, РОО «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы»». Программа обучения включала в себя лекции, семинары, круглые столы, подготовку и защиту научных проектов слушателей, на которых они, вместе с приглашенными лекторами и экспертами, обсуждали наиболее актуальные вопросы в области истории российско-белорусских отношений, Великой Отечественной войны, а также в области новейших российских и белорусских современных подходов в области исторических исследований.

Еще одним масштабным студенческим мероприятием стала программа «Молодежь евразийского пространства – общая память о Победе. Студенческая поездка в Республику Беларусь по памятным местам, связанным с именем Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна», организованная в рамках сотрудничества исторического факультета МГУ с Фондом развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ» при личном участии Президента Фонда Армена Викторовича Хечояна, историческим факультетом Белорусского государственного университета, Региональной общественной организацией «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы», «Федеральной национально-культурной автономией Белорусов России», Военного факультета Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

В рамках этой программы историческими факультетами МГУ и БГУ совместно с военным факультетом Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники был организован совместный российско-белорусский студенческий концерт, посвященный памяти Великой Отечественной войны. Первый такой концерт прошел на историческом факультете БГУ в 2014 году.

Чуть отойдя в сторону, необходимо отметить, что с генеральным директором Фонда развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ» Хечояном Арменом Викторовичем исторический факультет МГУ познакомился и выстроил сотрудничество благодаря посредническому содействию именно коллег с исторического факультета БГУ. Это обстоятельство стало принципиальным подспорьем для развивающегося в МГУ учебно-научного направления «История Армении и армянской диаспоры».

Возвращаясь к студенческому сотрудничеству, необходимо отметить, что ответом на взаимодействие старший коллег стали встречные студенческие инициативы. В результате одной из них, поступившей от организаций студенческого самоуправления, в рамках цикла мероприятий Дней Дружбы МГУ и БГУ–2019 на историческом факультете БГУ прошла Российско-белорусская студенческая конференция «Современное студенческое самоуправление: опыт исторических факультетов БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова». Это была хорошая возможность молодым историкам визуализировать друг друга, услышать, познакомиться, выстроить отношения с коллегами по цеху.

Общественно-значимые мероприятия

Как историки мы несем ответственность за сохранение памяти о важнейших, трагических страницах нашего общего прошлого, не только в рамках исторической науки, но и на уровне участия в общественных инициативах. И историки МГУ благодарны историкам и руководству исторического факультета БГУ за поддержку и участие в реализации межнационального проекта «Вера и верность» в деревне Погост Житковичского района Гомельской области.

Здесь летом 1941 года немецко-фашистские войска провели карательную операцию, в результате которой практически все жители деревни были уничтожены, деревня сожжена. Благодаря нескольким выжившим ее жителям, с течением времени она возродилась. И вот, спустя много лет, нашлись общественные деятели, решившие увековечить трагическую и страшную память о сожжении деревни и погибших

безвинно. Возглавил эту работу член РОО «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы»» Голод Константин Максимович.

В рамках проекта был создан и установлен мемориал памяти погибшим в 1941 году жителям деревни Погост, восстановлена и отремонтирована местная церковь. Усилиями многих участников подготовлен к печати труд об истории края, основанный на широкой документальной базе из архивов Республики Беларусь и Российской Федерации, материалах, предоставленных местными жителями, их воспоминаниях. В Центральном архиве Министерства обороны РФ были выявлены неопубликованные документы о боевых действиях Красной Армии, партизан, военной разведки, Пинской и Днепровской военных флотилий на данном участке фронта; наградные листы офицеров и солдат, принимавших участие в освобождении Туровщины от фашистских захватчиков; документы 1-й бригады СС, проводившей на Полесье крупнейшую карательную операцию «Припятские болота» в июле-августе 1941 года.

С 2016 года на Туровской земле проводилась ежегодная Международная российско-белорусская научно-практическая конференция «Навечно в памяти народной... Патриотизм в системе обеспечения безопасности Союзного государства России и Беларуси». Прервалась эта традиция только в 2020 году – помешал COVID-19. Это был удивительный опыт – конференция проводилась в несколько этапов: и в Москве, и в Турове, и в Житковичах, но один из них обязательно проходил в деревне Погост. Там в здании клуба-библиотеки собирались жители деревни и соседних населенных пунктов и с интересом слушали научные доклады ведущих ученых двух стран. Среди них были заместитель декана исторического факультета МГУ Андреев Дмитрий Александрович, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века профессор Борисов Николай Сергеевич, главный научный сотрудник отдела археологии средневековья Института истории НАН Беларуси, лауреат Государственной премии Республики Беларусь, профессор Лысенко Петр Федорович, старший научный сотрудник отдела археологии первобытного общества Института истории НАН Беларуси Дубицкая Наталья Николаевна, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ Прохоров Андрей Аркадьевич.

Большим подспорьем для проекта было то, что эти совместные с белорусскими коллегами мероприятия на разных этапах поддержали

государственные и общественные структуры России и Беларуси. Особую помощь в проекте оказывали Департамент национальной политики и межрегиональных связей города Москвы, Департамент образования Москвы, Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации, Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь, Консультативный совет при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь по делам белорусов зарубежья, Постоянный комитет Союзного государства Беларуси и России, Региональная национально-культурная автономия «Белорусы Москвы», Федеральная национально-культурная автономия Белорусов России, ГБУ «Московский дом национальностей». В результате реализации этого проекта особое внимание к Погостскому клубу-библиотеке было проявлено со стороны представительства Россотрудничества – Российского центра науки и культуры в Гомеле: Мичурин Виктор Львович, на тот момент возглавлявший центр, под личный контроль взял процесс пополнения библиотеки книгами и учебными пособиями, спортивными снарядами и учебными принадлежностями.

Еще одним важным мероприятием, не только с научной, но и с общественно значимой точки зрения, стало проведение совместного Научно-практического круглого стола «Николай Улащик (1906–1986). Помним. Слушаем. Читаем», посвященного 110-летию со дня рождения белорусского и российского историка и литератора. Мероприятие было организовано совместно Региональной общественной организацией «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы»» и прошло 2016 году на площадке Делового и культурного комплекса Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. В подготовке и работе круглого стола приняли активное участие общественники – члены белорусской диаспоры России, представители исторических факультетов МГУ и БГУ.

Конечно, принципиально важен для нас процесс сохранения и передачи нашей общей университетской памяти. В 2018 году стартовал Совместный проект Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Белорусского государственного университета по увековечиванию памяти студентов, аспирантов и сотрудников, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В рамках этого проекта на единой интернет-платформе объединились наши усилия по систематизации данных о студентах, преподавателях и сотрудниках

исторических факультетов МГУ и МИФЛИ, погибших в годы Великой Отечественной войны.

В 2021 году в ходе подготовки к юбилейным мероприятиям Белорусского государственного университета студенты и сотрудники исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова активно и горячо ответили на предложение белорусских коллег почтить память великого историка Владимира Ивановича Пичеты. 4 июня 2021 года студенты и сотрудники исторических факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ приняли участие в волонтерской акции «Помним...» В рамках акции, инициированной Белорусским государственным университетом, в цикле мероприятий, приуроченных к празднованию 100-летия БГУ, осенью 2021 года, по согласованию и под руководством Департамента культурного наследия города Москвы были проведены работы по обновлению могилы и восстановлению памятника академика В. И. Пичеты на Новодевичьем кладбище Москве. Волонтерская акция прошла при поддержке и содействии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Комиссии по этнокультурному развитию Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы и ее председателя Бердникова Александра Федоровича.

А 28 июня 2021 года в рамках в цикле мероприятий, приуроченных к празднованию 100-летия БГУ, состоялась торжественная церемония возложения цветов к могиле первого ректора университета Владимира Ивановича Пичеты на Новодевичьем кладбище в Москве. В церемонии приняли участие делегация студентов и сотрудников исторического факультета БГУ, представители исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Укрепление межуниверситетских связей МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ.

Особым направлением нашего взаимодействия стало способствование развитию межуниверситетского сотрудничества.

Исторические факультеты с целью осуществления максимально плотных контактов наших факультетов и для реализации совместных научных проектов создали новый формат мероприятий: Дни факультетов, отмечаемые друг у друга в гостях. В 2016 году по инициативе белорусской стороны впервые были проведены Дни исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова на историческом факультете Белорусского государственного университета. Цикл мероприятий включал встречи московской делегации с ректором БГУ академиком Абламейко Сергеем

Владимировичем, участие в заседании Совета исторического факультета БГУ, торжественные подписания Договоров о сотрудничестве ФНКА Белорусов России и РОО «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы» с университетом и историческим факультетом, соответственно. На историческом факультете БГУ с приглашением московских коллег прошел Научно-методологический круглый стол, посвященный 175-летию со дня рождения В. О. Ключевского.

В 2017 году на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова прошли ответные мероприятия Международной программы «Дни исторического факультета БГУ на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова». В организации оказали деятельную поддержку РОО «Национально-культурная автономия «Белорусы Москвы» , Российский центр науки и культуры в городе Гомель, Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации, Государственный исторический музей, ГБУ «Московский дом национальностей», ФНКА Белорусов России, Житковичский районный исполнительный комитет Гомельской области Республики Беларусь, Музей истории МГУ, Музей камня МГУ, Государственное лечебно-оздоровительное учреждение «Санаторий Сосны» Управления делами Президента Республики Беларусь. В рамках цикла мероприятий была подписана очередная рабочая программа сотрудничества, прошел Международный круглый стол «Познавая прошлое: опыт преподавания истории в высшей школе России и Беларуси», открытая лекция в рамках цикла «Академический лекторий» декана исторического факультета БГУ, д. и. н., проф. А. Г. Кохановского, очный этап IV Международного российско-белорусского конкурса студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе: Подвиг народов бессмертен» с публичными защитами работ. Было намечено расширение взаимодействия: состоялась встреча белорусских коллег с Постоянным представителем Республики Дагестан при Президенте Российской Федерации Мугутдиновой Изумруд Мужаидовны и представителями Дагестанского государственного университета, и уже вскоре было подписано Соглашение о сотрудничестве исторических факультетов БГУ и ДГУ.

В 2018 году в Московском университете впервые прошли Российско-белорусские межуниверситетские Дни Дружбы, а также Первый межуниверситетский форум Союзного государства Беларуси и России «Образование и наука в МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ: традиции и перспективы». Трехдневная программа включала встречи руководства

вузов и факультетов, международный круглый стол, рабочие встречи, подписание рабочих программ сотрудничества, выставки, экскурсии. Проведение форума направлено на укрепление и расширение двухстороннего российско-белорусского межвузовского сотрудничества в различных областях и направлениях деятельности. Форум был организован по инициативе исторических факультетов МГУ и БГУ при поддержке и содействии Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, Общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия Белорусов России» и Фонда развития институтов гражданского общества «Народная дипломатия».

На полях этого мероприятия ректорами МГУ и БГУ были подписаны приложения к Договору о научном и учебном сотрудничестве университетов о намерениях открыть международную совместную магистерскую программу двух дипломов, а также учрежден уникальный праздник – ежегодный День дружбы МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ. Отмечается он 10 октября, в тот день, когда в 1943 году в эвакуации под Москвой возобновилась работа Белорусского государственного университета при поддержке и помощи преподавателей и сотрудников Московского университета. Эта дата – символ нашего братства, искренней поддержки и рвения за общее дело.

В 2019 году состоялся Второй междууниверситетский форум Союзного государства Беларуси и России «Образование и наука в МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ: традиции и перспективы» и Дни дружбы МГУ и БГУ. В рамках мероприятия прошла презентация научно-практического сборника «Дни Дружбы МГУ и БГУ: Российско-белорусское междууниверситетское сотрудничество МГУ и БГУ на современном этапе. Материалы и документы», подписание Договора о сотрудничестве МГУ имени М. В. Ломоносова и Национальной академии наук Беларуси, прошло награждение победителей Пятого Международного российско-белорусского конкурса студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе. Подвиг народов бессмертен» и лауреатов Премии Федеральной национально-культурной автономии Белорусов России.

Ректоры МГУ и БГУ подписали еще два приложения к Договору о научном и учебном сотрудничестве университетов, в соответствии с которыми учреждалась издательская серия «Труды МГУ и БГУ», а также Почетный знак Дружбы МГУ и БГУ. Макет этой награды специально для нас разработал и изготовил член Геральдического совета при Президенте

Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации Кузнецов Олег Вячеславович.

Наконец, развитие межуниверситетского сотрудничества вышло на следующий новый уровень. В рамках VI Форума регионов Беларуси и России в присутствии председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко и председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь М. В. Мясниковича ректор Московского университета В. А. Садовничий и ректор БГУ А. Д. Король подписали Соглашение о создании Ассоциации вузов России и Беларуси (18 июля 2019 года).

И уже в октябре 2019 год прошел Первый форум Ассоциации вузов России и Беларуси «Наука и образование в условиях больших вызовов современности», в котором приняли участие десятки российских и белорусских высших учебных заведений, был подписан Меморандум о взаимопонимании между МГУ имени М. В. Ломоносова и Белорусским национальным технологическим университетом.

Системное взаимодействие исторических факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ, основанное на искреннем коллегиальном, уважительном и дружеском отношении, развиваясь, укрепляет эти взаимоотношения, вовлекает в них все новых участников, расширяет его и институционализирует.

Последние десятилетия мы были рядом в разное время.

На 80-летие исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в Москву прибыла делегация исторического факультета БГУ в составе тогдашних декана профессора Ходина Сергея Николаевича и заместителя декана по образовательным инновациям и международному сотрудничеству доцента Прохорова Андрея Аркадьевича.

На юбилей 80-летия исторического факультета БГУ в Минск прибыла делегация московских историков во главе с тогдашним деканом академиком РАН Карповым Сергеем Павловичем, в составе заведующего кафедрой исторической информатики профессора Бородкина Леонида Иосифовича, заведующего кафедрой истории южных и западных славян Матвеева Геннадия Филипповича (кафедры, которую основал на наших факультетах Владимир Иванович Пичета), руководителя учебно-научного направления «История Беларуси и белорусской диаспоры» Солоповой Оксаны Вячеславовны. Мы были тогда рядом и на торжественном открытии аудитории имени академика Владимира Ивановича Пичеты.

Мы рядом в дни юбилеев наших коллег и институций. Мы сердцем откликнулись на возможность опубликовать в Вестнике Московского университета. Серия 8. История прекрасную статью наших коллег, посвященную юбилею выдающегося историка, нашего постоянного партнера, настоящего Университетского ученого и профессора, искренне уважаемого нами заведующего кафедрой истории России исторического факультета БГУ профессора Яновского Олега Антоновича.

Но и когда к нам пришла беда и скоропостижно ушел от нас декан, доктор искусствоведения профессор Иван Иванович Тучков, белорусские коллеги поддержали российских коллег не только морально, но и делом, посвятив раздел одного из выпусков Журнала Белорусского государственного университета. Серия История его памяти, что вызвало неизменную и всегда хранимую благодарность историков МГУ.

Столетний юбилей Белорусского государственного университета, без сомнения, праздничное событие и для историков главного вуза России. Будут другие не менее славные юбилеи. Будут другие достижения уже наших учеников. Но 100-летие выпало на наше время. Это большая радость и настоящее счастье – иметь возможность поздравить белорусских коллег, сказать вам слова уважения, дружбы и любви. И верить, что сколько бы мы не сделали, наше сотрудничество только в начале пути.

СТОЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ БГУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ

М. Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь; jesti@inbox.ru*

Рассматривается корпус археографически опубликованных в течение столетия документов, связанных своим происхождением или отношением с Белорусским государственным университетом, отмечается их значение в деле изучения вековой истории главного университета страны. Будучи введенными в научный оборот находящиеся в отечественных и зарубежных архивах, музеях и библиотеках, а также в частных собраниях документы и материалы, предоставляют исследователям возможность сосредоточить основное внимание на анализе их содержания, что повышает эффективность научной деятельности. Обращается внимание на приобретаемую в настоящее время особую актуальность в условиях цифровой трансформации публикацию визуальных источников по истории БГУ.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; публикация исторических документов; виды публикаций документов; серия «Память и слава».

CENTENARY HISTORY OF BSU THROUGH THE PRISM OF PUBLISHED DOCUMENTS

M. F. Shumeiko

*Belarusian State University
Independence ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; jesti@inbox.ru*

A corpus of documents published archeographically over a century, connected by their origin or relationship with the Belarusian State University, is considered, their significance in the study of the centuries-old history of the main university of the country is noted. Once introduced into scientific circulation, documents and materials in domestic and foreign archives, museums and libraries, as well as in private collections, provide researchers with the opportunity to focus on the analysis of their content, which increases the effectiveness of scientific activity. Attention is drawn to the publication of visual sources on the history of BSU, which has now acquired special relevance in the context of digital transformation.

Key words: Belarusian State University; publication of historical documents; types of document publications; series «Memory and Glory».

Осмысливая вековую историю университета-юбилера, мы неизменно обращаемся к историческим источникам, т. е. всему тому, что источает информацию о прошлом, в нашем случае – прошлом Белорусского государственного университета. При этом особый интерес у нас вызывают опубликованные источники прежде всего по причине своей доступности. Но не только. Анализ отобранных и введенных в научный оборот документов дает также представление о их репрезентативности, внимании

готовивших их к изданию составителей к тем или иным их видам, группам и т. п.

Настоящая статья с учетом высказанных предварительных замечаний в некоторой степени носит характер рецензии, и если угодно, саморецензии, на изданные в разное время в разных видах и формах документы, которые содержат сведения о столетней истории БГУ. Ее объектом являются основанные преимущественно на документах ретроспективного характера археографические публикации, хотя иногда в статье будут упоминаться и оперативные публикации, послужившие впоследствии основой для подготовки первых. Предметом статьи выступает история появления публикаций, методические и методологические основы, на которых они готовились, и как выше уже отмечалось, репрезентативность корпуса опубликованных источников.

Сразу же отметим, что попытка анализа документальных публикаций по истории университета предпринимается едва ли не впервые. Причиной тому является весьма незначительный объект исследования. Дело в том, что в известных нам работах, готовившихся преимущественно к юбилеям БГУ (начиная с пятилетнего первого, приуроченного к 10-летию Октября 1917 г. [3]), как правило, преобладали научно-популярные, во многом носившие характер личных воспоминаний, статьи. На это, в частности, указывают сами их названия в том же сборнике 1927 г.: «Першыя крокі па арганізацыі Мэдфаку БДзУ (успаміны)» (М. Б. Кроля), «Адрыўкі з успамінаў і думкі» (С. Я. Вольфсона), «Старонкі ўспамінаў» (М. Н. Пиотуховича) и др.

В сборнике к 10-летию университета, изданном специальной правительственной комиссией по празднованию десятилетия высшей школы в БССР, наряду со статьями наркома просвещения республики А. Н. Платуна, а также сменившего находившегося в вятской ссылке первого ректора университета В. И. Пичету – И. П. Кореневского, были помещены и статьи уцелевших от погрома 1929–30 гг. авторов сборника 1927 г. С. Я. Вольфсона, М. Б. Кроля, а также ряда новых руководителей факультетов и др. В качестве приложения к ним в сборнике публиковался (без ссылок на источник) текст постановления Президиума ЦИК БССР от 18 апреля 1921 г. об открытии в Минске Белорусского государственного университета [5, с. 81–82].

Отсюда можно сделать вывод, что в 1931 г. именно это постановление высшего законодательного органа Беларуси считалось главным документом, от которого следовало вести отсчет истории

университета. Между тем, как известно, при консультациях минской университетской комиссии с представителями Наркомпроса РСФСР в Москве (август 1920 г.) входившие в состав комиссии Е. Ф. Карский, Н. К. Ярошевич, С. Д. Каминский, добываясь от зам. наркомпроса М. Н. Покровского разъяснения о юридической основе создания университета, получили от того следующий ответ: «Так как Белорусская республика считается самостоятельной, имеет свое Временное правительство и *декрет об учреждении университета был в прошлом году опубликован в нормальном законодательном порядке* [выделено мною – М. Ш.], то юридически вопрос об университете в Минске решен и должен двигаться местной властью» [18, с. 57]. Это мнение Покровского, подписанное им по просьбе минской комиссии в специальном документе – отношении Отдела высших школ Наркомпроса РСФСР – стало юридическим основанием, которое почему-то было проигнорировано в 1931 г.

В последующих юбилейных изданиях даже такие, носившие оперативный характер публикации документов об университете, отсутствовали. Это отмечали как составители библиографического указателя об образовании и педагогической мысли в Беларуси [2, с. 36–49], так и авторы введения к хроникальному научно-справочному изданию, подготовленному к 70-летию университета [8].

В последнем, в частности, говорилось о том, что в качестве источников издания использовались сборники партийных и правительственных постановлений и законодательных актов, отчеты университета, республиканские и университетские газеты и журналы, а также хранившиеся в государственных и ведомственных архивах документы [8, с. 6–7]. Здесь, как видим, упоминались лишь публиковавшие документы оперативного характера официальные издания, которые, как известно, не относятся к разряду археографических. В «Хронике» встречаются ссылки на «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР» (и БССР также), общесоюзную газету «Правда», республиканские «Звезда», «Рабочий», «Савецкая Беларусь», «Справочник партийного работника». Из них только в республиканских газетах встречаются документы, правда, оперативного характера, непосредственно относившиеся к истории университета. В единственном же, фигурирующем в «Хронике» условно археографическом издании, – «КПСС в резолюциях...», так же как и в не являющемся археографическим «Справочнике партийного работника»,

опубликованные документы носили общий характер и таким образом имели достаточно опосредованное отношение к БГУ.

Первым, по настоящему археографическим изданием, в котором публиковались снабженные примечаниями и легендами документы ретроспективного характера о БГУ, стал двухтомный сборник «Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов». Первый том, увидевший свет в 1979 г., охватывал период с 1917 по 1928 г.; второй (издан в следующем, 1980 г.) включал документы за 1928–1941 гг. Из 126 документов первого тома 8 имели непосредственное отношение к БГУ; кроме того, упоминались еще два документа об университете в перечне из 118 выявленных, но не включенных в сборник документов.

Под № 18 здесь публиковался фрагмент протокола состоявшегося 31 января 1919 г., т. е. *за более чем три недели до принятия выше упоминавшегося декрета о создании университета в Минске* [выделено мною – М. Ш.] заседания коллегии Наркомпроса БССР о состоянии работы и задачах отделов комиссариата. Важно отметить, что в заседании помимо члена Временного Рабоче-Крестьянского правительства ССРБ по просвещению А. Г. Червяков участвовал и «представитель Комиссариата национальностей (белорусского отдела) т. Турук»¹. В зафиксированном общем плане работ документе в числе первоочередных мероприятий наряду с чтением лекций указывалось на необходимость открытия в уездных городах народных университетов упрощенного типа, а «в Минске – университет[а] обычного типа, причем городской отдел народного образования уже ведет работу в этом направлении» [15, с. 63].

В отличие от этого, публиковавшегося по машинописной копии протокола, хранившегося в фонде ЦК КПБ тогдашнего Партийного архива Института истории партии при ЦК КПБ, документ под № 21–выше упоминавшийся «Декрет ЦИК БССР «О создании БГУ в г. Минске» от 25 февраля 1919 г. воспроизводился по экземпляру газеты «Звезда» от 1

¹ По воспоминаниям А. Г. Червякова вопрос об открытии в Минске университета был поставлен буквально на следующий же день после освобождения города от немецких войск т. е. 11 декабря 1918 г., что, разумеется, не соответствовало действительности, поскольку Временное Рабоче-Крестьянское правительство Беларуси было сформировано лишь в начале января 1919 г., и свое первое заседание в Минске оно провело 7 января 1919 г. Между тем, в написанных для сборника памяти А. Ф. Мясникова (готовился к 10-летию со дня его гибели, в 1935 г.) и оставшихся неопубликованными воспоминаниях А. Г. Червяков писал: «Буквально на завтра после освобождения Минска от немецких оккупантов, под угрозой нашествия белополяков, А. Ф. созвал совещание из представителей Наркомпроса БССР, ученых, общественных деятелей Минска и поставил[далее автором зачеркнуто слово «ВПЕРВЫЕ» – М. Ш.] вопрос о создании Белорусского государственного университета» [13, л. 32].

марта 1919 г., что указывало на отсутствие в находившемся в ЦГАОР БССР фонде ЦИК БССР оригинала этого документа².

Сотрудники Белорусского НИИ документоведения и архивного дела, готовившие справочник об органах власти и государственного управления Советской Беларуси [17], а также коллеги по историческому факультету, выступавшие в университетской многотиражке [11, с. 4–5], конкретизировали процесс создания этого основополагающего для БГУ документа, объяснив, в частности, почему в некоторых источниках, например, «Университетской летописи» Ф. Ф. Турука [22, с. 181, 183], фигурируют две даты принятия декрета – 24 и 25 февраля 1919 г.

Дело в том, что решение об открытии университета было принято вначале 24 февраля 1919 г. на заседании выполнявшего функции правительства Большого Президиума ЦИК ССРБ. Оно зафиксировано в протоколе № 4 данного заседания, который хранится в ряде архивных фондов НАРБ. В нем наряду с ассигнованием из сумм Государственного казначейства Центральному бюро КП(б)Б 200 тыс. руб. на издание марксистско-философской хрестоматии было признано «весьма желательным» открытие в Минске государственного университета и постановлено ассигновать из того же источника на первоначальные расходы 1 млн руб. [14]. На следующий день, 25 февраля 1919 г. это решение Большого Президиума было утверждено Пленумом ЦИК ССРБ, о чем 27 февраля 1919 г. газета «Звезда» сообщала следующим образом: *«Заседание ЦИК Белоруссии. 25-го февраля, вечером состоялось заседание Пленума ЦИК Белоруссии под председательством тов. А. Ф. Мясникова... Ассигнование на университет. В заключение утверждается постановление Больш. Президиума ЦИК об ассигновании из средств Белоруссии 1. 000. 000 руб. на основание в Минске университета»* [6].

Через день эта информация была опубликована повторно, но уже в виде юридически оформленного документа – Декрета высшего законодательного органа Беларуси от 25 февраля 1919 г. следующего содержания: «Центральный Исполнительный Комитет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов ССР Белоруссии постановил: Открыть в гор. Минске Государственный Университет и на первые и наличные нужды по его организации отпустить из средств Республики один миллион рублей (1. 000. 000).

Председатель ЦИК Белоруссии *Мясников*.

² Заметим, что отсутствие оригиналов законодательных документов первых лет Советской власти было характерным явлением не только для БССР, но и для РСФСР. По данным современных российских историков более половины их представлено лишь в форме газетных публикаций

Секретарь *Антониковский*» [7].

Как выше уже отмечалось, текст декрета сохранился благодаря газетной публикации и в последующих археографических и не археографических изданиях, а также в различных научно-популярных и справочных работах об университете ссылки давались именно на нее.

Помимо этих документов в первом томе сборника публиковались также запись выступления представителя ЦИК ССРЛиБ А. Ф. Мясникова на совещании при Наркомпросе РСФСР, рассмотревшем 22 марта 1919 г. вопрос об организации БГУ, резолюция II Всебелорусского съезда Советов по докладу о народном просвещении (не позднее 17 декабря 1920 г.), постановление Центрального бюро КП(б)Б «Об университете» от 8 февраля 1921 г., выше упоминавшееся постановление Президиума ЦИК БССР от 18 апреля 1921 г., резолюция III сессии ЦИК БССР 3-го созыва по докладу о деятельности университета от 26 мая 1922 г. [15, с. 81–82, 183–189, 2-3–204, 248].

Во второй том вошли 4 документа об университете; причем два из них – справка ректора П. П. Савицкого в ВКВШ при СНК СССР от 20 июня 1941 г. и сведения о выпусках студентов БГУ за 1925–1941 гг. давались по оригиналам, хранившимся в ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ). Что касается постановления СНК БССР «О работе БГУ», принятого 24 мая 1934 г. и постановления ЦК КП(б)Б «Аб аднаўленні гістарычнага факультэта ў БДУ», то они также печатались по оригиналам, но сохранявшимся в ЦГАОР БССР (первое) и ПА ИИП при ЦК КПБ (второе) (ныне НАРБ) [16, с. 203–206, 397–413].

В очередной раз к подготовке публикации документов, на этот раз исключительно только об университете, обратились в юбилейном 2005 году. Инициатива исходила от ректора БГУ, профессора В. И. Стражева. Реализовать ее было поручено историческому факультету и конкретно – кафедре источниковедения, курировавшей подготовку историков-архивистов. Приступая к работе над подготовкой документальных изданий об истории БГУ, составители не могли не учитывать опыта своих предшественников, работавших в этом же направлении в Москве, Киеве [12;1]; с другой стороны, появившиеся в Беларуси аналогичные публикации [4] свидетельствовали, что выбран верный путь осмысления университетского феномена через археографическое освоение корпуса оригинальных исторических источников, путь, который сулит не только приращение доступной источниковой базы, но и стимулирует продолжение поисков оригинальных источников, вовлекая в научное

творчество тех, для кого в первую очередь были предназначены книги университетской серии «Памяць і слава».

Обеспечивая большую доступность пользователям (включая и исследователей) до корпуса исторических источников, связанных своим происхождением с университетом или имеющих к нему отношение, такие публикации, на наш взгляд, способствуют выработке научного знания благодаря предоставляемым ими возможностям для исследователей не отвлекаться на проведение эвристических изысканий, а концентрировать внимание на анализе и синтетической переработке содержащейся в научно изданных источниках информации. С другой стороны, сводя воедино объединенные темой (в нашем случае это – история БГУ) исторические источники, рассеянные по хранилищам разных стран, такого рода издания могут рассматриваться в качестве примера виртуальной реконструкции архивных фондов учреждений (в нашем случае – БГУ) или физических лиц (тот же ректор БГУ В. И. Пичета). Последнее обстоятельство имеет помимо сугубо научного, лежащего в сфере архивоведения и источниковедения, и прикладное значение.

Возвращаясь к первому документальному изданию в рамках серии «Памяць і слава», посвященному истории БГУ в годы Великой Отечественной войны, отметим, что подготовленное более чем оперативно, оно накануне 9 мая вручалось ветеранам Великой Отечественной войны – членам ветеранской организации университета (их по состоянию на 25 марта 2005 г. насчитывалось 113 человек). С учетом целевого назначения издания оно не было традиционным сборником документов [20]. В нем, наряду с оригинальными, хранившимися в государственных архивах и музеях республики, а также в Музее БГУ, на факультетах и кафедрах университета документами и материалами, представлены и фотографии всех членов ветеранской организации университета, а также визуальные источники, запечатлевшие встречи и общения в юбилейном году студентов и преподавателей БГУ с ветеранами. В подготовке этой, оперативной части издания, большую помощь составителям оказал председатель Совета ветеранов, Заслуженный работник высшей школы Беларуси, кандидат физико-математических наук, доцент И. П. Зяцьков, а также член ветеранской организации, кандидат исторических наук, доцент А. И. Котов, издавший за пять лет до этого «Книгу памяти о БГУ в годы Великой Отечественной войны» [9].

С учетом мемориального характера издания для его ретроспективной части были отобраны наиболее яркие, включая и прежде уже публиковавшиеся документы, систематизированные по шести разделам, отразившим историю БГУ в первые дни войны; боевую деятельность преподавателей и студентов на фронтах Великой Отечественной войны; их борьбу в составе партизанских формирований и патриотическом подполье; трудовую деятельность в советском тылу; восстановление университета на подмосковной ст. Сходня (1943–1944 гг.); и, наконец, БГУ в освобожденном Минске (1944–1945 гг.).

Благожелательно принятая университетской общественностью, однако выбивавшаяся из хронологического ряда, эта книга как бы подталкивала составителей вернуться к истокам создания университета, тем более, что приближался его 85-летний юбилей.

Для работы над очередным изданием определился круг составителей, способных в достаточно сжатые сроки, но без ущерба для качества подготовить сборник, включив в него теперь уже исключительно ретроспективные документы и материалы по истории БГУ, начиная с его открытия в 1921 г. и до 22 июня 1941 г. В их числе были специалист в области университетоведения, автор многих научных и справочных изданий по истории БГУ О. А. Яновский, взявший на себя труд подготовить исторические предисловия к документальным разделам сборника; автор данной статьи, читавший учебный курс «Археография» для студентов историко-архивного отделения и декан исторического факультета, автор ряда учебных пособий по историческому источниковедению С. Н. Ходин.

В том, что сборник успел выйти к юбилею[18], была заслуга не только составителей и их помощников – студентов, магистрантов и аспирантов факультета, но и директора НАРБ В. Д. Селеменова, выпускника истфака БГУ 1971 г., создавшего режим наибольшего благоприятствования в деле копирования документов из хранившегося в архиве фонда БГУ. Значительную помощь составителям оказали руководители и сотрудники и других республиканских архивов, также являвшиеся воспитанниками университета, в частности, БГАМЛИ – А. В. Запартыко, БГАКФФД – Г. Н. Дубатовка и др.

При выборе характера издания составители как и в предыдущей книге остановились на тематическом виде, хотя при этом отдавали себе отчет в его уязвимости с точки зрения отбора документов. Однако, готовить издание документов одного вида (например, всех протоколов заседания

правления или совета БГУ за довоенный период), а тем более пофондовое, предполагавшее включение в сборник тысяч документов архивного фонда БГУ было нереально по объективным причинам.

В открывавшем книгу обращении ректора БГУ В. И. Стражева к читателям отмечалось, что она должна была выйти ранее и таким образом начать серию документальных публикаций, посвященных истории БГУ. Ее изданием, по словам ректора, восстанавливалась последовательность событий. Ректор выражал уверенность в том, что включенные в книгу уникальные документы с интересом будут читать студенты и преподаватели университета, получая таким образом объективную информацию о первых двух десятилетиях существования своей *Alma mater*.

Составители сгруппировали документы с учетом их хронологического и логического принципов в 4 раздела. В первый, названный «Прологам» (1919–1920) они включили источники о предыстории открытия университета; во второй – «Пачатак» (1921–1925) – документы первого пятилетия существования БГУ, завершившегося первым выпуском 1925 года. Третий раздел, названный «Станаўленнем» (1926–1929), обусловлен завершением «пичетовского периода» в истории университета; заключительный четвертый раздел – «Выпрабаванні» (1930–1941) говорил сам за себя.

Написанные предисловия к каждому разделу достаточно убедительно, на наш взгляд, обосновывали принципы отбора документов, их группировку и содержали обобщенные характеристики последних. Хотя, справедливости ради отметим, что составители отошли от некоторых, характерных для археографических изданий, традиций: так, в книге нет нумерации документов, сводного их перечня и указателей (особенно полезным здесь был бы именной). Подобные особенности имеют место и в других изданиях, о которых скажем ниже.

Особую привлекательность этому, как и последующим изданиям, придавало включение в них наряду с письменными и визуальных документов. Это важно, на наш взгляд, в условиях ныне происходящей цифровой трансформации, когда пользователи отдают предпочтение не традиционным письменным источникам, а переведенным в «цифру» визуальным документам (фото, кино). Составители проделали большую работу по выявлению рассеянных по многим отечественным и зарубежным архивам, музеям, библиотекам, частным собраниям фотодокументов о БГУ; они исследовали периодические,

продолжающиеся, повременные издания, где ранее уже публиковались подобные документы и отобрали более сотни визуальных источников, существенно расширяющих информационный потенциал публикуемых в сборнике письменных документов. Здесь наряду с традиционными групповыми фотографиями студентов-выпускников различных факультетов – коллективные фото участников научных форумов, экспедиций, кружков, фотопортреты первых профессоров и преподавателей и т. п. Значительное место среди визуальных источников занимают фото зданий, в которых в разное время размещался университет. Не только информационную, но и эмоциональную нагрузку несут воспроизведенные факсимильным способом текстовые документы (удостоверения личности студентов и преподавателей, выпускные свидетельства, грамоты, титульные листы книг профессоров и преподавателей университета с инскриптами их авторов, анкеты, включая и те, что заполнялись на арестованных по политическим мотивам преподавателей БГУ, напр., первого декана истфака В. К. Щербакова) и др.

К 88-летию БГУ приурочен выход в свет третьего сборника документов той же серии, охватывающего полтора послевоенных десятилетия в истории университета [19]. Два его раздела («Аднаўленне» (1945–1953) и «Са спадзяваннямі на лепшае» (1954–1961) дополнены хроникой факультетской жизни за этот период, существенно расширяющей информационный потенциал соответствующего раздела аналогичного издания 1990 г. [8, с. 66–109].

В этом, как и предыдущем сборнике публиковались документы, характеризовавшие основные направления деятельности университета в этот весьма непростой период отечественной истории. Среди них – не только свидетельства об участии профессоров БГУ в составе делегации БССР (май – июнь 1945 г.) в основании Организации Объединенных Наций, но и документы о развернувшейся в конце 1940-х гг. в СССР печально известной идеологической кампании по борьбе с так наз. «безродным космополитизмом», которая не могла не затронуть университет. Составители ввели в научный оборот и данные о сохранении принципиальной позиции «военного» ректора БГУ П. П. Савицкого в отношении своего предшественника В. И. Пичеты, который продолжал подвергаться необоснованной критике со стороны партийного руководства республики.

Наряду с документами об участии студентов и преподавателей университета в восстановлении разрушенной оккупантами столицы Советской Беларуси в сборнике публиковались материалы об учебной и научной деятельности БГУ, вкладе студентов в начавшееся в 1950-е гг. освоение целинных и залежных земель и др.

Как и предыдущий, этот сборник был широко иллюстрирован визуальными документами (здесь их насчитывалось около полутора сотен). Сборник стал дипломантом национального конкурса «Искусство книги–2010», проводимого Министерством информации Республики Беларусь, в номинации «Лучшее научное издание» [10, с. 5]. Он как бы подводил итог четырем десятилетиям существования первого государственного университета Беларуси, предлагая преемникам на археографической ниве продолжить создание доступной документированной истории БГУ [об этом см.:23, с. 305–310].

90-летие БГУ и приуроченное к нему открытие на фасаде здания, в котором размещается истфак, мемориальной доски первому ректору, академику В. И. Пичете, не могло не внести корректив в уже сложившийся план серийного издания. По предложению одного из составителей было решено в рамках юбилейных мероприятий подготовить сборник документов о первом ректоре БГУ. Разумеется, это вызвало необходимость расширения круга архивных учреждений, в которых предполагалось проведение выявления документов и материалов для издания. В первую очередь было обращено внимание на Архив РАН, в котором хранится личный архивный фонд В. И. Пичеты, скомплектованный и обработанный во многом благодаря вдове ученого – А. П. Пичета (Соборовой), а также его дочери – К. В. Пичета. Он представлен рукописями научных работ Владимира Ивановича (включая и не публиковавшиеся), перепиской, дневниками, личными документами и другими материалами. Понимание и поддержка руководства РАН и особенно ее Архива в лице директора В. Ю. Афиани³, равно как и содействие белорусских архивных, музейных и библиотечных работников способствовали своевременной подготовке сборника и выходу его в свет накануне юбилея университета [21]. Особую благодарность следует высказать в адрес сотрудников Управления редакционно-издательской работы БГУ, квалифицированно и оперативно готовивших этот и другие

³ Выпускник Московского историко-архивного института, воспитанник научной школы академика РАО С. О. Шмидта В. Ю. Афиани является одним из ведущих российских археографов. В 2010 г. он наряду с руководством архивом РАН возглавлял кафедру археографии Историко-архивного института РГГУ.

сборники данной серии. В открывавшем сборник обращении к читателям ректор БГУ академик С. В. Абламейко, отмечая огромный вклад В. И. Пичеты в создание отвечавшего европейским традициям и стандартам университета, ставшего ведущим образовательным учреждением страны, ее интеллектуальным и культурным центром, выражал уверенность в том, что «плённая праца першага рэктара БДУ» станет безусловным примером для всей корпорации студентов и преподавателей БГУ XXI века. Включенные в сборник документы, распределенные по девяти разделам, оправдывали, на наш взгляд, эту уверенность. Опубликованные источники, как письменные, так и визуальные, создавали яркий образ выдающегося ученого, обладавшего не менее выдающимися организаторскими способностями, благодаря чему 100 лет тому назад открыл свои двери первый в Беларуси государственный университет, действительно ставший флагманом высшего образования, науки и культуры в нашей стране. На очереди – продолжение издания, которое уже ведется в рамках выполняющейся кафедрой источниковедения истфака университета научной темы «Роль университета в формировании экологии культуры».

Библиографические ссылки

1. Alma mater. Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади: У 3 кн. / Упоряд. В. А. Короткий, В. І Ульяновський. Кн. 1: Університет св. Володимира між двома революціями. Київ: Прайм, 2000.
2. Асвета і педагагічная думка на Беларусі: Бібліяграфічны паказальнік. Ч. III: 1917–1945 гг. / А. Л. Еўдакімава, С. В. Снапкоўская, М. Р. Марчанка, С. І. Паўловіч. Мн.: НІА, 2001.
3. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск: Друкарня Менспраўдому, 1927. 76 с.
4. Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1913–1940 гг.): дакументы і матэрыялы. Магілёў, 2008. 216 с.
5. Дзесяць год Беларускага дзяржаўнага ўнівэрсытэту. 1921 – 11. VII. 1931. Менск: Друкарня БАН, 1931.
6. Звезда № 384. 1919. 27 февраля.
7. Звезда. № 386. 1919 1 марта.
8. Кожушков А. И., Яновский О. А. Белорусский государственный университет: Хроника событий (1919–1989) / Под ред. Ф. Н. Капуцкого и др. Мн.: Университетское, 1990. 238 с.
9. Котов А. И. Белгосуниверситет в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Книга памяти Минск: БГУ, 2000. –95 с. (В списке ветеранов войны, состоявших на учете в ветеранской организации БГУ (по состоянию на 1 января 2000 г.) значилось 190 человек).
10. Лук’янчык Ірына. Найлепшыя выданні БДУ // Універсітэт. 2010. 28 чэрв. № 11–12 (2027–2028).

11. Малюгін А. І. Дэкрэту пра стварэнне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – 100 гадоў // Універсітэт. 2019. 7 сакав. № 4 (2210).
12. Московский ордена «Знак почета» государственный историко-архивный институт. 1930–1980: Сборник документов и материалов. Пермь, 1984.
13. НАРБ. Ф. 60 п. (Истпарт) Оп. 2. Д. 104.
14. НАРБ. Ф. 677 (Наркомзем ЛитБел). Оп. 1. Д. 2. л. 1; Ф. 809 (Наркомпочтель ЛитБел). Оп. 1. Д. 6. Л. 33; Ф. 810 (Отдел финансов Мингубревкома). Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
15. Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 1. 1917–1928 гг. Мн.: «Народная асвета», 1979.
16. Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов. Т. 2. 1928–1941 гг. Мн.: «Народная асвета», 1980.
17. Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917–1920 гг.): справочник/сост. М. К. Бобер [и др.] Минск: БелНИИДАД, 2017. –466 с.
18. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941/ склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: В. І. Стражаў(адк. рэд.) [і інш.] Мн.: БДУ, 2006. –383 с.
19. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1945–1961/ склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: С. У. Абламейка (адк. рэд.) [і інш.] Мн.: БДУ, 2009. –399 с.
20. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945/склад.: С. А. Балашэнка [і інш.];рэдкал.: В. І. Стражаў(адк. рэд.) [і інш.]. Мн.: БДУ, 2005. –151 с.
21. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: С. У. Абламейка(адк. рэд.) [і інш.] Мн.: БДУ, 2011. –375 с.
22. Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. № 1.
23. Шумейко М. Ф. История alma mater через призму опубликованных источников (к изданию сборников документов в серии «Память и слава») // Архіварыус. Зб. навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 10. Мн. 2012/

В. И. ПИЧЕТА В ГЛАВНОМ УПРАВЛЕНИИ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ – ЦЕНТРАРХИВЕ РСФСР (1918–1923 гг.)

Т. И. Хорхордина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, 125993, Москва, Россия, ioad@yandex.ru*

В статье раскрывается подвижническая деятельность в первые послереволюционные годы будущего первого ректора Белорусского государственного университета Владимира Ивановича Пичеты по спасению архивов. В. И. Пичета являлся главным инспектором Главархива и руководил работой инспекторов и губернских уполномоченных ГУАД по собиранию документального наследия и организации провинциальных архивов в сложные годы Гражданской войны.

Анализируется организаторская работа Пичеты по подготовке съезда губернских уполномоченных (1919), а также 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей. В качестве руководителя Научно-теоретическим отделом создавал разборочные комиссии в провинции и поверочную комиссию в центре, благодаря деятельности которых были спасены в условиях бумажного голода многие ценные архивные фонды от передачи на бумажные фабрики. Являлся членом редакционно-издательской коллегии Центрархива, способствуя публикаторской работе.

Ключевые слова: В. И. Пичета; Главное управление архивным делом; Центрархив; главный инспектор; Поверочная комиссия; съезд губернских уполномоченных; архивоведческая мысль.

V. I. PICHETA IN THE MAIN DEPARTMENT OF ARCHIVAL AFFAIRS – THE CENTRAL ARCHIVE OF THE RSFSR (1918–1923)

T. I. Khorkhordina

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya pl., 6, 125993, Moscow, Russia, ioad@yandex.ru*

The article reveals the selfless activities of the future first rector of the Belarusian State University, Vladimir Ivanovich Picheta, on saving archives in the first post-revolutionary years. V. I. Picheta was the chief inspector of the The Main Archive Department and supervised the work of inspectors and provincial commissioners of The Main Department of Archival Affairs on collecting documentary heritage and organizing provincial archives during the difficult years of the Civil War.

The article analyzes the organizational work of Picheta on the preparation of the Congress of provincial commissioners (1919), as well as the First All-Russian Conference of archival activists. As the head of the Scientific and Theoretical Department, he created debriefing committees in the province and a verification committee in the center. Thanks to the activities of those committees, many valuable archival funds were saved from being transferred to paper mills in the conditions of acute paper shortage. He was a member of the editorial and publishing board of the Central Archive, contributing to publishing work.

Key words: V. I. Picheta; The Main Department of Archival Affairs; Central Archive; chief inspector; Verification Committee; Congress of provincial commissioners; archival thought.

Многогранная деятельность Владимира Ивановича Пичеты по спасению архивов в условиях Гражданской войны в России в должности главного инспектора Главного управления архивным делом (ГУАД, с 1922 г. – Центрархива РСФСР), на которую он был назначен в ноябре 1918 г., нашла отражение в научных трудах М. Ф. Шумейко [1, 2, 3, 4]. В фонде Главархива в ГАРФ нами выявлены документы периода становления ГУАД, ключевую роль в котором играл В. И. Пичета, позволяющие дополнить картину его подвижнической работы. Важнейшим направлением его деятельности стали контроль за положением архивного дела на местах и спасение провинциальных архивов.

19 мая 1919 г. В. И. Пичета также становится членом Коллегии ГУАД и решает злободневные вопросы, связанные с сохранением документального наследия на местах, в связи с чем ездит по всей стране, выявляя и собирая гибнущие архивы, занимаясь организацией новых архивов: Московского губернского архива, военных архивов и т. д. Восстановим хронологию и географию его поездок, отражающих напряженную работу по спасению документального наследия страны. Так, 27 ноября 1918 г. он осуществил перевозку архива бывшего Комитета по делам печати [5, л. 7–8 об.]; 10 января 1919 г. – осмотр военного архива в Смоленске [5, л. 47–49]; в начале 1919 г. спасен архив бывшего Пажеского корпуса, подвергшийся «варварскому и дикому разгрому»: архивный фонд музея был разбросан и выкинут из хранилищ; 31 января 1919 г. – организация Московского губернского архива [5, л. 62]; в феврале 1919 г. – в Сергиев Посад; 21 марта 1919 г. Пичета приступил к разборке архива Высших женских курсов в Петербурге [5, л. 101], 28 марта 1919 г. – перевозка архива Воинского присутствия в Московский губернский архив, 11 апреля 1919 г. командирован в Харьков для установления контакта с местным отделом наробразования по вопросу об архивных фондах [5, л. 122–123 об.]; в августе 1919 г. – состоялась командировка в Рязань, где он решал вопросы, связанные с перевозкой архивов в создаваемый им Московский губернский архив, 2 марта 1920 г. – докладывал о необходимости принятия мер к охране архива Московской окружной конторы народного банка [6, л. 82]; 24 мая 1920 г. – снова командирован в Харьков для установления контакта с Украинским правительством по делам архивов [6, л. 109].

В результате инспекторских поездок Пичеты по провинции и возник институт уполномоченных Главархива, который был первым шагом к централизации архивного дела в провинции. Позже Пичета вспоминал, что

беспризорное состояние провинциальных архивов вследствие ликвидации прежних архивных комиссий и побудило Московское областное управление архивным делом обратить внимание на охрану архивов в провинции. При помощи института инспекторов Московское областное управление приступило к обследованию состояния архивов на местах: «положение архивного дела в провинции было отчаянное: местные власти относились более чем равнодушно к архивному делу, архивные работники все исчезли». Приезжавшим инспекторам приходилось отыскивать прежних архивных деятелей и призывать их к новой архивной работе. Работа уполномоченных протекала при очень трудных условиях, при отсутствии всякого аппарата и денежных средств, но «при наличии враждебного отношения новой революционной власти», – отмечал Пичета [7, л. 110], и, несмотря на это, уполномоченные Главархива проделали огромную работу.

Пока Россия находилась в состоянии Гражданской войны, полномочия Главархива распространялись только на губернии, где установилась советская власть. В освобожденных губерниях направляемые Пичетой инспекторы также помогали губернским уполномоченным Главархива.

В конце 1918 г. уполномоченные ГУАД начали работу в десяти губерниях: Ярославской, Владимирской, Тамбовской, Тверской, Вологодской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Смоленской и Петрозаводской. В 1919 – 1920 гг. их число значительно увеличилось. В подчинении Пичеты находились инспекторы, среди них – архивовед, литературовед Н. Ф. Бельчиков; архивист, библиограф, высланный в 1922 г. из Советской России и ставший одним из создателей Русского заграничного исторического архива в Праге А. Ф. Изюмов; архивовед, филолог М. С. Вишневецкий, в то время сотрудник созданного в январе 1919 г. Хранилища частных архивов, и другие деятели, внесшие вклад в формирование Государственного архивного фонда. Их отчеты о мероприятиях по охране документальных материалов, организации губернских и уездных архивов, состоянии и степени сохранности усадебных и частновладельческих архивов регулярно рассматривались Коллегией Главархива. Таким образом, роль связующего звена в системе отношений между с одной стороны государством и обществом, а с другой – центральными, местными, ведомственными и частными архивами, возлагалась на институт инспекторов Главархива в центре и уполномоченных – на местах. Можно сделать вывод, что к началу 1920-

х гг. создание ЕГАФ предоставляло все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая могла бы сплотить все культурные слои общества. В России было то, чего не было ни в одной другой стране мира – историческое отношение к архивам как к внутренне целостным живым организмам, по самой своей природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего и имманентно присущим жизнедеятельности Личности, Общества и Государства. Именно такой подход, впервые сформулированный на этапе возникновения классического архивоведения, характерен для первого состава корпуса инспекторов Главархива.

На состоявшемся в июне 1919 г. съезде губернских уполномоченных ГУАД, который готовился и был организован под непосредственным руководством М. К. Любавского и В. И. Пичеты, делегаты рассказывали об архивной разрухе в провинции и о том, что архивисты нередко рассматриваются представителями советских органов на местах как чуждые новой власти, занимающиеся «ненужным делом». Активный участник архивной реформы В. И. Пичета вспоминал, что среди представителей новой власти, как в центре, так и на местах, находилось немало сторонников самого радикального решения вопроса о делах и документах упраздненных ведомств и учреждений. Старая Россия, говорили они, умерла, теперь строится совершенно новая жизнь, новые порядки... Для них не представлял никакого интереса «старый бумажный хлам», накопившийся при прежних учреждениях, от которого надо как можно скорее избавляться – сжечь или сдать на бумажные фабрики, освободить от него помещения и не тратить на его содержание народные деньги. Таким образом, – отмечал Пичета, – подверглись уничтожению дела некоторых судебных учреждений, нотариусов, духовных консисторий и т. д. «Но, к счастью для русской науки, среди деятелей центра нашлись просвещенные люди, сознающие, какую научную ценность имеет для России ее архивное достояние». Итогом рассуждений автора стали следующие знаменательные слова: «Как ни мала наша деятельность, она все-таки была не бесполезна. Существование Главного управления архивным делом принесло большую пользу, так сказать, психологическую: у архивного дела нашелся хозяин. Не создайся ГУАД – с нашими архивами могло бы случиться недопустимое – они были бы уничтожены» [7, л. 112].

Поэтому принятие неотложных мер по спасению архивного достояния, а также организация архивов и органов архивного управления в

губерниях и налаживание их работы в условиях Гражданской войны стали основными направлениями деятельности Пичеты как главного инспектора ГУАД.

Таким образом, Главархив принял неотложные меры по их охране, собиранию и концентрации в государственных хранилищах.

Выступая на съезде уполномоченных Главархива, В. И. Пичета заявил, что с созданием Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и Главархива исполнилось заветное желание Д. Я. Самоквасова и многих других ученых об объединении архивов в особом ведомстве и создании особого министерства архивов, для которого «архивы были бы предметом попечения и правительственных забот, а не обременительным балластом казенных помещений» [7, л. 113].

Помимо Д. Б. Рязанова, Пичета называл в числе создателей «архивного» Декрета коллективы петроградских и московских ученых, во второй половине июня установивших окончательно как схему организации Государственного архивного фонда, так и редакцию положений о Главном и областных управлениях архивным делом. Деление ГАФ на секции и отделения Пичета признал далеким от совершенства, в большой степени искусственным, поскольку «все наши крупные архивы, образовавшиеся исторически, содержащие в себе дела разного рода, никак не укладываются в намеченные рамки. Чтобы распределить архивный фонд по названиям рубрик, надо было бы пересортировать содержимое в архивах, что немислимо ни с какой точки зрения». Впрочем, успокаивает он, речь идет только об административной схеме централизованного управления архивными учреждениями, а не о реальном перемещении или перетасовке документальных фондов.

Не все уполномоченные Главархива приехали в Москву: на съезде из-за Гражданской войны присутствовали уполномоченные только центральных губерний. Поэтому Пичета осознавал необходимость созыва нового совещания уже в более расширенном составе участников для обсуждения не только очередных вопросов текущих, но и вопросов теоретического характера с привлечением для этой цели архивистов Москвы и Петрограда. Была образована комиссия в составе М. К. Любавского, С. К. Богоявленского, А. Ф. Изюмова, Н. Ф. Бельчикова и В. И. Пичеты для выработки программы съезда. Однако комиссия нашла преждевременным съезд архивных деятелей, так как архивная реформа «была на полном ходу», и дальнейшее ее осуществление требовало разрешения целого ряда неотложных практических вопросов. Комиссия

предложила созвать новое совещание уполномоченных в августе 1920 г., но «общие политические условия и продовольственные затруднения не позволили собраться» [8, с. 108].

Новая коллегия ГУАД во главе с М. Н. Покровским, пришедшая к руководству архивным делом в августе 1920 г., поручила разработку плана и организации 1-й Всероссийской конференции Коллегии Научно-теоретического отдела, куда вошел и заведующий Научно-теоретическим отделом Пичета. Кстати, с 27 августа 1920 г., со времени прихода к руководству ГУАД М. Н. Покровского и создания затем новой коллегии В. И. Пичета не участвует в заседаниях Коллегии.

Прежде всего охарактеризуем атмосферу, сложившуюся накануне 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей. Отечественные архивисты в начале 1920-х гг. ощущали себя в «новой, необычайно напряженной культурно-исторической атмосфере», вызванной, как писал об этом периоде участник всех событий в архивной жизни А. Е. Пресняков, «резким изменением всех привычных перспектив быта и мышления». Для многих из отечественных интеллигентов конец десятилетия совпадает с личными катастрофами: насильственным прекращением профессиональной деятельности и репрессиями. Духовный голод конца 1920-х гг. стал как бы зеркальным отражением голода физического и лишений начала десятилетия.

В журнале «Дела и дни» констатировались многочисленные смерти ученых на почве истощения, которые свидетельствовали о тяжести для ученых условий жизни. Бесстрастные протоколы Академии наук сообщали, что работа одного академика за его смертью передается другому, через несколько страниц – что за смертью второго работа переходит к третьему, затем – новое постановление о передаче работы за смертью третьего – к четвертому. Только за год скончались, вследствие болезней, развившихся на почве истощения организма, от недоедания и непосильной физической работы, академики А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, профессора С. А. Венгеров, Н. Н. Марков.

На фоне этой трагедии административные мероприятия представителей новой архивной власти интересовали архивистов в гораздо меньшей степени, чем кардинальный вопрос спасения традиций отечественной культуры. Именно поэтому, видимо, была столь насыщенной научная жизнь в эти сложные годы: врачи и микробиологи исследуют процесс собственного умирания и выступают с докладами

«Голодание с хирургической точки зрения» и «Биология голодной смерти». Одновременно в Доме ученых С. Ф. Платонов читает цикл лекций на тему «Смутное время в научном освещении».

Все это отдельные эпизоды, разрозненные факты, но они и составляют существо той «культурно-исторической атмосферы», в которой жили, работали и умирали отечественные историки и архивисты.

В противоборстве двух подходов к науке и культуре вообще, и к архивному строительству, в частности, прошли по существу последующие годы. Это противоборство и отражено в работе состоявшейся 29 сентября – 3 октября 1921 г. 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, созванной новым руководством в противовес петроградской конференции архивных деятелей, проведенной за год с небольшим до Всероссийской, в мае 1920 г.

После оглашения регламента конференции заведующий НТО В. И. Пичета познакомил ее участников с деятельностью Главархива за три года, а также с его современной конструкцией. О последнем должен был делать доклад член Коллегии Главархива В. В. Максаков, но вследствие болезни об этом доложил Пичета.

Содержание доклада В. И. Пичеты следующее. Он отметил, что идея централизации архивов была идеей, возникшей давно, и только «вследствие целого ряда препятствий, стоявших на пути централизации архивного дела, она не могла быть осуществлена». Отсутствие правильной организации архивного дела в значительной степени мешало развитию исторической науки. Февральская революция открыла широкий доступ в архивы, однако ничего не сделала для реформы архивного дела. Пичета не побоялся напомнить, что Октябрьская революция сначала для целого ряда архивов имела катастрофическое значение. Так, во Владимире на третий день революции был сожжен дворянский архив; такая картина наблюдалась и в других местах. Спасение архивов производилось по личной инициативе отдельных лиц, но, «разумеется, личная инициатива, не поддержанная авторитетом власти, не могла иметь значения». Декрет от 1 июня 1918 г. стал первым шагом к организации архивного дела на новых началах к реализации централизации архивного дела и создал ГУАД, на которое была возложена реализация реформы.

Поскольку институт уполномоченных был учрежден в порядке коллегиального постановления, а не декретирования, необходимо было законодательным путем оформить юридическое положение института уполномоченных, в результате чего был издан декрет 31 марта 1919 г. «О

губернских архивных фондах» (об организации губернских архивных управлений).

Этот декрет 1919 г. положил прочное основание централизации архивного дела в провинции. Но Пичета напомнил и о том, что крайняя нужда в бумаге заставила Главбум в Москве и Губбум в провинции вместе с Центроутилем и Губутилем смотреть на архивы как «на бумажную массу, подлежащую переработке на бумажных фабриках». Эти учреждения под влиянием жестокой необходимости были «довольно настойчивы и бесцеремонны в своих требованиях» [8, с. 106]. Именно поэтому целый ряд архивных фондов был подвергнут утилизации без согласия и ведома Главархива.

Отметим, что еще 5 ноября 1920 г. В. И. Пичета и А. А. Трояновский докладывали об отборе архивных материалов Лефортовского архива для передачи в Главбум, и высказывались о необходимости обследования деятельности военных архивов. После обсуждения и обмена мнений было постановлено образовать комиссию для обследования состояния и работы московских военных архивов в составе В. Н. Сторожева, В. И. Пичеты и А. А. Трояновского. Пичета призвал снести с Главбумом по вопросу о необходимости возвращения в Лефортовский архив некоторых материалов, ошибочно переданных ему для переработки. По мнению Пичеты, в Разборочной комиссии при Главархиве необходимо обязательное присутствие представителя заинтересованного архива [9, л. 95].

В. И. Пичета же напомнил в 1924 г. делегатам Всебелорусской конференции архивных работников, что сразу после революции Малый Совнарком РСФСР составил проект об уничтожении всех архивов, кроме дипломатических и экономических, дабы удовлетворить насущные потребности бумажного голода, но проект Малого Совнаркома, дойдя до В. И. Ленина, был остановлен и в «Большой Совнарком» не попал. В соответствующих инстанциях был даже разработан проект об уничтожении, через передачу в Главбум, большей части имевшихся налицо архивных фондов. «К счастью, этот проект погиб при прохождении его через соответствующие инстанции» [10, с. 16].

Одновременно Пичета работает в разборочных комиссиях в провинции и Поверочной комиссии и контролирует, чтобы передача архивных документов производилась с соблюдением соответствующих условий, исключающих возможность уничтожения документов, имеющих крупную ценность и значение. Комиссии были снабжены детально

разработанной В. И. Пичетой и его единомышленниками инструкцией, которой следует руководствоваться при разборе документов для передачи последних на утилизацию. 12 ноября 1920 г. для разрешения вопроса о взаимоотношениях ГУАД и образуемых в федеративных республиках и трудовых коммунах архивных управлений, в частности, с Башкирским архивом, образована комиссия. По докладу Пичеты о ходе работ комиссии постановлено: выработанные Пичетой пункты положения и инструкции размножить и разослать и в другие регионы [11, л. 14–14об].

Разработанная Научно-теоретическим отделом под руководством Пичеты инструкция стала вершиной отечественной архивоведческой мысли.

Деятельность разборочных комиссий в период 1919–1920 гг. была очень оживленной, хотя протекала, как отмечал Пичета, «при самых неблагоприятных условиях, вследствие постоянного давления и даже угроз со стороны Главбума и Центроутиля».

Помимо этого, он участвовал в подготовке Рижского договора и связанных с ним решений по передаче части польских архивных документов, хранящихся в белорусских архивохранилищах. 14 мая 1920 г. для выявления материалов по польскому вопросу образована комиссия в составе М. К. Любавского, В. И. Пичеты, С. К. Богоявленского, С. К. Шамбинаго [6, л. 106–106 об], чему посвящена одна из научных статей М. Ф. Шумейко.

14 января 1921 г., т. е. через полгода после прихода нового руководства, Пичета подает заявление об отставке, по-видимому, внутренне выражая несогласие с политикой архивного руководства. Однако, несмотря на удовлетворение его заявления, новая коллегия, учитывая высочайший профессионализм Пичеты, через несколько месяцев уговорила его вновь вернуться к работе. Так, 4 мая 1921 г. он назначен членом коллегии НТО [12, л. 24].

7 сентября 1921 г. Пичета назначен в редакционно-издательскую коллегия [12, л. 38]; 16 июня 1921 г. вновь назначается заведующим Научно-теоретической частью ГУАД; одновременно в 1920–1921 гг. он является председателем Комиссии при Наркомпросе РСФСР по содействию организации БГУ; 4 ноября 1921 г. Пичете поручается создать Комиссию под его же председательством по разработке проекта Положения и программы Архивно-археографического института. В декабре 1921 г., накануне закрытия Петроградского и Московского археологических институтов, создана специальная комиссия по

учреждению Архивно-археографического института для подготовки архивистов, в которую вошли 12 профессоров и преподавателей Архивных курсов при обоих археологических институтах и соответствующих петроградских и московских вузов: А. С. Николаев, М. К. Любавский, А. Е. Пресняков, И. Л. Маяковский, В. В. Шереметевский, Д. Н. Егоров, С. К. Богоявленский, М. М. Богословский, В. И. Пичета, А. Н. Савин, Н. Ф. Бельчиков, А. Н. Филиппов, а также два представителя пострязановского архивного руководства – В. В. Максаков и В. М. Фриче.

В результате комиссия представила два проекта создания предлагаемого вуза – московских архивистов (В. В. Шереметевский) и петроградских архивистов. На трех заседаниях комиссия разработала учебный план, рассчитанный на 3-летний период обучения, который, однако, не был реализован.

Уже будучи ректором Белорусского государственного университета, в ноябре 1922 г. Пичета входит в Поверочную комиссию Главархива, а также в президиум Научно-организационной коллегии Центрархива [13, л. 71].

В мае 1924 г. Пичета уполномочен быть представителем Центрархива на совещании белорусских архивистов [14, л. 13].

Такова была деятельность Владимира Ивановича Пичеты в первые послереволюционные годы – уникального Человека и выдающегося Ученого.

Библиографический список

1. Шумейко М. Ф. Архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4. Минск. 2009. С. 233–247.
2. Шумейко М. Ф. Личный фонд первого ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты в Архиве Российской Академии наук // Архивы и делопроизводство. 2010. № 5. С. 102–113.
3. Шумейко М. Ф. В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920–1947 гг. // Отечественные архивы. 2014. № 1. С. 3–14.
4. Шумейко М. Ф. Пичета Владимир Иванович // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 26. С. 305–306.
5. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6.
6. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 122.
7. РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3.
8. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102–133.
9. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 223.
10. Первая Всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г.: Док. и материалы. Минск: БелНИИДАД, 1999. 148 с.
11. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 209.

12. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 267.
13. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 831.
14. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 606.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ АРХИВ: НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВА БГУ

Т. Д. Гернович¹⁾, А. С. Шапко²⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, adelia.z@gmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 9681277.98@mail.ru*

В статье рассматривается история образования архива БГУ, его структурная подчиненность. Раскрываются основные механизмы по формированию документального комплекса, передающегося в 1920–30-е годы на постоянное хранение. Приводится информация об управляющем делами Д. И. Серко, который руководил работой канцелярии, и старшем делопроизводителе И. О. Урман, отвечающим за формирование архива. Отмечается, что первоначально архив БГУ не выделяется из структуры канцелярии и рассматривался в разрезе деятельности архива канцелярии. В связи с тем, что с момента образования БССР сложилась практика передачи на постоянное хранение документов университета в Центрархив, университетский архив хранился не только в стенах университета. Делается вывод об актуальности разработки научно-справочного аппарата, представляющего объединенную информацию о документах БГУ в различных хранилищах.

Ключевые слова: архив университета; Белорусский государственный университет; канцелярия; документ.

UNIVERSITY ARCHIVE: START OF ACTIVITIES AND FORMATION OF THE BSU ARCHIVE

T. D. Hiarnovich¹⁾, A. Shapko²⁾

¹⁾*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, , adelia.z@gmail.com*

²⁾*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, 9681277.98@mail.ru*

The article examines the history of the formation of the BSU archive, its structural subordination. The main mechanisms for the formation of a documentary complex, which were transferred in the 20-30s for permanent storage, are revealed. The information about the business manager D. I. Serko, who supervised the work of the office, and the senior clerk I. O. Urman, responsible for the formation of the archive. It is noted that initially the BSU archive was not separated from the structure of the office and was considered in the context of the activities of the office's archive. Due to the fact that since the formation of the BSSR, the practice of transferring the university documents to the Central Archive for permanent storage and the university archive was stored not only within the walls of the university has developed, it is concluded that the development of a research and reference apparatus representing combined information about the documents of the BSU in various repositories has been drawn.

Key words: University archive; Belarusian State University; chancellery; document.

Архивы университетов – это особые места памяти в национальной культуре. Объединяя в своих стенах интеллектуалов, формируя будущую научную и культурную элиту общества, университеты создают документы по истории образования, науки, культуры. В их стенах формируются огромные массивы персональных данных: личных дел студентов и преподавателей, которые представляют огромный интерес для просопографических и биографических исследований.

Архивы европейских университетов традиционно хранятся в стенах университетов и, по сути, являются архивами учреждений. Однако, в отличие от традиционных архивов учреждений, доступ к которым ограничен, европейские университетские архивы предоставляют свободный доступ к своим материалам, публикуют сборники документов и формируют базы данных, для облегчения пользования информацией документов.

Белорусский государственный университет относительно молодой, в 2021 г. он отметил свой первый 100-летний юбилей. Тем не менее архивный фонд БГУ представляет большой интерес как при исследовании истории Беларуси, так и истории высшего образования, науки и самого университета, в частности. Первый 100-летний юбилей университета способствовал активизации исследовательской и археографической работы и в то же время поставил целый ряд проблем при изучении его документального фонда [1].

Формирование Архива Белорусского государственного университета началось с момента создания в 1921 г. в его структуре общеуниверситетской канцелярии и канцелярий при деканатах факультетов. Общеуниверситетская канцелярия размещалась в здании бывшей гимназии Фальковича вместе с рабочим факультетом, библиотекой и слесарной мастерской. Она входила в структуру Общего отдела, который возглавлял заведующий [2].

Отдельным направлением работы канцелярии была работа со студентами, за которое отвечал секретарь по студенческим делам с помощником. Решения по студенческим вопросам принимались во время заседаний Правления университета, оформлялись в Секретариате и после передавались в управление делами. Всю техническую работу Канцелярии выполняли 3 делопроизводителя, 2 машинистки, 1 журналистка и 2 курьера. К 1923 г. канцелярии действовали на 4 факультетах: медицинском, ФОНе, рабфаке и педфаке.

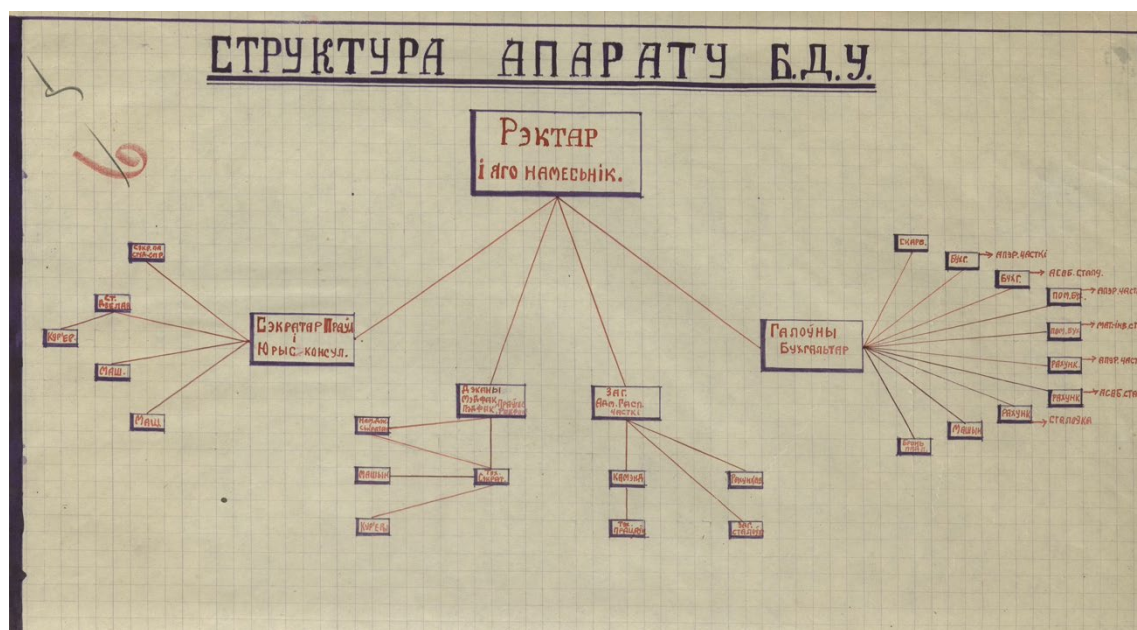

Рис. 1 Структура аппарата БГУ 1929 г. (Ф. 205. Оп. 1. Д. 319. Л. 5)

В 1927–1928 гг. в ходе выработки Устава БГУ в одном из проектов определялось, что административный аппарат состоит из ректора, Правления БГУ, канцелярии университета, секретариата по студенческим делам, хозяйственной части и бухгалтерии. На факультетах административный аппарат состоял из деканов, заведующих отделениями, заведующих научно-вспомогательных учреждений и канцелярии при деканате.

Канцелярия университета обслуживала ректора, Правление университета и вела личные дела научных, административно-хозяйственных, канцелярских и технических работников университета. Во главе канцелярии находился секретарь Правления, который нес ответственность за ее работу и которому непосредственно подчинялся канцелярско-технический персонал.

Секретариат по студенческим делам обслуживал всю массу студенчества. Его возглавлял секретарь по студенческим делам. Секретариатом по студенческим делам рассматривались вопросы выдачи стипендии, установления оплаты за обучение, оформлялись и выдавались студенческие удостоверения и различные справки. Также он вел военный учет, статистический учет студенчества, оформлял литеры (льготы) для проезда студентов и занимался оформлением и хранением личных дел студентов.

В ходе рассмотрения изменений проекта Устава в мае 1928 г. название «административный аппарат» было изменено на «административно-технический», а в его структуре кроме ректора и правления университета был выделен вспомогательно-технический аппарат, в который были включены канцелярия, хозяйственная часть и бухгалтерия. Секретариат по студенческим делам был ликвидирован.

Во главе канцелярии находился теперь не секретарь Правления, а управляющий делами, который одновременно являлся юрисконсультом университета. С 1922 г. заведующим Общим отделом являлся Дмитрий Иванович Серко [3]. Д. И. Серко родился 16 сентября 1889 г. в деревне Минского округа. Первоначальное образование он получил в деревенской школе, затем работал канцелярским работником в Минском отделении Крестьянского земельного банка, старшим делопроизводителем Военного комиссариата. Серко работал в университете с 1921 года по совместительству, а его основное место работы было в школе в должности инструктора. Одновременно он являлся одним из первых студентов университета – в 1921 г. поступил на факультет общественных наук БГУ на правовое отделение, которое окончил 20 февраля 1925 г., получив квалификацию «Юрист» [4]. В 1924 г. Дмитрий Иванович был назначен управляющим делами, секретарем Совета БГУ и юрисконсультом.

Д. И. Серко поддерживал дружественные отношения с В. И. Пичетой, А. Н. Вознесенским, В. Н. Перцевым и другими сотрудниками БГУ, состоял с ними в переписке и в последующие годы, когда ученые, в связи с различными обстоятельствами, уже не были связаны с университетом. Так, историк Е. В. Баранова ссылается на письмо от 5 ноября 1929, в котором, после отставки с должности ректора В. И. Пичеты, Д. И. Серко сообщает ему о высылке денежных средств и подписок газет из Минска в Москву [5].

В должности управляющего делами Д. И. Серко проработал до 1931 года, а затем занял должность руководителя практики студентов (до 1933 г.). С 1934 г. он был назначен заместителем директора по заочному обучению БГУ. После Дмитрий Иванович работал деканом литературного факультета в пединституте [6, с. 258, 325, 343].

На второй день войны Дмитрий Иванович ушел из Минска и пешком дошел до Смоленска, где был принят на военную службу и пробыл на фронте до ноября 1941 г., после чего заведовал библиотекой в военном госпитале. Около 14 месяцев он не знал о членах своей семьи ничего, так как они ушли в тот же день из Минска, но по другой дороге. Спустя почти

полтора года он нашел свою жену и дочь в Казани. Жена – Евгения Павловна – работала учительницей в деревенской школе, а дочь Ада работала и училась в университете.

В военные годы Д. И. Серко вместе с В. Н. Перцевым находился в г. Ижевске. Благодаря В. И. Пичете Дмитрий Иванович смог подтвердить свое образование и восстановить утраченные в военные годы документы. Как писал В. Н. Перцев в марте 1943 г. в письме В. И. Пичете, «В Ижевске ко мне каждое воскресенье приходит Д. И. Серко, который живет здесь неплохо и стремится поехать в Ташкент. Если можно, поспособствуйте ему в этом» [6, с. 343].

В 20-е и 30-е годы XX в. в советских республиках велась активная работа по повышению производительности труда и оптимизации ведения делопроизводства в учреждениях. В БССР контроль за органами государственного управления, хозяйства и общественных организаций проводил Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). В его задачи входила борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, усиленный контроль путем летучих ревизий и обследований всех органов Советской власти. Вопросами делопроизводства в НК РКИ занимались в разные годы бюро НОТ (1924–1925), бюро рационализации (1925–1926), группа по рационализации счетоводства, отчетности и делопроизводства.

В рамках оптимизации труда в 1926 г. приказом ректора были утверждены должностные инструкции для сотрудников административно-канцелярского отдела. Так, в обязанности управляющего делами входило: распределение документов, поступающих в БГУ по соответствующим отделам для исполнения; представление документов, необходимых для решения в ходе заседания Правления университета, ректору или его заместителю; подписание документов, которые исходят от имени Правления и Секретариата по студенческим делам; участие в заседаниях Правления и ведение их протоколов и исполнение обязанностей секретаря заседания; составление докладных записок от Правления; контроль исполнения директив и распоряжений высших органов управления университетом; контроль за исполнением дел канцеляриями деканатов факультетов; представление в качестве юрист-консульта университета и входение от Правления в состав РКИ при БГУ [7].

В первой описи дел БГУ (1921) представлен скромный перечень дел, включающий 29 позиций, в 1922 – 34 дела, 1923 – 41, а в 1924 – 44. Безусловно, состав документов не только дополнялся, но и изменялся. Так,

в описи 1921 г. включены дела об организации и открытии университета. Открытие новых подразделений, факультетов, взаимодействие с другими организациями способствовали расширению делопроизводства (например, заводились дела об организации Агрофака, об обществах при БГУ, переписка с ЦИК Советской Белоруссии и др.).

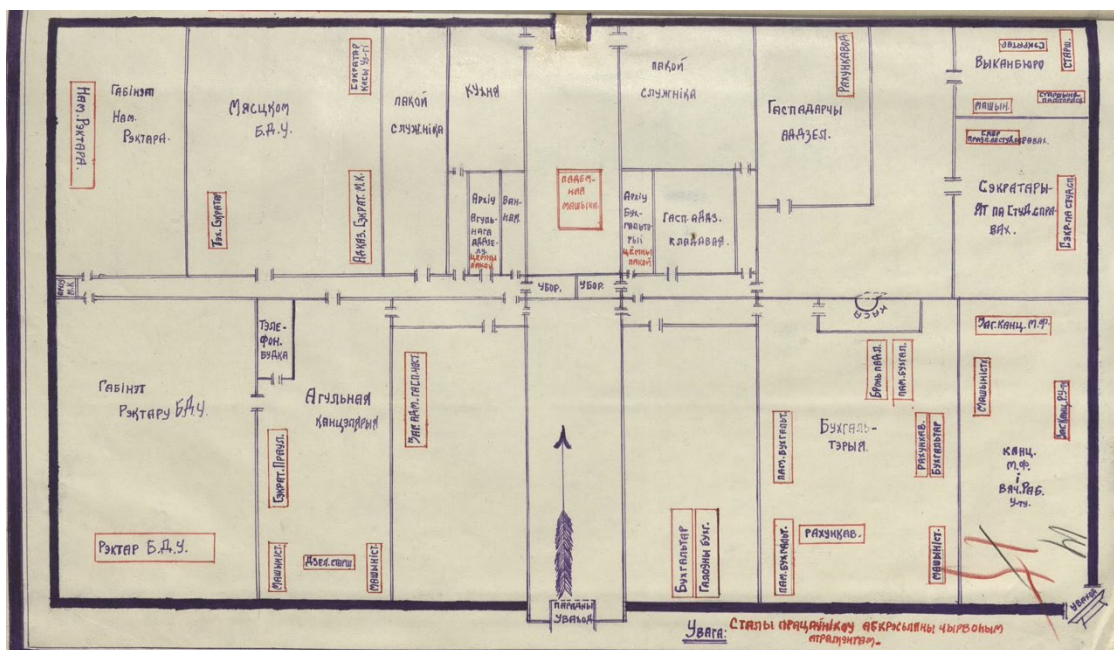

Рис. 2 План помещения с указанием размещения столов, составленный при обследовании состояния делопроизводства БГУ в 1929 г. (Ф. 205. Оп. 1. Д. 319. Л. 14)

С 1926 г. описи дел начинают называться списками дел и оформляются на белорусском языке. Также начиная с 1926 г. в списках дел выделяются отдельные разделы, которые соответствуют структуре университета: Общая Канцелярия, Хозяйственный отдел и Секретариат по студенческим делам. В компетенцию Общей канцелярии входили вопросы, связанные с заседаниями Правления, перепиской с факультетами и сторонними организациями, учебная документация (планы, программы), секретная переписка, штатное расписание и др. Секретариат по студенческим делам работал с документами, отражающими количественный состав студентов БГУ, отчетной документацией, заявлениями студентов и другими документами. Хозяйственный отдел решал вопросы закупки необходимых материалов для постройки и ремонтных работ в БГУ, также отчетные документы, сметы и переписки сопровождали эти процессы. В случае, если образовывались дела, которые не были предусмотрены планом, они дописывались в список дел от руки. Например, в 1926 г. в дела Общей канцелярии БГУ были включены: о

проведении празднования пятилетия основания БГУ, производственные встречи, доклад по обследованию БГУ в структурно-штатном отношении.

Во второй половине 1926 г. списки дел БГУ начинают планировать не на календарный, а на 1926/1927 учебный год. В списке дел по Белорусскому государственному университету на 1927/1928 год добавляется строка «с 1-го октября 1927 г.» – дата, с которой документ начинает действовать. Помимо трех подразделений (Общая канцелярия, Хозяйственный отдел и Секретариат по студенческим делам) выделяются еще два: деканаты (факультетов) и бухгалтерия. В деканатах должны были храниться копии протоколов заседаний Правления БГУ, учебные планы и программы, переписка, списки студентов и другие документы, хранящиеся также в Общей канцелярии и Секретариате по студенческим делам.

В 1929 г. в соответствии с общими требованиями ведения делопроизводства в БССР список дел начинает называться «Классификатор документов Белорусского государственного университета на 1929/1930 уч. год». Каждому структурному подразделению присваивался номер, а также стали выделяться подсистемы дел, заводимых в отделах. Например, в классификаторе документов БГУ на 1929/1930 уч. год выделялись в общем отделе: 00 личный состав, 01 общие вопросы руководства, 02 протокольное делопроизводство, 03 академические вопросы, 04 студенческие вопросы. К 1930 г. классификатор дел БГУ насчитывает более 300 дел, что практически в 10 раз превышает количество дел, заведенных в 1921 г. (29 дел). Весь этот комплекс документации хранился в архиве канцелярии БГУ.

Ведение архива Общей канцелярии, наряду с ведением текущей переписки от Общей канцелярии и ряда других вопросов, входило в обязанности старшего делопроизводителя общей канцелярии. В 1925/26 уч. году на эту должность был назначен Израиль Овсеевич Урман. И. О. Урман родился 7 декабря 1903 г. Его отец, Овсей Ельевич, работал музыкальным мастером батальона ВЧК [8]. С юношеских лет И. О. Урман трудился, чтобы прокормить семью, которая находилась на его попечении из-за болезни родителей. Израиль Овсеевич был принят конторщиком в БГУ (с 7 сентября 1921), с 1 января 1922 г. его перевели на должность делопроизводителя [9], а с 1925 г. – старшего делопроизводителя Общей Канцелярии [10; 11].

В 1922 г. И. О. Урман окончил школу 2-ой ступени при Единой трудовой школе № 10 г. Минска и в 1923 г. поступил на медицинский факультет БГУ [12]. С медицинским факультетом, а в последующие годы

медицинским институтом, связана его дальнейшая судьба. Здесь с 7 сентября 1928 г. он работал заведующим канцелярией [11] и отсюда, уже став врачом, в 1941 г. ушел на фронт. В звании подполковника медслужбы эвакуационного госпиталя 2386 он прошел всю войну, награжден медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги», двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, и орденом Ленина [13].

Сотрудники канцелярии БГУ регулярно проводили обследования состояния делопроизводства и на своих заседаниях обсуждали меры, необходимые для повышения производительности труда. Вопросы сохранности документального комплекса, создающегося в процессе деятельности университета, вызывали озабоченность и требовали оптимизации архивного хранения. Так, на совещании 2 апреля 1926 г. было отмечено, что на педагогическом факультете необходимо «... приобрести шкаф для старых дел деканата педфака, так как архив свален в кучу и в таком положении находиться ни в коем случае не может...», а на факультете права и хозяйства «... срочно привести в порядок дела бывшего ФОН и передать их в архив Правления Университета...», «необходимо пригласить дополнительную машинистку для правления в связи с перегруженностью работы машинистки в общей канцелярии писанием истории университета» [14].

По итогам обследования работы делопроизводства БГУ, которое проводил НК РКИ в 1929 г., было установлено, что документы в текущий архив передаются старшим делопроизводителем и раз в неделю подшиваются в дела. Документы в делах располагаются в хронологическом порядке. В текущем архиве дела находятся в обложках и лежат в шкафу в горизонтальном положении. В постоянном архиве дела связаны по годам и стоят отдельно по каждому году вертикально. Документы из архива никому не выдаются. По окончании делопроизводственного года дела из текущего архива поступают в постоянный архив при Канцелярии БГУ. По причине того, что архив канцелярии небольшой, справки из архива выдаются в течении 10–15 минут [15].

В соответствии с инструкцией для общего делопроизводства Правления и деканов БГУ дела в архиве Правления и деканатов, кроме студенческих, хранились только за последние 3 года, а остальные передавались в соответствии с описью дел в Центрархив. Такая практика

была продиктована требованиями нормативных актов в сфере архивного дела и делопроизводства. Передача окончанных делопроизводственных дел в центральные государственные архивохранилища, впервые зафиксированная в Декрете 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», была также закреплена в «Положении о Центральном архиве Белоруссии и смете расходов» от 12 сентября 1922 г.

Таким образом, с первых лет организации университетского архива сформировалась традиция по рассредоточенному хранению документов между университетским архивом и фондом БГУ в центральном государственном архивохранилище (в настоящее время Ф. 205 Национального архива Республики Беларусь). Эта специфика выделяет университетский архив БГУ в ряду архивов европейских университетов. Как нам представляется, в ближайшее время, ввиду активизации изучения документального комплекса университета, актуальным будет разработка объединенного научно-справочного аппарата к документам университета, которые хранятся в различных хранилищах (НАРБ, архив БГУ, музей БГУ и т. д.).

Библиографический список

1. Шумейко М. Ф. Книжные издания к 100-летию Белорусского государственного университета // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 151–159.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.
3. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7494. Л. 6.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7494. Л. 10–11.
5. Баранова Е. В. В. И. Пичета в воспоминаниях и письмах коллег и учеников // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2006. № 3. С. 9–15.
6. Неизвестный В. И. Пичета / сост.: М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский; редкол. А. Д. Король [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2021.
7. НАРБ Ф. 205. Оп. 1. Д. 217. Л. 12–21, копия.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8290. Л. 8.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8290. Л. 5.
10. НАРБ Ф. 205. Оп. 3. Д. 8291. Л. 1.
11. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8291. Л. 15.
12. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 8290. Л. 2.
13. Память народа: электронный ресурс https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1510025019/
14. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–1 об.
15. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 319. Л. 3.

**ОТ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ
К САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ
ИНСТИТУТУ И ФАКУЛЬТЕТУ БЕЛОРУССКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
(1929–1933 гг.)**

А. К. Дубовик

*Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, а. к. dubovik@mail. ru*

Уточнена история создания химического факультета в БГУ, он открыт не в 1931 г., а в 1929 г. и назывался химико-технологическим. Рассматриваются реорганизации высшей школы в 1929–1933 гг. В январе 1930 г. Правительство БССР решило перевести химико-технологический факультет БГУ в создаваемый политехнический институт. Однако в связи с новым курсом на открытие небольших втузов был создан самостоятельный Химико-технологический институт. В июле 1933 г. он вошел в состав, наконец, открытого БПИ и функционировал в нем до 1973 г. Показан вклад в развитие химической науки и подготовку кадров академика Н. А. Прилежаева, а также выпускника химико-технологического факультета БПИ А. А. Ахрема.

Ключевые слова: реорганизации высшей школы; Белорусский государственный университет; химико-технологический факультет; втузы; Химико-технологический институт; Белорусский политехнический институт; Н. А. Прилежаев; А. А. Ахрем.

**FROM CHEMICAL-TECHNOLOGICAL FACULTY OF THE BSU
TO SEPARATE CHEMICAL-TECHNOLOGICAL INSTITUTE
AND FACULTY OF THE BELARUSIAN POLYTECHNICAL
INSTITUTE (1929–1933)**

A. K. Dubovik

*Belarusian National Technical University, 65, Nezavisimosti avenue, 220013, Minsk,
Republic of Belarus, a. k. dubovik@mail. ru*

The history of the creation of the faculty of chemistry in the Belarusian State University has been clarified. It was opened not in 1931, but in 1929 and was called chemical-technological. The reorganization of higher education in 1929–1933 is considered. In January 1930 the government of the BSSR decided to transfer the faculty to the newly created Polytechnical Institute. However in connection with the new course towards opening small technical colleges a separate Chemical-technological Institute was created. In July 1933 it became part of the finally opened Polytechnical Institute and functioned there until 1973. The contribution to the development of chemical science and training of academician N. A. Prilezhaev as well as a graduate of the chemical-technological faculty of Belarusian Polytechnical Institute A. A. Akhrem is shown.

Key words: reorganization of higher education; Belarusian State University; Chemical-technological faculty; higher technical educational institutions; Chemical-technological Institute; Belarusian Polytechnical Institute; N. A. Prilezhaev; A. A. Akhrem.

В работах по истории химического факультета БГУ отмечается, что он открыт в октябре 1931 г. на базе кафедр неорганической и органической химии, существовавших с 1921 г. и проводивших учебный процесс на педагогическом и медицинском факультетах [1, с. 9]. Однако почему-то даже не упоминается созданный в 1929 г. химико-технологический факультет БГУ, преобразованный в 1930 г. в самостоятельный Химико-технологический институт, а с середины 1933 г. входивший в состав воссозданного Белорусского политехнического института. Попробуем разобраться в данной проблеме.

После того как в июле 1922 г. Белорусский государственный политехнический институт был реорганизован в Институт сельского хозяйства, БССР не имела своих высших технических учебных заведений. Специалисты высшей квалификации готовились во втузах РСФСР и УССР. Понятно, что необходимое количество высококвалифицированных специалистов для республики не могло быть подготовлено за ее пределами. По данным Высшего совета народного хозяйства БССР (ВСНХБ), в промышленности БССР потребность в кадрах с высшим техническим образованием составляла на 1929/1930 хозяйственный год 714 человек против имевшихся 115 специалистов [2, с. 155]. Руководитель ВСНХБ В. К. Строковский, выступая 23 ноября 1929 г. на собрании научных и инженерных работников Минска, отметил, что потребности БССР в специалистах достигают 4 тыс. человек, причем в первую очередь нужны механики, химики, торфяники, экономисты, строители. Необходимы учебные заведения для подготовки кадров высшей квалификации для промышленности и строительства [3, л. 530].

Улучшению положения призван был способствовать открытый в 1929 г. в Белорусском государственном университете химико-технологический факультет, который предназначался для подготовки кадров химиков-технологов для лесохимической, торфохимической, силикатной и пищевой промышленности. Подготовка к открытию факультета шла с 1928 г. Вопрос «О структуре химико-технологического факультета БГУ» (докладчик профессор Н. А. Прилежаев) 21 февраля 1928 г. был рассмотрен на заседании коллегии Наркомата просвещения БССР [3, л. 113]. В начале сентября 1929 г. приемной комиссией были зачислены на первый курс химико-технологического факультета БГУ из 240 претендентов 94 абитуриента, успешно сдавшие экзамены [4, л. 1–11]. 27 ноября 1929 г. доклад декана Н. А. Прилежаева «О состоянии работы

химфака БГУ» слушался на заседании коллегии Наркомпроса. Работа факультета была признана удовлетворительной [5, л. 16].

Но 14 декабря 1929 г. Совет народных комиссаров (СНК) БССР принял решение организовать высшее техническое учебное заведение – Политехнический институт в Минске. В дополнение 12 января 1930 г. СНК БССР установил структуру Политехнического института: химико-технологический факультет (путем его перевода из БГУ), механический, строительный, промышленно-экономический факультеты [6, л. 11,33].

Однако, в связи с взятым в СССР курсом на создание небольших вузов с узкой специализацией и трех-четырёхлетним сроком обучения, 17 июля 1930 г. СНК БССР постановил открыть не один политехнический институт, а химико-технологический, электротехнический и строительный институты в Минске и механический в Гомеле [7]. Директором Химико-технологического института (ХТИ) был назначен Я. З. Куница [8, л. 114]. Институт в составе 4 отделений (бумажного, стекольного, керамического и питания; торфяное и лесохимическое отделения не вошли в ХТИ) находился в подчинении ВСНХБ [9, л. 64]. С 1931 г. директором ХТИ являлся И. И. Дружеловский. В 1932 г. в связи с направлением его на учебу в Промышленную академию в Харькове директором ХТИ становится Р. Ю. Бедынерман [10, л. 434].

На химико-технологическом факультете БГУ и затем в ХТИ работал ряд видных ученых. Прежде всего, следует назвать Николая Александровича Прилежаева (1877–1944). Уроженец Нижнего Новгорода, он в 1900 г. окончил Варшавский университет. Автор научных трудов по органическим перекисям, за которые в 1912 г. удостоен Премии им. Бутлерова Российской академии наук. С 1924 г. работал в БГУ. Одновременно в 1931–1933 гг. являлся директором Института химии Белорусской академии наук (БАН). Член-корреспондент АН СССР (1933). Академик БАН (1940) [11, с. 190–196].

Вместе с тем, создание за короткий период большого количества вузов приводило к возникновению мало мощных учебных заведений со слабой материальной базой. Так, ХТИ располагал всего тремя аудиториями, в которых нужно было организовать учебу 16 групп [9, л. 70]. В институте обучалось всего около 200 студентов. Распространенным явлением были параллелизм в подготовке специалистов, чрезмерное дробление специальностей. В ХТИ студенты обучались по 20 специальностям [12, л. 416].

В связи с реорганизацией ВСНХБ постановлением Бюро ЦК КП(б)Б от 27 марта 1932 г. ХТИ был временно переподчинен Наркомату легкой промышленности [10, л. 387]. 3 апреля 1932 г. принято постановление коллегии наркомата «О Химико-технологическом институте», в котором признано необходимым передать бумажное отделение института Наркомату лесной промышленности; поставить вопрос перед Уполномоченным Наркомата тяжелой промышленности СССР при СНК БССР о выделении из состава ХТИ керамического отделения, организовав на его базе самостоятельный институт строительных материалов; поручить сектору кадров Наркомата легкой промышленности проработать вопрос о специализации ХТИ, приспособив его к обслуживанию легкой промышленности [10, л. 386].

Однако совещание при отделе кадров ЦК КП(б)Б по вопросу о ХТИ, заслушав информацию И. И. Дружеловского и работника наркомата И. И. Анодина, посчитало нецелесообразным проводить реорганизацию ХТИ в течение 1932 г. Было отмечено, что выпуск специалистов для бумажной промышленности должен проводить ХТИ на основе принятых учебных планов и программ, но это не исключает командировки групп студентов данной специальности в другой вуз для прохождения части дисциплин, по которым ХТИ не может обеспечить должного уровня преподавания. Было предложено наркоматам тяжелой и лесной промышленности заключить договоры с Наркоматом легкой промышленности о подготовке в ХТИ специалистов для их отраслей; сектору кадров Наркомата тяжелой промышленности и Госплану ускорить разработку плана потребности специалистов-керамиков [10, л. 385].

Летом 1932 г. из ХТИ выделился Институт пищевой промышленности, который, однако, не имел никаких учебных площадей, оборудования, общежитий и т. д. Поэтому 8 сентября 1932 г. Секретариат ЦК КП(б)Б принял специальное постановление «О положении Химико-технологического института пищевой промышленности», в котором обязал дирекцию ХТИ предоставить новоиспеченному институту право пользования общежитиями, научным оборудованием, площадью для административно-хозяйственного и учебного руководства и т. д. Управление университетского городка обязывалось предоставить данному институту две новые аудитории. Предложено Наркомату снабжения решить вопрос о выделении необходимой суммы средств для обеспечения нормальной работы института, а Минскому горсовету предоставить 3 квартиры для его научных работников. В целях обеспечения

комплектования института передавать ему в течение двух лет 50 % выпусков рабфака ХТИ [10, л. 1–2].

IV пленум ЦК КП(б)Б, состоявшийся 1–5 декабря 1932 г., рассмотрел вопрос «Решения ЦК ВКП(б) о массовой и высшей школе», заслушал доклады наркомов, в ведении которых находились вузы. Нарком легкой промышленности Г. П. Грисевич отметил дефицит профессорско-преподавательского состава. По ХТИ не хватало 4 профессоров и 4 доцентов. Те же, кто преподавал в институте, одновременно работали в других вузах, что сказывалось на качестве подготовки к лекциям. «Вынуждены были пойти даже на такой кабальный договор, чтобы платить профессору 25 рублей за час (правда, сюда включается и квартира, и мягкий вагон, в котором он едет). На это пошли в Химико-технологическом институте, чтобы пригласить специалистов, не сорвать подготовку кадров для стекольной промышленности» [13, л. 421]. ХТИ готовил кадры также для цементной промышленности, находившейся в ведении Наркомата тяжелой промышленности, и для бумажной промышленности, относившейся к Наркомату лесной промышленности [13, л. 417].

Во исполнение постановления ЦИК СССР и декабрьского (1932 г.) пленума ЦК КП(б)Б об упорядочении сети учебных заведений, Секретариат ЦК КП(б)Б в марте и апреле 1933 г. дважды рассматривал вопрос «О реорганизации вузов и втузов». Было принято решение об укрупнении ряда вузов, в том числе создании на базе ХТИ и Института пищевой промышленности одного института [10, л. 408; 14, л. 26, 34].

Поскольку небольшие, «карликовые» вузы себя не оправдали, 1 июля 1933 г. СНК БССР принял постановление о реорганизации существующих институтов: энергетического, строительного, торфяного, водно-мелиоративного, химико-технологического и пищевой промышленности в один Белорусский политехнический институт (БПИ), подчинив его Уполномоченному Наркомата тяжелой промышленности СССР при СНК БССР. Таким образом была возобновлена деятельность БПИ – предшественника современного БНТУ. Директором БПИ был назначен С. Ю. Лысов, а в мае 1934 г. – И. И. Дружеловский, бывший директор ХТИ [15, с. 19, 241].

В результате со второй половины 1933 г. химико-технологический факультет функционировал в структуре БПИ. Здесь с 1933 г. работал профессор Н. А. Прилежаев. Однако ученого не обошли политические тучи. В подготовленной управделами БАН И. Ф. Шпилевским книге

«Беларуская Акадэмія навук да 15-годдзя БССР» Н. А. Прилежаев обвинялся в связи с троцкистами, великодержавном шовинизме и т. д. [16, л. 348, 357]. В статье некоего Алеши «Навуковыя здзекі», опубликованной 23 ноября 1934 г. в газете «Звязда», отмечалось, что ректор БГУ А. И. Дьяков, заявив «Не надо служить двум богам», предложил профессору оставить работу в химическом институте. Студентам БПИ запретили пользоваться химической лабораторией, которую ранее Прилежаев создал в БГУ. А затем заместитель ректора БГУ Коледа вовсе приказал не пускать профессора в БГУ [16, л. 350–351]. Дошло до того, что вопрос «О деле профессора Прилежаева» рассматривался на заседании Бюро ЦК КП(б)Б. Правда, партийный орган выступил в его защиту, отметил, что обвинения ученого как «великодержавника, вредителя и рвача» безосновательны и сняты решением ЦКК–РКИ от 11 июня 1933 г. [16, л. 347].

В 1934 г. состоялся первый выпуск студентов БПИ, в том числе химико-технологического факультета. По этому поводу делегацию БПИ 29 августа принял первый секретарь ЦК КП(б)Б Н. Ф. Гикало. В беседе приняли участие секретарь ЦК КП(б)Б Д. И. Волкович, секретарь Минского горкома КП(б)Б А. Б. Рыскин, ректор БПИ И. И. Дружеловский, профессора, доценты и преподаватели, группа студентов-выпускников БПИ. Профессор Н. А. Прилежаев рассказал о развитии института; от имени студентов выступил выпускник химико-технологического факультета Л. Я. Аксенцов [17].

Из первых студентов химико-технологического факультета БГУ и выпускников аналогичного факультета БПИ наиболее успешно сложилась карьера Афанасия Андреевича Ахрема (1913–2010). С 1934 г. он работал в БПИ на кафедре органической химии под руководством Н. А. Прилежаева. В 1936–1937 гг. он возглавлял научно-исследовательский сектор и отдел аспирантуры, в 1937–1938 гг. был деканом химико-технологического факультета БПИ, в 1939 – июне 1941 г. – аспирантом и ассистентом кафедры. Участник Великой Отечественной войны, он стал впоследствии доктором химических наук (1960), профессором, академиком АН БССР (1970); с 1974 г. работал директором Института биоорганической химии АН БССР. Автор более 800 научных трудов, в том числе 13 монографий и 100 изобретений. Деятельность ученого отмечена орденами Ленина, «Знак Почета», Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, Орденом Почета Республики Беларусь, медалями [18].

1 января 1973 г. был создан Могилевский технологический институт. В связи с этим в Могилев из БПИ были переведены несколько специальностей, переехал работать и ряд преподавателей. В настоящее время вуз носит название Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, осуществляет подготовку инженеров-технологов для пищевой и химических отраслей промышленности.

Таким образом, открытый в 1929 г. химико-технологический факультет БГУ положил в дальнейшем начало созданию целого ряда технических вузов, игравших важную роль в подготовке кадров для народного хозяйства страны.

Библиографические ссылки

1. Химический факультет / Белорусский государственный университет; [ред. совет Ф. Н. Капуцкий и др.]. Минск: БГУ, 2011.
2. Пятилетний план инженерно-технических и экономических кадров в промышленности: Материалы к докладу ВСНХ СССР. М.: Гос. техн. изд-во, 1930.
3. НАРБ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 472.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1243.
5. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2056.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 689.
7. Савецкая Беларусь. 1930. 20 ліпеня.
8. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4771.
9. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5799.
10. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5526.
11. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / С. В. Абламейко [и др.]; научн. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017.
12. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5615.
13. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5614.
14. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 6470.
15. БНТУ. 100 лет истории / К. И. Баландин [и др.]. Минск: БНТУ, 2020.
16. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 9164.
17. Дэлегатыя Політэхнічнага інстытута ў тав. Гікало // Звязда. 1934. 30 жніўня. С. 1.
18. Колосова О. 100 лет со дня рождения Афанасия Андреевича Ахрема [Электронный ресурс] / Шлях перамогі. URL: <https://peramoga.by/zemlya-lyudey/100-let-so-dnyarozhdeniya-afanasiya-andreyevicha-akhrema>. Дата доступа: 24. 10. 2021.

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В БГУ ПО ДАНЫМ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ (1921–1961 гг.)

И. О. Евтухов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Ewtuhow@tut.by*

На основании архивных документов проанализирована организация преподавания истории средних веков в Белорусском государственном университете. Особое внимание уделено преподавательской деятельности профессоров А. Н. Ясинского и В. Н. Перцева.

Ключевые слова: преподавание истории средних веков; БГУ; А. Н. Ясинский; В. Н. Перцев.

TEACHING THE HISTORY OF THE MIDDLE AGES AT BSU ACCORDING TO ARCHIVAL MATERIALS (1921–1961)

I. O. Evtukhov

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, Ewtuhow@tut.by

On the basis of archival documents, the organization of teaching the history of the Middle Ages at the Belarusian State University is analyzed. Special attention is paid to the activity of Professors A. N. Yasinsky and V. N. Pertsev.

Key words: teaching the history of the Middle Ages; BSU; A. N. Yasinsky; V. N. Pertsev.

В самом начале XX века на белорусских землях Российской империи не было ни одного высшего учебного заведения: Горыгорецкий земледельческий институт после восстания 1863 года был переведен в Санкт-Петербург. Среднеспециальные учебные заведения были представлены учительскими институтами: Витебским (открыт в 1910 г.) и Минским (открыт в 1914 г.). Первый из них был в 1918 году преобразован в Витебский педагогический институт. Второй – в Минский институт народного образования (1920 г.). В 1921 г. в Минске был открыт Белорусский государственный университет, который в том же году присоединил к себе Минский институт народного образования, а в 1924 г. – Витебский педагогический институт.

Факультет общественных наук. Преподавание истории средних веков было предусмотрено Примерным учебным планом на 1921/1922 учебный год по факультету общественных наук на общественно-педагогическом отделении: «Средней истории, один курс по истории народного хозяйства на 3-м курсе в объеме 12 часов» [1, с. 191].

Перенесение средневековой истории сразу на 3-й курс, как можно предположить, было связано с тем обстоятельством, что не было лектора.

Стоявший у истоков БГУ профессор В. Н. Перцев отмечал по этому поводу в своих воспоминаниях, подготовленных к 20-летию университета, следующее: «Недостаток преподавателей был настолько большой, что приходилось ориентироваться на имеющиеся преподавательские силы, а не на учебный план, иначе говоря, не столько преподаватели приглашались для чтения определенных курсов, сколько их определение и характер зависели от наличия необходимых сил» [2, с. 20].

В 1922 году ФОН был реорганизован: из него выделился педагогический факультет. Учебный план перенес историю средних веков с 3-го на 2-й курс. Для чтения лекций был приглашен из Москвы профессор А. Н. Ясинский [3, с. 352, 354].

Уже в 1922/1923 учебном году история средних веков заняла свое законное место среди остальных предметов: «На социально-историческом отделении педагогического факультета (1–2 курсы) профессор Ясинский читал историю средних веков и историю средневекового хозяйства, вел семинарий по толкованию Салической правды» [4, с. 246].

Правда, место это было во многом формальным, ибо средневековье, как и древность, в приоритете преподавания тогда не были. Профессор В. Н. Перцев вспоминал по этому поводу: «Программы составлялись так, что на все первобытное время давалось 4 часа, на Восток не более 18 часов, на античное общество не более 30 часов, а на все средневековье не более 40 часов. При этом и древность, и средневековье читались только на I курсе, и затем к ним уже не возвращались на всем протяжении курса. Еще хуже обстояло дело на неспециальных / для историков / факультетах, где изучалась по существу только история нового времени, а на всю историю до XIX в. отводилось от 8 до 12 часов – в кратком обзоре, имевшем исключительно схематический характер. История комкалась до чрезвычайности, и даже специалисты-историки изучали более или менее обстоятельно только XIX и XX в.» [2, с. 23–24].

По своим взглядам профессор А. Н. Ясинский, как видно из опубликованных лекций, прочитанных в Юрьевском университете, был далек от марксизма: «Законов исторического развития не отыскано, потому что при сложности психических и физических мотивов, которыми управляется человек, и нельзя открыть. Наконец, в задачу истории и не входит отыскание законов развития человеческого общества. Эта задача является предметом социологии» [5, с. 50]. Немарксизм лектора момент не

был оставлен без внимания. В обнаруженной О. И. Малюгиным в архиве характеристике говорится следующее: «Имеет большую эрудицию в области средневековой истории Запада. Методология чисто буржуазная. Часто разрабатывает темы, которые для пролетарской культуры большого значения не имеют. Политически неразвитый. Отношения к марксистской методологии совсем отрицательные. Отношение к советской власти не совсем лояльное» [6, с. 230].

О. И. Малюгин так описал начало его преподавательской деятельности в Минске: «В первые годы преподавания в БГУ А. Н. Ясинский, как и многие другие профессора, продолжал постоянно проживать в Москве, приезжая в Минск лишь на короткое время – читать лекции и принимать зачеты. Но уже осенью 1925 г. Правление предлагает профессору переехать в Минск на постоянное место жительства, причем в решении Правления записано, что если он не сможет это сделать, то чтение его курса будет перенесено на второе полугодие. Антон Никитич предложение Правления принял, хоть и не сразу: дело было в катастрофической нехватке жилья для приезжающих профессоров. В итоге ситуация начала благополучно меняться лишь в середине 1927 г., когда он обратился в Правление с заявлением о подыскании квартиры в Минске и оплате подъемных на переезд из Москвы в Минск. Правление пообещало квартиру в одном из домов БГУ и оплату подъемных после переезда» [7, с. 190–191].

Сотрудничество А. Н. Ясинского с БГУ оказалось недолгим. После сокращения учебных курсов «История экономического быта Средних веков» и «История западных славян» последовало сокращение преподавательского состава педагогического факультета. «Решением Правления от 15 августа 1928 г. он был уволен с выплатой жалованья по 1 сентября» [7, с. 192]. Правда, в этом же году А. Н. Ясинского избрали академиком Белорусской академии наук.

Последние годы жизни Антон Никитич провел в Москве в тяжёлой обстановке. В 1929 г. умерла жена. Младшая дочь (род. в 1893 г.), жившая с отцом, была нездорова. Ухудшилось здоровье его самого. Совсем плохо стало осенью 1933 г. 13 ноября 1933 г. А. Н. Ясинский скончался. При этом минские коллеги его не забыли. Деньги на похороны прислала белорусская Академия наук [8, с. 267].

После увольнения А. Н. Ясинского из БГУ чтение курса средневековой истории перешло к профессору Владимиру Николаевичу

Перцеву, читавшему историю Нового времени. В 1930 году эти курсы были объединены в один курс «Истории Запада».

Подходы профессора В. Н. Перцева к историческому процессу также были не совсем марксистскими. В характеристике профессорско-преподавательского состава БГУ на 1928/1929 уч. г. говорилось: «Весьма добросовестно работает как профессор. Имеет большую эрудицию в своей области, но марксистской методологией владеет недостаточно. Отсюда в части обобщений т. Перцев не дает того, что требуется от историка-марксиста. В общественной жизни принимает недостаточное участие» [9, л. 3].

Исторический факультет БГУ был создан в 1934 году согласно постановлению ЦК КП(б)Б «О возобновлении исторического факультета БГУ» от 11 июня 1934 года [10, л. 26]. Учебный план на 1934/1935 уч. год предусматривал изучение курса истории средних веков: на 1-м курсе объемом 110 часов лекционных и 50 часов просеминарских, на 2-м курсе – просеминар 70 часов, на 3-м курсе – просеминар 60 часов для специализации [11, л. 13–15].

Первоначально планировалось формирование трех кафедр: истории СССР и БССР, древнего мира, средних веков. Во главе двух последних должны были встать академик Н. М. Никольский и профессор В. Н. Перцев соответственно. Основные рабочие места обоих в то время находились вне университета: в Академии наук БССР (Н. М. Никольский) и в Высшем (позднее – Минском) государственном педагогическом институте (В. Н. Перцев), что несколько затрудняло реализацию плана. В результате 1934/35 учебный год вновь созданный факультет встретил с одной кафедрой общей истории, которую возглавил декан – академик В. К. Щербаков. Николая Михайловича и Владимира Николаевича пригласили для чтения лекций. В 1935/36 учебном году нагрузка первого составила 120 часов (история древности), второго – 300 часов (всеобщая история) [12, л. 1].

В 1935 году в аспирантуру поступил Абель Исаакович Партон, окончивший в 1931 г. социально-историческое отделение педагогического факультета БГУ. Темой исследования было определено цеховое движение в Любеке [13, л. 12]. Потенциально он мог стать первым медиевистом, подготовленным белорусской системой образования.

В начале 1936/37 учебного года была сформирована кафедра истории средних веков и древней истории во главе с академиком Н. М. Никольским [14, л. 74]. В. Н. Перцев занял должность профессора

кафедры, в то время как основным его местом работы оставался ВГПИ. Должность полуштатного ассистента с нагрузкой в 200 часов занял А. И. Партон.

С 1 марта 1938 года штатный заведующий кафедрой всеобщей истории ВГПИ Владимир Николаевич Перцев был одновременно включен в штат кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ по причине большого объема выполняемой им нагрузки: 600 часов по древней и средневековой истории [15, л. 37]. С 17 сентября 1938 г. Партон был зачислен на должность старшего преподавателя и заместителя декана факультета. Состав кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ на 1938/39 учебный год выглядел следующим образом: акад. Н. М. Никольский, заведующий (совм.), проф. В. Н. Перцев, и. о. доцента В. И. Шевченко, ст. преп. А. И. Партон, ст. преп. М. Ф. Старжинский (лат.), ст. преп. И. Н. Фейнберг (лат., полуштат), Пассе (совм. 50 часов истории др. востока) [16, л. 28–34]. Аспиранты кафедры изучали темы по германистике позднего средневековья (раннего Нового времени в современном понимании): Я. С. Зингер (восстание Томаса Мюнцера) и Р. З. Полуйко (историю Мюнстерской коммуны 1534–1535 гг.).

В 1939 г. единая кафедра разделилась на две: древнего мира и средних веков. Состав кафедры истории средних веков: В. Н. Перцев, А. И. Партон, Я. С. Зингер (аспирант, исследовал историю Мюнстерской комунны) и Р. З. Полуйко (аспирант, исследовал восстание Томаса Мюнцера).

После начала Великой Отечественной войны и захвата Минска немецко-фашистскими войсками БГУ прекратил свое существование. Часть студентов и сотрудников воевали на фронте или в партизанских отрядах, часть – выехала в эвакуацию, часть – осталась жить на временно оккупированной территории Белоруссии.

В 1943 г. работа БГУ была возобновлена на подмосковной станции Сходня. Сюда были вызваны бывшие преподаватели университета, находившиеся в эвакуации, в том числе и Владимир Николаевич. В приказе ректора по личному составу от 6 сентября 1943 г. говорилось: «п. 1. Считать профессора-академика В. Н. Перцева приступившим к исполнению обязанностей зав. кафедрой истории Западной Европы средних веков с 1 сентября 1943 г. с окладом 2300 руб. в месяц» [17, л. 18].

В 1944 г. БГУ вернулся в Минск. Работа по возвращению из эвакуации прежних сотрудников была продолжена. В числе прочих был вызван из Казахстана доцент Г. М. Лившиц. По прибытии в Минск он

написал следующее заявление на имя ректора: «Согласно Вашего вызова я сегодня прибыл в гор. Минск и готов приступить к своим обязанностям в качестве доцента кафедры истории ср[едних] веков. Прошу оформить меня штатным работником Белгосуниверситета». Резолюция ректора гласила: «В приказ: зачислить доц[ентом] каф[едры] ср[едних] веков с 25. X. 44 г.» [18].

Таким образом кафедру истории средних веков составили два человека: профессор В. Н. Перцев, заведующий, с нагрузкой 408 часов, и доцент Г. М. Лившиц, с нагрузкой 559 часов [19, л. 2]. Старшим лаборантом кафедры была Лидия Петровна Дорская.

В 1947 г. кафедры БГУ: истории древнего мира, истории средних веков и Новой истории были объединены в кафедру всеобщей истории во главе с В. Н. Перцевым (Приказ МВО СССР О кафедрах БГУ от 30 августа 1947 г.). В ее состав от кафедры истории средних веков помимо заведующего вошел доцент Г. М. Лившиц. От кафедры Новой истории – доценты Л. М. Шнеерсон и С. М. Ханутин, преподаватель Г. М. Трухнов. Однако Н. М. Никольский уже к октябрю того же 1948 г. сумел восстановить кафедру истории древнего мира в прежних правах, что ставило под вопрос целесообразность существования кафедры всеобщей истории в урезанном виде. В 1949 г. она была разделена на две: кафедру истории средних веков и кафедру истории Нового времени.

Система двух близких кафедр, древнего мира и средних веков, основанная на тесном научном и научно-педагогическом сотрудничестве их заведующих, была восстановлена.

В 1949 году на кафедру истории средних веков в качестве совместителя поступил доцент МГПИ Андрей Михайлович Малинин [20, л. 49]. В 1953 г. университет предоставил А. М. Малинину отпуск (правда, без сохранения содержания) для завершения докторской диссертации. Однако последняя так и не была закончена. В 1955 г. доцент А. М. Малинин прекратил сотрудничество с БГУ. В 1957 г. – с МГПИ.

В 1955 г. кафедра истории древнего мира и кафедра истории средних веков были объединены. Во главе вновь созданной кафедры истории древнего мира и средних веков встал В. Н. Перцев. По состоянию на 1955/56 учебный год состав объединенной кафедры был следующим: Перцев – заведующий, Лившиц, Нечай, Никольская; латинисты: Бондарин, Пильман, Мельцер; старший лаборант: Дорская [21, л. 40]. После смерти Владимира Николаевича летом 1960 г. объединенная кафедра перешла в руки Федора Макарьевича Нечая.

Показателем стабильности и полноценности жизни кафедры стало появление аспирантов, впервые за последние 20 лет. Ими были Валентина Чепко (тема по общественной и культурной деятельности Франциска Скорины) и Нина Гусакова (тема по гуситскому движению). Обеими руководил академик В. Н. Перцев.

Библиографический список

1. Турук Ф. Ф. Университетская летопись // Працы БДУ. 1922. Вып. 1. С. 175–207.
2. Малюгин О. И. Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В. Н. Перцева // Весн. БДУ. Сер. 3. 2016. № 2. С. 17–25.
3. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет. За 1921–1922 академ. год. (Итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. Вып. 2–3. С. 326–364.
4. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет. За 1922–1923 академ. год. (Итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1923. Вып. 4–5. С. 230–281
5. Ясинский А. Н. Лекции по истории средних веков. Раннее средневековье. Юрьев, 1910.
6. Малюгин О. И. Антон Никитич Ясинский. 22. 09. 1864–13. 11. 1933 // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961). Минск: БГУ, 2019. С. 226–235.
7. Малюгин О. И. Медиевистика в Белорусском государственном университете: история и современность // *Vox medii aevi*. 2017. Vol. 1 (1). С. 190–205.
8. Москаленко А. Е. К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского // Вопросы историографии и истории СССР. 1969. Т. 85. С. 252–267.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 257.
10. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 166.
11. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1316а.
12. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 649.
13. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 737.
14. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 674.
15. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 698.
16. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 719.
17. НАРБ. Ф. 205. Оп. 6. Д. 1.
18. Архив БГУ. ПС 1. № 627.
19. НАРБ. Ф. 205. Оп. 6. Д. 4.
20. НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 185.
21. НАРБ. Ф. 205. Оп. 5. Д. 944.

ПЫТАННЕ ПРАВАВОГА СТАНОВІШЧА СЯЛЯН ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ПРАЦАХ АКАДЭМІКА У. І. ПІЧЭТЫ

А. В. Ко́жар

*Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, lobuzova@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца пытанні навуковага ўкладу акадэміка У. І. Пічэты ў развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі, асабліва па праблеме прававога становішча сялян Вялікага Княства Літоўскага ў XVI ст., эвалюцыі структуры сельскага насельніцтва і іх павіннаснага абкладання.

Ключавыя словы: Пічэта У. І.; гісторыка-прававая навука Беларусі; прававое становішча сялян; прававое становішча халопаў.

ВОПРОС ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ТРУДАХ АКАДЕМИКА В. И. ПИЧЕТЫ

Е. В. Ко́жар

*Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65,
220013, г. Минск, Беларусь, lobuzova@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы научного вклада академика В. И. Пичеты в развитие историко-правовой науки Беларуси, особенно по проблеме правового положения крестьян Великого Княжества Литовского в XVI в., эволюции структуры сельского населения и их повинностного обложения.

Ключевые слова: Пичета В. И.; историко-правовая наука Беларуси; правовое положение крестьян; правовое положение холопов.

THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF PEASANTS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE WORKS OF ACADEMICIAN V. I. PICHETA

A. V. Kozhar

*Belarusian National Technical University, 65 Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk,
Belarus, lobuzova@mail.ru*

The article discusses the scientific contribution of Academician V. I. Picheta to the development of the historical and legal science of Belarus, especially on the problem of the legal status of the peasants of the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century, the evolution of the structure of the rural population and their compulsory taxation.

Key words: Picheta V. I.; historical and legal science of Belarus; legal status of peasants; legal status of serfs.

Першы рэктар БДУ акадэмік У. І. Пічэта пакінуў сваім нашчадкам велізарную спадчыну, якая налічвае каля 500 прац па гісторыі Беларусі, Літвы, Польшчы, Расіі і Украіны.

У. І. Пічэта займаўся вывучэннем гісторыі і права Вялікага Княства Літоўскага. Асаблівую ўвагу ў сваіх працах ён надаваў перыяду XV–XVI ст. Нягледзячы на тое, што кола інтарэсаў вучонага было даволі шырокім, усё ж у першую чаргу ён вывучаў сацыяльна-эканамічнае і прававое становішча насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага, у прыватнасці халопаў і сялян.

Найважнейшая праца акадэміка У. І. Пічэты па аграрнай гісторыі Беларусі «Аграрная рэформа Сігізмунда-Аўгуста ў Літоўска-Рускай дзяржаве», якая выйшла ў свет у 1917 годзе. Яна складалася з 2-х частак, але аўтарам было прадугледжана напісанне трэцяй часткі, працу над якой, нажаль, ён не паспеў скончыць. У спадчыну нам засталіся толькі асобныя артыкулы, якія павінны былі скласці апошнюю частку даследавання. Гэта «Валочная устава каралевы Боны і устава на валокі» (1922 г.), «Наказ старостам і дзяржаўцам і валочная ўстава» (1922 г.), «Склад насельніцтва ў гаспадарскіх дварах і валасцях заходняй часткі Беларусі ў парэформенную эпоху» (1925 г.), «Гаспадарскія (велякакняжацкія двары ў заходніх валасцях Беларусі пасля рэформы Сігізмунда-Аўгуста)» (1927 г.). Напэўна такія артыкулы як «Праверка правоў на зямлю ва ўладаннях каралевы Боны» (1922 г.) і «Сяляне цягля ў другой палове XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім» (1928 г.) таксама павінны былі стаць часткай працы аб рэформе Сігізмунда-Аўгуста, бо яны адпавядаюць тэме даследавання і гарманічна дапаўняюць папярэднія артыкулы, ствараю адзіную карціну гістарычных падзей.

Вялікай заслугой вучонага з’яўляецца вывучэнне змен у структуры саслоўя сялян у пачатку XVI ст. і пасля рэформы Сігізмунда-Аўгуста. Асаблівую цікавасць прадстаўляюць даследаванні складу сельскага насельніцтва і яго прававога становішча ў вялікакняжацкіх уладаннях, а таксама пытанні прававога становішча халопаў у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI ст.

У. І. Пічэта адным з першых зрабіў дасканалы аналіз інстытута халопства ў Вялікім Княстве Літоўскім. Вучоны справядліва крытыкуе вывады сваіх папярэднікаў (В. Антановіча, І. Навіцкага, Ф. Леантовіча) аб тым, што паходжанне прыгоннага права ў Вялікім Княстве Літоўскім звязана ў першую чаргу з інстытутам халопства [2, с. 154]. Як адзначае даследчык, халопы складалі нязначную частку ад рабочай сілы двара, а асноўнай рабочай сілай былі «цягля людзі», якія і склалі ядро класа феадальна-залежных людзей.

Праводзячы аналіз юрыдычнай тэрміналогіі пачатку XVI ст., У. І. Пічэта робіць выснову, што ўсе тэрміны, якія ўжываліся ў судовых і прававых актах у дачыненні да халопаў («чэлядзь нявольная», «чэлядзь отчызная», «чэлядзь поспольная», «парабак», «нявольнік», «слуга», «чалядзін»), мелі адзіны сэнс і пад усімі гэтымі тэрмінамі мелася на ўвазе ўсё нявольнае насельніцтва, незалежна ад назвы, якое не мела праваздольнасці і дзеяздольнасці і з’яўлялася аб’ектам прававых зносін.

Чэлядзь была найбольш бяспраўнай часткай насельніцтва, яна не мела зямлі і іншай маёмасці, знаходзілася ў поўнай уласнасці феодала, не магла выступаць у якасці сведак у судзе. Па прававых актах чэлядзь была маёмасцю феодала і, пры здзяйсненні здзелак, гаспадар распараджаўся чэлядзю нявольнай як і іншай рухомай маёмасцю. У выпадку падзелу зямельнага ўладання чэлядзь таксама падлягала падзелу, парабка можна было прадаць або перадаць у якасці закладу – заставаў. У выпадку смерці ўласніка чэлядзь у тэстаменце пералічвалася разам з іншай рухомай маёмасцю.

Чэлядзь магла атрымаць волю па акту, які выдаваў гаспадар. Таксама гаспадар мог у сваім тэстаменце ўказаць, што пасля яго смерці чэлядзін атрымае волю.

Стан чэлядзі нявольнай перадаваўся па спадчыне. Але калі бацькі не знаходзіліся ў шлюбе і адзін з іх быў вольны, іх дзеці маглі былі быць прызнаны па суду вольнымі.

Варта адзначыць, што ў XVI ст. прававое становішча чэлядзі часткова змянілася. Феодалам было не выгадна ўтрымліваць парабкаў і выплачваць ім «месячыну», таму паступова чэлядзь пачалі асаджваць на зямлю, такім чынам яны пачалі злівацца з залежнымі сялянамі («отчычамі», «людзьмі непахожымі»). Гэтыя парабкі ўжо не жылі ў самой сядзібе феодала, мелі свае «прырабкі і бонды» і жылі не толькі на «месячыну», але і з вытворчасці уласнай гаспадаркі.

Нельга цалкам згадзіцца з поглядам У. І. Пічэты, што чэлядзь не мела праваздольнасці і дзеяздольнасці [2, с. 172], бо ўжо арт. 19 Судзебніка Казіміра 1468 года ўтрымліваў палажэнне, што парабкі, якія здзейснілі крадзеж, нясуць адказнасць сваёй маёмасцю [1, с. 129]. Падобнае палажэнне замацоўваў і арт. 7 раздзела XII Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 года [4, с. 208]. Такім чынам за чэлядзю ўжо замацоўваліся некаторыя, хаця і вельмі абмежаваныя, элементы правасуб’ектнасці.

Як піша У. І. Пічэта, пры правядзенні зямельнай рэформы Боны Сфорцы і Сігізмунда-Аўгуста прававое становішча халопаў у дзяржаўных маёнтках змянілася, бо ўсе яны былі асаджаны на зямлю, пераведзены ў разрад агароднікаў і фактычна зліліся з прыгоннымі сялянамі. З свайго надзела яна выконвалі «нявольніцкую службу», сутнасць якой не была канкрэтызавана ў пісцовых кнігах, і выконвалі паншчыну.

Такім чынам, аўтар робіць выснову, што з прыняццем Уставы на валокі чэлядзь нявольная ў дзяржаўных маёнтках цалкам знікла як асобная група насельніцтва [2, с. 49]. Але ў сваіх больш позніх працах У. І. Пічэта ўказвае, што стан нявольнікаў знік у 1560-1566 гады [2, с. 168], ці да моманту выдання Статута 1588 года [2, с. 388]. Як паказваюць пазнейшыя даследаванні, чэлядзь нявольная існавала і пазней гэтага часу ў прыватнаўласніцкіх маёнтках.

Агароднікі, да якіх стала адносіцца чэлядзь, асаджаная на зямлю, былі адной з найбольш бедных груп сялянскага насельніцтва. Ім даваўся зямельны надзел, які адрозніваўся ў розных маёнтках і складаў ад 3 да 12 моргаў. Згодна з Уставай на валокі на 3 моргі зямлі агароднікі павінны былі выконваць паншчыну адзін раз на тыдзень, а жонкі працаваць 6 дзён у год у час жніва і праполкі агарода. Калі агароднікі валодалі большай колькасцю моргаў, то рэвізоры маглі іх абкласці чыншам па 3 гроша з кожнага морга.

Звяртаючы ўвагу на валасных сялян, У. І. Пічэта падзяляе іх на тры групы: сялян-рамеснікаў, якія неслі пэўныя службы, цяглых і асаднікаў.

Як адзначае У. І. Пічэта, вышэйшым разрадам сельскага насельніцтва былі баяры, якія на розных умовах валодалі зямлёй. Яны павінны былі несці вайсковую службу, як і мясцовыя шляхціцы. Баяры не плацілі чынш і не выконвалі павіннасцей, якія несла цяглае насельніцтва.

Да вышэйшага разрада сялян вучоны таксама адносіць служак, якія ездзілі з каралеўскімі лістамі, баяр путных і стральцоў. Баяры путныя і стральцы ў мірны час павінны былі выплачваць толькі пэўную колькасць грошай і вызваляліся ад іншых павіннасцей. А ў ваенны час баяры путныя павінны былі выставіць па аднаму каню з двух валок і вызваляліся ад выплаты грошаў.

Сяляне, якія неслі розныя службы (конюхі, бортнікі, асочнікі і г. д.), Уставай на валокі вызваляліся ад агульных павіннасцей; іх прававое становішча рэгулявалася спецыяльнымі нормамаі. Так, бортнікі, акрамя сваёй службы, плацілі грошы, як і асадныя сяляне, але толькі ў мірны час. У час вайны яны вызваляліся ад падаткаў.

Асаднікі, якія складалі найбольш шматлікую групу сярод гаспадарскіх сялян, не неслі ніякіх натуральных павіннасцей. Яны былі павінны выплачваць пэўныя грошы ў дзяржаўны скарб. Выплаты складаліся з чынша, выплат за курэй, яйкі, гусей, невада, стацыі, за авёс і сена, за талаку і гвалты і інш. Зрабіўшы аналіз Кобрынскай і Гродзенскай эканомій, Пінскага і Берасцейскага староств, Жмудзі і іншых зямель, У. І. Пічэта прыйшоў да высновы, што асадныя сяляне абкладаліся выплатамі, прадугледжанымі Уставай на валокі для кожнай катэгорыі зямель. Рэвізоры праводзілі ўраўняльную палітыку адносна гаспадарскіх сялян і паступлення грошаў у гаспадарскі скарб, але ў выпадках, калі якасць зямлі ці неабходнасць распрацоўкі новай зямлі не дазвалялі сялянам выплачваць неабходную суму грошай, рэвізоры ішлі на адступленні ад Уставы на валокі і рабілі пэўныя ільготы.

Прааналізаваў некаторыя інвентары прыватнаўласніцкіх маёнткаў, аўтар прыходзіць да высновы, што палажэнне прыватнаўласніцкіх сялян-асаднікаў было значна больш цяжкім, чым дзяржаўных [2, с. 92].

Значная ўвага ў працах У. І. Пічэты надаецца цяглым сялянам. Згодна з Уставай на валокі для гаспадарскіх двароў на кожную валокі дваровай раллі павінна было быць сем цяглых валок. Гэтае патрабаванне ў большасці сваёй выконвалася, за выключэннем тых раёнаў, дзе была вельмі дрэнная якасць глебы.

Павіннасці цяглях сялян складаліся з паншчыны, чынша, грошаў за авёс і сена, за гусей і курэй, стацыі і невада. Паншчыну гаспадарскія сяляне павінны былі адпрацоўваць па 2 дні ў тыдзень, а таксама 4 дні ў год летняй талакі, акрамя трох тыдняў у год, вольных ад паншчыны. Як заўважае У. І. Пічэта, ў канцы XVI ст. адбываецца рост павіннасцей цяглага насельніцтва, што значна пагаршала яго становішча. Так ў некаторых маёнтках сяляне выконвалі 3 дні паншчыны ў тыдзень [2, с. 123], а ў іншых нават 4 [2, с. 99].

Асаблівую групу сялян складалі вольныя людзі. Яны выконвалі пэўныя павіннасці ці выплачвалі падаткі, але ў адрозненне ад прыгонных сялян мелі права перайсці ад аднаго землеўладальніка да іншага. Гэтыя сяляне называліся «людзі пахожыя», «людзі прыхожыя» або «слабодзічы».

Вольныя людзі выконвалі павіннасці па дамоўленасці з землеўласнікам ў залежнасці ад зямлі, якая была ў іх дзяржанні. Яны маглі выконваць цяглую службу, але гэта не абазначала, што яны адносіліся да прыгонных сялян. Пры пераходзе зямлі да іншага феодала павіннасці вольных людзей не павінны былі змяняцца. Калі вольнаму чалавеку не

падабалася служба, ён мог пры выкананні пэўных умоў перайсці да іншага феадала. Зразумела, што феодалы былі зацікаўлены, каб людзі пахожыя ад іх не сыходзілі, таму заканадаўства ішло па шляху запрыгоньвання сялян. Для таго каб сысці ад феадала, было неабходна папярэдзіць яго, сысці можна было толькі пасля збору ўраджаю, калі вольны чалавек засяляўся ў дом, ён павінен быў пакінуць яго ў тым жа стане ў якім браў.

Такім чынам, падводзячы вынік, можна сказаць, што У. І. Пічэта зрабіў велізарны ўклад ў даследаванне сацыяльна-эканамічнага і прававога палажэнне сялян. Але ён праводзіў аналіз у асноўным у велікакняжацкіх маёнткаў заходняй часткі Беларусі і Літвы, таму яго даследаванне не з'яўляецца вычарпальным. Пры гэтым і на сённяшні час яго працы застаюцца актуальнымі і, нягледзячы на пашырэнне даследаванняў ў пытаннях сацыяльна-эканамічнага і прававога становішча сялян, выклікаюць зацікаўленасць сучасных вучоных і з'яўляюцца базай для вывучэння гісторыкамі і прававедамі.

Бібліяграфічны спіс

1. Белоруссия в эпоху феодализма / Академия наук БССР, Институт истории, Архивное управление МВД БССР. Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века. Минск, 1959. 515 с.

2. Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 814 с.

3. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 30. СПб: Тип. К. Маттисена, 1914. 538 с.

4. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. 253 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ БГУ

А. А. Кухаренко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, KuharenkAA@bsu. by*

В статье проанализировано современное состояние системы научно-исследовательской работы студентов и аспирантов Белорусского государственного университета и охарактеризованы приоритетные направления и индикаторы развития системы научно-исследовательской работы студентов и аспирантов на 2021–2025 годы.

Ключевые слова: одаренная молодежь; студенческая наука; аспирантура.

ORGANIZATION OF WORK WITH GIFTED YOUTH OF BSU

A. A. Kukharenska

*Belarusian State University,
Nezavisimosti Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, KuharenkAA@bsu. by*

The author analyzes the current state of the system of research work of students and postgraduates of the Belarusian State University and describes the priority directions and indicators of the development of the system of research work of students and postgraduates for 2021–2025.

Key words: gifted youth; student science; postgraduate studies.

В современных условиях процесс обучения, ориентированный только на усвоение готовых знаний, не может быть признан эффективным. Необходимо совершенствование образовательного процесса в направлении развития и реализации творческих способностей студентов и аспирантов, что эффективно решается в Белорусском государственном университете (далее – БГУ) с помощью механизмов системы научно-исследовательской работы студентов и аспирантов (далее – НИРСА).

Высшее образование в БГУ традиционно предполагает триединство учебного, воспитательного и научного процессов, что полностью соответствует как духу высшего образования, так и действующим нормативным документам. При этом научные исследования могут являться как частью учебного процесса, так и выполняться за пределами учебного времени.

Вместе с тем НИРСА является первым и чрезвычайно важным этапом в подготовке научных работников высшей квалификации: кандидатов и докторов наук. Именно на этапе НИРСА у студентов проявляется склонность к занятиям научными исследованиями, создается научный задел для последующего успешного обучения в аспирантуре. Проведенный в БГУ анализ [1] показал, что подавляющее большинство (свыше 95 %) выпускников аспирантуры, успешно ее закончивших и

защитивших диссертации в срок, являлись в студенческие годы активными участниками НИРСА.

Развитие системы НИРСА БГУ направлено на дальнейший рост ее эффективности при решении следующих задач:

- повышения качества подготовки специалистов с высшим образованием;
- подготовки научных работников высшей квалификации;
- активизации участия обучающихся в выполнении заданий, включенных в план НИОКР БГУ.

В БГУ сформирована и совершенствуется система НИРСА, которая включает:

- участников НИРСА;
- органы управления и координации НИРСА;
- комплекс университетских, республиканских и международных мероприятий для студентов, аспирантов и их научных руководителей;
- комплекс локальных нормативных правовых актов по вопросам организации НИРСА в БГУ;
- издание специализированных сборников научных работ студентов и аспирантов;
- методическую базу;
- специальные информационно-аналитические ресурсы: сайты и базы данных;
- проведение научно-технических и научно-методических исследований с последующим внедрением результатов;
- взаимодействие с организациями-заказчиками кадров;
- финансирование;
- распространение опыта лучших руководителей и организаторов НИРСА как внутри БГУ, так и за его пределами.

«Профориентационным» звеном для системы НИРСА БГУ выступают: школы юных ученых, «ЮНИ-центр-XXI», коллективы работников БГУ, занимающихся организацией и проведением предметных олимпиад и научных конференций среди школьников. Ежегодно в БГУ поступают до 200 высокомотивированных абитуриентов, включенных в республиканский банк данных одаренной молодежи. Практически все они добиваются успеха под руководством сотрудников БГУ.

Эффективная работа всей системы НИРСА возможна лишь при условии эффективного функционирования всех ее составляющих.

В соответствии с Положением о системе организации научно-исследовательской работы студентов БГУ, утвержденным приказом ректора БГУ от 26 декабря 2018 года № 832-ОД, «активно участвующими в НИРС считаются студенты, принимающие участие в работе СНИЛ, научных кружков, в научно-практических мероприятиях (конкурсах, конференциях, выставках и т. д.), имеющие публикации (в том числе в соавторстве) в научных изданиях, материалы, относящиеся к объектам интеллектуальной собственности и зарегистрированные в установленном порядке» [2, с. 4].

Различными формами НИРСА во внеучебное время за период 2016–2020 годов ежегодно было охвачено более 8 тыс. студентов БГУ, что составляет в среднем 47,2 % от общего числа студентов дневной формы обучения. Ежегодно участвовали в выполнении научных программ и проектов (ГП, ГНТП, ГПНИ, БРФФИ) в среднем около 800 студентов, в том числе более 450 – на условиях оплаты. Ежегодно в СНИЛ и других студенческих научных объединениях работали в среднем около 3 800 студентов [3].

Вместе с тем наблюдается ежегодное сокращение количества участников НИРСА в БГУ. В 2016–2020 годах произошло снижение количества студентов, охваченных различными формами НИРСА во внеучебное время, на 12,6 % [3].

Также ежегодно наблюдается сокращение количества аспирантов: в 2016 году численность аспирантов на конец отчетного года при реализации образовательной программы I степени послевузовского образования составляла 899 человек, в 2020 году – 840 человек [3].

При этом аспирантура БГУ остается одной из самых эффективных в Республике Беларусь. Показатели эффективности аспирантуры БГУ по итогам 2020 года, установленные Государственной программой «Образование и молодежная политика», представлены в таблице. Аналогичные показатели БГУ демонстрировал на протяжении 2016–2020 годов [3].

Таблица – Выполнение показателей Государственной программы «Образование и молодежная политика» в 2020 году

	Наименование целевого показателя	План, %	Факт, %
1.	Удельный вес приема в аспирантуру (адъюнктуру) по приоритетным специальностям научных работников высшей квалификации, необходимым для развития	20,0	27,5

	высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI техническим укладам экономики		
2.	Удельный вес приема в аспирантуру (адъюнктуру) для предприятий и организаций реального сектора экономики	1,9	11,5
3.	Удельный вес выпуска с защитой диссертации в пределах установленного срока обучения из аспирантуры	7,0	25,9
4.	Удельный вес выпуска с защитой диссертации в пределах установленного срока обучения из докторантуры	8,9	23,8

В 2016–2020 годах наблюдался также рост количества стипендиатов Президента Республики Беларусь среди аспирантов. Информация представлена на рисунке. По сравнению с 2011–2015 годами рост количества аспирантов-стипендиатов Президента Республики Беларусь составил 1,7 раза [3].

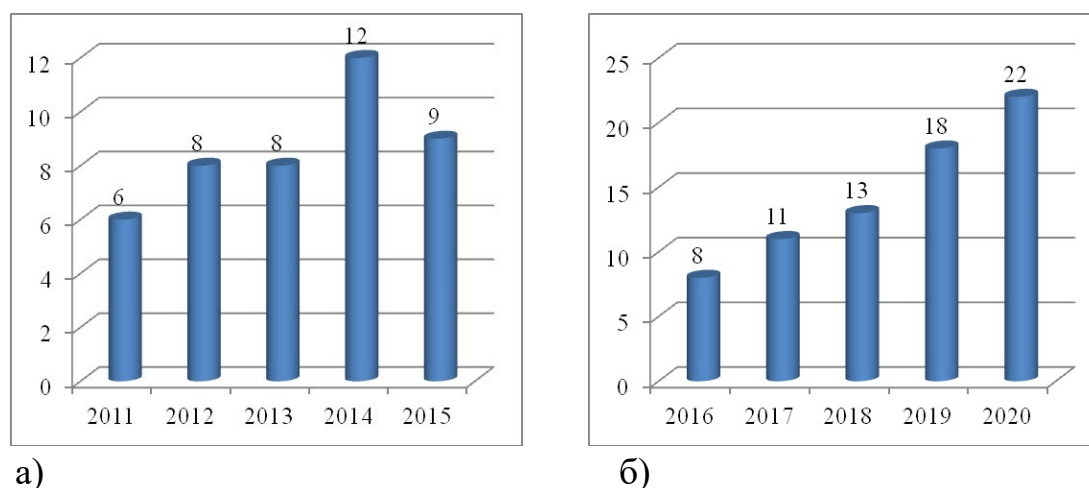

Рис. 1 – Информация о количестве аспирантов БГУ, получавших стипендию Президента Республики Беларусь: а – в 2011–2015 годах; б – в 2016–2020 годах

Административной структурой, курирующей систему НИРСА в БГУ, является Главное управление науки. Непосредственную работу осуществляют отдел аспирантуры и докторантуры и отдел НИРС, который помимо университетских функций выполняет также функции республиканского методического и информационно-аналитического центра НИРС в соответствии с приказом Министра образования Республики Беларусь от 15 сентября 2006 года № 570 «О совершенствовании организации научно-исследовательской работы

студентов высших учебных заведений». Деятельность Главного управления науки, отдела аспирантуры и докторантуры и отдела НИРС регламентируются отдельными положениями, утвержденными приказом ректора БГУ от 28 сентября 2019 года № 479-ОД.

Для координации НИРСА в БГУ и решения концептуальных вопросов в данной области сформирован и действует Совет по НИРСА БГУ.

Комплекс университетских, республиканских и международных мероприятий для студентов, аспирантов и их научных руководителей включает: конкурсы; конференции и семинары; выставки разработок, выполненных с участием студентов и аспирантов; мероприятия, посвященные пропаганде важности и значимости НИРСА; мероприятия, посвященные проблемам организации работы с одаренной молодежью среди сотрудников БГУ. Важнейшими мероприятиями системы НИРСА БГУ являются:

- конкурс на лучшую научную работу студентов БГУ;
- конкурс грантов для студентов и аспирантов БГУ;
- конкурс на лучшего руководителя и организатора НИРСА БГУ;
- конкурс на лучшую студенческую научно-исследовательскую лабораторию БГУ;
- конкурс на лучший научный кружок БГУ;
- конкурс на поощрение студентов БГУ, участвующих в научных конференциях, проводимых в Республике Беларусь;
- конкурс инновационных проектов «INNSTART BSU»;
- Республиканский конкурс научных работ студентов;
- конкурс научно-исследовательских работ докторантов, аспирантов, соискателей и студентов для их выполнения за счет средств республиканского бюджета, предусмотренных Министерством образования Республики Беларусь на выделение грантов;
- конкурс по назначению стипендий Президента Республики Беларусь для аспирантов;
- стипендиальная программа имени В. И. Вернадского для студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов;
- ежегодная научная конференция студентов и аспирантов БГУ;
- выставка научных достижений студентов и аспирантов УВО Беларуси в рамках торжественной встречи руководства страны с учащимися, студентами – победителями международных предметных олимпиад, творческих конкурсов и фестивалей, лауреатами и стипендиатами специальных фондов Президента Республики Беларусь по

социальной поддержке одаренных учащихся, студентов и талантливой молодежи;

– церемонии торжественного чествования студентов УВО Беларуси, награжденных специальным фондом Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов за успехи в научной деятельности;

– заседания Совета по НИРСА БГУ, посвященные проблемам организации работы с одаренной молодежью среди сотрудников БГУ.

В 2016–2020 годах на конкурсах различного уровня наградами были отмечены 2 519 работ, выполненных с участием студентов БГУ, из них 595 – на международном уровне, 1 414 – республиканском и 510 – УВО [3].

На Республиканский конкурс научных работ студентов университет за 2016–2020 годы представил 1 427 работ, из которых лауреатами стали 47 работ, 295 – получили первую категорию, 483 – вторую и 319 – третью [3].

В конкурсе научно-исследовательских работ докторантов, аспирантов, соискателей и студентов для их выполнения за счет средств республиканского бюджета, предусмотренных Министерством образования Республики Беларусь на выделение грантов, за 2016–2020 годы получили финансирование 143 проекта, которые были подготовлены в БГУ [3].

В 2016–2019 годах в конкурсе грантов для студентов и аспирантов БГУ участвовало 195 проектов. В составе исполнителей грантов были заявлены 332 студента, 130 магистрантов, 155 аспирантов. По итогам конкурса грантов для материального поощрения исполнителей 110 проектов было выделено финансирование в размере 80 000 руб. [3].

На научных конференциях за 2016–2020 годы студентами прочитано 28 660 докладов, в том числе на международных – 6 815, республиканских – 2 485, УВО – 19 360 [3].

Ежегодно на базе БГУ проводится около 30 студенческих научных конференций и семинаров, среди которых самой масштабной является ежегодная научная конференция студентов и аспирантов БГУ. В работе данной конференции принимают участие около 4 тыс. участников из БГУ, других УВО Республики Беларусь и стран ближнего зарубежья. Заслушивание докладов организовано на более 300 секциях 18 подразделений университета [4, с. 9].

В 2016–2020 годах были отмечены наградами 299 экспонатов, выполненных с участием студентов БГУ и представленных на выставках различного уровня, из них 140 – на международных, 118 – республиканских, 41 – УВО [3].

Достижения студентов в научных исследованиях оценены на самом высоком уровне. В 2016–2020 годах из средств специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов четырех СНИЛ БГУ выделена материальная поддержка, 576 раз поощрены студенты БГУ и их научные руководители [3].

Основными сборниками научных работ студентов и аспирантов БГУ, имеющими политематическую направленность, являются:

- электронный сборник материалов ежегодной научной конференции студентов и аспирантов БГУ;

- сборник, издаваемый по итогам ежегодного Республиканского конкурса научных работ студентов.

В 2016–2020 годах опубликовано 16 604 работы, авторами (соавторами) которых являлись студенты БГУ: из них 987 – статьи в научных изданиях, включенных в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, 4 015 – статьи в иных научных изданиях, 2 305 – электронные публикации, 9 297 – тезисы докладов [3].

Специальные информационно-аналитические ресурсы включают: сайты в глобальной сети Интернет, электронные банки данных, базы данных и т. д. Сайты <https://nirs.bsu.by> и <http://research.bsu.by> являются главными внутренними информационными ресурсами системы НИРСА БГУ, Портал студенческой науки <http://sws.bsu.by> служит главным информационным ресурсом при выполнении функций республиканского методического и информационно-аналитического центра НИРСА. Развитие сайтов НИРСА университетского и республиканского уровней направлено на формирование интерактивных сервисов, оптимизирующих систему информационного взаимодействия в области организации НИРСА, и оперативное предоставление информации заинтересованным. Формирование комплекса баз данных, автоматизированных систем принятия решений направлено на оперативное получение информации (в том числе персонифицированной) обо всех направлениях НИРСА, развиваемых в БГУ.

Таким образом, в области НИРСА БГУ были достигнуты следующие результаты:

- ведущая роль БГУ в республиканской системе НИРСА и выполнение функций республиканского методического и информационно-аналитического центра НИРС;

- высокий уровень достижений обучающихся БГУ в научной и научно-образовательной сферах, которые они показывают на международном и республиканском уровнях, позволяющих представлять обучающихся БГУ и научные объединения студентов на поощрение из средств специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов;

- высокий удельный вес обучающихся БГУ (1/3 от общего количества) в республиканском банке данных одаренной молодежи;

- высокие показатели в области научных публикаций и докладов на научных конференциях, подготовленных с участием студентов и аспирантов БГУ;

- существенное превышение в БГУ показателей, установленных Государственной программой «Образование и молодежная политика на 2016–2020 гг.» для системы послевузовского образования Республики Беларусь;

- высокий уровень финансирования системы НИРСА БГУ из собственных средств университета, широкое участие обучающихся БГУ в конкурсах по получению республиканских и международных стипендий и грантов (в том числе трэвел-грантов);

- широкое развитие различных форм организации НИРСА в БГУ: студенческих научно-исследовательских лабораторий, кружков, коллективов студентов и аспирантов, выполняющих гранты, и т. д., – в которых обучающиеся могут развить и реализовать свои творческие способности с максимальной полнотой.

Вместе с тем проделанный анализ позволяет констатировать, что наблюдается сокращение количества участников НИРСА в БГУ, требуется совершенствование нормативной, методической и информационной баз НИРСА, необходима постоянная актуализация и разработка специальных информационно-аналитических ресурсов, недостаточно развита система выставочных мероприятий, проводимых с участием студентов и аспирантов БГУ, требуется расширение комплекса мероприятий, посвященных пропаганде важности и значимости НИРСА и проблемам организации работы с одаренной молодежью среди сотрудников БГУ.

Развитие системы НИРСА БГУ в 2021–2025 годах будет направлено на активное привлечение студентов и аспирантов к научно-исследовательской и инновационной деятельности и создание научного задела для успешного обучения в аспирантуре БГУ (т. е. с защитой в срок обучения и в течение трех лет после выпуска). С этой целью будет реализован ряд мероприятий международного, республиканского и университетского уровней, актуализирована нормативная база по организации НИРСА, подготовлены и изданы новые учебно-методические пособия, расширено информационное поле НИРСА, созданы электронные информационно-аналитические ресурсы, организованы и проведены мероприятия по обмену опытом руководителей НИРСА, оптимизирована система материального и морального стимулирования студентов и аспирантов, участвующих в НИРСА, и их научных руководителей, укреплена связь НИРСА – аспирантура.

Развитие системы НИРСА БГУ в 2021–2025 годах будет осуществляться по следующим приоритетным направлениям:

1. Расширение комплекса мероприятий по активному привлечению студентов и аспирантов к научно-исследовательской и инновационной деятельности и совершенствование действующих мероприятий: конкурсов; конференций; семинаров; круглых столов; презентаций; дебатов; мастер-классов; заседаний СНИЛ, студенческих научных кружков и клубов; научных «баттлов»; научных шоу; викторин; симуляций; телемостов; «живых библиотек»; встреч с экспертами и профессионалами в различных областях знаний и т. д. Планируется, что реализация этого комплекса мероприятий позволит увеличить удельный вес участников НИРСА в БГУ на 3–4 % по отношению к 2020 году.

2. Дальнейшее совершенствование нормативной, методической и информационной баз НИРСА и использование комплексного подхода (нормативно-правового, методического, информационного, организационного) при проведении новых мероприятий. Планируется актуализировать нормативные документы, регулирующие систему НИРСА и работу с одаренной молодежью на уровне университета и республики, подготовить и издать новые учебно-методические пособия в области молодежной науки. Для расширения информационного поля НИРСА БГУ будет активизирована работа по представлению информации о системе НИРСА БГУ в средства массовой информации (телевидение, радио, печатные СМИ) и на платформу действующих сайтов, страниц социальных сетей и Youtube-каналов БГУ, а также продолжена работа по

подготовке видеороликов о лучших СНИЛ, научных и научно-технических разработках молодых ученых БГУ, церемониях чествования одаренной молодежи БГУ и др.

3. Актуализация и разработка специальных информационно-аналитических ресурсов. Ряд устаревших информационно-аналитических ресурсов системы НИРСА БГУ планируется выполнить на новых более эффективных и современных платформах. В частности, в настоящее время разрабатывается информационно-аналитический сайт ежегодной научной конференции студентов и аспирантов БГУ <https://sci.bsu.by>.

4. Расширение комплекса выставочных мероприятий, проводимых с участием студентов и аспирантов БГУ. Планируется, что активное представление научных достижений, научных и научно-технических разработок студентов и аспирантов БГУ на международных, республиканских и университетских выставках будет способствовать внедрению результатов их научно-технической и инновационной деятельности.

5. Оптимизация комплекса мероприятий, посвященных пропаганде важности и значимости НИРСА и проблемам организации работы с одаренной молодежью среди сотрудников БГУ. Представляется целесообразным расширение практики организации и проведения в Республике Беларусь и БГУ широкого обсуждения наиболее важных вопросов организации системы НИРСА в рамках научных конференций, семинаров, круглых столов с участием руководителей СНИЛ, студенческих научных кружков, ответственных за НИРСА в подразделениях БГУ, эффективно работающих со студентами научных руководителей и т. д.

6. Совершенствование системы материального и морального стимулирования студентов, аспирантов и их эффективно работающих научных руководителей. Планируется разработать и внедрить механизм выделения грантов для поддержки молодых ученых по приоритетным для БГУ специальностям в рамках ежегодного конкурса грантов для студентов и аспирантов БГУ.

7. Дальнейшее укрепление связи НИРС – аспирантура. Как показывает практика, успешное обучение в аспирантуре во многом определяется научным заданием, созданным на этапе НИРС [1, с. 103]. Планируется расширить деятельность по:

– созданию дополнительных условий для освоения студентами различных этапов организации и выполнения фундаментальных,

экспериментальных поисковых научно-исследовательских работ и инновационных проектов, направленных на решение научных задач;

– формированию профессиональной потребности к росту научного знания и создания научного задела для проведения диссертационного исследования, начиная с младших курсов;

– повышению качества отбора выпускников первой и второй ступеней высшего образования для дальнейшего обучения в аспирантуре;

– укреплению преемственности поколений исследователей в рамках научных школ БГУ;

– обеспечению положительной динамики защит диссертаций в срок обучения в аспирантуре.

Планируется, что реализация данного направления позволит превысить показатели, установленные Государственной программой «Образование и молодежная политика на 2021–2025 гг.» для системы послевузовского образования Республики Беларусь.

Таким образом, приоритетные направления развития системы НИРСА БГУ в 2021–2025 годах позволят повысить качество подготовки специалистов с высшим образованием и научных работников высшей квалификации путем их привлечения к научно-исследовательской работе и ознакомления с последними достижениями научно-технического прогресса, усовершенствовать механизм выявления и отбора выпускников, склонных к научно-инновационной деятельности, для продолжения обучения в аспирантуре и повысить эффективность работы с лицами, включенными в республиканский банк данных одаренной молодежи.

Библиографические ссылки

1. Кухаренко А. А. Научно-исследовательская работа студентов БГУ: состояние, достижения, вызовы и перспективы развития // Роль университетского образования и науки в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Д. Король (пред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 96–104.

2. Положение о системе организации научно-исследовательской работы студентов БГУ : утв. приказом ректора БГУ от 26 дек. 2018 г. № 832-ОД [Электронный ресурс]. URL: [https://nirs.bs.by/files/documents/Документы/НИРС/Положение о системе организации НИРС БГУ. pdf](https://nirs.bs.by/files/documents/Документы/НИРС/Положение%20о%20системе%20организации%20НИРС%20БГУ.pdf) (дата обращения: 29. 10. 2021).

3. Отчеты о научной, научно-технической и инновационной деятельности Белорусского государственного университета за 2016–2020 годы.

4. Захаров А. Г., Кошелевич Л. С., Кухаренко А. А. Информация об итогах 76-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс] // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф. В 3 ч., Минск, 13–24 мая 2019 г. Минск : БГУ, 2019. Ч. 1. С. 9–12.

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ
КАФЕДРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

А. А. Приборович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, priborovich@gmail. com*

В современных условиях обновления образовательных стандартов и учебных программ высшего образования большое внимание уделяется развитию исследовательского потенциала студента. Важным фактором в достижении этой цели выступает организация научно-исследовательской работы студентов (НИРС). Автор статьи анализирует проблему оценки эффективности научно-исследовательской работы обучающихся на одной из кафедр ведущего учреждения высшего образования Беларуси. Результаты исследований показывают, что успех НИРС на кафедре зависит от формирования у студентов глубокого интереса к науке, самостоятельности мышления и ответственности. Эти качества могут быть сформированы в современной высшей школе только при усилении научной составляющей учебных программ первой ступени обучения и в том числе работы преподавателей по привлечению студентов, магистрантов к совместной исследовательской деятельности.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов; исследовательская компетенция; анкетирование

**SCIENTIFIC RESEARCH WORK OF STUDENTS OF THE
DEPARTMENT OF SOURCE STUDIES OF THE HISTORICAL
FACULTY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY**

A. A. Priborovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus Corresponding author: A. A. Priborovich (priborovich@gmail. com)*

In modern conditions of updating educational standards and curricula of higher education, much attention is paid to the development of the research potential of the student. An important factor in achieving this goal is the organization of students' research work (SRWS). The author of the article analyzes the problem of assessing the effectiveness of research work of students at one of the departments of the leading institution of higher education in Belarus. The research results show that the success of SRWS at the department depends on the formation of students' deep interest in science, independence of thought and responsibility. These qualities can be formed in modern higher education only with the strengthening of the scientific component of the curriculum of the first stage of education, including the work of teachers to attract students, undergraduates to joint research activities.

Key words: research work of student; research competence; questioning

В условиях цифровизации культуры и трансформации устоявшихся норм жизни белорусского общества научно-исследовательская работа студентов (НИРС) является частью подготовки специалистов в учреждениях высшего образования (УВО). Целью осуществления НИРС

является: повышение уровня подготовки будущих выпускников УВО через формирование и освоение ими методов, приёмов и навыков научно-исследовательской деятельности; обучение применению теоретических знаний на практике; развитие самостоятельности.

В статье речь идёт о научной подготовке студентов, магистрантов и аспирантов кафедры источниковедения. На кафедре определены следующие элементы НИРС: научный компонент в курсовых и дипломных работах; выполнение исследовательских заданий во время прохождения практик; применение элементов НИР на учебных занятиях; работа студенческих научных кружков («Друзья архивов», «Радавод»); участие обучающихся в научных мероприятиях.

Непосредственное научное руководство на кафедре осуществляет профессорско-преподавательский состав. Руководство НИРС учитывается как один из аспектов их деятельности. Сведения о формах организации научной работы со студентами на кафедре, а также количественном составе студентов и преподавателей, участвующих в её реализации, указываются в ежегодных отчётах. На первый взгляд, анализ отчётов преподавателей создаёт уверенность в успехах НИРС. Однако, на протяжении нескольких лет кафедра с трудом решает проблему набора магистрантов, а по одной из курируемых кафедрой научных специальностей вообще нет набора в аспирантуру.

Возникает вопрос – на самом ли деле ситуация в бумажном отчёте отвечает истинному положению дел? Для поиска ответа в мае 2021 г. на кафедре было проведено онлайн-анкетирование (опрос) на предмет выяснения наличия интереса и степени вовлеченности студентов, магистрантов и аспирантов кафедры источниковедения в НИР. В опросе участвовало 54 студента 1–5 курсов специальностей «Документоведение» и «Архивоведение», а также 2 магистранта и 2 аспиранта кафедры, что составляет 19% возможных участников анкетирования. Формирование выборки происходило сплошным опросом заинтересованных респондентов кафедры. Генеральная совокупность делилась на страты по ряду признаков: пол, возраст, курс, форма обучения и трудоустройство.

Структура выборки выглядит следующим образом: а) пол: мужской – 52,5%, женский – 47,5%; б) возраст: 16–19 лет – 52,5%, 20–25 лет – 44,1%, 26 лет и старше – 3,4%; в) курс обучения: первый – 37,3%, второй – 23,7%, третий – 13,6%, четвёртый – 16,9%, магистратура – 3,4%; аспирантура – 5,1%; г) форма обучения: очная – 81,4%, заочная – 18,6%; д)

трудоустройство: работают – 43,1% (включая аспиранта очной формы обучения), не работают – 56,9%.

Предметом исследования являлось отношение студентов к НИР на кафедре источниковедения. Исследование показало невысокую степень активности студентов в научно-исследовательской работе, большинство опрошенных не принимают в ней участия. Чаще опрошенные давали среднюю оценку заинтересованности преподавателей кафедры в привлечении студентов к участию в научной деятельности. 35,6% опрошенных указали на то, что они хотели бы заниматься наукой в БГУ. При этом среди студентов, указавших на наличие интереса к научной деятельности, 72,9% отметили, что не принимали ранее активного участия в ней.

Программа опросного листа содержала и другие вопросы. Рассмотрим результаты анкетирования подробно.

На вопрос «*Как часто Вы посещаете студенческие мероприятия?*» респонденты ответили: редко – 50,8%, 32,2% не посещают, 16,9% часто. Имеющиеся значения демонстрируют о низком участии студентов 1 и 2 курсов, магистрантов и аспирантов в общественных мероприятиях факультета и университета. Если последних такая ситуация оправдывает по причине их занятости в написании диссертации и сдачи кандидатских экзаменов, то отсутствие интереса студентов младших курсов к общественной жизни факультета вызывает разочарование.

39% опрошиваемых указали, что они участвовали бы в студенческих мероприятиях, но при условии, если бы они соответствовали их интересам. 32,2% респондентов отметили, что им важнее учебная составляющая, нежели общественная жизнь. При этом пятая часть студентов утверждает о нехватке времени для внеаудиторной деятельности.

41% опрошиваемых считают, что насыщенная студенческая жизнь – важный фактор при выборе учебного заведения, но при этом 72% студентов не удовлетворены теми мероприятиями, которые проводятся в университете, а 65% вовсе убеждены в отсутствии пользы от них мероприятий и считают неудовлетворительной их организацию.

Из 21 респондента, участвовавшего в ответе на вопрос «В каких проявлениях им интересна научная деятельность?» около 40% ответили, что следят за достижениями науки; 17% регулярно посещают научные конференции и только 6 человек занимаются научными исследованиями (активное участие). Интересен тот факт, что опрошиваемые проявили

интерес к таким темам научного исследования как: отечественная история, социология, психология и военное дело. Темы по документоведению, архивоведению и источниковедению не вызвали интереса среди студентов кафедры.

На вопрос *«Откуда Вы узнаете о различных конкурсах исследовательских работ, которые проводятся в университете? (множественный выбор)»* респонденты ответили: публикации на сайте и в социальных сетях – 62,7%; информируют преподаватели – 49,2%; никто не информирует о подобных мероприятиях – 18,6%.

На вопрос *«Если Вы занимались научным исследованием, то что для Вас явилось мотивацией? (множественный выбор)»* опрашиваемые ответили: наличие собственного интереса к решению какой-либо научной проблемы – 75,7%; возможность участия в конкурсах, конференциях – 32,4%; получение дополнительных баллов учебного рейтинга – 27%; желание получить более глубокие знания и умения по выбранной специальности – 24%; возможность досрочной сдачи экзамена и возможность приобретения преимущества при устройстве на работу – 21% по каждому.

На вопрос *«Как Вы считаете, какая форма участия в исследованиях является для студентов наиболее приемлемой и результативной?»* опрашиваемые ответили: коллективные исследования в кругу единомышленников – 50,8%; индивидуальные исследования с научным руководителем – 32,2%; индивидуальные исследования – 8,5% и другое – 8,5%.

На вопрос *«Кого, по Вашему мнению, следует привлекать к занятию наукой?»* респонденты ответили: только студентов, которые отличаются выраженной внутренней мотивацией к познанию и научному труду – 52,5%; абсолютно всех студентов – 28,8%; студентов, мотивированных внешними условиями – 16,9% и 1,8% другое.

Таким образом, проведённое анкетирование затронуло отдельные стороны организации НИР студентов кафедры, что обусловлено сложностью и многообразием факторов обучения студентов УВО. 86,4% респондентов положительно оценили качество составленного анкетного листа (на оценку хорошо – 54,2% и отлично 32,2%), 13,6% оценили оценкой «удовлетворительно».

Результаты проведённого исследования убеждают, что необходимо решить вопрос о стимулировании самих преподавателей по привлечению их подопечных к научно-исследовательской работе. Все виды работы:

планирование НИР студентов разных курсов и разных уровней подготовки, индивидуальные консультации, проведение тематических заседаний, подготовка студенческих работ к публикации и другое – должны стать составной частью нагрузки преподавателей.

Стоит обратить внимание на необходимость усиления научно-исследовательской работы всех студентов исторического факультета. Автором статьи видятся следующие пути развития НИРС на кафедре и факультете:

1. Активнее поощрять к поступлению в магистратуру и аспирантуру выпускников, выполнивших за период обучения ряд исследований, включенных в отчёты по научным работам, опубликованным в печати или получившим высокую оценку на конкурсах.

2. Ввести в учебные программы возможность поощрения студентов за участие в научной деятельности.

3. Дипломные и магистерские работы студентов, не участвующих в научно-исследовательских работах и не имеющих публикаций (прочих форм апробации), не могут быть оценены при защите на «10 (превосходно)».

4. Обеспечить информирование студентов о возможности участия в научных мероприятиях с помощью социальных сетей и мессенджеров [3].

5. Предложить студентам и магистрантам междисциплинарные темы научных исследований.

6. Привлекать студентов к внеаудиторной исследовательской деятельности [4].

7. Создать цифровые профили исследовательских компетенций студентов кафедры, в которых будет отражена траектория их НИР [1].

8. Увеличить количество научных кружков и активизировать работу имеющихся.

9. Усилить научную составляющую курсовых исследований студентов 2–4 курсов [2].

Таким образом, НИРС должна стать одной из форм учебного процесса, в которой наиболее эффективно сочетаются обучение, самообучение и практика. В рамках научной работы будущий специалист сначала приобретает первые навыки исследовательской работы, затем начинает воплощать полученные теоретические знания в исследованиях, так или иначе связанных с практикой, участвует в научных конференциях разного уровня. В процессе образовательной и научно-исследовательской

деятельности происходит формирование нравственных свойств и качеств личности с активным ростом их гражданской позиции. Эффективная организация НИРС в БГУ способствует реализации одного из ключевых направлений государственной идеологии – формированию интеллектуальной элиты страны, способной отвечать на цивилизационные вызовы.

Библиографические ссылки

1. Приборович А. А. Компьютерная модель профессионально-биографического портрета историка // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2013. Вып. 8. С. 298–301.
2. Приборович А. А. НИРС и УИРС в ВУЗе как средство развития исследовательской компетенции будущих специалистов // Акмеологические основы становления специалиста-профессионала в различных видах деятельности: сборник материалов. Гомель, 2008. Выпуск X. Ч. 4. С. 29–32.
3. Приборович А. А., Балыкина Е. Н. Применение программного обеспечения в конструировании содержания исторического образования // Информационные технологии и программные средства: проектирование, разработка и применение: сб. науч. ст. Гродно: ГрГУ, 2011. 69–73.
4. Приборович А. А. Проблемы исторического познания в условиях применения нетрадиционных методов исторического познания // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук: материалы конф. Витебск: «МИТСО» Витебский филиал, 2011. С. 342–344.

ПРОФЕССОР В. А. ФЕДОСИК КАК ОСНОВАТЕЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХРИСТИАНСТВА

А. А. Торканевский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tork@tut.by*

Исследуется научная школа изучения истории средневекового христианства, основанная известным белорусским историком профессором Виктором Анатольевичем Федосиком. Раскрывается тематика кандидатских диссертаций основных представителей данной научной школы, учеников В. А. Федосика. Показан их вклад в развитие научных знаний по истории средневекового христианства.

Ключевые слова: Средние века; медиевистика; христианство; церковь.

PROFESSOR V. A. FEDOSIK AS THE FOUNDER OF A SCIENTIFIC SCHOOL FOR THE STUDY OF MEDIEVAL CHRISTIANITY

A. A. Torkanevskiy

*Belarusian state university,
Nezavisimosti av, 4, 220030, Minsk, Belarus, tork@tut.by*

The scientific school of studying the history of medieval Christianity, founded by the famous Belarusian historian Professor Viktor Anatolyevich Fedosik, is being investigated. The topic of candidate dissertations of the main representatives of this scientific school, students of V. A. Fedosik, is revealed. Their contribution to the development of scientific knowledge on the history of medieval Christianity is shown.

Key words: Middle Ages; medieval studies; Christianity; church.

9 февраля 2021 г. исполнилось 70 лет выдающемуся отечественному ученому, доктору исторических наук, профессору Виктору Анатольевичу Федосику.

В. А. Федосик является общепризнанным в Республике Беларусь ведущим специалистом по истории античного христианства. Как кандидатская, так и докторская диссертации Виктора Анатольевича, посвященные именно проблематике раннехристианской церкви, внесли значимый вклад в историографию вопроса и признаны мировой наукой. Успешно осуществляемое им на протяжении более 30 лет руководство кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ сделало ее ведущим научным центром Республики Беларусь в области исследования древней и средневековой истории. Научные работы В. А. Федосика известны и за пределами Беларуси. Они издавались в России, Украине и других странах, входят в списки рекомендуемой литературы вузовских курсов по истории Древнего мира и

спецкурсов по раннему христианству зарубежных вузов. Виктор Анатольевич является автором более 360 научных и научно-методических работ. Многогранность научных знаний и интересов делает его не только ведущим антиковедом и медиевистом, но и крупнейшим ученым в отечественной исторической науке. В своей последней крупной монографии «Антычнасць вачыма Сярэднявечча» [1] Виктор Анатольевич проводит исследование на стыке антиковедения и медиевистики.

Второй после антиковедения важной специализацией Виктора Анатольевича, как ученого-историка, является медиевистика. Поэтому именно под его научной редакцией было издано первое рекомендуемое Министерством образования Республики Беларусь учебное пособие для вузов по истории Средних веков на белорусском и русском языках (2002, 2008 гг.). Помимо этого, профессор В. А. Федосик являлся руководителем авторских коллективов по подготовке ряда школьных учебных и методических пособий для учителей, рабочих тетрадей, атласов, учебных карт, хрестоматий по истории Средних веков, а также школьных и вузовских учебных программ по истории средневековья. В соавторстве с ведущими медиевистами кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ им были выпущены своего рода единственные в отечественной науке справочные издания «Средневековый мир в терминах, именах и названиях» [3] и «Средние века. Культура, искусство, история» [4]. Проблемам средневековой истории посвящен целый ряд статей ученого.

Большую роль профессор уделяет подготовке научных кадров. Основным достижением в этой области можно по праву считать создание им научной школы изучения античного и средневекового христианства. Всего под руководством В. А. Федосика защищены одна докторская (И. О. Евтухов, специалист по позднеантичному менталитету) и 9 кандидатских диссертаций (И. О. Евтухов; Е. Н. Сурта, специалист по раннесредневековому христианству; О. И. Малюгин, специалист по раннесредневековой Британии; О. М. Ленцевич, специалист по раннему христианству; Л. В. Харичкова, специалист по эпохе Домината; Д. В. Мазарчук, специалист по истории иудаизма; С. П. Шупляк, специалист по средневековому христианству; А. А. Торканевский, специалист по раннехристианской церкви Рима; Н. О. Пашков, специалист по истории православия).

В 1995 г. кандидатскую диссертацию по теме «Христианская церковь в Галлии и Франкском государстве (II – середина VIII в.)» [5] защитила

ученица В. А. Федосика Елена Николаевна Сурта. На момент защиты данная тема в пределах обозначенных хронологических рамок не находила обстоятельного изучения в специальных исследованиях, что делало данную работу весьма актуальной. Целью своей работы диссертантка определила проследить эволюцию христианской церкви Галлии от момента ее зарождения в эпоху античности до середины VIII в., а также выявить специфические качественные характеристики и основные тенденции исследуемого процесса. Работая над диссертацией, Е. Н. Сурта ввела в научный оборот ряд новых источников, а также дала изучаемым феноменам отличные от устоявшихся в историографии оценки.

По итогам проделанной работы исследовательница продемонстрировала, что до V в. христианство в Галлии являлось преимущественно городской религией, чья организационная структура начала формироваться лишь во второй половине IV в. Именно в это время христианская церковь начинает постепенно приобретать статус значительной социально-политической силы. Важным выводом явилось и заключение о том, что в эпоху варварских завоеваний галльская церковь аккумулировала в себе многие функции безвозвратно слабевшей имперской власти, а также передавала религиозно-культурное и общественно-политическое наследие из античной цивилизации в средневековую. Важной проблемой, решаемой диссертанткой, явился вопрос взаимоотношений церкви и политической власти в государстве Меровингов. Анализ источников и научной литературы позволил Е. Н. Сурте убедительно продемонстрировать, что в результате тесного взаимодействия и взаимовлияния религиозных и политических институтов церковь приобрела характер государственной, воспринимая короля, как своего верховного руководителя. А светская власть, в свою очередь, заимствовала ряд элементов церковного устройства для оформления политической административной системы. Наконец, Е. Н. Сурта установила, что особенностью зародившегося в конце IV в. галльского монашества явилось отсутствие его четкой структуры вплоть до конца VII в.

В следующем, 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию еще один ученик В. А. Федосика – Олег Иванович Малюгин, ныне работающий на историческом факультете БГУ в должности доцента. Его работа была посвящена теме «Христианские церкви на Британских островах в Античности и раннем Средневековье (I–VII века)» [2]. Оказалось, что данная проблематика являлась на то время неразработанной в

отечественной историографии и весьма актуальной для зарубежной медиевистики. Оригинальность диссертационного исследования заключалась в рассмотрении обоих периодов (античного и раннесредневекового) в непосредственной взаимосвязи, в то время, как прежде исследователи обычно их противопоставляли, считая несовместимыми.

Результатом проведенной исследовательской работы стали весьма оригинальные выводы молодого ученого. Так, О. И. Малюгин установил, что начало христианизации Британских островов относится ко II в., а не III в., как было принято полагать прежде. Более того, процесс христианизации проходил довольно медленно и не завершился к моменту вторжения англо-саксов в V в. Тем не менее, исследователь обосновал вывод о том, что к тому времени христианами были примерно 50% всего населения региона. Однако в ряде местностей язычество удерживалось вплоть до начала VIII в. В то же время вторжение англо-саксов привело к тому, что из городской и епископской по своей структуре церковь превращалась постепенно в сельскую и монастырскую. Основной особенностью христианства этого периода было наличие соперничества двух его ветвей в регионе – римско-католической и иро-шотландской (кельтской). В итоге борьба за преобладание была выиграна первой из них. Причем данная победа была обусловлена не идеологическими или религиозными, а политическими и экономическими причинами.

Самым молодым учеником профессора В. А. Федосика, специалистом по средневековому христианству, является Сергей Петрович Шупляк. Ученый исследует духовную сторону жизни средневекового западноевропейского общества, в частности, историю паломничества в средние века, религиозные установки и ритуальные комплексы. В 2011 г. он защитил диссертацию на тему «Паломничества в духовной и социально-политической жизни западноевропейского общества (IV–XIII вв.)» [6]. Она стала первым в отечественной медиевистике исследованием феномена западноевропейских средневековых паломничеств, игравших исключительно важную роль в истории Западной Европы периода Средних веков, и выполняя множество функций. Поэтому ученый поставил задачу раскрыть специфику феномена христианских паломничеств и их роли в духовной и социально-политической жизни общества западноевропейского Средневековья.

В диссертационном исследовании были представлены важнейшие элементы процесса формирования традиции паломничеств, установлена

топография основных объектов поклонения паломниками, ментальные установки общества, на которых базировался феномен христианских паломничеств. Впервые были выделены и классифицированы функции паломничеств в жизни западноевропейского средневекового общества.

Полученные из первоисточников данные позволили С. П. Шупляку обосновать принципиальный для исторической науки результат: паломники в западноевропейском средневековом обществе составляли особую категорию со своим социальным статусом, закрепленным юридически. Особый статус паломников определялся нормами как светского, так и церковного права, которые гарантировали предоставление защиты личности, безопасности пути, оказание медицинской помощи и обеспечение питанием и местами в приютах.

Диссертант убедительно показал, какую роль сыграл институт паломничества в истории крестовых походов. Наступление тысячного года было воспринятого средневековым обществом как предвестник конца времен. Это обстоятельство, в свою очередь, привело к резкому увеличению массовых паломничеств в Палестину, что было использовано папством в условиях феодальной раздробленности для упрочения своих позиций. В частности, искупительное паломничество стало предлогом для обоснования крестовых походов и было удобным инструментом для проведения папской политики уже на завоеванных крестоносцами ближневосточных территориях. Это выразилось в создании военно-монашеских орденов, которые подчинялись непосредственно папе римскому. А их важнейшей задачей являлась защита паломников.

Таким образом, профессор В. А. Федосик внес большой вклад в развитие медиевистики. На историческом факультете БГУ им был подготовлен целый ряд медиевистов. Защищенные ими кандидатские диссертации расширили знания по истории Средних веков и послужили основой создания научной школы по истории изучения средневекового христианства. Ученики профессора В. А. Федосика продолжают научные традиции, заложенные их учителем, плодотворно трудятся в области образования и науки.

Библиографические ссылки

1. Федосік В. А. Антычнасць вачыма Сярэднявечча. Мінск: БДУ, 2016.
2. Малюгин О. И. Христианские церкви на Британских островах в Античности и раннем Средневековье (I–VII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 03. Минск, 1996.

3. Средневековый мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник / Науч. ред. В. А. Федосик, Е. Д. Смирнова, Л. П. Сушкевич. Минск: Беларусь, 1999.
4. Средние века. Культура, искусство, история. Иллюстрированная энциклопедия / Е. Д. Смирнова, Л. П. Сушкевич, В. А. Федосик; под ред. В. А. Федосика. М.: Эксмо, 2008.
5. Сурта Е. Н. Христианская церковь в Галлии и Франкском государстве (II–середина VIII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 03 . Минск, 1995.
6. Шупляк С. П. Паломничества в духовной и социально-политической жизни западноевропейского общества (IV–XIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 03. Минск, 2011.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУЧАСНОЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫІ

ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ 1920-х гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Т. Н. Агеенко

*Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр-т Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, aheyenka-tatsiana@tut.by*

В статье на основе документов партийного комплекса КП(б)Б, а также опубликованных данных анализируются партийные переписи 1920-х гг., охватившие территорию БССР. Приведены сведения об особенностях переписей 1922 г., 1924 г. и 1927 г., данных о численном составе, национальности и среднем возрасте членов и кандидатов КП(б)Б. Отмечается необходимость критического отношения к этим материалам. Показаны отличительные особенности партийной переписи 1929 г., которая охватила только деревенских коммунистов. Обращается внимание на сохранность личных анкет, которые являются ценным источником биографического характера.

Ключевые слова: КП(б)Б; партийные переписи; биографические источники.

DOCUMENTS OF PARTY CENSUSES OF THE 1920 AS A HISTORICAL SOURCE

T. N. Ageenko

*State Institution «National Archives of the Republic of Belarus», Nezavisimosti av., 116,
220114, Minsk, Belarus, aheyenka-tatsiana@tut.by*

Based on the documents of the party complex of the CP(b)B, as well as published data, the article analyzes the party censuses of 1920, which covered the territory of the BSSR. The article provides information on the peculiarities of the censuses of 1922, 1924 and 1927, the final data on the numerical composition, nationality and average age of members and candidates of the CP(b)B. The need for a critical attitude to these materials is noted. Shown are the distinctive features of the party census of 1929, which covered only village communists. Attention is drawn to the safety of personal profiles, which are a valuable source of biographical character.

Key words: CP(b)B; party censuses; biographical sources.

Особая роль, которую играла коммунистическая партия в социально-политических процессах 1920-х гг., предполагает изучение ее как специального предмета. Представляется важным обращение к анализу социальных сил, на которые она опиралась, поскольку именно члены партии являлись исполнителями партийных решений. Для этого необходимо изучение документов партийного учета, и в первую очередь партийных переписей, которые хранятся как в фондах Национального

архива Республики Беларусь (НАРБ), так и опубликованы в виде итоговых статистических данных.

Всероссийская партийная перепись членов РКП(б) с целью получения необходимых сведений о количественном и качественном составе партии, а также для организации текущего учета ее членов была проведена в январе 1922 г. [1, с. 12]. Она затронула территорию не только РСФСР, но и БССР. Параллельно с учетом решалась задача обмена партийных билетов; они выдавались только тем членам партии, которые прошли партийную перепись. В ходе ее проведения заполнялись бланки 1) для переписи членов партии (учет кандидатов в члены партии не проводился) (форма «А»); 2) для ячеек (форма «Б»); 3) для парткомов (форма «В»).

Итоги переписи были опубликованы в пяти выпусках. В них отражены сведения о количестве членов партии по БССР (4834 чел., в т. ч. женщин 372 чел.), их национальном составе (русских – 42,2%, евреев – 23%, белорусов – 21%, других национальностей – 13,8%). Также приведены обобщенные данные о социальном положении, партстаже и др. [2, с. 16–17]. Однако, при работе со статистическими данными по БССР необходимо учитывать, что они не включают Витебскую, Гомельскую и Смоленскую (куда входили ряд уездов Могилевщины) губернии, входившие в состав РСФСР.

Большой интерес представляют бланки формы «А», т. к. содержат информацию, которая является важным источником биографического характера. Они включают 59 вопросов: сведения о месте нахождения ячейки, фамилии, имени и отчестве, возрасте, разговорном языке, количестве членов семьи (в т. ч. их социальном и национальном происхождении), образовании, рабочем, служебном и партийном стаже, службе в армии, нахождении в плену и др.

Важно учитывать, что в НАРБ в фонде ЦК КП(б)Б эти бланки (а также бланки переписи 1924 г.) хранятся как отдельными делами, так и в составе личных дел членов и кандидатов в члены партии. При работе с ними требуют дальнейшего уточнения полнота и степень сохранности. Их использование осложняется тем, что многие дела содержат одновременно бланки партийных переписей 1922 г. и 1924 г., составленные на разные буквы, к ним отсутствуют внутренние описи.

После произошедшего весной–летом 1924 г. первого укрупнения БССР была проведена Всебелорусская перепись членов и кандидатов КП(б)Б. Она проходила по двум направлениям: а) учет всех членов и кандидатов КП(б)Б; б) переучет ответственных работников. Были

подготовлены четыре формы бланков: 1) для членов партии (белого цвета), кандидатов (желтого цвета) и ленинцев (розового цвета); 2) для ячеек, 3) для волостных комитетов; 4) ведомость ответственных работников.

Организация и проведение переписи возлагались на уполномоченных ЦК КП(б)Б, а также уполномоченных партийных комитетов. Бланк № 1 заполнялся лично каждым переписываемым в двух экземплярах – один направлялся в ЦК, второй оставался в личном деле. Статистическая разработка переписного материала производилась в ЦК КП(б)Б. Их содержание во многом повторяет содержание бланков 1922 г.

Итоговые сведения переписи представлены отчетом, согласно которому в КП(б)Б на 1 июля 1924 г. состояло 10364 чел., из них было переписано 9977 чел. (в т. ч. женщин 952 чел., ленинцев – 1903 чел.). По сравнению с переписью 1922 г. изменился национальный состав партии: белорусы составляли 35,8%, евреи – 24,6%, русские – 22,6%, другие национальности – 17%. Представлены данные и о разговорном языке. На первом месте был русский (70,6% опрошенных), затем еврейский (17,4%), белорусский (6,5%) и др. Средний возраст составлял 29,4 года, 27,7 лет у женщин. Изменение количественного и качественного состава КП(б)Б было связано с рядом причин. Например, значительный рост количества членов и кандидатов партии был связан как с расширением территории БССР, так и с приемом в партию рабочих в период ленинского призыва и в последующее время. Кроме того, изменились подходы к заполнению бланков. Так, при разработке материалов переписи работавшие в сельском хозяйстве по найму были отнесены к рабочим, в то время как в сведениях к партийной конференции (на 1 января 1924 г.) они входили в число крестьян [3, л. 1, 2, 6, 9].

В январе 1927 г. состоялась Всесоюзная партийная перепись. Ее целью было всестороннее выявление состава партии в целом и ее отдельных организаций, числа коммунистических ячеек, структур партийных комитетов. Перепись проводилась особым переписным персоналом, под руководством статистического отдела ЦК ВКП(б), по выработанному им единому плану и программе. Прохождение переписи служило основанием для получения партбилета нового образца. Бланки заполнялись переписчиками путем опроса членов и кандидатов в члены партии в двух экземплярах. Один направлялся для статистической разработки в статистический отдел ЦК ВКП(б), а другой для учетных целей в уездный, районный, окружной комитет [4, л. 47]. Были

разработаны бланки: 1) для членов и кандидатов в члены ВКП(б) (форма «А»); 2) для коммунистических ячеек и кандидатских групп (форма «Б»); 3) для партийных комитетов (форма «В»).

Итоги переписи были опубликованы в восьми выпусках. Согласно им в КП(б)Б на 10 января 1927 г. насчитывалось 25298 чел. (в т. ч. женщин 2914 чел.) [5, с. 7]; национальный состав выглядел следующим образом: белорусы составляли 52,3%, евреи – 23,8%, русские – 14,8%, другие народности – 9,1%. Средний возраст членов и кандидатов в члены партии составлял 29,2 года., женщин 26,9 лет. 46,2% опрошенных указали родным языком белорусский, 53,6% – русский, 0,2% – прочий [6, с. 127].

К сожалению, выявить заполненные бланки этой переписи в фондах НАРБ не удалось. В то же время в Российском государственном архиве социально-политической истории в материалах партийной переписи хранятся заполненные анкеты, в том числе на членов и кандидатов в члены партии по БССР. Из бланков формы «А» можно получить сведения о партийной ячейке, наименовании организации (предприятия), фамилии, имени и отчестве, возрасте, народности, родном языке, грамотности, образовании, профессии, зарплате и др. В то же время сведения о семье в переписном бланке отсутствуют.

Последней из проведенных в 1920-е гг. была перепись деревенских коммунистов, которая проводилась в феврале-марте 1929 г. Ее основной целью было определение социально-хозяйственного положения деревенских коммунистов. Переписи подлежали все члены и кандидаты в члены КП(б)Б, проживавшие в сельских местностях БССР, как занятые в сельском хозяйстве, так и не занятые в нем (учителя, служащие и т. д.). Она проходила по программе, близкой к программе динамической переписи сельского хозяйства, путем личного непосредственного опроса каждого члена и кандидата КП(б)Б и не затронула населенные пункты городского типа [7, л. 3].

Проведением переписи занималось Центральное статистическое управление (ЦСУ) БССР, данные заносились в специально разработанную подворную карточку. В фонде ЦСУ сохранилось только два дела по Гомельскому и Оршанскому округам с подворными карточкам. Из них можно получить информацию о фамилии, имени и отчестве домохозяина, его национальности, семейном составе (с указанием отношения к главе семьи, возрасту), данные о домашнем хозяйстве.

Итоговые данные переписи представлены отчетом, согласно которому ею было охвачено 4532 хозяйства деревенских коммунистов, с

числом хозяев 4780 чел. Кроме того, по сокращенной программе было обследовано 208 хозяйств коммунистов-членов колхозов. В то же время не были переписаны коммунисты-батраки и сельскохозяйственные рабочие, которых по данным переписи насчитывалось 834 чел., а также все члены деревенских ячеек, отнесенные по номенклатуре ЦК к служащим, кустарям и т. д. (3408 чел.) [8, л. 1]. В отчете приведены обобщенные данные об экономической характеристике обследованных хозяйств, стоимости средств производства, участия в кооперативах и колхозах.

Проведение переписи совпало с началом коллективизации сельского хозяйства, что нашло отражение и в итоговом документе. В нем содержатся данные о кулацкой группе коммунистов. Отмечалось, что ряд хозяйств отнесен к категории кулацких только из-за применения наемной рабочей силы, т. к. оно часто имело решающее значение. Приведены сведения о процентном соотношении кулацких хозяйств в регионах БССР. Так, в Витебском округе он составлял 4,6%, в Полоцком 2,7%. Такой процент кулацких хозяйств в данных округах объяснялся распространением на этих территориях хуторской формы землепользования, а также невниманием к «регулированию социального состава деревенской организации» [8, л. 4].

По указанию ЦК КП(б)Б перепись не охватывала хозяйства коммунистов, состоящих в колхозах. Однако, для выявления отношения деревенских коммунистов к колхозному строительству такие хозяйства были опрошены по служебной программе. В результате был выявлен крайне небольшой процент коллективизации хозяйств-коммунистов [8, л. 18].

В ходе проведения переписи регистраторы сталкивались с тем, что некоторые из опрашиваемых не давали ответы на вопросы или скрывали часть сведений (например, о найме работников, количестве урожая и доходов).

Подводя итоги выше изложенному, необходимо отметить, что материалы партийных переписей 1922 г., 1924 г., 1927 г. являются ценным источником информации о социальном портрете КП(б)Б (или ее части) на момент их проведения. Они позволяют определить социальный и национальный состав, возраст, уровень грамотности и т. д. членов и кандидатов в члены партии, проследить изменения, происходившие в партийных кругах. В то же время при работе с переписями важно учитывать, что эти изменения происходили не только путем вступления в ряды коммунистов новых граждан, но и за счет расширения границ БССР,

изменения подходов к отнесению лиц к той или иной группе. Что же касается переписи 1929 г. то она затронула только одну социальную группу (деревенских коммунистов), проходила в период проведения коллективизации, что нашло отражение в ее итоговых документах.

Кроме того, сохранившиеся личные бланки партийных переписей являются ценным источником биографического характера. Однако, обращаясь к ним, необходимо помнить, что не все сведения, указанные в переписях, соответствуют действительности. Связано это с желанием скрыть некоторые страницы биографии, которые могли помешать партийной карьере.

Библиографические ссылки

1. Теплякова Т. П. Некоторые вопросы подготовки и проведения партийной переписи в 1922 г. // КПСС в борьбе за социализм и коммунизм / М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1982. С. 10–18.

2. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М.: Красная новь, 1924. Вып. 5: Национальный состав членов партии.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 1716.

4. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 2603.

5. Всесоюзная партийная перепись 1927 года / М.: Статистический отдел ЦК ВКП(б), 1927. Вып. 6: Численный состав ВКП(б) на 10 января. Партийный стаж и возраст членов ВКП(б) и кандидатов в члены.

6. Всесоюзная партийная перепись 1927 года / М.: Статистический отдел ЦК ВКП(б), 1927. Вып. 7: Народность и родной язык членов ВКП(б) и кандидатов в члены. Состав коммунистов коренной народности в национальных республиках и областях СССР.

7. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4332.

8. НАРБ. Ф. 15 п. Оп. 4. Д. 27.

АДЛЮСТРАВАННЕ КОЛЬКАСЦІ ГРАБЯЖОЎ У БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯХ ЗА 1815–1854 ГГ. У АФІЦЫЙНЫХ ЗВЕСТКАХ МІНІСТЭРСТВА ЎНУТРАНЬНЫХ СПРАЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЭРЫІ

Н. В. Анофранка

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, anofranka.n@gmail.com

Дадзены матэрыял прадстаўляе сабой агляд звестак Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі за 1815–1854 гг., якія датычыліся грабляжоў і разбойных нападаў у беларуска-літоўскіх губернях. Прадстаўлены кароткія разважанні з боку Міністэрства аб знешніх і ўнутраных прычынах гэтай сацыяльна-небяспечнай з’явы.

Ключавыя словы: Расійская імперыя; беларуска-літоўскія губерні; Міністэрства ўнутраных спраў; праваахоўныя органы; грабляжы, разбойныя напады, разбойніцкія банды.

ОТРАЖЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ГРАБЕЖЕЙ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИИХ ЗА 1815–1854 ГГ. В ОФИЦИАЛЬНЫХ СВЕДЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н. В. Анофренко

Інстытут історыі НАН Беларусі, ул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, anofranka.n@gmail.com

Данный материал представляет собой обзор сведений Министерства внутренних дел Российской империи за 1815–1854 гг., которые касались грабежей и разбойных нападений в белорусско-литовских губерниях. Представлены короткие рассуждения со стороны Министерства о внешних и внутренних причинах этого социально-опасного явления.

Ключевые слова: Российская империя; белорусско-литовские губернии; министерство внутренних дел; правоохранительные органы; грабежи; разбойные нападения; разбойничьи банды.

REFLECTION OF NUMBER OF ROBBERIES IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES IN 1815–1854 IN OFFICIAL DOCUMENTATION OF MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE

N. Anofranka

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Akademicheskaya str., 1, 220072, Minsk, Belarus, anofranka.n@gmail.com

This material is a review of the information of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire for 1815–1854, which related to robberies in the Belarusian-Lithuanian provinces. A short reasoning from the Ministry on the external and internal causes of this socially dangerous phenomenon is presented.

Key words: Russian Empire; Belarusian-Lithuanian provinces; the Ministry of the Interior; law enforcement agencies; robberies; robber bands.

Стварэнне і дзейнасць банд і шаек, якія займаліся рабаваннямі маёнткаў, корчмаў, паштовых станцый, рабілі напады на конных і пешых на дарогах, для беларуска-літоўскіх зямель не было з'явай новай. Аднак з уключэннем гэтых тэрыторый у склад Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. шайкі і банды пачалі папаўняцца за кошт шматлікіх збеглых прыгонных і дэзерціраў. Расійскі ўрад разумеў, якую пагрозу для грамадства і дзяржавы нясе гэта з'ява. Звесткі МУС за 1815–1854 гг. нельга лічыць поўнымі і дакладнымі. Напрыклад, у гэтых матэрыялах практычна адсутнічаюць дадзеныя аб разбоях па Гродзенскай губерні. Таксама гэтыя матэрыялы не ўтрымліваюць (акрамя апошняга года) ні колькасці выпадкаў грабязоў па губернях, ні колькасці шаек, якія дзейнічалі ў той ці іншай губерні. Гэтыя дадзеныя схематычна акрэсліваюць сітуацыю і паказваюць усведамленне Расійскім урадам разбояў і грабязоў як маштабнай сацыяльна небяспечнай з'явы. Акрамя гэтага кароткія матэрыялы МУС даюць магчымасць выявіць усплёскі рабаванняў у беларуска-літоўскіх губернях.

На думку чыноўнікаў Міністэрства ўнутраных спраў, складаная крымінагенная сітуацыя ў Расійскай імперыі ў 1815 г. была выклікана ўварваннем напалеонаўскай арміі ў 1812 г. З-за перамяшчэння вялікіх армій і ваенных дзеянняў з'явілася шмат дэзерціраў, збеглых прыгонных і іншых «праздношатаюцца». Як адзначалася, усе гэтыя людзі мелі патрэбу ў харчаванні, але з-за недахопу ўраджая станавіліся разбойнікамі [1, 396–397]. Верагодна расійскі ўрад зрабіў пэўныя захады, бо ў 1816 г. сцвярджалася: «Меры, якія прынямае Міністэрства паліцыі к прасяку і разбоям в мінулым (1815 г.) годзе не толькі увенчаліся поўным поспехам – поўным іскорененнем разбойнічых шаек і скопіц, но паслужылі сродкам к востановленню агульнай бяспечнасці і на будучае час: в гэтым годзе (1816 г.) знаходзім два выпадкі разбоя і адна грабительства [...] Но бродяжничество и дезертирство не уменьшилось. Беглые в лесах Смоленской, Черниговской и Могилёвской губерний, состоявшие из солдат, рекрут и другого звания, нарушали сильно общественную безопасность этих мест, нападая в особенности на деревни и помещичьи имения и производя воровство и даже насилие. В Гродненской губернии в Кобринском повете появились преимущественно дезертиры» [1, с. 443].

Да 1820 г. афіцыйныя звесткі МУС пра дэзерціраў, валацужнікаў і разбойныя напады ў беларуска-літоўскіх губернях выглядалі наступным

чынам: у 1817 г. нязначныя рабаванні назіраліся ў Гродзенскай губерні [1, с. 511–512]; у 1819 г. валацужнікі і дэзерціры былі схоплены ў Мінскай і Віцебскай губернях, а таксама на мяжы Смаленскай, Віцебскай і Пскоўскай [1, 615]. Паводле МУС у гэты перыяд праблема збеглых і дэзерціраў не губляла сваёй вастрынi, хаця ваенны фактар і неўрадлівасць пачалі адыходзіць на другі план. У Міністэрстве наступным чынам апісвалі сітуацыю: «Дезертиры скитались из одного места в другое, составляли шайки и отваживались на разные насилия и нарушения общественного спокойствия. Удобность находить пристанище и самих обывателей была главной причиною зла [...], а простота нравов и родственные связи поселян с дезертирами, недостаток способов земской полиции к успешному действию в решении дел этого рода, недоумение губернских начальств по этому предмету, и, наконец, неполнота постановлений давали дезертирам возможность долгое время укрываться, а передержателям избегать наказания» [2, с. 34–35].

У 1821 г. разбоі былі зафіксаваны ў Віленскай і Ліфляндскай губернях [2, с. 127]. У 1822 г. адбываліся разбойныя напады ў Гродзенскай і Магілёўскай губернях [2, с. 228], а ў 1823 г. – у Віцебскай губерні [2, с. 272]. У 1824 і 1825 гг. разбойнікі дзейнічалі ў Віленскай губерні [2, с. 399, 442]. Аднак, у 1826 г. у Віленскай губерні, як адзначалася, «разбои и грабежи усилились до чрезвычайности». Прычыну гэтага МУС бачыў у гэтак званых «буркалах и пилипонах» (стараверах), якія былі запісаныя ў Рызе, Мітаве, Якобштадце, Дынабургу і іншых месцах Курляндскай, Ліфляндскай і Віцебскай губерняў. На месцы пражывання яны бралі законныя пашпарты, а потым пераходзілі ў Віленскую губерню, дзе збіраліся ў шайкі, займаліся рабаваннямі і забойствамі. Для барацьбы з гэтымі шайкамі была створана спецыяльная камісія [3, с. 83].

У 1825 г. погляд на праблему парушэння грамадскай бяспекі істотна эвалюцыянаваў. У звестках МУС за 1825 г. адзначалася: «Общественное спокойствие, порядок и безопасность нарушались у нас по причине внутреннего неурядства в разных слоях народонаселения, и по причине бедствий, постигших государство. Между тем беспорядки, имевшие в основном первую причину, скрывая своё начало в народе, не искоренялись мерами правительственными, а только унимались в данных случаях. История показывает, что: к первой причине принадлежит невежество народа, подымавшее его на разные возмутительные предприятия; некоторые сословные отношения, как крепостная зависимость. Ко второй причине: война и неурожай» [2, с. 593–594].

Значнае павелічэнне збеглых і дэзерціраў назіралася ў 1831 г. З гэтай прычыны расійскі ўрад за год прыняў 16 пастаноў. Таксама была заключана канвенцыя з Прусіяй аб выдачы збеглых прыгонных і дэзерціраў. Нягледзчы на гэтыя меры, назіралася павелічэнне ўцёкаў і ўхілення ад рэкруцкай павіннасці сярод яўрэйскага насельніцтва [3, с. 315]. Верагодна павялічэнне дэзерціраў было непасрэдна звязана з перамяшчэннем расійскіх войск для падаўлення паўстання ў Царстве польскім і ў беларуска-літоўскіх губернях у 1830–1831 гг. Так, у 1832 г., паводле МУС, «открылись побегии из войск», якія дыслакаваліся ў заходніх губернях. У сувязі з гэтым былі прынятыя новыя «меры к пресечению передержательства» дэзерціраў і паімцы збеглых салдат. Аднак нягледзячы на гэтыя захады, па дадзеных МУС, у Курляндскай і Віцебскай губернях з’явіліся разбойнікі, якія рабілі напады на праезджых, на дамы, спынялі пошты, а таксама здзяйснялі грабязь, «сопряженные иногда с убийствами» [3, с. 437]. Аказанае супрацьдзеянне з боку мясцовых гарадскіх і земскіх паліцый прынесла пэўны плён, бо ў паведамленні МУС за той жа 1832 г. адзначалася, што «шайки эти переловлены действиями местных начальств» [3, с. 437].

Перамога аказалася кароткачасовай. Ужо ў звестках за 1833 г. адзначалася, што грамадскі парадак і законы зноў шматразова парушаліся. Расійскія ўлады прычыну гэтага бачылі ў тым, што пры падтрымцы Парыжскага рэвалюцыйнага польскага камітэта ў Расійскую імперыю былі адпраўлены эмісары з даручэннямі зрабіць новыя беспарадкі ў заходніх губернях [3, с. 506]. Аднак прычына абвастрэння крымінагеннай абстаноўкі была не ў гэтым. У паведамленні МУС адзначалася, што «главные из них открыты, при самом появлении в России с их сообщниками» [3, с. 506]. У той жа час у Віцебскай і Мінскай губернях працягваліся разбоі і грабязь [3, с. 507].

У выніку ў 1833 г. для спынення валацужніцтва і ўкрывальніцтва «вредных людей», па прыкладзе літоўскіх губерняў (Віленская, Гродзенская, Мінская губерні), у беларускіх губернях (Віцебскай і Магілёўскай) было ўсталявана спецыяльнае часовае паліцэйскае ўпраўленне. Для гэтага былі прызначаны ў дапамогу грамадзянскім губернатарам акруговыя начальнікі з ваенных штаб-афіцэраў. Ім былі дадзены спецыяльныя інструкцыі, у якіх тлумачыліся правы і абавязкі, ступень улады над земскімі і гарадскімі паліцыямі, а таксама ступень падпарадкаванасці губернскаму начальству [3, с. 511].

Меры, прынятыя ў 1833 г. расійскім урадам і губернскай адміністрацыяй для паляпшэння крымінагеннай абстаноўкі ў беларуска-літоўскіх губернях, аказаліся недастатковыя. Як паведамлялася, у 1834 г. разбойнікі з'явіліся ў Мінскай губерні «в огромных шайках» [3, с. 602]. У выніку парушэнне грамадскай бяспекі набыло такія памеры, што мінскі грамадзянскі губернатар звярнуўся у МУС з просьбай дазволіць судзіць разбойнікаў ваенным судом. Пасля ўзгаднення з Камітэтам па справах заходніх губерняў 16 студзеня 1834 г. Мікалай I загадаў: «разрешить впредь до совершенного прекращения укоренившихся в Минской губернии разбоев и грабежей, распространить сию меру и на преступников, принадлежавших к разбойнической шайке, открытой в Минской губернии в мае минувшего года» [7].

Сітуацыя заставалася напружанай і ў 1835 г. МУС у Віленскай і Віцебскай губернях адзначала разам са шматлікімі разбоямі, грабязьмі і забойствамі [4, с. 123]. Аднак у 1836 г. абстаноўка ў беларуска-літоўскіх губернях змянілася. Паводле МУС толькі ў Мінскай губерні былі зафіксаваны нязначныя разбоі. Характарызуючы ўзровень злачыннасці за гэты год, у дакументах МУС адзначалася: «Вообще народная безопасность нарушалась гораздо меньше, чем в предшествующие годы» [4, с. 197]. У 1837 і 1838 гг. разбоі былі зафіксаваныя толькі ў Віцебскай губерні [4, с. 293–294, 381].

Чыноўнікі МУС адзначылі 1840 г., які выдаўся неўрадлівым, але нягледзячы на недахоп харчавання, грамадская бяспека і супакой парушаліся менш, чым у папярэдні год. Таксама адзначалася, што ў губернях «постигнутых неурожаем», у параўнанні з іншымі мясцовасцямі, разбой і грабязьмі не ўзмацніліся [4, с. 560]. Гэта назіранне дало падставы міністру унутраных спраў А. Р. Строганаву зрабіць наступнае заключэнне: «разбойничают и крадут не по нужде, а по случайным увлечениям невежества и разврата» [4, с. 560].

У беларуска-літоўскіх губернях у 1840–1841 гг. паводле дадзеных МУС грабязоў не было. Аднак у наступным 1842 г. іх дастаткова шмат было ў Віленскай губерні і Беластоцкай вобласці [4, с. 686–687], а ў 1843 г. назіраўся ўсплёск махлярства і крадзяжоў. Шайкі злодзеяў былі адкрыты ў Магілёўскай і Мінскай губернях. У той жа час у Віленскай, Магілёўскай і Ковенскай губернях здзейсніліся разбоі і грабязьмі [5, с. 58]. У 1844 г. у зветках МУС адзначалася, што «важнейшие» грабязьмі і разбоі адбываліся ў Ковенскай, Віцебскай, Мінскай, а таксама Магілёўскай губернях [5, с. 147–148]. У 1845 г. яны назіраліся ў Магілёўскай, Віцебскай і Віленскай

губернях [5, с. 248–249]. У 1846 г. грабязы і разбоі ўвогуле ў Расійскай імперыі характарызаваліся як сур’ёзныя. Асаблівы акцэнт быў зроблены на сітуацыі ў беларуска-літоўскіх губернях. Так, «более важные» грабязы былі ў Мінскай, Магілёўскай, Віленскай губернях і ў Рэжыцкім павеце Віцебскай губерні. У Ковенскай, Мінскай і Смаленскай губернях збіраліся шайкі ад 10 да 20 чалавек [5, с. 299].

Не стаў выключэннем 1847 год, грабежы і разбоі працягваліся ў Віленскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях [5, с. 356]. Пэралік губерняў суправаджаўся каментаром: «Хищники в некоторых губерниях являлись многочисленными вооруженными шайками [...] в Витебской из 30 [человек] под предводительством двух дворян; две [шайки] в Ковенской из 10 человек. [...] Причины укоренения этого зла в пограничных губерниях заключались по мнению Министерства в их положении, в нравах и характере разноплеменного их населения, большею частью не чисто русского, по восточной границе на эти преступления имело влияние соседство с Сибирью и ордами Средней Азии, по западной – приманка и привычка к контрабанде, главнейшее гнездо грабителей находилось в Ковенской и соседних губерниях» [5, с. 357].

У 1848 г. МУС па імперыі адзначыла шматлікія выпадкі парушэння «общественного порядка, спокойствия и безопасности» [5, с. 425], у тым ліку грабязы і разбоі ў Віцебскай і Мінскай губернях [5, с. 439–440]. У наступным 1849 г. колькасць выпадкаў парушэння грамадскага парадку па імперыі знізілася [5, с. 496]. Аднак у Ковенскай і Віленскай губернях грабязы і разбоі працягваліся.

Асаблівую ўвагу прыцягнулі разбоі ў 1849 г. у Ковенскай губерні. Напады рабіліся ўзброенымі шайкамі па 10–20 чалавек, якія нават удзень урываліся ў дамы памешчыкаў, заможных сялян і ў корчмы. Разбойнікі адбіралі грошы і розныя рэчы, наносілі пабоі і стралялі з ружжаў. Праваахоўнікам удалося высветліць прычыну такіх дзёрзкіх нападаў. У справаздачы МУС гаварылася: «Корень этому злу было разбойничье гнездо, образовавшееся за границей, в смежных пределах Пруссии, при развившихся там общих неурядствах, откуда по мере укрепления порядка и усиления надзора негодяи, состоявшие частью из перебезчиков с нашей стороны и даже по слухам предводительствует атаманом из наших литвинов, начали врываться в наши пределы. Где имея родственников и знакомство, нашли возможность производить свои злодеяния и укрываться от деятельности преследования со стороны местного губернского начальства» [5, с. 500].

У 1850 г. у пералік патрапілі толькі грабязы і разбоі, якія мелі месца ў Мінскай губерні [5, с. 549]. А ў 1851 г. былі зафіксаваны дзёрзкія напады ў Віленскай і Магілёўскай губернях. Там узброеныя разбойнікі нападлі на дамы памешчыкаў і сялян, грабілі і катавалі гаспадароў. Яны рабілі напады недалёка ад гарадоў, а таксама прабіраліся ў гарады, нападлі на пошты. Па звестках МУС паўсюль памеры шаек былі значныя ад 10 да 50 чалавек [5, с. 615].

У звестках МУС за наступныя 3 гады (1851–1853 гг.) беларуска-літоўскія губерні не фігуруюць. У 1854 г. па Расійскай імперыі ўсяго было зафіксавана дванаццаць узброеных нападаў на жылыя дамы, пры гэтым сем з іх у Ковенскай [6, с. 151–152].

Такім чынам, першая хваля разбойніцкіх нападаў і рабаванняў у беларуска-літоўскіх губернях была звязана з вайной 1812 г., замежным паходам рускай арміі і пасляваенным эканамічна-гаспадарчым разбурэннем і неўрадлівымі гадамі. У гэтых абставінах з'явілася вялізная колькасць дэзерціраў і збеглых прыгонных сялян, якія выбіралі грабязы як спосаб выжывання. Другі ўсплёск грабязоў у беларуска-літоўскіх губернях прыпаў на 1833–1835 гг. У некаторай ступені ён мог быць звязаны з перамяшчэннем і пастоем рускай арміі і, адпаведна, павелічэннем колькасці дэзерціраў падчас падаўлення паўстання 1830–1831 гг. у Царстве Польскім і ў беларуска-літоўскіх губернях. Таксама мела месца спроба чыноўнікаў МУС патлумачыць павялічэнне разбойніцкіх нападаў засылкай у беларуска-літоўскія губерні польскіх эмісараў. Трэцяя хваля прыпадала на 1844–1849 гг. Яна характарызавалася дзёрзкасцю ўзброеных нападаў, а таксама шматлікасцю банд. МУС прычынай гэтага ўздыму лічыла ўзброеныя разбойніцкія банды, якія фарміраваліся ў суседняй краіне (на тэрыторыі Прусіі), перасякалі мяжу, здзяйснялі разбойныя напады і вярталіся назал.

Тое, што датычыцца пошуку ўнутраных прычын складанай крымінагеннай сітуацыі, ён адлюстравваўся ў сціслых каментарах МУС. На працягу 1815–1854 гг. погляды на гэтую праблему істотна змяняліся. Калі ў пасляваенныя гады прычыну шматлікіх разбояў бачылі ў гаспадарчым заняпадзе і неўрадлівасці, то напрыканцы праўлення Аляксандра I на першы план выходзяць недахопы прыгоніцтва, а таксама нізкі жыццёвы, адукацыйны і культурны ўзровень насельніцтва. Аднак у 30-х гг. XIX ст. вытокі такой сацыяльна-небяспечнай з'явы як разбойныя напады пачалі бачыць у самім народзе, ягоным характары і традыцыях.

Бібліографічныя спасылкі

1. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел . СПб : «Тип. М-ва вн. дел», 1858–1862. Ч. 2. Кн. 1.
2. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел . СПб : «Тип. М-ва вн. дел», 1858–1862. Ч. 2. Кн. 2.
3. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел . СПб : «Тип. М-ва вн. дел», 1858–1862. Ч. 3. Кн. 1.
4. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел . СПб : «Тип. М-ва вн. дел», 1858–1862. Ч. 3. Кн. 2.
5. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел . СПб : «Тип. М-ва вн. дел», 1858–1862. Ч. 3. Кн. 3.
6. Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел . СПб : «Тип. М-ва вн. дел», 1858–1862. Ч. 3. Кн. 4.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. его императ. величества канцелярии, 1835. Т. 9. Ч. 1. С. 55. № 6731.

ЧАСОВАЕ БЕЛАРУСКАЕ БЮРО ЦК РКП(Б) (ЛЮТЫ–МАЙ 1924 г.): АРГАНІЗАЦЫЙНА-СТРУКТУРНАЯ ПАБУДОВА І ДЗЕЙНАСЦЬ

А. В. Бараноўскі

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, sasha9209@mail.ru*

У артыкуле адлюстравана арганізацыйна-структурная пабудова і дзейнасць Часовага Беларускага бюро ЦК РКП(б), якое было створана ў сувязі з вяртаннем у склад БССР усходнебеларускіх тэрыторый і з’яўлялася на працягу лютага–мая 1924 г. кіруючым органам КП(б)Б. Белбюро ЦК РКП(б) праводзіла партыйныя мерапрыемствы ў БССР, а таксама ў межах вярнутых у склад Беларускай рэспублікі тэрыторый праз Віцебскі губкам РКП(б) і ўкомы ўз’яднаных з Беларуссю паветаў Гомельскай і Смаленскай губерняў.

Ключавыя словы: Часовае Беларускае бюро ЦК РКП(б); БССР; Віцебская губерня; Гомельская губерня; Смаленская губерня.

ВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ БЮРО ЦК РКП(б) (ФЕВРАЛЬ – МАЙ 1924 г.): ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОЕ ПОСТРОЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. В. Барановский

*Інстытут історыі НАН Беларусі,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, sasha9209@mail.ru*

В статье отражено организационно-структурное построение и деятельность Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б), созданного в связи с возвращением в состав БССР восточнобелорусских территорий и являвшегося на протяжении февраля–мая 1924 г. руководящим органом КП(б)Б. Белбюро ЦК РКП(б) проводило партийные мероприятия в БССР, а также в границах возвращенных в состав Белорусской республики территорий через Витебский губком РКП(б) и укомы воссоединённых с Беларусью уездов Гомельской и Смоленской губерний.

Ключевые слова: Временное Белорусское бюро ЦК РКП(б); БССР; Витебская губерня; Гомельская губерня; Смоленская губерня.

PROVISIONAL BELARUSIAN BUREAU OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE RCP(b) (FEBRUARY – MAY 1924): ORGANIZATIONAL AND STRUCTURAL CONSTRUCTION AND ACTIVITIES

A. V. Baranouski

*The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Academic str., 1, 220072, Minsk, Belarus, sasha9209@mail.ru*

The article reflects the organizational and structural construction and activities of the Provisional Belarusian Bureau of the Central Committee of the RCP(b), created in conjunction with the return of the East Belarusian territories to the BSSR and was the

governing body of the CP(b)B during February–May 1924. The Belarusian Bureau of the Central Committee of the RCP(b) held party events in the BSSR, as well as within the borders of the territories returned to the Belarusian Republic through the Vitebsk Gubkom of the RCP(b) and the ukoms of the counties of Gomel and Smolensk provinces reunited with Belarus.

Key words: Provisional Belarusian Bureau of the Central Committee of the RCP(b); BSSR; Vitebsk province; Gomel province; Smolensk province.

Напрыканцы 1923 г. стала зразумела, што ў хуткім часе ў склад БССР вернецца амаль уся тэрыторыя Віцебскай губерні, а таксама частка Гомельскай і Смаленскай губерняў. Для кіраўніцтва партыйнай працай у межах уз'яднанай Беларусі да бліжэйшай канферэнцыі Палітбюро ЦК РКП(б) 4 лютага 1924 г. прыняла рашэнне стварыць Часовае Беларускае бюро ЦК РКП(б) [1, арк. 6]. Часовае Белбюро ЦК РКП(б) з'яўлялася вышэйшым кіруючым органам Камуністычнай партыі ў межах уз'яднанай Беларусі і падпарадкоўвалася ЦК РКП(б).

Часовае Белбюро ЦК РКП(б) праводзіла партыйныя мерапрыемствы ў БССР, а таксама ў межах, вярнутых у склад рэспублікі тэрыторый Віцебскай губерні, трох павеатаў Гомельскай губерні і двух павеатаў Смаленскай губерні [1, арк. 6].

Склад Часовага Белбюро ЦК РКП(б) быў зацверджаны 4 лютага 1924 г. Палітбюро ЦК РКП(б). У яго ўвайшлі 13 чалавек: ад ЦК РКП(б) – А. М. Асаткін; ад ЦБ КП(б)Б – В. А. Багуцкі, А. Р. Чарвякоў, Ш. Ш. Ходаш, І. А. Адамовіч, В. А. Нодэль; ад Віцебскага губкама РКП(б) – Э. М. Меднэ, В. У. Дзякаў, В. П. Трунтаў, Д. Ф. Прышчэпаў; ад Гомельскага губкама РКП(б) – Ф. А. Браўковіч, А. Б. Рыскін; ад Смаленскага губкама РКП(б) – Г. Л. Брансбург (*мал. 1*) [1, арк. 6].

На першым пасяджэнні Часовага Белбюро ЦК РКП(б) быў абраны яго Прэзідыум у складзе пяці членаў і аднаго кандыдата: А. М. Асаткін (сакратар), В. А. Багуцкі, А. Р. Чарвякоў, І. А. Адамовіч, В. У. Дзякаў і Ш. Ш. Ходаш (кандыдат у члены) [2, арк. 5]. Прэзідыум вызначаў парадак дня Белбюро, вёў яго бягучую працу, а таксама меў права прызначэння, перамяшчэння і размеркавання работнікаў. Усе члены Часовага Белбюро ЦК РКП(б), за выключэннем Прэзідыума, выконвалі свае ранейшыя абавязкі на месцах. Абавязкі ўнутры прэзідыума былі размеркаваны 12 лютага 1924 г. наступным чынам: А. М. Асаткін – сакратар, В. А. Багуцкі – загадчык арганізацыйнага аддзела, В. У. Дзякаў – загадчык агітацыйна-прапагандыскага аддзела. А. Р. Чарвякоў і І. А. Адамовіч уваходзілі ў прэзідыум у якасці членаў Урада БССР. Ш. Ш. Ходаш з'яўляўся

кандыдатам у члены прэзідыума, як старшыня Часовага Савета Бюро прафсаюзаў [3, арк. 1].

Часовае Белбюро ЦК РКП(б) разглядала найбольш прынцыповыя пытанні, звязаныя з вяртаннем усходнебеларускіх тэрыторый у склад БССР і далейшым кіраваннем уз’яднанай Беларусі. Так, на пасяджэннях 9 і 10 лютага 1924 г. было прынята рашэнне аб стварэнні Часовага Усебеларускага бюро прафсаюзаў, Часовага Белбюро ЦК РКП(б), аб’яднанай Усебеларускай кантрольнай камісіі [2, арк. 2]. Акрамя таго, Белбюро ЦК РКП(б) 17 сакавіка 1924 г. рэкамендавала праз свае фракцыі персанальны склад Прэзідыума ЦВК БССР, а таксама СНК БССР [4, арк. 4].

Для азнаямлення са станам партыйнай і савецкай работы ў паветы, што вярталіся ў склад БССР, накіроўваліся прадстаўнікі Белбюро: У. Ігнатоўскі і І. Ашэровіч – у Віцебскі і Полацкі паветы, А. Гетнер і З. Жылуновіч – у Аршанскі, М. Стакоўскі і І. Рударман – у Бачэйкаўскі. Было таксама вырашана лічыць неабходнай паездку ў Віцебск А. Асаткіна і А. Чарвякова [5, арк. 2].

Прэзідыум Часовага Белбюро ЦК РКП(б) на сваіх пасяджэннях 21 і 26 лютага 1924 г. заслухаў даклады прадстаўнікоў Белбюро ЦК РКП(б) аб выніках іх паездкі ў Аршанскі, Бачэйкаўскі і Віцебскі паветы. У сувязі з адкліканнем А. Анохіна ў распараджэнне Белбюро ЦК РКП(б), Віцебскаму губвыканкаму было рэкамендавана абраць выконваючым абавязкі старшыні Д. Прышчэпава, а яго намеснікам Л. Праферансава [5, арк. 10].

Часовае Белбюро ЦК РКП(б) ініцыявала шэраг рашэнняў адносна раянавання ўз’яднанай Беларусі. Так, фарміраваннем новай сістэмы адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення БССР: акруга – раён – сельсавет займалася спецыяльна створаная камісія на чале з І. А. Адамовічам [2, арк. 3].

Белбюро былі прыняты меры для склікання ЦВК БССР Надзвычайнага Усебеларускага з’езда Саветаў (13–16 сакавіка 1924 г.), які канчаткова аформіў ўз’яднанне ўсходнебеларускіх тэрыторый з БССР. Таксама было прынята рашэнне перад XIII з’ездам РКП(б) склікаць VIII з’езд КП(б)Б [2, арк. 4].

Часовае Белбюро ЦК РКП(б) мела наступную арганізацыйна-структурную пабудову:

– агульны аддзел: загадчык аддзела, сакратар, сакратар Прэзідыума, ён жа шыфравальшчык, загадчык фінансава-лічыльным пададдзелам,

справавод, пяць машыністак, два курьеры, два прыбіральнікі, два рахункаводы, загадчык канцылярыі, камендант будынка, шафёр;

– арганізацыйны аддзел: загадчык аддзела (В. А. Багуцкі), намеснік загадчыка аддзела, сакратар, пяць інструктараў, два інфарматыры, статыстык, загадчык інфармацыяй;

– улікова-размеркавальны аддзел: загадчык аддзела (Кроль), намеснік загадчыка аддзела, сакратар, два ўлікоўшчыка, справавод, перапісчык, інструктар;

– аддзел агітацыі і прапаганды: загадчык аддзела (В. У. Дзякаў), намеснік загадчыка аддзела ён жа загадчык пададзела агітацыі і прапаганды, загадчык пададзела друку, інструктар пададзела друку, загадчык пададзела ўліку, сакратар, справавод;

– аддзел па рабоце сярод жанчын: загадчык аддзела (М. Ф. Муратава), намеснік загадчыка аддзела яна ж сакратар, два інструктары, справавод;

– Яўрэйская секцыя: сакратар (Я. А. Левін), два інструктары, перапісчык;

– Польскае бюро: сакратар (С. Б. Пржедецкая), два інструктары, перапісчык;

– гісторыка-партыйны аддзел: сакратар, перапісчык;

– кантрольная камісія: тры члена камісіі, следчы, тэхнічны сакратар [3, арк. 1, 13].

Мал. 1 Члены Часовага Беларускага бюро ЦК РКП(б). Сакавік-красавік 1924 г.
Здымак з фондаў Віцебскага абласнога краязнаўчага музея

Друкаваным органам Часовага Белбюро ЦК РКП(б) з'яўляліся газеты «Звезда», «Млот», «Векер», а таксама часопіс «Вперед» [2, арк. 3].

Часовае Белбюро ЦК РКП(б) спыніла існаванне ў сувязі з рашэннем VIII з'езда КП(б)Б (12–14 мая 1924 г.) аб абранні ЦК КП(б)Б [6, арк. 2, 6].

Такім чынам, у лютым–маі 1924 г. кіруючым органам КП(б)Б з'яўлялася Часовае Беларускае бюро ЦК РКП(б), створанае ў сувязі з вяртаннем у склад БССР усходнебеларускіх тэрыторый. Часовае Белбюро ЦК РКП(б) праводзіла партыйныя мерапрыемствы ў БССР, а таксама ў межах вернутых у склад рэспублікі тэрыторый праз Віцебскі губкам РКП(б) і ўкомы ўз'яднаных з Беларуссю павеатаў Гомельскай і Смаленскай губерняў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. Ф. 17. Воп. 3. Спр. 414.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 1271.
3. НАРБ. Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 1273.
4. НАРБ. Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 1276.
5. НАРБ. Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 1274.
6. НАРБ. Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 1250.

**КАФЕДРА ЭТНАЛОГИИ, МУЗЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
МАСТАЦТВАЎ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БДУ: ВЫНІКІ
ПАЛЯВЫХ ЭТНАГРАФІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ (2016–2021 гг.)**

I. Г. Бачыла

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030 г. Мінск, Беларусь, bochilka@yandex.ru*

Артыкул прысвечаны аналізу дзейнасці кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў БДУ у галіне правядзення палявых этнаграфічных даследаванняў (2016–2021 гг.). Аўтар характарызуе актуальнасць, метадыку і тэматыку экспедыцыйнай працы, раскрывае яе геаграфію, пазначае асноўныя вынікі працы ў «полі».

Ключавыя словы: этналогія; палявыя этнаграфічныя даследаванні; экспедыцыя; кафедра этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў; Беларусь.

**КАФЕДРА ЭТНОЛОГИИ, МУЗЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
ИСКУССТВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (2016–2021 гг.)**

И. Г. Бочило

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Беларусь, bochilka@yandex.ru*

Статья посвящена анализу деятельности кафедры этнологии, музеологии и истории искусств БГУ в области полевых этнографических исследований (2016–2021 гг.). Автор характеризует актуальность, методику и тематику экспедиционной работы, раскрывает её географию, указывает основные результаты работы в «поле».

Ключевые слова: этнология; полевые этнографические исследования; экспедиция; кафедра этнологии, музеологии и истории искусств; Беларусь.

**THE DEPARTMENT OF ETHNOLOGY, MUSEOLOGY AND
HISTORY OF ARTS OF THE HISTORICAL FACULTY OF BSU:
AN EXPERIENCE OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE
«FIELD» (2016–2021)**

I. G. Bachyla

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: I. G. Bachyla (bochilka@yandex.ru)*

The article is devoted to the activities of the department of ethnology, museology and history of arts in conducting ethnographic research in the «field». The author describes the relevance, technique and them of the expeditionary work, reveals its geography, basic results of the work.

Key words: ethnology; the ethnographic research in the «field»; expedition; department of ethnology, museology and history of arts; Belarus.

Адным з асноўных метадаў вывучэння культуры этнасаў з'яўляюцца палявыя даследаванні. Гэты метадаў шырока практыкавацца з сярэдзіны XIX ст. Не згубіў ён сваёй актуальнасці і на сучасным этапе. Выкарыстанне ў навуковых этналагічных працах палявых матэрыялаў, сабраных даследчыкам асабіста, істотна павышае навуковую значнасць яго работ. Авагодванне навыкамі палявых даследаванняў з'яўляецца неад'емнай часткай працэсу падрыхтоўкі прафесійных этнолагаў [1, с. 62].

З самага пачатку існавання кафедры этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў (2001 г.) яе выкладчыкі рэгулярна ладзяць палявыя этнаграфічныя даследаванні ва ўсіх гістарычна-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі. Правядзенню кожнай экспедыцыі папярэднічае змястоўная і карпатлівая падрыхтоўчая праца. Яна складаецца з двух этапаў. Першы – навуковая падрыхтоўка, другі – матэрыяльнае забеспячэнне экспедыцыі. У межах навуковай падрыхтоўкі высвятляецца, што ўжо вядома па абранай тэме (тэмах) экспедыцыі, вызначаюцца мэты і задачы будучай палявой працы. Для гэтага вывучаецца спецыяльная літаратура, праводзіцца праца з музейнымі прадметамі. Асобная ўвага звяртаецца на геаграфію і лагістычныя магчымасці рэгіёна, у якім будучы праводзіцца даследаванні. Навуковая падрыхтоўка экспедыцыі завяршаецца складаннем яе праграмы і апытальнікаў.

Падчас палявых этнаграфічных даследаванняў іх удзельнікамі выконваюцца розныя віды работ: асабістае назіранне, апытанне мясцовых жыхароў, збор этнаграфічных прадметаў, фотафіксацыя вынікаў назірання, апрацоўка сабранага матэрыяла, яго расшыфроўка і набор, складанне легенд для кожнага сабранага прадмета.

Летняя экспедыцыя 2016 г. ладзілася на тэрыторыі Барысаўскага раёна Мінскай вобласці. Базаі яе правядзення стала вёска Мсціж, якая знаходзіцца непадалёк ад Віцебскай вобласці і мае багатую гісторыю. Першае ўпамінанне пра Мсціж адносіцца да XIV ст. У розныя часы маёнтак знаходзіўся ва ўласнасці Радзівілаў, Тышкевічаў, Сапег, Храптовічаў, і нарэшце Слізняў, якія з другой паловы XVIII ст. сталі адзінымі ўладальнікамі маёнтка. Менавіта яны адбудаваўлі тут дваранскую сядзібу, рэшткі якой захаваліся да нашага часу. Даследаванні праводзіліся не толькі ў самой вёсцы Мсціж, але і ў бліжэйшых населеных пунктах (в. Мрай, Волакi, Макаўе, Халмоўка, Загор'е, Гаражанка, Собалеўка, Ніўкі, Броды, пасёлак імя Вароўскага). За перыяд працы ў Мсціжскім краі было апытана больш за 50 інфармантаў. Сабраны матэрыял прадстаўлены на 288 старонках, зроблена больш за 150 фотаздымкаў. Этнаграфічныя

экспанаты, сярод якіх сталярныя інструменты, ручнікі, ночвы, былі перададзены ў дар Мсціжскай сярэдняй школе. Каштоўным экспанатам, знойдзеным падчас дадзенай экспедыцыі, стаў праваслаўны абраз, атрыманы ад мясцовай пажылой жыхаркі. Яго па завяршэнні палявых даследаванняў супрацоўнікі кафедры перадалі для правядзення атрыбуцыі і далейшага захавання ў Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусі.

Стогадоваму юбілею вывучэння вічынскіх палян вядомым этнографам І. А. Сербавым была прысвечана экспедыцыя 2017 г. [4]. Матэрыялы па зменах і трансфармацыі традыцыйнай культуры мясцовых жыхароў збіраліся ў вёсках Вічын, Дварэц, Дрэбск, Яжаўкі, Язвінкі, Сасноўка, Кажан-Гарадок Лунінецкага раёна. Падчас экспедыцыі было зроблена некалькі сотняў фотаздымкаў і набыта звыш 50 этнаграфічных прадметаў. Сярод іх вышываныя ручнікі, элементы традыцыйнага жаночага касцюмнага комплексу, керамічныя вырабы, керасінавая лямпа, маслабойка, прас, кафямолка даваеннага часу. Сабраны і апрацаваны матэрыял агульным аб'ёмам 342 старонкі.

Летам 2018 г. палявыя этнаграфічныя даследаванні былі арганізаваны на тэрыторыі Лідчыны (Гродзенская вобл.). Базай правядзення трохтыднёвай экспедыцыі стала Ваверская сярэдняй школа, дзе размясцілася група кіраўнікоў і практыкантаў. Акрамя самой вёскі Ваверка, аб'ектам даследавання сталі ў тым ліку бліжэйшыя населеныя пункты. Сярод іх – в. Кавалі, Красноўцы, Паперня, Чаплі, Серафіны, Альхоўка, Мейры і інш. У ходзе даследаванняў было апытана больш за 50 інфармантаў. Сабраны матэрыял прадстаўлены ў аўдыяфармаце, а таксама на 320 старонках рэдактара Word. Фотакалекцыя лідскай экспедыцыі налічвае звыш 150 здымкаў, а выяўленыя этнаграфічныя прадметы перададзены музею Ваверскай сярэдняй школы.

Летам 2019 г. чарговая экспедыцыя зноў ладзілася на Гродзеншчыне, а менавіта ў Зэльвенскім раёне. На працягу трох тыдняў па спецыяльна падрыхтаваных апытальніках праводзіўся збор палявога этнаграфічнага матэрыялу па асаблівасцях традыцыйнай культуры мясцовых жыхароў. Было апытана звыш 80 жыхароў Зэльвы, Дзярэчына, Міжэрыч, а таксама навакольных вёсак – Сынкавічы, Дзергілі, Шэйкі, Клепачы, Задвор'е, Тулава і інш. [2, с. 415].

Гродзенская вобласць – рэгіён канфесійна разнастайны з традыцыйна высокім узроўнем рэлігійнасці насельніцтва. Зэльвеншчына не выключэнне. Раён адносіцца да праваслаўна-каталіцкага. Аб талерантнасці

і паразуменні паміж вернікамі сведчаць шматлікія факты. Так, міжэрыцкія касцёл і царква наўмысна былі адбудаваны адной вышыні, каб падкрэсліць раўнапраўе абодвух канфесій. Досыць пашыранымі ў гэтай мясцовасці з'яўляюцца шлюбныя паміж каталікамі і праваслаўнымі: «Сама я полька, а муж у мяне праваслаўны. Мы вянчаліся ў цэркві... Я хажу ў цэркаў, там хажу да іспаведзі. А ў касцел хажу абязцельна адзін раз втарого наябра» (запісана 18. 07. 2019 у в. Дзярэчын ад Маляўскай Г. П. 1947 г. н.). Нярэдка, па сведчаннях інфармантаў, і дзяцей хрысцілі ў тым храме, які меўся паблізу: каталікі маглі хрысціць немаўлят у царкве, а праваслаўныя адпаведна ў касцёле.

Значны след у гісторыі Зэльвенскага раёна пакінула антырэлігійная савецкая кампанія, у межах якой адбывалася закрыццё мясцовых культавых збудаванняў. Часта такія захады самі ўлады тлумачылі недавальняючым (аварыйным) станам адпаведных аб'ектаў, у шэрагу выпадкаў дзяржава перашкаджала іх рамонту. Многія касцёлы і цэрквы сталі выкарыстоўвацца не па прамому прызначэнню і прыходзілі яшчэ ў больш надбайны стан. Так, Сынкавіцкая царква, унікальны архітэктурны аб'ект Беларусі, у 1960 г. па ініцыятыве камсамольцаў-калгаснікаў быў перададзены пад спартклуб. Частка культавых збудаванняў выкарыстоўвалася калгасамі пад гаспадарчыя патрэбы, прычым нярэдка з нязнятымі крыжамі і з захаваннем у памяшканнях рэлігійных атрыбутаў і начыння.

Напрыканцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. традыцыйныя для Зэльвеншчыны рэлігіі (праваслаўе і каталіцызм) пачалі адраджацца. Назіралася сацыяльная патрэба ў аднаўленні старых і будаўніцтве новых аб'ектаў рэлігійнай інфраструктуры.

Важнай характарыстыкай канфесійнай сітуацыі на Зэльвеншчыне з'яўляецца сацыяльная значнасць дзейнасці служыцеляў культуры ў распаўсюджванні і падтрыманні рэлігійнага светапогляду сярод мясцовых жыхароў. У пераважнай колькасці інтэрв'ю, праведзеных у в. Міжэрычы і яе ваколіцах, інфармантамі прыгадваецца асоба ксяндза Томаша Каліньскага: «Ксендз, я не вядаю, зкуль ён, Томаш Каліньскі, я сёння помню... Ён вялікі, здаровы, высокі такі быў. Мы яго сустрачам, у суботу у нас рэлігія паследні урок быў і мы ўжо бяжым да яго руку цэлуем, бо да ксендза трэба, бо недзі бэндза пахвалены, а ён: «Ой, асталопы, асталопы». Паглядзіць такі па галаве, інцэрэсна было. І мы все любілі яго, шкадавалі, наша парафія» (запісана 19. 07. 2019 у в. Задвор'е ад Ляцкай Г. Ю. 1928 г. н.). Не меншай павагай сярод мясцовых вернікаў карыстаецца

айцец Ян Банькоўскі. З дваццаці гадоў ён працаваў у міжэрыцкім каталіцкім прыходзе, шмат карыснага зрабіў для касцёла і для развіцця каталіцкай веры. На сённяшні дзень пры шэрагу цэркваў і касцёлаў на Зэльвеншчыне дзейнічаюць міні-музеі, прысвечаныя развіццю рэлігійнай сітуацыі на гэтых землях у розныя часы. Удзельнікі экспедыцыі ў межах спецыяльных экскурсій, праведзеных мясцовымі святарамі, наведалі такія музеі ў в. Міжэрычы (пры мясцовым касцёле і пры царкве), а таксама ў самой Зэльве (на тэрыторыі Троіцкай царквы).

Для значнай часткі сталага насельніцтва асобных вёсак Зэльвеншчыны існуе праблема транспартнай даступнасці рэлігійных аб'ектаў. Для гэтага раёну характэрна зніжэнне аб'ёмаў фізічнай мабільнасці насельніцтва ў сувязі з дэмаграфічнай дэпапуляцыяй, старэннем жыхароў.

Культура жыццезабеспячэння насельніцтва Зэльвеншчыны залежала ад шэрагу фактараў, сярод якіх можна адзначыць спецыялізацыю мясцовай гаспадаркі і выпрацаваную этнічную традыцыю. Асноўным прадуктам харчавання быў печаны жытні хлеб. На святы пяклі пірагі з пшанічнай мукі. Пашырана было піва, якое тут варылі з цукровых буракоў.

У гэтым рэгіёне да сённяшняга дня добра захаваліся шматлікія архаічныя формы і элементы традыцыйнай сацыяльнай культуры. Яскравым прыкладам з'яўляецца знакаміты Ганненскі кірмаш. Фактычна гэта было месца сустрэч людзей, заключэння дамоў, абвяшчэння падзей. Ярмарка была не толькі сродкам камунікацыі і эканамічных адносін, яна выконвала функцыі культурнага цэнтра: тут былі арганізаваны продаж кніг, выступленні тэатральных труп. Гэтыя традыцыі захоўваюцца мясцовымі ўладамі і сёння.

Сабраны ў межах зэльвенскай экспедыцыі матэрыял падрыхтаваны да друку. Ён паслужыць важнай крыніцай для рэгіянальных даследаванняў, а таксама можа быць выкарыстаны для распрацоўкі турыстычных маршрутаў Зэльвеншчыны [3].

Эпідэміялагічная сітуацыя, якая ўсталявалася ў краіне і свеце ў 2020 г., унесла свае карэктывы ў правядзенне палявой работы кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў. Два гады запар (2020 і 2021 г.) каардынацыйнай базай для ўдзельнікаў даследаванняў стала электронная платформа eduhist. bsu. by. Студэнты і выкладчыкі, знаходзячыся па месцы свайго пражывання, выконвалі наступныя віды работ: асабістае назіранне, гутаркі з мясцовымі жыхарамі, фіксацыя вынікаў назірання з дапамогай

фотаздымкі, апрацоўка сабранага матэрыялу, яго расшыфроўка і набор. Збор палявога матэрыялу ажыццяўляўся па загадзя падрыхтаваных апытальніках. Матэрыялы інтэрв'ю і фота праходзілі дадатковую праверку і былі сабраны ў межах асобных тэматычных блокаў на пляцоўцы eduhist.bsu.by.

Такім чынам, праца ў «полі» па-ранейшаму застаецца надзвычай важнай і запатрабаванай часткай этналагічных даследаванняў. Этнолагі кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта БДУ плённа працуюць на ніве падрыхтоўкі спецыялістаў, якія грунтоўна валодаюць навыкамі палявой работы і асабіста прымаюць актыўны ўдзел у зборы адпаведных матэрыялаў.

Бібліяграфічны спіс

1. Бачыла І. Г. Кафедра этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта БДУ: вопыт палявых этнаграфічных даследаванняў // Туризм и гостеприимство: научно-практический журнал. 2018. №1. С. 62–66.
2. Бачыла І. Г., Алюнiна І. У., Наваградскі Т. А. Вынікі этнаграфічнай экспедыцыі гістарычнага факультэта БДУ ў Зэльвенскі раён Гродзенскай вобласці Рэспублікі Беларусь // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. навук. арт. 2021. Вып. 2. С. 415–419.
3. Ковалевіч Т. Студенты БГУ изучают культурные традиции Зельвенщины // Газета «Праца». Зельва. 2019. Точка доступа: <https://zelwa.by/studenty-bgu-izuchayut-kulturnye-tradicii-zelvenshhiny/>
4. Сербай І. А. Вічынскія паляне: матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся. Мінск: БФК, 2005.

СОСТОЯНИЕ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БУША-МЛ. (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ДВУСТОРОННИХ ВСТРЕЧ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ)

А. В. Беляева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, anna271533@mail.ru

На основе анализа материалов встреч на высшем уровне, прошедших в 2001–2009 гг., рассматривается состояние американо-китайских отношений в данный период.

Ключевые слова: американо-китайские отношения; США; КНР; Дж. Буш-мл.; Ху Цзинтао; Цзян Цзэмин; двусторонняя встреча, саммит АТЭС.

U. S. – CHINA RELATIONS DURING THE GEORGE W. BUSH PRESIDENCY (BASED ON THE MATERIALS OF BILATERAL MEETINGS AT THE HIGHEST LEVEL)

A. V. Belyaeva

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, anna271533@mail.ru

The author analyzes U. S. – China relations during in 2001–2009 years based on the materials of bilateral meetings at the highest level

Key words: U. S – China relations; USA; PRC; George W. Bush; Jiang Zemin; Hu Jintao; bilateral meeting; APEC summit.

В период президентства Дж. Буша-мл. происходило дальнейшее развитие отношений США и КНР. В течение первого срока его полномочий в КНР произошла смена руководства – Генеральным секретарем ЦК КПК вместо Цзян Цзэмина стал Ху Цзинтао. Американский президент имел встречи с обоими.

За два своих президентских срока Дж. Буш-мл. посетил Китай четыре раза – трижды в рамках двусторонних встреч и один раз – в рамках саммита АТЭС. Этот момент даже подчеркнул Ху Цзинтао во время встречи в Пекине по случаю открытия Летних Олимпийских Игр 2008 г.: «Это уже ваш четвертый визит в Китай и это, безусловно, делает вас американским президентом, который посетил Китай наибольшее количество раз за период своих полномочий. Это хороший показатель того, как важны для вас отношения США и Китая» [1]. Еще один раз лидеры США и КНР встретились на ранчо президента Дж. Буша-мл. в Техасе во время рабочего визита Цзян Цзэминя в страну.

Впервые президент США совершил визит в Китай 18–21 октября 2001 г. с целью принять участие в работе саммита АТЭС в Шанхае. В его рамках 19 октября произошла встреча Дж. Буша-мл. и Цзян Цзэмина, а по ее итогам лидеры сделали совместное заявление для прессы.

Генеральный секретарь на правах принимающей стороны говорил первым. Он подчеркнул: «Китай придает большое значение своим отношениям с США и готов приложить совместные усилия с американской стороной для развития конструктивного сотрудничества» [2]. Цзян Цзэмин добавил, что в настоящий момент сложились благоприятные возможности для углубления и расширения сотрудничества между двумя странами в экономической, энергетической, торговой сферах. И если сложились такие условия, то ими необходимо воспользоваться, несмотря на имеющиеся разногласия: «Мы живем в мире разнообразия. Учитывая национальные особенности, неудивительно, что между Китаем и США существуют определенные разногласия. Я верю, что разные цивилизации и социальные системы должны сосуществовать друг с другом и достигать общего развития путем поиска точек соприкосновения при одновременном отказе от различий» [2].

В своем выступлении Дж. Буш-мл. в первую очередь остановился на проблеме терроризма, подчеркнув, что китайское руководство немедленно отреагировало на события 11 сентября 2001 г. и поддержало США: «У нас есть общее понимание масштаба угрозы международного терроризма. Все цивилизованные нации должны объединиться для защиты от этой угрозы. И я верю в то, что США и Китай могут многого достичь, если будут вместе бороться против терроризма» [2]. Затем он перешел к экономической сфере, поприветствовав вступление Китая в ВТО, после которого страна стала «полноценным членом мирового сообщества» [2], подчеркнув, что «дальнейший рост благосостояния Китая напрямую зависит от его полноценной интеграции в нормы и правила международных институтов» [2]. И он согласился со словами своего китайского коллеги о том, что «две великие нации» [2] редко во всем соглашаются, что не мешает им уважать друг друга и развивать отношения.

Уже 21–22 февраля 2002 г. состоялся рабочий визит президента США в КНР, в ходе которого он не только встретился с Цзян Цзэмином, но и выступил перед студентами одного из наиболее престижных высших учебных заведений страны – университета Цинхуа. Эта поездка имела символический характер, так как была приурочена к 30-летию визита в

Китай Р. Никсона. Как в своем выступлении перед студентами заметил Дж. Буш-мл.: «На этой неделе 30 лет назад американский президент прибыл в Китай, ознаменовав конец десятилетий отчуждения и конфронтации. Президент Ричард Никсон показал миру, что два действительно разных правительства могут встретиться на почве общих интересов и в духе взаимного уважения» [3].

В совместном выступлении Цзян Цзэмин заявил, что сторонам удалось договориться о расширении контактов между странами на различных уровнях «для укрепления двустороннего понимания и доверия» [4]. Отдельно была затронута тайваньская проблема, по которой Генеральный секретарь заявил: «Во время встречи с Дж. Бушем-мл. я высказал позицию китайского правительства о мирном воссоединении в рамках политики «Одна страна – две системы» как решение тайваньской проблемы. Президент Дж. Буш-мл. заверил меня, что США продолжают придерживаться политики «одного Китая» и будут соблюдать три совместных коммюнике Китая и США» [4].

Дж. Буш-мл., как и при первой встрече, после выражения благодарностей сразу же перешел к проблеме терроризма: «Мы обсудили множество вопросов, начав с терроризма. Мы признали, что терроризм является угрозой для обеих стран, и я приветствовал сотрудничество с Китаем в нашей войне против террора. Я поощрил Китай продолжить прикладывая усилия для достижения мира на соседнем Корейском полуострове и в Южной Азии» [4]. О тайваньской проблеме он сообщил, что позиция США не изменилась. В конце своего выступления он добавил: «Будущее Китая должно решаться китайскими гражданами. Ни одна нация не свободна от требования соблюдать человеческое достоинство. Все люди в мире, включая жителей Китая, должны быть свободны в своем выборе где им жить, как молиться и как работать» [4].

Осенью 2002 г. уже Цзян Цзэмин нанес визит в США. Здесь по итогам встречи первым выступал Дж. Буш-мл., сразу перейдя к иракской проблеме: «В ходе встречи мы обсудили угрозу, которую представляет иракский режим. Китай поддерживает строгое соблюдение Ираком резолюций Совета Безопасности ООН. И сегодня я призвал Президента Цзяна поддержать новую резолюцию Совета Безопасности, требующую, чтобы Ирак полностью избавился от оружия массового уничтожения» [5].

Кроме этого, в беседе лидеров США и КНР была затронута ядерная программа Северной Кореи, терроризм, права человека в Китае и тайваньская проблема. Свое мнение по этим темам высказал и Цзян

Цзэмин. В целом он поддержал все, что было сказано американским президентом. По вопросу прав человека Генеральный секретарь сказал: «Мы также обсудили вопрос прав человека, религию и другие вопросы. Я сообщил президенту Бушу, что демократия и права человека являются общими стремлениями человечества, и что в Китае ситуация с правами человека в наилучшем состоянии и продолжает постоянно улучшаться» [5].

Следующая двусторонняя встреча лидеров США и КНР состоялась после того, как произошла смена руководства в КНР и новым Генеральным секретарем ЦК КПК стал Ху Цзинтао, а также после американских президентских выборов, после которых Дж. Буш-мл. остался на второй срок. Она произошла 20 ноября 2004 г. в чилийской столице Сантьяго в рамках саммита АТЭС. И если Дж. Буш-мл. был краток, характеризуя итоги переговоров, то Ху Цзинтао отметил, что темами обсуждения стали и тайваньский вопрос, и корейская проблема. Касаясь непосредственно американо-китайских отношений, он отметил: «Мы согласились, что второй президентский срок президента Буша будет важным периодом для продолжения развития американо-китайских отношений. Мы также преданы идее усиления координации и сотрудничества между нашими странами в экономической сфере и в противостоянии терроризму, а также по другим важнейшим международным и региональным вопросам» [6].

В 2005 г. состоялось азиатское турне Дж. Буша-мл., в ходе которого он посетил целый ряд стран региона, включая Китай, где 20 ноября 2005 г. провел встречу с Ху Цзинтао. После нее он дал пресс-конференцию, где поделился итогами встречи и ответил на вопросы журналистов. Его выступление содержало три основные темы: необходимость расширения религиозной свободы в КНР, развитие двусторонних экономических отношений, проблема Ирака. Последней он уделил наибольшее внимание. Один из журналистов поинтересовался, почему Дж. Буш-мл. поднял вопрос о религиозной свободе в Китае, обойдя тему политической свободы, на что получил следующий ответ: «Они идут рука об руку. Общество, которое признает религиозную свободу, это общество, которое также признает политические свободы. Китай претерпевает впечатляющую трансформацию своей экономики. Как результат, люди стали более состоятельными. Я всегда верил в то, что свободная экономика создаст более свободную политическую систему» [7].

Последний визит Дж. Буша-мл. в КНР во второй срок его президентства состоялся в связи с открытием Летних Олимпийских Игр в Пекине в 2008 г. В выступлении для прессы оба лидера сосредоточились на спортивных состязаниях, однако, Ху Цзинтао затронул случившийся накануне эпизод нападения на двух американских туристов, один из которых скончался, а второй был ранен. Он высказал свои соболезнования и добавил, что инцидент будет тщательно расследован.

Отдельно необходимо отметить тот факт, что дважды, в 2005 г. и в 2008 г., во время посещений КНР Дж. Буш посещал церковь для молитвы, после чего давал краткие комментарии журналистам. Цель своих визитов, помимо сугубо религиозной, американский президент объяснял так: «Знаете, это просто показывает, что Бог универсален и Бог есть любовь, и ни одно государство, мужчина или женщина не должны бояться влияния любящей религии» [8]. Это означало, что таким образом он стремился обратить внимание на религиозную ситуацию в Китае. Но в 2005 г. он выразился более конкретно: «Вы знаете, не так давно людям не разрешалось открыто молиться в этом обществе. Я надеюсь, что правительство Китая не будет бояться христиан, которые собираются для того, чтобы открыто помолиться» [9].

Таким образом, в период президентства Дж. Буша-мл. между США и КНР осуществлялся активный диалог на высшем уровне. Можно выделить основные обсуждаемые темы – терроризм, экономическое сотрудничество между странами, проблемы Тайваня и Северной Кореи. В качестве особенности можно отметить, что экономическое сотрудничество не было приоритетной темой ни у одного из лидеров: китайская сторона уделяла наибольшее внимание тайваньской и северокорейской проблемам, а Дж. Буш-мл. – терроризму. Однако по итогам встреч ни одна из сторон не сообщала прессе конкретных решений или договоренностей, достигнутых по каким-либо вопросам. И Дж. Буш-мл., и Цзян Цзэмин, а затем Ху Цзинтао ограничивались общими заявлениями о том, что США и КНР необходимо расширять и углублять сотрудничество, несмотря на противоречия.

Библиографические ссылки

1. President Bush meets with President Hu Jintao of The People's Republic of China August 10, 2008 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/08/20080810-3.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).

2. U. S., China stand against terrorism remarks by president Bush and President Jiang Zemin in press availability October 19, 2001 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/10/20011019-4.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
3. President Bush speaks at Tsinghua University February 22, 2002 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/02/20020222.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
4. President Bush meets with Chinese President Jiang Zemin February 21, 2002 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/02/20020221-7.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
5. Remarks by the President and Chinese President Jiang Zemin in press conference October 25, 2002 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/text/20021025.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
6. President Bush's remarks with Chinese President Hu Jintao November 20, 2004 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/11/20041120-1.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
7. President's Remarks to the Travel Pool in China November 20, 2005 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051120-9.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
8. President and Mrs. Bush attend church services in Beijing August 10, 2008 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/08/20080810.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).
9. President Attends Church Service at Gangwashi Church in Beijing, China November 20, 2005 [Electronic resource] / URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051120-5.html> (Дата обращения: 05. 11. 2021).

ОБРАЗ АРХИВИСТА В СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКЕ: ШАРЛЕМАНЬ vs. ИЗЯ КАЦМАН

А. М. Белявский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Беларусь, bialiauski@bsu.by*

В статье анализируются образы архивариусов из пьесы Е. Шварца «Дракон» и романа А. и Б. Стругацких «Град обреченный». Показано, что оба образа восходят к типажам архивиста, заложенным в «архивных» рассказах А. Ремизова и И. Бунина. Внешне противоположные характеры архивариусов воплощают разные проявления функций архива, описанных в психоаналитическом этюде Ж. Деррида «Архивная лихорадка».

Ключевые слова: архивариус; Шарлемань; Изя Кацман; Е. Шварц; А. и Б. Стругацкие; архив; память; смерть; власть; Ж. Деррида.

THE IMAGE OF THE ARCHIVIST IN SOVIET FICTION LITERATURE: CHARLEMAGN vs. IZYA KATZMAN

A. M. Bialiauski

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, bialiauski@bsu.by*

The article analyzes the images of archivists from the play by E. Schwartz «The Dragon» and the novel by A. and B. Strugatsky «The Doomed City». It is shown that both images go back to the types of archivists inherent in the «archival» stories of A. Remizov and I. Bunin. Outwardly opposite characters of archivists embody different manifestations of the functions of the archive, described in the psychoanalytic study by J. Derrida «Archive Fever».

Key words: archivist; Charlemagne; Izya Katzman; E. Schwartz; A. and B. Strugatsky; archive; memory; death; power; J. Derrida.

Вероятно, самым известным архивистом в советской художественной литературе является бессмертный «маленький старичок – чистюля с необыкновенно гибкой спиной» [4, с. 92], Варфоломей Коробейников. Созданный сатирическим гением И. А. Ильфа и Е. П. Петрова образ заведующего архивом Старкомхоза, работника конторского труда, яркий, но эпизодический характер из «Двенадцати стульев» многие годы определял ассоциации со словом «архивариус» в массовой культуре Советского Союза. Прямыми предтечами этого образа можно считать Иону Петровича Боголепова из «Жизни неслетельной» А. М. Ремизова и бунинского Фисуна из «Архивного дела». Характерно, что персонажи эти сопровождаются достаточно схожими негативными коннотациями. Иона – «невелика птичка, с лица черен и даже черномаз, борода клячьими, на лбу волосы прилипли, водкой на семь шагов разит. А пальто со

следовательского плеча широко и рукава длинны» [6, с. 389]. Фисун же «был очень мал ростом, круто гнул свою сухую спинку, носил престранный костюм: длинный базарный пиджак из чего-то серого и громадные солдатские сапоги, в прямые и широкие голенища которых выше колен уходили его тонкие, на ходу качавшиеся ножки. Он очень плохо слышал ...он тряс от старости головой, голос имел могильный, рот впалый, и ничего, кроме великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцветшие глаза» [2, с. 288]. Как вороватый Иона («он мог на глазах владельца изъять документ или даже небольшую книгу»), архивариус Коробейников тоже «мог обмануть кого угодно» [4, с. 99], и как Фисун имел чрезвычайно гибкую спину, да и в целом по меткой характеристике Остапа Бендера, был «старик – типичная сволочь» [4, с. 94].

В более поздних произведениях советской художественной литературы некоторые отталкивающие черты архивистов начинают сглаживаться. У братьев Вайнеров в «Гонках по вертикали» архивистка Рознина выписана практически по антитезе: «серая мышка оказалась очень элегантной и смешливой девушкой» [3, с. 80]. В «Сердце на ладони» И. П. Шамякина начальник архива Мина Азарович Сыроквашка – «старый коммунист», «маленький седой старичок», «старик-архивист», «в прошлом директор музея». Однако этот старичок уже не вороватый и трусоватый, а бывалый коммунист, изучающий «эпоху гражданской войны», времена своей молодости [8]. Марьян Пташинский из «Черного замка Ольшанского» В. С. Короткевича и вовсе уже «"ларник ученый"... один из лучших в стране знатоков архивного дела, более известный, правда, как коллекционер-любитель». Впрочем, некоторые внешние черты все еще напоминают упомянутых старичков: «На площадке стояла, переминаясь на длинных, как у журавля, ногах, худая, тонкая фигура в темно-сером пальто, домотканом клетчатом шарфе, толстом, словно одеяло, и в бобровой шапке» [5, с. 10]. Он, собственно, сам еще даже и не старик, хотя смерть его уже рядом, и он это знает. Старость, смерть, и обширный набор хтонических признаков в целом характерны всем этим образам, что более подробно специально разбиралось автором вместе с антропологом С. А. Захаркевичем в отдельной статье [1].

Однако все названные архивисты из советской литературы, которых мы касались, – в отличие от Ионы и Фисуна – не более чем эпизодические персонажи, герои второго плана, разработке которых писатели не отводили много места, и, можно предположить, руководствовались расхожими штампами (что, безусловно, тоже интересно для изучения

массовых представлений об архивистах) из дореволюционной литературы. Тем любопытнее сравнить их с двумя другими, более объемными образами из советской фантастической литературы, в силу жанра предполагавшей несколько большую свободу выражения в условиях тотального цензурного контроля. Оба персонажа архивариуса, о которых пойдет речь, несут гораздо большую смысловую нагрузку в своих произведениях. Это Шарлемань в пьесе Е. Шварца «Дракон» и Изя Кацман в романе А. и Б. Стругацких «Град обреченный».

Премьера «Дракона» состоялась в Москве в 1944 г., после чего пьеса оказалась под запретом до 1962 г. Новую популярность ей придал кинофильм «Убить дракона», снятый режиссером М. Захаровым по мотивам пьесы в 1988 г. (роль архивариуса в нем исполнил В. Тихонов). Схожая судьба и у романа Стругацких: написанный в 1972 г., он был опубликован только в 1988–1989 гг. Как оба произведения серьезно разнятся по жанру и объему, так же отличаются и образы архивариусов в них, по характеру и детальности прорисовки. Однако в обоих случаях эти образы выполняют важнейшую роль в структуре сюжета, по совпадению разворачивающегося и в пьесе, и в романе в некоем городе без названия.

Архивариус из «Дракона», с явной иронией названный автором Шарлеманем, – робкий старик-затворник, всю жизнь проживший, не выезжая из города. Он невнимателен к внешнему миру до такой степени, что называет собственного кота Машенькой и удивляется, что он «еще ни разу не окотился» [9, с. 264]. Вначале по репликам Шарлеманя складывается впечатление, что он слепо предан дракону, столетиями правящему в городе: например, «единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного» [9, с. 269]. Он безропотно готов отдать дракону свою дочь Эльзу, хотя и не может пережить ее утрату. Таким образом вместе с появлением архивариуса на сцене возникает и аллюзия на пассивность и смерть. «Да, тут уж ничего не сделать... Завтра, как только дракон уведет ее, я тоже умру» [9, с. 267], – объясняет Шарлемань зашедшему к нему в дом странствующему рыцарю Ланцелоту.

Затем, однако, с архивариусом происходит неожиданная эволюция: получив надежду на спасение дочери в лице Ланцелота, вызвавшего дракона на бой, Шарлемань решает вступить в спор с правителем города, заявившимся к нему прямо домой и вознамерившимся убить безоружного рыцаря на месте. Это эпизод определяет весь дальнейший ход событий, завершающийся победой Ланцелота. Умирая от страха,

Шарлемань все же напоминает своему господину о «правилах игры»: «Умоляю вас – не гневайтесь, я предан вам всей душой. Но ведь я архивариус» [9, с. 275], «У меня хранится документ, подписанный вами триста восемьдесят два года назад. Этот документ не отменен» [9, с. 276], «Будь что будет – я возражаю. Убить его вы не можете. Всякий вызвавший вас – в безопасности до дня боя, пишете вы и подтверждаете это клятвой» [9, с. 276]. Далее выясняется, что архивариус еще и единственный из горожан (которых, как оказывается из его реплик, он хорошо знает), не потерявший способность думать. В отличие от горожан, он не перестает думать и при новой власти (воспользовавшись отсутствием раненого в бою Ланцелота, бургомистр объявляет себя победителем дракона и «президентом»): «Я научился думать, господин президент, это само по себе мучительно» [9, с. 327].

Однако пассивность также остается. Бургомистр, решивший жениться на Эльзе, как «победитель дракона», легко усмиряет бунт Шарлеманя шантажом. «Что ж поделаешь? Тут уж ничего не поделаешь. Что ж тут поделаешь?», – утешает архивариус дочь [9, с. 327]. После этого он снова решает умереть, уверенный, что его дочь не переживет такой свадьбы: «Завтра, как только ее не станет, я тоже умру» [9, с. 327]. Больше до финала пьесы Шарлемань не появляется. Его последняя реплика: «Разрешите мне уйти, господин президент» [9, с. 328].

Архивариус Стругацких, Изя Кацман – второе по значимости действующее лицо романа после главного героя, комсомольца Андрея Воронина (только эти два персонажа сопровождают читателя до самых последних абзацев). Действие «Града обреченного» происходит в городе в вымышленном мире, сильно напоминающем преисподнюю или чистилище. Это отвесный уступ скалы, зажатый между бесконечной желтой стеной с одной стороны, и бездонной пропастью – с другой. Город, по мере истощения ресурсов воды, перемещается по уступу с севера на юг. Люди попадают в этот мир из самых разных стран и времен по приглашению неких Наставников. Изя (Иосиф Михайлович) Кацман прибыл в Город из Ленинграда 1968 года. Все жители Города по его закону, в рамках какого-то секретного Эксперимента, проводимого Наставниками, постоянно меняют профессии, однако Изя неизменно сохраняет связь с одной из них: «я – старый работник городского архива, продолжаю там работать на общественных началах, имею допуск ко всем архивным материалам, а значит, и к тем, которые находятся за чертой города» [7, с. 172], «я копаюсь в руинах, изучаю историю Города» [7, с.

175]. После вооруженного переворота в городе Изя официально становится городским архивариусом на постоянной основе.

Внешне и по характеру Кацман представляет собой полную противоположность Шарлеманю. Встрепанный, толстый, неопрятный и всегда «неприятно жизнерадостный» нигилист, «наплевист» и «прелюбодей» Изя Кацман – буквальное воплощение вакхической силы, очень напоминающее ремизовского Иону Боголепова. Каждое описание его внешности, кажется, призвано создать максимально отталкивающее впечатление. Практически в каждой сцене Изя жадно и неряшливо ест («...на подбородке и на груди его сорочки явственно обнаруживались следы мясного соуса» [7, с. 78] «Изя прервал себя и принялся жадно поедать макароны, обильно заливая их соусом... Со стола убрали и подали кофе и сбитые сливки. Изя сейчас же ими вымазался и принялся облизываться, как кот, до ушей» [7, с. 284]). Причем есть он не перестает и во время работы с документами, что замечает полковник Сент-Джеймс: «Городской архивариус господин Кацман предоставил в распоряжение генштаба что-то вроде карты этих районов [северных окрестностей города – *А. Б./* ... Как я понимаю, он составил ее сам. Этот замечательный документ хранится у меня в сейфе. Он оставляет вполне определенное впечатление, что господин Кацман исполнял эту схему за едой и неоднократно ронял на нее свои бутерброды и проливал кофе» [7, с. 284].

В разговоре он постоянно хихикает, хрюкает и «ослабляется». У него неприятная привычка теревить бородавку на шее. Когда в последней части романа его герои, включая Изю, отправляются в далекую экспедицию на север (им же и затеянную), он окончательно перестает следить за собой («я – человек непрестижный» [7, с. 334]) и заменяет одну вредную привычку на другую: «Теперь он взял себе новую дурную привычку – бороду кусать. Завернет волосню свою на горсть, сунет в зубы и грызет. Экое чучело, право» [7, с. 363]. В конце пути он становится уже совсем страшным: «Андрей смотрел, как он идет, – страшный, в бороде по грудь, со вставшей дыбом, серой от пыли шевелюрой, в неимоверно драной куртке, сквозь дыры которой проглядывало волосатое мокрое тело. Бахрома его порток едва прикрывала колени, а правый башмак вопиял о каше, выставляя на свет грязные пальцы со сломанными черными ногтями... Корифей духа. Жрец и апостол вечного храма культуры» [7, с. 423].

И вместе с тем, на что намекают две последних фразы в цитате, Изя Кацман – образ невероятно притягательной силы и обаяния. Он

постоянно, в любых обстоятельствах завоевывает всеобщую любовь. Он постоянно обнаруживает «всезнание», с самого начала романа. Словно юродивый пророк, Изя предрекает кажущиеся совершенно абсурдными решения руководства Города, которые затем оказываются реальностью. Однако и в других сферах Кацман равно обнаруживает свою эрудицию – например, пресекает точными цитатами «отца народов» попытки Андрея рассуждать о продолжении дела Сталина Наставниками в Городе. Он – единственный из друзей Андрея, кто интересуется тем, что выходит за пределы Города, пытается узнать, сколько лет продолжается Эксперимент и разбивает наивные мысли Андрея о том, что он длится недолго. Он находит документы буквально по запаху. Он знает всех умных людей в городе. Изя раньше Андрея попадает в загадочное Красное Здание – блуждающий дом-призрак, а затем объясняет Воронину его значение.

Во время захвата власти в Городе другим приятелем Андрея, бывшим нацистским унтером Фрицем Гейгером, Кацман – единственный из всех персонажей, который точно знает, как себя вести: «не делать резких движений». В следующей части романа, только появившись на обеде у Фрица, Изя снова начинает рассказывать пришедшим «во власть» друзьям, что их ждет: покушения, взрыв наркомании, сытые бунты, хиппи, самоубийства протеста, самосожжения, самовзрывания... [7, с. 280]. Он еще не знает, что часть его предсказаний уже сбывается. И тут же он в очередной раз начинает поучать Андрея и Фрица на тему того, кто они такие, почему они никогда не поймут самоубийц, что происходит в городе и т. п. – дает им урок социальной философии.

Изя – главный вдохновитель эпической экспедиции на север, которой завершается роман. Для него – это экспедиция «за архивами». Попутно он также популярно объясняет Фрицу и Андрею, для чего нужны архивы: «История – великая наука. А в нашем Городе она умеет особенно много гитик. Ведь чем, кроме всего прочего, хорош наш город? Архивы в нем почему-то не уничтожаются! Войн нет, нашествий нет, что написано пером, не вырубают топором [...] Вот Фриц не даст соврать – кто уголь нашел? Триста тысяч тонн угля в подземном хранилище! Геологи твои нашли? Нет-с, Кацман нашел. Не выходя из своего кабинетика, заметь» [7, с. 290–291]. В другой ситуации он изрекает в адрес скептического Андрея почти крылатую фразу: «Рукописи не врут. Это тебе не книги. Надо только уметь их читать» [7, с. 427]. Это показывает, откуда Кацман черпает свое «всезнание».

В самом конце романа Изя подробно – на несколько страниц – развивает перед Андреем свою собственную философию культуры. Этот момент в наибольшей степени показывает главную функцию, которую Изя Кацман выполняет в романе: он служит своеобразным медиумом, через которого авторы высказывают свою собственную позицию по отношению к персонажам и событиям романа (и не только). На это же указывают и некоторые детали образа архивариуса – он выходец именно из того времени, в котором задумывался роман, СССР периода завершения «оттепели», он ленинградец, еврей по национальности. Кацман и Воронин (также ленинградец, только из 1951 года, астроном по первой профессии, как и Б. Стругацкий) образуют сюрреалистическую «диалоговую среду» между советскими гражданами близких, но очень разных исторических периодов. Характерно, что годы рождения этих персонажей примерно соответствуют годам рождения Аркадия и Бориса Стругацких.

Весьма символично, что Андрей Воронин – фактически современник образа сказочного архивариуса Шарлеманя. Только последний – интеллигент, тот самый типаж, который ненавидит идейный комсомолец Андрей. Фактически, Кацман и Шарлемань – интеллектуалы, вынужденные приспособляться к жизни в тоталитарной системе, противостоять которой в открытую невозможно. В отличие от Андрея в романе Стругацких, или горожан в пьесе Шварца, которые вживаются в эту систему более естественно, не представляя, как может быть иначе, оба архивариуса понимают, что происходит, потому что умеют думать, но реагируют по-разному. Шарлемань пытается сломать, переубедить самого себя, и это постоянно приводит его к решению умереть. В определенный момент он решается на открытый бунт, получает «глоток свободы», но быстро смиряется снова, возвращаясь в исходное состояние, что символически подчеркивается дословным повторением его реплик. Изя всегда подчиняется только внешне, скрывается за личиной скомороха, но продолжает тайно делать то, что считает нужным: исследовать Город, не упуская никакой возможности получения информации, и при каждом удобном случае продолжает разрушать наивную веру «оболваненного» Андрея и остальных своих друзей. Обе тактики адаптивного поведения, в сущности, восходят к литературным образам архивистов из имперской России – ремизовского Ионы и бунинского Фисуна.

Что еще более важно для нас, оба образа архивистов, созданные в советское время, Шарлемань и Кацман, продолжают оставаться носителями тех же характеристик, что и их дореволюционные

предшественники. Они по-прежнему насыщены коннотациями маргинальности, пограничности и хтоничности. Им продолжают сопутствовать аллюзии на смерть, руины, подземелья. Шарлемань в большей степени сопоставим с Фисуном, Кацман же внешне почти полное воплощение Ионы Боголепова. Однако черты, унаследованные от литературных прототипов, используются как ритуальные маски Харона и Диониса (а иногда Танатоса и Эроса). Они явственно соотносятся с функциями архива, о которых писал Ж. Деррида в «Архивной лихорадке», апеллируя к психоаналитическому понятию влечения к смерти: само существование архива как попытки преодолеть забвение неразрывно связывает идею архива с идеей смерти, заключая с ней своеобразную сделку взаимной обусловленности, подобно тому, как идея зла/дьявола необходима для теодицеи Бога, как существование евреев необходимо было для превознесения арийцев (обратим здесь внимание на дуализм еврея Изи и «арийца» Фрица у Стругацких; причем, Гейгер периодически пытается называть Кацмана «мой еврей»). Сам процесс запечатления (запечатывания) памяти, вынесения ее вовне, создания гипомнемы – антитезы анамнесиса – также сопряжен с влечением к смерти, поскольку переводит множественность в единственность; как попытка сжатия, ограничения свободы бесконечной вариативности интерпретаций, установления контроля над памятью, антитезой чему и становится стремление к саморазрушению, ослаблению этого натяжения [10, р. 14–15].

Шарлемань и Кацман, выполняя функцию сохранения (памяти, документов), одновременно производят и разрушающие действия – Шарлемань разрушает власть дракона, Кацман разрушает наивные идеалы Воронина. В обоих случаях память буквально выносится вовне. В пьесе Шварца – за триста лет до актуальных событий, когда дракон, по его собственным словам, был «наивным, сентиментальным, неопытным мальчишкой» [9, с. 276], т. е. обладал качествами, полностью утерянными к моменту действия. В романе Стругацких – в руины, подземелья, северные покинутые местности, блуждающее и неуловимое Красное Здание, которое само по себе яркий фрейдистский символ. Кроме того, оба образа артикулируют номологическую функцию архива, на которую особенно обращал внимание Деррида. Они обладают властью определять развитие событий. Робкий Шарлемань своим демаршем («документ не отменен») вынуждает дракона следовать закону и этим обрекает его на смерть. Гротескный Изя в продолжение всего романа подсказывает и

подталкивает направления движения сюжета. Анализ этих персонажей показывает, что изменение «веса» смысловой нагрузки на художественные образы архивистов в советской литературе не только не изменяет их атрибутивные качества, установившиеся еще в досоветский период, но даже еще более выпукло их выявляет, подтверждая тем самым выводы психоаналитического этюда Деррида.

Библиографический сп

1. Белявский А. М., Захаркевич С. А. По ту сторону жизни: антропологический анализ пространственной семантики понятия «архив» // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.) / рэдкал.: В. І. Кураш (старшыня) [і інш.]. Мінск: БелНДІДАС, 2019. С. 280–293.
2. Бунин И. А. Архивное дело // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 4: Повести и рассказы 1912–1916. С. 288–297.
3. Вайнер А. А., Вайнер Г. А. Гонки по вертикали; Ощупью в полдень М.: А/О Международная книга, West-East Press communication, Inc, N-Y, 1993. 429 с.
4. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1970. 396 с.
5. Короткевич В. Черный замок Ольшанский; Дикая охота короля Стаха. / авториз. перевод с белорус. В. Щедриной. Минск: Мастацкая літаратура, 1992. 605 с.
6. Ремизов А. М. Жизнь бессмертная // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 3: Оказион. С. 388–409.
7. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Град обреченный. М.: Издательство АСТ, 2021. 448 с.
8. Шамякин И. Сердце на ладони // Собрание сочинений: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3: Сердце на ладони; Первый генерал. / пер. с белорус. 560 с.
9. Шварц Е. Дракон // Обыкновенное чудо и другие пьесы. СПб.: Азбука, 2019. С. 261–346.
10. Derrida J., Prenowitz E. Archive Fever: A Freudian Impression // Diacritics – Vol. 25. No. 2 Summer, 1995. P. 9–63.

РЕАЛИИ ВОСПРИЯТИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ М. М. СПЕРАНСКИМ

Ю. А. Блашков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Беларусь, hist@bsu. by*

В статье рассматривается эволюция взглядов на систему военных поселений России видного государственного деятеля империи первой трети XIX в. М. М. Сперанского. Автор прослеживает его тесное взаимодействие с организаторами опытного поселения Елецкого пехотного полка, активность в отношении военных поселений после возвращения в 1821 г. из ссылки, составление и публикацию М. М. Сперанским в 1825 г. программной брошюры «О военных поселениях». Исследователь сопоставляет разные точки зрения относительно деятельности М. М. Сперанского.

Ключевые слова: М. М. Сперанский; А. А. Аракчеев; Александр I; русская армия; военные поселения; финансы; крестьяне; Могилевская губерния.

REALITIES OF PERCEPTION OF THE SYSTEM OF MILITARY SETTLEMENTS BY M. M. SPERANSKY

Y. Blashkov

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, hist@bsu. by*

The article deals with the evolution of views on the system of military settlements of Russia by a famous statesman of the empire of the first third of the XIX century of M. M. Speransky. The author traces his close interaction with the organizers of the experimental settlement of the Yelets Infantry Regiment, activity in relation to military settlements after his return in 1821 from exile, the compilation and publication by M. M. Speransky in 1825 of a program brochure «About military settlements». The researcher compares different points of view regarding the activities of M. M. Speransky.

Key words: M. M. Speransky; A. A. Arakcheev; Alexander I; Russian Army; military settlements; finance; peasants; Mogilev Province.

Военные поселения в России представляли собой особую организацию части войск страны в предреформенный период, сочетавших военную службу с занятием производительным трудом (главным образом сельскохозяйственным).

В их развитии особое место занимал «аракчеевский» период (1810–1826), когда главным начальником поселений был гр. А. А. Аракчеев. По мнению А. С. Пушкина, он олицетворял собой «Гения Зла». Общеизвестно, что военные поселения являлись наиболее ярким проявлением утвердившегося в империи в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX в. консервативно/реакционного режима «аракчеевщины». В советской историографии за ними закрепилось понятие «военного феодализма» (в

этом убеждали многочисленные протестные выступления военных поселян).

Вместе с тем любопытным фактом утверждения и развития системы военных поселений стала проявившаяся с ними связь М. М. Сперанского. В противовес А. А. Аракчееву, по утверждению все того же первого поэта России, он являлся «Гением Добра». Представляется, что подобный момент является весьма интересным для исследовательского рассмотрения.

Прежде всего, следует отметить, что М. М. Сперанский, по крайней мере, был посвящен в идею организации военных поселений. Общепризнано, что главной целью в данном случае выступало желание властей перевести армию на самообеспечение продовольствием и фуражом и тем самым ликвидировать проблему наметившегося в начале XIX в. кризиса финансовой системы Российской империи. Этим же занимался и М. М. Сперанский, которому Александр I поручил составить «план финансов».

К концу царствования Павла I государственный долг составлял 408,5 млн руб. асс., что превышало десятилетний доход страны. Последующие годы, несмотря на предпринимавшиеся меры, ознаменовались дальнейшим ухудшением состояния финансов, и к 1810 г. сумма государственного долга равнялась уже 667 млн руб. асс. Необходимость финансовых преобразований была очевидной.

2 февраля 1810 г. был утвержден подготовленный группой видных политиков и экономистов эпохи (М. А. Болугьянский, Н. С. Мордвинов, В. П. Кочубей) под общим руководством М. М. Сперанского, «план финансов». Разработчики видели основную причину кризисного состояния финансов в несоответствии «настоящего положения государственных доходов и расходов». В частности, М. М. Сперанский указывал на ожидавшийся в 1810 г. «65-миллионный дефицит в бюджете при наличии огромной суммы долга» [8, с. 5]. Наряду с увеличением доходов одной из радикальных мер «исправления создавшегося положения», по его мнению, должно было стать и сокращение расходов: предполагалось «все необходимые издержки сохранить, полезные отложить, а излишние прекратить». В категорию «необходимых» вместе с другими вошли расходы, «кои относятся к безопасности государства, как внешней, так и внутренней». Характерно, что в дальнейшем они должны были остаться единственными среди «необходимых» расходов [8, с. 5, 14]. Естественно, прежде всего под ними подразумевались затраты на армию и флот.

Вместе с тем следует отметить, что в рассматриваемый период армейская «составляющая» государственных расходов была весьма впечатляющей: издержки на Министерство военно-сухопутных сил и Министерство морских сил составляли основную часть государственных расходов. Так, в период участия России в антифранцузских коалициях (1805, 1806–1807), ведения войн с Ираном (с 1804 г.), с Турцией (с 1806 г.), со Швецией (1808–1809) эти ведомства поглощали до 45–54 % денежных сумм [4, с. 620–621]. Однако и в 1801–1803 гг., т. е. когда боевые действия не велись, затраты на армию составляли почти 1/3 всех государственных расходов [1, с. 14]. И все это просматривалось при дефиците бюджета страны.

Подобную очевидную недоработку «плана финансов» усматривали даже сами его разработчики. В частности, в 1810 г. на имя Александра I была представлена записка В. П. Кочубея «Об исправлении финансовой системы». Оценивая финансовую программу текущего года и, очевидно, «план финансов» в целом, ее автор указывал, что «восемь или десять миллионов не могут уже составлять счету там, где считали, по меньшей мере, десятками миллионов и где считали бы, может быть, сотнями миллионов, если бы... вовремя не остановились». В качестве панацеи от всех финансовых бед он предлагал «уменьшение издержек... в больших размерах». Расчеты Кочубея строились на преобразовании армии и флота. Он предусматривал после заключения мира с Ираном и Турцией приступить к замене постоянной армии «губернским войском» – жандармерией, организовать военные поселения на восточной границе, а также уменьшить состав флота, базировавшегося в Балтийском море [1, с. 102–103].

Однако представляется, что просматривавшаяся подобная паллиативность «плана финансов» 1810 г. была вполне логичной. Дело в том, что власти надеялись существенно сократить расходы военного ведомства посредством реализации перевода армии на поселения. Их начало было положено размещением в 1810 – середине 1812 г. на территории Бобылецкого староства Климовичского уезда Могилевской губернии Елецкого пехотного полка.

Материалы Российского государственного военно-исторического архива свидетельствуют, что создание опытного военного поселения потребовало больших усилий не одних только его непосредственных организаторов. Круг стоявших перед А. А. Аракчеевым и его подчиненными задач был очень широк, поэтому к их решению были

привлечены многие представители как военного, так и других ведомств: министр внутренних дел О. П. Козадавлев, министр финансов Д. А. Гурьев, обер-прокурор Синода А. Н. Голицын, херсонский губернатор Э. О. Ришелье и др. Однако все они, принимая участие лишь в решении тех проблем, которые затрагивали их непосредственные обязанности, поверхностно знали о сущности военных поселений [7, л. 138, 154–164 об., 166–167, 170–170 об., 178–180, 183, 232–234, 246–246 об., 249–252, 258, 262–266, 280 и др.]. Все это вполне соответствовало применявшейся в отношении устройства опытного военного поселения практики келейности. Исключение составлял лишь государственный секретарь М. М. Сперанский: он относился к той немногочисленной группе лиц, которые были посвящены в самую идею устройства военных поселений. В частности, Сперанский был ознакомлен с текстом указа от 10 ноября 1810 г., в котором излагались основы устройства могилевского поселения, с донесениями его руководителя генерала Н. И. Лаврова к А. А. Аракчееву. Ему приходилось неоднократно выступать посредником между А. А. Аракчеевым и руководителями различных ведомств [7, л. 55, 122 об., 127, 138, 140, 161–163, 169, 190]. Кроме того, советскими исследователями установлен факт прямого участия М. М. Сперанского в организации переселения на юг страны 667 семей бобылецких крестьян [10, с. 237].

Как известно, в марте 1812 г. М. М. Сперанский был выслан в ссылку в Нижний Новгород, а затем в Пермь. В результате наступил девятилетний перерыв в его деятельности относительно военных поселений. Естественно, он уже не мог знать, что в августе 1812 г. генерал Н. И. Лавров доложил А. А. Аракчееву, что «поселения...худо кончились...» [6, с. 66]. Незавидной оказалась и судьба переселенных в Новороссийский край белорусских крестьян [5, с. 160–163].

Новый виток интереса М. М. Сперанского к военным поселениям стал просматриваться при его возвращении из ссылки. К этому времени русскому обществу были уже хорошо известно благоприятное впечатление от посещения в 1816 г. могилевского поселения Александром I. Военные поселения оказались в центре всеобщего внимания. В 1821 г. по пути из Москвы в Санкт-Петербург при возвращении из Сибири в столицу М. М. Сперанский познакомился с новгородскими поселениями. Обычно за подобным действием видится его желание угодить А. А. Аракчееву, который являлся инициатором возвращения «светилы российской бюрократии» в большую политику (по образному выражению В. А. Томсинова, в петербургскую «ссылку») [9, с. 335]. Однако при этом

нельзя отрицать возможность истинного интереса М. М. Сперанского к развернувшемуся в русской армии эксперименту. Свое впечатление от увиденного он выразил следующей дневниковой записью: «Fumus ex fulgore» («Дым после молнии») [9, с. 356]. Утверждением «из великого ничтожное» М. М. Сперанский явно давал военным поселениям отрицательную оценку.

В последующем по просьбе А. А. Аракчеева М. М. Сперанский стал знакомиться с документами, которые отражали состояние военных поселений. Результатом этого стало появление «Введения к учреждению военных поселений». В январе 1825 г. данная записка М. М. Сперанского была выпущена в свет в виде отдельной брошюры без указания имени автора и с названием «О военных поселениях». (Следует сказать, что отпечатанный в типографии штаба военных поселений экземпляр данного уникального источника находится в фондах Национальной библиотеки Республики Беларусь).

Обычно за брошюрой «О военных поселениях» исследователи усматривали чисто пропагандистские цели. Так, М. А. Корф утверждал, что присутствующее здесь «похвальное слово учреждению, самому у нас непопулярному... должно смотреть единственное как на жертву, принесенную Сперанским своему положению» [3, с. 282]. Между тем современные исследователи считают, что содержащаяся в брошюре похвала военным поселениям и их дневниковая оценка в 1821 г. не противоречат друг другу. Например, В. А. Томсинов отмечает, что «Сперанский отрицательно оценивал *практику* (курсив исследователя. – Ю. Б.) осуществления идеи военных поселений, но всегда положительно относился к *теории* (курсив исследователя. – Ю. Б.) военных поселений» [9, с. 357]. Он подчеркивает: «Во «Введении к учреждению военных поселений», опубликованном в виде брошюры «О военных поселениях», Сперанский описал *идеальное* (курсив исследователя. – Ю. Б.) военное поселение» [9, с. 357].

Известный специалист в области истории России предреформенного периода Н. И. Цимбаев в одном из учебных пособий отмечал, что «военные поселения были излюбленной идеей Сперанского, который видел в них средство облегчить бремя военных расходов» [2, с. 52]. К сожалению, формат издания не позволил автору уточнить, что скрывается за подобным утверждением.

В целом представляется, что заявленная проблема является весьма значимой для последующего изучения.

Библиографический список

1. Блюх И. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 1. Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882.
2. Воронкова С. В., Цимбаев М. И. История России, 1801–1917: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.
3. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. Спб.: Типография Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1861.
4. Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. Спб.: Издательство экспедиции и заготовления бумаг, 1902.
5. Петрович Н. Принудительное переселение бобылецких крестьян // Архив истории труда в России. Кн. 11–12. П. г.: Издательство культурно-просветительного отдела петроградского губернского совета профессиональных союзов. 1924. С. 149–163.
6. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / 1807–1829 гг. Спб.: Типография императорской Академии наук, 1883.
7. Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Штаб военных поселений. Оп. 1. Д. 1.
8. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 45. Финансовые документы царствования императора Александра I. Спб.: Типография В. Безобразова и КО, 1885.
9. Томсинов В. А. Сперанский. М.: Молодая гвардия. 2006.
10. Шебунин А. Двенадцать книг // Архив истории труда в России. № 11–12. Пг.: Издательство культурно-просветительного отдела петроградского губернского совета профессиональных союзов. 1924. С. 237–255.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ УГРОЗЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

О. В. Бригадина

*Белорусский государственный университет
пр., Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, brigadinaol@mail.ru.*

Морально-психологическое сознание советского общества накануне войны оказалось противоречивым. Формирование у молодежи особенного отношения к Родине являлось одной из приоритетных задач советской пропаганды. Основными направлениями идеологической работы являлись преподавание отечественной истории в школе, оборонно-массовая подготовка среди молодежи, организация и деятельность общественных организаций и движений, актуальные темы в художественной литературе и искусстве. Целенаправленная работа с населением стала одним из главных условий будущей победы над врагом.

Ключевые слова: молодежь; патриотизм; образ врага; спорт и военная подготовка; история.

THE MAIN DIRECTIONS OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION OF SOVIET YOUTH UNDER CONDITIONS OF GROWING THREATS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

O. V. Brigadina

*Belarusian State University, Ave, Independence, 4, 220030, Minsk, Belarus,
brigadinaol@mail.ru.*

The moral and psychological consciousness of Soviet society on the eve of the war turned out to be contradictory. The formation of a special attitude towards the Motherland among young people was one of the priority tasks of Soviet propaganda. The main areas of ideological work were the teaching of Russian history at school, mass defense training among young people, the organization and activities of public organizations and movements, and current topics in fiction and art. Purposeful work with the population has become one of the main conditions for the future victory over the enemy.

Key words: youth; patriotism; the image of the enemy; sports and military training; history.

Как заметил французский писатель, лауреат Нобелевской премии А. Жид, посетивший СССР в 1930-е гг., «... Счастье советского человека – в его надежде, в его вере, в его неведении...» [2, с. 163]. Эти качества особенно были присущи молодому поколению страны, рожденному в период «культурной революции» и воспитанному в традициях трудовой дисциплины и воинской обязанности.

Формирование у молодежи особенного отношения к родине и государству являлось одной из приоритетных задач советской пропаганды.

Именно на поколение 1920-х годов рождения должна была выпасть вся тяжесть по защите страны в будущей войне. В настоящее время исследователи активно изучают феномен военного поколения, специфику и факторы его формирования. Например, Е. С. Сенявская считает, что «за плечами мальчишек 1923–1926 гг. рождения не было большого социального опыта... Зато большое влияние на их мировоззрение оказали идеологические установки режима, при котором они родились и выросли» [2, с. 65].

Молодое поколение в значительной степени отличалось энтузиазмом и социальной активностью. Во многом это было обусловлено процессами урбанизации, участием (вольным или невольным) в грандиозном соцстроительстве, советской системой образования. Педагогическая воспитательная работа в школе заложила эмоционально-ценностные и мировоззренческие основы молодежи. Результаты школьного воспитания, с точки зрения генерала В. И. Манойлина (1929 г. р.) выразились в следующем: «Если перевести на казенный язык все то, что в каких-то образах, понятиях, мыслях наполняло мою детскую голову, и попробовать все систематизировать, получится примерно следующее: социализм, а затем и коммунизм – единственный образ жизни, к которому надо стремиться; мировая социалистическая революция неизбежна, надо все делать, чтобы она произошла как можно скорее; буржуазия ни за что не успокоится и начнет войну с СССР, война будет скоро, надо готовиться; Сталин приведет нас к победе» [1, с. 140].

Одним из важных учебных предметов в процессе воспитания патриотизма у нового поколения была история. Новые принципы преподавания были сформулированы в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе» от 15 мая 1934 г. Эмоциональность в подаче исторического материала была названа, по сути, главным методом достижения общественно-политической цели в необходимом контексте. В методическом указании Наркомпроса «Как преподавать историю в 1934–1935 уч. году» четко указывалось на основную задачу учителя: учащиеся должны себя чувствовать, как бы участниками борьбы, должны любить одних и ненавидеть других и быть готовыми к борьбе за великое дело рабочего класса [1, с. 139]. Воспитательная концепция второй половины 1930-х гг. отчетливо отражала идеологические тенденции советского государства: связь мировоззрения и патриотизма. Тактический отказ от курса на мировую революцию не снимал, а еще более обострил вопросы мобилизационной

готовности граждан страны в любой момент стать на защиту своей Родины. Именно взаимосвязь эмоций и деятельности, акцентированное внимание на идеальном герое, эффект сопереживания событий определили во многом мотивацию поведения советских солдат в годы Великой Отечественной войны.

Милитаризованный характер приобрела в предвоенные годы физкультурно-массовая работа среди молодежи. Эта сфера деятельности позволяла государству влиять на формирование не только физически развитой, но и социально адекватной личности. С 1939 г. в различных учреждениях и учебных заведениях были организованы смотры на лучшую постановку спортивной и оборонно-массовой работы. Отметим, что понятия спортивной, физкультурной и оборонной работы в конце 1930-х гг. практически не употреблялись в отрыве друг от друга. По всей стране проводились тренировочные забеги, популярны были скоростные переходы, например, Томск – Новосибирск в феврале 1939 г., показательные военизированные учения. В вузовские учебные программы по физическому воспитанию была включена начальная военная подготовка. Особое значение придавалось военно-прикладным видам спорта: рукопашному бою, метанию гранат, противохимической защите и противовоздушной обороне.

Важную роль в милитаризации сознания играла организация военного типа Осоавиахим (Общество содействия авиации и химической защите). Еще в 1923 г. было создано «Общество друзей воздушного флота» (ОДВФ), которое принимало участие в оборудовании аэродромов, собирало средства на строительство самолетов для ВВС РККА, проводило всесоюзные планерные соревнования. В 1924 г. появилось «Общество друзей химической обороны и химической промышленности». ЦК РКП(б) принял решение об объединении этих обществ в единое «Общество друзей авиационной и химической обороны и промышленности» (Авиахим, с 1927г. – Осоавиахим). Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об Осоавиахиме» (1935г.) призывало сконцентрировать все силы на подготовке резервов для армии и флота. В конце 1930-х гг. Осоавиахим превратился в мощную военизированную организацию. В этот период обучение в Осоавиахиме проходило поколение, принявшее на себя всю тяжесть начального периода Великой Отечественной войны. Осоавиахим, формально оставаясь общественной организацией, фактически превратился в государственную структуру. В СССР развернулась активная подготовка летчиков, парашютистов, снайперов, стало массовым

движение за сдачу норм на значки «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский всадник», «Готов к ПВХО» (противовоздушной и противохимической обороне), «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и др. Это давало возможность экономии времени при подготовке молодежи к службе в Красной Армии. Созданные перед войной воздушно-десантные войска были полностью укомплектованы осоавиахимовцами, а в школы ВВС с 1938 г. принимали только лиц, прошедших подготовку в аэроклубах общества.

Милитаризацию физической культуры усилило утверждение СНК СССР 1 января 1940г. нового комплекса норм на значок ГТО с приоритетом видов спорта военно-прикладного значения: преодоление препятствий, конный спорт, прыжки с парашютом, борьба, бокс и т. д. Для ведения организационно-пропагандистской работы все спортивные секции были укомплектованы политруками. Популярным в стране стал лозунг «Каждый спортсмен – отличный стрелок, каждый стрелок – хороший спортсмен». Для учебных заведений и предприятий существовали государственные задания по выполнению норм комплекса ГТО, что позволяло держать в состоянии мобилизационной готовности значительную часть будущих призывников.

Патриотический подъем и идеологический контекст способствовали массовости участия в первом Всесоюзном лыжном комсомольском кроссе имени 23-ей годовщины Красной Армии (февраль 1941г.). В период подготовки к кроссу были совершены большие и малые лыжные переходы, в которых участвовали тысячи молодых людей. Существовал так называемый индивидуальный тренировочный минимум (от 300 до 500 км), которым спортсмены должны были овладеть до начала соревнований. Лучших награждали значком «Активист первого Всесоюзного комсомольского кросса». Большое значение придавалось массовости спортивных мероприятий. Физкультурные праздники собирали значительное количество участников и зрителей. Одним из самых крупных являлся Всесоюзный день физкультурника, который стал отмечаться в стране с 18 июля 1939 г. В этот день в городах и селах проходили митинги и массовые соревнования по гранатометанию, мотокроссу, штыковому бою и т. д. и т. п.

В социальном конструировании личности активно использовались также возможности художественной культуры. Умение убеждать людей и способность внушать им определенные идеи превратили литературу и искусство в инструмент манипулирования общественным сознанием и

регулятор повседневного поведения. Любимыми образцами для подражания у молодежи стали молодые летчики и brave лейтенанты после выхода на экран в 1941 г. кинофильма «Сердца четырех» (реж. К. Юдин). Многие хотели быть похожими на «сталинского сокола», одного из главных героев фильма, талантливо сыгранного артистом Е. Самойловым. Популярной в народе была песня на слова В. Лебедева-Кумача «Если завтра война, если враг нападет...» из одноименного довоенного кинофильма (реж. Е. Л. Дзиган). Буквально воспринимались ребятами пионерского возраста слова из песни «Сталинской улыбкою согрета, радуется наша детвора...». Сильным фактором мотивации сопротивления в начальный период войны для многих людей стали строки песни «Священная война» на музыку А. В. Александрова, первое исполнение которой состоялось 27 июня 1941 г. на Белорусском вокзале в Москве. Была присуждена Сталинская премия кинофильму «Александр Невский» (реж. С. Эйзенштейн), имевшему откровенно антифашистскую направленность и еще год назад запрещенному к широкому показу в СССР. Сам Сталин оказал поддержку И. Г. Эренбургу в издании антифашистского романа «Падение Парижа», который также был запрещен после установления осенью 1939 г. «дружеских» отношений с Германией. Активно использовались мобилизационные возможности историко-художественной литературы. Призывы изучать прошлое народов СССР, прежде всего героические страницы российской истории, позволили издательствам увеличить количество наименований и тиражи исторических романов. Все большей популярностью у населения пользовалась серия «Исторический роман». Лидировали в рейтингах А. Н. Толстой, А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский. Однако несомненными лидерами являлись М. Горький и М. А. Шолохов, общий тираж произведений которых за 1929–1939 гг. составил соответственно: 18 млн. 963 тыс. и 2 млн. 106 тыс. книг [1, с. 103]. Предполагалось, что «правильно организованная работа с историко-художественными произведениями возбудит внимание к истории, вызовет гнев и ненависть по отношению к эксплуататорам и поработителям, ... чувство гордости за революционное прошлое нашей страны» [3, с. 140].

Активная идеологическая и оборонно-массовая работа среди населения не могла не дать значительных результатов. Именно эта повседневная воспитательная деятельность, наряду с репрессивной практикой и ежедневной информацией населения о «трудовых успехах советского народа в строительстве социализма» формировала у людей

готовность с оружием в руках встать на защиту страны в случае военной опасности.

Библиографические ссылки

1. Блюм А. «... От Дахау до Нарыма пересадки никакой» // Родина . 1999. № 7 . С. 66–70.
2. Короленков А. В. Критика и библиография // Российская история, 2009. № 6 . С. 187–189.
3. Кринко Е. Ф. Образ противника в массовом сознании советского общества 1941–1945 гг. // Российская история. 2010. № 5. С. 74–89.

ШПАЛЕРНАЯ ВЫТВОРЧАСЦЬ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ё КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

А. В. Бурачонок

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, burachonak@bsu. by*

У артыкуле разглядаюцца асноўныя аспекты развіцця шпалернай вытворчасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Прыведзены звесткі па гісторыі вырабу шпалераў у XVIII – першай палове XIX ст. у Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі. Выяўлены асноўныя характарыстыкі дзейнасці мінскіх шпалерных фабрык І. Ф. Шыфмановіча, К. М. Кантаровіча, А. С. Г. Эпштэйна, віцебскай фабрыкі Б. Я. Мееровіча ў канцы XIX – пачатку XX ст. Вызначана месца названых прадпрыемстваў у агульнай структуры шпалернай вытворчасці Расійскай імперыі.

Ключавыя словы: прадпрымальніцтва; Беларусь; прамысловасць; шпалеры; вытворчасць; Расійская імперыя.

ПРОИЗВОДСТВО ОБОЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

А. В. Бурачонок

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, burachonak@bsu. by*

В статье рассмотрены основные аспекты развития производства обоев на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. Приведены сведения об истории производства обоев в XVIII – первой половине XIX в. в Речи Посполитой и Российской империи. Выявлены основные характеристики деятельности минских обойных фабрик И. Ф. Шифмановича, К. М. Кантаровича, А. С. Эпштейна, витебской фабрики Б. Я. Мееровича в конце XIX – начале XX в. Определено место указанных предприятий в общей структуре обойного производства Российской империи.

Ключевые слова: предпринимательство; Беларусь; промышленность; обои; производство; Российская империя.

WALLPAPER PRODUCTION ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE END OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENT

A. V. Burachonak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
burachonak@bsu. by*

The article examines the main aspects of the development of wallpaper production in Belarus in the late 19th – early 20th centuries. Information about the history of wallpaper production in the 18th – first half of the 19th centuries is given in the Polish-Lithuanian Commonwealth and Russian Empire. The main characteristics of the activity of the Minsk wallpaper factories of I. F. Shifmanovich, K. M. Kantarovich, A. S. Epstein, the Vitebsk factory of B. Y. Meerovich at the end of the XIX – beginning of the XX centuries are

revealed. The place of these enterprises in the general structure of wallpaper production in the Russian Empire is determined in the article.

Key words: entrepreneurship; Belarus; industry; wallpaper; production; Russian Empire.

Развіццё прамысловага прадпрымальніцтва на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. адбывалася пад уплывам тэндэнцый ўключэння мясцовай гаспадаркі ў сістэму агульнарасійскага рынку. Дадзены працэс суправаджаўся шэрагам змен у галіне прамысловасці, адной з якіх стала больш глыбокая спецыялізацыя вытворчасці. Прадстаўнікі дзелавога асяроддзя беларускіх губерняў імкнуліся выйсці на расійскі рынак з прадукцыяй, на якую існаваў попыт з боку жыхароў розных рэгіёнаў Расійскай імперыі. Адначасова з гэтым адбываўся пошук той нішы, якая яшчэ не была перанасычана канкурэнтамі. Адной з такіх ніш для прадпрымальнікаў Беларусі стала вытворчасць шпалераў.

Шпалеры на тэрыторыі Беларусі вырабляліся яшчэ з часоў знаходжання яе ў складзе Рэчы Паспалітай. Вытворчасць такой прадукцыі была непасрэдна звязана з родам Радзівілаў, якія былі сапраўднымі прыхільнікамі шпалернага мастацтва і для аздаблення сцен сваіх замкаў і маёнткаў замаўлялі шпалеры ў майстроў з краін Заходняй Еўропы. Але выдаткі на стварэнне ўтульнай атмасферы ў княжацкіх валоданнях былі немалымі, таму ўжо ў першай палове XVIII ст. уласныя шпалерныя майстэрні з’явіліся ў Альбе каля Нясвіжа і ў Міры. Гэта былі прадпрыемствы невялікага памеру, якія ажыццяўлялі выраб прадукцыі не на рынак, а для задавальнення патрэб прадстаўнікоў княжацкага роду. У 1752 г. Міхал Казімір «Рыбанька» засяродзіў усю вытворчасць такой прадукцыі у Карэлічах. Варта адзначыць, што тагачасныя шпалеры былі хутчэй падобны на габелены ці бязворсавыя дываны, на якіх былі вытканы сюжэты з гісторыі роду Радзівілаў – прысяга на вернасць каралю Жыгімонту Аўгусту і яго шлюб з Барбарай Радзівіл, наданне тытула князя Свяшчэннай Рымскай імперыі Мікалаю Радзівілу Чорнаму імператарам Карлам V, бітва з Турцыяй пад Хоцімам Міхаіла Казіміра [1, с. 58–59] і г. д.

У другой палове XVIII ст. пачалося заснаванне мануфактур, якія спецыялізаваліся на вытворчасці папяровых шпалер. Праўда, узнікалі яны не на тэрыторыі Рэчы Паспалітай, а ў Расійскай імперыі. Паводле тагачасных тэхналогій шпалеры склейвалі з асобных аркушаў паперы, на якія потым уручную наносілася фарба. У прамысловых маштабах упершыню выраб такой прадукцыі пачаўся ў 1817 г. на Імператарскай

шпалернай фабрыцы, якая праіснавала да 1869 г. Разам з дзяржаўным прадпрыемствам у 1820-я гг. працавалі і прыватныя мануфактуры, але маштабы іх вытворчасці былі нязначнымі [2, с. 252–253]. І толькі, дзякуючы з’яўленню ў Расійскай імперыі ў сярэдзіне XIX ст. машыны для друкавання шпалераў, якая была запатэнтавана яшчэ ў 1823 г. лонданскім прамыслоўцам Уільямам Палмерам [3, с. 266], вытворчасць дадзенай прадукцыі набывала больш шырокія маштабы. У хуткім часе папяровыя шпалеры сталі новым трэндам у дызайне інтэр’ераў жылых памяшканняў, што падштурхоўвала прамыслоўцаў актыўна асвойваць гэтую галіну вытворчасці. З кожным годам на тэрыторыі Расійскай імперыі засноўваліся новыя прадпрыемствы, якія спецыялізаваліся на вырабе папяровых шпалераў.

Напрыканцы XIX ст., у сувязі з павышэннем па ініцыятыве фінскіх прамыслоўцаў коштаў на шпалеры, адпаведныя фабрыкі пачалі з’яўляцца і на тэрыторыі Беларусі. Большасць з іх была заснавана ў Мінску. Губернскі цэнтр нездарма стаў месцам канцэнтрацыі дадзенай вытворчасці. Варта адзначыць, што ўжо з сярэдзіны XIX ст. Мінск стаў пераўтварацца ў буйны гандлёвы, прамысловы і крэдытна-банкаўскі цэнтр. Перакрыжаванне Лібава-Роменскай і Маскоўска-Брэсцкай чыгуначных магістралей дазволіла губернскаму гораду ўзняцца на якасна новы ўзровень развіцця. Наяўнасць зручнага чыгуначнага транспарту дазваляла не толькі збываць вырабленую прадукцыю ў розных напрамках, але і засноўваць прадпрыемствы ў аддаленасці ад сыравінных крыніц. У дадатак да гэтага, на прамысловую сферу Мінска, як і ў цэлым на ўсю тэрыторыю Беларусі, распаўсюджвалася тэндэнцыя па паглыбленні спецыялізацыі вытворчасці. Калі ў пачатку 1880-х гг. мінскія прадпрыемствы па вырабе фабрычнай і заводскай прадукцыі спецыялізаваліся ў 10 сферах вытворчасці, то напярэдадні Першай сусветнай вайны праца ажыццяўлялася ў 32 напрамках прамысловай дзейнасці. Безумоўна, для вырабу папяровых шпалер вельмі важным фактарам з’яўлялася наяўнасць сыравінных крыніц. У гэтых адносінах у Мінскай губерні ўсё было добра, паколькі па паказчыку насычанасці тэрыторыі ляснымі масівамі (амаль 40 %) яна займала адну з верхніх пазіцый у Расійскай імперыі, набліжаючыся да Архангельскай і Кастрямскай губерняў, дзе лясамі было занята 58,5 % і 56 % усёй тэрыторыі адпаведна [4, с. 28, 29, 32].

Першая з мінскіх шпалерных фабрык была заснавана ў 1892 г. мешчанінам І. Л. Шыфмановічам. На 1900 г. на прадпрыемстве

налічвалася 24 працоўных, аб'ём вытворчасці дасягаў 33800 руб. [5, с. 149]. За гады перадваеннага ўздыму вытворчы патэнцыял шпалернай фабрыкі асабліва не змяніўся. Прадпрыемства было абсталявана паравым рухавіком, аднак у 1913 г. аб'ём вытворчасці не перавышаў 50000 руб. [6, № 3 486]. Прыкладна ў адзін час з І. Ф. Шыфмановічам фабрыку па вытворчасці шпалераў заснаваў яшчэ адзін мінскі мешчанін Е. В. Хаюцін. Яна ўяўляла сабой таксама невялікае прадпрыемства з нязначнай колькасцю працоўных, якая па шэрагу прычын, звязаных перш за ўсё з асабістымі якасцямі яе ўладальніка, не адчула на сабе подыху індустрыялізацыі і мадэрнізацыі. У 1900 г. прадпрыемства змяніла свайго ўладальніка – ім стаў мінскі купец першай гільдыі К. М. Кантаровіч [7, арк. 8]. За наступныя пяць гадоў новы гаспадар перабудаваў фабрыку, а таксама ўсталяваў на ёй паравы кацёл [8, арк. 22; 9, арк. 5]. На фабрыцы К. М. Кантаровіча вырабляліся не толькі шпалеры, але розныя віды паперы – абгортачная, афішная, альбомная, папяросная, рознакаляровая і інш. Прадукцыя гэтага прадпрыемства пастаўлялася як у гарады беларускіх губерняў (Брэст-Літоўск, Вільня, Віцебск, Гродна, Дзвінск, Магілёў, Пінск, Полацк), так і па ўсёй астатняй тэрыторыі Расійскай імперыі (Адэса, Баку, Рыга, Варшава, Кіеў, Коўна, Чарнігаў, Батумі, Грозны, Лібава, Армавір, Стаўрапаль, Растоў на Доне, Бендэра, Бердзічаў) [10]. Дзякуючы захадам па паляпшэнні прадпрыемства і наладжванні шырокай сеткі збыту аб'ём вытворчасці на шпалернай фабрыцы К. М. Кантаровіча павялічыўся з 45000 руб. у 1900 г. да 75000 руб. у 1913 г. [5, с. 149; 6, № 3 484].

Найбуйнейшым з трох мінскіх фабрык па вытворчасці шпалер было прадпрыемства, якое заснаваў у 1898 г. А. С. Г. Эпштэйн. У 1900 г. на ім працавалі 16 чалавек, а аб'ём вытворчасці ў грашовым выражэнні складаў 36000 руб. [5, с. 149]. У снежні 1908 г. з мэтай асацыявання капіталу для далейшага ўдасканалення вытворчай дзейнасці было створана поўнае таварыства пад назвай «Паравая шпалерная фабрыка ў г. Мінску А. С. Г. Эпштэйн і сын» [11, с. 129]. Кампан'ёнам А. С. Г. Эпштэйна стаў адзін з яго нашчадкаў. Далучэнне капіталу сына да бацькавай справы дала станоўчыя вынікі. Ужо ў 1910 г. на прадпрыемстве было выраблена прадукцыі на суму 60000 руб. [12, с. 114]. Павелічэнне аб'ёму вытворчасці адбылося ў выніку выхаду на рынак паўднёвых губерняў Расійскай імперыі і Каўказа, а таксама за кошт адкрыцця ў 1909 г. другога вытворчага корпуса. Апошні, праўда, праіснаваў нядоўга – у 1911 г. ён быў знішчаны ў выніку пажару. Аднак гэтая абстаўка не спыніла

Эпштэйнаў на іх шляху да атрымання сталага прыбытку са свайго прадпрыемства. У 1912 г. у старым будынку быў надбудаваны яшчэ адзін паверх, куды была ўсталявана частка ацалелага падчас пажару абсталявання [13, с. 219]. Пачалася энергічная праца па аднаўленні і нарошчванні аб'ёмаў вытворчасці. У 1912 г. прадукцыя «Паравой шпалернай фабрыкі ў г. Мінску А. С. Г. Эпштэйн і сын» была адзначана залатым медалём на Ніжагародскім кірмашы. Усё гэта дазволіла выйсці прадпрымальнікам у лідары сярод усіх уладальнікаў шпалерных фабрык Беларусі па паказчыку аб'ёму вытворчасці, дасягнуўшы мяжы ў 300000 руб. [6, № 3 487].

У той час, як гаспадары мінскіх шпалерных фабрык актыўна выходзілі са сваёй прадукцыяй на агульнарасійскі рынак, у гэтай галіне віцебскім прадпрымальнікам Б. Я. Мееровічам было заснавана прадпрыемства, аб'ём вытворчасці якога на 1913 г. складаў 130000 руб. [6, № 3 435].

Такім чынам, развіццё шпалернай вытворчасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. адбывалася ў межах тэндэнцый, якія былі характэрны для прамысловага прадпрымальніцтва беларускіх губерняў – арыентацыя на агульнарасійскі рынак [14, с. 60]. Гэта суправаджалася ростам колькасці прадпрыемстваў, паглыбленнем спецыялізацыі ў прамысловай сферы, тэхнічным ўдасканаленнем вытворчага працэсу, нарошчваннем аб'ёмаў вырабляемай прадукцыі. І гэта прыносіла свае вынікі. Так, у разглядаемай галіне вытворчасці напярэдадні Першай сусветнай вайны 4 з 23 шпалерных фабрык [6, № 3 167, 3 411, 3 435, 3 477, 3 484, 3 486, 3 487, 3 489, 3 501, 3 502, 3 505, 3 514, 3 526, 3 528, 3 529, 3 543, 3 579, 3 586, 3 590, 3 593, 3 597, 3 619, 3 621], або 17 % ад агульнай колькасці, знаходзіліся на тэрыторыі Беларусі. Такім чынам, дзякуючы сваім намаганням прадпрымальнікі Беларусі станавіліся паўнаўладкаванымі ўдзельнікамі рыначных адносін у агульнарасійскіх маштабах, ствараючы канкурэнцыю для сваіх калег з іншых губерняў Расійскай імперыі.

Бібліяграфічны спіс

1. Галоўка С. Ніці страчанага характава // Белар. думка. 2017. № 12. С. 58–65.
2. Юхнёва Е. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2019.
3. Exner W. F. Die Tapeten-und Buntpapier-Industrie für Fabrikanten und Gewerbetreibende, sowie für technische Institute. Weimar: Bernard Friedrich Voigt, 1869.
4. Бурачонок А. В. Асноўныя тэндэнцыі развіцця дзелавой актыўнасці на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. (на прыкладзе г. Мінска) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2021. № 1. С. 26–35.

5. Список фабрик и заводов Европейской России / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1903.
6. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / ред. Ф. А. Шобер. Пг., 1914.
7. Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 119.
8. Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 299. Воп. 5. Спр. 1515.
9. Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 311. Воп. 1. Спр. 280.
10. Нац. гіст. арх. Беларусі. Ф. 455. Воп. 1. Спр. 8.
11. Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг., 1915.
12. Список фабрик и заводов Российской Империи / под ред. В. Е. Варзара. СПб., 1912.
13. Шыбека З. В. Минскъ сто гадоў таму. Мінск: Беларусь, 2007.
14. Каханоўскі А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск, 2013.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С. И. Бусько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, buskosiarhei@gmail.com*

В статье обосновывается перспективность культурологического направления в истории физической культуры и спорта и возможность использования текстов художественной и мемуарной литературы в качестве источников изучения феномена физической культуры и спорта в широком культурно-историческом контексте. В процессе анализа текстов выявлены роль и место физической культуры и спорта в жизни и творчестве белорусских писателей в начале 20 века. Материал статьи может быть использован в преподавании следующих дисциплин: «Теория и методика физической культуры и спорта», «История физической культуры и спорта», «История отечественной литературы».

Ключевые слова: физическая культура; спорт; белорусская литература; гимнастика; досуг; художественное произведение.

PHYSICAL CULTURE IN THE LIFE AND WORK OF BELARUSIAN WRITERS IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

S. Busko

*Belarusian State University,
Independence Avenue, 4., 220030, Minsk, Belarus, buskosiarhei@gmail.com*

The article substantiates the perspectiveness of the culturological direction in the history of physical culture and sports and the possibility of using texts of fiction and memoir literature as sources for studying the phenomenon of physical culture and sports in a wide cultural and historical context. In the process of analyzing the texts, the role and place of physical culture and sports in the life and work of Belarusian writers at the beginning of the 20th century were revealed. The material of the article can be used in teaching the following disciplines: «Theory and methodology of physical culture and sports», «History of physical culture and sport», «History of Belarusian literature».

Key words: *physical culture; sport; Belarusian literature; gymnastics; leisure; work of fiction.*

Последняя треть XIX – начало XX века в белорусских губерниях характеризуется процессами модернизации, представляющими собой переход к индустриальному обществу, который в свою очередь есть комплексное явление, затрагивающее разные сферы жизни – экономическую, социальную, политико-правовую, культурную. С модернизацией вплотную связаны процессы индустриализации, урбанизации, становления нации, изменений в менталитете населения, формирования иерархической социальной структуры общества. Среди прочих изменений – формирование новой белорусской литературы.

Увлечение физической культурой и спортом было одним из элементов социализации в городе, формой адаптации к западноевропейской культурной традиции.

Введение занятий физической культурой и спортом в программы гимназий и лицеев, демократизация российского общества, развитие спортивной прессы, вхождение Российской империи в начале XX в. в международное спортивное и олимпийское движение, дебют и дальнейшее участие спортсменов-любителей из России в Олимпийских играх 1908 и 1912 гг. привели к популяризации физической культуры в том числе и в белорусских губерниях.

Многие представители дворянских фамилий Российской империи проявили интерес к занятиям спортом в целях организации досуга, развлечений и отдыха. Эта тенденция нашла отражение в произведениях русской литературы: Лев Толстой («Как я выучился ездить верхом» – катание на лошадях в манеже; «Анна Каренина» – массовые катания на коньках в московском парке, лаун-теннис), Владимир Набоков («Другие берега» – увлечение лаун-теннисом, фехтованием, конькобежным спортом, боксом, катанием на велосипедах, футболом), Иван Бунин («Натали» – игра в лаун-теннис и крикет представителей дворянской молодежи; «На даче» – увлечение студентом гимнастикой и тяжелой атлетикой), Антон Чехов («Вишнёвый сад» – игра в бильярд; «Дом с мезонином» – игра в лаун-теннис), Александр Куприн («Белый пудель») [5, с. 179].

Большинство представителей новой волны белорусской литературы в начале XX века представляло белорусскую глубинку, доминирующей частью населения в городах белорусы не являлись. Да и белорусская составляющая в привилегированной части населения была незначительной. Представители белорусской культуры начала XX века – Янка Купала, Якуб Колас, Алоиза Пашкевич, Александр Власов, Карусь Каганец, Максим Богданович не ассоциируются с физической культурой и спортом. Однако их социализация в городской среде и в обществе нового типа через сферу взаимодействия с физической культурой раскрывает новые грани их деятельности, демонстрируя адаптацию в новых условиях.

Трилогия Якуба Коласа «На росянах» посвящена началу XX века, большая часть сюжета является переосмыслением жизни самого автора, а биография главного героя во многом повторяет судьбу Константина Мицкевича. В 1908–1911 гг. Якуб Колас отбывал срок в Минской городской тюрьме за участие в организации нелегального учительского

съезда, личный опыт стал основой для сюжета о пребывании главного героя Лобановича в заключении. Интересно описание камеры и поведение главных героев: «Владик же строго придерживался им самим заведенного порядка. Ежедневно утром он занимался гимнастикой «по Мюллеру». Гимнастика эта удобна тем, что ею можно было заниматься и в тюрьме. Складывалась она из целого ряда различных упражнений. Гимнаст становился посреди камеры, широко расставляя ноги, а руки клал на пояс. Сначала он наклонялся вперед, туго пружиня поясницу, затем откидывался назад, затем наклонялся влево и вправо. Второе упражнение состояло в том, что, не снимая рук с пояса, Владик поворачивался вокруг своей оси то в правую, то в левую сторону, насколько мог. Далее в ход пускались руки и ноги. Кульминационный пункт упражнений заключался в том, что гимнаст ложился на пол, вытянувшись во весь рост, опирался на пальцы рук и на носки. На кончиках пальцев нужно было подняться и опуститься двенадцать раз. Это считалось рекордом. Выполняя это упражнение, Владик сильно вдыхал и выдыхал воздух носом. Прделав весь комплекс упражнений, он заметно уставал» [2, с. 594].

Упомянутый Йёрген Петер Мюллер – датский спортсмен и учитель гимнастики. С 1904 года он выиграл 134 титула почти в каждом виде спорта. В том же году он написал книгу «Моя система», первую в серии учебников по гимнастике, которая быстро стала бестселлером. Российский перевод был сделан под редакцией и с предисловием Г. А. Дюперрона [3]. Система Мюллера не нуждалась в технических вспомогательных средствах и могла быть реализована любым человеком без больших затрат времени. Свой комплекс он разбил на три части. В первой предложил 8 физических упражнений – различные вращения и наклоны корпуса, махи, отжимания от пола, упражнения лежа с поднятием ног и корпуса и тому подобное. Это четко соотносится с указанным в романе «На росянках». Всего в комплексе 17 основных упражнений и 3 дополнительных (для шеи).

Стоит заметить, что в системе Мюллера реализован именно комплексный подход к сохранению здоровья и физического развития человека, ведь все собранные в ней упражнения за одну тренировку обеспечивают нагрузку на различные мышечные группы и способствуют общему укреплению организма. Различные упражнения могли быть выполнены в помещении, но Мюллер рекомендовал выполнять их на свежем воздухе, например, перед открытым окном или снаружи. Но в

начале века она приобрела особую популярность и в местах лишения свободы.

Упоминания о «системе Мюллера» время от времени встречается в литературе. Упражнения из этого комплекса делал в тюрьме герой известного произведения Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных», холодные обтирания по «системе Мюллера» каждое утро делал, готовясь к вступлению в летнюю школу, и Саня Григорьев в произведении Вениамина Каверина «Два капитана». Якуб Колас спустя много лет упоминает и работу Й. П. Мюллера и детально описывает содержание его комплекса упражнений.

Кроме гимнастических упражнений в тюремной жизни Якуб Колас упоминает и шахматы: «Возле пары шахматистов, которые изредка менялись, всегда стоял небольшой кружок любителей шахматной игры. Наиграются, бывало, до того, что когда улягутся вечером спать, то и шахматная доска, и фигуры, и заматованный король долго стоят в глазах» [2, с. 597]. В одной из газетных публикаций «З ценяй прошлага» в середине 1920-х гг. Якуб Колас вспоминал: «хараство і прыемнасці шахматнай ігры я пазнаў у вастрозе. Покі я не разумеў сэнсу шахматнай гульні, яна здавалася мне не цікаваю». Но войдя во вкус, всю оставшуюся жизнь он продолжал играть, в том числе почти при каждой встрече с Янкой Купалой.

Характерно, что газета «Наша Ніва», обращённая прежде всего к крестьянству, на своих страницах не уделяла внимания шахматной игре, хотя в шахматы умели играть несколько её авторов (Змитрок Бядуля, Алесь Гарун, Якуб Колас, Янка Купала). В рассказе «Бывалый Юр в Минске» (1902) Каруся Каганца два крестьянина попадают в губернаторский сад: «Ага, тут во что-то играют... в шашки, что ли? – Нет, это не шашки; в шашки – так все фигуры одинаковой формы, только одни белые, другие чёрные, а тут, видите, всякие: и маленькие, и большие, те как бы башни, те как бы кони, а эта, самая высокая, обозначает короля, немного меньшая – то королева...» [1, с. 107]. Очевидно, шахматы их заинтересовали, но не настолько, чтобы играть самим. При этом Карусь Каганец подчеркивает, что для главного героя часть занятий в парке непонятна: «Трэк... мг... трэк... трэба пайсці за імі паглядзець, што такое трэк, бо хоч не мала свету з'ездзіў, а трэка не бачыў. Так размышляў Юрка Мілюк, ідучы па самай доўгай вуліцы нашага горада», при этом его более опытный знакомый (уже устроившийся дворником в один из домов) даёт пояснения по каждому виду спорта и досуга [1, с. 106].

Общества любителей шахматной игры были почти во всех крупных городах белорусских губерний, привлекая любителей разного происхождения и имущественного состояния. Однако на шахматах, которые до сих пор иногда называются королевской игрой, всё же лежал отпечаток аристократизма. Да и в целом «Наша Ніва» игнорировала спорт и физическую культуру, как не отвечавшие целям и задачам издания, и ее социальной базе. Хотя сами издатели спортом и физической культурой увлекались. Один из персонажей Якуба Коласа – Ясь Лисковский (его прототип – Иван Луцкевич) практиковался по сюжету с гириями и штангой, а Александр Власов в повседневной жизни постоянной катался на велосипеде [2, с. 488].

Показательным примером роли физической культуры в становлении личности является биография Алоизы Пашкевич, которая в 1903 году была зачислена на «Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования» П. Ф. Лесгафта в Санкт-Петербурге. Благодаря общедоступности (год обучения – 30 рублей) эти трехлетние курсы сразу завоевали симпатию революционной молодежи. Все, кто хотел получить диплом институтского образца, чтобы работать для людей, учить детей – будущее общества – обращались именно сюда. Если в 1896 г. на курсах обучалось 109 студентов, то в 1903 г. (в год зачисления Алоизы Пашкевич на курсы) их было почти семьсот человек (только на первом курсе – 432 студента) [4, с. 11]. Помимо анатомии студенты изучали математику, физику, химию, гимнастику, теорию и практику физических упражнений, черчение, рисование. Физические упражнения выполнялись каждый день по часу. Студенты второго курса занимались физкультурой также ежедневно, к тому же дополнительно и фехтованием (отголоски специфики физического воспитания в Российской империи). Второй курс по-прежнему практиковался в аналитической химии, готовил лекарства и изучал органы движения человека и органы растений. Весной и осенью под руководством учителя ботаники проводились ботанические экскурсии. В зимние месяцы популярным занятием становилось катание на коньках, образовательная программа дополнялась экскурсией в Финляндию, к водопаду Иматра. В 1919 года на базе этих курсов откроется Государственный институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

Знания по анатомии, полученные Алоизой Пашкевич на лекциях и практических занятиях у Петра Лесгафта в Биологической лаборатории, пригодились ей в будущем – когда она работала медсестрой,

массажисткой (в эмиграции во Львове и Кракове), в полевых условиях, когда она помогала солдатам как сестра милосердия (во время Первой мировой войны).

Физическая культура появилась в повседневной жизни и творчестве белорусских писателей в начале XX века. С одной стороны, это повторяло общероссийские тенденции и являлось частью сюжета, отражающего быт героев. С другой стороны, работы К. Каганца, номера «Нашай Нівы» и др. издания подчеркивали слабый интерес и непонимание со стороны крестьянского, по сути, большинства белорусского населения к этому явлению. Тем не менее, физическая культура на страницах белорусских произведений отражала изменения в общественной жизни белорусских городов в начале XX века.

Библиографический список

1. Каганец К. Творы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1979.
2. Колас Я. На ростанях. Мінск: Мастацкая літаратура, 2007.
3. Мюллер И. Моя система. Ленинград: Время. 1927
4. Рагойша В. Кантакты: Літаратурна-крытычныя артыкулы, эсэ. Мінск: Мастацкая літаратура, 1982.
5. Слепцова Т. В. Феномен физической культуры и спорта в отечественной литературе XIX – начала XX вв. // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 178–181.

О ВЫДАЧЕ АКЦИЗНЫМИ УПРАВЛЕНИЯМИ РАЗРЕШЕНИЙ НА ПРАВО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОДАЖИ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ю. В. Веретило

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, veretilo_jv@grsu. by*

В статье представлены некоторые аспекты деятельности чиновников акцизных управлений, затрагивающие вопросы выдачи разрешений и патентов на право производства и реализации алкогольной продукции.

Ключевые слова: акцизное управление; акциз; алкогольный завод; патент; свидетельство.

ON THE ISSUE BY EXCISE DEPARTMENTS OF PERMITS FOR THE PRODUCTION AND SALE OF ALCOHOLIC PRODUCTS IN THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES

Y. V. Veretilo

*Yanka Kupala State University of Grodno,
ul. Ozheshko 22, 230023 Grodno, Belarus, veretilo_jv@grsu. by*

The article deals with some aspects of the activity of excise boards, which concern the issues of issuing permits and patents for the right to produce and sell alcoholic beverages.

Key words: excise department; excise; alcohol plant; patent; certificate.

Вопросы функционирования акцизной системы взимания питейных сборов невозможно осветить в полной мере без рассмотрения процесса получения алкогольными заводами и местами его реализации разрешений на право осуществления данного вида деятельности. Производство спиртосодержащей продукции осуществлялось только после получения винокурными заводами свидетельств и патентов, которые выдавались окружным акцизным управлением.

Выдача свидетельств винокурным заводчикам осуществлялась после осмотра заводского оборудования, помещений завода и представленной документации. Непосредственная проверка здания и оборудования производилась на основании объявлений об осмотре и измерении завода, составленных заводчиком в трех экземплярах, с приложением подробных чертежей и описаний [1, с. 36]. Описание винокурного завода составлялось на установленных бланках с подробным отражением в них всех помещений и оборудования, относящегося к производству алкогольной продукции [2, с. 43]. Порядок перечисления заводского оборудования, предназначенного для производства алкоголя, был строго регламентирован: «...чан для

обваривания картофеля, заторный чан и чан для его охлаждения, квасильные и дрожжевые чаны и перегонный аппарат» [2, с. 35]. Объявление подавалось в окружное акцизное управление не позднее, чем за неделю до начала действия завода.

В чертеже подробно отражались все этажи здания, подвал, чердак, места размещения оборудования, относящегося к производству спиртных напитков. Перед подачей документов в окружное акцизное управление завод и его оборудование должны были быть подготовлены к проверке, а оборудование приведено в соответствие с требованиями документов, регламентирующих порядок производства алкоголя.

Окружной надзиратель, после получения документов от винокуренного заводчика, осуществлял проверку представленных документов. После этого он совместно со своим помощником и владельцем завода осуществлял сличение указанных в документах данных с фактическим состоянием здания. Сущность проверочных мероприятий заключалась в осмотре завода и оборудования, предназначенного для производства алкогольной продукции, измерении квасильных чанов. В ходе осмотра заводских помещений производилась сверка указанного в описании оборудования с его фактическим наличием. Особое внимание должностные лица окружного акцизного управления обращали на отсутствие каких-либо устройств, допускающих возможные злоупотребления при производстве алкоголя.

По окончанию осмотра помещений и оборудования чиновники акцизного управления определяли емкость квасильных и дрожжевых чанов путем наполнения их водой [2, с. 37]. Наполнение емкостей как правило производилось заранее подготовленной тарой, как правило, ведром известного объема. В процессе наполнения чанов окружной надзиратель, его помощник и владелец завода записывали в свои тетради количество влитых ведер. По завершению наполнения данные сверялись. В случае расхождения операция проводилась снова.

После измерения объема оборудования составлялся в трех экземплярах протокол, а на чаны наносились специальные клейма с указанием их номера и емкости. Первый экземпляр протокола выдавался владельцу завода, второй – передавался в окружное акцизное управление, третий – в губернское акцизное управление. Протокол заполнялся по мере выполнения измерений чанов.

При соответствии указанных в документах данных фактическому состоянию оборудования и помещений должностным лицом акцизного

управления ставилась резолюция «По поверке верно», которая скреплялась печатью. Все экземпляры протокола подписывались лицами, производившими замеры и владельцем завода (его доверенным лицом). На объявлении ставилась резолюция о разрешении винокурения на установленный срок по определенной норме. Данное объявление являлось свидетельством, при этом один экземпляр объявления, описания и чертежа оставался у заводчика, второй отсылался в окружное акцизное управление, третий – представлялся в губернское акцизное управление.

Патенты, как и свидетельства, выдавались надзирателем окружного акцизного управления на основании объявлений от владельцев заводов и лиц, желающих осуществлять продажу алкогольных напитков. Алкогольным заводам патенты выдавались на период производства спиртосодержащей продукции, а местам его реализации – на календарный год [1, с. 64–65]. Лицами, желающими осуществлять продажу алкогольной продукции помимо объявления, необходимо было представить разрешение городской или сельской власти, в ведении которых находилась земля, где предполагалось открытие заведения [1, с. 66]. Производство и продажа алкоголя без патента запрещались. Выданный патент должен был размещаться на видном месте. На территории Беларуси в помещичьих имениях и на землях, отведенных в пользование крестьян, выдача патентов питейным заведениям осуществлялась с разрешения помещика или сельского схода [1, с. 69].

Таким образом, процесс получения разрешений на право осуществления производства и реализации алкогольной продукции был важным и ответственным мероприятием. Он требовал значительных усилий как от владельцев заводов, при подготовке оборудования к проверке, так и от должностных лиц акцизных управлений, которые осуществляли строгий надзор за соблюдением «алкогольного» законодательства. От полноты и точности действий всех участвующих в проверке лиц во многом зависел финансовый успех функционирования акцизной системы взимания питейных сборов.

Библиографические ссылки

1. Положение о питейном сборе. М.: А. Семен, 1862.
2. Соколов С. И. Акцизные уставы. (1862–1876 г.) : Первое самое полное и дешевое издание : [С прил.]. М.: Тип. И. И. Родзевича, 1876.

НАСЛЕДИЕ Ф. В. БУЛГАРИНА (1789–1859): ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

Е. В. Воднева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск. Беларусь,
helena.vodneva@gmail.com*

С начала 1990–х гг. наблюдается всплеск интереса со стороны исследователей к личности журналиста Ф. В. Булгарина. В предшествующий период в оценках историков литературы Булгарин предстает как реакционный писатель, бесталанный журналист, редактор бульварной газеты и доносчик. В современном булгариноведении наблюдается широкая палитра мнений в отношении творчества журналиста, его роли в развитии русской литературы, системы взглядов и сотрудничества с III отделением императорской канцелярии.

Ключевые слова: Фаддей Булгарин; булгариноведение; историография; историки; литературная репутация.

THE LEGACY OF F. V. BULGARIN (1789–1859): EXPERIENCE OF MODERN STUDY

E. V. Vodneva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, helena.vodneva@gmail.com*

Since the early 1990s there was a resurgence of interest from researchers in the personality of journalist F. V. Bulgarin. In the previous period in the assessments of literary historians Bulgarin appears as a reactionary writer, a no-talent journalist, editor of a tabloid newspaper and snitch. There is a wide range of opinions in modern historiography, regarding the journalist's work, his role in the development of Russian literature, the system of views and cooperation with the III department of the Imperial Chancellery.

Key words: Thaddeus Bulgarin; Bulgarian studies; historiography; historians; literary reputation.

Уроженец белорусских земель Фаддей (Тадеуш) Булгарин известен как российский журналист и литератор, автор первых российских нравоописательных и исторических романов, фантастических рассказов, путевых заметок и фельетонов. В 1825 г. Булгарин основал первую в Российской империи частную газету «Северная пчела» и руководил ею более 20 лет. Булгарин стал автором записок в III отделение императорской канцелярии, в которых обозначал конкретные проблемы, существующие в российском обществе, и предлагал их решения. Выходец из белорусских земель добился высокого общественного статуса в

российском обществе и был известен всей читающей России во второй четверти XIX в.

В ходе полемики Булгарина с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским и другими литераторами вокруг проблемы отношений с читателем и профессионализации литературного труда к 1840-м гг. сложилась отрицательная репутация журналиста. Его представляли как оппонента А. С. Пушкина и безыңтересного писателя; реакционера и редактора бульварной газеты, предателя и доносчика III отделения [8; 22].

Научное изучение личности Булгарина началось в начале XIX в. и продолжалось в рамках сложившейся негативной репутации вплоть до конца 1980-х гг. При этом деятельность Булгарина в основном изучалась в контексте полемики с другими литераторами [10; 21]. Историками литературы рассматривались события издательской и журналистской деятельности [4], анализировались стилистика литературных произведений Булгарина [11].

На современном этапе изучения личности и деятельности Булгарина можно выделить два направления.

Первое – изучение творческого наследия Булгарина в работах филологического и литературоведческого характера. В 2000-е гг. российскими филологами были защищены диссертации, посвященные прозаическому наследию Булгарина [13; 18], а также его литературной репутации и редакторской тактике [20]. Были сделаны важнейшие выводы о влиянии Булгарина на формирование лексики русского языка, создание новых жанров в литературе и построении совершенно новых отношений автора с читателем.

Второе – изучение этапов биографии (взаимоотношения с современниками, сотрудничество с III отделением), а также журналистской и редакторской деятельности Булгарина, условия формирования его взглядов. Здесь остановимся более подробно на оценках ряда исследователей.

Литературовед Н. Н. Акимова выделяет в своей работе два этапа деятельности Ф. Булгарина: 1) 1820–1825 гг. – этап становления его в качестве писателя: от литератора польского к известному русскому журналисту; 2) после 1825 г. – этап деятельности Ф. В. Булгарина, когда она становится олицетворением официальной консервативной позиции. Сотрудничество с III отделением, по мнению исследовательницы, стало частью «социально-идеологической программы» Булгарина, которое включало уважение к человеку независимо от должности, важность

частной инициативы, исполнение гражданского и нравственного долга [1, с. 77]. Также Н. Н. Акимова рассматривает личность и деятельность Ф. В. Булгарина в литературном контексте эпохи, соотносит его репутацию с процессом возникновения культурных мифов. Она считает, что «возникновение пушкинского мифа» повлекло за собой укрепление отрицательной репутации Ф. В. Булгарина [1; с. 147].

Среди современных работ в русле булгариноведения особый интерес представляют труды известного литературоведа, историка литературы А. И. Рейтблата. Рейтблат провел масштабную работу по поиску и публикации записок Булгарина [3]. Также он составил список публикаций о Булгарине с 1958 по 2018 г. (более 700 работ), которые посвящены творчеству Булгарина либо включают информацию о нем в контексте сопредельных тем [15, с. 564–604].

А. И. Рейтблат ввел понятие «булгаринская мифология». Он проанализировал направленные против Булгарина эпиграммы и продемонстрировал, каким образом отбор фактов и их интерпретация создали карикатурный образ литератора [15, с. 34]. Рейтблат считает, что Булгарин «проводил цельную и последовательную систему взглядов, которую можно определить как просветительский монархизм» [14, с. 30].

Автор предложил новый взгляд на наиболее сложный вопрос о сотрудничестве Булгарина с чиновниками III отделения императорской канцелярии. Он полагает, что Булгарин выступал в роли компетентного эксперта по кругу вопросов, регулярно представляя сведения текущего характера, а как редактор он обеспечивал в «Северной пчеле» соответствующую пропаганду [14, с. 31].

Традицию изучения Ф. В. Булгарина в польской историографии в XXI в. продолжил историк П. Глушковский. Он обращает внимание на то, что руководство III отделения само инициировало переписку с Булгариным. Глушковский предполагает, что аналитические записки литератора влияли на политику российского самодержавия по польскому вопросу вплоть до 1831 г. [5, с. 151]. Более того, по мнению историка, Булгарин мог оказать влияние на министра просвещения С. С. Уварова по вопросу формирования государственной идеологии [5, с. 75].

Также П. Глушковский изучает эволюцию репутации Булгарина в Польше. На первом этапе (с рождения до 1815 г.) Булгарин считал себя одновременно поляком и «русским воином». Следующий «польский» этап (1815–1819 гг.) характеризовался первыми попытками Булгарина начать издательскую карьеру в Польше. Он познакомился с наиболее активными

представителями польского образованного общества, участвовал в деятельности польской просветительской организации «Общество шубравцев». На следующем биографическом этапе (1819–1830 гг.) Булгарин превратился из начинающего польского журналиста в известного русского писателя. Он публиковал в своих журналах статьи и рецензии, направленные на популяризацию польской культуры в российском обществе, помогал своим соотечественникам в Петербурге. В этот период, как пишет историк, Булгарин стал особенно интересен полякам и олицетворял собой пример умного и предприимчивого человека, которому удалось в чуждом ему по культуре и языку обществе достигнуть высокого общественного статуса. Однако позиция Булгарина в отношении восстания 1830–31 гг., которое тот считал бессмысленным, открыло новый этап в отношении поляков к Булгарину как к изменнику. Такая позиция со временем только усилилась в связи с определенной мифологизацией самого восстания. Негативная репутация Булгарина в Польше закрепилась благодаря ряду исследований польских историков второй половины XIX века (А. Брюкнер, Я. Кухажевский) [6, с. 404–405].

М. Салупере – известный архивист и литературовед Эстонии также интересовалась личностью Ф. В. Булгарина. Еще в конце 1980-х гг. Салупере отметила, что именно Булгарин воспитал аудиторию писателей 1840–1860-х гг., а также одним из первых заявил о необходимости гласности в России [16, с. 40]. В первую очередь она изучала тот период жизни Ф. В. Булгарина, который был связан с его нахождением в имениях Карлово и Саракусте. М. Салупере описала непростые отношения Булгарина и местных дворян, связанные с его позицией в отношении крестьян и ведения хозяйства. Дело в том, что в своих имениях он почти наполовину сократил барщину и налоги, добился расположения крестьян. Такие шаги Булгарина были восприняты местным дворянством враждебно и нередко находили выражение в конкретных акциях против него и распространении о нем ложных слухов [17, с. 147]. Кроме того, она подняла ряд вопросов, касающихся судьбы наследия талантливого писателя. Значительная часть его обширной библиотеки, содержащей редкие издания, экземпляры произведений европейских и русских авторов, а также его личный архив, включавший переписку со многими известными современниками, были утеряны в ходе нескольких войн и смены владельцев дерптского имения [17, с. 150].

Украинский исследователь, филолог М. А. Овчинников изучает прозаическое наследие Булгарина и включает его в европейский

литературный контекст. Он отмечает, что романы Булгарина стали продолжением традиции европейской и российской прозы XVIII – нач. XIX в. По его мнению, они содержали ответы на вопросы, которые волновали российское общество в 1830–е гг.: исторический опыт России, ее роль в международных отношениях, а также вопрос о правах человека. При этом исследователь считает, что окончательно на позиции консерватизма Булгарин перешел лишь в конце 1830–х гг., после восстания декабристов и до конца 1830–х гг. он высказывался лишь в рамках «благонамеренной сатиры» [10].

Американский исследователь Р. Лебланк также изучал прозаическое наследие Булгарина. Роман «Иван Выжигин», по его мнению, являлся «рупором просветительской идеологии Булгарина [7]. На основании событий романа Лебланк сформулировал социально-политическую программу Булгарина: с одной стороны – создание и поддержка среднего класса, реформирование дворянства, модернизация промышленности, рост торговли, распространение науки – в целом развитие России по европейскому образцу, с другой – сохранение национальных особенностей (язык, культура) и консервативный патернализм в социальной структуре российского общества [7].

Немецкая исследовательница М. Лекке занимается польским и украинским вопросами в русской литературе XIX в. На основании изучения художественных произведений и мемуаров Булгарина она предполагает, что Булгарин обладает талантом подстраиваться под обстоятельства. Лекке применяет по отношению к его личности термин «мимикрия» [23, с. 323]. К этому же понятию она относит его сотрудничество с III отделением [23, с. 321]. Данный термин в отношении Булгарина используется впервые. Стоит отметить, что исследовательница опирается в основном на англоязычные исследования по истории русской литературы, использует в работе только крупные литературные произведения Булгарина, оставляя за рамками публицистику и записки.

Среди белорусских исследователей нужно выделить работу, проделанную литературоведом А. И. Федутой. Он подготовил к изданию книгу избранных сочинений Ф. В. Булгарина в серии классиков белорусской литературы [2]. В своих работах Федута представляет читателям Булгарина прежде всего в качестве своего земляка, но не отрицает многогранную идентичность своего героя, включавшую польскую, литвинскую и российскую составляющие [19, с. 41].

Сотрудничество Булгарина с III отделением Федута называет «симбиозом акулы и рыбы-лоцмана». Он поясняет, что III отделение покровительствовало явному «сармату-либералу», а взамен получало полноценного эксперта по целому ряду вопросов (от настроений на землях бывшей Речи Посполитой до литературной проблематики) [19, с. 17]. Также Федута останавливается на понятии «донос» и считает, что это слово обозначает, в первую очередь, сообщение в компетентные органы про противоправительственную деятельность конкретного человека, т. е. донос обязательно подразумевает отношение к личности. Значительная часть булгаринских записок не касается конкретных людей и содержит обзоры тех или иных проблем и предложения по их решению. Многие записки, посвященные характеристике конкретных людей, содержат информацию, которая могла бы им посодействовать в устройстве на работу, облегчить участь в ходе следствия и т. п. [19, с. 18]. Причинами сотрудничества Булгарина с III отделением Федута назвал сохранение общественного положения и собственного дела [19, с. 19]. Исследователь обратил внимание на новую традицию взаимоотношений Ф. В. Булгарина с читательской аудиторией. Ее основные черты: поддержка автором господствующих среди читателей идей; установка на расширение читательской аудитории; отбор тем, которые максимально объединяли бы читающую аудиторию, например, история, нравственность [19, с. 38].

Как видим, в современной российской и зарубежной историографии (польской, эстонской, немецкой, американской) наблюдается большой интерес к осмыслению булгаринского наследия. В выводах исследователей Фаддей Булгарин предстает в образе не реакционера, а просветителя, не продажного агента, а талантливого журналиста и эксперта.

Библиографические ссылки

1. Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск: ХТПУ, 2002.
2. Булгарын Фадзей. Выбранае; уклад., прадм. і камэнтар А. І. Федуты. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2003.
3. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М.: НЛЮ, 1998.
4. Вацуро В. Э Северные цветы. М.: Книга, 1978.
5. Глушковский П. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. СПб.: Алетейя, 2013.

6. Глушковский П. Репутация Фаддея Булгарина в Польше // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик. М.: НЛЮ, 2019. С. 392–408.
7. Лебланк Р. «Русский Жилблаз» Фаддея Булгарина / пер. с англ. Е. Островской и А. Плисецкой [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. URL: <http://bulgarin.lit-info.ru/bulgarin/kritika-o-bulgarine/leblank-russkij-zhilblaz-bulgarina.htm>. Дата доступа: 01. 10. 2021.
8. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература в 1826–1855 годах. СПб: Книгоизд-во С. В. Бунина, 1909.
9. Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. СПб: Парфенон, 1922.
10. Овчинников М. А. Нравоописательный роман Ф. В. Булгарина: автореф. дис. канд. фил. наук: 10. 01. 01 [Электронный ресурс] // Научная библиотека диссертаций: Человек и наука. URL: <http://cheloveknauka.com/nravoopisatelnyu-roman-f-v-bulgarina>. Дата доступа: 01. 10. 2021.
11. Покровский В. А. Проблема возникновения русского “нравственно-сатирического” романа. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.
12. Селезнев М. Б. Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820-1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2008 (из фондов Российской Государственной библиотеки).
13. Смирнова Ю. А. Поэтика нравоописательных романов Ф. В. Булгарина : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2006 (из фондов Российской государственной библиотеки).
14. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М.: НЛЮ, 1998. С. 5–40.
15. Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: НЛЮ, 2016.
16. Саллупере М. Неизвестный Фаддей // Радуга. 1991. № 4. С. 30–41.
17. Саллупере М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 146–161.
18. Федорова Ж. В. Историческая проза Ф. В. Булгарина, жанровое своеобразие : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2002 (из фондов Российской Государственной библиотеки).
19. Федута А. И. Перамога і параза здоровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына // Булгарын Фадзей. Выбранае. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2003. С. 5–42.
20. Шишкова Т. Б. Литературная позиция и тактика Ф. В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие : дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 01 – М.: РГБ, 2009 (из фондов Российской Государственной библиотеки).

21. Эйдельман Н. Пушкин и его друзья под тайным надзором // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 128–139.
22. Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dzis i lat temu trzysta. Lwow: H. Altenberg, 1906. 94 s.
23. Lecke M. Faddej Bulgarin: „Sprawa polska“ im Russischen Reich? // Zeitschrift für slavische philologie. Band 66. Heft 2. 2009. S. 317–337.

ИЗУЧЕНИЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАБОЧИХ Г. МИНСКА В 1970–80-е гг.

А. Н. Глазко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
anastasiajessen@gmail.com*

Исследования городских похоронных и поминальных обрядов на территории БССР начали проводиться только во второй половине XX в. До 70-х гг. описания гражданских похорон и семейных поминальных дней практически отсутствовали. В 70-е гг. описания городской похоронно-поминальной обрядности впервые выносятся в отдельные главы монографий. Этнографические исследования указанного периода позволяют отследить малую распространенность гражданских или нерелигиозных церемоний похорон среди городского населения БССР. В работах 80-х гг. встречается критика современной похоронной символики и оценка отдельных элементов традиционных похорон и поминок, сохранившихся в городе, рассматривается проблема недостаточного контроля обрядов со стороны государства. Параллельно с этим на территории БССР происходит расширение сферы коммунально-ритуальных услуг, что также становится объектом изучения белорусских этнологов.

Ключевые слова: Похоронно-поминальная обрядность; новая обрядность; быт рабочих; антропология города.

THE STUDY OF FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF WORKERS OF MINSK IN 70-80S

A. N. Hlazko

*Belarusian State University
Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, the Republic of Belarus
anastasiajessen@gmail.com*

Studies of urban funeral and memorial rites on the territory of the BSSR were carried out in the second half of the twentieth century. Until the 70s descriptions of civil funerals and family memorial days were virtually absent. In the 70s descriptions of urban funeral and memorial rituals were included in separate chapters of monographs. Ethnographic studies of this period make it possible to trace the low prevalence of civil or non-religious funeral ceremonies among the urban population of the BSSR. In the works of the 80s criticism of modern funeral symbols and an assessment of individual elements of traditional funerals and commemorations preserved in the city is encountered, the problem of insufficient control of ceremonies by the state is considered. In parallel with this, the sphere of communal and ritual services is expanding on the territory of the BSSR, which also becomes an object of study by Belarusian ethnologists.

Key words: Funeral and memorial rites; civil ceremonial rites; workers' mode of life; urban anthropology.

Исследования новой обрядности городского населения БССР проводились с момента ее появления в 20–30-е гг. XX в. [1–3]. При этом

изучение и описание похоронно-поминальных практик началось лишь в позднесоветское время.

В 70-е гг. в БССР состоялось несколько общереспубликанских, областных и районных конференций, на которых выступали исследователи новых обрядов [4, с. 4]. Феномены гражданских похорон и семейных поминальных дней становились объектом изучения намного реже, чем родинные обряды и свадьбы. Белорусский этнограф А. А. Мелешко отмечал почти полное отсутствие описаний похоронного обряда, который ранее был обычным предметом исследования у этнографов: П. В. Шейна, Е. Р. Романова, М. В. Довнар-Запольского [5, с. 21].

Описания советских обрядов и праздников в послевоенные годы зачастую были недостаточно подробны. Особенно это касается похоронного обряда – в большинстве работ 60-х гг. он не упоминался или же был описан в нескольких абзацах. Диссертационные работы по данной проблематике отсутствовали, но похоронно-поминальная обрядность могла упоминаться в диссертациях по городскому быту или гражданской обрядности рабочих города Минска [6, с. 17], [7].

Первые научные статьи с описанием гражданских похорон городского населения БССР были опубликованы лишь во второй половине 70-х – начале 80-х гг. [8; 9]. Описания похоронных и поминальных обрядов также начали выносить в отдельные главы монографий по новой обрядности.

Описание городских обрядов, связанных со смертью, впервые было вынесено в отдельную главу в книге этнографа Анатолия Мелешко «Савецкая сямейная абраднасць Беларусі» (1976) [10, с. 194]. В главе «Последний путь человека» он проанализировал похоронные традиции человечества и эволюцию отношения к смерти. Гражданские похороны рассматривались как последняя и, соответственно, окончательная ступень в процессе изменения отношения к смерти. Описание похоронных традиций происходило в следующем порядке:

Древние похоронные ритуалы дописьменного общества, которые практиковались для уменьшения страха перед божествами, управляющими природой;

Церковные похороны, которые были разработаны на основе дохристианских обрядов в период появления классового общества. Параллельно с появлением религиозного похоронного церемониала происходит формирование более структурированного представления о смерти и загробном существовании. Появляется церковная похоронная

символика, которая используется для воздействия на сознание прихожан: черные рясы священников, свечи в руках присутствующих, кадило с дымом, запах ладана, икона в руках умершего;

Торжественно-траурная советская похоронная обрядность, для которой не характерен церковный пессимизм, мистицизм и нигилизм. Гражданские похороны являются актом моральной и материальной помощи близким умершего человека, участие в них позволяет проявить уважение и в последний раз поблагодарить человека за его прижизненные заслуги [5, с. 196].

Торжественность – это главный эпитет, используемый в языке описания новых обрядов, в том числе и похоронных: «Но ни в коем случае нельзя допускать, чтобы смерть ослепляла живых; необходимо, чтобы весь церемониал похорон заканчивался символическим величественным и торжественным гимном во имя жизни!» [5, с. 200].

Несмотря на декларируемую этнографами важность гражданских похорон, в 70-е гг. они не были самым распространенным вариантом похоронного обряда.

Для того чтобы узнать мнение горожан по поводу новых обрядов, применялись социологические методы, изучались книги отзывов в новых учреждениях – дворцах и домах брака, расположенных в Минске. Из 800 анкет, которые в 70-е гг. раздавались в новых обрядовых учреждениях, заполнено было 565. Из них пригодными к дальнейшей работе оказалось 512. Анкета состояла из 9 вопросов, на которые совместно отвечали молодые пары. Таким образом, было опрошено более 1000 человек [5, с. 23].

Еще одна анкета была распространена и за пределами Минска. Населенные пункты, в которых проводилось исследование, выбирались как «наиболее типичные» по составу населения и интенсивности становления в быте рабочих семейной обрядности. Вероятно, исключались приграничные регионы, а также населенные пункты Западной Беларуси, в которых церковный обряд проводится чаще, чем в остальных частях БССР [8, с. 79]. Анкета публиковалась в газете «Связист Белоруссии». Из 1300 экземпляров анкеты было заполнено 950. Цель анкетирования – определение отношения к новой обрядности среди населения БССР [5, с. 24].

Вопросы, размещенные в анкете, имели несколько вариантов ответов. Зачастую ответы, подготовленные автором, были недостаточны для определения реального мнения опрашиваемых людей. Например, отвечая

на вопрос «Чем понравились [Вам новые обряды]?», необходимо было выбрать из следующих вариантов: «Своей красотой и торжественностью», «Эмоциональностью и хорошим содержанием ритуала». Аналогично этому под вопросом «Чем не понравились [новые обряды]?» были указаны следующие варианты: «Своей сухостью и серостью», «Формализмом» [5, с. 25].

Анкетирование показало, что только 5-я часть опрошенных – 190 человек из 950 – принимало участие в похоронном обряде без участия священника. 116 из них составляли мужчины, 74 – женщины. В сравнении с остальными пунктами списка – регистрация брака, новоселье, день рождения – «красные похороны» являлись одним из наименее распространенных обрядов [5, с. 25].

В текстах второй половины 80-х гг. все чаще встречается критическая оценка существующей гражданской обрядности. Упоминается использование устаревшей атрибутики и символики, разработанной в 20-е гг. для «красных похорон», но более не актуальной для горожан [11, с. 106].

Недостатком семейной обрядности, в том числе и похорон, считалось то, что она не имеет календарных дат, организуется и налаживается самими горожанами. Это подразумевает определенный процент импровизации и невозможность контролировать то, что происходит на «неофициальной» части обряда – в домашней обстановке за пределами обрядовых учреждений.

Сохранение и относительная распространенность религиозных похорон объяснялась следующими причинами: недостаточный контроль со стороны государства, сохранение большого количества традиционных элементов, устойчивость похоронной обрядности в целом. В соответствии со статистическими данными 1986 г., только 47,2% городских жителей БССР полностью соблюдает церемониал гражданского похоронного обряда. 42,9% городских жителей за последние три года принимали участие в гражданском обряде похорон с сохранением традиционных или религиозных элементов. 9,9% городских жителей проводит традиционный похоронный обряд с полным соблюдением религиозных правил [4, с. 106].

Общественная инициатива иногда рассматривается и как положительный момент. Благодаря общественной вовлеченности, семья умершего человека может получить необходимую эмоциональную поддержку. Совместное переживание горя и выражение сочувствия, участие соседей в процессе похорон и поминок, остановка перед

похоронной процессией, встреченной в городе, считались «неписанными традициями» социалистического образа жизни [8, с. 77; 5, с. 196]. Организацией похорон занимались коллеги и знакомые умершего человека, а не его родственники.

На рабочих предприятиях в случае смерти сотрудника создавались общественные комиссии по похоронам. Похоронные атрибуты и некролог могли подготавливаться рабочим коллективом. У Анатолия Мелешко описан случай смерти водителя автотранспортного предприятия Минска, коллеги которого изготовили ему гроб и временный надгробный знак. Некролог был написан сотрудниками профсоюзной организации, а один из добровольцев занес текст в редакцию вечерней городской газеты. Представители рабочкома, руководство предприятия, домовый комитет собирали средства на погребение. Члены комиссии по похоронам также занимались юридическими вопросами и приобретением остальной похоронной атрибутики, отправляли телеграммы дальним родственникам и друзьям, помогали семье организовать поминальный стол [5, с. 198]. Участвовать в организации похорон могли и соседи: после оповещения о смерти жители подъезда старались соблюдать тишину, у подъезда вывешивался красный флаг с черной лентой.

Помимо системы общественной взаимопомощи, в исследованиях 80-х гг. отмечаются и прочие параллели между городскими и деревенскими похоронно-поминальными обрядами. В городской среде после смерти человека соблюдали некоторые традиционные действия: занавешивали зеркала, тело умершего располагали ногами к выходу, перед закапыванием гроба в могилу бросали три жмени земли, ставили отдельную тарелку и рюмку для умершего, на поминки люди приходили без приглашения [11, с. 252].

Не существовало единого мнения по поводу причитаний. Разнятся мнения о том, присутствовали ли они во время городского похоронного обряда – вероятно, они встречались редко. Женщин, которые начинали спонтанно оплакивать умершего, используя импровизированный текст, аналогичный деревенским причитаниям, не рассматривали как плакальщиц. Это объяснялось тем, что они не являлись специально приглашенными на похороны людьми, получающими за это оплату [5, с. 199]. В других текстах причитания описывались как «живая традиция», существующая в каждом регионе СССР или отдельных местах республики [11, с. 252]. Сами причитания не связывались с церковной традицией отпевания и поэтому характеризовались как нерелигиозный народный

обычай, который скорее можно включать в гражданский похоронный обряд [12, с. 15].

Определенные действия, которые в деревне выполняли соседи или приглашенные из соседних деревень люди, в городской среде делегировались представителям государственных организаций. Например, омовением и переодеванием умершего человека в абсолютном большинстве случаев занимались медицинские работники. В городе похоронные венки преимущественно покупали, а не изготавливали самостоятельно, как в деревнях [5, с. 198].

Проблемы с музыкальным сопровождением во время гражданских похорон встречались повсеместно. Оркестр мог присутствовать во время городской похоронной процессии на похоронах известных людей. Музыка играла при «символическом прощании с городом», а также в момент опускания гроба в могилу [5, с. 201]. Во время городских церемоний прощания при наличии оборудования чаще включали записи траурных маршей и прочую музыку, исполненную духовым оркестром. При вывозе гроба после прощания было принято сигналить. Молчание в момент прощания и погребения могло свидетельствовать как об уважении к умершему, о важности происходящего, так и о растерянности присутствующих людей. Присутствие сотрудников ритуальных услуг было одним из способов избавиться от подобных моментов растерянности и неопределенности.

Со второй половины 80-х гг. описывается процесс расширения сети ритуальных услуг, участие сотрудников похоронных бюро в городской обрядности, исследуются проблемы подготовки работников обрядовых служб и культурно-просветительских учреждений, рассматривается необходимость привлечения молодежи к участию в новых обрядах [13, с. 19]. В 80-е гг. на территории городов БССР массово появляются похоронные бюро. Создание системы похоронных бюро, более доступной для горожан, коррелирует с распространением гражданского похоронного обряда без религиозных элементов. Сотрудники коммунально-ритуальных услуг начали выполнять значительную часть работы по подготовке к похоронам. Весь похоронный реквизит стало возможно заказать в отделах коммунально-бытового обслуживания. Появилась должность организатора похорон, который контролировал все обрядовые действия: следил за их очередностью, давал незаметные указания участникам обряда [11, с. 251].

Сотрудники похоронной службы выдавали напрокат магнитофоны и грампластинки с записями траурной музыки, что позволило решить

вопрос с музыкальным сопровождением похорон [11, с. 250]. В конце 80-х гг. появляются библиографические указатели, содержащие разделы с музыкальными рекомендациями для похоронных и поминальных служб, общественных Дней памяти.

После обряда похорон организовывались поминки. В соответствии с вышеупомянутым опросом 1986 г. 93,6% городских жителей поминает умерших родственников в различные дни после похорон – наиболее часто это 40-й день и год после смерти. Встречается поминание на 3-й, 9-й день, а также через 6 месяцев после погребения. В работах 70–80-х гг. личные поминальные дни практически не описываются. Иногда встречаются случаи нарушения общественного порядка во время посещения кладбища. Традиция оставлять бутылки и рюмки на могилах, а также выпивать на кладбище в момент поминания осуждается: «... вспомнить умерших добрым словом можно и за чашкой чая, кофе, хлебного кваса» [11, с. 254, 275].

Дни поминовения умерших, не привязанные к конкретной дате, проводились как в городской среде, так и в деревенской местности. Время их проведения зависело от местной традиции поминания [11, с. 107]. В исследованиях 70-х гг. описываются попытки создания советских дней памяти, которыми можно было бы заменить народные праздники: Радуницу, Сёмуху, Дзяды и т. д. Новые поминальные дни проводились под руководством комиссии, которую возглавляли местные депутаты, руководители предприятий, образовательных или административных учреждений. Члены комиссии собирали информацию об умерших, организовывали субботники, во время которых убирали территорию кладбищ, закупали поминальные атрибуты. Церемония проходила по заранее подготовленной программе [11, с. 273].

На территории Минской области, в том числе и в Минске, День памяти с 1968-го года отмечался 8 мая. В этот день в честь участников войны открываются новые памятники и парки, жители города убирают кладбища, участвуют в шествиях к местам захоронений, возлагают цветы на могилы, организуют походы по местам боевой и трудовой славы. Возложения цветов и почетные караулы могут происходить и в иные праздничные дни: 23 февраля, 3 июля [11, с. 272]. Более того, памятники, посвященные участникам Второй мировой войны, становятся одними из самых посещаемых мест в городе. К ним приходят в наиболее значимые для советского человека моменты жизни: посвящения в комсомольцы, окончания школы, проводов в армию, свадебных церемоний. Мемориалы

описываются как важнейшие места памяти и наделяются статусом «народных святынь» [11, с. 9; 14, с. 8].

Таким образом, исследования похоронно-поминальной обрядности городского населения БССР 70–80-х гг. не являлись приоритетным направлением для этнографов указанного периода. Тем не менее, по имеющимся данным можно отследить изменения, которые происходили в поминальной и похоронной сферах в позднесоветское время. Распространение обряда гражданских похорон происходило параллельно с увеличением количества ритуальных бюро. Отдельные элементы традиционных вариантов обрядов, которые определялись как нерелигиозные, совмещались с советской обрядностью. В некоторых случаях, как с Днями памяти, создавался новый вариант праздника, который в то же время зависел от локальных традиций [11, с. 107].

Библиографические ссылки

1. 8-е сакавіка: матэрыялы для правядзення Міжнароднага жаночага камуністычнага дня ў БССР у 1928 г. / Адзел ЦК КП(б)Б па рабоце сярод работніц і сялянск. Менск [Мінск]: выданне Адзела работніц і сялянск ЦК КП(б)Б, 1928. 27 с.
2. Першае Мая на Беларусі / С. Баркоўскі. Менск [Мінск]: выданне Галоўпалітасветы БССР, 1927. 57 с.
3. Навагодняя ёлка: зборнік песен, вершаў, аповяданняў, гульняў: на беларускай і рускай мовах / склаў Г. Э. Клебанаў. – Менск [Мінск]: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, Дзіцячая літаратура, 1937. 142 с.
4. Современные гражданские обряды и традиции / А. А. Мелешко. Мн.: Полымя, 1985. 140 с.
5. Мясешка А. А. Савецкая сямейная абраднасць Беларусі Мінск: Вышэйшая школа, 1976. 237 с.
6. Иванов В. М. Современный быт рабочих города Минска: (историко-этнографическое исследование на материалах железнодорожного узла, завода «Большевик», завода имени Октябрьской революции, радиозавода и тракторного завода): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 07 / Акад. наук УССР, Ин-т. искусств., фольк. и этногр. Киев, 1961. 23 с.
7. Мелешко А. А. Современная советская семейная обрядность белорусского народа: (историко-этнографическое исследование): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 07 / Акад. наук БССР, Ин-т. искусств., этногр. и фольк. Минск, 1971. 29 с.
8. Браим Н. Н. Из опыта разработки и распространения новой обрядности в Белорусской ССР // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР: сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост.: И. А. Крывелев, Д. М. Коган. М.: Наука, 1981. С. 71–82.
9. Бондарчик В. К. Обряд похорон // Праздники и обряды в Белорусской ССР / Академия наук Белорусской ССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск: Наука и техника, 1988. С. 249–255.

10. Мясешка А. А. Апошні шлях чалавека // Савецкая сямейная абраднасць Беларусі. Мінск., 1976. С. 194–215.
11. Праздники и обряды в Белорусской ССР / Академия наук Белорусской ССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск: Наука и техника, 1988. 301 с.
12. Республиканский семинар по социалистической обрядности: (обзор материалов) / ред. Ю. Цыбин. Минск: Госбиблиотека БССР, 1985. 17 с.
13. Касперович Г. И., Стружецкий Т. И. Социалистическая обрядность: пропаганда, внедрение: (материал в помощь лектору) Минск: Правление общества «Знание», 1987. 24 с.
14. Методические рекомендации по проведению торжественно-траурной церемонии «Дня памяти» / Респ. мемтод. каб. М-ва культуры БССР и др. Минск, 1976. 16 с.

ЗАРАДЖЭННЕ СТУДЭНЦКАГА БУДАТРАДАЎСКАГА РУХУ Ў БССР У ГАДЫ ХРУШЧОЎСКАЙ «АДЛІГІ»

А. А. Гужалоўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, huzhalouski@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца гісторыя станаўлення студэнцкага будаўнічага руху ў Беларускай ССР у 1960-я гг., набываючы ім уласных рытуалаў і атрыбутаў, уласцівых савецкай эпосе. Аўтар уводзіць у навуковы зварот матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, а таксама перыядычных выданняў, што адлюстроўваюць спецыфіку дзейнасці студэнцкіх будатрадаў, разглядае перадумовы ўтварэння будатрадаў, вызначае ролю камсамолу ў іх станаўленні. У артыкуле аналізуюцца недахопы ў арганізацыі працы будаўнічых атрадаў, якія, паводле задумы кіруючых органаў, павінны былі кампенсавацца рамантыкай пабудовы новага камуністычнага грамадства. Аўтар прыходзіць да высновы, што будатрадаўскі рух быў вельмі эфектыўнай формай прыцягнення моладзі да вытворчай дзейнасці і выхавання студэнтаў у адпаведнасць з нормамі і каштоўнасцямі савецкага грамадства.

Ключавыя словы: будаўнічы атрад; хрушчоўская «адліга»; рамантыка; камсамол; студэнты.

ЗАРОЖДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО СТРОЙОТРЯДОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

А. А. Гужаловский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, huzhalouski@gmail.com*

В статье рассматривается история становления студенческого строительного движения в Белорусской ССР в 1960-е гг., обретение им собственных ритуалов и атрибутов, свойственных советской эпохе. Автором вводятся в научный оборот материалы Национального архива Республики Беларусь, а также периодических изданий, отражающие специфику деятельности студенческих стройотрядов, рассматривающая предпосылки образования стройотрядов, определяется роль комсомолу в их становлении. В статье анализируются недостатки в организации работы строительных отрядов, которые, по замыслу руководящих органов, должны были компенсироваться романтикой построения нового коммунистического общества. Автор приходит к выводу, что стройотрядовское движение было весьма эффективной формой привлечения молодежи к производственной деятельности и воспитания студентов в соответствии с нормами и ценностями советского общества.

Ключевые слова: строительный отряд; хрущевская «оттепель»; романтика; комсомол; студенты.

THE BIRTH OF STUDENT CONSTRUCTION TEAM MOVEMENT IN THE YEARS OF THE KHRUSHCHOV 'THAW'

A. A. Huzhalouski

Belarusian State University,

Niezalezhnasci av., 4, 220030, Minsk, Belarus, huzhalouski@gmail.com

The article examines the history of the formation of the student construction movement in the Belarusian SSR in the 1960s, inventing of their own rituals and attributes which reflected the Soviet era. The author widely used the materials of the National Archives of the Republic of Belarus, as well as periodicals reflecting the specifics of the student construction teams activities. The student's construction movement background is considered, the role of the Komsomol in its formation is determined. The article analyzes the shortcomings in the organization of construction teams work, which, according to the plan of the governing bodies, were to be compensated by the romanticism of building a new communist society. The author comes to the conclusion that the construction teams movement was an effective form of economic mobilization's of students as well as their indoctrinating in accordance with the norms and values of Soviet society.

Keywords: construction team; Khrushchev's 'thaw'; romance; komsomol; students.

Адным з найважнейшых культурных кодаў беларускага грамадства часоў «адлігі» было рамантычнае ўспрыяцце рэчаіснасці. Узорам падражання для моладзі зрабіліся героі, якія пракладалі шлях у «светлае заўтра» – касманаўты, будаўнікі, геалагі, вучоныя, вынаходнікі. Іх антыподамі былі здольныя прыстасоўвацца на «цёплых месцах» мяшчане, якія выклікалі агіду і рабіліся аб'ектам кпінаў. Прамаўляючы ў сакавіку 1957 г. на V пленуме ЦК ЛКСМБ, першы сакратар Г. А. Крывулін дакараў камсамольскія арганізацыі рэспублікі за тое, што «у іх рабоце адсутнічае рамантыка» [15, с. 2]. У 1960-я гг. на беларускім радыё была створана праграма «Рамантыкі», у Мінску адкрыўся студэнцкі клуб «Рамантык», праводзіўся рэспубліканскі фотаконкурс пад назвай «Мы – рамантыкі».

Савецкая рамантыка 1950–60-х гг. была адным з наступстваў лібералізацыі сацыяльна-палітычнага жыцця, сведчаннем з'яўлення новага, аптымістычнага светаадчування, пазбаўленага татальнай рэгламентацыі і страху. Рамантычна-аптымістычныя пачуцці новага пакалення моладзі актыўна эксплуатавала прапаганда, выкарыстоўваючы іх у якасці мабілізацыйнага рэсурса, які, разам з матэрыяльным падахвочваннем, быў закліканы замяніць сталінскую сістэму прымуса. Важнай формай працоўнай мабілізацыі моладзі, якая была заклікана кампенсаваць дэфіцыт працоўнай сілы, з'яўляліся студэнцкія будаўнічыя атрады. Падчас летніх канікул арганізаваныя ў часовыя працоўныя калектывы студэнты ВНУ і тэхнікумаў выпраўляліся будаваць дамы, кароўнікі, птушкафермы і іншыя сельскагаспадарчыя аб'екты. Некаторым

давялося папрацаваць на будоўлях, якія мелі вялікае значэнне для эканамікі краіны, накіраваныя на Саяна-Шушанскай ГЭС. Будатрады былі школай выхавання характару, працавітасці, адказнасці, арганізацыйных здольнасцяў. Нягледзячы на арганізацыйна-тэхнічныя цяжкасці, студэнцкія будаўнічыя атрады ўжо на этапе станаўлення зрабіліся досыць эфектыўнай формай прыцягнення моладзі да вытворчай дзейнасці і выхавання студэнцтва ў адпаведнасці з нормамі і каштоўнасцямі савецкага грамадства.

Знешне байцы будатрадаў нагадвалі удзельнікаў ваенізаваных падраздзяленняў. Яны мелі форму – курткі-байцоўкі зялёнага колеру, на якія нашываліся шэўроны і эмблемы атрада, прышпільваліся значкі. Унутраны распарадак жыцця ў будатрадзе таксама нагадваў вайсковы – пад’ём, сьнеданак, вячэрняя паверка, адбой. На працягу ўсяго працоўнага семестру забаранялася ўжыванне алкаголю. Гэта, канешне, не перашкаджала правядзенню разнастайных урачыстых і забаўляльных імпрэзаў, пачынаючы з адкрыцця працоўнага сезона на Прывакзальнай плошчы, сканчаючы развітальным вогнішчам перад вяртаннем дамоў.

Галоўнай асобай у будатрадзе з’яўляўся прызначаны камітэтам камсамола навучальнай установы камандзір, які адказваў за вытворчую дзейнасць і ўнутраную дысцыпліну. Другім чалавекам у атрадзе быў камісар, у абавязкі якога ўваходзіла правядзенне палітычнай і культурна-масавай працы. У атрады, якія выпраўляліся на важныя аб’екты, на пасады камандзіра і камісара прызначалі аспірантаў і маладых выкладчыкаў. Важнай постацю з’яўляўся майстар, які ўвесну разам з камандзірам выязджаў на месца будучай працы, праводзіў перамовы з падраднымі арганізацыямі, а ўлетку кіраваў працамі. Менавіта ад майстра ў вялікай ступені залежылі сумы грошаў, якія прывозілі дадому байцы. Меліся ў атрадах уласныя дактары.

Праца ў будатрадзе з’яўлялася справай дабраахвотнай. Пачаткоўцам трэба было спачатку набрацца досведу на будоўлі нейкага беларускага аб’екта, пасля чаго наступным летам яны маглі прэтэндаваць на працу ў «далёкім» атрадзе ў Сібіры, на Поўначы ці Далёкім Усходзе. Большасць студэнтаў будаўнічыя атрады вабілі рамантыкай далёкіх, нязведаных месцаў, пераадолення пабытовых цяжкасцяў, новых сустрэч і знаёмстваў. Меншасць маладзёнаў жадала проста зарабіць грошы. З цягам часу першых рабілася менш, другіх – больш.

Пачаткам руху студэнцкіх будаўнічых атрадаў у СССР лічыцца 1959 г., калі група студэнтаў-фізікаў МДУ імя Ламаносава падчас летніх

вакацыяў накіравалася ў адзін з цалінных саўгасаў. Летам 1963 г. ва Ўральскую вобласць Казахскай ССР выехаў першы зводны атрад беларускіх студэнтаў ў колькасці 2, 7 тыс. чалавек. На працягу 70 дзен атрад пад кіраўніцтвам выпускніка БП Н. Вароніна пабудаваў 100 жылых дамоў, 34 культурна-бытавых аб'екта, 18 інтэрнатаў, 8 школ і інш. У вольны ад працы час беларускія студэнты чыталі лекцыі, давалі канцэрты, удзельнічалі ў спартовых спаборніцтвах. 37 з іх па выніках працоўнага семестра былі ўзнагароджаны медалём «За асваенне цалінных зямель» [4, с. 2].

Поспех 1963 г. быў замацаваны наступным летам, калі на будоўлях у Заходнім Казахстане працавала каля 3 тыс. беларускіх студэнтаў, аб'яднаных у 44 атрада. Яшчэ 4 тыс. студэнтаў ВНУ і тэхнікумаў летам 1964 г. выказалі жаданне працаваць на будаўніцтве розных аб'ектаў у БССР, у тым ліку Гродзенскага азотнадукавага камбіната, Гомельскага суперфасфатнага камбіната, Светлагорскага завода штучнага валакна і інш. [8, арк. 214; 9, арк. 56]. У наступныя гады колькасць студэнтаў беларускіх ВНУ і тэхнікумаў, якія ўдзельнічалі ў працоўных семестрах стала павялічвалася, дасягнуўшы ў 1968 г. лічбы 12 126 чал., аб'яднаных у 439 будатрадаў [12, арк. 69]. Пашыралася таксама геаграфія аб'ектаў, на якіх працавалі беларускія студэнты. Яна ўключала Комі АССР, Краснаярскі край, Цюменскую вобласць, ГДР і ЧССР. У 1965 г. 14 беларусаў увайшлі ў склад Усесаюзнага атрада на будаўніцтве сельскагаспадарчага кааператыва Ўадзіас у Алжыры [10, арк. 14]. Летам наступнага году зводны атрад студэнтаў пад назвай «Беларусь» удзельнічаў у ліквідацыі наступстваў катастрофічнага землятрус у Ташкенце [11, арк. 104].

Шырокае развіццё будатрадаўскага руху, у якім напачатку было шмат некантралюемай уладай самаарганізацы, ініцыятывы знізу, высунула пытанне аб стварэнні органаў яго кіраўніцтва. У 1966 г. вышэйшае камсамольскае кіраўніцтва правяло ў Маскве першы ўсесаюзны злёт студэнцкіх будаўнічых атрадаў, дзе Беларускаму студэнцкаму будаўнічаму атраду быў уручаны ганаровы сцяг за асваенне цаліны [18, с. 1]. У 1968 г., неўзабаве пасля стварэння агульнасаюзнага штаба ў Маскве, распачаў працу рэспубліканскі штаб студэнцкіх будаўнічых атрадаў пры ЦК ЛКСМБ. Тады ж паўстала сістэма рэгіянальнага кіраўніцтва будатрадамі ў выглядзе занальных і абласных штабоў, якія дзейнічалі ў летні перыяд.

Будаўнічыя атрады прэзентаваліся ў СМІ як лабараторыя фармавання новых, камуністычных адносінаў, дзе панавала рамантыка працоўных будняў, альтэрнатыва спажывецкаму стаўленню да жыцця. Газета «Знамя юности» так апісвала жыццё камандзіра цаліннага атрада Гродзенскага медыцынскага інстытута С. Анішчыка: «Сівы пыл бясконцых кіламетраў, высокае бязлітаснае сонца над галавою, кароткія, як тэлеграмы лісты на далёкую Гарадзеншчыну. І справы, справы...» [1, с. 3]. Прапагандысты спрабавалі надаць рамантычную афарбоўку нават працоўным будням атрада хімфака БДУ, які ўзводзіў свінарнік у адным з калгасаў Мінскай вобласці [5, с. 2]. Паступова ў афіцыйным дыскурсе ў словазлучэнні «працоўная рамантыка» акцэнт ўсё больш пераносіўся на першае слова. Энтузіязм замянялі пастановы, самакіраванне падпарадкоўвалася камсамольскай бюракратыі. Свайму рэпартажу з першага ўсесаюзнага злёту студэнцкіх будатрадаў карэспандэнт газеты «Знамя юности» даў недвухсэнсоўную назву «Імя рамантыкі – праца» [6, с. 1].

Тым не менш, захапленне рамантыкай калектыўнай працы ў імя хутчэйшага надыходу камунізма было ўласціва не ўсім маладзёнам. Адгукнуўшыся на заклік «Белкааппушніны», С. Філіповіч з Сенненскага раёну на працягу лета 1965 г. нарыхтаваў 11 тыс. скурак кратаў, за якія атрымаў каля тысячы рублёў. Не нашмат яму саступіў А. Новікаў з Віцебскага раёну, які здаў 10, 2 тыс. скурак. Усе юныя краталовы-адзіночкі, здабыўшыя больш 3 тыс. скурак, падахвочваліся прэміямі ў памерах ад 20 да 50 рублёў [3, с. 4].

Гэтыя лічбы моцна кантраставалі з сярэднім заробкам байца беларускага будатрада, які ў 1968 г. складаў 2 руб. 54 кап. у дзень [12, арк. 69]. Студэнтаў часта выкарыстоўвалі на цяжкіх, некваліфікаваных, нізкааплачваемых працах, накіраваных на разгрузку, пагрузку, прыборку. Падобным чынам, у якасці кур'ераў і прыбіральшчыкаў, летам 1966 г. працавала большасць байцоў атрадаў на будоўлях Мінска [14, с. 3]. Тым, каму пашчасціла ўладкавацца землякопамі, атрымлівалі па 40 капеек за кубаметр грунта [7, с. 4]. Прайшоўшыя навучанне муляры атрымлівалі больш, але іх «творы» часта даводзілася выпраўляць прафесіяналам. Адзін з падобных выпадкаў адбыўся ўлетку 1963 г. у Акульскім саўгасе Паўладарскага раёна, дзе сцяна дома, узведзенага студэнтамі Гродзенскага педінстытута, абрынулася ад ветра [16, с. 4].

Толькі ў вопытных байцоў невялікай колькасці «далёкіх» будатрадаў заробкі даходзілі да 600 рублёў у месяц (пры сярэднім заробку па краіне ў 110 рублёў у месяц). У некаторых новаспечаных каменшчыкаў,

бетоншыкаў, плотнікаў там праяўляліся гаспадарчыя, прадпрымальніцкія здольнасці. Летам 1966 г. азы прыкладной эканамікі на будоўлі ў Нефцеюганску спасцігаў баец зводнага беларускага атрада «Зубр», будучы літаратар і прадпрымальнік, стваральнік музея пад адкрытым небам «Дудуткі» Я. Будзінас [2, с. 1].

Узняць эфектыўнасць студэнцкіх будаўнічых атрадаў была заклікана прынятая ў 1967 г. пастанова ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР «Аб мерах па паляпшэнню арганізацыі і павышэнню эфектыўнасці летніх работ студэнтаў». У ёй вызначаўся парадак транспартыроўкі, правядзення работ і аплаты працы байцоў будаўнічых атрадаў. Іх юрыдычныя правы абараняліся з дапамогай гаспадарчага дагавора, наяўнасць якога стала абавязковай. Пастанова станоўча паўплывала на паказчыкі эфектыўнасці працы студэнтаў, колькасць якіх у рэспубліцы з 1964/65 да 1968/69 навучальнага году павялічылася з 28 515 до 47 668 чалавек [13, арк. 199]. На працягу летняга семестра 1968 г. Беларускі студэнцкі будаўнічы атрад у складзе 12 178 чалавек з 23 ВНУ і 76 тэхнікумаў засвоілі 7 174 тыс. рублёў капіталаўкладанняў [17, с. 67].

Такім чынам, нягледзячы на арганізацыйна-тэхнічныя цяжкасці, студэнцкія будаўнічыя атрады ўжо на этапе станаўлення зрабіліся досыць эфектыўнай формай прыцягнення моладзі да вытворчай дзейнасці і выхавання студэнцтва ў адпаведнасці з нормамі і каштоўнасцямі савецкага грамадства.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Бородавский Ст. Горячие странички // Знамя юности. 1965. 8 апр. № 70.
2. Будинас Е. Очень хочется построить дом // Знамя юности. 1966. 1 сент. № 169.
3. Вниманию населения! // Знамя юности. 1966. 12 июля. № 133.
4. Воронин Н., Здесев И. На земле целинной // Советская Белоруссия. 1963. 30 окт. № 256.
5. Дукса М. А да рамантыкі – падаць рукой // Чырвоная змена. 1965. 22 жн. № 166.
6. Имя романтики – труд // Знамя юности. 1966. 15 дек. № 243.
7. Кадзет Р. «Якарныя рамантыкі» // Чырвоная змена. 1965. 29 вер. № 193.
8. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 19. Спр. 22.
9. Там жа. Спр. 23.
10. Там жа. Спр. 24.
11. Там жа. Воп. 40. Спр. 1.
12. Там жа. Спр. 5.
13. Там жа. Воп. 44. Спр. 21.
14. Окунькова В. Кто там шагает левой? // Знамя юности. 1966. 19 апр. № 78.
15. Пятый пленум ЦК ЛКСМБ // Знамя юности. 1957. 27 марта. № 61.
16. Распопов А. Кому-то улыбнется судьба? // Знамя юности. 1966. 8 апр. № 70.

17. Студенческие стройотряды в Белоруссии: история и современность. / Под ред. К. И. Баландина. Минск: БНТУ, 2020. 354 с.
18. Чырвоная змена. 1966. 13 снеж. № 239.

З’ЯВЫ НАДВОР’Я Ё ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКИМ ВА ЎСПАМІНАХ ФЁДАРА ЕЎЛАШЭЎСКАГА

К. Дз. Даўматовіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, kirill28.02@mail.ru*

З’явы надвор’я – гэта значная частка жыцця любога чалавека. Надвор’е праз усю гісторыю так ці інакш мела ўплыў на жыццё людзей. Тым не менш, для гісторыкаў складанай задачай з’яўляецца рэканструкцыя прыродных з’яў у той ці іншы час. Гэта праблема звязана перш за ўсё з недахопам адпаведных крыніц, таму калі некаторыя гістарычныя крыніцы маюць звесткі пра з’явы надвор’я, яны дапаўняюць нашы гістарычныя веды пра пэўны перыяд. Такой цікавай гістарычнай крыніцай з’яўляецца Дзённік (Дыярыуш) шляхціца Вялікага Княства Літоўскага (*далей – ВКЛ*) Фёдара Еўлашэўскага. Мэта дадзенага артыкула – адлюстраванне з’яў надвор’я ва ўспамінах Ф. Еўлашэўскага.

Ключавыя словы: з’явы надвор’я; Вялікае Княства Літоўскае; успаміны; Фёдар Еўлашэўскі

PHENOMENA OF WEATHER IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE MEMOIRS OF FYODOR EVLOSHEVSKY

K. D. Daumatovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, kirill28.02@mail.ru*

Phenomena of weather are a significant part of any person's life. Throughout history, weather has influenced people's lives in one way or another. However, for historians, it is a difficult task to reconstruct natural phenomena at one time or another. This problem is primarily associated with the lack of certain sources, therefore, if some historical sources have information on the manifestation of nature, then they complement our historical knowledge about the indicated period. Such an interesting historical source is the Diary with the memoirs of the nobleman of the Grand Duchy of Lithuania Fyodar Evloshevsky. The purpose of this article is to illustrate weather phenomena in the memoirs of F. Evloshevsky.

Key words: phenomena of weather; Grand Duchy of Lithuania; memories; Fyodar Evloshevsky

Фёдар Міхайлавіч Еўлашэўскі (1546–1619) быў шляхціцам Наваградскага павета, пэўны час займаў пасаду падсудка мясцовага земскага суда. Таксама Фёдар Еўлашэўскі выбіраўся паслом на соймы Рэчы Паспалітай. Аднак, перш за ўсё, гэтая асоба вядома сваімі ўспамінамі, запісанымі недзе ў 1603–1604 гг. [1, с. 216–217; 2, с. 241–242; 9, с. 1098–1108, 1145; 11, с. 171–172]. Менавіта літаратурная спадчына Фёдара Еўлашэўскага цікава нам з пункту гледжання з’яў надвор’я ў ВКЛ, якія адлюстараваў аўтар і якія могуць дапоўніць нашы веды пра гісторыю

пэўнага часу. Адзначым, што з’явы надвор’я перадаюцца намі тэматычна, а не храналагічна, як запісана ў Ф. Еўлашэўскага.

Федар Еўлашэўскі ва ў сваіх успамінах згадвае з’явы надвор’я, якія адносяцца да громавых і маланкавых [8, с. 57]. Так, прыкладна паміж траўнем і ліпенем 1575 г., калі «едучи до Брестя, пред Полюбичами былем в великом страху *от грома* [вылучана намі – К. Д.], же муселизмы под частыми срогкими перунами [маланкамі – К. Д.]» [4]. Далей Фёдар успамінае, што па прыезду ён са сваім суразмоўцам прыпомніў гэты страх ад грома: «а меновите липца 24, о неделю, а mezi иншими розмовами припоминалем тот страх *громовый* [вылучана намі – К. Д.], якосмы се натерпели» [4]. Пры гэтым суразмоўца Фёдара таксама ўспамінае страшэнны гром, які некалі адбыўся ў Кракаве: «он на то поведил, же му еще молодому в Кракове от якогось переержучого кгвяздара практиковано, же мел меть смерть от *грома* [вылучана намі – К. Д.] в року живота его шестдесатым» [4]. Тым больш, Фёдар Еўлашэўскі далей на старонках сваіх успамінаў піша наступнае: «А по тых розмовах и розеханю нашом в десети днях, меновите серпня 4 дня, в четверть, того пана мостовничого *гром* [вылучана намі – К. Д.] забил в полю, под сосною, под которою был, для дощу подехавши, станул» [4]. Чарговы раз падобныя з’явы ўзгадваюцца пад 1585 г. Ф. Еўлашэўскі апавядае пра пажары вызванья маланкай («Мая 26 перун [маланка – К. Д.] замок на Мыши запалил, который барзо прудко згорел; тогож дня, а подобно в одной године, ударил перун [маланка – К. Д.] в дворе моем у сырницу и голубинец, але не запалил и не забил ничего: дитя туж было и голубята в голубницу») [4]. Дарэчы, падобныя падзеі на ўсходзе ВКЛ у сярэдзіне 1580-х гг. адзначаюцца ў Баркулабаўскім летапісе: «...сил(ь)ный и великий гром забил 12 человек... перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве... многия дома панов зацных от перунов великих погорели» [5, с. 299; 6, с. 53–54]. Такім чынам, гром і маланка ва ўспамінах Фёдара Еўлашэўскага, як і на старонках летапісу, асацыяваліся перш за ўсе са страхам, смерцю і стратамі. Гэта звязана, па-першае, з тым, што па сюжэтах так ці інакш гром злучаўся з нягодамі, а, па-другое, ужыванне тэрміна «перун» магло быць звязана з негатыўным стаўленнем аўтара-хрысціяніна да язычніцтва. Таксама адзначым, што ў дадзеным выпадку, пры выкарыстанні ўспамінаў і Баркулабаўскага летапісу, можна гаворыць, што недзе ў 1585 г. у ВКЛ надвор’е было вельмі няўстойлівым.

Фёдар Еўлашэўскі таксама адлюстравіў з’явы, звязанныя з вадой і зімой [8, с. 58]. Аўтар піша пра тое, што 8 лютага 1575 г. «воды в том року

на весне гвалтовные были» [4]. Успамінаючы «воды гвалтовные», маецца на ўвазе таенне льдоў і снегу, якія таксама засталіся ва ўспамінах з прычыны трагічных падзей. Адзначым, што аўтарам месцамі падкрэсліваецца і зменлівасць зімы. Так, у 1583 г., калі «под кгромницу зима се постановила мощно по первших неуставичностях» [4]. У гэты раз Федар Еўлашэўскі паказвае пахаладанне ў лютым («зима ...мощно»). Пры гэтым па ходу апавядання дадзеная падзея звязваецца са смерцямі пэўных людзей [4]. Прыкладна да гэтага часу ў Баркулабаўскім летапісе адзначаецца, што «... морозы малъ не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосьи жито посохло... зиме з морозов и метелицы по дорогам многое множество людей убогих, а также и купецких померло» [5, с. 299; 6, с. 53]. Іншы выпадак Фёдар паказаў пад 1585 г.: «зима была барзо тепла; быдло на поли бывало и волы тучоно» [4]. Калі дадаць звестак з летапісу, то да наступнага 1586 г. «был урожай великий, добрый...» [5, с. 301]. Добры ураджай можа з'яўляцца наступствам цёплай зімы. Цёплую зіму Ф. Еўлашэўскі таксама адзначае і ў 1592 г.: «яко з осени, так и от нового лета не докучали зимна и снегов не было, и была то зима праве безснежна; колами вси ездили» [4]. Пры гэтым, у Баркулабаўскім летапісе пад 1592 г. адзначаецца, што той год «был урожая(й)ный», негледзячы на тое, што у тым жа годзе летапісец піша «была брань великая, вел(ь)ми страшная... немало збожа попсовала град и буря великая», але на ўраджай магла паўплываць як раз цёплая зіма [5, с. 313]. Ужо пад 1594 г. Фёдарам апавядаецца пра кепскае надвор'е: «в пяток, припала хмара сродзе зимна, спустила снег великий и лежал три дни; померзло от той хмары и зимна и ветру гвалтовного сила людей, по трою индей веспол, а немогли себе помочи» [4]. Падкрэслім, што пры выкарыстанні успамінаў Ф. Еўлашэўскага і іншых крыніц у нейкай ступені можна казаць пра ўплыў з'яў надвор'я на эканамічны стан некаторых тэрыторый ВКЛ. Таксама адзначым, што параўноваючы звесткі мемуарыста с дадзенымі Баркулабаўскага летапісу відавочна, што некаторыя прыродныя з'явы маглі адбывацца альбо толькі на захадзе, альбо толькі на ўсходзе, што характэрна і для сучаснасці.

Адзіны раз Фёдар Еўлашэўскі згадвае пра астранамічныя з'явы. Так, прыкладна ў 1577 г. «В месяцы лютым указала се была *комета* [вылучана намі – К. Д.] велика на зимным восходе сонца и была час не малый» [7, с. 45]. Пры гэтым па дадзеных беларускага даследчыка Дз. Скварчэўскага ўзгаданая Ф. Еўлашэўскім камета была відна ў Еўропе ў 1578 г. [8, с. 55]. Гэтая нявялічкая памылка аўтара дзённіка можа звязвацца з чалавечым

фактарам, але тым не менш пасля гэтай з’явы і напісаннем тэкста прайшло больш за 20 годаў, што можа нават паказваць і пэўную дакладнасць Ф. Еўлашэўскага [10].

Такім чынам, дзённік Фёдара Еўлашэўскага можа так ці інакш сведчыць пра з’явы прыроды ў ВКЛ, асабліва, пры выкарыстанні дадатковых крыніц. Пры аналізе стаўлення аўтара да гэтых падзей можна падкрэсліць негатыўную афарбоўку значнай часткі ўзгаданых прыродных з’яў (узгадваюцца найчасцей сумесна са смерцю і стратамі). У сваю чаргу, гэты фактар можа скласці пэўны псіхалагічны партрэт аўтараў пачатку XVII ст. Таксама звесткі пра з’явы надвор’я паказваюць у некаторай ступені ўплыў клімату на эканамічны стан пэўнай тэрыторыі. Падкрэслім, што літаратурны твор Фёдара Еўлашэўскага з’яўляецца цікавай гістарычнай крыніцай, якая дапаўняе гісторыю Вялікага Княства Літоўскага.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Вілімас Д. Службоўцы павятовых земскіх судоў Вялікага Княства Літоўскага ў 1566–1588 гг. (першае пакаленне павятовых шляхетскіх юрыстаў) // АРСНЕ. Пачатак. Гісторыя старажытнага Навагрудка. Мн.: ААТ «Мажайскі паліграфічны камбінат», 2016. 2 (147). С. 209–240.
2. Вілімас Д. Тастамент новаградскага земскага суддзі Яраша Еўлашэўскага (1578–1619) // АРСНЕ. Пачатак. Гісторыя старажытнага Навагрудка. Мн.: ААТ «Мажайскі паліграфічны камбінат», 2016. 2 (147). С. 241–260.
3. Грицкевич В. С факелом Гиппократа: Из истории белорусской медицины. Минск: Наука и техника, 1987. 270 с.
4. Дневник Федора Евлашевского [Электронный ресурс] // Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Evlasevskij_Fedor/text.phtml?id=13047. Дата доступа: 09.08.2021.
5. Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVIIстст.) / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовы і літ. Імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; В. А. Чамярыцкі [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2015. 479 с.
6. Ліцкевіч А. Клімат старажытнай Беларусі // Беларуская думка. 2008. № 10. С. 52–57.
7. Скварчэўскі Д. Астранамічная тэрміналогія ў літаратуры Вялікага Княства Літоўскага XV–XVII стст. // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 2017. № 2. С. 42–47.
8. Скворчевский Д. Природные явления, необычные происшествия и мифологические представления на страницах белорусской мемуарной литературы XVI–XVII вв. // Беларуская Магонія: странное и загадочное в дореволюционной белорусской печати. Материалы конференции (г. Минск, 18 ноября 2017 года). Минск: Регистр, 2018. С. 52–74.

9. Улашчык М. Збор твораў: у 3-х тамах. Том 1: Працы па археаграфіі і крыніцазнаўству / пад рэд. Д. В. Віцько[і інш.]; праім. А. К. Каўкі. Смаленск: Інбелкульт, 2017. 1360 с.
10. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас, № 2, 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>. Дата доступа: 09. 08. 2021.
11. Ходзін С. Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі: дапаможнік. Мінск: БДУ, 2012. 255 с.

ПЕРВАЯ МЕЖСЛАВЯНСКАЯ СЕРБСКО – БОЛГАРСКАЯ ВОЙНА НОВОГО ВРЕМЕНИ

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, misha_dauhiala@tut.by*

В период 80–90-х гг. XIX в. произошло два важных события: объединение Южной и Северной Болгарии и сербско-болгарская война 1885 г. Воссоединение Восточной Румелии с Болгарией стало важным шагом в деле освобождения болгарского народа от турецкого ига, а также предлогом для развязывания сербско-болгарской войны. Основаниями сербско-болгарской войны послужили непримиримые противоречия ведущих европейских держав (Австро-Венгрии, России и Англии). Сербско-болгарская война имела различное значение для противоборствующих сторон: для Сербии она была захватнической, несправедливой, а для Болгарии – войной в защиту родины, только что освобожденной от турецкой неволи. Внешнеполитическим итогом войны стал распад Союза трех императоров.

Ключевые слова: сербско-болгарская война; Болгарское княжество; Восточная Румелия; князь Александр; король Милан; ведущие европейские державы.

THE FIRST INTER-SLAVIC SERBIAN-BULGARIAN WAR OF MODERN TIMES

M. S. Dauhiala

*Belarussian State University, Niezależnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, misha_dauhiala@tut.by*

In the period of the 80–90s of the XIX century, two important events took place: the unification of Southern and Northern Bulgaria and the Serbian-Bulgarian War of 1885. The reunification of Eastern Rumelia with Bulgaria was an important step in the liberation of the Bulgarian people from the Turkish yoke, as well as a pretext for unleashing the Serbian-Bulgarian war. The foundations of the Serbian-Bulgarian war were the irreconcilable contradictions of the leading European powers (Austria-Hungary, Russia and England). The Serbian-Bulgarian war had different meanings for the opposing sides: for Serbia it was an aggressive, unjust war, and for Bulgaria it was a war in defense of the motherland, which had just been liberated from Turkish bondage. The foreign policy outcome of the war was the collapse of the Union of the Three Emperors.

Key words: Serbian-Bulgarian war; Bulgarian Principality; Eastern Rumelia; Prince Alexander; King Milan; leading European powers.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к образованию национально-независимых государств на Балканах. По условиям Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, подтвержденного на Берлинском конгрессе, предусматривалось провозглашение независимости Сербии, Черногории и Румынии [9, с. 11], а также создание автономного княжества с включением всех земель, населенных в

основном болгарами. Однако в Берлине под нажимом великих держав был подготовлен новый договор, в силу которого часть освобожденной территории возвращалась Турции, а часть разделялась на Болгарское княжество и зависимую от султана Восточную Румелию (Южная Болгария). Восточная Румелия не имела права на прямые дипломатические связи с европейскими державами. Территория Болгарии сократилась с 163 тыс. км² до 64 тыс. км², а население – с 4 млн до 1,5 млн человек [13, с. 50]. Две искусственно разделенные части Болгарии получили специфические государственные статусы. Ограниченный устав автономной провинции предоставлял значительные полномочия генерал-губернатору, который назначался султаном с согласия великих держав сроком на 5 лет, – он формировал состав местного правительства, утверждаемого султаном, командовал жандармерией, контролировал общественную жизнь. Население этой провинции фактически не имело права решать свои хозяйственные вопросы. Положение, в котором оказался болгарский народ после 1878 г., лишенный из-за противодействия Австро-Венгрии и Англии гарантированного Сан-Стефанским договором единства, обусловило стремление к национальному объединению.

В 1883 г. болгарский князь А. Баттенберг восстановил Тырновскую конституцию. Однако это лишь на время стабилизировало обстановку в стране. Население Болгарии стремилось к объединению, поскольку Порты не выполняла условия Берлинского договора относительно Южной Болгарии. 18 сентября 1885 г. в столице Восточной Румелии Филиппополе (ныне Пловдив) началось восстание, изменившее судьбу всей Болгарии, так как началось стихийное объединение южных областей страны с болгарским княжеством. Болгарский князь А. Баттенберг не был инициатором объединения страны, но был вынужден поддержать его, потому что любой отказ от политики объединения страны был бы расценен в тех условиях как предательство национальных интересов. Правительство турецкого губернатора было свергнуто, а князь А. Баттенберг объявил себя «князем Северной и Южной Болгарии» [5, с. 42]. Воссоединение Восточной Румелии с Болгарией явилось важным шагом в деле освобождения болгарского народа от турецкого ига. Вместе с тем, оно стало причиной и предлогом для развязывания братоубийственной сербско-болгарской войны, которую сербский король Милан Обренович надеялся использовать для того, чтобы преодолеть затянувшийся

внутриполитический кризис в стране, а заодно и попытаться расширить пределы королевства.

Восстание, нарушившее условия Берлинского договора, поставило великие европейские державы перед необходимостью определить свои позиции по отношению к болгарским событиям. Так, российская политика не была идеальной: с одной стороны, она готовила объединение, с другой, – тормозила его начало, надеясь самостоятельно выбрать момент выступления. Император России Александр III не желал принимать участие в кризисе, поскольку его дальнейшее развитие могло привести к новому обострению отношений с Турцией, Австро-Венгрией и Англией. В связи с этим русским офицерам было запрещено принимать участие в событиях в Болгарии и Румелии [4, с. 96]. Таким образом, Турции и другим европейским странам демонстрировалась непричастность России к событиям в Филиппополе. Лондон согласился признать объединение в целях оказания поддержки князю, не сомневаясь в антирусской направленности его внешней политики.

Россия предложила собрать в Константинополе совещание послов с целью восстановления положений Берлинского конгресса. Так, 22 сентября начала работу «Малая конференция» послов, в повестке которой было решение вопроса об объединении Болгарии. Возникло необычное положение – Россия поддерживала решение Берлинского конгресса, а Англия выступила против него. Лондон понимал, что при А. Баттенберге Болгария будет не плацдармом, а препятствием России на пути к проливам, и поэтому предложил признать персональную унию для князя Александра, а Петербург, в свою очередь, – признать воссоединение, но отстранить А. Баттенберга от власти [12, с. 240]. Против подобного плана выступила Австро-Венгрия. После 10-дневного заседания конференция послов приняла паллиативное решение, никого уже не устраивавшее: переворот подвергался формальному осуждению, князь А. Баттенберг должен был остаться, а статус Румелии – восстановлен. Кроме того конференция не дала ответа на главный вопрос – о дальнейшей судьбе Восточной Румелии. Единственное, о чем послы смогли договориться, – о созыве конференции шести государств, подписавших Берлинский договор, которая открылась в ноябре в Стамбуле. Несмотря на то, что конференция работала в условиях сербско-болгарской войны, в ходе которой было призвано 110 тыс. чел. – почти 7% мужского населения Болгарии и Румелии [2, с. 46, 54], болгарский вопрос не был решен – не был

восстановлен *status quo* в Восточной Румелии, не было признано объединение ни в какой форме [8, с. 126].

После Берлинского конгресса традиционная ориентация Сербии на Россию сменилась политикой тесного союза с Австро-Венгрией. Это объяснялось как экономическими, так и политическими причинами. В 1881 г. князь Милан подписал с Веней политический договор, по которому Сербия обязалась согласовывать свою внешнюю политику с Австро-Венгрией. Страна лишалась права на самостоятельные переговоры и соглашения с другими государствами, получая за это поддержку Австро-Венгрии в намерениях Милана провозгласить себя королем Сербии и гарантии сохранения своей династии [10, с. 178]. Этот договор имел не только антисербскую, но и антибалканскую направленность, поскольку Австро-Венгрия за уступки, предоставленные ей князем, обещала Сербии территориальные приращения за счет других балканских стран, что подрывало единство последних в борьбе с Турцией. Заручившись поддержкой Австро-Венгрии, Милан в 1882 г. провозгласил себя королем, а Сербию – королевством. В сентябре Милан вернулся в Белград, где подписал указ о мобилизации армии, для подготовки которой Австро-Венгрией была оказана Белграду помощь в 40 млн динаров. Изначально мобилизация в сербском королевстве была популярна, так как никто точно не знал, против кого она направлена, однако в последующем в прессе стали появляться антиболгарские статьи.

Сербский король Милан решился на братоубийственную войну с Болгарией [6, с. 51]. Король выдвинул официальные требования: либо *status quo* в Европе, т. е. недопущение воссоединения Румелии с Болгарией, либо территориальное расширение Сербии, как противовес созданию Великой Болгарии, т. е. компенсация за воссоединение [12, с. 240]. Для сербского короля это была война, которая должна была решить вопрос, кто из двух народов станет в будущем гегемоном Балкан.

Король Сербии Милан официально объявил войну Болгарии, обосновывая ее переходом болгарскими войсками сербской границы. Вместе с тем имели место провокации на сербско-болгарской границе, в частности, были попытки разоружения болгарских пограничных частей, а также захвата важных позиций на болгарской территории небольшими отрядами сербской армии. Так, в ночь с 12 на 13 ноября болгарская команда из 70 чел попыталась организовать засаду для таких нарушителей, которая была раскрыта сербами. Данное событие было использовано Белградом в качестве повода к войне [2, с. 110].

В вину Болгарии также ставилось нарушение Берлинского договора, присвоение сербской территории в районе Брегов и др.

Объявление войны было передано в Софию по телеграфу открытым текстом в адрес греческого дипломатического агента за подписью главы сербского правительства И. Гарашанина, который должен был поставить в известность болгарское правительство, что с 06. 00 14 ноября 1885 г. Болгария находится в состоянии войны с Сербией [4, с. 170]. Начался марш на Софию, расположенную недалеко от сербско-болгарской границы. В Сербии рассчитывали на небольшую победоносную «прогулку», которая должна была завершиться взятием Софии, планировавшимся на 20 ноября – на «славу» Милана, т. е. день его святого покровителя. Князь А. Баттенберг, большая часть армии которого находилась на турецкой границе, принял вызов. 18 ноября произошла битва у Сливницы, в которой болгары одержали победу [5, с. 286]. Болгарская армия перешла сербскую границу. Князь Александр 27 ноября взял Пирот в Сербии, отвергнув просьбу короля Милана о перемирии, и начал марш на г. Ниш.

Россия обратилась с призывом к великим державам организовать совместное выступление для того, чтобы остановить сербско-болгарскую войну. Он был поддержан Францией, Германией и Австро-Венгрией. Англия и Италия присоединились позже. Было заявлено, что конфликт будет урегулирован в результате вмешательства держав. Глава правительства И. Гарашанин согласился с тем, что Сербия готова немедленно прекратить военные действия. Однако князь А. Баттенберг не хотел заключать мир, резонно заметив, что пока болгарская армия не очистит свою территорию от сербской армии, ни о каком мире не может быть и речи. Тогда Милан обратился к австрийскому и турецкому послам с просьбой о помощи. Австрийский посол в Софии в разговоре с князем А. Баттенбергом угрожал, что, если он не прекратит военные действия, то Австрия введет войска в Сербию, а Россия – в Болгарию. Это вынудило А. Баттенберга дать согласие на перемирие. 9 декабря Сербия подписала перемирие на условиях *status quo*. Стороны обязались провести обмен пленными и назначить делегатов для переговоров [5, с. 428]. Только вмешательство Австро-Венгрии спасло Сербию от полного поражения.

1 февраля 1886 г. между Портой и Болгарией при молчаливом согласии Австро-Венгрии был подписан договор, по которому болгарский князь объявлялся губернатором Восточной Румелии, а Кырджалийский округ отходил к Турции. Взамен этого султан обязался не пользоваться

статьей 15 Берлинского договора, т. е. правом содержать свои гарнизоны на Балканах. Но самое главное, конечно, заключалось в том, что договор предусматривал заключение военного союза между князем и султаном [3, с. 51]. Подписание турецко-болгарского договора нарушило планы сербского короля Милана по продолжению войны. Тот факт, что против него уже могли встать две армии – болгарская и турецкая – заставил его пойти на заключение мирного договора между Сербией и Болгарией. Он был подписан 3 марта 1886 г. в Бухаресте. В связи с тем, что разногласия между великими державами не позволили добиться односторонних выгод ни одной из воюющих сторон, договор состоял из одного предложения: «Мир между королевством Сербия и княжеством Болгария восстанавливается» [11, с. 446; 8, с. 126]. По этому договору Болгария не получила ни территориальной, ни денежной компенсации, но было восстановлено существовавшее до войны положение. Причем слово «дружба», присутствовавшее ранее в тексте, было исключено по настоянию сербского представителя.

Война формально шла 3,5 месяца, но период активных боев был кратковременным. Она стала возможной благодаря непримиримым противоречиям ведущих европейских держав и, в первую очередь, Австро-Венгрии, России и Англии. Россия так и не смогла определить, как отразятся военные действия между Сербией и Болгарией на борьбе Петербурга с А. Баттенбергом и на возможности России влиять на развитие внутривосточного положения в Болгарии. Победа А. Баттенберга поставила Александра III перед необходимостью вернуться к идее «насильственного удаления» его из Болгарии. В ноябре 1886 г. дипломатические отношения между Россией и Болгарией были расторгнуты. Официальные отношения между двумя странами отсутствовали в течение девяти лет [1, с. 207]. Разрыв дипломатических отношений нанес вред обоим государствам, но особенно задел национальные интересы Болгарии. Были ослаблены позиции в регионе. Вслед за Болгарией из сферы влияния русской политики выпала и Сербия. Примирительная и сдержанная позиция Петербурга в первый раз оказалась не «по душе» болгарам и сербам. В результате Россия вынуждена была изменить подходы внешней политики на Балканах. Отказавшись от прямого вмешательства во внутренние дела Балканских стран, она усилила нравственное, религиозное воздействие на православное население Балкан [7, с. 334].

Таким образом, межславянская сербско-болгарская война нового времени была первым конфликтом между двумя славянскими государствами, которые рассматривались Россией в качестве союзников. Причиной войны было воссоединение Восточной Румелии с княжеством Болгария. Вместе с тем указанная война не отвечала государственным и национальным интересам не только Сербии и Болгарии, но и народов всего Балканского полуострова, которые требовали установления более тесных отношений между новыми национальными государствами региона. В то же время сербский король использовал освобождение Восточной Румелии от турецкого ига не для расширения движения за полное освобождение всех оставшихся под турецким «ярмом» балканских народов, а в своих личных целях. Внешнеполитическим итогом войны европейского масштаба стал распад объединявшего Германию, Австро-Венгрию и Россию Союза трех императоров, срок действия которого истек в июне 1887 г. и не был возобновлен [3, с. 56]. В начале февраля 1886 г. Турция фактически признала объединение Болгарии, назначив болгарского князя А. Баттенберга генерал-губернатором Восточной Румелии.

Библиографический список

1. 100-летие освобождения Болгарии от османского ига: сб. статей /АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики М.: Наука, 1978. 287 с.
2. Бендеров А. Ф. Сербско-болгарская война 1885 года / сост. Болгарск. ген. штаба кап. Бендерець. СПб.: В. В. Комарова, 1892. 502 с.
3. Золотухин М. Ю. Болгарский кризис 1885–1886 гг. и крах австро-русско-германского союза // Вопросы истории. 1984. №4. С. 43–56.
4. Золотухин М. Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.). М.: Наука, 1993. 320 с.
5. История на сръбско-българската война 1885. София: Държавно военно издателство, 1971. 490 с.
6. Киняпина Н. С. Болгария в балканской политике России (1886–1896 гг.) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 43–55.
7. Киняпина Н. С. Избранные труды по истории России XIX века. М.: СЕМ, 2015. 446 с.
8. Косик В. И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М.: АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, 1991. 179 с.
9. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: в 3-х т. Борьба России и болгарского народа за создание болгарского государства 1878–1879. М.: Наука, 1967. Т. 3. 678 с.
10. Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза / АН СССР. Отд-ние истории. М.: Наука, 1974. 272 с.
11. Татищев С. С. История российской дипломатии. М.: Эксмо, 2010. 604 с.

12. Терехов В. К. Сербия и Румелийский переворот 1885 г. // Проблемы всеобщей истории / МГУ им. М. В. Ломоносова, 1973. 396 с.

13. Форбс Н. История Балкан. Болгария, Сербия, Греция, Румыния, Турция: от становления государства до Первой мировой войны. М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. 319 с.

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДА ВИТЕБСКА В СЕРЕДИНЕ 1940-х – СЕРЕДИНЕ 1960-х ГОДОВ

О. В. Друзенюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, olya.crimea45@gmail.com*

Статья посвящена деятельности старообрядческих объединений города Витебска в середине 1940-х – середине 1960-х годов как поповского, так и беспоповского течений. Приведены краткие сведения из истории старообрядчества в указанном регионе. Рассматривается количественный состав общин, их духовные руководители. Затрагиваются различного рода вопросы, касающиеся соответствующих молитвенных зданий обществ. Указываются районы проживания старообрядческого населения Витебска. Прослеживается характер взаимоотношений старообрядческих объединений с представителями местных органов власти, а также уполномоченным Совета по делам религиозных культов по Витебской области. Затрагиваются вопросы, связанные с процедурой регистрации старообрядческих общин в рассматриваемый период.

Ключевые слова: старообрядцы белокриницкого согласия; старообрядцы поморского согласия; уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Витебской области; Юрьева горка; Тарный комбинат.

OLD BELIEVERS' RELIGIOUS COMMUNITIES OF THE CITY OF VITEBSK IN MID 1940S – MID 1960S

O. V. Druzenok

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, olya.crimea45@gmail.com*

The article is devoted to the activities of the Old believers' religious communities of the city of Vitebsk in mid-1940s – mid 1960s of both popovskogo and bespopovskogo currents. Brief information from the history of the Old believer in the specified region is given. The quantitative composition of communities, their spiritual leaders are considered. Various questions are touched upon concerning the respective prayer buildings of the societies. Areas of residence of the Old believer population of Vitebsk are indicated. The author traces the nature of the relationship between the Old believers' communities with representatives of local authorities as well as with commissioner of the Council for Religious Affairs of Vitebsk region. The issues related to the registration procedure of Old believer communities in the period under review are touched upon.

Key words: Old believers of Belikrinitsky Union; Old believers of the Pomor Union; Commissioner of the Council for Religious Affairs of Vitebsk region; St. George's Hill; Container plant.

Реформа, проводимая патриархом Никоном в середине XVII века, расколола Русскую православную церковь. Сторонники сохранения старой обрядности, категорически не принимающие вводимые изменения, сформировали отдельное религиозное движение – старообрядчество. Неоднородность возникшего течения обусловила его разделение на два основных направления – поповцев и беспоповцев, которые также

распались на множество толков и согласий. Появление представителей старообрядчества на белорусских землях было вызвано стремлением последних скрыться от постоянных преследований царских властей.

С течением времени одной из территорий постоянного проживания староверов становится витебский регион. Здесь преимущественно расселялись представители беспоповского направления (поморцы, федосеевцы, филипповцы). Старообрядческим центром становится и сам город Витебск. На его территории активно действовали общины как беспоповского, так и поповского течений [1, с. 9–10].

Новая религиозная политика установившейся советской власти, а также мероприятия большевиков 1920-х – 1930-х годов привели к ослаблению старообрядческой конфессии и закрытию многих культовых сооружений. Общества староверов города Витебска возобновляют свою деятельность уже во время войны.

В рассматриваемый период, в довольно затруднительном положении оказались члены объединения старообрядцев-поповцев белокриницкого согласия. Во время войны они возобновили богослужения в ранее используемом общиной молитвенном сооружении на улице Фрунзе, которое было закрыто в 1932 году. Однако, после освобождения города, здание церкви стало использоваться в качестве жилого помещения. Местные власти отказали обществу в возвращении данного сооружения [2].

Кроме того, старообрядцам упомянутой общины также пришлось столкнуться с проблемами в отношении ее регистрации контролирующими органами. В послевоенный период данная процедура являлась ключевым условием легализации деятельности религиозного объединения верующих. После рассмотрения соответствующего заявления руководством области было отказано в удовлетворении поданного старообрядцами прошения. Основной причиной принятия такого решения являлось отсутствие у общества соответствующего молитвенного здания. Представители местной власти также ссылались на неактивность общества с 1944 года и внесение в предоставленные списки верующих граждан «без их ведома» [3].

Очередное ходатайство витебских поповцев было попыткой добиться разрешения на приезд священнослужителя к верующим объединения несколько раз в год. Для решения этого вопроса они обращались и к руководству соответствующего московского центра старообрядцев. Члены общества настаивали «на острой нужде в исполнении необходимых как

верующим духовных треб» [4]. Однако, несмотря на то, что соответствующее заявление было поддержано архиепископом [5], местное руководство сочло «нецелесообразным разрешать приезд к верующим священника» [6].

В сложившейся ситуации витебские старообрядцы-поповцы вынуждены были действовать нелегально, собираясь на квартирах верующих. Так, например, по данным контролирующих органов за 1956 год, они, под руководством Ф. И. Матвеева, совершали богослужения по Городокскому шоссе 70 [7]. Поступали сведения и о случаях посещения отдельными верующими данного объединения по большим праздникам действующей в городе церкви общества старообрядцев-беспоповцев [8].

Согласно данным отчетных документов, до середины 1960-х годов, «белокриничники» Витебска продолжали находиться на нелегальном положении. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Витебской области в 1962 году отмечал, что общество действует без регистрации с момента окончания войны. Основной территорией проживания витебских старообрядцев-поповцев в этот период являлись Лучесы, «так называемый Клинический поселок», располагающийся в районе областной больницы, а также Городокское шоссе [9].

Количество членов данного объединения согласно предоставленных списков составляло 210 человек [10]. Результаты проведенных официальных проверок в 1950-х – 1960-х годах фиксируют такое же число старообрядцев [7;11;12].

Что касается деятельности беспоповских старообрядческих обществ Витебска, то «самым активным приходом в области» в рассматриваемый период являлось объединение, находящееся в районе «Юрьевой горки» [13]. Такое название среди местного населения получила часть Железнодорожного района города. В документах контролирующих инстанций оно закрепилось и за соответствующей старообрядческой общиной. Данное объединение являлось самым устойчивым и многочисленным в Витебске.

Во второй половине 1940-х годов состав общества пополнился верующими ранее самостоятельного старообрядческого объединения деревни Гришаны Витебского района [14]. На слияние указанных общин повлиял ряд факторов. В первую очередь, отказ местных властей передавать старообрядцам Гришан для пользования по типовому договору отремонтированное ими молитвенное помещение. Кроме того, контролирующими органами (опираясь на положения действующего

конфессионального законодательства), исключалась целесообразность открытия молитвенного дома для верующих деревни, так как на расстоянии 2 км от них, на Юрьевой горке, находилось действующее культовое сооружение того же течения, вполне способное удовлетворить их духовные потребности [15].

В справочных документах уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Витебской области по состоянию на 1946 год община на Юрьевой горке фигурировала как действующая с начала Великой Отечественной войны [16]. Для проведения богослужений члены общества имели в распоряжении соответствующее молитвенное помещение, которое ранее принадлежало Горпищеторгу. Сооружение было занято и отремонтировано старообрядцами в период оккупации. Оно находилось на окраине города в 100 метрах от кладбища. Железнодорожный райисполком города Витебска без особых возражений передал объединению указанное помещение по договору [17].

В составе общества на тот период насчитывалось 120 верующих. Духовным наставником являлся В. Т. Минин. В отличие от упомянутой ранее общины старообрядцев поповцев-белокриничников, это объединение беспоповцев поморского согласия было зарегистрировано в 1945 году [16]. По данным отчетных документов соответствующих контролирующим органов, с течением времени численность общины увеличивается. Уже в октябре 1946 года в составе объединения было зафиксировано 150 человек [18], в 1947 – 300 [17], а в 1954 году уже около 500 [19].

Важную роль в жизни и деятельности этого старообрядческого поморского объединения сыграл ставший в 1948 году его духовным наставником Василий Иванович Красиков. Он возглавлял общину 33 года, пользуясь среди староверов огромным авторитетом.

Внук Красикова, Андрей Александрович Сухарев вспоминает, что дед с самого детства имел интерес к церковной грамоте и служил причетником храма местной старообрядческой поморской общины. В период коллективизации был раскулачен, арестован и вместе с женой отправлен в ссылку в Сибирь, где работал на стройке. Красиков поддерживал довольно тесные связи с Высшим старообрядческим Советом в Литовской ССР, а также другими духовными наставниками объединений в Видзах, Невеле, Старой Руссе, Вильнюсе, Риге, Москве и т. д. [1, с. 44–47].

Посещаемость верующими молитвенного здания на Юрьевой горке по большим праздникам варьировалось от 150 до 1000 человек.

Уполномоченный отмечает преобладание среди верующих людей преклонного возраста и незначительное количество молодежи. Особое внимание в рассматриваемый период уделялось посещению молитвенных сооружений детьми. По сведениям уполномоченного, в данном обществе такая практика прекратилась в конце 1960 года, «в результате воздействия на церковный актив объединения». Характеризуя указанную общину, он также акцентировал внимание на специфической особенности старообрядчества, как религиозного течения, где убеждения внушаются в семье, от родителей к детям. Уполномоченный справедливо замечает, что представители данной конфессии «не занимаются вербовкой новых членов в свои организации, не прививают религиозного фанатизма». На молитвенных собраниях верующими исполняются «лишь предусмотренные канонами молитвы» [20]. Рассмотренное общество старообрядцев поморского согласия оставалось единственным зарегистрированным объединением староверов города в 1960-х годах.

На территории Витебска в рассматриваемый период также действовала община старообрядцев-беспоповцев, располагавшаяся в районе Тарного комбината. Ее духовным наставником являлся А. И. Рубин, а богослужения проводились в соответствующем молитвенном помещении. Как и в предыдущем случае, объединение возобновило свою деятельность в 1941 году и было зарегистрировано соответствующими инстанциями в 1945. В составе общины насчитывалось 80 членов [16].

Верующие данного общества также вынуждены были столкнуться с решением проблем, возникших в отношении используемого молитвенного сооружения. В 1948 году местными властями деятельность общины была запрещена [14]. Представители местной администрации сообщали о незаконном занятии старообрядцами молитвенного сооружения. Отмечалось, что объединение не имеет никаких законных оснований для его использования. В связи с этим, по решению суда, старообрядцев обязали освободить помещение для его возврата владельцу, прибывшему на место жительства [21].

Еще одна община старообрядцев поморского согласия действовала в Витебске в районе швейной фабрики «Знамя индустриализации». Само объединение существовало с 1908 года. Богослужения старообрядцы проводили в молитвенном здании, построенном на собственные средства. Оно, как и многие другие культовые сооружения, было закрыто в 1932 году. В 1941 году помещение после капитального ремонта снова возобновило свою деятельность. В послевоенный период здание было

занято жильцами, работавшими на швейной фабрики. В ходатайстве о возврате сооружения старообрядцам местными властями было отказано [22; 23].

Представители контролирующих органов отклонили также и прошение верующих указанной общины об открытии другого молитвенного здания по улице Фрунзе, предложенного обществу взамен старого. Такое решение аргументировалось наличием 2-х действующих культовых сооружений старообрядцев-поморцев в районе Юрьевой горки и Тарного комбината, которые «имеют возможность обслуживать всех верующих города Витебска» [24].

Таким образом, в середине 1940-х – середине 1960-х годов старообрядческие объединения Витебска были представлены общинами как поповского течения (белокриницкого согласия), так и беспоповского (поморского согласия). Молитвенные здания обществ, закрытые в 1930-е годы, возобновили свою деятельность в начале Великой Отечественной войны. После ее окончания основная часть общин была зарегистрирована. Наиболее устойчивым и многочисленным старообрядческим объединением Витебска являлось общество беспоповцев поморского согласия на Юрьевой горке. Оно было единственным зарегистрированным в городе до середины 1960-х годов.

Библиографические ссылки

1. Сухарев А. А. Беларусь Северная. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. 204 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 952. Оп. 2. Д. 48 Л. 223–224.
3. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 38. Л. 192.
4. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 37. Л. 57.
5. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 37. Л. 58.
6. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 37. Л. 97.
7. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 4029. Оп. 2. Д. 6. Л. 19.
8. НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 13. Л. 194.
9. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 2. Д. 12. Л. 80, 83.
10. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 5. Л. 18 об–39.
11. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 2. Д. 8. Л. 68.
12. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.
13. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 19. Л. 31.
14. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.
15. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 349.
16. ГАВО. Ф. 4029. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.
17. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 348.
18. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 5. Л. 242.

19. ГАРВО. Ф. 4029. Оп. 2. Д. 4. Л. 84.
20. ГАРВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 13. Л. 134–136.
21. ГАРВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
22. ГАРВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–21.
23. ГАРВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–31об.
24. ГАРВО. Ф. 4029. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX–XIV ВВ.

В. А. Есис

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4., 220030, г.
Минск, Беларусь, leroka@tut. by*

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты космогонических представлений, которые бытовали у населения на белорусских землях с IX по XIV в. Подчёркивается, что вопрос о картине мира древних славян является довольно сложным для изучения. В качестве предмета исследования выделяются концепции Мирового древа и Мировой горы, их происхождения и особенностей воплощения в различных, преимущественно письменных, источниках. Отмечается, что с течением времени под воздействием разных факторов менялись представления населения белорусских земель о мире и о месте человека в нем.

Ключевые слова: космогония; белорусские земли; язычество; Мировое древо; Мировая гора.

COSMOGONIC CONCEPTIONS OF THE POPULATION OF BELARUSIAN LANDS IN THE IX – XIV CENTURIES.

V. A. Esis

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, leroka@tut. by*

This article examines certain aspects of cosmogonic conceptions that were common among the population on the Belarusian lands from the 9th to the 14th centuries. It is emphasized that the question of the picture of the world of the ancient Slavs is rather difficult to study. The subject of research are the concepts of the World Tree and the World Mountain, their origin and features of their embodiment in various sources, mainly written records. It is noted that over time the conceptions of the population of the Belarusian lands about the world and the place of a person in it have changed under the influence of various factors.

Key words: cosmogony; belarusian lands; paganism; World tree; World mount.

«Космогония» происходит от греческого *κοσμογονία* – «происхождение мироздания». Для данного понятия существует множество определений. В астрономии – это раздел, изучающий происхождение планет, звезд, галактик и их скоплений [5]. Однако, в мифологии его значение иное: этим термином обозначают совокупность мифов и представлений, которые описывают пространственно-временные параметры Вселенной, т. е. условия, в которых протекает существование человека и помещается все, что может стать объектом мифотворчества [9, с. 6].

Космогонические мифы можно рассматривать в двух аспектах: синхроническом и диахроническом. Первый концентрируется прежде

всего на структуре, актуальном устройстве мира; второй – на возникновении Вселенной [9, с. 6]. В данной статье большее внимание будет уделено синхроническому аспекту космогонических мифов. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как с течением времени под воздействием различных культур и религиозных верований менялись представления населения белорусских земель о мире и о месте человека в нем.

Вопрос о картине мира древних славян является довольно сложным для изучения. В источниках нет прямых упоминаний о том, как они представляли устройство окружающего мира и своего места в нем, но есть основания предполагать, что у славян существовало понятие «Мировое древо». Его образ засвидетельствован во многих культурах или в «чистом виде», или в вариантах – «древо жизни», «древо плодородия», «древо познания» и т. п. Древо жизни обычно разделяется на три части: нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви). Каждая из них населена определенными существами. С первой обычно связаны фантастические существа хтонического типа, змеи, лягушки и др., со второй – копытные, изредка пчелы и человек, с третьей – птицы [10, с. 398–400].

Упоминания о подобном древе содержатся в «Слове о полку Игореве»: «Ибо вещей Боян ежели желал кому песню творить – мыслию взмывал по Древу, рыскал по земле серым волком, сизым орлом над облаками... Если бы тебе петь о походе том, порхая по Мысленну Древу соловьем» [12, с. 31–35]. В данном случае это не просто литературный прием. Сложно говорить о том, что произведение XII в. повествует именно о Древе жизни, но можно предположить, что это одно из его отражений.

Не менее здесь важен образ соловья. Как известно, именно птицы были символами Мирового древа. Эти представления отразились и в декоративно-прикладном творчестве. Так, популярными были в композициях декоративного творчества средневековые фигуры птиц и животных, оберегающих «Древо жизни». Этот мотив есть на оловянном кольце из Минска, колтах Вицинского клада. Птицы в геральдическом противостоянии по сторонам дерева получили широкое распространение в византийском и восточнославянском творчестве X–XII вв. [1, с. 480].

Не менее популярными были всяческие амулеты-обереги в виде коньков, зверей, рыб, топоров, ключей, ложек [1, с. 478]. Подобные мотивы встречаются не только на украшениях, но и на стеклянных изделиях и амфорах, найденных в Новогрудке. Большая часть из них была

привезена из-за границы: из Киева, Византии и Средиземноморья [1, с. 450–451].

Еще одним аргументом в пользу данной теории могут выступать славяно-скандинавские отношения. Так, на белорусских землях на протяжении продолжительного периода времени княжили варяги. В Повести временных лет под 980 г. упоминается князь Рогволод, что «пришел и-заморья имяши власть свою в Полотъске» [4, с. 52]. Имя Рогволод (Рангвальд) было популярно в среде шведских викингов и рыцарей до XV в. [6, с. 8]. Данные факты свидетельствуют о том, что он был варягом. В том же 980 г. Рогволод был убит князем Владимиром, который «собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогвъолода» [4, с. 52]. Новгородский князь, сын киевского князя Святослава Игоревича, Владимир принадлежал к варяжской династии Рюриковичей.

Отношения между славянами и скандинавами устанавливались не только благодаря правлению княжеских династий, но и торговым сделкам. Большую роль здесь сыграл торговый путь «из варяг в греки». Главной целью восточной торговли шведских викингов были рабы, которых они обменивали на серебро. Не случайно куфические дирхемы были найдены на восточном побережье Швеции и в Беларуси, Латвии и на севере современной России [6, с. 5].

Как и все прочие народы, скандинавы приносили с собой свою культуру, обычаи и верования. Мировой ясень – Иггдрасиль – одно из центральных понятий в скандинавской мифологии. На его вершине сидит мудрый орел, а между его глазами – ястреб, корни Иггдрасиля гложут дракон Нидхегг и змеи [10, с. 478].

Сложно сказать, какое дерево в представлениях племен восточных славян, населявших территорию Беларуси, являлось Мировым, но можно предположить, что это был дуб. Об этом свидетельствуют археологические находки. Так, на дне Днепра и в низовьях Десны найдены стволы дубов, в которые были вбиты десять и четыре челюсти кабана соответственно. Как и это животное, дерево могло связываться с Перуном [11, с. 331]. Данные фольклора также свидетельствуют о том, что дуб для славян являлся священным деревом. Интересным является тот факт, что на территории Беларуси для мест, где размещались курганы, часто встречаются названия, которые происходят от слова дуб: Дубовица, Дубки, Дубняк и т. д. [3, с. 23].

В XIII в. на территории Беларуси и Литвы возникла новая держава – Великое Княжество Литовское. Смешение славянского и балтского населения не могло не отразиться на культуре обоих народов. В этот период времени на белорусские земли проникают представления о Мировой горе. Так, в Летописи Красинского XVI в. содержится описание похорон великого князя литовского. Этот отрывок интересен по нескольким причинам. Во-первых, здесь есть упоминание о Мировой горе; во-вторых, мы видим связь между представлением о Мировой горе и загробной жизнью; в-третьих, на языческие верования, которые описываются в данном отрывке, накладываются христианские представления самого летописца.

Как свидетельствует летопись: «И сын его Кгирмонт... подлуг приказанья отца своего на том мьестци, на устьи реки Вилии, где у Велю упадываеть, вчинили жьглищю, и там тьло отца своего, и коня его, на котором ежчивал, шату его, которую пошивал, и милосника его, на которого он ласков был, и соколо, и хорта его сожог» [8, с. 131–132]. С тех пор, по словам летописца, это место прозвали «Швинторога», по имени того князя, а «коли которого князя литовского або пана сожжено тьло, и при них кладывали ногъти або рыси або медвежьи для того, иж мели вьру тую, иж бы день судный мел быти, а так знаменовали себе иж бы бог мел приитии седъти на горе высокои, судити живых и мертвых, на которую ж гору трудно будет узойти без ногтей тых рысих або медвежих, и для того подле них те ногти кладывали, на которых мели тую лезти и на суд до бога идти» [8, с. 132].

Швинторог – полупоупендарный литовский князь, сын князя Утэнаса, княжение которого Хроника Литовская и Жемойтская относит к 1299 – 1300 гг. Именно с его именем связывают установление обряда трупосожжения. Место его захоронения, которое указано в летописи, находится на территории современной Литвы. Важно также то, что тут по его приказу был построен храм Перкунаса, в котором горел неугасающий огонь [2, с. 566].

Интересно упоминание о дне, когда бог будет сидеть на горе и судить живых и мертвых. Летописец подчеркивает, что хоть князья и «погани были», а все-таки верили в единого бога и имели представления о Судном дне. Однако следует помнить, что автор летописи жил в XVI в., поэтому смотрел на данный факт через призму своего христианского мировоззрения. До конца не ясно, о каком боге идет речь. Возможно, здесь говорится о Диевасе – в балтской мифологии бог дневного неба, «отец

неба». Он является одним из наиболее архаичных персонажей в мифологии близких к индоевропейцам народов [2, с. 141]. Его образ, довольно абстрактный и аморфный, подходит под описание в летописи. В летописях также сказано, что на месте захоронения Швинторога было построено святилище Перкунаса – бога грома и молний, близкого славянскому Перуну, который с X в. почитался как покровитель воинов, дружины и князей. Возможно, данное событие связано с тем, что здесь хоронили исключительно знатных людей, а именно князей и панов. Упоминание о Судном дне также следует подвергнуть критике: представление летописца могло исказить изначальную картину.

«Швинторога» будет упоминаться в летописях в связи с другой легендой – вещим сном великого литовского князя Гедимина. Одно из упоминаний об этом содержится в списке второго свода белорусско-литовских летописей, написанного приблизительно в конце XVI – начале XVII вв. и названного по принадлежности Археологическому обществу – летопись Археологического общества [7, с. 8–9]. После охоты на туров князь остановился на «Швинторозе», чтобы переночевать, и увидел чудный сон: «... на горе, которую звали Кривая, теперь Лысая, стоит волк железный велик, а в нем ревет, как бы сто волков выло». Проснувшись, Гедимин обратился за толкованием к языческому жрецу Лиздеико. Тот сказал князю, что «волк железный знаменует – город столичный тут будет, а што в нем ревет, то слава его будет слынути на вес свѣт». Так был основан город Вильно [7, с. 96].

На основании вышесказанного, мы можем сделать вывод, что образ Мировой горы появляется в представлениях населения территории Беларуси вместе с созданием, становлением и развитием нового государственного образования – Великого Княжества Литовского. Взаимное влияние и обогащение славянской и балтской культур привело к определенным трансформациям космогонических представлений населения белорусских земель. Следует отметить, что образ Мировой горы прочно закрепился в виде многочисленных названий возвышенностей – Девичья гора, Святая гора, Лысая гора и др., – а также легенд и поверий, с ними связанных [2, с. 114].

Таким образом, можно прийти к выводу, что космогонические представления населения белорусских земель до XIV в. постоянно менялись под воздействием разных культур. Так, с расселением племен восточных славян на данной территории были распространены представления о Мировом древе, что подтверждается данными

археологии, сведениями из отдельных письменных источников и фольклора. В XIII в., когда на территории Беларуси и Литвы начинает формироваться новое государственное образование – Великое Княжество Литовское – космогонические представления населения белорусских земель под воздействием балтской культуры подверглись некоторым изменениям. Так, наряду с Мировым древом начали формироваться представления о Мировой горе, что подтверждается письменными источниками. Данные верования закрепились на белорусских землях в качестве названий возвышенностей, а также легенд и поверий, с ними связанных.

Библиографические ссылки

1. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX – XIII стст.)/ Я. Г. Звяруга, Т. М. Каробушкіна, П. Ф. Лысенка, Г. В. Штыхаў; Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. Мінск: Беларуская навука, 2000. 554 с.
2. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск: Беларусь, 2004. 592 с.
3. Дучыц Л. У. Археалагічныя помнікі у назвах, вераваннях і паданнях беларусаў/ Пад. рэд. М. А. Ткачова. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 59 с.
4. Из «Повести временных лет»// Хрестоматия по истории Беларуси: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 г. / сост.: Я. И. Трещенок [и др.]; под науч. ред. К. М. Бондаренко. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 18–66.
5. Космогония// Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]/ URL: <https://bigenc.ru/physics/text/2101643>. Дата доступа: 06. 10. 2021.
6. Котлярчук А. Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск: Выдавецтва «Энцыклапедыкс», 2002. 296 с.
7. Летопись археологического общества// Полное собрание русских летописей: летописи белорусско-литовские. Т. 35/ Н. Н. Улащик [и др.]. М.: Наука, 1980. С. 91–102.
8. Летопись Красинского // Полное собрание русских летописей: летописи белорусско-литовские. Т. 35/ Н. Н. Улащик [и др.]. М.: Наука, 1980. С. 128–144.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Т. 2: К – Я. Гл. ред. С. А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1988. 719 с.
10. Мифы народов мира: Энциклопедия. (В 2 томах). Т. 1: А – К. Гл. ред.: С. А. Токарев. М.: «Советская Энциклопедия», 1987. 671 с.
11. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1/ О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец; Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2016. 410 с. (Славянские древности Беларуси).
12. Слово о полку Игореве / Предисл. Д. С. Лихачева; Стихотв. перевод, комментир. прозаич. перевод и послесл. А. Ю. Чернова; Реконструкция древнерус. текста и примеч. А. В. Дыбо; Ил. С. К. Русакова. СПб.: Вита Нова, 2006. 360 с.: 55 ил.

НЕКАТОРЫЯ ЗАЎВАГІ АБ ПРЫНЦЫПАХ НАВУКОВАГА ГІСТАРЫЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

А. У. Ерашэвіч

*Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь, erash06@rambler.ru*

На аснове навуковых дасягненняў некаторых вядучых расійскіх і беларускіх гісторыкаў-метадолагаў прыведзены разважанні аб месцы і ролі ў сучасных гістарычных даследаваннях універсальных прынцыпаў аб'ектыўнасці, гістарызму, сістэмнасці, узаемадапаўняльнасці, каштоўнаснага падыходу як асновы вывучэння гістарычнай рэчаіснасці. Раскрыты эўрыстычныя магчымасці выкарыстання прынцыпаў гістарычнага пазнання пры вывучэнні праблем бюджэтнай палітыкі Расійскай імперыі на тэрыторыі беларускіх губерняў у канцы XVIII – першай палове XIX ст.

Ключавыя словы: прынцыпы гістарычнага пазнання; аб'ектыўнасць; гістарызм; сістэмнасць; узаемадапаўняльнасць; каштоўнасны падыход; Расійская імперыя; беларускія губерні; бюджэтная палітыка.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИНЦИПАХ НАУЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Ерошевич

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, erash06@rambler.ru*

На основе научных достижений некоторых ведущих российских и белорусских историков-методологов представлены размышления о месте и роли в современных исторических исследованиях универсальных принципов объективности, историзма, системности, взаимодополняемости, ценностного подхода как основы изучения исторической действительности. Раскрыты эвристические возможности использования принципов исторического познания при изучении проблем бюджетной политики Российской империи на территории белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в.

Ключевые слова: принципы исторического познания; объективность; историзм; системность; взаимодополняемость; ценностный подход; Российская империя; белорусские губернии; бюджетная политика.

SOME REMARKS ON THE PRINCIPLES OF SCIENTIFIC HISTORICAL RESEARCH

A. V. Yerashevich

*Belarusian State Economic University,
Partyzanskaja Avenue, 26, 220070, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: A. V. Yerashevich (erash06@rambler.ru)*

Based on the scientific achievements of some leading Russian and Belarusian historians and methodologists, reflections on the place and role in modern historical research of the universal principles of objectivity, historicism, consistency, complementarity, value approach

as the basis for studying historical reality are presented. The heuristic possibilities of using the principles of historical cognition in studying the problems of the budgetary policy of the Russian Empire on the territory of the Belarusian provinces at the end of the XVIII – first half of the XIX century are revealed.

Key words: principles of historical knowledge; objectivity; historicism; consistency; complementarity; value approach; Russian Empire; Belarusian provinces; budgetary policy.

Прынцыпы – гэта метады мыслення, базавыя патрабаванні, фундаментальныя палажэнні і прыёмы даследчыцкай дзейнасці, якія вызначаюць асноўныя спосабы вырашэння навуковых праблем. Сярод метадолагаў гістарычнай навукі няма адзінства поглядаў наконт колькасці і трактоўкі сутнасці прынцыпаў гістарычнага навуковага даследавання. У сучаснай гістарычнай навукі адзначаюць наяўнасць прынцыпу гістарызму (спасціжэнне развіцця індыўідуальных, непаўторных з’яў у іх развіцці, да яго адносіцца і прынцып развіцця) і супрацьборствуючага яму з сярэдзіны XX ст. прынцыпу цэласнасці (халізму) (зводзіцца да выяўлення ўстойлівых сувязей, пастаянных з’яў, стабільных працяглых структур). Гэтыя погляды ў другой палове XX ст. дапоўніліся прынцыпамі дадатковасці, дыялогу (гісторык не мае права «судзіць», а павінен весці дыялог з мінулым з улікам сучасных сацыякультурных каштоўнасцей), а таксама прынцыпам каштоўнасных адносін (аксіалагічнай ацэнкі) (уключае актуальнасць, разнавіднасць – прынцып партыйнасці) пры адмове прынцыпу аб’ектыўнасці як мэты любой навукі [5; 7] з дадаткам універсальных прынцыпаў дэтэрменізму і сінергетычнага [10, с. 418–419]. У навучальных дапаможніках па метадалогіі гісторыі згадваюць такія прынцыпы гістарычнага пазнання (нормы даследавання), як аб’ектыўнасць, гістарызм, партыйнасць ці каштоўнасны падыход, сістэмны [4, с. 142–159; 3, с. 193–208; 8, с. 56–68; 1, с. 13–15].

У артыкуле пададзены разважанні адносна вопыту выкарыстання прынцыпаў навуковага гістарычнага даследавання пры вывучэнні пытанняў бюджэтнай палітыкі Расійскай імперыі на тэрыторыі беларускіх губерняў у канцы XVIII – першай палове XIX ст. Тэарэтыка-метадалагічнай асновай аўтарскай працы сталі традыцыйныя навуковыя прынцыпы гістарычнага пазнання: аб’ектыўнасці, гістарызму, каштоўнасных адносін (аксіалагічнай ацэнкі), узаемадапаўняльнасці, сістэмны (з улікам міждысцыплінарнасці і шматфактарнасці) падыходы.

Прынцып аб’ектыўнасці азначае імкненне да атрымання верагодных навуковых гістарычных ведаў аб’ектыўнай мінулай сацыяльнай рэчаіснасці, адэкватную інтэрпрэтацыю фактаў гістарычных крыніц, але яго сэнс тлумачыцца па-рознаму: як набліжэнне да адэкватнасці,

верагоднасці, навуковасці і праўдзівасці. Устаноўка на верагоднасць прадугледжвае адпаведнасць інфармацыі гістарычных крыніц мінулай сацыяльнай рэальнасці, наяўнасць сувязі паміж сцвярджэннямі даследчыка і эмпірычнымі данымі, дысцыплінарны паказчык верагоднасці гістарычных ведаў [9, с. 347–349]. Прынцып адноснай аб’ектыўнасці рэалізуецца шляхам стварэння разнастайнай, поўнай і дакладнай крыніцавай базы даследавання, заключаецца ў рознабаковым вывучэнні прадмета даследавання, у непрадузятым падыходзе да аналізу вывучаемых пытанняў. Імкненне да адноснай аб’ектыўнасці праяўляецца таксама ў спробе ўсебаковага аналізу і непрадузятай ацэнке праблемы даследавання на аснове параўнання рэпрэзентатыўных звестак розных крыніц, якія захоўваюцца ў архівах і бібліятэках розных краін, і супастаўленні розных трактовак, пазіцый гістарычных з’яў у супярэчлівасці і шматграннасці сітуацый і падзей, працэсаў, з улікам разнастайных поглядаў, якія прысутнічаюць у айчынных і замежных гістарычных даследаваннях вучоных розных краін і эпох.

Асновай даследавання сталі прынцыпы структурна-лагічнага аналізу (структура працы), дыялектычнага матэрыялізму, навукова-крытычнага аналізу і па магчымасці максімальнага аб’ектыўнага разгляду, з улікам крытычных адносін, комплексу гістарычных крыніц і навуковай літаратуры пры прыярытэтнасці фактаў выяўленых і прааналізаваных аўтарам шырокага кола неапублікаваных архіўных і апублікаваных дакументальных матэрыялаў, з дадаткам комплекснага выкарыстання розных навуковых падыходаў і метадаў вывучэння, верагоднага аналізу сабранай інфармацыі. Меркаванні і высновы працы фармулююцца на аснове адбору, комплекснага і супастаўнага аналізу, лагічнай інтэрпрэтацыі, усебаковага асэнсавання і тэарэтычнага абагульнення сукупнасці навукова-гістарычных фактаў, з улікам суадносін розных пунктаў гледжання, пазіцый аўтараў на вывучаемыя мінулыя падзеі і працэсы, дадзеныя ў працах вучоных розных галін сацыяльна-гуманітарных навуковых ведаў. Адзначым, што не ва ўсіх навуковых даследаваннях высновы строга адпавядаюць колу сфармуляваных да разгляду пытанняў і фактычнаму зместу прац. Па магчымасці пазбягаючы дагматычных ацэнак, палітызаванай і ідэалагічна ангажыраванай інтэрпрэтацыі навукова-гістарычных фактаў, на аснове поўнага, усебаковага і крытычнага аналізу ўсёй сукупнасці фактычнага матэрыялу комплексу навукова-гістарычных фактаў першакрыніц аўтар паспрабаваў выявіць дынаміку і асаблівасці працэсу станаўлення, функцыянавання і

развіцця дзяржаўных фінансаў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.

Трэба заўважыць, што прыхільнікі прагматычнага гістарычнага рэалізму (асобная сацыяльная група, альбо прадстаўнікі пэўнага пакалення з сваімі каштоўнаснымі арыенцірамі) ствараюць сімвалічна-традыцыйны канчатковы вобраз ідэальнага мінулага, на які абапіраюцца для дасягнення сваіх групавых прагматычных патрэб і інтарэсаў з мэтай фарміравання скажонай мадэлі грамадскай гістарычнай свядомасці. Постмадэрністы сфармуліравалі канцэпцыю «месц памяці» як спосабу ўсведамлення ўласнага сучаснага ў мінулым. Гісторыя – гэта не столькі падзеі мінулага, а адлюстраванне іх у свядомасці сучаснікаў, сімвалічных «месцах памяці», дзе зафіксавана мінулае як суб’ектыўная прэзентацыя сучаснасці. Гісторык павінен займацца тым, што запатрабавана сучаснасцю, праецыраваць сучасныя ідэі, сацыяльныя і эканамічныя праблемы, меркаванні гістарычных суб’ектаў пры трактоўцы з’яў шматварыятыўнага мінулага.

Прынцып гістарызму, які быў сфармуляваны ў пачатку XIX ст., прадугледжвае разгляд аб’екта даследавання і зместу вывучаемага прадмету мінулай гістарычнай рэчаіснасці як сукупнасці зменлівых у часе з’яў і працэсаў у кантэксце эпохі, як цэласнай сістэмы, якая ўзнікае ў пэўных умовах у выніку дзеяння адпаведных прычын і з часам набывае незваротныя змены, у ходзе якіх рэалізуюцца некаторыя тэндэнцыі і ствараюцца розныя перспектывы развіцця аб’ектаў у далейшым. Як правіла, гісторык заўважае змены і параўноўвае стан аб’екта даследавання ў часе, альбо ў пачатку і ў канцы вывучаемага перыяду. У адпаведнасці з спецыфікай умоў з’яўлення і функцыянавання гістарычных крыніц, сутнасць прадметаў, падзей у беларускіх губернях Расійскай імперыі асвятляецца ў ходзе і ў кантэксце (сувязі) з абумоўленымі шматлікімі канкрэтна-гістарычнымі ўмовамі, фактарамі, абставінамі іх фарміравання, станаўлення і развіцця ў часе і прасторы (асабліва важна вызначыць ступень уплыву і суадносіны сацыяльных, эканамічных, палітычных, ідэалагічных, культурных фактараў). Важна ўлічваць залежнасць пераўтварэнняў ад змен прыярытэтаў палітыкі афіцыйнай улады, ступені яе рэалізацыі ў сацыяльнай практыке тагачаснага грамадства, ад пануючых уяўленняў, каштоўнасных арыенціраў, ментальных стэрэатыпаў свядомасці людзей пэўнага перыяду. Задача гісторыка – выяўленне і апісанне максімальна поўнага набору, сукупнасці вылучаных ім адзнак даследавання. Сістэмны разгляд спецыфічных і шматфункцыянальных

падзей у сукупнасці і дынаміке, а таксама ўзважанае вывучэнне працэсу развіцця з'яў абумоўліваюць неабходнасць іх усебаковага аналізу ў функцыянальнай узаемазвязанасці, узаемазалежнасці, ўзаемасувязі (каўзальныя сувязі) і прычыннай ўзаемаабумоўленасці (дэтэрмінаванасці). Згодна канонаў класічнага гістарызму гісторык павінен «пагрузіцца» ў эпоху, каб рэканструіраваць падзеі так, як бачылі іх сучаснікі. Прыхільнікі неакласікі небеспадстаўна лічаць, што сучасны гісторык мае значную перавагу па ўзроўні з сведкамі мінулых падзей: ён, як правіла, з пазіцыі сучасных ведаў і рэфлэксійных прыёмаў ведае, якое месца, роль і значэнне займалі пэўныя гістарычныя падзеі, працэсы, персанажы адносна іх грамадскай значнасці, тэндэнцый ці заканамернасцей развіцця, вынікаў, наступстваў. Яны трактуюць гістарычны працэс як сувязь паміж неізаляванымі падзеямі ў часе, падзяляюць пункт гледжання аб спецыфічных, унікальных сацыякультурных каштоўнасцях і своеасаблівасцях кожнай эпохі. Да таго ж, гісторык павінен не толькі зафіксаваць гэтыя адрозненні, але і паспрабаваць растлумачыць іх. Такім чынам, прынцып гістарызму датычыцца і аб'екта пазнання, і суб'екта пазнавальнай дзейнасці [9, с. 150–151]. Не менш значнай праблемай выступае карэктны перавод рэтраспектыўнай гістарычнай інфармацыі на сучасную мову з улікам выкарыстання адэкватнага паняццйна-катэгарыяльнага апарату і інш.

Такім чынам, эўрыстычныя магчымасці навуковага дыялектыка-матэрыялістычнага гістарызму зводзяцца да канцэнтрацыі ўвагі на ідэі адзінства, пераемнасці, паступальнасці, выяўленні тэндэнцый працэсу развіцця з вызначэннем яго перыядаў на аснове аб'ектыўных заканамернасцей, паказу якасных асаблівасцей на розных стадыях, разгляду грамадскіх з'яў і працэсаў, сацыяльных структур, якія ўзнікаюць і зменьваюцца, у іх генезісе, канкрэтна-гістарычнай абумоўленасці, сувязі з іншымі з'явамі і ўмовамі эпохі, функцыянальнай узаемасувязі і прычыннай узаемаабумоўленасці, самакаштоўнасці, унікальнасці (індывідуальнасці, напайторнасці, своеасаблівасці, разнастайнасці).

Гістарызм нацэльвае даследчыка на пошук вывучэння актуальнай для сучаснасці тэмы, паколькі праз трактоўку мінулых аб'ектаў тлумачацца сучасныя з'явы і працэсы, а сучаснасць прадвызначае пункт гледжання на мінулае для разумення ўрокаў, выкарыстання вопыту для магчымасці выяўлення аддаленых вынікаў вывучаемых аб'ектаў, вызначэння прыярытэтаў далейшага развіцця. Важна падкрэсліць, што важна не столькі выявіць у рэтраспекцыі падзеі, якія адбыліся, але і вывучаць

незавершанае мінулае як сферу дзеяння, выбару і рызыкі. Антрапалагічны гістарызм зводзіцца да таго, што ажыццяўляецца пошук сучаснага сябе праз устанаўленне умоўных кантактаў з іншымі гістарычнымі эпохамі, раскрываецца і выяўляецца своеасаблівае мінулае рэчаіснасці [2, с. 8, 9, 10].

Аўтар паспрабаваў пазбегнуць супрацьлеглага гістарызму прынцыпу прэзентызму, альбо поўнага асучасвання гістарычнага мінулага ў працэсе яго пазнання, калі ўяўленні мінулага замацоўваюцца ў сучасных паняццях, вобразах, сімвалах, міфах, стэрэатыпах, разглядаюцца з пазіцыяй сучаснасці, а яе ідэі распаўсюджваюцца на мінулае. Вытокі і наступствы падзей канца XVIII – першай паловы XIX ст. праходзілі ў іншых сацыякультурных умовах гістарычнай прасторы і часу, чым цяпер. Пры класіфікацыі і тыпалагізацыі, а асабліва пры ўжыванні сучасных сацыяльна-эканамічных тэрмінаў аўтар высвятляў і параўноўваў, якое сэнсавае значэнне яны мелі ў мінулым і ў сучаснасці. Неабходна ўносіць карэктывы ў эканамічныя паняцці, формы якіх былі рознымі з пункту гледжання сучаснай трактоўкі іх сутнаскага сэнсавага зместу (прыклад, банкі).

Каштоўнасны прынцып [6] уключае аксіалагічны кампанент у выяўленні і ацэнке індывідуальна значнага ў вывучаемым аб'екце з пункту гледжання нейкіх ідэалаў і норм, хоць непрадузятасць уласных адносін, суб'ектыўных сімпатый і прыхільнасцей гісторыка-вучонага да навукова-гістарычных фактаў не заўсёды дасягае жаданай мэты. Важны аб'ектыўныя крытэрыі суб'ектыўнай ацэнкі падзей і працэсаў мінулага з улікам сучаснай сістэмы сацыяльных каштоўнасцей, ідэалаў, інстытутаў, норм паводзін, каштоўнасных арыентацый, інтарэсаў дзяржавы і грамадства і інш. Ацэнка аб'ектаў гістарычнай рэальнасці, як і вылучэнне крытэрыяў у працэсе адбору і ранжыравання навукова-гістарычных фактаў, можа праводзіцца зыходзячы з наяўнасці розных светапоглядных асноў, суб'ектыўных матываў, патрэб, інтарэсаў, адзнак праграм развіцця, сістэмы каштоўнасных арыенціраў чалавека, сацыяльнай групы, грамадства, дзяржавы, ментальных устаноў і стэрэатыпаў. Існуе мноства крытэрыяў ацэнкі гістарычных аб'ектаў, з'яў, працэсаў, персанажаў: рэлігійны, духоўна-маральны (этычны), эстэтычны, эмацыянальны, прававы, палітычны, ідэалагічны, этнічны, лагічны і г. д. Пры ўспрыманні падзей і асоб беларускай мінуўшчыны пры пераходзе ад традыцыйнага аграрнага да індустрыяльнага грамадства магчыма выкарыстанне такіх мерак, як ступень прафесіяналізму асоб, вызначэнне ступені значнасці іх

дзеинасці (перашкаджалі, садзейнічалі, не ўплывалі на напрамкі сацыяльна-эканамічнага, грамадска-палітычнага і культурна-духоўнага развіцця грамадства), узровень матэрыяльнага дастатку людзей (павышэнне ўзроўню і якасці іх жыцця), праявы і маштабы дамінавання польска-расійскіх культурна-цывілізацыйных уплываў, вызначэнне прыярытэтных мэт і задач, сродкаў ажыццяўлення і вынікаў сацыяльна-эканамічнага развіцця і інш. Прынцып сапраўднай партыйнасці арыентуе гісторыка на ідэйна-палітычныя каноны з улікам адстойвання палітычных ці сацыяльных каштоўнасцей.

Аўтар прытрымліваўся прынцыпу статыстычнай ацэнкі сацыяльна-эканамічных падзей і працэсаў з улікам усёй сукупнасці знойдзеных і прааналізаваных навукова-гістарычных фактаў у іх узаемаабумоўленасці і супярэчнасці. Пры аналізе складаных з'яў і працэсаў фінансавай гаспадаркі аўтар зыходзіў з прынцыпу статыстычнай ацэнкі пры дапамозе пераважна такой дакладнай і надзейнай колькаснай меры вымярэння як грошы.

Сістэмны падыход уключае групу метадаў, з дапамогай якіх праблема разглядаецца на базе междысцыплінарнага сінтэзу метадык розных галін навуковых ведаў, дапускае злучэнне аналізу і сінтэзу, колькасных і якасных характарыстык аб'ектаў для выяўлення механізму і інструментаў іх станаўлення і развіцця ва ўсёй шматбаковасці і супярэчнасці. На аснове вывучэння нескажоных і не падагнаных пад пэўныя схемы і канцэпцыі навукова-гістарычных фактаў, падзеі і працэсы разглядаюцца не паасобку, а цэласна ва ўзаемасувязі з іншымі, ва ўзаемаўплыве складаючых элементаў, з выяўленнем аб'ектыўных заканамернасцей і вызначэннем канкрэтных напрамкаў дзейнасці, а праблема – комплексна і ўсебакова ў шматграннасці і супярэчлівасці.

Выкарыстанне з'яўшчыхся магчымасцей сістэмнага падыходу заключаецца ў тым, што аналіз сацыяльна-эканамічных з'яў у працэсе іх развіцця ў цэлым і бюджэтнай палітыкі расійскага царызму, ў прыватнасці, праводзіцца з улікам уздзеяння на ніх у пэўнай ступені разнастайных умоў і ўплыву спектра шматлікіх фактараў (шматфактарнасць) у кантэксце развіцця галін эканомікі (сельская гаспадарка, прамысловасць, гандаль, фінансава-крэдытная сістэма, шляхі зносін і сродкі сувязі) разам з эвалюцыяй сацыяльных інстытутаў, сфер, структур (трансфармацыя саслоўнай структуры грамадства, змены ў колькасці, складзе і тэрытарыяльным размяшчэнні народанасельніцтва, працэсы гарызантальнай і вертыкальнай сацыяльнай мабільнасці,

паказчыкі ўзроўню і якасці жыцця насельніцтва і інш.), сацыякультурнымі зменамі ў менталітэце і інш. Метадалагічнымі прынцыпамі выступае ўлік у рэканструіруемых сацыяльна-эканамічных працэсах супярэчлівых сувязей аб'ектыўнага (узровень сацыяльна-эканамічнага развіцця, патрабаванні і інтарэсы асобы, пэўных сацыяльных груп, дзяржавы і грамадства, мінулыя традыцыі) і суб'ектыўнага (стратэгічныя напрамкі дзяржаўнай палітыкі, пазіцыі ўладных структур, настроі і інтарэсы адміністрацыйнай эліты) пачаткаў. Праведзены структурна-функцыянальны (сістэмны) разгляд бюджэтнай палітыкі як сукупнасці арганізацыйных структур, узаемадзеючых паміж сабою інструментаў, якія прадстаўляюць цэласную складаную дынамічную сістэму. Сістэмны падыход праяўляецца і ў тым, што фінансавыя рэсурсы разглядаюцца ў працэсе іх фарміравання, размеркавання, перамеркавання, выкарыстання і кантролю за іх зборам і выдаткоўваннем. Былі вылучаны структура і функцыі фінансава-падатковай сістэмы. У працы дадзена канцэптуальнае абгрунтаванне мадэлям фінансавага забеспячэння розных сфер жыццядзейнасці грамадства.

Зыходны прынцып сістэмнасці мае на ўвазе тое, што рэканструкцыя цэласнага складанага аб'екту (сістэмы) павінна праводзіцца з улікам яе як сукупнасці выяўленых і ацэненых розных па тыпах і інтэнсіўнасці кантактаў і зносін узаемазвязаных шматузроўневых, рознамаштабных кампанентаў (элементаў і падсістэм). Сістэма мае ўваход (рэсурсы) і выхад (мэта), сувязь з знешнім асяроддзем (фізічнымі, біялагічнымі, сацыяльнымі, духоўнымі аб'ектамі, якія непасрэдна ці праз кампаненты сістэмы ўздзейнічаюць на яе фарміраванне, функцыянаванне і развіццё, узаемадзеянне з іншымі сістэмамі), зваротную сувязь. Любой сацыяльнай сістэме ўласцівы такія характэрныя рысы, як цэласнасць і збалансаванасць (кожны кампанент сістэмы ўносіць пэўны ўклад у дасягненне агульнасістэмнай мэты), эмерджэнтнасць (новая якасць, якая адсутнічае ў асобных элементах сістэмы як вынік іх узаемадзеяння), структурнасць (адносна устойлівая і ўпарадкаваная ўзаемасувязь і ўзаемадзеянне паміж элементамі, як прынцып яе арганізацыі), іерархічнасць, устойлівасць, адаптыўнасць (пасіўная ізаляцыя ці прыстасаванне да абставін, актыўнае зніжэнне неспрыяльных знешніх уплываў), функцыянальнасць, самаарганізацыя (змены за кошт унутраных крыніц), упарадкаванне (паслядоўная перадача інфармацыі і ажыццяўленне дзейнасці згодна з правіламі ўнутрысістэмных функцый кампанентаў), дзялімасць, адкрытасць (ступень адкрытасці да знешніх кантактаў праяўляецца праз

патокі інфармацыі, людзей, праз перамяшчэнне фінансавых рэсурсаў), зменлівасць. Усе элементы структуры сістэмы маюць пэўны склад, паслядоўнасць арганізацыі і дзейнасці, шматгранныя тыпы сувязей аб'ектаў, унутраныя механізмы функцыянавання. Вывучэнне сацыяльнай сістэмы зводзіцца да характарыстыкі яе мэты (самазахавання, адаптацыі да знешняга асяроддзя, развіцця, дасягнення адзінага сістэмнага выніку), прызначэння (рэалізуемыя сродкі дасягнення дзейнасці сацыяльнай сістэмы і яе кампанентаў), сутнасці (вызначэнне інтэгратыўных якасцей), складу (колькасць і якасная характарыстыка частак), структуры (унутранай арганізацыі, формы ўзаемасувязей кампанентаў і прысутных ім уласцівасцей, іерархіі кампанентаў і сувязей; ад узроўню ўстойлівасці структуры залежыць ступень развіцця і стабільнасць функцыянавання сістэмы), функцый (ступені і спосабы жыццядзейнасці частак і сістэмы ў цэлым), характару ўнутрысістэмных сувязей і адносін, парадку спалучэння структур і функцый (у форме кардынацыі (гарызантальнай узгодненасці дзеянняў) і субардынацыі (вертыкальнай супадпарадкаванасці) на базе адносін улада-загад-падпарадкаванне паміж элементамі адміністрацыйнай іерархіі), выяўлення інтэгратыўных фактараў, механізмаў і інструментаў забеспячэння цэласнасці, узаемадзеяння, удасканалення і развіцця, камунікацый з знешнім асяроддзем і сувязей з больш высока іерархічна арганізаванай сістэмай, крыніцамі яе ўзнікнення, станаўлення, тэндэнцыямі і перспектывамі функцыянавання і развіцця, пераўтварэння ў якасна новую сістэму [1, с. 77–78, 82–83; 9, с. 455–456].

Этап дэкампазіцыі (вычлення) сістэмы ўключае працэдуры вылучэння ў ёй кампанентаў (элементаў і падсістэм). Адзнака выдзялення сістэмы – наяўнасць мінімальнай колькасці ўзаемадзеянняў паміж падсістэмамі, якія не выконваюць агульнасістэмнай функцыі, а іх функцыі ўвасоблены ў сістэме. Граніца аддзялення падсістэмы – мінімальная колькасць узаемадзеянняў паміж элементамі і сканцэнтраванне функцый у падсістэме [1, с. 81]. Сінтэз сістэмных элементаў адбываецца ў непаўторных і індывідуальных сітуацыях, падзеях і працэсах. Метад сістэмнага аналізу дазваляе паказаць працэс дзейнасці якасна цэласных, іерархічна арганізаваных, узаемазвязаных сацыяльных сістэм як механізм узаемаўплыву рознапарадкавых фактараў на элементы, мадэліраваць і аналізаваць прычынна-выніковыя і функцыянальныя сувязі паміж кампанентамі шматузроўневай структуры сістэмы, характар узаемасувязей з іншымі сістэмамі больш высокага ўзроўню. Складовай часткай сістэмнага падыходу як метаду даследавання функцыянальнай прыроды і

дынамікі складаных сацыяльных сістэм з'яўляецца структурны (вылучэнне яе спецыфічных уласцівасцей, асаблівасцей, характарыстык) і функцыянальны (паказ месца і функцый у іерархіі сістэм, вызначэнне ролі падсістэм у сістэме) аналіз.

У прыватнасці, у адносінах да вывучэння фінансава-падатковай сістэмы даследчык павінен вызначыць у комплексе складанасць і спецыфіку аб'ектаў яе арганізацыйнай структуры, выявіць асаблівасці пабудовы і характар узаемасувязей паміж інстытутамі, якія вызначаюць ступень цэласнасці сістэмы, устанавіць і правесці аналіз прычынна-выніковых сувязей паміж яе кампанентамі, паказаць функцыі асобных аб'ектаў сістэмы і ўстанавіць ступень выканання належных ім функцый, прааналізаваць характар дамінавання сувязей у сістэме (каардынацыйныя або субардынацыйныя), правесці структурна-функцыянальны аналіз яе дзейнасці, раскрыць механізм яе функцыянавання як вынік узаемадзеяння мясцовых уладных структур, ахарактарызаваць узаемаадносіны сістэмы з вонкавым асяроддзем, суадносіны з сістэмамі больш высокага ўзроўню, правесці рэтраспектыўную ацэнку правільнасці суадносін выбару мэтай дзейнасці, сродкаў іх рэалізацыі і вынікаў (аднамомантавых і адтэрмінаваных), і ў цэлым высветліць тэмпы (інтэнсіўнасць), напрамак, характар і тып функцыянавання і развіцця сістэмы (прааналізаваць прызначэнне і роль, высветліць ступень відазмянення асобных складаючых элементаў сістэмы, яе структур, падсістэм і функцый у статыке і дынаміке пры захаванні агульнасістэмнай функцыі, ці яе кардынальнай змены) ў сувязі з унутранай палітыкай самаўладдзя на беларускіх землях. Метадалагічная рэфлексія і комплекснае выкарыстанне метадаў дазволілі вылучыць у дыялектычнай узаемасувязі агульныя і спецыфічныя сацыякультурныя фактары і іншыя аспекты функцыянавання і развіцця сістэмы, даказаць адзінства яе структуры і функцый як цэласнага аб'екта.

Ідэя міждысцыплінарнасці заснавана на неабходнасці і магчымасці імпарту канцэптуальных ідэй і дысцыплінарных падыходаў, тлумачальных мадэлей, тэрміналогіі і метадалагічнага інструментарыя іншых галін навуковых ведаў для вырашэння праблем даследавання. Мультидысцыплінарны падыход (тэхналогія) заключаецца ў прынцыпе ўзаемадапаўняльнасці і прадукцыйнага сінтэзу ўласна спецыяльна-гістарычных метадаў прыёмамі і метадыкамі аналізу, запазычаных з іншых навуковых дысцыплін (эканамічная тэорыя, тэорыя і гісторыя

падаткаў і падаткаабкладання, філасофія гаспадаркі, эканамічная сацыялогія, эканамічная паліталогія, рэгіяналістыка і інш.).

Прынцып інтэгральнага ўзаемадапаўнення дзейнічае праз комплекснае поліпарадыгмальнае злучэнне ідэй асноўных гістарыясофскіх, гісторыка-сацыялагічных, макра(мета)гістарычных рэалізацыйскіх канцэптואльных парадыгм і падыходаў.

Комплекснае выкарыстанне, у спалучэнні адзін з іншым прынцыпаў і метадаў гістарычнага даследавання, з улікам іх эўрыстычнага патэнцыялу, гнасеалагічных магчымасцей і абмежаванняў, вобласці рэалізацыі, дазваляюць павысіць якасць гістарычных навуковых прац.

Бібліяграфічны спіс

1. Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: учебное пособие. Томск: Томский государственный университет, 2006.
2. Крыштаповіч Я. А. Традыцыйны і навуковы гістарызм (антрапалагічныя і метадалагічныя праблемы) // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1993. № 2. С. 5–11.
3. Методологические проблемы истории: учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов исторических и философских специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Минск: «ТетраСистемс», 2006.
4. Методология истории: учебное пособие для студентов вузов / под ред. А. Н. Алпеева и др. Минск: «ТетраСистемс», 1996.
5. Рамазанов С. П. Принципы исторического познания в XIX–XX вв.: тенденция к оптимизации // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2009. № 2 (6). С. 47–49.
6. Рамазанов С. П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006.
7. Рамазанов С. П. Формирование системы методологических принципов исторического познания // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: А. Н. Нечухрин (гл. ред.) [и др.]; под науч. ред. А. Н. Нечухрина. Гродно : ГрГУ, 2012. С. 63–66.
8. Сидорцов В. Н. Методология истории: курс лекций для студентов, магистрантов, аспирантов исторических специальностей. Минск: БГУ, 2010.
9. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.
10. Яскевич Я. С., Лукашевич В. К. Философия и методология науки: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. Минск: БГЭУ, 2009.

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1920– 1930 гг.)

О. И. Ершова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ershova_olga@tut.by*

В статье раскрывается процесс становления педагогической науки в Беларуси в 1920–1930 гг. На широком фактическом материале доказывается, что в 1920-е гг. БГУ являлся центром становления педагогической науки и подготовки педагогических кадров в БССР. Описываются достижения советских педагогов и педологов, работавших на педагогическом факультете университета.

Ключевые слова: педагогика; педология; педолого-педагогические исследования; педагогический факультет БГУ; психолого-педагогические дисциплины.

FORMATION OF PEDAGOGICAL SCIENCE AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY (1920–1930)

O. I. Ershova

*Belarusian State University, Independence avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, ershova_olga@tut.by*

The article reveals the process of formation of pedagogical science in Belarus in 1920–1930. Based on broad factual material, it is proved that in the 1920s BSU was the center of the formation of pedagogical science and training of pedagogical personnel in the BSSR. The achievements of Soviet teachers and pedologists who worked at the pedagogical faculty of the university are described.

Key words: pedagogy; pedology; pedagogical and pedagogical research; pedagogical faculty of BSU; psychological and pedagogical disciplines.

В 1920–1930-е гг. в Беларуси на волне постреволюционных преобразований шел активный процесс создания советской педагогической науки. Первым высшим учебным заведением (далее – вуз) в БССР, в рамках которого начала развиваться педагогическая наука, стал Белорусский государственный университет, в составе которого в 1922–1931 гг. работал педагогический факультет (далее – педфак). В 1920-е гг. еще не существовало единых учебных планов для педфаков университетов и педагогических институтов (далее – пединститут). Преподаваемый цикл педагогических дисциплин представлял собой конгломерат разнообразных курсов. Так, в БГУ в 1922–1925 гг. читались такие педагогические дисциплины, как «Теоретические основы педагогики», «История народного образования в России», «Система народного образования в

СССР», «Экспериментальная педагогика», «Педология», «Теория трудовой школы», «Основы школьной гигиены» [9, л. 55–56; 10, л. 10–11; 12, л. 27, 65].

Преподавали педагогические дисциплины в БГУ приглашенные из РСФСР научно-педагогические работники, одним из которых был И. М. Соловьев. Первый ректор БГУ В. И. Пичета знал Ивана Михайловича еще со времен совместной учебы на историко-филологическом факультете Московского университета. После окончания университета они преподавали в екатеринославских учебных заведениях, не прерывали дружбы и с переездом в Москву. Пичета хорошо знал и разделял педагогические взгляды Соловьева. Иван Михайлович проявил себя как талантливый педагог-практик и исследователь истории педагогических идей с широким диапазоном научных интересов еще в дореволюционный период. После революции 1917 г. он работал в педагогических учебных заведениях и в Центральном педологическом институте в Москве. [1] Рекомендацию в БГУ ему дал известный советский педагог П. П. Блонский. В ней он указал, что статьи Соловьева на психолого-педагогические темы, выступления на всероссийских съездах по экспериментальной психологии и педагогике свидетельствуют о его серьезном знании психолого-педагогических дисциплин, а преподавательская деятельность на Высших женских педагогических курсах – о таланте преподавателя [19, л. 7]. В августе 1921 г. И. М. Соловьева утвердили в должности профессора по кафедре теории и истории педагогики БГУ. Он читал лекции в курсах «Психология», «Педагогическая психология с основами педагогики», «История педагогики», «Истории образования в России», «Педагогическая психология с основами дидактики» [7, л. 83; 8, л. 24, 40; 15, л. 2]. Учебные программы по данным дисциплинам были авторскими [16, л. 1]. Соловьев участвовал в составлении учебных планов университета, работал в педагогическо-методической предметной комиссии БГУ, содействовал пополнению университетской библиотеки литературой по психологии и педагогике из фондов российских университетов и научных институтов, курировал организацию кабинета по экспериментальной психологии и педагогике [15, л. 29; 16, л. 1 об. –2, 14, 18, 29; 17, л. 125].

Содержание научно-педагогических исследований в БГУ отражало направления в развитии педагогических знаний в 1920-е гг., когда интенсивно развивались педагогика и педология. Правление Научного общества университета особое внимание обращало на популяризацию

педагогической научной мысли и вопросов, связанных с новациями в методике преподавания. Так, совместно с работниками образования республики проводились обсуждения «дальтоновских методов» в проведении занятий с учениками и студентами. И. М. Соловьев представил на заседания общества доклады по истории педагогики («Достоевский как педолог», «Белинский как воспитатель поколений», «Художественные принципы в творчестве Достоевского») и по экспериментальной педагогике («К психологии современного школьника», «О роли учителя в школе в связи с Дальтон-планом», «Учет успешности в школе»). Статьи Соловьева в педагогической печати в 1922–1924 гг. посвящались строительству советской общеобразовательной школы: комплексному методу обучения, функциям учителя в единой трудовой школе, методам учета школьной работы, школоведению [1].

В 1924 г. И. М. Соловьев отказался от предложения Правления БГУ перейти в штат на постоянной основе – по причине отсутствия в Минске материалов для регулярной исследовательской работы [19, л. 11, 13, 15–16]. Во второй половине 1920-х гг. в организации учебно-методической и научно-исследовательской работы в БГУ большую роль сыграли приглашенные из РСФСР ученые С. М. Василейский, А. А. Гайворовский, П. Я. Панкевич, С. М. Ривес. Они обеспечивали преподавание психолого-педагогических дисциплин на педфаке. С. М. Василейский – ученый-психолог, внесший значительный вклад в советское психотехническое движение, – с 1924/25 уч. г. в должности профессора читал в БГУ лекции по психологии, вел лабораторно-практические занятия по педологии, факультативный курс по психотехнике [3, с. 17–20]. Под его редакцией в 1926 г. вышел сборник «Основные вопросы педологии в избранных статьях», который представлял собой законченный вводный курс в эту науку. Василейский проводил экспериментально-психологическое исследование мышления у детей, результаты которого опубликовал в 1928 г. в «Трудах БГУ» и озвучил в докладе на I Всесоюзном педологическом съезде в Москве [3, с. 145–169].

В 1925–1927 гг. С. М. Василейский возглавлял работавшую на базе БГУ Центральную психотехническую лабораторию (далее – ЦПЛ) БССР. Основными задачами лаборатории являлись: проведение психотехнических исследований, профотбор и профконсультации, разработка и подбор тестов для исследований представителей разных профессиональных групп, составление профессиограмм [3, с. 20–21]. В 1925–1928 гг. ЦПЛ проводила и педологические исследования. Ее

сотрудники принимали активное участие в работе Всебелорусской ассоциации научной организации труда и медико-педологической ассоциации при Наркомпросе БССР. Кроме этого, лаборатория являлась своего рода центром по снабжению педологических и психотехнических кабинетов белорусских педагогических техникумов необходимыми им приборами и тестами. [3, с. 125].

После отъезда С. М. Василейского в 1929 г. из Беларуси ЦПЛ возглавил его ученик А. А. Гайворовский, который в 1925–1929 гг. работал в должности ассистента, а затем – доцента кафедры педологии в БГУ, вел занятия по педологии и психологии [33]. Гайворовский проявил себя как педолог, психотехник и психолог и внес немалый вклад в развитие психологической и педагогической науки в Беларуси. Большинство его книг и статей, напечатанных в журнале «Асвета» и «Трудах БГУ», посвящены вопросам профориентации и профотбора [3, с. 125; 33]. В рамках педологии и психотехники он изучал круг общежизненного и общекультурного опыта детей [3, с. 125–126]. Гайворовский прочитал доклад «Круг знаний слов белорусского ребенка» на заседании секции первого школьного возраста на I-м Всесоюзном педологическом съезде в Москве [33]. На I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека (Ленинград) он выступал дважды – в секции «Социальная психология и изучение поведения» с докладом «Музыка и коллектив» и в секции «Одаренность и профпригодность» с докладом «Основные проблемы методологии и теории теста» [33]. В 1930 г. Гайворовский, избранный профессором Кубанского пединститута по кафедре психологии и психотехники, уехал из Беларуси [33].

В 1925 г. из Москвы для работы в вузах БССР по партийной мобилизации кадров для работы в национальных республиках направили группу научно-педагогических работников, получивших образование в советских вузах. Среди них были выпускники Московских высших педагогических курсов при II-м МГУ П. Я. Панкевич и С. М. Ривес, приступившие к работе на педфаке БГУ [18, л. 11].

С. М. Ривес на базе опытной школы при Белорусском еврейском педагогическом техникуме проводил исследования по вопросам использования в школе новых методов и форм обучения. В 1927 г. по итогам работы была издана книга «Метод целевых заданий и Дальтон-план в школе I ступени» [31]. Большой популярностью среди учителей пользовалась его книга, посвященная выработке у детей внутренней, сознательной дисциплины [32]. Ривес оставил заметный след в изучении

идеологического воздействия на детское мировоззрение. Он организовал исследование представлений детей об Октябрьской революции, в ходе которого опросили 1000 учащихся в возрасте от 12 до 15 лет в 30 школах-семилетках Беларуси [30].

Огромный вклад в развитие педагогической науки в республике в 1920–1930-е гг. внес П. Я. Панкевич, первый в Беларуси доктор педагогических наук (1929), первый директор НИИ педагогики и педологии БССР (1929–1934), академик Белорусской академии наук (1931–1937) [2]. В октябре 1925 г. его приняли на должность доцента по кафедре педагогики педфака БГУ, где Павел Яковлевич читал учебные курсы «Педагогика» и «Учение о трудовой школе» [11, л. 43; 18, л. 3–5]. В 1927 г. он организовал проведение прикладных психолого-педагогических исследований в среде белорусского студенчества. В ходе анкетирования 1680 студентов БГУ, Коммунистического университета им. В. И. Ленина и Белорусской сельскохозяйственной академии были получены данные о культурном уровне, образе жизни, нравственности и бытовых условиях проживания советских студентов. Результаты исследования использовались для совершенствования воспитательной работы в советских вузах [28].

П. Я. Панкевич, опираясь на междисциплинарный подход, разрабатывал ряд проблем, находившихся на стыке философии, истории, педагогики с методикой преподавания. В сентябре 1927 г. в БГУ состоялась первая Всебелорусская конференция обществоведов, на которой он выступил с докладом по проблеме изучения обществоведения в советской трудовой школе [20]. Докладчик высказал свою точку зрения на содержание и принципы построения учебных программ по обществоведению, основные требования к школьному учебнику [27].

Создаваемая в СССР социалистическая система народного образования требовала научно-теоретического обоснования целей, принципов и содержания обучения и воспитания. Советские педагоги начали переосмысление педагогических теорий с точки зрения идей К. Маркса и его последователей. П. Я. Панкевич посвятил ряд своих работ педагогическим идеям А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова, деятелей европейского рабочего движения XIX в. В 1926 г. вышла из печати его книга о педагогических идеях Г. В. Плеханова [22]. Панкевич вошел в состав научного коллектива первой советской «Педагогической энциклопедии», для которой написал раздел «Основные идеи пролетариата в области воспитания и их исторические корни» [29].

П. Я. Панкевич являлся автором первого в Беларуси учебного пособия по истории педагогики, предназначенного для студентов педагогических факультетов и школьных работников [21]. В пособии на основе марксистского понимания истории педагогики описывались педагогические теории различных исторических эпох. Материал в учебном пособии был адаптирован в соответствии с принципами доступности, связи изучаемого с жизнью. Пособие отличалось краткостью, образной манерой изложения. Каждый раздел завершался списком дополнительной литературы. Для организации усвоения материала автор разместил вопросы для повторения, а также вопросы-задания, направленные на развитие мышления обучающихся.

Сферой научных интересов П. Я. Панкевича была актуальная в тот период проблема политехнического образования, которой он посвятил монографию, а также ряд статей в педагогических журналах [23–24; 26]. Павел Яковлевич сохранял связь с учеными РСФСР, о чем свидетельствует его регулярное участие в общесоюзных мероприятиях по проблемам педологии, педагогики и психологии. Так, в ноябре 1927 г. он участвовал в работе Съезда научно-исследовательских ассоциаций при Коммунистической академии в Москве, в январе 1930 г. – Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека, в марте 1929 г. выступал с докладом в Московском институте методов школьной работы [13, л. 35; 14, л. 30; 25–26].

После присвоения степени доктора педагогических наук в 1929 г. П. Я. Панкевича перевели на должность профессора по кафедре педагогики и назначили заведующим педолого-педагогического отделения, созданного на педфаке [14, л. 5]. В 1930/31 уч. году он возглавил кафедру педагогики [6, л. 407]. В январе 1931 г. Павла Яковлевича наряду с другими избрали в первый состав действительных членов Белорусской академии наук по специальности «педагогика» [4, с. 24]. Одновременно он возглавлял Главное управление науки в Наркомпросе БССР [5, л. 412–413].

Таким образом, в 1920-е гг. БГУ стал центром становления педагогической науки и подготовки педагогических кадров в БССР. До 1931 г. выпуск специалистов с высшим педагогическим образованием осуществлялся лишь на педфаке БГУ, здесь же преподавали и проводили научные исследования известные ученые-педагоги республики. В 1931 г. на базе педфака БГУ организовали Минский высший пединститут, на работу в который перешли преподаватели кафедры педагогики. Развитие педагогических исследований в БССР, начатое в БГУ в 1920-х гг.,

продолжалось в 1930-х гг. на кафедрах педагогики в пединститутах республики и педагогическом НИИ в г. Минске.

Библиографические ссылки

1. Ершова О. И. Иван Михайлович Соловьев // Интеллектуальная элита Беларуси: основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король и др. Мн.: БГУ, 2019. С. 206–217.
2. Ершова О. И. Павел Яковлевич Панкевич // Интеллектуальная элита Беларуси: основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король и др. Мн.: БГУ, 2019. С. 310–322.
3. Кандыбович Л. А., Стоюхина Н. Ю. Психотехники Беларуси: имена и судьбы (20–30-е гг. XX ст.). Мн.: Тесей, 2009. 326 с.
4. Национальная академия наук Беларуси (1928–2008): документы и материалы. Мн.: Белорусская наука, 2008. 767 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 2. Д. 4356.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 267.
7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 767.
8. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 778.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 785.
10. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 819.
11. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 866.
12. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 879.
13. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 892.
14. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 920.
15. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1113.
16. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1118.
17. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1119.
18. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6104.
19. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7740.
20. Панкевич П. Гісторыя і сучаснасць у курсе грамадазнаўства // Асьвета. 1927. № 8. С. 32–40.
21. Панкевич П. Я. Гісторыя педагогікі. Вып. 1. Мн.: БДВ, 1929. 335 с.
22. Панкевич П. Мысли Плеханова о воспитании и образовании. М.: Работник просвещения, 1926. 76 с.
23. Панкевич П. Я. Палітэхнічная школа, як рэзультат пралетарскай рэвалюцыі // Асьвета. 1927. № 7. С. 33–40.
24. Панкевич П. Политехническая школа в связи с развитием современной крупной индустрии. Мн., 1928. 189 с.
25. Панкевич П. Псыхонэўролёгічныя навукі ў СССР і марксызм // Камуністычнае выхаванне. 1930. № 3. С. 36–48.
26. Панкевич П. Спрэчныя пытанні палітэхнічнага выхавання // Камуністычнае выхаванне. 1930. № 1. С. 33–49.
27. Панкевич П. Тып падручніка па грамадазнаўству для працоўнае школы на бліжэйшую будучыню // Асьвета. 1928. № 8. С. 27–32.
28. Панкевич П. Які ж наш беларускі студэнт // Асьвета. 1928. № 4. С. 21–37.
29. Педагогическая энциклопедия / под ред. А. Г. Калашникова. Т. 1. М.: Работник просвещения, 1927. 1158 с.

30. Рывес С. Беларускія дзеці аб Кастрычніцкай рэвалюцыі і яе заваёвах // Асвета. 1927. № 7. С. 57–82.
31. Рывес С. М. Метод целевых заданий и Далтон-план в школе I ступени. М.: Работник просвещения, 1927. 118 с.
32. Рывес С. М. О мерах педагогического воздействия. Беседы с учителем. М.: Работник просвещения, 1929. 112 с.
33. Стоюхина Н. Ю. Гайворовский Александр Александрович: данные биографии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 3. С. 15–73 [Электронный ресурс]. URL: <http://hist-psy.ru/person/gaivarovskyaa.php>.

РАСИЙСКАЯ СУЧАСНАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў СКЛАДЗЕ ПОЛЬШЧЫ (1918–1939 гг.)

А. М. Загідулін

*Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы», вул.
Ажэшкі, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь, azagidulin@grsu.by*

У артыкуле разглядаюцца асноўныя накірункі вывучэння гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1918–1939 гады) сучаснымі расійскімі гісторыкамі. Вызначаны асноўная тэматыка і метадалагічныя падыходы расійскай гістарыяграфіі. Беларускае пытанне разглядалася пераважна ў кантэксце савецка-польскіх адносін. Вывучалася таксама рэлігійна-культурнае развіццё Заходняй Беларусі.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; сучасная расійская гістарыяграфія; савецка-польскія адносіны.

РОССИЙСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В СОСТАВЕ ПОЛЬШИ (1918– 1939 гг.)

А. Н. Загидулин

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки
Купалы», ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, azagidulin@grsu.by*

В статье рассматриваются основные направления изучения истории Западной Беларуси в составе Польши (1918–1939 годы) современными российскими историками. Определены основная тематика и методологические подходы российской историографии. Белорусский вопрос рассматривался преимущественно в контексте советско-польских отношений. Изучалось также религиозно-культурное развитие Западной Беларуси.

Ключевые слова: Западная Беларусь; современная российская историография; советско-польские отношения.

RUSSIAN MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF WESTERN BELARUS IN POLAND (1918–1939)

A. M. Zahidulin

*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Orzheshko str., 230023, Grodno, Belarus,
azagidulin@grsu.by*

The article examines the main directions of studying the history of Western Belarus as part of Poland (1918–1939) by modern Russian historians. The main themes and methodological approaches of Russian historians have been determined: Belarusian question was considered mainly as one of the factors of Soviet-Polish relations. The religious and cultural development of Western Belarus was also studied.

Key words: Western Belarus; modern Russian historiography; Soviet-Polish relations.

Гісторыя заходнебеларускіх зямель у складзе Польшчы ў міжваенны перыяд даследавалася расійскімі вучонымі досыць рэдка. У савецкі

перыяд становішча беларусаў у складзе Польшчы ў 1921–1939 гг. разглядалася з мэтай абгрунтаваць правы Савецкага Саюза на Заходнюю Беларусь (як і на Заходнюю Украіну). Аб’ектам вывучэння станавіліся, у першую чаргу, цяжкае становішча працоўных Заходняй Беларусі, а таксама нацыянальна-вызваленчы і рэвалюцыйны рух. У постсавецкі перыяд у расійскай гістарыяграфіі пачынае панаваць «прагматычны» падыход, які не прадугледжвае больш абарону інтарэсаў брацкай савецкай рэспублікі, а разглядае гістарычныя праблемы беларусаў, зыходзячы з нацыянальных і дзяржаўных інтарэсаў Расіі і Савецкага Саюза. Таму праблема беларусаў у Польшчы ў 1918–1939 гадах разглядаецца ў кантэксце савецка-польскіх адносін, савецка-польскай вайны 1919–1920 гг., заключэння Рыжскага мірнага дагавора і г. д. [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Інстытуцыянальнымі цэнтрамі расійскай беларусістыкі заўсёды з’яўляліся і застаюцца па сённяшні дзень Інстытут славяназнаўства РАН, таксама Цэнтр гісторыі Расіі, Украіны і Беларусі Інстытута ўсеагульнай гісторыі РАН, кафедра гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта МДУ імя М. В. Ламаносава.

У Расійскай Федэрацыі існуюць гістарыяграфічныя работы, нават абароненыя дысертацыі, прысвечаныя вывучэнню польска-расійскіх навуковых сувязяў [7]. Ускосна тэматыку беларусаў у Польшчы ў 1920-я–30-я гады закранае даследчая работа створанай у 1965 г. Камісіі гісторыкаў Расіі і Польшчы. Камісія дзейнічае па сённяшні дзень і рэгулярна праводзіць вельмі прадстаўнічыя канферэнцыі.

У цяперашні час у Расійскай Федэрацыі найбуйнейшым спецыялістам па беларускай праблематыцы XIX–першай паловы XX стагоддзяў з’яўляецца былы супрацоўнік Інстытута славяназнаўства РАН, дацэнт гістарычнага факультэта МДУ імя М. В. Ламаносава, выхадзец з Беларусі Ю. А. Барысёнак. У 2013 г. убачыла свет яго манаграфія «На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века», у якой, фактычна, упершыню ў сучаснай расійскай гістарыяграфіі асвятляюцца такія пытанні як фарміраванне нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў на фоне расійска-польскага супрацьстаяння, утварэння беларускай дзяржаўнасці, роля ў гэтым працэсе наркама па справах нацыянальнасцей І. В. Сталіна. На думку аўтара, «пры вырашэнні беларускіх праблем, у тым ліку і тэрытарыяльных пытанняў, пад увагу браліся ў першую чаргу не этнаграфічныя і нават не сацыяльна-эканамічныя аргументы, а прынцып палітычнай мэтазгоднасці, шчыльна пераплеценыя з так званай польскай інтрыгай» [8, с. 20]. Ю. А.

Барысёнак адзначае, што ў кіраўніцтве Савецкай Расіі існавала некалькі пазіцый па вырашэнні нацыянальнага пытання буфернай рэспублікі. І менавіта І. Сталіну, на думку Ю. А. Барысёнка, належыць ідэя надаць створанай у ліпені 1920 г. ССРБ беларускае моўнае і культурнае аблічча. Дадзеная ідэя прагучала ў выступленні І. Сталіна на X з'ездзе РКП(б) [8, с. 96]. Ю. А. Барысёнак лічыць навукова несапраўднымі найбольш распаўсюджаныя гістарыяграфічныя канцэпцыі прычын беларусізацыі: 1) увасабленне нацыянальнай палітыкі камуністычнай партыі; 2) нацыянальная інтэлігенцыя як ініцыятар і аўтар палітыкі беларусізацыі. Даследчык даказвае, што беларусізацыя з'яўлялася геапалітычным эксперыментам часткі савецкага кіраўніцтва, які датычыў стварэння Беларускай савецкай рэспублікі, а далей і правядзення беларусізацыі. Прычынай дадзенага эксперымента Ю. А. Барысёнак лічыць імкненне перахапіць ініцыятыву ў Польшчы [8, с. 99]. Федэрацыйныя ідэі Ю. Пілсудскага, распрацаваныя, як сцвярджае Ю. А. Барысёнак, яго саратнікам Л. Васілеўскім, засталіся на паперы. Разлічаная на фарміраванне ва ўкраінцаў і беларусаў прыхільнасці да Польшчы, федэрацыйная праграма засталася незапатрабаваная праз вайсковыя поспехі палякаў у 1920 г.

Ю. А. Барысёнак называе стварэнне і развіццё Беларускай дзяржаўнасці, беларусізацыю пабочным вынікам асноўнага тактычнага хода Сталіна – нейтралізацыі і падаўлення польскага ўплыву ў рэгіёне [8, с. 104].

У сваёй рэцэнзіі на польскую публікацыю дакументаў «Вузел польска-беларускі 1918–1921» Ю. А. Барысёнак палемізуе з В. Матэрскім – аўтарам-укладальнікам дадзенага зборніка. Расійскі вучоны не пагаджаецца з тэзісам В. Матэрскага аб слабасці беларускага нацыянальнага руху ў разглядаемы перыяд. Ю. А. Барысёнак адзначае, што вузкі слой нацыянальнай Беларускай інтэлігенцыі ў першым пакаленні абапіраўся на шырокую сацыяльную базу нацыянальнага руху. Таксама маскоўскі гісторык крытыкуе зручнае для савецкай гістарыяграфіі штучнае звязанне беларускага нацыянальнага руху толькі да несавецкай яго часткі. Нацыянальны рух, на думку Ю. А. Барысёнка, лагічна разглядаць комплексна, аб'ядноўваючы яго савецкі і несавецкі варыянты, якія на самай справе мелі шмат агульнага. Менавіта так дадзеная праблема выкладаецца ў важным дакуменце, што ўпершыню публікуецца ў зборніку, – у фрагментах данясення агента польскай разведкі Раймунда

Ніхольма ад 19 лістапада 1920 г. пра яго размовы ў кулуарах мірнай канферэнцыі ў Рызе (s. 662–667) [9].

Ю. А. Барысёнак з'яўляецца пастаянным аўтарам «беларускай старонкі» ў расійскай гістарычнай перыёдыцы, надае шмат увагі канкрэтным праблемам гісторыі Заходняй Беларусі. Неабходна адзначыць яго папулярны артыкул «Жалезны чалавек Прытыцкі» у часопісе «Родина», у якім аўтар захапляецца ўчынкам дзеяча заходнебеларускага камуністычнага руху [10].

Беларуская праблематыка ў кантэксце савецка-польскіх адносін стала прадметам даследавання супрацоўніцы Інстытута славяназнаўства Д. А. Каратковай. У 2015 г. яна абараніла кандыдацкую дысертацыю «Беларусь у савецка-польскіх адносінах у 1918–1921 гг.» [11]. Д. А. Караткова прызнае для беларусаў важнасць і, нават, пэўную карысць Рыжскага мірнага трактата, які «значыў для Беларусі, з аднаго боку, падзел этнічных беларускіх тэрыторый, а з другога, міжнароднае прызнанне БССР у якасці адзінага ачага нацыянальнай беларускай дзяржаўнасці» [11, с. 19]. У палажэннях, вынесеных на абарону, Д. А. Караткова лёгка і адназначна фармулюе досыць традыцыйныя для расійскай гістарыяграфіі пастулаты адносна ролі і магчымасцей беларусаў у станаўленні сваёй дзяржаўнасці: «Палітыка Германіі на акупаваных беларускіх тэрыторыях была вытворнай ад яе адносін з польскімі і літоўскімі палітычнымі сіламі і не кіравалася мэтай стварыць суверэнную Беларускаю дзяржаву. Таму абвешчаная ў сакавіку 1918 г. Беларуска народная рэспубліка не атрымала нават тых абмежаваных паўнамоцтваў, якія былі прадстаўлены немцамі Польскаму каралеўству і літоўскай Тарыбе» [11, с. 30]. Таксама гісторык сцвярджае, што «першая савецкая Беларуска рэспубліка была абвешчана ў рамках т. зв. «палітыкі буферызму» Масквы, якая прадугледжвала стварэнне вакол РСФСР пояса фармальна самастойных савецкіх дзяржаў ускраінных народаў для ўскладнення ўмяшальніцтва дзяржаў Антанты ў грамадзянскую вайну і разглядалася бальшавіцкім кіраўніцтвам толькі як інструмент гэтай палітыкі. Аднаўленне ж БССР у 1920 г. было часткова адказам Крамля на польскі федэралізм, часткова кампанентам адроджанага па рашэнні пленума ЦК РКП (б) ад 16 ліпеня 1920 г. плана саветызацыі Польшчы» [11, с. 31]. Такім чынам, Д. А. Караткова адмаўляе самастойнасць ролі беларускіх нацыянальных сіл розных палітычных накірункаў ва ўтварэнні ўсіх форм беларускай дзяржаўнасці.

Д. А. Караткова таксама дастаткова адзначна характарызуе прычыны і мэты польскай палітыкі ў Заходняй Беларусі ў 1918–1921 гадах: «Польскія тэрытарыяльныя прэтэнзіі ў беларускім рэгіёне былі абумоўлены імкненнем Варшавы альбо забяспечыць уваходжанне ў склад Польскай дзяржавы літоўскіх тэрыторый з Вільняй як часткі І Рэчы Паспалітай, альбо устанавіць цесныя саюзніцкія сувязі з незалежнай Літвой. У сувязі з гэтым заходнебеларускія землі разглядаліся як частка былога Вялікага княства Літоўскага і ўключалася ў сферу польскіх жыццёвых інтарэсаў. Кароткачасовая цікавасць да праекта «беларускага Пьемонта» на гэтых тэрыторыях была часткай дыпламатычнай гульні у адносінах з Літвой, Савецкай Расіяй і Захадам» [11, с. 30]. Дысертацыя Д. А. Каратковай увасобілася ў 2019 г. у манаграфію [12]. Д. А. Караткова дае цікавае тлумачэнне няўдзелу беларусаў у вырашэнні свайго лёсу на перамовах у Рызе 1920–1921 гг. Прайграная савецка-польская вайна патрабавала тэрытарыяльных уступак за кошт беларускіх земляў. Беларусы ж, як камуністы, так і «нацыяналісты», маглі сваёй пазіцыяй абурэння сарваць дамоўленасці з Польшчай, якую кіраўніцтва Савецкай Расіі змусіла прызнаць УССР і БССР [12, с. 181].

Найноўшым па часе даследаваннем Д. А. Каратковай з’яўляецца аналіз поглядаў на вырашэнне беларускага пытання знакамітага польскага грамадска-палітычнага дзеяча, найважнейшага тэарэтыка польскай нацыянальнай палітыкі, папличніка Ю. Пілсудскага, эксперта па беларусах Леана Васілеўскага. Аўтарка разглядае шэраг публікацый палітыка, называе яго прыхільнікам ідэй федэралізму. Гісторык адзначае, што Л. Васілеўскі паслядоўна выступаў за прадастаўленне беларускай нацыянальнай меншасці шэрагу магчымасцей у рэалізацыі сваіх нацыянальна-культурных запатрабаванняў. Д. А. Караткова ў назве сваёй публікацыі выкарыстоўвае тэрмін «эвалюцыя» ў дачыненні да поглядаў Л. Васілеўскага на вырашэнне беларускага пытання. Тым не менш, робячы высновы, даследчыца адзначае, што пазіцыя Л. Васілеўскага засталася нязменнай на працягу ўсяго перыяду яго дзейнасці, проста ў 1930-я гады, у пачатку разгулу польскай рэакцыі папличнік Ю. Пілсудскага перастаў адстойваць у друку свае погляды, каб не пярэчыць дзяржаўнай палітыцы. Бо важнейшай каштоўнасцю для Л. Васілеўскага з’яўлялася нацыянальная бяспека польскай дзяржавы [13, с. 56].

Фактычна, адзіным даследаваннем, прысвечаным унутрыпалітычнай заходнебеларускай праблематыцы, стала кандыдацкая дысертацыя, выкананая ў Інстытуце славяназнаўства РАН і абароненая ў 2016 г.

беларускім даследчыкам А. Л. Дарковічам «Гарадское самакіраванне на заходнебеларускіх землях міжваеннай Польшчы (1919–1939 гг.)» [13]. Нягледзечы на досыць вузкую і канкрэтную тэму, дысертант разглядае ўзровень урбанізацыі Заходняй Беларусі, дынаміку колькасці гарадскога насельніцтва, «дзяржаўную асіміляцыю» як адну з праграм нацыянальнай палітыкі Польшчы. Толькі трэцяя глава прысвечана розным формам дзейнасці органаў гарадскога самакіравання, у тым ліку і фінансавай.

У палажэннях, што выносяцца на абарону, А. Л. Дарковіч прытрымліваецца традыцыйнай для савецкай і расійскай гістарыяграфіі канцэпцыі эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі «аграрна-сыравіннага прыдатку Польшчы»: органы мясцовага самакіравання з'яўляліся праваднікамі палітыкі паланізацыі, яны паступова гублялі сваю самастойнасць, ператвараючыся ў прыдатак дзяржаўнай адміністрацыі, перспектывы развіцця заходнебеларускіх гарадоў адсутнічалі [14, с. 28–29].

Заходнебеларускую рэчаіснасць даследуюць супрацоўнікі аддзела ўсходняга славянства Інстытута славяназнаўства РАН Ю. А. Лабынцаў і Л. Л. Шчавінская. Вядомыя філолагі, гісторыкі культуры, яны з'яўляюцца спецыялістамі ў шырокай сферы праваслаўнай культуры на беларуска-польскай і ўкраінска-польскай межах. Адным з найважнейшых накірункаў шматвектарнай дзейнасці вучоных з'яўляюцца даследаванні беларуска-ўкраінска-рускай праваслаўнай літаратуры ў міжваеннай Польшчы [15]. Аўтары ўводзяць у навуковы зварот значны масіў праваслаўных сачыненняў, створаных на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны і выяўленых у выніку работы экспедыцыі 1996 г. Ю. Лабынцаву і Л. Л. Шчавінскай удалося апісаць і раскрыць грамадска-культурны феномен праваслаўя, што склаўся ва ўмовах каталіцкай краіны. Прааналізавана таксама творчасць самабытных праваслаўных аўтараў і прапаведнікаў, такіх як сенатар В. В. Багдановіч, протапрасвітар Цярэнцій Тэадаровіч і інш. [16; 17; 18].

Працягваючы вывучэнне культурна-рэлігійнага развіцця Заходняй Беларусі, Ю. А. Лабынцаў аналізуе біяграфію і гістарычную творчасць заходнебеларускага асветніка і грамадска-рэлігійнага дзеяча ксяндза А. Станкевіча [19]. Адна з ранніх публікацый Ю. А. Лабынцава, прысвечаных заходнебеларускай культуры, апісвае лёс калекцыі дакументальных помнікаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні [20]. Даследаванні вучонымі заходнебеларускіх праваслаўных артэфактаў развіваецца ў вывучэнне міжканфесійнага дыялогу ў Заходняй Беларусі, у

які ўцягнуты беларускі каталіцкі рух і пратэстанцкія суполкі, што мелі распаўсюджанне, у першую чаргу, сярод беларусаў, знявераных у праваслаўі. Л. Л. Шчавінская даследавала праваслаўныя песні і тэксты, створаныя для супрацьстаяння пашырэння пратэстантызму ў праваслаўным асяроддзі Заходняй Беларусі [21]. Адзін з артыкулаў Ю. А. Лабынцава прысвечаны ўнікальнай з’яве заходнебеларускага рэлігійна - культурнага асяроддзя: рукапісным зборнікам пратэстанцкіх рэлігійных песень. Аўтарам выяўлены і апісаны створаныя ва ўмовах польскай рэлігійнай палітыкі арыгінальныя беларускамоўныя пратэстанцкія песні, вершы і гімны, якія не заўсёды адпавядалі пратэстанцкаму веравучэнню і часам зведвалі крытыку афіцыйных прапаведнікаў [22].

Гісторыя Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1918–1939 гадах нячаста трапляе ў аб’екты сучасных расійскіх вучоных. Беларусы пераважна не прызнаюцца суб’ектам гістарычных падзей ва Усходняй Еўропе 1918–1939 гадоў, а разглядаюцца як аб’ект расійскай і польскай палітыкі. У той жа час вывучаецца самабытная культура праваслаўнага беларуска-польскага памежжа.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Академия, 2005.
2. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: военно-политическое противостояние 1918–1939. М.: Вече, 2001.
3. Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939 : советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009.
4. Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М.: АИРО-XXI, 2009.
5. Михутина И. В. Польско-советская война. 1919–1920 гг. М.: ИСБ РАН, 1994.
6. Бабенко О. В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М.: ИНИОН РАН, 2007.
7. Кэндзёра С. Э. Польско-Российские научные и культурные отношения в конце XX – начале XXI вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. 07. 00. 03. Казань, 2015.
8. Борисенок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. – М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013.
9. Борисенок, Ю. А. «Польско-белорусский узел» 1918–1921 гг. в интерпретации современной польской историографии. Рецензия на Materski W. (wybór i opracowanie). Wezeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2018. 868 s. // Славянский альманах. 2020. № 3–4. с. 568–578.
10. Борисенок, Ю. А. Железный человек Притыцкий // Родина. 2019. № 10. С 101–102.
11. Короткова Д. А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. автореф. дис.... канд. ист. наук 07. 00. 03 – всеобщая история (Новое и новейшее время). М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015.

12. Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019.
13. Короткова Д. А. Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос // Славяноведение. 2021. № 3. С. 50–56. DOI: 10. 31857/S0869544X0014978-8.
14. Даркович А. Л. Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши. Автореф. дис...канд. ист. наук. 07. 00. 03 – Всеобщая история (Новая и новейшая). М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
15. Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М.: Индрик, 1999.
16. Лабынцев Ю., Щавинская Л. Православная культура Польши (1918–1939 гг.). Мн.: Нац. б-ка Беларуси, 2001.
17. Лабынцев Ю., Щавинская Л. Литературное наследие В. В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997. № 3. С. 47–52.
18. Лабынцев Ю. А. Щавинская Л. Л. Белорусский сенатор, литератор, издатель Вячеслав Богданович – современник Янки Купалы и Якуба Коласа // Янка Купала і Якуб Колас у сістэме дзяржаўна-культурных і духоўна-эстэтычных прыярытэтаў XXI стагоддзя. Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 26–27 вер. 2007 г.) / Ін-т літаратуры імя Янкі Купалы НАН Беларусі. Мн.: Права і эканоміка, 2007. С. 202–207.
19. Лабынцев, Ю. А. Историограф белорусского национального движения в Костеле: ксендз Адам Станкевич // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 254–269.
20. Лабынцаў Ю. А. Архіў беларускага адраджэння: (Дакументальныя помнікі беларускай царкоўнай і грамадзянскай гісторыі ў зборах Музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні). Мн.: Нац. б-ка Беларусі, 1993.
21. Щавинская Л. Л. Западнобелорусская народная рукописная православная книжность в полемике с местными протестантскими движениями во II Речи Посполитой // Традицыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. навук. арт. Вып 2. Цэнтр даслед. беларускай культуры, мовы і літ-ры. Мн.: Права і эканоміка. С. 581–584.
22. Лабынцев Ю. А. Протестантские певческие рукописи в западнобелорусском народном обиходе первой половины XX вв. // Традицыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. навук. арт. Вып 2. Цэнтр даслед. беларускай культуры, мовы і літ-ры. Мн.: Права і эканоміка. С. 581–584.

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХИВНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПА ГІСТОРЫІ ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ БЕЛАРУСІ (1920–1940-я гг.)

А. М. Запартыка¹⁾, Л. І. Масейчук²⁾

¹⁾ Установа “Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі”, вул. Кірыла і Мефодія, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, zapartyka@tut. by

²⁾ Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, прасп. Дзяржынскага, 83, г. Мінск, Беларусь, mosejchuk@tut. by

У артыкуле разглядаюцца перспектывы архіўных даследаванняў, звязаных з перыядам станаўлення, развіцця і функцыянавання вышэйшай адукацыі Беларусі ў 1920–1940-я гг. На прыкладзе аналізу архіўных фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі падаецца шматграннасць і інфарматыўнасць крыніц па дадзенай тэме.

У асобныя групы аўтарамі вылучаюцца дакументы, якія дазваляюць прасачыць станаўленне і развіццё навукова-метадычнага забеспячэння вышэйшай адукацыі, а таксама матэрыялы, што ўтрымліваюць інфармацыю аб выкарыстанні метадычнага інструментарыя, прымяняемага ў адукацыйнай практыцы вышэйшай школы, і інш. Падрабязна аналізуюцца фонды, якія ўтрымліваюць навукова-тэхнічную дакументацыю. Праца з дадзенай групай дакументаў дазваляе правесці рэканструкцыю развіцця інфраструктуры, неабходнай для паўнаважнага функцыянавання вышэйшай школы (будаўніцтва вучэбных корпусаў, студэнцкіх інтэрнатаў, сталовых і інш.).

Ключавыя словы: вышэйшая адукацыя; архіў; фонд; дакумент; першакрыніца.

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ (1920–1940-е гг.)

А. М. Запартыка¹⁾, Л. И. Мосейчук²⁾

¹⁾ Учреждение «Белорусский государственный архив научно-технической документации», ул. Кирилла и Мефодия, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zapartyka@tut. by

²⁾ Белорусский государственный медицинский университет, просп. Дзержинского 83, 220116, г. Минск, Беларусь, mosejchuk@tut. by

В статье рассматриваются перспективы архивных исследований, связанных с периодом становления, развития и функционирования высшего образования Беларуси в 1920–1940-е гг. На примере анализа архивных фондов Национального архива Республики Беларусь и Белорусского государственного архива научно-технической документации показывается разноплановость и информативность источников по данной теме.

В отдельные группы авторами выделяются документы, позволяющие проследить становление и развитие научно-методического обеспечения высшего образования, материалы, содержащие информацию об использовании методического инструментария, применяемого в образовательной практике высшей школы, и пр. Подробно анализируются фонды, содержащие научно-техническую документацию. Работа с данной группой документов позволяет провести реконструкцию развития

инфраструктуры, необходимой для полноценного функционирования высшей школы (строительство учебных корпусов, студенческих общежитий, столовых и пр.).

Ключевые слова: высшее образование; архив; фонд; документ; первоисточник.

PROSPECTS OF ARCHIVAL RESEARCH ON THE HISTORY OF HIGHER EDUCATION IN BELARUS (1920–1940 s)

A. M. Zapartyka¹⁾, L. I. Maseichuk²⁾

¹⁾ *Institution «Belarusian State Archives
scientific and technical documentation», st. Cyril and Methodius, 4, 220030,
Minsk, Belarus, zapartyka@tut. by*

²⁾ *Belarusian State Medical University,
ave. Dzerzhinsky, 83, 220116, Minsk, Belarus, mosejchuk@tut. by*

The article examines the prospects for archival research related to the period of the formation, development and functioning of the higher education in Belarus in the 1920 s – 1940 s. The diversity and informativeness of sources on this topic are shown on the example of the analysis of the archival funds of the National Archives of the Republic of Belarus and the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation.

The authors distinguish those documents and materials as separate groups that allow tracing the formation and development of scientific and methodological support of higher education and containing information on the use of methodological tools used in the educational practice of higher education, etc. Funds containing scientific and technical documentation are analyzed in detail. The work with this group of documents makes it possible to reconstruct the development of the infrastructure necessary for the full functioning of a higher school (construction of educational buildings, student dormitories, canteens, etc.).

Key words: higher education; archive; fund; document; original source.

У 20-я гг. XX ст. – складаны час змены сацыяльна-палітычнай мадэлі дзяржавы, краху былых ідэйных і ідэалагічных устаноў – адбываецца станаўленне і развіццё беларускай вышэйшай адукацыі. Уплыў універсітэта на грамадства, дзяржаву і асобу велізарны: ён фарміруе і пастаянна падсілкоўвае высокаінтэлектуальнае асяроддзе. Адпаведна, і сам універсітэт павялічвае свой патэнцыял за кошт таго, што яго выпускнікі сваёй дзейнасцю і ментальнасцю распаўсюджваюць ідэалы і прагматыку ўніверсітэцкага існавання, яго сутнасць.

Большая частка дакументаў, якія асвятляюць гісторыю станаўлення і развіцця вышэйшай адукацыі Беларусі і якія прадстаўляюць навуковы інтарэс для даследчыкаў, сканцэнтраваны ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ) і Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі (далей – БДАНТД).

Найбольш поўныя фонды, якія ўтрымліваюць дакументы па гісторыі станаўлення і развіцця вышэйшай адукацыі Беларусі, захоўваюцца ў

НАРБ. Умоўна іх можна падзяліць на некалькі груп, кожная з якіх мае сваю дакументную спецыфіку.

Заканадаўчая дакументацыя ўтрымліваецца ў Ф. 6 «ЦВК БССР, г. Мінск»; Ф. 15 «Паўнамоцнае прадстаўніцтва Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь пры Урадзе Расійскай Федэрацыі, г. Масква»; Ф. 42 «Міністэрства асветы (Мінасветы) БССР, г. Мінск»; Ф. 44 «Народны камісарыят працы (Наркампрацы) БССР, г. Мінск»; Ф. 101 «Народны камісарыят рабоча-сялянскай інспекцыі (НК РСІ) БССР, г. Мінск»; Ф. 332 «Беларускі рэспубліканскі саюз спажывецкіх таварыстваў (Белкаапсаюз), г. Мінск»; Ф. 701 «Камісія па ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі пры Цэнтральным Выканаўчым камітэце (ЦВК) БССР, г. Мінск».

Дакументальныя крыніцы прадстаўлены заканадаўчымі дакументамі, якія найпрост ці ўскосна характарызуюць палітыку ўраду ў галіне вышэйшай адукацыі ў БССР. Гэта пастановы, якія адносяцца да арганізацыі і адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (далей – БДУ) і іншых вышэйшых навучальных устаноў (Ф. 4, воп. 1, адз. зах. 14, 131), дэкрэты, прынятыя на паседжаннях СНК БССР (Ф. 6, воп. 1, адз. зах. 278, 10. Т. 1, 1282; Ф. 15, воп. 1, адз. зах. 26, 28), загады Наркамасветы БССР (Ф. 6, оп. 1, адз. зах. 124, 1282; Ф. 7, воп. 1, адз. зах. 91, 690, 880а; Ф. 15, воп. 1, адз. зах. 2; Ф. 42, воп. 1, адз. зах. 213, 1181; Ф. 93, воп. 1 (Т 2), адз. зах. 7632; Ф. 101, воп. 1, адз. зах. 2889) і пастановы НК РСІ БССР (Ф. 101, воп. 1, адз. зах. 3494, 3557) і інш.

У асобныя калекцыі вылучаны дакументы, якія непасрэдна тычацца канкрэтнай навучальнай установы: Ф. 205 «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт Міністэрства народнай асветы Рэспублікі Беларусь, з 10. 01. 1992 г. – Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, з 23. 09. 1994 г. – Міністэрства адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь, з 29. 08. 1996 г. – пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, г. Мінск»; Ф. 209 «Беларускі дзяржаўны інстытут сельскай і лясной гаспадаркі імя Кастрычніцкай рэвалюцыі Наркамзема БССР, г. Мінск»; Ф. 210 «Беларуская дзяржаўная палітэхнічная акадэмія Міністэрства народнай асветы БССР, з 19. 09. 1991 – Міністэрства народнай асветы Рэспублікі Беларусь, з 10. 01. 1992 – Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, з 23. 09. 1994 – Міністэрства адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь, з 11. 01. 1997 – Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, г. Мінск»; Ф. 215 «Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (УА БДЭУ) Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, г. Мінск»; Ф. 218 «Мінскі ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга дзяржаўны медыцынскі інстытут

Міністэрства аховы здароўя БССР, г. Мінск»; Ф. 221 «Мінскі інстытут народнай асветы Наркамасветы БССР, г. Мінск».

Дакументы вышэйназваных фондаў дазваляюць прасачыць станаўленне і развіццё навукова-метадычнага забеспячэння вышэйшай адукацыі ў першыя дзесяцігоддзі дзейнасці вышэйшых навучальных устаноў. Гэта вучэбна-праграмная дакументацыя, пратаколы паседжанняў рэктарата, вучонага савета, камсамольскіх сходаў, загады ўніверсітэта па агульнай дзейнасці, перапіска з прафесарска-педагагічным складам, асабовыя справы і інш.

Найбольш інфарматыўным відам крыніц пры вывучэнні тэмы «Станаўленне і развіццё вышэйшай адукацыі Беларусі ў 1920–1940-я гг.» з’яўляюцца матэрыялы справаводства. У большасці гэта справаздачи аб працы вышэйшых навучальных устаноў (Ф. 42, воп. 1, адз. зах. 100, 1566; Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 593, 636, 715, 716, 732; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 108), загады і распараджэнні рэктараў і дэканаў (Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 1, 33, 64), перапіска з Наркамхарчам, Савпрафбелам, Галоўпрафадукацыі і Наркамасветы БССР па пытаннях бягучай дзейнасці ўніверсітэта (Ф. 7, воп. 1, адз. зах. 690; Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 21, 179, 237, 487, 538, 548; Ф. 210, воп. 1, адз. зах. 6; Ф. 210, воп. 3, адз. зах. 20; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 228;), пратаколы праўлення ўніверсітэта і пасяджэнняў факультэцкіх саветаў (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 315, 328; Ф. 210, воп. 3, адз. зах. 328; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 67; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 19; Ф. 218, воп. 3, адз. зах. 4, 6), планы працы кафедраў (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 482; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 105, 106, 464), інструкцыі па правядзенні практычных заняткаў (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 165, л. 13–14 адв.) і інш.

Для раскрыцця тэмы «Станаўленне і развіццё вышэйшай адукацыі Беларусі ў 1920–1940-я гг.» найбольш інфарматыўнай з’яўляецца група дакументальных крыніц, якія ўтрымліваюць звесткі аб выкарыстанні метадычнага інструментарыя, што прымяняўся ў адукацыйнай практыцы вышэйшай школы (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 15; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 8; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 206; 618), праграмы факультэтаў і тлумачальныя запіскі да іх. 205, воп. 1, адз. зах. 41, 81–85, 87, 231, 281, 282, 381, 483, 484, 730, 752, 764, 786, 803; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 86; Ф. 332, воп. 1, адз. зах. 1308; Ф. 701, воп. 1, адз. зах. 56), гадавыя справаздачи прафесарска-выкладчыцкага складу і факультэтаў (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 82, 86, 89, 129, 177, 795, 796; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 488), справаздачи факультэтаў (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 179, 180, 234, 332, 822; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 108), вучэбныя заданні (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 485) і перапіска

адміністрацыі ўніверсітэта з выкладчыкамі па пытаннях вучэбнай і вучэбна-метадычнай працы (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 824, 892; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 40).

Прааналізаваць дынаміку якасных і колькасных характарыстык студэнтаў і педагогаў вышэйшых навучальных устаноў з 1921 г. да 1941 г., устанавіць наяўнасць і тып сувязяў паміж акадэмічнай паспяховасцю і сацыяльна-дэмаграфічнымі паказчыкамі дазваляюць статыстычныя даныя: справаздачы па прыёму студэнтаў (Ф. 42, воп. 1, адз. зах. 213, л. 378–379), каштарысы выдаткаў на абсталяванне кабінетаў і закупку метадычнай і вучэбнай літаратуры (Ф. 42, воп. 1, адз. зах. 1890; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 228; Ф. 218, воп. 3, адз. зах. 3), штатныя расклады (Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 55, 59; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 14), а таксама спісы студэнцкага (Ф. 42, воп. 1, адз. зах. 2098; Ф. 101, воп. 1, адз. зах. 3603; Ф. 44, воп. 1, адз. зах. 472; Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 110, 178, 206; Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 308) і прафесарска-выкладчыцкага складу ВНУ (Ф. 42, воп. 1, адз. зах. 213, адз. зах. 237; Ф. 205, воп. 1, адз. зах. 303, 549, 670, 767; Ф. 218, воп. 1, адз. зах. 32, 520, 623, 635 в.).

Такі від дакументаў, як асабовыя справы прафесарска-выкладчыцкага і студэнцкага складу, носяць змешаны характар. Асабовая справа – гэта справаводная крыніца, якая ўзнікае ў выніку дзейнасці канцылярыі БДУ па прафесарска-выкладчыцкіх і студэнцкіх справах. У той жа час у склад асабовых спраў уваходзяць і дакументы асабістага паходжання: аўтабіяграфіі, заявы, даведкі аб стане здароўя, характарыстыкі, узнагародныя лісты, загады, якія адносяцца да працы педагога ці звязаныя з вучобай студэнта, заявы бытавога характару (аб прадстаўленні жылля, выдзяленні талонаў на харчаванне ці адзенне) і інш. Выкарыстанне дакументаў асабістага характару дазваляе дэталізаваць уяўленне аб праблемах у сферы вышэйшай адукацыі беларускай дзяржавы ў разглядаемы перыяд.

Любая навучальная ўстанова – гэта не толькі людзі, але і будынкі. Рэканструяваць падзеі, звязаныя з прыстасаваннем пад вышэйшыя навучальныя ўстановы старых будынкаў або будаўніцтвам новых вучэбных корпусаў, размяшчэннем сучасных вучэбных аўдыторый дазваляюць дакументы, якія захоўваюцца ў фондах БДАНТД. На жаль, фонды БДАНТД незаслужана мала выкарыстоўваюцца сучаснымі беларускімі вучонымі пры рэканструкцыі падзей, звязаных з развіццём вышэйшай адукацыі Беларусі 1920–1940-х гг. Разам з тым БДАНТД захоўвае дакументы Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь,

якія ўтрымліваюць інфармацыю па гісторыі развіцця навукі, тэхнікі, архітэктуры і культуры, ажыццяўляе іх дзяржаўны ўлік, выкарыстоўвае ў навуковых, народна-гаспадарчых мэтах, арганізоўвае рэстаўрацыю, ажыццяўляе арганізацыйна-метадычнае кіраўніцтва дзейнасцю архіваў устаноў – крыніц камплектавання, якімі з’яўляюцца навукова-даследчыя, праектныя, канструктарска-тэхналагічныя арганізацыі, навукова-вытворчыя аб’яднанні і інш. Акрамя ўсяго, БДАНТД камплектуецца дакументамі асабістага паходжання вядомых прадстаўнікоў навукі, архітэктуры і тэхнікі.

Адным з асноўных відаў дакументаў, якія захоўвае БДАНТД, з’яўляецца праектная дакументацыя, г. зн. узаемазвязаныя праектныя дакументы, якія служаць падставай для будавання, рэканструкцыі, рэстаўрацыі, рамонту, добраўпарадкавання аб’екта і з’яўляюцца падставай для інвестыцый у будаўніцтва ці архітэктурны праект, у праект будаўніцтва ў адпаведнасці з выбранымі заказчыкам, забудоўшчыкам стадыямі праектавання.

Дадзеная дакументацыя ўключае ў тым ліку і дакументы па будаўніцтве, рэканструкцыі, рэстаўрацыі будынкаў вышэйшых навучальных устаноў на тэрыторыі Беларусі.

Так, у фондах Арэнднага прэдрыемства «Інстытут Белдзяжпраект» (Ф. 3, воп. 1, спр. 397–407, 419–425, 426–430, 2666–2678), Дзяржаўнага беларускага праектна-вышукальнага і навукова-даследчага інстытута па праектаванні энергетычных сістэм і электрычных сетак «Белэнэргасецьпраект» (Ф. 8, воп. 1, спр. 492–493, 494–499), Камунальнага ўнітарнага прадпрыемства «Бюро рэгістрацыі і тэхнічнай інвентарызацыі нерухомасці г. Мінска» Галоўнага вытворчага ўпраўлення жыллёвай гаспадаркі Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта (Ф. 15, воп. 1, спр. 241–243), Праектнага камунальнага ўнітарнага прадпрыемства «МІНСПРАЕКТ» Камітэта архітэктуры і будаўніцтва Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта (Ф. 10, воп. 1, спр. 907–913, 914–921), Праектна-канструктарскага бюро Міністэрства аховы здароў’я БССР (Ф. 14, воп. 1, спр. 12–16), Рэспубліканскага ўнітарнага прадпрыемства «БЕЛНДІТОПРАЕКТ» беларускага канцэрна па паліве і газафікацыі Рэспублікі Беларусь Міністэрства энергетыкі Рэспублікі Беларусь (Ф. 1, воп. 1, спр. 1147–1176) і інш. утрымлівае архітэктурна-будаўнічую дакументацыю па добраўпарадкаванні прылеглых тэрыторый, сістэм жыццезабеспячэння будынкаў галоўнага корпуса, біялагічнага, хімічнага, фізіка-матэматычна і інш. корпусаў, інтэрнатаў БДУ, корпусаў Інстытута

заможных моў у Мінску на скрыжаванні вул. Кірава і Чырвонаармейскай, Інстытута лясной гаспадаркі, Палітэхнічнага, Педагагічнага і Медыцынскага інстытутаў у Мінску.

Уважлівы аналіз дакументаў вышэйпералічаных фондаў дазваляе не толькі ўдакладніць, якія вучэбныя корпусы і будынкi належалі той ці іншай навучальнай установе, але і ўстанавіць наяўнасць вадаправодаў, электрычнасці, як і чым абаграваліся, якія пакоі і аўдыторныя класы там былі, разабрацца, чаму аддадзеныя будынкi пад інтэрнаты не маглі выкарыстоўвацца і інш.

Такім чынам, інфармацыя, якая ўтрымліваецца ў фондах дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь (НАРБ, БДАНТД і інш.) недастаткова запатрабавана сучаснымі даследчыкамі і ўяўляе сабой перспектыўны кірунак для распрацоўкі тэм, звязаных з вышэйшай адукацыяй Беларусі.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ

Н. М. Здасюк

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zdasiuk@bsu.by*

В статье анализируются достижения и проблемы применения цифровых технологий в белорусских музеях. Подчеркивается, что самым успешным направлением на сегодняшний день является автоматизация научно-фондовой деятельности, остальные направления не так успешны и фрагментарны.

Ключевые слова: автоматизированные музейные системы; цифровые технологии; музейные базы данных; мультимедиа технологии в музее.

EXPERIENCE IN APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MUSEUMS OF BELARUS

N. M. Zdasiuk

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Belarus,
zdasiuk@bsu.by*

The advances and problems of using digital technologies in Belarusian museums are analyzed in this article. It is emphasised that the most effective application at the moment is automation in working with museum collections, the application of digital technologies in other areas are occasional and not so effective.

Key words: digital technologies; automated museum systems; museum database; multimedia in museums.

Одной из наиболее заметных тенденций развития музейного дела в последние десятилетия можно назвать внедрение цифровых технологий в эту сферу. Начиная с 1990-х годов все больше направлений деятельности музеев оказываются затронутыми в той или иной степени использованием компьютерных технологий. И со временем глубина и разнообразие решаемых таким способом задач только увеличивается. Если на первых этапах внедрения компьютерных технологий в музеи была автоматизация рабочего места музейного сотрудника, а основными задачами ставились совершенствование учета коллекций, более эффективный поиск, создание баз данных музейных предметов, то с конца 1990-х гг. все больше проектов связано с расширением доступа посетителей к музейной информации.

Белорусские музеи не остались в стороне от общих тенденций и уже с начала 1990-х гг. появляются первые инициативы, связанные с компьютеризацией в первую очередь научно-фондовой деятельности музеев. Министерство культуры Республики Беларусь инициировало

принятие в рамках программы информатизации республики на 1991–1995 гг. создание типовой автоматизированной музейной системы, основные принципы которой были изложены в принятой в 1992 г. «Концепции создания информационных баз данных по культуре» [1]. Подсистеме «Фонды» в ней уделялось особенное внимание, именно она должна была внедряться в первую очередь, чем подчеркивалась особая актуальность компьютеризации научно-фондовой работы. Конечной целью данной программы должно было стать создание сводного электронного каталога, содержащего описание всех музейных предметов, находящихся в музеях Беларуси.

В это же время некоторые музеи начинают самостоятельные первые попытки внедрения автоматизированных информационных систем в научно-фондовую работу. Эти инициативы были не слишком распространенным явлением и носили во многом экспериментальный характер, но именно они, как первый практический опыт в этой сфере, помогли выявить некоторые проблемы, противоречия в текущем законодательстве, что в дальнейшем помогло уже на уровне массового внедрения компьютерных технологий в музейную сферу избежать многих из них. Такими музеями-первопроходцами были Историко-культурный музей-заповедник «Заславль», Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник.

Остальные музеи, начавшие компьютеризацию в этот период, действовали в разработанной по заказу Министерства культуры Республики Беларусь системе. Их было не слишком много, в середине 1990-х всего около десяти. Сказывалось недостаточное финансирование проекта, низкая цифровая грамотность сотрудников музеев, несовершенство первых версий разработанной автоматизированной музейной системы, недостаточная проработанность многих важных методических вопросов. Последнее вызывало больше всего затруднений, поскольку именно начатые процессы компьютеризации научно-фондовой работы подчеркнули множество проблем, которые не имели принципиального значения при традиционной бумажной обработке информации. Это были вопросы единых подходов к классификации и унифицированной структуре описания музейных предметов, использования единой терминологии и др. Причем требовалось разработать не только отечественные стандарты, но и учитывать международные рекомендации, с учетом возможного дальнейшего совместного использования создаваемых баз данных. Для решения этих

вопросов по инициативе Министерства культуры в 1999 г. была создана рабочая группа из ведущих музейных специалистов страны. И на протяжении последующих нескольких лет был разработан стандарт научного описания музейных предметов и классификационная схема музейных предметов [2, С. 103].

Однако к началу 2000-х гг. темпы компьютеризации музейной сферы в Беларуси были довольно низкими. Даже такое актуальное направление, как внедрение автоматизированных музейных систем, было только у 30% всех государственных музеев [3]. Во многом это было связано, помимо ранее названных причин, еще и с несовершенством законодательства. Последнее никак не регулировало данную сферу в музеях, а в чем-то даже и противоречило новым инициативам. Принятие в 2005 г. новой редакции Закона «О музее и музейном фонде Республики Беларусь» и Закона «О музейном фонде Республики Беларусь» в 2006 г. ускорили данный процесс. Согласно новым требованиям, компьютеризация музейной деятельности, создание сначала локальных баз данных музеев, а потом и Государственного каталога музейных предметов Республики Беларусь, стали приоритетным направлением для музеев. Изначально предполагалось, что в Госкаталог должны быть включены все музейные предметы всех музеев страны. Однако в более поздней редакции требование изменилось: в каталог вносились не все, а только наиболее ценные музейные предметы.

Для обеспечения работоспособности Госкаталога музейных предметов были реализованы две важные инициативы. Во-первых, была разработана и в 2008 г. внедрена новая версия автоматизированной музейной системы (АМС-5), обеспечивающая не только внутренние потребности музеев по работе с локальными электронными базами данных музейных предметов, но и совместимость их с единой республиканской базой данных о государственном музейном фонде. Во-вторых, создание в 2008 г. на базе Национального исторического музея Республики Беларусь Центра Государственного каталога Музейного фонда Республики Беларусь. Среди первых направлений деятельности Центра было научно-методологическое и научно-лингвистическое обеспечение деятельности Государственного каталога – разработка унифицированных справочников, словарей, стандартов описания музейных предметов [4]. А собственно ведение централизованного учета музейных предметов началось только в 2010 г.

Однако и это направление цифровизации музейной сферы продвигается довольно медленно. На первом этапе низкие темпы внесения данных в Госкаталог объяснялись в основном тем, что не все музеи перешли на нужную версию автоматизированной музейной системы; ссылались на недостаточный штат Центра Государственного каталога Музейного фонда, существование организационных и методических вопросов. Однако и сейчас, спустя 10 лет после начала работ, ситуация не улучшается. Самой значительной проблемой является крайне небольшое число музейных предметов, представленных в общий доступ: по состоянию на осень 2021 г. это 2916 предметов, т. е. менее 1% от всего музейного фонда страны. При этом на сайте Госкаталога есть информация, что всего зарегистрировано 163250 музейных предметов [4]. Не способствует выполнению задачи «...популяризация культурных ценностей Беларуси, путем их представления в Интернет и обеспечения широкого доступа пользователей внутри страны и за рубежом» [5, С. 5] отсутствие перевода данных о музейных предметах как минимум на английский язык, неудобная навигация по сайту, его устаревший дизайн и др.

Между тем, именно это направление – популяризация культурного наследия путем предоставления к нему доступа – является одним из самых актуальных для музеев на протяжении как минимум последних 10 лет. И эти, и другие различные инициативы ЮНЕСКО на мировом уровне, и отдельных государств или их групп, например, стартовавший в 2008 г. европейский проект «Цифровая библиотека Europeana», цель которой состоит в обеспечении доступа к оцифрованному культурному наследию Европы [6]. Или на уровне отдельного музея – обеспечение доступа к оцифрованной коллекции. Однако, белорусские музеи в таких инициативах практически не участвуют. Чаще всего на сайтах представлен доступ к оцифрованным шедеврам, т. е. к небольшому количеству предметов. Но более распространенным вариантом является текстовая информация о коллекции музея с несколькими соответствующими иллюстрациями. В целом, хотелось бы отметить, что значительная часть музеев очень неэффективно использует такой ресурс, как Интернет-пространство. Сайты у белорусских музеев есть, некоторые из них начали появляться в самом начале 2000-х гг. Однако, многие музеи создали свою страницу в сети только после Указа 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», обязывавшего все государственные учреждения страны, в т. ч.

музеи, создать свои сайты [7]. И по сей день не редкостью для белорусских музеев является страничка с минимальной информацией о музее.

Отметим также, что еще один ресурс продвижения музея в Интернет-пространстве недостаточно используется белорусскими музеями. Это активно развивающееся присутствие музеев в социальных сетях. Музеи Беларуси чаще всего создают аккаунты в таких социальных сетях, как Facebook, ВКонтакте и Instagram. Однако если критерием успешности этого направления считать не сам факт существования у музея представительства в социальных сетях, а количество подписчиков, то нужно признать, что белорусские музеи пока в этой сфере не слишком эффективны. Самым успешным на сегодняшний день можно признать Национальный художественный музей, у которого самое большое число подписчиков (например, в Instagram – более 11 тыс., и это самая большая цифра для социальных сетей белорусских музеев). Для того, чтобы оценить степень присутствия музеев в этом пространстве, было проведено сравнение количества подписчиков социальных сетей двух схожих музеев: Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Музей Победы» (г. Москва). Первый имеет в Facebook 604 подписчика, ВКонтакте – 1604, в Instagram не представлен. Второй в этих же социальных сетях имеет, соответственно, 11532, 22053 и 140 тысяч подписчиков (данные получены автором на основе анализа страниц музеев в социальных сетях). Налицо таким образом факт колоссальной разницы, что свидетельствует о явно недостаточном внимании сотрудников белорусских музеев этому стремительно набирающему популярность каналу информации

Таким образом, проведенный анализ внедрения цифровых технологий в музеи Беларуси показывает, что самым успешным и эффективным проектом стало внедрение автоматизированной музейной системы. Именно это направление позволило в значительной степени улучшить учет, научное описание и усовершенствовать внутреннюю отчетность музеев. В то же время цифровые проекты, направленные на работу с посетителями (сайты музеев, их страницы в социальных сетях, участие в международных инициативах по предоставлению доступа к культурному наследию) отличаются меньшей эффективностью и в этом направлении у музеев Беларуси существует широкое поле деятельности.

Библиографические ссылки

1. Министерство культуры Республики Беларусь. Текущий архив. Некоторые аспекты создания и внедрения автоматизированных музейных систем в Республике Беларусь. 1995 г.
2. Плоткин А., Сташкевич А. О концепции создания сводного электронного каталога музейных предметов // Музеї і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы. Мн., 2002. С. 103.
3. Рак А. К. АМС у музеях краіны // Музеї і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы. Мн., 2002. С. 66–68.
4. Государственный каталог Музейного фонда Республики Беларусь. [Электронный ресурс].: <http://dkmf.by/about>. Дата доступа: 10. 10. 2021.
5. Создание и внедрение Государственного каталога музейного фонда Республики Беларусь. Техническое задание. Минск, 2006. 57 с.
6. Цифровая библиотека Europeana. [Электронный ресурс]. <https://www.europeana.eu/en>. Дата доступа: 10. 10. 2021
7. Указ Президента Республики Беларусь № 60 от 01. 02. 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». [Электронный ресурс] : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p31000060>. Дата доступа: 10. 10. 2021.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИЗМА (ПРОТОКОЛ «ПАНДЕМИЯ 2020»)

Л. С. Иваничева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ivanicheva.l@gmail.com*

В статье рассматривается новый термин Quixotic, появившийся в туристическом дискурсе в 2020 г. На его основе особое внимание уделяется нормативным мерам, принятым по борьбе с COVID-19 в странах Европейского Союза, Российской Федерации и позиции Республики Беларусь по данному вопросу.

Проанализированы процессы имплементации дополнений в нормативное и правовое регулирование туристического сектора вышеуказанных стран и динамика обновления данных, а также формирование нормативной правовой базы «коронавирусных отношений» и вопросы, которые составляют основную повестку цифровой трансформации туристической индустрии государств в обозначенный период.

Ключевые слова: нормативное правовое регулирование туризма; COVID-19.

TRANSFORMATION OF TOURISM REGULATION (CASE «GLOBAL PANDEMIC 2020»)

L. S. Ivanichava

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, ivanicheva.l@gmail.com*

The article reveals the term Quixotic, which appeared in tourism discourse in 2020. The main attention is paid to the antiCOVID-19 regulatory measures in the countries of the European Union, Russian Federation, and the position of the Republic of Belarus towards it.

The implementation of amendments to the regulation of the tourism in the above-mentioned countries and data update dynamics as well as the formation of the legal framework of «coronavirus» relations and issues that set the main agenda for the digital transformation of the tourism industry of the states within the appropriate period are analyzed.

Key words: tourism regulation; COVID-19.

Период 2020–2021 гг. стал вызовом для многих отраслей. Одним из самых пострадавших оказался туристический сектор. И лишь сейчас замершая туристская индустрия начинает оживать. Количество мероприятий, предпринятых по регулированию и выведению экономически важной в мировом масштабе отрасли с каждым месяцем увеличивается в геометрической прогрессии. Насколько были уместны введения новых правил нормативного и правового регулирования туризма, покажет время. Но уже сейчас становится понятным, что всего лишь за

полтора года туризм прошел некоторую трансформацию и постепенно адаптируется, в том числе, и к цифровому изменению.

На примере Европейского Союза, Российской Федерации в статье рассматриваются нормативные и правовые документы, их изменения и дополнения. Эти страны были одними из тех, кто наиболее серьезно пострадал от последствий коронавирусной инфекции COVID-19, поэтому практические исследования туристического потенциала вызывают особый интерес для перенятия опыта Республикой Беларусь.

Информация, представленная в статье, относится к периоду, который завершился в сентябре 2021 г., так как из-за изменений в сценарии пандемии некоторые другие дополнительные меры могут быть уже приняты.

В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала проблему распространения коронавирусной инфекции чрезвычайно серьезной и официально объявила о начале пандемии. Стоит отметить, что вопросы в контексте «бедствие и туризм» обсуждались в работах, связанных с управлением стихийными бедствиями [1], циклы зарубежных работ посвящены рискам инфекционных заболеваний и их влиянию на международный туризм [2–4]. Тем не менее масштабы и катастрофический характер коронавирусной инфекции стали беспрецедентными с точки зрения ее воздействия на отрасль. COVID-19 затронул почти 90 % мира, и пока мало исследованы его последствия в сфере туризма. По ранним прогнозам Всемирной туристской организации (ЮНВТО) международный туризм должен был сократиться приблизительно на 20%–30% [5], немного позже были представлены совсем другие цифры (60–70%). Мировой барометр отмечает, что почти полная изоляция, введенная в ответ на пандемию, в мае 2020 г. привела к 98% падению числа международных туристических потоков по сравнению с тем же периодом 2019 г. Постепенно появляются тематические публикации, в которых проливается свет на влияние, которое оказала инфекция на индустрию туризма [6] и высказываются предположения о возможностях его восстановления [7].

В 2020 г. относительно туризма был введен термин *Quixotic*, что значит «быстрый и экзотический» (*англ. quick and exotic*). То есть туризм должен был стать легкодоступным и в то же время безопасным от заражения коронавирусной инфекции. Такой «донкихотский» подход, скорее всего, и будет процветать в ближайшей среднесрочной перспективе при надлежащем управлении, мониторинге и поддержке со стороны

правительств и государств. В качестве критериев, которые его определяют, необходимо отметить следующие показатели: безопасность, контроль и быстрота передвижения. Насколько новый тренд – «быстрота и экзотичность» устоит в туристской индустрии, покажет время. Даже в нем есть много подводных камней. Тем не менее, попытка наложить термин на существующее регулирование отрасли может помочь выявить не только проблемные места, но и определить общие тенденции в конспекте адаптивности туризма к изменениям⁴. Источниками для сбора и анализа информации стали электронная система «Консультант» (<https://www.consultant.ru>), Национальный правовой портал Республики Беларусь (<https://pravo.by>) и официальный сайт законов Европейского Союза и других публичных документов ЕС – Eu-lex (<https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>), а также сайт официальной информации о коронавирусе в России (<https://стопкоронавирус.рф>) и платформа Европейского Союза «Re-open EU» (<https://reopen.europa.eu/en>).

Итак, первым в списке критериев числится показатель «Безопасность» (табл. 1). Стоит отметить, что согласно данным, представленным на сайте EU-lex, одна третья часть изменений пришлась на сферу «Транспорта». Большая часть нововведений, а также изменений и дополнений затрагивает вопросы «Здравоохранения», и лишь небольшая – «Туризм». В Российской Федерации данное соотношение указов, постановлений, протоколов и руководств, временных правил распределено аналогичным образом. Нормативных документов, полностью затрагивающих вопросы туризма в Республике Беларусь не выявлено.

Таблица 1. – Процентное соотношение принятых/дополненных нормативных документов, регулирующих туризм и околотуристические сферы в рамках критерия «Безопасность»

	Европейский Союз (%)	Российская Федерация (%)	Республика Беларусь (%)
Транспорт	36	33	17
Здравоохранение	51	50	25

⁴ Нормативные акты, которые были приняты в рассматриваемый период с целью поддержки малого бизнеса (в т. ч. и туристической отрасли) не рассматривались и в обработку данных не были включены.

Туризм	13	17	---
--------	----	----	-----

Тема «Контроля» (табл. 2) в странах Европейского Союза отражена в большинстве Приложений к Директивам, правил и Рекомендаций сфера «Здравоохранения» (данные показатели обусловлены тем, что длительный период Европа находилась в локдауне). В России практически поровну делят статистику нововведения, изменения и дополнения сферы «Здравоохранения» и «Транспорта», крайне малый процент достается «Туризму».

Таблица 2. – Процентное соотношение принятых/дополненных нормативных документов, регулирующих туризм и околотуристические сферы в рамках критерия «Контроль»

	Европейский Союз (%)	Российская Федерация (%)	Республика Беларусь (%)
Транспорт	17	45	---
Здравоохранение	81	48	---
Туризм	2	7	---

Введение перечней зон свободного передвижения и зон карантина (условно: красная/жёлтая/зелёная) характерно для стран Европейского Союза. Несмотря на это, вопросы, затрагивающие нюансы быстроты передвижения были имплементированы в сферы «Здравоохранение» и «Транспорт». В период с апреля 2020 г. по сентябрь 2021 г. в Российской Федерации также проводились мероприятия по зонированию городов и регионов. Данный факт нашел отражение в отдельных указах, которые находятся в смежном с туризмом поле (пример, указы о QR-кодах мэра г. Москвы и губернаторов и нерабочих днях). В Республике Беларусь опыт рассматриваемых стран не был применён (табл. 3).

Таблица 3. – Процентное соотношение принятых/дополненных нормативных документов, регулирующих туризм и околотуристические сферы в рамках критерия «Быстрота передвижения»

	Европейский Союз (%)	Российская Федерация (%)	Республика Беларусь (%)
Транспорт	56	47	---
Здравоохранение	34	30	---

ние			
Туризм	10	23	---

Следует также обратить внимание на вопросы цифровизации туризма. Хотя сама по себе тема далеко не новая. С объявлением о пандемии изменения коснулись всего мира и отразились на туристической отрасли. Одним из них стало относительно быстрое введение и применение QR-кодов (<https://www.consultant.ru>, <https://стопкоронавирус.рф>, <https://www.mos.ru>), и других трекер-программ для путешествий [8]. Характерно, что рост введения электронных индикаторов в туризм, с июня 2020 г. по сентябрь 2021 г., происходит при одновременном падении количества людей (туристов). К сожалению, пока отсутствуют полноценные зарубежные или отечественные исследования по внедрению вышеупомянутых программ и то, как они отразились на отрасли.

Данная характеристика условий трансформации туризма и переплетение институциональных и технических условий для этого свидетельствуют о том, что те процессы, которые уже активно внедрены и используются странами не только как меры по борьбе с коронавирусной инфекцией, но и как реабилитация сектора не в полной степени удовлетворяют государственное регулирование отрасли стран.

В целом на основе материалов можно сделать вывод, что вызов 2020–2021 гг. – COVID-19 не отражен в нормативных и правовых актах, регулирующих отрасль. Наиболее невероятной, таким, образом выглядит будущая концепция туризма, в значительной степени переформирующая традиционную систему, которая пребывает в стадии построения иммунного ответа.

Библиографические ссылки

1. Faulkner B. Towards a framework for tourism disaster management // *Tourism Management*. 2001. Vol. 22. №2. С. 135–147. DOI:10. 1016/S0261-5177(00)00048-0.
2. Ritchie B. W. Tourism disaster planning and management: From response and recovery to reduction and readiness // *Current Issues in Tourism*. 2008. Vol. 11. № 4. С. 315–348. DOI:10. 2167/cit0389. 0; Ritchie B. W. Crisis and disaster management for tourism // *Channel View*. 2009. Vol. 29. № 5. P. 669-683. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2003.09.004>.
3. Rosselló J., Santana-Gallego M., Awan W. Infectious disease risk and international tourism demand // *Health Policy and Planning*. 2017. Vol. 32. № 4. P. 538–548. DOI: 10.1093/heapol/czw177
4. Blake A., Sinclair M. T., Sugiyarto G. Quantifying the impact of foot and mouth disease on tourism and the UK economy // *Tourism Economics*. 2003. Vol. 9. № 4. P. 449–465. DOI: <https://doi.org/10.5367/000000003322663221>.

5. Gössling, S., Scott, D., Hall, C. M. Pandemics, tourism and global change: A rapid assessment of COVID-19 // *Journal of Sustainable Tourism*. 2020. Vol. 29. № 1. P. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>.
6. R. T. Qiu, J. Park, S. Li, H. Song. Social costs of tourism during the COVID-19 pandemic // *Annals of Tourism Research*. 2020. № 84. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102994>; Y. Yang, H. Zhang, X. Chen Coronavirus pandemic and tourism: Dynamic stochastic general equilibrium modeling of infectious disease outbreak // *Annals of Tourism Research*. 2020. № 83. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102913>.
7. A. Liu, L. Vici, V. Ramos, S. Giannoni, A. Blake. Visitor arrivals forecasts amid COVID-19: A perspective from the Europe team // *Annals of Tourism Research*. 2021. Vol. 88. № 3. DOI: [10.1016/j.annals.2021.103182](https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182).
8. Regulation (EU) 2021/953 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2021 on a framework for the issuance, verification and acceptance of interoperable COVID-19 vaccination, test and recovery certificates (EU Digital COVID Certificate) to facilitate free movement during the COVID-19 pandemic [Electronic resource] – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0953&qid=1636227838638>. Date of access: 20.09.2021.

КУЛЬТУРА ПАМЯЦІ БЕЛАРУСКІХ ВЯСКОЎЦАЎ: ДАКУМЕНТЫ, УСПАМІНЫ, АРТЭФАКТЫ

В. С. Іванова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4 220030, г. Мінск, Беларусь, ivanovavs@bsu. by*

У кантэксце memory studies і катэгорыі калектыўнай (культурнай, сацыяльнай) памяці вясковай супольнасці аналізуюцца накірункі і механізмы яе трансфармацыі з традыцыйнай (вуснай, камунікатыўнай) ва ўласна культурную і гістарычную. Калектыўную памяць вясковай супольнасці можна разглядаць як архіў у сучасным постмадэрнісцкім разуменні, які ўключае ў сябе не толькі зафіксаваныя дакументальна, але і іншыя праявы памяці, якія дазваляюць групе ці яе членам захоўваць сваю ідэнтычнасць. Сучаснымі формамі перадачы памяці вяскоўцаў з'яўляецца мастацкая самадзейнасць (запіс і ўзнаўленне традыцыйных спеваў), рэканструкцыя традыцыйных святаў, стварэнне аматарскіх фільмаў, напісанне ўспамінаў, вершаў, апавяданняў, гістарычных краязнаўчых нарысаў і ў рэдкіх выпадках навуковых прац.

Ключавыя словы: памяць; калектыўная (сацыяльная, культурная) памяць; калектыўная ідэнтычнасць сялянскай супольнасці; месцы памяці; успаміны.

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУССКОЙ ДЕРЕВНИ: ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, АРТЕФАКТЫ

О. С. Иванова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4., 220030, Минск, Беларусь, ivanovavs@bsu. by*

В контексте memory studies и категории коллективной (культурной, социальной) памяти сельского сообщества анализируются направления и механизмы её трансформации из традиционной (устной, коммуникативной) в культурно-историческую. Коллективную память сельского сообщества можно рассматривать как архив в современном постмодернистском смысле. Он который включает в себя не только задокументированные, но и другие проявления памяти, которые позволяют группе или ее членам сохранять свою идентичность. Современные формы передачи памяти жителей деревни – это художественная самодеятельность (запись и воспроизведение традиционных песен), воссоздание традиционных праздников, создание любительских фильмов, написание мемуаров, стихов, рассказов, исторических очерков и, в редких случаях, научных трудов.

Ключевые слова: память; коллективная (социальная, культурная) память; коллективная идентичность крестьянского сообщества; места памяти; воспоминания.

CULTURAL MEMORY OF BELARUSIAN PEASANTS: DOCUMENTS, MEMORIES, ARTIFACTS

V. S. Ivanova

*Belarusian State University,
Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, ivanovavs@bsu. by*

In the context of the memory studies and the category of collective (cultural, social) memory of the rural community, the directions and mechanisms of its transformation from traditional (oral, communicative) to cultural and historical are analyzed. The collective memory of the peasant community can be seen as an archive in the modern postmodernist sense, which includes not only documented but also other manifestations of memory that allow the group or its members to preserve their identity. Modern forms of transmitting the memory of the peasants are: amateur art (recording and reproduction of traditional songs), reconstruction of traditional holidays, making amateur films, writing memoirs, poems, stories, historical essays and, in rare cases, scientific works.

Key words: memory; collective (social, cultural) memory; collective identity of the peasant community; places of memory; memories.

Памяць – гэта гіганцкая праца па ўпарадкаванні матэрыяльных слядоў таго, што мы не можам запомніць, і бясконцы спіс таго, што нам, магчыма, спатрэбіцца ўспомніць.

П’ер Нара [1, с. 28]

Паняцце памяці было ўведзенае ў шырокі навуковы зварот французскім сацыёлагам Марысам Хальбваксам у 20-я гг. ХХ ст. [2] Даследаванні ў гэтым накірунку былі працягнутыя ў другой палове ХХ ст. французскім гісторыкам П’ерам Нара, а пасля і іншымі навукоўцамі розных галін ведаў ад філосафаў да псіхолагаў. Вакол паняцця памяці з канца 1980-х гг. склалася новая парадыгма навук, т. зв. *memory studies* [3], якія вызначаюць яе значэнне і накірунку вывучэння ў шырокім спектры дысцыплін і міждысцыплінарных узаемасувязяў. Па меркаванні Хальбвакса, памяць – з’ява сацыяльная. Існуе столькі ж памяцяў, колькі сацыяльных груп і нават індывідаў. Яна пастаянна трансфармуецца ў выніку працэсаў запамінання і амнезіі. Памяць – з’ява практычная і нерэфлексійная, існуе ў межах канкрэтнай сацыяльнай групы і дзейнічае як пэўны механізм яе развіцця, але як толькі пачынаецца працэс асэнсавання – яна памірае. Памяць вельмі адчувальна ўбірае ў сябе розныя ўплывы і знешнія ўздзеянні, можа перажываць працяглыя схаваныя перыяды ці раптоўныя ажыўленні. Яна ўкараняецца ў канкрэтных рэчах: прасторы, дзеяннях, калектыўных вобразах ці канкрэтных аб’ектах. Можа фіксавацца і вывучацца як з’ява мінулага. У структуры катэгорыі памяці вылучаецца некалькі аспектаў: інфармацыйны (факты), дзейнасны (мадэлі паводзін), каштоўнасны (ацэнкі), эмацыйны (адносіны да фактаў).

Найбольшую ўвагу даследчыкі (М. Хальбвакс, П. Нара, А. Ассман і інш.) звярталі на пытанне трансфармацыі памяці, яе пераходу з жывога, актуальнага стану ў стан зафіксаваны, мёртвы, але даступны для

вывучэння. М. Хальбвакс адзначаў: «Пакуль успамін працягвае існаваць, няма неабходнасці фіксаваць яго пісьмова, ды і ўвогуле фіксаваць... Калі памяць пра нейкую чараду падзей перастае падтрымлівацца групай, якая была іх сведкам ці пачула жывое апавяданне пра іх ад першых удзельнікаў ці назіральнікаў, калі гэтая памяць распыляецца па некалькіх індывідуальных свядомасцях, закінутых у новыя супольнасці, якія ўжо не цікавяцца гэтымі падзеямі, таму што яны для іх вызначана з'яўляюцца вонкавымі, – тады выратаваць гэтыя ўспаміны можна, толькі пісьмова зафіксаваўшы іх у форме аповяду – бо словы і думкі паміраюць, а тэксты застаюцца» [2].

Калі жывой памяці ўжо няма і яна пачынае знікаць, то ўзнікае патрэба ў стварэнні архіваў, адзначэнні гадавінаў, святкаваннях, мемарыялізацыі ў выглядзе помнікаў, назваў вуліц і інш. Гэтыя адбіткі памяці па выразу П. Нара – гэта «моманты гісторыі, адарваныя ад плыні гісторыі, але зноў вернутыя ёй. Гэта ўжо не зусім жыццё, але яшчэ і не зусім смерць, як ракавінкі, якія засталіся ляжаць на беразе пасля адліву мора жывой памяці» [1, с. 31].

П'ер Нара ў сваіх даследаваннях супрацьпаставіў паняцці памяці і гісторыі, ці гістарычнай і сацыяльнай памяці. Ён адзначаў, што ў параўнанні з гісторыяй, якую ствараюць навукоўцы, памяць прэтэндуе на жывую ісціну, якая можа разглядацца як больш значная і сапраўдная. Апошнія даследаванні ў галіне *memory studies*, прапануюць выйсці за межы гэтай апазіцыі паняццяў і разглядаць іх як розныя спосабы запамінання ў культуры. Гэты падыход зыходзіць з базавага разумення таго, што мінулае не дадзена нам ў аб'ектыўнай рэальнасці, але перманентна ствараецца, распрацоўваецца і перабудоўваецца. У выніку існуюць розныя спосабы запамінання ідэнтычных мінулых падзеяў. Вайну, напрыклад, можна ўспомніць як міфічную падзею («вайна як апакаліпсіс»), як частку палітычнай гісторыі («Першая сусветная вайна як вялікая катастрофа XX стагоддзя»), як траўматычны досвед («жах акапаў, снарадаў, шквал стрэлаў» і г. д.), як частку сямейнай гісторыі («вайна, падчас якой службы мой дзед») і інш., што несумненна дапамагае развіццю ўяўленняў пра мінулае [3].

Традыцыйныя механізмы перадачы памяці ў межах сацыяльных групносяць ірацыянальны, нерэфлексійны характар і звязаны з рытуалізаваным узнаўленнем сацыяльнага вопыту (навыкаў працоўнай дзейнасці, узаемаадносін з прыродай, вышэйшымі сіламі і інш.). У «чыстым» выглядзе такі спосаб існавання памяці сустракаецца ў архаічных

грамадствах на стадыі іх дапісьмовага развіцця. Памяць, якая фарміруецца і перадаецца такім спосабам называецца камунікатыўнай (Я. Асман). Другі спосаб фармавання і трансляцыі памяці базуецца на знешніх ў адносінах да групы намаганняў па працы з памяццю: выяўлення ўяўленняў групы аб сваім мінулым, ўнікальнасці, гераічных і траўміруючых падзеях і інш. Гэты від памяці Я. Асман назваў культурнай [4], а М. Хальбвакс – калектыўнай⁵.

Культурная памяць – гэта адносна ўстойлівая сістэма значных для групы ўяўленняў пра мінулае, якія трансліююцца ў абагульнена-сімвалічных і ўніверсальна даступных формах, што спараджае пэўныя каштоўнасныя арыентацыі і мадэлі паводзінаў яе членаў групы, і праяўляюцца ў рытуальна-святочных і кацементарыўных практыках [4]. Мінулае паўстае тут праз сімвалічныя фігуры, на якіх будзецца памяць (помнікі культуры, сацыяльныя традыцыі, міфы). У культурнай памяці факталагічная гісторыя пераўтвараецца ў гісторыю, створаную ўспамінам. Яе носьбітамі з’яўляюцца шаманы, барды, пісьменнікі, навукоўцы, настаўнікі і інш. Культурная памяць у адрозненне ад гістарычнай з’яўляецца больш натуральнай, карыстаецца іншымі механізмамі перадачы: утрымлівае толькі найбольш значнае мінулае, выконваючы арыентуючую і нарматыўную функцыі. У бяспісьмовых культурах яна не абапіраецца на тэксты, але трансліюецца праз абрады, танцы, гульні, маскі, вобразы, рытмы, мелодыі, ежу, месцы, касцюмы, упрыгожванні, зброю. У гэтым выпадку прастора таксама гуляе значную ролю, і паўстае ў выглядзе «месцаў памяці» (П. Нара) [5, С. 14–29].

Блізкае значэнне мае і паняцце культуры памяці як набору сродкаў і механізмаў, з дапамогай якіх сацыяльная група захоўвае, трансліюе і ўзнаўляе сваю ідэнтычнасць. Культура тут выступае як інструмент фіксацыі і перадачы памяці. Яна патрабуе не толькі эмпірычнага, але і тэарэтычнага асэнсавання з ўлікам розных прыватнавуковых падыходаў. Яна з’яўляецца канектыўнай, звязвае аб’екты ў сацыяльным і часавым вымярэнні. Асноўны яе прынцып – паўтарэнне і ўспамін. Сутнасць пераходу ад вуснай да пісьмовай фіксацыі культуры заключаецца ў пераходзе ад паўтарэння культурных канонаў да іх уваскрашэння (узнаўлення, успаміну). Узнікае новая структура, заснаваная не на перайманні і захаванні, а на трактоўцы і ўзгадванні [5, С. 14–29].

⁵ М. Хальбвакс з’яўляецца аўтарам паняцця калектыўнай памяці, як памяці пра мінулае асобнай групы людзей, якая падкрэслівае асаблівасці гэтай групы, адрознівае яе ад іншых. Калектыўная памяць уключае ў сябе падзеі мінулага, не звязаныя з непасрэдным досведам канкрэтнага чалавека, але вядомыя яму дзякуючы пераказам іншых.

Вывучэнне сялянства як сацыяльнай групы з уласнымі асаблівасцямі і калектыўнай памяццю пачало набываць актуальнасць сярод гісторыкаў (сялязнаўцаў), сацыёлагаў, этнографіаў, антрапологаў, вусных гісторыкаў з 60-х гг. XX ст. Па меркаванні П'ера Нара гэты перыяд можна вызначыць як пачатак «канца сялянства», які ў сярэдзіне 1970-х гг. стаў «адчувальны амаль фізічна», праз істотнае зніжэнне долі сельскага насельніцтва. Памяць вёскі ад гэтага часу заставалася жыць «толькі ў навуковай або сентыментальнай рэканструкцыі». Адбыўся разрыў паміж памяццю і гісторыяй, адначасова ўзнікла патрэба ў захаванні традыцыі (спадчыны) [1].

Перыяд 1970-х гг. у Беларусі характарызуецца, з аднаго боку, пэўным росквітам сацыяльнага і эканамічнага жыцця вёскі, з іншага хуткімі тэмпамі ўрбанізацыі: ў 1976 г. колькасць гарадскога насельніцтва перавысіла 50% (у Францыі, напрыклад, гэта адбылося яшчэ ў даваенны перыяд). «Канец вёскі» зацягнуўся на паўстагоддзе. І нягледзячы на тое, што жывая памяць вясковай супольнасці сёння амаль сыйшла ў нябыт, ў 2018–2019 гг. можна было паспець зафіксаваць яе асобныя рэліктавыя культурныя рысы праз успаміны прадстаўнікоў даваеннага пакалення, дакументы, артэфакты, «месцы памяці», спевы, ўзнаўленне абрадаў, аддзення, характарыстыку моўных асаблівасцяў [6]. Менавіта 1970-я гг. можна вызначыць як перыяд, калі пачалі істотна змяняцца механізмы перадачы памяці ад традыцыйных (вусных)⁶, да новых пісьмовых ці нацыянальна-культурных. Для ўрадженцаў вёскі, якія пераязджалі ў горад, памяць сялянскай супольнасці падавалася ўжо непатрэбнай, несучаснай і нават шкоднай. Каб адаптавацца да новых гарадскіх умоў жыцця патрэбны былі новыя культурныя мадэлі і жыццёвыя стратэгіі, якія істотна адрозніваліся ад вясковых.

Мадэлі паводзін жыхароў вёскі базуюцца на традыцыйных сялянскіх каштоўнасцях. Селянін мусіў працаваць усё жыццё на зямлі, без гэтага немагчыма было выжыць і таму культывавалася любоў да працы і каштоўнасць валодання зямлёй, што праяўлялася нават у фальклорных вобразах, прымаўках, стратэгіях стварэння сем'яў, імкненні да валодання і працы на ўласнай зямлі і гаспадарцы. Важнай была вера ў вышэйшыя сілы, няверуючы чалавек ў вёсцы быў нечым незвычайным і выпадаў з

⁶ Для ілюстрацыі механізмаў перадачы памяці, якія бытавалі ў вёсцы яшчэ у сярэдзіне XX ст. можна прывесці наступны успамін: «[У] пасляваенныя гады, [як] святы наступалі зімовыя. Каляды. Калі людзі не працавалі. Мы хадзілі [да] дзеда Сымона. Збіраліся мужыкі, размаўлялі. Яны расказвалі пра вайну. Дзе хто як ваяваў. Яны размаўлялі пра палітыку, пра цяжкасці, якія ў іх ёсць. І мяне бацька браў. Мне цікава было паслухаць. Дзяўчынак не вадзілі». (Міхаіл Лось, в. Ліпляны, Лельчыцкі р-н)

супольнасці, без якой ў традыцыйнай вёсцы фактычна не мог існаваць. Калектыўная памяць сялян у сваёй аснове мела рысы міфічнасці, фаталістычнасці і негераічнасці, была засяроджана на нялёгкай долі чалавека, салідарнасць якога гуртавалася вакол неабходнасці выжывання. Сярод асаблівасцей сялянскага светапогляду адзначаецца таксама адзінства прыроднага, гаспадарчага, сакральнага і сацыяльнага, звяртаецца ўвага на лакальнасць і замкнёнасць сялянскай прасторы, рытмічнасць працы на зямлі, культ продкаў, шанаванне і захаванне памяці аб іх, адчуванне духоўнай сувязі і сацыяльнай агульнасці [7, 8].

Найбольш ярка гэтыя асаблівасці праяўляюцца ва ўспамінах, фальклоры, абрадах, мове, «месцах памяці», замкнёных ў прасторы вёскі. У той час як дакументаванне (сямейныя архівы) з'яўляюцца рэдкасцю, ў пэўнай ступені характэрныя больш для прадстаўнікоў вясковай інтэлігенцыі (настаўнікаў, святароў, кіраўнікоў) і сустракаюцца спарадычна і несістэмна [9]. Праз вусныя ўспаміны, якія жыхары вёскі традыцыйна пераказвалі сваім дзецям і ўнукам перадаваліся не толькі асноўныя каштоўнасці і мадэлі паводзінаў, але і памяць пра падзеі. У пераважнай большасці выпадкаў нават асабістыя падзеі жыцця змяшчаліся ў кантэкст жыцця вёскі (супольнасці) і даволі рэдка выходзілі за яе межы. Вёска з'яўлялася цэнтрам і пачаткам сусвету. З канца 1970-х гг. механізм перадачы жывой памяці, як ўжо адзначалася, пачаў страчваць сваю эфектыўнасць, а успаміны вяскоўцаў станавіліся ўсё больш аб'ектам цікавасці спачатку краязнаўцаў, а пазней і прафесійных навукоўцаў (гісторыкаў, этнографікаў, антрапологаў і інш.).

У пачатку XXI ст. навукоўцамі фіксаваўся дастаткова шырокі спектр тэматычных сюжэтаў і падзей, якія прамаўляліся і асэнсоўваліся вяскоўцамі праз прызму ўласнага лёсу і жыцця вёскі. Частка гэтых тэм, як напрыклад, паўстанне 1863–1864 гг., выступалі выключна ў форме постпамяці, пераказваліся са слоў іншых, рэканструяваліся на падставе рознага кшталту сведчанняў, крыніц і ўласных разважанняў. Ва ўспамінах фіксаваліся такія падзеі XX ст. як: выезды на заробкі ў Амерыку ці глыб Расіі, Першую сусветную вайну (бежанства), жыццё «за польскім часам» (1921–1939), калектывізацыя сельскай гаспадаркі да і пасля вайны, рэпрэсіі, «першыя Саветы» (1939–1941 гг.), вайна, антысавецкі пасляваенны супраціў, пасляваенная штодзённасць (праца ў калгасе), Чарнобыльская катастрофа, перабудова, заняпад вёскі з канца 1990-х гг. [10, С. 207–209] Цэнтральнай падзеяй калектыўнай памяці вяскоўцаў стала Другая сусветная вайна. Ступень траўматычнасці падзей стагоддзя

маркіравалася праз эмоцыі рэспандэнтаў у працэсе згадвання, дэталізацыю і індывідуалізацыю падзей, немагчымасць іх абагульнення. Аповеды пра менш траўматычнае стваралі больш іранічных і фалькларызаваных вобразаў, што характэрна, напрыклад, для тэм пра пасляваенную калектывізацыю, штодзённасць калгасаў і Чарнобыльскую катастрофу [11].

Цяпер гэтая памяць існуе ўжо пераважна ў форме этнаграфічных і вуснагістарычных архіваў [12], летапісаў вёсак, пісьмовых і друкаваных успамінаў, краязнаўчых і навуковых прац [13]. У меншай ступені перадаецца як жывая сямейная памяць, ці рэканструкцыя традыцый і абрадаў канкрэтнай вясковай супольнасці, паколькі такія механізмы ўсё яшчэ з'яўляюцца новымі, не апрабаванымі і складаным для рэалізацыі для былых ці існых вяскоўцаў. Сучасная свядомасць прадстаўнікоў гэтай сацыяльнай групы будзе пераважна на настальгічным вобразе вёскі, спробах аднаўлення і захавання старажытнай вясковай культуры для замацавання і трансляцыі ўласнай і калектывнай ідэнтычнасці. Разбурэнне традыцыйных механізмаў перадачы памяці падштурхоўвае да пошуку і выпрацоўкі новых.

Адным з асноўных эмацыйных рухаючых фактараў для рэалізацыі новых стратэгіяў захавання памяці з'яўляецца настальгія па страчанай вясковай супольнасці і прасторы, а таксама пошукі ўласнай ідэнтычнасці, якая б будавалася на сямейнай гісторыі і гісторыі вёскі. Як прыклад можна прывесці в. Ліпляны, Лельчыцкага р-на. Для ліплянцаў сучаснымі механізмамі перадачы памяці з'яўляюцца мастацкая самадзейнасць, летапіс вёскі, Дзень вёскі, традыцыйныя святы (Купалле, Дажынкi і інш.), стварэнне фільмаў, вершаў, апавяданняў. У іх вусных успамінах выразна бачны настальгічны вобраз вёскі і жаданне зафіксаваць памяць і перадаць яе сваім нашчадкам:

Пасля пяцідзсяці, сапраўды, карані, дадому хочацца. І Ліпляны мяне цягнуць. Самыя яркія ўражання, вядома, былі і застаюцца тут. (Людміла Ашомка)

Я многа раз разлуку адчуваю, Удалечыні ад роднага сяла. Мяне далёка ад раднога краю, Майго жыцця дарога завяла. Хоць час сцірае дарагія рысы, І толькі з яркіх астаўляем муць. Іх вобраз неяк часу не даліся. І ўсё часцей у памяці устаюць. Устаюць яны, як я закрыю вочы. Устаюць яны як марыць я пачну. Як бы сказаць яны мне вельмі хочуць. Каб я да іх хоць на дзень зазірнуў. (Уладзімір Паўлечка)

Мне вельмі шкада, што мае дзеці сёння жывуць і праводзяць амаль увесь час у Мінску... Што з'яўляецца іх радзімай? Двор? Дом, у якім мы жывём? Складана ўявіць, якое месца яны будуць называць радзімай. Чым далей, чым сталейшым я раблюся, тым больш разумею, што Ліпляны – гэта маё адзінае роднае месца на зямлі. Я вельмі зайздросчу мінчукам, у якіх гэта месца – Мінск. Таму што яны маюць магчымасць і жыць, і працаваць, і займацца звычайнымі рэчамі, знаходзячыся ў гэтым месцы. Ліпляны – гэта для мяне тая адзіная, маленькая радзіма, дзе ўсё ўспрымаецца зусім па-іншаму. Я люблю прыроду. Але калі я бачу гэтую ж прыроду, а то яшчэ і прыгажэй, там дзесьці ў Еўропе – гэта зусім не выклікае тых эмоцый, як у Ліплянах. Хоць я паўжыцця пражыў у Мінску, паўжыцця ў Мікашэвічах, але цалкам відавочна, што я ніколі не назаву ні Мікашэвічы, ні Мінск радзімай, колькі б часу тут не жыў і якія б падзеі мяне не звязвалі з гэтымі месцамі. Ліпляны – гэта тая адзіная маленькая радзіма, з якой свет успрымаецца па-іншаму. (Ігар Жабароўскі) [14, С. 8, 12, 269].

Пры трансфармацыі камунікатыўных стратэгий і механізмаў адбываюцца і змены адносінаў да сямейных артэфактаў, якія страчваюць сваё практычнае, а часта і эмацыйнае значэнне. Швейная машынка, якая была выратаваная ў вайну і абшывала ўсю вёску доўгі час, ці адзіны на вёску даваенны ручнік, з якім хаваліся ў балотах – у лепшым выпадку стануць музейнымі экспанатамі «без гісторыі», сэнсавага і эмацыйнага напаўнення, якое яны мелі для асобных членаў сям'і і супольнасці. Але сёння адным вельмі выразным сродкам фіксацыі калектыўнай памяці вёскі і настальгіі з'яўляецца сама яе прастора – бацькоўскія хаты, могілкі, мікратапанімія і інш.

Калі зноў звярнуцца да ілюстрацыі на прыкладзе в. Ліпляны, то там можна вылучыць некалькі такіх месцаў. Першае, гэта т. зв. Цвінтар, дзе па легендзе з'явілася на дрэве ікона Маці Божай і была пабудаваная капліца. Капліца была спалена ў вайну і цяпер рэканструюецца. Найбольш старажытным артэфактам на тэрыторыі вёскі можна лічыць каменны крыж на могілках, з выразнымі антрапаморфнымі (чалавекападобнымі) прыкметамі. Гісторыі аб яго з'яўленні зафіксаваныя не былі і зыйшлі ў нябыт. Але цікава тое, што крыж за апошні час перажыў т. зв. другасную міфалагізацыю: на ім з'явіліся стужкі, кветкі, ручнікі, а таксама скрынка з грашыма. Гэта адбылося пад уздзеяннем шырокай папулярызатыі легендаў пра тураўскія крыжы па ўсім рэгіёне, а таксама звязана з узнаўленнем цікавасці мясцовых жыхароў да старажытнай спадчыны.

Вельмі важным «месцам памяці» ліплянцаў з'яўляецца адзіная даваенная хата, якая ацалела падчас вайны і выратаўвала вяскоўцаў ад холаду. І нарэшце важнае значэнне маюць месцы, якія фіксуюцца пра мікратапанімію і звязаныя з пэўнымі падзеямі жыцця вёскі (Дзярытак, Елье, Цвінтар і інш.)

На Дзярытку праходзілі часцей за ўсё танцы. Тут, калі праводзілі ў армію, малады чалавек кідаў хустачку. Развітваўся з усімі. Тут яго і сустракалі, калі ён адслужыў належны тэрмін. [Тут пасля вайны] інваліды начавалі для таго, каб з раницы пайсці збіраць у людзей міласціну. Тут жа цыганскія буды начавалі і пльэтагоны, якія гналі лес. І заўсёды праз масток дзяжурыў адзін чалавек (Міхаіл Сечка)

Падчас вайны Елье было такое, што чалавеку невялікага росту можна было схваціць. Гэта 70–80 гадоў гэтаму лесу. Людзі хаваліся там, каб немцы ці паліцаі не маглі дастаць. (Уладзімір Паўлечка)

У Лузе Марыю [Лось] расстралялі. Там магілка была. Казалі «Мар'іна магіла». Яе дочка, як меліярацыя праходзіла, бегала да казала: «Хаця б магілу не заарыце». Так яе і пакінулі, яна абгароджаная стаіць. У Лузе. (Ніна Лось) [14, С. 40–51]

Такім чынам, асаблівасці культурнай памяці вяскоўцаў дазваляюць казаць аб даволі сціпрых выніках яе дакументавання. У агульным архіве «калектыўнай памяці вёскі», дакументальныя сведчанні маюць другаснае значэнне і часта ўспрымаюцца як знешнія, чужыя, не характэрныя для дадзенай супольнасці. Найбольш значнымі яе праяўленнямі з'яўляюцца успаміны, што за апошнія часы перажылі трансфармацыю механізмаў перадачы, прастора вёскі, што праяўляецца ў наяўнасці месцаў памяці вясковай супольнасці. Сучаснымі формамі перадачы памяці вяскоўцаў з'яўляецца мастацкая самадзейнасць (запіс і узнаўленне традыцыйных спеваў), рэканструкцыя традыцыйных святаў, стварэнне аматарскіх фільмаў, напісанне успамінаў, вершаў, апавяданняў, гістарычных краязнаўчых нарысаў і ў рэдкіх выпадках навуковых прац. Па сутнасці мы маем справу з сучаснай формай архіва, які ўключае ў сябе пераважна нефіксаваную дакументальна інфармацыю і зыходзіць з пэўнага вобразу, які група мае, захоўвае і трансліруе для захавання ідэнтычнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нора П. Франция-память. СПб., 1999.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Электрон. ресурс: Неприкосновенный запас. 2005. № № 2–3. Рэжым доступу: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> Дата доступу: 19. 09. 2021.

3. Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / edited by Astrid Erll, Ansgar Nünning. Berlin, 2008.
4. Шуб М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход у определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 1. С. 4–11.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.
6. Іванова В. Ліпляны. Біяграфія і штодзённасць беларускай вёскі. Мінск, 2019. 404 с.
7. Engelking A. Kołchoznicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi Białoruskiej przelomu XX i XXI wieku. Toruń, 2012.
8. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008.
9. Сямейныя архівы беларускіх вяскоўцаў і іх лёсы падчас Другой сусветнай вайны // Архивы и война. К 75-летию Победы над фашизмом [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч. конф., Минск, 4 нояб. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. А. Г. Кохановского; науч. ред. М. Ф. Шумейко. Минск: БГУ, 2021. С. 47–54.
10. Параўнайце з тэмамі інтэрв'ю вяскоўцаў з Алтайскага краю Расіі: Щеглова, Т. К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул, 2011.
11. Іванова, В. Прамоўленая гісторыя: XX ст. у памяці жыхароў беларускай вёскі. Мінск, 2018.
12. Беларускі архіў вуснай гісторыі. [Электрон. рэсурс]. URL: <http://nashapamias.org>. Дата доступа: 20. 04. 2020
13. Гл. напрыклад: Маисейко Н. Н. Деревня Лука. 2002; Кісялёў У. М. Паранення ўспаміны: з акупацыйнага жыцця вёскі Дараганова. Мінск, 2010 і інш.
14. Іванова В. Ліпляны. Біяграфія і штодзённасць беларускай вёскі. Мінск, 2019.

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ П. Н. ЖУКОВИЧА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Е. М. Ирха

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул.
Ожешко, 22, 23000, г. Гродно, Беларусь, Irxa_EM@grsu.by*

В творчестве российского историка конца XIX – начала XX в. П. Н. Жуковича значительное место занимают рецензии, подготовленные на магистерские диссертации, монографии, научные статьи и обзоры историков данного периода. В докладе автор предпринял попытку систематизировать написанные историком рецензии и оценить их значение в историографическом наследии П. Н. Жуковича. Особое внимание автор обращает на многогранность научных интересов исследователя, академичность и профессионализм в подготовке рецензий с учётом требований исторической науки рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: научная рецензия; российская дореволюционная историография; П. Н. Жукович; церковная история; Санкт-Петербургская духовная академия.

SCIENTIFIC REVIEWS OF P. N. ZHUKOVICH AS A HISTORIOGRAPHICAL SOURCE

E. M. Irha

*Yanka Kupala Grodno State University, Ozheshko str., 22, 23000, Grodno, Belarus,
Irxa_EM@grsu.by*

In the work of the Russian historian of the late XIX – early XX century P. N. Zhukovich, a significant place is occupied by reviews prepared for master's theses, monographs, scientific articles and reviews of historians of this period. In the report, the author made an attempt to systematize the reviews written by the historian and assess their significance in the historiographical heritage of P. N. Zhukovich. The author pays special attention to the versatility of the researcher's scientific interests, academicity and professionalism in the preparation of reviews, taking into account the requirements of historical science at the turn of the XIX–XX centuries.

Key words: scientific review; Russian pre-revolutionary historiography; P. N. Zhukovich; church history; St. Petersburg Theological Academy.

Одним из ярких представителей исторической науки второй половины XIX – начала XX в. является Платон Николаевич Жукович (1857–1919), видный российский историк, церковный и общественный деятель. Его научное наследие долго время оставалось без внимания и только в постсоветское время стало предметом детального исследования.

Приоритетным направлением научных интересов П. Н. Жуковича была история Речи Посполитой в XVI – начала XVII в., что нашло отражение в его кандидатской, а затем и магистерской диссертации «Кардинал Гозий и польская церковь его времени», которые были

защищены в Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) в 1881 г., 1883 г. соответственно. Обе диссертации были посвящены истории Реформации и контрреформации в Польше. Стоит отметить, что первый крупный научный труд ученого с одноименным названием был опубликован еще до защиты магистерской диссертации. В 1901 г. П. Н. Жукович защитил докторскую диссертацию «Сеймовая борьба православного русского дворянства с церковной унией до 1609 г.». После смерти своего учителя и наставника профессора М. О. Кояловича П. Н. Жукович в 1891 г. возглавил кафедру русской гражданской истории в СПбДА. В 1918 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

Кроме монографических исследований и большого количества статей П. Н. Жукович выступал и автором значительного числа научных рецензий.

Научная рецензия справедливо считается историографическим источником, поскольку в ней представлен обзор рецензируемой монографии или статьи. Кроме того, в ней могут содержаться научные идеи и взгляды рецензента. Однако, в современных историографических исследованиях этому виду источников не уделяется достаточного внимания.

Отдельное значение в историографии имеют рецензии, написанные выдающимися учеными. Как справедливо отмечает исследователь Г. А. Самохина: «Историографическое значение рецензии определяется способностью их авторов к концептуализации анализируемого ими текста, которая неотъемлема от концептуализации представлений самих рецензентов по фокусируемому ими вопросу» [1, с. 216]. Значимость рецензии как историографического источника определяется тем, что в ней формируется представление об анализируемой проблеме, что может сформировать определенное мнение еще до прочтения рецензируемого текста. Целенаправленное изучение научных рецензий как тематическое, так и хронологическое редко становится предметом исследования [1, с. 217]. Написание рецензии требует определенной научной смелости, ибо не все исследователи воспринимают достаточно спокойно критические замечания в свой адрес. Однако, полемическая направленность рецензий способствует развитию представлений о предмете исследования и призвана акцентировать внимание на достоинствах и недостатках рецензируемой работы.

Рецензии как историографический жанр получил широкое распространение еще в дореволюционной России, отличаясь разнообразием стилей и индивидуальностью изложения. Особый интерес представляли рецензии, где совпадали научные интересы автора научного труда и рецензента, который, не стесняясь, оспаривал отдельные положения представленных концепций, выявляя «спорные тезисы» и «недостаточно убедительные доказательства» [2, с. 130].

Объектами рецензий чаще всего становились книги, статьи, сборники документов и статистические материалы, опубликованные в виде книги диссертации. Во второй половине XIX – начале XX в. рецензии, или так называемые «обозрения научных сочинений», публиковались в научных журналах, например в «Журнале Министерства народного просвещения», университетских изданиях «Ученые записки Казанского университета», «Университетские известия» (Киевский императорский университет), «Христианское чтение» (СПбДА) и др. Отличительная особенностью рецензий того времени – гораздо больший сравнительно с современными объем, поэтому их могли публиковать по частям в разных выпусках журнала. Поскольку рецензентами выступали, как правило, академики, профессора, журналы становились своеобразной дискуссионной площадкой.

П. Н. Жукович, как известно, являлся специалистом по конфессиональной истории, поэтому значительная часть написанных им рецензий относится непосредственно к предмету научных изысканий и интересов ученого. Историк готовил рецензии на труды по церковной истории, написанные не только на русском, но и польском языках.

П. Н. Жуковичем было опубликовано значительное количество рецензий в научно-богословском журнале СПбДА «Христианское чтение». Кроме того, он несколько раз выступал в качестве рецензента научных исследований, представленных на соискание Макарьевской премии (премия имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), которая присуждалась за выдающиеся работы русских ученых в области истории и богословия, а также Уваровской премии (премия имени графа С. С. Уварова), которая присуждалась за труды по русской истории. В качестве примера таких рецензий служат : «Отзыв о сочинении Киприановича «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православной церковью в 1839 г.» [3], «Отзыв о сочинении свящ. Н. Извекова «История Литовской духовной семинарии»» [4], «Отзыв о

сочинении Н. Шпачинского «Киевский митрополит Арсений Могилянский и состояние Киевской митрополии в его правление (1757–1770)», Киев. 1907» [5] и др.

Особый интерес у П. Н. Жуковича вызывала конфессиональная история западного региона Российской империи. Ученый часто выступал в качестве эксперта, рецензируя работы по данной тематике. например: «Из истории Брестского собора. Соч. Др. Ивана Франко. I кн. 1895» [6], «А. Галицкий. Возникновение церковной Брестской унии: Временник Ставропигийского института на 1896 г. Львов» [7].

Круг интересов П. Н. Жуковича не ограничивался только конфессиональной тематикой; он неоднократно писал отзывы о трудах, посвященных царствованию русских императоров [8; 9]. Кроме того, в его научном наследии присутствуют рецензии на произведения, посвященные кодификации гражданских законов [10], городу Суздалью и его достопримечательностям [11], актам, издаваемым археографическими комиссиями [12] и др.

Большое количество рецензий было посвящено кандидатским и магистерским работам выпускников Санкт-Петербургской духовной академии, в которой преподавал П. Н. Жукович. Студенты в своих диссертациях затрагивали самые разнообразные вопросы, посвященные проблемам церковной и общественной жизни. Информация о содержании диссертаций представлена в отзывах научных руководителей, опубликованных в «Журналах заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии». В 1910–1911 г. в Устав академии было внесено изменение, по которому для рецензирования кандидатских работ назначался оппонент или второй рецензент. Историк Д. А. Карпук отмечает, что данные рецензии имеют важное значение для современных исследователей, поскольку часть кандидатских и магистерских диссертаций была утрачена после 1918 г., и рецензии таким образом являются единственным подтверждением написания данных работ [13]. Рецензии, написанные П. Н. Жуковичем, также опубликованы в «Журналах заседаний СПбДА». В качестве примера таких рецензий укажем на отзывы на сочинения студентов Дурницына Д. на тему «Религиозно-церковное состояние Пскова и его областей в XVI–XVII вв.» [14], Тополева П. на тему «Церковно-государственное служение патриарха Филарета Никитича» [15] и др.

Ряд рецензий содержит в себе информацию, характеризующую научно-исследовательские взгляды и интересы П. Н. Жуковича, и

представляет особую ценность как историографический источник для изучения личности историка.

Одна из наиболее ярких научных рецензий П. Н. Жуковича посвящена исследованию польского епископа Эдварда Ликовского «Брестская уния (1596)» [16], которое последний написал в честь 300-летия данного события. В современной польской историографии «Брестская уния» считается одним из ведущих исследований в польской униалогии XIX в. Следует отметить, что долгое время эта работа оставалась «самой лучшей польской монографией посвященной истории Брестской церковной унии» [17], и она широко цитируется в научных трудах современных церковных историков разных стран, так как по ряду аспектов не устарела до настоящего времени.

В рецензии на труд «Брестская уния (1596 г.)» Э. Ликовского П. Н. Жукович подробно анализирует структуру книги [18]. П. Н. Жукович отмечает, что проблемы, поставленные Э. Ликовским, схожи с проблемами, которые изучались российскими исследователями унии, они вполне оправданы, и ученый не высказывает против них критических замечаний. Однако историк отмечает, что данные темы излагаются с «конфессиональной римско-католической точки зрения» [18, с. 517]. Следует отметить схожесть структуры труда П. Н. Жуковича «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)» [19] с рецензируемой работой.

П. Н. Жукович считал, что по некоторым проблемам истории православной церкви на землях Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой Э. Ликовский высказывается достаточно объективно и близок к взглядам такого крупного российского церковного историка как митрополит Макарий [18, с. 518]: польский историк унии обращает внимание на то, что до Брестского собора православные ВКЛ не всегда поддерживали связь с римской церковью. Э. Ликовский отвергает утверждение предыдущих польских исследователей, что со времени митрополита Г. Болгариновича (1458 г.) в течение 80 лет киевские митрополиты находились в единении с римско-католической церковью [18, с. 518].

В то же время П. Н. Жукович, как и большинство российских церковных историков со времен М. О. Кояловича, считает ответственными за внутренний кризис православия римско-католическую церковь и правительства Речи Посполитой. Он указывает, что причиной церковного расстройств православия были «извращения на латино-польский лад

внутреннего православно-русского строя жизни, совершившегося в течение многих лет, против которых оказались бесплодными все усилия православных людей Западной Руси. Это было одно из губительных следствий общего социально-политического натиска польской стихии» [18, с. 519].

П. Н. Жукович в своей рецензии задается вопросом, зародилась ли идея унии извне, или она имела внутренние предпосылки в среде православия Речи Посполитой. Он упрекает Э. Ликовского и даже говорит, что тот не замечает «какую дурную услугу оказывает он своей церкви, разрисовывая самыми яркими красками деморализацию западно-русской церкви, особенно западно-русского епископата XVI в.» [18, с. 520]. Следует отметить, что впоследствии в своем труде «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)» П. Н. Жукович не отрицает внутренних предпосылок для возникновения унии (деятельность отдельных епископов, проекты унии К. Острожского и др.) [19, с. 42–52, 90–110].

Разработку проблемы участия правящих кругов Речи Посполитой и католической иерархии в подготовке унии П. Н. Жукович называет «серьезным достоинством третьей книги польского историка» [18, с. 520]. П. Н. Жукович совершенно верно считает, что Э. Ликовским было мало сделано для исследования «отношения к делу церковной унии польско-литовских сеймов» и поднимает здесь вопросы сеймовой борьбы по проблемам унии, которыми сам подробно и новаторски занимался [18, с. 521–522].

П. Н. Жукович отметил, что рецензируемая работа написана живо и интересно, но при этом обратил внимание, что многие положения автора вызывают сомнения, а в некоторых материалах нет научной новизны, так как они были уже изданы археографическими комиссиями в Российской империи. Однако П. Н. Жукович подчеркивает, что «главный научный интерес рассматриваемой книги составляют помещенные в ней выписки из римских архивов – польской нунциатуры, конгрегации пропаганды и архива Боргозианского» [18, с. 522], документы, впервые введенные Э. Ликовским в научный оборот, на которые П. Н. Жукович впоследствии ссылается в своем труде «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)» [19, с. 101, 165].

В конце своей рецензии П. Н. Жукович высказывает мысль о том, что работа Э. Ликовского – это попытка римско-католической церкви воздействовать на православие и «наставить на путь истинный и поляков-

католиков, и русских униатов, западноруссов и через них и всех россиян расположить в пользу унии» [18, с. 526].

Таким образом, данная рецензия является примером объективного научного рассмотрения концепции генезиса Брестской церковной унии Э. Ликовского. П. Н. Жукович указывает на сильные и слабые стороны исследования, признает ценность работы Э. Ликовского по введению в научный оборот новых источников, по некоторым аспектам ученый соглашается с выводами Э. Ликовского. Вместе с тем в рецензии присутствуют характерные для того времени штампы в оценках работ римско-католических церковных ученых. В отношении некоторых оценок Э. Ликовского П. Н. Жукович употребляет категории «мрачная картина», «безотрадное положение», «сумасбродные надежды» и др. [18, с. 517, 525]. Анализ данной рецензии позволяет проследить, как у П. Н. Жуковича рождаются новые оценки и подходы к истории унии, изложенные впоследствии в его самом выдающемся труде «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.)».

Таким образом, следует отметить многогранность научных интересов П. Н. Жуковича, академичность и профессионализм в подготовке рецензий с учетом требований исторической науки рубежа XIX – начала XX в., серьезное и неформальное отношение к написанию рецензии, успешное решение аналитических задач. Рецензии, написанные историком, внесли свой вклад в развитие историографии рассматриваемого периода, что позволяет считать их важным источником при изучении исторических взглядов П. Н. Жуковича.

Библиографические ссылки

1. Самохина Г. А. Историографическое значение научных рецензий периода расцвета советской исторической науки (на примере рецензирования исследований 1960–1970-х гг. о роли России в Антанте в период Первой мировой войны) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 7 (126). Выпуск 22. С. 216–221.
2. Морозов О. Критерии оценивания научных текстов в рецензиях второй половины XIX века: «Журнал Министерства народного просвещения» // Новое литературное обозрение. 2018. № 2 (150). С. 129–138.
3. Жукович П. Н. Отзывы о сочинении Киприановича «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 году». Вильно, 1893 г., представленном на соискание Макарьевской премии // Христианское чтение. 1897. № 1. С. 197–203.

4. Жукович П. Н. Отзыв о сочинении свящ. Н. Извекова «История Литовской духовной семинарии», представленном на соискание Макарьевской премии // Христианское чтение. 1895. № 9–10. С. 406–411.
5. Жукович П. Н. Отзыв о сочинении Н. Шпачинского: «Киевский митрополит Арсений Могилянский и состояние Киевской митрополии в его правление (1757–1770)», Киев. 1907. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1910. С. 209–226.
6. Жукович П. Н. Из истории Брестского собора. Соч. Др. Ивана Франко. I кн. 1895 // Христианское чтение. 1895. № 5–6. С. 640–643.
7. Жукович П. Н. А. Галицкий. Возникновение церковной Брестской унии: Временник Ставропигийского института на 1896 г. Львов // Христианское чтение. 1896. № 5–6. С. 743–750.
8. Жукович П. Н. Н. К. Шильдер. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Том I. СПб., 1903 // Христианское чтение. 1903. № 10. С. 507–535.
9. Жукович П. Н. С. С. Татищев, Император Александр II, его жизнь и царствование. Томы I и II. СПб., 1903 // Христианское чтение. 1903. № 11. С. 667–695.
10. Жукович П. Н. Барон А. Э. Нольде. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Выпуск I. Попытка кодификации литовско-польского права. СПб., 1906 // Христианское чтение. 1907. № 11. С. 678–682.
11. Жукович П. Н. Суздаль и его достопамятности. Труды Ученой архивной комиссии. Книга 14. М., 1912 г. // Христианское чтение. 1913. № 1. С. 134–137.
12. Жукович П. Н. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Том XXXIII. Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. Вильно. 1908 // Христианское чтение. 1909. № 3. С. 466–472.
13. Карпук Д. А. Русское монашество по кандидатским диссертациям Санкт-Петербургской духовной академии // Филаретовский альманах. 2015. № 11. С. 138–164.
14. Жукович П. Н. Отзыв о сочинении студента Дурницына Дмитрия «Религиозно-церковное состояние Пскова и его областей в XVI–XVII вв.» // Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1897–1898 учебный год. 1899. С. 210–211.
15. Жукович П. Н. Отзыв о сочинении студента Тополева Петра на тему «Церковно-государственное служение патриарха Филарета Никитича» // Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1897–1898 учебный год. 1899. С. 212–213.
16. Likowski E. Unia Brzeska (r. 1596): opowiedziana przez Ks. Edwarda Likowskiego. Warszawa: Skład główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa. 1907.
17. Kołbuk W. Unia Brzeska w Dziewiętnastowiecznej historiografii polskiej // Poczni Humanistyczne. 1993. Tom XLI, zeszyt 7. S. 13–20.
18. Жукович П. Н. Брестская уния (1596 г.), рассказанная епископом Эдуардом Ликовским, познаньским суфраганом. Познань, 1896 г. // Христианское чтение. 1897. № 10. С. 516–534.
19. Жукович П. Н. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). СПб.: Типография Главного управления уделов. 1901.

ИСТОРИЯ С «ГРИФОМ»: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ МИЛИЦИИ

А. В. Кащеев

*Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики
Беларусь»,
пр-т Машерова, 6, 220005, г. Минск, Беларусь, kascheevav@rambler.ru*

Рассматриваются направления и особенности исследования истории белорусской милиции в советский период. Отмечается, что начало системного исследования истории советской милиции в целом, и белорусской милиции, в частности, связано с формированием сети ведомственных учреждений высшего образования. На территории БССР таким учреждением образования стала Минская высшая школа МВД СССР. При этом специфика деятельности органов милиции и проводимая в советском государстве историографическая политика оказали влияние на присвоение большинству работ по истории милиции с ограничительного грифа.

Ключевые слова: советская историография; милиция; БССР; историографическая политика; ограничительный гриф.

HISTORY WITH «GRIFF»: SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF THE BELARUSIAN POLICE

A. V. Kascheev

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 220005, Minsk,
Masherov Avenue, 6, 220005, Minsk, Belarus, kascheevav@rambler.ru*

The directions and features of the study of the history of the Belarusian militia in the Soviet period are considered. It is noted that the beginning of a systematic study of the history of the Soviet militia in general, and the Belarusian militia in particular, is associated with the formation of a network of departmental institutions of higher education. On the territory of the BSSR, such an educational institution was the Minsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. At the same time, the specifics of the activities of the militia bodies and the historical policy pursued in the Soviet state influenced the assignment of most works on the history of the militia with a stamp for official use.

Key words: Soviet historiography; police; BSSR; historical politics; restrictive stamp.

Исторические исследования у большинства историков не ассоциируются с некой тайной, доступ к которой должен быть ограничен для их коллег и простых читателей. При этом в рамках действующего законодательства многие вопросы, связанные с деятельностью, например, белорусских правоохранительных органов в тот либо иной период их существования, остаются недоступными для опубликования в открытой печати. Причины этого кроются в специфике деятельности таких органов, и связанных с ней ограничениях на доступ к материалам ведомственных архивов. Однако это совсем не значит, что история правоохранительных органов не изучалась ранее и не изучается сегодня, совсем наоборот.

Изучению различных аспектов деятельности правоохранительных органов всегда уделялось особое внимание. И советский период нашей истории в этом смысле является ярким примером. Одним из ключевых органов советской правоохранительной системы и «верной» опорой коммунистической партии являлась милиция. Советская (рабоче-крестьянская) милиция стала формироваться практически одновременно с установлением советской власти во главе с большевиками [13, с. 159]. Хотя появление милиции в качестве органа обеспечения правопорядка связано с победой Февральской революции 1917 г. в России. Создание милиции на территории Беларуси происходило как в рамках общероссийских общественно-политических процессов, так и в рамках построения национальной государственности в форме Социалистической Советской Республики Белоруссии.

Уже во второй половине 1920-х гг. появились первые публикации, посвященные белорусской милиции. Они были представлены небольшими заметками в ежемесячном журнале НКВД РСФСР «Административный вестник». Этот журнал был нацелен на широкое освещение как вопросов административного управления, так и практической деятельности «органов милиции, уголовного розыска, загсов и мест заключения». Однако только в 1927 г. появилось издание, претендующее на звание первой работы по истории белорусской милиции [12]. Оно являлось одновременно первым юбилейным изданием. Необходимо отметить, что публикации, появившиеся в 1920-ые гг. в условиях проведения новой экономической политики были доступны широкому кругу читателей и не имели ограничений по распространению.

Ситуация кардинально изменилась с усилением командно-административных начал в управлении СССР. Например, начавшая издаваться с 1931 г. ведомственная газета белорусской милиции «На варце Кастрычніка» имела гриф «Для служебного пользования» (далее – ДСП) и распространялась по подписке только среди сотрудников милиции. В 30–50-ые гг. XX в. крупных работ по истории органов внутренних дел (далее – ОВД) как СССР, так и БССР, не издавалось. Фактически с 1930-х гг. в советском обществе закрепилось представление о закрытости милиции и недопустимости широкого освещения ее деятельности в открытой печати. Более того, проводимая советским правительством политика жесткого контроля за доступом и работой в архивах исследователей, также способствовала этому. Такая ситуация сохранялась вплоть до введения гласности в СССР.

Тем не менее с конца 1950-х и до распада СССР история ОВД активно изучалась, что нашло свое отражение в публикациях, которые имели соответствующий ограничительный гриф. Работа в данном направлении активизировалась в связи с изменениями в кадровой политике, нацеленной на подготовку высококвалифицированных специалистов. В этой связи произошло расширение сети учреждений образования системы МВД, увеличились сроки обучения и переподготовки, изменились образовательные программы. В результате проведенных мероприятий одним из преподаваемых предметов стала история ОВД, которая рассматривалась как историко-правовая дисциплина. В структуре Высшей школы милиции МВД СССР (с 1974 г. – Академия МВД СССР) было создано отдельное структурное подразделение – кафедра истории ОВД. Для обеспечения образовательного процесса была необходима научная основа, которую формировали диссертационные исследования сотрудников ОВД. Последние в свою очередь обладали возможностью работать с материалами по истории ОВД и публиковать результаты своих исследований в специальных изданиях. Одними из первых к изучению истории ОВД приступили юристы в рамках специальности 12. 00. 01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. В результате на базе Академии МВД СССР сформировалась целая научная школа по истории ОВД во главе с доктором юридических наук, профессором Р. С. Мулукаевым, который одним из первых рассмотрел организационно-правовые основы формирования советской милиции в 1917–1920 гг. [14]. Все защищенные в рамках данной научной школы в советский период диссертации, например, А. В. Вениосова [3], имели ограничительный гриф ДСП.

Начало изучения истории белорусской милиции также связано со становлением ведомственного образования на территории БССР. В 1958 г. в Минске было создано Минское отделение факультета заочного обучения Высшей школы МВД СССР, которое в 1966 г. было преобразовано в Минский очно-заочный факультет МООП РСФСР⁷. Сотрудники этого факультета приняли непосредственное участие в подготовке юбилейного издания, посвященного 50-летию белорусской милиции [11]. Его

⁷ В 1960 г. союзно-республиканское МВД СССР было ликвидировано, его функции, а также подразделения центрально подчинения, в частности учреждения образования, были переданы республиканским МВД. В 1962 г. республиканские МВД были преобразованы в Министерства охраны общественного порядка (МООП). В 1966 г. было создано союзно-республиканское МООП СССР, которому были переподчинены учреждения образования. В 1968 г. МООП СССР было преобразовано в МВД СССР.

авторский коллектив проделал значительную работу по сбору и анализу материала по истории белорусской милиции, отмечая, что системных научных исследований по данной тематике к концу 1960-х гг. еще не существовало [11, с. 7].

В рамках празднования 50-летия создания Советского государства силами МООП БССР и Минского очно-заочного факультета Высшей школы МООП СССР была проведена теоретическая конференция, по итогам которой издан сборник материалов. В нем были и работы по истории белорусской милиции, в частности, В. Н. Бохурова, в которой представлена деятельность милиции на территории Западной Беларуси в 1939–1941 гг. [1, с. 73–74]. Как юбилейное издание, так и сборник материалов конференции опубликованы с грифом ДСП и были ориентированы на сотрудников милиции и обучающихся указанного факультета. Следует отметить, что в 60-е гг. XX в. исследования по истории белорусской милиции не носили системный характер, их появление было обусловлено ведомственным либо личным интересом ученого, что подтверждалось отсутствием диссертационных исследований по данной тематике, подготовленных сотрудниками/работниками органов внутренних дел.

Начало системного исследования истории белорусской милиции связано с созданием Минской высшей школы МВД СССР (далее – МВШ МВД). При этом одной из первых защищенных в БССР диссертаций по данной проблеме, была работа Н. И. Ильинского [8]. В отличие от представителей научной школы по истории ОВД, действующей в Академии МВД СССР, исследователи истории белорусской милиции чаще всего защищали диссертации по историческим наукам. Фактически за первые 15 лет существования МВШ МВД ее сотрудники подготовили и защитили диссертационные работы охватывающие практически весь период существования белорусской милиции. В 1984 г. докторскую диссертацию защитил Н. И. Ильинский [9]. Его работа стала логическим продолжением той тематики, которую он начал разрабатывать еще при подготовке и защите кандидатской диссертации. Через год докторскую диссертацию защитил А. Ф. Вишнеvский, который разрабатывал историю белорусской милиции довоенного периода [5]. В 1987 г. кандидатскую диссертацию защитил А. В. Шарков, разрабатывающий проблемы деятельность ОВД на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны [16]. В 1991 г. доктором исторических наук стал В. А. Ананич, который основное внимание сконцентрировал на деятельности ОВД в

1971–1985 гг. [2]. Результаты научных исследований указанных авторов нашли непосредственное отражение в образовательном процессе МВШ МВД и легли в основу целого ряда учебных пособий [4, 6, 10, 17]. Более того, они стали основой юбилейного издания, посвященного 70-летию белорусской милиции [15]. Большинство изданных в этот период публикаций было предназначено только для служебного пользования.

Политика гласности и распад СССР оказали существенное влияние на отечественную историческую науку. Отказ от марксистско-ленинских подходов в исторических исследованиях и свободный доступ к архивным источникам значительно расширил проблемное и тематическое поле исследований. В этих условиях наработки советской историографии подверглись существенной ревизии, в связи с чем наличие ограничительного грифа у большинства публикаций по истории белорусской милиции теряло всякий смысл. В 1995 г. появился первый «негрифованный» учебник по истории белорусской милиции [7], а на протяжении следующего десятилетия большинство из выше упомянутых работ лишились грифа ДСП и стали доступны широкому кругу читателей. Они сохраняют актуальности и сегодня, являясь одной из интереснейших страниц белорусской историографии.

Библиографический список

1. 50 лет Советского государства и права: материалы теорет. конф., Минск, 10 окт. 1967 г. / М-во охраны обществ. порядка БССР ; Минский фак. Высш. школы МООН СССР ; ред. кол.: И. О. Тимошенко (глав. ред.) [и др.]. Минск, 1968.
2. Ананич В. А. Деятельность милиции Белорусской ССР по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью (1971–1985гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1991.
3. Вениосов А. В. Деятельность советской милиции по реализации решений местных органов власти в сфере охраны общественного порядка в период строительства социализма (1921–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.
4. Вишневский А. Ф. Организационное укрепление милиции Советской Белоруссии в годы восстановления народного хозяйства и создания фундамента социализма (1921–1932 гг.): учебное пособие. Минск: Победа, 1982.
5. Вишневский А. Ф. Организация и деятельность милиции Советской Белоруссии в годы строительства социализма (1917–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1985.
6. Вишневский А. Ф. Совершенствование деятельности милиции Белорусской ССР по защите интересов советского государства и охране общественного порядка (1921–1937 гг.): учебное пособие. Минск: Победа, 1988.
7. Вишневский А. Ф., Ильинский Н. И., Сороковик И. А. История милиции Беларуси (1917–1994 гг.) : учебник. Минск : Академия милиции, 1995.
8. Ильинский Н. И. Деятельность Компартии Белоруссии по укреплению органов милиции (1944–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1975.

9. Ильинский Н. И. Деятельность милиции Белорусской ССР по охране общественного порядка и борьбе с преступностью (1946–1960 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 1984.
10. Ильинский Н. И. Деятельность органов милиции Белорусской ССР по охране общественного порядка и борьбе с преступностью (1946–1959 гг.): учебное пособие. Минск: МВШ МВД СССР, 1982.
11. История милиции Белорусской ССР (1917–1967 гг.). Минск: Типография МООП БССР, 1967.
12. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі 1917–1927. Менск : Друкарня Заходняй чыгункі, 1927.
13. Мулукаев Р. С. К вопросу о правовых основах регулирования организации и деятельности советской милиции (октябрь 1917–1991 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 158–163.
14. Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 гг.): учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1975.
15. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / Под ред. В. А. Пискарева. Минск: Беларусь, 1987.
16. Шарков А. В. Деятельность органов внутренних дел Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1987.
17. Шарков А. В., Павлов В. П. Деятельность органов внутренних дел Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: учебное пособие. Минск: Победа, 1989.

КРЫНІЦЫ ВЫВУЧЭННЯ ЗАМЕЖНАЙ АДУКАЦЫІ МАГНАТАЎ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў РАННІ НОВЫ ЧАС

А. І. Калтачэнка

*Рэспубліканскага інстытуту вышэйшай школы, вул. Маскоўская, 15, 220007, г.
Мінск, Беларусь, koltachenkoalina@gmail.com*

У ранні Новы час магнаты Вялікага Княства Літоўскага мелі цікавасць да замежнай адукацыі. Спачатку дзяцей вучылі дома, пасля адпраўлялі ў школу, а ў 16–18 год выпраўлялі ў еўрапейскія ўніверсітэты. Адукацыйнае падарожжа было значнай падзеяй у жыцці магната, таму засталася шмат разнайстайных крыніц для вывучэння гэтай з’явы: метрыкі ўніверсітэтаў, лісты, бацькоўскія інструкцыі, дыярыушы, тэстаменты і г. д. Кожная крыніца мае сваю спецыфіку і дапамагае даведацца пра пэўныя асаблівасці з’явы замежнай адукацыі магнатаў Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: замежная адукацыя; магнаты Вялікага Княства Літоўскага; гістарычныя крыніцы; адукацыйныя падарожжы.

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МАГНАТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

А. И. Колтаченко

*Республиканского института высшего школьного образования, ул. Московская, 15, 220007,
Минск, Беларусь, koltachenkoalina@gmail.com*

В раннее Новое время магнаты Великого Княжества Литовского интересовались зарубежным образованием. Сначала детей учили дома, потом отправили в школу, а в 16–18 лет отправили в европейские университеты. Образовательное путешествие было значительным событием в жизни магната, поэтому существует множество различных источников для изучения этого явления: университетские метрики, письма, родительские инструкции, дневники, завещания и т. д. Каждый источник имеет свою специфику и помогает узнать об отдельных особенностях феномена зарубежного образования магнатов Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: зарубежное образование; магнаты Великого Княжества Литовского; исторические источники; образовательные путешествия.

SOURCES OF STUDY OF FOREIGN EDUCATION OF THE MAGNATES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE EARLY MODERN PERIOD

A. I. Kaltachenka

*Republican Institute of Higher Education, st. Moskovskaya, 15, 220007, Minsk, Belarus,
koltachenkoalina@gmail.com*

In earlier modern period, the magnates of the Grand Duchy of Lithuania were interested in foreign education. At first, the children were taught at home, then they were sent to school, and at the age of 16–18 they were sent to European universities. The educational journey was

a significant event in the life of the tycoon, so there are many different sources for studying this phenomenon: university metrics, letters, parental instructions, diaries, wills, etc. Each source has its own specifics and helps to learn about certain features of the phenomenon of foreign education of tycoons The Grand Duchy of Lithuania.

Key words: foreign education; magnates of the Grand Duchy of Lithuania; historical sources; educational journey.

У ранні Новы час магнаты разумелі, што выхаванне і адукацыя маладых людзей неабходная і важная з’ява. Пры гэтым акцэнт у разважаннях нахонт неабходнасці адукацыі рабіўся не на персанальных перавагах, а на карысці добраадукаванага чалавека для краіны [1, с. 389]. Увага да тэмы была значнай, шматлікія замежныя і мясцовыя аўтары пісалі свае заўвагі і парады, выпрацоўвалі найлепшыя варыянты атрымання адукацыі [1, с. 217–210; 2, с. 175–244]. У выніку склаўся ідэальны варыянт магнацкай адукацыі, які ўключаў некалькі этапаў: адукацыя дома, працяг у мясцовай школе і выезд за мяжу для адукацыі ў Еўропе. Еўрапейскае падарожжа з мэтай адукацыі ўключала наведванне цікавых універсітэцкіх лекцый, прыватныя заняткі, азнаямленне з жыццём каралеўскіх двароў, самапрэзентацыю і г. д.

Магнаты выпраўляліся ў замежнае адукацыйнае падарожжа на тры – пяць гадоў. Зразумела, што такая падзея пакідала пасля сябе пэўную колькасць розных дакументаў, якія зараз можна выкарыстоўваць для вывучэння замежнай адукацыі магнатаў ВКЛ. Гэта дакументы, якія пісаліся да выпраўлення ў падарожжа, падчас яго і пасля, а таксама не спецыфічныя крыніцы, ў якіх можна знайсці патрэбныя звесткі. Асноўнымі крыніцамі для вывучэння з’явы замежнай адукацыі з’яўляюцца бацькоўскія інструкцыі, лісты, дыярышы падарожжаў, метрыкі ўніверсітэтаў. Але ж сведчанні пра плануемае ці ўжо здзейсненае падарожжа можна знайсці ў тэстаментах, панегірыках і г. д.

Першы тып крыніц, па якіх можна вывучаць з’яву замежнай адукацыі, гэта інструкцыі і павучанні бацькоў, напісаныя для дзяцей ці іх апекуноў напярэдадні падарожжа. Гэта асаблівы жанр педагагічнага пісьма, які пачаў ўзнікаць напрыканцы XVI ст., але найбольшая колькасць захаваўшыхся інструкцый напісана была ў XVII–XVIII стст. Як піша ў сваім даследаванні Дарота Жоладзь-Стжэльчык (Dorota Żołądź-Strzelczyk), практыка такіх інструкцый прыйшла з дзейнасці дваровых служб і пасольств. Пісанне інструкцый для ўраднікаў і паслоў адбілася на тым, што такія ж інструкцыі пачалі пісаць і для сваіх дзяцей [3, с. 61]. У XVII ст. інструкцыі былі падрабязнымі, складаліся з вялікай колькасці

практичных пунктаў, а ў XVIII ст. іх змест робіцца больш філасофскім і маральна-выхаваўчым.

У адрозненні ад тэарэтычных педагагічных прац, дзе выбітныя мысляры разважалі наконт неабходнасці адукацыі і давалі агульныя парады, інструкцыі і павучанні бацькоў мелі індывідуальны характар, пісаліся адрасна. Па іх магчыма прасачыць адносіны ў сям'і, характар маладога чалавека, які выпраўляецца ў падарожжа, асноўны напрамак педагагічнага мыслення, які панаваў у час напісання інструкцыі.

Пісалі інструкцыі з мэтай давесці да дзяцей і іх апекуноў свае пажаданні, паўплываць на тое, каб час падарожжа прайшоў найбольш карысна. Хутчэй за ўсё, асноўная частка такіх павучанняў была вуснай, але захавалася і невялікая колькасць напісаных дакументаў. Змест інструкцый складаўся з апісання абавязкаў апекуна; вызначаўся маршрут падарожжа, яго мэта; агучваліся пытанні рэлігійнага, патрыятычнага, маральнага выхавання; абавязкова частку інструкцыі адводзілі пад напаміны пра фізічныя практыкаванні, парады наконт здароўя; наказы пра тое, як весці сябе ў дачыненні да розных людзей падчас падарожжа; некаторыя падымалі і пытанні фінансаў [2, с. 17–18]. Такім чынам інструкцыі павінны былі дапамагчы маладому магнату і яго апекуну зарыентавацца ў новым месце, а бацькам давалі адчуванне, што яны неяк уплываюць на сына.

У асноўным інструкцыі пісалі бацькі для сыноў, але былі выпадкі, калі інструкцыі рыхтавалі жанчыны, асабліва іх колькасць павялічылася ў XVIII ст. Як заўважылі Дарота Жоландзь-Стжэльчык і Малгажата Ева Кавальчык (Małgorzata E. Kowalczyk), маткі пісалі інструкцыі ў тым выпадку, калі бацька не паспяваў напісаць інструкцыю да сваёй смерці [2, с. 13]. Выключна рэдка інструкцыі пісалі для дачок, так захавалася інструкцыя напісаная ў 1667 г. Багуславам Радзівілам для сваёй дачкі Людвікі Караліны: «Informacja panom ekonomom córki mej w testamencie sprecyfikowanym...» [4, с. 127–141]. Асабліваць гэтай інструкцыі у тым, што пісалася яна таму, што Багуслаў Радзівіл разумеў, што жыццё яго скончыцца хутчэй, чым дачка вырасце. Таму Б. Радзівіл вызначыў асоб, якія павінны займацца выхаваннем Людвікі Караліны і звярнуў увагу на такія пытанні, як рэлігійнае выхаванне, веды, якія дачка павінна засвоіць, яе здароўе, гігіена і г. д. [2, с. 397–415].

Сярод захваўшыхся інструкцый найбольшая колькасць была напісана Радзівіламі, што не dziўна; у іх існавала традыцыя пісання такіх дакументаў, заснаваная яшчэ Мікалаем Крыштафам Радзівілам Сіроткай,

які напісаў для сваіх сыноў «Admonitorium» [5, с. 218–240]. Захаваўся комплекс з пяці лістоў і інструкцый Крыштафа Радзівіла, напісаных для сына Януша ў перыяд з 1622 па 1628 г. [2, с. 175–244], тры інструкцыі, напісаныя ў 1733 г. Ганнай з Сангушкаў Радзівіл для сына Гераніма Фларыяна [6, с. 370–430], інструкцыя самога Гераніма Фларыяна [7, с. 177–205], яго брата Міхала Казіміра Радзівіла Рыбанькі, напісаная для губернера сыноў у 1742–1743 гг. [8] і інструкцыя Караліны з Пацеяў Радзівіл, напісаная ў 1766 г. для сына Юрыя [7, с. 255–267].

Замежную адукацыю можна вывучаць і па дакументах, якія былі напісаны ўжо пасля выезда за межы Рэчы Паспалітай. Гэта лісты, дыярыушы, метрыкі ўніверсітэтаў, творы і навуковыя працы падарожнікаў.

Ліставанне паміж домам і падарожнікамі – адна з асноўных крыніц вывучэння з’явы замежнага падарожжа. Знаходжанне за межамі краіны моцна абмяжоўвала магчымасці абмена інфармацыяй, таму ліст быў зручным сродкам камунікацыі. Да нашага часу захавалася даволі значная колькасць такіх лістоў. Некаторыя з іх не раскрываюць нейкіх падрабязнасцей, але дазваляюць даведацца пра тое, што падарожжа адбылося. Напрыклад, пра замежнае падарожжа Мікалая Андрэя Паца вядома зусім няшмат дзякуючы лісту Крыштафа Паца, які быў апекуном Мікалая Андрэя, напісанаму старасце Ковенскаму 6 сакавіка 1675 г. [9, с. 240]. У лісце адсутнічае інфармацыя пра маршрут падарожжа ці нейкія іншыя падрабязнасці, ліст сведчыць хутчэй пра тое, што падарожжа скончыць не атрымалася, бо маладога чалавека выклікалі дадому каб уладкаваць яго шлюб, але гэта фактычна адзіная крыніца, па якой зараз можна даведацца, што Мікалай Андрэй Пац быў у Еўропе.

А вось ліставанне паміж Львом Сапегам і яго сынамі дазваляе дастаткова падрабязна прааналізаваць падарожжы Яна Станіслава, Крыштафа Мікалай і Казіміра Льва, бо захавалася некалькі дзясяткаў лістоў, якія знаходзяцца ў архівах Украіны, Літвы і Польшчы [10, с. 320–324]. З лістоў можна даведацца пра тое, што турбавала бацьку, на што звярталі ўвагу падарожнікі, пра розныя здарэнні падчас падарожжа, рысы характару тых, хто ліставаўся і адносіны паміж імі і г. д. Так, дзякуючы лісту ад 30 снежня 1621 г. вядома, якія навукі Крыштаф Мікалай і Казімір Леў Сапегі вывучалі ў Мюнхене [11], ці як Леў Сапега хваляваўся за бяспеку сваіх сыноў (ліст ад 5 лютага 1622 г.) [12]. Праз лісты вырашаліся і фінансавыя пытанні, так Юры Алелькавіч скардзіўся сваёй маці на фінансавыя складанасці [13].

Цікавымі крыніцамі з'яўляюцца дыярыушы і дзённікі, напісаныя падчас падарожжа. Дыярыушы маглі пісаць штодзённа, калі падарожнік запісваў свае ўраджанні, як напрыклад рабіў Юры Радзівіл падчас падарожжа ў Італію ў 1575 г. [14]. Маглі пісаць толькі невялікія нататкі, а вялікі дыярыуш пісалі ўжо пасля вяртання. У дыярыушах можна ўбачыць, што было цікава падарожнікам, што іх здзіўляла, на што яны звярталі ўвагу: касцёлы і замкі, асаблівасці сельскай гаспадаркі, розныя інжынерныя дасягненні, прыватныя калекцыі розных цудаў (напрыклад прыватныя заапаркі), сады і г. д. Значнае месца ў дыярыушах займала апісанне шляхоў і маршрутаў падарожжа, а таксама апісанне гарадоў і вёсак, якія сустракаліся на шляху. Добры прыклад дыярыуша, галоўнае месца ў якім займае лаканічнае апісанне маршрута і месцаў, якія падарожнік наведвае – гэта дыярыуш падарожжа 1684–1687 гг. Караля Станіслава Радзівіла [15]. Яшчэ адным прыкладам цікавага, нешматслоўнага дыярыуша працяглага падарожжа з'яўляецца дыярыуш сына Караля Станіслава – Міхала Казіміра Радзівіла Рыбанькі [16, s. 70–151].

Маршрут падарожжа дапамагаюць даследаваць метрыкі еўрапейскіх універсітэтаў. У XVI–XVIII стст. еўрапейскія ўніверсітэты вялі спецыяльныя кнігі, якія мелі назву метрыкі ці альбомы. Гэтыя кнігі змяшчалі імёны студэнтаў, якія былі залічаны на ўніверсітэцкія курсы. Такі запіс быў сведчаннем таго, што студэнт прыняў прысягу, аплаціў узнос і атрымаў дазвол карыстацца правамі і прывілеямі студэнта, акрамя таго запіс меў пэўнае юрыдычнае значэнне. Таму не дзіўна, што метрыкі старанна захоўвалі і даволлі шмат з іх захавалася да нашага часу, нягледзячы на розныя катаклізмы.

Адной з галоўных складанасцей працы з метрыкамі з'яўляюцца памылкі ў запісаных прозвішчах і датах. З кожным новым перавыданнем метрык прозвішчы выпраўляюцца, але ўсё роўна трэба ўважліва праглядаць спісы. Наконт дат пытанне яшчэ складаней, бо не толькі пры запісе магла быць памылка, але і гісторыкі лічаць, што дата запісу ў метрыку, гэта дзень, у які малады чалавек прыехаў у горад, ці наступны за ім дзень. Але гэта зусім не абавязкова так: не было абавязка прыйсці да ўніверсітэту адразу па прыездзе. У Інгальштаце і Страсбургу давалі восем дзён на гэта, у Фрыбургу да пятнаццаці і г. д. [17, с. 43]. Існуе і іншая складанасць – не ўсе студэнты былі імагрыкуляваны, нават у той час, калі за гэта маглі накласці кару, а частка прозвішчаў магла згубіцца, бо першапачаткова запісы рабіліся на картках, а потым пераносіліся ў кнігі і

альбомы. А былі выпадкі, калі ў метрыкі запісваліся людзі, якія не былі студэнтамі. Так, у лейдэнскую метрыку запісаўся Януш Радзівіл з усёй сваёй світай, якая складалася з пятнаццаці чалавек, але ж зразумела, што не ўсе з іх наведвалі лекцыі [18, с. 234].

Але ж нягледзячы на ўсе складанасці, метрыкі еўрапейскіх крыніц застаюцца добрай крыніцай па даследаванню замежнай адукацыі, тым больш універсітэты перыядычна выдаюць альбомы даўніх метрык, што спрашчае даследаванні.

Яшчэ адной з даступных гісторыкам крыніц з'яўляюцца тэстаменты. Тэстаменты пісалі для вырашэння маёмасных пытанняў, матэрыяльнага забеспячэння нашчадкаў і г. д. Сярод матэрыяльных пытанняў перыядычна сустракаліся і запісы наконт будучыні дзяцей, іх выхавання і адукацыі. Часцей за ўсё на гэты конт сустракаюцца такія запісы, як «даць прыстойную адукацыю», без аніякіх удакладненняў. Напрыклад, Павел Кароль Сангушка пісаў : «...не паспею даць ім адукацыю, прашу жонку маю, каб належна іх стану дала ім выхаванне...» [19, с. 40]. Аднак ёсць невялікая колькасць тэстаментнаў, у якіх былі прапісаны пэўныя маршруты адукацыйнага падарожжа, патрабаванні выправіць сына ў пэўную школу ці ўніверсітэт, ці былі прапісаны грашовыя сумы, якія бацька патрабаваў вылучыць на адукацыю.

У якасці прыкладаў тэстаментнаў, у якіх падымалася пытанне замежнай адукацыі, можна прывесці наступныя. Крыштаф Радзівіл Пярун у тэстаменце ад 4 жніўня 1599 г. напісаў даволі падрабязныя патрабаванні наконт адукацыя сына Крыштафа Радзівіла: да выезда за мяжу вывучыць лацінскую і нямецкую мовы, паехаць у Лейпцыг, і толькі потым далей. Прапанаваў выправіць сына і ў Францыю, калі там будзе спакойна і бяспечна, а вось у Італію прапанаваў не ехаць (традыцыйнае патрабаванне Радзівілаў біржанскай лініі). Былі напісаны прапановы па таму, хто павінен суправаджаць Крыштафа Радзівіла ў падарожжы, колькі падарожжа павінна працягвацца і г. д. [20, с. 95–96].

Ці тэстамент Крыштафа Паца, напісаны 20 лістапада 1678 г., у якім падрабязна прапісаны планы на працяг адукацыйнага падарожжа (на момант напісання тэстамента яно ўжо адбывалася) Казіміра Міхала Паца, якога ён апекаваў пасля смерці бацькі [9].

Існуюць і іншыя крыніцы, па якіх можна вывучаць замежнае падарожжа. Гэта розныя фінансавыя дакументы (вэксалі і чэкі, сведчанні запазычанняў і даўгоў, справаздачы па выдатках), пашпарты, дазваленні

на праезд па пэўнай тэрыторыі, творы і працы вучня (вершы, прамоцыі, навуковыя працы), альбомы сяброў ці *Album Amicorum*, панегірыкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Skoczek J. Wybór pism pedagogicznych Polski doby Odrodzenia. Wrocław : Zakład im. Ossolińskich, 1956. 534 s.
2. Żołądź-Strzelczyk D., Kowalczyk M. E. Ojcowskie synom przestrogi : instrukcje rodzicielskie (XVI–XVII w.). Lutynia : Chronicon, 2017. 580 s.
3. Żołądź-Strzelczyk D. Peregrinatio academica. Studia młodzieży polskiej z Korony i Litwy na akademiach i uniwersytetach niemieckich w XVI i pierwszej połowie XVII wieku. Poznań : Wyd-wo naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1996. 241 s.
4. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). Dział XI. nr. 51.
5. AGAD. AR. Dział XI. nr. 87.
6. AGAD. AR. Dział XI. sygn. 136.
7. Żołądź-Strzelczyk D., Kowalczyk M. E. Przestrogi i nauki dla dzieci : instrukcje rodzicielskie (XVIII w.). Lutynia : Chronicon, 2017. 463 s.
8. AGAD. AR. Dział VI. sygn II–80a.
9. Wolff J. Pacowie: materyjały historyczno-genealogiczne. Petersburg: F. Suszczyńskiego, 1885. 377 s.
10. Goszczyński. A. Korespondencja jako źródło do badań nad podróżami edukacyjnymi synów Lwa Sapiehy // Źródła do dziejów staropolskich podróży edukacyjnych / (pod red.) D. Żołądź-Strzelczyk i M. E. Kowalczyk. Wrocław. Chronicon, 2017. 423 s.
11. Львоўская нацыянальная навуковая бібліятэка Украіны ім. В. Стэфаніка (ЛННБУ). Ф. 103. Воп. 1. Спр. 235. К. 1–1v.
12. ЛННБУ, Ф. 103. Воп. 1. Спр. 246. К. 1–1v.
13. Скеп'ян А. А. Лісты маладых князёў Алелькавічаў з Італіі // Архіварыус. 2009. Вып. 7. С. 55–74.
14. Modlińska-Piekarz A. Dziennik podróży do Włoch Jerzego Radziwiłła w 1575 roku // Kultura i Historia. Tom 21 (2012). [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/pl/archives/3856>. – Date of access: 01. 11. 2021.
15. Radziwiłł K. S. Diariusz peregrynacji europejskiej (1684–1687) / oprac., wstępem i koment. opatrzył Adam Kucharski. Toruń. Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. 302 s.
16. AGAD. AR. Dział VI. II–80a.

17. Chachaj M. Metryki zagranicznych uniwersytetów i akademii jako źródło do dziejów kultury polskiej (XVI–XVII w.) // *Studia z dziejów epoki renesansu* / (pod red.) Henryka Zinsa. Warszawa : PWN, 1979. 283 s.

18. *Album studiosorum Academiae Lugduno Batavae 1575–1875* // <https://books.google.com> [Electronic resource]. Mode of access: <https://books.google.pl/books?id=LntWAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Date of access: 01. 11. 2021.

19. Marszalska J. M., Graczyk W. Testamenty książąt Lubartowiczów-Sanguszków. Wybór tekstów źródłowych z lat 1750–1876. Kraków : WITKM, 111 s.

20. Augustyniak U. Testamenty ewangelików reformowanych w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVIII wieku. Warszawa : Semper, 2014. 300 s.

ДИНАМИКА УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

А. Г. Кохановский

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Kohanovsky@bsu.by

В статье дан анализ урбанизационных процессов в Беларуси как значимого фактора и маркера социальных изменений в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в., выделены их отличительные черты, региональные особенности и динамика. Показана неоднозначная роль правительственной политики в разворачивании урбанизационных процессов, состав и механизмы пополнения городского населения Беларуси.

Ключевые слова: урбанизация; Беларусь; модернизация; социальные изменения; мещане.

THE URBANIZATION PROCESSES DYNAMICS IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENT.

A. Kakhanouski

Belarusian State University, 4, Nezavisimosti avenue, 220030, Minsk, Belarus, Kohanovsky@bsu.by

The article analyzes the urbanization processes in Belarus as a significant factor and social changes marker in Belarusian society in the second half of the XIX – the beginning of the XX century, highlights their distinctive features, regional peculiarities and the dynamics. The author goes on to show the ambiguous role of the government policy in the unfolding of urbanization processes; urban population structure of Belarus and mechanisms of its augmentation.

Key words: urbanization; Belarus; modernization; social changes; urban population

Одним из магистральных процессов модернизации, маркером направленности и уровня трансформационных изменений в белорусском обществе, который был созвучен и определялся промышленным развитием, стала урбанизация. Изучение ее протекания во второй половине XIX – начале XX в. крайне важно для понимания предпосылок формирования современного белорусского общества, национально-государственных процессов на территории Беларуси в XX в. Белорусские исследователи не дали пока развернутого, завершеного анализа обозначенной проблемы. Опубликованные работы З. Шибeko [18; 19], Т. Воронич, А. Бурачонка [1] и других дают необходимое понимание

значимости, многоплановости исследования урбанизационных процессов в Беларуси на пути от традиции к модерну.

Увеличение удельного веса городского населения в Беларуси происходило относительно невысокими темпами. В 1863 г. процент горожан в белорусских губерниях составил 11,6 % [16, с. 8, 9, 12, 13, 16–19]. По каждой из них он варьировался от минимального в Минской (10,2 %) до максимального в Гродненской (13,9 %). Удельный вес городского населения в белорусских губерниях в то время был несколько выше, чем средний показатель по европейской части Российской империи (около 10,0 %) [16, с. 30–31]. В 1914 г. горожане составляли 13,4 % населения белорусских губерний, и этот показатель уже был несколько ниже, чем средний по европейской части Российской империи – 14,4 %. В начале XX в. более высокий удельный вес городского населения был характерен для Гродненской (18,1 %) и Витебской (16,7 %) губерний. Наиболее низкая для Беларуси степень урбанизированности наблюдалась в Минской губернии (9,8 %) [17, с. 33–36, 39, 47]. На рост городов Беларуси неблагоприятно повлияли особенности территориального размещения и специализации местной промышленности, а также правительственная политика (усиление черты оседлости евреев, искусственное сдерживание придание статуса города населенным пунктам и др.).

Городское население Беларуси за вторую половину XIX – начало XX в. увеличилось в 2,8 раза. Его рост несколько превышал темпы роста населения в целом (в 2,66 раза) [16, с. 8, 9, 12, 13, 16–19; 17, с. 33–36, 39, 47]. Количество горожан Беларуси в 1863 г. составило 335,6 тыс. человек, а в 1914 г. – 974,6 тыс. человек. Значительные темпы урбанизации были характерны для 60-х – первой половины 80-х гг. XIX в. Во второй половине 80–90-х гг. наблюдалось снижение темпов роста городов, что было связано с их перенаселенностью, сложностями торгово-промышленной переориентации на общероссийский рынок. Интенсивными процессы урбанизации были в конце 90-х гг. XIX – начале XX в. [19, с. 58–59]. Развитие городов имело региональные особенности.

В начале 60-х гг. XIX в. уровнем интенсивности урбанизационных процессов выделялся запад и восток Беларуси. Самым значительным городом по количеству населения был Могилев. В последующие десятилетия, особенно после начала железнодорожного строительства, более интенсивно развивалась городская жизнь на западе и в центре, а затем на юге Беларуси [19, с. 61]. Более того, в результате

железнодорожного строительства, переориентации хозяйственных связей Беларуси на внутренние губернии Российской империи фактически исчезла традиционная структура городских центров. Белорусские города стали важными пунктами посреднической торговли.

Особенностью урбанизационных процессов в Беларуси в XIX – начале XX в. стало отсутствие здесь крупных городских центров. В конце XIX в. только в Минске и Витебске насчитывалось от 50 до 100 тыс. жителей, а Брест, Гродно, Гомель, Могилев имели от 20 до 50 тыс. жителей. Одной из причин, которая препятствовала развитию городов на рубеже столетий, стала система земельных отношений. В отличие от центральных губерний Российской империи, частные земельные владения горожан Беларуси имели большие размеры. В Минске около 85 % зданий находились на частновладельческой арендованной земле, в Витебске приблизительно 87 %. [19, с. 26–27]. По законодательству Российской империи срок аренды земли обычно не превышал 12 лет и отсутствовало обязательное условие его продления. Это ставило арендаторов в зависимость от владельцев земли. В этой связи для предпринимателей, которые планировали строительство в городской черте, были необходимы дополнительные финансовые издержки на предварительное приобретение земли, цена которой была высокой. До начала XX в. в Беларуси сохранялись частновладельческие городские поселения, сформировавшиеся на прежних этапах исторического развития. В их числе – Сенно, Несвиж, Друя. В целом структуре экономики Беларуси того времени в наибольшей степени соответствовали небольшие города и крупные местечки.

Город Беларуси оказывал свое влияние на развитие деревни через систему местечек, которые очень часто выполняли функции экономического, административного и культурного центра небольшого сельского района, который как правило не имел рядом расположенного городского центра. [15, с. 338–339]. Около 500 тыс. человек жило в конце XIX в. в местечках Беларуси. Местечки не имели законодательно закрепленного статуса. Как правило, в материалах делопроизводства, статистике Российской империи их относили к сельской местности, однако по составу населения и структуре занятий жителей местечки отличались от окружающих деревень и занимали промежуточное положение между ними и городскими поселениями. Местечки представляли собой социальное явление, характерное для западных губерний Российской империи. На территории Беларуси было

сконцентрировано около 40 % от их общего числа по стране. [19, с. 79]. Согласно данным за 1863 г., в Беларуси насчитывалось 418 местечек, а к началу XX в. их число сократилось до 322. Утрачивали свои функции наиболее мелкие из поселений. Российское правительство не стремилось поддерживать местечки, придавать их статус крупным деревням. Под влиянием развития рыночных отношений некоторые местечки приходили в упадок, другие, около трети от их числа, поднимались до уровня поселений городского типа. [18, с. 104]. Из них 14 могли претендовать на получение статуса города, поскольку в них проживало более 5 тыс. жителей, располагали промышленным производством с годовым оборотом свыше 100 тыс. руб. и торговлей с оборотом свыше 200 тыс. руб. Большинство местечек Беларуси выполняли роль торговых центров. Они ориентировались на местный сельский рынок, характер промышленного производства в них в наибольшей степени соответствовал запросам деревенского окружения.

В 80-х гг. XIX в. в Российской империи появилась необходимость четкого разграничения местечек и сельских поселений в связи с запретом в 1882 г. евреям селиться за пределами городов и местечек. Однако четкого определения понятия «местечко» достичь не удалось. Местечки имели преимущественно частновладельческий характер и многонациональный состав населения. В начале 60-х гг. XIX в. 82,5 % местечек Беларуси размещалось на помещичьих землях, остальные – на государственных. В то же время деревни располагались на крестьянских землях [19, с. 37–38].

Статус города в Российской империи приобретался населенным пунктом не автоматически, по мере достижения определенного количества жителей или (и) определенного уровня промышленного и торгового развития, а на основании соответствующего правительственного указа [9, с. 318]. Местечко Ивенец Минской губернии не стало городом из-за несогласия местного землевладельца [9, с. 319]. Значительная часть представителей городских сословий по причине юридических несоответствий проживала в сельской местности. За вторую половину XIX в. только один населенный пункт Беларуси приобрел официальный статус города. Это – Горки в 1861 г. Российское правительство не торопилось давать статус города населенным пунктам Беларуси. Те из них, которые были официально признаны городами, как правило, выполняли определенную административную функцию. Среди 44 белорусских городов на рубеже XIX–XX вв. насчитывалось 4 губернских центра, 31 –

уездных и 9 – заштатных (безуездных) городов. Указом императора от 6 июня 1904 г. к числу заштатных городов было причислено местечко Сморгонь. В документе отдельно оговаривалось, что земли, которые попадали в городскую черту, оставались собственностью тех же лиц и учреждений, что и до издания указа, а крестьяне, которые не желали причисляться к городским сословиям, сохраняли прежние права состояния и поземельное устройство [12, с. 639].

Город оказывал влияние на общественный уклад выходцев из деревни. Среди молодых крестьян и тех, кто более тесно был связан с городом, наблюдались отчетливые изменения в идентификации. Симметричное влияние крестьянства на менталитет горожан в Беларуси было ограничено незначительными размерами миграционных потоков между городом и деревней. Те из крестьян, кто постоянно жил в городе, старались не порывать свои связи с деревней. В 1866 г. в городах Беларуси 12,1 тыс. выходцев из крестьянской среды, которые составляли около 3,4 % от количества городского населения и почти 0,5 % от общей численности крестьянства. К 1897 г. количество крестьян среди горожан Беларуси увеличилось до 123,9 тыс. человек, а их удельный вес среди городского населения – до 19,1 %. Крестьяне Беларуси, которые постоянно проживали в местных городах, составляли 2,5 % от их общего количества. [13, с. 48].

Состав населения городов Беларуси имел многонациональный характер. Согласно данным переписи 1897 г., белорусы среди горожан белорусских губерний составляли 13,2 %, русские – 17,8, поляки – 11,8, евреи – 53,2 и т. д. [таблица Б3]. Причем в городах Могилевской губернии белорусы имели сравнительно с другими губерниями наиболее высокий удельный вес – 30 %, а минимальный – в городах Виленской (7,6 %) [8, с. 313]. Среди жителей городов Виленской губернии, в сравнении с другими белорусскими, было самым минимальным присутствие еврейского населения (43,1 %), а в Минской – самым высоким (58,8 %). В числе городского населения белорусских губерний наибольший процент русских насчитывался в Витебской губернии (22,1 %), наиболее низкий – в Могилевской (13,0 %). Присутствие поляков в составе городского населения было максимальным в Виленской губернии (26,6 %), минимальным – в Могилевской (2,8 %). Для белорусов была характерна низкая степень урбанизированности. Городские жители среди них составляли 2,5 %. Для сравнения у литовцев этот показатель составил 1,7 %, у украинцев – 5,5 %. Невысокий удельный вес представителей

этнического большинства среди населения городов белорусских губерний объясняется не только существовавшим в Беларуси в то время заметным социальным барьером между городом и деревней, незначительными размерами миграций крестьянства в города, ни и нередким стремлением белорусов в случае социального успеха порвать с прежней этнической средой, которая напоминала им, по их ошибочному представлению, о более низком происхождении.

Место приписки белорусских крестьян к мещанскому обществу в значительной степени зависело от рыночной конъюнктуры [10, л. 12–21]. Например, в 1882–1883 гг. более 90 % крестьян, которые переходили в мещанское сословие, селились в белорусских городах и местечках. Однако в 1889–1890 гг. свыше 50 % переходов, связанных с межсословной мобильностью белорусского крестьянства, приходилось на города других регионов Российской империи. Именно в эти годы обострилась проблема перенаселенности и безработицы в городах Беларуси [19, с. 162]. Переход крестьян в сословное состояние мещан не всегда был связан с отходом от сельскохозяйственных занятий и переездом в город. В сообщении виленского генерал-губернатора министру внутренних дел от 17 июня 1889 г. отмечались переходы в мещанское сословие целым сельским обществом, хотя члены его продолжали жить в сельской местности и продолжали заниматься земледелием. [19, с. 155]. Если населенный пункт приобретал статус города, то в таком случае крестьяне массово переводились в мещанское сословие, причем в упрощенном порядке [14, с. 199]. Крестьяне, которые переселялись в города и становились наемными рабочими, видели в этом путь своего социального подъема. Они покорно принимали свое зависимое положение, которое городские жители не принимали или подчинялись по необходимости. «Уехал в город, в люди вышел», – говорили часто родители, отправляя своего сына на заработки в город [2, с. 4]. В тоже время дети ремесленников, которые становились наемными рабочими, оценивали свое новое положение и пролетаризацию как социальное падение.

В конце XIX – начале XX в. часто встречались случаи перехода из мещанского сословного общества в сельское состояние. В первую очередь это касалось тех, кто постоянно проживал в сельской местности и занимался земледелием. Посредством причисления к сельскому обществу они стремились защитить свои имущественные интересы. Среди них было много представителей мелкой шляхты, не утвержденной властями Российской империи в принадлежности к высшему сословию. К примеру,

в минскую казенную палату 21 февраля 1895 г. направил прошение койдановский мещанин А. Лебедевич, который постоянно проживал в деревне Мигдаловичи Станьковской волости, о причислении его к местному сельскому обществу [4, л. 1]. В 1896 г. к виленскому губернатору обратился рижский мещанин Г. Павлов с просьбой приписать его к крестьянам Дисненского уезда. На момент подачи обращения заявитель постоянно проживал в застенке Маслянка [6, л. 1–2]. Городокские мещане Андрей и Спиридон Езерские 31 марта 1889 г. просили витебскую казенную палату причислить их к крестьянам деревни Осиновка Городокского уезда в связи с тем, что работали по найму у местных жителей и со временем приобрели хозяйство. Будучи мещанами, они не могли защищать свои хозяйственные интересы на сельских собраниях. Городокская городская дума не дала братьям Езерским увольнительное свидетельство потому, что на попечении мещанского общества находился их больной и бездомный брат Федор Езерский. Андрей и Спиридон должны были забрать из приюта брата и только после этого рассчитывать на положительное решение по своему прошению [7, л. 94–108].

Сохранилось множество документов казенных палат, которые отражают меж- и внутрисословные переходы представителей прежде всего податных сословий. Они свидетельствуют об интенсивности и направленности таких переходов. Их количество существенно выросло к концу XIX и особенно в начале XX в. Преимущественно в эти процессы были вовлечены купцы и мещане, особенно в губернских и крупных уездных центрах. Однако и в относительно небольших городах и местечках процессы социальной мобильности были заметными. В архивных фондах сохранилось значительное количество дел о причислении к мещанским обществам крестьян и мещан соседних губерний и других уездов белорусских губерний, которые свидетельствуют о том, что социальные перемещения часто происходили после территориальных. Например, в январе 1889 г. подал прошение о причислении к витебскому мещанскому обществу крестьянин Курляндской губернии О. Климан, который к этому времени вместе с семьей около 15 лет проживал в Витебском уезде [5, л. 1]. Прошение о причислении к витебским мещанам подали 14 января 1889 г. дочери крестьянина Калужской губернии Ефросинья и Софья Крыловы. Их отец несколько десятков лет постоянно проживал в Витебске, не выписываясь из сельского общества до самой своей смерти в 1879 г. Дочери оказались

не приписаны ни к одному из обществ. [5, л. 14]. Частыми были причисления иностранных граждан к мещанским обществам в случае принятия ими российского подданства. К примеру, бывший прусский подданный Л. Левандович решением гродненской казенной палаты 4 января 1896 г. был причислен к мещанам-христианам Гродно. Тогда же к ним был причислен бывший прусский подданный П. Ванцек вместе с семьей [11, л. 1–6]. За 1882 г. к сословным обществам Минской губернии было причислено 376 человек, в том числе к купцам 31 предприниматель, к мещанам-христианам – 251 человек, мещанам-евреям – 70 человек, крестьянам – 24 человека. Параллельно было исключено из их состава 687 человек, включая 5 купцов, 13 мещан-христиан, 389 мещан-евреев, 12 государственных крестьян, 253 крестьян-собственников, 15 евреев-земледельцев [3, л. 3–8].

Таким образом, замедленные темпы урбанизационных процессов в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. соответствовали структуре и динамике местного промышленного развития. Полиэтнический и в значительной мере инородный по этническому составу в отношении сельского окружения состав населения усложнял социальные контакты между городом и деревней Беларуси. Местное крестьянство достаточно настороженно относилось к «городской цивилизации». Правительственная политика содействовала такому социальному разъединению. Ограничения в отношении расселения евреев привели к искусственной концентрации их в городах и местечках Беларуси и деформировали национальный и частично социальный состав населения. Такая ситуация усложнялась слабостью и соответственно ограниченной потребностью городских промышленных предприятий в наемной рабочей силе из деревни.

Библиографический список

1. Бурачонок А. В. Прадпрымальніцкая дзейнасць купецтва і мяшчанства Беларусі ў сферы прамысловасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. Мінск, 2010. Вып. 5. С. 3–9.
2. В. Явар. Гута Залесье // Наша Ніва: першая беларус. газ. з рыс. Факс. выд., 1912–1915, 1920. [Мінск, 2009]. Вып. 5. 1912. 21 чэрвеня. С. 4.
3. Дело о представлении сведений о количестве душ, перечисленных из одного общества в другое и переселившихся из Минской губернии в другие губернии за 1882 г. // НГАБ. Ф. 333. Воп. 4. Спр. 5243.

4. Дело по прошению койдановского мещанина Лебедевича о причислении его в Станьковское сельское общество крестьян Минского уезда // НГАБ. Ф. 333. Воп. 4. Спр. 7356.

5. Дело по прошению крестьян сельских обществ Могилевской, Лифляндской, Калужской, Курляндской губерний, мещан Велижского, Городокского, Дриссенского, Лепельского, Невельского, Режицкого уездов Витебской губернии о причислении к витебскому мещанскому обществу // НГАБ. Ф. 2640. Воп. 1. Спр. 466.

6. Дело по прошению старообрядца, рижского мещанина Герасима Сергеева Павлова о причислении его к крестьянам Иодской волости Дисненского уезда // ДГАЛ. Ф. 381. Воп. 19. Спр. 3607.

7. Дело по прошениям мещан городокского мещанского христианского общества, крестьян сельских обществ Лифляндской губернии, Витебского и Городокского уездов Витебской губернии о причислении к сельским обществам Городокского уезда // НГАБ. Ф. 2640. Воп. 1. Спр. 467.

8. Каханоўскі А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: БДУ, 2013. 335 с.

9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи, XVIII – начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 549 с.

10. О выдаче приговоров о принятии в минские мещане лиц из других обществ // НГАБ. Ф. 330. Воп. 1. Спр. 1293.

11. О причислении мещан к обществам для получения льгот // НГАБ у г. Гродна. Ф. 26. Воп. 1. Спр. 462.

12. Об обращении местечка Сморгонь, Ошмянского уезда, Виленской губернии, в город с упрощенным городским общественным управлением: положение Ком. Министров, 6 июня 1904 г., № 24720 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. СПб., 1907. Т. 24 : 1904, отд-ние 1. С. 639.

13. Панютіч В. П. Соцыяльна-эканамічнае развіццё беларускай дзевіні в 1861–1900 гг.; Акад. наук Беларусі, Ін-т історыі; науч. ред. П. Г. Козловскі. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 375 с.

14. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века: взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. М. Наука, 1983. 270 с.

15. Соркіна І. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII–першай палове XIX ст.; [наук. рэд. З. В. Шыбека]. Вільня: Еўрап. гуманітар. ун-т, 2010. 488 с.

16. Статистический временник Российской империи / Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. СПб.: [Тип. К. Вульфа], 1866. Вып. 1. XXXVI, XV, 158, 243, 117 с.

17. Статистический ежегодник России 1914 г. (год одиннадцатый) / Центр. стат. ком. М. В. Д. Петроград: Тип. Штаба Петрогр. Воен. окр., 1915. XVIII. 679 с.

18. Шыбека З. Гарады ў сістэме паселішчаў парэформеннай Беларусі // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 10–11 крас. 1997 г. / Беларус. асац. гісторыкаў; рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1999. С. 104–105.

19. Шыбека З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў); Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі Рэсп. Беларусь. Мінск: Цэнтр еўрап. супрацоўніцтва «ЭўроФорум», 1997. 292 с.

СТАНОВІШЧА РУСІНАЎ У СЛАВАЦКАЙ РЭСПУБЛІЦЫ Ў 1939–1945 гг.

А. С. Кандраценка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, kandratikas@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца становішча русінскай меншасці ў Славацкай Рэспубліцы ў 1939–1945 гг. Асобая ўвага надаецца русінска-славацкім узаемаадносінам і вырашэнню русінскага пытання. Вызначаны прававы статус, роля і месца русінаў у славацкай палітычнай сістэме. Акрэслена дзейнасць культурна-асветніцкіх і адукацыйных устаноў. Ахарактарызавана праблема саманазвы русінскага насельніцтва. Русіны мелі прадстаўніцтва ў славацкім парламенце. Пры гэтым яны не мелі такой вызначанай палітычнай пазіцыі, як, напрыклад, венгерская і нямецкая меншасці. Стварэнне Славацкай Рэспублікі і захоп Венгрыяй Падкарпацкай Русі азначалі пэўную ізаляцыю мясцовага русінскага насельніцтва і далейшага паслаблення сваіх палітычных амбіцый.

Ключавыя словы: Славацкая Рэспубліка; Падкарпацкая Русь; русіны; русінска-славацкія ўзаемаадносіны; нацыянальныя меншасці.

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНОВ В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1939–1945 гг.

А. С. Кондратенко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4 220030, г. Минск, Беларусь, kandratikas@gmail.com*

В статье рассматривается положение русинского меньшинства в Словацкой Республике в 1939–1945 гг. Особое внимание уделяется русино-словацким взаимоотношениям и решению русинского вопроса. Определены правовой статус, роль и место русинов в политической системе Словакии. Описана деятельность культурно-просветительских и образовательных учреждений. Охарактеризована проблема самоидентификации русинского населения. Русины имели представительство в словацком парламенте. В то же время они не имели такой определенной политической позиции, как, например, венгерское и немецкое меньшинство. Создание Словацкой республики и захват Подкарпатской Руси Венгрией означало определенную изоляцию местного русинского населения и дальнейшее ослабление их политических амбиций.

Ключевые слова: Словацкая Республика; Подкарпатская Русь; русины; русино-словацкие взаимоотношения; национальные меньшинства.

THE POSITION OF THE RUSYNS IN THE SLOVAK REPUBLIC IN 1939–1945

A. Kandratsenka

*Belarusian State University,
Avenue Nezaleznosti, 4 220030, Minsk, Belarus, kandratikas@gmail.com*

The article examines the situation of the Ruthenian minority in the Slovak Republic in 1939–1945. Particular attention is paid to Rusyn-Slovak relations and the solution of the Rusyn issue. The legal status, role and place of Rusyns in the political system of Slovakia have been determined. The activities of cultural and educational institutions are described. The problem of self-identification of the Ruthenian population is characterized. Rusyns had representation office in the Slovak parliament. At the same time, they did not have such a definite political position as, for example, the Hungarian and German minorities. The creation of the Slovak Republic and the seizure of Subcarpathian Rus by Hungary meant a certain isolation of the local Ruthenian population and a further descent of their political ambitions.

Key words: Slovak Republic; Subcarpathian Rus; Rusyns; Rusyn-Slovak relations; national minorities.

Рашэнні Мюнхенскай канферэнцыі, а затым абвясчэнне аўтаноміі Славакіі падштурхнулі падкарпацкіх палітыкаў Чэхаславакіі да рашучых дзеянняў. 7 кастрычніка 1938 г. у Ужгарадзе была створана Карпатаруская рада, якая запатрабавала ў чэхаславацкага кіраўніцтва аўтаномнага статусу для Падкарпацкай Русі. Шляхам перамоў Прага пагадзілася на аўтаномію. 11 кастрычніка 1938 г. быў сфармаваны першы аўтаномны ўрад пад кіраўніцтвам прэм'ер-міністра А. Бродзія.

Створаны аўтаномны ўрад, у якім пераважылі правенгерскія настроі, не адпавядаў планам Германіі, якая ўспрымала Падкарпацкую Русь як яшчэ адзін інструмент для падзелу Чэхаславакіі. 26 кастрычніка 1938 г. А. Бродзій, не без дапамогі нямецкай разведкі, быў арыштаваны ў Празе па абвінавачанні ў дзяржаўнай здрадзе на карысць Венгрыі [1, с. 51]. Новым прэм'ер-міністрам аўтаномнага ўрада стаў украінафіл А. Валашын.

2 лістапада 1938 г. міністры замежных спраў Германіі і Італіі падпісалі ў Вене пагадненне аб новай чэхаславацка-венгерскай мяжы т. зв. «Першы Венскі арбітраж». Па яго рашэнню ўрад Чэхаславакіі перадаваў Венгрыі паўднёвую частку Славакіі і поўдзень Падкарпацця з гарадамі Ужгарад, Мукачава і Берагава. Адміністрацыйным цэнтрам аўтаномнай Падкарпацкай Русі стаў Хуст. Па выніках Першага Венскага арбітражу Славакія страціла 10 390 кв. км. з насельніцтвам у 854 217 чалавек, сярод якіх былі і прадстаўнікі русінскай меншасці [16, с. 31].

У выніку акупацыі Чэхаславакіі нямецкімі войскамі ў сакавіку 1939 г. быў створаны Пратэктарат Багемія і Маравія, а на славацкіх землях была абвешчана незалежнасць Славацкай Рэспублікі. У гэтых умовах 15 сакавіка 1939 г. аўтаномны ўрад на чале з А. Валашыным абвясціў незалежнасць Карпацкай Украіны. У гэты ж дзень венгерскія войскі

перайшлі да паўнамаштабнага наступу ўглыб яе тэрыторыі. Да 18 сакавіка Карпацкая Украіна была цалкам акупіравана Венгрыяй.

23 сакавіка 1939 г. венгерская армія ўварвалася на тэрыторыю Усходняй Славакіі. Нямецкае кіраўніцтва вырашыла ўмяшацца ў славацка-венгерскі канфлікт і загадала двум бакам пайсці на мірныя перамовы. Пад ціскам Берліна славацкі і венгерскі бакі дамовіліся спыніць баявыя дзеянні і стварыць нейтральную зону паміж дзвюма арміямі. Па выніках «Малай вайны» Славацкая Рэспубліка страціла Сабранецкую акругу і частку акругі Свіна з русінскім насельніцтвам, што складала плошчу ў 1056 кв. км. і ўключала 74 вёскі з насельніцтвам у 40 777 чалавек [6, s. 100].

У новастворанай Славакіі па дадзеных перапісу насельніцтва 1940 г. пражывалі 61 762 прадстаўнікоў русінскай народнасці. Яны пераважна пражывалі ў Шарышка-Зэмплінскай жупе. Па афіцыйным дадзеным русіны складалі каля 71 % жыхароў Медзілаборцкага краю [14, s. 139]. Гэты рэгіён адносіўся да ліку эканамічна неразвітых [9, s. 49].

У працэсе апрацоўкі Дзяржаўным статыстычным дэпартаментам дадзеных перапісу насельніцтва 15 снежня 1940 г. узнікла праблема саманазвы русінскай народнасці. Жыхары паўночна-ўсходняй Славакіі называлі сябе русінамі, руснакамі, рускімі, гуцуламі, украінцамі ці маларусамі. У сувязі з гэтым 30 кастрычніка 1941 г. Дзяржаўны статыстычны дэпартамент выдаў распараджэнне, у якім было прадпісана запісваць вышэйзгаданыя народнасці адной назвай – русінскай [14, с. 34].

Адносіны паміж славацкімі ўладамі і русінскай меншасцю характарызаваліся ўзаемным недаверам. Кіраўніцтва Славакіі падазравала русінаў у супрацоўніцтве з венграмі і лічыла іх прыхільнікамі бальшавізму. Яно баялася, што Венгрыя выкарыстае русінскае пытанне, каб далучыць да сябе тэрыторыю іх пражывання. Гэта стала падставай для правядзення Братыславай фактычна антырусінскай палітыкі. Яна праяўлялася ў стварэнні перашкод для разгортвання русінскага нацыянальнага руху, ігнараванні сацыяльна-эканамічных праблем і адмаўленні этнічнай прыналежнасці меншасці [8, s. 117].

21 ліпеня 1939 г. была прынята Канстытуцыя Славацкай Рэспублікі, якая рэгулявала становішча этнічных груп. Нацыянальным меншасцям было гарантавана права на палітычную і культурную арганізацыю пад уласным кіраўніцтвам. Паводле Канстытуцыі яны маглі прымаць удзел у грамадска-палітычным жыцці краіны шляхам рэгістрацыі сваёй партыі [15].

Палітычныя амбіцыі русінаў былі звязаныя з ідэяй стварэння ўласнай партыі замест раней забароненай Рускай народнай рады. Інтэрэсы русінскай меншасці ў славацкім парламенце прадстаўлялі грэка-каталіцкі святар А. Сімко і настаўнік Г. Гарняк (з 1941 г. – М. Банько). 1 лістапада 1939 г. у Прэшаве адбылася сустрэча 60 прадстаўнікоў русінскай меншасці, дзе былі агучаны прапановы аб стварэнні ўласнай партыі і яе структур. Браціслава заклікала праявіць стрыманасць у гэтым пытанні да ўступлення ў сілу закона аб палітычных партыях нацыянальных меншасцей [3, s. 249]. Такім чынам, у 1939 г. русінскія палітыкі не атрымалі дазвол славацкіх улад на стварэння ўласнага палітычнага аб'яднання.

Кіраўнік адміністрацыі Шарышка-Зэмплінскай жупы Ш. Гашык аргументаваў гэта тым, што русіны не маюць адзінага кіраўніцтва, з якім можна было б супрацоўнічаць у палітычнай сферы. Ён сцвярджаў, што русінскае пытанне з'яўляецца ў першую чаргу сацыяльным, а не нацыянальным. На яго думку для гэтага неабходна было павялічыць колькасць працоўных месцаў і пасіліць дысцыпліну [11, s. 299–300]. Вырашэнне русінскага пытання Гашыку бачылася ў сістэматычнай і паступовай славакізацыі русінаў, сканцэнтраванай у Медзілаборцкім і Вышнісвідніцкім краях.

У канцы 1940 г. прадстаўнікі русінскай меншасці актывізавалі сваю грамадска-палітычную дзейнасць. Закон аб палітычных партыях нацыянальных меншасцей ад 15 мая 1940 г. мусіў дазволіць зарэгістраваць партыю [17]. 1 снежня 1940 г. русіны ўручылі славацкаму міністру ўнутраных спраў А. Маху мемарандум з патрабаваннямі аб рэгістрацыі палітычнай партыі, выданні падручнікаў на русінскай мове, дазvole на выпуск газет, большым прадстаўніцтве ў дзяржаўных органах і інш. З пералічанага славацкі ўрад дазволіў толькі выхад русінскага штотыднёвіка «Новое время», першы нумар якога выйшаў 14 снежня 1940 г., апошні – летам 1944 г. Гэта выданне насіла радыкальны характар, задачай якога было ўздзейнічаць у прарэжымным духу на русінскае насельніцтва ўсходняй Славакіі [5, s. 16].

У Славацкай Рэспубліцы дзейнічалі культурна-асветніцкія і адукацыйныя арганізацыі русінскай меншасці: таварыства ім. А. Духновіча і «Прасвіта». У Медзілаборцах дзейнічаў «Рускі скаўт» пад кіраўніцтвам рускага эмігранта М. Белінскага, які арганізоўваў летнія лагеры для моладзі ў Палоце. Таварыствы ім. А. Дабранскага ў Браціславе і Вагабунт былі студэнцкімі арганізацыямі [7, с. 285].

У кастрычніку 1940 г., на змену Ш. Гашыку прыйшоў новы кіраўнік Шарышка-Зэмплінскай жупы А. Дудаш. Ён працягнуў працу свайго папярэдніка ў вырашэнні русінскага пытання шляхам славакізацыі рэгіёна [12, s. 128]. Адною з задач, на яго думку, было ўмацаванне славацкіх пазіцый у грэка-каталіцкай царкве, якая з'яўлялася ідэйным цэнтрам русінізацыі рэгіёна [10, s. 156]. Напрыклад, аўтары прэшаўскай газеты «Славацкая свабода» зазначалі, што большасць грэка-каталіцкага насельніцтва ўсходняй Славакіі з'яўляліся славакамі, а не русінамі [2, с. 180–181].

Вынікі снежаньскага перапісу насельніцтва былі выкарыстаны славацкім урадам для памяншэння колькасці русінскіх школ ва ўсходняй Славакіі шляхам славакізацыі. Русінская меншасць на 1940/1941 гг. мела два дзіцячыя садкі, 165 народных школ з 368 класамі, адну гарадскую школу з 6 і 2 сярэднія школы з 11 класамі. Аднак, у 75 школах і ў 113 класах у якасці мовы навучання была ўведзена славацкая [7, s. 287]. Працэс славакізацыі датычыўся і іншых адукацыйных устаноў. У 1940 г. у Міхайлаўцах была адчынена славацкая грэка-каталіцкая настаўніцкая семінарыя, а Прэшаўскую русінскую (украінскую) замест гэтага неабходна было ліквідаваць. Навучанне адбывалася толькі на славацкай мове, забаранялася выкарыстанне кірыліцы і роднай (то бок неславацкай) мовы ў набажэнствах.

Уступленне Славацкай Рэспублікі ў вайну супраць Савецкага Саюза аказала ўплыў на настроі русінскай меншасці, паколькі яна не прымала ідэю славацкай дзяржавы, пабудаванай на нацыяналістычнай ідэалогіі. Русінаў не без прычыны натхнялі камуністычныя лозунгі аб сацыяльнай справядлівасці. Гэта была рэакцыя на сталыя спробы абмежаваць русінаў у правах, на адсутнасць свабоднай прэсы, сваёй палітычнай партыі.

Пытанне аб стварэнні ўласнай партыі русінаў зноў абвастрылася толькі ў 1942 г., выклікаўшы палеміку як сярод дзяржаўных чыноўнікаў, так і сярод русінскіх актывістаў. Адною з прапаноў было ўключэння русінаў у шэрагі Глінкавай славацкай народнай партыі. Дадзеную думку асабліва падтрымліваў дэпутат славацкага парламента М. Банько і яго асяроддзе [11, s. 298]. А. Дудаш, другі кіраўнік Шарышка-Зэмплінскай жупы, крытыкаваў славацкі бок у некампетэнтнасці падыходу да русінскага пытання, што магло б прывесці да пераходу палітычнага кіраўніцтва русінаў пад кантроль венграў. Дудаш быў упэўнены, што русіны маюць славацкае паходжанне і характар [4, s. 228].

Пералом у вайне на Усходнім фронце ў 1943 г. даў пачатак руху супраціву русінскага насельніцтва Славакіі. Да гэтага часу мелі перавагу індывідуальныя, больш пасіўныя формы барацьбы супраць нацысцкай Германіі і яе саюзніцы – Славацкай Рэспублікі. Восенню 1943 г. у кабінце прэшаўскага ўрача Д. Райковіча адбылася сустрэча русінскіх дзеячаў супраціву. Імі быў заснаваны Карпатарускі аўтаномны савет нацыянальнага вызвалення. Задачай арганізацыі было пашырэнне ідэй супраціву сярод русінаў і дапамога ў разгортванні партызанскага руху ў рэгіёне [13, s. 122].

Перамены на савецка-нямецкім фронце і рост руху супраціву ў краінах Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы ў 1944 г. прывялі да змен ва ўнутрыпалітычнай сітуацыі ў Славакіі. Русінскае пытанне адышло на другі план. Славацкае нацыянальнае паўстанне, а потым і крах Першай Славацкай Рэспублікі далі новы віток гісторыі русінскай меншасці ў адноўленай Чэхаславакіі і Закарпацкай Украіне.

Такім чынам, русінская меншасць у Славацкай Рэспубліцы так і не здолела стварыць уласную партыю. Неабходна адзначыць паслабленне палітычнай актыўнасці русінаў у параўнанні з канцом 1930-х гг. На гэта паўплывалі недаверлівы характар русінска-славацкіх узаемаадносін, частыя абвінавачанні русінаў у супрацоўніцтве з венграмі і камуністамі, слабае прадстаўніцтва ў дзяржаўных органаў і працэс славакізацыі. На нашу думку, недастатковая актыўнасць русінскіх палітыкаў і кантроль за рэгіёнам з боку славацкіх уладаў адыгралі сваю ролю ў становішчы русінаў у Славацкай Рэспубліцы 1939–1945 гг.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гай-Нижник П. Карпатська Україна (Підкарпатська Русь) 1938–1939 рр. як одна із «розмінних монет» Мюнхенського договору // Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник». Вип. 139 (№12). Ч. 1. Історичні науки. 2018. С. 48–56.
2. Казак О. Русинский вопрос в оценках прешовской газеты «Словацкая свобода» (1939–1944 гг.) // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 176–182.
3. Baka I. Politický systém a režim Slovenské republiky v rokoch 1939–1940. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2010. 322 s.
4. Dudáš A. Rusínska otázka a jej úzadie. Buenos Aires: Zahraničná Matica slovenská, 1971. 238 s.
5. Hlavinka J. Týždenník „Novoje vremja“ ako prejav rusínskej otázky v rokoch 1940–1944. Bratislava: Ústav pamäti národa. 2008. № 3. S. 4–16.
6. Janek I. The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories // Prague Papers on the History of International Relations, 2. Praha: Univerzita Karlova, Ústřední knihovna, 2015. P. 85–101.
7. Konečný S. Rusínska a ukrajinská menšina po vzniku prvej Slovenskej republiky // Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov. Zv. 4. Zborník príspevkov z

- medzinárodnej vedeckej konferencie Banská Bystrica 14. – 15. 4. 2005. Banská Bystrica: Ústav vedy a výskumu UMB, 2005. S. 283–291.
8. Koval' P. Otázka slovensko-rusínskych etnických hraníc v čase formovania slovenskej štátnosti // Slovensko medzi 14. Marcom 1939 a salzburskými rokovaniami. Prešov: Universum, 2007. S. 112–126.
 9. Lacko M. Rusínska problematika vo fondoch armádneho spravodajstva 1940–1941. – Ústav pamäti národa. 2007. №3. S. 46–53.
 10. Lacko M. Slovenská republika 1939–1945. Bratislava: Perfekt, Ústav pamäti národa, 2008. 205 s.
 11. Pekár M. Rusínska otázka na Slovensku v rokoch 1939–1945 a alternatívy jej riešenia // Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov. Zv. 4. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie Banská Bystrica 14. – 15. 4. 2005. Banská Bystrica: Ústav vedy a výskumu UMB, 2005. S. 292–302.
 12. Podolec O. Postavenie národnostných menšín v Slovenskej republike (1939–1945) // Z dejín demokratických a totalitných režimov na Slovensku a v Československu v 20. storočí : historik Ivan Kamenec 70-ročný. Bratislava: Historický ústav SAV, 2008. S. 115–130.
 13. Pop I. Malé dejiny Rusínov. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska, 2010. 140 s.
 14. Šprocha B., Tišliar P. Demografický obraz Slovenska v rokoch 1938–1945. Bratislava: Muzeológia a kultúrne dedičstvo, 2016. 199 s.
 15. Ústavný zákon zo dňa 21. júla 1939 o ústave Slovenskej republiky // Slovenský zákonník 1939. № 185. S. 375–384.
 16. Viedenská arbitráž 2. novembra 1938: Dokumenty II., Okupácia (2. novembra – 14. marec) / zost. L. Deák. – Bratislava: Matica slovenska, 2003. 304 s.
 17. Zákon zo dňa 15. mája 1940 o politických stranách národnostných skupín // Slovenský zákonník 1940. № 121. S. 194–198.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

А. А. Каплиев

*Институт истории Национальной академии наук Беларуси, ул. Академическая, 1,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, kapliyev@history.by*

Статья характеризует зарождение высшего медицинского образования в Советской Беларуси. Реконструированы предпосылки, непосредственные факторы и этапы становления медицинского факультета Белорусского государственного университета как главного центра подготовки врачей в 1920-х гг. Показана роль появления национального центра подготовки врачей в развитии отечественной медицины и здравоохранения.

Ключевые слова: врач; медицинский факультет; Белорусский государственный университет; здравоохранение; медицина.

ORGANIZATION OF THE MEDICAL FACULTY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY AT THE BEGINNING OF 1920s

Alexey A. Kapliyev

*The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 1 Academic str.,
Minsk, 220072, Belarus, kapliyev@history.by*

The article characterizes the origins and development of higher medical education in Belarus. The preconditions, immediate causes and stages of formation of the medical faculty of the Belarusian State University as the main training center for doctors in the 1920s are reconstructed. The role of the emergence of a national training center for doctors in the development of national medicine and healthcare is shown.

Key words: doctor; medical faculty; Belarusian State University; healthcare; medicine.

После Октябрьской революции 1917 г. советские власти уделяли большое внимание развитию образования и выделяли средства в том числе на национальные проекты высших учебных заведений. В частности, в период установления советской власти на территории Беларуси обсуждалась идея открытия полноценного университета с обязательным медицинским факультетом (медфак), но последующие боевые действия и германская оккупация отложили этот вопрос. Однако, проект не был забыт и возродился уже после отхода немецких войск, во время становления Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) в начале 1919 г. В то время из-за последствий военной мобилизации и оккупации медицинская сеть Беларуси страдала от острой нехватки квалифицированных врачебных кадров. Для ликвидации отставания в кадровом обеспечении медицинской сети врачами встал вопрос о

необходимости неотложной организации высшего медицинского образования.

Уже 21 января 1919 г. декану математического факультета Нижегородского педагогического университета профессору И. Брайцеву (белорусу по происхождению, родом из Могилевской губернии) Наркоматом просвещения РСФСР была поручена работа по участию в организации университета в Минске с шестью факультетами: математическим, естественным, агрономическим, литературно художественным, социально-историческим и медицинским [1, л. 15]. Уже на исходе существования ССРБ ее Центральный исполнительный комитет (ЦИК) 25 февраля 1919 г. издал декрет об открытии в Минске государственного университета, на что было выделено 1 млн рублей [2, с. 4].

С созданием Литовско-Белорусской ССР работа по организации белорусского вуза продолжалась: были созданы две подготовительные комиссии по организации университета – Минская (при Минском губернском комиссариате просвещения) и Московская (при Народном комиссариате просвещения РСФСР). Открытие университета планировалось на 1 мая 1919 г., однако из-за наступления польских войск, которые до августа 1919 г. заняли большую часть территории Беларуси, этого не произошло.

В июле 1920 г. деятельность по созданию Белорусского университета возобновилась, что выразилось в продолжении работы Минской и Московской комиссий. Так, 7 августа 1920 г. мандат уполномоченного по делам организации университета в Минске получил заведующий отделом здравоохранения Военно-революционного комитета ССРБ С. Д. Каминский, который должен был курировать создание именно медицинского факультета [3, л. 19].

Комиссии подбирали состав профессоров для замещения должностей заведующих кафедр. Для работы на медфаке Белорусского государственного университета (БГУ) были приглашены ученые из Москвы, Петрограда, Киева, Смоленска, Казани и других городов. Были составлены общие учебные планы, определены помещения для занятий и практики студентов, заложены основы Фундаментальной библиотеки. По воспоминаниям известного невропатолога М. Б. Кроля, получившего в августе 1920 г приглашение в Московскую комиссию, наиболее активное участие в ее работе принял профессор Л. Минор, которого М. Кроль называл «духовным отцом» медфака БГУ [4, с. 47].

Прибыв в Минск в конце декабря 1920 г., Кроль был поражен его состоянием, о чем писал в воспоминаниях: «в Минске нас удивили руины зданий, сожженных поляками при отступлении. Все свидетельствовало о том, что мы находимся в ... пограничной полосе, служившей ареной непосредственных военных действий» [4, с. 47]. Кроме того, отсутствие ясности будущих границ Беларуси в условиях формального продолжения польско-советской войны обусловило постоянные задержки в решении вопроса об открытии университета в Минске.

Так, после отъезда очередной делегации Московской комиссии из Минска в январе 1921 г. проявились сложности не только материального и организационного, но и политического характера. В Народном комиссариате просвещения РСФСР возникло предложение не открывать медицинский факультет при университете в Минске, так как соответствующий факультет был рядом – в Смоленском университете, и достаточно было только расширить его [5, с. 8]. В связи с противодействием открытию факультета Наркомат просвещения ССРБ обратился к российским коллегам за помощью в деле создания медфака при БГУ. В частности, в письме к влиятельному заместителю наркома здравоохранения РСФСР З. Соловьеву, уроженцу Гродно, обосновывалась необходимость сохранения при БГУ медицинского факультета. Авторы письма отмечали идеологическую значимость открытия факультета в условиях расчленения белорусского народа после Рижского мира: «... многомиллионные массы белорусского народа имеют право иметь собственный белорусский рассадник высшего образования. Без медицинского факультета он потеряет значительную степень привлекательности и интереса» [5, с. 10–11].

В начале января 1921 г. вопрос об открытии медфака был окончательно решен положительно. На совещаниях Московской комиссии по организации БГУ 22 и 29 марта 1921 г. были приняты учебные планы медфака, разработанные врачами и преподавателями М. Кролем, Л. Минором и П. Карузиным при участии М. Давыдова [4, с. 49]. В учебном плане медфака БГУ на «общеобразовательные политические предметы» было выделено 19 часов – больше, чем на общественную медицину и историю медицины вместе взятые [6, с. 196–198].

Учитывая нехватку медицинских кадров в разрушенном войной здравоохранении Беларуси, вопрос о выделении медицинского факультета был неотложным. Однако из-за хозяйственной разрухи даже согласованные технические вопросы не всегда находили положительное

решение: в ходе командировки в Минск делегации временного правления БГУ (8–15 апреля 1921 г.) констатировалось занятие намеченных для БГУ зданий другими учреждениями. Духовная семинария, которая рассматривалась как основное здание медфака, была передана военному ведомству, где был открыт приемный пункт для польских военнопленных, а здание фабрики «Виктория» (будущий анатомический театр) заняла слесарная мастерская [7, л. 40–40 об.].

Для окончательного решения университетского вопроса 17 апреля 1921 г. было созвано специальное объединенное совещание представителей Совета народных комиссаров и ЦИК ССРБ, а также всех комиссий и коллегий по созданию БГУ, по итогам которого все указанные ранее здания, в том числе три больницы и бывший минский военный госпиталь, окончательно переданы под медфак БГУ [4, с. 49].

Фактически весь 1921 г. прошел в подготовке организации учебного процесса нового университета. Еще в январе 1921 г. в условиях нехватки кадров правительство ССРБ обратилось к ученым-уроженцам Беларуси с призывом принять участие в организации университета в Минске. Одним из первых, откликнувшихся на него, стал будущий декан медицинского факультета БГУ М. Кроль. Всего на январь 1921 г. к медицинскому факультету БГУ кроме М. Кроля были приписаны невропатолог профессор Л. Минор, хирург профессор В. Брайцев, анатом профессор П. Карузин. В итоге, на момент начала занятий первого учебного года 31 октября 1921 г. на медфаке было 5 профессоров и 28 преподавателей. Естественно, что даже несмотря на новые большевистские стандарты и цели образования, преподавательские кадры первых «советских» медицинских факультетов как Беларуси, так и других союзных республик, состояли из представителей российских дореволюционных медицинских школ [8, с. 2].

В рамках осуществления культурной революции советская образовательная политика поощряла получение высшего образования представителями пролетариата ради создания «новой» интеллигенции. Для отбора абитуриентов на медфак БГУ были выработаны специальные правила: возраст не ранее 17 лет, образование в размере рабочего факультета или школы второй степени и сдача коллоквиума по математике, физике и естествознанию. В случае отсутствия среднего образования абитуриент подлежал расширенному экзамену. Следует отметить влияние классового подхода к образованию в советском государстве, что выражалось в выдвигании преимуществ при

поступлении для выпускников рабочего факультета, медицинских работников со стажем не менее года, красных медсестер и санитаров, работавших на фронте не менее года, а также лиц физического труда, не менее года работавших на ответственных партийных, профессиональных и советских должностях, абитуриентов пролетарского происхождения [9, с. 4].

После обнародования правил приема за две недели на медфак были приняты 1300 заявлений (на 250 мест), продолжали поступать новые. Таким образом, конкурс на медфак был значительно выше, чем на другие факультеты БГУ: при том, что на общественном факультете БГУ действовало 4 отделения, заявления на поступление туда подали только 1000 абитуриентов. В связи с этим количество мест на медфаке было расширено до 400, однако в итоге на 1921/1922 учебный год были изначально зачислены только 365 человек. После ряда перерегистраций окончательно первый набор студентов на все курсы медфака составил лишь 239 человек, из которых факультет в итоге окончил менее 200 [10, с. 45–46].

Следует добавить, что в 1920-х гг. медицинский факультет оставался одним из наиболее престижных в БГУ: например, когда в 1924/1925 учебном году было подано 249 заявлений на 150 мест, по результатам экзаменов зачислены только 102 человека и без экзаменов – 30 (табл. 1).

Таблица 1. – Зачисление студентов на медицинский факультет БГУ в 1921–1927 гг. [11, с. 52–54]

Год зачисления	Количество зачисленных студентов
1921	365
1922	216
1923	239
1924	186
1925	134
1926	95
1927	114

За лето – осень 1921 г. была выработана структура управления медицинским факультетом БГУ. Работу факультета возглавлял деканат,

который избирался сроком на один год. В состав первого деканата медицинского факультета вошли химик Б. Беркенгейм (декан), невропатолог М. Кроль (заместитель декана), биолог А. Федюшин (секретарь). Однако Б. Беркенгейм не вступил в должность и факультет временно возглавил А. Федюшин, а вскоре деканом стал профессор М. Кроль. При деканате действовали три предметные комиссии: терапевтическая, хирургическая и медико-биологическая [5, с. 10].

В начале существования БГУ его факультеты строились на коллегиальных и демократических принципах самоуправления. Так, на медицинском факультете был создан президиум факультета, который до июля 1921 г. состоял из декана М. Кроля, его заместителя доктора Перельмана и секретаря А. Федюшина. Позже в состав президиума был включен и представитель студенчества фельдшер С. Боркусевич, который при своем статусе студента одновременно возглавлял Белорусское общество Красного Креста, а также занимал должность заместителя наркома здравоохранения ССРБ [10, с. 45].

Структурно факультет состоял из 7 кафедр, которые фактически стали координационными центрами развития белорусской медицинской науки и переняли функции, которые до революции выполняли врачебные общества (табл. 2).

Кафедра	Заведующий
Анатомии	П. Карузин
Органической химии	Б. Беркенгейм
Ботаники	В. Лепёшкин
Зоологии	А. Федюшин
Нервных болезней	М. Кроль
Патологической анатомии и гистологии	А. Лунц
Физики	Н. Андреев

Таблица 2. – Первые кафедры медицинского факультета БГУ (1921 г.) [10, с. 45].

Для повышения качества обучения при медицинском факультете был оборудован анатомический театр, располагавшийся во втором корпусе («доме») БГУ. Он считался одним из лучших на пространстве советских республик. Его вместимость составляла около 200 человек. Остальные лаборатории и кабинеты факультета также оснащались по лучшим

стандартам: приборы для физического кабинета были получены из Москвы, химическая лаборатория также обеспечивалась всеми необходимыми препаратами, реактивами и приборами на 2–3 года.

В заключение отметим, что организация собственной базы подготовки врачей, которая была жизненно необходима для молодой советской медицины, стала одним из наиболее значимых достижений советского образования в БССР. Однако первоначальные организационные сложности тяжело отразились на дальнейшей деятельности медфака БГУ, особенно в первой половине 1920-х гг. Так, первые выпуски студентов начались только с 1925 г. при этом в 1925 г. выпуск врачей составил всего 21 человек, но уже в 1926 – 175, а к 1927 г. медфак БГУ выпустил 400 молодых врачей. В 1925–1930 гг. среднегодовой выпуск врачей составил только 164 человека [12, с. 626]. Это количество было явно недостаточным для сети здравоохранения БССР, поэтому квалифицированных специалистов в белорусском здравоохранении не хватало на всем протяжении 1920-х гг. Так, несмотря на определенные успехи, БССР отставала от остальных республик СССР по обеспечению врачебными кадрами: в 1924 г. в БССР на 10 тыс. человек населения приходилось только 1,6 врачей, в то время как в РСФСР – 3. Подобные явления предопределили необходимость повышения количества студентов-медиков и преобразования медицинского факультета БГУ в самостоятельный вуз – Минский медицинский институт, что произошло в 1930 г.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 121.
2. Декрет Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов С. С. Р. Белоруссии от 25 февраля 1919 г. // Звезда. 1919. № 386 1 марта. С. 4.
3. НАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25.
4. Кроль М. Б. Першыя крокі па арганізацыі мэдфаку Б. Дз. У. (Успаміны) // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921–1927 : Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Мн.: [б. и.], 1927. С. 47–51.
5. Шишко Е. И., Ключарев А. А., Курбако А. И. Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт : (к 70-летию). Минск : Вышэйшая школа, 1991. 192 с.
6. Турок Ф. Университетская летопись // Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 1. С. 175–207.
7. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 2.
8. Каминский С. Быть ли университету в Минске // Звезда. 1921. № 21. 27 января. С. 2.

9. Правила приема на медицинский факультет Белорусского Государственного Университета // Звезда. 1921. № 190. 16 авг. С. 4.
10. Белорусский Государственный Университет // Вестник Народного Комиссариата Просвещения С. С. Р. Б. 1922. Вып. 11–12 (октябрь – ноябрь). С. 45–46.
11. Герке П. Я. Первые годы высшего медицинского образования в Белоруссии // Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР (материалы второй научной конференции) / редкол. Г. Р. Крючок (отв. ред.) [и др.]. Минск : Беларусь, 1965. С. 52–54.
12. Абраменко М. Е. Высшее медицинское образование на Беларуси в ходе становления Советской системы здравоохранения (1917–1941 г. г.) // Медицинское образование XXI : материалы междунар. конф. Витебск : [б. и.], 2002. С. 626–628.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

О. Б. Келлер^{1,2)}

¹⁾ *Тюбингенский университет имени Эберхарла Карла, Вильгельмштрассе 36, бюро У 16, г. Тюбинген, ФРГ, olga.keller@histsem.uni-tuebingen.de*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, olga.keller@mail.ru*

Доклад д. и. н., профессора Келлер О. Б. посвящён рассмотрению и анализу финансирования обучающихся в средневековых немецких университетах. Главная задача автора – установить, каким образом финансировали зачисляющиеся на обучение в немецкие университеты в период Средневековья поездку к месту будущего обучения, сборы за имматрикуляцию (зачисление в университет), сумму за сдачу экзамена, за проживание, за книги, одежду, медицинское обеспечение и пр., а также помогали ли им родные и близкие, либо они должны были самостоятельно искать источники финансирования? К числу наиболее значимых источников финансирования обучающихся в немецких средневековых университетах относятся: 1) фонды, предоставляющие стипендии светского, церковного, городского или частного характера; 2) финансирование из «пребенды»; 3) обеспечение в «бурсах» или «коллегиях» (коллегиумах, колледжах); 4) доходы с недвижимости; 5) финансирование с помощью обеспеченных родственников; 6) «смешанные» формы финансирования, где могли пересекаться две или сразу несколько форм финансового обеспечения; 7) обеспечение из источников другого рода.

Ключевые слова: Благотворительные фонды; финансирование из пребенды; обеспечение в бурсах или коллегиумах; доходы с недвижимости; финансирование с помощью обеспеченных родственников; «смешанные» формы финансирования; обеспечение из иных источников.

FINANCING OF STUDENTS IN MEDIEVAL GERMAN UNIVERSITIES

O. Keller^{1,2)}

¹⁾ *Eberhard Karl university of Tübingen, Wilhelm street , 36-U16, Tübingen, 72072, Germany; olga.keller@histsem.uni-tuebingen.de*

²⁾ *Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; olga.keller@mail.ru*

The report of Doctor of History, Professor Keller O. B. is devoted to the consideration and analysis of the financing of students in medieval German universities. The main task of the author is to establish how the trip to the place of future study, fees for immatriculation (enrollment in the university), the amount for passing the exam, for accommodation, for books, clothes, medical care, etc., were financed by those enrolled in German universities during the Middle Ages, and whether relatives and friends helped them, or did they have to independently look for sources of financing? Among the most significant sources of funding for students in German medieval universities are: 1) foundations that provide scholarships of a secular, ecclesiastical, urban or private nature; (2) prebenda funding; 3) provision in «bursas» or «collegiums» (collegiums, colleges); 4) income from real estate; 5) financing

with the help of wealthy relatives; 6) «mixed» forms of financing, where two or more forms of financial security could intersect; 7) provision from sources of other kinds.

Key words: Charitable foundations; financing from prebend; provision in bursas or collegiums; income from real estate; financing with the help of wealthy relatives; «mixed» forms of financing; provision from other sources.

1. Введение.

Для того, чтобы понять сегодняшнюю систему финансирования обучающихся в немецких ВУЗах, необходимо обратить внимание на то, как эволюционировало финансовое обеспечение студентов немецких университетов на протяжении их существования. Анализируя данный аспект, можно прийти к выводу, что истоки данной финансовой составляющей своими корнями уходят в глубину Средних веков.

Сразу хотелось бы отметить, что значимое комплексное исследование финансовой составляющей обучающихся в немецких средневековых университетах отсутствует. Однако, нельзя не отметить, что по данной теме есть масса наработок в виде научных статей; тезисов выступлений на научных семинарах, конференциях и симпозиумах; публикаций иного рода.

Во-первых, надлежит назвать сборник под названием «Финансирование университетов и науки в прошлом и настоящем», изданный в Базеле в 2005 г., в котором опубликован ряд интереснейших докладов по данной проблематике на немецком, французском, английском и итальянском языках [1]. Опубликованные в сборнике доклады базируются на выступлениях учёных и исследователей, сделанных на международной конференции, которая проводилась в 2001 г. «Обществом изучения университетской истории и истории науки». Доклады затрагивают вопросы, выходящие за рамки эпох и отдельных исторических регионов, и раскрывают такие аспекты, как дотации различных фондов, инкорпорацию церковных субсидий, оснащение кафедр, стипендии светского, духовного либо частного характера и др.

Во-вторых, следует отметить издаваемый с 1998 г. в издательстве Франц Штайнер Ферлаг в Штутгарте «Ежегодник университетской истории». В нём публикуются статьи многих исследователей и учёных, напрямую или косвенно связанные с данной проблематикой. На сегодняшний день в Германии издано 20 томов этого журнала [2].

Данный текст, базирующийся на исследованиях из вышеуказанного сборника, на научных статьях исследователей, опубликованных в «Ежегоднике университетской истории», а наряду с этим и на работах других авторов, посвящён рассмотрению таких столь важных и значимых

источников финансирования обучающихся в средневековых немецких ВУЗах и университетах, как: а) благотворительные фонды светского, церковного, городского или частного характера, дающие стипендии; б) обеспечение из «пребенда»⁸-собственности; в) обеспечение, предоставляемое «бурсами»⁹ или «коллегиями»¹⁰ (коллегиумами, колледжами); г) доходы с владения недвижимостью; д) финансирование с помощью обеспеченных родственников, а также е) обеспечение из иных источников. При этом, нужно обратить особое внимание на так называемые «смешанные» [3, с. 72] формы финансирования, где могли пересекаться две или сразу несколько форм финансового обеспечения. В университетской среде было принято мобилизовывать различные виды доходов и источники финансирования, то есть уклон всегда делался на «мультифункциональное» обеспечение, чтобы суметь выдержать напор высокого давления расходов [4, с. 178].

II. Основная часть.

а) Фонды и стипендии.

Приоритетную роль в области финансирования обучающихся в средневековых немецких ВУЗах надлежит отдать стипендиям и стипендиальным фондам. В большинстве своём, немецкие учёные проводили исследования о стипендиях регионального характера, например: о стипендиях, предоставляемых ганзейскими городами [5], или о стипендиях, предоставляемых благотворительными фондами Кёльна [6], и пр. Причём нельзя не упомянуть, что в них стипендиальные фонды представлены не только как материальная основа, но и как катализатор воспитания социальной элиты.

Рассмотрению стипендиальных фондов, как феномена социальной истории, посвятил целый ряд своих работ Михаэль Боргольт [7; 8]. Именно он высказывает точку зрения о том, что университеты в Средние века представляли собой основы благочестивой литургической памяти, а также основы «духовного спасения». Это значит, что намерение

⁸ Пребенда – право на доход с церковной должности – как у католиков, так и протестантов – в виде земельных владений, домов для проживания клира или денежного жалования духовных лиц.

⁹ Изначально термином «Бурса» в Средние века называлась общая касса какого-либо учреждения или структуры (братства, монастыря), впоследствии касса общежития, а затем «бурсой» стало называться уже и само общежитие, предоставлявшее студентам комнату или квартиру с полным содержанием, в большинстве своём, за счёт благотворителей (позднее за плату).

¹⁰ Коллегии, также коллегиумы, колледжи – изначально церковные учреждения, в которых студенты находили бесплатное содержание, преподавание и надзор. Коллегиум (от лат. «collegium» - товарищество, содружество) – сперва этим термином назывались различные объединения, подразделения университетов, средние школы-пансионаты; позже термин «коллегиум» применяется к учебным заведениям Ордена иезуитов.

основателя благотворительного фонда служило, в первую очередь, спасению его собственной души; а после смерти основателя фонда была налицо социальная коллективная система, хранившая о нём память.

В контексте рассмотрения университетов и иных высших учебных заведений дающая импульсы воля основателя фонда означает не только увековечение памяти о нём, но также и длительное значимое влияние последнего на фонды или коллегии относительно рекомендаций о вакансиях, финансах или литургии. Одна из центральных монографий по данной проблематике посвящена анализу фондов в городе Нюрнберг и принадлежит перу Бернхарда Эбнета [9]. По данным только что упомянутого Бернхарда Эбнета, в немецкоязычных регионах в период с XV по XX ст. насчитывалось от 4000 до 6000 всевозможных благотворительных фондов. Причём уместно подразделять эти фонды на: 1) светские, 2) духовные, 3) городские и 4) частные.

Следующий момент: в XV в. в различных областях и сферах жизни людей (в органах городского управления, в медицинских структурах и пр.) появляется потребность в кадрах с адекватной квалификацией [10]. Так, на работу в органы городского управления вендских ганзейских городов предпочитали брать юристов с научной степенью. А при приёме на работу на должность городского писаря или нотариуса городского Совета требовалась степень магистра. Причём, зачастую, различные значимые позиции предполагали квалификацию человека именно в области юриспруденции, то есть от него могла даже требоваться степень защищённого доктора наук¹¹ [11]. И в других исторических регионах Германии была налицо подобная ситуация [12].

Поэтому, наверное, правомерно утверждать, что обучение в университетах и высших учебных заведениях уже в Средние века представляло собой залог будущей карьеры. В доуниверситетское время, когда образование почти повсеместно находилось под эгидой влиятельных школ при монастырях или соборах, оно не играло значимой роли для улучшения шансов по «карьерной лестнице» [13]. По окончании же обучения в университетах выпускники средневековых ВУЗов стали чувствовать себя как бы самостоятельной группой, членами нового социального сословия с претензиями занимать ведущие позиции [14]. Ну а практическое применение приобретённых ими знаний, действительно, соответствовало потребностям тогдашнего общества в условиях

¹¹ В настоящее время: кандидата наук – *Примеч. О. К.*

увеличении спроса на подобных специалистов. Стипендии, таким образом, являлись выражением растущего спроса на квалификацию [15, с. 508].

б) Обеспечение из права на доход с церковной должности (из «пребенда»-собственности).

Длительное время «пребенда» являлась одним из самых важных источников финансирования посетителей и слушателей университетов в период Средневековья, поэтому находилась в центре любых усилий последних по получению финансовой безопасности для их учёбы.

Принадлежность к классу клериков позволяла абсолютно всем священнослужителям получать престижные синекуры, хотя нельзя не упомянуть, что изначально это касалось именно низшего слоя духовенства. Иной посетитель университета имел к ним доступ редко, или, иными словами, почти не имел. Пребенды благотворительных фондов и соборов «резервировались», в основном, для дворян или стипендиатов.

Причём, крайне важно отметить и тот факт, что между церковной пребендой, окончанием учёбы в университете и последующей карьерой в духовной области существовала определённая связь [16]. В течение XV в. привлекательные рабочие места в соборных капитулах, коллегиальных и приходских церквях требовали обязательного наличия (получения) ученой степени. Эти наблюдения не ограничиваются конкретным регионом. Они могли наблюдаться во всех регионах империи [17; 18; 19].

Томас Виллих смог показать на примере Магдебургского соборного капитула, что, например, в монастыре служили, прежде всего, юридически образованные низшие дворянские, а во многих случаях даже буржуазные священнослужители. Эта оценка «академизации» коллегиальной церкви коррелирует с растущей «деклериализацией» университетов в XV в. [20].

Гонка кандидатов, имевших в качестве финансирования «пребенду», начиналась сразу же после получения первой учёной степени. Именно обладатели учёных степеней тогда принадлежали тогда к предпочтительной группе кандидатов для получения (занимания) церковных должностей.

в) Обеспечение, предоставляемое «бурсами» или «коллегиумами».

В качестве неотъемлемой части жизни в средневековых немецких университетах необходимо назвать жилые сообщества для преподавателей, магистров и учёных, то есть «бурсы» или появившиеся на пожертвования сильных мира сего «коллегиумы» для профессоров и стипендиатов. Они приобрели особенно важное значение на «факультетах

искусств»¹² средневековых университетов и существенно повлияли на развитие этих факультетов по парижскому образцу [21, с. 531]. Подавляющее большинство артистов (художников) проживало в бурсах, где они все вместе спорили, ели, спали, праздновали и т. д.

Бурсы были социальными пространствами, в которых разворачивалась сеть отношений, а учёные подлежали правилам социального «построения сообщества». Одарённые обеспеченные учёные считались особенно привлекательными «бурсалями», поскольку они могли внести более широкий вклад в сближение между проживавшими в бурсах и в накопление богатства ректоров бурс [22, с. 131]. Благодаря помощи и содействию благотворительных фондов бурсы часто обеспечивались недвижимостью, стипендиями и пр. [22, с. 132].

г) Обеспечение из доходов с владения недвижимостью.

Итак, как уже было рассмотрено выше, имматрикулированные в средневекованные немецкие университеты: во-первых, могли иметь стипендии; во-вторых, доход из пребенды; в-третьих, получить бесплатно место проживания в бурсах или коллегиях (коллегиумах, колледжах).

А как жили остальные посещающие занятия в университете в период Средневековья, у кого не было стипендии, кто не был охвачен церковной синекурой, или кто не жил бесплатно в бурсе?

Был ещё один, четвёртый, способ финансирования дорогостоящих вступительных взносов; экзаменационных расходов; расходов, чтобы добраться к месту обучения; расходов на проживание, на мебель, одежду, бумагу, чернила и книги. И этот способ назывался: семейные активы [4, с. 178]. К сожалению, этому четвёртому источнику финансирования, а именно, семейным активам, которые представляли собой собственность самого разного рода и вида: на землю и домовладение, пахотные земли, поместья, фермы, сады, луга, мельницы, а также пенсии, – уделяется пока слишком мало систематического внимания.

Для ганзейского патрициата и влиятельных семей членов городского Совета, чьи дети всё больше стремились получить высшее академическое образование и уезжали для этого, поступая в крупные университеты Европы, чтобы получить степень на высших факультетах было чётко определено, какую часть городских или сельских земель, деревень, пенсий, а также какую долю дохода от аренды они должны были инвестировать в финансирование обучения своих сыновей [23].

¹² Факультеты искусств (иначе: факультеты свободных искусств, артистические факультеты) – подготовительные, младшие факультеты в средневековых университетах, где изначально, до поступления на высшие факультеты, изучались семь свободных искусств. – *Примеч. О. К.*

Так, на сегодняшний день было проведено специальное социально-топографическое исследование, устанавливающее не только тот факт, что эти влиятельные семьи в богатых ганзейских городах (купцы или члены городского Совета) имели дома в предпочтительных жилых районах, в основном, поблизости от ратуши или рядом с рыночной площадью, но также и то, что владение недвижимостью и ежегодные проценты от владения данной собственностью (к примеру, в качестве наследства и др.) служили источником финансирования обучения в университетах их наследников [24, с. 204].

III. Заключение.

Безусловно, доступ к финансовой поддержке обучения в университетах в период Средних веков строго регламентировался и был во-многом зависим от всевозможных «покровителей» (благотворительные фонды, церковная пребенда и др.). Были и иные источники доходов. Например, родительский кошелек зачастую мог являться одной из главных составляющих финансовой независимости обучающегося в университете. Только далеко не все имели обеспеченных родителей, способных заплатить за обучение своих чад. Из каких же источников, в целом, финансировались средневековые студенты?

Проанализировав различные финансовые составляющие обучающихся в средневековых немецких университетах и высших учебных заведениях, можно сделать вывод о том, что для университетской среды того времени налицо мобилизация самых разных видов доходов и источников финансирования. В качестве важных и значимых источников финансирования обучающихся в высших учебных заведениях обязательно следует выделить: 1) фонды, предоставляющие стипендии светского, церковного, городского или частного характера; 2) финансирование из «пребенды»; 3) обеспечение в «бурсах» или «коллегиях» (коллегиумах, колледжах); 4) доходы с недвижимости; 5) финансирование с помощью обеспеченных родственников; 6) «смешанные» формы финансирования, где могли пересекаться две или сразу несколько форм финансового обеспечения; 7) обеспечение из источников другого рода.

Библиографический список

1. Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von Rainer Chr. Schwinges. Basel: Schwabe, 2005. X, 602 S.

2. Vom Bruch, Rüdiger; Kintzinger, Martin. Jahrbuch für Universitätsgeschichte. Bände 1-20 / Rüdiger vom Bruch, Martin Kintzinger. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998–2020.
3. Hesse, Christian. Pfründen, Herrschaften und Gebühren. Zu Möglichkeiten spätmittelalterlicher Universitätsfinanzierung im Alten Reich / Christian Hesse // Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von Rainer Chr. Schwinges. Basel: Schwabe, 2005. X, 602 S. SS. 57–86.
4. Schwinges, Rainer Chr. Von Foundationen, Dotationen, Geld und großem Mangel. Zugleich ein Kommentar zu Teil I. / Rainer Chr. Schwinges // Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von Rainer Chr. Schwinges. Basel: Schwabe, 2005. X, 602 S. SS. 175–193.
5. Stieda, Wilhelm. Hansestädtische Universitätsstipendien / Wilhelm Stieda // Zeitschrift des Vereins für Hamburgische Geschichte 16 (1911). S. 274–334.
6. Meuthen, Erich. Die Kölner Studienstiftungen als historische Phänomen / Erich Meuthen // Bildung stiften: 200 Jahre Kölner Gymnasial- und Stiftungsfonds; Festreden; Jubiläum und Ausstellungseröffnung 2000. Köln: Kölner Gymnasial- und Stiftungsfonds, 2001. 38 S. S. 20–31.
7. Stiftungen und Stiftungswirklichkeiten. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. von Michael Borgolte. Berlin: Akad.-Verlag, 2000. 343 S.
8. Borgolte, Michael. Memoria. Zwischenbilanz eines Mittelalterprojekts / Michael Borgolte // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 46 (1998). S. 197–210.
9. Ebneith, Bernhard. Stipendienstiftungen in Nürnberg. Eine historische Studie zum Funktionszusammenhang der Ausbildungsförderung für Studenten am Beispiel einer Großstadt (15 – 20. Jahrhundert). Nürnberg: Korn und Berg, 1994. LXXII, 349 S.
10. Moraw, Peter. Gelehrte Juristen im Dienst der deutschen Könige des späten Mittelalters (1273–1493) / Peter Moraw // Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates. Hrsg. von Roman Schnur. – Berlin: Duncker und Humblot, 1986. 880 S. S. 77–147.
11. Wriedt, Klaus. Das gelehrte Personal in der Verwaltung und Diplomatie der Hansestädte / Klaus Wriedt // Hansische Geschichtsblätter 96 (1978). S. 15–37.
12. Immenhauser, Beat. Bildungswege – Lebenswege. Universitätsbesucher aus dem Bistum Konstanz im 15. und 16. Jahrhundert / Beat Immenhauser. Basel: Schwabe, 2007. 632 S.
13. Ehlers, Joachim. Dom und Klosterschulen in Deutschland und Frankreich im 10. und 11. Jahrhundert / Joachim Ehlers // Schule und Schüler im Mittelalter. Beiträge zur europäischen Bildungsgeschichte des 9. und 15. Jahrhunderts. Hrsg. von Martin Kintzinger, Sönke Lorenz, Michael Walter. Köln: Böhlau, 1996. VI, 478 S. S. 29–52.
14. Verger, Jacques. Les gens de savoir en Europe a la fin du Moyen Age / Jacques Verger. – 1. Ausgabe. Paris: Presses Univ. de France, 1997. 239 S.
15. Ebneith, Bernhard. Stipendium und Promotion. Studienförderung vor und nach der Reformation / Bernhard Ebneith // Examen, Titel, Promotionen. Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert. Basel: Schwabe, 2007. X, 776 S. S. 489–533.
16. Gramsch, Robert. Kommunikation als Lebensform. Kuriale in Thüringen vom 13. bis zu 16. Jahrhundert / Robert Gramsch // Flug, Brigitte; Matheus, Michael, Rehberg, Andreas (Hg.). Kurie und Region. Festschrift für Brigide Schwarz zum 65. Geburtstag. – Stuttgart: Steiner, 2005. 455 S. S. 417–434.

17. Röpcke, Andreas. Das Eutiner Kollegiatstift im Mittelalter: 1309–1535 / Andreas Röpcke. Neumünster: Wachholtz, 1977. 261 S.
18. Fouquet, Gerhard. Das Speyerer Domkapitel im späten Mittelalter (ca. 1350–1540). Adlige Freundschaft, fürstliche Patronage und päpstliche Klientel. Band 1. / Gerhard Fouquet. Mainz: Selbstverlag der Geschichte für Mittelrheinische Kirchengeschichte, 1987. XXXVII, 302 S.
19. Hollmann, Michael. Das Mainzer Domkapitel im späten Mittelalter (1306–1476) / Michael Hollmann. Mainz: Selbstverlag der Geschichte für Mittelrheinische Kirchengeschichte, 1990. XI, 587 S.
20. Willich, Thomas. Wege zur Pfründe. Die Besetzung der Magdeburger Domkanonikate zwischen ordentlicher Kollatur und päpstlicher Provision 1295–1464 / Thomas Willich. Tübingen: Niemeyer, 2005. XII, 683 S.
21. Schwinges, Rainer Chr. Sozialgeschichtliche Aspekte spätmittelalterlicher Studentenbursen in Deutschland / Rainer Chr. Schwinges // Fried, Johannes (Hg.). Schulen und Studium im sozialen Wandel des hohen und späten Mittelalters. Sigmaringen: Thorbecke, 1986. 654 S. S. 527–564.
22. Mühlberger, Kurt. Wiener Studentenbursen und Kodreien im Wandel vom 15. zum 16. Jahrhundert / Kurt Mühlberger // Mühlberger, Kurt; Maisel, Thomas (Hg.). Aspekte der Bildungs- und Universitätsgeschichte: 16. bis 19. Jahrhundert. Wien: WUV-Universitätsverlag, 1993. 440 S.
23. Schildhauer, Johannes. Hansestädtischer Alltag. Untersuchungen auf der Grundlage des Stralsunder Bürgertestamente vom Anfang des 14. bis zum Ausgang des 16. Jahrhunderts / Johannes Schildhauer. Weimar: Böhlau, 1992. 143 S.
24. Igel, Karsten. Zwischen Bürgerhaus und Frauenhaus. Stadtgestalt, Grundbesitz und Sozialstruktur im spätmittelalterlichen Greifswald / Karsten Igel. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2010. XVII, 428 S.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И РАЗБОЙНИКИ: КТО ИМЕЕТ ПРАВО НА НАСИЛИЕ?

А. В. Козленко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, strator40@gmail.com

В период наивысшего могущества Римской империи в I–III вв. разбойники представляли собой серьезную угрозу для жителей сельской местности и путешественников. О широком распространении этого явления свидетельствуют многочисленные источники, в т. ч. принятые против них законы, нарративы историков и литераторов, документы и надписи. В период смут и гражданских войн отряды разбойников увеличивались в числе и размерах настолько, что для борьбы с ними приходилось использовать отряды регулярной армии.

Ключевые слова: Римская империя; разбой; грабеж; разбойники; бандиты; грабители; криминал; социальный бандитизм; суверенитет

ROMAN EMPIRE AND THE BANDITS: WHO HAS THE RIGHT TO VIOLENCE?

A. V. Kozlenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, strator40@gmail.com

During the I–III AD when Roman Empire was at the top of her power, bandits posed a serious threat to the rural population and travelers. The widespread of banditry is evidenced by numerous sources, including laws passed against them, narratives of historians and writers, documents and inscriptions. During the period of unrest and civil wars, band of robbers increased in number and size so much, that regular army detachments had to be used against them.

Key words: Roman Empire; robbery; robbers; bandits; crime; social banditry; sovereignty.

Римский историк Веллей Патеркул, горячий сторонник принципата, прославляя правление императора Тиберия, воздал хвалу установленному могуществом Цезаря миру, который не только положил конец терзавшим потомков Ромула гражданским войнам, но также самые отдаленные уголки мира сделал свободными от разбоя (Vell. II, 126, 3). Также и другим римским и греческим авторам, в т. ч. Сенеке, Плинию Старшему, Плутарху, Элию Аристиду и др., установленный императорами порядок виделся возвращением на землю эпохи «Золотого века». Нет сомнений в том, что эта идеология действительно разделялась самыми широкими слоями общества, особенно на фоне предшествовавших установлению принципата ужасов эпохи гражданских войн. Та же благостная картина характерна для историков раннего Нового времени. Наиболее известной в

этом списке является оценка Эдварда Гиббона Римской империи эпохи Антонинов, как самого счастливого времени в истории человечества, когда значительная его часть жила в условиях «Золотого века». Сегодня среди историков преобладает гораздо более взвешенная оценка римского порядка. Авторы множества опубликованных работ по римской экономике и социальной структуре приходят к выводу, что даже в относительно благополучные времена римское общество отнюдь не являлось гармоничным. Его разделяли многочисленные противоречия, прорывавшиеся наружу в ходе то и дело вспыхивавших конфликтов. Снаружи границы Римской империи периодически подвергались нападениям варваров, а изнутри ее стабильности угрожали разбойники.

Разбойничество в Римской империи долго находилось вне поля зрения историков. Пробуждение к ней интереса прежде всего связано с распространением марксистской историографии с характерной для нее ориентации на изучение социально-экономической истории и интересом к массовым народным движениям. Марксистские историки развитие разбойничества рассматривали в двух главных контекстах: с одной стороны, в контексте национально-освободительной борьбы покоренных римлянами народов против завоевателей, а с другой стороны, в контексте классовой борьбы, которая велась бедняками и беглыми рабами против богатых землевладельцев и поддерживавших их властей. Эта борьба включала различные формы, от скрытого пассивного сопротивления и одиночных выступлений до партизанских действий и масштабных восстаний. В каталоге, опубликованном в 1987 году немецким историком Томасом Пекари, оказалось учтено более чем 100 случаев восстаний, беспорядков и мятежей, происходивших как в самом Риме, так и в провинциях в период от начала правления Августа до смерти Коммода, т. е. в ту самую эпоху, которая с точки зрения значительной части современников считалась «Золотым веком». На основе этого материала автор приходит к выводу о том, что политическая нестабильность и внутренние беспорядки являлись привычной частью повседневного существования Римской империи даже в самые мирные периоды ее истории [1].

Один из первых и наиболее удачных примеров анализа политической ситуации, сложившейся в римской провинции Иудея был дан в опубликованной в 1957 году монографии профессора кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета Гилера Марковича Лившица «Восстания в

Иудее и классовая борьба против Рима». Разбой на дорогах, нападения на богатые усадьбы и другие проявления криминала являлись неотъемлемой частью повседневной жизни Иудеи задолго до восстания 63–70 гг. н. э. Разорившиеся бедняки, которых эксплуатировали богатые землевладельцы, царские сборщики налогов и судебные исполнители под гнетом долгов бросали свои земельные наделы и отправлялись в горы и пещеры Галилеи, чтобы жить здесь вне установленных властями законов. Радикализация протеста, которая в итоге привела к взрыву восстания, была обусловлена не только расширением эксплуатации в связи с переходом Иудеи под власть Рима, но также религиозной экзальтацией широких народных масс, ожиданием пришествия мессии и скорого конца света. История иудейского восстания ясно показывает, как оба течения взаимодействовали и взаимно вдохновляли друг друга, что привело политическую жизнь в стране к взрывоопасному состоянию. Революция, когда она вспыхнула, оказалась в равной степени направлена как против чужеземной римской власти, в которой восставшие видели корень зла, так и против местной социальной верхушки, воспринимавшейся в качестве ее прихвостней [2].

Одним из самых известных авторов, пишущих о взаимосвязи милленаризма и сектантства с революционным движением народных масс, является британский историк и социолог Эрик Хобсбаум. В небольшом эссе «Бандиты», написанном в 1969 году и недавно переведенном на русский язык, он выводит корни разбойничества из классовой структуры аграрных обществ. Разбойники состояли из отбросов этого общества, разорившихся крестьян, батраков, беглых рабов и слуг военных дезертиров, которые прятались от властей в отдаленных и труднодоступных местах. Сохраняя тесные связи с крестьянской средой, откуда большинство из них было родом, разбойники получали оттуда необходимое им продовольствие, рекрутировали из крестьян новых членов своей банды, а также черпали информацию, необходимую для планирования нападений. В свою очередь, большинство крестьян воспринимало разбойников как борцов за справедливость, выступавших против богачей и покрывавших их властей. Это явление Хобсбаум называл «социальным бандитизмом». «Ключевым в вопросе о социальных бандитах, – писал он, – является то, что сами они, крестьяне по происхождению, объявляются землевладельцами и государством преступниками, но при этом остаются в крестьянском сообществе и считаются в нем частью этого общества, героями, защитниками,

мстителями, борцами за справедливость и, возможно, даже за освобождение. Ими восхищаются, им помогают, их поддерживают». Это более или менее неизменный ответ крестьянского сообщества на «угнетение и эксплуатацию со стороны землевладельцев, городов, правительства, юристов и даже банков». Такого рода бандитизм является «одним из наиболее распространенных общественных явлений из известных в истории» [3].

Римское слово «разбойник» (*latro*) восходит к греческому *λάτρις* или *λατρεύς*, означавшему человека, получающего жалование, в т. ч. наемного солдата или раба, сданного своим хозяином внаем. Вероятно, эта этимология основана на близком знакомстве с мародерствующими бандами наемных солдат, превращавшихся в разбойничьи шайки сразу по окончании оговоренного контрактом срока службы. Впервые в значении «разбойник» (*latro*) и «разбой» (*latrocinium*) этот термин встречается в законе 77 г. до н. э., который приравнивает занятие разбоем к намеренному убийству. С точки зрения права разбойники являются преступниками, к числу которых Ульпиан относит также осквернителей священной собственности (*sacrilegi*), взломщиков и грабителей (*praedones*) похитителей людей (*plagiarii*), а также обычных воров (*fures*) (*Dig.* 1, 18, 13). От остальных злодеев разбойников отличает использование оружия (*vis armata*), действия в составе организованных групп (*factiones*), а также тяжесть ими содеянного (*Gai. Dig.* 9. 2. 4 *pr. Coll.* 10. 7. 4 = *Paul. Sent.* 2). Помимо криминальных элементов римляне без тени сомнения относили к числу разбойников также агитаторов (*seditionem concitatores*), революционеров (*duces factiones*) и повстанцев, чьи действия с сегодняшней точки зрения находятся скорее в политической и социальной, нежели в уголовной сфере. Наконец, по аналогии, к разбойникам римляне относили «мародерствующих варваров», внутри или снаружи границ империи, организация которых была слишком примитивной, чтобы рассматривать их в качестве настоящих врагов (*hostes*) (*Dig.* 49, 15, 24).

О том, насколько широко распространены были нападения разбойников, можно судить по тому, что наряду со старостью, болезнями и стихийными бедствиями, законы признавали их среди наиболее распространенных причин смерти (*Dig.*, 13, 6, 5, 4; 27, 1, 13, 7). Апостол Павел во 2-м послании коринфянам указывал, как часто во время своих путешествий он подвергался опасности нападения разбойников (*II Corinth.*, 11, 26). Ранее сам Иисус использовал притчу о добром самарянине, который спас путника, израненного разбойниками на дороге

из Иерусалима в Иерихон. Неудачная поездка имела протяженность не более 15 миль, при этом ее маршрут пролегал по одному из наиболее часто используемых маршрутов в Иудее (Лук 10, 25–37). Не только в Иудее, но даже в самом центре империи знатные лица, путешествующие в сопровождении свиты рабов и вооруженных охранников, не были в безопасности. Плиний Младший рассказывал о несчастии, приключившемся с его знакомым Атилием Скавром, который как-то отправился в Окрикул, город всего в 40 милях к северу от Рима и бесследно исчез. «Погиб ли он от рук своих рабов, – пишет Плиний, – или вместе с ними, неизвестно; только больше не появлялся ни он сам, ни кто-либо из его рабов». Ранее, как он пишет, подобный случай произошел с другим его земляком, Метилием Криспом (Plin. Ep., VI, 25). Чтобы избежать подобной опасности, Эпиктет советовал своим друзьям обзавестись надежными попутчиками или пристать к свите какого-либо должностного лица (Epict., IV, 1, 91–95).

Весьма подробную картину повседневного криминала, включая разбойные нападения, грабеж, воровство и другие формы преступного поведения рисуют египетские папирусы. В библиотеке Манчестерского университета хранится собрание из 29 документов, которые происходят из селения Эвгемерии в Фаюмском оазисе и датируются временем между 28 и 42 гг. н. э. Они представляют собой показания местных жителей, ставших жертвами различных преступлений. Почти половина зафиксированных преступлений представляет собой кражи домашних животных, урожая пшеницы и других продуктов. Среди украденных вещей упоминаются предметы домашнего обихода, рабочие инструменты, предметы одежды и т. д. В 14 случаях упоминается о краже денег или золотых украшений. В 10 случаях сумма ущерба составляет от 40 до 200 драхм. Крупные суммы в 200 и 120 драхм скорее всего являются средствами, переданными жертвам ограбления третьими лицами для приобретения каких-то товаров. Телесные повреждения встречаются только в 6 случаях. Интересно, что в 19 случаях заявители называли имена подозреваемых в преступлении. Это означает, что преступники и их жертвы происходили из одной и той же среды. В 13 случаях заявитель указывал не только личность, но также и профессию подозреваемого и в 9 подобных случаев речь шла о пастухах. Не только в Египте, но и в других провинциях империи пастухи пользовались дурной славой людей, замешанных в разнообразных проступках [4].

Разбойников боялись, но ими также восхищались. Они являлись участниками сюжетов почти всех известных нам античных романов: «Метаморфоз» Апулея, «Левкиппы и Клитофона» Ахилла Татия, «Эфиопики» Гелиодора и анонимной «Истории Аполлония, царя Тира». Даже такой серьезный автор как Арриан написал не дошедшую до нас биографию знаменитого атамана Тиллибора. Историк Геродиан поместил в свое сочинение пространный рассказ о Матерне, бывшем воине, оставившем службу и ставшем разбойником. Собранный им шайка в 185–186 гг. не только грабила виллы богатых провинциалов, но даже осмеливалась нападать на селения и осаждать большие города. Размах предпринятых против разбойников военных действий был таков, что их называли «войной с дезертирами» (*bellum desertorum*). В конце концов разбойничьи отряды были рассеяны, а их предводитель схвачен и обезглавлен в Риме (Herod., I, 10). Кассий Дион рассказывал о Булле Феликсе, который около 205–207 гг. действовал в самой Италии, умело избегая расставленных ему ловушек и водя за нос своих преследователей. Благодаря ярким подробностям его рассказа, Булле Феликсе является, вероятно, самым известным разбойником римской истории. Он также в конечном итоге был схвачен благодаря предательству и окончил свою жизнь на арене цирка (Dio Cass., 77, 10).

По территориальному размаху и числу участников деятельность Матерна и Буллы Феликса далеко выходила за рамки повседневного криминала. Все чаще для борьбы с разбойниками приходилось привлекать отряды регулярных войск, что и самих разбойников уравнивало с их преследователями. Интересно, что речь разбойников в литературных произведениях оказывается насыщена политической и военной терминологией: предводитель по-гречески называется *λήσταρχος*, иногда его именуют «царем» (*βασιλεύς*), у него есть помощник «щитоносец» (*ὑπασπιστής*), шайка называется «войском» (*στρατός*), логово – лагерем (*στρατόπεδον*), а друг друга разбойники именуют на военный манер «соратниками» (*συστράτιώται*). По мере роста социальной напряженности в провинциях и ослабления власти императора, разница между официальными властями и предводителями разбойничьих шак постепенно нивелировалась. Св. Августин в сочинении «О граде божьем» затрудняется при проведении четкой разницы между «царством» (*regnum*) и разбойничьей бандой. (*latrocinium*), «ибо что такое разбойничьи шайки, как не царства в миниатюре? Банда – это также группа людей,

управляемая властью вождя, связанная социальным договором, и ее добыча также делится в соответствии с законом» (Aug. Civ. dei., IV, 4).

Библиографические ссылки

1. Pekáry Th. Seditio. Unruhen und Revolten im römischen Reich von Augustus bis Commodus // *Ancient Society*. 1987. Bd. 18. S. 133–150.
2. Лившиц Г. М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. К проблеме социально-экономического строя римских провинций. Минск, 1957.
3. Хобсбаум Э. Бандиты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020.
4. Grünewald Th. *Bandits in the Roman Empire: Myth and reality*. Oxford: Routledge, 2004.

ПОНЯТИЕ «ЭЛИТА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Н. В. Козловская

*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь*

В статье предпринята попытка концептуализации подходов современной историографии истории шляхты Великого Княжества Литовского в отношении термина «элита». Автор определяет некоторые общие моменты, разделяемые современной историографией, а также акцентирует внимание на особенностях научного дискурса проблемы в национальных историографиях Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины. Обращается внимание на отсутствие четко обозначенных критериев определения дефиниций «элита», «политическая элита» в современной историографии истории шляхты Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: элита; политическая элита; шляхта; Великое Княжество Литовское; историография.

THE CONCEPT OF «ELITE» IN THE MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF THE GRAND DUCH OF LITHUANIA: APPLICATION LIMITS

N. V. Kazlouskay

*Yanka Kupala State University of Grodno,
22 Ozheshko Street, Grodno 230023, Belarus*

The article attempts to conceptualize the approaches of modern historiography of the history of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in relation to the term «elite». The author identifies some common points shared by modern historiography, and also focuses on the peculiarities of the scientific discourse of the problem in the national historiographies of Belarus, Lithuania, Poland, Russia and Ukraine. Attention is drawn to the absence of clearly defined criteria for defining the definitions of «elite», «political elite» in the modern historiography of the history of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: elite; political elite; nobility; Grand Duchy of Lithuania; historiography.

В современной историографии истории Великого Княжества Литовского при изучении социальной структуры общества, политической истории активно используются понятия «элита ВКЛ», «политическая элита ВКЛ». Данные моменты можно объяснить рядом факторов [1, с. 34]. Как писал российский историк П. Уваров, при всей очевидной самоценности споров об элите, данное понятие является более гибким и многогранным, чем прежние категории «класс» и «сословие» [2, с. 13].

Несмотря на актуальность элитистской тематики в современной историографии истории шляхты ВКЛ, не решённым остается целый ряд вопросов как общетеоретического и методологического плана, так и

«частных случаев» употребления понятия в конкретно-исторических исследованиях по истории ВКЛ и Речи Посполитой.

В польской историографии проблема элиты, политической элиты, магнатории имеет давнюю и устоявшуюся историографическую традицию. Но как справедливо отмечают сами польские исследователи, в методологическом плане проблема не решена ни применительно к истории Речи Посполитой в целом, ни Королевства Польского и отдельных его земель в те или иные периоды (средние века, новое время), в частности.

Дискуссия имела место как во второй половине XX в., так и современной польской историографии. Одним из первых проблему затронул С. Кутшеба [3]. Дальнейшее продолжение она получила на конгрессе польских историков в Торунь в 1974 г. В контексте изучения вопросов социальной стратификации к обсуждению проблемы подключаются и польские социологи. В. Весоловски в ставшей уже классической работе «Klasy, warstwy i władza» (1974), отмечает, что исследуя систему общественных отношений, можно исходить из классовой теории К. Маркса, теории элит, или теории групп интересов [4, с. 80]. Определяя элиту как «продукт политической структуры общества» [4, с. 80], В. Весоловски утверждает, что в самом общем смысле этого слова элиту образуют те, кто в силу своей позиции в политической структуре принимает государственные решения или оказывает непосредственное влияние на принятие таких решений [4, с. 86].

В польской историографии был обозначен ряд принципиальных вопросов. Во-первых, критерии и принципы формирования политической элиты/властной элиты, её полномочия, персональный состав [5–8]. Во-вторых, что собой представляет магнатория как особая социальная группа, критерии включения представителей тех или иных шляхетских родов в состав магнатории [9–13]. В-третьих, тождественна ли политическая элита магнатории.

Польские исследователи обращают внимание, что применительно к средневековой истории можно использовать как понятие «господствующий класс», так и понятие «политическая элита», «властная элита». Различия между ними заключаются в том, что «класс» имеет экономическое содержание, в то время как понятие «элита», применяемое в социологии, есть результат политической структуры общества [6, с. 264]. Использование термина элита является оправданным в исторических исследованиях.

Обращая внимание на трудности в определении единого критерия принадлежности к политической элите в тот или иной исторический период, историки сходятся во мнении, что к элите следует относить высших должностных светских и духовных лиц, королевских и великокняжеских советников, членов королевского двора.

Польский историк Е. Сухоцки одним из первых ввёл в историографию ВКЛ понятие «политический народ» [32, с. 31]. В широком смысле слова – это круг лиц, связанных с интересами государства и способных сформулировать программу общегосударственного характера [14, с. 31–32]. По мнению историка, о принадлежности к элите ВКЛ свидетельствует, в первую очередь, занимаемая светская и духовная должность.

Утверждение о должностном характере элиты («elita urzędnicza») ВКЛ аргументированно обосновывает польский исследователь К. Петкевич в своей фундаментальной монографии «Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku». Историк отмечает, что первое поколение её представителей состояло из литовских бояр – ближайшего окружения Витовта, выдвинувшихся из общей массы боярства благодаря городельской адопции 1413 г. [15, с. 81]. На протяжении XV в. из 35 лиц, занимавших высшие должности в ВКЛ – это потомки тех, кто был охвачен адопцией, их родственники или связанные с ними матримониальными связями люди [15, с. 83]. Именно данный круг лиц вместе со своим ближайшим окружением составлял аристократию ВКЛ.

Изучению политической элиты ВКЛ, её участию в деятельности политических структур посвящено исследование литовского историка Р. Петраускаса [16]. Объектом исследования выступает социальный слой, в руках которого было сосредоточено выполнение властных функций – его представители занимали важнейшие должности, составляли раду великого князя, владели именьями и постепенно становились крупнейшими землевладельцами [16, с. 52].

Автор разводит понятия «знать» и «элита»: «знать» шире, чем «правлящая элита», и включает не только лиц, занимающих те или иные должности, членов великокняжеской рады, но и тех, кто окружал великого князя и оказывал влияние на принимаемые им решения, а также их родственников [16, с. 57]. Вместе с тем, состав знати можно установить, только рассмотрев состав правящей элиты [16, с. 60].

Р. Петраускас использует термин «боярин», «боярство», пытаясь «вписать» данную категорию лиц в схему «знать – элита».

В состав знати включены те лица, которые были ближайшими советниками великого князя, выступали свидетелями в его документах, принимали участие в посольствах, занимали должности в центральном аппарате и на местном уровне [16, с. 58–59].

Белорусский историк В. Подолинский к политической элите ВКЛ относит лиц, которые занимали высшие государственные должности и/или имели высокий социальный статус, пользовались авторитетом (престижем) в обществе, в той или иной степени участвовали в принятии решений общегосударственного значения [17, с. 16]. Термин же «властная элита» имеет более узкое значение и включает только ту часть политической элиты, которая вместе с великим князем принимала реальное участие в определении государственной политики и непосредственно влияла на процесс принятия важнейших решений функционирования государства [17, с. 16].

К региональной политической элите следует отнести тех, кто имел реальную власть и авторитет в повете, принимал активное участие в общественно-политической жизни и оказывал влияние на принятие решений как на уровне отдельного повета, так и на общегосударственном уровне [18, с. 3].

Российский исследователь С. Полехов под элитой ВКЛ понимает общественную группу, «которая стабильно способна оказывать влияние на процесс принятия монархом решений общегосударственного значения (правлящая элита, или правящие круги) или его должностными лицами в регионах страны (региональные элиты...)» [19, с. 13]. Критериями принадлежности к правящей элите выступают упоминание в списках свидетелей документов великого князя, политическая активность, занятие должностей, принадлежность к той или иной семье или роду.

По мнению С. Полехова, состав правящей элиты княжества в общих чертах определился в XIV в. и включал в себя князей, родовитое литовское боярство, епископов католической церкви, а также лиц, окружавших монарха в повседневной жизни [19, 110–113]. Правящая элита принимала деятельное участие в принятии великим князем решений по ключевым вопросам жизни государства, и в этом заключалась её основная роль [19, с. 114].

Широкий круг вопросов, связанных с историей политической элиты ВКЛ, рассматривается в работах польского историка Л. Корчак.

Исследовательница солидарна с оценками коллег, что ключевым критерием принадлежности к политической элите является занимаемая должность, но считает, что присутствовал ещё целый ряд других, не менее значимых критериев, определявших принадлежность индивида к данной страте [20, с. 103–109]. Особое внимание Л. Корчак уделяет положению князей в системе власти ВКЛ, в том числе и причислению их к элитарной группе [20, с. 57–62].

Проблема элит Великого Княжества Литовского и Королевства Польского стала объектом научной рефлексии на конференции польских историков «Społeczeństwo staropolskie a elity» (2015, Варшава) [21]. Так в частности, У. Аугустыняк сконцентрировала своё внимание на терминологических аспектах проблематики [21, с. 87–116]; выступление и статья Е. Дубас-Урванович было посвящено карьерным стратегиям шляхты Литвы и Польши [21, с. 29–36]; Л. Вронишевский рассмотрел участие элит в работе сеймов и сеймиков эпохи С. Батория [21, с. 37–86]; А. Рахуба обратился к биографии и карьере Павла Яна Сапеги (1610–1665) [21, с. 157–166].

Обращает на себя внимание тот факт, что в современной историографии истории шляхты ВКЛ термин «элита» применяется в расширенной интерпретации и часто охватывает все привилегированное сословие. В равной мере данный термин используется в отношении магнатории ВКЛ, а также представителей княжеских родов династии Рюриковичей и Гедиминовичей.

Белорусский историк П. Лойко в монографии, посвящённой шляхте белорусских земель в общественно-политической жизни Речи Посполитой во второй половине XVI – первой трети XVII в., фактически ставит знак равенства между шляхтой и политической элитой [22, с. 9]. «Палітычная эліта ВКЛ – шляхецкае саслоўе, на працягу XIV – першай паловы XVI ст. прайшло стадыю афармлення і стала палітычна вызначальнай сілай у краіне...» [22, с. 95].

Автор утверждает, что в своих основных чертах шляхетское сословие с едиными правами и обязанностями оформилось к середине XVI в. Однако оно не было однородным, особенно в экономическом плане. К «элите шляхты» П. Лойко относит магнатов-латифундистов, сконцентрировавших в своих руках ключевые должности в государстве, позволявшие им иметь право голоса в великокняжеской раде. Именно в руках данной группы лиц была, по мнению историка, сосредоточена политическая власть [22, с. 26].

Вторую группу составляла средняя шляхта, позиции которой в политических вопросах были достаточно крепки на поветовом уровне. Самой многочисленной группой была мелкая шляхта, которая в свою очередь также не будучи однородной, фактически не имела права голоса в представительных учреждениях [22, с. 26]. По подсчётам П. Лойко приблизительная численность политической элиты ВКЛ в рассматриваемый период составляла 1380 человек (в каждом из 23 поветов в среднем было по 60 политически активных шляхтичей), что составляло 3,5 % от общей численности «народа шляхетского» [22, с. 36, 37].

В исследовании белорусских историков Ю. Бохана и А. Скепьяна «Побыт федалаў Вялікага княства Літоўскага ў XV – сярэдзіне XVII стагоддзя», посвящённом изучению бытовой культуры привилегированного сословия ВКЛ, в отношении последнего авторы используют целый ряд дефиниций: в заглавие книги вынесен термин «феодалы» (по утверждению исследователей именно в XV – первой половине XVII в. в ВКЛ происходит становление феодального общества) [23, с. 7], во введении – о шляхте ВКЛ [23, с. 14], в заключении, подводя итоги исследования – об элите ВКЛ [23, с. 251].

Монография украинского исследователя И. Мельничука «Становлення і розвиток української політичної еліти (IX – середина XIV ст.)» посвящена рассмотрению роли украинской политической элиты в общественно-политических и социально-экономических процессах в период средневековья (Киевская Русь и эпоха удельных княжеств) и нового времени [24]. В третьем разделе монографии «Трансформація української політичної еліти під час литовсько-польської експансії (30-ті роки XIV – перша половина XVII ст.)» ключевое внимание автор уделяет эволюции шляхетского сословия, становлению его прав, роли в социальной структуре общества, а также трансформации княжеской и боярской элиты на данном этапе.

Общая картина формирования элитарных слоёв украинского общества от Киевской Руси до Речи Посполитой, включая период Великого Княжества Литовского, представлена в монографии украинского историка О. Однороженко «Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада» [25].

В монографии украинского исследователя Л. Войтовича «Княжа доба: портрети еліти» основное внимание концентрируется на освещении роли представителей княжеских родов Рюриковичей и Гедиминовичей в

политической жизни, раскрывается сложная система родственных и династических связей в кругу элиты [26].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что понятие «элита» активно «освоенное» современной историографией истории шляхты ВКЛ, тем не менее, не снимает с повестки дня необходимость уточнения смыслового наполнения данного термина в конкретных исторических исследованиях, равно как и обобщающих работах по данной проблематике.

Библиографический список

1. Козловская Н. В. «Шляхта» – «магнаты» – «элита» Великого княжества Литовского: к концептуализации понятий в историографии // *Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. 2019. Т. 11, № 1. С. 30–40.
2. Уваров П. Ю. Социальная история французского дворянства на перекрёстке герменевтики и эмпиризма // *Французский ежегодник*. 2001. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–13.
3. Kutrzeba S. Elita jako czynnik w technice rządzenia państwem // *Czasopismo Prawnicze i Ekonomiczne*. 1935. Т. 30. S. 25–36.
4. Wesolowski W. Klasy, warstwy i władza. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
5. Sucheni-Grabowska, A. Badania nad elitą władzy w latach 1551–1562 // *Spółeczeństwo staropolskie. Studia i szkice*. Warszawa: PWN, 1976. Т. 1. S. 57–119.
6. Gąsiorowski, A. Rotacja elity władzy w średniowiecznej Polsce // *Spółeczeństwo Polski średniowiecznej*. Warszawa, 1981. Т. 1. S. 264–290.
7. Fałkowski, W. Elita władzy w Polsce za panowania Kazimierza Jagiellończyka (1447–1492). Warszawa: Wydawnictwa Fundacji «Historia pro Futuro», 1992.
8. Wroniszewski J. Grupy decyzyjne w średniowiecznej Polsce – elita władzy // *Genealogia. Polska elita polityczna w wiekach średnich na tle porównawczym*. Toruń UMK, 1993. S. 175–186.
9. Zielińska T. Magnateria polska epoki saskiej: funkcje urzędów i królewskich w procesie przeobrażeń warstwy społecznej. Wrocław: Ossolineum, 1977.
10. Litwin H. Magnateria polska 1454–1648. Kształtowanie się stanu // *Przegląd Historyczny*. 1983. № 3, Vol. LXXIV. S. 451–470.
11. Patron i dwór. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / E. Dubas-Urwanowicz (red.), J. Urwanowicz (red.). Warszawa: DiG, 2007.
12. Władza i prestiż: magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku / pod red. J. Urwanowicza; przy współudz. E. Dubas-Urwanowicz, P. Guzowskiego. Białystok: Wydaw. Uniwersytetu w Białymstoku, 2003.
13. Wobec Króla i Rzeczypospolitej. Magnateria w XVI–XVIII wieku / Red. E. Dubas-Urwanowicz, J. Urwanowicz. Kraków: Avalon, 2012.
14. Suchocki, J. Formowanie się i skład narodu politycznego w Wielkim księstwie Litewskim późnego średniowiecza // *Zapiski historyczne*. 1983. Т. 48, Z. 1–2. S. 31–75.
15. Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995.
16. Пятраўскас Р. Літоўская значь у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. 386 с.

17. Падалінскі У. Прадстаўніцтва Вялікага княства Літоўскага на Люблінскай сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017.
18. Падалінскі У. Палітычная эліта Лідскага павета ў апошняй трэці XVI ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2009. Т. 16, СШ. 1 (30). С. 3–30.
19. Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015.
20. Korczak L. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w erze wczesnojagiellońskiej. Kraków, 2008.
21. Społeczeństwo staropolskie. Seria nowa. Społeczeństwo a elity. Warszawa: DiG, 2018. Т. 5.
22. Лойка П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск: БДУ, 2002.
23. Бохан Ю. М., Скеп’ян А. А. Побит феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV – першай палове XVII ст. Мінск: Беларусь, 2011.
24. Мельничук І. А. Становлення і развіток украінскай палітычнай эліты (IX – сярэдзіна XVII ст.). Житомир: Вид-во «Рута», 2014.
25. Однороженко О. Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада. Київ: Темпора, 2011.
26. Войтович Л. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2017 г.

Е. Г. Колб

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, kolb@bsu.by*

После выборов 2017 г. ведущими политическими силами на общенациональном уровне продолжали оставаться партии Э. Макрона и М. Ле Пен. Но прежние правительственные партии сохранили доминирование на местном уровне. Фактически произошло перераспределение сфер преобладания между новыми и старыми лидерами французской политической жизни. Сложившаяся после выборов 2017 г. конфигурация партийно-политической системы Франции продолжает носить неустойчивый, переходный характер.

Ключевые слова: Франция; политические партии; выборы.

TRANSFORMATION OF PARTY AND POLITICAL LANDSCAPE OF FRANCE AFTER 2017 ELECTION

Y. G. Kolb

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, kolb@bsu.by*

After the election of 2017 the parties of E. Macron and M. Le Pen were still holding leading positions on a national level. However previous governmental parties held onto strong positions locally. In fact, there was a redistribution of the spheres of dominance between the new and old leaders of French political life. The configuration of political and party systems of France after the 2017 election is still unstable and transient.

Key words: France; political parties; elections.

Изменения в расстановке политических сил, произошедшие на выборах 2017 г., создали потенциальную возможность установления во Франции новой партийно-политической системы.

Одной из сенсаций выборов стал политический взлет созданной в 2016 г. сторонниками Э. Макрона партии Вперед Республика (ВР), которая вопреки всем канонам Пятой республики стала правящей партией. Тем самым на политическом поле Франции появился новый игрок, потенциально претендующий на то, чтобы стать одной из ведущих партий страны.

Эти претензии ВР подтвердила на выборах 2019 г. в Европарламент, где она, получив 22,2 % голосов, показала второй результат и уступила лишь 1,1 % занявшей первое место партии Национальное объединение (бывший Национальный фронт). Главной причиной такого результата

стало сохранение доверия к Э. Макрону среди его избирателей, большинство которых (57 %) отдали голоса партии президента [1, р. 9].

Но на муниципальных выборах 2020 г. и региональных 2021 г. ВР не смогла реально вмешаться в борьбу за руководство местными органами власти. Основной причиной неудачи стало отсутствие у партии влиятельных политиков местного уровня. Второй причиной являлся отказ других политических сил от создания альянсов с партией президента. Тем самым ВР не сумела продолжить укрепление позиций в политической жизни страны. Но она имеет шансы сохранить статус правящей партии в случае победы Э. Макрона на грядущих президентских выборах. В целом же ответ на вопрос о том, сумеет ли ВР прочно утвердиться в качестве одной из главных партий страны, остается открытым, поскольку ответ на него может дать только будущее политическое развитие Франции.

На выборах 2017 г. проявилось усиление присутствия в политической жизни страны правопопулистской партии Национальный фронт. Но из-за негативного имиджа партии итоги выборов не оправдали возросших ожиданий ее сторонников. Неудачное выступление вызвало усиление внутрипартийных споров о дальнейшей стратегии и даже пошатнуло авторитет лидера партии М. Ле Пен. Тем не менее, проведенное М. Ле Пен на съезде в марте 2018 г. обновление партии стало продолжением курса на придание этой организации более респектабельного имиджа. Из партийной идеологии были изъяты наиболее радикальные установки типа выхода из ЕС и из зоны евро, из партии был исключен ее одиозный основатель Ж.-М. Ле Пен, а название организации сменилось на Национальное объединение.

Развернув фронтальную критику политики президента, партия М. Ле Пен быстро восстановила позиции в стране. В начале 2019 г. она стала рассматриваться населением как главный оппонент действующей власти [2] и сохраняет этот статус по сегодняшний день. На выборах 2019 г. в Европарламент Национальное объединение, получив 23,3 % голосов, стало первой по числу избирателей партией страны и выиграло борьбу с левыми популистами за симпатии протестной части населения. Лепенистов поддержало 38 % сторонников движения «желтых жилетов» против 13 % у левопопулистской партии Непокоренная Франция [1, р. 11].

Однако это политическое восхождение не получило продолжения на местных выборах 2020–2021 гг. На муниципальных выборах Национальное объединение на 40 % сократило присутствие в муниципальных советах. На региональных выборах партия не смогла

победить ни в одном из регионов и даже получила почти на 10 % голосов меньше, чем на аналогичных выборах 2015 г. Одной из причин неудач стало отсутствие стремления французов к смене местных администраций [3]. Второй причиной являлся высокий абсентеизм, особенно сильно затронувший «народные» категории, составлявшие основу электората лепенистов (рабочие, низшие категории служащих, лица с низкими доходами) [3].

Но итоги выборов 2020–2021 гг. отнюдь не означают, что влияние правых популистов пошло на спад. Опросы неизменно предсказывают М. Ле Пен выход во второй тур президентских выборов 2022 г. Но маловероятно, что Национальное объединение сумеет усилить представительство в высших органах власти из-за сохраняющейся неспособности преодолеть барьер мажоритарной системы. Тем самым эта партия играет в современной Франции роль «партии-трибуна», обладающей широкой поддержкой среди протестной части населения, но не имеющей шансов на завоевание власти.

Правая партия Республиканцы хоть и не смогла победить в 2017 г., но сохранила потенциальную возможность стать главной оппозиционной силой страны. Возглавивший партию в декабре 2017 г. Л. Вокье повернул вправо политическую линию Республиканцев с целью перетянуть на сторону партии сторонников ультраправых сил. Это вызвало усиление внутрипартийных разногласий, выход из партии ряда видных политиков и ухудшение имиджа партии в глазах французов.

Выборы 2019 г. в Европарламент, на которых Республиканцы получили всего лишь 8,48 % голосов, отчетливо выявили ошибочность такой стратегии. После этой неудачи новым главой партии в октябре 2019 г. стал К. Жакоб, который сделал партийную линию более умеренной. Но это не оказало заметного влияния на восприятие населением партии, которая, как и при Л. Вокье, не считалась французами главной оппозиционной силой.

Правда, по итогам выборов 2020–2021 гг. Республиканцы сохранили свое доминирование на местном уровне. Но вероятность их успеха на общенациональных выборах 2022 г. невысока. У партии нет кандидата, способного вмешаться в борьбу Э. Макрона и М. Ле Пен за пост президента. Второй проблемой Республиканцев является отсутствие у них новаторского проекта развития общества, ясно показывающего отличие линии партии от предложений макронистов в социально-экономической сфере и от позиций лепенистов в вопросах безопасности и иммиграции. .

После выборов 2017 г. резко ослабли позиции Французской социалистической партии (ФСП). Она утратила гегемонию в левом лагере и роль одной из двух ведущих партий страны, а также столкнулась с угрозой политической изоляции в левом лагере. Стратегия социалистов по усилению позиций базировалась на оппозиционности действующей власти и усилиях по сплочению левых сил. Также было осуществлено обновление идеологии ФСП в виде внедрения экологических ценностей в партийную доктрину. Но при этом ФСП сохранила политическую идентичность ответственной левой партии. Это выразилось в отказе от тактики фронтальной оппозиции и от выдвижения радикальных предложений популистского характера.

Из-за такой стратегии ФСП в 2018–2021 гг. не воспринималась населением как главная оппозиционная партия, заметно уступая в этой роли Непокоренной Франции, Национальному объединению и партии Республиканцы. Также призывы ФСП к сплочению левых сил поначалу не получили поддержки со стороны большинства левых партий. В силу этого на выборах 2019 г. в Европарламент ФСП продолжила политическое падение, получив 6,2 % голосов. Но на местных выборах 2020–2021 гг. партии левого лагеря, заботясь о представительстве на местах, пошли на создание электоральных союзов с ФСП. На этих выборах социалисты, благодаря удачной политической конъюнктуре, показали наилучшие результаты из всех левых партий. Таким образом, ФСП избежала политической изоляции и превращения в микро-партию, а также сохранила роль влиятельной силы на местном уровне.

Но ФСП все же не удалось существенно усилить позиции на общенациональном уровне и в левом лагере. Ее кандидат в президенты А. Идальго практически не имеет шансов на победу, имея низкий рейтинг как среди французов в целом, так и среди сторонников левых сил. Также ФСП, согласно последним опросам, не имеет в общественном мнении явных преимуществ над другими главными партиями страны [4, р. 117–132].

В условиях ослабления ФСП на роль лидера левого лагеря стала претендовать левопопулистская партия Непокоренная Франция. Благодаря активной борьбе против правительственного курса эта партия и ее лидер Ж.-Л. Меланшон до начала 2019 г. рассматривались населением как главные оппоненты действующей власти.

Но на выборах 2019 г. в Европарламент Непокоренная Франция получила 6,31 % голосов и совсем немного опередила ФСП, которую

намеревалась заменить в роли лидера левого лагеря. Кроме того, партия проиграла Национальному объединению борьбу за роль главной оппозиционной силы страны и лидера протестных сил.

Одной из причин неудач стала личность Ж.-Л. Меланшона. Ряд его популистских высказываний и поступков на грани адекватности ухудшили его имидж среди населения. В 2019 г. 71 % французов назвали Ж.-Л. Меланшона «скорее помехой» для левого лагеря [5]. Второй причиной неудачи стало то, что категории, являющиеся главным социальным резервуаром протестных сил, оказались гораздо более восприимчивы к предложениям правых, а не левых популистов. На выборах 2019 г. Национальное объединение уверенно опередило Непокоренную Францию по уровню поддержки среди рабочих (40 % против 7 %), служащих (27 % против 11 %), безработных (29 % против 8 %), лиц с низкими доходами (30 % против 12 %) [1, p. 5,6,9].

На местных выборах 2020–2021 гг. Непокоренная Франция выступила слабо в силу отсутствия у нее популярных политиков местного уровня и нежелания французов менять местную власть. И хотя Ж.-Л. Меланшон является самым популярным из левых кандидатов в президенты, вероятность того, что его партия сможет заметно усилить политические позиции на выборах 2022 г., очень невелика в силу крайне ограниченных возможностей нарастить число сторонников.

С 2019 г. на ведущие позиции в левом лагере выдвинулась партия Европа Экология Зеленые (ЕЕЛВ). На выборах в Европарламент она, получив 13,48 % голосов, показала наилучший результат среди левых партий. В 2020–2021 гг. продолжилось политическое восхождение ЕЕЛВ на традиционно более сложных для экологистов местных выборах. На муниципальных выборах возглавляемые политиками ЕЕЛВ левые списки победили в 7 крупных городах, в том числе Лионе, Марселе и Бордо. На региональных выборах ЕЕЛВ получила 12 % голосов по стране против 18 % у ФСП и 10 % у Непокоренной Франции [6]. Но при этом все же не была достигнута главная цель экологистов – завоевать руководство хотя бы одним регионом.

Одной из причин политических успехов ЕЕЛВ стало усиление внимания французов к экологической проблематике в связи со все более видимыми последствиями изменения климата. Второй, более важной, причиной стало создание альянсов с другими партиями левого лагеря. Так, на муниципальных выборах 2020 г. в городах, где партия выступала самостоятельно, лишь 4 из 29 ее кандидатов стали мэрами, тогда как в

городах, где экологи представляли союз левых сил, их представители стали мэрами в 16 из 19 случаев [7. р. 166].

Но в силу ограниченных возможностей ЕЕЛВ в одиночку одерживать электоральные победы сложно говорить, что эта партия сможет после выборов 2022 г. сохранить свое лидерство в левом лагере.

В целом можно констатировать, что за прошедшие после выборов 2017 г. изменения в политической жизни Франции лишь частично стали продолжением тенденций, обозначившихся на выборах. На национальном уровне главной осью политической жизни продолжало оставаться противостояние партий Э. Макрона и М. Ле Пен. Но прежние правительственные партии полностью не отошли на второй план в политической жизни страны и сохранили доминирование на местном уровне. Фактически произошло перераспределение сфер влияния между новыми и старыми лидерами французской политической жизни. Сложившаяся после выборов 2017 г. конфигурация партийно-политической системы продолжает носить неустойчивый, переходный характер. Вопрос о дальнейшей трансформации партийно-политического ландшафта Франции остается открытым и весьма вероятно, что выборы 2022 г. откроют новую страницу в этом процессе.

Библиографические ссылки

1. https://www.ipsos.com/site/default/files/ct/news/documents/201905/ipsos_sociologie_europeennes_2019_20h21.pdf. Дата обращения: 31. 05. 2019.
2. https://www.elabe.fr/wp-content/uploads/2019/02/20190206_elabe_bfmtv_les-francais-et-marine-le-pen.pdf. Дата обращения: 12. 02. 2019.
3. https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/202003/comprendre_le_vote_premier_tour_municipales_2020.pdf Дата обращения: 12. 05. 2020; www.ifop.com/wp-content/uploads/2021/06/118235_Rapport_Insecurite_15_06_2021V_A.pdf. Дата обращения: 19.06.2021.
4. <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-09/Ipsos%20-%20Fractures%20Francaises%20-%20septembre%202021.pdf>. Дата обращения: 08.09.2021.
5. <https://www.odoxa.fr/sondage/jean-luc-melenchon-seffondre-opinion>. Дата обращения: 30.09.2019.
6. <https://www.lefigaro.fr/elections/regionales/elections-regionales-2021-lr-cree-la-surprise-sur-l-ensemble-du-pays-tres-loin-devant-le-rn-20210620>. Дата обращения: 21.06.2021.

7. Boy D. Municipales 2020: les territoires de l'écologie// Revue politique et parlementaire. 2020. № 1096. P. 161–168.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*М. С. Короленко*¹⁾, *А. А. Герасимович*²⁾

1) УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», ул. Мичурина, 5 213407, г. Горки, Беларусь, Super. korolenko3287@yandex. by

2) УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», ул. Мичурина, 5 213407, г. Горки, Беларусь, Super. korolenko3287@yandex. by

Современная действительность не обособлена от прошлого и будущего. Она лишь новая, важная веха в истории. Настоящее, воплощая в себе разносторонние, сложные, подчас противоречивые тенденции прошлого, отрицает отжившее, наделяет перспективное иным качеством, порождая тем самым новые тенденции и явления, закладывающие предпосылки будущего. Соответственно, чтобы понять современные государство и право, нужно знать, как они возникли, какие основные этапы прошли в своем развитии, какие причины влияли на их образование, становление, развитие, изменение их формы и содержания.

Ключевые слова: Историческая действительность; государство; исторические корни

HISTORICAL SCIENCE IN MODERN SOCIETY

*M. S. Korolenko*¹⁾, *A. A. Gerasimovich*²⁾

1) EE «Belarusian State Agricultural Academy» Michyryn St., 5 213407, Gorki, Belarus Super. korolenko3287@yandex. by

2) EE «Belarusian State Agricultural Academy» Michyryn St., 5 213407, Gorki, Belarus Super. korolenko3287@yandex. by

Modern reality is not isolated from the past and future. It is only a new, important story in history. The present, embodying the versatile, complex, sometimes contradictory tendencies of the past, denies the obsolete, gives the promising a different quality, thereby generating new trends and phenomena that lay the prerequisites for the future. Accordingly, in order to understand modern state and law, it is necessary to know how they arose, what are the main stages in their development, what reasons influenced their education, formation, development, change in their form and content.

Key words: Historical reality; State; Historical root

Тысячелетиями люди пытались найти истоки своих исторических корней, понять закономерности временного развития общества, государства, цивилизации. Зачастую познания о прошлом человечества помогали ответить на вызовы современности. Так, в древнем мире политики искали примеры для подражания или мотивы оправдания своих поступков. Вместе с тем скептики всегда оценивали историю как науку энтузиастов, фанатиков, увлеченных поисками надписей, свитков истлевших манускриптов, памятников никому не нужной старины. По их мнению, она не имеет прикладного значения для наших дней. Роль

исторических знаний, опыт прошлого оцениваются по разному. Еще в античности историю считали учителем, опытом, памятью народа, признавали ее ценность и значимость. Позднее опыт истории ставился под сомнение. Ибо все основы современной государственности были сконструированы в архаическую эпоху. Каждый народ имеет свою историю, свою политическую биографию; ее познание расширяет представление о прошлом, дает возможность лучше понять и осмыслить настоящее. За столетия история «видела» многое. Политическая история знала великое и низкое, героическое и трагическое, все переплеталось в борьбе за власть и господство. Опыт многочисленных поколений подтвердил ту истину, что принудительными методами, не обращаясь к нравственности человека, его совести, разуму, моральному выбору и внутренней свободе, нельзя реализовать самые прекрасные социальные идеи. Ведь истина бескомпромиссна. Поэтому нельзя согласиться с прагматическим толкованием прошлого, как предлагал американский политолог Р. Страух-Хюпе: «История породила нас. Мы неразрывно связаны с ней. Но мы свободны решать, сколько из нее запомнить, а сколько забыть» [1]. Политическую, государственно-правовую историю нельзя воссоздать без знаний о подвигах и преступлениях великих деятелей прошлого. Во все времена государственные деятели, правители во многом определяли стратегию общества, трактуя исторические события в свою пользу. Всеобщая история государства и права исследует вопросы возникновения, развития, функционирования государства и права стран, которые в определенную эпоху воплотили наиболее характерные черты государственности данного исторического времени и региона; анализирует содержание государственно-правовых процессов, происходящих в определенном времени и пространстве; раскрывает присущие им причинно-следственные связи, а также закономерности государственно-правовой истории, равно как и наиболее типичные ее особенности, проявляющиеся в разных странах в различные времена.

Таким образом, мы изучаем не всемирную историю государства, а лишь «всеобщую», т. е. такую, которая охватывает как наиболее общие тенденции истории государства, так и наиболее типичные особенности этой истории. Познавая историю, мы обнаруживаем наличие множества путей развития, в разной степени воплощающих доминирующую тенденцию, а также тенденции, приближающиеся к ней или ей противостоящие [1].

Всеобщая история государства в числе важнейших конкретно-исторических проблем изучает механизмы возникновения и развития прав человека и гражданина, правового государства, федерализма, разделения властей. Она дает возможность учитывать достижения прошлого, равно как и учиться на совершенных ошибках, чтобы их не повторять.

Современная действительность не обособлена от прошлого и будущего. Она лишь новая, важная веха в истории. Настоящее, воплощая в себе разносторонние, сложные, подчас противоречивые тенденции прошлого, отрицает отжившее, наделяет перспективное иным качеством, порождая тем самым новые тенденции и явления, закладывающие предпосылки будущего. Соответственно, чтобы понять современные государство и право, нужно знать, как они возникли, какие основные этапы прошли в своем развитии, какие причины влияли на их образование, становление, развитие, изменение их формы и содержания.

Государства выступают как определенное выражение гражданской общности, приобретая при этом ту или иную степень относительной самостоятельности. Они начинают функционировать, во многом подчиняясь внутренней закономерности своего развития. При этом важно, каким является государство – авторитарным или демократическим, какие социальные слои и группы контролируют механизм его развития, замедляя или стимулируя общественный прогресс.

Библиографические ссылки

1. Чепурнова Н. М., Серёгин А. В. История государства и права зарубежных стран: Учебное пособие. М.: Евразийский открытый институт, 2007. 198 с.
2. История государства и права зарубежных стран : учебник / А. В. Вениосов [и др.] ; под ред. А. В. Вениосова. 2-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2012. 544 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ АБОЛИЦИОНИЗМА XVIII–XIX вв.

П. Г. Космач

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, hist2014@yandex. by*

В статье рассматриваются религиозные элементы идеологии аболиционистского движения XVIII–XIX вв. на территории США. Отмечается значительная роль христианско-гуманистических аргументов в идейно-политической борьбе по вопросу об отмене рабовладения. Сделан вывод о значительной роли религиозного фактора в общественно-политической жизни США XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: религия; рабовладение; история США; аболиционизм; христианство

THE RELIGIOUS ASPECTS OF ABOLITIONISM IN THE XVIII–XIX CENTURIES.

P. G. Kosmach

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus*

Corresponding author: P. G. Kosmach (hist2014@yandex. by)

The report examines the religious elements in the ideology of the abolitionist movement. The role of Christian humanistic arguments in the ideological and political struggle on the issue of the abolition of slavery is noted. The conclusion stresses the role of the religious factor in the social and political life of the USA in the 18th – 19th centuries.

Key words: religion; slavery; history of the USA; abolitionism; christianity

Отношение христианства к рабовладению было исторически сложным и неоднозначным. С одной стороны, стремление к спасению души им не связывалось непосредственно с личной свободой в ее социальном аспекте. С другой стороны, общность верующих в рамках церкви все же была трудно совместима с реалиями античного рабовладения, когда раб рассматривался в качестве собственности хозяина и часто являлся объектом произвола и насилия [1, с. 163]. Особое значение имел религиозный принцип общего правосудия Бога для всех людей (вне зависимости от социального положения). Так, английский правовед Генри де Брактон (около 1210–1268) писал: «Перед Богом не существует различия между свободными и рабами, ибо Бог нелицеприятен в отношении отдельных людей, в глазах Бога более значительное лицо часто оказывается ничтожным и тот, кто (среди людей) превосходит других – (рассматривается Богом) как слуга» [2, с. 149–150].

В рамках истории христианской мысли со времени ее зарождения присутствовали элементы антропоцентризма, ибо утверждалось, что каждый человек так или иначе несет в себе образ Бога, который вочеловечился в лице Иисуса Христа. Важно подчеркнуть, что гуманистические принципы распространялись ведущими мыслителями стран Запада раннего Нового времени не только на европейцев. В то время и сами жители Старого Света могли быть объектом работорговли, к примеру, активно осуществлявшейся на территории Османской империи. С начала XVI в. многие католические монахи и теологи яростно обличали практику обращения индейцев в рабство [3, с. 743–744]. В этом отношении они явно демонстрировали разрыв с античным пониманием данного феномена, оправдывавшегося в том числе и Аристотелем [4, с. 54].

Развитие трансатлантической работорговли поставило и перед представителями реформационных церквей в североамериканских колониях Великобритании вызов, поиск ответа на который занял более двухсот лет. Большинство представителей протестантских конфессий пришло к выводу о необходимости христианизации рабов, что неизбежно ставило под вопрос их статус. Особенно ярко связь аболиционизма и гуманистических принципов проявилась на примере деятельности Религиозного общества друзей (квакеров). Возникнув в Англии середины XVII в., квакерство в богословском отношении являлось реакцией на распространение кальвинизма, подчеркивавшего избранничество святых и имевшего аристократический характер. В противовес пуританам они выдвинули учение о т. н. «внутреннем свете», который присущ каждому человеку, связывая его с Богом [5, с. 45–49]. Теологические принципы Религиозного общества друзей, ставших основателями Пенсильвании (1681 г.), имели выраженный нонконформистский характер, утверждая любовь и пацифизм в качестве важнейших христианских добродетелей. Стремясь распространить собственные взгляды, многие квакеры осознанно принимали мученическую смерть. Именно с их стороны в 1688 г. прозвучал один из первых протестов, направленных против института рабовладения в Британской Америке [6, с. 13]. На протяжении XVIII в. аболиционистская направленность в деятельности Религиозного общества друзей только усиливалась: они «в 1754 г. отправили к другим братьям красноречивое послание, настойчиво убеждавшее никоим образом не поощрять работорговлю; в 1774 г. все лица, занимавшиеся ею, а в 1776 г. все рабовладельцы, не желавшие освободить своих невольников, были исключены из членов квакерской общины» [7, с. 193].

Движение к аболиционизму совпадало с общим направлением развития и светской мысли эпохи Просвещения, отстаивавшей идеал гражданского равенства. Поэтому уже во время Американской революции XVIII в. и после ее завершения рабовладение было отменено в Вермонте (1777), Пенсильвании (1780), Массачусетсе (1783), Коннектикуте (1784), Род-Айленде (1784), Нью-Йорке (1799). Федеральное законодательство сохраняло известную двойственность, признавая законность рабства в южных штатах. Следует отметить, что и в Великобритании протестантизм также влиял на общественно-политические дискуссии по вопросу о рабовладении. Во многом благодаря совместным действиям квакеров и англикан, среди которых был известный филантроп Уильям Уилберфорс (1759–1833), в 1807 г. британский парламент запретил работорговлю, а в 1833 г. и рабство как таковое на территории Британской империи.

Движение за отмену рабства в северных штатах активно развивалось в 1830-х гг. Одним из его лидеров был Уильям Ллойд Гаррисон (1805–1879), издававший газету «The Liberator». В своих речах и статьях он твердо обличал рабовладение как национальный грех, за который последует кара Бога. С церковной кафедры он провозглашал: «Если же мы потерпим поражение – горе этому народу! Словно мощное землетрясение сотрясет нацию до основания. Вопль ужаса, вопль отщепенца вознесется к небесам из полнотной тьмы, и тысячекратное эхо будет ему ответом. Кровь прольется, как вода, – кровь грешных мужчин и невинных женщин и детей. [...] Пусть сбор пожертвований в пользу рабов станет самым главным делом служителей церкви, гораздо более важным, чем пожертвования на миссионерскую деятельность, на издание брошюр и образование. Здесь слуги Христовы долго дремали, долго медлили – пора им стряхнуть с себя сон и вооружиться на святую борьбу. [...] Заканчивая, я скажу, что мне страшно за республику, доколе в ней существует рабство» [8, с. 77–79].

Однако подобные призывы на Юге не были услышаны. Аболиционистские настроения там потеряли свое влияние еще в первой трети XIX в. Глубина конфликта определялась тем, что на Юге постепенно сформировалась собственная социокультурная идентичность, противопоставленная нравам «янки», под которыми первоначально понималось население Новой Англии, а затем и всего Севера. Важной вехой на пути к Гражданской войне обоснованно считается раскол ведущих протестантских деноминаций – пресвитериан (1837), методистов (1844), баптистов (1845). Север и Юг разделились в конфессиональном

отношении, что многими современниками, в т. ч. известными государственными деятелями (к примеру, Г. Клеем и Дж. Кэлхуном) рассматривалось как предзнаменование сецессии политической [9, с. 24–26].

На общественное мнение в США 1850-х гг. и за их пределами огромное впечатление произвела книга Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». В ней отмечалось: «Торговля африканскими неграми в настоящее время, по американским законам, уравнена с морским разбоем; но разве столь же систематическая работорговля внутри страны не является неизбежным последствием американского рабства? И кто выразит все ужасы этой торговли? [...] Невозможно написать, рассказать или придумать такую трагедию, которая походила бы на страшную действительность сцен, разыгрывающихся ежедневно и ежечасно на наших берегах под сенью американских законов, под сенью креста Христова» [10, с. 546]. Г. Бичер-Стоу обвиняла не только Юг, но и Север, часть населения которого поддерживала работорговлю. Она подчеркивала особую необходимость церковной работы по социальной реабилитации афро-американцев. Завершая свою книгу, Г. Бичер-Стоу призывала: «Нам дан еще срок для покаяния и исправления. Север и Юг одинаково согрешили перед Богом, и церковь христианская должна будет дать тяжкий ответ. Но не покровительством беззаконию и жестокостям и не сочетанием грехов воедино спасется этот Союз, но покаянием, справедливостью и милосердием» [10, с. 552].

Большинство жителей Севера страны, не желая войны с южанами, по своим морально-этическим и религиозным соображениям не хотело соучаствовать даже в косвенной поддержке рабства. Поэтому и среди радикальных аболиционистов видное место занимали те, кто исповедовал христианские убеждения. Так, Джон Браун (1800–1859) непосредственно апеллировал к Богу и Библии, считая борьбу (в т. ч. вооруженную) за освобождение рабов священным делом [11, с. 15]. Для аболиционистов он стал мучеником, отдавшим свою жизнь за свободу людей. Известный американский мыслитель Генри Торо (1817–1862) в специальной речи говорил: «Он был одним из тех, о ком мы много слышим, но кого практически нигде не видим, – пуританином. Пытаться убить такого человека – пустая затея. Он умер во времена Кромвеля, но вновь появился сейчас, здесь, и в этом нет ничего странного. [...] Более восемнадцати веков назад был распят Христос. Сегодня утром, возможно, повесили капитана Брауна. Это два конца одной цепи, которая состоит из многих

звеньев. Теперь он уже больше не старина Браун, а ангел света» [12, с. 227–228, 248].

Как известно, избрание кандидата от республиканской партии Авраама Линкольна (1809–1865) президентом США на выборах 6 ноября 1860 г. привело к резкому обострению внутривнутриполитической ситуации. Считая сецессию Юга юридически неправомерной, А. Линкольн ставил своей первоочередной целью не отмену рабства, а сохранение союза штатов. В своем инаугурационном обращении 4 марта 1861 г. он выражал оптимистический взгляд, подкрепленный определенными религиозными убеждениями. Однако избежать Гражданской войны не удалось. Ожесточенность и длительность конфликта отчасти предопределялась твердой верой каждой из сторон в святость собственного дела и упованием на помощь Бога. Север также воспринимал конфликт как крестовый поход против рабства, которое рассматривалось и как национальный грех. Решившись на освобождение рабов, А. Линкольн взывал к «благосклонному суду человечества и великодушному расположению Всемогущего Господа Бога» [13, с. 104]. В знаменитом Геттисбергском обращении он выражал веру в то, что «нация с Божьей помощью возродится в свободе» [14, с. 106]. Именно А. Линкольн в октябре 1863 г. окончательно утвердил традицию объявления национального дня благодарения Богу, ставшего федеральным праздником, который отмечается ежегодно в четвертый четверг ноября [15, с. 296]. В 1865 г. он, фактически подводя предварительные итоги военного конфликта, писал: «Ни одна из сторон не ожидала, что война окажется столь масштабной и продолжительной, какой она является на сегодняшний день. [...] Каждая рассчитывала на более легкую победу, и на результат менее фундаментальный и поразительный. Обе читают ту же самую Библию и молятся тому же самому Богу, и каждая сторона взывает к Нему о помощи в борьбе против другой. [...] На молитвы ни той, ни другой стороны невозможно было ответить. И ни одна не получила полного ответа» [16, с. 223].

Победа Севера в Гражданской войне 1861–1865 гг. и принятие соответствующих поправок (с тринадцатой по пятнадцатую) к конституции страны существенно изменили государственно-правовые устои в США. Ликвидация рабовладения стало частью резкого усиления федерального центра и ослабления власти штатов. Юридическое уравнивание в правах афро-американцев и белого населения не привело к их реальному равноправию. Межрасовый антагонизм не исчез, став

хронической проблемой и в обновленном союзе. Для американского христианства победа Севера означала дальнейшее усиление либеральной теологии, ориентированной на социальное служение.

Библиографические ссылки

1. Волчков А. С. Рабы в общинах первых христиан // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 2. С. 160–170.
2. Брактон Г. О законах и обычаях Англии // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 143–166.
3. Маккалох Д. Христианство. Три тысячи лет. М.: Издательство «Э», 2016.
4. Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли / под науч. ред. В. С. Автономова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
5. Исаев С. А. У истоков американской истории. V. Квakerство, Уильям Пенн и основание колонии Пенсильвания. 1681–1701. СПб.: Нестор-История, 2018.
6. Finkelman P. Introduction: Defending Slavery // *Defending Slavery: Proslavery Thought in the Old South. A Brief History with Documents*. Boston, New York: Bedford / St. Martin's, 2003. P. 1–44.
7. Ингрэм Дж. История рабства от древнейших до новых времен. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020.
8. Гаррисон У. Л. Опасность, грозящая Америке (1829) // «Сделать прекрасным наш день...»: Публицистика американского романтизма / Сост. и авт. предисл. А. Н. Николюкина. М.: Прогресс, 1990. С. 62–79.
9. Carden A. Religious Schism as a Prelude to the American Civil War: Methodists, Baptists, and Slavery // *Andrews University Seminary Studies*. 1986. Vol. 24. № 1. P. 13–29.
10. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома. М.: Библия для всех, 2006.
11. Brown J. Last Speech // *Testimonies of Capt. John Brown, at Harper's Ferry, with His Address to the Court*. New York: American Anti-Slavery Society, 1860. P. 15–16.
12. Торо Г. Д. Речь в защиту капитана Джона Брауна (1859) // «Сделать прекрасным наш день...»: Публицистика американского романтизма / Сост. и авт. предисл. А. Н. Николюкина. М.: Прогресс, 1990. С. 225–249.
13. Линкольн А. Прокламация об освобождении негров (1863) // *История США: Хрестоматия* / Сост. Э. А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 102–104.
14. Линкольн А. Геттисбергская речь (1863) // *История США: Хрестоматия* / Сост. Э. А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 105–106.
15. Lincoln A. A Proclamation of Thanksgiving (October 3, 1863) *The Routledge Sourcebook of Religion and the American Civil War: A History in Documents* / ed. by R. R. Mathiesen. New York and London: Routledge, 2015. P. 296.
16. Линкольн А. Инаугурационная речь 4 марта 1865 г. // *Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с историческим комментарием* / Общ. ред. и комментарий Э. А. Иваняна. М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. С. 222–224.

ИСЛАМИЗМ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ: «СОВЕТ МУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США»

Н. В. Кошелева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, uddijana@gmail.com*

Проведен анализ организаций-учредителей «Совета мусульманских организаций США». Среди них выявлен спектр этно-расовых групп, в частности, арабы, выходцы из Южной Азии и афроамериканцы. Определены организации, имеющие связи с международными исламистскими, в том числе радикальными, движениями. В качестве основной цели создания рассматриваемой организации определена ее координирующая функция как на идейном уровне – выработка единых целей и стратегий, так и на практическом – разработка совместных социальных, культурных, политических проектов и действий.

Ключевые слова: мусульманские организации США; «Совет мусульманских организаций США»; «Мусульманское американское общество»; «Американские мусульмане за Палестину»; исламизм.

ISLAMISM IN THE UNITED STATE OF AMERICA: THE US COUNCIL OF MUSLIM ORGANIZATIONS

N. V. Kosheleva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, uddijana@gmail.com*

The analysis of the founding organizations of The US Council of Muslim Organizations is carried out. Among them, a spectrum of ethnical and racial groups was identified, such as Arabs, South Asian immigrants, and African Americans. Organizations linked with international Islamist, including radical, movements have been identified. The main goal of creating the considered organization is its coordinating function both at the ideological level – the development of common goals and strategies, and at the practical level – the development of joint social, cultural, and political projects and actions.

Key words: Muslim organizations of the USA; The US Council of Muslim Organizations; Muslim American Society; American Muslims for Palestine; islamism.

Организационное оформление мусульманской общины США – долгий процесс, начавшийся в первых десятилетиях XX в., особенно с 1930-х гг., с основания ряда локальных этно-расовых групп мусульман, представленных как афроамериканцами, так и иммигрантами. Уже со второй половины XX в. началось становление организаций национального уровня исламской диаспоры, в частности, возникла «Мусульманская студенческая ассоциация» (Muslim Student Association, 1963 г. создания), на основе которой в дальнейшем было создано «Исламское общество Северной Америки» (Islamic Society of North America, ISNA, 1981 г. создания) – первая организация, претендовавшая на объединение

мусульман США и Канады. Несмотря на заявленное место в общине американских мусульман, деятельность ISNA затрагивала преимущественно иммигрантскую среду. Афроамериканцы, которые связывали себя в той или иной степени с мусульманской традицией, имели собственные организационные структуры, слабо, за небольшим исключением, или вообще никак не связанные с организациями иммигрантов и их потомков. Только переход в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в суннитский ислам членов организации «черных мусульман» – «Нации ислама», способствовало некоторому сближению двух общин.

Разрастание и структурное оформление мусульманской общины США стимулировало вовлечение американских мусульман в общественную и политическую деятельность, направленную на защиту своих прав и гражданских свобод. В 1980–1990-е гг. произошло оформление ряда их правозащитных организаций.

Интерес к международным событиям, связанным с государствами исламского мира, изначально присутствовал сугубо в иммигрантской среде. Налаживание контактов с международными, в том числе исламистскими, организациями активизировалось еще с 1960-х гг., когда в США хлынул поток студентов из мусульманских государств. Началась быстрая политизация американских мусульман. Очередным вызовом для мусульманской общины стали теракты 11 сентября 2001 г. и реакция на них американской общественности. Некоторые организации были закрыты в связи с подозрениями в финансировании международных террористических групп. В это же время для американского общества стало очевидно активное присутствие на территории США «Братьев-мусульман». При этом степень их внедрения в структуры американских мусульман до сих пор является предметом острых дискуссий.

В свете деятельности на территории США практически независимых исламских организационных структур афроамериканцев и иммигрантов, а также проблемы внешнего исламистского влияния на организации американских мусульман привлекает внимание создание в 2014 г. «Совета мусульманских организаций США» (US Council of Muslim Organizations, USCMO), в который вошли как организации иммигрантов и их потомков, так и афроамериканцев.

«Совет мусульманских организаций США» основан 12 марта 2014 г. в Вашингтоне. На сайте USCMO отмечается, что социальные успехи американских мусульман будут прямо зависеть от трех вещей: 1) оптимизации всестороннего взаимодействия между местными и

национальными организациями; 2) выработки четкой, основанной на консенсусе, национальной цели (национального видения); 3) сотрудничества в мобилизации локальных мусульманских общин, а также соотечественников-американцев «на общее благо» [1]. В качестве слогана организации взято выражение: «Один бог, одно видение, один голос» [1]. Таким образом, целью данной структуры была заявлена выработка единого подхода к решению проблем и общих перспектив мусульманской общины США. То есть, мы видим появление очередной американской организации, претендующей на общенациональное лидерство среди всех мусульман США. Для того, чтобы понять спектр задействованных сил и ресурсов, а также формат организации, необходимо взглянуть на структурные группы, инициировавшие создание USCMO.

Учредителями «Совета мусульманских организаций США» выступили следующие организации: три организации, представляющие преимущественно арабскую общину – «Мусульманское американское общество» (Muslim American Society, MAS, 1993 г. создания), «Американские мусульмане за Палестину» (American Muslims for Palestine, AMP, 2005/2006 г. создания), «Совет по американо-исламским отношениям» (Council on American-Islamic Relations, CAIR, 1994 г. создания); две организации выходцев из Южной Азии – «Исламский круг Северной Америки» (Islamic Circle of North America, ICNA, 1971 г. создания), «Мусульманская умма Северной Америки» (Muslim Ummah of North America, MUNA, 1990 г. создания); две организации афроамериканцев – «Попечение мечети» (The Mosque Cares, 2003 г. создания), «Мусульманский альянс в Северной Америке» (Muslim Alliance in North America, MANA, 2001 г. создания), а также правозащитная структура – «Мусульманский правовой фонд Америки» (Muslim Legal Fund of America, MLFA, 2001 г. создания).

Практически все эти организации были основаны либо в 1990-е гг., либо в начале 2000-х гг. При этом под подозрение в связях с радикальным исламом попали арабские организации и одна организация выходцев из Южной Азии (ICNA). MLFA же приобрел репутацию защитника террористов, особенно после того, как выступил в защиту «Фонда Святой земли», ведущие члены которого были осуждены в 2004 г. за спонсирование ХАМАС [2].

Остановимся подробнее на тех структурах, инициировавших создание USCMO, которые имеют исламистский окрас.

«Мусульманское американское общество» насчитывает порядка 40 отделений и центров по всей стране. Основу MAS составляют большей частью американские мусульмане арабских корней. С 1999 г. у организации появился собственный журнал, «Американский мусульманин». С 2001 г., после теракта 11 сентября, при ней был создан «Фонд свободы» для защиты прав мусульман. В 2002 г. MAS основало свой образовательный онлайн-ресурс – «Исламский американский университет» с онлайн-курсами [3, с. 407]. В настоящее время образовательным ресурсом общества является «Институт Корана». Миссией MAS объявлено воспитание «богоцентричных» людей, которые должны стать проводниками перемен. Идеалом выступает справедливое и добродетельное общество американских мусульман [5]. Особый акцент они делают на образовательные и молодежные программы, межконфессиональный диалог, гражданское участие и сотрудничество с другими американскими социальными институтами. Организация позиционирует себя как национально признанное массовое движение. Что касается вопросов взаимодействия с другими организациями, то с 2001 г. организация начала проводить совместные съезды с ICNA. Вначале речь шла о слиянии, но в конце концов договориться удалось об общей политике в области образования, а также проведении ежегодных съездов в Чикаго (Иллинойс). Съезды стали крупнейшими мероприятиями такого рода у мусульман США. На них проводились лекции, семинары, молитвы, а также развлечения для детей и взрослых. В 2019 г. в данном мероприятии приняло участие порядка 25 тыс. человек [4]. Эти съезды стали значительным шагом в налаживании связей между арабской и южноазиатской частями мусульманской диаспоры США.

С точки зрения определения связей MAS с международными исламистскими структурами, внимание привлекает раздел сайта часто задаваемых вопросов. На первом месте размещено подробное пояснение по связям MAS с интеллектуальным наследием других исламских движений, в первую очередь с «Братьями-мусульманами». Особо подчеркивается, что MAS не имеет никаких контактов ни с какой международной организацией, включая «Братьев-мусульман». Далее же читателям предоставляется высокая оценка «братьев» в деле политической стабилизации на Ближнем Востоке в противостоянии авторитарным режимам. При этом особенно подчеркивается значимость интеллектуального наследия «братьев». В свете же того, что мусульмане стали частью американского общества, авторы публикации указывают на

необходимость пересмотра их сочинений, и в частности, трудов Хасана аль-Банна, основателя «Братьев-мусульман». Большую их часть они высоко оценивают, рассматривая их фундаментальными для всех мусульман, хотя и признают, что некоторые сочинения основателя «братьев» применимы к его историческому времени и не согласуются с реалиями мусульман Америки. Они осуществили собственный перевод подборки коранических аятов и хадисов Х. аль-Банна, который можно приобрести на сайте организации. Что же касается последующего развития исламской мысли – речь идет преимущественно о письменном наследии Сейида Кутба, – то оно, по мнению авторов, должно рассматриваться исключительно в историческом контексте и не может быть применено к мусульманам Америки [6]. Таким образом, совершенно очевидно, что несмотря на отрицание своих контактов с «Братьями-мусульманами», MAS занимается активным распространением их идей.

Еще одной структурой, ориентированной преимущественно на арабов, является организация «Американские мусульмане за Палестину». Это пропалестинская группа, созданная профессором Калифорнийского университета Хатеном Базияном. Она выступает за санкции против Израиля и за освобождение от израильского присутствия западного берега реки Иордан. Организация поддерживает палестинское общественное антиизраильское движение «Бойкот, изоляция и санкции», деятельность которого с 2017 г. запрещена в некоторых американских штатах и Израиле. «Антидефамационная лига», организация, ведущая борьбу со всеми формами антисемитизма, рассматривает АМР как антисемитскую платформу, осуществляющую пропагандистскую работу среди американцев [7, с. 1]. АМР была создана на базе «Исламской ассоциации Палестины», которая являлась основным рупором ХАМАС в США, пока не была распущена в 2004 г. в связи с обвинениями в спонсировании ХАМАС. АМР тесно сотрудничает с ведущими исламскими организациями США. Организация также является членом «Американской мусульманской целевой группы по гражданским правам и выборам» (American Muslim Taskforce on Civil Rights and Elections, основана в 2004 г.), которая занимается защитой прав мусульман, а также содействует их полной интеграции в американское общество [8, с. 518].

Другие организации, основавшие USCMO, также попали под подозрения в связях с исламистами. Некоторые члены CAIR ранее входили в такие исламистские организации, как «Исламская Ассоциация Палестины» [9, с. 344]. ICNA, организация выходцев из Южной Азии, в

2003 г. попала под правительственное расследование в связи с возможным финансированием террористических групп [10, с. 289]. Неудивительно, что с 2009 г. группа усилила контакты с другими мусульманскими организациями США для защиты своей деятельности против неправомерных, с ее точки зрения, методов ФБР. MLFA также находится под пристальным вниманием американских спецслужб и общественности, поскольку отслеживает неконституционные действия в отношении мусульман, защищает права находящихся под следствием в индивидуальном порядке [11, с. 404].

Таким образом, USCMO из-за входящих в нее организаций, связанных с исламистскими группами, также подозревается в контактах с международными исламистскими организациями. Косвенные связи с «Братьями-мусульманами» установлены с MAS, ICNA и CAIR; AMP и MLFA, созданный изначально для защиты лидеров «Фонда Святой Земли», подозреваются в финансировании ХАМАС [12]. Ранее особое внимание общественности приковало к себе расследование 2004 г. «Чикаго трибьюн» в отношении фонда мечети Бриджвью, возглавляемого в то время Усамой Джамалем, который в настоящее время является генеральным секретарем USCMO. Расследование доказывало огромные суммы пожертвования прихожан – в районе 1 млн долларов, которые затем направлялись на благотворительность. Сотрудники издания пытались проследить путь этих пожертвований до ХАМАС. Кроме того, информаторы среди прихожан говорили о связях данной мечети с «Братьями-мусульманами» [13].

В отчете интернет-издания, занимающегося выявлением и мониторингом информации о «глобальных операциях влияния», которые могут представлять угрозу для западных демократий, в отношении USCMO заявлено, что эта организация создана преимущественно из структур «Братьев-мусульман». [14].

Однако все обвинения, связывающие USCMO и такие радикальные исламистские организации, как ХАМАС, косвенные. В отношении оценки «Братьев-мусульман» в настоящее время нет единого мнения, расценивать ли их деятельность как умеренный или радикальный исламизм.

Что однозначно можно утверждать, это то, что в программных целях USCMO четко видна главная задача этой структуры: координация деятельности всех мусульман США, и мусульманской диаспоры, а в ее рамках арабской и южноазиатской диаспоры, и афроамериканской части общины, а также выработка общего «национального видения» будущего

американских мусульман. На 2021 г. членами данной структуры являются тридцать восемь американских мусульманских организаций и центров [1]. Можно с уверенностью говорить о том, что деятельность USCMO направлена на выработку единой общенациональной платформы сугубо мусульман США. Речь идет в том числе об их политическом участии, определении единой позиции в отношении как внутренней правительственной политики, так и международной ситуации. Таким образом, данная структура позиционирует себя в формате умеренного исламизма.

Библиографический список

1. About us // US Council of Muslim Organizations. URL: <http://uscmo.org/about-us/> (date of access: 15. 09. 2021).
2. Kaufman J. Muslim Legal Fund of America: Terrorist Defender? // *Islamist Watch*. 2018. 16 May. URL: <https://www.meforum.org/islamist-watch/55286/muslim-legal-fund-of-america-terrorist-defender> (date of access: 10. 10. 2021).
3. Curtis IV E. E. Muslim America Society // *Encyclopedia of Muslim-American History*, NY: Facts on file. 2010. P. 407–408.
4. About Us // *Macconvention.org*. URL: <https://www.masconvention.org/about-us.html> (date of access: 15. 09. 2021).
5. About Us // Muslim American Society. URL: <https://www.muslimamericansociety.org/about-us/> (date of access: 17. 09. 2021).
6. What is MAS' relationship with the intellectual legacies of other Islamic movements, especially the Muslim Brotherhood (Ikhwan)? // *Muslim American Society*. URL: <https://www.muslimamericansociety.org/faq/> (date of access: 15. 09. 2021).
7. American Muslims for Palestine // *Antidefamation Ligue*. 2013. 9 p. URL: <https://www.adl.org/sites/default/files/documents/assets/pdf/israel-international/israel-middle-east/american-muslims-for-palestine-2013-03-29-v4.pdf> (date of access: 12. 05. 2021).
8. Strengthening America: The Civic and Political Integration of Muslim Americans: Report of the Task Force on Muslim American Civic and Political Engagement // *Violent Islamist Extremism – 2007: Hearings Before the Committee on Homeland Security and Governmental Affairs, United States Senate, One Hundred Tenth Congress, First Session 2009*. Washington: US Government Printing office. P. 478–536.
9. GhanneaBassiri K. *Islam in America*. Cambridge: Cambridge UP, 2010.
10. Curtis IV E. E. Islamic Circle of North America / E. E. Curtis IV // *Encyclopedia of Muslim-American History*, NY: Facts on file. 2010. P. 288 – 290.
11. Hummel D. Peace Profile: Muslim Legal Fund of America // *Peace Review Journal*. Vol. 29, № 3. P. 401–407.
12. US Council of Muslim Organizations // *The Global Muslim Brotherhood Daily Watch*. 2015. 15 January. URL: <https://www.globalmbwatch.com/us-council-of-muslim-organizations/> (date of access: 13. 09. 2021).
13. Ahmed-Ullah N. S. Hard-liners won battle for Bridgeview mosque / N. S. Ahmed-Ullah, K. Baker, L. Cohen, S. Franklin // *Chicago Tribune*. 2004. 8 February. URL: <https://www.chicagotribune.com/news/chi-0402080265feb08-story.html> (date of access: 12. 05. 2021).

14. US Council of Muslim Organizations // Global Influence Operations Report. 2020 – 13 October. URL: <https://www.global-influence-ops.com/wiki/us-council-of-muslim-organizations/> (date of access: 14. 10. 2021).

ФЕДЕРАЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ И ЕЕ РОЛЬ В ИНДЕЙСКОМ ДВИЖЕНИИ В США (1934–1940 гг.)

М. И. Кочан

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, maiqthemail@yandex. ru*

На основе изучения и анализа исторических источников, а также историографической базы дана характеристика деятельности общественной организации Федерация американских индейцев в контексте политики администрации США в отношении коренного индейского населения в 1930-е – 1940-е гг. В рамках статьи освещено формирование, социальная база и направления деятельности организации. Сделан вывод о политическом характере данной организации, а также её роли в качестве рупора критики федеральной политики в отношении американских индейцев в обозначенный период.

Ключевые слова: американские индейцы; индейский новый курс; Федерация американских индейцев.

THE AMERICAN INDIAN FEDERATION AND ITS ROLE IN THE INDIAN MOVEMENT IN THE USA (1934–1940)

M. I. Kochan

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: M. I. Kochan (maiqthemail@yandex. ru)*

Based on the study and analysis of historical sources, as well as the analysis of the historiographic base, the author describes the activities of the public organization American Indian Federation in the context of the US administration's policy towards the indigenous Indian population in the 1930s – 1940s. Within the framework of the report, the formation, social base and directions of the organization's activities are highlighted. The conclusion is made about the political nature of this organization, as well as its role as a mouthpiece for criticism of federal policy towards American Indians in the specified period.

Key words: American Indians; Indian New Deal; American Indian Federation.

В августе 1934 г. в городе Гэллап в штате Нью-Мексико состоялся первый съезд довольно странной организации, выступавшей за права индейского населения США. Странность данной организации заключалась в том, что первой же резолюцией, принятой на съезде, они официально призвали правительство США сместить со своего поста комиссара Бюро по делам индейцев Джона Кольера, автора и создателя так называемой политики «индейского нового курса». Речь конечно же идет о Федерации американских индейцев, боровшейся за суверенитет индейцев США и олицетворявшей индейское движение за гражданские права в 30-х гг. XX в.

Стоит отметить, что деятельность Федерации американских индейцев, равно как и история индейского движения в США в межвоенный период не нашла доселе отражения в работах русскоязычных исследователей. Это касается не только советской историографии, но и современных работ российских и белорусских исследователей. Таким образом целью данной работы является и восполнение пробела в русскоязычной историографии индейского движения и индейского вопроса в первой 20–30-е гг. XX в.

Что же касается американской историографии, то, не смотря на актуальность темы решения индейского вопроса в XX в., деятельности Федерации американских индейцев посвящено не так много работ. В первую очередь следует отметить вышедшую еще в 1971 г. работу Хейзл В. Херцберг «В поисках идентичности американских индейцев: современное паниндейское движение». В ней автор, однако, не уделяет достаточно внимания Федерации американских индейцев. Организация упоминается вскользь и описывается как «реакция на культурную депривацию», «щит от белого господства» и «выражение маргинальности»[3, с. 323-324].

Более широкое и комплексное описание темы дает Лоуренс М. Гауптман в небольшой работе «Федерация американских индейцев и индейский новый курс: переосмысление», вышедшей в 1983 г. В своей статье автор, по сути, заново знакомит читателей с Федерацией американских индейцев, описывая зарождение организации, деятельность и характеризуя организацию в более нейтральном ключе. Важность данной работы заключается в том, что она выступает практически единственным полноценным исследованием Федерации американских индейцев во всей американской историографии, и все последующие работы по истории американских индейцев, касаясь темы индейского движения, ссылаются именно на данную работу.

Для начала стоит определиться с тем, что представляла собой Федерация американских индейцев. По своей сути организация являлась добровольным союзом нескольких других локальных индийских организаций, включая Индейскую национальную конфедерацию Оклахомы, Миссионерскую федерацию индейцев Калифорнии, Межплеменной комитет по фундаментальному развитию американских индейцев и Совет Договора Блэк-Хиллз. Таким образом, социальную базу организации составляли представители племен навахо, чероки, сиу, прокезов, калифорнийских индейцев и ламби [2, с. 380].

Организация была столь же разнообразна, как и сама коренная Америка, т.к. в рамках Федерации в общем национальном лоббистском усилии выступали разные организации, преследовавшие собственные цели. Одной из мотиваций такого объединения было недовольство положением дел в резервациях, сложившимся перед введением в 1934 г. Закона о реорганизации индейцев, более известного в американской историографии как «индейский новый курс». К примеру, индейцы навахо поддерживали организацию из-за ее противодействия правительству, осуществлявшему программу сокращения поголовья крупного рогатого скота. Чероки Северной Каролины боролись с попытками Министерства внутренних дел расширить дорогу Блу-Ридж-Паркуэй, которая должна была пролегать через центр их резервации Куалла. Сиу вынудило присоединиться нарушение хрупкого баланса в давнем фракционном соперничестве, вызванное созданием в рамках новой политики органов представительства, заставивших традиционалистов подчиниться реформистам. Участие ирокезов в значительной степени было обусловлено давними опасениями, что США может аннулировать Канандайгуанский договор 1794 г., а племен ламби – нежеланием федерального правительства признать их как в статусе племен, так и индейцами в принципе [2, с. 381].

Что касается руководства, то в Федерации американских индейцев оно было преимущественно представлено видными деятелями индейского движения из числа христианизированных и ассимилированных представителей. Одну из важнейших ролей в организации играла журналистка и активистка их народа сенека Элис Ли Джемисон, выступавшая в качестве основного голоса организации в печати. Другим автором выступал лидер племени кауилья Южной Калифорнии Руперт Косто, занимавший пост редактора периодических изданий «Вассайя» («Wassaja») и «Индейский историк». Среди руководства федерации также присутствовали Томас Слоан, адвокат и бывший президент Общества американских индейцев – исторически первой общественной организации, выступавшей за права индейских народов; миссионер Дж. С. Морган из народа навахо; Фред Бауэр, занимавший пост заместителя руководителя Восточной группы индейцев чероки. А лидером организации был избран Джозеф Брунер, богатый чистокровный кри из Оклахомы, чья семья сопротивлялась вытеснению в резервации еще при администрации президента Эндрю Джексона.

Отметим также, что неоднородность внутри федерации выражалась также и в полярности взглядов ее лидеров. Так среди руководства присутствовали как убежденные сторонники Церкви коренных американцев (т.н. пейотисты) в лице Слоана и Брунера, так и непримиримые противники, представленные преимущественно Морганом и племенами ирокезов [2, с. 381-382]. Федерация объединяла сторонников индейского суверенитета и приверженцев пути ассимиляции вокруг трех основных целей: отставки Джозефа Кольера, отмены индейского нового курса и ликвидации Бюро по делам индейцев с последующим переходом ответственности за судьбу индейцев в руки самих индейцев.

Во многом идеи Федерации американских индейцев строились на фундаменте, возведенном одним из главных идеологов индейского движения – доктором Карлосом Монтесумой (имя при рождении – Вассайя) из народа явапаев. Оценив характер взаимоотношений федерального правительства и индейских народов США как исключительно колониальный, Монтесума призывал к уничтожению бюрократического контроля, сковывавшего его соплеменников. Таким образом, любая реорганизация воспринималась им как усиление, а не сворачивание деятельности Бюро по делам индейцев [2, с. 386]. Этим и была обусловлена неприязнь к организации лидеров Федерации, рассматривавших себя в качестве прямых последователей Монтесумы.

Что касается направлений деятельности Федерации американских индейцев, то тут стоит выделить 2 основных этапа. Первый этап охватывает временной промежуток 1934–1938 гг. и представляет собой период постоянной критики работы Джозефа Кольера и его индейского нового курса. В частности, организация использовала свои каналы в средствах массовой информации, чтобы критиковать и обличать недостатки в государственном регулировании положения индейцев. Элис Ли Джемисон, имея связи в Североамериканском газетном альянсе, одном из крупнейших печатных синдикатов своего времени, лоббировала как интересы своего народа сенека, так и всех других членов федерации. Помимо издания газеты «Первый американец» («The First American»), ключевого издания Федерации американских индейцев, Джемисон посещала слушания в Конгрессе, где также выступала. В рамках этих слушаний она осуждала программу сокращения поголовья скота среди народа навахо, призывала отменить строительство Блу-Ридж-Паркуэй через племенные земли чероки и обвиняла Бюро по делам индейцев в некомпетентности [8, с. 379].

В этот период федерации удалось найти сторонников среди политических элит США. К примеру, в 1935 г. конгрессмен от штата Нью-Йорк Альфред Бейтер вынес на рассмотрение билль, выводивший из под юрисдикции Департамента охраны окружающей среды штата Нью-Йорк охоту и рыбалку в пределах индейской резервации. Данное решение было пролоббировано Федерацией и Джемисон в частности, ссылавшейся на то, что действия Бейтера фактически нарушало Канандайгуанский договор 1794 г. [1, с. 74]. А в 1937 г. сенатор Бёртон Уилер, один из авторов Закона о реорганизации индейцев 1934 г., находясь под влиянием критики эффективности закона, предпринял попытку его отменить. И, не смотря на то, что обе законодательных инициативы были отклонены, Федерация американских индейцев неоспоримо влияла на ход обсуждений индейского вопроса в Конгрессе США.

Второй этап, охватывающий 1939–1945 гг. характеризовался расколом в организации и постепенном сворачивании её деятельности. Причиной серьезных разногласий в руководстве Федерации американских индейцев послужил так называемый «Билль урегулирования», предложенный в апреле 1939 г. конгрессменом Ашером Бёрдиком и Сенатором Элмером Томасом от Оклахомы. В этом законопроекте предлагалось в качестве урегулирования всех требований индейцев в отношении федерального правительства выделить компенсацию в сумме 3000 долларов США каждому индейцу. Большая часть руководства, включая Джемисон, Слоана, Косто, Бауэра и других была взбешена самим фактом такого предложения и поддержкой идеи со стороны представителей Оклахомы и Джозефа Брунера в частности [2, с. 398–399].

Не сумев договориться, несогласные покинули состав организации, которая сменила основное направление деятельности в сторону лоббирования введения «Билля урегулирования», который в итоге так и не был принят. В таком виде организация просуществовала вплоть до 1945 г., когда официально заявила о самороспуске.

Нельзя обойти стороной и негативную рецепцию Федерации американских индейцев и её взглядов в современном им американском обществе. Во многом негативная оценка организации со стороны современников и последующих исследователей была связана с методами организации. Речь идет о популярном у спикеров федерации обвинении Джозефа Кольера и своих политических оппонентов в коммунизме или связях с коммунистическими организациями. В частности, Элис Ли Джемисон на страницах упомянутой ранее газеты «Первый Американец»

утверждала, что индейские народы находятся под контролем федеральных чиновников, «которые, как известно, уважают радикальную деятельность, а также имеют связи или восхищаются атеистами, анархистами, коммунистами и другими представителями «пятой колонны»» [7, с. 74].

С другой стороны, деятели Федерации подвергались критике со стороны своих противников как пособники национал-социалистов. Обусловлены обвинения были связями, которые Федерации американских индейцев удалось установить с рядом ультраправых организаций, включая фашистскую организацию «Серебряные рубашки» Уильяма Дадли Пелли (также известную как Серебряный легион Америки), выразившую свою официальную поддержку деятельности Федерации. Дошло даже до того, что в 1938 г. Федеральное бюро расследований установило слежку за лидерами Федерации, подозревая их в подрывной деятельности в пользу Германии, однако, впоследствии, пришло к отрицательному выводу. Хотя, в ходе расследования Морской разведке США удалось установить, что Элис Ли Джемисон использовала для своего турне по Великим Равнинам машину, купленную на деньги про-нацистского Германско-американского союза через Джеймса Тру, известного своими антисемитскими и прогерманскими взглядами [7, с. 75–76].

Объяснить данное явление можно тем, что радикально настроенные ультраправые организации были заинтересованы в использовании борьбы Федерации американских индейцев с индейским новым курсом в целях собственной борьбы с администрацией президента Рузвельта. В связи с чем оценка Федерации как сочувствующей нацистам не является объективной, несмотря на схожесть во взглядах некоторых членов организации с ультраправыми активистами.

В качестве выводов стоит сказать, что, хотя Федерация американских индейцев за время своего существования не смогла добиться ни одной из поставленных целей, ей удалось стать одной из основных площадок для выражения мнения индейских народов относительно федеральной политики Бюро по делам индейцев. На пример описанного выше видно, что в 1930-е гг. Федерация предприняла все имевшиеся усилия по актуализации индейского вопроса в Конгрессе США и посодействовала дальнейшему развитию индейского движения в США уже в послевоенный период. Таким образом, Федерацию американских индейцев можно охарактеризовать как одну из первых национальных индейских политических общественных организаций в истории США.

Библиографический список

1. Hauptman L.M., *Seven Generations of Iroquois Leadership: The Six Nations since 1800*. Syracuse, New York: Syracuse University Press. 2008.
2. Hauptman L.M., *The American Indian Federation and the Indian New Deal: A Reinterpretation* // *Pacific Historical Review*. 1983. Vol. 52, № 4. P. 378–402.
3. Hertzberg H.W., *The Search for an American Indian Identity: Modern Pan-Indian Movements*. Syracuse, New York: Syracuse University Press. 1981.
4. *Indian Reorganization Act of 1934* [Electric source]. Legisworks. Mode of access – <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/43/STATUTE-43-Pg253b.pdf>. Date of access – 17.10.2021.
5. Kelly L., *The Assault on Assimilation: John Collier and the Origins of Indian Policy Reform*. Albuquerque: University of New Mexico Press. 1983.
6. Philp K.R., *John Collier's Crusade for Indian Reform, 1920–1954*. Tucson: University of Arizona Press. 1977.
7. Rosier P.C., *Serving Their Country: American Indian Politics and Patriotism in the Twentieth Century*. Cambridge: Harvard University Press. 2012.
8. Sichertman B., Green C.H., Jemison, Alice Mae Lee // *Notable American Women: The Modern Period: a Biographical Dictionary*. 1981. P. 379–380.

КАНТРЫБУЦЫЙНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (1863–1896 гг.): АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ І МЕТАДЫ ДАСЛЕДАВАННЯ

М. А. Крэнец

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, krents@bsu.by

У артыкуле прааналізаваны асноўныя праблемы пры даследаванні кантрыбуцыйных мерапрыемстваў, разгледжаны актуальныя метады аналізу сацыяльных і эканамічных працэсаў на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX ст.

Ключавыя словы: землеўладальнікі «польскага паходжання»; кантрыбуцыйныя мерапрыемствы; сацыяльная структура; дробная шляхта; аднадворцы; сялянства; палітыка ўніфікацыі.

КОНТРИБУЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ (1863–1896 гг.): АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. Кренть

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, krents@bsu.by

В статье проанализированы основные проблемы при исследовании контрибуционных мероприятий, рассмотрены современные методы анализа социально-экономических процессов в белорусской губернии во второй половине XIX века.

Ключевые слова: землевладельцы «польского происхождения»; контрибуционные мероприятия; социальная структура; мелкая шляхта; однодворцы; крестьянство; социальная структура; политика унификации.

CONTRIBUTION MEASURES IN IN THE BELARUSIAN PROVINCES (1863–1896): CURRENT PROBLEMS AND RELEVANT METHODS OF RESEARCH

M. Krents

Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, krents@bsu.by

The article analyzes the principal problems of the research on the contribution measures. The article explores the relevant methods of analysis of socio-economic processes in the Belarusian provinces.

Key words: landowners «of Polish descent»; contribution measures; social structure; petty gentry; small-holders; the peasantry; social structure; unification policy.

Вывучэнне падзей і працэсаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX ст. уяўляе сабой асаблівую важнасць зыходзячы з ролі дадзенага

перыяду гісторыі ў станаўленні беларускага грамадства. Сацыяльна-эканамічныя працэсы, палітычныя мерапрыемствы ўрада Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі — дадзеныя праблемы патрабуюць дэтальнага і скрупулёзнага даследавання. Адною з такіх праблем, якая патрабуе асобнага даследавання, з'яўляецца праблема правядзення і рэалізацыі кантрыбуцыйных мерапрыемстваў на тэрыторыі беларускіх губерняў у 1863–1896 гг.

Такім чынам, *мэта* дадзенага артыкула — прааналізаваць асноўныя праблемы пры даследаванні кантрыбуцыйных мерапрыемстваў, разгледзець актуальныя метады аналізу сацыяльных і эканамічных працэсаў на тэрыторыі беларускіх губерняў у другой палове XIX ст.

Тэма кантрыбуцыйных мерапрыемстваў у беларускай і замежнай гістарыяграфіі разглядалася толькі фрагментарна. У савецкі перыяд гістарыяграфіі тэма кантрыбуцыйных збораў закраналася ў працах А. І. Цвікевіча [1], С. М. Самбук [2], В. П. Панюціча [3]. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі распрацоўкай дадзенай праблемы займаліся А. Г. Каханоўскі [4–8], В. С. Макарэвіч [9–10]. Фрагментарна разглядалася дадзена тэма ў працах расійскіх гісторыкаў А. А. Камзолавай [11] і М. Д. Далбілава [12]. Таксама праблеме кантрыбуцыйных збораў нададзена ўвага ў манаграфіі літоўскага гісторыка Д. Сталюнаса [13].

Кантрыбуцыйныя мерапрыемствы — асаблівыя мерапрыемствы, якія праводзіліся расійскай адміністрацыяй на тэрыторыі заходніх губерняў, па спагнанні грашовых сродкаў у памеры 1–10 % ад інвентарнага кошту зямельнай або нерухомай маёмасці з землеўладальнікаў і гарадскіх жыхароў каталіцкага веравызнання. Кантрыбуцыі адрозніваліся формай і парадкам справаздачнасці. Кантрыбуцыйныя мерапрыемствы праводзіліся таксама ў гарадах і спаганяліся з усіх жыхароў каталіцкага веравызнання і польскага паходжання без уліку саслоўнага паходжання [14, арк. 3]. Кантрыбуцыі спаганяліся з землеўладальнікаў дваранскага саслоўя ці аднадворцаў каталіцкага веравызнання (у рэдкіх выпадках, кантрыбуцыйныя зборы спаганяліся з сялян) [15, арк. 1]. Кантрыбуцыйныя зборы маглі быць узмоцненымі (спаганяліся ў дваіным памеры), прадугледжваліся льготы для непаўнагадовых, інвалідаў, уладанняў з неўрадлівай глебай. Акрамя таго, незапланаваныя кантрыбуцыі маглі спаганяцца на вясковыя варты [16, арк. 11], таксама ў выпадку неўраджаю «для забяспячэння народнага харчавання» [17, арк. 1]. У 1867–1869 гг. адбываецца рэфармаванне сістэмы кантрыбуцыйных збораў, кантрыбуцыі ўключаюцца ў рэстр падаткаў з нерухомай маёмасці [18, с. 187].

Прававая неаднастайнасць і супярэчлівасць кантрыбуцыйных законаў спараджае некаторыя праблемы пры вывучэнні дадзеных мерапрыемстваў. Варта заўважыць, што кантрыбуцыйныя зборы прымаліся ў спешцы і па асабістай ініцыятыве віленскага генерал-губернатара М. М. Мураўёва. Данная мера была зацверджана Заходнім камітэтам — спецыфічным органам улады ў заходніх губернях, які дзейнічаў у перыяд найбольшай напружанасці на гэтых тэрыторыях (1862–1865 гг.). Шмат у чым, рашэнне Заходняга камітэта зацвердзіць ініцыятыву віленскага генерал-губернатара было спалучана з жаданнем забяспечыць фінансамі ўніфікацыйныя мерапрыемствы ў заходніх губернях, напрыклад, на выплату надбавак для чыноўнікаў рускага паходжання [19, с. 116]. Таксама з дадзеных сродкаў павінны былі фінансавацца пабудова школ, цэркваў, аб'ектаў гарадской інфраструктуры і г. д. [20, арк. 18].

Да 1869 г. кантрыбуцыйныя мерапрыемствы праводзіліся з вялікімі складанасцямі. Не было ўяўлення аб адзіным стандарце ацэнкі зямлі і нерухомай маёмасці, як і паняцці аб тым, хто менавіта падпадае пад крытэрыі «асоба польскага паходжання» [21, с. 55]. Як правіла, пад дадзены крытэрыі падпадала менавіта насельніцтва каталіцкага веравызнання, за выключэннем, напрыклад, перасяленцаў з Германскай ці Аўстра-Венгерскай імперыі непольскай нацыянальнасці [22, арк. 6]. З крытэрыямі ацэнкі зямлі ўладам удалося вырашыць праблему толькі ў ходзе рэфармавання 1869 г., калі замест служачых мясцовай адміністрацыі, ацэнкай зямлі занялася спецыяльная камісія, якая складалася з прадстаўнікоў мясцовых землеўладальнікаў і кампетэнтных спецыялістаў.

Праблемай з'яўлялася і вызначэнне канкрэтнага тэрміна, які абазначаў кантрыбуцыйны збор у афіцыйным справаводстве. Спачатку найболей часта ўжываўся тэрмін «временной», далей у справаводстве мясцовай адміністрацыі замацаваўся тэрмін «процентный сбор», у заканадаўстве ўжываліся ў тым ліку і спалучэнні тэрмінаў: «особый сбор, установленный в связи с восстанием 1863 г.», «особый временный» или «особый процентный» [21, с. 52]. Наогул, блытаніна з вызначэннем тэрміна па кантрыбуцыйных зборах прысутнічала ў справаводстве да самай адмены збора ў 1897 г. У той жа час, у лакальным ужытку за зборам замацавалася вызначэнне «кантрыбуцыйнага». У бухгалтарскім справаводстве мясцовых землеўладальнікаў, у прашэннях да губернатара і нават у дакументах губернскіх канцылярыі фігуруе тэрмін «кантрыбуцыі» і «кантрыбуцыйны збор» [21, с. 51–52].

Калі звярнуцца да праблемы вызначэння кошту зямельнай маёмасці, трэба адзначыць важны аспект, што вызначаўся менавіта інвентарны кошт зямлі, а не рынкавы. Усталяваны інвентарны кошт зямлі, аднак, значна адрозніваўся ад рынкавых коштаў — амаль у дзесяць раз. Калі ў сярэднім, рынкавы кошт дзясяціны зямлі ў заходніх губернях па падліках Стывена Хока складаў 36 руб. 74 кап., то сярэдні інвентарны кошт па паведах прыкладна 3 руб. [23, с. 96]. Хоць, аднак, маёнткі землеўладальнікаў каталіцкага веравызнання часта прадаваліся па кошту прыблізна 30 руб. за дзесяціну. Такім чынам, меркаванне аб катастрафічнай суме кантрыбуцыйнага збору некалькі перабольшана [21, с. 55].

Пры даследаванні кантрыбуцыйных мерапрыемстваў важна разумець складанасці ў працы мясцовай адміністрацыі. Напрыклад, кантрыбуцыйныя зборы не датычыліся сялян (у незалежнасці ад іх канфесійнай прыналежнасці). Выключэнне складалі сяляне тых вёсак, якія бралі ўдзел у паўстанні альбо ж сяляне каталіцкага веравызнання, якія валодалі маёмасцю ў горадзе. Аднак, з сялян маглі спаганяцца кантрыбуцыі ў тым ліку з-за памылкі мясцовых улад, якія своєчасова не выключылі маёнтак селяніна з раскладкі па зборах. У такіх выпадках збор адмяняўся пасля звароту селяніна да павятовай камісіі ці да губернатара. Часам мясцовая адміністрацыя магла адмовіць сялянам каталіцкага веравызнання ў адмене збору, што было неправамерна. Але здараліся сітуацыі, у якіх збор не адмяняўся нават землеўладальнікам сялянскага ці мяшчанскага саслоўя праваслаўнага веравызнання. Напрыклад, 7 чэрвеня 1891 г. да Себежскай павятовай камісіі звярнуўся Рыгор Юзэфавіч, які ў 1889 г. набыў маёнтак, пасля чаго у 1890 г. маёнтак быў абкладзены кантрыбуцыйным зборам у памеры 2 р. 83 кап. Юзэфавіч прадставіў камісіі пасведчанне аб тым, што 31 мая 1864 г. ён быў звернуты ў праваслаўе і па цяперашні час вызнае праваслаўе [24, арк. 1]. У тэксце пасведчання фігуруе менавіта тэрмін «далучаны». Рашэннем камісіі стала адмова Юзэфавічу, «бо католікі, якія прынялі праваслаўе, не маюць права набываць зямельную ўласнасць у Заходнім краі і за адсутнасцю закона, які дае такім асобам ільготу і па плацяжу % збору, за прыналежную ім зямлю» [24, арк. 3]. Падобныя сітуацыі з'яўляюцца выключэннем, але дзейсна ілюструюць агульную сітуацыю неаднароднасцю прававых норм і недакладнасцю заканадаўчай базы.

Таксама варта заўважыць, што акрамя прававых аспектаў праблемным пытаннем пры даследаванні кантрыбуцыйных мерапрыемстваў становіцца эканамічны эфект дадзеных мерапрыемстваў

на стан гаспадаркі мясцовых землеўладальнікаў, працэсы мадэрнізацыі на тэрыторыі беларускіх губерняў. Акрамя таго, вызначыць, наколькі дадзеная сітуацыя спрыяла павышэнню эканамічнай актыўнасці сялянства, зменам у сацыяльнай структуры грамадства. Падобныя пытанні патрабуюць выкарыстання больш шырокага спектру метадаў гістарычнага аналізу.

Для вырашэння актуальных задач даследаванняў сацыяльных і эканамічных працэсаў патрабуецца пашырэнне метадалагічнага інструментарыя метадамі статыстычнага аналізу, напрыклад, выкарыстаннем рэгрэсіўных ўраўнанняў, шматмернага статыстычнага аналізу і інш. Як адзначае А. Г. Каханоўскі: «з дапамогай традыцыйных метадаў гістарычнага аналізу за мноствам лічбаў складана акрэсліць узаемазалежнасць паказчыкаў, якія адлюстроўваюць узаемасувязі элементаў сацыяльнай структуры. Для вырашэння гэтай задачы адным з метадаў выкарыстаны рэгрэсіўны аналіз, які дазваляе прааналізаваць сувязь кожнай з характарыстык, абраных у якасці выніковых (залежных), адначасова з шэрагам іншых (фактарных паказчыкі) і гэтыя сувязі ранжыраваць па ступені праяўлення. Будуецца рэгрэсіўнае ўраўненне, кожны каэфіцыент якога дазваляе вызначыць ступень змянення на паветах значэнняў выніковай характарыстыкі пры змяненні на адзінку фактарнай, а таксама ацаніць сукупную ступень спалучанасці варыяцый значэнняў улічаных фактарных паказчыкаў і выніковага» [25, с. 48]. Працы А. Г. Каханоўскага сталі наватарскімі для беларускай гістарычнай навукі, у якіх выкарыстоўваліся актуальныя метады для вырашэння праблем аналізу саслоўна-карпаратыўнай арганізацыі насельніцтва беларускіх губерняў, сацыяльнай стратыфікацыі беларускага грамадства. Так, напрыклад, для апрацоўкі масіўных аб'ёмаў дэмаграфічнай статыстыкі А. Г. Каханоўскім выкарыстоўваліся метады шматмернага статыстычнага аналізу [26, с. 195], для вызначэння рэгіянальных асаблівасцей у разгортванні сацыяльных працэсаў на тэрыторыі Беларусі, эвалюцыі сацыяльнай структуры беларускага грамадства выкарыстоўваўся агламератыўна-іерархічны метады кластэрнага аналізу [25, с. 49]. Трэба заўважыць, што шматлікія тэарэтычныя аспекты выкарыстання актуальных метадаў статыстычнага аналізу сацыяльнай дынамікі былі разгледжаны ў манаграфіі Л. І. Бародкіна [27, с. 49–71].

Даследаванне праблем сацыяльнай і эканамічнай гісторыі Беларусі XIX ст. з'яўляецца надзвычай актуальным у сучаснай беларускай гістарыяграфіі. Дадзены перыяд характарызуецца мноствам працэсаў,

фактараў і аспектаў сацыяльна-эканамічнага развіцця тэрыторыі Беларусі, станаўленнем беларускага грамадства. Кожная даследчыцкая праблема патрабуе адмысловага падыходу і метадалагічнага інструментарыя для вырашэння пастаўленых перад даследаваннем задач. Даследаванне кантрыбуцыйных мерапрыемстваў адкрывае абсалютна новыя аспекты працэсаў палітычнага, эканамічнага развіцця беларускіх губерняў, дазваляе зірнуць на дадзеныя працэсы з іншага ракурсу і паставіць перад даследаваннямі гісторыі Беларусі XIX ст. актуальныя пытанні.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Цьвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. 2-е выд. Менск: Навука і тэхніка, 1993. 352 с.
2. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск: Наука и техника, 1980. 224 с.
3. Панютіч В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. Минск : Акад. наук БССР, Ин-т истории : Навука і тэхніка, 1990. 374 с.
4. Каханоўскі А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: Беларус. дзярж. ун-т., 2013. 335 с.
5. Каханоўскі А. Г. Міжаслоўная сацыяльная мабільнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол.: А. П. Сальков, О. А Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск : БГУ, 2012. с. 80–91.
6. Кохановский А. Г. На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX – начало XX в.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. С. 31–46.
7. Каханоўскі А. Г. Разгортванне мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі ў XIX–XX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2009. С. 218–228.
8. Каханоўскі А. Г. Уніфікацыя і русіфікацыя як накірункі ўрадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск БГУ, 2011. С. 20 – 26
9. Макарэвіч В. С. Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII – XIX ст.). Мінск: Беларус. дзярж. ун-т., 2018. 315 с.
10. Макарэвіч В. С. «Панскі разбор шляхты»: абезземельванне чыншавікоў у 2-ой палове ст. і чыншавая рэформа ў 1886 г. у Беларусі // Беларус. гіст. часоп. 2011. № 4.
11. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ М.: Наука, 2005. 383 с.
12. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II М.: Новое обозрение, 2010. 999 с.
13. Staliūnas, D. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863 . Amsterdam/New York: Rodopi, 2007. 480 p.
14. Дело о раскладке 1 % сбора с домовладельцев польского происхождения губернского и уездных городов в 1864 г. // НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1672.

15. Переписка об обложении шляхетских околиц и однодворческих обществ временным обором, согласно предписанию Главного начальника // НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1517.
16. Дело о раскладке 5 % сбора на помещиков польского происхождения в Минской губернии // НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1673.
17. Окладные листы по денежным сборам на обеспечение народного продовольствия с бывшей Польской шляхты по Минской губернии на 1885 г. // НГАБ. Ф. 333 Воп. 2. Спр. 725.
18. Правила раскладки и взимания процентного сбора в Западных губерниях №46807 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2–е: в 55 т. СПб., 1869. Т. 44. Отд. 1.
19. Лепеш О. В. Комитет западных губерний (1831–1848 гг.) и Западный комитет (1862–1865 гг.) – высшие территориальные комитеты по управлению территориями Беларуси в XIX в. // Юбилейный сборник научных трудов работников кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета : к 60–летию кафедры «История, мировая и отечественная культура» / под ред. В. А. Божанова, С. В. Боголейши. Минск: БНТУ, 2016. С. 109–116.
20. О составлении сметы расходов, предстоящим в 1866 г. из суммы 1 % сбора // НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 32466.
21. Крэ́нц М. А. Нарматыўна–прававое рэгуляванне кантрыбуцыйных і абмежавальных мерапрыемстваў урада Расійскай імперыі (1863–1896 гг.) // Гістарычна–археалагічны зборнік / Гал. рэд.: А. А. Каваленя. Вып. 35. Мінск: Беларус. навука, 2020. С. 51–57.
22. Дело по прошению помещика барона Антона фон Фелькерана, губернского секретаря Иосифа Конюшевского о сложении % сбора // НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 35345.
23. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-й том. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2015. 912 с.
24. Дело по отношению Себежской уездной комиссии по составлению раскладки % сбора, о сложении процентного сбора с имения «Борисовичи» Себежского уезда принадлежащего ныне Григорию Юзефовичу // НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 41052.
25. Каханоўскі А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: Метадалогія і методыка аналізу. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2009. С. 44–50
26. Каханоўскі А. Г. Статыстычныя крыніцы па гісторыі Беларусі 60–90 гг. XIX ст. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2 / Рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. Мн.: БДУ, 2005. С. 193–200.
27. Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив . СПб.: Алетейя, 2016. 304 с.

ПОЛЬСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ НА МОСКВУ В ПЕРИОД СМУТЫ В ОЦЕНКЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Т. Т. Кручковский

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, ул. Ожешко 22, 230023, Республика Беларусь.

Автор, рассматривая известную историческую концепцию истории России Н. М. Карамзина, представляет в ней оценочные подходы историка к периоду Смутного времени в контексте польского цивилизационного влияния на Москву. История Польши и российско-польские отношения рассматривались ученым преимущественно в контексте русско-польского соперничества. Н. М. Карамзин признавал и важность польского цивилизационного влияния на Москву, в том числе и в период Смутного времени.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин; русская историческая полонистика; Смутное время; польское цивилизационное влияние.

POLISH CIVILIZATIONAL INFLUENCE ON MOSCOW DURING THE TIME OF TROUBLES IN THE ASSESSMENT OF N. M. KARAMZIN

T. Kruczkowski

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, st. Ozheshko 22, 230023, Republic of Belarus.

The author, considering the well-known historical concept of the history of Russia N. M. Karamzin, presents in it the historian's evaluative approaches to the period of the Time of Troubles in the context of the Polish civilizational influence on Moscow. The history of Poland and Russian-Polish relations were considered by the scholar mainly in the context of Russian-Polish rivalry. N. M. Karamzin also recognized the importance of the Polish civilizational influence on Moscow, including during the Time of Troubles.

Key words: N. M. Karamzin; Russian historical polonistics; Time of Troubles; Polish civilizational influence.

Характеризуя место и роль истории Польши в историософской концепции истории России Н. М. Карамзина, общий подход его к истории Польши, следует заметить, что в этой области историк выступал во многом как первопроходец в русской историографии. В связи с этим, а так же и огромным последующим влиянием Н. М. Карамзина на общественное мнение, его положения в области русской исторической полонистики оказали существенное влияние на ее дальнейшее развитие [1–3 и др.].

Особенно большое внимание Н. М. Карамзин уделял периоду русско-польских отношений, связанных со Смутой в Московии и избранием польского королевича Владислава на московский престол. Ученый

признавал и важность польского цивилизационного влияния на Москву, в том числе в период Смутного времени. При описании важнейших эпизодов этих событий особенно ярко проявилось карамзинское противопоставление двух различных общественно-политических систем двух государств, а также их конфессиональное противостояние.

Российско-польская война вместе с внутренней Смутой, основанной на моральном разложении русского общества, считал историк, поставили Россию на грань гибели. События историограф описывает весьма красочно, патетически, не скрывая своего отношения к ним: «Но кто мог узнать и всю Россию, где в течение веков видели столько подвигов достохвальных, столько твердости в бедствиях, столько чувств благородных? Казалось, что россияне уже не имели отечества, ни души, ни веры; что государство, зараженное нравственною язвою, в страшных судорогах кончалось!» [4, с. 62]. «Столица, без осады, без приступа взятая иноплемениками, казалась нечувствительною к своему уничтожению и стыду» [4, с. 129]. «Поляки, благоприятствуемые внутренними изменниками, – продолжал историограф, – вступили в Москву и прежде времени начали тиранствовать именем Владислава [...] Правительство рушилось, Государство погибло» [5, с. 480]. Именно Польша в этот период, утверждал ученый, стала основной угрозой существования России: «судьба России зависела от политики Сигизмундовой» [4, с. 66].

Н. М. Карамзин посвятил много внимания обстоятельствам заключения, роли в нем русских, и самому польско-русскому августовскому договору 1610 года об избрании московским царем польского королевича. Он признавал, что значительная часть России первоначально приняла этот договор: «желала столица вместе с знатною частью России: Владиславова царствования на заключенных условиях» [4, с. 120].

Н. М. Карамзин, вместе с тем, утверждал, следуя за московскими политическими сочинениями, что даже в этот момент россияне согласились на избрание Владислава московским царем только при условии его перехода на православие, сохранения российской самобытности, гарантии территориальной целостности России. Более того, историограф даже, вопреки своему основному принципу самодержавия как палладиума России, считал, что возможное ограничение самодержавной власти было полезно в той политической ситуации для государства. Он писал: «Итак, россияне, были недовольны собственным желанием царя Василия умерить самодержавие, в четыре года переменили

мысли и хотели еще более ограничить верховную власть, уделяя часть ее не только боярам, в правосудии и в налогах, но и земской Думе в гражданском законодательстве! Они боялись не самодержавия вообще (как увидим в истории 1613 г.), но самодержавия в руках иноплеменного, еще иноверного монарха, избираемого в крайности, невольно и без любви, и для того предписали ему условия, неогласныя с выгодами боярского властолюбия» [4, с. 118].

Однако уже в записке «О древней и новой России» историк утверждал, что по причине необходимости иметь у себя сильную царскую власть россияне согласились на выбор царя из среды традиционного соперника – поляков: «Увидели необходимость иметь Царя и, боясь избрать единоплеменца, чтобы род его не занял всех степеней трона, предложили венец сыну нашего врага» [5, с. 480]. Объяснение этому событию Н. М. Карамзин давал на страницах XII тома своей «Истории». Случилось это парадоксальное явление, по его мнению, из-за общей деморализации в России и надежды россиян на то, что польский король и королевич Владислав поддадутся мании величия и самобытности России, а также желанию иметь в ней союзника. Он замечал: «король плениться честью видеть сына монархом великой державы и дозволит ему переменить Закон, или Владислав юный, еще не твердый в догматах латинства, легко склониться к нашим и вопреки отцу, когда сядет на престол московский, увидит необходимость единоверия для крепкого союза между царем и народом, возмужает в обычаях православия и, будучи уважаем как венценосец знаменитого державного племени, будет любим как истинный россиянин духом» [4, с. 94–95]. Таким образом, приняв православие и окруженный российскими советниками, а также избавленный от влияния короля Сигизмунда, вопреки своему отцу, считал историк, королевич Владислав мог стать вполне российским монархом.

Положение о значительной поддержке русским обществом договора 1610 года принимается и в современной российской и польской исторической науке [6–8] и др. Как отмечает Б. Н. Флоря, «В августе–сентябре 1610 года значительная часть населения России поддержала программу «умиротворения» страны, которая была зафиксирована в тексте августовского договора. На условиях этого договора – «по московской записи» – приносили присягу Владиславу и города юга России» [6, с. 320].

Проблему польского цивилизационного влияния на Москву Н. М. Карамзин рассматривал в аспекте введения общественно-государственных образцов шляхетской республики. Он, считая, что поляки имели

своеобразный инструмент воздействия и переманивания определенных слоев русского общества на свою сторону, писал, что Жолкевский манил «бояр московских пленя изображением златого века России под державою венценосца юного, любезного, готового внимать их мудрым наставлениям и быть сильным единственно силою закона» [4, с. 129], а также тем, что «Именем королевским сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всех наших священных уставов и согласились, чтобы королевич, если Бог даст ему государство Московское, был венчан патриархом; обязались также соблюсти и целостность России; ея законы и достояние людей частных» [4, с. 97]. Однако историк не стал развивать данное положение, как и в случае предложений об условиях унии 1600 года, так и, рассматривая договор 1610 года, утверждая, что московское высшее общество не нуждалось в такого рода привилегиях, выше всего ставя вопросы сохранения самодержавия и веры.

В то время как в польской и отчасти современной российской историографии подчеркивается, что в Польше складывалось убеждение, что можно было бы добиться решения московской проблемы иным путем: обещаниями «прав» и «вольностей» добиться того, чтобы русское дворянство захотело перейти под власть польского короля [6–8 и др.]. Рассуждая, таким образом, ведущие политики Речи Посполитой опирались на прошлый исторический опыт, когда желание получить «права» и «вольности» польской шляхты привело к соединению в одном государстве Польши и Литвы. В проектах соглашения между Россией и Речью Посполитой, исходивших от польско-литовской стороны, неоднократно помещался пункт о том, что шляхта и дети боярские должны получить право приобретать земли в другой стране, а также свободно ездить из одной страны в другую «для службы и обученья». Представление о том, что, воздействуя на русское дворянство, можно убедить его в преимуществах модели общественного строя Речи Посполитой, стало прочной частью политического мышления правящей элиты Речи Посполитой, а отчасти и более широких кругов дворянства [6, с. 55–56].

Содержанию и сути августовского договора историк посвятил довольно много внимания, отмечая, в том числе и предложения польской стороны, гарантирующие личные свободы, сохранность имущества. Однако он уделил основное внимание московским требованиям сохранения старого московского миропорядка, прежде всего православия и основ самодержавия. Ученый приводил многочисленные пункты соглашения как предложенных Москвою, так и согласованные с польскою

стороною. Он сам обращал внимание, что московская сторона ставила предложения запрета сношения королевича с папою, введения в России смертной казни для всякого, кто оставит греческую веру, соблюдения всех титулов царя. Последнее предложение сам историк даже сразу же прокомментировал в скобках, считая в тех условиях его просто невыполнимым: «Следовательно, государя киевского и ливонского» [4, с. 96].

Н. М. Карамзин приводил полностью все 20 пунктов московских условий договора, принятых от имени польского короля и будущего царя Владислава гетманом Жолкевским [4, с. 98–99]. Из них явно было видно, что принимая их и королевича Владислава в качестве царя, московская сторона полностью настояла на сохранении своей территориальной ценности, господства православия и не допускала не только католической пропаганды на своей территории, но и возможности взаимного допущения на владение землей и занятие должностей. Историк выделил курсивом нововведения, касающиеся ограничения самодержавной власти: пункт 6 – «жалования, поместья и вотчины россиян неприкосновенны; пункт 7 – «основанием гражданского правосудия быть Судебнику, коего нужное исправление и дополнение зависит от государя, Думы боярской и земской; пункт 10 – «доходы государственные остаются прежние: а новых налогов не вводить без согласия бояр, но с их же согласия дать льготу областям, поместьям и вотчинам» [4, с. 99].

Даже с учетом этих небольших ограничений самодержавной власти московского царя ученый пришел к весьма нетрадиционному для российской науки выводу, о том, что если бы польский королевич Владислав «остался бы, как вероятно, царем России и переменил бы ее судьбу ослаблением самодержавия, и судьбу Европы на многие века» [4, с. 101].

Несмотря на столь значительное заявление о возможности перемен исторических судеб России и Польши Н. М. Карамзин не предпринял попытки оценить польские предложения изменения общественно-политических устоев с точки зрения возможности изменения цивилизационной модели развития России. Эти вопросы, как считал он, мало заботили тогдашнее русское общество и в доказательство своего положения ссылался на польскую историографию: «Сии люди, говорил польский историк, мало заботились о правах и вольностях государственных: твердили единственно о церкви, монастырях, обрядах;

только ими дорожили, как главным, существенным предметом, необходимым для их мира душевного и счастья» [4, с. 97].

В русской исторической науке положение о договоре 1610 года как возможной альтернативе не было предметом отдельных исследований, хотя и отмечался его принципиально иной характер возможного влияния на общественно-политическую жизнь России. Первым этот вопрос поставил в русской науке Б. Н. Чичерин, который считал, что это событие могло изменить ход всей истории России [9, с. 368]. Рассматривался он также с положительной стороны и в работах В. О. Ключевского [10–11].

Вопрос о февральском соглашении 1610 года с Польшей, как об определенной исторической альтернативе развития России, стал подниматься в современной российской исторической науке только в последнее время. Так, в одном из новых изданий об альтернативах русской истории обращается внимание на соглашение о возведении на русский престол польского королевича Владислава как о реальной альтернативе исторического пути России, исходя из того, что этот путь был бы для России однозначно благотворным, тем более, что о характере этой альтернативы можно судить благодаря подробному анализу положения русских земель под литовско-польским владычеством [12]. Присутствует также мнение о том, что такая альтернативность русской истории и продвижение ее по этому пути неизбежно привело бы Россию к республике, подобной соседней Польше, и означало бы привилегированное положение одного сословия, а также слабость государственной власти [13].

По мнению польской исторической мысли, в рамках польского западного влияния в России после сурового управления Ивана Грозного появилась историческая альтернатива более демократического устройства, так как Боярская Дума, передавая власть королевичу Владиславу, ставила условие, что он подтвердит договор об ограничении власти самодержавия в пользу боярства. По ряду причин всё окончилось только территориальными уступками, но такая альтернатива существовала. «Трудно ответить, – пишет З. Мадей, – какие результаты принесло бы это устройство в России, так как и в польской традиции оценки его весьма противоречивы» [14, s. 34].

Н. М. Карамзин был готов, согласно нашему мнению, признать возможным царствование королевича Владислава на московском престоле при условии сохранения им державного величия России, основ самодержавия и принятия православной веры. Вероятно, Н. М. Карамзин

считал, что при таком варианте развития событий Россия обошлась бы минимальными территориальными потерями, приводя в качестве доказательств рассуждения московской стороны: польский король не захочет забирать земли у своего сына и ослаблять его позиции как государя дружественной России, а Россия сохранила бы в целостности свои территории и государственные основы.

Н. М. Карамзин, в традиции восходящей к официальной исторической традиции времени первых Романовых, считал, что соглашение с поляками было выгодно только небольшой группе высшего боярства [4, с. 129]. Данное положение было впоследствии принято в русской исторической науке и во второй половине XIX века. Вместе с тем в специальных работах начали появляться иные подходы, отмечающие довольно широкую социальную базу возможного соглашения с Польшей на условиях договора 1610 года, однако подчеркивающие, что партнерами на переговорах с поляками выступало только боярство (С. Ф. Платонов). Как отмечается в современной российской историографии, изучение сохранившихся источников показало полную ложность такого представления. Условия соглашения об избрании Владислава были выработаны при участии всех «чинов» русского общества, находившихся в то время в Москве [6, с. 371].

Основные моменты польского цивилизационного влияния на Россию в период Смуты, представленные Н. М. Карамзиным, просматриваются в русской полонистике и второй половины XIX века [2]. Эта проблематика в общем контексте цивилизационного противостояния России и Запада, в том числе и роли польского фактора, продолжает исследоваться в современной исторической мысли [1–3; 6–8; 12–15 и др.].

Библиографический список

1. Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // *Polacy i Rosjanie*. Warszawa, 2002. S. 21–34.
2. Кручковский Т. Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос. Гродно, 2011. 418 с.
3. Кручковский Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века. Гродно: ГрГУ, 2016. 384 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI. М., 1908.
5. Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. 10–12. М., 1989. С. 472–530.
6. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Изд-во «Индрик», 2005. 416 с.
7. Wisner H. Zygmunt III Waza. Wrocław, 1991.

8. Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995.
9. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866.
10. Кручковский Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского // Веснік ГрДУ. 2014. № 3. С. 53–66.
11. Кручковский Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. // Наш радавод. Гродно, 1994. Кн. 6. Ч. 2. С. 218–417.
12. Новая книга об альтернативах российской истории // Отечественная история, 2006. № 6. С. 192–204.
13. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.
14. Madej Z. Rosyjskie zmagania cywilizacyjne. Warszawa, 1993.
15. Czapliński W. Władysław IV i jego czasy. Warszawa, 1972.

АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ ВЫВУЧЭННЯ ШКЛЯНЫХ УПРЫГАЖЭННЯЎ IX–XIV стст. У САВЕЦКАЙ І ПОСТСАВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

К. А. Кухарава

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. . Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь,
kukharava.katsiaryna@gmail.com*

Праведзены аналіз масіву прац, характарызуючых шкляныя ўпрыгажэнні IX–XIV стст., на аснове чаго вылучаны асноўныя накірункі даследавання, навуковыя тэндэнцыі асобных храналагічных перыядаў. Акрэслена кола актуальных праблем дадзенай праблематыкі, у тым ліку ў межах беларускай гістарыяграфіі. Разглядаецца адлюстраванне пытання мясцовай вытворчасці ў працах савецкага і постсавецкага этапаў.

Ключавыя словы: археалогія; гістарыяграфія; археалагічнае шкло; шklarобства; шкляныя ўпрыгажэнні; Старажытная Русь; сярэднявечча

THE MAIN DIRECTIONS OF STUDYING GLASS JEWELRY OF THE IX–XIV CENTURIES IN SOVIET AND POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

K. A. Kukharava

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic str., 1,
220072, Minsk, Belarus, kukharava.katsiaryna@gmail.com*

The analysis of the array of works characterizing glass jewelry of the IX–XIV centuries is carried out, on the basis of which the main directions of research, scientific trends of individual chronological periods are highlighted. The circle of actual problems of this problem is outlined, including within the framework of Belarusian historiography. The reflection of the issue of local production in the works of the Soviet and post-Soviet stages is considered.

Key words: archeology; historiography; archaeological glass; glassmaking; glass jewelry; Ancient Rus; Middle Ages

Шкляныя вырабы з'яўляюцца важнай складаючай матэрыяльнай культуры эпохі сярэднявечча. Для старажытнарускага рэгіёну асабліва характэрны шкляныя ўпрыгажэнні, у першую чаргу пацеркі і бранзалеты, якія складаюць найбольш колькасна прадстаўленую групу, а таксама пярсцёнкі і шкляныя ўстаўкі. Гэтыя катэгорыі знаходак шырока выяўлены ў культурным слоі гарадоў і пахавальных помнікаў IX–XIV стст.

Першыя спробы аналізу шкляных упрыгажэнняў назіраюцца ўжо ў канцы XIX – пачатку XX ст. і звязаны з калекцыямі пацерак, якія фарміраваліся ў выніку даследавання курганных пахавальных помнікаў. Да гэтага часу адносіцца першая спроба стварэння класіфікацыі дадзенай катэгорыі знаходак А. А. Спіцыным, які падзяліў даследуемыя пацеркі ў

залежнасці ад матэрыялу і афарбоўкі на 25 груп, 16 з якіх склалі шкляныя экзэмпляры розных каляровых рашэнняў. Для кожнай з груп аўтар адзначыў марфалагічныя асаблівасці і храналагічныя межы [19]. Але ўжыванне дадзенай схемы мела абмежаваны характар.

Распрацоўка спецыяльнай тэрміналогіі, а таксама ўніверсальнай класіфікацыйнай схемы адбываецца ў міжваенны перыяд. Важную ролю ў гэтым адыграла праца А. У. Арцыхоўскага «Курганы вятічей», у якой аўтар фармулюе ўніфікаваную класіфікацыю шкляных пацерак, падзяляючы іх на адзелы ў залежнасці ад папярочнага сячэння і тыпы – у залежнасці ад падоўжнага. Акрамя гэтага, даследчык надае ўвагу шкляным бранзалетам, прыводзячы першую класіфікацыйную схему для гэтых вырабаў, пабудаваную, сыходзячы з формы прадмета. Пры гэтым аўтар адзначае, што дадзеная катэгорыя ўпрыгажэнняў характэрна менавіта для гарадской культуры [1, с. 28, 90]. Гэтыя высновы паклалі пачатак разгляду шкляных упрыгажэнняў у гісторыка-культурным і сацыяльным кантэксце.

У пасляваенны перыяд паралельна з агульным развіццём савецкай археалагічнай навукі назіраецца ўздым цікавасці да археалагічнага шкла старажытнарускага часу. Дзякуючы актыўнаму археалагічнаму вывучэнню гарадоў назапашваецца значная колькасць матэрыялаў, якія дазваляюць больш шырока даследаваць адзначаную праблематыку, што спрыяе яе вылучэнню ў асобны накірунак даследаванняў. У гэты перыяд вывучаецца марфалогія і тыпалогія шкляных упрыгажэнняў, тэхналогія вырабу, хімічны склад шкла, распрацоўваюцца тыпалагічныя класіфікацыі, аналізуюцца калекцыі шкляных вырабаў IX–XIV стст. з тэрыторыі асобных помнікаў і рэгіёнаў.

Гісторыя шklarобства, працэс вытворчасці шкла і тэхналогія вырабу асобных катэгорый прадметаў старажытнарускага часу былі прааналізаваны М. М. Качалавым [10]. Таксама важная роля ў распрацоўцы гэтага накірунку належыць М. А. Безбародаву, які, акрамя гэтага, залажыў асновы вывучэння хімічнага складу шкла ў савецкай гістарыяграфіі, распрацаваў метады вызначэння храналогіі і лакальнай прыналежнасці вырабаў на падставе вынікаў хімічнага аналізу [2; 3].

Актыўна ствараюцца і дапаўняюцца класіфікацыйныя схемы шкляных упрыгажэнняў. М. Д. Полубаяранавай на аснове калекцыі шкляных вырабаў з Ноўгарада была распрацавана тыпалогія шкляных бранзалетаў, якой карыстаюцца і на сучасным этапе [16]. Значны ўнёсак у распрацоўку гэтай праблематыкі зрабіла З. А. Львова, якая надавала

вялікую ўвагу тэхналагічным характарыстыкам, а таксама вызначэнню месца і часу вырабу артэфактаў на аснове аналізу матэрыялу і тэхнікі вытворчасці. Даследчыца сфармулявала класіфікацыю шкляных упрыгажэнняў, заснаваную на тэхналагічных прыкметах, у якой спосабы вырабу вызначаюцца не самастойна, а як сукупнасць прыёмаў, што ўжываюцца пры вытворчасці. Вылучаюцца прыёмы гарчай апрацоўкі, халоднай і апрацоўкі рэзкім зніжэннем тэмпературы [14]. Такім чынам, была створана новая па сваёй сутнасці класіфікацыя, якая пазней была дапоўнена тлумачэннем аб вызначэнні прыкмет спосабу вытворчасці [13].

У беларускай археалогіі тэматыка шкляных упрыгажэнняў распрацоўвалася Т. С. Скрыпчанка, якая ў 1983 г. абараніла дысертацыю «Обмен и местное производство на территории Белоруссии в XI–XIV вв. (по материалам стеклянных браслетов)» [18]. Даследаванне прысвечана асноўным праблемам гісторыі шкляных бранзалетаў на тэрыторыі Беларусі, выяўленню шляхоў абмену, мясцовай вытворчасці, вытворчых і мастацкіх традыцый.

Пытанне шкларобнай вытворчасці ў канцы I – пачатку II тыс. н. э. на тэрыторыі Беларусі распрацоўвала М. М. Яніцкая [25]. На падставе агульнасці колераў розных катэгорый шкляных вырабаў, а таксама агульнасці колеравай гамы шкла і паліванай керамікі аўтарка вылучыла мясцовыя цэнтры шкларобства, дапаўняючы спіс гарадамі, ў якіх існавала вытворчасць шкляных бранзалетаў. Але дадзеныя высновы патрабуюць больш грунтоўнага абаснавання.

Буйнейшай даследчыцай шкляных вырабаў старажытнарускага перыяду з'яўляецца Ю. Л. Шчапава, вынікі працы якой адлюстраваны ў шэрагу манаграфій і артыкулаў [22; 23; 24 і інш.]. Аўтарка зрабіла вялікі ўнёсак у вывучэнне цэнтраў шкларобства і шляхоў распаўсюджвання іх прадукцыі, а таксама ролі і месца шкляных упрыгажэнняў у матэрыяльнай культуры ўсходніх славян. Дапоўніла звесткі аб тэхналогіі вытворчасці шкла і яго хімічным складзе, распрацавала метадалогію вывучэння шкляных вырабаў, актыўна выкарыстоўвала ў сваіх даследаваннях аналіз хімічнага складу шкла. У манаграфіі «Стекло Киевской Руси» яна абагульняе звесткі аб гісторыі старажытнарускіх шкляных вырабаў, а таксама на аснове комплекснага аналізу калекцый з шэрагу старажытнарускіх гарадоў і серыі ў 3000 аналізаў хімічнага складу шкла вылучае асаблівасці ў тыпалагічнай, хіміка-тэхналагічнай і храналагічнай характарыстыках шкляных вырабаў з розных рэгіёнаў Кіеўскай Русі [24]. Візантыйскі імпорт шкляных вырабаў, які актыўна паступаў на тэрыторыю

Старажытнай Русі, прааналізаваны даследчыцай у манаграфіі «Византийское стекло. Очерки истории» [22]. Такім чынам, Ю. Л. Шчапава заклала падмурак усебаковага вывучэння археалагічнага шкла і ўвьяла ў гістарыяграфію разуменне, што для гэтага патрэбна вызначэння часу і шляхоў распаўсюджвання, а таксама тэрытарыяльных або храналагічных адрозненняў шкляных вырабаў.

Пачатак постсавецкага перыяду адзначаецца крызісам і замаруджваннем развіцця навукі ў 1990-я гг. Найбольш актыўна на гэтым этапе тэма шкляных вырабаў IX–XIV стст. распрацоўваецца ў расійскай гістарыяграфіі, што тлумачыцца працягам дзейнасці цэнтраў даследавання старажытнарускага шкла ў навуковых ўстановах Масквы і Санкт-Пецярбурга, якія сфарміраваліся ў папярэднія часы. У беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі акрэсленага перыяду дадзена катэгорыя знаходак у асноўным разглядаецца ў межах агульных прац, прысвечаных матэрыяльнай культуры асобных помнікаў.

Але ў апошняе дзесяцігоддзе шкляныя ўпрыгажэнні старажытнарускага часу зноў становяцца тэмай спецыяльных даследаванняў, што некаторым чынам звязана з наяўнасцю вялікага аб'ёму неапрацаванага матэрыялу. Гэтая тэндэнцыя характэрна ў рознай ступені для гістарыяграфіі ўсёй постсавецкай прасторы [9; 11].

У канцы XX – пачатку XXI ст. значная ўвага надаецца метадам даследавання шкляных вырабаў, у першую чаргу хімічнага аналізу шкла. Важная роля ў распрацоўцы гэтага накірунку належыць выбітным хімікам-аналітыкам В. А. Галібіну і А. М. Егаркову [4; 5]. З'яўляецца тэндэнцыя да разгляду шкляных упрыгажэнняў у межах модных тэндэнцый таго часу, распрацоўваецца пытанне месца шкляных упрыгажэнняў у складзе старажытнарускага касцюма [12; 21].

Ва ўкраінскай археалогіі працягваецца актыўнае даследаванне мясцовага шklarобства на падставе вывучэння майстэрняў з тэрыторыі Кіеўскага Падола, важная роля ў распрацоўцы гэтай тэматыкі належыць А. Ю. Журухінай [7; 8]. У 2018 г. з'явіліся пацверджанні існавання шklarобнай вытворчасці ў паўночнай частцы Старажытнай Русі: ў Смаленску былі знойдзены рэшткі шкляной майстэрні [6]. У цэлым, для постсавецкага перыяду характэрна актыўнае абмярканне пытання мясцовай вытворчасці шкла.

У савецкай гістарыяграфіі ў якасці пацверджання гэтай гіпотэзы вылучалі развіты вытворчы комплекс у Кіеве, дзе былі знойдзены рэшткі шklarобных майстэрняў. Але на тэрыторыі іншых гародоў заключэнне аб

шкларобнай дзейнасці высоўвалася на аснове ўскосных даных (адзінасць марфалагічных характарыстык шкляных вырабаў, у першую чаргу каляровай гамы).

А. М. Алейнікаў падзвяргае гэтыя палажэнні значнай крытыцы, прыводзячы ў сваіх публікацыях шэраг контраргументаў [15]. Узнікае неабходнасць дакладна сфармуляваць прыкметы шкларобнай вытворчасці. Даследчык лічыць, што ў гэтай якасці могуць выступаць непасрэдня знаходкі рэштак шкларобных майстэрняў. К. К. Сталярова, у сваю чаргу, вылучыла шэраг прыкмет, якія могуць служыць падставай для вылучэння мясцовага шкларобства, нягледзячы на адсутнасць прамых доказаў [20].

Такім чынам, меркаванні даследчыкаў раздзяліліся: адны лічаць, што доказам існавання мясцовай шкляной вытворчасці павінны быць канкрэтны комплекс археалагічных знаходак. Некаторыя ж дапускаюць магчымасць ва ўмовах дэфіцыту археалагічных даных выкарыстоўваць метады іншых навук, якія прадстаўляюць магчымасці аналітычнага вывучэння старажытнарускіх шкляных знаходак, што, з аднаго боку, пашырае наша ўяўленне аб мінулым, а з другога, – робіць яго неадназначным і шматгранным.

Такім чынам, гісторыя даследавання шкляных упрыгажэнняў старажытнарускага часу пачынаецца з канца XIX – пачатку XX ст., калі адбываецца назапашванне матэрыялу і першыя спробы яго аналізу. У міжваенны перыяд закладаюцца асновы класіфікацыі шкляных упрыгажэнняў. Пачынаючы з другой паловы XX ст. акрэслена праблематыка вылучаецца ў асобны накірунак даследаванняў, распрацоўваецца метадыка вывучэння дадзенай катэгорыі знаходак, пачынаюць выкарыстоўвацца прыродазнаўчыя метады даследавання шкла, удасканалюцца класіфікацыйныя схемы, зацвярджаецца думка аб існаванні развітага мясцовага шкларобства на тэрыторыі Старажытнай Русі. На постсавецкім этапе гістарыяграфіі працягваецца распрацоўка раней сфарміраваных накірункаў, падзвяргаюцца крытыцы некаторыя палажэнні, якія цвёрда замацаваліся ў савецкай гістарыяграфіі, больш грунтоўна разглядаецца пытанне інтэрпрэтацыі вынікаў хімічнага аналізу шкла, актыўна апрацоўваюцца вялікія масівы назапашанага ў папярэднія часы матэрыялу.

Бібліяграфічны спіс

1. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930.

2. Безбородов М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН БССР, 1956.
3. Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стёкол. Минск: Наука и техника, 1969.
4. Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
5. Егорьков А. Н. К традициям стеклоделия в древнем Владимире (по материалам раскопок в 2006 г. в «Ветчаном городе») // Записки ИИМК РАН. 2007. № 2. С. 257–268.
6. Ершов И., Кренке Н., Раева В., Столярова Е. Стелоделательная мастерская XII – XIII века в Смоленске // Край Смоленский. Смоленск. 2019. № 2. С. 85–89.
7. Журухина Е. Производство стеклянных изделий (по материалам ремесленных мастерских Киевского Подола XII – первой половины XIII века) // Revista Arheologică, serie nouă, vol. XVI. nr. 1. 2020. С. 130–135.
8. Журухина Е. Стеклоделательные мастерские Киевского Подола // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 226–233.
9. Журухіна О. Ю. Намисто Середнього Подніпров'я Х–ХІІІ ст.: автореф. дис. канд. істор. наук. Київ, 2021.
10. Качалов Н. Н. Стекло. М.: Академия наук СССР, 1959.
11. Королева Е. П. Стеклянные украшения X–XIV вв. на территории Могилевского Поднепровья: технология изготовления, типология, хронология: автореф. дисс. канд. ист. наук. Минск, 2018.
12. Лавыш К. А. Византийские стеклянные браслеты в Западной Руси: отражение византийской моды и прототип для местной продукции // Слов'яне і Русь: археологія та гісторія. Київ. 2013. С. 164–173.
13. Львова З. А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 75–103.
14. Львова З. А. Технологическая классификация изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 89–100.
15. Олейников О. М. Стеклодельные мастерские в древности (К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 281–291.
16. Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 117, т. 3. С. 164–199.
17. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд. АН СССР, 1948.
18. Скрипченко Т. С. Обмен и местное производство на территории Беларуси в XI–XIV вв. (по материалам стеклянных браслетов): автореф. дис. канд. ист. наук. Минск, 1983.
19. Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // Материалы по археологии России. 1903. № 29. С. 21–23.
20. Столярова Е. К. О признаках местного производства стекла (на примере древней Руси) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. СПб. 2015. С. 336–343.
21. Тодорова А. А. Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. 2004. С. 236–240.

22. Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
23. Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Изд-во МГУ, 1989.
24. Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
25. Яніцкая М. М. Вытокі шкларобства на Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1980.

«ПОБЕДНЫЙ ФЕВРАЛЬ» 1948 ГОДА В ЧЕХОСЛОВАКИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ И ПРАКТИКАХ ПАМЯТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ

М. А. Лавринович

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, marilavrinovich144@gmail.com

В публикации рассматриваются формирование и эволюция подходов в историографии и общественно-политических дискурсах социалистической Чехословакии и современной Чешской республики в отношении оценки события установления власти Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в феврале 1948 г. В частности, характеризуются ключевые идеологические концепты и их отражение в историографии; современные практики отмечания годовщин данного события; изменения в городской топонимике.

Ключевые слова: историография; «Победный февраль» 1948 года; память и историческая политика; Чешская Республика.

«VICTORIOUS FEBRUARY» 1948 IN CZECHOSLOVAKIA IN HISTORIOGRAPHICAL INTERPRETATIONS AND MEMORY PRACTICES IN THE SOCIALIST AND POST-SOCIALIST PERIODS

М. А. Laurynovich^a

aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus (marilavrinovich144@gmail.com)

The publication deals with the formation and evolution of approaches in historiography and socio-political discourse of Socialist Czechoslovakia and modern Czech Republic concerning the evaluation of the event of the establishment of the Communist Party of Czechoslovakia in February 1948. The main emphasis is given to the characterization of key ideological concepts and their reflection in historiography; contemporary practices of celebrating anniversaries of this event; changes in urban toponymy.

Key words: historiography; «Victorious February» 1948; memory and historical policy; Czech Republic.

Введение. Ключевым процессом чехословацкой истории, определившим её развитие после Второй мировой войны, стала перестройка Третьей Чехословацкой Республики (1945–1948) по социалистической модели. Исходная точка для чехословацкой социалистической государственности – установление власти Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в результате событий, получивших в дискурсе новой власти определение «Победный февраль».

Общественно-политическая мобилизация масс под эгидой коммунистов и их лидера Клемента Готвальда, состоявшаяся в контексте правительственного кризиса 20–25 февраля 1948 г., позволила КПЧ занять

доминирующее положение в обширной коалиции Национального фронта чехов и словаков, представлявшей послевоенные антифашистские общественные организации и движения. При сохранении формального плюрализма неспособность альтернативных партий буржуазно-демократической ориентации противостоять дисциплинированной и массовой деятельности кадров КПЧ привела к монополизации ею государственной власти на последующие 41 год [1].

Тематика гражданско-политической истории социалистической Чехословакии достаточно представлена в опубликованных после «архивной революции» 1990-х гг. работах российских историков-славистов, ведущих сотрудников Института Славяноведения РАН Т. В. Волокитиной [3], Г. П. Мурашко [4, 8], а также В. В. Марьиной [6, 7].

Формирование идеологического дискурса о событиях «Победного февраля» 1948 года в социалистической Чехословакии. Концепт о решающей роли «Победного февраля» 1948 г. не мог не отразиться в работах чехословацких историков периода социализма. При этом становление новой историографии в социалистической Чехословакии было затруднено нехваткой профессиональных историков-марксистов, для которых первостепенными оказались задачи по репрезентации фактов и теоретическому осмыслению политической ситуации 1944–1948 гг.

В 1959 г. в числе первых обобщающих работ, посвященных «Победному февралю» 1948 г., была издана книга чехословацкого политика, дипломата и историка И. Веселого «Хроника февральских дней 1948 г. в Чехословакии» (издана на русском языке в Москве в 1960 г.) [2, 17]. Анализируя ход событий февраля 1948 г., И. Веселый использует такие марксистские термины, как контрреволюционный мятеж, контрреволюционный путч и называет возникшую кризисную ситуацию «столкновением чехословацкого народа с реакцией», представленную буржуазно-демократическими партиями, стремившихся ограничить роль КПЧ в Национальном фронте чехов и словаков. Согласно трактовке Веселого, с этой целью 20 февраля 1948 г. двенадцать «реакционных министров», подав в отставку, организовали правительственный кризис. Однако, в свою очередь, они недооценили уровень народной поддержки Компартии ЧСР.¹³ В результате, коммунисты, взяв на себя управление

¹³ К «реакционным силам» были отнесены министры из партий, которые в 1948 г. выказали несогласие с политическим курсом КПЧ. После 1948 г. в череде политических «чисток», организованных КПЧ, данный термин стал фигурировать в политических процессах над другими оппонентами, в том числе в рамках масштабного политического процесса над Миладой Гораковой в 1950 г. [5].

республикой, реализовали «быстрый и сокрушительный разгром буржуазии» и тем самым ускорили проведение социалистических преобразований [2, с. 243–244]. Таким образом, И. Веселы определяет историческое значение «Победного февраля» 1948 г. как «завершение процесса перехода национальной и демократической революции в социалистическую».

К такому же заключению приходят Й. Козак и А. Свобода [15, 16]. Они констатируют, что во время «февральской битвы 1948 г. в Чехословакии произошел переход к новому качеству социально-экономических отношений – диктатуре пролетариата» вследствие нескольких ключевых факторов: решительной борьбы миллионов рабочих в республике, руководящей роли КПЧ, а также экономической помощи Советского Союза, – что обеспечило победу коммунистов в «стране развитого капитализма с давними демократическими традициями» [2, с. 244]. Эта устоявшаяся интерпретация не изменилась и в работах, вышедших в последние годы существования Чехословацкой Республики.

В 1986 г. чехословацкие историки З. Снитил и Я. Цезар издали переведенную на русский язык монографию «Чехословацкая революция 1944–1948 гг.» [9], в которой была проанализирована послевоенная общественно-политическая ситуация в ЧСР (тракуется авторами как «революционная») и её поступательное перерастание в социалистическую революцию в 1948 г. Авторы, используя метафору «вечного урока», называют, подобно И. Веселому, ситуацию 1948 г. «примером принципиального, революционного решения классовых конфликтов в экономически развитой стране» [9, с. 3–4].

В монографии З. Снитил и Я. Цезар предлагают несколько трактовок «Победного февраля» 1948 г. в Чехословакии: как попытки «реакции» организовать контрреволюционный путч и вернуть Чехословакию к домюнхенским отношениям; как перехода от национально-демократической революции 1944–1948 гг. к революции социалистической; как классовой борьбы за характер послевоенного развития в ЧСР между капитализмом и социализмом; как начала строительства социалистического общества в ЧСР.

З. Снитил и Я. Цезар резюмируют, что опыт антифашисткой, а также национально-освободительной борьбы во время Второй мировой войны (упоминается авторами в оппозиции к «бенешевскому буржуазному Сопротивлению») позволил КПЧ и лично Клементу Готвальду в ситуации

правительственного кризиса осуществить переход к социалистической системе в Чехословакии [9, с. 285–286].

Государственная политика памяти в отношении «Победного февраля» в период социализма. В 1951 г. заключительный день революционной ситуации февральского переворота – 25 февраля 1948 г. – получил статус государственного праздника и начал отмечаться как «Победа чехословацкого трудящегося народа» (чеш. «Vítězství československého pracujícího lidu»).

Необходимо обозначить, что символическое значение празднований «Победного февраля» заключалось в формальном подтверждении сложившейся после 1945 г. просоветской общественно-политической ситуации в Чехословакии. В свою очередь, годовщина «Февральской революции» 1948 г. как общегосударственного праздника в республике, но локального для стран Советского блока, находилось в тени 9 мая – «Дня освобождения Чехословакии Советской армией» (чеш. «Den osvobození Československa Sovětskou armádou») – главного государственного праздника страны.

Наиболее масштабные празднования прошли в юбилейные 1958, 1968, 1978 и 1988 годы. До 1990 г. 25 февраля проводились заседания ЦК КПЧ и Национального фронта, на которых вручались партийные награды сотрудникам народной милиции, рабочим и коллективам предприятий, и, главным образом, подводились промежуточные итоги социалистического строительства¹⁴.

В свою очередь, начиная с 1970-х гг., Компартия ЧСР осуществила смещение акцента с символического значения «Победного февраля» 1948 г. на повестку об актуальных достижениях социалистического строительства в ЧССР и вызовах, которые стояли перед КПЧ, а значит и перед чехословацкой общественностью. В эпоху «нормализации» во время празднований Компартия Чехословакии начала транслировать лозунги «О сохранении мира и охране социалистического строя» с целью сплотить население страны вокруг руководящей и направляющей роли Компартии Чехословакии [10].

Трансформация памяти о «перевороте» 1948 года в парадигме постсоциалистического периода. После событий Бархатной революции 1989 г., за которыми последовал конец монополии власти КПЧ, а затем роспуск партии в рамках последовавшего процесса постсоциалистической

¹⁴ См. подр.: Jak jsme slavili «vítězství pracujícího lidu» [Электронный ресурс]. URL: <https://ct24.ceskatelevi-ze.cz/domaci/-1282887-jak-jsme-slavili-vitezstvi-pracujiciho-lidu> (дата доступа: 15. 10. 2021).

трансформации, произошел кардинальный пересмотр идеологических и исторических оценок событий 1948 г. Однако лишь с момента разделения Чехословакии на Чешскую и Словацкую республики (1 января 1993 г.) процессы декоммунизации, либо «выравнивания» (чеш. «vyrovňání») отношения к прошлому приобрели характерные особенности в национальных историографиях Чехии и Словакии и доминирующего в них исторического нарратива.

Исходной точкой для формирования чешской государственной политики памяти к периоду социализма стала правовая оценка событий 1948 г. в «Акте о незаконности коммунистического режима и сопротивлении ему (Nr. 198/1993 Coll.)», ратифицированном чешским парламентом в июле 1993 г. Этот акт, делегитимизируя предыдущий режим, оправдал имевшие место формы сопротивления ему. Данный подход стал определяющим для чешского общественно-политического и академического дискурса. При этом один из ведущих чешских экспертов, историк Михал Копечек отмечает, что подобным образом была создана дихотомия между «тоталитарным прошлым» и «демократическим настоящим», которая была интегрирована в парадигму европейской истории [13].

В 1989–1990 гг. в Чехословакии в рамках процесса декоммунизации началась масштабная волна переименований, затронувшая улицы, площади и другие объекты городской топонимики, которым в период социализма были присвоены названия, отсылающие, как правило, к героям и символам советского либо чехословацкого пантеона, а также к знаковым событиям из истории коммунистического движения.

Отметим, что после 1989 г. большинству данных объектов были возвращены их топонимы до 1948 г., среди которых чаще всего встречались названия в честь первых президентов Чехословакии – Т. Г. Масарика и Э. Бенеша, а также памяти чехословацких легионов в годы Первой мировой войны.

В постсоциалистической историографической парадигме событие прихода коммунистов к власти сохранило центральное место. В чешской историографии, начиная с 1990-х гг., уделялось принципиально большое внимание фактологическому освещению и интерпретационной критике событий 1948 г. и 1968 г. [11, s. 290–298; 12, p. 173–248; 14, p. 75–92]. Как отмечает Лаура Кашман, «память о событиях 1948 г. и 1968 г. не является идентичной практикам отмечания юбилеев данных событий» [10, p. 1655].

Вывод. Выступая одной из наиболее знаковых дат в календаре символов чешской национальной истории, события установления власти Компартии Чехословакии в 1948 г. подверглись исключительной идеологизации как в социалистический период, так и после Бархатной революции 1989 г. В то же время, «Победный февраль» 1948 г. был включен в символический канон новейшей чешской истории, наряду с образованием Чехословацкой республики в 1918 г., Мюнхенским «сговором» в 1938 г., «Пражской весной» 1968 г. и падением коммунистического режима в 1989 г. Современные чешские историографические интерпретации и практики исторической политики рассматривают события 1948 г. в исключительно антитоталитарной перспективе, формируя, тем самым, негативные общественные стереотипы о периоде социализма в Чехословакии.

Библиографический список

1. Бобраков-Тимошкин А. (Само)похищение в Центральной Европе. Становление и наследие коммунистического режима в Чехословакии – с постколониальной перспективы // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. 2020. № 6 (166). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22946/ (дата доступа: 15. 10. 2021).
2. Веселый И. Хроника февральских дней 1948 г. в Чехословакии. М.: Госполитиздат, 1960.
3. Волокитина Т. В. Февраль 1948 г. в Чехословакии и судьбы восточноевропейской социал-демократии // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. Материалы второго заседания комиссии историков и архивистов России и Чехии. Москва, 26–30 апреля 1997 г. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 117–129.
4. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. 1.: 1944–1948 гг.; Т. 2.: 1949–1953 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997, 1998.
5. Лавринович М. А. Политический процесс Милады Гораковой (1950) как феномен современной чешской исторической памяти // Историко-культурные аспекты белорусско-чешских связей: монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. С. 179–191.
6. Марьина В. В. Строительство социализма со «сталинским лицом». 1949–1953 гг. // Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2005. С. 89–134.
7. Марьина В. В. Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. М.: Наука, 2002. С. 88–113.
8. Мурашко Г. П. Февральский политический кризис 1948 г. в Чехословакии и советский фактор // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. Материалы второго заседания комиссии историков и архивистов России и

Чехии. Москва, 26–30 апреля 1997 г. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 51–62.

9. Снитил З., Цезар Я. Чехословацкая революция 1944–1948 гг. М.: Наука, 1986.

10. Cashman L. Remembering 1948 and 1968: Reflections on Two Pivotal Years in Czech and Slovak History // *Europe-Asia Studies*. 2008. № 10. P. 1645–1658.

11. Kaplan K. Únor 1948: komentované dokumenty. Praha: Epoque, 2018. S. 290–298.

12. Kolař P. A Difficult Quest for New Paradigms: Czech Historiography after 1989 // *Narratives Unbound: Historical Studies in Post-Communist Eastern Europe*. Budapest – New York: CEU Press, 2007. P. 173–248.

13. Kopeček M. Czech Republic: From the Politics of History to Memory as Political Language // *Cultures of History Forum* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/czech-republic-from-the-politics-of-history-to-memory-as-political-language/> (дата доступа: 15. 10. 2021).

14. Kopeček M. In Search of «National Memory». The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989*. Budapest – New York: Central European University Press, 2007. P. 75–92.

15. Kozák J. K některým otázkám strategie a taktiky KSČ v období přerůstání národní a demokratické revoluce v revoluci socialistickou. Praha: ÚV KSČ, 1956.

16. Svoboda A. Jak to bylo v únoru: Reportáž o osmi dnech vítězného února. Praha: Ústř. akč. výbor Nár. fronty, 1949.

17. Veselý J. Kronika únorových dnů 1948. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1958.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

Л. В. Ландина

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, larisa-hist@mail.ru*

В статье показаны современные подходы к интерпретации проблемы европейского абсолютизма в исторической науке и выявлению сущности абсолютной монархии как этапа развития европейского государства Нового времени. Автор демонстрирует сложность и неоднозначность указанных задач, а также неоднократные попытки создания концептуальной модели новоевропейской государственности, которые, однако, остались незавершенными. Оценивая актуальное состояние названной проблемы, автор предлагает в качестве альтернативы собственную интегративную и открытую модель европейского абсолютизма как предмета изучения исторической науки.

Ключевые слова: абсолютизм; абсолютная монархия; l'État moderne; новоевропейское государство; власть; общество; парадигма; концепция; концептуальная модель.

MODERN APPROACHES TO BUILDING A EUROPEAN ABSOLUTISM CONCEPTUAL MODEL

L. V. Landina

*Belarusian State University of Culture and Art,
Rabkorovskaya Str, 17, 220007, Minsk, Belarus, larisa-hist@mail.ru*

The article shows modern approaches to the European absolutism problem interpretation in historical science and the identification of the absolute monarchy essence as a stage in the European state development in modern times. The author demonstrates the complexity and ambiguity of these tasks, as well as repeated attempts to create a conceptual model of the new European statehood, which, however, remained incomplete. While assessing the current state of this problem, the author proposes her own alternative integrative and open model of European absolutism as a subject for the historical science study.

Key words: absolutism; absolute monarchy; l'État moderne; new European state; power; society; paradigm; concept; conceptual model.

Проблема абсолютизма неизменно занимает одно из центральных мест в новистике и находится среди сложнейших в исторической науке. Данное замечание особенно справедливо для последних десятилетий понятийной и терминологической ревизии, смены исследовательских парадигм и пересмотра подходов к осмыслению феномена абсолютизма. Выводы о том, что термин «абсолютизм», несмотря на его активное применение, не отражает реальной практики власти монарха; что понятия «буржуазия», «дворянство», «капитализм», «феодализм» и т. д. условны;

что природу абсолютной монархии невозможно понять, применяя лишь традиционные правовой и социологический подходы, ныне уже не нуждаются в аргументации. Тем не менее, исчерпывающий ответ на вопрос о сути и точном названии формы новоевропейской государственности, называемой ныне абсолютной монархией (абсолютизмом), так и не получен. Более того, вряд ли это осуществится в обозримом будущем ввиду огромной сложности самого феномена европейского абсолютизма.

При создании концептуальной модели европейского абсолютизма нужно снять ряд стереотипов. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением С. К. Цатуровой, которая отмечает, что традиция связывать становление l'État moderne (современного государства) с «победой над феодализмом и церковью» была заложена еще в эпоху Возрождения и продолжена в век Просвещения, когда абсолютная власть отождествлялась с деспотизмом монарха [8, с. 6]. Однако это затемняет суть вопроса. Слово «État» восходит к термину «status» (от глагола stare – держаться твердо, длиться), выражающего преемственность власти и непреходящий характер государства. С 1200 г. термин «status» начинает обозначать власть государя в ее публичных функциях. Таким образом, король воспринимался как глава политического тела, обладающий публичной властью и действующий в интересах всего сообщества людей, живущих на конкретной территории и признающих его власть [8, с. 7].

Применительно к историческим понятиям, очевидно, надлежит принять мнение М. А. Юсима, который признает, что на сегодняшний день нет альтернативных или более исчерпывающих формулировок для характеристики XVI–XVII вв., чем данные еще советской историографией «переход от феодализма к капитализму» или «генезис капитализма», и историки всего мира применяют понятия «капитализм», «буржуазия» и т. д., далеко не всегда утруждая себя их уточнением [1, с. 52]. «Видимо, объективное наличие некоторого ряда феноменов, скрывающихся за словом «капитализм», представляется очевидным, – отмечает М. А. Юсим, – а копание в теоретических нюансах, некогда обязательное для советских историков (был ли тот или иной процесс уже капиталистическим или еще докапиталистическим... теперь выглядит схоластическим или в лучшем случае является уделом философов и социологов» [1, с. 52]. Во-первых, разнообразие общественных институтов «не вписывается в схемы, нанизывающие все жизненные сферы на один стержень». Во-вторых, абсолютизм являлся определенным «венцом государственного

строительства» и политического сознания, в котором общее благо стало отождествляться с личностью государя [1, с. 56].

В. Н. Малов, рассматривая условия оформления абсолютной монархии, на первое место выдвигал военный фактор. Войны требовали огромных средств, но для монархов все более затруднительно было испрашивать их у сословий. Устранение этой необходимости и укрепление личной власти монарха В. Н. Малов считал «важнейшим критерием перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии» [1, с. 482]. Военный фактор считает доминирующим в утверждении абсолютизма и С. А. Нефедов. Он утверждает: «Два пика самодержавия – при Иване IV и Петре I – были отмечены острыми конфликтами между аристократией и царями, и, конечно, не является случайностью, что эти конфликты совпадают по времени с радикальными военными реформами» [5, с. 138]. На геополитический и военный фактор обращает внимание и Л. И. Ивонина, отмечая, что адаптация и конкуренция государств эпохи абсолютизма сопровождалась процессом «монархизации» [2].

М. М. Кром, на основе историографического анализа, отмечает следующие черты новоевропейского государства. Это устойчивость в пространстве и времени, формирование безличных, относительно постоянных политических институций, перенос лояльности с семьи, местного сообщества на государство, деперсонализация власти, т. е. отождествление ее не с личной волей монарха, а с идеей безличного государства как объекта всеобщего служения [3, с. 4–5]. Модерное государство имеет «военно-фискальное» происхождение, осуществляет монополию на насилие и сбор налогов, корректирует в своих целях такие институты, как церковь и право и руководствуется идеологией национализма» [3, с. 6–7]. Говоря о начавшемся в 1984 г. европейском проекте по изучению современного государства («*La genese de l'État moderne*»), М. М. Кром указывает, что, несмотря на проделанную работу, «итоговая концепция не выработана» [3, с. 7–8]. Однако возможно ли, рассуждая об эволюции государства, проходящей в течение нескольких столетий и вобравшей все разнообразие его форм в масштабе Европы, прийти к единому мнению относительно его определяющих черт?

М. М. Кром предлагает собственную модель государства раннего Нового времени. В самых общих чертах, модерное государство – это переходная форма от патримониальной монархии к легальному и бюрократическому порядку. Для него характерно делегирование властных

полномочий и деперсонализация управления, влияние народного представительства и коллективных петиций, а также унификация религиозной жизни, поставленной под государственный контроль. Суть же модели государства раннего Нового времени может быть определена как единство в многообразии [3, с. 10–15]. Представляется, что указанное верно, однако патерналистская культура самодержавной России не позволяет вести речь о деперсонализации управления России в такой же мере, как это было в Западной Европе.

С. Е. Федоров и А. А. Паламарчук обоснованно предлагают рассматривать власть как некий функционал, имманентно присущий любой социальной системе и включающий такие элементы, как власть как субстанциональное явление, провластный дискурс, контрвластный дискурс, и власть как процесс [7]. Универсальность данной схемы открывает возможности для ее наполнения безгранично разнообразным материалом.

А. Н. Медушевский указывает на три основных подхода в интерпретации абсолютизма – юридический, социологический и исторический [4, с. 84]. Он предлагает определять абсолютизм как форму становления национальных государств Нового времени. Эта форма, как идеальный тип, характеризуется следующими чертами:

- формированием нации и национального самосознания;
- стремлением к созданию в определенных национальных границах рациональной системы военного, административного и финансового управления;
- созданием такого консенсуса между обществом и государством, при котором последнее берет на себя основное бремя модернизации первого;
- проведением правовой унификации, систематизации и централизации;
- реализацией монархического суверенитета, как идеологического постулата, правового принципа и механизма управления;
- создание административно-бюрократической вертикали власти, устраняющей возможность автономного и независимого общественного мнения [4, с. 87].

Трактовка А. Н. Медушевского представляется оптимальной, т. к. содержит многосторонние «перспективные установки» абсолютистского государства. Однако, если он рассматривает абсолютизм как идеальный тип с позиции его «конечных целей», не менее правомерно представить это явление в конкретно-историческом ракурсе и специфике

характеристик. Указанное позволяет выявить следующие составляющие интегративной модели абсолютизма как исторического и социокультурного явления:

- хронотопический;
- правовой;
- военный;
- социологический;
- ментальный.

В концепте абсолютизма хронотоп – базовая характеристика, маркирующая явление, называемое «абсолютизмом», и указывающая на время и место его существования. В медиевистике и новистике под абсолютизмом понимается особый тип государства Западной Европы и России, форма правления которого представляет юридически неограниченную наследственную монархию. Абсолютизм господствовал в Западной Европе раннего Нового времени, т. е. в XVI–XVIII вв., а в России сохранился до начала XX в. Хронотопические характеристики европейского абсолютизма важны для системного понимания этого явления, т. к. Западная Европа XVI–XVIII в. предстает как целостный цивилизационный феномен.

Фундаментальность правового подхода доказана не только рецепцией в средневековой Европе идей римского права, деятельностью легистов и идеологов суверенитета королевской власти. Данный подход был применен как основа в осмыслении абсолютизма во второй половине XIX–XX в., его устойчивость подтверждается и в настоящее время.

Огромная роль военного фактора в создании абсолютных монархий не вызывает сомнений. Наличие в распоряжении правителя армии и финансовых средств не только демонстрирует, но и реализует его потенциал власти. Вместе с тем, роль военного фактора коррелируется с положением и размером государства, его обеспеченностью ресурсами, а правительства – средствами. Опустошение карманов подданных и перенапряжение страны не раз приводили к социальному взрыву. Применительно к событиям середины XVII в., отмечает П. Ю. Уваров, в Испании это потеря Португалии и части Каталонии, во Франции – Фронда, в России – «бунташный век». А о том, «во что вылилось лишь стремление монарха более свободно собирать налоги и распоряжаться ими по ту сторону Ла-Манша, вообще лучше не вспоминать» [6, с. 15].

Социологический компонент в модели абсолютизма, т. е. социально-экономическое развитие, долгое время был господствующим, что

объясняет существующую ныне долю скепсиса по отношению к нему. Однако такая реакция скорее эмоциональная, чем профессиональная. Социально-экономическое положение – это структура общества и экономика, выступающие не только как важнейший ресурс для правителя, но и как фундаментальные показатели состояния конкретного государства.

Ментальный аспект охватывает сферу интеллектуальных, эмоциональных, ценностных, рациональных, иррациональных и других установок и особенностей общества и личности эпохи абсолютных монархий. При абсолютизме неразделимы светская и церковная власть. Абсолютный монарх, деяния которого сакральны, возвышается не над гражданами, а над подданными, регулируя их жизнь – публичную и частную – на основе идей общего блага, государственного интереса, службы Отечеству и т. д. При абсолютизме невозможно переоценить значимость двора и личности правителя. Тираноборческие и демократические доктрины, равно как и крестьянские войны и восстания, ни в коей мере не отменяют названных обстоятельств.

Охарактеризованные выше составляющие концептуальной модели абсолютизма, за исключением хронологического, являющегося базовым, не представляется возможности ранжировать или провести между ними четкую грань. Их сочетание и степень воздействия интегрированы, динамичны во времени, количественно и качественно различаются в конкретных странах, при этом необходимо учитывать эффект их совокупного действия.

Таким образом, широкий спектр современных интерпретаций абсолютизма имеет безусловное основание и научную ценность, и вряд ли возможно и даже необходимо в обозримом будущем стремиться к созданию некой единой трактовки. Представленная выше интегративная модель абсолютизма предлагается как одна из альтернатив и направлена на рассмотрение абсолютизма, в первую очередь, во всем многообразии его конкретно-исторических проявлений. При этом она учитывает весь спектр существующих подходов и может быть применена к максимальному диапазону государств с абсолютистской формой правления.

Библиографический список

1. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред.: В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., 2013. 854 с.
2. Ивонина Л. И. Монархизация правителей Классической Европы в конце XVII–начале XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 104–117.

3. Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.
4. Медушевский А. Н. Российский абсолютизм в сравнительном освещении (XVIII – начало XX в.) // Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до кризиса / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. М., 2006. С. 84–117.
5. Нефедов С. А. Теория военной революции: полвека спустя // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 3. С. 134–141.
6. Уваров П. Ю. «Событийная история» и «история-проблема» на фоне общеевропейского кризиса XVII в. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны / отв. ред.: В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. М., 2018. С. 7–15.
7. Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Рассуждения о формуле власти // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. М., 2020. Вып. 81 (1). С. 21–30.
8. Цатурова С. К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 3–16.

СИСТЕМА МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

И. В. Латушкин

*Министерство экономики Республики Беларусь.
ул. Берсона, 14, 220030, г. Минск, Беларусь; latushkin@economy.gov.by*

Рассматривается система межведомственного документооборота в рамках построения единого межведомственного информационного пространства в Республики Беларусь, которая обеспечивает межведомственное взаимодействие государственных органов и иных организаций посредством обмена электронными документами. СМДО является небольшой, но значительной частью такого масштабного процесса, как «электронное правительство». Интеграция СМДО с ведомственными системами электронного документооборота показывает на необходимость развития и внедрения информационно-коммуникационных технологий. Обращается внимание на актуальность систем и цифровизации бизнес-процессов в условиях концептуального формирования информационного пространства в Республики Беларусь.

Ключевые слова: система межведомственного документооборота; ведомственная система электронного документооборота; межведомственное информационное пространство.

INTERDEPARTMENTAL DOCUMENT MANAGEMENT SYSTEM

I. V. Latushkin

*Ministry of Economy of the Republic of Belarus.
Berson str., 14, 220030, Minsk, Belarus; latushkin@economy.gov.by*

The article considers the system of interdepartmental document management within the framework of building a single interdepartmental information space in the Republic of Belarus, which provides interdepartmental interaction of state bodies and other organizations through the exchange of electronic documents. The IDMS is a small but significant part of such a large-scale process as «electronic government». The integration of IDMS with departmental electronic document management systems shows the need for the development and implementation of information and communication technologies. Attention is drawn to the relevance of systems and digitalization of business processes in the context of the conceptual formation of the information space in the Republic of Belarus.

Key words: interdepartmental document management system; departmental electronic document management system; interdepartmental information space.

Идея создания единого межведомственного информационного пространства в Республике Беларусь возникла еще в середине 1990-х гг., когда разрабатывался такой проект, как «Электронная Беларусь». Данная идея имела схожие задачи и цели, как «электронное правительство» или «электронное государство». Однако решительные и более конкретные шаги были сделаны только в начале 2000-х гг. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь была утверждена Государственная

программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» (далее – Программа).

Основной целью Программы являлось формирование в республике единого информационного пространства как одного из этапов перехода к информационному обществу, обеспечивающего создание условий для повышения эффективности функционирования экономики, государственного и местного управления, обеспечения прав на свободный поиск, передачу, распространение информации о состоянии экономического и социального развития общества [6].

Одним из пунктов перечня Программы в направлении реализации основной цели и создания единого межведомственного информационного взаимодействия между государственными органами и иными организациями стал проект по разработке первой очереди системы межведомственного документооборота.

Самого понятия и определения системе межведомственного электронного документооборота четко не сформулировано, но из задач, которые данная система должна реализовать, можно определить следующее. Система межведомственного электронного документооборота (далее – СМДО) государственных органов Республики Беларусь – государственная межведомственная информационная система, обеспечивающая межведомственное взаимодействие государственных органов и иных организаций посредством обмена электронными документами.

Срок выполнения проекта был запланирован 2006–2010 гг. Однако и после 2010 г. готовый проект не принес желаемого результата и требовал как технической доработки, так и более широкого масштаба внедрения в государственных органах. Поэтому был принят ряд решений, направленных на улучшение сложившейся ситуации.

Сложным бизнес-процессам, затрагивающим большое количество участников, необходим единый центр управления, а также подход в работе, стандартах и итоговом результате. Для решения проблем по развитию СМДО и формированию информационного поля между государственными органами был определен регулятор.

Указом Президента Республики Беларусь от 08 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь» (далее – Указ № 515) [2], утверждено создание Национального центра электронных услуг (далее – НЦЭУ).

Ключевой аспект в функционале для НЦЭУ определен как оператор межведомственных информационных систем, однако это только часть важных регуляторных бизнес-процессов. На самом деле функции НЦЭУ гораздо шире:

- национального оператора доверенной третьей стороны по признанию подлинности электронных документов при межгосударственном электронном взаимодействии;

- национального центра удостоверения подписей, взаимодействующего с Директорией открытых ключей Международной организации гражданской авиации по вопросам распространения сертификатов открытых ключей для биометрических документов;

- уполномоченного оператора интеграционного шлюза [2].

Из вышесказанного видно, что в формировании межведомственного информационного пространства в Республики Беларусь для государственных органов и иных организаций на НЦЭУ возложена серьезная и ответственная задача, которая должна реализовываться с помощью СМДО.

Следующим важнейшим шагом в реализации единства во взаимодействии государственных органов стала интеграция СМДО с ведомственными системами электронного документооборота (далее – ВСЭД), понятия которых также закреплены в Указе № 515.

Для целей настоящего Указа под системой межведомственного информационного взаимодействия государственных органов и иных государственных организаций понимается совокупность межведомственных информационных систем, создаваемых государственными органами, иными государственными организациями в целях осуществления обмена информацией с использованием данных систем [2]. Кроме того, для целей настоящего Указа под ведомственной системой электронного документооборота понимается автоматизированная информационная система в государственном органе или иной организации, обеспечивающая обмен документами без использования бумажных носителей с применением электронной цифровой подписи и включающая программно-технические средства, используемые для создания, обработки, хранения, передачи и защиты электронных документов [2].

Таким образом, Указом № 515 были определены важнейшие понятия как межведомственному информационному взаимодействию, так и ведомственной системе электронного документооборота (далее – ВСЭД), в

том числе определен «центр управления» интеграции вышеуказанных процессов и систем.

Данный шаг позволил продвинуться вперед и начать более тщательную работу по выстраиванию межведомственного информационного пространства, а также делая акцент на развитие СМДО.

Указом Президента Республики Беларусь от 04 апреля 2013 г. № 157 «О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Республики Беларусь» (далее – Указ № 157) [3] утверждено требование по обеспечению взаимодействия ВСЭД государственных органов и иных государственных организаций с СМДО.

Важными аспектами, направленными на интеграцию систем и развития межведомственного информационного пространства, являются приобретаемые (разрабатываемые, модернизируемые) государственными органами и иными государственными организациями ведомственные системы электронного документооборота (за исключением предназначенных для обработки информации, отнесенной к государственным секретам) должны обеспечивать возможность:

– взаимодействия с системой межведомственного электронного документооборота государственных органов с применением формата обмена данными, сформированного НЦЭУ. Технические характеристики такого формата размещаются на информационных ресурсах НЦЭУ в глобальной компьютерной сети Интернет, открытых для свободного доступа;

– использования средств электронной цифровой подписи, имеющих сертификат соответствия, выданный в Национальной системе подтверждения соответствия Республики Беларусь, и положительное экспертное заключение по результатам государственной экспертизы, выданное в порядке, установленном законодательством [3].

Это был еще один шаг, позволивший интегрировать две системы и тем самым упростить взаимодействие оптимизировав бизнес-процессы по работе с электронными документами и документами в электронном виде.

Тем временем велась работа по развитию новой версии (2. 1. 1) СМДО. Изменения коснулись упрощения интерфейса, обновления модуля, канала связи, в том числе была реализована связка документов «в ответ на»; добавлена необходимость заполнения значения «количество листов», «вид документа»; добавлены правила работы с категориями документов, не относящихся к регистрации; добавлена необходимость взаимодействия ВСЭД со справочниками СМДО; унифицированы квитанции,

формируемые при прохождении документы по СМДО и, параллельно, разработчиками ВСЭД готовились интеграционные модули с СМДО.

НЦЭУ сформировал «Формат обмена данными между абонентами СМДО, использующими ВСЭД», который устанавливает единые технические характеристики электронного сообщения для взаимодействия и передачи документов между абонентами СМДО. Присоединение организаций к сети передачи данных НЦЭУ для обеспечения взаимодействия ВСЭД с СМДО осуществляется в соответствии с соглашениями, заключенными с операторами электросвязи.

Такая интеграция систем оказывает положительный эффект на развитие не только межведомственного информационного пространства, но и в перспективе на создание «электронного правительства» в Республике Беларусь. Прогресс достигается за счет быстрой передачи данных, хранения данных, контроля сроков выполнения, надежности и аналитики, что в свою очередь, по данным НЦЭУ, с 2016 г. начинает отражаться на количестве абонентов СМДО (рис. 1).

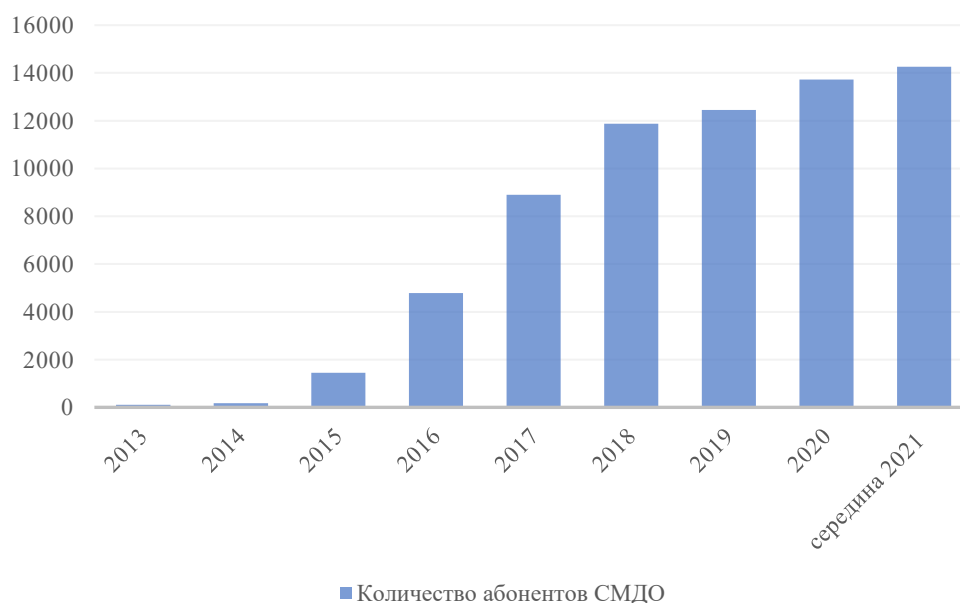

Рис. 1 – Динамика подключения государственных органов и иных организаций к СМДО

Вышеуказанные процессы показали, что грамотная и последовательная работа в разработке нормативных правовых актов Республики Беларусь в развитии информатизации и выполнение на практике норм актов законодательства дает стимул для развития систем и увеличение абонентов СМДО.

Существенным результатом и ярким показателем расширения практики использования СМДО являются два критерия: объем переданных данных и объем количества переданных пакетов (сообщений). В среднем за месяц объем переданных данных составляет более 600 Гб, а объем количества переданных пакетов, за тот же период, около 700 000 шт., что в среднем в день составляет по первому критерию около 3 Гб, а по второму – около 25 000 шт. соответственно. Данные цифры показывают, что НЦЭУ по внедрению и использования СМДО движется в правильном направлении, но впереди ждут более глобальные и серьезные шаги.

Несмотря на положительный эффект в качественных и количественных показателях, у СМДО, как и у каждой системы, имеется ряд недочетов и доработок, которые необходимо устранить или изменить. Улучшения должны коснуться некоторых критериев при передаче одного сообщения по СМДО. Первый из них – это объем всех вложений (вложенных файлов), который на данный момент не должен превышать 200 МБ, второй – количество уникальных файлов-вложений (до 20 вложений). Такое количество вложений, а, соответственно объем данных, два показателя прямо пропорционально зависят друг от друга, не соответствуют современным реалиям, что совсем непродуктивно.

Также определенные неудобства доставляет время прохождения одного сообщения по СМДО. Общая схема взаимодействия между ВСЭД абонентов СМДО при обмене документами (отправитель – ядро СМДО – получатель) осуществляет доставку не менее, чем за 15 минут. В ядре СМДО документы проходят проверку корректности квитанций, электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП), формирование квитанций о доставке маршрутизатору и маршрутизация документов/квитанций средствами серверов, что сказывается на времени доставки. Однако решение по ускорению времени прохождения документов через СМДО необходимо в ближайшее время реализовывать. В свою очередь, стоит отметить, что на задержки в получении корреспонденции могут влиять каналы связи государственных органов, которые разнятся по пропускной способности. Поэтому в рамках корректного функционирования СМДО данный критерий необходимо привести к единым нормам.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. СМДО является тем самым ключом и, в какой-то мере, фундаментом в выстраивании межведомственного информационного пространства. Интеграция СМДО с ВСЭД связывает в простом и качественном виде внутренний контур с внешним в государственных органах и иных организациях, что позволяет

эффективно осуществлять взаимодействие в межотраслевом формате в республиканских масштабах. Даже лишь один такой показатель, как увеличение абонентов СМДО с 2016 г. более чем на 10 000, говорит о масштабах проделанной работы.

Обновление последней версии 2. 1. 1 СМДО сделало существенный прорыв в продуктивности бизнес-процессов, включенных в межведомственное информационное взаимодействие, направленных, в том числе, и на развитие «электронного правительства» в Республике Беларусь. «Концептуальное трио» СМДО, ВСЭД и ЭЦП дает старт для новых идей и решений как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу. Развитие информационных платформ, систем, проектов в Республике Беларусь выходят на качественно новый уровень и имеют хорошие перспективы в будущем. В условиях современных реалий развития информационно-коммуникационных технологий необходимо уже принимать стратегически важные и прогрессивные решения, направленные на единое межведомственное информационное взаимодействие.

Республиканским органам государственного управления, в том числе и НЦЭУ, как оператора межведомственных информационных систем, необходимо двигаться в направлении развития не только СМДО, но и создания единой системы межведомственного электронного документооборота, единого межведомственного электронного архива (интегрированных ведомственных электронных архивов или облачные технологии), что существенно способствует развитию межведомственного информационного пространства в государственных органах Республики Беларусь.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах информатизации в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 06 апр. 1999 г., № 195 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 1/231;
2. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 08 нояб. 2011 г., № 515 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 1/13064;
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 04 апр. 2013 № 157 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 1/14175;
4. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 2/1552;
5. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 2/1665;

6. О Государственной программе информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь»: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2002 г., № 1819 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 5/11734;
7. Об утверждении Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 мар. 2011 г. № 384 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 5/33546;
8. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 мар. 2016 г. № 235 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – № 5/41866.

СТАСУНКІ ГУБЕРНАТАРАЎ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ З МІНІСТРАМ УНУТРАНЫХ СПРАЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў 1864– 1914 гг.

Я. М. Ляпешкін

*Установа “Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці”, вул. Казлова, 26, 220037, г. Мінск,
Беларусь, Lia. Yauhen@gmail. com*

У дакладзе разгледжаны службовыя зносіны губернатараў (віленскага, віцебскага, гродзенскага, магілёўскага і мінскага) з міністрам унутраных спраў у 1864–1914 гг. Вызначана, што яны праяўляліся праз механізм падбору і звальнення губернатара, ва ўзгадненні кадровай палітыкі ў губерні, пры стварэнні і прадстаўленні справаздачнай дакументацыі. Адзначана, што праз усе гэтыя накірункі ажыццяўляўся кантроль за дзейнасцю начальніка губерні. Паказана залежнасць начальніка губерні ад Міністэрства ўнутраных спраў пры атрыманні матэрыяльнай дапамогі і выхаду ў адпачынак. Зроблена выснова, што праз ініцыятывы губернатараў праяўлялася іх пэўная самастойнасць.

Ключавыя словы: губернатары; міністр унутраных спраў; беларускія губерні; службовыя зносіны.

ОТНОШЕНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ С МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1864–1914 гг.

Е. Н. Лепешкин

*Учреждение «Государственный архив Минской области»,
ул. Козлова, 26, 220037, г. Минск, Беларусь, Lia. Yauhen@gmail. com*

В докладе рассмотрены служебные отношения губернаторов (Виленского, Витебского, Гродненского, Могилевского и Минского) с министром внутренних дел в 1864–1914 гг. Определено, что они проявлялись через механизм подбора и увольнения губернатора, в согласовании кадровой политики в губернии, при создании и предоставлении отчетных документов. Отмечено, что посредством всех этих направлений осуществлялся контроль за деятельностью начальника губернии. Показана зависимость начальника губернии от Министерства внутренних дел при получении материальной помощи и уходе в отпуск. Сделан вывод, что через инициативы губернаторов проявлялась их определенная самостоятельность.

Ключевые слова: губернаторы; министр внутренних дел; белорусские губернии; служебные отношения.

RELATIONS BETWEEN THE GOVERNORS OF THE BELARUSIAN PROVINCES AND THE MINISTER OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1864–1914

Y. M. Liapeshkin

*Institution «State Archives of Minsk Region»,
26, Kozlova Street, Minsk, 220037, Belarus, Lia. Yauhen@gmail. com*

The report examines the official relations of the governors (Vilna, Vitebsk, Grodno, Mogilev and Minsk) with the Minister of Internal Affairs in 1864–1914. It is determined that they manifested themselves through the mechanism of selection and dismissal of the governor, in the coordination of personnel policy in the province, in the creation and submission of reporting documents. It was noted that the activities of the head of the province were controlled through all these areas. The dependence of the head of the province on the Ministry of Internal Affairs in receiving financial assistance and going on vacation is shown. It was concluded that through the initiatives of the governors, their certain independence was manifested.

Key words: governors; Minister of the Interior; Belarusian provinces; business communication.

У сучаснай гістарыяграфіі актуальным становіцца пытанне эфектыўнасці дзейнасці губернатараў на фоне ўзаемаадносін з цэнтральнымі і мясцовымі ўладамі [13, с. 160]. Таму варта разгледзіць зносіны губернатараў з вышэйшым начальствам.

Губернатары хоць і прызначаліся манархам, але іх кандыдатуры прадстаўляў міністр унутраных спраў [23, с. 61]. Губернатар кожны год павінен быў падаваць імператару справаздачу аб становішчы спраў у сваёй губерні і пасылаць копіі генерал-губернатару (пры наяўнасці гэтага ўзроўню ўлады) і міністру ўнутраных спраў [23, с. 152–153]. Напрыклад, віцебскі губернатар І. І. Чапялеўскі (1899–1904) 30 красавіка 1901 г. адправіў міністру ўнутраных спраў копію ў двух асобніках «усёпадданейшай» справаздачы аб стане Віцебскай губерні за 1900 г. [22, арк. 1].

Больш за тое, на падпарадкаванасць міністру ўказвае пастаянная падсправаздачнасць па ходу ўласнай службы начальніка губерні. Так, А. Ф. Гірс (1912–1915) пасля таго, як 12 снежня 1912 г. заняў пасаду мінскага губернатара, телеграмай паведаміў аб гэтым у С.-Пецяярбург міністру ўнутраных спраў: «даношу <...> што я з гэтай даты ўступіў у кіраванне <...> даверанай мне Мінскай губерняй» [16, арк. 13]. Адсюль вынікае, па-першае, што Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) атрымлівала інфармацыю аб становішчы спраў у краіне галоўным чынам праз начальнікаў губерняў [7, с. 167]. Па-другое, – губернатары былі залежнымі ад міністэрства, бо павінны былі паведамляць сюды амаль аб кожным сваім кроку.

Губернская штогадовая справаздача з’яўлялася, згодна расійскаму даследчыку А. С. Мінакову, механізмам узаемаадносін цэнтральнай і губернскай улады [12, с. 195]. Увогуле штогадовая справаздача сведчыла пра ўплыў МУС на дзейнасць губернатара. Гэты дакумент даваў ураду і манарху інфармацыю, на аснове якой атрымлівалася ўяўленне аб стане

мясцовай улады [13, с. 166]. Менавіта МУС праектавала фармуляры губернатарскай справаздачы ці ўводзіла ў іх змены сваімі распараджэннямі [12, с. 206, 211]. Такім чынам, з сярэдзіны XIX ст. МУС, кантралюючы ход спраў са штогадовай справаздачай, імкнулася канчаткова падпарадкаваць дзейнасць губернатара свайму ведамству [11, с. 14].

Разам з тым расійская даследчыца Н. П. Дзятлава паказвае на прыкладах, што, з аднаго боку, матэрыялы губернскіх справаздач выкарыстоўвалі міністэрствы пры распрацоўцы розных мерапрыемстваў, а з другога, – «нярэдка губернатары выступалі ініцыятарамі тых ці іншых урадавых мер» [5, с. 239]. І з гэтым нельга не пагадзіцца. Так, віцебскі губернатар князь В. М. Далгарукаў (1884–1894) у 1889 г. прадставіў міністру ўнутраных спраў праект зменаў Гарадавога палажэння 1870 г. для заходніх губерняў. Асноўныя прынцыпы гэтага праекта знайшлі адлюстраванне ў новым Гарадавым палажэнні 1892 г. [21, с. 37, 39]. Таму начальнікі губерняў былі не толькі выканаўцамі ўрадавага курсу, але сярод іх знаходзіліся прадстаўнікі, якія імкнуліся даносіць і свае погляды цэнтральным уладам.

Цікавае меркаванне было выказана гісторыкам С. В. Любічанкоўскім. Ён у выніку аналізу мемуараў губернатараў убачыў у «дыктаце і ўціску губернатарскай улады з боку МУС» [9, с. 400] недахоп губернатарскага кіравання. З такім поглядам варта пагадзіцца. Многія пытанні (прызначэнне на пасады службовых асоб, зацвярджэнне якіх залежала ад МУС [23, с. 69] і інш.) патрэбна было ўзгадняць з міністрам, што замаруджвала іх вырашэнне. Нават магчымасць губернатара атрымаць аўдыенцыю ў імператара к пачатку XX ст. магла адбыцца толькі пасля падачы прашэння праз Дэпартамент агульных спраў МУС. Да таго ж у начальніка губерні было ўсяго 5–6 хвілін [7, с. 165]. Тым не менш, сустрэчы адбываліся. Так, 4 лістапада 1899 г. на прыём да Мікалая II трапіў віленскі губернатар найсвятлейшы князь М. І. Грузінскі (1899–1901) [4, с. 501]. Звычайна ў дзённікавых запісах імператар, не згадваючы прозвішчаў, пералічваў толькі колькасць сустрэтых за дзень губернатараў [4, с. 509, 515, 517]. Фактычна, як справядліва адзначае Л. М. Лысенка, у пачатку 1900-х гг. аўдыенцыя ў манарха замянялася дакладам у міністра ўнутраных спраў [8, с. 122]. Такім чынам, апошняя магчымасць кіраўніка губерні абыйсці кантроль з боку міністра страчвалася.

У той жа час штогадовыя справаздачы губернатараў маглі паўплываць на ход падзей у губерні, паколькі яны праходзілі праз рукі

імператара. Манарх пакідаў на дакуменце свае адзнакі, якія абмяркоўвалі ў Камітэце міністраў. Такім чынам, губернатарскія прапановы маглі ўплываць на прыняцце дзяржаўных рашэнняў [7, с. 165].

Спасылаючыся на запісы міністра ўнутраных спраў В. К. фон Плеве, расійская даследчыца Л. Я. Лапцева, якая займалася пытаннямі мясцовага кіравання, адзначае, што «у пачатку XX стагоддзя губернатар павінен быў атрымаць ад абрээнна міністэрства нават для таго, каб дазволіць правядзенне дабрачынных латарэй, сходаў, лекцый, выстаў» [7, с. 164].

Такім чынам, не толькі губернатары знаходзіліся пад уплывам МУС, але і само міністэрства залежала ад той інфармацыі, якую ад іх атрымоўвала.

У паўнамоцтвы міністра ўнутраных спраў уваходзіла вылучэнне кандыдатаў на пасаду губернатара. Напрыклад, міністр унутраных спраў В. К. фон Плеве (1902–1904) вылучыў на пасаду гродзенскага губернатара П. А. Сталыпіна (1902–1903) [3, с. 113]. Тое ж тычыцца і ўлады генерал-губернатара. Так, па прадстаўленні віленскага генерал-губернатара М. М. Мураўёва (1863–1865) віленскім губернатарам быў прызначаны С. Ф. Панюцін (1863–1868) [10, с. 294].

Выданне вышэйшымі органамі ўлады дакументаў, якія тычыліся губернатараў, выклікала рэагаванне з боку МУС. Яно ў выніку распрацоўвала правілы, папраўкі да іх і накіроўвала губернатарам. Так, 24 лістапада 1905 г. імператарам была зацверджана меморыя Савета міністраў, якая дазваляла генерал-губернатарам, губернатарам і граданачальнікам у мясцовасцях, «неаб'яўленых ў выключным становішчы, выдаваць абавязковыя пастановы аб парадку захоўвання і продажу агнястрэльнай, акрамя паляўнічай, зброі». У сувязі з гэтай меморыяй МУС выпрацавала правілы аб карыстанні зброяй і 27 лістапада таго ж года накіравала іх губернскаму начальству ў якасці ўзору [18, арк. 113]. У далейшым карыстанне правіламі выклікала неабходнасць унясення ў іх зменаў і дапаўненняў. Таму 7 красавіка 1910 г. Дэпартамент паліцыі па загадзе міністра ўнутраных спраў адправіў у выглядзе ўзору губернатарам перапрацаваныя правілы аб карыстанні зброяй, зацверджаныя 22 сакавіка 1910 г. [18, арк. 113].

Пры вырашэнні пэўных пытанняў начальнікі губерняў звярталіся ў МУС. З цыркуляра Дэпартаменту выканаўчай паліцыі ад 5 сакавіка 1878 г. можна даведацца, што адзін з губернатараў звярнуўся ў МУС з пытаннем «ці маюць права ўваходзіць у непасрэдныя зносіны з губернатарамі консулы як рускія, так і замежныя». МУС у выніку зносінаў з

Міністэрствам замежных спраў даведлася, што Консульскі Статут 1858 г. не заключае ніякай забароны консулу зносіцца з іншымі ўладамі імперыі. «Па сіле абставінаў і на ўвазе скарачэння перапіскі, такія непасрэдныя зносіны даўно ўжо склаліся паміж консуламі і многімі губернатарамі ў асаблівасці заходніх, бліжэйшых да мяжы, губерняў, і Міністэрства замежных спраў не бачыць у гэтым ніякай нязручнасці», – адзначалася ў цыркуляры [14, арк. 39–39 зв.]. Таму права замежных консулаў зносіцца з губернатарам не ставілася пад сумнеў. Акрама таго, у цыркуляры прапаноўвалася, каб адказы на запыты або тлумачэнні, за выключэннем прынцыповых пытанняў, даваліся праз губернатараў, а пры простаі перадачы розных папер, позваў і т. п. звяртацца непасрэдна да павятовых спраўнікаў або ніжэйшых паліцэйскіх пунктаў [14, арк. 39–39 зв.].

Прызначэнні ўзнагародаў у губерні па ведамству МУС рабіла міністэрства праз губернатара (генерал-губернатара). У цыркуляры Дэпартаменту агульных спраў МУС ад 9 студзеня 1879 г. канфідэнцыйна паведамлялася мінскаму губернатара пра прызначэнне ў бягучым годзе сямі ўзнагарод для асоб, якія служылі ў Мінскай губерні па ведамстве МУС [14, арк. 63].

І іншыя кіраўнікі падраздзяленняў МУС адпраўлялі губернатарам распараджэнні міністра ўнутраных спраў, якія тычыліся іх кампетэнцыі. Так, начальнік Галоўнага ўпраўлення па справах друку Я. М. Феактыстаў 3 кастрычніка 1884 г. паведаміў цыркулярна губернатарам распараджэнне міністра ўнутраных спраў аб забароне рознічнага продажу на вуліцах, плошчах і іншых публічных месцах прыкладзеных у адпаведным спісе брашур. Усе яны былі выдадзены закрытым па імператарскім загадзе «Таварыствам заахвочвання духоўна-маральнага чытання» [14, арк. 267].

Прызначэнне губернатараў у якасці членаў дзяржаўных структур вызначаў міністр унутраных спраў. Так, мінскі губернатар А. Ф. Гірс у студзені 1913 г. быў прызначаны міністрам унутраных спраў пастаянным членам Міжведамаснай камісіі па пераглядзе ўрачэбна-санітарнага заканадаўства ў Расіі [17, арк. 47 зв.].

Для міністэрства губернскае начальства з'яўлялася важнай крыніцай персанальнай інфармацыі аб мясцовых кадрах. Напрыклад, у верасні 1864 г. дырэктар Медыцынскага дэпартаменту МУС звярнуўся да начальніка Магілёўскай губерні і прасіў «паведаміць дакументы лекара Шнэйдэра, прызначанага чэрыкаўскім павятовым лекарам» [19, арк. 64]. У 1913 г. міністр унутраных спраў замацаваў у выглядзе агульнага правіла, каб «губернатары пры жаданні выехаць з <...> даручаных ім губерняў або

абласцей у адпачынку або ў С.-Пецярбург, па справах службы, узбуджалі б азначаныя хадайнаіцтвы толькі пры ўмове наяўнасці на месцы віцэ-губернатараў» [20, арк. 67]. З чаго вынікае, што міністр клапаціўся пра тое, каб на месцах заставаліся чыноўнікі, якія б былі ў курсе спраў. У такіх выпадках кіраванне губерняй заставалася дзеючым. І сапраўды, у снежні 1913 г. міністр унутраных спраў М. А. Маклакоў (1912–1915) задаволіў хадайнаіцтва магілёўскага губернатара А. І. Пільца (1910–1916) аб яго паездцы па справах службы ў С.-Пецярбург. На гэты час ён перадаў кіраванне губерняй віцэ-губернатару У. А. Друцкому-Сакалінскаму [20, арк. 68–70].

Ад МУС залежала атрыманне губернам адпачынку і матэрыяльнай дапамогі. Напрыклад, захаваўся чарнавік ліста ад 29 мая 1913 г. магілёўскага губернатара А. І. Пільца да міністра ўнутраных спраў, у якім той прасіў дазволу на адпачынак для правядзення лячэння. Ён тлумачыў, што нягледзячы на патрабаванні лекараў, не мог узяць адпачынак ні ў 1911 г., ні ў 1912 г., бо «менавіта ў гэты час прыйшлося спачатку ўводзіць земскія ўстановы, а затым праводзіць выбары ў дзяржаўную Думу...» [20, арк. 43]. Таксама губернатар паведамляў аб неабходнасці значных грашовых выдаткаў на лячэнне. І таму прасіў дапамогі на гэта. Ён адзначаў, што на працягу 20 гадоў службы ніколі не атрымліваў матэрыяльнай дапамогі [20, арк. 43]. Просьба губернатара была пачута. 13 чэрвеня 1913 г. у яго канцылярыю прыйшоў адказ. Дырэктар Дэпартамента агульных спраў МУС апавяшчаў, што міністр дазволіў А. І. Пільцу адпачынак на 2 месяцы для лячэння, з пачатку ліпеня. Аб прызначэнні яму дапамогі адзначалася, што пра гэта паведамаць дадаткова [20, арк. 28].

З нагоды прызначэння мінскім губернам М. М. Трубяцкога (1886–1902) імператар Аляксандр III 1 красавіка 1886 г. распарадзіўся выдаць яму аднаразовую дапамогу на пад’ём і абзавядзенне 2 тыс. рублёў. Прычым адпаведнае распараджэнне МУС рабіла па Дэпартаменту агульных спраў, які паведаміў пра гэта 10 красавіка 1886 г. мінскаму губернатару [15, арк. 8–8 зв.].

У пачатку XX ст. міністр унутраных спраў прымаў губернатараў у спецыяльна адведзены адзін дзень у тыдні. «Кіраўнік Міністэрствам унутраных спраў [будзе] надалей прымаць сп. сп. губернатараў па аўторках, – паведаміў у студзені 1913 г. магілёўскаму губернатару А. І. Пільцу дырэктар канцылярыі МУС М. І. Зубоўскі, – за выключэннем тых выпадкаў крайняй неабходнасці, калі прыезд начальніка губерні

выклікаецца якой-небудзь справай асаблівай важнасці, якая не церпіць адкладу». Пры гэтым ён прасіў губернатара паведамляць яму загадзя пра дзень прыбыцця ў С.-Пецябург [20, арк. 2].

У курс бягучых спраў губернатара ўводзіў міністр унутраных спраў. Напрыклад, пры прызначэнні В. В. фон Валь віцебскім губернатарам міністры унутраных спраў Л. С. Макаў (1878–1880) і М. Т. Лорыс-Мелікаў (1880–1881) папярэдзвалі яго, што ён прымае губерню, дзе «большасць чыноўнікаў распушчаны да крайнасці» і дзе «хабарніцтва дасягнула вялікіх памераў». Хутка губернатар і сам упэўніўся ў падобным апісанні [1, арк. 9–9 зв.]. У выніку В. В. фон Валь пачаў звальняць тых, хто злоўжываў службовым становішчам [1, арк. 10 зв.]. Ён лічыў, што толькі пры падтрымцы і даверу з боку міністэрства ён зможа змагацца са злоўжываннямі з боку чыноўнікаў [1, арк. 14 зв.]. Таму В. В. фон Валь прыйшоў да высновы, што давер міністэрства мог бы выяўляцца ў прызначэнні і звальненні, а таксама ўзнагароджванні тых кандыдатаў пра якіх ён бы хадайнічаў [1, арк. 14 зв.].

«Такім чынам, у вачах сучаснікаў адказнасць за губернатарскія кадры неслі менавіта міністры ўнутраных спраў, а не імператары. Рэпутацыя таго ці іншага кіраўніка МУС шмат у чым залежала ад яго падыходаў да кадравага забеспячэння губернатарскага корпуса», – сцвярджае гісторык А. С. Мінакоў [12, с. 117]. З гэтым можна пагадзіцца.

Грамадзянская служба губернатараў праходзіла па МУС. Таму яны аплачваліся, заахвочваліся і прасоўваліся як чыноўнікі гэтага міністэрства. Нягледзячы на наяўнасць вышэйшага кіраўніцтва, праявы самастойнасці і ініцыятывы не забараняліся. У той жа час за самастойнасць, на думку Л. Я. Лапцевай, губернатары маглі атрымаць не падтрымку, а вымову [7, с. 167]. З 1864 г. губернатары, акрамя звычайных штогадовых, абавязваліся пасылаць у МУС яшчэ і штотыднёвыя справаздачы аб становішчы спраў у губерні. Справаздача ўтрымлівала дадатак з дадзенымі адносна стану прававодства ў губернскіх установах, размеркавання грошай, пажарнай аховы і змяшчальнага інфармацыю па іншых пытаннях [7, с. 167].

Для правядзення рэформаў 1860–1870-х гг. розныя міністэрствы пасылалі губернатарам анкеты, якія пасля запаўнення адсылаліся ў МУС. Інфармацыю збіралі служачыя губернскай адміністрацыі, адукацыйны ўзровень і працаздольнасць якіх была невысокай. Таму Л. Я. Лапцева лічыць, што «МУС ніколі ці амаль ніколі не мела адэкватнай інфармацыі аб становішчы спраў у краіне» [7, с. 168]. З гэтым меркаваннем цяжка пагадзіцца, бо акрамя дадзеных непасрэдна з губернскай адміністрацыі,

існавалі іншыя крыніцы інфармацыі (перыёдыка, звесткі жандарскіх упраўленняў [6, с. 210] і інш.). Успаміны міністра П. А. Валугева (1861–1868) паказваюць, што гэты саноўнік вельмі добра ўсведамляў агульны стан рэчаў у краіне ў цэлым і ў сістэме кіравання ў прыватнасці. Ён лічыў, што ўлада заняла абарончую пазіцыю, але «...час патрабуе новых форм, а мы жадаем утрымаць ранейшыя» [2, с. 140].

Адно з галоўных месцаў у сістэме кантролю за дзейнасцю губернатараў займалі імператар і МУС. Кантроль праяўляўся праз санкцыянаванне губернатарскіх рашэнняў міністэрствам, кантакты з міністрам, начальнікамі дэпартаменту ў выглядзе гутарак. І пасля кожнага візіту, на даклад губернатара, начальнікі дэпартаменту складалі запіску аб тым, якія меры могуць быць прынятыя [7, с. 170–171]. У дачыненні да губернатараў МУС магло ўжываць дысцыплінарныя меры ўздзеяння (вымова, заўвага, пазбаўленне ўзнагарод і інш.), хаця выкарыстоўвалі іх рэдка. Звальненне губернатараў было выключнай мерай, бо падрывала аўтарытэт губернатарскай улады і самога МУС. «Таму, – піша Л. Я. Лапцева, – не за ўсялякае правапарушэнне губернатараў каралі, на многае заплюшчвалі вочы» [7, с. 171–172].

Падсумоўваючы, можна сказаць, што стасункі начальнікаў губерняў з міністрам унутраных спраў праяўляліся ў наступных кірунках: прызначэнне і звальненне губернатара, кадравая палітыка ў губерні, справаздачная дакументацыя. Праз усе з іх ажыццяўляўся кантроль губернатарскай дзейнасці. Разам з тым праз ініцыятывы губернатараў праяўлялася іх пэўная самастойнасць. Акрамя таго МУС распрацоўвала правілы, папраўкі да дакументаў, якія выдаваліся вышэйшымі органамі ўлады і тычыліся губернатараў. Гэтае міністэрства прызначала ўзнагароды ў рамках свайго ведамства праз губернатара (генерал-губернатара). Міністр унутраных спраў прызначаў губернатараў у якасці членаў дзяржаўных камісій. Ад МУС залежала атрыманне начальнікам губерні матэрыяльнай дапамогі, выхад у адпачынак. Для прыёма міністрам губернатара прызначаўся пэўны час.

Бібліяграфічны спіс

1. Адзел рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. – Ф. 127. Валь Віктар Вільгельмавіч, фон. – Адз. зах. 9. Приложения к запискам по Витебской губернии. (Письмо ген. Ф. Ф. Трепова к В. В. Валу, из записок П. Ф. Кобеко – председателя Витебской судебной палаты, печатное обращение Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III от 10 марта 1881 г. и др. материалы). 1880–1884 гг.

2. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / П. А. Валуев; ред., введ., биогр. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 2: 1865–1876 гг. 588 с.
3. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): док.-биогр. очерки / Т. Ю. Афанасьева, Р. Ф. Горячева, В. В. Швед. Гродно: Гродн. тип., 2007. 166 с.
4. Дневники императора Николая II, 1894–1918: в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011–2013. Т. 1: 1894–1904. 2011. 1100 с.
5. Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения: материалы науч. конф. архивистов Ленинграда, 4–6 февр. 1964 г. / Акад. наук СССР [и др.]; редкол.: В. В. Бедин (отв. ред.) [и др.]. Л., 1964. С. 227–246.
6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
7. Лаптева Л. Е. Местное управление в пореформенной России, 1864–1905 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12. 00. 01. М., 2001. 375 л.
8. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). 2-е изд., испр. и доп. М.: Прометей, 2001. 358 с.
9. Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России: (на материалах Урала, 1892 – 1914 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07. 00. 02. СПб., 2008. 869 л.
10. Майков П. Панютин Степан Феодорович // Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Императ. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб., 1902. Т. 13. С. 293–296.
11. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 5–24.
12. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений: по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.; отв. ред. В. В. Шелохаев. Орел: Орлик: А. Воробьев, 2011. 487 с.
13. Минаков А. С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 160–168.
14. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 295. Воп. 1. Спр. 2439. Указы Сената и циркуляры МВД и Собственной «е. и. в.» канцелярии. 13. 05. 1874–23. 11. 1876.
15. НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 4270. Дело о назначении минским губернатором князя Н. Н. Трубецкого и харьковским губернатором – А. И. Петрова. 01. 03. 1886 – 12. 01. 1887.
16. НГАБ. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8105. Дело о службе минского губернатора действительного статского советника А. Ф. Гирса. 26. 11. 1912 – 08. 08. 1915.
17. НГАБ. Ф. 299. Воп. 7. Спр. 1001. Дело о службе минского губернатора действительного статского советника А. Ф. Гирса. 03. 12. 1912 – 18. 12. 1918.
18. НГАБ. Ф. 1430. Воп. 2. Спр. 705. Дело об объявлении в положении усиленной охраны гор. Полоцка, Двинска, Речицы и др. 24. 03. 1905 – 23. 11. 1910.
19. НГАБ. Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 966. Дело об определении и увольнении чиновников канцелярий губернатора и др. учреждений и формулярные списки. 18. 08. 1864 – 14. 03. 1865.

20. НГАБ. Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 2086. Предписания могилевского губернатора вице-губернатору с указанием замещения его на случай выезда губернатора или ухода в отпуск. 23. 01. 1913 – 21. 12. 1913.

21. Подорожня Е. А. Проект витебского губернатора В. М. Долгорукова по реформированию городского самоуправления // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. работ / Белорус. гос. пед. ун-т; редкол.: В. В. Бущик (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011. С. 35–40.

22. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 1282. Воп. 3. Спр. 456. Отчет о состоянии Витебской губ. за 1900 г.

23. Свод законов Российской империи: изд. 1857 г.: [в 16 т.]. СПб.: Тип. II-го Отделения Собствен. Его Имп. Величества канцелярии, 1857. Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. – 1263, 198, IV с.

СУПРАЦЬСТАЯННЕ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬГА КАМІТЭТУ І БЕЛАРУСКАЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ГРАМАДЫ Ё ПЫТАННІ ФАРМІРАВАННЯ БЕЛАРУСКАГА ВОЙСКА

А. І. Лізуноў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
lizunov_97@list.ru*

У артыкуле разглядаюцца падзеі супрацьстаяння Беларускай Сацыялістычнай Грамады і Беларускага нацыянальнага камітэту ё перыяд лютага 1917 – студзеня 1918 гг. адносна пытання канцэпцыі фармавання беларускіх узброенных фармаванняў.

Ключавыя словы: Беларуская Сацыялістычная Грамада, Беларускі нацыянальны камітэт, канцэпцыя, Беларуская Вайсковая Арганізацыя.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА И БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГРОМАДЫ ПО ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ АРМИИ

А. И. Лизунов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь,
lizunov_97@list.ru*

В статье рассматриваются события противостояния Белорусской Социалистической Громады и Белорусского национального комитета в период февраля 1917 – января 1918 гг. относительно вопроса концепции формирования белорусских вооружённых формирований.

Ключевые слова: Белорусская Социалистическая Громада; Белорусский национальный комитет; концепция; Белорусская Военная Организация.

CONFRONTATION BETWEEN BELARUSIAN NATIONAL COMMITTEE AND BELARUSIAN SOCIALIST ASSEMBLY ON THE CREATION OF BELARUSIAN ARMY

A. I. Lizunov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
lizunov_97@list.ru*

The article examines the events of the confrontation between Belarusian Socialist Assembly and Belarusian National Committee in the period February 1917 – January 1918, regarding the issue of the concept of creating Belarusian military formation.

Key words: Belarusian Socialist Assembly; Belarusian National Committee; conception; Belarusian Military Organization

Падзеі Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыяй 1917 г. падзялілі далейшы ход гістарычных падзей, пакінуўшы

ў мінулым «новы час» і даўшы пачатак «навейшаму часу». 1917–1918 гг. сталі для беларускага грамадства тым перыядам, калі яно зведала ўвесь спектр разнастайнасці канфліктаў – гвалтоўных і мірных, унутрыгрупавых, міжгрупавых, міжнародных, эканамічных, культурных і палітычных. Сярод іх варта вылучыць і канфлікт унутры беларускага нацыянальнага руху – паміж Беларускай нацыянальным камітэтам (БНК) і Беларускай сацыялістычнай грамадой (БСГ).

Беларускі нацыянальны камітэт быў аформлены 27 сакавіка 1917 г. як грамадска-палітычная арганізацыя з правым ухілам. Ён фінансаваўся буйнымі беларускімі землеўладальнікамі, сярод якіх былі Э. Вайніловіч, князь С. Радзівіл, князь Г. Друцкі-Любецкі і іншыя. Дастаткова хутка БНК пачаў разрастацца за кошт афіяцыі ў яго склад прадстаўнікоў разнастайных мясцовых арганізацый. Гэта выклікала рэарганізацыю Беларускага нацыянальнага камітэта ў палітычную сілу з усімі неабходнымі рэгаліямі. Камітэт падтрымалі разнастайныя культурна-асветніцкія і палітычныя арганізацыі розных кірункаў [1, с. 4].

Як процівага Беларускаму нацыянальнаму камітэту дзейнічала Беларуска-сацыялістычная грамада, якая аб'ядноўвала ў сваіх шэрагах прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху пераважна сацыялістычнага кірунку. Але варта заўважыць, што БСГ пасля аднаўлення сваёй дзейнасці 24 сакавіка 1917 г. стала паступова распадацца на шэраг іншых партый і рухаў з процілеглымі палітычнымі поглядамі. Тым не менш, нават у такіх умовах БСГ уяўляла сабой для БНК аднаго з асноўных канкурэнтаў па шэрагу пытанняў, у тым ліку і па пытанні стварэння беларускага войска.

У супрацьстаянні па гэтым пытанні кожны з бакоў меў свае меркаванні. Беларускай нацыянальным камітэтам прадугледжвалася беларусізацыя вайсковых фарміраванняў, якія павінны былі складацца пераважна з беларусаў. Пры гэтым, варта заўважыць, што на фоне тых нацыянальных зменаў, якія адбываліся ў былой Расійскай імператарскай арміі цэнтралізавана (украінізацыя), то беларусізацыя пэўных частак праходзіла стыхійна. Беларускія вайскоўцы без дазволу зверху самі арганізавалі нацыянальныя арганізацыі непасрэдна ў войску. Аб гэтым сведчыць узнікненне 15 мая 1917 г. Беларускай вайсковай арганізацыі (БВА) афіяванай з БНК, Часовага Выканаўчага камітэта беларускіх-вайскоўцаў пры 12-й арміі. Сам праект беларускага войска паралельна з БВА распрацоўвала Арганізацыя беларусаў-аўтанамістаў. Ён

прадугледжваў стварэнне беларускіх частак у складзе Расійскай арміі [3, с. 38].

Беларуская сацыялістычная грамада займала супрацьлеглую пазіцыю па дадзеным пытанні – ідэя стварэння беларускага войска ў перыяд вясны–лета 1917 г. увогуле адмаўлялася. БСГ аргументавала гэта тым, што з’яўленне асобных нацыянальных вайсковых фарміраванняў унясе разлад у адносіны паміж беларускім рухам і Часовым урадам, а таксама можа справакаваць яго на рэпрэсіўныя дзеянні. Выйсце з усіх спрэчных пытанняў Беларуская сацыялістычная грамада бачыла ў шчыльнай супрацы з Часовым урадам і агульнарасійскімі партыямі [1, с. 10].

Сутыкненне паміж БНК і БСГ адбылося 8 ліпеня 1917 г. на з’ездзе беларускіх арганізацый. Пад шквалам крытыкі, якая ўключала ў сябе ігнараванне пытанняў з’езду, дэманстратыўны зыход са з’езду (Беларускі Народны Саюз), БНК быў распушчаны. Крытыку таксама зведала і БСГ. Як вынік, падчас з’езду была створана Цэнтральная рада беларускіх арганізацый і партый (ЦРБАП), якая была павінна аб’яднаць беларускі нацыянальны рух і нівеліраваць спрэчныя пытанні. У першы склад Выканкама Цэнтральнай рады былі ўключаны два прадстаўнікі правага кірунку (А. І. Лявіцкі і А. А. Смоліч), астатнія тры – былі сябрамі БСГ. На першым з’ездзе ЦРБАП у склад Выканкама былі ўведзены новыя прадстаўнікі левых сіл (эсэраў і БСГ), у выніку чаго кіруючы орган рады стаў сацыялістычным па сваім характары [2, с. 67]. У сувязі з гэтым дамінуючай пазіцыяй у пытанні стварэння беларускіх вайсковых фарміраванняў стала грамадоўская. Гэта пацвярджае той факт, што на жнівеньскім з’ездзе ЦРБАП было вырашана, што любыя спробы стварэння беларускіх вайсковых фарміраванняў з’яўляюцца шкоднымі і непатрэбнымі. Тыя арганізацыі, якія ўжо існуюць і спрабуюць праводзіць дзейнасць падобнага кшталту, павінны яе спыніць і абмежавацца выключна культурна-асветніцкай дзейнасцю ў асяроддзі беларусаў-вайскоўцаў [4, с. 138].

Але гэта не спыніла стыхійнай дзейнасці беларускіх вайскоўцаў, якія арыентаваліся да гэтага на БНК. Так, 20 ліпеня 1917 г. быў створаны Часовы выканаўчы камітэт беларусаў-вайскоўцаў 12-й Арміі, а на Балтыйскім флоце – Арганізацыя беларусаў матросаў балтыйскага флоту на чале з В. Л. Мухай, да якой у хуткім часе далучыўся генерал-маёр К. А. Аляксееўскі. На Заходнім і Паўднёва-Заходніх франтах дзейнічалі шэраг беларускіх вайсковых арганізацый. Пры гэтым, некаторыя з іх дзейнічалі ў

паўлегальных умовах, бо летам 1917 г. Часовы ўрад забараніў праводзіць з'езды вайскоўцаў і стварэнне новых арганізацый [5, с. 50].

Такім чынам, намінальна ў супрацьстаянні ўнутры беларускага нацыянальнага руху па пытанні беларускіх вайсковых фарміраванняў у міжрэвалюцыйны перыяд перамога была на баку БСГ. Але гэта не магло спыніць стихійнай працы беларускіх афіцэраў у расійскім войску па згуртаванню беларускіх вайскоўцаў, якія маглі стаць падмуркам да стварэння беларускага войска.

Варта адзначыць, што адзначаная пазіцыя ЦРБАІП не была статычнай – сваю дынаміку яна набыла восенню 1917 г. На гэта паўплывала змена ў стаўленні Часовага ўраду па пытанні нацыянальных вайсковых фарміраванняў. Так, у адпаведнасці з канцэпцыяй генерала М. М. Духоніна да канца лістапада 1917 г. Расійская армія павінна была перафарміраванай па нацыянальна-тэрытарыяльнай прыкмеце, каб у павысіць маральны стан у войску. З гэтай мэтай М. М. Духонін дазволіў правядзенне 18–21 кастрычніка 1917 г. з'езда беларусаў-вайскоўцаў Заходняга фронту [5, с. 58], на якім была створана Цэнтральная беларуская вайсковая рада (ЦБВР) на чале з С. А. Рак-Міхайлоўскім, якога потым замяніў генерал-лейтэнант К. А. Кандратовіч. У «Грамаце да беларускага народу» прадстаўнікі ЦБВР заклікалі да стварэння беларускіх вайсковых фарміраванняў [3, с. 44].

Адначасова з гэтым ЦРБАІП таксама выдала заклік да стварэння беларускіх вайсковых фарміраванняў. Але, варта адзначыць, што гэта была запозненая спроба ўзначаліць стихійны вайсковы рух, які на момант выдання закліку атрымаў сваю інстытуалізацыю. Менавіта дазвол стварэння вайсковых фармацый паказаў БСГ тое, што напэўна іх тактыка была правільнай, нягледзячы, што суседнія народы ўжо стварылі свае вайсковыя фармацыі, якія ў будучыні стануць падмуркам для вайсковых фарміраванняў новых дзяржаў (напрыклад, украінізаваныя часткі, якія пераўтварыліся ў Армію УНР, корпус Доўбар-Мусьніцкага). Тактыка чакання быццам бы прынесла афіцыйнасць беларускага войска, але ў той час, калі канцэпцыя БНК магла быць небяспечнай і шкоднай з-за негатыўнай рэакцыі ўлады [3, с. 42].

Праца па стварэнні беларускіх вайсковых фарміраванняў распачалася ў рэзервовых дружынах, якія фарміраваліся па тэрытарыяльнай прыкмеце, і канчатковай мэтай мела стварэнне Першага Беларускага пяхотнага палка. Але праца ў гэтым кірунку правалілася з-за Кастрычніцкай рэвалюцыі. Пасля таго, як пасаду Вярхоўнага Галоўнакамандуючага заняў М. В.

Крыленка, адбыўся з'езд беларускіх вайскоўцаў у Віцебску, які выказаўся за працяг працэсу стварэння беларускага войска. М. В. Крыленка згадзіўся з гэтым, а 24 лістапада 1917 г. нават быў атрыманы афіцыйны бальшавіцкі дазвол [5, с. 59]. Апошні меў свае акалічнасці. Нацыяналізаваць частку можна было толькі праз агульную згоду ўсіх вайскоўцаў часткі. У выніку, гэта сарвала беларусізацыю рэзервовых дружын, а неўзабаве пад ціскам партыі М. В. Крыленка скасаваў пагадненне з беларускімі вайскоўцамі. Як вынік, Першы Беларускі полк быў падначалены 289 палку і перакінуты на змаганне з Белым рухам на ўсход [3, с. 48]. Нягледзячы на забарону, стварэнне беларускіх вайсковых фарміраванняў не спынялася. У гэты час паўсталі Беларускі уланскі полк у Пскове, Адэскі батальён, Першы Смаленскі полк, Беларускі эскадрон пад кіраўніцтвам Р. Якубені. Аднак ужо да лютага 1918 г. ўсе беларускія вайсковыя фарміраванні, якія існавалі на падкантрольнай саветах тэрыторыі, былі ліквідаваны [5, с. 65–67].

Такім чынам, неабходна адзначыць, што ў супрацьстаянні паміж Беларускім нацыянальным камітэтам і Беларускай сацыялістычнай грамадой у пытанні стварэння беларускага войска перамаглі прадстаўнікі БСГ. Гэта адбылося па некалькіх прычынах. Кіруючая роля ў БНК была ў руках прадстаўнікоў правага кірунку беларускага нацыянальнага руху, а таксама прадстаўнікоў каталіцкага касцёлу і фінансавалася буйнымі землеўладальнікамі і магнацкімі коламі, што адштурхоўвала ад іх шмат прадстаўнікоў левага кірунку. Пераважная большасць прадстаўнікоў левых ідэй, нават пасля шэрагу расколаў у БСГ, працягвалі падтрымліваць іх канцэпцыю. Ці ўвогуле, выношвалі ідэю стварэння беларускай Чырвонай гвардыі як часткі агульнарасійскай Чырвонай гвардыі. Як прыклад прыхільнікі дадзенай канцэпцыі прыводзілі дзейнасць так званага Чырвонага казацтва ва Украіне. Падтрымка ідэй БНК у вайсковым асяроддзі была абмежавана з боку Часовага ўраду, пэўная частка якога не падтрымлівала саму ідэю беларусізацыі вайсковых частак, а таксама з-за супрацьдзеяння іншых нацыянальных фарміраванняў. Вядомы выпадкі актыўнай агітацыйнай дзейнасці з боку палякаў, якія перацягвалі беларусаў-вайскоўцаў у свае фарміраванні. Такім чынам, момант стварэння беларускіх вайсковых падраздзяленняў быў страчаны.

Менавіта на момант, калі БСГ была гатова ўзначаліць беларускі вайсковы рух, які праходзіў ужо стыхійна, гэтыя працэсы былі перакрэслены Кастрычніцкай рэвалюцыяй. Такім чынам, канцэпцыя БСГ, згодніцтва з Часовым ўрадам, таксама правалілася. У выніку

супрацьстаяння канцэпцыі як БСГ, так і БНК праваліліся. Нават тыя падраздзяленні, якія былі створаны, ліквідавала новая савецкая ўлада.

Бібліяграфічны спіс

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Ф. 500. Воп. 1. Спр. 398.
2. Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.). Мінск: БДУ, 1999. 128 с.
3. Латышонак А. Жаўнеры БНР. Беласток: Беларускае Гістарычнае Таварыства; Вільня, Інстытут беларусістыкі, 2009. 366 с.
4. Рудовіч С. С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск: Тэхналогія, 2001. 200 с.
5. Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 1995. 273 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ АРХИВИСТОВ И ДОКУМЕНТОВЕДОВ

О. Л. Липницкая¹⁾, Е. Э. Попова²⁾, Д. Н. Бузун³⁾

¹⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lipnitskayaOL@gmail.com*

²⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, potre@tut.by*

³⁾*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, buzun@bsu.by*

Проблема формирования цифровой культуры общества является комплексной, многоаспектной проблемой для всего мирового сообщества, которое уже сегодня существует в принципиально новой информационной среде обитания. В статье анализируется сформировавшаяся система архивоведческого и документоведческого образования в БГУ. Отмечается, что модель формирования цифровой культуры должна включать три взаимосвязанных компонента и базироваться на полном наборе компетенций.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая культура; модель цифровой культуры; компетенции.

FORMATION OF THE DIGITAL CULTURE OF FUTURE ARCHIVISTS AND RECORD MANAGER

O. Lipnitskaya^a, E. Popova^b, D. Buzun^c

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, lipnitskayaOL@gmail.com*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, potre@tut.by*

^c*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, buzun@bsu.by*

The problem of forming a digital culture of society is a complex, multifaceted problem for the entire world community, which already exists today in a fundamentally new information environment. The article analyzes the formed system of archival and documentary education at BSU. It is noted that the model for the formation of a digital culture should include three interrelated components and be based on a full set of competencies.

Key words: digitalization; digital culture; digital culture model; competencies.

Качественные изменения, связанные как с отдельными цифровыми преобразованиями, так и с принципиальными изменениями структуры экономики, организации, цифровых ресурсов и цифровых процессов, приводят к трансформации профессиональной деятельности,

существенным изменениям форм и инструментов коммуникации сотрудников.

В рамках реализации Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. предусмотрен комплекс мероприятий, направленных на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, по внедрению цифровых инноваций, комплексной цифровой трансформации процессов государственного управления, регионального, а также отраслевого развития.

Отмеченное выше приводит к необходимости внесения изменений в структуру и содержание подготовки кадров, в том числе по специальностям Документоведение (по направлениям) и Историко-архивоведение. Поэтому сформировавшаяся система архивоведческого и документоведческого образования [1], позволявшая в прежние годы обеспечивать республику профессионально подготовленными кадрами, требует адаптации к современным условиям, внесения изменений в программу по подготовке специалистов, чтобы они могли овладеть соответствующими компетенциями, необходимыми в цифровую эпоху.

В связи с этим актуальна позиция ведущего эксперта по управлению документацией компании «Электронные офисные системы» Н. А. Храмовской. Она ставит вопрос о целесообразности разделения «специалистов документационного обеспечения управления и архивистов», «историков-архивистов и ИТ-архивистов» и пишет, что «разделение на электронных и традиционных архивистов в настоящий момент возможно на короткий переходный период», связывая это с цифровизацией организаций [2].

На последних форумах архивистов обсуждаются вопросы формирования цифрового исторического наследия, создания электронных ресурсов, репрезентации исторических материалов в сети интернет, вопросы цифровой трансформации архивов, соответствующей подготовки архивистов как специалистов, обладающих необходимой квалификацией и четкими функциональными обязанностями. Есть и такие темы (пока еще непривычные для архивиста), как искусственный интеллект, наука о данных и открытые архивные данные.

Именно поэтому будущие архивисты и документоведы должны стать конкурентноспособными специалистами цифровой экономики. Соответственно, актуальной задачей подготовки специалистов становится не только изучение ими возможностей цифровых технологий (ЦТ), но и формирование цифровой культуры. И архивисты, и документоведы

должны понимать значимость цифровой культуры «...для анализа данных и применения цифровых технологий с тем, чтобы выйти за рамки постепенных улучшений и добиться трансформационных изменений в целях повышения эффективности и конкурентоспособности предприятия» [3]. Цифровая культура рассматривается авторами как основа профессиональной деятельности.

Согласно стандарту СТБ 2583-2020 «цифровая культура – понимание современных информационных (цифровых) технологий, их функциональных возможностей, а также возможность грамотно использовать их в работе или быту» [4]. Однако приведенная трактовка не в полной мере отражает сущность понятия «цифровая культура».

За годы преподавания дисциплин, связанных с информационными технологиями (ИТ), сотрудниками кафедры источниковедения исторического факультета БГУ сложилась структура учебных дисциплин, были найдены оптимальные варианты содержания предметной информатики, ориентированные на конкретные специальности и специализацию [1]. Изменение условий деятельности, утверждение новых учебных планов в 2021 г. поставили перед сотрудниками кафедры задачу построения модели формирования цифровой культуры архивистов и документоведов в процессе обучения.

В организациях накапливается различная по форме представления, виду и по объему информация. Часть этой информации теряется, часть накапливается в виде цифрового актива. Для управления информацией организации внедряют корпоративные системы, используют облачные сервисы и иные программные решения, совершенствуя тем самым свою ИТ-архитектуру. Все это требует от специалиста как овладения цифровыми знаниями и навыками, так и соответствующего ценностного отношения к их использованию. Необходимо обучать будущих специалистов не просто навыкам работы в цифровой среде, но и формировать цифровые компетенции, а, следовательно, цифровую культуру.

Основываясь на работах [5, 6, 7, 8], были определены три взаимосвязанных компонента модели формирования цифровой культуры:

- когнитивный (знания и умения, приобретаемые в процессе обучения);
- эмоционально-ценностный (установки, оценки, отношения; формирование условий для социализации);

– поведенческий (реальное или возможное поведение в процессе обучения).

Обозначенные компоненты формируются путем:

– обучения/изучения дисциплин учебного плана (дисциплины, напрямую связанные с ЦТ; остальные дисциплины);

– передачи/приобретения опыта применения цифровых технологий (педагогический инструментарий; проведение научных исследований; прохождение практики и т. п.).

Все учебные дисциплины вносят свой вклад в формирование цифровой культуры, однако решающую роль играют дисциплины, напрямую связанные с цифровыми технологиями. В новый учебный план по специальности Документоведение (по направлениям), направление специальности Документоведение (информационное обеспечение управления) включены дисциплины шести модулей: цифровая культура (Цифровые технологии в профессиональной деятельности документоведа, Информационные системы, Автоматизация управления документами). Данный блок дисциплин считается базовым.

Современные технологии в управлении документами (Информационные технологии в управлении документами, Технологии баз данных в управленческой деятельности/Методика создания электронной публикации документа, Методика определения качества систем электронного документооборота/Методика оценки систем архивного хранения электронных документов, Организация работы архива электронных документов/Обеспечение сохранности электронных документов). Управление персоналом (Автоматизация управления персоналом). Специальные системы документации и документирования (Система автоматизации делопроизводства и документооборота Дело, Система межведомственного электронного документооборота). Анализ и совершенствование информационного обеспечения (Информационная безопасность и защита информации, Информационное обеспечение управления, Технологии электронного правительства).

Специализация «Информационное обеспечение деятельности организации» (Статистические методы анализа и обработки управленческой информации, Моделирование процессов работы с документами).

По сравнению с учебным планом 2013 г. объем часов перечисленных дисциплин практически не изменился (рис. 1).

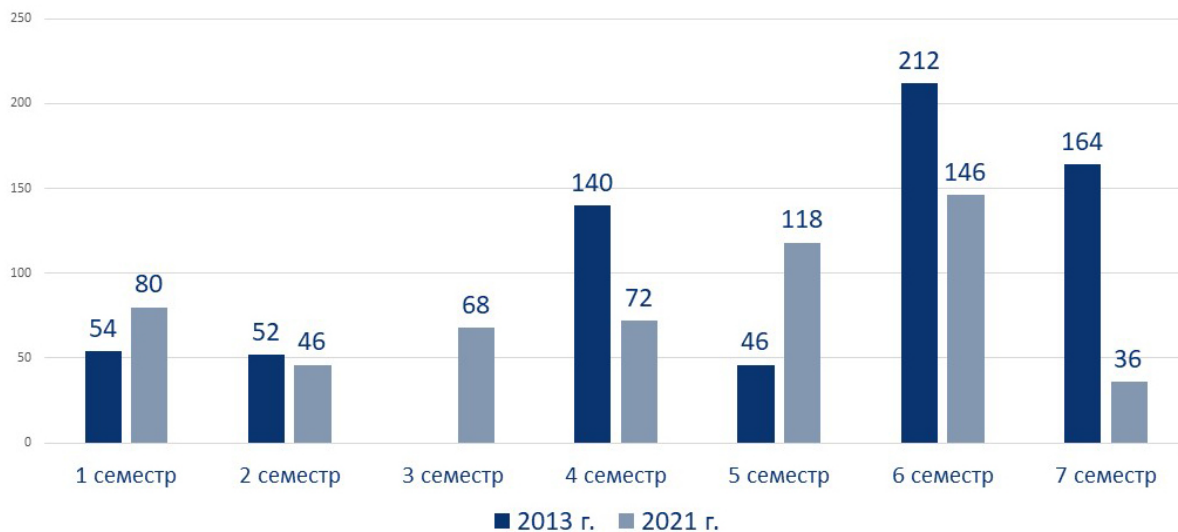

Рис. 1 Количество аудиторных часов согласно учебным планам 2013 г. и 2021 г. по специальности Документоведение (по направлениям).

Появились новые учебные дисциплины (Цифровые технологии в профессиональной деятельности документоведа – ранее Информационные технологии, Система межведомственного электронного документооборота, Методика оценки систем архивного хранения электронных документов, Организация работы архива электронных документов, Обеспечение сохранности технотронных документов). Было упорядочено изучение дисциплин Информационные системы и Автоматизация управления документами (ранее они преподавались параллельно, что не соответствовало логике подготовки). В результате распределение дисциплин по семестрам и логика следования стали более сбалансированными (рис. 2).

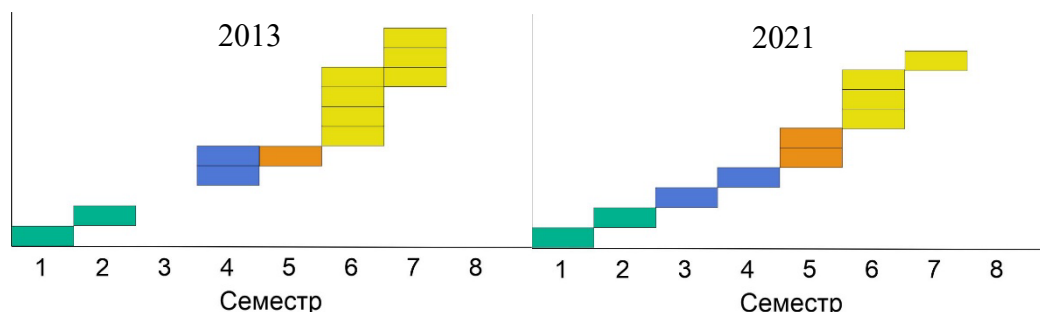

Рис. 2 Распределение дисциплин по семестрам согласно учебным планам 2013 г. и 2021 г. по специальности Документоведение (по направлениям).

В новом учебном плане по специальности Историко-архивоведение четыре модуля:

Технотронные архивы (Электронное документирование и архивы).

Архивы организаций (Автоматизированные информационные системы архива).

Организация исторического исследования (Цифровые технологии в профессиональной сфере).

Специализация «Архивная информатика» (Историческая информатика, Методика информационного анализа текстовых и аудиовизуальных источников, Методика анализа массовых источников, Медиакоммуникации в профессиональной деятельности архивиста, Теория и практика электронной публикации документа, Информационные ресурсы архивных учреждений Беларуси и зарубежья, Автоматизированные информационные системы архивов зарубежья).

По сравнению с учебным планом 2013 г. объем часов значительно сократился. Не будут преподаваться всем студентам специальности дисциплины Архивная информатика и Историческая информатика. Электронное документирование и архивы, а также Цифровые технологии в профессиональной сфере введены взамен Технотронного документирования и архивов и Информационных технологий соответственно. Автоматизированные информационные системы архива частично заменяют Архивную информатику (рис. 3, рис. 4).

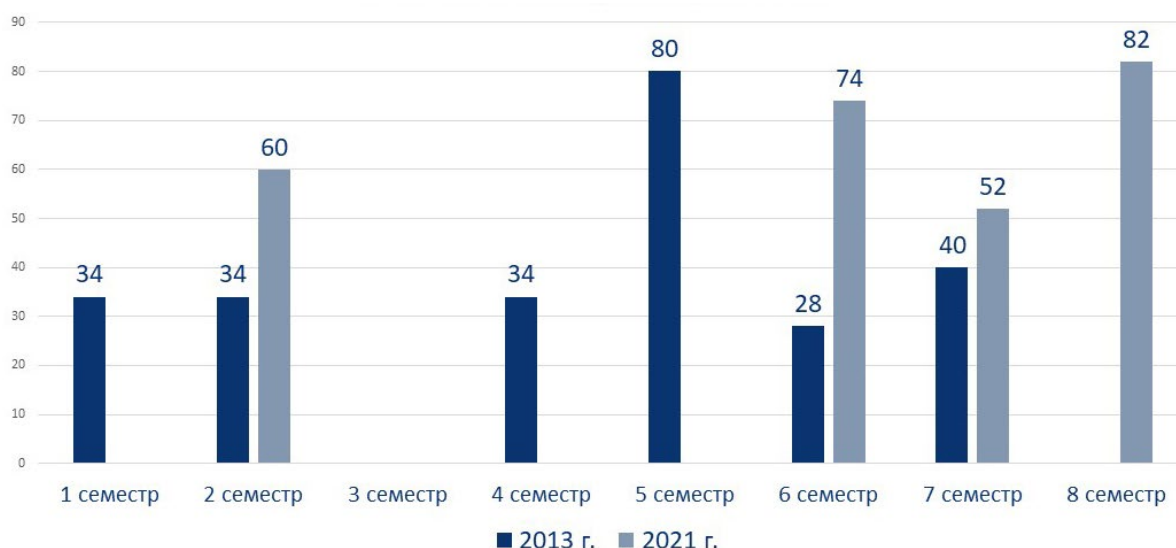

Рис. 3 Количество аудиторных часов согласно учебным планам 2013 г. и 2021 г. по специальности Историко-архивоведение.

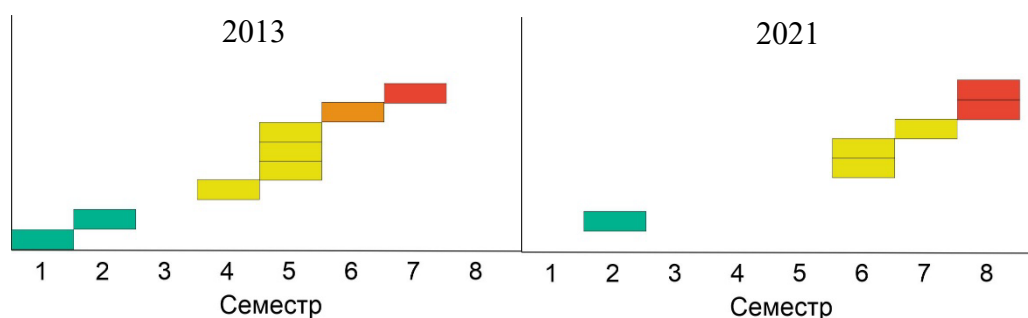

Рис. 4 Распределение дисциплин по семестрам согласно учебным планам 2013 г. и 2021 г. по специальности Историко-архивоведение.

Кроме неравномерного распределения часов по семестрам, значительно усложнится согласование содержания дисциплин. В рамках преподавания дисциплины Цифровые технологии в профессиональной сфере необходимо дать знания, которые пригодятся для изучения дисциплин Автоматизированные информационные системы архива и Электронное документирование и архивы, которые студенты будут изучать через три семестра. При этом содержание дисциплины Цифровые технологии в профессиональной сфере не должно дублировать содержание дисциплин, предусмотренных по плану специализации «Архивная информатика».

В рамках специализации «Архивная информатика» распределение часов и дисциплин по семестрам видится более логичным (рис. 5, рис. 6).

Рис. 5 Количество аудиторных часов согласно учебным планам 2013 г. и 2021 г. по специализации «Архивная информатика».

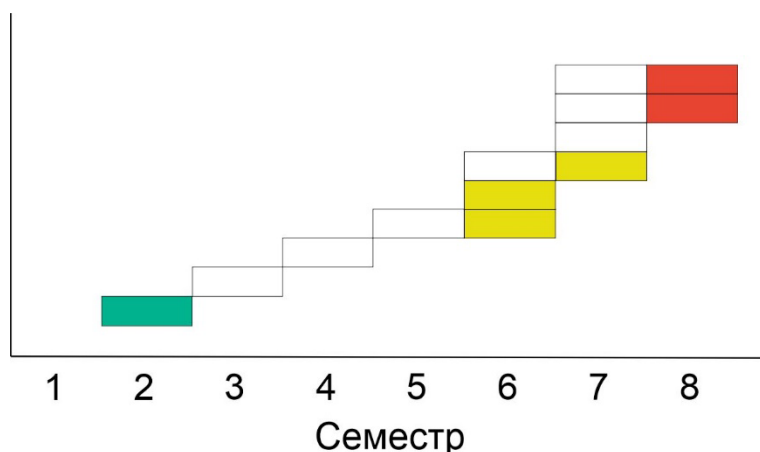

Рис. 6 Распределение дисциплин по семестрам согласно учебному плану 2021 г. по специализации «Архивная информатика».

Но, следует учитывать, что подготовку в рамках специализации будут проходить не все студенты специальности Историко-архивоведение.

Модель формирования цифровой культуры должна базироваться на полном наборе компетенций и их характеристик, формируемых в соответствии с видом будущей профессиональной деятельности. И такой набор компетенций должен быть обозначен для каждой темы каждой учебной дисциплины (речь идет о дисциплинах, напрямую связанных с ЦТ).

Модель должна включать три блока компетенций:

Базовые цифровые компетенции – необходимый уровень знаний и навыков использования ЦТ в повседневной и будущей профессиональной деятельности (базовые ЦТ). Формируются при изучении таких дисциплин как Цифровые технологии в профессионально деятельности документоведа и Цифровые технологии в профессиональной сфере, изучаемых на 1 курсе.

Специальные компетенции – компетенции, связанные с функциональным использованием методов и инструментов управления процессами, проектами, ИТ-системами, методов информационной безопасности, решением профессиональных задач в цифровой среде, с проведение исследований (специальные ЦТ). Формируются на основе базовых при изучении дисциплин специализации, дисциплин по выбору студента, а также остальных дисциплин, не относящихся к п. 1.

Личностные компетенции – компетенции, отражающие особенности развития личности, которые позволяют обучаемым успешно участвовать в

реализации стратегии цифровой трансформации и проектах цифрового развития. Формируются и развиваются на протяжении обучения. Во многом влияют на эмоционально-ценностный компонент культуры, социализацию будущего специалиста в условиях цифровой экономики.

Используя метод SWOT анализа, позволяющего оценить текущую и будущую конкурентоспособность выпускников на рынке труда, необходимо отметить.

Сильные стороны: Большой опыт преподавания. История развития архивного образования в стенах исторического факультета начинается с 1992 г., специальность Документоведение (по направлениям) была введена с 2001 г.

Слабые стороны: Аппаратное и программное обеспечение. Неравномерность подготовки студентов-архивистов по учебным дисциплинам, напрямую связанных с ЦТ.

Угрозы: Несогласованное определение содержания дисциплин. Отсутствие логики следования дисциплин, последовательного и непрерывного наращивания знаний и умений студентов.

Возможности: При корректировке содержания обучения факультет сможет выпускать конкурентоспособных специалистов цифровой экономики, соединяющих гуманитарные знания и цифровые методы и занимающих востребованные позиции на современном рынке труда. Выравнивание подготовки архивистов в сфере ЦТ.

Возможным решением проблемы формирования цифровой культуры студентов-архивистов станет:

Согласование содержания учебных программ по читаемым дисциплинам (дополнение вопросами, связанными с цифровизацией архивов), включением в Социально-гуманитарный модуль 2 дисциплин по выбору студентов (дисциплины в модуле не обозначены), факультативных дисциплин. Это необходимо сделать, так как, например, изучение дисциплины Автоматизированные информационные системы архив в 8-ом семестре требует изучения основ теории баз данных и информационных систем; дисциплина Веб-архивы и архивы социальных медиа (в части веб-архивы) – языка XML, как основы для создания электронной публикации документа.

Обеспечение непрерывности в преподавании дисциплин.

Обсуждение вопросов, связанных с цифровизацией, в рамках постоянно действующего семинара студентов и преподавателей. Аналогичный положительный опыт существует в России [9, 10].

Необходимо создать такую экосистему (взаимодействие профессорско-преподавательского состава по формированию цифровой культуры, содержание дисциплин, педагогический инструментарий, оснащённость факультета и т. д.), которая бы способствовала формированию цифровой культуры будущих специалистов.

Библиографический список

1. Липницкая О. Л., Попова Е. Э. Информационные технологии в подготовке историков-архивистов на историческом факультете БГУ: достижения и проблемы // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии: Материалы международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 433–441.
2. Храмовская Н. А. Осмысление судьбы профессии архивиста // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2021, № 8. URL: <https://delopress.ru/journals/documents/prava-i-obyazannosti/59368-osmyslenie-sudby-professii-arkhivista> (дата обращения: 06. 11. 2021).
3. Паньшин Б. Н. Факторы актуальности и понятие цифровой культуры // Тенденции экономического развития в XXI веке: Материалы II Международной научной конференции, Минск, 28 февраля 2020 г. Минск: БГУ. 2020. С. 574–578.
4. Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020. Минск: Госстандарт, 2021. 16 с.
5. Колин К. К. Информационная культура в информационном обществе // Открытое образование. 2006, № 6. С. 50–57.
6. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. 287 с.
7. Семенюк Э. П. Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ. Сер. 1. 1994, № 1. С. 1–8.
8. Шаухалова Р. А. Принципы формирования цифровой культуры студентов в университете // Pedagogical Journal. 2020, Vol. 10, Is. 1A. С. 436–442. DOI: 10.34670/AR. 2020. 1. 46. 167.
9. Бакалаврская программа История // Сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://perm.hse.ru/ba/hist> (дата обращения: 06. 11. 2021).
10. Центр социально-гуманитарной информатики // Сайт Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. URL: <http://ign.kantiana.ru/page2808925.html> (дата обращения: 06. 11. 2021).

ФАРМИРАВАННЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ КІРАВАННЯ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX ст.

Ю. І. Літвіноўская

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі, вул. П. Бровкі, 6, 220013, г. Мінск, Беларусь, litwinowski@yandex.by

Уключэнне беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі, моцнай дзяржавы з цэнтралізаванай вярхоўнай уладай, мела сур'ёзныя наступствы, некаторыя з іх – пазітыўнага характару. У крае адбылася пэўная палітычная стабілізацыя, прыпынілася феадальная анархія. На далучаныя тэрыторыі паступова распаўсюджвалася расійскае заканадаўства. Рознага роду ўрадавыя пастановы вызначалі парадак, функцыі і прынцыпы дзейнасці адміністрацыйна-судовага і сацыяльна-гаспадарчага кіравання. Жорсткаму адміністрацыйнаму кантролю падлягалі практычна ўсе бакі сялянскага жыцця. У барацьбе за кіруючыя пасады часам узніклі супярэчнасці паміж рускай адміністрацыяй і мясцовым дваранствам, што вяло да праявы яго незадаволенасці другараднай роляй у бюракратычным механізме царызму.

Ключавыя словы: дзяржава; улада; губернія; адміністрацыйны падзел; установа.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь, litwinowski@yandex.by

Включение белорусских земель в состав Российской империи, сильного государства с централизованной верховной властью, имело серьезные последствия, некоторые из них – позитивного характера. В крае произошла определенная политическая стабилизация, приостановилась феодальная анархия. На присоединенные территории постепенно распространялось российское законодательство. Различного рода правительственные постановления определяли порядок, функции и принципы деятельности административно-судебного и социально-хозяйственного управления. Жёсткому административному контролю подлежали практически все стороны крестьянской жизни. В борьбе за руководящие должности порой возникали противоречия между русской администрацией и местным дворянством, что вело к проявлению его недовольства второстепенной ролью в бюрократическом механизме царизма.

Ключевые слова: государство; власть; губерния; административное деление; учреждение.

FORMATION OF STATE GOVERNING BODIES ON BELARUSIAN LANDS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Y. I. Litvinouskaya

Belarusian state University of Informatics and Radioelectronics P. Brouki St., 6, 220013, Minsk, Belarus, litwinowski@yandex.by

The inclusion of the Belarusian lands into the Russian Empire, a strong state with centralized supreme power, had serious consequences, some of them of a positive nature. There was a certain political stabilization in the region, feudal anarchy was suspended. Russian legislation was gradually extended to the annexed territories. Various kinds of government resolutions determined the order, functions and principles of the administrative-judicial and socio-economic management. All aspects of peasant life were subject to strict administrative control. In the struggle for leadership positions, contradictions sometimes arose between the Russian administration and the local nobility, which led to the manifestation of his dissatisfaction with a secondary role in the bureaucratic mechanism of tsarism.

Key words: state; government; province; administrative division; institution.

У канцы XVIII ст. спыніла свае існаванне адна з самых буйных дзяржаў Еўропы – Рэч Паспалітая. У выніку яе трох падзелаў, зробленых больш моцнымі суседзямі, беларускія землі з насельніцтвам каля 3 мільёнаў чалавек апынуліся ў складзе Расійскай імперыі. Прыяднанне тэрыторыі Беларусі да Расіі, безумоўна, мела значныя наступствы ў эканамічным, палітычным і культурным жыцці беларускага народа. Паслабіўся рэлігійны і нацыянальны прыгнёт, прыпыніліся разбуральныя канфлікты паміж рознымі групамі буйных магнатаў, што ў сваю чаргу садзейнічала актывізацыі эканамічнага жыцця.

Царскі ўрад імкнуўся прыцягнуць на свой бок пануючае саслоўе новых зямель. Польская і апалячаная шляхта атрымалі тыя ж правы і прывілеі, што і расійскае дваранства. Іх статус вызначаўся «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г. Кацярыны II. У той жа час урад імкнуўся стварыць сабе апору ў выглядзе рускага землеўладання. Толькі Кацярына II і Павел I падаравалі расійскім саноўнікам больш за 200 тыс. рэвізскіх душ. Расійскім дваранам раздаваліся былыя дзяржаўныя ўладанні, канфіскаваныя маёнткі свецкіх і царкоўных уласнікаў, якія выступілі супраць новай улады і эмігрыравалі за мяжу. Вынікам такой палітыкі было рэзкае (амаль у 3 разы) скарачэнне колькасці дзяржаўных сялян на Беларусі [1, с. 112]. Пераход жа сялян у прыватную ўласнасць адмоўна адбіваўся на іх матэрыяльным стане.

Мяшчане беларускіх гарадоў пасля далучэння да Расіі пазбаўляліся часткі сваіх правоў і павінны былі плаціць падушныя падаткі, выконваць рэкруцкую і іншыя павіннасці. Большую частку гарадскога насельніцтва складалі рамеснікі – майстры, падмайстры і іх вучні, якія аб'ядноўваліся ў цэхі. Прывілеяванымі жыхарамі гарадоў былі фабрыканты і купцы першай і другой гільдыі [2, с. 144]. Магдэбургскае права на Беларусі скасоўвалася. На гарады, якія яго мелі, і мястэчкі, якія былі цэнтрамі

паветаў, былі пашыраны прынцыпы гарадскога кіравання для расійскіх гарадоў, паводле «Жалованной грамоты городам» 1785 г. [3, с. 154].

Сутнасць палітыкі царызму на Беларусі была прадваранская. Гэта вынікае з таго, што прадумовай прынясення прысягі мясцовай шляхтай на вернападданаць расійскім ўладам захоўвалася недатыкальнасць фактычна існуючага землеўладання. Царскі ўрад пайшоў і на пэўныя ўступкі мясцоваму дваранству-шляхце, аднавіўшы ў 1796 г. дзейнасць Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г., некія былыя назвы (паветы замест уездаў), пасады (павятовы маршал, падкормій, павятовы харунжый і інш.) і судовыя ўстановы, хаця і ўнёс нейкія змены. На тэрыторыі Беларусі нормы Статута захоўваліся да паўстання 1830 г. [4, с. 70, 76].

Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел на тэрыторыі Беларусі неаднаразова зменьваўся. Пасля далучэння ў 1772 г. паўночна-усходніх земляў Беларусі да Расіі былі створаны дзве новыя губерні – Пскоўская (пасля пераўтвораная ў Полацкую) і Магілёўская. У пастанове Сената ад 8 мая 1773 г. гаварылася: «... учредя с самого начала в присоединенных к Российской империи из польских земель двух новых губерний» [5, с. 37]. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі мяняўся некалькі разоў (толькі з 1793 г. па 1796 г. – 3 разы) пакуль у 1802 г. былі ўтвораны 5 губерняў з цэнтрамі ў Віцебску, Магілёве, Мінску, Гродне і Вільне. Гэты падзел існаваў аж да рэвалюцыі 1917 г.

Далучэнне тэрыторыі Беларусі да Расіі ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай спрыяла паслабленню рэлігійнага і ў некаторай ступені нацыянальнага прыгнёта, спыненню разбуральных узброеных канфліктаў паміж рознымі групамі буйных магнатаў і, у канчатковым выніку, садзейнічала эканамічнаму развіццю края.

У першыя гады пасля далучэння Беларусі царскі ўрад, улічваючы цяжкае эканамічнае становішча насельніцтва, быў вымушаны паменшыць падаткі або на некаторы час наогул адмяніць іх спаганне. Так, па ўказу Кацярыны II ад 13 снежня 1772 г. жыхары Пскоўскай і Магілёўскай губерняў былі вызвалены ад выплаты падаткаў на паўгода, а па яе ж указу ад 17 красавіка 1773 г. памер падаткаў, спаганяемых з насельніцтва гэтых двух губерняў, быў паменшаны. Жыхары тэрыторыі, якая адышла да Расіі па другім падзеле, поўнасьцю вызваліліся ад выплаты падаткаў на два гады [4, с. 69].

Палепшалася эканамічнае становішча краю. Павялічваўся памер пясяўных плошчаў: толькі ралля памешчыкаў да сярэдзіны XIX ст. вырасла ў параўнанні з 70–80-мі гг. XVIII ст. у сярэднім у 3–4 разы. Уздым

сельскай гаспадаркі спрыяў росту гандлю, купецтва, гарадоў. Царскі ўрад выкупляў гарады з прыватнага валодання феадалаў. Напрыклад, г. Рагачоў, м. Дрыса былі выкупленыя і ў 1777 г. пераўтвораны ў павятовыя гарады. У кожнай губерні Беларусі ў год адбывалася ад 50 да 70 кірмашоў [4, с. 69].

У губернях, як гэта і было прынята ў Расіі згодна з «Устаўленнем кіравання губерняў Усерасійскай імперыі» ад 1795 г. налічвалася 300–400 тыс. чалавек мужчынскага полу. У палітычных, а таксама адміністрацыйных мэтах (кіраваць вялікімі па памерах губернямі было нязручна) Аляксандр I у 1801 г., згодна з новым адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам, аб'яднаў новыя губерні ў два генерал-губернатарствы: Літоўскае (Віленская, Гродзенская і Мінская губерні) і Беларускае (Віцебская, Магілёўская і Смаленская губерні). У фіскальна-паліцэйскіх мэтах губерні былі падзелены на паветы па 20–30 тыс. чалавек падатковага (або рэвізскага) насельніцтва ў кожным [6, с. 602].

Галоўнай асобай у губернях быў генерал-губернатар, які лічыўся намеснікам цара і ўзначальваў мясцовую адміністрацыю падпарадкаваных яму тэрыторый. Ён быў надзелены неабмежаванымі паўнамоцтвамі. Яму падпарадкоўваліся вайсковыя і грамадзянскія губернатары, якія выступалі «блюстителіямі неприкосновенности верховных прав самодержавия ... и повсеместного точного исполнения законов, высочайших повелений, указов правительствующего Сената и предписаний начальства» [7, с. 161]. У абавязак губернатара, згодна палажэнню 1837 г., уваходзіў нагляд за зборам падаткаў і недапушчэнне нядоімак, здача водкупаў, заключэнне казённых падрадаў і паставак (ніжнімі і павятовымі земскімі судамі). Яны непасрэдна займаліся камплектаваннем і забеспячэннем войск, гарнізонаў, рэкруцкімі наборамі. Іх паліцэйскія функцыі зводзіліся да падтрымання «общественного порядка и спокойствия», недапушчэння ўзнікнення і дзейнасці «тайных и запрещённых обществ», выкаранення бадзяжніцтва, лоўлі дэзерціраў і беглых, садзейнічання сацыяльнай дабрачыннасці. У іх руках знаходзіўся нагляд за ходам следства па крымінальна-грамадзянскіх справах. Але канчатковае рашэнне па ўсіх пытаннях жыцця губерні прымаў генерал-губернатар, таму ўлада грамадзянскага губернатара была даволі абмежаванай. І генерал-губернатары, і грамадзянскія губернатары прызначаліся царом з ліку іх давераных асоб, вышэйшых саноўнікаў імперыі. Персанальны склад вышэйшай адміністрацыі кожнай губерні, канцылярыі генерал-губернатара складаўся з рускіх чыноўнікаў.

Варта адзначыць пры гэтым, што сярод генерал-губернатараў і грамадзянскіх губернатараў былі частыя персанальныя змены. Так, з 1776 па 1856 г. пасаду генерал-губернатара на Беларусі займаў 21 саноўнік. За першую палову XIX ст. па Віцебскай губерні змянілася 17 губернатараў, па Гродзенскай – 16, Мінскай – 15, Магілёўскай – 14 [8, с. 271–272]. Прычынай гэтай з’явы было вялізарнае распаўсюджванне карупцыі і пратэкциянізму сярод вышэйшых пасадовых асоб.

Дарадчым і выканаўчым органам у губерні было губернскае праўленне, якое складалася з «общего присутствия» і канцэлярыі. Але, як правіла, пасяджэнні «общего присутствия» мелі фармальны характар і ўсе найбольш важныя справы вырашаліся асабіста генерал-губернатарам або грамадзянскім губернатарам, праз губернскую канцылярыю. Канцылярскі штат складаўся з 379 асоб розных рангаў – ад віцэ-губернатара да вартаўніка. А для пасылак губернатар меў 132 чалавекі ваеннай каманды [9, с. 169]. У сваёй дзейнасці губернскія дзяржаўныя органы абавязваліся на дваранскія сходы і губернскага прадвадзіцеля дваранства, які на Беларусі называўся па ранейшаму – маршалкам.

Галоўным органам павятовай улады быў ніжні земскі суд, які адначасова выконваў і адміністрацыйна-паліцэйскія і судовыя функцыі. Яго ўзначальваў земскі спраўнік, які, у адрозненне ад паветаў цэнтральнай Расіі, не выбіраўся дваранамі, а прызначаўся Сенатам па прадстаўленню губернатара і са згоды міністра ўнутраных спраў. Земскі спраўнік прызначаўся з ліку мясцовых дваран. Прадстаўнікамі мясцовых дваран былі таксама два–тры засядацелі ніжняга земскага суда. Важнае месца сярод службовых асоб павета займаў павятовы прадвадзіцель дваранства – павятовы маршалак. Галоўнымі задачамі ніжняга земскага суда было падтрыманне грамадскага парадку і забеспячэнне сваечасовага выканання жыхарамі павета розных павіннасцей.

Кожны павет падзяляўся на 6 ключоў на чале з войтамі, абранымі «из людей средних лет, но честных и зажиточных» з асяроддзя землеўладальнікаў або іх эканомоў. Войтам падпарадкоўваліся сотнікі і дзесятнікі, якія выбіраліся сялянскім мірам «из добрых и незазорных» сялян. Сотнікі выбіраліся ад 100–200 двароў, дзесятнікі – ад 1–25. Названыя асобы прызначаліся паліцэйска-выканаўчай уладай на месцах. Галоўным абавязкам павятовай паліцыі быў дагляд па недапушчэнню самавольных перамяшчэнняў «воров, разбойников, пришельцев, бродяг». Дзеля гэтага ўводзілася пашпартная сістэма рэгістрацыі міграцыі насельніцтва. Пашпарты выдаваліся са згоды памешчыкаў у

правінцыяльных канцылярыях, а пазней – павятовымі земскімі судамі [8, с. 271].

У далейшым паліцэйска-бюракратычная рэгламентацыя сацыяльна-гаспадарчых адносін пашыралася і дэталізавалася. З 1837 г. для ўзмацнення адміністрацыйнага кантроля на месцах, для прадухілення народных хваляванняў паветы пачалі дзяліць на станы. У кожны стан губернатар прызначаў, часцей за ўсё з адстаўных афіцэраў, станавога прыстава. Ён падпарадкоўваўся земскаму спраўніку і выконваў паліцэйскія функцыі.

У 1837–1838 гг. ў губернях былі ўтвораны акругі, тэрыторыя якіх магла ахопліваць адзін або некалькі павеатаў. Яны ствараліся для нагляду за дзяржаўнымі сялянамі. На чале акругі стаяў акружны начальнік з двума памочнікамі. Акругі ў сваю чаргу дзяліліся на воласці. У воласці кожныя тры гады сяляне выбіралі валасное праўленне ў складзе валаснога галавы і двух засядацеляў.

Органы кіравання ў беларускіх гарадах ствараліся на падставе агульнарасійскага закона 1782 г. – «Устав благочиния». Згодна з гэтым законам, у кожным горадзе ствараліся «Управы благочиния», да якіх уваходзілі гараднічы, прыстаў крымінальных спраў, цывільных спраў і два ратманы. Гараднічы прызначаўся Сенатам па прадстаўленню генерал-губернатара або грамадзянскага губернатара. Вельмі часта гэта былі адстаўныя ваенныя чыны. Пасля далучэння да Расіі гарады Беларусі страцілі свой статус, які мелі паводле Магдэбургскага права, нягледзячы на тое, што іх саслоўныя выбарчыя органы (магістраты) захаваліся. Магістраты апынуліся пад моцным кантролем губернатараў і іх чыноўнікаў і былі пазбаўлены самастойнасці ў вырашэнні гарадскіх спраў.

Бібліяграфічны спіс

1. Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск: Наука и техника, 1982.
2. Вішнеўскі А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Минск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003.
3. Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юрист, 1998.
4. Кузнецов И. Н., Шелкопляс В. А. История государства и права Беларуси. Минск: Дикта, 1999.
5. Белоруссия в эпоху феодализма. В 4 т. Т. 3. Минск: Наука и техника, 1961.
6. ПСЗРИ. Т. XIX. СПб., 1830.
7. Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.
8. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. Минск: Беларусь, 1994.

9. Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права ў дакументах і матэрыялах. Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003.

ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ДАСЛЕДАВАННЯ МАНІФЕСТАЦЫЙНАГА ПЕРЫЯДУ 1861–1862 ГГ. У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Д. У. Лішай

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, lishaiy-d96@yandex.ru
Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, lishaiy-d96@yandex.ru*

Разглядаецца сучасны стан даследавання маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. Аналізуюцца дасягненні беларускай і замежнай гістарыяграфій. Акцэнтуюцца ўвага на актуальнасці заяўленай тэмы для сучаснай айчыннай гістарычнай навукі.

Ключавыя словы: сучасная беларуская гістарыяграфія; маніфестацыйны перыяд 1861–1862; тэрміналагічны аспект; перыядызацыя падзей; сацыяльна-колькасны склад; рэгіянальная спецыфіка.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАНИФЕСТАЦИОННОГО ПЕРИОДА 1861–1862 ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. В. Лишай

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lishaiy-d96@yandex.ru
Институт истории НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, lishaiy-d96@yandex.ru*

Рассматривается современное состояние исследования манифестационного периода 1861–1862 гг. Анализируются достижения белорусской и зарубежной историографий. Акцентируется внимание на актуальности заявленной темы для современной отечественной исторической науки.

Ключевые слова: современная белорусская историография; манифестационный период 1861–1862; терминологический аспект; периодизация событий; социально-количественный состав; региональная специфика.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE STUDY OF THE DEMONSTRATION PERIOD OF 1861–1862 IN CONTEMPORARY BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

D. V. Lishai

*Belarusian State University,
4, Niezaliežnasci Avenue, 220030, Minsk, Republic of Belarus, lishaiy-d96@yandex.ru
Institute of History of the NAS of Belarus,
1, Akademicheskay Street, 220072, Minsk, Republic of Belarus, lishaiy-d96@yandex.ru*

The article analyses the main issues of the demonstration period of 1861-1862 that have been examined by Belarusian and foreign scholars. The relevance of the subject to contemporary national historiography is highlighted. Potential for a comprehensive study of this scientific problem is identified.

Key words: contemporary Belarusian historiography; demonstration period 1861–1862; terminological issue; periodization of events; socio-quantitative composition; regional specificity.

Сучасная беларуская гістарыяграфія разглядае шэраг актуальных навуковых праблем. Адным з прыярытэтных напрамкаў вывучэння застаецца грамадска-палітычнае жыццё Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст. У межах гэтай тэмы актуальным прадметам даследавання з’яўляецца маніфестацыйны перыяд 1861–1862 гг. – час антыўрадавых хваляванняў сярод мясцовага насельніцтва на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай, які папярэднічаў узброенаму паўстанню 1863–1864 гг. За вялікі грамадскі рэзананс гісторык М. Дубецкі называў яго «маральнай рэвалюцыяй» [23, s. 2], а С. Кяневіч – «Лютаўскай рэвалюцыяй» [26, s. 8]. Значэнне згаданага перыяду пацвярджаецца фактамі яго ўключэння расійскімі ўладамі ў перыядызацыю паўстання 1863–1864 гг. Так, у фондзе 320 «Мінскі губернскі прадвадзіцель дваранства» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захоўваюцца справы № 129 і № 132, у якіх прыводзяцца «імёны ўдзельнікаў паўстання 1861–1863 гг.» [9–10]. Нягледзячы на прадстаўленыя ацэнкі, гэтая тэма яшчэ патрабуе комплекснага навуковага даследавання.

Першыя спробы асэнсавання антыўрадавага руху пачатку 60-х гг. XIX ст. у айчынай гістарыяграфіі былі зроблены яшчэ ў міжваенны час. Так, у працах У. М. Ігнатоўскага [5, с. 43–100], С. Г. Цытовіча [19, с. 388–412], якія прысвячаліся паўстанню 1863–1864 гг., разглядаліся такія аспекты тэмы, як агульная характарыстыка маніфестацый, сацыяльны склад удзельнікаў хваляванняў, формы пратэстных выступленняў.

Савецкая гістарычная навука паказвала маніфестацыйны перыяд 1861–1862 гг. на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў як падрыхтоўчы этап паўстання 1863–1864 гг. Аналіз і тэарэтычнае абгрунтаванне гэтай з’явы асвятлялася ў даследаваннях А. Ф. Смірнова [16, с. 53–73; 17, с. 460–480], М. В. Міско [8, с. 53–79].

У польскай гістарыяграфіі маніфестацыйнаму перыяду 1861–1862 гг. таксама надвалася належная ўвага. Адметна, што акрамя разгляду падзей гэтага этапу ў Царстве Польскім даследчыкі звярнуліся да працэсаў, што адбываліся ў беларуска-літоўскіх губернях. Так, касцельныя маніфестацыі, асабліва асаблівасці антыўрадавай агітацыі, асобныя аспекты дзейнасці тайных

паўстанцкіх арганізацый, адметнасці дваранскай апазіцыі адлюстроўвалі Д. Файнгаўз [24, s. 31–57], С. Ланец [29, s. 26–28; 30, s. 32–38; 31, s. 11–15; 32, s. 23–30].

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі да маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. звярталіся айчынныя гісторыкі В. С. Касмылёў [6, с. 51–53], А. Э. Сакольчык (Фірыновіч) [13, с. 227–229; 14, с. 46–51; 15, с. 301–321; 18, с. 184–187], В. В. Швед [20, с. 78–97; 21, с. 140–152], С. Я. Глазырын [2, с. 11–17; 3, с. 35–41], Д. Ч. Матвейчык [7, с. 8–18], А. Л. Радзюк [11, 110–139], В. В. Яноўская [22, с. 256–266], В. У. Герасімчык [1, с. 74–158].

Адным з галоўных пытанняў тэмы застаецца тэрміналагічны аспект. У сучаснай беларускай гістарыяграфіі ў дачыненні да грамадскіх хваляванняў 1861–1862 гг., якія папярэднічалі паўстанню 1863–1864 гг., выкарыстоўваюцца наступныя вызначэнні: «маніфестацыйны перыяд», «перыяд маніфестацый», «маніфестацыйны этап паўстання», «перадпаўстанцкі перыяд», «маніфестацыйны рух», «антыўрадавы рух», «рэвалюцыйная сітуацыя» [1, с. 74, 91; 2, с. 15–16; 3, с. 35; 7, с. 9–13; 14, с. 46; 15, с. 306; 20, с. 97; 22, с. 257]. У залежнасці ад таго, якімі крытэрыямі ацэнкі падзей карыстаюцца аўтары, ужываецца адзін з прадстаўленых вышэй варыянтаў.

Дастаткова важным пытаннем заяўленай тэмы застаецца перыядызацыя падзей. Беларускія даследчыкі А. Э. Сакольчык (Фірыновіч) [14, с. 46; 15, с. 301, 306; 18, с. 185–187], В. В. Швед [20, с. 97], С. Я. Глазырын [3, с. 35], А. Л. Радзюк [11, с. 110–114, 117–120] у сваіх публікацыях прытрымліваюцца храналагічных рамак 1861–1862 гг. Але некаторыя замежныя гісторыкі, напрыклад польскі аўтар С. Ланец, вылучаюць апошняю дату як асобны этап паўстанцкага руху – перыяд канспірацыйнай дзейнасці [29, s. 28–33; 30, s. 39; 31, s. 15; 32, s. 31–32]. Па ўспамінах аднаго з кіраўнікоў паўстання на беларуска-літоўскіх землях Я. Гейштара, перыяд з мая па снежань 1862 г. увогуле характарызаваўся як «зацішша перад бурай» [25, s. 162]. Але варта падкрэсліць, па-першае, што такая сітуацыя склалася ў сувязі з планами паўстанцкіх арганізацый аддаць перавагу падпольнай барацьбе, якая была накіравана на падрыхтоўку да ўзброенага выступлення 1863–1864 гг. Па-другое, крыніцы паказваюць, што на працягу 1862 гг. на тэрыторыях беларуска-літоўскіх губерняў працягвалі ладзіцца палітычныя маніфестацыі ў рымска-каталіцкіх касцёлах, актыўна распаўсюджваўся падпольны паўстанцкі друк [12, с. 472–473, 475, 477–478, 548–550, 591, 610–611].

Паўнавартаснае асвятленне маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. патрабуе звароту асаблівай увагі на сацыяльна-колькасны склад удзельнікаў хваляванняў. Менавіта гэта пытанне не было паўнавартасна раскрыта ў сучаснай гістарычнай навуцы. Так, спецыялісты адзначаюць, што інтэлігенцыя, дваранства, студэнты, гімназісты, чыноўнікі, рымска-каталіцкае святарства, рамеснікі сталі сацыяльнай базай пратэстаў [7, с. 10; 15, с. 302; 18, с. 185]. Гісторык А. Э. Сакольчык (Фірыновіч) падкрэслівае асаблівую ролю жанчын у выступленнях [15 302–309]. Падобная выснова прысутнічаюць і ў мемуарах сучаснікаў падзей В. Кошчыца [27, s. 195], С. Кавалеўскай [28, s. 91].

Што датычыцца колькаснага складу ўдзельнікаў пратэстаў, то сучасныя беларускія даследчыкі прыводзяць некаторыя лічбы. Паводле гісторыка С. Я. Глазырына, у 1861 г. у Віцебскай губерні колькасць удзельнікаў масавых маніфестацый вагалася ад 100 да 600 чалавек [3, с. 35]. З 12 чэрвеня па 25 лістапада 1861 г., як адзначае даследчык А. Л. Радзюк, у антыўрадавых здарэннях у Гродне было заўважана 610 асоб [11, с. 120–138]. Варта канстатаваць, што прыведзены толькі асобныя лічбы, якія не могуць цалкам адлюстраваць агульнай карціны колькаснага складу ўдзельнікаў маніфестацый 1861–1862 гг. Паказальны прыклад: па звестках, якімі валодаў расійскі чыноўніцкі апарат, у ліпені 1861 г. у масавых антыўрадавых маніфестацыях у ваколіцах Гродна ўдзельнічала каля 3000 чалавек [12, с. 445–446].

Сацыяльна-колькасны склад актывістаў антыўрадавых выступленняў пачатку 60-х гг. XIX ст. вывучаў савецкі даследчык В. М. Зайцаў [4, с. 98–194]. Але ў яго грунтоўнай працы ў большай ступені прыводзяцца даныя перыяду ўзброенай барацьбы 1863–1864 гг. Гісторык А. Ф. Смірноў падае звесткі, паводле якіх агульная колькасць пакараных за антыўрадавыя хваляванні 1861–1862 гг. на тэрыторыі Беларусі і Літвы складала каля 300 чалавек [16, с. 65]. Але і апошні падыход не прэтэндуе на абагульненне.

З гэтага вынікае, што вызначэнне агульнай колькасці ўдзельнікаў маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. мае пэўную спецыфіку з прычыны выбару метадыкі падлікаў. У афіцыйных дакументах і ўспамінах сучаснікаў пераважна адзначаецца сацыяльнае паходжанне маніфестантаў, а колькасныя паказчыкі падаваліся дастаткова агульна. Калі ўлічваць толькі актывістаў вулічных акцый пратэстаў, то такія статыстычныя даныя будуць утрымліваць значныя хібнасці, бо антыўрадавыя хваляванні мелі разнастайныя формы, а таму неабходна аналізаваць кожную асобную групу ўдзельнікаў. Для комплекснага даследавання пытання дарэчным

бачыцца выпрацоўка дакладных крытэрыяў падліку, а таксама прымяненне разнастайных матэматычна-статыстычных метадаў апрацоўкі вялікага масіву архіўных крыніц.

Перспектыўным для вывучэння з’яўляецца рэгіянальная спецыфіка беларускіх губерняў падчас грамадскіх хваляванняў 1861–1862 гг., якая, нягледзячы на значны ўплыў польскага руху, мела свае адметнасці. Так, даследчыца А. Э. Сакольчык (Фірыновіч), разглядаючы гісторыю аднаго з самых папулярных гімнаў маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. «Boża, coś Polskę» («Божа, які Польшчу...»), звяртае ўвагу на варыятыўнасць тэксту твора. Так, у беларуска-літоўскіх губернях існавала яго версія, у якой падкрэсліваўся значны ўнёсак мясцовых жыхароў у справу ўмацавання Рэчы Паспалітай. Больш за тое, гэты гімн быў надрукаваны беларускай лацінкай [14, с. 49; 13, с. 228]. Варта адзначыць, што выкананне рэлігійных песень і патрыятычных гімнаў, а таксама распаўсюджванне антыўрадавай літаратуры сталі даволі распаўсюджанымі формамі пратэстаў падчас маніфестацыйнага перыяду.

Таксама варта адзначыць наяўнасць выразнай рэгіянальнай адметнасці ў выкарыстанні патрыятычнай эмблематыкі, якая актыўна прымянялася прыхільнікамі антыўрадавага руху. Калі на землях былой Рэчы Паспалітай фіксавалася распаўсюджванне выяў Чанстахоўскай Маці Божай, то, паводле даследчыка В. С. Касмылёва, у беларуска-літоўскіх губернях было пашырана выкарыстанне выявы Вострабрамскай Маці Божай [6, с. 53]. Рэгіянальная спецыфіка беларускіх губерняў падчас маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. мае патэнцыял для далейшага вывучэння. Асабліва гэта датычыцца лакальных здарэнняў, якія адлюстраваны ў дакументах афіцыйнага справаводства і крыніцах прыватнага паходжання.

Такім чынам, аналіз праблемных пытанняў маніфестацыйнага перыяду 1861–1862 гг. паказаў яго актуальнасць для сучаснай беларускай гістарыяграфіі. У працах айчынных спецыялістаў адлюстраваны разнастайныя формы грамадскіх пратэстаў, сацыяльны склад удзельнікаў хваляванняў, прыведзены прыклады рэзанансных здарэнняў. Глыбокага даследавання патрабуе дзейнасць тайных паўстанцкіх арганізацый, колькасны склад удзельнікаў антыўрадавых акцый, рэгіянальная спецыфіка маніфестацый. Відавочна, што для вырашэння ўсіх праблемных момантаў, якія стаяць перад сучаснай айчынай гістарычнай навукай у рэчышчы заяўленай тэмы, неабходна арганізаваць правядзенне ґрунтоўнага вывучэння вялікага масіву архіўных дакументаў і крыніц

прыватнага паходжання. Перспектыўным бачыцца падрыхтоўка асобнай навуковай працы, у якой варта комплексна прааналізаваць маніфестацыйны перыяд 1861–1862 гг. на тэрыторыі беларускіх губерняў.

Бібліяграфічны спіс

1. Герасімчык В. У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Мінск: ТАА ЮрСаПрынт, 2018.
2. Глазырын С. Я. Паўстанне 1863 года ў Віцебскай і Магілёўскай губернях: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: Ін-т гісторыі НАН Беларусі. Мінск, 2017.
3. Глазырын С. Я. Рэвалюцыйная сітуацыя 1861–1862 гадоў у Віцебскай губерні // Вестн. Полоц. гос. ун-та. 2010. № 7. С. 35–41.
4. Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М.: Наука, 1973.
5. Ігнатоўскі У. М. 1863 год на Беларусі: нарыс падзей. Мінск: Беларус. Акад. навук., 1930.
6. Касмылёў В. С. Польская эмблематыка ў грамадска-палітычным руху на Беларусі ў пачатку 60-х гг. XIX ст. // Беларус. гіст. часоп. 1993. № 3. С. 51–53.
7. Матвейчык Д. Ч. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск: Медысонт, 2013.
8. Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 320. Воп. 3. Спр. 129.
10. НГАБ. Ф. 320. Воп. 3. Спр. 132.
11. Радзюк А. Л. Гарадзенскі супраціў 1861 г. // Гарадзенскі соцыум, 2013. Гісторыя і памяць. XV–XX стст.: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Гародня, 9–10 лістапада 2013 г.). / [пад рэд. А. К. Краўцэвіча, А. Ф. Смаленчука]. Гародня [Гродна], 2014. С. 110–139.
12. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.: материалы и документы. М.: Наука, 1964.
13. Сакольчык А. Э. 3 гісторыі адной песні... Рэлігійна-патрыятычны гімн 1860-х гг. // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: матэрыялы V Міжнар. навук.-практ. канф. (20–21 лістапада 2014 года, г. Мінск) / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; уклад. Ю. В. Пацюпа; гал. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Права і эканоміка, 2014. С. 227–229.
14. Сакольчык А. Э. «Нядобранадзейная» Рэчыца і яе жыхары ў часы паўстання 1863–1864 гадоў // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. арт. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. 2015. Вып. 4. С. 46–51.
15. Сакольчык А. Э. Пратэстная актыўнасць грамадства напярэдадні і падчас паўстання 1863–1864 гг. // Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. Мінск: Беларус. навука, 2018. С. 301–321.
16. Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М.: АН СССР, 1963.
17. Смирнов А. Ф. Манифестационное движение в Белоруссии и Литве 1861 г. // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. сб. ст. / Ин-т истории АН СССР ; ред. кол.: акад. М. В. Нечкина (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1960. С. 460–480.
18. Фірыновіч А. Э. Маніфестацыйны перыяд паўстання 1863–1864 гг. у беларуска-літоўскіх губернях // Шлях да ўзаемнасці (Гродна, 18–19 ліст. 2010 г.): матэрыялы міжнар. навук. канф. / Гродз. дзярж. ун-т імя Я. Купалы; рэдкал.: Г. Хацкевіч, Я.

- Панькоў, Э. Ярмусік, І. Папоў (гал. рэдактары) [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2011. С. 184–187.
19. Цытовіч С. Г. 1863 год у Горы-Горках быўшай Магілеўскай губэрні (падзеі паўстаньня) // *Arche*. 2015. №3. С. 363–540.
 20. Швед В. В. Перадпаўстанцкі рух у Гродзенскай губерні ў 1861–1862 гадах // *Горад Святога Губерта: альманах лакальнай гісторыі*. Гродна, 2014. Вып. 8. С. 78–97.
 21. Швед В. В. Чыноўнікі – сябры Гарадзенскай рэвалюцыйнай арганізацыі 1861–1864 гг. // *Гарадзенскі соцыум*, 2013. *Гісторыя і памяць*. XV–XX стст.: матэрыялы міжнар. навук. канф. (Гародня, 9–10 лістапада 2013 г.) / пад. рэд. А. К. Краўцэвіча, А. Ф. Смалянчука. Гародня [Гродна], 2014. С. 140–152.
 22. Яноўская В. В. Каталіцкае духавенства ў пратэстных акцыях напярэдадні паўстання 1863–1864 гг. // *Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт.* / Нац. акад. навук Беларусі ; уклад.: В. В. Яноўская, А. У. Унучак, А. Э. Фірыновіч; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларус. навука, 2014. С. 256–266.
 23. Dubiecki M. Powstanie styczniowe. Kraków: Nakładem Krakowskiej Spółki Wydawniczej, 1924.
 24. Fajnhauz D. 1863: Litwa i Białorus. Warszawa: Neriton, 1999.
 25. Gieysztor J. Pamiętniki Jakóba Gieyszтора z lat 1857–1865: w 2 t. T. 2. Wilno: Nakładem Tow. Udz. «Kurier Litewski», 1913.
 26. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza RSW «Prasa-Książka-Ruch», 1987.
 27. Koszycz W. Wspomnienia z powstania województwa Minskiego w roku 1863. «Polska w walce». t. II. Krakow, 1875. S. 196–202.
 28. Kowalewska Z. Obrazki mińskie, 1850–1863. W Wilnie: Nakład Księgarni Józefa Zawadzkiego, 1912.
 29. Łaniec S. Białoruś w drugiej połowie XIX stulecia. Olsztyn: Wydawnictwo WSP, 1997.
 30. Łaniec S. Litwa i Białoruś w dobie konspiracji i powstania zbrojnego (1861–1864). Olsztyn: OBN im. W. Kętrzyńskiego, 2002.
 31. Łaniec S. Partyzanci Kresów Północno-Wschodnich w powstaniu styczniowym: (ziemie białoruskie). Toruń: Top Kurier, 1996.
 32. Łaniec S. Ziemie białoruskie w latach reformy agrarnej, manifestacji patriotycznych i konspiracji narodowej (1860–1862). Toruń: Top Kurier, 1998.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО ВОЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В. В. Лучинович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,, luchik1996@gmail. com*

Статья посвящена краткому историографическому обзору проблемного поля изучения местного военного самоуправления на территории Беларуси 2-ой половины XIX в. Проблема местного военного самоуправления рассматривается через призму исследований, посвященных не только Виленскому военному округу, но и в контексте исследований местного самоуправления и реформ военно-окружной системы, проводимых в 1860–1870-х гг., органов государственной власти на территории Беларуси во 2-й половине XIX в. В статье затрагивается 3 основных этапа изучения данного вопроса в историографии: 1) исследования дореволюционных авторов; 2) советская историография; 3) постсоветская историография (белорусская и российская).

Ключевые слова: военные реформы; Виленский военный округ; историография; военное самоуправление; Александр II.

THE PROBLEMATIC FIELD OF STUDYING LOCAL MILITARY SELF-GOVERNMENT IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

V. V. Lucinovich

*Belarusian State University,
Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
luchik1996@gmail. com*

The article is devoted to a short historiographic review of the problematic field of the study of local military self-government on the territory of Belarus in the 2nd half of the 19th century. The problem of local military self-government is considered through the prism of research devoted not only to the Vilnius military district, but also in the context of research on local self-government and the reform of the military district system carried out in the 1860s–1870s, of state authorities on the territory of Belarus in the 2nd half XIX century. The article touches on 3 main stages of studying this issue in historiography: 1) Research by pre-revolutionary authors; 2) Soviet historiography; 3) post-Soviet historiography (Belarusian and Russian);

Key words: military reforms; Vilna military district; historiography; military self-government; Alexander II.

Данные формирования могут иметь различные формы организации и названия, целиком зависящие непосредственно от государственного устройства, формы правления и законодательной базы. В то же время они выполняют схожие задачи и функции. История воинских формирований, предназначенных для обеспечения правопорядка на территории Беларуси, начинается в XIX в. Данный вопрос остается одной из малоисследованных

страниц истории внутренних формирований на территории современной Республики Беларусь.

Реформы, проводившиеся Александром II, ориентировались на развитие государства и трансформацию общества (отмена крепостного права, преобразования в местном самоуправлении, судебная реформа и т. д.). Большое внимание Александр II уделял развитию военного ведомства. В результате военных реформ 1860–1870-х гг. были созданы военные округа: Виленский военный округ Российской империи включал в себя всю современную территорию Республики Беларусь. В то же время сегодня принято считать, что белорусские вооруженные силы ведут свою историю от Красной армии. Очень мало внимания уделяется связи белорусских вооруженных сил с военноокружной системой, созданной во 2-ой половине XIX в., и Виленским военным округом, образованным на белорусских землях еще в 1862 г. Полагаю, что военные реформы должны занимать ключевое место в истории Вооруженных сил Беларуси.

Преобразования 1860–1870-х гг. являются базисом для изучения местного военного самоуправления. Исследование деятельности местного военного самоуправления на примере Виленского военного округа позволяет раскрыть не только эволюцию военных институтов, но и меры, которые были направлены на восстановление военного потенциала государства. Таковым стал переход к всесословной армии, сокращение срока службы, создание обученного состава, реорганизация органов центрального и местного военного управления, перевооружение армии, новая система подготовки солдатских кадров и др. Таким образом, изучение военных реформ 1860–1870-х гг. позволяет выявить специфику военного устройства и управления на территории Беларуси. Изучение данной проблемы возможно с учетом новых методологических подходов в исторической науке.

Проблему местного самоуправления Виленского военного округа необходимо рассматривать в контексте исследований, не только посвященных Виленскому военному округу, но и в контексте местного самоуправления и реформ военно-окружной системы, органов государственной власти на территории Беларуси во 2-й половине XIX в. В целом можно выделить 3 основных этапа изучения данного вопроса в историографии: исследования дореволюционных авторов; советская историография; постсоветская историография (белорусская и российская).

Исследование вопроса военных реформ 60–70-х гг. XIX в. было положено уже в конце XIX в. Среди дореволюционных авторов, которые

изучали данную проблему, следует выделить Р. А. Фадеева. В своей работе он дал довольно критическую оценку реформам Д. А. Милютина. В 1868 г. все его статьи вышли отдельным изданием и вызвали резонанс не только в Российской империи, но и за рубежом [11, с. 131]. В частности, Р. А. Фадеев решительно отстаивал дореформенные основы русского военного строя, выступал против «бюрократических преобразований», ослаблявших, по его мнению, боевые качества армии. В таком же контексте проникнуты и его газетные и журнальные статьи, объединенные в книгу под заглавием «Наш военный вопрос» (1873) [11]. Так, автор настаивал на необходимости «органического устройства российской армии, основанного на точном расчете средств и целей, на верной оценке естественных источников силы, под начальством настоящих боевых командиров, а не устройства механического, подражательного и произвольного, руководимого «бюрократией». Р. А. Фадеев в последствии был переведен в Министерство внутренних дел. Его назначили главным редактором и критиком милютинских реформ. Таким образом, работы Р. А. Фадеева в принципе впервые вызвали полемику по вопросам реформ. При этом автор выражал в первую очередь интересы дворянской знати, выступал против преобразований 1860-х гг. [1, с. 8].

В 1900 г., в связи с приближавшимся столетним юбилеем Военного министерства, была начата подготовка многотомного издания «Столетие Военного министерства» под общей редакцией генерала Д. А. Скалона [2]. За 1902–1914 гг. вышло 13 томов данного справочно-официального издания, содержащего вместе с указателями и приложениями свыше 50 книг. Издание состоит из общего исторического очерка «Развитие военного управления в России» (П. А. Данилов) [10], а также очерков о различных управлениях Военного министерства. В частности, П. А. Данилов провел анализ военных реформ 1860–1870-х гг. и их результатов. Однако он излагает фактический материал в повествовательном стиле и описательном ключе. Характеризуя дореволюционную историографию, можно говорить о том, что она носила сугубо фактографический характер. В ней отсутствовали анализ и оценки деятельности военного управления, а деятельность военного самоуправления затрагивалась лишь в общем контексте правления императора Александра II.

В советское время исследователи не уделяли должного внимания военным преобразованиям дореволюционной России, поскольку они не видели преемственности между императорской и советской армиями и властью. В 1920–1930-е гг. история реформ императорской армии в СССР

практический не изучалась. Советская власть стремилась искоренить любые буржуазные пережитки в армии. В то же время историков интересовала проблема революционной активности солдатских масс различных военных округов [6, с. 112]. Первой работой по истории становления военно-окружной системы стала диссертация Е. П. Ерошкина (1953). Несмотря на почти 70 летнюю давность, эта работа не утратила своей актуальности и по сегодняшний день [4]. Устройство российской армии рассматривал П. А. Зайончковский, в том числе уделяя много внимания проблеме военно-окружной системы в контексте развития вооруженных сил императорской России [5]. Но Петр Андреевич лишь фрагментарно затрагивал деятельность и функционирование местного самоуправления. В то же время его роль крайне высока: исследования историка позволили провести параллели между состоянием российской армии в непосредственной связке с эволюцией самодержавия.

В современной российской историографии значимой является работа А. Ю. Безогольного, Н. Ф. Ковалевского, В. Е. Ковалева «История военноокружной системы 1862–1918 гг.» [1]. В данной монографии в обобщенном виде размаривается история становления военно-окружной системы. Авторами предпринята первая в российской исторической науке попытка дать комплексный анализ военно-окружной организации дореволюционной армии, и в особенности – местного самоуправления. В работе раскрываются основные этапы создания и постепенной эволюции военно-окружной системы, особенности функционирования как в мирное, так и в военное время. Обращено внимание на полицейские функции местных войск, на характеристику командного состава округов на разных этапах своего становления. Однако белорусские губернии и Виленский военный округ затрагивается лишь на этапе создания военно-окружной системы и местного военного управления. В дальнейшем анализируется эволюция системы округов в рамках всей империи, что не позволяет в полной мере выделить и определить специфику местного самоуправления в Виленском военном округе.

На современном этапе значительный вклад в изучение проблемы внес российский историк С. М. Штутман. Среди его трудов можно выделить работу (которая была продолжена Б. Б. Давыдовым) «Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы» [3]. В ней рассказывается преимущественно о деятельности внутренней стражи, в том числе и о функционировании Отдельного корпуса внутренней стражи, который являлась предшественником местных войск и, соответственно,

военного самоуправления. На примере документов и материалов автором дана оценка деятельности внутренней стражи и отмечается, что именно местные войска стали приемниками внутренней стражи.

В белорусской историографии вопросы военного самоуправления и деятельность местных войск затрагивались косвенно лишь в некоторых публикациях, например, в статье А. В. Хованского «Преобразования в органах местного военного управления на белорусских землях» [12]. В ней кратко показаны функции местных органов военного самоуправления и выделен ряд их особенностей на территории Беларуси. Однако не раскрывается роль и значение местных войск, дается структурный анализ деятельности губернских воинских начальников. При этом А. В. Хованский характеризует работу местного военного управления, как неэффективную [12, с. 22–23]. Среди отечественных исследователей местного военного управления также можно назвать С. А. Гвардияна. В своей статье он затронул вопрос создания военных округов в Российской империи в контексте военной реформы второй половины XIX в. На примере Виленского военного округа С. А. Гвардиян попытался проанализировать организационную структуру управления военными округами и сделал попытку определить специфику управления Виленского военного округа и объяснить причины особенностей управления в белорусских губерниях. В то же время исследователь во многом опирается на мнение российских исследователей (А. Ю. Безугольный), повторяя их выводы [2].

Вопросами организации системы местного управления в белорусско-литовских губерниях в 1860-е гг. занималась Е. А. Подорожная. В 2014 г. она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме местных органов государственной власти на территории Беларуси во 2-й половине XIX – нач. XX в. [7]. В своих статьях Е. А. Подорожная на примере реализации аграрных реформ и подавления восстания 1863–1864 гг. отмечает и временный военно-полицейский характер местного управления. По ее мнению, система местного военного управления в период становления Виленского военного округа носила полицейский характер. В целом, по мнению исследователя, на территории Беларуси в период военного положения сложилась особая система управления и проводилась специфическая кадровая политика в местной администрации. Все это повлияло в дальнейшем на структуру и принципы деятельности местной администрации [8, с. 50–52]. Свою оценку системе местного управления в белорусско-литовских губерниях дает А. Г. Радюк. По его

мнению, система управления, заложенная М. Н. Муравьевым, определила особенности политического, социального, культурного и конфессионального положения белорусских губерний [9]. В своих работах этот историк рассматривает конкретные меры по реорганизации и переустройству модели управления в белорусских губерниях. Как и Е. А. Подорожная, он приходит к выводу о полицейском характере системы местного управления, хотя в большей степени рассмотрел деятельность местных органов только в контексте решений, принимаемых виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым. Таким образом, в отечественной историографии не прослеживается устоявшаяся методологии.

Подытоживая, можно говорить о том, что дореволюционная историография носила описательный характер, отображала факты продолжавшихся реформ в военной сфере в ущерб их аналитическому обобщению. Советская историография на значительном этапе ее развития не уделяла должного внимания данной проблеме в связи с отрицанием преемственности между императорской и Красной армиями. Однако в послевоенные годы военная история вошла в круг интересов советских историков. Современная российская историография дает лишь краткие сведения в контексте изучения других вопросов и проявления большего интереса к дальневосточным военным округам, а проблема местного военного самоуправления именно на территории Беларуси второй половины XIX в. не нашла детального освещения. В целом, и в белорусской историографии подробные исследования не проводились. Тем самым задачи выявления специфики местного военного управления на территории Виленского военного округа остается актуальной.

Библиографический список

1. Безогольный А. Ю. История военно-окружной системы России. 1862–1918. – М.: Центр полиграф, 2012. 463 с.
2. Гвардиян С. А. Организационная структура управления военными округами в России в середине XIX века на примере Виленского военного округа // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2016. №3. С. 70–77.
3. Давыдов, Б. Б. Внутренняя и конвойная страда России 1811–1917. Документы и материалы. М.: Изд-во Экзамен, 2002. С. 573.
4. Ерошкин Н. П. Военно-окружная реформа (1862–1864 гг.): автореферат канд. ист. наук. М., 1953. 120 с.
5. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 371 с.

6. Кораблев Ю. И. Революционное движение в войсках Петербургского военного округа. М., 1955. С. 177.
7. Подорожная Е. А. Организация системы управления в белорусско-литовских губерниях в 1860-е годы // Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 1. С. 50–56.
8. Подорожная Е. А. Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.): структура, функции, кадры: автореф. дис. канд. ист. наук. Минск, 2014. 115 с.
9. Радзюк А. Р. Дзейнасць М. М. Мураўева на пасадзе гродзенскага губернатара // Вестник ГрГУ. 2008. С. 249–254.
10. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 2. Исторический очерк развития военного управления в России / Сост. Н. А. Данилов. СПб., 1902. 679 с.
11. Фадеев Р. А. Наш военный вопрос; Восточный вопрос: публицистика // Русский вестник. 1868. № 5–6. С. 320.
12. Хованский А. В. Преобразования в органах местного военного управления на белорусских землях в 60–70-е гг. XIX в. // Весн. Гр. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2017. № 2. С. 18–24.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ВЫСШЕГО АРХИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ США

И. В. Люtareвич

*Белорусский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела,
ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Беларусь, ilyuhanster@gmail.com*

Архивное высшее образование в США имеет уникальные характеристики, но в то же время на него глубоко повлияли системы высшего образования в Европе. На этапе становления архивное высшее образование в США основывалось на концепции высшего образования в области библиотечного дела. Таким образом, автор проводит анализ развития высшего архивного образования как в XX веке, так и на современном этапе. В статье отражается текущее состояние высшего образования в области архивного дела, показываются перспективы внедрения тех или иных курсов в нашей образовательной системы, которые уже были адаптированы в США.

Ключевые слова: архивы; США; образование; тенденции; развитие.

MODERN SYSTEM OF HIGHER ARCHIVAL EDUCATION IN THE USA

I. V. Liutarevich

*Belarusian Scientific Research Institute
of Documentation and Archival Affairs,
55 Kropotkin street, Minsk, 220002, Belarus, ilyuhanster@gmail.com*

Archival higher education in the United States has unique characteristics, but at the same time it has been deeply influenced by the higher education systems in Europe. In its infancy, archival higher education in the United States was based on the concept of higher education in librarianship. Thus, the author analyzes the development of higher archival education both in the 20th century and at the present stage. The report reflects the current state of higher education in the field of archiving, shows the prospects for the introduction of certain courses in our educational system, which have already been adapted in the United States.

Key words: archives; USA; education; trends; development.

Сегодня, архивное образование в США тесно связано с изучением прошлого. За последние тридцать лет за счет активного сотрудничества между образовательными учреждениями и архивами произошел феноменальный прогресс в адаптации старых и разработке новых программ обучения, в области архивного дела. На протяжении десятилетий архивисты вели диалог с государственными образовательными ведомствами, которые курируют деятельность колледжей и университетов по всей стране [3].

В настоящее время во многих университетах США представлены независимые и полные системы подготовки специалистов в области

архивного дела с многоуровневыми образовательными программами. Многие университеты на сегодняшний день, осуществляют подготовку специалистов по программам бакалавриата, магистратуры, и докторантуры. Также в США на сегодняшний день активно развивается и расширяется послевузовское образование для специалистов, желающих повысить свою квалификацию [2].

Истоки архивного высшего образования в США восходят к 1930-м гг., когда его зарождению способствовали два фактора. Во-первых, движение за административную эффективность, инициированное правительством Рузвельта, вызвало острую потребность в кадрах, специализирующихся в научном управлении документами и архивами. Одной из его основных задач было применение научных методов к ведению документации и управлению архивами. Во-вторых, в эти годы происходило активное развитие образовательных концепция в области истории и библиотечного дела, что способствовало упрочнению позиций гуманитарного знания в целом [14].

На этапе становления архивное высшее образование в США основывалось на концепции высшего образования в области библиотечного дела. Изначально оно почти полностью компилировало содержание учебной программы и основные принципы преподавания, а также старалось объединить традиционное американское образование в области исторической науки и библиотечного дела, которое к 1930-м гг. имело активно разработанную теоретическую концепцию [5]. После стремительного развития системы высшего архивного образования, начавшегося в 1930-х гг., ближе к 1980-м гг., оно достигла своего предела и начало стагнировать. Требовалось доработать теорию и практику архивного дела с учетом вызовов времени и реальной потребности архивной отрасли [14].

В 1999 г. Университет Карнеги разработал концепцию переосмысления высшего образования для архивистов и библиотекарей. Это был своеобразный план для университетов Америки, который в течение 20 лет аккумулировал бы данные и затем использовал бы их для оптимизации образовательных процессов по всей стране. По итогам данного исследования были разработаны две основные концепции – обучение на основе исследования и обучение на основе запросов. Данные стратегии предполагали более качественную подготовку будущих специалистов к реалиям, с которыми им предстояло столкнуться после окончания университета [10].

В 2001 г. была пройдена важная веха в переосмыслении подхода к реализации образовательных программ в архивном образовании. Именно тогда началось активное сотрудничество департамента по образованию США и общества американских архивистов. Совместно они разработали новую программу, призванную пересмотреть статус высшего образования в сфере архивного дела, а также оптимизировать образовательные стандарты под новые реалии грядущего столетия [16].

Для реализации этой программы был разработан сборник рекомендаций для колледжей и университетов, осуществляющих подготовку специалистов по архивному делу. Его суть заключалась в создании нового теоретического базиса, исходя из которого архивоведение должно преподаваться как с точки зрения историчности и бережного отношения к документам, но также и учитывать менеджерский и маркетинговый потенциал архивной сферы, предлагая студентам понимание значимости грамотного управления массивами данных в надвигающихся цифровых реалиях [15].

Таким образом, согласно данной программы, оканчивая обучение по специальности архивное дело в университетах США, студенты получают степень бакалавра одновременно по специальности менеджер и историк-архивист. Также данное пособие создало ряд рекомендаций по введению в преподавательский оборот нескольких новых общепринятых дисциплин, которые университет обязан вводить при наличии специальности, по которой готовят будущих архивистов. Данным дисциплинами стали: 1) Управление архивами; 2) Библиотечное дело; 3) Цифровая историография; 4) Программное и техническое обеспечение архивов; 5) Представление архивных документов в сети Интернет. Эта переориентация значительно расширила кругозор архивной науки на университетском уровне и в последствии привела к корректировке целей федеральных учебных программ по всем учебным заведениям [15].

К 2003 г. все колледжи и университеты США скорректировали свои учебные программы, увеличив долю дисциплин по архивному делу, а также включили ряд подготовительных курсов по смежным областям знаний, при этом сократив курсы, на которых базировалась подготовка библиотекарей. Таким образом, была создана новая система основных курсов по архивным наукам для будущих бакалавров и магистров в области архивного дела [7].

Наиболее отличительной особенностью архивного высшего образования в США является его симбиоз теоретической и практической

баз, начиная от специализированных предметов и курсов бакалавриата до программ магистратуры и докторантуры. К 2004 г. семьдесят один университет учредил программы бакалавриата по архивным наукам, а сорок пять университетов – программы магистратуры. В девятнадцати из них также были учреждены докторские программы, крупнейшими среди которых были Нью-Йоркский университет, университеты Юты, Пенсильвании, Сан-Хосе, Луизианы, Миссури, Мэриленда, Мичигана и Алабамы [7].

В 2005 г. на ежегодном собрании Сообщества Американских архивистов в Висконсине было отмечено, что американская архивная отрасль сталкивается с рядом новых вызовов, включая вопросы долгосрочного хранения и организации доступа к электронным записям федерального правительства, создание цифровых архивов, управление бизнес-архивами, раскрытие секретной правительственной информации и открытие ранее закрытых архивов для общественности. По итогам данного собрания было сформулировано предложение добавить в образовательные программы взаимосвязанные курсы и учебные материалы, касательно вопросов электронного правительства, управление электронными файлами в архивах, управление бизнес-архивами, концепции цифровых архивов, а также открытия и использования архивных материалов всеми слоями населения [6].

На 2010 г. по всей стране работало около ста тысяч специалистов в области архивного дела, но только 49,6% из них имели степень магистра или выше. Государственное архивное управление под руководством Национального Архива создало систему обучения работающих архивных специалистов с целью повышения их знаний, навыков и компетенций. Данная программа предназначалась для тех, кто работал в архивах, не имея, по крайней мере, степени магистра архивного дела. В последние несколько лет количество участников этой учебной программы ежегодно составляло около пяти тысяч человек [2].

В 2011 г. Институт архивного образования и исследований при университете Мэриленда учредил ежегодную конференцию, на которой собирались практикующие архивисты и представители университетов и предполагался обмен опытом и последующая попытка внедрения практикующих методик в обучение будущих архивистов [13].

Большинство студентов бакалавриата в первую очередь полагаются на лекции преподавателя для получения знаний. Однако практикующие архивисты также играют важную роль в помощи студентам в достижении

высокой компетентности в архивном деле. Студенты могут изучать теорию архивов в аудитории, но современные методы обучения, стратегии и навыки требуют, чтобы студенты проводили время в архивах, получая практические навыки и знания. Маркус Робинс, профессор университета Миссури, отмечает: «Студенты получают ряд инструкций от своих научных кураторов, но, впервые сталкиваясь с реальными проблемами отрасли, они редко бывают полностью подготовленными». Его исследование, проведенное в Университете Миссури, является примером обучения студентов применению навыков критического мышления при анализе и попытке решения актуальных проблем в области архивного дела. Он утверждает, что архивисты должны объединиться с преподавателями университетов в качестве партнеров в создании основы, поддерживающей молодых специалистов [12].

Стоит также отметить попытки внедрения различных инноваций в образование архивистов по всей стране со стороны Национального Архива США. Среди них можно выделить проект под названием «Архивы и образование: скрытый потенциал». Данный проект создавался силами отдела комплектования Национального архива. Он предполагал проведение ежемесячных семинаров, на которые бы приглашались студенты и преподаватели различных университетов, где они бы получали знания о том, как применить опыт архивов для развития образовательной системы. [8]. На сегодняшний день общей слабостью американских программ высшего образования в архивной сфере является упор на передачу теоретических знаний при некотором игнорировании практического обучения, тем самым лишая будущих специалистов возможности приобрести практические навыки. Сегодня в сфере архивного образования США четко видится выделенный путь для решения вышеназванных проблем. В него включаются такие вопросы, как более тесное сотрудничество с архивами, музеями, библиотеками, а также привлечение практикующих архивистов в подготовке будущих специалистов [11].

Во многих американских университетах обучение по специальности архивное дело обычно включает стажировки в архивах и библиотеках. Это требуется для осуществления практической подготовки студентов, которые не обладают опытом в основных архивных процедурах – систематизация, классификация, оценка, каталогизация, описание, сохранение, доступ и защита архивных документов. Тем не менее, большинство практических занятий не достигают желаемых целей, потому

что им не хватает эффективного руководства со стороны практикующих архивистов, а также достаточного количества времени и средств на реализацию подобных курсов, [9].

Сегодня благодаря активному сотрудничеству американских образовательных учреждений с Национальным Архивом и Обществом Американских архивистов был разработан ряд эффективных механизмов обмена опытом между студентами, преподавателями и практикующими архивистами. Однако подобного сотрудничества между образовательными учреждениями и архивами далеко не достаточно. В текущих реалиях, студентам не хватает реального практического опыта работы в архивных учреждениях, что ведет к отсутствию у учащихся практических навыков, которые требуются в архивах [8].

Также важно понимать, что в современных американских реалиях архивное высшее образование расширяется в сторону цифровизации. Начиная с 2000 г. образовательные концепции по специальности «Архивное дело» основываются на разнообразных цифровых информационных ресурсах. Сегодня архивист обязан овладеть базовыми навыками использования современных информационных технологий, ведь отрасль нуждается в специалистах, готовых работать в сферах управления архивами и документами, управления информацией и информационными службами в правительстве и бизнесе. Американская образовательная система продолжает прогрессировать и увеличивать прием абитуриентов в высшие учебные заведения для подготовки квалифицированных кадров [16]. Однако количество студентов и выпускников, специализирующихся в области архивоведения и управления документами, все еще сильно отстает от общего спроса на специалистов. В близлежащей перспективе, в 2023 г., планируется кардинальный пересмотр концепции высшего архивного образования, в ходе которого будет проведено изменение самой системы. Одним из планируемых нововведений предполагается реализация отделов магистратуры и докторантуры для всех учебных заведений, имеющих отделение бакалавриата по архивоведческим специальностям. Рассматривается вариант упрочнения практических основ при обучении архивистов, а именно увеличение количества практик и стажировок для будущих специалистов [14].

Подводя итог, можно отметить следующее. Начало развития системы высшего архивного образования в США, фундаментом для которого было образование в области библиотечного дела, пришлось на 1930-е гг., а с 1980-х гг. оно вступило в период благоприятного и устойчивого развития,

обусловленного внутренним спросом на профессиональных архивистов. Однако, несмотря на масштаб проделанной работы, на сегодняшний день недостатки и проблемы все еще существуют в университетах страны. В 2023 г. ожидается ряд реформ, таких как корректировка и оптимизация планов и целей обучения, изменений широты и структуры обучения, пересмотр и актуализация режимов обучения, а также изменение содержания системы учебных программ и областей обучения в направлении от количественного аспекта к качественному. Именно данные изменения будут призваны адаптировать архивное образование к новым условиям и современным вызовам.

Библиографический список

1. Американское архивное сообщество. [Электронный ресурс]. www2.archivists.org. Дата доступа: 25. 07. 2021.
2. Американское архивное сообщество – карьера [Электронный ресурс]. careers.archivists.org. Дата доступа: 25. 03. 2020.
3. Американское архивное сообщество – образование [Электронный ресурс]. <https://www2.archivists.org/prof-education/continuing-education>. Дата доступа: 25. 07. 2021.
4. Архив Бетсмана [Электронный ресурс]. <https://web.archive.org/web/20120101152239/http://corporate.corbis.com:80/citizenship/bettmann-archive/>. Дата доступа: 25. 07. 2021.
5. Йекел Э. Архивная профессия и архивное образование // Вестник архивиста. 1995. № 1. С. 41–43.
6. Левченко Л. Л. Общества архивистов в США // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 105–112.
7. Национальный Архив США. [Электронный ресурс]. <https://www.archives.gov>. Дата доступа: 25. 07. 2021.
8. Национальный Архив США. Проект «Образование». [Электронный ресурс]. <https://education.blogs.archives.gov>. – Дата доступа: 25. 07. 2021.
9. Университет Индианы [Электронный ресурс]. <https://ils.indiana.edu>. Дата доступа: 25. 03. 2020.
10. Университет Карнеги [Электронный ресурс]. <https://www.cmu.edu/>. Дата доступа: 25. 03. 2020.
11. Университет Луизианы [Электронный ресурс]. <https://www.lsu.edu/chse/slis>. Дата доступа: 25. 03. 2020.
12. Университет Миссури [Электронный ресурс]. <https://sislt.missouri.edu>. Дата доступа: 25. 03. 2020.
13. Университет Мэриленда [Электронный ресурс]. <https://ischool.umd.edu>. Дата доступа: 25. 03. 2020.
14. Archival education in the United States, 1937 to present [Электронный ресурс]. <https://www.jstor.org/stable/40322678>. Дата доступа: 25. 07. 2021.
15. Graduate Archival Education in the United States; A Personal Reflection About Its Past and Future [Электронный ресурс]. <https://elischolar.library.yale.edu>. Дата доступа: 25. 07. 2021.

16. The Master of Archival Studies and American Education Standards: An Argument for the Continued Development of Graduate Archival Education in the United States [Электронный ресурс]. <http://d-scholarship.pitt.edu>. Дата доступа: 25. 07. 2021.

АРХИВ БОРИСОГЛЕБСКОЙ (КОЛОЖСКОЙ) ЦЕРКВИ В ГРОДНО

Н. Н. Малишевский

*Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, Минск, Беларусь, sss77a@bk.ru*

Впервые структурирован и систематизирован архив одного из древнейших белорусских храмов, – построенной в XII веке гродненской Коложской церкви во имя Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба в Гродно. Документы архивного фонда проанализированы тематически, хронологически и структурно. Подробно описано содержание материалов, составляющих накопившийся за века архив храма, хранящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно.

Ключевые слова: Архив Борисоглебской церкви; архив Коложской церкви; архив церкви во имя Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба в Гродно; электронно-цифровой архив Коложской церкви в Гродно.

ARCHIVE OF BORISOGLEBSKAYA (KOLOZHSKAYA) CHURCH IN GRODNO

N. N. Maliszewski

*National Institute for Higher Education,
15 Moskovskaya Street, 220030, Minsk, Republic of Belarus Corresponding author: N. N.
Maliszewski (sss77a@bk.ru)*

For the first time, the archive of one of the oldest Belarusian churches, the Grodno Kolozhskaya church built in the XII century in the name of the Holy Martyrs of the noble princes Boris and Gleb in Grodno, was structured and systematized. The documents of the archival fund are analyzed thematically, chronologically and structurally. The content of the materials that make up the archive of the church that has accumulated over the centuries, stored in the National Historical Archives of Belarus in Grodno, is described in detail.

Key words: the archive of the Borisoglebskaya church; the archive of the Kolozha Church; the archive of the Church of the Holy Martyrs of the Blessed Princes Boris and Gleb in Grodno; the digital archive of the Kolozhskaya Church in Grodno.

Оригиналы документов, относящихся к одному из древнейших белорусских храмов, – построенной в XII в. Гродненской Коложской церкви во имя Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба, – можно разделить на две основных группы: (1) материалы, составляющие накопившийся за века архив храма, хранящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно (НИАБ Гр.) и (2) материалы, не относящиеся к этому архиву. Их можно сгруппировать следующим образом:

А) **Документы, оригиналы которых находятся за пределами Республики Беларусь** – прежде всего в архивных, музейных и библиотечных фондах Вильнюса, Санкт-Петербурга, Москвы, Киева,

Варшавы. Хронологически они охватывают период свыше 500 лет и тематически имеют как прямое, так и опосредованное отношение к Коложской церкви в Гродно. При этом они изначально могли не иметь отношения к архиву храма и храниться в других местах. В качестве примера опубликованного документа подобного рода можно привести Грамоту короля Польского и великого князя Литовского Александра Ягеллона от 29 апреля 1506 г., позволяющую осуществить денежное пожертвование в пользу гродненской Борисо-Глебской церкви [1].

Б) *Документы, оригиналы которых хранятся в белорусских архивах.* Они хронологически относятся к периоду, последовавшему за обрушением части храма в реку Неман в 1850-х гг. Тематически посвящены в основном судьбе древнего строения – как попыткам восстановления в XIX в., так и передаче храма «по идеологическим мотивам» из-под церковной юрисдикции в светскую – при польских, немецких и советских властях в XX в. Значительную часть документов, посвященных реставрации и ремонту церкви можно найти в архивных делах под грифом Строительного отделения Гродненского губернского правления в фонде № 8 НИАБ Гр.: «Дело о ремонте Коложской церкви в гор. Гродно», начатое 24 января 1895 г. и оконченное 15 марта 1895 г. (в оригинале дата зачеркнута и исправлена на 21 января 1899 г., содержит 38 листов, при этом № 21 и № 33 пропущены) [2]. 8. 1. 1409. Дело № 4а «О восстановлении полуразвалившейся церкви на Коложе в гор. Гродно... и др. вопросам», начатое 21 января 1866 г. и оконченное 5 января 1871 г. [3]. «Дело о реставрации Коложской церкви в гор. Гродно», начатое 17 июля [июля] 1904 г. и оконченное 24 декабря 1904 г., содержит 12 листов [в оригинале 1904 г. указано – на 8 листах], из которых имеется 10 листов, остальное вклейки в виде чертежей храма, включая план Коложи середины XIX века) [4].

В) *Документы, оригиналы которых хранятся в самой Коложской церкви.* Они в основном относятся к поздне- и постсоветскому периодам и являются действующими, то есть не утратившими юридическую силу. Примеры: Решение Исполнительного комитета Гродненского областного Совета народных депутатов за № 246 от 18. 09. 1989 г. о передаче Коложского храма вместе с кладбищенской часовней по ул. Антонова «для последующего использования их под религиозные нужды верующих без регистрации нового религиозного общества» Свято-Покровскому собору и выданное 21 апреля 1992 г. Гродненским областным исполнительным комитетом на основании решения № 107/4

Свидетельство за № 177 о государственной регистрации религиозной общины Приход храма Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба г. Гродно, входящей в структуру Гродненской епархии Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата Московского Патриархата).

Что же касается собственно архива Коложской церкви, то он (или его основная часть) хранится в фонде № 128 НИАБ Гр., созданном в середине XX в. при превращении храма в музей. Документы архива охватывают период с конца XV в. и до середины XIX в. Самый «молодой» документ датируется 22 мая 1832 г. . Фонд создан 29 октября 1951 г., то есть более чем через столетие. Ни одного документа за этот период нет. Маловероятно, что со времени обвала части храма в р. Неман (1853) и перенесения Борисо-Глебского монастыря и его архива с Коложской возвышенности в центр города Гродно архивный фонд церкви больше не пополнялся. Скорее всего, из-за катаклизмов и войн часть его материалов (включая фактически весь период со второй половины 1840-х гг. по вторую половину 1940-х гг.) была утрачена или оказалась за пределами Гродно (Беларуси). Например, известно об эвакуации части документов церкви вместе с Коложской иконой Божией Матери в годы Первой мировой войны. Схожая проблема имеет место и с документами до XVI в., которые исчезли либо были уничтожены уже к моменту составления описей XVIII в. [5]. О существовании по меньшей мере части таких грамот нам известно благодаря упоминаниям в королевском привелее Сигизмунда I Ягеллона 1511 г. [6].

Хронологически документы архивного фонда охватывают 1480–1832 гг. Они были датированы в основном во время инвентаризаций XVIII–XIX вв. Согласно описи XVIII в., «старшие» из сохранившихся на то время документов датируются «около 1460 года». Старейший из представленных в настоящее время в фонде (в виде копии XVIII в.) документов датируется 29 мая 1480 г. Что же касается оригиналов самых старых из сохранившихся до наших дней документов, то их несколько и все они датированы 1502 г. (некоторые современные исследователи считают, что эти документы на 3–7 лет «моложе», относя их к 1505–1509 гг.).

Тематически архив содержит уникальные материалы, имеющие отношение к истории не только самого храма, города Гродно, их духовенства и светских властей, но и государств, в состав которых входили на протяжении столетий белорусские земли (Великого княжества

Литовского, Русского и Жемайтского, Речи Посполитой, Российской империи). Например, в некоторых грамотах есть интересные оттиски печатей и личные подписи монарших особ. Большой интерес представляет группа монастырских грамот (т. н. продажных, связанных с недвижимостью), сохранившихся в большинстве своем в оригиналах, тексты которых не издавались и неизвестны исследователям, и т. д. К сожалению, большинство документов написаны на польском и латыни, к тому же не очень разборчивым почерком, что существенно затрудняет работу с ними. Примечательно, что согласно листам использования документов, имеющимся в каждом деле фонда, некоторые из них не были ни разу востребованы, по меньшей мере, последние полвека. Многие выдавались за этот период буквально несколько раз, причем часть этих выдач приходится на «проверку листов», «каталогизацию», «усовершенствование» и т. п. действия самих сотрудников архива.

Структурно фонд состоит из 22 описей, последняя из которых является инвентарной и представляет собой краткий перечень содержания 21 предыдущей описи. Общее количество документов в архиве составляет 277 документов на 618 листах. Сгруппированы они следующим образом:

1. Опись: 128. 1. 1. Решения трибунала ВКЛ о записи в городские книги перехода частных землевладений и имущества монастырю базилианов за 1480–1821 гг. (Крепостные документы на землю и имущество, принадлежащие монастырю). 32 документа (на 63 листах). Начато: 29 мая 1480 г. Окончено: 25 мая 1821 г.

2. Опись: 128. 1. 2. Дарственные записи на землю, приобретенную монастырем за 1502–1807 гг. (Документы на земли, купленные монастырем: купчие крепостные на землю, приобретенную монастырем 1502–1506). 9 документов (на 10 листах). Начато: 17 июня 1502 г. Окончено: 1506 г.

3. Опись: 128. 1. 3. Крепостные акты за 1502–1613 гг. на частные земли, подаренные монастырю, распоряжения настоятелей монастыря, литовских базилианских монастырей, за 1815–1824 гг. о распространении газет среди раненых солдат и инвалидов, информировании крестьян о съедобности исландского мха и др. (Сборник крепостных документов на дареные монастырю земли и распоряжений синода об оказании помощи войнам и бракосочетаниях). 29 документов (на 81 листах). Начато: 20 июня 1502 г. Окончено: 12 января 1824 г.

4. Опись: 128. 1. 4. Документы о дарении земли монастырю, денежных долгах Гродненского кагала за 1512–1792 гг. (инвентарь

монастырских земель, дарственные записи, реестры и др.). (Сборник документов, подтверждающих владение земель монастыря и окружающих землевладельцев). 14 документов (указано, что на 36 листах, но л. 8 пропущен). Начато: 6 ноября 1512 г. Окончено: 28 мая 1792 г.

5. Опись: 128. 1. 5. Документы, подтверждающие принадлежность подаренных земель монастырю за 1546–1780 гг. (дарственные записи, выписки из гродненских книг и др.). (Сборник документов, подтверждающих принадлежность дареных земель монастырю). 13 документов (на 21 листах). Начато: 13 июня 1546 г. Окончено: 21 апреля 1780 г.

6. Опись: 128. 1. 6. Документы о грабежах монастырских земель и садов, внесении в земские книги земель, подаренных монастырю, об обмере монастырских земель и др. за 1546–1634 гг. (выписки из гродских книг, жалобы и др.). (Крепостные документы на фольварок Понемунь, подтверждающие принадлежность его к монастырю). 10 документов (на 23 листах). Начато: 13 июня 1546 г. Окончено: 20 октября 1634 г.

7. Опись: 128. 1. 7. Дело о судебном споре монастыря с Гродненской экономией (Сборник документов по спорному делу монастыря с Гродненской экономией о земле). 6 документов (на 16 листах). Начато: 1562 г. Окончено: 18 ноября 1754 г.

8. Опись: 128. 1. 8. Дело о судебных спорах монастыря с арендаторами о возврате арендной платы и имущества. (Сборник документов по спорному делу монастыря с разными лицами о земле). 9 документов (на 24 листах). Начато: 20 октября 1593 г. Окончено: 10 июня 1644 г.

9. Опись: 128. 1. 9. Дело о судебных спорах монастыря с разными лицами о правах на владение землей. (Сборник документов по спорному делу, относящемуся к процессу монастыря с помещиком Флемингом и др. лицами о правах на владение землею). 23 документа (на 37 листах). Начато: 6 июня 1615 г. Окончено: 14 июня 1820 г.

10. Опись: 128. 1. 10. Дело о судебных спорах монастыря с лицами о земле, денежных долгах, о праве владения крепостными крестьянами за 1460–1832 гг. (выписки из судебных книг, решения Сената и др.). (Сборник документов по спорному делу монастыря с помещиками Солтанами и др. лицами [о правах владения землею]). 10 документов (на 19 листах). Начато: 10 августа 1618 г. Окончено: 24 мая 1832 г.

11. Опись: 128. 1. 11. Переписка ген.-майора войск ВКЛ Декацлера с настоятелем монастыря об аренде участка земли над рекой Соколдой и др.

(Сборник документов по спорному (судебному) делу монастыря о правах владения землею с помещиком Клапецким). 13 документов (на 21 листе). Начато: 28 мая 1753 г. [15 мая 1625 г.] Окончено: 20 мая 1778 г.

12. Опись: 128. 1. 12. Завещания от 20 января 1643 г. и 9 июня 1644 г. Помещиков Рабеев-Гнойницких Николая Федоровича и Анны Матвеевны на им. Гнойница Гродненского у[езда]. (Дарственные завещания на им. «Гнойницу» отданное монастырю помещиком Гнойницким на вечное владение). 2 документа (на 7 листах). Начато: 20 мая 1643 г. Окончено: 9 июня 1644 г.

13. Опись: 128. 1. 13. Завещания помещиков Гродненского и Волковысского поветов Паценко Андрея Ярошевича, Олехнович Анны Васильевны, Шешмонтович Андрея Станиславовича, Тарасевич Станислава, Солтан Геронима, Козич Юзефа, Боушки Регины, Стефана и Юзефа, Глебович Яна, Горбачевского Михаила на свои имения в пользу монастыря за 1665–1759 гг. (Духовные завещания разных лиц, даривших землю в пользу монастыря). 10 документов (на 17 листах). Начато: 1665 г. Окончено: 1759 г.

14. Опись: 128. 1. 14. Дело о выделении казенной земли дворянам Солтану Михаилу-Мону-Пересвету Маршалку стародубскому, Солтану Герониму, подкоморию стародубскому, Солтану Александру маршалку стародубскому Смоленского воеводства, покупке и завещанию ими своего имущества наследникам и гродненским монастырям. (Сборник документов по спорному делу наследников Солтана с монастырем о земле [о 5 уволоках земли] в дер. Ос...[неразборчиво]. 36 документов (на 65 листах) – Связка 1 с № 1 до № 19 (1670–1733). Связка 2 с № 20 до № 36 (1670–1733). Начато: 16 мая 1670 г. Окончено: 25 декабря 1773 г.

15. Опись: 128. 1. 15. Дело о конфискации кирпичного завода у Лапаноса Лейбы Эльяшевича и Маеровича Лейбы и завещании его виленским воеводой Пацем Казимиром Гродненскому Коложскому монастырю. (Сборник документов по спорному делу с ксендзами Бернардинами о кирпичном заводе. Документы, относящиеся к процессу с о. бернардинцами и евреями о кирпичном заводе, принадлежащем монастырю). 5 документов (на 13 листах). Начато: 7 августа 1682 г. Окончено: 15 января 1686 г.

16. Опись: 128. 1. 16. Дело о судебных спорах монастыря с Гродненским магистратом и о нападении, грабежах, изгнании жителей солдатами из Коложской юридыки, избиении и убийстве крепостных крестьян монастыря. (Выписки из решений гродского суда на

принадлежавших монастырю лиц). 16 документов (на 40 листах). Начато: 27 мая 1719 г. Окончено: 5 октября 1786 г.

17. Описание: 128. 1. 17. Дело о судебном споре администратора Гродненской экономии гр. Флеминга Ежи с монастырем о захвате им земель экономии в уроч. Сухое Село. (Сборник документов по спорному делу монастыря с графом Флемингом о земле). 11 документов (на 71 листе). Начато: 25 августа 1740 г. Окончено: 2 февраля 1761 г.

18. Описание: 128. 1. 18. Документы по судебному спору о возврате крепостного крестьянина Коложского монастыря Матусевича-Новика Мартина за 1786–1788 гг. (решения гродских судов, письменные свидетельства и др.). (Сборник документов о крестьянине Мартине Матусевиче Новике, бывшем крепостном Коложского монастыря). 10 документов (на 14 листах). Начато: 25 апреля 1780 г. Окончено: 12 мая 1788 г.

19. Описание: 128. 1. 19. Дело о наследовании монастырем земли и имущества ошмянского ротмистра Длусского Михаила. (Сборник документов по спорному делу между монастырем и помещиками Длусскими о земле). 4 документа (на 8 листах). Начато: 16 декабря 1788 г. Окончено: 2 января 1789 г.

20. Описание: 128. 1. 20. Контракты между монастырем с разными лицами об аренде корчем в деревнях Чещевляны, Каплица и Польница Гродненского уезда за 1801–1821 гг. (Контракты, заключенные монастырем с разными лицами при отдаче в аренду корче в селах: Чещевляны, Каплица и Польниках). 11 документов (на 20 листах). Начато: 12 июня 1801 г. Окончено: 12 апреля 1821 г.

21. Описание: 128. 1. 21. Дело о возврате монастырем долгов наследникам гродненского советника Войтеховича Францишка. (Контракты (сборник документов) по спорному делу между монастырем и помещиками Войцеховичами). 3 документа (на 8 листах). Начато: 11 июня 1810 г. Окончено: 20 января 1811 г.

22. Описание: 128. 1. 22. Коложский базыльянский женский монастырь Литовской консистории г. Гродно. Фонд № 128. Инвентарная опись № 1. За 1480–1832 гг. [Пометка на последней странице: в данную опись внесено 21 (двадцать одна) единица хранения на 2х (двух) листах. 29/X. 51. Ст. науч. сотруд. Храброва. Проверено 12. 05. 2010. Подпись Гушель А. М., Жук Г. И.]. [Пометка на обложке: опись пересоставлена см. оп. №1 на «2» листах. Ст. науч. сотр. Бомбель А. Г. 15. 02. 2011]. 1 документ (на 4 листах).

В настоящее время практически все вышеперечисленные материалы имеются в созданном, благодаря настоятелю храма о. Александру (Болонникову), уникальном электронно-цифровом архиве Коложской церкви.

Библиографический список

1. Грамота королевская князю Михаилу Глинскому о дозволении ему, по званию душеприказчика Киевского воеводы Дмитрия Путятича, данников его и движимое имущество раздать на православные монастыри и церкви и на выкуп пленников // Акты, относящиеся к истории Западной России, 1846. Т. 1. 1340–1506 гг. С. 369–371
2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1022.
3. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1409. Полное название: Дело № 4а «О восстановлении полуразвалившейся церкви на Коложе в гор. Гродно, о постройке помещиком им. Антополь Кобринского у. [езда] кн. Гедройцем церкви в мест. Антополь и др. вопросам».
4. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 8. Оп. 2. 1684.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 128. Оп. 1. Д. 7. Л. 15об.
6. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 128. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

МЕТАД ІНТЭРВ'Ю ПРЫ ВЫКЛАДАННІ ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ МЕДЫЦЫНСКІМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

Л. І. Масейчук¹⁾ Н. А. Поляк²⁾

1) Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт», пр. Дзяржынскага д. 83, 220116 г. Мінск, Беларусь, Mosejchuk@tut.by

2) Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт», пр. Дзяржынскага д. 83, 220116 г. Мінск, Беларусь, Polyak77@mail.ru

У артыкуле апісваецца педагагічны вопыт выкладчыкаў Беларускага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта ў выкладанні некаторых тэм гісторыі Беларусі. У аснову вывучэння тэмы «Гісторыя Вялікай Айчыннай вайны» была пакладзена метадыка правядзення інтэрв'ю з відавочцамі падзей або з членамі іх сямей. Метад збора інфармацыі шляхам апытвання дазваляе стымуляваць самастойную навуковую працу студэнтаў і дапамагае рашаць шэраг педагагічных задач. «Вусная» гісторыя з'яўляецца актыўным метадам навучання, які стымулюе выпрацоўку ў студэнтаў агульнаадукацыйных кампетэнцый і садзейнічае набыванню спецыфічных ведаў, уменняў і навыкаў.

Ключавыя словы: Беларусі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт; метадыка выкладання гісторыі; «вусная» гісторыя; навуковая даследчая праца студэнтаў.

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л. И. Мосейчук¹⁾ Н. А. Поляк²⁾

1) Белорусский государственный медицинский университет, просп. Дзержинского 83, 220116, г. Минск, Беларусь, mosejchuk@tut.by

2) Белорусский государственный медицинский университет, просп. Дзержинского 83, 220116, г. Минск, Беларусь, polyak77@mail.ru

В статье описан педагогический опыт преподавателей Белорусского государственного медицинского университета в преподавании некоторых тем по истории Беларуси. Изучение темы «История Великой Отечественной войны» основывалось на методике проведения интервью с очевидцами или членами их семей. Метод сбора информации посредством анкетирования позволяет стимулировать самостоятельную научную работу студентов и помогает решить ряд педагогических задач. Устная история - это активный метод обучения, который стимулирует развитие общеобразовательных компетенций учащихся и способствует приобретению конкретных знаний, навыков и умений.

THE INTERVIEW METHOD FOR TEACHING THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AT THE BELARUSIAN STATE MEDICAL UNIVERSITY

L. Masejchuk¹, N. Poliak²

1) *Belarusian State Medical University Dzerzhinski Ave., 83, Minsk, Republic of Belarus, 220116 Mosejchuk@tut.by*

2) *Belarusian State Medical University Dzerzhinski Ave., 83, Minsk, Republic of Belarus, 220116 Polyak77@mail.ru*

The article describes the gouty experience of teachers of the Belarusian State Medical University in teaching some topics on the history of Belarus. The study of the topic «History of the Great Patriotic War» was based on the technique of interviewing witnesses of those events or with members of their families. The method of collecting information through a survey allows to stimulate independent scientific work of students and helps to solve a number of pedagogical problems. «Oral» history is an active method of education that stimulates the development of general educational competencies and promotes the acquisition of specific knowledge, skills and abilities.

Key words: Belarusian State Medical University; history teaching methodology; «Oral» history; research work of students.

Вусная гісторыя мае вялікі педагагічны патэнцыял пры вывучэнні гісторыі, які, на жаль, сёння не рэалізуецца ў поўнай меры ў адукацыйнай практыцы вышэйшай школы Беларусі. Разам з тым выкарыстанне метадаў вуснай гісторыі дазваляе перайсці ад навучальнага інструктавання да стымулявання самастойнай працы студэнтаў, падрыхтоўкі іх да самастойнай навуковай працы.

Праз вусную гісторыю студэнты могуць «дакрануцца» да тэм, якія з'яўляюцца балючымі кропкамі гістарычнай памяці. На занятках па гісторыі (як лекцыйных, так і семінарскіх) гэта адбываецца апасродкавана, часцей за ўсё падчас працы з апублікаванымі сведчаннямі відавочцаў. Асабліва гэта датычыцца такой тэмы, як гісторыя Вялікай Айчыннай вайны. Выкарыстанне ўспамінаў відавочцаў падзей дазваляе адчуць трагедыю вайны, захаваць «памяць-траўму», не прадстаўляць вайну выключна ў духу «памяці-перамогі», пазбягаць рамантызацыі вайны [1, с. 114].

Пры падрыхтоўцы да заняткаў перад кожным выкладчыкам стаяць выхаваўчыя, адукацыйныя і развіваючыя задачы, якія якраз і дапамагае вырашыць метадалогія вуснай гісторыі.

Першая група задач адлюстроўвае выхаваўчы патэнцыял вуснай гісторыі, яе важнасць для развіцця талерантнага стаўлення да людзей, перш за ўсё да бацькоў, людзей старэйшага пакалення.

Адукацыйныя задачы вуснай гісторыі цесна звязаны з вывучаемай гістарычнай дысцыплінай. Знаёмства з вуснымі сведчаннямі, сабранымі ў спецыялізаваных выданнях (напрыклад, кнігах серыі «Памяць», зборніку аповедаў дзяцей-сведак ваенных падзей «Ніколі не забудзем» і інш.), запісанымі на аўдыё- і відэаносьбітах, дае ўяўленне пра цяжкасці інтэрв'юіравання, раскрывае гісторыю паўсядзённасці, гісторыю культуры і ментальнасці, дае магчымасць пазнаёміцца з рознымі інтэрпрэтацыямі гістарычных падзей Вялікай Айчыннай вайны [2, с. 24].

Развіваючыя задачы вусная гісторыя вырашае праз фарміраванне крытычнага мыслення [3, с. 79].

Выкладчыкамі кафедры філасофіі і паліталогіі БДМУ ў межах вывучэння дысцыпліны «Гісторыя Беларусі» (раздзел «Вялікая Айчынная вайна») студэнтам было прапанавана правесці даследаванне, звязанае з вуснай гісторыяй.

Праект доўжыўся тры месяцы. У ім узялі ўдзел 196 студэнтаў лячэбнага, педыятрычнага, стаматалагічнага, медыка-прафілактычнага, фармацэўтычнага і ваенна-медыцынскага факультэтаў БДМУ.

Мэта, якую ставілі перад сабой педагогі: далучэнне маладога пакалення да гістарычнага пошуку і засяроджванне іх увагі на святасці міру і недапушчальнасці вайны.

У якасці асноўных былі выдзелены наступныя задачы: навучанне студэнтаў-медыкаў навыкам інтэрв'юіравання; фарміраванне ў маладога пакалення разумення важнасці захавання памяці аб падзеях вайны і ўнёску іх продкаў у перамогу над фашызмам; сістэматызацыя ўспамінаў.

Студэнтам было прапанавана сабраць успаміны пра вайну ў сваіх сваякоў. Збор матэрыялу праводзіўся метадам інтэрв'ю. Праца ажыццяўлялася як у малых групах, так і індывідуальна.

З усімі ўдзельнікамі праекта педагогі правялі вялікую падрыхтоўчую работу, якая складалася з чатырох этапаў. На *падрыхтоўчым* (першым) этапе былі сфармуляваны тэмы і даследчыя задачы, складзены апытальнікі, праведзена навучанне ўдзельнікаў праекта. Для гэтага шырока прымяняліся аўдыё- і відэаматэрыялы з асабістых калекцый выкладчыкаў. Трэба адзначыць, што веданне вучнямі прынцыпаў вядзення інтэрв'ю, папярэдняя распрацоўка пытанняў абсалютна неабходныя; у адваротным выпадку інтэрв'ю праваліцца і навучальны эфект ад вуснай гісторыі будзе страчаны. Для выпрацоўкі ўмення інтэрв'юіраваць праводзіліся інтэрв'ю сярод саміх удзельнікаў праекта.

Апытанне відавочца падзеі (другі этап) ажыццяўлялася студэнтамі самастойна. Інтэрв'юеры самі вызначалі месца сустрэчы і кола рэспандэнтаў, выбіралі спосаб запісу інтэрв'ю.

Апрацоўка вынікаў (трэці этап) праводзілася пад кантролем выкладчыкаў і заключалася ў апісанні атрыманых у выніку апытання новых гістарычных звестак і іх расшыфроўцы. Выкладчыкамі на дадзеным этапе даследавання ажыццяўляліся індывідуальныя кансультацыі для абмеркавання праведзеных інтэрв'ю. Пры ацэнцы ўлічваліся наступныя моманты: быў наладжаны дыялог ці студэнт проста зачытваў пытанні? Ці атрымалася сабраць карысную інфармацыю? Што знаходзілася ў фокусе інтэрв'ю? Ці здавальняючай была якасць гуку? Ці мае інтэрв'ю каштоўнасць для вывучэння гісторыі?

Чацвёрты этап даследавання заключаецца ў **публікацыі атрыманых даных**. Студэнты з дапамогай мультымедыійных камп'ютарных праграм рэдагавалі запісы, каб прадставіць вынікі сваёй працы ў належным выглядзе.

Сабраныя ўдзельнікамі паекта ўспаміны можна падзяліць на некалькі тэматычных груп¹⁵.

1. Расправы над яўрэямі і тымі, хто іх хаваў. Расказвае Эмілія Ізраілеўна Дзівавiч. Нарадзілася ў 1941 г. у г. Хойнікі Гомельскай вобласці. *«...Все военное время я провела в эвакуации вместе со своей мамой Фаиной Ефимовной и старшей сестрой Маисой, когда наш отец Израиль Аронович воевал. Мой папа воевал с 1941 года по 1946-й. Его еще после окончания войны отправили в Маньчжурию. В эвакуации мы жили в Казахстане, Чимкенте, в течение трех лет. Когда война началась, 22 июня 1941 года, мы узнали об этом из объявления по радио. Тогда начали мужчин забирать в армию. Мой папа тоже пошел. Вообще я при немцах не была. Мама нас с сестрой вывезла. Знаю только по рассказам, что бабушка со стороны мамы уехала, ее забрали дети, а бабушка Кветная Рива, до замужества Уретская, и дедушка, Кветный Арот со стороны папы не захотели уезжать и остались по месту жительства. Пришли немцы и убили их. При чем убивали их не сами немцы, а полицаи. Когда убили дедушку, сказали: “Вот тебе за первого сына,” – он же тоже пошел воевать. Убили бабушку и говорят: “Это вам за второго сына,” – он тоже пошел воевать. Это произошло в 1942 году в деревне Скрыгалове, Гомельская область. Их имена увековечены в Израильском*

¹⁵ Расшыфроўка ўспамінаў прыводзілася на мове адказаў рэспандэнтаў. Па магчымасці захоўваліся моўныя асаблівасці.

национальном мемориале Катастрофы и Героизма Яд ва-Шем в Иерусалиме» (інтэрв'юер Вольга Хасіневіч, лясчэбны факультэт).

2. Пакуты мірнага насельніцтва ва ўмовах акупацыі. Расказвае Пётр Васільевіч Ігнацьеў. Нарадзіўся ў 1941 г. ў вёсцы каля г. Чавусы. «В деревне, где я жил, немцы появились летом 1942-го. К этому времени мирное население уже было слышано о том, что делали фашисты с семьями красноармейцев. В деревне было больше 20 таких семей. Была в их числе и моя семья. Женщины приняли решение прятаться в лесу. Благо, было лето и лесов в округе огромное количество. Мне тогда около года было. Такому ребенку не объяснишь, что плакать нельзя. И мою маму с тремя малолетними детьми (дочь Надежда – 8 лет, сыновья Михаил – 5 лет и я) не взяли с собой в лес. Оставаться в деревне было опасно, и ей пришлось пересидеть это страшное время в лесу одной с тремя детьми. Было очень трудно и страшно. Жили в сооруженном на скорую руку шалаше, в котором нельзя было укрыться ни от дождя, ни от ветра. Чтобы добыть еду, приходилось таскать самого маленького все время на руках – оставить детей в шалаше мама не решалась. Вот кому надо награды давать <...> женщинам этим, которые детей сохранили и сами выжили, руки не опускали...» (інтэрв'юер Дар'я Ігнацьева, стаматалагічны факультэт).

3. Жорсткасць і здзекі акупантаў за сувязь з партызанамі, падпольшчыкамі і партыйнымі работнікамі. Расказвае Ала Пятроўна Абрамовіч (нарадзілася ў 1950 г.) пра сваю родную цётку Ядзвігу Пятроўну Абрамовіч, 1916 г. наражэння. «Во время войны Ядвига Петровна стала партизанской связной. Собирала сведения и передавала их партизанам. В её доме часто собирались партизаны, печатали листовки, готовили диверсии. Печатную машинку прятали в печке. По доносу соседки Веры Матэушевой тётю Ядю схватило гестапо. Очень сильно пытали. Ей связывали руки, под руками просовывали лом и подвешивали на крюк к потолку, а потом били, рассекая тело металлическими шампурами до костей. Снимали, обливали водой и снова продолжали пытать. Ей загоняли под ногти раскалённые на огне иголки. Но она так ничего и не рассказала. 28 июня 1944 года Красная Армия освободила Могилев, а в 4 утра еще до прихода Красной Армии прабабушку вместе с другими военнопленными погрузили в душегубку и увезли в направлении г. Орши. В душегубке вместе с тётёй Ядей ехала женщина с двумя детьми. Пленные начали стучать и требовать освободить детей. Детей и женщину выбросили по дороге. Спустя время

она пришла к маме – моей бабушке Юлии и рассказала о пытках. О том, что до Ориши ее дочь была жива. О дальнейшей судьбе Ядвиги Петровны никто ничего не знает. Она считается пропавшей без вести» (інтэрв'юер Марыя Горнік, лячэбны факультэт).

Расказвае Земфіра Віктараўна Мацюшэнка. Нарадзілася ў 1939 г. ў в. Ровенская Слабада Гомельскай вобласці. «... Я до сих пор плачу в этот день, вспоминая отца. Немцы нашли у него партбилет и решили убить мучительно. Вырезали на груди звезду, всячески пытали» (інтэрв'юер Елізавета Навуменка, педыятрычны факультэт).

Успаміны прабабулі Ганны з вёскі з-зад Пінска, запісаныя мамай «Солдаты в темно-синей форме заняли дом матери. Она должна была им стирать, готовить и убирать. Саму семью переселили в хлев, где была корова Бурёнка. Спали они в том хлеву прислонясь к корове, чтобы было теплее и не замёрзли. Всё молоко, которое давала Бурёнка, немцы забирали. И мама по ночам будила детей для того, чтобы напоить их молоком, чтобы они не заметили» (інтэрв'юер Іван Селюжыцкі, ваенна-медыцынскі факультэт).

4. Прымусовая праца і гвалтоўны вываз у Нямеччыну. Расказвае Надзея Іванаўна Дзерах. Нарадзілася ў 1925 г. ў в. Лысая Гара Мінскага раёна. «Всех схваченных делили на две группы, одну из них расстреляли на месте. Оставшиеся пытались бежать, но безуспешно. Их отправили в Тростенец, а затем со станции Степянка в Польшу, а затем в Австрию. Там и работала на заводе по производству снарядов, чистила мешки от серы. Жили мы где попало: в лагере, в сараях – питались баландой, которую нам давали, носили робу и колодки, которые нам тоже выдавали. <...> Также жили в распределительном лагере Целдамелк, откуда уже были освобождены частями Красной Армии» (інтэрв'юер Ілья Дзерах, лячэбны факультэт).

5. Стаўленне да паліцаяў і здраднікаў радзімы. Расказвае Пётр Ігнацьеў. Нарадзіўся ў 1941 г. ў вёсцы каля г. Чавусы. «В соседнюю деревню в конце 50-х вернулся осужденный за предательство. Дом, в котором он жил раньше, люди сожгли. А строить новый в деревне не позволили. Он в одиночку построил маленький домик на отшибе. Так и прожил в нем остаток жизни. С ним практически никто не общался и что творилось в душе и голове этого человека, никто не знает. Срашно наверное так жить...» (інтэрв'юер Дар'я Ігнацьева, стаматалагічны факультэт).

6. Сіроцтва і зламаня лёсы дзяцей і падлеткаў. Расказвае Віктар Адамавіч Цімошчанка. Нарадзіўся ў 1928 г. ў п. Заводак Магілёўскай вобласці. «<...> *деревню сожгли, и я с сестрёнкой убежал к партизанам. По хозяйству им помогал. Коней пас. Партизаны мне ружье выдали волков отстреливать. Пас стада овец, коров колхозных, которые партизаны в лес угнали. Работал по хозяйству много, как взрослый мужик*» (інтэрв'юер Сяргей Цімашэнка, педыятрычны факультэт).

Расказвае Пётр Мікітавіч Лапушкін (нарадзіўся ў 1962 г.) пра свайго бацьку. «*Ему было 15 лет. Его отца забрали на фронт. Осталась мать с шестью детьми. И он стал главой семьи. В деревне был комендантский час. Вне комендантского часа людей заставляли работать. Какие работы были, сказать точно не могу, что немцы и полицаи говорили, то и делали. Отец рассказывал, что был момент, когда они отказывались работать и спрятались в доме. Полицаи угрожали поджечь дом*» (інтэрв'юер Дар'я Трыфанава, фармацэўтычны факультэт).

7. Помста мірным жыхарам за супраціўленне. Расказвае Іван Васільевіч Падвойскі. Нарадзіўся ў 1914 г. ў в. Чураі Дзятлаўскага раёна. «<...> *А к сестре моей, на восьмом месяце беременности, пришли полицаи. И расстреляли ее за то, что муж партизан. Односельчанина, что донёс, позже тоже уничтожили*» (інтэрв'юер Пётр Шведаў, ваенна-медыцынскі факультэт).

Падсумоўваючы плён праекта, трэба адзначыць, што студэнты зацікаўлены ў вывучэнні вуснай гісторыі, яны адчуваюць запатрабаванасць актыўных метадаў навучання. Зрабіць такую выснову дазваляюць вынікі, да якіх прыйшлі самі ўдзельнікі даследвання. Так, са 196 удзельнікаў 120 адзначылі, што вывучэнне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны ў Беларусі немагчыма без прыцягнення матэрыялаў вуснай гісторыі. Больш за палову ўдзельнікаў праекта канстатавалі недастатковую зацікаўленасць архіўных устаноў у сістэматызацыі і захоўванні такіх крыніц.

Найбольш удалыя інтэрв'ю студэнтаў БДМУ былі прадстаўлены ў якасці дакладаў на навуковых канферэнцыях у Мінску, Маскве, Растове-на-Доне, Махачкале. Навуковыя даследаванні былі адзначаны ганаровымі лістамі і надрукаваны ў зборніках матэрыялаў канферэнцый.

Бібліяграфічны спіс

1. Поляк Н. А. «Живая история» или Великая Отечественная война в памяти белорусской молодежи // Международная конференция «Эхо войны» 25. 06.

2021 Институт военно-технического образования ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет». Омск, ОмГТУ, 2021. С. 114–120.

2. Темушев С. Н. Профилактический аспект воспитательной функции истории в процессе обучения учебному предмету «Всемирная история» // Веснік адукацыі, 2021. №3. С. 23–30.

3. Мосейчук Л. И. Информативность документов личного происхождения при изучении истории Белорусского государственного университета // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 79–83.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПОГРАНИЧНЫМ ВОПРОСАМ В КОНТЕКСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

О. Г. Машиаров

*ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»
ул. Славинского 4, 220103, г. Минск, Беларусь, oondips@mail.ru*

В статье анализируется состояние научных исследований в относительно новом направлении исторической науки – истории пограничной службы, и ее взаимосвязи с исследованиями по истории белорусско-российских отношений. Отмечается, что, хотя в историографии много внимания уделяется белорусско-российским отношениям, в работах белорусских и российских исследователей (в том числе в диссертациях по историческим, политическим и юридическим наукам) вопросы двустороннего сотрудничества по обустройству и охране Государственной границы Республики Беларусь (пограничным вопросам) не нашли должного отражения. Проводится анализ основных работ, посвященных новейшей истории пограничной службы Республики Беларусь, а также выстраиванию взаимодействия пограничных ведомств постсоветских государств (в том числе Беларуси и России) в рамках СНГ, Союза Беларуси и России и Союзного государства.

Ключевые слова: Государственная граница Республики Беларусь; Союзное государство; белорусско-российские отношения; сотрудничество по пограничным вопросам; историография.

BELARUS-RUSSIAN BORDER COOPERATION IN THE CONTEXT OF CONSTRUCTION OF THE UNION STATE: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

O. G. Masharov

*State Educational Institution «Institute of the Border Guard Service of the Republic of
Belarus»
st. Slavinsky 4, 220103, Minsk, Belarus, oondips@mail.ru*

The article analyzes the state of scientific research in a relatively new direction of historical science – the history of the border service, and its relationship with research on the history of Belarusian-Russian relations. It is noted that, although historiography pays a lot of attention to Belarusian-Russian relations, in the works of Belarusian and Russian researchers (including dissertations on historical, political and legal sciences), issues of bilateral cooperation in the development and protection of the State Border of the Republic of Belarus (border issues) have not been properly reflected. The analysis of the main works devoted to the recent history of the border service of the Republic of Belarus, as well as building the interaction of border agencies of post-Soviet states (including Belarus and Russia) within the CIS, the Union of Belarus and Russia and the Union State is carried out.

Key words: State border of the Republic of Belarus; Union State; Belarusian-Russian relations; cooperation on border issues; historiography.

С обретением в 1991 г. независимости Республика Беларусь получила возможность проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. В первые годы республика придерживалась открытого внешнеполитического курса, направленного на взаимодействие со всеми европейскими странами. Несмотря на активные политические контакты правительства В. Ф. Кебича с Россией, до лета 1994 г. внешнеполитические приоритеты Беларуси еще оставались в стадии формирования. После президентских выборов 1994 г. российский вектор во внешнеполитическом курсе республики занял приоритетные позиции.

Большое влияние на выстраивание белорусско-российского многостороннего сотрудничества оказала необходимость координации усилий по охране новой внешней границы. Тяжелое экономическое положение двух государств способствовало подписанию 21 февраля 1995 г. Договора между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместных усилиях в охране Государственной границы Республики Беларусь. Это открывало новые возможности в формировании двустороннего сотрудничества по пограничным вопросам.

За последние три десятилетия в пограничной службе Республики Беларусь проведена определенная работа по изучению новейшей истории ведомства. Начало этому процессу было положено во второй половине 90-х гг. XX в., когда увидели свет первые брошюры о созданных после 1992 г. погранотрядах и альманах к 80-летию пограничной службы [1]. Популяризаторская работа была продолжена в 2000-е годы, когда исторические очерки о пограничных отрядах и группах стали более объемными, а к 90-летию пограничной службы было подготовлено специальное издание (автор-составитель Л. В. Спаткай) [2].

Однако все эти, как и более поздние издания (автор-составитель А. М. Суворов) [3], носили не научный, а популярный характер. Они преимущественно включали хронику (фотохронику) событий или предлагали варианты ее некоторой литературной обработки. При этом анализ содержания пограничной службы в них отсутствовал. Более того, в подобных изданиях нередко встречалась ошибочная информация, которая затем массово тиражировалась. И только после выхода в свет учебного пособия по истории пограничной службы Беларуси [4] этот пробел был частично восполнен.

В свою очередь, в научных публикациях рассматривались преимущественно правовые аспекты пограничной безопасности Республики Беларусь (А. И. Бородич [5], С. В. Верлуп [6]), а также

вопросы становления и развития системы подготовки кадров (офицерских, прапорщиков, специалистов и младших командиров) для пограничной службы Беларуси [4, с. 435–449]. Однако во всех этих работах практически не затрагивалась проблема белорусско-российского сотрудничества по пограничным вопросам.

В современной историографии достаточно много внимания уделяется белорусско-российским отношениям и, в частности, проблеме формирования Союза Беларуси и России (1997) и Союзного государства (1999). Однако в работах белорусских [7] и российских исследователей [8] (в т. ч. в диссертациях по историческим, политическим и юридическим наукам [9, 10]) вопросы белорусско-российского сотрудничества в пограничной сфере не нашли отражения. И только в монографии А. М. Лукашевича, посвященной становлению пограничных войск Республики Беларусь [11, с. 9–14], эта проблема была обозначена как чрезвычайно актуальная. Отдельные аспекты реализации белорусско-российской программы «Обустройство границ» затрагивались в публицистической статье С. Головки [12], однако ее содержание не выходило за пределы официального пресс-релиза.

Определенный вклад в исследование проблемы белорусско-российского сотрудничества по пограничным вопросам внес и автор данной статьи. В течении 2018–2021 гг. вышли в свет несколько публикаций, в которых раскрывался процесс формирования договорно-правовой базы пограничного сотрудничества двух государств [13], были определены основные функции Пограничного комитета Союза Беларуси и России / Союзного государства [14]. При этом наибольшее внимание уделялось анализу основных принципов финансирования и реализации совместной программы «Обустройство границ» (1996–2001) [15], а также выявлению новых подходов при разработке «Программы обустройства внешней границы Союзного государства на период 2002–2005 годы» [16].

Таким образом, проблема белорусско-российского сотрудничества по пограничным вопросам является новой и практически не исследованной в белорусской историографии. В публикациях автора данной статьи нашли отражение промежуточные результаты научного поиска по различным аспектам двустороннего сотрудничества Беларуси и России в пограничной сфере, что позволило установить важную роль сотрудничества Беларуси и России по пограничным вопросам в формировании и развитии Союзного государства, выявить проблемные поля их взаимодействия.

Библиографический список

1. Граница: 80-летию пограничных войск посвящается: альманах Погранич. войск Респ. Беларусь. Минск, 1998.
2. Пограничная служба Республики Беларусь: 90 лет на страже границ Отечества / авт.-сост. Л. В. Спаткай; редкол.: И. А. Рачковский [и др.]. Минск: Междунар. центр культуры книги, 2008.
3. На переднем рубеже. Пограничная служба Беларуси / авт.-сост. А. М. Суворов; редкол.: А. П. Лаппо [и др.]. Брест Минск: Полиграфика, 2018.
4. История пограничной службы Беларуси: учеб. пособие / В. С. Гедько [и др.]; под общ. ред. В. С. Гедько. Минск: ИВЦ Минфина, 2017.
5. Бородич А. И. Пограничная безопасность Республики Беларусь. Минск, 2019 [Электронный ресурс] // litres. ru. URL: <https://www.litres.ru/aleksey-ivanovich-bo/pogranichnaya-bezopasnost-respubliki-belarus-monograf/chitat-onlayn/> URL: 10. 10. 2020.
6. Верлуп С. В. Национальная безопасность на государственной границе: Идеи, мнения, предложения. Минск: ВА РБ, 2018.
7. Беларусь в интеграционных проектах / А. К. Акулик [и др.]; науч. ред. В. А. Бобков; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. Минск: Беларус. навука, 2011.
8. 20 лет Совету командующих Пограничными войсками 1992–2012. М.: Изд-во «Неография», 2012.
9. Варакин А. А. Стратегическое партнерство по обеспечению пограничной безопасности государств – участников СНГ: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23. 00. 04. М., 2015.
10. Архипов А. И. Деятельность органов государственной власти по определению статуса и институционализации государственной границы: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23. 00. 02. Минск, 2020.
11. Лукашевич А. М. Становление пограничных войск Республики Беларусь (1991–1997). Минск: ИПС РБ, 2019.
12. Головки С. Граница, которая объединяет. Целевые программы помогают укреплять рубежи Союзного государства / С. Головки // Беларуская думка. 2013. № 9. С. 10–15.
13. Машаров О. Г. Концепция пограничной политики Союза Беларуси и России: история подготовки (1997–1998 гг.) // Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 22 лістап. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Г. Каханойскі (старш.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2019. С. 311–314.
14. Машаров О. Г. Пограничный комитет – отраслевой орган Союза Беларуси и России: создание, функции, деятельность (1997–2000 гг.) // Труды РИВШ. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей / ГУО «РИВШ»; редкол.: В. А. Гайсёнок (пред.) [и др.]. Минск: РИВШ. 2019. Вып. 19, ч. 1. Истор. науки. С. 331–341.
15. Машаров О. Г. Программа «Обустройство границ» как основа белорусско-российского сотрудничества по пограничным вопросам в 1996–2001 гг. // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў ХХ ст.: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2018. С. 213–218.

16. Машаров О. Г. Программа обустройства внешней границы Союзного государства на период 2002–2005 гг. // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1 (41). С. 195–200.

БРИТАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ю. В. Маханько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yvmakhanko@gmail.com*

Развитие англоязычной историографии второй половины XX в. обусловило утверждение современного определения Британской промышленной революции как серии технологических инноваций. Рассматриваются ключевые труды начала XXI в., которые внесли наибольший вклад в исследование причин революции. Исходя из этого, формулируется актуальный взгляд на данный процесс.

Ключевые слова: Промышленная революция; история Великобритании; англоязычная историография; экономическая история.

BRITISH INDUSTRIAL REVOLUTION IN THE ENGLISH- SPEAKING HISTORIOGRAPHY OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Y. V. Makhanko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, yvmakhanko@gmail.com*

The development of the English-speaking historiography in the second half of the XX century conditioned the approval of the current definition of the British industrial revolution. The key studies of the beginning of the XXI century, which made the greatest contribution to the examination of the causes of the revolution, are considered. Based on this, an actual view on this process is formulated.

Key words: Industrial revolution; British history; English-speaking historiography; economic history.

Британская промышленная революция является важнейшей темой для англоязычной экономической истории с момента ее оформления как дисциплины в конце XIX в. до наших дней. За это время несколько поколений ученых не раз пересматривали научные представления о данном процессе, используя новые источники, методологию и теоретические подходы к исследованию. Англоязычная экономическая история в начале XXI в. совершила новый качественный скачок, который позволил внести ясность в научные представления о многих важных аспектах Британской промышленной революции. Таким образом, на основании достижений наиболее авторитетных современных исследователей можно сформулировать актуальный взгляд на причины и характер революции.

В третьей четверти XX в. доминировало представление о Промышленной революции как о начале современного экономического

роста. Рональд Макс Хартуэлл (1921–2009), профессор Оксфордского университета, в книге «Промышленная революция и экономический рост» (1971) сформулировал это следующим образом: «Промышленная революция должна пониматься как, в первую очередь, экономический рост, как первый пример самоподдерживающегося роста» [1, р. 57]. Однако на рубеже 1970-х и 1980-х годов английские представители школы новой экономической истории Николас Крафтс (род. в 1949) и Ник Харли (род. в 1943) начали пересматривать макроэкономические показатели британской экономики эпохи революции. Их «данные не поддерживают идею общего заметного ускорения роста промышленного производства, начавшегося в 1780-е гг.» [2, р. 186]. Вместе с тем, революция в социально-экономическом устройстве данной страны в период XVIII – начала XIX в. была очевидна для большинства исследователей. По замечанию Роберта Аллена (род. в 1947), получившего степень доктора в Гарвардском университете и работавшего профессором в Оксфордском, именно технологический прогресс является сутью революции, а «другие характерные черты промышленной революции (стремительная урбанизация, накопление капитала, рост сельскохозяйственной производительности, рост доходов) были уже последствиями этих технологических усовершенствований» [3, с. 11–12]. Схожего мнения придерживается большая часть современных англоязычных исследователей Британской промышленной революции. Отсюда проистекает и главная задача современных исследований данного процесса – поиск причин, по которым серия технологических инноваций, кардинально изменивших экономическое устройство мира, началась именно в Великобритании XVIII в.

В историографии начала XXI в. сформировалось два подхода к исследованию причин революции. Первый предполагает исследование спроса на технологии, то есть причин, по которым британская экономика не могла продолжить свое развитие без перехода на новый технологический уровень. Приверженцы данного подхода в неомальтузианском ключе концентрируются на факторе энергетического баланса.

Возможность мальтузианского кризиса в британской экономике демонстрирует сэр Эдвард Ригли (род. в 1931), профессор Кембриджского университета, в работе «Энергия и Английская промышленная революция» (2010). Переосмысливая идеи английского экономиста Томаса Мальтуса (1766–1834), он подтверждает при помощи статистических

данных наличие «ограничений органической экономики», то есть основанной на энергии животного и растительного происхождения [4, р. 239]. В отличие от своих предшественников, таких как Карло Чиполла [5, р. 12], Э. Ригли располагал значительно более детальными статистическими данными. Так, по расчетам второго, доля каменного угля в потребляемой Англией, Шотландией и Уэльсом энергии с 1560-х до середины XIX в. выросла с 10,6 до 92 %, подушное потребление энергии, соответственно, с 20,5 до 96,5 гигаджоулей, а наиболее активная стадия этого роста началась именно после 1700 г. [4, р. 37]. Автор приводит свидетельства роста применения угля не только при выплавке железа и использовании парового двигателя, но и в целом ряде других процессов. Таким образом доказывается, что во время революции произошел переход к «минеральной экономике», то есть основанной на энергии природных ископаемых [4, р. 24]. Именно это обуславливает уникальность Британской промышленной революции, а также её невозможность без энергии каменного угля.

Параллельно с ростом применения альтернативного источника энергии внедрялись новые технологии, которые позволяли более эффективно использовать его в производстве. Одним из наиболее значимых исследователей причин Британской промышленной революции является Роберт Аллен. Используя инновационную методику расчета реальной заработной платы [3, с. 60], он делает следующий вывод: «в Великобритании XVIII века сложилась уникальная структура зарплат и цен: зарплаты были крайне высокими, а энергия крайне дешевой» [3, с. 12]. Автор уточняет, что «по сегодняшним меркам британские рабочие, безусловно, были бедны; однако ... по сравнению со своими коллегами из других европейских стран и Азии в XVIII веке британские рабочие жили достаточно безбедно» [3, с. 45]. При этом «энергия ... была самой дешевой в мире», чего «не было в других европейских странах с высокими зарплатами, таких как Нидерланды» [3, с. 123]. Таким образом, Р. Аллен отображает существовавший «спрос на технологии, поскольку (цены) стали для английских предпринимателей мощнейшими стимулами к изобретению технологий, которые замещали бы труд капиталом и энергией» [3, с. 200]. Важнейшей технологической инновацией в данной концепции является паровой двигатель, который в долгосрочной перспективе позволил провести полномасштабную механизацию труда в значимом числе отраслей. При этом «в основе двигателя Ньюкомена лежала наука XVII века» [4, с. 234], а именно «открытие того, что у

атмосферы есть вес, а также что, сконденсировав пар, можно получить вакуум», сделанное учеными-экспериментаторами: «Галилеем, Торричелли, Отто фон Герике, Робертом Бойлем, Робертом Гуком, Христианом Гюйгенсом и Дени Папеном» [3, с. 19].

Второй подход к исследованию причин революции концентрируется на предложении технологий, то есть на тех культурных и институциональных особенностях общества, которые позволили британцам изобрести и внедрить в производство беспрецедентное число технологий. Ведущим представителем данного подхода является профессор Северо-Западного университета (США), а позже Тель-Авивского университета (Израиль) Джоэль Мокир, родившийся в 1964 г. Он окончательно оформил свою концепцию в книге «Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция, 1700–1850 гг.» (2009). В отличие от вышеупомянутых коллег, Дж. Мокир считает, что «энергия пара не была абсолютно необходима для Промышленной революции», и её можно было заменить энергией рек [16, р. 112]. Наоборот, «Британия стала лидером Промышленной революции потому, что больше чем любая другая страна Европы была способна воспользоваться преимуществами своего фонда человеческих и материальных ресурсов благодаря великой синергии Просвещения: сочетания бэконинанской программы в полезном знании и осознания, что лучшие институты обеспечивают лучшие стимулы» [6, р. 132]. Дж. Мокир связывает технологический прогресс Великобритании данной эпохи с идеями Научной революции XVI–XVII вв. и британского Просвещения. В первую очередь, с так называемой «бэконинанской программой великого восстановления наук», заимствованной из работ философа Френсиса Бэкона (1561–1626). Среди прочего, эта программа ставила задачу «заставить экономику производить больше благ и, таким образом, увеличить то, что современные экономисты назовут благосостоянием» [6, р. 40]. В связи с этим Дж. Мокир упоминает «идею *полезного знания*, которая дала людям власть над *природой*, а не только над *другими людьми*» [6, р. 44–45]. Более того, он утверждает, что данные идеи «перенаправили креативность и энергию с поиска источника ренты на другие активности, которые увеличивали бы богатство нации и социальное благополучие» [6, р. 72]. Автор смог привести убедительные аргументы в пользу того, что британское Просвещение способствовало инновационности.

Примером распространения идей «Века Разума» среди производителей Дж. Мокир называет Смитонское общество, которое включало в себя: «профессиональных инженеров, как сам Смитон и его продолжатель Уильям Джессоп; сильно заинтересованных в технологических вопросах бизнесменов, как Мэттью Болтон и Джозайя Веджвуд; действительно квалифицированных работников, как производители инструментов, землемеры и схожие технические эксперты» [6, р. 66]. Что же касается других новаторов, то в обществе, затронутом британским Просвещением, их изобретения «не только стремительно распространялись, но также знание о них было доступно другим изобретателям, которые могли дальше улучшать их или приспособливать к новым задачам» [6, р. 71–72]. Проблема концепции Просвещенной экономики кроется в том, что доказать прямые причинно-следственные связи между «Веком Разума» и технологическими инновациями Промышленной революции достаточно трудно. Дж. Мокир сам признает тот факт, что «нельзя доказать влияние культурных и социальных изменений Просвещения на *всех* изобретателей, но число таких людей постепенно росло» [6, р. 72]. Вместе с тем, концепции Р. Аллена и Дж. Мокира не являются на самом деле взаимоисключающими и в сочетании дают более полную картину технологических прорывов Великобритании XVIII – первой половины XIX в.

Несмотря на очевидные противоречия между приверженцами двух подходов к исследованию причин Промышленной революции, они не являются неразрешимыми. Корень данных противоречий лежит преимущественно в источниковой и методологической базе исследований. Приверженцы первого подхода стремятся работать со статистическими данными при помощи клиометрических методов. Второго – при помощи традиционных методов обработки нарративные источники. Объединяет данные подходы преподаватель Университета Халла Роджер Осборн в книге «Железо, пар и деньги: зарождение Промышленной революции» (2013). Он определяет её как комбинацию «возникновения экономики, берущей энергию из угля» [7, р. 11] и «поддерживающегося импульса к инновации, развитию и адаптации» [7, р. 12]. Переходя к причинам данного процесса, Р. Осборн подчеркивает, что «Промышленная революция произошла благодаря изобретателям и их изобретениям ... великие новаторы: Уатт, Ньюкомен, Харгривз, Аркрайт, Тревитик – снова на главной сцене как действующие лица в исторической драме» [7, р. 13]. При этом он обозначает уникальную комбинацию факторов, которая дала

им возможность сделать и внедрить свои изобретения. Первым выделяется тот фактор, что «в Великобритании XVIII в. барьеры перед изменениями были невероятно снижены» [7, р. 27]. А именно: «промышленность не представляла опасности для землевладельцев, которые правили страной, в действительности многие выигрывали от неё»; «представления, что Античность была наиболее важным источником знания, разрушались» под напором Научной революции [7, р. 28]. Вторым аспектом выделяется расширение разделения труда. Третий фактор созвучен гипотезе Р. Аллена – наличие «высоких цен на труд, дешевого капитала и угля» [7, р. 28]. Четвертый – смена нескольких поколений квалифицированных ремесленников, которые знали, что «коммерсант, подготовленный к инновациям, может преуспеть как никогда ранее» [7, р. 29]. По справедливому утверждению Р. Осборна, «ни в одном другом периоде времени и месте в истории все эти четыре фактора не сочетались на продолжительный период» [7, р. 29].

Таким образом, современные англоязычные исследования в подавляющем большинстве определяют Промышленную революцию как революцию технологическую. Они также дают нам аргументированные объяснения причин её возникновения именно в Великобритании XVIII в.: спрос на инновации был обеспечен сочетанием высоких цен на труд и низких на энергию, а их предложение – культурными и институциональными особенностями, где ключевая роль отводится научной революции и британскому Просвещению.

Библиографический список

1. Hartwell, R. M. *The Industrial Revolution and the Economic Growth*. London: Methuen & Co, 1971.
2. Crafts, N. F. R., Harley C. K. Output growth and the British industrial revolution: a restatement of the Crafts-Harley view // *The Economic History Review*, 1992. Vol. 45, № 4. P. 703–730.
3. Аллен, Р. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
4. Wrigley, E. A. *Energy and the English Industrial Revolution*. Cambridge: Cambridge University press, 2010.
5. Cipolla, C. M. Introduction // *The Fontana Economic History of Europe: The Industrial Revolution*. – London: Fontana Books, 1973. P. 7–21.
6. Mokyr, J. *The Enlightened Economy: Britain and the Industrial Revolution, 1700–1850*. London: Penguin, 2009.
7. Osborne, R. *Iron, Steam & Money: The Making of the Industrial Revolution*. – London: Random House, 2013.

БЕЛАРУСКАЯ ТРАДЫЦЫЙНАЯ СЯМ'Я Ў КАНТЭКСЦЕ МАДЭРНИЗАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ

I. С. Махоўская

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, г. Мінск, 220030, i.mahovskaya@gmail.com*

Артыкул прысвечаны вывучэнню эвалюцыі сям'і як малой сацыяльнай групы і сацыяльнага інстытута. У працэсе мадэрнізацыі змяняліся формы сям'і, трансфармаваліся функцыі, забяспечваючы адаптацыю яе членаў да існавання ў грамадстве. Асноўныя працэсы, якія вызначаюць аблічча сучаснай сям'і – нуклеарызацыя, маладзетнасць, аддзяленне вытворчай сферы ад хатняй гаспадаркі, рост колькасці разводаў, эгалітарызацыя і дэмакратызацыя сямейных адносін.

Ключавыя словы: Беларусь; сям'я; сямейныя адносіны; сацыяльны інстытут; малая сацыяльная група; мадэрнізацыйныя працэсы.

БЕЛОРУССКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

I. С. Маховская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, i.mahovskaya@gmail.com*

Статья посвящена изучению эволюции семьи как малой социальной группы и социального института. В процессе модернизации изменялись формы семьи, трансформировались функции, обеспечивая адаптацию ее членов к изменениям в обществе. Основные процессы, которые определяют облик современной семьи – нуклеаризация, малодетность, отделение производственной сферы от домашнего хозяйства, рост количества разводов, эгалитаризация и демократизация семейных отношений.

Ключевые слова. Беларусь; семья; семейные отношения; социальный институт; малая социальная группа; модернизационные процессы.

BELARUSIAN TRADITIONAL FAMILY IN CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES

I. Makhovskaya

*Belarusian State University,
Nezavisimosti ave., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, i.mahovskaya@gmail.com*

The article is devoted to the study of the evolution of the family as a small social group and social institution. In the process of modernization, the forms of the family changed, the functions were transformed, ensuring the adaptation of its members to existence in society. The main processes that determine the appearance of the modern family are nuclearization, having few children, the separation of the production sphere from the household, an increase in the number of divorces, egalitarianization and democratization of family relations.

Key words: Belarus; family; family relations; social institution; small social group; modernization.

На пачатку XXI стагоддзя сучасная сям'я перажывае змены, якія многія даследчыкі вызначаюць як крызісныя. Гэта нуклеарызацыя сям'і, рост колькасці разводаў, незарэгістраваных шлюбаў, маладзетнасць ці свядомая адмова ад нараджэння дзяцей, трансфармацыя функцый. Чым абумоўлены гэтыя працэсы, і ці з'яўляюцца яны крызіснымі для сям'і як сацыяльнага інстытута і малой сацыяльнай групы, гаворка пойдзе ў дадзеным тэксце.

Памяншэнне колькаснага складу сям'і на працягу XX стагоддзя – тэндэнцыя, характэрная не толькі для Беларусі, але і для ўсяго свету. У 1939 г. сярэдняя беларуская сям'я налічвала 4,4 чалавека, у 1959 г. 3,8, у 1979 г. – 3,3, у 1989 – 3,1, на сёняшні дзень – 3,0 чалавекі [11, с. 23; 9, с. 20]. Таксама для сучаснай сітуацыі характэрны рост сем'яў, якія складаюцца з двух чалавек. Гэта, з аднаго боку, маладыя пары, якія не спяшаюцца заводзіць дзяцей, з другога, – пажылыя пары, дзеці якіх жывуць асобна. Нуклеарызацыя звязаная з працэсам мадэрнізацыі. Вялікія пашырэння сям'і добра прыстасаваныя для аграрных грамадстваў з іх павольным развіццём, але не падыходзяць для дынамічна развіваючыхся прамысловых супольнасцяў, і тым больш – для інфармацыйных, якія звязаныя з высокай мабільнасцю, неабходнасцю атрымліваць дадатковую адукацыю і на працягу жыцця не раз мяняць месца працы і нават сферу занятасці. Памяншэнне колькаснага складу з'явілася следствам пераходу ад роднасна-сямейнага тыпу арганізацыі жыцця, у тым ліку і эканамічнага, да спосабу забеспячэння сям'і, што рэалізуецца індывідамі за яе межамі і не ў коле сваякоў. У той жа час, па дадзеных ЮНІСЕФ 2008 г., у складзе пашыранай сям'і пражывалі 13% жанатых мужчын з дзецьмі і 20% жанчын (замужніх і незамужніх) з дзецьмі школьнага ўзросту [2, с. 7]. У якасці прычын сумеснага з бацькамі пражывання часцей за ўсё называліся жыллёвыя цяжкасці.

Адна з характэрных рыс сучаснай сям'і – маладзетнасць. У Беларусі больш за 90% сем'яў з дзецьмі маюць аднаго ці двух дзяцей [6, з. 38], а самым распаўсюджаным тыпам з'яўляецца поўная сям'я з адным непаўналетнім дзіцем (каля 65%) [3, с. 27; 7, з. 6]. У грамадстве працягвае захоўвацца сацыяльная норма маладзетнасці, у выніку не забяспечваецца простае замяшчэнне бацькоўскіх пакаленняў. Арыентацыя на маладзетнасць з'явілася следствам тых жа працэсаў, што і нуклеарызацыя. Калі ў традыцыйным грамадстве дзеці разглядаліся як эканамічны рэсурс,

то ў сучасным свеце нараджэнне дзяцей звязана з такімі важнымі функцыямі, як рэалізацыя бацькоўскага інстынкту, неабходнасць клапаціцца аб кімсьці і г. д., але ніколі не з чаканнямі эканамічнай выгады. Больш за тое, сацыялагічныя і эканамічныя даследаванні паказваюць, што калі са з'яўленнем першага і другога дзіцяці ўзровень і якасць жыцця ў сем'ях практычна не адрозніваецца ад сярэдніх паказчыкаў па краіне, то матэрыяльнае становішча шматдзетных сем'яў значна горшае [6, с. 112].

Але справа не толькі ў матэрыяльных выгодах. У сучасным свеце, дзе для дасягнення поспеху патрабуецца пастаяннае самаразвіццё, атрыманне новых ведаў, гнуткасць і крэатыўнасць, бацькі, жадаючы вырасіць паспяховага чалавека, робяць стаўку на ўсебаковае развіццё. Дзіця з малых гадоў наведвае школы ранняга развіцця, пазней – гурткі, спартыўныя секцыі, тэатральныя і мастацкія студыі, моўныя курсы, рэпетытараў па асобных школьных прадметах і г. д. Забяспечыць такое развіццё вялікай колькасці дзяцей пры тым, што дарослыя ў сучасным свеце таксама ўвесь час павінны ўкладвацца ў сваё самаразвіццё – немагчыма. Такім чынам, рэпрадуктыўная функцыя сям'і накіравана на свядомае абмежаванне нараджальнасці і забеспячэнне высокай якасці падрыхтоўкі дзіцяці да жыцця і працы ва ўмовах інфармацыйнага грамадства [10, с. 76].

Арыентацыі на маладзетнасць спрыяе і спаборніцтва ў сістэме рынковых адносін, павялічваецца незалежнасць і аўтанамізацыі асобы. Дзеці як сэнс жыццядзейнасці сям'і сталі канкураваць з каштоўнасцямі сацыяльнага статусу, свабоднага выбару ладу жыцця, прафесійнай і асабістай самаідэнтыфікацыі. Планаванне сям'і і свядомае бацькоўства, калі муж і жонка вырашаюць, колькі і калі мець дзяцей, з'яўляюцца прынцыпамі абсалютнай большасці сучасных сем'яў.

Дзяржавы зацікаўленыя ў павышэнні нараджальнасці сярод насельніцтва і выпрацоўваюць і праводзяць спецыяльную палітыку, накіраваную на стымуляванне дзетанараджэння. Такая палітыка звычайна ўключае розныя эканамічныя, сацыяльныя і юрыдычныя меры. Напрыклад, у Рэспубліцы Беларусь шматдзетныя сем'і маюць права на льготную чаргу на жыллё, льготныя крэдыты і г. д. Аднак даследчыкі розных краін прызнаюць, што ім пакуль не ўдалося ўстанавіць заканамернасці грамадскага развіцця, якія вызначаюць пераход ад высокай нараджальнасці да нізкай і наадварот [6, с. 113].

З 1970-х гг. у Беларусі ўстойліва фіксуецца рост разводаў. Вельмі высокі ўзровень разводаў і сённа: у 2018 г. на 1000 шлюбаў прыйшлося 546 разводаў [9, с. 35]. Агульны каэфіцыент шлюбнасці ў Беларусі таксама

зніжаецца, хоць застаецца адным з самых высокіх сярод еўрапейскіх краін: калі ў 2013 г. ён складаў 9,2 на 1000 чалавек насельніцтва, то ў 2016 – 6,8 [9, с. 29]. Грамадскія рэгулятары шлюбу становяцца больш ліберальнымі: грамадская думка, царква, у тым ліку і каталіцкая, а таксама юрыдычныя нормы паступова становяцца ўсё больш памяркоўнымі да разводаў [3, с. 176]. Станоўчым вынікам лібералізацыі юрыдычных нормаў аб скасаванні шлюбу з’явілася тое, што ў некаторых развітых краінах адбылося зніжэнне ўзроўню самагубстваў сярод жанчын, скарачэнне колькасці зарэгістраваных выпадкаў бытавога гвалту і памяншэнне колькасці забойстваў жанчын мужам [8, с. 9]. Узрослая эканамічная незалежнасць жанчын і павышэнне іх адукацыйнага ўзроўню павышае і іх патрабаванні да шлюбна-сямейных адносін. Таму, калі шлюбныя адносіны перастаюць задавальняць, жанчыны ініцыююць развод. Сёння працоўныя жанчыны робяць гэта часцей, чым мужчыны, нягледзячы на тое, што многія наступствы разводу, як сведчаць даследаванні, для жанчыны больш неспрыяльныя, чым для мужчыны. Самая нізкая гатоўнасць да разводу адзначаецца ў жыхароў аграрных раёнаў, у жанчын, якія знаходзяцца на ўтрыманні мужа ці маюць нізкія заробкі [3, с. 176].

На фоне зніжэння колькасці зарэгістраваных шлюбаў ўстойліва расце колькасць так званых грамадзянскіх шлюбаў, якія пачынаюць уяўляць статыстычна значны феномен, які адзначаюць не толькі спецыялісты, але і шараговыя грамадзяне. Рэгістрацыя шлюбу для маладых людзей перастала насіць сімвалічнае значэнне пачатку сямейнага жыцця. Сярод маладых пар папулярнасць зарэгістраванага шлюбу падае, паспяхова ўжо канкуруючы з незарэгістраваным. Усё больш маладых пар разглядаюць грамадзянскі шлюб як неабходны праверачны перыяд перад рэгістрацыяй шлюбу і, наадварот, лічаць неадказнай рэгістрацыю шлюбу без вопыту сумеснага жыцця [2, с. 4]. Змяняецца і грамадская думка. Калі яшчэ ў канцы ХХ ст. адзінай прызнанай усім грамадствам формай шлюбнага саюза быў зарэгістраваны шлюб, то ў апошнія гады сітуацыя змянілася. Сацыялагічныя даследаванні паказваюць, што 70% жанчын і 75% мужчын, якія маюць дзяцей школьнага ўзросту, ставяцца да незарэгістраваных саюзаў цалкам лаяльна.

У сучаснай Беларусі адбываецца фарміраванне новых адносін у сям’і, шматлікія даследаванні канстатуюць працэсы дэмакратызацыі і эгалітарызацыі адносін. Традыцыйны тып сям’і – гэта адносіны іерархіі і субардынацыі, дамінавання і падпарадкавання: мужоў над жонкамі, дарослых над дзецьмі, старэйшых над малодшымі. Сучасны характар

адносін – гэта адносіны партнёрства, роўнасці, павагі да кожнага. Улада замяняецца лідэрствам, аўтарытэтам, дзе кожны ў сям’і можа зарэкамендаваць сябе як лепшы ў сваёй сферы. Гэта азначае фарміраванне такога тыпу сям’і, дзе вышэйшай каштоўнасцю з’яўляюцца індывідуальнасць асобы, яе правы і свабоды [10, с. 231]. Патрыярхальная ідэалогія паступова замяняецца парадыгмай эгалітарызма і гендэрнай роўнасці. Традыцыйны набор мужчынскіх роляў у сям’ – кіраўнік, карміцель, абаронца – сёння змяняецца і дапаўняецца. Бацька не толькі матэрыяльна ўтрымлівае і выхоўвае дзяцей, ён выконвае ролю старэйшага сябра дзіцяці і яго настаўніка. А да традыцыйных жаночых роляў гаспадыні і захавальніцы сямейнага ачага дадаецца функцыя матэрыяльнага забеспячэння. Але казаць аб поўнай замене традыцыйнай сям’і з яе выразна прапісанымі ролевымі пазіцыямі сям’ёй сучаснай яшчэ рана. Зараз хутчэй адзначаецца сумесь сямейных відаў, змешаных стэрэатыпных і новых рыс вобразаў мужа і жонкі, якія ўяўляюць сабой кангламерат традыцыйных і эгалітарнай поглядаў [4, с. 33].

У сучаснай сям’і адбываецца так званая «рэдукцыя функцый», іх спрашчэнне ў сувязі з перадачай некаторых відаў дзейнасці іншым сацыяльным інстытутам. Сям’я ператвараецца ў супольнасць, для якой самай важнай з’яўляецца эмацыйна-псіхалагічны складнік. На думку даследчыкаў, на сённяшні дзень найбольш радыкальным паказчыкам эвалюцыі сям’і можна лічыць акцэнтаванне ўвагі на адным з асноўных аспектаў унутрысямейных адносін – адносінах паміж мужам і жонкай. Адбываецца ўмоўны рух ад адкрэўнага сваяцтва (бацька-сын, маці-дачка і інш.) да няроднасных адносінаў (муж-жонка). Пры гэтым шлюбныя адносіны ўяўляюць сабой асобныя адносіны мужа і жонкі, тое, што адбываецца ў працэсе сумеснага пражывання і заснаванае на ўласна шлюбных каштоўнасцях [5, с. 176]. Шлюбныя каштоўнасці – узаемная маральная падтрымка, увага, клопат, цікавасць да патрэбаў адзін аднаго – з’яўляюцца галоўнымі патрабаваннямі мужа і жонкі ў сучасным саюзе, і ўяўляюць сабой экзістэнцыяльныя каштоўнасці чалавека.

Ці азначае ўсё сказанае вышэй наяўнасць крызісу сям’і і сямейных каштоўнасцяў? Думкі розных спецыялістаў пра будучыню сям’і і шлюбу бываюць дыаметральна супрацьлеглымі. Існуе тры асноўных ідэалагічных падыхода да ацэнкі сям’і і яе будучыні. Першы падыход грунтуецца на падставе, што сям’я перадае свае функцыі іншым сацыяльным інстытутам, губляе сваё былое становішча і месца ў жыцці грамадства і індывіда. Другі падыход абапіраецца на непахіснасць сутнасці сям’і, якая ўяўляецца як

стабільная і трывалая сістэма з нязменнымі функцыямі, якая забяспечвае ўстойлівасць грамадства. Трэці падыход прызнае заканамернымі сацыяльна абумоўленыя змены, якія адбываюцца з сям'ёй, дапускае з'яўленне новых шлюбна-сямейных формаў, не разглядаючы іх як пагрозу існаванню грамадства.

Гэтыя тры падыходы можна ўспрымаць як узаемадапаўняльныя. Жыццё сям'і, фазы яе развіцця, яе структура і змены ва ўнутраным жыцці залежаць ад змен у развіцці цывілізацыі, больш шырокіх супольнасцяў і глабальнага грамадства. Развіццё індустрыяльнага грамадства, змяненні ў дэмаграфічнай структуры, пераўтварэнні, якія адбываюцца ў грамадскіх класах, сацыяльныя і палітычныя рэвалюцыі заўсёды выклікаюць пэўныя змены ў жыцці сям'і. Аднак тэорыі аб паўсюдным і прынцыповым крызісе сям'і, якія настойліва паўтараюцца на працягу апошніх 150 год, якія сцвярджаюць, што ў сучаснай цывілізацыі сям'я перастае выконваць свае сацыяльныя функцыі, што яна знаходзіцца ў заняпадзе, – словам, розныя катастрофічныя тэорыі раскладання сям'і фактамі не пацвярджаюцца.

Сям'я змяняе структуру і функцыі, прыстасоўваецца да зменаў глабальнага грамадства. Гэтыя змены выклікаюць розныя з'явы, невядомыя раней. Аднак колькасць шлюбаў не падае ні ў адной краіне. Як паказваюць даследаванні апошніх гадоў, сям'я для большасці беларусаў вельмі важная і займае другое месца ў ліку каштоўнасцей арыентацый, саступаючы толькі здароўю. Чалавеку важна мець месца, дзе яго любяць, дзе яму акажуць дапамогу, дзе партнёры падзяляюць погляды адзін аднаго, дзе наладжаны адносіны ўзаемаразумення. Сёння менавіта так характарызуюць сям'ю самі людзі, безадносна да таго, у якой форме яна існуе [1, с. 32].

Такім чынам, з'яўляючыся першасным элементам грамадства, сям'я дае ў мініяцюры карціну тых жа працэсаў і супярэчнасцяў, якія ўласцівыя і самому грамадству. Працэсы, звязаныя з мадэрнізацыяй, такія як распад традыцыйнай сялянскай абшчыны, пераход ад натуральнай гаспадаркі да таварнай вытворчасці, індустрыялізацыя, урбанізацыя, пазней – дзігіталізацыя, непазбежна адбіліся на сям'і.

Сям'я, будучы малой сацыяльнай групай, адна з функцый якой – адаптацыя яе членаў да існавання ў грамадстве, мяняла формы і адаптавала функцыі ў грамадстве, якое хутка эвалюцыянавала. Асноўныя працэсы, якія вызначаюць аблічча сучаснай сям'і – нуклеарызацыя, маладзетнасць, аддзяленне вытворчай сферы ад хатняй гаспадаркі, рост колькасці разводаў, эгалітарызацыя і дэмакратызацыя сямейных адносін.

Кожны з гэтых працэсаў абумоўлены адаптацыяй да трансфармуючыхся умоў. Пры гэтым сям'я не губляе пазіцыі у сістэме каштоўнасцяў, трансфармацыю сям'і варта разглядаць як перманентны працэс прыстасавання да зменлівых умоў для захавання і выканання важнейшых функцый.

Бібліяграфічны спіс

1. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Т. 2. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер». Минск: «Белсэкс», 2018.
2. Бутова С. Н. Современная семья: крах или другая жизнь? // Социология. 2015. № 2. С. 4–15.
3. Бутова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы и персоналии. Минск: Право и экономика, 2010.
4. Бутова С. Н. Социология семьи: пособие для студентов фак. философии и соц. наук. Минск: БГУ, 2011.
5. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: 5 ТОО ТК «Петрополис», 1998.
6. Леганькова О. В. Психология современной семьи. Минск: БГПУ, 2013.
7. Мартынова В. В. Современная белорусская семья: тенденции развития и типичные примеры // Социальная и психолого-педагогическая помощь семье: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 16 марта 2017 г. Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Минск: БГПУ, 2017. С. 6–9.
8. Прогресс женщин мира в 2019–2020 гг. Семьи в меняющемся мире. Доклад «Женщины ООН». [Электронный ресурс]. URL: <https://esa.unwomen.org/ru/digital-library/progress-of-the-worlds-women>. Дата доступа: 10. 09. 2021.
9. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019.
10. Социология: Курс лекций. М.: Социал.-полит. журн., 1996.
11. Сям'я і сямейны быт беларусаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1990.

РИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР В ОЦЕНКЕ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 90-х гг. XX в. – НАЧАЛА XXI в.

Т. М. Милач (Тохиян)

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», г. Брест, Беларусь tohian@mail.ru

В статье представлен анализ оценок Рижского мирного договора отечественной историографией 90-х гг. XX в. – начала XXI в. Автор выделил два направления. Каждое направление историографических исследований, согласно авторской позиции, представляло своё видение проблемы. В статье указывается на достоинства и недостатки работ данного периода в оценке Рижского мирного договора 1921 г.

Ключевые слова: отечественная историография; Рижский мирный договор; оценки.

THE RIGA PEACE TREATY IN THE ASSESSMENT OF THE BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 90s OF THE XX CENTURY - THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY.

T. M. Milach (Tohiyan)

*Educational Institution «A. S. Pushkin Brest State University», Brest, Belarus
tohian@mail.ru*

The article presents an analysis of the assessments of the Riga Peace Treaty by the Russian historiography of the 90s of the twentieth century. - the beginning of the XXI century. The author has identified two directions. Each direction of historiographical research, according to the author's position, presented its own vision of the problem. The article points out the advantages and disadvantages of the works of this period in the evaluation of the Riga Peace Treaty of 1921.

Key words: Russian historiography; Riga Peace Treaty; assessments.

История подписания мирных договоров берёт своё начало со времени возникновения цивилизованного общества. На протяжении нескольких тысячелетий человечество вырабатывало критерии заключения договоров, но всегда сохранялась ситуация, когда оставались нерешённые проблемные вопросы, имела место поспешность действий, человеческий фактор.

18 марта 1921 г. полномочными представителями РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польской республики, с другой, был подписан Рижский мирный договор, надолго предопределивший судьбу западной части Беларуси. В период подписания он сделался предметом полемики на международной арене многих политических сил. До начала 90-х гг. XX в. в советской исторической литературе данная проблема не сильно актуализировалась, поскольку подписание договора осуществлялось не СССР, а РСФСР, что изначально создавало прецедент в ситуации.

Провозглашение независимости Беларуси в 1991 г. ознаменовало собой начало нового этапа не только в истории белорусской государственности, но и в отечественной историографии. Начался процесс пересмотра прежних воззрений на многие события прошлого, в том числе и Рижский мирный договор. К середине 90-х гг. XX в. были опубликованы две статьи [1; 2] и документальные материалы [3]. Авторы статей В. А. Круталевич и М. Ф. Шумейко высказали противоположные взгляды на подписание договора 1921 г. В. А. Круталевич в статье «Рыжскі мірны дагавор» [1] оценил договор как «драматическую страницу» в истории Беларуси [1, с. 12], ссылаясь на отрицательные последствия, которые, по его мнению, состояли в разделе Беларуси и в несовместимости договора с принципом национального самоопределения [1, с. 14]. М. Ф. Шумейко в статье «В Риге 70 лет тому назад» сделал попытку оправдать необходимость подписания Рижского договора, не приняв во внимание многих негативных аспектов проблемы [2, с. 14–15]. Оба автора не предлагали глубокий анализ сложившейся исторической ситуации, обусловившей подписание договора.

Полноценное изучение Рижского мирного договора началось с середины 90-х гг. XX в. Вплоть до начала XXI в. исследования велись по двум направлениям. *Первое направление* представляли историки, которые были сконцентрированы на причастности Рады БНР к событиям накануне и в период подписания Рижского договора [4; 5; 6; 7; 8]. Число этих работ не велико. Исследователи были нацелены оценить роль деятелей белорусского национального движения в международной политике. А. Кротов, используя материалы периодической печати начала 20-х гг. XX в., в ряде статей проследил нарастание недоверия среди представителей белорусского национального движения к польской политике на территории Беларуси [4, с. 47–48; 5, с. 16–17]. Впервые в историографии Беларуси на конкретных примерах он доказывал попытки «незалежнікаў» предотвратить подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора и раздел Беларуси [5, с. 47]. Для подтверждения отрицательного влияния раздела Беларуси, которое узаконил Рижский мирный договор, исследователь обратился к событиям, описывающим негативные проявления польской экспансии после подписания договора [5, с. 48–49].

В. Ф. Ладысев и П. И. Бригадин в статье «Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці канец нацыянальнага рамантызму» [6] привели документальные источники, в которых нашли отражение малоизвестные стороны деятельности Рады БНР: отношение к православной церкви, к

проблеме конфессионального деления белорусского общества. Учёные обращали внимание общественности на активную позицию Рады БНР, направленную против условий Рижского договора [6, с. 49]. Авторы с не критических позиций подошли к освещению международной деятельности Рады БНР, привели примеры достижений, носивших морально-психологический характер [6, с. 53].

Изучение внешнеполитической деятельности представителей Рады БНР представлено Т. Я. Павловой в диссертационном исследовании «Внешиполитическая деятельность Беларускай Народнай Республікі в 1918–1920 гг.» [7]. Исследовательница впервые комплексно рассмотрела деятельность Министерства иностранных дел, которое отстаивало интересы Беларуси на международной арене. Причину отсутствия делегации БНР на переговорах Т. Я. Павлова увидела в недостатке кадров для государственного, хозяйственного и культурного строительства и в невозможности создать основные атрибуты государства [7, с. 100]. Одновременно автор несправедливо обвинила руководство ССРБ в игнорировании раздела Беларуси [7, с. 99].

Второе направление в белорусской историографии представляли учёные, которые были заинтересованы в выяснении причин отсутствия делегации ССРБ на переговорах и при подписании Рижского мирного договора. Для доказательства своих позиций исследователи прибегали к анализу документальных данных: одни цитировали выдержки из письма Г. Чичерина и документов, косвенно указывающих на причины отсутствия белорусской делегации, другие давали итоговый вывод без глубокого анализа документов. В. А. Круталевич в работе «История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.)» привёл лишь выдержки из письма наркома иностранных дел Г. Чичерина Центральному комитету партии от 30 декабря 1920 г. [8, с. 320]. Особое внимание автор обратил на то, что участь территорий ССРБ решали без её представителей. Он привёл в пример присутствие А. Г. Червякова и его разочарование от понимания бесполезности своего участия в обсуждении основных вопросов [8, с. 320]. В. Е. Снопковский в статье «Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.)» на основании анализа телефонного разговора В. Кнорина с Н. Крестинским [9, с. 30] и письма Г. Чичерина от 30 декабря 1920 г. [9, с. 31] пришёл к выводу, что правительство РСФСР не желало видеть белорусскую делегацию на переговорах. Историк привёл объективные причины, по которым ССРБ передала свои полномочия правительству РСФСР, и указал, что «Рижский

мир завершил на определённое время трагическую полосу разделов Беларуси, которая была положена Брестским миром 1918 г.» [9, с. 32].

Выяснение причин отсутствия белорусской делегации на переговорах и при подписании Рижского мирного договора привело исследователей к сомнениям относительно правосубъектности ССРБ как государства. В. А. Круталевич, затрагивая вопросы правосубъектности ССРБ, указал, что с подписанием Рижского договора была признана белорусская государственность со стороны РСФСР [8, с. 318]. Он считал, что на переговорах в Риге дипломаты РСФСР «отстаивали статус ССРБ как самостоятельного субъекта международного права». Эту позицию В. А. Круталевича разделили А. В. Тихомиров [10, с. 10] и В. Ф. Ладысев [11, с. 27]. В свою очередь, Н. В. Сильченко и И. А. Басюк в работе «Беларуская дзяржаўнасць» [12] подвергли сомнению правосубъектность ССРБ, указав на то, что республика «фактически и юридически являлась автономной областью в составе РСФСР» [12, с. 238–239]. Именно по этой причине, как считали авторы, и отсутствовала подпись представительства ССРБ под международным актом [12, с. 239]. Э. Г. Иоффе так же рассматривал Рижский договор как «большой удар по формирующейся белорусской советской государственности» [16, с. 93]. Именно это обстоятельство послужило для автора основанием для заключения, что «государственность была больше формальной, чем фактической, поскольку БССР в 1921 г. находилась в полной экономической и политической зависимости от РСФСР» [16, с. 93].

Существенный вклад в разработку проблемы Рижского мирного договора был внесен в начале XXI в. организатором конференции «Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы» (2001) В. Ф. Ладысевым. Основываясь на материалах Российского государственного архива социально-политической истории, учёный, в статье «Рыжскі дагавор 1921 г. і курс кіраўніцтва Савецкай Расіі на сусветную пралетарскую рэвалюцыю» опроверг оценки советской историографии, в которых польская делегация обвиняется в нежелании заключить «предварительный и справедливый мир» [13, с. 16]. Подвергая анализу ситуацию накануне переговоров в Риге (1920) и шифрованную телеграмму В. И. Ленина Данишевскому от 17 августа 1920 г., В. Ф. Ладысев пришёл к выводу, что «на этапе минских переговоров советское политическое руководство не расставалось с надеждой на успешную реализацию политики мировой революции» [13, с. 17]. Подписание договора в Риге, как указал учёный, констатировало «банкротство курса советского

правительства на мировую революцию» [13, с. 14]. Владимир Фёдорович пришёл к выводу, что заложенные в договоре противоречия делали договор «ненадёжным, что отчётливо проявилось осенью 1939 г. «, хотя, по его мнению, «с формальной точки зрения Рижский договор создавал благоприятные условия для безопасности стран Восточной Европы» [13, с. 27].

Не менее важным в исторической литературе является выяснение вопроса о границах и демографической ситуации [22]. Формирование этнической и государственно-административной границы получило освещение в работе Г. С. Марцуля и Н. С. Сташкевича [21]. Авторы уделили внимание территориальным изменениям после подписания Рижского договора, по которому «БССР аднаўлялася на невялікай тэрыторыі, якая складала ўсяго 52,3 тысячы квадратных км. з насельніцтвам крыху больш за 1,5 мільёна чалавек» [15, с. 90], а также выступили с критикой договора, с подписанием которого присутствовала некоторая вероятность «здзяйснення фактычнай веры у перамогу сусветнай рэвалюцыі», ради которой «ахвяраваліся маленькія нацыянальныя інтарэсы беларускага народа» [21, с. 90].

В статье В. Э. Гарбуза был дан анализ демографической ситуации на белорусско-польском и белорусско-литовском пограничье в момент заключения и денонсации Рижского мирного договора 1921 г. [17]. Исследователем проанализирована демографическая ситуация до подписания Рижского договора и после, когда по данным Варшавского статистического комитета на белорусско-польском пограничье проживало белорусов 65–83 %, а белорусско-литовском – 75–85 % [17, с. 49–50]. При этом автор обосновывал причины, по которым белорусская делегация не была допущена к подписанию договора. Среди них указывается на опасения российской дипломатии, «што ў выпадку з’яўлення на перамовах непасрэдна беларускай дэлегацыі, яна разбурыць усе іх дыпламатычныя камбінацыі» [17, с. 52]. В. Э. Гарбуз указал также на изменения демографической ситуации после подписания Рижского мира: «Згодна з вынікамі перапісу 30 верасня 1921 г. атрымалася такая надзвычай цікавая рэч, што значная колькасць палякаў была выяўлена не толькі ў паведах з вялікай доляй каталіцкага насельніцтва, але і таксама ў такіх, дзе католікаў было не так многа» [17, с. 52].

Авторы сборника «Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий» [14] особое место отвели двум событиям, описание которых в исторической литературе

практически не было отражено – это обращение участников собрания в Ковно 30 декабря 1920 г. и «Заявление 32-х». Оба эти документа, по мнению исследователей, являлись значительными, поскольку предлагали пути выхода из сложившейся на территории Беларуси ситуации накануне и с учетом подписания Рижского мирного договора [14, с. 79–82].

К концу 90-х гг. XX в. большинством учёных Рижский мирный договор рассматривался как акт исторической несправедливости, имевший место в период национально-государственного строительства в 1917–1922 гг. [18]. Так, Н. В. Сильченко и И. А. Басюк, обращаясь к Рижскому договору, увидели закономерность отсутствия подписи представительства БССР в том, что она «фактически и юридически являлась автономной областью в составе РСФСР» [19, с. 238–239]. Другой историк, А. Тихомиров, в статье «Ад Рыгі да Генуі» указал на то, что в договоре сохранилось положение о признании суверенитета Беларуси. Таким образом, заключил автор, «договор стал актом юридического признания БССР со стороны иностранных государств» [10, с. 10]. В свою очередь, В. Ф. Ладысев высказал мысль о том, что именно актом от 12 октября 1920 г. подтверждалась независимость Украины и Беларуси, устанавливалась линия государственной границы между Польшей и советскими республиками [20, с. 27].

Изменилось обоснование договора и в энциклопедической литературе. В статье С. Бородич и В. Н. Михнюка «Рыжскі мірны дагавор 1921» [15], помещённой в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», авторы систематизировали накопленный к началу XXI в. материал. В контексте польско-советской войны они рассмотрели события, связанные с заключением Рижского договора и прокомментировали основные его статьи. В статье приведены критические позиции социалистов-революционеров и руководства БНР в отношении подписания договора и раздела Беларуси [15, с. 150–153].

В целом в 90-е гг. XX в. в белорусской историографии не сложилось единого подхода в оценках Рижского мира. Для научной среды это совершенно нормальная ситуация. К сожалению, в этот период оценки авторов носили поверхностный анализ. В исторический оборот был введен ряд ранее недоступных документов, что, несомненно, было позитивным моментом. В конце 90-х гг. XX в. исследователи только начали подходить к комплексному анализу ситуации: затрагивалась идея экспорта мировой революции, которая жила в сознании верхушки советского правительства.

Остался без анализа мировой геополитический контекст и вовлечённость в него Беларуси.

Библиографический список

1. Круталевич В. Рыжскі мірны дагавор // Спадчына. 1990. № 1. С. 12–14.
2. Шумейко М. В Риге 70 лет тому назад // Коммунист Белоруссии. 1991. № 9. С. 14–20.
3. Рыжская дамова 1921 г. // Спадчына. 1993. № 4. С. 12–22.
4. Кротаў А. Беларускі стэрэатып польскага народу // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 4. С. 16–20.
5. Кротаў А. Гульня ў незалежнасць (З матэрыялаў перыядычнага друку 20-х гадоў) // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 4. С. 46–49.
6. Ладысеў У., Брыгадзін П. Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921 г., ці канец нацыянальнага рамантызму // Беларускі гістарычны часопіс. 1997. № 1. С. 48–53.
7. Павлова Т. Я. Внешнеполитическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1920 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07. 00. 15. Минск, 2001. 109 л.
8. Круталевич В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922). Минск, 1999. 388 с.
9. Снапкоўскі У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 28–41.
- 10 Ціхаміраў А. Ад Рыгі да Генуі // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 6. С. 9–12.
- 11 Ладысеў У. Ф. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне? // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 23–27.
- 12 Сільчанка М. У., Басюк І. А. Беларуская дзяржаўнасць. Гродна, 1997. 370 с.
- 13 Ладысеў У. Ф. Рыжскі дагавор 1921 года і курс кіраўніцтва Савецкай Расіі на сусветную пралетарскую рэвалюцыю // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы: матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск 16–17 сакав. 2001 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: У. Ф. Ладысеў [і інш.]. Мінск, 2001. С. 14–22.
- 14 Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий / В. К. Коршук, Р. П. Платонов, И. Ф. Романовский, Е. Г. Богданович. Минск: БГУ, 1999. 188 с.
- 15 Міхнюк У., Бародзіч С. Рыжскі дагавор // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 2001. Т. 6. С. 150–153.
- 16 Иоффе Э. Г. К вопросу о формировании белорусской государственности в 1918–1921 гг. // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск 18–19 крас. 2003 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: П. І. Брыгадзін [і інш.]. Мінск, 2004. С. 91–94.
- 17 Гарбуз В. Э. Дэмаграфічная сітуацыя на беларуска-польскім і беларуска-літоўскім памежжах у момант заключэння і дэсанацыіі Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. // Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, 17–18 верасня 1999 г. Мінск. С. 49 – 55.
- 18 Беларуская дзяржаўнасць у XX стагоддзі: Вучэбна-метадычныя рэкамендацыі па беларусазнаўству для студэнтаў ММІ – Магілёў: ММІ, 1997. С. 30; Круталевич В. А., Юхо І. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945). 1-е выд. Мінск.: Беларуская навука, 1998. С. 104–105

- 19 Сільчанка М. У., Басюк І. А. Беларуская дзяржаўнасць. Гродно, 1997. 370 с.
- 20 Ладыеў У. Ф. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне? // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 23–27.
- 21 Марцуль Г. С., Сташкевіч М. С. Гісторыя Беларусі: Насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў. Беларускае замежжа. Вучэбны дапаможнік. Мінск.: РІВШ пры БДУ, 1997. 132 с
- 22 Марцуль Г. С., Сташкевіч М. С. Гісторыя Беларусі: Насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў. Беларускае замежжа. Вучэбны дапаможнік. Мінск: РІВШ пры БДУ, 1997. 132 с; Гарбуз В. Э. Дэмаграфічная сітуацыя на беларуска-польскім і беларуска-літоўскім памежжах у момант заключэння і дэсанцыі Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. // Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі 17–18 верасня 1999 г. Мінск. С. 49–55; Ладыеў У. Ф. Заходняя Беларусь у 1921–1939 гг. // Беларусь на мяжы тысячагодзяў. Мінск: БелЭн, 2000. С. 166–179.

КАТЕГОРИИ «АУТЕНТИЧНОСТЬ» И «УНИКАЛЬНОСТЬ» КАК УГРОЗЫ СОХРАНЕНИЮ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

М. А. Михайлец

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, mikhailets@bsu. by*

Выявлены особенности сохранения материального и нематериального культурного наследия путем сравнения подходов Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года и Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года, а также проблемы их реализации в Беларуси.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие; ЮНЕСКО; всемирное наследие.

CATEGORIES «AUTHENTICITY» AND «UNIQUENESS» AS THREATS TO THE SAFEGUARDING OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

M. A. Mikhailets

*Belarusian State University, Nezalezhnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
mikhailets@bsu. by*

The peculiarities of the safeguarding of the tangible and intangible heritage are revealed by comparing the approaches of the 1972 Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage and the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, as well as the problems of their implementation in Belarus.

Key words: intangible cultural heritage; UNESCO; World Heritage.

При сохранении какого-бы то ни было вида наследия неизбежно возникает вопрос, ради чего это сохранение затевается. Со стороны широкой общественности стимулами к сохранению могут выступать нечетко сформулированные мотивы: «это интересно», «это наша история», «так делали наши предки» и тому подобные. Специалистам же, занимающимся практическими вопросами сохранения наследия, важно наличие четко сформулированных критериев, на основании которых они могут выделять из общей массы реликтов прошлого, которые нас окружают, те материальные объекты и элементы нематериальной культуры, которые заслуживают того, чтобы мы предпринимали в их отношении специальные меры по охране и передаче потомкам. Как показала и международная, и отечественная практика, при организации охраны крайне важно учитывать особенности различных видов культурного наследия, причем это касается не только применения конкретных методов, но и общих принципиальных подходов.

Цель статьи – выявление особенностей сохранения материального и нематериального культурного наследия (далее НКН) на основе сравнения подходов Конвенции об охране всемирного наследия 1972 г. и Конвенции об охране нематериального наследия 2003 г.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Конвенция всемирного наследия) была принята в 1972 г., а в силу вступила в 1975 г. Основными критериями определения культурного наследия, согласно Конвенции 1972 г., являются «выдающаяся универсальная ценность» и «целостность и аутентичность». Ключевое понятие для характеристики сферы применения Конвенции всемирного наследия, согласно которому осуществляется выбор сохраняемых культурных и природных объектов, – это «выдающаяся универсальная ценность». Данная категория является оценочной, устанавливающей тот уровень, которому должно соответствовать наследие, претендующее на то, чтобы называться всемирным.

Любопытно, что в Конвенции 1972 г. нет определения выдающейся универсальной ценности. Считается, что это не случайно, поскольку разработчики данного международного документа осознавали, что понятие это трудноуловимое, а главное – изменяющееся со временем и зависящее от многих культурных факторов. Синонимами термина «выдающийся» выступают такие слова как «уникальный», «превосходный», «исключительный», то есть намного лучший, чем обычный. Понятие «универсальный» означает, что качества объекта представляют интерес для всего человечества как в настоящем, так и в будущем. Однако, поскольку выдающаяся универсальная ценность остается довольно размытой категорией, Комитет всемирного наследия обладает правом установления критериев определения выдающейся универсальной ценности, которые сформулированы в Руководстве по выполнению Конвенции 1972 г. [1].

В настоящее время используется уже шестая редакция критериев установления выдающейся универсальной ценности (первая была принята в 1977 г.). За это время подход к этим критериям эволюционировал от эксклюзивного к более представительному и сравнительному подходу.

Первым международно-правовым документом, в котором предпринята попытка сохранения элементов традиционной культуры, стала Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении фольклора 1989 г. В преамбуле Рекомендации 1989 г. отмечается, что «фольклор является

частью общего наследия человечества...» [2], и это повторяет подход Конвенции всемирного наследия.

Когда в 1997 г. стартовала программа ЮНЕСКО «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества», то возник вопрос о критериях включения в список подобных шедевров. При этом возникла принципиальная трудность в оценке нематериального наследия как общечеловеческого наследия, поскольку его роль состоит преимущественно в формировании идентичности определенных групп людей в противовес идентичности других групп. В ходе трех раундов провозглашения шедевров (в 2001, 2003 и 2005 гг.) этот статус получили 90 элементов НКН. Провозглашение шедевров стало полезной тренировкой в деле составления международных списков НКН и позволило сформулировать подход Конвенции 2003 г. в этом отношении. Во-первых, эксперты рекомендовали оставить ссылку на НКН как на «общее наследие человечества» лишь в преамбуле, обосновывая тем самым необходимость его охраны, но не использовать его в определении НКН [3, с. 11]. Впрочем, Конвенция 2003 г. даже в преамбуле избегает подобной отсылки, и в ней говорится о важном значении НКН «в качестве горнила культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития» [4].

Во-вторых, эксперты обратили внимание на возникновение иерархии среди элементов НКН, вводимой благодаря самому факту провозглашения элементов «шедеврами» (одни элементы считаются шедеврами, а другие нет) [3, с. 10–11]. Конвенция 2003 г. полностью отвергла подобный подход, и признала необходимость сохранения всех элементов НКН, являющихся подлинно живым наследием, имеющим важное значение для соответствующих сообществ и групп. При этом именно сообщества и группы, то есть носители НКН, играют ключевую роль как в его определении, так и во всех действиях по отношению к такому наследию.

Таким образом, Конвенция об охране нематериального наследия 2003 г. ничего не говорит о том, что НКН должно обладать уникальностью или неким общечеловеческим значением. Его значимость определяется исключительно самими носителями и, таким образом, государства, согласно Конвенции 2003 г., берут на себя обязательство сохранять всё НКН, имеющееся на их территории [4, ст. 11(a)]. Тем не менее, со стороны чиновников и журналистов часто можно услышать разговоры об уникальности и общечеловеческой значимости того или иного элемента НКН. Нередко с помощью именно этих категорий обосновывается необходимость сохранения того или иного элемента НКН на

национальном уровне. В белорусском законодательстве подобный подход закреплен в статье 92 Кодекса о культуре [5].

Вторая категория, играющая большую роль в деле сохранения различных видов материального наследия, в том числе всемирного наследия – это аутентичность (подлинность). В Руководстве по выполнению Конвенции всемирного наследия 1972 г. подлинность означает, что «физическая структура объекта и/или его характерные элементы должны быть в хорошем состоянии, и воздействие разрушающих процессов должно быть под контролем. Должна быть включена существенная пропорция элементов, необходимых для передачи полноты ценности, выраженной в объекте. Необходимо сохранить взаимосвязи и динамические функции, присутствующие в культурных ландшафтах, исторических городах или других «живущих» объектах, являющиеся важнейшими для их отличительных признаков (характеристик)» [1, п. 89].

Кроме того, в Руководстве по выполнению Конвенции 1972 г. отмечено, что практическую основу для проверки подлинности объектов создает Нарский документ о подлинности, представленный в Приложении 4. Принятый в 1994 г. Нарский документ о подлинности (англ. Nara Document on Authenticity) закрепил ряд позиций, детализирующих и конкретизирующих понятие подлинности (аутентичности):

- «форма», «замысел» (form, design),
- «материалы», «субстанция» (materials, substance),
- «функция», «использование» (function, use),
- «технологии», «традиции» (technique, traditions),
- «местоположение», «окружение» (location, setting),
- «дух места» (genius loci, spirit and feeling) [1, Приложение 4, п. 13].

Что касается концепции нематериального культурного наследия, то для нее характерен отказ от категории «аутентичность», равно как и от категорий «древность» и «целостность». Так, подобные термины отсутствуют как в тексте Конвенции об охране нематериального наследия 2003 г., так и в Оперативном руководстве по ее выполнению. Согласно Конвенции 2003 г., НКН представляет собой живое наследие, которое постоянно воссоздается, а соответственно и изменяется, приспособляясь к изменяющимся условиям существования сообществ и групп.

В 2004 г. в японском городе Ямато была принята декларация о комплексных подходах к охране материального и нематериального наследия («Декларация Ямато»), в которой, в частности, отмечается, что

«учитывая, что НКН постоянно воссоздается, применяемый к материальному культурному наследию термин «аутентичность» является неуместным при идентификации и сбережении НКН» [6, п. 8].

Кроме того, часто под подлинностью понимается древность определенного элемента НКН. Так, в белорусской практике при определении аутентичности того или иного элемента НКН чаще всего принято ссылаться на сведения, представленные в этнографических работах XIX – первой половины XX в. Если современное состояние элемента не соответствует этим сведениям, то, по мнению многих специалистов, аутентичность его нарушена. Более того, подобный подход закреплен на законодательном уровне. Согласно статье 96 Кодекса Республики Беларусь о культуре нематериальные историко-культурные ценности разделяются на две категории: «А» и «Б». К категории «А» относятся «историко-культурные ценности, полная аутентичность и точность которых безусловны и неизменны», а к категории «Б» – «историко-культурные ценности, которые полностью либо частично восстановлены (зафиксированы) на вторичном материале или объективно могут изменяться со временем». В то же время законодательство не дает ответа, что подразумевается под аутентичностью применительно к элементам НКН, а формулировка категории «Б» звучит абсурдно, как будто есть нечто, что не меняется со временем.

Кроме того, несмотря на то, что согласно Конвенции 2003 г. первостепенную роль в деле сохранения НКН и управления им должны играть сообщества и группы, то есть носители, согласно Кодексу о культуре Беларуси, «нематериальные культурные ценности, которым может быть придан статус историко-культурной ценности, могут быть выявлены профессионально» [5, ст. 96]. Таким образом, роль самих носителей в данном отношении законодательством Беларуси достаточно ограничена.

В то же время специалисты, занимающиеся практическими вопросами сохранения нематериального культурного наследия Беларуси, действуют вполне в согласии с нормами Конвенции 2003 г., что отражается и в их публикациях, например, в практическом руководстве по идентификации и инвентаризации НКН [7], инвентарных формулярах элементов [8] и других материалах.

Таким образом, в Беларуси сложилась противоречивая ситуация в отношении практики сбережения НКН. Законодательство Республики Беларусь не вполне соответствует положениям Конвенции об охране

нематериального наследия, в то время как на практике специалистам удается достаточно эффективно содействовать сбережению НКН, действуя в духе данной Конвенции. При этом целесообразно было бы привести национальное законодательство в соответствие с Конвенцией об охране нематериального культурного наследия, исключив из него такие термины как «аутентичность», «уникальность» и им подобные, а также изменив подход к профессиональному выявлению нематериального наследия.

Библиографический список

1. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронный ресурс] // World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines>. (дата обращения: 23. 09. 2021).
2. Рекомендация о сохранении фольклора [Электронный ресурс] // UNESDOC. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000084696_rus_page=174. (дата обращения: 23. 09. 2021).
3. Blake J. Introduction to the draft preliminary study on the advisability of developing a standart-setting instrument for the protection of intangible cultural heritage [Электронный ресурс] // Intangible cultural heritage. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/05358-EN.pdf>. (дата обращения: 24. 09. 2021)
4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml. (дата обращения: 10. 09. 2021).
5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413>. (дата обращения: 10. 09. 2019).
6. The Yamato Declaration on Integrated Approaches for Safeguarding Tangible and Intangible Cultural Heritage [Электронный ресурс] // UNESDOC. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000137634?1=null&queryId=331a8a8a-4f02-496a-90b2-b64f06abea5c>. (дата обращения: 10. 09. 2021).
7. Ідэнтыфікацыя і інвентарызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны: Практычнае кіраўніцтва / А. Сташкевіч [і інш.]. Мінск: Інстытут культуры Беларусі, 2013.
8. Жывая спадчына Беларусі. Інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны [Электронный ресурс] URL: <https://livingheritage.by>. (дата обращения: 10. 09. 2021).

ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕРИМСКИХ РЕФОРМАТОРОВ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В 133–121 гг. ДО Н. Э. В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Д. П. КОНЧАЛОВСКОГО

В. Ю. Монзуль

*Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь», пр.
Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, monzul89@gmail.com*

Проанализированы взгляды историка Д. П. Кончаловского (1878–1952), работавшего в БГУ в первые годы его существования, на деятельность древнеримских политиков братьев Гракхов в 133–121 гг. до н. э. и на предпосылки их реформ. Определено место работ Д. П. Кончаловского в историографии истории Древнего Рима, определены точки соприкосновения и расхождения с взглядами белорусского исследователя Ф. М. Нечая. Сделаны выводы о высоком научном уровне работ исследователя.

Ключевые слова: историография; Древний Рим; Дмитрий Петрович Кончаловский; аграрная история; братья Гракхи.

ACTIVITIES OF ANCIENT ROMAN REFORMERS BROTHERS GRACCHI IN 133–121 BC IN THE HERITAGE OF D. P. KONCHALOVSKY

U. Y. Monzul

*State institution «National Archives of the Republic of Belarus», 116 Niezaliežnasci
Avenue, 220114, Minsk, Republic of Belarus, monzul89@gmail.com*

The views of the historian D. P. Konchalovsky (1878–1952), who worked at the Belarusian State University in the early years of its existence, on the activities of the ancient Roman politicians, the Gracchi brothers in 133–121 BC, and on the background of their reforms, are analyzed. Place of Konchalovsky's works in the historiography of the history of Ancient Rome is determined, points of contact and divergence with the views of the Belarusian researcher F. M. Nechai are determined. Conclusions are made about the high scientific level of the Konchalovsky's work.

Key words: historiography; Ancient Rome; Dmitry Petrovich Konchalovsky; agrarian history; brothers Gracchi.

Становление Белорусского государственного университета неразрывно связано с изучением истории Древнего Рима, поскольку с лекции о культуре Средиземноморья в эпоху владычества Рима, прочитанной Дмитрием Петровичем Кончаловским (1878–1952), начались занятия в университете [1, с. 5]. Первый лектор БГУ, выпускник Московского университета, не задержался в Минске, но навсегда оставил след в истории высшего образования в Беларуси. Интересы Д. П. Кончаловского были весьма широки и затрагивали современность, но как исследователь он состоялся именно благодаря изучению истории Древнего Рима в III–II вв. до н. э. Он опубликовал несколько статей по

древнеримской истории, подготовил научно-популярную книгу о Ганнибале и сборник документов по экономической истории Древнего Рима. Нельзя не упомянуть и о переводческой деятельности историка: в частности, в 1908 г. он редактировал перевод с немецкого языка «Истории Римской республики» К. В. Нича – обобщающей работы, во многих важных вопросах полемизировавшей с более известным трудом Т. Моммзена. Центральные его научные работы были посвящены социальным и экономическим аспектам реформ братьев Тиберия и Гая Семпрониев Гракхов в 133–121 гг. до н. э. и, главным образом, их попыткам масштабного передела земли в интересах безземельных и малоземельных граждан Римской республики.

В 1918 г. Д. П. Кончаловский опубликовал статью «К вопросу об упадке хлебопашества в Италии в конце Римской республики» [2], в 1923 г. – «Критика данных Аппиана и Плутарха о причинах Гракховского аграрного движения» [3], в 1926 г. – «Италийское и римское крестьянство в Гракховском аграрном движении» [4]. В Национальной библиотеке Беларуси хранится авторский оттиск последней статьи с автографом автора («Дорогому Владимиру Николаевичу Перцеву от автора, 12/1 27»). Первая статья носит в значительной степени обзорный характер и отличается влиянием упомянутой работы К. В. Нича и хорошим знанием источников. Статьи 1923 и 1926 гг. объединяет глубокий анализ текстов двух античных авторов, писавших по-древнегречески – Плутарха (I–II вв. н. э.) и Аппиана (II в. н. э.). В биографии братьев Гракхов Плутарха (часть «Сравнительных жизнеописаний») и в «Гражданских войнах» Аппиана (часть исторического труда «Римская история») содержатся небольшие экскурсы в историю гракханских реформ, причём главным образом внимание обоих авторов сконцентрировано на предпосылках аграрной реформы Тиберия Гракха. Значительное сходство двух экскурсов было отмечено в XIX в., и в рамках господствовавшей в антиковедении «теории единого источника» (нем. *Quellenforschung*), рассматривавшей ряд античных авторов как пересказчиков и даже плагиаторов более древних несохранившихся сочинений, делались различные выводы об источнике сведений Аппиана и Плутарха. Наибольшее признание заслужила гипотеза об использовании двумя греческими авторами несохранившегося труда древнеримского историка Гая Азиния Поллиона.

Отметим, что между похожими фрагментами Аппиана и Плутарха есть небольшие, но значимые различия. Поскольку речь идёт в том числе о терминологических разночтениях, предпочтение в пользу одного из

авторов накладывает отпечаток на реконструкцию фактических событий. Реконструкция оригинального текста гипотетического первоисточника обычно невозможна из-за существенной литературной переработки исходных материалов Аппианом и Плутархом: по античной традиции, в исторических сочинениях уделялось большое внимание стилю изложения. В значительной степени противоречия между двумя авторами предопределили отсутствие однозначных выводов в историографии по ряду вопросов, связанных с деятельностью братьев Гракхов, к началу XX в. Для Д. П. Кончаловского основной проблемой виделось следующее противоречие: рассказывая об аграрной истории Древнего Рима II в. до н. э., Плутарх для обозначения крестьян, испытывавших наибольшие проблемы в связи с оккупацией земли, использовал главным образом термин «Ῥωμαῖοι» (римляне; традиционно под ними понимали полноправных римских граждан), а Аппиан – «Ἰταλιῶται» (италийцы, италики; первоначально термин использовался для обозначения греков южной Италии) [4, с. 193]. Во II в. н. э., когда писали Плутарх и Аппиан, греки по-прежнему дистанцировались от италийского населения Римской империи, и лишь в середине столетия писатель и ритор Лукиан Самосатский первым начал говорить обо всех подданных империи в первом лице множественного числа. Помимо культурно-лингвистической проблемы подчеркнём и принципиально иной гражданско-правовой статус населения Италии в эпоху Гракхов: около половины свободного населения Италии до начала I в. до н. э. обладало неполным гражданско-правовым статусом (*socii*, «союзники»), но после Союзнической войны почти все италийцы получили полное римское гражданство. С точки зрения греков II в. н. э., таким образом, разница между двумя терминами была небольшой. Для исследователей древнеримской истории, напротив, лексические разночтения служили и продолжают служить отправной точкой для понимания сущности происходивших процессов, поскольку данная категория населения Италии изображалась главным адресатом аграрных реформ Тиберия Гракха.

Основные теоретические построения Д. П. Кончаловского базировались на глубоком источниковедческом анализе сочинений Аппиана и Плутарха с широким привлечением современной историографии. В «Критике данных Аппиана и Плутарха о причинах Гракховского аграрного движения» Д. П. Кончаловский, используя весь арсенал источниковедческой критики, пришёл к выводу, что в описании аграрной истории Древнего Рима в II в. до н. э. до реформы Тиберия

Гракха сведения Аппиана ненадёжны. В статье 1926 г. исследователь предпринял попытку сделать исторические выводы из противоречий между работами Аппиана и Плутарха. Автор провёл глубокий анализ двух античных сочинений. Д. П. Кончаловский верно заметил, что при описании предпосылок аграрной реформы Тиберия Гракха рассказ Аппиана совершенно связный и логичный, если рассматривать его вне исторического контекста. Действительно, Аппиан первоначально писал об италийцах как об адресатах закона Тиберия Гракха, но при описании его результатов описывал положение главным образом в имущественных категориях (бедняки и богачи). «*Об обезземеленных италиках нет более и помина*», резюмировал антиковед, признавая, что эта терминология не позволяла установить гражданско-правовой статус получателей наделов земельных излишков, изъятых у землепользователей [4, с. 193–195]. Проанализировав сочинение Аппиана и указав на основные противоречия в нём по данному вопросу, Д. П. Кончаловский выделил два возможных варианта их разрешения [4, с. 198]. Этот фрагмент может показаться избыточным пояснением, однако он вносит ясность в непростую проблему и намечает два главных пути её решения. Проанализировав источниковедческий и историографический компоненты рассматриваемой темы, Д. П. Кончаловский приводит ряд доводов в поддержку отождествления описанных Аппианом крестьян не с италийцами, а с римскими гражданами (римским сельским плебсом), о чём писал Плутарх [4, с. 203].

Повышенный интерес Д. П. Кончаловского к экономической истории Римской республики проявился в составленной им вузовской хрестоматии «*Экономическая история Рима в её источниках*», изданной в 1925 г. Краткий список литературы в предисловии был весьма современным для 1920-х гг. Д. П. Кончаловский был знаком с идеями М. Вебера и рекомендовал его «*Die Römische Agrargeschichte*». Отсутствие цитат из работ К. Маркса и Ф. Энгельса бросается в глаза, однако следует иметь в виду, что к 1925 г. в советской историографии ещё не сложилась традиция непременно ссылаться на классиков марксизма-ленинизма. Отметим, что Д. П. Кончаловский уверенно писал об «аграрном капитализме» в Древнем Риме, что следует связать с популярной в конце XIX – начале XX в. концепцией античного капитализма. Работа Э. Мейера «*Экономическое развитие древнего мира*», в которой рассматривалась эта концепция, была знакома Д. П. Кончаловскому и упоминалась им в списке литературы [5, с. 3–5]. Всего через несколько лет в СССР началась кампания по внедрению

формационного подхода, исключившая возможность использования термина «капитализм» применительно к Древнему Риму. Во вступительной статье составитель сборника выразил свои взгляды на значимость аграрной истории Древнего Рима в наиболее ясной и однозначной форме: в ней он видел *«основную причину общественных и политических изменений, имевших место в римской истории»* [5, с. 3]. Подобная абсолютизация значимости экономической проблематики была весьма актуальной. Другим веянием времени следует считать стремление Д. П. Кончаловского к более широкому рассмотрению исторических процессов. *«К нашей задаче мы подходим не с всемирноисторической, но с социологической точки зрения»*, писал он [5, с. 5]. Эти указания важны для реконструкции взглядов Д. П. Кончаловского, в том числе для понимания автором сущности гракханских реформ. Признание высокой важности аграрной истории для социально-политического развития Древнего Рима делает реформы братьев Гракхов поворотным моментом древнеримской истории.

Большая часть материалов хрестоматии характеризует состояние экономики Древнего Рима в III–I вв. до н. э., и важным элементом являются свидетельства Аппиана и Плутарха о деятельности братьев Гракхов, причём их особенность заключается в самостоятельном переводе отрывков на русский язык Д. П. Кончаловским [5, с. 6]. Отнесение историком аграрной реформы Тиберия Гракха к 134 г. до н. э. (вместо 133 г. до н. э.) опиралось на широко распространённую в XIX в. хронологию [5, с. 54]. При анализе особенностей перевода бросается в глаза, что автор перевёл спорные фрагменты «Гражданских войн» Аппиана максимально близко к тексту, несмотря на публикацию к этому времени двух статей с серьёзной критикой сообщений этого автора. Автор ограничился лишь примечанием, что к данному фрагменту *«надо относиться с большой осторожностью»*, и ссылкой на статью 1923 г. [5, с. 52–53].

Использованная Д. П. Кончаловским в его собственных переводах лексика, как правило, максимально точно передаёт оригинал: «*πλούσιοι*» и «*πένητες*» переведены как «богачи» и «бедняки» соответственно, а «италийское племя» является буквальным переводом «*τοῦ Ἰταλικοῦ γένους*» [5, с. 52–55]. С объективными проблемами оказался сопряжён перевод древнегреческого термина «*στάσις*» (политическая группировка; восстание, мятеж, раздор; несогласие и др.). В значительной степени условен перевод «*στάσεις*» как «обе партии», поскольку речь в данном случае шла не о противостоянии политических группировок внутри

римского нобилитета, а о конфликте между «богачами» и «бедняками», имевшими диаметрально противоположные интересы по частному аграрному вопросу [5, с. 54]. Представляется, что было бы точнее использовать термин «обе стороны». Значительно больше вопросов возникает к переводу этого же термина в другом фрагменте как «революционного движения» [5, с. 55]. Причину появления этого неологизма в переводе древнего текста следует искать в нередком обращении историографии XIX – начала XX в. к модернизациям и параллелям с современностью. Подобную терминологию для описания истории Древнего Рима активно использовал, в частности, Т. Моммзен. Впрочем, уже в начале XX в. наметилась тенденция к отказу от использования лексики из современного социально-политического обихода. Так, в переводе 1935 г. С. А. Жебелёв вполне удачно использовал нейтральный перевод «смуты» (отметим лишь, что в тексте Аппиана это слово употреблено в единственном числе). Нельзя исключать, что использование не вполне точной лексики в данном случае было связано с ориентацией хрестоматии на студентов и аспирантов, включая исследователей социально-экономических дисциплин, не владевших древними языками. В любом случае, выбор варианта перевода «революционное движение» видится значимым для реконструкции взглядов автора, который лексически подчеркнул высокую значимость гракханских реформ для древнеримской истории.

Статьи Д. П. Кончаловского отличается глубокая интерпретация источников, выполненная на высоком научном уровне, хорошее знание историографии, логичность изложения. Автор избрал для изучения перспективную и значимую проблему и применил передовые приёмы источниковедческой критики. Об актуальности данной темы свидетельствует неоднократное обращение к этому же вопросу крупнейшими советскими антиковедами В. И. Кузициным и М. Е. Сергеевко. Внимательно изучал положение италийского крестьянства и аграрную историю Древнего Рима до реформы Тиберия Гракха и белорусский исследователь Ф. М. Нечай, который, впрочем, нашёл неубедительными выводы Д. П. Кончаловского против аутентичности свидетельств Аппиана [6, с. 111]. Представляется, что причина неприятия работ первого лектора БГУ Ф. М. Нечаем заключалась исключительно в его первостепенном интересе к римско-италийским отношениям. Дело в том, что идентификация описанных Аппианом крестьян как италийцев (положение, критиковавшееся Д. П. Кончаловским) существенно

расширяет источниковую базу исследований по данной теме. Таким образом, научные интересы первых историков древнего Рима, работавших в БГУ, пересекались, однако их взгляды на одну из ключевых источниковедческих проблем разошлись.

Библиографический список

1. Яновский О. А. Первые профессора БГУ В. И. Пичета и Д. П. Кончаловский: позиции и судьбы учёных «старой» формации // Веснік БДУ. Сер. 3. 2006. № 3. С. 3–9.
2. Кончаловский Д. П. К вопросу об упадке хлебопашества в Италии в конце Римской республики // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1918. С. 787–800.
3. Кончаловский Д. П. Критика данных Аппиана и Плутарха о причинах Гракховского аграрного движения // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. Пг., 1923. С. 41–53.
4. Кончаловский Д. П. Итальянское и римское крестьянство в Гракховском аграрном движении // Труды Института истории. Вып. 1. М., 1926. С. 191–216.
5. Экономическая история древнего Рима в её источниках / сост. Д. П. Кончаловский. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.
6. Нечай Ф. М. Рим и италики. Мн.: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963.

РАЗРАБОТКА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ (2006–2021)

*Е. Н. Мох*¹⁾, *Я. В. Маковская*²⁾

¹⁾ НМУ «Национальный институт образования» Министерства образования
Республики Беларусь, ул. Короля, 16, 22004, г. Минск,
Беларусь, dokunovabsu@tut.by

²⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yana@tst.by

В статье рассматриваются вопросы, основные направления и достижения развития содержания и научно-методического обеспечения по учебным предметам «История Беларуси», «Всемирная история», «Обществоведение» для учреждений общего среднего образования Республики Беларусь.

Ключевые слова: учебные предметы «История Беларуси», «Всемирная история», «Обществоведение»; научно-методическое обеспечение; «качество образования»; компетентностный подход; воспитание через обучение.

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF HISTORICAL AND SOCIAL EDUCATION FOR GENERAL SECONDARY EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS: MAIN DIRECTIONS AND ACHIEVEMENTS (2006–2021)

*H. N. Moh*¹⁾, *Y. V. Makouskaya*²⁾

¹⁾ «National Institute of Education» of the Ministry of Education of the Republic
of Belarus, 16 Korol Street, 22004, Minsk, Belarus, dokunovabsu@tut.by

²⁾ Belarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Belarus, yana@tst.by

The article examines the issues, main directions and achievements of the development of content and scientific and methodological support in the academic subjects «History of Belarus», «World History», «Social Science» for institutions of general secondary education of the Republic of Belarus.

Key words: academic subjects «History of Belarus»; «World History»; «Social Science»; scientific and methodological support; «the quality of education»; competence approach; education through learning.

В 2006 г. была создана лаборатория историко-обществоведческого образования, главной задачей которой является разработка научно-методического обеспечения учебных предметов «История Беларуси», «Всемирная история», «Обществоведение» [12, с. 18].

На протяжении почти вековой истории важнейшей задачей Национального института образования (НИО) было и остается проведение

научных исследований, которые определяют содержание и методики обучения и воспитания в Беларуси. Помимо проведения фундаментальных научных исследований в области образования, на НИО возложена ответственная задача по научному обоснованию и разработке для системы образования Республики Беларусь образовательных концепций, стандартов, учебных программ, проектов учебных планов и др. [3, с. 12].

Важным направлением научной деятельности института является координация выполнения ряда научных программ. Так, в 2009–2011 гг. в институте осуществлялись научные разработки в рамках отраслевой научно-технической программы «Современная образовательная среда». По результатам выполнения заданий программы были подготовлены учебно-методические комплексы для организации факультативных занятий по всем учебным предметам (учебные программы факультативных занятий, дидактические материалы для учащихся и методические рекомендации для учителей), направленные на выявление и развитие познавательных интересов учащихся, расширение, углубление и коррекцию знаний, умений, навыков. Кроме того, разработаны программы вступительных испытаний по учебным предметам, дидактические материалы для различных видов и форм контроля результатов учебной деятельности учащихся по всем учебным предметам, дидактические сценарии уроков [3, с. 14].

Для решения задачи, связанной с обеспечением учреждений дошкольного, общего среднего, специального образования современными электронными образовательными ресурсами, в 2012–2014 гг. в институте выполнялись задания отраслевой научно-технической программы «Электронные образовательные ресурсы». На основе изучения опыта информатизации образовательных систем акцент делался на разработке открытых многофункциональных обучающих программных средств с возможностью их интеграции в единую информационно-образовательную среду. В результате были разработаны справочно-информационные, контрольно-диагностические и интерактивные модули электронных учебно-методических комплексов по всем учебным предметам. Созданные электронные образовательные ресурсы размещены в системе дистанционного обучения Moodle на Национальном образовательном портале (adu.by).

В 2015–2017 гг. усилия сотрудников лаборатории были направлены на решение такой важной задачи, как разработка содержания и научно-методического обеспечения социокультурного образования в контексте

компетентностного подхода [13, с. 21]. Наиболее существенные изменения в научно-методическом обеспечении образовательного процесса связаны с усилением практикоориентированности образования, сокращением объёма теоретического материала, усилением межпредметных связей [10, с. 7–8].

В рамках выполнения отраслевой научно-технической программы «Качество образования» подготовлено научно-методическое обеспечение образовательного процесса для всех уровней и ступеней общего среднего образования в контексте компетентностного подхода. Это научно-методическое обеспечение включает макетные образцы обновленных образовательных стандартов, учебные программы, календарно-тематическое планирование по учебным предметам, дидактические и диагностические материалы, методические рекомендации [3, с. 16]. Результаты научно-исследовательской работы (дидактические, диагностические материалы, методические рекомендации) также стали базисом для серии пособия для учителей «Компетентностный подход», который издаётся с 2017 г. Логическим продолжением вышеназванных программы стала новая отраслевая научно-техническая программа «Воспитание через обучение» (2018–2020). В её рамках разрабатываются дидактические, диагностические материалы и методические рекомендации по формированию и диагностике у учащихся личностных и метапредметных компетенций.

В решении сложных задач к выполнению научных программ привлекались ведущие ученые Республики Беларусь, специалисты, методисты, учителя практики высшей категории. Так, создавались временные научные коллективы (ВНК) деятельность которых координировала лаборатория. В разное время к работе в составе ВНК привлекались доктора исторических наук, профессора А. А. Коваленя, Г. А. Космач, А. Г. Кохановский, В. С. Кошелев, Н. И. Миницкий, Е. К. Новик, В. Н. Сидорцов, Н. С. Сташкевич, В. В. Тугай, В. А. Федосик, В. М. Фомин, Г. В. Штыхов, доктора философских наук, профессора Ю. А. Харин, М. И. Вишневский, М. А. Можейко, доктор социологических наук А. И. Левко, доктор политических наук, профессор С. В. Решетников, кандидаты педагогических наук В. Н. Гирина, М. А. Краснова, А. А. Корзюк, В. Л. Лозицкий, С. В. Панов, кандидат исторических наук Н. Н. Ганущенко, методисты высшей категории В. М. Воронович, С. А. Кудрявцева, Е. Ю. Смирнова, Е. А. Полейко и др.

Ведущие ученые, методисты и преподаватели вузов страны в соавторстве с сотрудниками лаборатории подготовили учебники нового поколения, а также занимались разработкой научно-методического обеспечения для учреждений образования Республики Беларусь.

Рис. Учебно-методические материалы для учреждений общего среднего образования Республики Беларусь.

Так, в рамках научно-исследовательской работы «Разработать электронный вариант учебных карт с элементами интерактивности и методические рекомендации по их применению в процессе обучения учебному предмету «История Беларуси» в 10–11 классах учреждений

образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования», направленной на обеспечение деятельности Министерства образования Республики Беларусь» (рук. С. Н. Темушев) была поставлена задача разработать теоретическое обоснование, номенклатуры и спецификации электронного варианта учебных карт с элементами интерактивности для обеспечения обучения истории Беларуси на III ступени общего среднего образования.

Особое внимание при обучении истории необходимо обратить на формирование у учащихся умений локализовать изучаемые исторические факты в пространстве, «читать» историческую карту, использовать ее как источник знаний. Использование различных картографических наглядных пособий, исторических карт, картосхем способствует формированию у учащихся пространственного представления исторических событий. С. Н. Темушев разработал комплект заданий по теме «Славяне в Раннем средневековье» [10].

В 2004 г. в рамках поручения Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в лаборатории были разработаны программа и учебное пособие «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Учебник издан под редакцией докторов исторических наук, профессоров А. А. Ковалени и Н. С. Сташкевича, а также других ученых-историков (М. Г. Жилинский, Б. Д. Долготович, М. А. Краснова, К. И. Козак, С. Е. Новиков). В 2020 г. данное учебное пособие было переиздано. В пособии введена рубрика «Создаем летопись войны». В ней предлагается учащимся обратить внимание на страницы истории своей семьи, населенного пункта, в котором они живут [5].

О развитии национальной системы качества общего среднего образования в Республике Беларусь и в том числе оценке качества обществоведческого образования данные вопросы исследует В. В. Гинчук [1, 2]. А. И. Филимонов разрабатывает систему оценки качества школьного образования, понимая, что дальнейший прогресс в развитии человеческого общества будет определяться качеством образования. В его статьях была подробно описана модель системы оценки качества школьного историко-обществоведческого образования Республики Беларусь, что позволяет пошагово проследить весь процесс оценки и выявить проблемные зоны [12]. Также ему принадлежит заслуга популяризации школьного исторического краеведения и использования

его возможностей во время воспитания национального самосознания, патриотизма, нравственных качеств личности у учащихся всех возрастов [13, с. 9].

Научно обосновал современную систему преподавания истории в белорусских школах С. В. Панов. В своих статьях он описывает концентрическое построение курса истории Беларуси и принципы, на основе которых должна конструироваться его структура и содержание. Первый концентр предполагает изучение истории в начальной школе в процессе изучения предмета «Мая радзіма – Беларусь». На уровне базовой школе учащиеся приступают к систематическому изучению истории Беларуси на событийно-хронологическом уровне. Это второй концентр, на котором школьники усваивают преимущественно готовые знания и обучаются эмпирическим способам их обработки. В старших классах изучение истории Беларуси осуществляется на более высоком, проблемно-теоретическом уровне, в основе которого лежит самостоятельная исследовательская работа [8, 9]. Введением методологических знаний для процесса обучения истории в средней школе, разработкой критериев отбора данных знаний занимается М. А. Краснова. На примере изучения Новейшей истории ею, как соавтором учебников по учебному предмету «Всемирная история», определены принципы построения курса [6].

В процессе изучения истории значительное внимание уделяется культурно-историческому материалу. У учащихся развивается интерес к истории и культуре своего и других народов, стремление сохранить историко-культурное наследие своего государства и всего человечества. Методическую помощь учителям в преподавании и изучении вопросов культуры на уроках всемирной истории и истории Беларуси окажут серии учебно-методических пособий «Изучение вопросов культуры в курсе всемирной истории» автора А. А. Корзюка, «Изучение вопросов культуры в курсе истории Беларуси» С. А. Кудрявцевой [7]. Дидактическому конструированию учебных исторических знаний в условиях «визуального поворота» посвящено исследование Г. Э. Давидовской [4].

Концептуальные основы мировоззренческого социо-гуманитарного курса «Обществоведение» (подходы к отбору и структуре содержания и создание учебно-методического комплекса, образовательный потенциал) исследовали ученые М. И. Вишневицкий, В. Н. Гинчук, В. Н. Гирина, Е. Ю. Смирнова, Е. А. Полейко и др.).

В 2021 г. усилия сотрудников лаборатории направлены на разработку (ОНТП) «Функциональная грамотность» (рук. С. Н. Темушев) – задание

«Разработать научно-методическое обеспечение формирования функциональной грамотности учащихся при изучении учебных предметов историко-обществоведческого и социокультурного образования в учреждениях образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования». Для успешной его реализации предполагается поэтапное осуществление конкретной работы, направленной на формирование функциональной грамотности обучающихся, а именно: разработка национального списка образовательных компетенций; определение результатов образования в формулировках, отражающих не единицы усваиваемого содержания, а готовность и способность учащихся решать учебные и жизненные задачи и др.

Полная информация об учебно-методическом обеспечении образовательного процесса по учебным предметам «Всемирная история», «История Беларуси», «Обществоведение» размещена на национальном образовательном портале: <http://adu.by/>.

Библиографический список

1. Гинчук В. В. Об оценке качества обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях Беларуси // Вопросы качества образования в Беларуси, России, Украине: сборник научных статей / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова», Российская академия образования, Институт теории и истории педагогики, Национальная академия педагогических наук Украины, Институт высшего образования. Могилев, 2010. С. 100–112.
2. Гинчук В. В. Организация учебно-познавательной деятельности учащихся при изучении всемирной истории в 10 классе: Метод. пособие. Минск.: БГПУ, 2004. 48 с.
3. Гинчук В. В., Зеленко О. В., Русецкий В. Ф. Центр развития педагогической мысли и образовательной практики (к 90-летию Национального института образования) // Адукацыя і выхаванне. 2019. № 11. С. 12–18.
4. Давидовская Г. Э. Дидактическое конструирование учебных исторических знаний в условиях «визуального поворота»: новые подходы // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Пинск: ПолесГУ. 2016. С. 345–351.
5. Коваленя А. А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): пособие для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2020. 231 с.
6. Краснова М. А. Формирование методологических знаний учащихся при изучении истории // Гісторыя і грамадазнаўства. 2020. № 6. С. 23–27
7. Кудраўцава С. А. Метадычная літаратура для настаўнікаў гісторыі і грамадазнаўства // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 4. С. 50–53.

8. Панов С. В. Дидактические принципы модернизации структуры и содержания обучения истории Беларуси // Гісторыя: праблемы выкладання. 2008. № 1. С. 20–25.

9. Панов С. В. Концептуальное целеполагание в школьном историческом образовании Республики Беларусь: трансформация педагогических подходов к обучению // Научные труды Республиканского института высшей школы. Вып. 20. Минск: РИВШ, 2020. С. 106–112.

10. Темушев С. Н. Варианты картографических заданий по всемирной истории в 6 классе на примере темы «Славяне в Раннем средневековье» // Беларускі гістарычны часопіс. 2015. № 8. С. 47–49.

11. Филимонов А. И. Модель системы оценки качества обучения учащихся учреждений общего среднего образования по учебным предметам «История Беларуси», «Всемираня история», «Обществоведение» // Веснік адукацыі. 2018. № 2. С. 19–27.

12. Филимонов А. И. Разработка научно-методического обеспечения социокультурного образования // Веснік адукацыі: штомесячны навукова-практычны і інфармацыйна-метадычны часопіс. 2014. № 12. С. 18–21.

13. Филимонов А. И. Условия повышения воспитательного потенциала учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» // Веснік адукацыі. 2011. № 11. С. 6–13.

**ЭТНАГРАФІЧНЫЯ ЭКСПЕДЫЦЫІ КАФЕДРЫ ЭТНАЛОГІІ,
МУЗЕЯЛОГІІ І ГІСТОРЫІ МАСТАЦТВАЎ БДУ
(2001–2021)**

Т. А. Навагродскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030,
г. Мінск, Беларусь, tadeush_minsk@mail.ru*

У артыкуле падрабязна паказана гісторыя палявых этнаграфічных даследаванняў, якія праводзіць кафедра этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Апісаны рэгіёны, дзе працавалі этнаграфічныя экспедыцыі кафедры, падкрэсліваецца важнасць авалодання навыкамі палявой работы у працэсе падрыхтоўкі студэнтаў. На прыкладзе вывучэння традыцый харчавання звернута ўвага на асноўныя віды работы ў этнаграфічнай экспедыцыі, паказаны спосабы фіксацыі звестак па народным харчаванні. Нягледзячы на змены і эвалюцыю многіх элементаў культуры, падкрэсліваецца важнасць палявых этнаграфічных матэрыялаў як спецыфічнай крыніцы этналагічнай навукі.

Ключавыя словы: этнаграфічныя экспедыцыі; палявыя даследаванні; кафедра; традыцыйная культура.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ КАФЕДРЫ
ЭТНОЛОГИИ, МУЗЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВ БГУ
(2001–2021)**

Т. А. Новогродский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, tadeush_minsk@mail.ru*

В статье подробно показана история полевых этнографических исследований, которые проводит кафедра этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета. Описаны регионы, где работали этнографические экспедиции кафедры, подчеркивается важность овладения навыками полевой работы в процессе подготовки студентов. На примере изучения традиций питания обращено внимание на основные виды работы в этнографической экспедиции, показаны способы фиксации сведений по народному питанию. Несмотря на смены и эволюцию многих элементов культуры, подчеркивается важность полевых этнографических материалов как специфического источника этнологической науки.

Ключевые слова: этнографические экспедиции; полевые исследования; кафедра; традиционная культура.

**ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS OF THE DEPARTMENT OF
ETHNOLOGY, MUSEOLOGY AND HISTORY OF ARTS OF BSU
(2001–2021)**

T. A. Navagrodski

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, Minsktadeush_minsk@mail.ru*

The article details the history of field ethnographic research conducted by the Department of Ethnology, Museology and Art History of the Faculty of History of the Belarusian State University. The regions where the ethnographic expeditions of the department worked are described, the importance of mastering the skills of field work in the process of preparing students is emphasized. On the example of studying the traditions of food, attention is paid to the main types of work in the ethnographic expedition, shows ways to record information on food. Despite the changes and evolution of many elements of culture, the importance of field ethnographic materials as a specific source of ethnological science is emphasized.

Key words: ethnographic expeditions; field research; department; traditional culture.

Выкладчыкі кафедры этналогіі, музейялогіі і гісторыі мастацтваў з самага пачатку яе стварэння штогод разам са студэнтамі праводзяць палявыя этнаграфічныя даследаванні ва ўсіх гістарычна-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі. Для студэнтаў чытаецца спецыяльны курс «Методыка палявых этнаграфічных даследаванняў», дзе яны знаёмяцца з метадыкай і практыкай работы ў полі па вывучэнню матэрыяльнай, духоўнай і сацыяльнай культуры беларусаў, этнічных груп Беларусі. Праграма дысцыпліны спецыялізацыі прадугледжвае вывучэнне гісторыі палявых даследаванняў, падрыхтоўку экспедыцыі, арганізацыю палявых этнаграфічных даследаванняў, вядзенне палявой дакументацыі. Шмат увагі надаецца падрыхтоўцы і састаўленню апытальнікаў па самых розных праблемах беларускай этналогіі.

Матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў або экспедыцыйныя матэрыялы састаўляюць спецыфіку этналагічных даследаванняў. Выкарыстанне ў навуковых этналагічных працах палявых матэрыялаў, сабраных самім даследчыкам, значна павышае навуковую значнасць такіх работ. Асабліваць крыніцы, атрыманай ў ходзе экспедыцыі, заключаецца ў тым, што яна ствараецца самім даследчыкам у час палявой работы. Таму пры падрыхтоўцы этнолагаў авалоданню навыкамі палявых даследаванняў ўдзяляецца вялікая ўвага.

У этнаграфічных экспедыцыях яе ўдзельнікі (студэнты, магістранты, аспіранты і выкладчыкі) ажыццяўляюць асноўныя віды работ: асабістае назіранне і фіксацыя яго вынікаў; гутарка з мясцовымі жыхарамі; збор этнаграфічных прадметаў і калекцый; фотаздымка, кіназдымка, відэаздымка.

Палявыя этнаграфічныя даследаванні на гістарычным факультэце пачалі праводзіцца з ліпеня 1998 г. разам з археолагамі на Браслаўшчыне. Была створана група, якая займалася зборам этнаграфічных матэрыялаў. Вывучаліся такія тэмы, як традыцыі харчавання, радзінныя звычаі і абрады беларусаў, народная педагогіка, традыцыйныя веды і інш. Былі

абследаваны вёскі Зазоны, Вярбоўка, Зарачча, Урбаны, Жвірыні, Ельня, Краснаполле, Бужаны, Усяны, Луні, Мар’янполе, Зыбкі, Запруддзе, Жвірблі, Заблудзішкі, Слабодка, хутары Асінаўка і Коханішкі. У этнаграфічнай экспедыцыі студэнты і выкладчыкі ажыццяўляюць асноўныя віды работ: асабістае назіранне і фіксацыя яго вынікаў; гутарка з мясцовымі жыхарамі; збор этнаграфічных прадметаў і калекцый; фотаздымка, кіназдымка, відэаздымка. Вынікі даследавання былі выкладзены на навукова-практычнай канферэнцыі ў горадзе Браслаў і надрукаваны ў «Браслаўскім сшытку» [1].

У ліпені 2000 г. палявыя даследаванні праводзіліся ў вёсцы Літоўшчына Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці і вёсках Вязынка, Радашковічы, Крывое Сяло, Кукшавічы, Шчокі, Петрышкі, Петкавічы, Шацілы, Пятроўка, на станцыях Зялёнае, Яцэвічы, Камсамалец Мінскага раёна Мінскай вобласці.

Пасля стварэння ў чэрвені 2001 г. кафедры этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў пачаліся праводзіцца самастойныя палявыя этнаграфічныя даследаванні. На працягу 24 год кіраўніком этнаграфічных экспедыцый БДУ з’яўляецца прафесар Т. А. Наваградскі. У этнаграфічных экспедыцыях працавалі дацэнты І. С. Махоўская (2001–2007, 2018, 2021), С. А. Захаркевіч (2008–2017, 2020), І. У. Алюніна (2009–2015, 2019, 2021), І. Г. Бачыла (2016–2021), М. А. Міхайлец (2019–2020). У палявых даследаваннях прымаюць удзел студэнты, магістранты і аспіранты кафедры. Яшчэ будучы студэнткай, Вольга Барташ актыўна праводзіла палявыя даследаванні сярод цыганоў Беларусі. Затым яна абараніла кандыдацкую дысертацыю і зараз выкладае цыганалогію ва ўніверсітэтах Еўропы. Юрый Унуковіч таксама ў студэнцкія гады пачаў збіраць палявыя матэрыялы па літоўскай этнічнай групе, вывучыў літоўскую мову і паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю па гэтай праблеме. Канстанцін Шумскі для грунтоўнага вывучэння народных ведаў выкарыстаў шматлікія палявыя матэрыялы, якія ён пачаў сабіраць яшчэ ў студэнцкія гады ў этнаграфічных экспедыцыях кафедры. Алеся Якубінская, будучы аспіранткай кафедры, таксама прымала актыўны ўдзел у этнаграфічных экспедыцыях і па ўласна распрацаваным апытальніку сабрала ўнікальны этнаграфічны матэрыял па традыцыйным спосабах і сродках сацыялізацыі дзяцей у беларускіх сялян, які яна ўвела ў навуковы ўжытак у дысертацыі і надрукавала ў сваёй манаграфіі.

У 2001–2003, 2005 і 2008 гг. палявыя даследаванні па традыцыях харчавання і вуснай гісторыі мясцовых жыхароў праводзіліся ў гарадскім

пасёлку Мір Карэлічскага раёна Гродзенскай вобласці, а таксама ў вёсках Вялікае Сяло, Прылукі, Засценак, Міранка, Аюцавічы, Сімакава, Возерскае гэтага ж раёна. Вынікам палявой работы на працягу двух сезонаў у г. п. Мір стала манаграфія «Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары» – гісторыя населенага пункта, прадстаўленая праз погляд яго жыхароў [2].

Даследаванні ў гарадскім пасёлку Ружаны Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці, вёсках Байкі, Маньчыкі, Малочкі, Паўлава, Заполле, Воля гэтага ж раёна былі праведзены ў ліпені 2004 г. У ліпені 2006 г. этнаграфічныя матэрыялы па зменах у традыцыях харчавання сабраны ў вёсках Гольчыцы, Кулікі, Барок, Ржэўка, Макаўшына, Вынішчы, Кальчыцы, Копань, пасёлку Нява Слуцкага раёна Мінскай вобласці. Вёскі Дзмітравічы, Каменюкі, Вялікалессе, Чарнакі, Чвіркі, Падомша, Хамуціны, Панасюкі, Падбела, Пашукі Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці вывучаліся ў ліпені 2007 г.

Збор палявога матэрыялу па традыцыях харчавання ў ліпені 2009 г. ажыццяўляўся ў вёсцы Моталь, а ў ліпені 2010 г. у вёсцы Тышкаўцы Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Тэрыторыя беларуска-літоўскага памежжа даследавалася ў ліпені 2011 г.: матэрыял запісаны ў вёсках Віктасіна, Гальчуны, Гелюны, Герваты, Гірі, Гудзянікі, Рымдзюны, Пелігрында, Петрыкі, на хутары Керплашына Астравецкага раёна Гродзенскай вобласці. У ліпені 2012 г. матэрыял збіраўся ў вёсцы Семежава Капыльскага раёна Мінскай вобласці, а ў ліпені 2013 г. даследаванні праводзіліся ў горадзе Глыбокае Віцебскай вобласці. Вёскі Стары Лепель і Юркаўшчына Лепельскага раёна гэтай жа вобласці сталі аб'ектам вывучэння падчас працы ў экспедыцыі ў ліпені 2014 г. У кожнай з гэтых экспедыцыяў на працягу трох тыдняў было апытана звыш 60 інфармантаў, зроблены фотаздымкі. Матэрыялы былі надрукаваны ў некалькіх этнаграфічных зборніках [3].

Палявыя этнаграфічныя матэрыялы па народнай культуры жыхароў вёсак Слабодка, Завер'е, Вусце, Гаўрылава, Луні, Кірылава Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці збіраліся ў ліпені 2015 г. Яны апрацаваны і падрыхтаваны да друку. У ліпені 2016 г. матэрыялы па народнай культуры збіраліся ў вёсцы Мсціж і навакольных вёсках Мроі, Гараджанка, Старое Сяло Барысаўскага раёна Мінскай вобласці. Экспедыцыя 2017 г. на Луніначчыну была прысвечана стогадоваму юбілею вывучэння вічынскіх палян І. А. Сербавым. Матэрыялы па зменах і трансфармацыі традыцыйнай культуры мясцовых жыхароў збіраліся ў вёсках Вічын,

Дварэц, Дрэбск, Яжаўкі, Язвінкі, Кажан-гарадок Лунінецкага раёна Брэскай вобласці. Падчас экспедыцыі было зроблена некалькі соцен фотаздымкаў і набыта звыш 50 этнаграфічных прадметаў. Сабраны і апрацаваны матэрыял агульным аб'ёмам 342 старонкі падрыхтаваны да друку.

Палявы сезон улетку 2018 г. адбываўся на Лідчыне, дзе ажыццяўляўся збор этнаграфічнага матэрыялу па культурных традыцыях Лідчыны ў вёсках Ваверка, Кавалі, Красноўцы, Серафіны, Паперня, Альхоўка, Чаплі. Сабраныя матэрыялы апрацаваныя і падрыхтаваныя да выдання. З 10 па 30 ліпеня 2019 г. была арганізавана этнаграфічная экспедыцыя ў Зельвенскі раён Гродзенскай вобласці Рэспублікі Беларусь пад кіраўніцтвам загадчыка кафедры этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта БДУ прафесара Наваградскага Т. А., дацэнтаў Алюнінай І. У. і Бачыла І. Г. На працягу трох тыдняў па спецыяльна падрыхтаваных апытальніках студэнтамі і выкладчыкамі праводзіўся збор палявога этнаграфічнага матэрыялу па асаблівасцях традыцыйнай культуры мясцовых жыхароў. Было апытана звыш 80 жыхароў Зельвы, Дзярэчына, Міжэрыч, а таксам навакольных вёсак – Сынкавічы, Дзергілі, Шэйкі, Клепачы, Задвор'е, Тулава і інш. Па выніках апытання падрыхтаваны электронны варыянт зборніка матэрыялаў «Культурныя традыцыі Зельвеншчыны».

У сувязі з эпідэміяй каронавірусу палявыя даследаванні летам 2020 г. і летам 2021 г. праводзіліся дыстанцыйна. Студэнты па распрацаванаму апытальніку збіралі матэрыялы па месцы жыхарства і дасылалі іх кіраўнікам, якія з выкарыстаннем інфарматыўна-камунікатыўных сродкаў аперацыйна вычытвалі, папраўлялі, рабілі заўвагі. Па выніках сезону ў анлайн-рэжыме быў праведзены навукова-метадычны семінар, дзе кожны з удзельнікаў зрабіў справаздачу і адказаў на пытанні калег і выкладчыкаў. Такі вымушаны від работы дазволіў ахапіць амаль усю тэрыторыю Беларусі і атрымаць цікавыя вынікі.

На працягу многіх год аўтар, прымяняючы стацыянарны метады даследавання, вывучаў традыцыі харчавання ў роднай вёсцы Арцюшы Шчучынскага раёна Гродзенскай вобласці. Шляхам уключанага назірання ўдалося сабраць найбольш поўныя звесткі аб розных аспектах культуры харчавання ў гэтай мясцовасці: запісаць тэхналогію прыгатавання страў, апісаць трапезы, народны этыкет, прадметы хатняга начыння, якія выкарыстоўваліся для прыгатавання, захоўвання і ўжывання ежы, адзначыць сучасныя змены ў традыцыях [4, с. 196–199].

Пры правядзенні палявых этнаграфічных даследаванняў аўтар імкнуўся найбольш поўна і падрабязна запісаць рэцэптуру мясцовых страў і тэхналогію іх прыгатавання, якая часта вельмі складаная і ад прытрымлівання якой залежыць якасць ежы. У тэхналогіі важна выявіць не толькі спосабы механічнай ці хімічнай апрацоўкі (рэзанне, здрабненне, квашэнне, вымочванне і г. д.), але і парадак, паслядоўнасць працэсаў, іх працягласць. Асаблівая ўвага звярталася на такія аспекты традыцыйнай культуры харчавання, як прадметы хатняга начыння, посуд, у якім гатуюць ежу, рэжым падагрэву, асаблівасці захоўвання гатовых страў і г. д.

Шмат увагі пры вывучэнні гэтай праблемы звярталася на фіксацыю мясцовай кулінарнай тэрміналогіі. Часта не толькі ў розных рэгіёнах, але нават у суседніх вёсках адна і тая ж страва можа мець розныя назвы. Напрыклад, абабраная бульба, звараная ў пасоленай вадзе, на Гродзеншчыне вядома пад назвамі «салёная», «вараная»; на Магілёўшчыне – «параная»; у заходняй частцы Палесся – «салонцы»; ва ўсходняй – «салонікі», «салонка», «паронкі» [5, л. 22, 41, 68, 77, 89]. Распаўсюджаная на тэрыторыі Беларусі страва «саладуха» зафіксавана намі таксама пад назвамі «путра» і «раўгеня», а агульнавядомая «зацірка» сустракаецца пад назвамі «лямешка», «заціруха», «саламаха».

Многія кулінарныя вырабы (цэпяліны, круглыя бліны, каравай, «жаваранкі», «сарокі» і інш.) маюць дакладна ўстаноўленую форму. Для яе фіксацыі прыходзілася звяртацца да фатаграфавання. Фіксаваліся таксама спосабы ўпрыгожвання ежы (напрыклад, расфарбоўка яек, упрыгожванне вясельнага каравая).

Разам з палявымі даследаваннямі, навуковыя кіраўнікі ў экспедыцыі пастаянна арганізуюць для студэнтаў экскурсіі па горадзе ці мястэчку, наведваюць мясцовыя крэзнаўчыя музеі, ходзяць і на аграрыяцкія, праходзяць па зялёных маршрутах, праводзяць прафарыентацыйную работу сярод школьнікаў. Частку набытых этнаграфічных прадметаў мы пакідалі ў раённых крэзнаўчых або школьных музеях. Часта студэнты дапамагалі інфармантам па гаспадарцы, ладзілі рамонт будынкаў і проста наладжвалі сярэбрускія адносіны. Пасля работы ў этнаграфічнай экспедыцыі многія студэнты пачыналі пісаць курсавыя, дыпломныя, магістарскія і кандыдацкія дысертацыі менавіта па этналогіі. А любоў да этналогіі заставалася ў іх на ўсё жыццё.

Такім чынам, правядзенне палявых этнаграфічных даследаванняў застаецца актуальным і ў наш час. Важна паспець занатаваць ад пажылых

людзей карысную для навукі інфармацыю, бо з кожным годам носьбітаў гэтай інфармацыі становіцца ўсё менш. Неабходна звярнуць увагу на змены ў многіх элементах культуры, іх эвалюцыю і трансфармацыю. Этнолагі, якія працуюць на кафедры, не толькі рыхтуюць спецыялістаў, якія грунтоўна валодаюць навыкамі палявой работы, але і самі прымаюць актыўны ўдзел у зборы матэрыялаў у этнаграфічных экспедыцыях ва ўсіх гістарычна-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі, а таксама за яе межамі: у Балгарыі, Польшчы, Расіі, Украіне і інш.

Бібліяграфічны спіс

1. Наваградскі Т. А. Народная кулінарыя Браслаўшчыны (на матэрыялах палявых этнаграфічных даследванняў) // Браслаўскія чытанні: матэрыялы V навук.-краязн. канф., прысвеч. 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьм. крыніцах, Браслаў, 27–28 крас. 2001 г. / Брасл. музейн. аб'яд-не, Брасл. краязн. т-ва ; рэд. рада: К. Шыдлоўскі [і інш.]. Браслаў, 2001. С. 68–70.
2. Раманава І., Махоўская І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. Вільня: ЕГУ, 2009. 248 с.
3. Наваградскі Т. А., Алюніна І. У., Захаркевіч С. А. Народная кухня маталян. Мінск: [б. в.], 2009. 99 с.; Наваградскі Т. А., Алюніна І. У., Захаркевіч С. А. Народная кухня тышкаўцоў. Мінск: [б. в.], 2010. 195 с.; Наваградскі Т. А. Кулінарная спадчына Белавежжа = Kulinarne dziedzictwo Białowieży / аўт. тэкста Т. А. Наваградскі; пер. А. У. Ветрава. Мінск: [б. в.], 2010. 51 с.; Наваградскі Т. А., Алюніна І. У. Народная кухня Гервятаў. Мінск: Послед. слово, 2011. 172 с.; Наваградскі Т. А., Алюніна І. У., Захаркевіч С. А. Народная кухня Семежава. Мінск: Вішнёўка, 2013. 248 с.; Наваградскі Т. А., Алюніна І. У., Захаркевіч С. А. Народная кухня Лепельшчыны. Мінск: Колорград, 2017. 528 с.
4. Наваградскі Т. А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стагоддзях. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2015. 243 с.
5. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Ф. 6. Воп. 13. Спр. 67.

ВЛИЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ОБРАЗОВАНИЕ В ИСПАНИИ В ПЕРИОД ФРАНКИЗМА (1939–1975)

В. И. Настусевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, valeria.nastusevich@gmail.com*

В статье рассматривается влияние Католической Церкви на образование в Испании в период франкизма (1939–1975). В частности, рассматривается роль Церкви в организации образовательного процесса в средних школах и высших учебных заведениях и ее взаимодействие с государством в рамках этой деятельности.

Ключевые слова: Католическая Церковь; образование; франкизм; Opus Dei; история Испании.

THE INFLUENCE OF THE CATHOLIC CHURCH ON EDUCATION IN SPAIN DURING THE FRANCO PERIOD (1939–1975)

V. I. Nastusevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, valeria.nastusevich@gmail.com*

The article examines the influence of the Catholic Church on education in Spain during the Franco period (1939–1975). In particular, the role of the Church in the organization of the educational process in secondary schools and higher educational institutions and its interaction with the state in the framework of this activity is considered.

Key words: Catholic Church; education; Francoism; Opus Dei; history of Spain.

Католическая Церковь традиционно является одним из самых влиятельных религиозных институтов. Однако нигде на протяжении многих веков она не стремилась так подчинить своему контролю все стороны жизни общества, как в Испании. Несмотря на данный факт во времена Второй Республики (1931–1939) Церковь потеряла свои позиции. В сфере образования был проведен ряд реформ, направленных на повышение качества образовательных услуг. В ходе преобразований были внедрены проекты педагогической модернизации, количество школ увеличилось, а также вводилось совместное обучение для мальчиков и девочек. Однако главным новшеством стало то, что образование приобрело исключительно светский характер. Конституцией 1931 г. устанавливалось, что Испания отныне является «неконфессиональным государством» [1, p. 322], и, после введения свободы вероисповедания и свободы совести ребенка и учителя, отменялось обязательное преподавание религии в школах [1, p. 320].

После прихода к власти и победы в гражданской войне (1936–1939) Ф. Франко начал проводить реформы. Перемены коснулись и сферы

образования. С установлением режима Католическая Церковь получила существенные привилегии в области просвещения. Это связано с тем, что в период франкизма государство старалось поддерживать тесную связь с Церковью. «Испания была, есть и будет католической. Она по своей природе идентична католицизму», – слова одного из идеологов национал-католицизма, испанского священника и философа М. Гарсия Моренте стали ключевыми в политике франкистского государства [2, с. 85]. Испанская нация отождествлялась с конфессиональной общностью, а идеология национал-католицизма сочетала в себе религиозные традиции наравне с патриотическими и националистическими идеями.

Одной из целей режима Ф. Франко и Католической Церкви являлся «демонтаж» системы образования, созданной во времена Второй Республики и построение новой модели, основанной на традиционалистской католической педагогике [3, р. 89]. В среднем образовании преобладающую роль стали играть католические монашеские ордена. Их педагогические подходы весьма сильно повлияли на систему преподавания в светских школах. Во всех классных комнатах рядом с портретами каудильо висели распятия, а школьный день начинался и заканчивался молитвой; ученики массово посещали религиозные мероприятия, а в официальных учебниках католицизм представлялся как душа испанской культуры. Учителя, которые не посещали мессу, подвергались увольнению [4, с. 99]. Ф. Франко рассчитывал, что, занявшись образованием, Церковь не будет пытаться вмешиваться во внутреннюю политику государства в других сферах жизни. Также были приняты меры по исключению из системы образования всего, что было связано со Второй Республикой, например, учебников и их авторов, названий учебных заведений и даже символов [5, р. 37].

Фигура учителя в тот период была очень уважаема и часто становилась примером для подражания. Это был человек, мнение которого по различным вопросам, будь то политика, экономика мораль или религия считалось эталоном для большинства населения [6, р. 205]. С самого начала франкистская пропаганда стала вмешиваться в образовательный процесс, требуя, чтобы учениками заучивались основные идеологические постулаты, а история и культура преподавались с точки зрения фалангистской интерпретации [7, с. 23]. Церковь и школа являлись одними из главных центров пропаганды новых ценностей. Воспитывая подрастающие поколения преданных режиму, франкизм старался искусственно сдерживать расширение системы народного образования.

Первые проекты строительства сети начальных и средних школ появились лишь в 1956 г. как составная часть плана экономико-социального развития. Испанское законодательство в сфере образования, принятое в первые годы прихода к власти Ф. Франко, формально действовало вплоть до 1970 г. С течением времени законы устаревали и не могли в полной мере соответствовать потребностям испанского общества. Так, закон о среднем образовании 1938 г. расширял сеть церковно-приходских школ и учебных заведений католических орденов. Это привело к тому, что к середине 1950-х гг. численность государственных школ резко сократилась [8, р. 27]. До 1953 г. в средней школе Испании действовал учебный план, одобренный еще в 1938 г. Среди предметов для обязательного изучения были: латынь, католическое учение, испанский язык и литература, история испанской империи и доктрина «испанидад», в качестве иностранных изучались немецкий и итальянские языки [8, р. 26–27]. Конкордатом 1953 г. закреплялась ведущая роль Католической Церкви в испанском государстве. С этого момента вводилось обязательное преподавание католического учения на всех ступенях образования – от начального до высшего. Это предписание касалось не только церковных, но и государственных учебных заведений [9, с. 49–50]. Большинство министров образования были членами таких организаций, как Национальная католическая ассоциация пропагандистов (*Asociación Nacional Católica de Propagandistas*), а в более поздние годы – *Opus Dei* [8, р. 22–23].

В послевоенной Испании остро стоял вопрос об осуществлении профессиональной подготовки рабочей и сельской молодежи, которая имела большое значение в сложной социально-экономической ситуации в стране после гражданской войны. В связи с этим в начале 1950-х гг. испанские власти подняли вопрос о расширении среднего образования. Министр образования Х. Руис-Хименес при принятии в 1953 г. закона об управлении средним образованием заверял, что «государство будет стремиться к тому, чтобы образование было доступно всем испанцам» (перевод с исп. автора) [10, р. 107]. С 1956 г. стала постепенно создаваться сеть профессионально-технических учреждений, которые являлись филиалами национальных институтов. В этих центрах образовательный процесс был отдан в руки Церкви. Данная инициатива к 1958–1959 учебному году насчитывала 9 учреждений, расположенных в пригородах Мадрида (3 центра для женщин и 2 для мужчин), Барселоне (2 центра для женщин), Аликанте (центр для мужчин) и Сарагосе (центр для мужчин)

[11, p. 116, 124]. К 1967 г. существовало уже 172 подобных центра, в 1970 г. – 303 центра по всей Испании. Больше всего их было сосредоточено в Мадриде (34), Барселоне (28) и Валенсии (19) [11, p. 125].

В сфере высшего образования действовал университетский закон 1943 г. [7, с. 38; 8, p. 27]. Как и в большинстве стран Запада, высшее образование в основном являлось прерогативой государства. Однако вместе с этим Католическая Церковь открывала и свои высшие учебные заведения [7, с. 29]. В 1940 г. по благословлению Пия XII (1939–1958) свою деятельность возобновил Папский университет Саламанки с двумя факультетами – теологии и канонического права. В 1951 г. был открыт Католический институт социальных исследований Барселоны (Institut Catòlic d'Estudis Socials de Barcelona – ICEBS), созданный с целью проведения исследований, преподавания и публикаций по социальным вопросам с христианской точки зрения [3, p. 88].

Значительную роль в образовательном процессе играло Opus Dei, которое имело свои собственные школы, техникумы и колледжи. В 1950-е гг. 20–25% преподавателей, работавших в высшем образовании Испании, были представителями Opus Dei; многие из его членов получили университетские профессорские звания [12, p. 438]. В 1952 г. в Памплоне был открыт Наваррский университет [13, s. 224], который являлся одним из первых высших учебных заведений, где все духовное воспитание было отдано в руки представителей Opus Dei. Однако большинство его факультетов не носили религиозного характера. Этим заведение отличалось от католических университетов, руководимых иезуитами и августинцами. С 1962 г. Наваррский университет вместе с университетами иезуитов Деусто и Комильяс стал выдавать дипломы государственного образца [8, p. 27]. В 1958 г. Opus Dei создало Институт бизнес-исследований (Instituto de Estudios Superiores de la Empresa – IESE) в Барселоне [14, p. 430]. Это была первая в Испании бизнес-школа, где открылась программа для аспирантов и магистрантов, основанная на американской образовательной модели. Целью создания IESE было стремление обучить бизнес-лидеров и руководителей управлять своими компаниями в соответствии с христианским мировоззрением.

Таким образом, в период франкизма в сфере образования в Испании ведущую роль играла Католическая Церковь. Она открывала свои собственные учебные заведения и корректировала государственные учебные программы. В результате образовательный процесс во всех учебных заведениях включал в себя религиозный компонент. Контроль

Церкви над образованием позволил ей укрепить свое влияние в испанском государстве. При этом Церковь старалась сделать образование доступным для людей, которые по социальным или экономическим причинам были лишены такой возможности.

Библиографический список

1. Pérez Galán M. La enseñanza en la Segunda República // Revista de Educación. 2000. N. Extraordinario. P. 317–332.
2. Коваль Т. Б. Уроки истории: испанский национал-католицизм. Ибероамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos. Вып. 1. 2013. С. 82–91.
3. Fullana P. La educación popular católica en España: de la caridad y la asistencia al compromiso social (1953–1967) // Encounters in Theory and History of Education. 2017. Vol. 18. P. 78–98.
4. МЭНХЭТТЭН А. Ватикан. Католическая церковь – оплот мировой реакции. М.: Издательство и типография Государственного издательства иностранной литературы, 1948.
5. González J. La educación musical escolar durante los primeros años del franquismo. Otro campo de batalla entre la Iglesia y la Falange // Revista de la Lista Electrónica Europea de Música en la Educación. 2016. N. 38. P. 36–46.
6. Pablo Lobo C. de La depuración de la educación española durante el franquismo (1936–1975). Institucionalización de una repression // Foro de Educación. 2007. N. 9. P. 203–228.
7. Лукьянова Л. И. Франкистская реформа образования и испанская высшая школа // Проблемы испанской истории. 1979. С. 23–45.
8. Frago A. La educación en el franquismo (1936–1975) // Educar em Revista. 2014. N. 51. P. 19–35.
9. Бунина З. Б. Католическая церковь современной Испании (60-е – первая половина 70-х годов) // Проблемы испанской истории. 1979. С. 48–77.
10. Ley de Ordenación de la Enseñanza Media (de D. Joaquín Ruiz-Jiménez y Cortés). (Ley de 26 de febrero de 1953) // Instituto Cardenal Sandoval y Rojas, Aranda de Duero. Documentos. 2003. P. 107–108.
11. Cruz Orozco J. I. La extensión del bachillerato en los suburbios españoles (1956–1984). Las Secciones Filiales de Instituto // Estudios sobre Educación. 2017. Vol. 32. P. 115–134.
12. Payne S. G. The Franco regime: 1936–1975. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1987.
13. Berglar P. Opus Dei: Leben und Werk des Gründers Josemaría Escrivá. Otto Müller Verlag Salzburg, 1983
14. Callahan W. J. The Catholic Church in Spain, 1875–1998. Washington, DC: Catholic University of America Press, 2000.

УСТАНОВЛЕНИЕ И ОХРАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С УКРАИНОЙ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

А. В. Науменко

*ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»
ул. Славинского, 4, 220103, г. Минск, Беларусь, naumenkoalex@tut.by*

Процесс установления Государственной границы Республики Беларусь с Украиной был обусловлен региональными и геополитическими изменениями, которые произошли вследствие распада СССР и, как результат, формирования суверенных государств. Разрушение строго унифицированной системы, регулировавшей социальные процессы, а также осуществлявшей контроль над огромным пространством, поставило перед суверенными государствами принципиально новые проблемы, в том числе и по обеспечению пограничной безопасности. Отечественная историография по вопросам установления и охраны государственной границы только формируется. Большинство исследований в данной области направлено на изучение внешнеполитического взаимодействия Беларуси с Украиной, приграничного и трансграничного сотрудничества. Поэтому вопросы установления белорусско-украинской границы затрагивались в них косвенно, в общем контексте. В данной статье представлен авторский взгляд на исследование проблем установления и охраны Государственной границы Республики Беларусь с Украиной, сформулированы актуальные аспекты дальнейших изысканий.

Ключевые слова: государственная граница; делимитация; демаркация; редемаркация; ректификация; историография.

ESTABLISHMENT AND PROTECTION OF THE STATE BORDER OF THE REPUBLIC OF BELARUS WITH UKRAINE: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

A. V. Naumenko

*The Institute of Border Service of the Republic of Belarus,
Slavinsky str., 4, 220103, Minsk, Belarus, naumenkoalex@tut.by*

The process of establishing the State border of the Republic of Belarus with Ukraine was due to regional and geopolitical changes that occurred as a result of the collapse of the USSR and, as a result, the formation of sovereign states. The destruction of a strictly unified system that regulated social processes, as well as exercising control over a vast area, posed fundamentally new problems for sovereign states, including those related to ensuring border security. Domestic historiography on the establishment and protection of the state border is just being formed. Most of the research in this area is aimed at studying foreign policy interaction between Belarus and Ukraine, border and cross-border cooperation. Therefore, the issues of establishing the Belarusian-Ukrainian border were touched upon in them indirectly, in a general context. This article presents the author's view of the study of the problems of establishing and protecting the State Border of the Republic of Belarus with Ukraine, formulates topical aspects of further research

Key words: state border; delimitation; demarcation; redemarcation; rectification; historiography.

В современной историографии проблема установления и охраны Государственной границы Республики Беларусь с Украиной остается недостаточно исследованной. Ее изучением в основном занимались сами пограничники. Так, в Институте пограничной службы Республики Беларусь подготовлено учебное пособие «История пограничной службы Беларуси» (2011 г., 2-е издание – 2017 г.). В нем дана характеристика основных этапов развития пограничной службы Беларуси, в общих чертах затронуты вопросы установления государственной границы, отражены особенности охраны границы на различных ее участках, а также показана специфика оперативно-служебной деятельности [1, 2]. К 80, 90, 100-летиям пограничной службы Беларуси были выпущены материалы, в которых изложена краткая история пограничных соединений, частей и подразделений. Косвенно в них затронуты и вопросы установления Государственной границы Республики Беларусь. Однако данные издания носят не научный, а популярный характер [3, 4, 5].

Среди исследовательской литературы наибольший интерес представляют работы Е. А. Бурик. Так, в кандидатской диссертации она раскрыла процесс становления и развития приграничного сотрудничества Республики Беларусь с Украиной в 1991–2008 гг. в политической, экономической, деловой, гуманитарной сферах, определила его направления и формы. Автор охарактеризовала развитие инфраструктуры пунктов пропуска на белорусско-украинском участке государственной границы как важный элемент для последующего развития приграничного сотрудничества [6].

Наиболее полно вопросы установления и международно-правового оформления Государственной границы Республики Беларусь, а также административно-правовых режимов в сфере государственной границы в 1990-е гг. раскрыты в монографии профессора А. М. Лукашевича «Становление пограничных войск Республики Беларусь (1991–1997 гг.)» [7, с. 115–164]. В книге также показана эволюция органов государственного управления в пограничной сфере (Главного управления пограничных войск), подробно рассмотрен процесс формирования новых пограничных частей. Автором раскрыты условия и специфика пограничной службы, подготовка кадров для пограничных войск Республики Беларусь. Особое внимание в монографии уделено формированию таможенно-пограничной инфраструктуры (пункты пропуска, пункты таможенного оформления, отделения пограничного контроля), в том числе на границе Беларуси с Украиной.

Некоторые аспекты установления белорусско-украинской границы на современном этапе нашли отражение в монографии историка С. Н. Хомича «Территория и государственные границы Беларуси в XX веке» [8, с. 368–387]. Однако в этой публикации были допущены определенные неточности и ошибки. На них обратил внимание А. И. Архипов, в течение ряда лет возглавлявший управление делимитации и демаркации государственной границы Государственного пограничного комитета Республики Беларусь (далее – Госпогранкомитет). Он в ряде публикаций [9; 10; 11] и кандидатской диссертации по политологии раскрыл вопросы участия органов государственной власти по институализации государственной границы [12].

Процессу делимитации белорусско-украинской границы в 1990-е гг. посвятил отдельную статью Д. В. Юрчак [13]. Автор охарактеризовал ход переговоров и показал проблемы, с которыми сталкивались делегации двух стран. Однако ряд аспектов, связанных с подготовкой переговорного процесса в 1992 г., а также с проблемой ратификации Договора о государственной границе в 1997–2010 гг., не нашли должного отражение в публикации. Различные аспекты демаркации белорусско-украинской границы, начало которому было положено в 2013 г., остаются малоизученными. Исключение представляют лишь публикации В. С. Хомича [14] и А. И. Архипова [15, с. 112–117; 11], в которых данная проблема рассматривается в теоретическом и политологическом контекстах. При этом А. И. Архипов в своих исследованиях уточнил определения понятиям редемаркация и ректификация государственной границы [15, с. 40–42].

В целом, проведенный историографический анализ проблемы позволяет утверждать, что в современной белорусской науке отсутствует комплексное исследование проблем установления и охраны Государственной границы Республики Беларусь с Украиной. Проблематика влияния границы на приграничное население, включая особенности восприятия государственной границы в общественном сознании приграничного населения, и вовсе не стала еще предметом изучения. На сегодняшний день также не нашли должного отражения в научной литературе проблемы пограничной безопасности (контрабанда, нелегальная миграция, вовлеченность в них местного населения и др.), пути совершенствования социально-экономического развития приграничных с Украиной районов.

Таким образом, стоит отметить, что несмотря на большое значение, которое имеет сотрудничество между Беларусью и Украиной по вопросам, связанным с охраной Государственной границы Республики Беларусь, до настоящего времени становление и развитие этого сотрудничества, а также определение его основных направлений и форм не нашли должного отражения в научной литературе. Не были они и предметом специального диссертационного исследования. Поэтому проведение исследования данного комплекса вопросов позволит выявить проблемные поля взаимодействия, а также наметить основные направления деятельности, направленной на углубление дальнейшего сотрудничества в вопросах организации охраны Государственной границы Республики Беларусь, обеспечения пограничной безопасности в условиях изменяющейся геополитической обстановки в мире.

Библиографический список

1. История пограничной службы Беларуси: учеб. пособие / В. В. Давыдик [и др.]; под общ. ред. В. Г. Моисеенко. Минск: ИВЦ Минфина, 2011.
2. История пограничной службы Беларуси: учеб. пособие / В. С. Гедько [и др.]; под общ. ред. В. С. Гедько. Минск: ИВЦ Минфина, 2017.
3. Граница: 80-летию пограничных войск посвящается: альманах Погранич. войск Респ. Беларусь. Минск, 1998.
4. Пограничная служба Республики Беларусь: 90 лет на страже границ Отечества / авт.-сост. Л. В. Спаткай; редкол.: И. А. Рачковский [и др.]. Минск: Междунар. центр культуры книги, 2008.
5. На переднем рубеже. Пограничная служба Беларуси / авт.-сост. А. М. Суворов; редкол.: А. П. Лаппо [и др.]. Брест, Минск: Полиграфика, 2018.
6. Бурик Е. А. Пограничное сотрудничество Беларуси с Польшей и Украиной (1991–2008 гг.). Брест: БГУ, 2013.
7. Лукашевич А. М. Становление пограничных войск Республики Беларусь (1991–1997 гг.). Минск: ИПС РБ, 2019.
8. Хомич С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск: Экономпресс, 2011.
9. Архипов А. И. Деятельность белорусского государства по делимитации государственной границы в 1991–1997 гг. // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2019. Т. 11, № 3. С. 117–128.
10. Архипов А. И. Институционализация государственной границы белорусского государства // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. 2019. № 4. С. 103–108.
11. Архипов А. И. Формирование государственной границы Беларуси // Беларус. думка. 2018. № 5. С. 98–102.
12. Архипов А. И. Деятельность органов государственной власти по определению статуса и институционализации государственной границы. Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2020.

13. Юрчак Д. В. Процесс делимитации белорусско-украинской государственной границы // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст., 2013. Вып. 1. С. 100–109.

14. Хомич В. С. Демаркация Государственной границы Республики Беларусь // Геодезия, картография, кадастр, ГИС – проблемы и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 9–10 июня 2016 г.: в 2 ч., 2016. Ч. 1. С. 143–153.

15. Архипов А. И. Установление и содержание государственной границы Республики Беларусь (1991–2010 гг.). Орша: Оршанская тип., 2011.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. В. Олюнина

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, irinaolunina201255@gmail.com

Статья посвящена современным способам интерпретации различных элементов этнокультурного наследия в сфере туризма Республики Беларусь. Показаны примеры реализации подобных технологий субъектами туристической деятельности нашей страны.

Ключевые слова: этнокультурное наследие; интерпретация; туризм Беларуси.

TO THE QUESTION OF INTERPRETATION OF ETHNOCULTURAL HERITAGE IN THE SPHERE OF TOURISM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I. V. Olunina

Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, irinaolunina201255@gmail.com

The article is devoted to modern ways of interpreting various elements of the ethnocultural heritage in the tourism sector of the Republic of Belarus. Examples of the implementation of such technologies by the subjects of tourism in our country are shown.

Key words: ethnocultural heritage; interpretation; tourism of Belarus

В Республике Беларусь насчитывается более 17, 5 тысяч объектов культурного туризма. Более 5,5 тысяч из них находятся в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь, а 4 (Беловежская пуца, комплекс Мирского замка, архитектурный, жилой и культурный комплекс рода Радзивиллов в городе Несвиж и геодезическая дуга Струве) входят в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО [1, с. 234]

Одним из важнейших принципов устойчивого развития является использование и сохранение имеющихся ресурсов – в том числе природного и культурного наследия. Для бережной передачи последующим поколениям необходимо понимать ценность объектов культурного наследия. Только при условии ответственного и осознанного отношения такая передача возможна. Интерпретация облегчает этот процесс, делает его более простым и понятным, «объясняет» человеку ценность того или иного объекта, приближает и пробуждает чувства и эмоции. Примеров, способов, вариаций, видов и мест, в которых происходит интерпретация, существует сегодня множество. Одним из самых популярных и массовых является музейный туризм.

Музейный туризм развивается в Беларуси в настоящее время интенсивно, однако неравномерно. Данный вид туристической деятельности можно определить как специфический вид путешествий с целью потребления музейных туристических продуктов, таких как экспозиции, экскурсии, выставки, акции и т. д. На современном этапе значительная туристическая привлекательность крупных городов (в первую очередь столицы и исторических центров) входит в диссонанс с развитием регионального туризма. В регионах Беларуси, где отсутствуют известные объекты культурного наследия национального значения, туристический поток существенно слабее.

Современные музеи во всем мире активно включаются в туристические программы и маршруты, так как это позволяет расширить аудиторию посетителей и усилить финансовую стабильность музея. Увеличивается музейная инфраструктура, формируются новые образовательные программы, организуются событийные мероприятия. Одним из важнейших направлений деятельности музея должно быть установление контактов с посетителями с учетом их потребностей в информации, обучении, развитии творчества, в коммуникации и досуге. Взаимодействие с посетителями должно быть многоуровневым процессом.

Сегодня музеи Беларуси используют способы производства символических ценностей, в основе которых лежат интерпретационные и коммуникативные техники. Они важны для создания современного музейного турпродукта. После определения туристической специализации музея, событийного компонента создаются программы и маршруты, прорабатывается логистика и инфраструктура, продумывается стратегия продвижения и взаимодействия с целевой аудиторией. Включение музейных коллективов в сферу туризма Республики Беларусь содействует расширению культурного влияния музеев, интенсификации потока посетителей, совершенствованию внутримузейной структуры, появлению специалистов новых музейных профессий, активному созданию партнерских отношений с административными и предпринимательскими структурами и, как следствие, большей финансовой самостоятельности музеев.

Информационную и методическую поддержку развития музеев Беларуси осуществляет портал «Музеи Беларуси». Он дает доступ региональным музеям к результатам новейших исследований, специализированным публикациям, методической помощи,

рекомендациям экспертов в сфере музейного дела; к проведению on-line консультаций и видеоконференций – как для специалистов, так и для представителей СМИ, туристического бизнеса или общественных организаций; к возможности разработки и реализации проектов на национальном и международном уровне [2]. В 2012–2018 гг. была реализована государственная программа «Замки Беларуси», разработанная с целью создания благоприятных условий для сохранения, восстановления и рационального использования объектов историко-культурного наследия, в первую очередь – замковых комплексов в Несвиже, Мире, Лиде, Гродно, Гольшанах, Крево и др.

Будущее музейного туризма Беларуси – в развитии проектного менеджмента, в создании и адаптации инклюзивных программ, направленных на разные типы музейной аудитории, в развитии специализированного туризма и музейной интерпретации, в активизации разнообразных каналов музейной коммуникации, а также в повышении качества музейного сервиса, рекламы и развития музейной инфраструктуры. Достичь этих целей помогает институт медиации, возникший в последней трети XX в. для работы с посетителями, имеющими особые потребности. Современная работа сотрудников музеев включает разработку специальных программ для разных категорий посетителей, формирование особого туристического продукта для детей, подготовку интерактивного компонента экскурсий, проведение комбинированных и комплексных мероприятий с использованием различных видов искусств и привлечением других учреждений культуры. Белорусские музеи – не только крупнейшие, но и региональные – идут в ногу со временем.

Интерпретация как искусство трактовки культурного ландшафта получила свое начало в американских национальных парках, где проводники показывали посетителям множество вариантов проявлений взаимодействия человека с окружающей средой. Формирование экологического сознания происходит во время прогулки, перед которой туристам предлагают почистить обувь и выбросить мусор, а также поясняют, как не нанести вред окружающей среде. Таким образом, каждый участник закрепляет действием необходимые знания и учится применять их в своей жизни. При этом сведения подаются с использованием дифференцированного подхода: активность детей и подростков, их стремление все трогать используются в интерактивных туристических программах как одна из наиболее эффективных форм

учебной и воспитательной работы. Они учатся воспринимать культурный ландшафт дестинации целостно, как единый, своеобразный природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности [1, с. 113–114] В Беларуси подобные программы на современном этапе предлагают музей «Дудutki» и экомузей «Мир пчёл».

Скансен в деревне Озерцо появился в 1976 г. в целях сохранения и популяризации памятников народной культуры в природном ландшафте. Он демонстрирует традиционную культуру Беларуси в единстве ее региональных и локальных особенностей и относится к музеям этнографического комплексного профиля республиканского значения. Здесь можно узнать о традициях и быте белорусов, принять участие в праздничных мероприятиях и народных обрядах, послушать фольклорные песни и освоить белорусские танцы, побывать на мастер-классах и самим изготовить сувениры, а в корчме попробовать блюда и напитки национальной кухни.

Значительный компонент программ интерпретации составляют образовательные модули – так, на экотропе «Белокорец» в Налибокской пуще посетители учатся наблюдать животных в дикой природе, распознавать растения, понимать законы эволюции флоры и фауны. Все стенды сделаны из дружественных природе материалов, информация продублирована на тактильных стендах. Пройти тропу могут практически все категории посетителей. Возможность прикоснуться и почувствовать предмет изучения делает природу ближе, а вместе с этим приходит понимание необходимости заботы о ней.

Образовательные модули в сфере культурного туризма реализуются также на объектах археологического наследия. Организованный археологический туризм способен решить целый ряд проблем по изучению, сохранению и использованию археологических объектов. В настоящее время существуют две основные формы организации научного туризма. При классической форме организации археологического туризма предполагается наблюдение объектов показа. В этом случае речь идет, как правило, о показе раскопанных и музеефицированных памятников археологии, хотя не исключена возможность и экскурсий на наиболее выразительные в рельефе нераскопанные объекты. К этому же типу относятся экскурсии по тематическим экспозициям краеведческих,

археологических и этнографических музеях. Ко второму типу («живая археология») относятся интерактивные и анимационные проекты. В мировой археологической практике уже достаточно прочно освоено несколько путей «оживления» процесса восприятия древности.

По инициативе ЮНЕСКО более 30 лет ежегодно 18 апреля во всем мире отмечается Международный день памятников и исторических мест с целью привлечения внимания общественности к вопросам сохранения объектов историко-культурного наследия. В этот день проводятся тематические конференции, семинары и другие мероприятия. В Беларуси ведущими экскурсоводами и краоведами страны при поддержке ИКОМОС (Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест) с 2009 г. было решено проводить бесплатное мероприятие, целью которого будет приближение людей к осознанию необходимости бережного отношения и защиты уникальных памятников архитектуры, истории и природы. Ежегодно (в допандемийный период) в выходные дни, близкие к 18 апреля, по всей стране проходили сотни экскурсий, и с каждым годом их число только росло, так же как и увеличивалось количество людей, их посещавших. Проводили экскурсии как профессиональные гиды и экскурсоводы, так и местные энтузиасты-краеведы. Экскурсии дополнялись анимационными элементами, свидетельствами очевидцев, легендами и т. п. Для вовлечения максимально широкого круга участников проводились инклюзивные экскурсии [48].

Беларусь имеет опыт проведения European Heritage Days (EHD) – Европейских дней наследия, ежегодной совместной акции Совета Европы и Европейской комиссии, в которой участвуют государства, подписавшие Европейскую культурную конвенцию под девизом «Европа: общее наследие». В начале сентября под патронажем Министерства культуры Республики Беларусь проходят выставки, семинары, экспертные встречи по вопросам разрешения наиболее острых проблем в области охраны историко-культурного наследия.

Таким образом, субъектами туристической деятельности Республики Беларусь используются разнообразные способы и методы интерпретации этнокультурного наследия, что обеспечивает эффективное восприятие основных элементов современными потребителями туристического продукта.

Библиографический список

1. Хухлындина Л. М., Гайдукевич Л. М. Туризм и культурное наследие: пособие. – Минск: БГУ, 2014. – 296 с.
2. Музеи Беларуси [Электронный ресурс]. <http://museum.by/> Дата доступа: 14. 05. 2021
3. Фэст экскурсавадаў [Электронный ресурс]. <https://festguides.by/> Дата доступа: 17. 05. 2021

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИИ В 1840–1860-х гг.

Н. Е. Орлова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, neo0504@mail.ru*

За годы промышленной революции в Англии значительно выросла численность рабочего класса, сформировавшего самостоятельное организованное движение. В период чартизма как важнейшая социальная проблема впервые был поставлен вопрос о равенстве прав на получение образования. Чартистами впервые была разработана концепция развития народного образования, базовыми принципами которой были всеобщность, обязательность, бесплатность, светскость. Она была положена в основу борьбы рабочего движения за реформу системы начального образования в стране в 1850–1860-х гг., а также стала исходной для образовательной программы бирмингемских радикалов. Не имея собственной партии и программы рабочий класс, в целом поддерживал платформу радикалов, в том числе и по вопросу реформирования системы начального образования. Относительно данной проблемы как рабочее движение, так и бирмингемские радикалы руководствовались чартистской концепцией равенства прав на образование.

Ключевые слова: английское народное образование; всеобщее обучение; реформа системы начального образования; рабочее движение; чартизм; национальные тред-юнионы; радикалы.

THE LABOR MOVEMENT AND THE PROBLEM OF PUBLIC EDUCATION IN ENGLAND IN THE 1840–1860S

N. E. Orlova

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, neo0504@mail.ru*

During the years of the Industrial Revolution in England, the number of the working class increased significantly, forming an independent organized movement. At the time of Chartism, the question of equality of the rights to education was first raised as the most important socio problem. Chartists for the first time prepared program for the development of public education, the basic principles of which were universality, obligation, free of charge, secularism. It was the basis of the struggle of the labor movement for the reform of elementary education system in the country in the 1850s– 1860s, also became the starting place for the educational program of Birmingham radicals. Without its own party and program, the English working class generally supported the platform of the radicals, including on the issue of reforming the public education system. On this issue, both the labor movement and the Birmingham radicals were guided by the Chartist concept of equal rights to education.

Key words: *English public education, universal education, reform of the elementary education system, labor movement, Chartism, national trade unions, radicals.*

Важнейшим социальным последствием промышленной революции в Англии был численный рост пролетариата. Ничего не получив от

парламентской реформы 1832 г. и столкнувшись с антирабочей политикой нового, уже буржуазного парламента, английский рабочий класс становился на самостоятельный путь борьбы за свои интересы. На этой почве во второй половине 1830-х гг. возник чартизм – первое в мировой истории самостоятельное политическое движение пролетариата. У истоков движения стояла Лондонская ассоциация рабочих, созданная в 1836 г. по инициативе столяра У. Ловетта. Свою основную цель она видела в достижении социальной справедливости и политического равноправия.

Особое место в деятельности чартистов занимал вопрос просвещения народа, который они тесно увязывали с борьбой за социально-политические права. В частности, как одну из важнейших социальных задач Лондонская ассоциация рабочих рассматривала создание в стране массовой системы народного образования. В ее программе отмечалась необходимость «способствовать всеми достижимыми средствами образованию подрастающего поколения и искоренению тех систем, которые ведут к рабству» [6, р. 352–353].

В 1839 г. в движении чартизма выделилось просветительское направление. Оно основывалось на идеях социалиста Р. Оуэна, убежденного сторонника всеобщего обучения. Данное направление возглавил У. Ловетт, вскоре учредивший «Национальную ассоциацию для содействия политическому и социальному совершенствованию народа». Ее основной целью было объединение усилий всех слоев общества для создания единой государственной системы образования, светской и бесплатной. Программа Ассоциации, содержала следующие положения: издание и распространение обращений, трактатов, памфлетов, способствующих повышению культурного уровня народа; организация Центральной библиотеки для ее членов, в которой должна быть «нравственного содержания» литература; учреждение легальным путем просветительских обществ по всей стране; содействие образованию подрастающего поколения, политическому и социальному совершенствованию народа посредством учреждения общественных школ, чтения лекций, организации дискуссий; создание клубов для разумного отдыха после работы [14, р. 380–381]. Вслед за Ассоциацией У. Ловетта подобные чартистские общества стали возникать по всей стране. Они издавали брошюры, более 20 газет, в которых содержался материал по истории, географии, литературе.

Важную роль в деле образования трудящихся сыграли и так называемые «Чартистские дома», которые создавались во многих городах на средства рабочих. Они ставили своей целью «Воспитывать среди представителей рабочего класса людей здравомыслящих и думающих» [4, с. 115–117]. При «Чартистских домах» организовывались библиотеки, публичные лекции, воскресные школы. Особое внимание здесь уделялось образованию детей рабочих: учреждались школы, как правило, воскресные. Учебные программы в этих школах содержали довольно широкий круг предметов [4, с. 115–123].

Современник чартистского движения Ф. Энгельс писал в это время: «Чартисты и социалисты создали за свои средства множество школ и читален для повышения интеллектуального уровня рабочих. Такие учреждения имеются почти при каждой чартистской организации, а также при многих профессиональных союзах» [5, с. 461]. Безусловно, подобная деятельность способствовала пробуждению интереса английских рабочих к образованию и повышению их общекультурного уровня.

С 1848 г. в чартизме заметно усилилось влияние представителей левого крыла, выступавших за методы открытой революционной борьбы. Левые чартисты выдвинули наиболее радикальную концепцию просвещения, в основе которой лежал принцип равенства прав на получение образования. Ее основными чертами были светскость, обязательность, бесплатность. При этом борьбу за всеобщее образование чартисты рассматривали в политическом контексте – в непосредственной связи с борьбой за всеобщее избирательное право. Лидер левого крыла чартистов Э. Джонс подобно У. Ловетту доказывал, что «образование является необходимым спутником свободы . . ., если собственность имеет право на защиту от грабежа, то и знание имеет право на защиту от невежества». Он был убежден, что эта сфера должна находиться в ведении государства [1, с. 66, 68].

В 1851 г., на исходе движения, чартистский конвент принял новую программу, имевшую социалистический характер. Она содержала специальный раздел, посвященный народному образованию, в котором отмечалось: «Подобно тому, как человек имеет право на материальные средства существования, так он имеет право на средства к умственной деятельности... Образование должно быть государственным, всеобщим, бесплатным и до известной степени обязательным. Поэтому рекомендуется: 1. Чтобы школы, колледжи и университеты, поддерживаемые государством, были широко открыты для всех граждан, и

чтобы для родителей была установлена принудительная обязательность давать детям элементарное образование; 2. Образование в высших областях знания должно быть также бесплатным, но не обязательным; 3. Необходимо открыть промышленные школы, где юношество обучалось бы различным специальностям» [3, с. 110–111].

Движение чартистов, несомненно, внесло заметный вклад в создание в Англии системы всеобщего начального обучения. Рассматривая данный вопрос в социально-политическом измерении, т. е. как необходимое условие достижения свободы и равноправия, чартисты проявили свое глубокое понимание места и роли образования в обществе. Деятельность чартистов в данной сфере содействовала повышению уровня грамотности и культуры простого народа, появлению независимых от государства и господствующих классов образовательных институтов для рабочих. Можно утверждать, что в рамках чартизма развернулось первое в истории Англии организованное и самостоятельное движение английского пролетариата за право на образование.

В середине XIX в. Англия, завершив промышленную революцию, стала первой примышленной державой мира. В 1850–1860-х гг. страна обрела черты зрелого индустриального общества. Развернувшаяся индустриализация вносила серьезные коррективы в ее социально-экономическое развитие. Прежде всего, эти годы характеризовались стремительным ростом и доминированием тяжелой промышленности, повышением роли науки. Огромные масштабы производства порождали значительный рост его концентрации и, соответственно, быстрый рост численности фабричного пролетариата.

Вступление английского общества в индустриальную эпоху отмечалось растущей его поляризацией, углублением и обострением всего спектра социальных проблем. В отмеченный период в число первостепенных выдвинулся вопрос образования народа: научно-технический прогресс закономерно требовал качественных изменений в составе и уровне квалификации рабочей силы. Осознавая необходимость повышения уровня грамотности, английский рабочий класс настойчиво требовал равных прав на получение образования. В этой связи вопрос народного просвещения оказался в центре борьбы организованного рабочего движения, выдвинувшего требование реформы сферы начального образования и создания системы массового обучения.

Со времен чартизма английское рабочее движение выделилось в самостоятельную социально силу и стало важным фактором политической

жизни страны. Уже в начале 1850-х гг. возникли первые национальные тред-юнионы квалифицированных рабочих, а в конце десятилетия – и менее крупные, провинциальные. В качестве своей первостепенной задачи они ставили борьбу за реформу системы начального образования. Национальные профсоюзы взяли на вооружение программу чартистов, выдвигавшую требование всеобщего обязательного обучения народа. Английские тред-юнионы развернули активную просветительскую деятельность среди рабочих. Так, печатный орган профсоюза оптиков, выходивший с 1850 г., в первом же номере призывал всех членов союза «овладевать знаниями, ибо в знании сила» [2, с. 43]. Основатель и идеолог первого национального тред-юниона «Объединенного общества механиков» В. Ньютон существовавшую систему образования характеризовал как «одну из величайших подделок века», поскольку она, во-первых, приучает людей «принимать как благо то, что им принадлежит по праву», а, во-вторых, «дает власть тем, кто вкладывает пожертвования, определять характер и уровень образования для народа» [15, р. 343]. Он выступал против религиозного обучения в школах и первым из профсоюзных лидеров выдвинул чартистский лозунг всеобщего обязательного обучения, поставив перед рабочим классом задачу борьбы за его реализацию.

С начала 1850-х гг. в Англии создавались и другого рода организации, выражавшие взгляды рабочих на образование. Так, в это время появилась «Ассоциация рабочих в поддержку создания национальной системы светского образования», выступавшая за «хорошее светское образование для детей рабочих». Религиозное же обучение объявлялось злом, поскольку «каждая секта стремится подчинить детей своей идеологии и своему влиянию» [15, р. 343].

В первой половине 1860-х гг. в стране развернулось массовое движение за новую избирательную реформу, широкое участие в котором, помимо мелкой буржуазии, принимал пролетариат. Именно в этот период движение английского рабочего класса за всеобщее обучение поднялась на новый уровень, и тесно увязывалось с борьбой за всеобщее избирательное право. Его возглавила «Хунта», созданная в начале 1860-х гг. лидерами ведущих тред-юнионов. Она стояла на позициях сотрудничества с предпринимателями, утверждая, что всеобщее образование народа является лучшим средством для достижения социального мира, поскольку именно невежество влечет за собой нестабильность в обществе [15, р. 361].

Новый избирательный закон, принятый в августе 1867 г., увеличивал электорат почти в три раза, в том числе и за счет квалифицированной части рабочих. Несомненно, включение части английского пролетариата в политическую жизнь страны повышало значимость фактора рабочего движения. Вместе с тем половина новых избирателей по-прежнему была неграмотна, что заметно актуализировало вопрос создания системы массового обучения в стране. В данной ситуации перед властями обозначилась двудеятельная задача: во-первых, повысить уровень грамотности населения страны, во-вторых, усилить механизмы социального контроля, важнейшим из которых могла стать массовая школа.

Во второй половине 1860-х гг. в общественно-политических кругах развернулось бурное обсуждение различных проектов реформирования сферы народного образования, целью которых было создание в стране национальной системы всеобщего начального обучения. Английское общество относительно реформы образования оказалось разделенным в основном на два лагеря, во главе которых стояли идеологические центры: Национальная лига образования и Национальный союз образования.

Лига была создана в феврале 1869 г. по инициативе бирмингемских радикалов, представлявших новое левое крыло английских либералов. Теперь они стали играть ведущую роль в общедемократическом движении за реформу начального обучения. Национальная лига образования выдвинула самый радикальный проект реформы начальных школ, предусматривавший всеобщее, обязательное, светское, либо несектантское, начальное обучение, а также обязательное налогообложение в пользу образования [7, р. 4]. Радикалы Бирмингема рассчитывали, что требование всеобщего обязательного обучения будет способствовать их продвижению к власти, а вместе с тем ослаблению позиций государственной церкви и консерваторов. Они особенно были заинтересованы в поддержке многочисленного рабочего класса и стремились привлечь его на свою сторону. В значительной степени им это удалось. Платформу Лиги по реформе образования одобрили крупнейшие тред-юнионы, которые в ее поддержку проводили митинги и собирали взносы [8, р. 10].

В 1868 г. в стране был создан единый профсоюзный центр – Британский конгресс тред-юнионов. На его II конгрессе, проходившем в августе 1869 г., вопрос просвещения народа был поставлен как первостепенный. В своем обращении к участникам конгресса его председатель Кример заявил, что реформа системы образования должна

стать самым важным шагом правительства в ближайшее время. На конгрессе была принята специальная резолюция, в которой указывалось, что «только национальная система несектантского и обязательного обучения соответствует интересам народа» [15, р. 361]. Как можно заметить, такая формулировка более всего соответствовала программе Национальной лиги образования, которая в своих действиях ориентировалась на рабочий класс.

Сторонников англиканской церкви и консервативных кругов не устраивала столь радикальная программа реформирования системы начального обучения. В этой связи осенью 1869 г. они создали Национальный союз образования с центром в Манчестере. Проект реформы Союза предполагал сохранение, при определенном усовершенствовании, действовавшей добровольной системы начального образования, основанной на частной инициативе и прерогативах англиканской церкви [9, р. 4].

Вступив в борьбу за свое лидерство, Лига в январе-феврале 1870 г. развернула пропаганду своих идей, стремясь как можно шире привлечь на свою сторону рабочий класс. В конце января отделение Лиги организовало многочисленный митинг в Св. Мэрилебоне, участниками которого в основном были рабочие. Ораторы убеждали, что с расширением избирательного права назрела крайняя необходимость в создании системы всеобщего обязательного образования, чтобы рабочие «не попадали под влияние недобросовестных демагогов» [11, р. 3]. На митинге были единодушно приняты резолюции, требовавшие создания национальной системы начального образования, основанной на обязательном, бесплатном и светском обучении, субсидируемой правительством и местными властями. [12, р. 3]. Подобные собрания под руководством Лиги в отмеченное время прошли в Лондоне, Ноттингеме, Лестере, Ливерпуле. На них также рабочие одобрили платформу Лиги [10, р. 4; 12, р. 5; 13, р. 5]. Данные факты свидетельствовали о настроениях рабочих крупных промышленных городов в пользу образовательной программы бирмингемских радикалов, которая предполагала достаточно глубокое реформирование сферы начального образования. Она в целом соответствовала чартистской концепции народного просвещения, предусматривая создание в стране системы всеобщего обязательного обучения.

Таким образом, за годы промышленной революции в Англии сформировалось организованное самостоятельное рабочее движение,

развернувшее борьбу за социальную справедливость. В период чартизма оно поднялось на новую ступень, направив свою борьбу в политическое русло. В контексте этой борьбы впервые как важнейшая социальная проблема был поставлен вопрос о равенстве прав на образование. Чартистами также впервые была разработана программа по народному просвещению, базовыми принципами которой были всеобщность, обязательность, бесплатность, светскость. Она была положена в основу борьбы рабочего движения за реформу системы начального образования в 1850–1860-х гг.

Чартистская концепция просвещения также стала основой программы реформирования народного образования, выдвинутой бирмингемскими радикалами. Включившись в движение за демократизацию системы образования в стране, они создали свой центр – Национальную лигу образования. В борьбе за власть радикалы нуждались в поддержке рабочего класса и в этой связи в свою политическую программу включали насущные социальные требования трудящихся, в том числе и равенства прав на образования.

С другой стороны, после чартизма английское рабочее движение повернуло в умеренное русло, в нем возобладали реформистские тенденции. С начала 1850-х гг. его возглавили ведущие национальные профсоюзы, стоявшие на позициях сотрудничества с буржуазией. В этой связи на протяжении 1850–1860-х гг. рабочие крупных промышленных центров, находившиеся в авангарде движения английского пролетариата, в отношении реформы системы народного образования занимали общую с другими радикально настроенными элементами (большая часть торгово-промышленной и мелкой буржуазии) позицию, обозначенную Национальной лигой образования. Все эти слои объединяла заинтересованность в поддержке государства для укрепления своего положения в обществе. Образование они рассматривали как средство повышения своего социального статуса, поэтому требовали глубокой демократизации всей сферы просвещения и, прежде всего, создания государственной системы всеобщего начального обучения. Не имея собственной партии и программы, английский рабочий класс в целом поддерживал общую платформу радикалов, в том числе и по вопросу реформирования системы народного образования. Относительно данной проблемы как рабочее движение, так и бирмингемские радикалы ориентировались на чартистскую концепцию равенства прав на образование.

Несомненно, в рамках общедемократической борьбы английское рабочее движение внесло весомый вклад в борьбу за создание национальной системы всеобщего обучения в стране.

Библиографический список

1. Джонс Э. Статьи о чартистской программе. Письма. – М.: Наука, 1970. 116 с.
2. Кучинский Ю. Положение рабочего класса в Англии (1832–1956). – М.: Соцэкгиз, 1958. 381 с.
3. Программа, принятая чартистским конвентом в 1851 г. // Джонс, Э. Статьи о чартистской программе. Письма. М.: Наука, 1970. С. 110–111.
4. Салимова К. У. Борьба за народное образование в чартистском движении. М.: Изд. АПН РСФСР, 1960. 135 с.
5. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 2. С. 231–517.
6. Address and Rules of London Working Men's Association for benefiting Politically, Socially and Morally the Useful Classes (1836) // British working class movements. Select Documents. 1789 – 1875 /Ed. by G. D. H. Cole and A. W. Filson. London: Macmillan. 1951. P. 352–353.
7. Editorial // The Times. 1869. 17 Nov. P. 9.
8. Letter to the editor of «The Times» from J. Chamberlain, Chairman of Executive Committee of the National Education League // The Times. 1870. 1 Jan. P. 10.
9. Letter to the editor of «The Times» from James Ridgway. Principal of Culjam Training College // The Times. 1869. 29 Dec. P. 4.
10. National Education Union. Meeting in Manchester // The Times. 1870. 25 Jan. P. 4.
11. Public meeting convened by the St. Marylebone branch of N. E. L. // The Times. 1870. 1 Febr. P. 3.
12. Public meeting in London // The Times. 1870. 18 Jan. P. 5.
13. Public meeting Liverpool. // The Times. 1870. 3 Febr. P. 5.
14. Rules and Objects of the National Association for Promoting the Political and Social Improvement of the People // British working class movements. Select Documents. 1789–1875 / Ed. by G. D. H. Cole and A. W. Filson. London: Macmillan, 1951. P. 380–381.
15. Simon B. Studies in the History of Education. London: Lawrence and wishart, 1960. 375 p.

εθνος И ЕГО ПОНИМАНИЕ В КНИГАХ ПЯТИКНИЖИЯ МОИСЕЕВА, ПРИВЕДЕННЫХ В БИБЛИИ СКОРИНЫ И ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ

О. В. Перзашкевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 г. Минск, Беларусь, perzashkevich@bsu. by*

В настоящем исследовании речь идет о тех критериях, на которых основывали свои переводы создатели Острожской Библии. Для этого были использованы тексты Торы, Септуагинты, Вульгаты, Библии Скорины и Чешской Королевской Библии. Установлено, что использование соответствия (*εθνος* = *gens* = *языкъ*) является не только традиционным вариантом, но и сознательным выбором переводчиков. Кроме того, переводчики Острожской Библии и Ф. Скорина следовали не одной и той же традиции. Влияние средневековых комментариев в Острожской Библии оказывается еще более значительным, чем у нашего первопечатника.

Ключевые слова: Острожская Библия; *εθνος*; *gens*; *языкъ*; Библия Ф. Скорины; самоидентификация.

ΕΘΝΟΣ AND ITS UNDERSTANDING IN THE BOOKS OF MOSES' PENTATEUCH, PLACED AT THE BIBLE OF SKARYNA AND AT THE OSTROZHSKAYA BIBLE

O. V. Perzashkevich

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
perzashkevich@bsu. by*

The present paper studies the criteria of identity used by the early interpreters of Bible into Slavic languages. The author revises the ones of Ostrozhskaya Bible and compares them to the correspondent versions of Torah, Septuagint, Vulgate, and the Bible by F. Skaryna and Czech Royal Bible. The conclusion shows that understanding of *εθνος* = *gens* = *языкъ* was not accidental, but quite principal one of the interpreters. Furthermore, the interpreters of Ostrozhskaya Bible and F. Skaryna have doubtless followed different enough traditions. Moreover, the Ostrozhskaya Bible shows much more evident influence of some kind of medieval commentaries than the Bible by F. Skaryna.

Key words: the Ostrozhskaya Bible; *εθνος*; *gens*; *языкъ*; the Bible by F. Skaryna; self-identity.

Вопросы этнической идентификации являются одними из самых главных для историка (и при этом едва ли не самыми сложными), поскольку непосредственно связаны с локализацией событий в историческом пространстве. Естественно, что необходимость решения этих вопросов существует с момента возникновения истории как науки. При этом сразу стало очевидным, что дошедшие до нас исторические этнические карты и описания, содержащие принципы этноидентификации, не всегда различают идентификацию внешнюю и самоидентификацию,

да и их критерии разделения зачастую не понятны. Это, разумеется, создает для исследователей неизбежные сложности и является источником разногласий. Если же принять во внимание, что современная европейская историческая наука в отношении этнической истории человечества во многом уходит своими основаниями в библейские традиции (которые были общим основанием как незыблемо понимаемые еще 120–150 лет назад), или основывается на выведенных в XIX в. из древнеиндийских текстов «арийских» критериях [например, 13, т. 1, с. 64–65], то существующее положение дел относительно вопросов этнической принадлежности тем более требует к себе пристального внимания.

Исследования последнего столетия со всей наглядностью продемонстрировали неуместность универсального применения принципов, выведенных из какого-либо одного священного писания или религиозной традиции. Не являются исключением и библейские основы этнической идентификации, принимаемые в свое время по умолчанию, т. е. как аксиомы. Вследствие этого на вопросы, решавшиеся ранее с этих позиций, сегодня не существует даже приблизительных общепризнанных ответов. Однако пути выхода из создавшегося положения до сих пор совсем не очевидны.

Применительно к европейской науке существенными проблемами являются европоцентризм и представления о превосходстве западной цивилизации. Еще одна сложность – безусловный авторитет лежащих в основе гуманитарного образования классических академических и энциклопедических взглядов, отражающих наиболее распространенные положения (в т. ч. относительно вопросов этнической идентификации) и обладающих, как правило, очень большой инертностью.

Обозначенные факторы являются дополнительным основанием поиска как самих критериев этнической идентификации, так и принципов их выделения, по возможности не мотивированных ни политической, ни идеологической, ни религиозной конъюнктурой иной традиции. В настоящем случае речь пойдет как раз о возможном направлении определения этноидентификации в издании Библии, напечатанной в Остроге (для которой мы используем сокращение BSO), имени К. К. Острожского, Иваном Федоровым в 1581 г. [4]

Настоящее исследование продолжает изучение вопросов самоидентификации, начатое при рассмотрении изданий нашего первопечатника Франциска Скорины [5]. Кроме того, проблема имеет принципиальное значение для изучения вопросов христианизации наших

земель и, прежде всего, местного варианта христианского самосознания. В частности, речь идет о тех критериях, на основании которых авторы перевода Острожской Библии переводили те фрагменты Ветхого Завета, где некая отдельная общность людей выделяется из всего известного Библии населения как «свои». Следует также отметить, что в основе этих построений может лежать и не изначальная библейская модель, как это было в случае с переводом Ф. Скорины. Вследствие этого, для изучения особенностей перевода Острожской Библии нами использованы древнееврейские тексты Торы (WTT, Вестминстерское издание [20]) и соответствующие древнегреческие тексты Септуагинты (LXT, классическое издание [19]), латинские тексты Вульгаты (VUL [Latin Vulgate]), тексты Библии Ф. Скорины (BRS [3]) и Чешской Королевской Библии 1613 г. (BKR, издание [9]).

В качестве предмета исследования, как и в случае с переводами Ф. Скорины, взято центральное понятие проблемы в Торе – древнеевр. *gōu*. Отметим попутно, что более поздняя по отношению к Торе еврейская традиция четко определяет *gōu* как «чужой» [11, т. 2, с. 1679–1680; 22] (что, разумеется, к Торе не применимо [23]).

Рассмотрение формальной стороны дела также начнем с этимолого-семантического описания *gōu*. Следуя А. Ю. Милитареву, древнеевр. *gōu* имеет общесемитское происхождение с примерным значением «община или объединение людей по территориальному принципу», которое восходит, вероятно, к общеафроазиатскому с вероятным значением «объединение людей по признаку совместного проживания или совместного ведения хозяйства» [14]. Семантическое же описание *gōu*, дает нам следующее поле: «то, что предшествует», «то, что сзади», «корпус, тело», «объединение, группа» [23; 24]. Существенно и то, что перевод Торы с древнееврейского на древнегреческий был сделан еще до начала нашей эры [2]. И именно там *gōu* переводится как *εθνος* [19; 20]. В силу сказанного, критерии выделения *gōu* и могут, очевидно, считаться основанием исходного понимания слова *εθνος* в европейской науке [10]. Кроме того, подобное положение дел подтверждается и самими выявленными нами и рассматриваемыми в настоящей работе упоминаниями указанного понятия.

Исходя из многих существующих исследований, следует отметить, что, в отличие от Септуагинты, Вульгата по-разному передает древнеевр. *gōu*, а именно *gens* и *natio* [например, 12]. И это при том, что составители

Вульгаты, очевидно, использовали Септуагинту [10; 18]. В подтверждение сказанного приводим и результаты собственного сравнения текстов.

Таблица 1 – Перевод *gōy* Торы в текстах Септуагинты и Вульгаты.

ФРАГМЕНТ	WTT	LXT	VUL
Быт. 10:31	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 12:2	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 15:14	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 17:4	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 17:5	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 17:6	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 17:16	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>natio</i>
Быт. 17:20	<i>nasi / gōy</i>	<i>εθνος / εθνος</i>	<i>dux / gens</i>
Быт. 18:17	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 18:18	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>natio</i>
Быт. 20:4	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 21:13	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 21:18	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Быт. 46:3	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Исх. 9:24	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Исх. 19:6	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Исх. 32:10	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Исх. 33:13	<i>am / gōy</i>	<i>λαος / εθνος</i>	<i>populus / gens</i>
Чис. 14:12	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 4:6	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 4:7	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>natio</i>
Втор. 4:8	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 4:34	<i>gōy / gōy</i>	<i>εθνος / εθνος</i>	<i>gens / natio</i>
Втор. 7:17	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 9:14	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 26:5	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 28:36	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 28:49	<i>gōy / gōy</i>	<i>εθνος / εθνος</i>	<i>gens / cuius (gens)</i>
Втор. 28:50	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>

Втор. 32:21	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>
Втор. 32:28	<i>gōy</i>	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>

Что же касается собственно текста BSO, то рассматриваемые фрагменты дают следующие результаты.

Таблица 2 – Понимание *gōy* Торы в рассмотренных переводах Библии.

WTT	LXT	VUL	BRS	BSO	BKR
Быт. 10:31	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	<i>страна</i>	<i>národ</i>
Быт. 12:2	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 15:14	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 17:4	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 17:5	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 17:6	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	языкъ	<i>народъ</i>	<i>národ</i>
Быт. 17:16	<i>εθνος</i>	natio	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 17:20	<i>εθνος</i> / <i>εθνος</i>	<i>dux</i> / <i>gens</i>	<i>князь</i> / языкъ	<i>языкъ</i> / языкъ	<i>kníž</i> / <i>národ</i>
Быт. 18:17	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 18:18	<i>εθνος</i>	natio	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 20:4	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 21:13	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 21:18	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	языкъ	<i>národ</i>
Быт. 46:3	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	языкъ	<i>národ</i>
Исх. 9:24	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	<i>люди</i>	lid

Исх. 19:6	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	языкъ	языкъ	<i>národ</i>
Исх. 32:10	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Исх. 33:13	<i>λαος / εθνος</i>	<i>popul us / gens</i>	<i>люди / народъ</i>	<i>люди / языкъ</i>	<i>lid / národ</i>
Чис. 14:12	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	<i>люди</i>	<i>národ</i>
Вто р. 4:6	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	– (<i>люди</i>)	<i>племя</i>	<i>národ</i>
Вто р. 4:7	<i>εθνος</i>	<i>natio</i>	<i>народъ</i>	языкъ	<i>národ</i>
Вто р. 4:8	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	<i>племя</i>	<i>národ</i>
Вто р. 4:34	<i>εθνος / εθνος</i>	<i>gens / natio</i>	<i>люди / народъ</i>	языкъ / страна	<i>národ / národ</i>
Вто р. 7:17	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	<i>страна</i>	<i>národ</i>
Вто р. 9:14	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	языкъ	языкъ	<i>národ</i>
Вто р. 26:5	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	<i>люди</i>	<i>národ</i>
Вто р. 28:36	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>народъ</i>	<i>страна</i>	<i>národ</i>
Вто р. 28:49	<i>εθνος / εθνος</i>	<i>gens / cuius (gens)</i>	<i>люди / ихъже (людей)</i>	<i>страна / страна</i>	<i>národ / národ</i>
Вто р. 28:50	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	<i>люди</i>	<i>страна</i>	<i>národ</i>
Вто р. 32:21	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	языкъ	языкъ	<i>národ</i>
Вто р. 32:28	<i>εθνος</i>	<i>gens</i>	языкъ	языкъ	<i>národ</i>

Согласно исследованиям славянских переводов Библии, относительно использования слова «**языкъ**» вопрос оказывается совсем не простым. Согласно существующей исходной точке зрения, такой вариант понимания *εθνος* (т. е. *gōy*) был предложен в старославянском переводе

Восьмикнижия еще Мефодием [1], т. е. в IX в., хотя ни одного подходящего списка этого времени не известно. При этом такое значение слова языкъ считается устаревшим [21]. Более того, в современном синодальном переводе Библии вариант «**языкъ**» в указанных случаях заменен на «народ» [16].

Тем не менее, существующий перевод *εθνος* на старославянский как языкъ, вслед за И. И. Срезневским [6, т. 3, с. 1647–1648] и сегодня рассматривается в качестве нормативного [например, 7, с. 105–140]. Между тем, такой вариант понимания *εθνος* имеет свою комментаторскую традицию, берущую начало еще, как минимум, в VIII в. И она сложилась не в рамках старославянского или даже греческого языков (что, при наличии приведенных указаний фрагментов Септуагинты, вообще бессмысленно), а в традиции латинских авторов. Первым известным автором, предложившим соответствие *natio* и *lingua* принято указывать Беду Достопочтенного [15, с. 614]. Согласно этой традиции, язык и есть этнос (*natio = populus = lingua*) [8, т. 95, кол. 0125, 0159]. Однако, ни Беда, ни любой другой латинский автор не могли быть основанием ни для Мефодия и Кирилла (для которых греческий был родным), ни для тех, кто должен был пользоваться переводами Мефодия или текстами Септуагинты или даже Торы (где указанное нетождество закреплено, например, в Быт. 10, 31) в качестве источника. Кстати говоря, нет такого варианта и в доступном автору этих строк тексте чешской Кралицкой Библии. Следовательно, славянские переводчики в случае *εθνος = gens = языкъ* могли следовать только латинской традиции, причем не Вульгате (как ясно, хотя бы, из выше приведенных таблиц), а именно средневековой, идущей от Беды.

С учетом сказанного, есть смысл поговорить и о том, какими версиями текста пользовались создатели Острожской Библии. Итак, согласно самому тексту, перевод выполнен с Септуагинты [4, титул]. Применительно к нашим фрагментам результаты выглядят несколько менее очевидными. Итак, исходя из того, что «+» означает «близко к тексту», «=» – точный перевод, получаем:

Таблица 3 – Сравнение фрагментов, содержащих термин *gōu* в рассмотренных переводах Библии, с возможными вариантами исходного текста.

WTT	LXT	VUL	BRS	BSO
Быт. 10:31	не абсолютно = WTT	+ WTT (но не так	+ VUL + LXT	+ LXT + WTT

	(+ WTT)	близко к LXT)		
Быт. 12:2	= WTT	= LXT = WTT	= WTT = LXT = VUL	= WTT = LXT = VUL
Быт. 15:14	+ WTT	+ WTT (но не так близко к LXT)	+ VUL	+ VUL
Быт. 17:4	= WTT	= WTT	+ WTT + LXT + VUL	= WTT = LXT = VUL
Быт. 17:5	+ WTT	+ WTT	+ WTT + LXT + VUL	= WTT = LXT = VUL
Быт. 17:6	+ WTT	+ WTT	+ VUL	= LXT
Быт. 17:16	= WTT	= WTT	+ VUL, но с каким- то дополнение м	+ LXT (с учетом VUL)
Быт. 17:20	+ WTT, но с добав.	= WTT	+ VUL, но с коммент.	= LXT
Быт. 18:17	+ WTT, но с добав.	+ WTT	+ VUL	= LXT
Быт. 18:18	= WTT	+ WTT + LXT	+ VUL	= LXT
Быт. 20:4	+ WTT, но с добав.	= WTT	+ LXT + VUL	= LXT
Быт. 21:13	+ WTT, но с добав.	+ LXT, но с учетом WTT	+ LXT + VUL	= LXT + VUL
Быт. 21:18	= WTT	= WTT = LXT	+ WTT + LXT + VUL	= LXT = VUL
Быт. 46:3	+ WTT, но без повтора слова «бог»	= WTT	= LXT	= LXT
Исх.	+ WTT, но с	+ WTT,	= VUL	+ LXT

9:24	добав.	но с коммент.		
Исх. 19:6	= WTT	= WTT = LXT	= WTT = LXT = VUL (с коммент.)	= LXT
Исх. 32:10	= WTT	+ WTT	= VUL	= LXT
Исх. 33:13	+ WTT (с добавл.)	= WTT	+ VUL	+ VUL
Чис. 14:12	+ WTT (с добавл.)	+ WTT (с коммент.)	+ VUL	= LXT
Втор. 4:6	+ WTT (с измен.)	+ WTT (с измен.)	+ VUL (с измен.)	= LXT
Втор. 4:7	+ WTT (с изменен.)	+ WTT	+ VUL (с изменен.)	+ LXT
Втор. 4:8	= WTT	+ WTT (с сокр.)	+ WTT + LXT	= LXT
Втор. 4:34	+ WTT (с небольш. отклон.)	+ WTT	+ WTT (с грамм. отклон., порядок слов как в WTT и LXT, но не VUL)	+ LXT + VUL
Втор. 7:17	+WTT (с измен. притяж. мест. и порядка слов)	+WTT (но порядок слов как в + LXT)	+ VUL (но с измен. мест.)	+ LXT
Втор. 9:14	+ WTT (с поясн.)	+ WTT	+ VUL (с сокр. и коммент.)	= LXT
Втор. 26:5	= WTT	+ WTT + LXT	+ VUL (с коммент.)	= LXT
Втор. 28:36	+ WTT (с измен. числа)	+ WTT (с коммент.) + LXT (с коммент.)	+ WTT (число для «царя» как здесь, а не в LXT и VUL,	= LXT

			но остальное отл. от всех)	
Втор. 28:37	= WTT	+ WTT + LXT	—	= LXT (с добавлением)
Втор. 28:49	+ WTT	+ WTT + LXT	+ WTT + LXT + VUL (с измен. числа)	+ LXT + VUL
Втор. 28:50	+ WTT (с коммент.)	+ WTT (с сокр. = коммент.) + LXT (с сокр. = коммент.)	= VUL	= LXT
Втор. 32:21	+ WTT (с существ. изменен.)	= WTT	= VUL	= LXT
Втор. 32:28	+ WTT	+ WTT + LXT	+ VUL	= LXT

Так что основание переводов Острожской Библии исключительно на Септуагинте и более поздней греческой традиции для нашего случая не может считаться безусловным. Следовательно, использование соответствия ($\epsilon\theta\nu\omicron\varsigma = gens = \text{язык}$) является не только традиционным вариантом, но и сознательным выбором переводчиков для данных фрагментов, поскольку такой перевод, как видно, не считался единственно возможным. Кроме того, не вызывает сомнения, что переводчики Острожской Библии следовали традиции, отличной от той, которую использовал Ф. Скорина. При этом влияние каких-то средневековых комментариев в Острожской Библии оказывается еще более значительным, чем у нашего первопечатника.

Библиографический список

1. Алексеев А. А. Глава 5. §5. Переводы Мефодия // Текстология славянской Библии. Спб., 1999. URL: www.ksana-k.narod.ru/Book/alekseev\02\67.htm. – Дата доступа: 25.05.2012.
2. Библии переводы // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Электрон. дан. (2,6 Гб). М.: IDDK, 2003. Электрон. опт. диски (CD-ROM). – 4 диска.

3. Библия руска. Выложена докторомъ Францискомъ Скориною изславнаго града Полоцька, богу кочти и людемъ посполитымъ кдоброму научению. 3 т. Минск, 1990–1991.

4. *Áèáë³ý ñèðh÷ éíèáú áâððáâî éíáââî çââhòà, ï»zùèu ñëíââíñèu. âèhòì, ïâííëímáí³è àâ áâà íàðââî ³ñ ðà [*À%•İÀ]* [Электронный ресурс] / BitTorrent-трекер rutracker.org. – rutracker.org, 2007. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=277041>.

5. Перзашкевич О. В. Франциск Скорина и критерии этноидентификации: на основе библейской и ригведийской моделей // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол. А. П. Сальков, О. А. Яновский и др. 2011. С. 345–354.

6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Спб. 1893–1912. 3 т.

7. Цуркан Р. Славянский перевод Библии. Спб., 2001.

8. Bedae Venerabilis Presbyteri Anglo-Saxonis Historia Ecclesiastica // Patrologia Latina Database. Versione 5b [Electronic resource] – Electronic data and software (2,5 Gb). – Patrologia Latina Database, 1993–1996. – 1 DVD.

9. Bible kralická (1613) // BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] – Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996–1998. 1 CD-Rom.

10. Ethnic group // [Electronic resource] Electronic data and software (2 Gb). – Encyclopaedia Britannica 2002 Deluxe Edition CD-Rom. 3 CD-Rom.

11. Gentiles // Encyclopedia Biblica. A Critical Dictionary Of The Literary, Political And Religious History, The Archeology, Geography And Natural History Of The Bible edited by T. K. Cheyne and J. Sutherland Black: 4 Vol. – NY, 1903.

12. Latin Vulgate // BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] – Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996 – 1998. 1 CD–Rom.

13. Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. 2 vol. Delhi-Varanasi-Patna, 1958.

14. Militarev A. Yu. gōy. Semitic Etymology #1980 // A. Yu. Militarev, O. V. Stolbova. Afro-Asiatic Etymology [Electronic resource] – Mode of access: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\semham\semet&first=1&text_any=gw&method_any=substring&sort=number. – Date of access: 15. 07. 2012.

15. Niermeyer J. F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.

16. Russian Synodal Text of the Bible // BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] – Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996 – 1998. 1 CD–Rom.

17. Septuagint // [Electronic resource] Electronic data and software (2 Gb). – Encyclopaedia Britannica 2002 Deluxe Edition CD–Rom. 3 CD–Rom.
18. Septuaginta // Paulys Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft mit Mitwirkung Zahlreicher fachgenossen, herausgegeben von Georg Wissowa. 47 Halbbaende, 4 Zweitereihebaende und 13 Supplementbaende. Stuttgart – Muenchen, 1894 – 1973. Zweitereiheband 2. 1923. S. 1586 – 1621.
19. Septuaginta Rahlfs' // BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] – Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996 – 1998. 1 CD-Rom.
20. Westminster Biblia Hebraica Stuttgartensia // BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] – Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996 – 1998. 1 CD-Rom.
21. οθνητος // A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddell and Robert Scott revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. Oxford, 1843–1996. P. 1200.
22. יג // A Dictionary Of The Targumim, The Talmud Babli And Yerushalmi, And The Midrashic Literature Compiled By Marcus Jastrow: 2 Vol. L – NY, 1903. Vol. 1. – P. 220.
23. יג // Theological Wordbook of the Old Testament (Hebrew Wordbook) / BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996–1998. 1 CD-Rom.
24. יג // Westminster Biblia Hebraica Stuttgartensia Morphological Database / BibleWorks for Windows 4. 0 [Electronic resource] Electronic data and software (645 Mb). – ScreenCam Player. Lotus Development Corporation, 1996–1998. 1 CD-Rom.

ГАРАДСКАЯ ГАСПАДАРКА МІНСКА Ў 1920-Я ГГ.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ

Т. У. Пецюкевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
tatstsyana98@mail.ru*

У артыкуле разглядаецца гістарыяграфія і сучасны стан даследавання праблемы развіцця гарадской гаспадаркі Мінска 1920-х гг. Актуальнасць пытання вызначаецца яго ўплывам на жыллёвыя ўмовы гараджан, санітарны стан і ступень добраўпарадкавання тэрыторыі горада. У кантэксце актыўнага пашырэння гарадской інфраструктуры варта звяртацца да вопыту вырашэння аналагічных праблем у мінулым.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; горад; гарадская гаспадарка; жыллёвая палітыка; паўсядзённасць.

PUBLIC UTILITY OF MINSK IN THE 1920-S: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

T. Petsiukevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, tatstsyana98@mail.ru*

The article examines the historiography and the current state of the study of the problem of public utility of Minsk in the 1920s. The relevance of the problem is determined by its impact on the housing conditions of citizens, the sanitary condition and the degree of improvement of the city territory. In the context of the active expansion of urban infrastructure, the experience of solving similar problems in the past should be used.

Key words: historiography; city; public utility; housing policy; everyday life.

Праблема гарадской гаспадаркі з'яўляецца актуальнай па прычыне яе прамой сувязі з паўсядзённымі ўмовамі жыцця насельніцтва. Гарадская (камунальная) гаспадарка забяспечвае агульныя бытавыя патрэбы насельніцтва горада і ўключае ў сабе жыллёвы фонд, прадпрыемствы агульнага карыстання (вадаправод, каналізацыя, асвятленне, асенізацыя, лазні, цырульні і г. д.), добраўпарадкаванне тэрыторыі і размеркаванне зямлі горада, дарожныя камунікацыі, гарадскі транспарт. Дзейнасць камунальнай гаспадаркі вызначае жыллёвыя ўмовы гараджан, санітарны стан і ступень добраўпарадкавання тэрыторыі горада.

Сучасны стан даследавання праблемы гарадской гаспадаркі Мінска ў 1920-я гг. і гарадской гаспадаркі гарадоў БССР адпаведнага перыяду ўвогуле характарызуецца адсутнасцю комплексных навуковых прац. Асобныя аспекты пытання разглядаліся як у замежнай, так і айчынай гістарыяграфіі.

Найбольш распрацаванай складаючай праблемы гарадской гаспадаркі 1920-х гг. з’яўляецца пытанне жылля і жыллёвай палітыкі. Першыя працы па жыллёвай праблематыцы з’явіліся ў савецкі перыяд і былі прысвечаны жыллёваму будаўніцтву, планіроўцы, архітэктурнаму рашэнню дамоў. Да такіх прац адносяцца кнігі архітэктараў А. А. Воінава «Жыллёвае будаўніцтва ў Беларускай ССР» [6] і Т. С. Страмцовай «Праектаванне і будаўніцтва жылля і грамадскіх будоў у Беларусі» [18]. Аўтарамі разглядаюцца праекты жылля, якое будавалася дзяржавай, кааператывамі і прыватнымі асобамі, аналізуецца праблема пераходу да тыпавога будаўніцтва. Працы такога кшталту даюць уяўленне пра стандарты будаўніцтва, па зменах якіх можна прасачыць перамены ў палітыцы ўладаў і ўзроўні эканамічнага развіцця.

Найбуйнейшым сучасным беларускім даследчыкам жыллёвай палітыкі 1920-х гг. з’яўляецца В. М. Буракоў. Праблема разглядалася аўтарам у дысертацыйным даследаванні «Дзяржаўная жыллёвая палітыка ў БССР у перыяд нэпа (1921–1929 гг.)» [2] і артыкулах «Муніцыпалізацыя жыллёвага фонду ў БССР (1919–1929)» [5], «Кватэрная плата ў БССР у міжваенны перыяд» [3], «Актуальныя праблемы ў вывучэнні жыллёвай палітыкі БССР ў перыяд НЭПа» [1], «Класавы прынцып жыллёвай палітыкі БССР у перыяд НЭПа» [4] і шэрагу іншых. Жыллёвая палітыка вызначаецца даследчыкам як спроба злучэння рыначных прынцыпаў вядзення гаспадаркі, дэцэнтралізацыі кіравання з дзяржаўным планаваннем і камандна-адміністрацыйным кіраваннем. У якасці шляхоў вырашэння жыллёвага крызісу аўтар называе муніцыпалізацыю, пераразмеркаванне жыллёвага фонда на прынцыпах класавасці і захавання мінімальнай жыллёва-санітарнай нормы. Перасяленні, ушчыльненні, абмежаванне правоў на выкарыстанне нерухомай маёмасці насілі вымушаны характар.

На сучасным этапе ўзрастае цікавасць да чалавека, яго жыцця і побыта. У працах, прысвечаных гісторыі паўсядзённасці, праблема развіцця гарадской гаспадаркі закранаецца як фактар, які шмат у чым вызначаў умовы жыцця насельніцтва. Паўсядзённасці 1920-х гг. у кантэксце гендарных пераўтварэнняў прысвечана праца А. А. Гужалоўскага «Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг.» [7]. Пры аналізе палітыкі «новага побыта», накіраванай на рэфармаванне паўсядзённага жыцця чалавека, закранаецца пытанне сацыялістычных эксперыментаў з жыллём. Моцны станоўчы бок працы – выкарыстанне багатага і разнастайнага фактаграфічнага матэрыялу.

У кантэксте паўсядзённасці варта ўзгадаць працу І. М. Куркова «Мінск незнаёмы» [12], якая ўяўляе сабой збор фотаздымкаў міжваеннага Мінска з уступным артыкулам. Трэба адзначыць, што фота адпаведнага перыяду існуе не шмат, што тлумачылася памежным станам горада. Для аналізу праблемы гарадской гаспадаркі Мінска 1920-х гг. важным даследаваннем з'яўляецца кніга З. В. і С. Ф. Шыбекаў «Мінск: старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада» [18]. Дадзеная праца дае комплекснае ўяўленне аб паўсядзённым жыцці Мінска дарэвалюцыйнага перыяду. У кнізе закранаецца пытанне стану гарадской гаспадаркі, што можа быць скарыстана пры аналізе і параўнанні дарэвалюцыйнага стану развіцця з міжваенным. Пытанню станаўлення і развіцця гарадскога рэйкавага транспарту прысвечана даследаванне Е. Л. Етчыка «Мінск. Ад конкі да метро» [8].

Замежная гістарыяграфія ў межах разглядаемай праблемы прадстаўлена ў асноўным працамі расійскіх гісторыкаў. Дадзеныя работы геаграфічна ахопліваюць межы РСФСР ці СССР цалкам, тэрыторыі БССР надаецца няшмат увагі. Нягледзячы на гэта, у такіх работах прадстаўлены агульныя тэндэнцыі, якія з улікам пэўных асаблівасцяў будуць актуальны і для тэрыторыі Савецкай Беларусі.

Комплекснае даследаванне савецкай гарадской гаспадаркі праведзена І. Б. Арловым у працы [16]. У манаграфіі станаўленне камунальнай гаспадаркі раскрываецца ў кантэксте такіх мадэлей сацыяльна-эканамічнага развіцця, як ваенны камунізм, НЭП, сталінская мадэрнізацыя. Пры гэтым праблема асвятляецца як сукупнасць інстытутаў і з пункту гледжання ўзаемадзеяння з імі насельніцтва. Аўтарам падкрэсліваецца спецыфіка савецкай гарадской гаспадаркі – яе моцна выражаны дзяржаўны характар. Прыкладамі вывучэння развіцця гарадской гаспадаркі з'яўляюцца дысертацыйныя даследаванні А. А. Фалінай [19] і А. А. Кірылавай [9].

Даследаваннем савецкай жыллёвай палітыкі міжваеннага перыяду займаўся М. Г. Меяровіч. Аўтар прапаноўвае ідэю, сутнасць якой заключаецца ў тым, што савецкая ўлада не была зацікаўлена ў вырашэнні праблемы жыллёвага крызісу і выкарыстоўвала жыллё як сродак уздзеяння на «непрацоўных» і «кепска працуючых» [13, с. 5]. У сваіх даследаваннях М. Г. Меяровіч аналізуе праблематыку станаўлення і развіцця канцэптualaнага бачання савецкай уладай гарадской прасторы і ладу жыцця ў ей насельніцтва. Горадабудаўнічыя канцэпцыі новага сацыялістычнага горада ён аналізуе ў шэрагу артыкулаў [14; 15]. У іх

аўтар параўноўвае ідэю горада-саду і сацыялістычнага паселішча, спробы іх рэалізацыі савецкай уладай на практыцы, вынікі апрабацыі ці прычыны адмовы ад ёй.

Буйным даследаваннем па гісторыі паўсядзённасці з'яўляецца праца Н. Б. Лебінай [10], дзе розныя сферы гарадскога жыцця разглядаюцца з пункту гледжання дыхатаміі «анамалія – норма». У межах праблемы гарадской гаспадаркі асабліваю цікавасць уяўляе раздзел, прысвечаны жыллю. У другой сваёй кнізе [11] гэты даследчык у алфавітным парадку змясціў тэрміны, якія шырока выкарыстоўваліся ў паўсядзённым жыцці і грамадскім дыскурсе савецкага перыяду. У тым ліку апісваецца шэраг з'яў, якімі характарызувалася паўсядзённасць 1920-х гг., напрыклад, «мяшчанства», «гаспадарчае абрастанне», «дом-камуна».

Такім чынам, праблема гарадской гаспадаркі Мінска 1920-х гг. прадстаўляецца маладаследаванай тэмай. Актуальнасць пытання вызначаецца не толькі сувяззю з паўсядзённымі ўмовамі жыцця гарадскога насельніцтва, цікавасць да якіх сёння толькі ўзрастае, але і развіццём гарадской гаспадаркі ва ўмовах актыўнага пашырэння інфраструктуры і горада ў цэлым. На сучасны момант адсутнічаюць комплексныя працы, прысвечаныя развіццю як Мінска, так і гарадоў БССР. Найбольш даследаванай сферай з'яўляецца жыллёвая палітыка, некаторыя аспекты разглядаемай праблемы разгледжаны ў працах па гісторыі паўсядзённасці.

Бібліяграфічны спіс

1. Бураков В. Н. Актуальные проблемы в изучении жилищной политики БССР а период НЭПа // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): материалы I (Первой) Международной научной конференции, 2–3 декабря 2010 г. – С. 58–59.

2. Бураков В. Н. Государственная жилищная политика в БССР в период нэпа (1921–1929 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07. 00. 02. Минск, 2011. 24 с.

3. Бураков В. Н. Квартирная плата в БССР в межвоенный период // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова: навукова-метадычны часопіс. 2013. № 2. С. 26–32.

4. Бураков В. Н. Классовый принцип жилищной политики БССР в период НЭПа // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна: навукова-метадычны часопіс. 2008. № 3. С. 11–16.

5. Бураков В. Н. Муниципализация жилищного фонда в БССР (1919–1929) // Вестник Полоцкого государственного университета: научно-теоретический журнал. 2013. № 9. С. 106–109.

6. Воинов А. А. Жилищное строительство в Белорусской ССР: [Учеб. пособие для архит. спец. вузов и техникумов]. Минск: Вышэйшая школа, 1980.

7. Гужалоўскі А. А. Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017.
8. Етчик Е. Л. Минск от конки до метро. Минск: Польша, 1991.
9. Кириллова Е. А. Городское хозяйство в период становления НЭПа: 1921–1925 гг. (по материалам Петрограда – Ленинграда): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07. 00. 02. URL: <https://www.dissercat.com/content/gorodskoe-khozyaistvo-v-period-stanovleniya-nepa-1921-1925-gg-po-materialam-petrograda-lenin/read> (дата звароту: 06. 11. 2021).
10. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы // СПб.: Журнал «Нева». Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999.
11. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
12. Мінск незнаёмы, 1920–1940 [Выяўленчы матэрыял]: [фотаальбом] / аўтар-укладальнік Ілля Куркоў. Мінск: Ураджай, 2002.
13. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 303 с. .
14. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. М., 2007. № 1. С. 118–166.
15. Меерович М. Г. Советский рабочий поселок как основной элемент государственной градостроительной политики 1921–1927 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Строительство и архитектура. Челябинск, 2013. № 2. С. 4–8.
16. Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Издательский дом ВШЭ, 2015.
17. Страмцова Т. С. Проектирование и строительство жилых и общественных зданий в Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1965.
18. Шибeko З. В., Шибeko С. Ф. Минск: страницы жизни дореволюционного города. Мн: Польша, 1990.
19. Фалина Е. А. Жилищно-коммунальное хозяйство городов Чувашской Республики в 1920–1990 гг.: исторический опыт: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07. 00. 02. URL: <https://www.dissercat.com/content/zhilishchno-kommunalnoe-khozyaistvo-gorodov-chuvashskoi-respubliki-v-1920-1990-gg-istoriches/read> (дата звароту: 06. 11. 2021).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТОВ ВЕСОМОСТИ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Я. А. Поддевалина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, poddevalina1203@outlook.com*

Применен экспертный метод для определения коэффициентов весомости характеристик качества систем электронного документооборота. Для проведения экспертной оценки была сформирована экспертная группа, разработан опросный лист с учетом требований различных групп пользователей систем электронного документооборота. По итогам проведения опроса экспертов была проведена математическая обработка полученных данных. В результате была сформирована формула для оценки качества систем электронного документооборота.

Ключевые слова: качество СЭД; оценка качества; квалиметрия; экспертная оценка; коэффициенты весомости.

DETERMINATION OF WEIGHTING FACTORS FOR QUALITY ASSESSMENT OF ELECTRONIC RECORD MANAGEMENT SYSTEMS

Y. A. Poddevalina

*Belorussian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, poddevalina1203@outlook.com*

An expert method was applied to determine the weighting coefficients of the quality characteristics of electronic record management systems. To conduct an expert assessment, an expert group was formed, a questionnaire was developed taking into account the requirements of various groups of users of electronic record management systems. Based on the results of the survey of experts, the obtained data was mathematically processed. As a result, a formula for assessing the quality of electronic record management systems was formed.

Key words: quality of electronic record management systems; quality assessment; qualimetry; expert assessment; weighting factors.

Автоматизация работы с документами – необходимая и важная составляющая деятельности организации, позволяющая оптимизировать работу. Однако многие организации на сегодняшний день до сих пор большую часть информации хранят на бумаге. Это можно объяснить тем, что при внедрении систем электронного документооборота (СЭД) возникают различные технические, финансовые, эксплуатационные препятствия. Но, как только такие системы внедряются в организации, преимущества их использования можно увидеть практически сразу.

Системы электронного документооборота – весьма специфичный объект оценивания. Это не просто заурядная база данных в облаке, это

целый функциональный набор программного обеспечения, позволяющий создавать, индексировать, защищать, извлекать, отслеживать и хранить документы, данные и другую информацию. Такие системы действуют для построения успешного бизнеса.

На сегодняшний день многие организации внедряют системы электронного документооборота. Сегодня на рынке таких систем функционально идентичные программные продукты бьются за внимание клиентов. Поэтому именно качество системы становится важным отличительным свойством на фоне конкурентов.

Объективная оценка качества систем электронного документооборота возможна на основе квалиметрического подхода. Одним из основных методов в квалиметрии является метод экспертных оценок. Данный метод основан на обработке и анализе мнений специалистов-экспертов. Сущность такого метода заключается в том, что в основу анализа качества СЭД закладывается мнение специалистов, основанное на их профессиональном и практическом опыте и выраженное путем выставления ими количественных оценок.

Процесс экспертной оценки качества СЭД проходил следующим образом. Шаг 1. Формирование группы экспертов. Группа экспертов состояла из 17 человек. По правилам квалиметрии в группу экспертов должны входить от 7 до 20 экспертов [1]. Все эксперты обладали обширными знаниями в области информационного и документационного обеспечения управления, были проинструктированы по методологии оценивания. В последствии с помощью коэффициента конкордации (W) определялась согласованность мнений экспертов по формуле (1):

$$W = \frac{12S}{m^2(n^3-n)},$$

где S – сумма квадратов отклонений суммы рангов каждого показателя от среднего арифметического рангов, m – число экспертов, n – число показателей. (1)

Коэффициент конкордации может принимать значения от 0 (при отсутствии согласованности экспертов) до 1 (при полном единогласии) [2]. В данном случае коэффициент конкордации составил 0,5. Следовательно, оценки экспертов согласованы, поэтому полученные результаты имеют смысл и могут использоваться в дальнейшем исследовании.

Шаг 2. Составление опросного листа. Опросный лист был составлен на основе иерархического дерева свойств СЭД, которое было построено с учетом требований различных групп пользователей к СЭД [3]. Опросный лист представлен в виде бланка, в котором эксперты оценивали значимость каждого свойства СЭД на каждом уровне (рис. 1).

Расположите по степени важности от 1 до 6.

Требования 1 уровня	Значимость
функциональные возможности	
надежность	
практичность	
эффективность	
сопровождаемость	
мобильность	

Рис. 1 – Фрагмент опросного листа.

Шаг 3. Заполнение опросного листа экспертами. В процессе заполнения опросного листа экспертами всем свойствам СЭД присваивались ранги в зависимости от степени их значимости. Самому значимому свойству, по мнению эксперта, присваивался высший ранг (по правилам вычисления коэффициентов весомости высший ранг равен числу свойств в оцениваемом уровне). Наименьший ранг, равный единице, присваивался свойству, которое эксперт считал самым незначительным.

Шаг 4. Создание матричных информационных моделей. По итогам проведения опроса экспертов все ответы экспертов были сведены в матричные информационные модели по каждому уровню свойств СЭД. Пример информационной матричной модели представлен на рисунке 2.

Шаг 5. Проведение математической обработки данных. На основе составленных матричных информационных моделей высчитывались коэффициенты весомости (k) каждого свойства, которые представляют собой отношение суммы рангов по определенному свойству (S_n) к общей сумме всех рангов по всем свойствам уровня ($S_{общ}$). Таким образом, коэффициент весомости свойств рассчитывается по следующей формуле:

$$k = S_n / S_{общ} \quad (2)$$

Эксперт	Требования						
	Требования 1 уровня						
	Ф	Н	П	Э	С	М	
Эксперт 1	6	5	3	4	2	1	
Эксперт 2	3	5	4	6	2	1	
Эксперт 3	4	3	6	5	2	1	
Эксперт 4	5	4	3	6	2	1	
Эксперт 5	6	5	3	2	4	1	
Эксперт 6	6	5	3	4	2	1	
Эксперт 7	4	5	3	6	2	1	
Эксперт 8	4	3	6	5	2	1	
Эксперт 9	4	5	6	3	2	1	
Эксперт 10	2	6	3	5	4	1	
Эксперт 11	2	6	5	4	3	1	
Эксперт 12	2	4	5	6	3	1	
Эксперт 13	6	5	3	4	1	2	
Эксперт 14	5	3	6	4	2	1	
Эксперт 15	4	3	6	5	2	1	
Эксперт 16	2	4	1	3	5	6	
Эксперт 17	6	3	4	5	2	1	
Итого	71	74	70	77	42	23	357
k	0,19888	0,20728	0,19608	0,21569	0,11765	0,06443	

Рис. 2 – Пример матричной информационной модели.

Шаг 6. Предоставление результатов и формирование формулы для оценки качества систем электронного документооборота. По мнению специалистов-экспертов, на первом уровне свойств СЭД наиболее важным свойством систем электронного документооборота является эффективность ($k=0,216$). На второе место по важности эксперты поставили надежность ($k=0,207$), далее идут функциональные возможности и практичность ($k=0,199$ и $k=0,196$ соответственно). Функциональные возможности СЭД специалисты-эксперты не поставили на первое место, и это не случайно, ведь от реализации функциональных возможностей зависит лишь выполнение основных функций системы, но гораздо большее влияние на качество СЭД оказывают другие свойства системы. Сопровождаемость и мобильность эксперты посчитали менее важными ($k=0,118$ и $k=0,064$ соответственно). Данные по результатам

экспертной оценки первого уровня свойств СЭД представлены графически на рисунке 3.

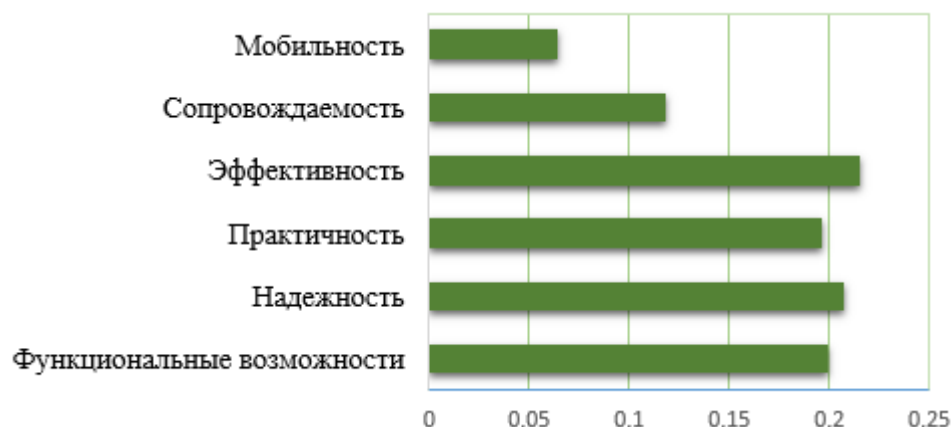

Рис. 3 – Результаты экспертной оценки первого уровня свойств СЭД.

По итогам математической обработки оценок экспертов можно увидеть, что из всех характеристик функциональных возможностей (второй уровень свойств СЭД) самый высокий коэффициент весомости ($k=0,347$) приходится на такое свойство, как пригодность – совокупность свойств СЭД, которые определяются наличием и соответствием набора функций конкретным задачам. Все трактовки понятий формулировались самостоятельно на основе трактовок понятий стандарта СТБ ИСО/МЭК 9126-2003 «Информационная технология. Оценка программной продукции. Характеристики качества и руководства по их применению». Из всех свойств пригодности (третий уровень свойств СЭД) наиболее важным специалисты-эксперты считают возможность выполнения базовых делопроизводственных задач над документом на всех стадиях его жизненного цикла (к ним относятся создание документов, автоматическая регистрация документов, поддержка различных видов поиска документов, возможность работы с поручениями по документу, контроль исполнения документов и поручений и т. д.). Коэффициент весомости данного свойства третьего уровня составил 0,444.

Самый высокий коэффициент весомости ($k=0,431$) из характеристик надежности приходится на стабильность – совокупность свойств СЭД, относящиеся к частоте отказов при ошибках в работе системы. Из свойств стабильности эксперты считают время работы системы без сбоев наиболее важным ($k=0,588$).

Специалисты-эксперты отмечают наиболее важной ($k=0,441$) такую характеристику практичности, как простота использования – совокупность

свойств СЭД, которые характеризуют усилия пользователя по эксплуатации и оперативному управлению системой. Самым важным свойством простоты использования ($k=0,343$) эксперты определяют простоту выполнения задач по работе с документами.

Времяемкость – совокупность свойств СЭД, относящиеся к времени отклика и отработки и к скоростям выполнения функций СЭД – эксперты считают наиболее значимой характеристикой эффективности ($k=0,569$). Наиболее важным свойством времяемкости специалисты-эксперты отмечают время выполнения функции ($k=0,353$).

Из двух характеристик сопровождаемости – адаптируемость и изменяемость – наиболее значимой была определена изменяемость ($k=0,529$). Изменяемость – совокупность свойств СЭД, характеризующие усилия, необходимые для модификации, устранения отказа или для изменения условий эксплуатации. Самым важным свойством изменяемости ($k=0,427$) эксперты определяют возможность функционального масштабирования (наращивания количества рабочих мест без потери накопленной информации).

Весовые коэффициенты двух характеристик мобильности – простота внедрения и адаптируемость – практически равны. Однако, коэффициент весомости простоты внедрения (совокупность свойств СЭД, характеризующие необходимые усилия для ее внедрения в конкретное окружение) несколько выше ($k=0,509$). Наиболее значимым свойством простоты внедрения ($k=0,392$) является длительность внедрения СЭД.

В последствии была сформирована формула для оценки качества систем электронного документооборота. В общем виде формула (3) принимает следующий вид:

$$Q = \sum_{i=1}^n S_n \times k_n,$$

где S – оценка свойства экспертами,

k – коэффициент весомости,

n – номер свойства.

(3)

Таким образом, была проведена экспертная оценка характеристик систем электронного документооборота. В результате проведенной экспертной оценки были определены коэффициенты весомости свойств СЭД, сформирована формула для оценки качества СЭД.

На основе полученных результатов оценки необходимо разработать методику оценки качества систем электронного документооборота.

Библиографический список

1. Азгальдов Г. Г., Райхман Э. П. Экспертные методы в оценке качества товаров. М.: Экономика, 1974.
2. Азгальдов Г. Г., Райхман Э. П. О квалиметрии. М.: Издательство стандартов, 1973.
3. Поддевалина Я. А. Определение требований различных групп пользователей к системам электронного документооборота // Молодежь в науке – 2021: тез. докл. XVIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (Минск, 27–30 сентября 2021 г.). В 2 ч. Ч. 1. Аграрные, биологические, гуманитарные науки и искусства / Нац. акад. наук Беларуси, Совет молодых ученых; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др]. Минск: Беларуская навука, 2021. С. 397–399.

КРЫНІЦАЗНАЎЧАЯ КАШТОЎНАСЦЬ І ІНФАРМАТЫЎНАСЦЬ КНІГ ГАРАДСКОГА САМАКІРАВАННЯ (НА ПРЫКЛАДЗЕ МАГІСТРАЦКІХ КНІГ МЕНСКА ЗА ДРУГУЮ ПАЛОВУ XVII СТАГОДДЗЯ)

Н. М. Палтаржыцкая

*Інстытут гісторыі НАН РБ, вул. Акадэмічная, 3, 220012, г. Мінск, Беларусь
nadzieja_st@tut.by*

Дакументы магістрацкіх кніг за другую палову XVII ст. з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вызначэння складу ўраднікаў, іх прафесійнай прыналежнасці, веравызнання і сваяцкіх адносінаў. Асобныя разнавіднасці дакументаў таксама ўказваюць на пэўныя службовыя абавязкі і паўнамоцтвы кожнай групы ўраднікаў, накірункі дзейнасці органа гарадскога самакіравання.

Ключавыя словы: магдэбургскае права; актавыя кнігі магістратаў, гарадское самакіраванне; менскі магістрат.

THE SOURCE VALUE AND INFORMATION CONTENT OF THE BOOKS OF THE CITY SELF-GOVERNMENT (ON THE EXAMPLE OF THE MAGISTRATES' BOOKS OF THE MINSK OF THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY)

N. M. Paltarzhitskaya

*Institutes of histories of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus
Akademichnaya st., 3, 220012, Minsk, nadzieja_st@tut.by*

The documents of the magistrates' books of the second half of the 17th century are a valuable sources for determining the composition of officials, their professional affiliation, religion and family relations. Certain types of documents also indicate certain responsibilities and powers of each group of officials, the activities of the city administration.

Key words: Magdeburg law; act books of the magistrate, city self-government; Minsk magistrates' books.

Крыніцаўчая каштоўнасць і інфарматыўнасць актавых кніг, якія былі створаны ў выніку дзейнасці рэгіянальных улад Вялікага Княства Літоўскага зусім не вывучана. Між тым, спецыфіка дакументаў, якія змяшчаюцца ў гэтых кнігах, можа перавышаць па сваёй інфарматыўнасці добра вядомыя ў гістарычнай літаратуры кнігі Метрыкі Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ) і дакладна іх пераўзыходзіць у плане асвятлення рэгіянальнай гісторыі: гісторыі павеатаў і гарадоў з магдэбургскім правам у розных яе аспектах (гістарычнай геаграфіі, генеалогіі, дзейнасці судовых і адміністрацыйных органаў і г. д.). Усё сказанае цалкам адносіцца да такой разнавіднасці актавых кніг, як магістрацкія кнігі, а таксама серыі кніг магістрата Менска (сучасны г. Мінск).

Сфера дзейнасці магістратаў была разнабаковай: тут павінны былі рэгістравацца акты натарыяльнага характару, гаспадарча-фінансавыя адносіны жыхароў горада, адміністрацыйныя стасункі і інш. Усё гэта стварала ўмовы для адлюстравання ў магістрацкіх кнігах розных бакоў жыцця тагачаснага грамадства. У залежнасці ад статусу і эканамічнага развіцця горада колькасць кніг, якія былі створаны ў канцылярыі гарадскога самакіравання, таксама была рознай. Акрамя названых вышэй відаў абавязковых для вядзення судовых кніг (кнігі запісаў («спраў вячыстых»), дэкрэтавыя і паточныя), важнымі для забеспячэння адміністрацыйнага кіравання горадам з'яўляліся кнігі пратаколаў пасяджэнняў магістрата. Не заўсёды ўключаліся ў кнігі пэўныя дакументы фінансавага характару, чарнавыя запісы з падлікам рахункаў, а таксама розныя дакументы і запісы, якія складаліся пад час працы службовых асоб гарадскога самакіравання і інш. Частка такой дакументацыі па розных прычынах (чарнавы характар запісаў, малаважны характар запісаў, адсутнасць сродкаў з гарадскога бюджэту і інш.) не падшывалася, таму з большага не захавалася да цяперашняга часу альбо захаваліся ў нешматлікіх россыпах дакументаў. У той жа час вялікая ўвага на дзяржаўным узроўні адводзілася ўмовам захавання судовых кніг [1, с. 92]. Гэта тлумачыцца тым, што да іх запісаў звярталіся на працягу стагоддзяў па розных (часцей маёмасных) пытаннях.

Паўната і інфарматыўнасць магістрацкіх кніг як крыніц па гісторыі гарадскога самакіравання Менска абумоўлена тыпам і складам кніг, а таксама іх адносінамі да органаў гэтага самакіравання. Дадзеныя кнігі складаліся з запісаў і дакументаў, якія фіксавалі ажыццяўленне прававых працэдур, што знаходзіліся ў веданні і кампетэнцыі магістрата. Структура ўказаных дакументаў патрабавала выразнага абазначэння віда прававога дзеяння, рэгламента яго ажыццяўлення, дакладнай фіксацыі яго рэалій, указаннем складу службовых асоб, якія былі адказныя за выкананне і кантраляванне гэтых дзеянняў. Вядзенне названых кніг было складовай часткай і атрыбутам інстытута самакіравання, магдэбурскага права, прававой сістэмы ВКЛ, уваходзіла ў абавязкі службовых асоб. Усё гэта робіць магістрацкія кнігі Менска першачарговай крыніцай у вывучэнні органаў самакіравання Менска з пункту гледжання інфармацыйнасці і дакладнасці іх дадзеных параўнальна з іншымі відамі крыніц. Кніга «спраў вячыстых» за 1663–1680 гг. (на сённяшні дзень падзелена на дзве часткі за 1663–1677 гг. і 1667–1680 гг.) і кніга пратаколаў за 1674–1680 гг. – самыя раннія з комплексу магістрацкіх кніг Менска і адзінкавыя за другую

палову XVII ст. [2–4] Іх дакументы і запісы змяшчаюць асноватворныя і ключавыя факты, неабходныя для абгрунтаванай рэканструкцыі структуры і дзейнасці менскага магістрата (арганізацыя, абавязкі ўраднікаў і іх паўнамоцтвы, парадак дзейнасці), вывучэння персанальнага складу службовых асоб (прафесійная прыналежнасць, веравызванне, сваяцкія сувязі і інш.).

Даследаванне актавых кніг магістратаў беларускіх гарадоў як асобнага комплексу дакументальных крыніц, а таксама інфармацыйнага патэнцыялу іх дакументаў у айчыннай гістарыяграфіі пачалося толькі ў апошнія два дзесяцігоддзі [5–8]. У пэўнай меры магістрацкія кнігі і раней выкарыстоўваліся гісторыкамі пры вывучэнні сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў у асяродку мяшчан. Аднак не існавала іх крыніцазнаўчага апісання, а самі кнігі не выступалі як прадмет для асобнага даследавання. Між тым, яшчэ ў канцы 20–х гг. XX ст. В. Д. Дружчыц назваў магістрацкія кнігі «асноўным матэрыялам для вырашэння пытання арганізацыі дзейнасці гарадскіх улад» [9, с. 26]. Яго працы па даследаванні гісторыі самакіравання беларускіх гарадоў і на сённяшні дзень застаюцца запатрабаванымі, нягледзячы на тое, што па прычыне недахопу даных не маглі быць праведзены ў поўнай меры. Даследчык выкарыстоўваў пераважна апублікаваныя крыніцы, спасылаючыся на невялікую захаванасць магістрацкіх кніг. Акрамя гэтага, на абмежаванасць доступу да выкарыстання і даследавання магістрацкіх кніг на той час для беларускіх навукоўцаў уплывала і месцазнаходжанне некаторых крыніц. Для прыкладу, комплекс кніг магістрата Менска захоўваўся ў першай палове XX ст. у Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Літоўскай ССР у г. Вільнюсе. У архівы БССР менскія магістрацкія кнігі былі перададзены пасля 1948 г. [10, с. 3]

На ўзровень інфарматыўнасці менскіх магістрацкіх кніг уплывае ў першую чаргу характар унесеныя у іх дакументаў і запісаў. Спецыфіка кнігі «спраў вячыхістых» за 1663–1680 гг. і кнігі пратаколаў за 1674–1680 гг. з пункту гледжання іх дакументальнага складу абумоўлена рознымі функцыямі гэтых кніг. Першая кніга з’яўлялася сродкам афіцыйнага пасвядчэння дамоў. Дамова набывала прававую сілу у выпадку ўключэння запісу аб ёй у кнігі і выдачы адпаведнага выпісу. Так, большую частку актыкацый кнігі «спраў вячыхістых» за 1663–1680 гг. складаюць дакументы па справах з нерухомай маёмасцю: лісты на яе прадаж, падараванне, заставу, арэнду, пераўступку і інш. Наступнымі па колькасці з’яўляюцца запісы здзелак па фінансавых справах менскіх мяшчан. Сярод іх

квітацыйныя лісты аб выплаце пазыкі, аб прызнанні доўгу ці скаргі аб яго невяртанні, аб перадачы каштоўных папер новаму ўладальніку і інш. Аднак, нягледзячы на пераважную большасць актыкацый сацыяльна-эканамічнага характару, дакументы кнігі «спраў вячых» за 1663–1680 гг. змяшчаюць важную інфармацыю па персанальнаму складу ўраднікаў і некаторых іншых службовых асоб Менскага магістрата, а таксама іх службовых абавязках ў адзначаны перыяд [11, с. 168]. Так, у інтытуляцыі дакументаў уносіліся імёны прысутных на пасяджэнні ўраднікаў (бурмістраў, райцаў і часам лаўнікаў) ці асобаў, што іх замянялі, а таксама войта (альбо яго намесніка) і ў некалькіх выпадках «мужоў гмінных», цэхмістраў, прадстаўнікоў ад пасольства. Трэба ўлічваць і шырэйшы храналагічны перыяд кнігі, што прадстаўляе магчымасць узнавіць персанальны склад ураднікаў Менскага магістрата за 1663–1680 гг. [12, с. 78]. Акрамя гэтага, кніга «спраў вячых» за 1663–1680 гг. змяшчае пэўныя звесткі аб былых менскіх урадніках у паўторных актыкацыях выпісаў за першую палову XVII ст., у апісаннях месцазнаходжання зямельных уладанняў у дакументах па справах з нерухомай маёмасцю (указваліся былыя ўладальнікі нерухомаści ці суседзі), тэстаментах і некаторых іншых разнавіднасцях актыкацый.

Акрамя гэтага, на падставе аналізу даных дакументаў кнігі «спраў вячых» за 1663–1680 гг. магчыма прасачыць не толькі «кар’ерны» рост, сацыяльны статус ураднікаў, але і высветліць іх прафесійную прыналежнасць, роднасныя сувязі і веравызнанне. Усе разнавіднасці актыкацый, унесеныя у кнігу, вызначаюць пэўныя службовыя абавязкі членаў магістрата, якія яны выконвалі на кожным этапе пры складанні і зацвярджэнні дакумента. Невялікая колькасць запісаў указвае на персаналіі і абавязкі такіх службовых асоб Менскага магістрата як пісар, гмінныя, цэхмістры, пасольства, «служы мейскія», інстыгатары і інш.

Дакументаў па судовай, адміністрацыйна-распарадкавай і фінансавай дзейнасці магістрата ў кнізе няма. Аднак прадстаўленыя нават у невялікай колькасці такія запісы з’яўляюцца каштоўнымі для вывучэння структуры і дзейнасці гарадскога самакіравання Менска. У іх сустракаюцца таксама звесткі аб узаемаадносінах гарадской юрыдыкі з іншымі адміністрацыйнымі цэнтрамі і прадстаўніцтвам каралеўскай улады ў горадзе (войтам і лантвойтам), называецца колькасць іншых юрыдык Менска, магчыма вызначыць прыблізныя межы «ратушнай» юрыдыкі і інш. [13, с. 69]

Кніга пратаколаў за 1674–1680 гг. не з’яўляецца актавай кнігай. Яна складаецца з кароткіх і схематычных, падобных больш на чарнавыя пратакольныя запісы штотыднёвых спраў судовых і сесійных пасяджэнняў магістрата. Пратаколы адлюстроўваюць ход грамадскага сходу, судовага слухання і прынятыя рашэнні.

Нягледзячы на невялікі храналагічны перыяд запісаў кнігі пратаколаў за 1674–1680 гг., яны змяшчаюць разнастайную інфармацыю па гісторыі горада. Паводле сваёй тэматыкі іх можна падзяліць на запісы аб крымінальных злачынствах (крадзяжы, забойстве, збіцці, грабязы) і аглядзе месца злачынства; запісы па фінансавым справам (выплата пазыкі, падцвярджэнні доўгу, збор і размеркаванне агульнагарадскіх падаткаў і інш.); запісы здзелак з нерухомай маёмасцю (купля-продаж, падараванне, здача ў арэнду, пераўступка зямельных уладанняў ці гаспадарчых пабудоў) і запісы па іншай адміністрацыйна-распарадчай дзейнасці ўраднікаў (забудова горада, усталяванне і перанос крамаў у гарадскім рынку, нагляд за прыладамі вагі і меры, ацэнка вартасці пэўных рэчаў і маёмасці, устанаўленне апякунства, запіс тэстаментаў, заслухоўванне прысягі мяшчан, а таксама новаабраных членаў магістрата і іншых службовых асоб, вырашэнне цэравых спрэчак, рэгуляванне ўнутраных пытанняў функцыянавання магістрата і інш.).

Кніга пратаколаў 1674–1680 гг. храналагічна ахоплівае меншы перыяд часу ў параўнанні з кнігай «спраў вячыхістых» 1663–1680 гг., аднак яна з’яўляецца галоўнай крыніцай для вывучэння гісторыі гарадскога самакіравання Менска ў другой палове XVII ст. Яе запісы змяшчаюць больш інфармацыі па пытаннях дзейнасці і функцыянавання Менскага магістрата ў адзначаны перыяд. Дакладна агаворваюцца дні і пэўны час пачатку сходаў, называюцца дні па-за планавых скліканняў, прычыны і час пераносу пасяджэнняў і інш. Акрамя гэтага, у кнігу ўпісаныя пратаколы «генеральных» і «вальных» сесій, на якіх на пачатку года вырашаліся самыя важныя пытанні (перадача паўнамоцтваў новай «рочнай» змене ўраднікаў, арэнда гарадской нерухомай маёмасці, складанне клятвы і ганаровае ўступленне на пасаду новых членаў магістрата і інш.), а таксама праводзіліся выбары і выслухоўвалася прысяга ўраднікаў. Каштоўную інфармацыю змяшчаюць пратаколы аўторкавых сесій магістрата па бягучых справах гарадскога кіравання (продаж гарадской маёмасці, збор і выплата падаткаў у гарадскі і дзяржаўны скарб, рэгуляванне пытанняў па справах гандлю, злоўжыванне службовымі абавязкамі ўраднікамі, заслухоўванне прысягі ўраднікаў і менскіх мяшчан і інш.).

Кніга пратаколаў за 1674–1680 гг. змяшчае больш падрабязныя звесткі аб канфесійнай прыналежнасці ўраднікаў, замене «рочных», выбары на пасады і выкананне прысягі абранымі асобамі, службовых абавязках і паўнамоцтвах розных катэгорый ураднікаў і іншага персаналу магістрата («мужах гмінных», цэхмістрах, паспольстве, «слугах мейскіх», бірчых, шафарах і інстыгатарых) [14, с. 22]. Даныя аб персанальным складзе ўраднікаў магістрата ў запісах кнігі пратаколаў за 1674–1680 гг. істотна дапаўняюць інфармацыю, якая прысутнічае ў кнізе «спраў вячыстых» за 1663–1680 гг.

Такім чынам, дакументы магістрацкіх кніг за другую палову XVII ст. змяшчаюць асноватворныя і ключавыя факты, неабходныя для абгрунтаванай рэканструкцыі структуры і дзейнасці Менскага магістрата ў адзначаны перыяд.

Бібліяграфічны спіс

1. Палтаржыцкая Н. М. Звесткі аб стане захавання архіва і колькасным складзе кніг Менскага магістрата ў XIX ст. // *ARS LONGA: навуковыя дасягненні і перспектывы*. 2020. С. 92–93.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 1.
3. НГАБ. Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 33.
4. НГАБ. Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 54.
5. Гардзеў М. Ю. Актавыя кнігі беларускіх магістратаў XVI–XVII стст. // *Наука и инновации*. 2003. № 3/4. С. 108–110.
6. Гардзеў М. Ю. Полацкія магістрацкія кнігі 2-й паловы XVII ст. як гістарычная крыніца // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі*. 1998. С. 76–79.
7. Стрэнкоўскі С. П. Актаявая кніга Ружанскага магістрата як крыніца па гісторыі гарадскога самакіравання // *Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі*. 2012. Вып. 14. С. 72–83.
8. Грыб А. В. Дзісенскі магістрат: структура і функцыі (паводле актавых кніг перыяду Рэчы Паспалітай) // *Архіварыус*. 2012. Вып. 10. С. 155–168.
9. Дружыц В. Магістрат у беларускіх месцах з магдэбургскім правам у XV–XVII ст. Мінск, 1929. 31 с.
10. НГАБ. Ф. 1816. Воп. 1. Спр. 56.
11. Палтаржыцкая, Н. М. Склад органаў гарадскога самакіравання Менска ў 1663–1680 гг. (паводле дакументаў актавых кніг) // *Архіварыус*. 2018. – Вып. 15. С. 167–177.
12. Статкевіч Н. М. Актавыя кнігі «спраў вячыстых» менскага магістрата другой паловы XVII ст. як крыніцы па гісторыі інстытута самакіравання горада // *Раманаўскія чытанні – 7*. Магілёў, 2011. С. 78–79.
13. Палтаржыцкая Н. М. Зямельныя ўладанні князёў Радзівілаў у Мінску (паводле дакументаў XVI–XVIII стст) // *Весці Акадэміі навук Беларусі*. 2012. № 3. С. 69–75.
14. Палтаржыцкая Н. М. Крыніцы па гісторыі вывучэння дапаможнага персаналу Менскага магістрата другой паловы XVII ст. // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2018. №4. С. 22–31.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНСКОГО ПОЛЬСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА (1922–1937)

Д. С. Пыж

*Институт истории НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, dashullya@bk.ru*

В статье рассматривается проблема функционирования Польского педагогического техникума в г. Минске в рамках советской политической системы. Проанализированы материалы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Минской области, некоторые из которых вводятся в научный оборот впервые. Делается вывод о том, что открытие учебных заведений для национальных меньшинств стало частью национальной политики СССР, направленной на демонстрацию успехов социалистического строительства.

Ключевые слова: БССР; образование; Польский педагогический техникум.

THE FUNCTIONING OF THE MINSK POLISH PEDAGOGICAL COLLEGE (1922–1937)

D. S. Pyzh

*The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Academic str., 1, 220072, Minsk, Belarus, dashullya@bk.ru*

The article examines the problem of the functioning of the Polish pedagogical college in Minsk within the framework of the Soviet political system. The materials of the National archive of the Republic of Belarus and the State archive of the Minsk region are analyzed, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time. It is concluded that the opening of educational institutions for national minorities has become part of the national policy of the USSR aimed at demonstrating the success of socialist construction.

Key words: BSSR; education; Minsk Polish pedagogical college.

Польское национальное меньшинство в 1920–1930-е гг. составляло значительную часть населения БССР. Согласно данным всесоюзной переписи 1926 г., на территории Советской Беларуси числилось 97 498 поляков, что составляет около 2 % общего населения республики. В 1937 г. на территории БССР проживало 119 881 человек польской национальности [12, с. 148–149].

В 1920-х гг. на территории Беларуси проводилась политика белорусизации, которая стала импульсом как для развития культуры титульной нации, так и культуры национальных меньшинств. Польскому населению была дана возможность использовать родной язык в учреждениях образования и государственных организациях, что оказало влияние на значительное расширение сети образовательных учреждений с преподаванием на польском языке. По данным Польского бюро к 1921 г. в

БССР действовало 79 польских школ (3 931 учащийся и 124 учителя), также функционировал детский дом № 12 для детей школьного возраста [7, с. 121; 8, л. 68]. Расширение сети польских общеобразовательных учреждений поставило вопрос о подготовке профессиональных кадров.

В 1922 г. в г. Минске был открыт Польский педагогический техникум (далее – ППТ) с целью подготовки учителей для польских школ. Здание техникума располагалось по адресу ул. Советская, дом 14 [11, с. 37]. На заседании коллегии Народного комиссариата просвещения Беларуси (октябрь 1922 г.) учебному заведению было присвоено имя «Бронислава Весоловского» (рис. 1) [2, л. 41].

Рис. 1. – Внешний вид здания польского педагогического техникума в г. Минске, 1933 г. Фото из личного архива автора.

Во главе техникума стоял директор, назначаемый Народным комиссариатом просвещения из числа лиц с высшим образованием и педагогическим стажем не менее 5 лет, а также обладающий партийным либо профессионально-общественным стажем. Для непосредственного заведования образовательной частью Наркомпросом назначался заместитель директора, избираемый либо из числа преподавателей техникума, либо из числа кандидатов, находящихся в распоряжении Наркомпроса. В целях более конкретного обсуждения и рассмотрения вопросов образовательной и административно-хозяйственной части при педтехникуме был образован Совет, собираемый не менее одного раза в месяц. Совет Польшпедтехникума решал следующие вопросы: перевод

студентов на следующий курс; выдача аттестатов для студентов, успешно окончивших обучение; утверждение расписания учебных занятий; распределение обязанностей среди преподавателей; отбор книг для библиотек, оборудование кабинетов и лабораторий; организация постоянно и временно действующих комиссий различного толка; выдвижение представителей на съезды и собрания (рис. 2) [1, л. 7–10].

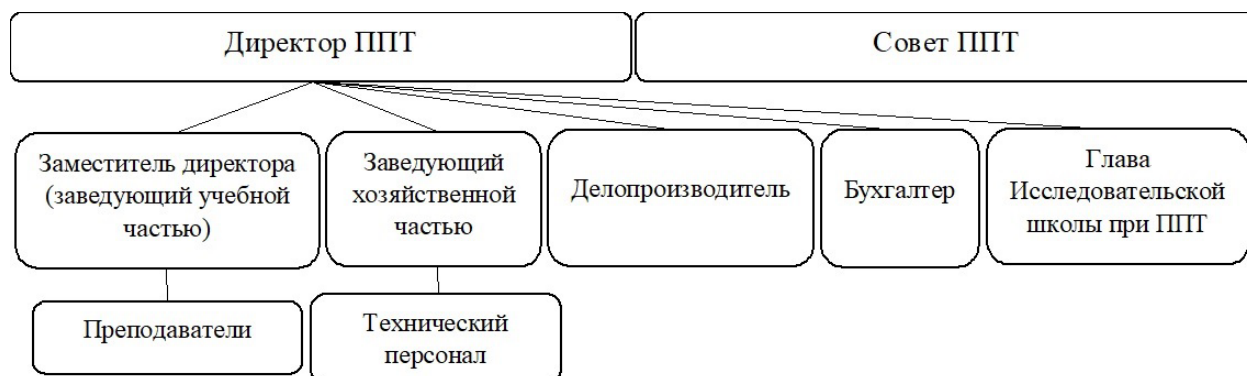

Рис. 2. – Структура кадров ППТ. Составлена автором на основе архивных материалов [2, л. 3–11].

Обучение в ППТ изначально предполагало шестилетний курс, позже, по мере увеличения числа семилетних польских школ, стало пятилетним, а с 1927/1928 учебного года – четырехлетним. Поступающие должны были владеть знаниями в пределах семилетней школы. Лица, окончившие польские школы, принимались без экзаменов, а выпускники белорусских семилеток сдавали экзамен по польскому языку [4, л. 44]. Уровень подготовки поступающих не всегда был высоким, о чем свидетельствуют жалобы в адрес Польского бюро Народного комиссариата просвещения о низком уровне подготовки выпускников польских семилетних школ. В связи с этим директору ППТ поступило распоряжение о составлении характеристики знаний поступивших с целью разработки рекомендаций для польских школ [10, л. 26].

Материальное обеспечение ППТ оставляло желать лучшего. Учебный корпус состоял из 15 помещений площадью 192 м². Здание было темным и без вентиляции, в кабинетах химии и физики не хватало не только мебели и досок, но и необходимых научных пособий [13, с. 141].

В 1924 г. в учебном заведении работало 20 педагогов. Следует заметить, что часть преподавателей практически не владела польским языком и проводила занятия по-русски или по-белорусски. При техникуме функционировала библиотека, имелся собственный оркестр и хор [6, с. 197; 11, с. 39]. Обучались не только студенты-поляки, но и представители

других национальностей: по данным на 1928 г. – белорусов (20,1%) и евреев (4,5%) [6, с. 197].

ППТ обеспечивал потребность в учительских кадрах только на 35–40 %. Поэтому в 1926 г. при техникуме начали работать двухлетние курсы, слушателями которых в 1926/27 г. являлись 42 человека, а в 1927/28 г. – 68. Кроме того, с 1925/26 учебного года в Минском педагогическом техникуме было введено преподавание польского языка, то есть фактически началась подготовка учителей для работы в белорусских школах с преподаванием польского языка [3, с. 255; 7, с. 126].

Несмотря на принятые меры, техникум не мог обеспечить все заявки на польских учителей. В 1926/27 учебном году польских учителей выбыло больше, чем было выпущено из Педагогического техникума. Было предложено принять следующие меры: задействовать учителей из белорусских школ, которые знают польский язык, в польских школах или в белорусских школах с преподаванием польского языка. Кроме этого предлагалось использовать для работы в польских школах студентов, которые закончили белорусские педтехникумы и знают польский язык [9, л. 87].

Весной 1930 г. Польский педагогический техникум выпустил 52 учителя для начальной школы, но этого оказалось мало для того, чтобы заполнить все вакансии. По этой причине было принято решение об опережающем выпуске четвертого (выпуск 15 января 1931 г.) и третьего (выпуск сентябрь 1931 г.) курсов. В начале июля 1931 г. Бюро ЦК КП(б)Б внесло предложение о расширении числа обучающихся ППТ. Особое внимание уделялось политическому моменту. На Наркомпрос возлагалась задача проведения ревизии преподавательского состава польских школ, прежде всего школ пограничной полосы, на предмет идеологической выдержанности. Была определена цель: к 1931/1932 учебному году внедрить в польские школы преподавателей-коммунистов и благонадежных беспартийных [5, с. 184].

При техникуме действовала исследовательская школа. До 1926/1927 учебного года она имела 4 группы и находилась при 6-ой польской школе по ул. Долгобродской. В 1926/1927 гг. школа расширилась до семилетки и в связи с этим была перенесена в новое здание по ул. Михайловской, д. 4. Условия работы школы были стесненными, так как под учреждение было выделено только 5 комнат, из которых 2 занимал директор 33-й школы. Просьбы о расширении школы были отклонены по причине отсутствия свободных помещений [10, л. 9, 13].

Во второй половине 1930-х гг. в БССР наблюдается тенденция на закрытие польских учреждений образования. С начала 1935 г. до августа 1937 г. в БССР была закрыта 51 польская школа (по состоянию на 1935 г. в БССР насчитывалось 135 польских школ, в 1937 г. – 84). Согласно данным Народного комиссариата просвещения БССР, в сохранившихся польских школах обучались 6620 учащихся, из которых около 45% составляли поляки. В августе 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б предложило сохранить лишь те польские школы, в которых в одном классе обучалось не менее 15 поляков. Остальные школы следовало ликвидировать либо реорганизовать в белорусские. Как следствие, 65 польских школ были преобразованы в белорусские, а оставшиеся – закрыты. Ученики этих школ переходили в школы с белорусским языком обучения, что ускорило процесс их ассимиляции. Вслед за школой реорганизации были подвергнуты и другие польские учреждения образования [4, с. 81–82]. В 1937 г. ППТ был закрыт, а его директор Ф. Зарембский был арестован как «польский шпион» и расстрелян [6, с. 92].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что деятельность польского педагогического техникума на территории БССР стала частью советской национальной политики. Советский Союз пытался продемонстрировать успехи социалистического строительства и то, что в республике все национальности имеют равные права на свободное развитие, чего, как подчеркивалось, не было в капиталистических странах.

Библиографический список

1. Государственный архив Минской области (далее – ГАМн). Ф. 1464. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАМн. Ф. 325. Оп. 1. Д. 186.
3. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. Мінск: Экаперспектыва, 1996. 452 с.
4. Жук В. Н. Польское национальное меньшинство в БССР (1921–1939 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07. 00. 02. Минск, 2008. 144 л.
5. Жук В. Н. Развитие образования и культуры среди польского населения БССР в 1930-е годы // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2005. Вып. 6. С. 179–196.
6. Казак О. Г. Национально-культурная политика в Советской Беларуси в контексте функционирования Минского Польского педагогического техникума (1920-е гг.) // Советский этап в истории Беларуси: сборник научных статей участников Республиканской научно-теоретической конференции, Минск, 5 декабря 2019 г. / редколлегия: В. А. Бобков [и др.]. Минск, 2019. С. 89–94.
7. Костюшко И. И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М.: Инслав, 2001. 224 с.

8. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 1655.
9. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1981.
10. НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1983.
11. Польская школа і польскі настаўнік у Савецкай Беларусі // Асвета: часопіс Нар. Кам. асветы і саюзу прац. асветы БССР. 1924 г. № 2.
12. Пыж Д. С. Польская нацыянальная меншасць у БССР па матэрыялах усесаюзных перапісаў насельніцтва СССР 1926, 1937, 1939 гг. // XV Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т., Витебск, 22 октября 2021 г. / редкол.: Е. Я. Аршанский [и др.]. Витебск, 2021. С. 148–150.
13. Biały A. Mniejszość polska na Białorusi Sowieckiej w latach 1921–1939 [Электронный ресурс]. 2018. URL: https://www.powiat-przasnysz.pl/pl/wp-content/uploads/2020/06/dr_bialy_ksiazka.pdf. – Дата доступа: 29. 06. 2020.

ФРАНЦЫСКАНСКАЯ СІСТЭМА АДУКАЦЫІ Ў XIII ст.: ПРАБЛЕМЫ СУАДНОСІН ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ І РЭЛІГІЙНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ

А. А. Рахоўская

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, elenarahovskaya99@mail.ru*

Артыкул прысвечаны эвалюцыі адносін ордэна францысканцаў да інтэлектуальнай дзейнасці на працягу XIII ст. Аўтар засяроджае ўвагу на пераломных падзеях у гісторыі гэтага працэсу. Адносіны ордэна да навучання прама ўплывалі на яго інтэлектуальную, навуковую і рэлігійную дзейнасць, да таго ж яны развіваліся ў кантэксце іншых унутрыордэнскіх працэсаў, і іх вывучэнне дае магчымасць лепш зразумець агульны стан ордэна ў XIII ст. У XIII ст. ордэн знаходзіўся на этапе свайго станаўлення, і палітыка кіраўніцтва па пытаннях суадносін інтэлектуальнай дзейнасці з іншымі заняткамі братаў, перш за ўсё з рэлігійнымі, яшчэ была зменлівай. У артыкуле разглядаюцца прычыны, дзякуючы якім ордэн канчаткова абраў шлях у навуковую дзейнасць, а манах-францысканец набыў вобраз вучонага, адукаванага чалавека, які захоўваецца за ім усе далейшыя часы.

Ключавыя словы: францысканцы; адукацыя ў сярэдня вякі; францысканская адукацыя; універсітэт; рэлігійнасць.

ФРАНЦИСКАНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В XIII В.: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Раховская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, elenarahovskaya99@mail.ru*

Статья посвящена эволюции отношений ордена францисканцев к интеллектуальной деятельности на протяжении XIII в. Автор обращает внимание на переломные события в истории этого процесса. Отношение ордена к обучению прямо влияло на его интеллектуальную, научную и религиозную деятельность, к тому же они развивались в контексте других внутриорденских процессов, и их изучение дает возможность лучше понять общее состояние ордена в XIII в. В XIII в. ордэн знаходзіўся на этапе свайго становлення, і палітыка кіравання па пытаннях суадносін інтэлектуальнай дзейнасці з іншымі заняткамі братаў, перада ўсё з рэлігійнымі, была зменчывой. В статье рассматриваются причины, благодаря которым ордэн канчаткова абраў шлях у навуковую дзейнасць, а манах-францысканец прыобрыў образ ученага, адукаванага чалавека, захаваны і да нашых дзён.

Ключевые слова: францисканцы; образование в средние века; францисканское образование; университет; религиозность.

THE THIRTEENTH-CENTURY FRANCISCAN EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS OF CORRELATION OF INTELLECTUAL AND RELIGIOUS ACTIVITY

A. A. Rakhouskaya

Belarusian State University,

Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: A. A. Rakhouskaya (elenarahovskaya99@mail.ru)

The article is devoted to the evolution of the relations of the Franciscan Order to intellectual activity during the 13th century. The author draws attention to the main points of the history of this process. The order's attitude to learning influenced its intellectual, scientific and religious activities, moreover, it developed in the context of other intra-order processes. And studying these processes make it possible to better understand the general state of the order in the 13th century. The order was at the stage of its formation, and the policy of the leadership on the correlation of intellectual activity with others was changeable in the 13th century. The article discusses the reasons, why the order finally chose the path to scientific activity, and the Franciscan monk acquired the image of a scientist, an educated person, which he retained for all future times.

Key words: Franciscans; education in the Middle Ages; Franciscan education; university; religiosity.

На працягу XIII ст. Францысканскі ордэн прайшоў шлях ад «апостальскага руху» да асобнай карпарацыі, пры чым не проста рэлігійнай, але і вучонай. У сваіх адносінах да адукацыі і інтэлектуальнай дзейнасці ордэн прайшоў некалькі этапаў. Першапачаткова прастамоўная францысканская пропаведзь узнікла як супрацьпастаўленне цяжкай для ўспрыняцця народам, перагружанай філасофскімі разважаннімі, сімвалізмам і пафаснасцю біскупскай пропаведзі. У гэтай сувязі Францыск не ўхваляў інтэлектуальныя заняткі братаў [1, с. 132–133].

Аднак з пашырэннем дзейнасці ордэна стала відавочнай прамая сувязь паміж паспяховым вядзеннем дыспутаў на рэлігійныя тэмы і неабходнасцю адукацыі манахаў, якія займаліся місіянерствам і прапаведніцтвам. Гэтая акалічнасць прымусіла Францыска ў 1224 г. даць афіцыйны дазвол Антонію Падуанскаму на арганізацыю лекцый для манахаў, але тут жа асабліва падкрэслівалася, што рэлігійная дзейнасць павінна быць на першым месцы сярод манаскіх заняткаў: «Жадаю я, каб ты чытаў братам святую тэалогію, абы сярод гэтых трудоў ты не пагасіў дух малітвы і набожнасці, як патрабуе гэтага наш Статут» [2].

Першыя францысканскія школы для манахаў былі створаны ў 1228 г. у Магдэбургу і ў Парыжы, ў 1229 г. – у Оксфардзе, а ў 1230 г. – у Кембрыджы. У гэты ж час працягвалі існаваць курсы для манахаў у Балоні, а таксама францысканцы выкладалі ў Падуі [3, р. 91–93]. Ужо

брат Салімбене ў сваёй Хроніцы асуджае невуцтва і падкрэслівае, што «адзіная добрая якасць брата Іліі (генеральны міністр у 1232–1239 гг.) складалася ў тым, што ён падштурхнуў ордэн братоў-мінарытаў на заняцце багаслоўем» [4, с. 114].

Так ішоў працэс асцярожнага, з аглядкай на рэлігійныя абавязкі (малітва, пропаведзь), наладжвання навучання манахаў. У кантэксце гэтага працэса ордэн сутыкнуўся з універсітэтамі. У 1223 г. францысканцы былі дапушчаны да выкладання ў Парыжскім універсітэце, а ў 1230-я гг. яны атрымалі там сваю кафедру на тэалагічным факультэце [6, с. 166, 169]. Прыхільнікам уваходжання францысканскага ордэна ва ўніверсітэт быў папа Рыгор IX, але ён не столькі клапаціўся пра навуковую дзейнасць ордэна, колькі разлічваў выкарыстоўваць менавіта моцную францысканскую рэлігійнасць для ўраўнаважвання вучонасці ўніверсітэта, якая магла прывесці яго да ерасі [6, с. 145].

Станаўленні прыязных адносін ордэнскага кіраўніцтва да адукацыі манахаў, а як след уцягванню іх у навуковую дзейнасць, перашкаджаў страх, што інтэлектуалы схільныя да ерасей. Напрыклад, правінцыяльны міністр Англіі ў 1224–1236 гг. Агнеліус Пізанскі, які спачатку сам запрасіў выдатнейшага тэолага з Оксфардскага ўніверсітэта навучаць маладых францысканцаў, хутка вырашыў спыніць адукацыю манахаў пасля таго, як даведаўся, што браты распачалі дыспут на тэму «Аб існаванні Бога». Такім чынам, для шматлікай часткі францысканцаў адукацыя і навука атаясамляліся з ерытычнасцю, што яскрава адлюстравана ў словах вышэйназванага Агнеліуса Пізанскага: «Нажаль! Простыя і непісьменныя браты паглыбляюцца ў разважанні пра Бога, а адукаваныя браты абмяркоўваюць, ці існуе Бог!» [7, р. 37–38].

І не дзіўна, што ў 1220–40-я гг. за пашырэнне інтэлектуальнай дзейнасці ордэна выступала меншасць братоў – група Аляксандра Гэльскага. Асноўная ж маса, асабліва генеральныя міністры, прытрымліваліся тактыкі дыстанцыявання ад універсітэцкай прасторы і аддавалі перавагу практычнай рэлігійнай дзейнасці – пропаведзі і малітве. Гэта адлюстравана ў «Другой легендзе» Фамы Чаланскага, створанай як раз у 1240-я гг., дзе вучонасць атаясамляецца з асаблівай формай маёмасці, ад якой пажадана адмовіцца пры ўступленні ў ордэн. А з вуснаў Св. Францыска гучаць перасцярогі братам, якія захапляюцца навукамі, бо гэтыя заняткі і кнігі не прынясуць карысці на будучым Страшным судзе, таму аднаму брату замест Псалтыры Францыск даў попел [8, с. 494–495].

Пазіцыя кіраўніцтва разыходзілася з інтарэсамі адукаванай часткі ордэна, якая ўсё больш імкнулася да інтэлектуальных заняткаў, аб чым з незадаволенасцю казаў генеральны міністр ў 1247–1257 гг. Іаан Пармскі: «Ордэн складаецца з двух муроў: святых паводзінаў і навучання; браты ўзнялі мур навучання да такіх высокіх нябёсаў, што пачалі дыскутаваць пра само існаванне Бога, у той час калі мур святых паводзін пакінулі такім нізкім, што лічылася вялікім дасягненнем сказаць пра брата проста, што ён надзейны чалавек» [9, р. 204].

Працэсам уваходжання манахаў ва ўніверсітэцкую прастору былі незадаволены не толькі францысканскія генеральныя міністры, але і ўніверсітэцкая прафесура. Найбольш значныя канфлікты жабрацкіх ордэнаў адбыліся з Парыжскім універсітэтам [10, с. 29]. Крытыка і нападкі з боку ўніверсітэцкай супольнасці далі імпульс да канчатковага абрання адной генеральнай лініі па пытанню навучання і інтэлектуальнай дзейнасці. І такім чынам, канфлікт з універсітэтам аказаў вялікі ўплыў на далейшае станаўленне ордэна францысканцаў як вучонай супольнасці [6, с. 207–208].

Новы генеральны міністр з 1257 г., Банавентура, канчаткова абраў для ордэна шлях у навуку, бо лічыў, што пошук боскай ісціны – гэта самае ганаровае заняцце чалавецтва. Асноўнай дзейнасцю самога Банавентуры да абрання генеральным міністрам была інтэлектуальная праца, ён навучаўся ў Аляксандра Гэльскага, таго самага, які падтрымліваў уваходжанне францысканцаў ва ўніверсітэты. Банавентура атрымаў званне прафесара францыскай школы ў Парыжы і прафесара Парыжскага ўніверсітэта. Усё яго жыццё праходзіла ў інтэлектуальнай атмасферы багаслоўскага факультэта, і было б неверагодна, каб такі чалавек лічыў інтэлектуальную працу менш патрэбнай і карыснай грамадству, чым працу фізічную. Банавентура прытрымліваўся меркавання, што галоўная задача братаў – рэлігійная прапаведніцкая дзейнасць, але каб даверыць манахам прапаведваць ісціну, трэба было адукаваць іх, яны павінны былі ўмець пісаць і чытаць [3, с. 143].

Паварот у палітыцы ордэна быў замацаваны ў Нарбонскай канстытуцыі 1260 г. Яна падкрэслівала неабходнасць адукацыі навіцыяў [3, с. 149], замацавала канкрэтныя прадпісанні адносна парадку адукацыі і выкладання братаў-францысканцаў у Парыжскім універсітэце [6, с. 209]. Гэты ж накірунак быў адлюстраваны ў новым жыцці Францыска, створаным самім Банавентурай у 1263 г.: у «Вялікай легендзе» Францыск ужо дазваляў пісьменным братам пасля ўступлення ў ордэн працягваць

вывучэнне Святога Пісання» [11, с 619]. Гэта быў відавочны крок насустрач інтэлектуальнай дзейнасці ў параўнанні з ранейшымі трактоўкамі.

Рысу ў спрэчках наконт карыснасці навучання для братоў у 1279 г. падвяла була «Exiit qui seminat» папы Мікалая III, якая прызнала ганаровасць і неабходнасць інтэлектуальных заняткаў братоў-францысканцаў і надала дзейнасці такога кшталту статус, роўны з фізічнай працай [12]. Дзякуючы гэтаму колькасць навучэнцаў у францысканскіх школах для манахаў значна павялічылася.

Да канца XIII ст. у Францысканскім ордэне склалася добра арганізаваная сістэма адукацыі: у кожным манастыры павінен быў быць свой лектар, у кожнай кустодзіі – школа, а мінімум два браты ад кожнай правінцыі выпраўляліся ў школы пры ўніверсітэтах. Аднак, прызнаўшы карыснасць навуковай працы, ордэнскае кіраўніцтва не пакінула па-за ўвагай рэлігійную дзейнасць манахаў-інтэлектуалаў і манахаў-студэнтаў. Яно ўсталявала шэраг правілаў паводзінаў для гэтых катыгорый братоў. Так, у 1282 г. студэнтам-францысканцам было загадана абавязкова выходзіць у горад і прасіць міласціну. У 1310 г. было забаронена мець больш кніг, чым гэта было патрэбна непасрэдна для іх працы ці навучання. У 1316 г. францысканцам было катэгарычна забаронена займацца алхіміяй. У 1331 г. францысканскім студэнтам прадпісвалася прыпыняць заняткі ў перыяды прызначаныя для прапаведніцтва і прашэння міласціны [10, р. 19–20]. Гэтая палітыка была скіравана на тое, каб браты-студэнты прымалі ўдзел у асноўнай рэлігійнай дзейнасці ўсяго ордэна і не лічылі сябе на асаблівым становішчы.

Такім чынам, да канца XIII ст. адбылося станаўленне францысканскага ордэна як вучонай супольнасці, манахі ўвайшлі ва ўсе вядучыя ўніверсітэты Еўропы і нават распачалі дыспуты з дамініканцамі, якія раней лічыліся безумоўнымі лідэрамі ў інтэлектуальнай сферы. Аднак афіцыйна рэлігійная дзейнасць лічылася для францысканцаў іх першарадным абавязкам, і гэта на яе карысць можна было ахвяраваць навучаннем, але не наадварот.

Бібліяграфічны спіс

1. Устав, утвержденный буллой // Франциск Ассизский. Сочинения / ред. В. Л. Задворный. М.: Издательство францисканцев – братьев меньших конвентуальных, 1995. С. 121–135.

2. Послание к св. Антонию // Франциск Ассизский. Сочинения / ред. В. Л. Задворный. М.: Издательство францисканцев – братьев меньших конвентуальных, 1995. С. 201.
3. Moorman J. A History of the Franciscan Order from its origins to the year 1517. Oxford : the Clarendon press, 1968. 655 p.
4. Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 984 с.
5. Pope Innocent IV *Ordinem vestrum* 1245 (lat) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://individual.utoronto.ca/jwrobinson/texts/inn4-ordinem-vestrum.pdf>. – Date of access: 17. 04. 2020.
6. Кравцова Е. С. Францисканский орден: от апостольского движения к ученой корпорации (Франция, XIII в.). М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 320 с.
7. Chronicle of the twenty-four Generals of the Order of Friars Minor [1369–1374] / Eng. trans. by Noel Muscat OFM from the Latin text. Malta: TAU Franciscan Communications Franciscan Friars, 2010. 507 p.
8. Житие второе св. Франциска Ассизского, составленное Фомой Челанским // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская писания и биография / [Пер. О. Седаковой и др.]; под общ. ред. А. Вичини. Кайшядорис: Типография им. А. Якштаса, 1996. С. 329–520.
9. Thomas of Eccleston: The coming of the friars minor to England [Electronic resource] / by Cuthbert, Father, O. S. F. C. London : Sands, 1903. 266 p. – Mode of access: https://archive.org/details/MN5112ucmf_4/page/n5/mode/2up. – Date of access: 14. 03. 2020.
10. Moorman J. The Grey Friars in Cambridge 1225–1538. Cambridge: the University press, 1952. 293 p.
11. Большая легенда, составленная святым Бонавентурой из Баньореджо // Истоки францисканства. Святой Франциск Ассизский: писания и биографии. Святая Клара Ассизская писания и биография / [Пер. О. Седаковой и др.]; под общ. ред. А. Вичини. Кайшядорис: Типография им. А. Якштаса, 1996. С. 521–704.
12. Pope Nicholas III *Exiit qui seminat* 1279 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.franciscan-archive.org/bullarium/exiit-e.html>. – Date of access: 17. 04. 2020.

ГОДОВЩИНЫ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИИ XX В. КАК СТРУКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНЫХ ПРАКТИК В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В. В. Репин

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, repinv@bsu. by

В публикации рассмотрены тенденции и процессы реализации государственной политики памяти и общественных инициатив касательно изменения государственных праздников и памятных дат в Чешской республике после 1989 г.

Ключевые слова: историческая память; историческая политика; постсоциалистическая трансформация; юбилеи; Чешская Республика.

ANNIVERSARIES OF SIGNIFICANT EVENTS OF THE CZECH HISTORY of the XX cent. AS A STRUCTURAL PHENOMENON OF PUBLIC PRACTICES IN THE CZECH REPUBLIC

V. V. Repin

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus (repinv@bsu. by)

The publication examines the trends and processes of the implementation of the state policy of memory and public initiatives regarding the change of public holidays and memorable dates in the Czech Republic after 1989.

Key words: historical memory; historical politics; post-socialist transformation; anniversaries; Czech Republic.

Практика сохранения памяти об исторических событиях прошлого и их актуализации в публичном пространстве современности является универсальным общественным феноменом, представленным в целом ряде популярных теоретических конструктов, таких как «историческая память», «историческое сознание», «коллективная память», «культурная память», «историческая политика», «войны памяти» [1–3]. Однако в данном тексте мы хотели бы сфокусировать внимание на тех проявлениях символических практик, которые сформировались вокруг специфического чешского дискурса о «магических восьмерках», подразумевающего, что наиболее знаковые и судьбоносные события в чешской истории происходили в году, число которого заканчивалось на 8, или даже просто содержащем восьмерку (как это было в случае «Бархатной революции» 1989 г.). Несмотря на кажущуюся спекулятивность таких нумерологических суждений, данная метафора является весьма популярной и принимаемой в чешской публичной среде, особенно, после событий Бархатной революции ноября 1989 г., который стали началом не

только процессов постсоциалистической трансформации, но и собственно процессов пересборки всех символических публичных практик, касающихся исторической идентичности чехов.

Выстраиваясь в логическую последовательность календарного года, годовщины исторических событий, зафиксированные на уровне государственных праздников и памятных дат, создают своеобразный цикл, важными параметрами которого являются его стилистическая возвышенность, повторяемость, ожидаемость (хотя бы в качестве дополнительного выходного дня в случае праздников), не хронологическое, а структурное соположение его элементов, которые, составляя одно целое на уровне года, не обязательно связаны между собой причинно-следственными соотношениями исторических событий.

На противоречивость механизмов социального повторения указывали многие мыслители современности (Ф. Ницше, В. Беньямин, М. Элиаде). В данном случае мы хотели бы отметить противоречивость, свойственную историческим датам, возвращенным в чешский календарь после падения коммунизма в 1989 г., в которой сочетались морально-юридическое стремление восстановить историческую справедливость и желание консервации итогов постсоциалистической трансформации, реализующееся в форме нового символического календаря.

Возникновению этой противоречивости способствовали конкретные исторические условия.

1. Одновременное переформатирование комплекса практик памяти в рамках начавшейся после 1989 г. декоммунизации и образования с 1993 г. отдельного чешского государства, когда происходящие изменения должны были служить деконструкции социалистического канона и одновременно, так и не вступая в противоречия со словацкой стороной, конструированию сепарированного национального нарратива о событиях чешской истории XX в., рассматриваемого в перспективе общей судьбы народов Центральной Европы, переживших два периода тоталитаризма – нацистской оккупации и власти режимов советского типа.

2. Риторическая позиция в отношении страны – жертвы тоталитарных режимов – и необходимости морального очищения посредством восстановления исторической справедливости, обусловленная морально-политическим пафосом В. Гавла и его сподвижников, прозванных «любителями правды». Данная позиция была сформирована в интеллектуальной среде чехословацких диссидентов, объединенных в рамках социально-публичной платформы «Хартия 77» и

получивших после победы «Бархатной революции» символически монопольное право на определение векторов проработки травматического прошлого.

3. Настойчивое стремление указать на равнозначность следующих друг за другом тоталитарных режимов в рамках Протектората Богемии и Моравии (1939–1945) и социалистической Чехословакии (1948–1989) и противопоставление им в качестве идеалов общественно-политического развития созданной после Первой мировой войны Первой республики (1918–1938) и надежд «Бархатной революции» (1989).

4. Необходимость одновременного изобретения принципов, форм и средств публичной ретрансляции нового взгляда на события XX в. и осуществление их регулярного ежегодного воспроизведения, например, в рамках встречи знаковых исторических дат, ежегодных конкурсов и премий и т. д.

Особый режим функционирования юбилейных практик представляет собой структурный контекст современности, универсальный с точки зрения политико-идеологических трансформаций, или же большей традиционности или креативности в отпращивании данных практик.

Лидирующим по количеству чешских юбилеев мы можем назвать 2018 г., объединивший в рамках календарного цикла ключевые («судьбоносные», по оценкам многочисленных чешских публицистов) события чешской истории XX в., находящиеся в ментальных пластах чешской идентичности: 70-летие Февральского переворота 25 февраля 1948 г., связанного с приходом Коммунистической партии Чехии к монопольной власти; события, связанные с 50-летием Пражской весны 1968 г. и ее подавлением в рамках операции «Дунай» войсками стран Организации Варшавского договора во главе с СССР; 80-летие Мюнхенского диктата 30 сентября 1938 г., означавшего территориальную ревизию версальских границ и начало внутривосточного и территориального распада Первой Чехословацкой республики; а также 100-летие выхода из состава Австро-Венгерской империи Габсбургов независимого Чехословацкого государства 28 октября 1918 г. и образования независимого Чешского государства 1 января 1993 г.

На этом фоне более в тени остаются юбилейные для 2018 г. события Пльзеньского антикоммунистического восстания 31 мая – 2 июня 1953 г., 150-летие основания чешского национального театра, 170-летие европейских революций 1848 г. и Первого Славянского съезда в Праге 1618 г., основание Национального музея (1818), а также 400-летний

юбилей восстания чешских сословий (23 мая 1618 г., «Пражская дефенестрация»), поражение в котором означало для чешских земель окончательное утверждение власти Габсбургов, длившегося три столетия вплоть до конца Первой мировой войны, и многие даты богатой средневековой истории, в том числе гибель чешского короля из династии Пржемысловичей Отакара II (1278), основание Карлова университета (1348), смерть чешского короля и Императора Священной Римской империи Карла IV (1348).

Говоря о статусе «исторических» дней ежегодного календаря, следует отметить, что в чешском контексте имеет место двухуровневое разделение на праздники (государственные) и знаменательные дни. В период социализма использовался же термин «Памятные дни».

Обращаясь к генеалогии праздничных дат в истории чехословацкой государственности, отметим, что первым государственным праздником Первой республики стало 28 октября как день «возникновения свободной Чехословацкой республики» в 1918 г. на основании закона 555/1919 от 14 октября 1919 г. [3, с. 54]. Именно тогда мы можем зафиксировать выше обозначенную парадоксальную ситуацию: изобретение праздника и его одновременное проведение. Примечательно, что именно в контексте введения данного праздника утвердился термин «праздник государственный» (*státní*) в противоположность широко представленного в прессе того времени наименования «праздник национальный» (*národní*) [3, с. 90–92].

В 1925 г. на основании специального закона о праздниках и памятных днях (№ 65/1925 от 3 апреля 1925 г.) были введены следующие памятные даты: 5 июля, 28 сентября, 6 июля и 1 мая. Каждая из них отсылала к важным пластам формирующейся государственной идеологии и публичного нарратива. Так, 5 июля стало памятным днем славянских святых Кирилла и Мефодия в рамках политизации культа первославянских просветителей, необходимого для конструирования символической власти над всеми чешскими и словацкими землями [3, с. 312–352]. День 28 сентября отсылал к памяти патрона чешских земель святого князя Вацлава, культ которого имел значительную поддержку в консервативно-католической среде [2]. 6 июля как день памяти объявленного национальным мучеником магистра Яна Гуса был связан с символической ролью гуситской традиции в чешском обществе [3, с. 269–307]. Что касается 1 мая, то в чехословацком контексте эта дата сочетала в себе элементы как традиционной славянской мифологии (праздник

Чародейницы), отсылку к национальному возрождению славянских народов (образ майского месяца был поэтизирован в чешском национальном движении), так и идеи социальной справедливости трудящихся, ставшие популярными еще в период Австро-Венгрии, в том числе в рамках чешского движения социальных демократов, а в ряде случаев и использованных в качестве практик социальной мобилизации во имя строительства процветающего и могучего государства [3, с. 219–267].

Еще одной сопоставимой по значимости с 28 октября датой в календаре с 1989 г. выступает годовщина начала «Бархатной революции», которая с 2000 г. отмечается как «День борьбы за свободу и демократию» («Den boje za svobodu a demokracii») и отсылает к началу новой эпохи в истории Чехии – постсоциалистической трансформации, результаты которой по прошествии 30 лет демонстрируют значительные успехи в деконструкции наследия социализма и рецепции западной модели памяти о событиях 20 столетия. В 2019 г. на основании закона № 48/2019 данное устоявшееся название было изменено на «День борьбы за свободу и демократию и Международный день студенчества».

Из актуальных государственных памятных дат изменения после 1989 г. коснулись практически всего перечня социалистических праздников, из которых были сохранены Новый год, День первого мая и День Победы. На основании закона 1951 г. знаменательными днями Чехословацкой республики были 25 февраля – День победы чехословацкого трудового народа, 29 августа – Словацкое национальное восстание, 7 ноября – День Великой октябрьской социалистической революции. Памятными днями были 5 и 6 июля с соответствующими отсылками на Кирилла и Мефодия и Яна Гуса.

День Победы, отмечавшийся в периода социализма с 1951 г. как День освобождения Чехословакии Советской армией 9 мая («Den osvobození Československa Sovětskou armádou»), на основании закона от 15 мая 1991 г. № 218/1991 по предложению депутата М. Земана был в 1992 г. перенесен на 8 мая в соответствии с общеевропейским каноном и получил название «День освобождения от фашизма» («Den osvobození od fašismu»). На основании закона № 245/2000 в 2001 г. праздник был вновь переименован в «День освобождения» («Den osvobození»), современное название – «День победы» («Den vítězství») – получил лишь в 2004 г. на основании закона № 101/2004.

День обновления Чешского государства, отсылающий к разделению Чехословацкого государства 1 января 1993 г., отмечается с 1 января с

2001 г. на основании закона № 245/2000. В соответствии с этим же законом был вновь учрежден упраздненный в период социализма День чешской государственности, отмечаемый 28 сентября в день патрона чешских земель святого князя Вацлава.

Остальными праздниками, которые также являются выходными днями, остаются, но без привязки к государственным датам, Новый Год (1 января), Пасхальный понедельник, День труда (1 мая), Рождественские праздники 25–26 декабря. Примечательно, что все эти дни, за исключением установленного в 2016 г. дополнительного выходного дня в предпасхальную Великую пятницу, были официально узаконены еще в 1951 г.

Для представления ежегодной циркуляции «знаменательных дней», официально введенных в Чешской Республике, приведем их с указанием года издания закона о включении в данный список на примере 2019 г.: 16 января – день памяти Яна Палаха (2013), 27 января – День памяти жертв Холокоста и предупреждения преступлений против человечества (2004), 8 марта – Международный день женщин (2004), 9 марта – День памяти жертв уничтожения семейного лагеря из Терезина в лагере смерти Освенцим-Биркенау (2017), 12 марта – День вступления Чешской Республики в Североатлантический альянс (НАТО) (2004), 28 марта – День рождения Яна Амоса Коменского (2014), 7 апреля – День образованности (2006), 5 мая – Майское восстание чешского народа (1990), 15 мая – День семьи (2006), 10 июня – День памяти жертв уничтожения деревни Лидице (2006), 18 июня – День героев Второго сопротивления (2017), 27 июня – День памяти жертв коммунистического режима (2004), 8 октября – Памятный день сокольского движения (2018), 11 ноября – День военных ветеранов (2004).

Представленный краткий обзор генеалогии практик актуализации исторических юбилеев в чешском контексте, а также конкретные примеры их презентации в современности указывают на недостаточность и ограниченность интерпретации исследуемого феномена на основании исключительно причинно-следственных (диахронических) реконструкций. В этом ключе необходимо обратить внимание на пассаизм [1, с. 32], как режим историчности, наиболее востребованный в современном чешском контексте, представляющий попытку обоснования актуальной общественно-политической повестки исходя из уроков, которые, по мнению чешских интеллектуалов, обществу надлежит извлечь из своего прошлого, с особенным акцентом на травматическое измерение.

Данная модель проработки прошлого одновременно претендует на универсальность как транслируемая франшиза постсоциалистического опыта преодоления тоталитарного прошлого XX в., предназначенная для стран постсоциалистического пространства, имевших сопоставимые исторические аналогии в прошлом. Опыт трансформации призван вдохновить интеллектуальные сообщества данных стран на ту или иную форму социального действия в целях недопущения возвращения «тоталиты».

Библиографический список

1. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. Москва. С. 19–38.
2. Бобраков-Тимошкин А. «Пусть горят костры!» Попытка ностальгической культурной революции в Чехословакии в 1938–1939 годах // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89) [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyyu_za. . (дата доступа: 15. 10. 2021).
3. Hájková D., Horák P., Kessler V., Michela M. (eds.). Sláva republice!: oficiální svátky a oslavy v meziválečném Československu. Praha: Academia, 2018.
4. Hroch M. Paměť a historické vědomí v kontextu národní spolutosti // Česká paměť: národ, dějiny a místa paměti. Praha: Academia, 2014. S. 21–55.
5. Kraus M. Dvacet pět let tranziční spravedlnosti a vyrovnávání se s minulostí ve střední a východní Evropě // Česká paměť: národ, dějiny a místa paměti. Praha: Academia, 2014. S. 110–130.
6. Tuček J. Paměť // Koncepty a dějiny: Proměny pojmů v současné historické vědě. Praha: Scriptorium, 2014. S. 244–257.

АДУКАЦЫЯ СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БССР ЯК КАНАЛ САЦЫЯЛЬНАЙ МАБІЛЬНАСЦІ (1944-1965)

А. Дз. Русін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
rusin19972206@mail.ru*

У артыкуле разгледжана спецыфіка дзейнасці сацыяльнага інстытута адукацыі ў сельскай мясцовасці БССР на працягу 1944–1965 гг., які адначасова з’яўляўся каналам сацыяльнай мабільнасці для сельскага насельніцтва. Асвятляецца дзяржаўная палітыка ў адносінах да адукацыі ў 1944–1965 гг., а таксама спецыфіка функцыянавання розных тыпаў навучальных устаноў у сельскай мясцовасці.

Ключавыя словы: адукацыя; няпоўная сярэдняя адукацыя; школы сельскай моладзі.

ОБРАЗОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (1944-1965)

О. Д. Русин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, rusin19972206@mail.ru*

В статье рассматривается специфика деятельности общественного института образования в сельской местности БССР в 1944–1965 гг., который в то же время был каналом социальной мобильности для сельского населения. Освещается государственная политика в области образования в 1944–1965 гг., а также особенности функционирования различных типов образовательных учреждений в сельской местности.

Ключевые слова: образование; неполное среднее образование; сельские молодежные школы.

EDUCATION OF THE RURAL POPULATION OF THE BSSR AS A CHANNEL OF SOCIAL MOBILITY (1944-1965)

A. Rusin

*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
rusin19972206@mail.ru*

This article examines the specifics of the activity of the social instinct of education in rural areas of the BSSR during 1944-1965 years, which at the same time was a channel of social mobility for the rural population. The paper highlights the state policy regarding education in 1944-1965 years, as well as the specifics of the functioning of various types of educational institutions in rural areas.

Key words: education; incomplete secondary education; rural youth schools.

Дзяржаўная палітыка ў адносінах да адукацыі ў БССР (1944–1965).
За перыяд 1944–1965 гг. сацыяльны інстытут адукацыі ў БССР зведваў рэфарміраванне. Спецыфіка пасляваеннага развіцця БССР запатрабавала

мераў савецкай улады па павышэнню даступнасці сярэдняй адукацыі для насельніцтва. Першым крокам у гэтым кірунку сталі змяненні ў рашэнні СНК СССР ад 26 кастрычніка 1940 г., у адпаведнасці з якімі навучанне ў 8–10 класах ажыццяўлялася на платнай аснове [3 с. 479–481].

22 снежня 1944 г., у адпаведнасці з загадам камісара народнай адукацыі Е. І. Уралавай, была адменена плата за навучанне ў 8–10 класах для дзяцей афіцэраў-інвалідаў, а таксама дзяцей афіцэраў, якія згагінулі ў баявых дзеяннях або ад ран, атрыманым на вайне. Такім чынам, з канца 1944 г. пачала ажыццяўляцца сацыяльнай падтрымка для названых катэгорый людзей, якая заключалася ў павелічэнні даступнасці агульнай сярэдняй адукацыі. Поўная адмена платы за адукацыю адбылася ў 1956 г. у адпаведнасці з Пастановай Савета Міністраў ад 6 чэрвеня 1956 г.

Яшчэ адным з напрамкаў савецкай палітыкі ў дачыненні да адукацыі быў пераход у 1949 г. да абавязковага сямігадовага навучання. Адпаведнае рашэнне аб пераходзе да ўсеагульнай сямігадовай адукацыі было прынята ў жніўні 1949 г. Саветам Міністраў БССР. Дадзенаму рашэнню папярэднічаў у лютым 1949 г. XIX з’езд КП(б)Б, дзе ўказвалася на няпоўны ахоп школай, нізкую паспяховасць. Пасля жніўня 1949 г. была пастаўлена задача аб пераводзе ўсіх дзяцей, якія скончылі 4 класы пачатковай школы, у 5-ыя класы сярэдняй школы. Сярод насельніцтва БССР праводзілася актыўная работа па тлумачэнню неабходнасці адукацыі [2, с. 210–220].

У 1950-ых гг. вялікая ўвага савецкім кіраўніцтвам надавалася далучэнню школьнікаў да грамадска-карыснай працы. У выніку, да 1958 г. узнікла неабходнасць спалучыць у школах прафесійную, агульную і палітэхнічную адукацыю [2, с. 234–237]. Наступная рэформа, якая закранула сістэму адукацыі, была праведзена ў 1958 г. і грунтавалася на Законе Вярхоўнага Савета СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Замест абавязковай 7-гадовай адукацыі была ўведзена 8-гадовая, а пачатковая школа была скарачана з 4 гадоў да 3. Поўная сярэдняя адукацыя прадугледжвалася пры сканчэнні 11-ці класаў, аднак у 1963 г. дадзены эксперымент быў згорунты і прызнаны няўдалым, колькасць класаў агульнай адукацыі стала складаць 10. Пераход да абавязковай васьмігадовай адукацыі пачаўся з 1959 г. і завяршыўся ў 1962/1963 навучальным годзе [3, с. 468].

Такім чынам, дзяржаўная палітыка ў адносінах да сацыяльнага інстытута адукацыі на працягу 1944–1965 гг. была скіравана на

ўсеагульны ахоп адукацыяй насельніцтва БССР, павышэнне даступнасці адукацыі, ліквідацыі непісьменнасці. На працягу 1944–1965 гг. павялічваўся тэрмін абавязковай базавай адукацыі для школьнікаў, пашыраліся магчымасці атрымання агульнай сярэдняй адукацыі. З гэтага вынікае, што дзяржаўная палітыка садзейнічала таму, што сацыяльны інстытут адукацыі ахопліваў большую частку насельніцтва, і ў будучым адукацыя становілася шляхам сацыяльнай мабільнасці значнай часткі сельскага насельніцтва [6, с. 45–50].

Установы вочнай адукацыі ў сельскай мясцовасці: колькасць, дынаміка, спецыфіка дзейнасці. На працягу 1944–1965 гг. у сельскай мясцовасці БССР адукацыйныя ўстановы падзяляліся ў залежнасці ад формы навучання на вочныя і вярэнія. Пачатковыя, сямігадовыя, васьмігадовыя, сярэднія школы ажыццяўлялі навучанне ў вочнай форме, калі атрыманне адукацыі была асноўнай дзейнасцю навучэнцаў. Для работнікаў калгасаў навучанне албывалася ў школах сельскай моладзі, якія з’яўляліся вярэнімі. Першым паказчыкам, які адлюстроўвае працэсы ў адукацыі ў сельскай мясцовасці, з’яўляецца агульная колькасць школ з вочнай формай навучання. У 1945/1946 навучальным годзе іх налічвалася 10461, у 1950/1951 – 11167, у 1960/1961 – 10672, у 1965/1966. –10384. Такім чынам, на працягу 1945 – першай паловы 1950-ых гг. агульная колькасць школ узрасла, але пасля 1959 г. адбываецца паступовае зніжэнне. Параўноўваючы 1945/1946 і 1950/1951 навучальныя гады, адзначаецца тэндэнцыя да зніжэння колькасці пачатковых школ (8818 і 7988 адпаведна). У 1965 г. пачатковых школ налічвалася 6460. Адначасова адбывалася павелічэнне колькасці няпоўных сярэдніх і сярэдніх школ у сельскай мясцовасці. У 1945/1946 навучальным годзе налічвалася 1517 няпоўных сярэдніх школ, а ў 1965 г. – 2691. На працягу 1944–1965 гг. колькасць няпоўных сярэдніх школ (сямігадовых і васьмігадовых) пастаянна расла, чаму садзейнічала ўвядзенне абавязковай сямігадовай адукацыі ў 1949 г. Падобная тэндэнцыя назіраецца і ў колькасным складзе сярэдніх школ у сельскай мясцовасці. У 1945 г. сельскіх школ з поўнай сярэдняй адукацыяй налічвалася 126, а ў 1965 г. – 1208. Такім чынам, найбольшыя тэмпы прыросту былі ў сельскіх сярэдніх школ [4, с. 103–108].

Другі паказчык, які адлюстроўвае дынаміку развіцця вочнай адукацыі ў сельскай мясцовасці, з’яўляецца колькасць навучэнцаў. Калі ў 1945/1946 навучальным годзе налічвалася 1 млн 112 тыс. навучэнцаў, то ў 1950/1951 іх колькасць павялічылася да 1 млн 172 тыс. У 1960 г. у

сельскай мясцовасці БССР колькасць навучэнцаў школ вочнай формы зменшылася да 840 тыс., а ў 1965 г. павялічылася да 1 млн 3 тыс. Колькасць навучэнцаў сельскіх пачатковых школ знізілася да 730 тыс. у 1945 г. і да 404 945 у 1950 г. У 1960 г. у сельскіх пачатковых школах навучалася 204 тыс. . а ў 1965 г. каля 190 тыс. Зніжэнне колькасці навучэнцаў пачатковых школах было звязана з тым, што на базе пачатковых школ у сельскай мясцовасці адкрываліся няпоўныя сярэднія і сярэднія школы, адпаведна колькасць пачатковых школ зніжалася. За 1945–1950 гг. колькасць навучэнцаў у сельскіх школах з няпоўнай сярэдняй адукацыі павялічылася з 337 тыс да 586 тыс. У 1960 г. колькасць навучэнцаў у сельскіх школах з няпоўнай сярэдняй адукацыяй знізілася да 350 тыс. Разглядаючы сельскія школы з поўнай сярэдняй адукацыяй, можна адзначыць тэндэнцыю на працягу 1944–1965 гг. павелічэння колькасці навучэнцаў. Калі ў 1945 г. у іх навучалася 54 тыс., то ў 1965 г. – 417 тыс. навучэнцаў. Такім чынам, адукацыя ў сельскай мясцовасці на працягу 1944–1965 гг. паступова ахоплівала большую частку насельніцтва. Увядзенне абавязковай сямігадовай адукацыі прывяло да павелічэння колькасці школ з няпоўнай сярэдняй адукацыяй і колькасці навучэнцаў у такіх навучальных установах. На працягу 1950-х гг., нягледзячы на зніжэнне агульнай колькасці сельскіх школ, павялічвалася колькасць сярэдніх школ і колькасць іх навучэнцаў [4, с. 101–102].

Адукацыйны працэс у сельскай мясцовасці меў шэраг спецыфічных рыс, што адрознівала гэты працэс ад гарадоў. Кадровы дэфіцыт настаўнікаў у сельскай мясцовасці пераадолеваўся больш марудна, чым у гарадах. У 1954 г. адзначалася, што ў шэрагу раёнаў сельскай школе не аказвалася належная метадычная дапамога, інспектаванне сельскіх школ не прыводзіла да практычнай дапамогі. Такім чынам, на ўзроўні партыйнага кіраўніцтва ў 1954 г. была пастаўлена задача палепышць працу сельскіх школ. Дыктавалася гэта неабходнасць у тым ліку і задачай паляпшэння стану сельскай гаспадаркі ў адпаведнасці з рашэннямі пленума ЦК КПБ 1953 г. [1].

Надахоп кадраў настаўнікаў у сельскіх школах асабліва праявіўся ў Дунілавіцкім раёне, дзе на 4 сярэднія школы быў толькі адзін настаўнік фізікі і матэматыкі з вышэйшай адукацыяй. Артыкул «Настаўніцкай газеты» ад 25 верасня 1954 г. быў прысвечаны сельскім школам і іх місіі ў выкананні рашэнняў вераснеўскага пленума КПБ 1953 г. Задача па ўздыму сельскай гаспадаркі вырашалася з дапамогай умацавання сельскагаспадарчых кадраў. Галоўнай жа задачай сельскіх школ была

ўсямерная падрыхтоўка будучых работнікаў сельскай гаспадаркі. Так што відавочна, што адукацыя ў сельскай мясцовасці была арыентавана на вырашэнне народна-гаспадарчых задач праз сувязь школы з калгасамі і машынна-трактарнымі станцыямі. У якасці выхаваўчай і прафарыентацыйнай работы праводзіліся экскурсіі ў перадавыя калгасы. Тут узорным выступаў калгас «Рассвет» на чале з К. П. Арлоўскім. Праз працоўнае навучанне ў сельскіх школах вучні мелі магчымасць атрымаць працоўную спецыяльнасць, вызначыць свій прафесійны выбар [5].

Установы вячэрняй адукацыі ў сельскай мясцовасці: колькасць, дынаміка, спецыфіка дзейнасці. Задачы ліквідацыі непісьменнасці і малапісьменнасці, павышэнне адукацыйнага ўзроўню сельскага насельніцтва абумовілі неабходнасць стварэнне школ сельскай моладзі. На працягу 1945–1953 гг. колькасць школ сельскай моладзі павялічылася з 366 да 1049, а колькасць навучэнцаў ўзрасла з 14 тыс. да 32 тыс. На працягу 1953–1957 гг. колькасць школ сельскай моладзі знізілася з 1049 да 443. Перыяд 1958–1961 гг. характарызаваўся ростам колькасці школ сельскай моладзі – да 915. У 1963 г. колькасць школ сельскай моладзі складала 809, а ў 1964 г. адбываецца чарговы рост колькасці да 1329. Менавіта ў 1964 г. колькасць навучэнцаў школ сельскай моладзі дасягнула 36 тыс., што з’яўляецца максімальным паказчыкам за перыяд 1944–1965 гг. Навучанне ў школах сельскай моладзі адбывалася без адрыву ад пастаяннай работы, і гэта выклікала пэўныя цяжкасці з засваеннем навучальных планаў [4, с. 94]. Асабліва складная сітуацыя склалася ў 1945/1946 навучальным годзе, калі назіраўся значны адсеў са школ сельскай моладзі. Паказчык адсёву склаў амаль палову ад першапачатковага складу школ сельскай моладзі. У далейшым камандзіроўкі для навучэнцаў школ сельскай моладзі былі забаронены, узмоцнены кантроль за наведвальнасцю, праведзена шырокая тлумальная работа неабходнасці атрымання адукацыі. У выніку колькасць навучэнцаў стала павялічвацца, а працэнт адсёву зменшыўся [2, с. 293–296].

Акрамя школ для атрымання няпоўнай і поўнай сярэдняй адукацыі ў сельскай мясцовасці дзейнічалі школы механізацыі. У якасці прыклада можна прывесці Рудкоўскую школу механізацыі ў Хойніцкім раёне, якая працавала пры машынна-трактарнай станцыі. Яе задачай была хуткая падрыхтоўка кадраў механізатараў [11]. Атрыманне сярэдняй адукацыі сярод работнікаў калгасаў было дастаткова прэстыжным, паколькі тым, хто меў сярэдняю адукацыю, даручаліся самыя адказныя ўчасткі работы. На старонках перыядчынага друку работнікі МТС, саўгасаў і калгасаў

агітавалі чытачоў атрымаўшы сярэдняю адукацыю ісці працаваць на зямлю, пры гэтым указваючы на тое, што працягваць вучыцца можна без адрыву ад працы [10].

Высновы. На працягу 1944–1965 гг. у сельскай мясцовасці БССР адукацыя была распаўсюджана на большую частку насельніцтва. Яна ажыццяўлялася ў вочным і вячэрнім фармаце. Павелічэнне колькасці навучэнцаў і колькасці навучальных устаноў пашыралі магчымасці атрымання адукацыі. Дзяржаўная палітыка ў дачыненні да адукацыі дыктавалася народна-гаспадарчым патрэбамі. Атрымоўваючы няпоўную сярэдняю і сярэдняю адукацыю, сельскія школьнікі адначасова засвойвалі працоўную спецыяльнасць. Цесная сувязь сельскагаспадарчых прадпрыемстваў і школ арыентавала абіраць сельскімі школьнікамі прафесіі ў галіне сельскай гаспадаркі, часткова вызначаючы іх далейшую шлях у жыцці. З іншага боку, атрыманне няпоўнай сярэдняй і сярэдняй адукацыі ў сельскіх школах станавілася асновай, абапіраючыся на якую можна было атрымаць сярэдне-спецыяльную і вышэйшую адукацыю. Такім чынам, дзейнасць сельскіх устаноў адукацыі станавілася пачатковым этапам сацыяльнай мабільнасці сельскага жыхара БССР.

Бібліяграфічны спіс

1. Больш увагі сельскай школе // Настаўніцкая газета. 1954. 24 лютага. С. 1, 2.
2. Ильюшин И. М., Умрейко С. А. Народное образование в Белорусской ССР. Минск: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения БССР, 1961. 437 с.
3. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Минск: Беларусь, 1986. Т. 4: 1945–1955. 551 с.
4. Культурное строительство Белорусской ССР за годы Советской власти: стат. сб. / Центр. стат. упр. при Совете Министров Белорусской ССР; сост. Л. Л. Шевцова. Минск, 1968. 127 с.
5. Лучший путь в ВУЗ // Знамя юности. 1952. 12 марта. С. 3, 4.
6. Минкевич М. Г. Общеобразовательная школа Белорусской ССР на современном этапе: Из опыта работы шк., дошк. и внешк. учреждений. Минск: Нар. асвета, 1978. 125 с.
7. Народное образование в Белорусской ССР: стат. сб. / Центр. стат. упр. Бел. ССР; сост. Г. Ф. Горбей. Минск, 1985. 77 с.
8. Народное образование в БССР / Государственное издательство БССР; сост. П. В. Саевич. 2-е доп. изд. Минск: Ред. полит. лит-ры, 1950. 37 с.
9. Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР: стат. сб. / Центр. стат. упр. Бел. ССР. Минск, 1981. 250 с.
10. Сельская школа і райана // Настаўніцкая газета. 1954. 12 лютага. С. 1, 2.
11. У школе сельскай механізацыі // Калгасная праўда. 1952. 19 лютага. С. 5, 6.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ В ФРГ

Д. В. Саватеева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, darya-kruglova.98@mail.ru*

Статья посвящена отдельным аспектам правового регулирования корпоративного пенсионного страхования в ФРГ с начала 2000-х гг. до 2020 г. На основании документов и опубликованной литературы автор рассматривает функционирование пяти типов схем пенсионного страхования: прямого страхования, пенсионного фонда, пенсионной кассы, фонда поддержки и прямого пособия. В работе освещены проблемы проведения модернизационных мероприятий в системе производственного пенсионного страхования.

Ключевые слова: производственное пенсионное страхование; модернизационные преобразования; ФРГ.

LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF PRODUCTION PENSION INSURANCE IN GERMANY

D. Savatseyeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Belarus, darya-kruglova.98@mail.ru*

The article is devoted to certain aspects of the legal regulation of corporate pension insurance in Germany since the beginning of the 2000s. until 2020. Based on documents and published literature, the author examines the operation of five types of pension insurance schemes: direct insurance, pension fund, retirement fund, support fund and direct benefit. The paper highlights the problems of carrying out modernization measures in the industrial pension insurance system.

Key words: *industrial pension insurance; modernization transformations; Germany.*

Одним из приоритетных направлений социальной политики государств является вопрос пенсионного страхования своих граждан. При его реализации преследуется цель обеспечения материального, политического и социально-культурного положения лиц пенсионного возраста, при котором они могут гарантировать себе достойный уровень жизни. В каждой отдельной взятой стране Европейского Союза сложились свои особенности пенсионного страхования. Не исключением является и Германия с её трёхзвенной системой, состоящей из государственного, частного и производственного (корпоративного) страхования.

В результате проведенных за последние десятилетия модернизационных преобразований в немецком обществе сложилась ситуация, при которой лица, постоянно или временно неактивные в трудовой жизни по причине болезни, ухода за детьми или безработицы, в

старости сталкиваются с проблемами материального обеспечения. В то же время, непрерывно занятое в различных отраслях экономики население ФРГ, меньше подвергнуто риску оказаться за гранью минимального прожиточного минимума в старости. В особенности более уверенно в этом отношении чувствуют себя сотрудники крупных компаний, которые в большей степени охвачены корпоративным страхованием по причине ориентации руководства предприятий на социально-политические цели – корпоративная ответственность и благосостояние сотрудников.

За последние два десятилетия количество человек, охваченных производственным страхованием выросло более чем в 2,1 раза – с 7,75 млн. в 2002 г. до 16,38 млн. человек в 2020 г. (рис. 1).

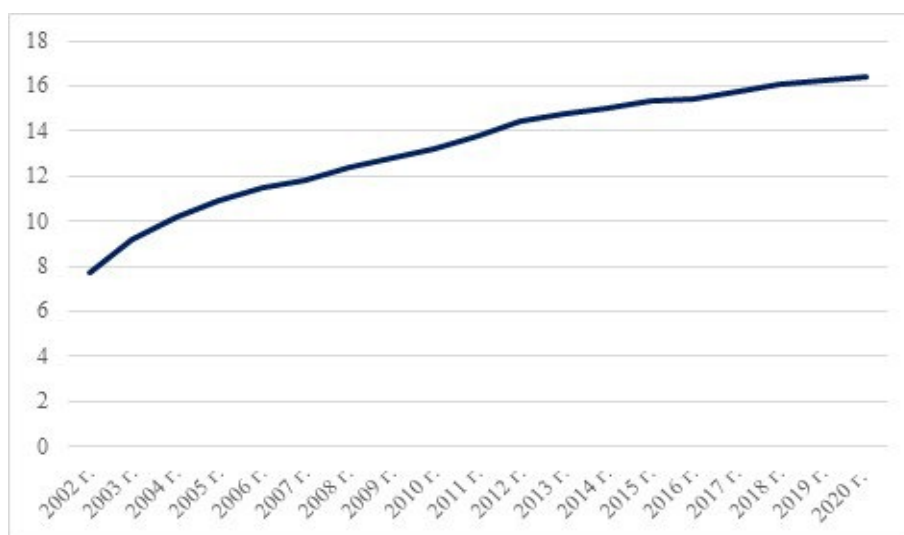

Рис. 1 Количество договоров, заключённых в период с 2002 г. по 2020 г. в корпоративной системе пенсионного страхования (в млн.) [1]

История производственного страхования берёт своё начало ещё с XIII в., когда в горнодобывающей промышленности в Нижней Саксонии зародились его первые признаки. В последующие столетия данная форма социальной защиты рабочих в различных промышленных отраслях становилась всё более распространённой. Начиная с 1870-х гг. производственное пенсионное страхование начало осуществляться в крупных немецких компаниях. С введением в 1889 г. государственного пенсионного страхования [2] производственное не потеряло своей актуальности. Это связано с тем, что государственное страхование предусматривало выплату пенсий по старости после достижения плательщиком 70-тилетнего возраста, в то время как средняя

продолжительность жизни рабочих едва достигала 40 лет [3]. Таким образом, производственное страхование являлось одним из способов обеспечения дополнительных пенсионных выплат как при выходе на пенсию, так и при потере возможности участия в трудовой жизни.

В дальнейшем система пенсионного страхования неоднократно претерпевала определённые изменения. В частности, 19 декабря 1974 г. был принят Закон «Об улучшении производственного обеспечения в старости», согласно которому до настоящего времени осуществляется пенсионное производственное страхование в ФРГ. В соответствии с названным законодательным актом страхование может осуществляться напрямую через работодателя или через конкретные структуры – коммерческие банки, страховые компании и частные пенсионные фонды. В соответствии с пунктами 1–2 первого параграфа вышеупомянутого закона «работодатель обязуется преобразовать определенные взносы в право на получение пособий по старости, инвалидности или в связи с потерей кормильца» [4]. Таким образом, работодатель должен нести ответственность за предоставление денежных средств в вышеперечисленные органы. В свою очередь, право работника на преобразование части его заработной платы в страховую внос регламентируется соответствующим соглашением. Размер производственной пенсии зависит напрямую от стажа трудовой деятельности, который должен составлять как минимум 5 лет, а также от занимаемой должности.

Корпоративное пенсионное страхование делится на два вида в зависимости от сектора, к которому относятся работники (государственный или частный сектора). Одновременно с этим существует пять типов схем, с помощью которых может осуществляться производственное пенсионное страхование: прямое страхование, пенсионный фонд, пенсионная касса, фонд поддержки или прямое пособие. За работодателем остаётся право на выбор схемы, по которой он будет реализовывать страхование. В дополнение к пенсионным пособиям, размер которого не имеет строго определённой суммы, а зависит от вложений, могут быть согласованы пособия по потере кормильца, трудоспособности и т. д.

Прямое страхование представляет собой форму страхования жизни работника, осуществляемую через взносы работодателя, контроль за размерами которых производится государством. В случае банкротства компании защита работников предусмотрена в исключительных случаях

через страховое объединение (форма организации страховых компаний на принципах ассоциации). *Пенсионный фонд* является новым способом реализации страхования, который был введён в 2002 г. Взносы в него также осуществляются работодателем при контроле государства, однако при этом внесённые средства фонд вправе размещать на рынке среднесрочных и долгосрочных ценных бумаг (далее – рынок капитала). Таким образом, в случае банкротства работодателя предусмотрен вариант защищённости работников. Страхование работников через *пенсионные кассы* осуществляется по аналогии с прямым страхованием. Однако в случае банкротства работодателя защита работников через страховое объединение не предусматривается. Участие работодателя в *фонде поддержки* подразумевает уплату страховых взносов. В этом случае фонд не несёт обязательств за внесённый капитал, а работники полностью защищены при банкротстве работодателя. В отличие от вышеперечисленных видов страхования, которые в правовом отношении являются самостоятельными учреждениями по материальному обеспечению, *прямое пособие* является формой, где сам работодатель является гарантом материального обеспечения. Данный вид страхования не подлежит контролю со стороны государства, а в случае банкротства работодатель обязуется выплатить всю сумму пенсионных выплат страховому объединению [5].

Как уже отмечалось ранее, ответственность за организацию и внедрение в компании корпоративного страхования лежит на руководстве предприятий. Следует отметить, что в большинстве случаев его реализация осуществляется в крупных компаниях, поскольку они обладают большим экономическим потенциалом. Благодаря такому виду дополнительного обеспечения после выхода на пенсию, работодатели имеют неоспоримую выгоду – привлечение высококвалифицированных сотрудников, которые заключают долгосрочные договора, а также налоговые льготы и доплаты к взносам. Наёмные работники, в свою очередь, снимают с себя обязательства по оформлению страхового договора и участию в уплате взносов.

В Германии средний трудовой стаж в настоящее время составляет около 38 лет, при том, что средний пенсионный – около 20 лет. Люди старше 65 лет получают более 60 % от своего валового дохода за счёт обязательного пенсионного страхования. Более половины из них в настоящее время участвуют также и в частном страховании для обеспечения достойного существования в старости. В рамках начатой

пенсионной реформы в 2001 г. был принят Закон о «Пенсионных активах» [6], цель которого заключалась в создании частного пенсионного обеспечения для малообеспеченных лиц. С 2002 г. работники, участвующие в системе обязательного пенсионного страхования, получили законодательно закреплённое право на вычет части брутто-зарплаты¹⁶, жалования или выплат на взнос в корпоративное пенсионное страхование [7]. Это называется отложенной компенсацией. Согласно разделу 3 пункту 63 Закона о «Корпоративном пенсионном обеспечении путём преобразования заработной платы», такое реформирование вышеперечисленных выплат не облагается налогом. Это означает, что сумма отсроченной компенсации вычитается непосредственно из валового дохода сотрудника. Отложенная компенсация также не подлежит социальному страхованию, что закреплено в разделе 1, параграфе 1, пункте 9 «Постановлении о вознаграждениях социального страхования» [8]. Следует отметить, что таким образом снижается размер пособий по социальному обеспечению. Обязательства по выплате корпоративной пенсии закреплено в индивидуальных трудовых, корпоративных или коллективных договорах. Право на получение отложенной компенсации с 2018 г. составляет до 7% от взносов в обязательное пенсионное страхование.

Несмотря на все принятые меры, предоставленные налоговые льготы и субсидии со стороны государства, направленные на увеличение доли участников в корпоративном пенсионном страховании, не показали ожидаемых результатов. Это обусловлено структурными изменениями на рынке труда и трудовых отношений, так как количество работников, получающих низкую заработную плату или участвующих в нестандартных трудовых отношениях, с каждым годом увеличивается. Производственное пенсионное страхование не является особым бременем для работодателей даже в соответствии с принятыми законами. Данный вид пенсионного страхования остаётся популярным для работников и работодателей крупных компаний, а для мелкого и среднего бизнеса остаётся целью.

Библиографический список

1. Bestand an Verträgen der betrieblichen Altersversorgung (bAV) in Deutschland von 2002 bis 2020 nach Durchführungsweg [Electronic resource] // De. statista.com. – Mode of access: <http://surl.li/avlkf>. – Date of access: 09. 10. 2021.

¹⁶ Примечание: под брутто-зарплатой подразумевается размер заработной платы до вычетов налогов, страховых сборов и других начислений

2. Gesetz, betreffend die Invaliditäts- und Altersversicherung [Electronic resource] // Inklusion-als-menschenrecht. de. – Mode of access: <http://surl.li/avlkh>. – Date of access: 09. 10. 2021.
3. Ergebnisse aus der laufenden Berechnung von Periodensterbetafeln für Deutschland und die Bundesländer [Electronic resource] // Destatis. de. – Mode of access: <http://surl.li/avlkj>. – Date of access: 09. 10. 2021.
4. Gesetz zur Verbesserung der betrieblichen Altersversorgung (Betriebsrentengesetz - BetrAVG) [Electronic resource] // Gesetze-im-internet. de. – Mode of access: <http://surl.li/avlkm>. – Date of access: 09. 10. 2021.
5. bAV: So funktioniert die betriebliche Altersvorsorge [Electronic resource] // Vlh. de. – Mode of access: <http://surl.li/avlkp>. – Date of access: 10. 10. 2021.
6. Altersvermögensgesetz (AVmG): Private Altersvorsorge - Betriebliche Altersversorgung -Bedarfsorientierte Grundsicherung [Electronic resource] // Schiering. org. – Mode of access: <http://surl.li/avlkq>. – Date of access: 09. 10. 2021.
7. Betriebliche Altersversorgung durch Entgeltumwandlung (§ 39 Abschnitt B TV AL II) [Electronic resource] // Bundesfinanzministerium. de. – Mode of access: <http://surl.li/avlkt>. – Date of access: 11. 10. 2021.
8. Verordnung über die sozialversicherungsrechtliche Beurteilung von Zuwendungen des Arbeitgebers als Arbeitsentgelt (Sozialversicherungsentgeltverordnung - SvEV) [Electronic resource] // Gesetze-im-internet. de. – Mode of access: <http://surl.li/avlkv>. – Date of access: 10. 10. 2021.

АМЕРИКАНО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД БАХРЕЙНСКОГО КРИЗИСА 2011 Г.

Д. Саджади

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dana.sajady@gmail.com*

В статье рассматривается позиция США и Саудовской Аравии в отношении народных волнений в Бахрейне в феврале–марте 2011 г., которые носили мирный демократический характер. Позицию сторон объединяло общее стремление не допустить изменений в расстановке политических сил в арабских монархиях Персидского залива. Для Соединенных Штатов первостепенное значение имело то, что правящая семья в Бахрейне являлась их надежным стратегическим союзником на Ближнем Востоке. Саудовской Аравии исходила из недопущения даже частичной победы шиитской оппозиции в Бахрейне, которую саудовцы рассматривали в качестве проводника влияния шиитского Ирана. Сделан важный вывод о том, что из всех конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке периода «арабской весны», по которым США и Саудовской Аравии приходилось принимать совместные решения, бахрейнский кризис отличался именно тем, что обе стороны действовали согласованно, без противоречий и особых разногласий.

Ключевые слова: США; Саудовская Аравия; Бахрейн; бахрейнский кризис.

AMERICAN-SAUDI RELATIONS DURING THE BAKHRAIN CRISIS 2011

D. Sajadi

*Belarussian State University, Niezaleznasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, dana.sajady@gmail.com*

The article examines the position of the United States and Saudi Arabia regarding the civil unrest in Bahrain in February - March 2011, which were of a peaceful democratic nature. The position of the parties was united by a common desire to prevent changes in the alignment of political forces in the Arab monarchies of the Persian Gulf. It was of paramount importance to the United States that the ruling family in Bahrain was its reliable strategic ally in the Middle East. Saudi Arabia proceeded from preventing even a partial victory of the Shiite opposition in Bahrain, which the Saudis saw as a conduit for the influence of Shiite Iran. An important conclusion was made that of all the conflict situations in the Middle East during the Arab Spring, on which the United States and Saudi Arabia had to make joint decisions, the Bahraini crisis was distinguished precisely by the fact that both sides acted in concert, without contradictions and special disagreements.

Key words: USA; Saudi Arabia; Bahrain; Bahrain crisis.

В 2011 г. в арабском мире прокатилась волна протестов и восстаний, вошедших в историю под названием «арабская весна». Не обошла она стороной и Бахрейн – небольшое государство, расположенное в зоне Персидского залива. Его немногочисленное население (более 1,5 млн человек) на 70 % состоит из шиитов и только на 30 % – из суннитов.

Преимущественно шиитское большинство сильно отличает Бахрейн от арабских государств Персидского залива.

Как и другие монархии этого региона, Бахрейн является членом Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). На его территории расположена военная база Пятого флота ВМС США и средства ПВО, нацеленные на шиитский Иран. Правящая королевская семья Аль-Халифа, представлявшая в религиозном отношении суннитское меньшинство, является «верным союзником США, не идет на конфронтацию с Израилем, органы безопасности этой страны сотрудничают с ЦРУ» [1].

Мирные протесты и волнения, начавшиеся 14 февраля 2011 г., были приурочены к десятой годовщине референдума по Хартии национального действия, принятой в 2001 г. Хартия предоставляла гражданам Бахрейна многие демократические свободы [2], которые постоянно нарушались жестоким подавлением недовольства шиитского большинства и в целом оппозиционных сил.

Первоначально протестующие требовали обновления конституции и создания специального органа для расследования и привлечение к ответственности за экономические, политические и социальные нарушения, включая кражу общественного достояния, аресты, пытки и другие репрессивные меры со стороны власти. Требования протестного движения включали также отставку премьер-министра, большие гражданские свободы, однопалатный избранный законодательный орган, правительство, подотчетное парламенту, а не назначаемое королевским указом, независимую судебную систему, армию и службу безопасности, выражающие волю и интересы народа [3, р. 153–154]. Оппозиция фактически призывала к установлению в Бахрейне конституционной монархии. Этого было более чем достаточно, чтобы вызвать беспокойство не только в правящих кругах Бахрейна, но и монархий Персидского залива и их внешнеполитических покровителей. Ведь разрушение монархического режима в одной стране могло легко перейти в другую.

Суннитские власти Бахрейна оказались не в состоянии справиться с мощным протестным движением, которое с самого начала и до конца носило мирный характер. Король поручил наследнику-принцу провести переговоры со всеми политическими силами страны. Однако шиитская оппозиция отвергла участие принца в урегулировании конфликта. Власти перешли к силовому подавлению протестного движения, используя полицию и армию. Антиправительственные выступления в Бахрейне

оказались в центре внимания наиболее заинтересованных сторон, и прежде всего Соединенных Штатов Америки и Саудовской Аравии.

Спустя три дня после начала событий, когда уже обозначился курс бахрейнских властей на силовое подавление оппозиции и среди протестующих появились первые жертвы, госсекретарь США Х. Клинтон позвонила министру иностранных дел Бахрейна Халиду бен Ахмеду бен Мохаммеду Аль Халифа и рекомендовала руководству страны провести в стране обещанные реформы, избегая насилия в отношении протестующих и решая спорные вопросы мирным путём. Президент Б. Обама отправил в Манаму помощника государственного секретаря по делам Ближнего Востока Дж. Фелтмана в качестве посредника между правящей семьей и шиитской оппозицией [4, р. 378].

Следуя американским рекомендациям, король Бахрейна Хамад бен Иса Аль Халифа отправил в отставку четырех министров и призвал к общенациональному диалогу. 27 февраля 2011 г. Б. Обама приветствовал этот шаг суннитских властей, назвав королевство давним и важным партнером США. Несмотря на принятые меры, протесты не утихали. В марте протестующие призвали к свержению монархии в Бахрейне [5, р. 652], что свидетельствовало о радикализации движения.

В ответ 13 марта 2011 г. власти Бахрейна ввели в стране чрезвычайное положение, а на следующий день в столицу Бахрейна были введены вооруженные силы Саудовской Аравии для подавления движения. Х. Клинтон отмечала в своих мемуарах, что она обращалась к министру иностранных дел Саудовской Аравии с просьбой не прибегать к насилию в отношении протестующих и предоставить специальному посланнику американского президента возможность для урегулирования конфликта и ведения переговоров с лидерами оппозиции. Сауд аль-Фейсал ответил: «Протестующие должны вернуться домой, и только после этого мы сможем договариваться о соглашении», обвинив при этом Иран «в разжигании беспорядков и поддержке экстремистов» [4, р. 379]. В этой связи нельзя не отметить, что специально созданная при правительстве Бахрейна следственная комиссия не нашла «видимой связи между событиями, которые произошли ... и Исламской Республикой Иран» [3, р. 158].

Б. Обама в своих мемуарах следующим образом описывает факт ввода саудовских войск. Когда король Бахрейна Хамад бен Иса Аль Халифа обнаружил, что насилие привело к обратным результатам и лишь усилило остроту положения, он, находясь «в незавидной ситуации,

совершил беспрецедентный шаг, попросив саудовцев и Эмираты помочь ему в установлении контроля над кризисом» [5, p. 652].

Действительно, члены ССАГПЗ внимательно следили за развитием событий в Бахрейне. Они без особых разногласий согласились поддержать королевский режим, используя для этого Объединенные вооруженные силы ССАГПЗ, известные также под названием «Щит полуострова». 14 марта 2011 г. Саудовская Аравия направила в Бахрейн около 1500 военных, большинство из которых были из Саудовской Аравии и Эмиратов. Официальным предлогом для этой военно-политической акции было участие в поддержании безопасности внутри королевства и недопущении иностранного вмешательства [6], под которым, естественно, подразумевалась «рука Ирана». Здесь важно отметить, что решение о вмешательстве во внутренние дела Бахрейна и отправке туда вооруженных сил государства Персидского залива принимали, не проинформировав об этом американскую сторону. Как свидетельствует Х. Клинтон, это было сделано во избежание приостановки данного процесса администрацией президента [4, p. 378–379].

16 марта 2011 г., после того как Жемчужная площадь Манамы была освобождена от протестующих с применением танков и вертолетов, Б. Обама позвонил королям Саудовской Аравии и Бахрейна и призвал их проявлять «максимальную сдержанность», выразил обеспокоенность по поводу насилия в отношении оппозиции [7]. Однако дальше осуждения того, что Абдель Джалиль Халиль, глава оппозиционного блока мусульман-шиитов «Вафак», назвал «войной на уничтожение» [7], Соединенные Штаты не пошли. Демократическое движение в Бахрейне после нанесенного удара пошло на спад.

Впоследствии бывший президент США Б. Обама следующим образом оправдывался, говоря о своей позиции по бахрейнскому кризису в самой горячей его точке: «Несмотря на осуждение насилия в Бахрейне и наши усилия по налаживанию диалога между правительством и лидерами умеренной шиитской оппозиции в Бахрейне, нас критиковали за то, что мы не прерываем отношений с королем Бахрейна по аналогии с нашей позицией в отношении Мубарака. У меня не было иного способа объяснить нашу парадоксальную позицию, кроме как признанием того, что мир полон противоречий. Осуществляя руководство внешней политикой, мне всегда приходилось уравнивать противоречивые интересы, сформированные выбором предыдущих администраций, с требованиями момента. Даже если мне не всегда удавалось отстоять

основные права человека, это не мешало мне делать все, что в моих силах, чтобы сосредоточиться на том, что я считаю нашими высшими ценностями» [5, p. 653].

«Высшие ценности» по-американски, надо полагать, и определяли позицию США по бахрейнскому кризису. Эта позиция основывалась на отказе от смены существовавшего режима в Бахрейне, который являлся важнейшим союзником США на Ближнем Востоке, на боязни так называемой иранской экспансии, на стремлении во что бы то ни стало защищать источники нефти и их стабильное функционирование. Кроме того, подлинное осуждение и недопущение насилия в отношении демократического движения в Бахрейне могло бы привести к провалу коалиции, сформированной коллективным Западом для свержения режима М. Каддафи в Ливии. Эту коалицию, как известно, поддерживали все арабские монархии Персидского залива. Внешняя политика США по бахрейнскому кризису, уравнивавшая американские интересы и ценности с интересами их союзников в регионе, однозначно попадает под определение двойных стандартов.

Что касается Саудовской Аравии, то ее политика в отношении бахрейнского кризиса была более однозначной и прямолинейной. Саудовская Аравия рассматривала шиитские волнения внутри Бахрейна как угрозу своей безопасности, учитывая, что Бахрейн расположен в 20 км от восточного побережья Саудовской Аравии, где находится в основном большинство нефтяных скважин королевства. Кроме того, в этом регионе Саудовской Аравии компактно проживает почти все шиитское население страны. Правящие круги Саудовской Аравии рассматривали бахрейнский кризис как региональный вызов, угрожавший странам Персидского залива, особенно в связи с возможным вмешательством Ирана, который, как они считали, сыграл свою роль в разжигании протестного движения. Все это побудило Саудовскую Аравию инициировать фактическую интервенцию вооруженных сил «Щита полуостров» в Бахрейн под прикрытием мандата ССАГПЗ.

Как справедливо считает египетский исследователь Амана Махмуд Ахмед, Бахрейн, в отличие от Сирии, не стал причиной разногласий между США и Саудовской Аравией [8, с. 167]. Более того, интервенция Саудовской Аравии избавила Вашингтон от затрат, связанных с возможным вмешательством во внутренние дела Бахрейна с целью обеспечения безопасности правящей королевской семьи и предотвращения расширения влияния Ирана в Бахрейне. Вся «работа» в этом направлении

была выполнена монархиями Персидского залива, и прежде всего Саудовской Аравией.

Таким образом, из всех локальных конфликтов на Ближнем Востоке в период президентства Б. Обамы только в период бахрейнского кризиса проявилась наибольшая совместимость и совпадение интересов Саудовской Аравии и Соединенных Штатов Америки, связанных между собой общностью геополитических интересов.

Библиографический список

1. Мехтиев Ф. Бахрейнский кризис: сложное решение для Запада // 1news. az. 2011. 5 мая URL: [https://1news. az/news/20110505043710162-Bakhreinskii-krizis-slozhnoe-reshenie-dlya-Zapada](https://1news.az/news/20110505043710162-Bakhreinskii-krizis-slozhnoe-reshenie-dlya-Zapada). (дата доступа: 29. 10. 2021).
2. Хартия национального действия // Бахрейнский институт политического развития URL: [https://www. bipd. org/images/methaq/Methaq. pdf](https://www.bipd.org/images/methaq/Methaq.pdf) (дата доступа: 29. 10. 2021). (араб. яз.).
3. Zunes S. Bahrain's arrested Revolution // Arab Studies Quarterly. 2013. Vol. 35, № 2. P. 149–164.
4. Clinton H. R. Hard Choices New York: Simon and Schuster, 2014.
5. Barack B. A Promised Land. New York: Crown, 2020.
6. Войска «Щит полуострова» прибывают в Бахрейн в ответ на просьбу Манамы о поддержке // Alarabiya. net (Дубай) URL: [https://www. alarabiya. net/articles/2011%2F03%2F14%2F141506](https://www.alarabiya.net/articles/2011%2F03%2F14%2F141506). (дата доступа: 29. 10. 2021) (араб. яз.).
7. Bahrain: forces 'cleanse' Pearl Roundabout protests // Channel 4. 2011. 16 Mar. URL: [https://www. channel4. com/news/bahraini-forces-clear-symbolic-heart-of-the-uprising](https://www.channel4.com/news/bahraini-forces-clear-symbolic-heart-of-the-uprising) (date of access: 29. 10. 2021).
8. Ахмед А. М. Американо-саудовские отношения в период президента Обамы (2008–2016). Берлин: Демократический арабский центр, 2020. (араб. яз.).

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДОБРУДЖИ В
МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ОТ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ДО СЕНТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА В БОЛГАРИИ
(ИЮНЬ 1941 – СЕНТЯБРЬ 1944 Г.)**

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Болгария, присоединившись в марте 1941 г. к фашистской «оси», сохраняла дипломатические отношения с СССР вплоть до сентября 1944 г. После объявления Болгарией войны Великобритании и США в декабре 1941 г. Вашингтон не признал ее захваты в Греции и Югославии и даже получение Южной Добруджи по Крайовскому соглашению сентября 1940 г. На протяжении всей войны в районе Добруджи сохранялось статус-кво. Однако и союзники по антигитлеровской коалиции, и участники фашистской «оси» учитывали фактор Добруджи в своих геополитических планах. Самую заметную роль он играл в советском послевоенном планировании, а также в болгарско-румынских отношениях. Вступление Красной Армии в Болгарию и победа Сентябрьского (1944) переворота закрепили болгарское владение Южной Добруджей.

Ключевые слова: Южная Добруджа; болгарско-румынский конфликт; политика СССР на Балканах; Болгария в фашистской «оси».

**REGIONAL FACTOR OF DOBRUJA IN INTER-ALLIANCE
RELATIONSHIP FROM THE BEGINNING OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR BEFORE THE SEPTEMBER UPRISING
IN BULGARIA (JUNE 1941 – SEPTEMBER 1944)**

A. P. Salkov

*Belarussian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, anatsalkov@mail.ru*

Bulgaria, having joined the fascist «axis» in March 1941, maintained diplomatic relations with the USSR until September 1944. After Bulgaria declared war on Great Britain and the United States in December 1941, Washington did not recognize its seizures in Greece and Yugoslavia and even the receipt of the South Dobrudzha under the Craiova agreement of September 1940. Throughout the war, the status quo remained in the Dobrudzha area. However, both the allies in the anti-Hitler coalition and the members of the fascist «axis» took into account the Dobrudzha factor in their geopolitical plans. He played the most prominent role in Soviet post-war planning, as well as in Bulgarian-Romanian relations. The entry of the Red Army into Bulgaria and the victory of the September (1944) uprising consolidated the Bulgarian possession of Southern Dobrudzha.

Key words: Southern Dobruja; Bulgarian-Romanian conflict; USSR policy in the Balkans; Bulgaria in the fascist «axis».

По условиям Нейиского мира с Болгарией от 27 ноября 1919 г. Южная Добруджа отошла к Румынии, которая стала владеть всем краем. В

его южной части зрел глубокий кризис, усугубленный соперничеством великих держав на Балканах и интересами Коминтерна в крае [1, с. 138–151]. Добруджанский вопрос, хотя и был проблемой второго плана, стал фактором балканского узла противоречий. Салоникское соглашение Болгарии с Балканской Антантой 31 июля 1938 г., отменившее военные ограничения Нёйи, не разрешило болгаро-румынского спора. СССР с весны 1939 г. начал менять свои балканские приоритеты и проявлять интерес к Болгарии. Правые круги Софии были в восторге от советско-германский пакт 23 августа 1939 г., так как рассчитывали на советское содействие «в положительном разрешении вопроса о Добрудже» [2, с. 79–84].

С началом Второй мировой войны София объявила нейтралитет. Однако уже 17 сентября в стране с ликованием было встречено известие о переходе Красной Армией польской границы. Это усилило надежды Болгарии добиться Южной Добруджи с помощью и Москвы, и Берлина, но в ноябре она уклонилась от заключения с СССР договора о дружбе. С апреля 1940 г. началась подготовка возврата Южной Добруджи. На фоне военного краха Франции (22 июня) и территориальных потерь Румынии – Бессарабии и Северной Буковины в пользу СССР (28 июня), Северной Трансильвании в пользу Венгрии (30 августа) – проходили болгаро-румынские переговоры по проблеме Южной Добруджи в Крайове (19 августа – 7 сентября). Они привели к возврату Болгарии края (7,7 тыс. кв. км с населением 378 тыс. человек). Удовлетворенная именно Германией, Болгария попадала в полную зависимость от нее. Советские попытки обеспечить свое влияние в Болгарии (визит В. М. Молотова в Берлин 12–13 ноября с установкой – Болгария «главный вопрос переговоров», миссия А. А. Соболева в Софии 25 ноября с предложением договора о взаимопомощи) оказались тщетными. Южная Добруджа сыграла роль компенсации за блоковую ориентацию Болгарии, которая 1 марта 1941 г. присоединилась к фашистской «оси» [3, с. 231–236].

Отметим, что этническая ситуация в Южной Добрудже с ее переходом к Румынии кардинально изменилась в пользу румын. В 1912 г. их было в крае только 6 тыс. (2,3 % населения), а в 1940 г. 86 тыс. (21 %). Доля же болгар уменьшилась, но была значительной – в 1912 г. 122 тыс. (43 %), в 1940 г. 152 тыс. человек (37 %). Одновременно с Крайовским соглашением об уступке края Болгарии от 7 сентября было подписано соглашение об обязательном обмене населением. Обмен (14 сентября – 14 декабря 1940) отличался обоюдными манипуляциями этничностью

населения края. Румыны эвакуировали более 60 тыс. болгар из Северной Добруджи, приняв в ответ 104 тыс. румын из Южной. На этом обмен прекратился, хотя в каждой из стран оставалось по 7–8 тыс. «чужих». В условиях растущей напряженности болгары привели на границу с Румынией толпы «этнических румын», предназначенных к выдворению. Румыны ответили тем же – толпами «этнических болгар», подготовленных к эвакуации. Этих людей какое-то время перемещали в декабрьские холода вдоль линии границы, пока власти в Бухаресте и Софии не разрешили им разойтись по домам. 11 апреля 1941 г. был подписан дополнительный протокол, по которому прошел новый обмен в Добрудже (15 мая – 10 июня 1941 г.), но лишь части иноэтничного населения. Из Северной Добруджи было эвакуировано 3,1 тыс. болгар, из Южной – 3,7 тыс. румын. При этом румынская сторона считала сочувствие и человечность признаками «восточной отсталости и сентиментальности», требуя в ходе обмена жесткости и бескомпромиссности [4, с. 66, 135–144].

В условиях начавшейся 22 июня 1941 г. советско-германской войны в Добрудже на протяжении трех лет сохранялось статус-кво. Проблема края обыгрывалась в дипломатических сферах обоих воюющих блоков. После объявления Софией войны Англии и США 13 декабря 1941 г. Вашингтон включил Болгарию в перечень стран-агрессоров и не признал не только ее захваты в Греции и Югославии, но и получение Южной Добруджи, считая, что Болгария действовала силой [5, с. 431]. Американское генконсульство в Стамбуле в ноябре 1942 г. сделало для госсекретаря США К. Хэлла обзор событий времен Крайовы. По образному выражению, Добруджа «упала как зрелое яблоко в болгарские руки». На нее все смотрели как на «германский подарок Болгарии, но подарок, который и без того по праву ей принадлежал». В донесении Американского колледжа в Софии генконсулу США в Стамбуле в октябре 1943 г. сообщалось об утверждениях болгарской коммунистической пропаганды, что Болгария нуждается в общей границе с СССР в устье Дуная, для чего должна получить всю Добруджу. В донесениях Управления стратегической службы США в мае 1944 г. о болгарской части, перешедшей на сторону югославских партизан, сообщалось о единодушном заявлении болгар, что они «сражались за Добруджу и Фракию» и включают эти провинции в понятие «болгарская территория» [6, с. 93, 165, 256–257].

Болгария и Румыния вынуждены были находить взаимопонимание. Так, Крайовское соглашение, помимо проведенного обязательного обмена населением, предусматривало по взаимному согласию и добровольный.

Идея такового дважды проваливалась – летом 1941 г. и летом 1942 г., так как обе стороны считали ее уловкой для себя. Наконец 1 апреля 1943 г. было подписано соглашение, действие которого дважды отсрочивалось и тоже провалилось. Ход войны убеждал людей оставаться на месте [4, с. 371–374].

Бухарест продолжал искать пути реализации своих задач. Румынский посол в Софии Г. Каранфил в апреле 1943 г. предпринял вояж по югославским территориям, аннексированным Болгарией, с целью показать свою заинтересованность в македонской проблеме [8, р. 221–223]. София в августе предприняла через своего посланника в Швейцарии Г. Кьосейванова зондаж позиции США о признании приобретений Болгарии в Македонии и Фракии в случае ее возможного выхода из войны. Ответ был резок: «не признаем ничего, кроме, может быть, части Южной Добруджи» [9, с. 594].

Внезапная смерть царя Бориса III 28 августа 1943 г. сразу после визита к А. Гитлеру привела к сумятице в стане союзников. В письме британского посла в СССР А. Керра В. М. Молотову 18 сентября запрашивалась любая информация не только о кончине монарха, но и о развитии политической ситуации в Болгарии. Керр даже сообщал, что с большим интересом прочел статью «господина Димитрова» в «Правде» за 16 сентября [10, л. 1].

Тегеранская конференция предредишила открытие второго фронта в Северной Франции и, как следствие, освобождение Балкан Красной Армией. Регент Болгарии Богдан Филев занес в дневник 30 января 1944 г. сообщение Радио Лондона. Из него следовало, что глава болгарского правительства (с сентября 1943 по июнь 1944 г.) Д. Божилев просил советского полпреда в Софии А. А. Лаврищева ходатайствовать перед союзниками о прекращении бомбардировок. Твердый ответ полпреда сводился к тому, что Москва готова к этому при условии вывода болгарских оккупационных войск из Югославии и Греции [9, с. 659]. Англо-американские союзники, реализуя свои задачи, произвели 10 массированных бомбардировок болгарских городов в период с ноября 1943 по апрель 1944 г., нанеся Болгарии крупный урон. Четыре налета 450 бомбардировщиков в марте 1944 г. превратили Софию в «мертвый город». Этот факт до сих пор является предметом научных и общественных оценок, фактором болгарской политики памяти [11, р. 136–140].

В советских программах послевоенного устройства Добруджа упоминалась редко. В справке о Румынии Отдела балканских стран НКВД

(датирована 1943 г.) говорилось о ее претензиях на потерянную в 1940 г. Южную Добруджу. Особое значение Румыния придавала дунайскому порту Силистре и черноморскому – Балчику. Серьезных исторических аргументов на владение краем у Румынии не было, а этнические были сомнительными. Румынская статистика писала о 37 % болгар в населении Южной Добруджи, болгарская – лишь о 2 % румын. Главную роль играл экономический фактор – край располагал 453 тыс. га плодороднейших обрабатываемых площадей [12, л. 13–14]. Масштабная записка зам. наркома иностранных дел И. М. Майского по вопросам будущего мира и послевоенного устройства от 10 января 1944 г. указывала, что вопрос о границе между Болгарией и Румынией «должен быть разрешен в соответствии с интересами СССР» [13, с. 333, 343].

В апреле 1944 г. Лондон посетил госсекретарь США Э. Стеттиниус, обсуждавший послевоенное устройство. В меморандуме о положении Болгарии был поставлен ряд вопросов: будет ли Москва настаивать на «расширении и укреплении» Болгарии, возродятся ли ее претензии на Северную Добруджу. Упоминалось и Крайовское соглашение, установившее «довольно хорошую границу, которую и румыны, и болгары будут рады сохранить». Фактор Северной Добруджи учитывался и в Берлине. Начальник I (агентурного) управления ГРУ генерал-майор И. А. Большаков 10 апреля направил заведующему Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Георгию Димитрову информацию. В ней сообщалось, что болгарским регентам, которые были вызваны в Зальцбург на встречу с А. Гитлером, было предъявлено требование подготовить армию для вступления в Северную Добруджу «в случае попытки Румынии выйти из войны» [7, с. 81, 87].

В США разрабатывались условия капитуляции Болгарии. В июле 1944 г. американский посол в Лондоне Д. Уайнант представил в Европейскую консультативную комиссию свой проект. В числе максимальных уступок для Болгарии значилось, что союзники «будут готовы использовать свое влияние в пользу сохранения» за ней Южной Добруджи. В аппаратной справке НКВД СССР от 26 августа эти условия признавались приемлемыми. При этом была сделана оговорка: Болгария обязуется лишь после изгнания немецких войск отозвать свои войска из всех районов, которые не входили в ее территорию на 1 января 1941 г., «за исключением Добруджи» [7, с. 97–98, 110].

К лету 1944 г. советско-болгарские отношения ухудшились. Москва выдвинула требования прекратить использование немцами болгарских

портов, восстановить советское консульство в Варне, открыть новые – в Добруджанских городах Русе и Бургасе. От этих требований болгарские власти уклонились [14, с. 344–345]. Министр иностранных дел Болгарии (с июня по сентябрь 1944 г.) П. Драганов заговорил о дружбе, а 30 июля дал согласие на открытие советского консульства в Варне с районом действия в Русе и Бургасе [15, с. 444–447]. 26 августа София даже потребовала вывода из страны германских войск, что последними было проигнорировано.

Болгарский посол в Москве И. Стаменов имел в это время регулярные встречи с В. М. Молотовым. Он сообщал из Москвы о заявлении Отдела печати НКВД «Положение в Болгарии», критическом отношении Москвы к объявленному болгарскому нейтралитету, публикации «Правды» с обвинениями Болгарии в фактическом пособничестве Германии [16, с. 403–411]. Между тем, советский закордонный агент НКГБ доносил 29 августа, что англо-американцы будут настаивать на своем участии в оккупации Болгарии, так как «подозрительно относятся к намерению СССР использовать Болгарию в качестве «доступного инструмента» в своей политике на Балканах». Однако заключал: «...не следует думать, что Англия обязательно воспользуется правом оккупировать Болгарию» [17, с. 205–206].

В первых числах сентября при участии заместителя Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР маршала Г. К. Жукова и главкома ВМФ адмирала флота Н. Г. Кузнецова был срочно разработан план боевой операции по вступлению в Болгарию. Части 3-го Украинского фронта должны были овладеть приморскими районами Южной Добруджи, портами Варна и Бургас. Продвижение в западную часть страны и вступление в Софию не предусматривалось [14, с. 346–347].

После объявления Советским Союзом 5 сентября 1944 г. войны Болгарии выяснилось, что благоприятное мнение Москвы о присоединении Южной Добруджи не изменилось. Вместе с тем, ГлавПУРККА располагал информацией об отношении населения края к фашистскому режиму и скорому приходу Красной Армии. Был сформулирован вывод, что южнодобруджанцы принадлежат к наиболее консервативному слою болгарского общества. Именно из них были укомплектованы болгарские оккупационные войска в Югославии. Партизанское движение в крае не получило развития, при общей

численности партизан в Болгарии в 25 тыс. бойцов, «в Добрудже действовало едва ли 250 человек» [18, с. 18–19].

Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Ф. И. Толбухин докладывал в Ставку, что его войска 8 сентября перешли «новую болгаро-румынскую границу [граница Крайовского соглашения. – А. С.]» и без сопротивления освободили южнодобруджанские города и дунайские порты – Русе, Добрич, Балчик, Силистру, Тутракан. Операция «Болгария» заняла 34 часа [19, с. 101, 103]. Кабинет К. Муравиева (премьер-министр и министр иностранных дел с 2 по 9 сентября 1944 г.) уведомил, что Болгария с 18 часов 8 сентября находится в состоянии войны с Германией [15, с. 561].

Коалиционный Отечественный фронт в ночь на 9 сентября 1944 г. совершил государственный переворот и пришел к власти. Занятие советскими войсками Южной Добруджи, как первой болгарской территории, позволило политорганам сделать реальные оценки об отношении местного населения. В информации ГлавПУРККА от 30 сентября сообщалось, что болгарское население края относится к Красной Армии настороженно, считая, что «немцы сделали для них благое дело», присоединив к Болгарии, и опасалось «как бы Красная Армия не пересмотрела вновь этот вопрос» [19, с. 115]. Ментальные особенности более резко проявились в румынской Северной Добрудже. С приходом советских войск здесь началось подпольное антикоммунистическое сопротивление, поскольку условий для партизанского движения не было – местные горы не имели лесного покрова. Оно отличалось участием этнических меньшинств – по румынской фразеологии «турко-татар», что могло означать исламизированных болгар и гагаузов, а также собственно татар. Однако судебные приговоры выносились за национализм и шпионаж в пользу западных стран [20, р. 12–13].

Численность частей Красной Армии в Болгарии к концу 1944 г. достигла 600 тыс. человек, на содержание которых шли огромные средства, а истребование их советской стороной было неумолимо, что привело, в том числе и в регионе Южной Добруджи, к насильственным эксцессам. Это даже вызвало просьбу Г. Димитрова о их прекращении, адресованную И. В. Сталину и В. М. Молотову [21, с. 122–125]. Сходные явления имели место и в Северной Добрудже. Советское военное командование согласно жалобам румынских инстанций вмешивалось во внутреннюю политику региона, замещая румынскую власть [22, р. 47]. Тем не менее, СССР в совершенно разных международных

обстоятельствах конца 1930-х – конца 1940-х гг., исходя из различных целей и установок, неизменно поддерживал Болгарию в ее стремлении к получению и удержанию Южной Добруджи [23, с. 528–530].

Библиографический список

1. Сальков А. П. Проблема Южной Добруджи от Нёйи до Мюнхена: версальский диктат, политика Коминтерна в крае, положение в румынском Кадрилатере (ноябрь 1918 – сентябрь 1938) // Российско-Австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VII. Ставрополь : изд-во СКФУ, 2019. С. 138–151.

2. Сальков А. П. Болгарско-румынский конфликт вокруг Южной Добруджи от Мюнхена до начала Второй мировой войны (сентябрь 1938 – сентябрь 1939 г.): советский и европейский внешнеполитический формат // Пічэтаўскія чытанні – 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі XX – пачатку XXI ст. Да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта БДУ : матэр. міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23–24 кастр. 2019 г. Мінск : БДУ, 2019. С. 79–84.

3. Сальков А. П. Международная и региональная проблема Южной Добруджи от начала Второй мировой войны до Крайовского соглашения (сентябрь 1939 – сентябрь 1940 г.) // Пичетовские чтения – 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом : матер. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 октября 2020 г. Минск : БГУ, 2020. С. 231–236.

4. Солонарь В. А. Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944). СПб.: Нестор-История, 2020. 456 с.

5. Волокитина Т. В. Болгарский вопрос и союзники по антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 425–451.

6. България своенравният съюзник на Третия райх. Сб. док. / Витка Тошкова [и др.] (съст.). София : Изд. «Св. Георги Победоносец», 1992. 362 с.

7. Великите сили и България 1944–1947 г. Документи: в 2 т. София : Изд. «Проф. Марин Дринов», 2014–2018. Т. 1: Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари – октомври 1944 г.) / Луиза Ревякина, Витка Тошкова, Татьяна Волокитина (съст.). 2014. 442 с.

8. Calafeteanu Cătălin. România și «Micile Puteri» vecine (1940–1944). București : Enciclopedică, 2011. 291 p.

9. Филов Богдан. Дневник. София : Изд. на Отечествения фронт, 1990. 813 с.

10. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 74 (Референтура по Болгарии). Оп. 25. П. 14. Д. 5.

11. Gigova Irina. Sofia was bombed? Bulgaria's Forgotten War with Allies // History and Memory. Vol. 23. No. 2 (Fall/Winter 2011). P. 132–171.

12. АВПРФ. Ф. 125 (Референтура по Румынии). Оп. 25. П. 23. Д. 2.

13. СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики РФ: в 4 т. / Г. П. Кынин, Й. Лауфер, А. М. Филитов (сост.). М.: Междунар. отношения, 1996–2012. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. 1996. 784 с.

14. Волокитина Т. В. За кулисами военной операции «Болгария» (сентябрь 1944 г.) // Феномен мировых войн в истории XX века. Материалы Всерос. науч.-теор. конф. (Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж: Научная книга, 2017. С. 344–351.

15. Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война: дневници на Министерството на външните работи в правителствата на Георги Кьосеиванов, проф. Богдан Филов, Добри Божилов, Иван Багрянов, Констатин Муравиев. Сборник / Цочо Билярски, Иванка Гезенко (съст.). София: ИК Синева, 2006. 590 с.
16. Докладва «Наследник»? Донесенията на българския пълномощен министър в СССР Иван Стаменов (1940–1944): в 2 т. / Петя Димитрова, Манчо Веков (съст.). София: Гутенберг, 2010. Т. 2. 428 с.
17. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док.: в 8 т. / В. П. Ямпольский (автор-сост.) [и др.]. М.: Книга и бизнес: Кучково поле, 1995–. Т. 5. Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). 2007. 896 с.
18. България непризнатият противник на Третия райх. Сб. док. / Витка Тошкова [и др.] (съст.). София: изд. «Св. Георги Победоносец», 1995. 295 с.
19. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Док. и матер. Т. 14-3 (2) / А. Д. Ефремов (авт.-сост.) [и др.]. М.: Терра, 2000. 688 с.
20. Cojoc Marian. Studiu introductiv // Rezistența armată din Dobrogea, 1945–1960: colecția documente / Marian Cojoc (ed.). București: Institutul national pentru studiul totalitarismului, 2004. P. 11–29.
21. Ангелов Веселин. Третата национална катастрофа: Съветската окупация в България (1944–1947). София: Анико, 2005. 354 с.
22. Soviet Occupation of Romania, Hungary and Austria, 1944/45–1948/49 [Documentary collection] / Csaba Békés, László Borhi, Peter Ruggenthaler, Ottmar Trașcă (ed.). Budapest ; New York : Central European University Press, 2015. 380 p.
23. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. 743 с.

РЕВОЛЮЦИЯ КНИГОПЕЧАТНИКОВ И ИСТОРИКОВ: К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Д. С. Самохвалов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, dzsarea.com@tut. by*

Технология печати подвижным шрифтом, изобретенная Иоганном Гутенбергом, была важным, но не единственным фактором возникновения публичных периодических изданий конца XVI – начала XVII в. Вторым фактором была трансформация исторических жанров в эпоху Ренессанса. Гуманистическое историописание с помощью новых форматов печати вытеснило средневековые хроники из историографии. Но адаптация хроник к изданию посредством печати привела к появлению первых газет.

Ключевые слова: историография, книгопечатание, периодические издания, Ренессанс, средства массовой информации, хроники.

A REVOLUTION BY BOOK PRINTERS AND HISTORIANS: THE ORIGINS OF MASS MEDIA

D. Samakhvalau

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Ave 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
dzsarea.com@tut. by*

Printing with movable type introduced by Johannes Gutenberg was an important but not the only element that caused the uprise of European print media in the late 16th – early 17th centuries. Transformation of historical genres and displacement of medieval chronicles by humanistic writings during the Renaissance became the second constituting element of the uprise. Attempts to adapt chronicles to print publications resulted with the first public periodic news bulletins.

Key words: historiography, book printing, periodical bulletins, Renaissance, mass media, chronicles.

Несмотря на то, что средства массовой информации играют важную роль в современной жизни, у историков нет единого сложившегося мнения об их происхождении. Известно лишь то, что первыми средствами массовой информации были публичные периодические издания, появившиеся в Европе в конце XVI – начале XVII в. Историки находят консенсус в том, что их появлению предшествовало изобретение и распространение печати. Но было ли это достаточным для рождения прессы?

Технологию печати с подвижным шрифтом действительно можно считать революционным изменением в распространении и накоплении информации после изобретения письменности. Написание и переписывание от руки на дорогих носителях требовало значительных

усилий. Книги в форме свитков либо кодексов представляли собой уникальные артефакты. В средневековые многие хронисты жаловались на трудности в поиске трудов предшественников, были вынуждены сравнивать тексты одного и того же произведения в манускриптах, так как переписчики могли вносить изменения в оригинал. Книгопечатание на бумаге позволяло копировать идентичные по внешнему виду и внутреннему содержанию тексты, причем это делало издания относительно дешевыми.

Печать была не просто средством, но и сама стимулировала социальные изменения. Исследуя связь между распространением Реформации и наличием типографий в пределах Священной Римской империи и соседних регионов Франции и Польши, современный историк экономики Дж. Рубин обнаружил прямую корреляцию близости печатных центров, количеством изданных ими книг, грамотностью и переходом местного населения в протестантизм. «Города в пределах 10 миль от печатного пресса имели на 57,4% больше шансов принять Реформацию к 1600 году», – пишет он [12, с. 273]. Причем, в городах, где книгопечатание возникло до обострения религиозной борьбы, показатель грамотности и перехода в протестантизм был выше, чем там, где основывались новые типографии.

В европейских странах имя первопечатника долгое время оставалось спорным. Лишь в XIX в. удалось установить, что им был Иоганн Гутенберг (около 1400–1468 гг.), ювелир из Майнца. Именно он изобрел ручной типографский станок, литеры из легкого металлического сплава на основе свинца, печать масляными красками, утвердил формы и впервые в Европе напечатал книгу. Однако за несколько столетий до него печать подвижными литерами уже была известна в Китае. В 1040 г. ремесленник Би Шэн представил станок с подвижными литерами из фарфора. В 1313 г. чиновник и изобретатель Ван Чжэнь (1290–1333) описал более совершенный деревянный подвижный тип. С конца XV в. в Китае и Корее также широко применяли бронзовые подвижные формы [10]. Потребности общества в этих странах мало отличались от европейских, поэтому печатные издания там широко использовались для полемики. В них раньше возникли печатная реклама и печатные бюллетени для информирования чиновников на местах о новых законах и договорах, но публичные новостные издания отсутствовали.

Первые европейские периодические издания формировались в эпоху доминирования рукописной традиции, причем оставались зависимыми от

нее гораздо дольше, чем книги, поскольку рукописные газеты порой оказывались более оперативными и более привлекательными для богатых требовательных подписчиков. Печатные бюллетени заимствовали формат рукописных изданий. Привычный сегодня газетный формат ин-фолио появился лишь в 1618 г. [6, с. 15–32] Тем не менее, после основания Иоганном Каролусом периодического бюллетеня в Страсбурге в сентябре 1605 г. новостные издания, напечатанные в типографиях, приобрели большую популярность. К концу XVII в. они публиковались почти во всех странах Европы, а также в некоторых колониях.

Перечисленные выше факты должны убедить нас в том, что печать являлась ключевым, но не единственным фактором появления средств массовой информации. Следует предположить, что в европейских странах имелся фактор, неизвестный в Китае, соединение которого с технологией печати способствовало рождению публичных периодических изданий. Тобиас Пейцер, автор первой диссертации «О новостных сообщениях», посвященной прессе и защищенной 8 марта 1690 г. в Лейпцигском университете, считал, что это была история [5]. Он отмечал, что образованнейшие люди систематизировали исторические события, а люди со средним образованием, подражая им, стали составлять схожие произведения на основе писем придворных и торговцев, а также отчетов. Т. Пейцер не привел никаких доводов в пользу высказанной им мысли. Возможно, она была очевидной в XVII в., но нуждается в доказательстве в наше время.

Повествования о прошлом издревле существовали у разных народов. С появлением письма они стали фиксироваться на материальных носителях. При этом формы и причины фиксации были различными. Они трансформировались в определенные традиции, поддерживавшиеся интеллектуалами на протяжении веков. Так, в Китае Сыма Цянь создал в I в. до н. э. энциклопедическую традицию, в которой хронологическое перечисление событий связывало разрозненные трактаты. Европейская традиция, заложенная «Историей» Геродота в V в. до н. э., была литературной и исследовательской. Античный писатель Лукиан из Самосаты (II в.) определял ее цель в обнаружении истины [3, с. 84]. Вместе с тем, характеризуя древнегреческую историческую мысль, Р. Дж. Коллингвуд отмечает, что она была сосредоточена на относительно недавних событиях [2, с. 28].

Понимание истории как описания наблюдаемых событий было присуще и средневековью. В частности, Исидор из Севильи (около 560–

636 гг.) отделил собственно историю от анналов – событий прошлых поколений [1, с. 65], хотя и история, и анналы для него являлись частями одного исторического типа повествования. В своем рассмотрении хроник высокого средневековья британский медиевист М. Хоум останавливается на феномене восприятия хронистами прошлого как отражения настоящего. «Современные события не просто служили толчком для создания текстов, – пишет он, – все события, прошлые или настоящие, рассматривались как часть грандиозной схемы вещей, которая наделялась смыслом через написание истории» [9, с. 21]. Хроники как форма исторического повествования зародились в Византии в раннее средневековье и уже до конца XII в. стали основным историческим жанром во всех европейских странах. Они были удобны для постоянного учета событий, позволяли включать в себя произведения других жанров, составлять своды, компилировать и таким образом сохранять единство «грандиозной схемы».

В XIV в. началась эпоха Ренессанса, которая непосредственно повлияла на историографию. Ренессансные мыслители считали историю гуманистической дисциплиной, внимательно относились к отбору и критике источников. Их увлечение античностью привело к интересу к далекому прошлому. Для них не прошлое отражало настоящее, а настоящее сохраняло в себе прошлое. По меткому замечанию П. Финдлен, они принадлежали к обществу, для которого материальный мир был хранилищем древних воспоминаний [8, с. 99]. Впрочем, с возникновением ренессансной литературы средневековый подход к написанию истории никуда не исчез. Они продолжали сосуществовать вместе на протяжении нескольких столетий. При этом трудно определить, какому виду историописания на самом деле отдавали предпочтение современники.

Что же стало причиной того, что гуманистическая историография в конце концов вытеснила средневековую? Вполне возможно, что в этом виновато книгопечатание. Дело в том, что историки-гуманисты писали законченные сочинения. Для печатников наиболее удобным оказалось использование бумажных листов ин-квадро, которые вшивались внутрь обложки. Возможность вшивания новых листов была ограниченной, поэтому печать монументальных работ наподобие хроник, требующих продолжения, было затруднительным. Следовательно, распространение печатных изданий поддерживало авторов, применявших новые подходы к написанию произведений, а вместе с ними – новые взгляды на историю.

Некоторые авторы хроник XVI в. пытались приспособиться к сложившимся обстоятельствам. Одним из немногочисленных примеров распространения этого жанра через печать были «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, впервые опубликованные в 1577 г. на 742 листах. Хотя издание имело явный коммерческий успех и в результате оказало значительное влияние на английскую культуру, оно потребовало 46 лет предварительной подготовки, совместного труда многих людей и отступления от средневековых традиций описания [11]. В немалой степени его популярность определялась современными по тем временам картами и красочными иллюстрациями. Вполне возможно, что провал второго издания 1587 г. объясняется тем, что для сокращения расходов публикаторы отказались от печати гравюр.

Более успешным в деле распространения хроник посредством печати оказался немецкий католический богослов и генеолог Михаэль фон Айцинг. В 1583–1586 гг. он издал несколько «Исторических сообщений» в форме коротких хроник, посвященных недавним событиям религиозных войн [7, с. 113]. Хроники печатались на отдельных листах, были снабжены иллюстрациями, распространялись через почту и ярмарки. Позже его опыт был заимствован как католиками, так и протестантами. Хроники трансформировались в прообраз современных газет и дали начало периодическим бюллетеням XVII в. Таким образом, в основе социальной революции нового времени, которую породили средства массовой информации, создав общественное мнение, стояли не только печатники, но и историки.

Сложная система взаимного влияния европейской печати и историописания более чем четырехсотлетней давности вполне актуальна и в наши дни, когда благодаря цифровым технологиям вновь происходят значительные изменения в процессе коммуникаций. На смену бумажным печатным изданиям приходят электронные, еще более доступные и еще более дешевые. Однако мы, подобно людям эпохи начала книгопечатания, не сразу демонстрируем готовность к переменам. Известно, что до начала XVI в. книгопечатники зависели от традиций эпохи манускриптов в расположении текста на странице и выборе шрифтов [4, с. 28]. Современные программы для электронных публикаций предлагают неограниченное пространство для составителей и пользователей документов, то есть в некотором смысле возвращают нас в эпоху свитков. Но при редактировании и тем более чтении мы предпочитаем более привычное отображение в виде страниц. Чаще всего размер этих страниц

не фиксирован. Расположение на нем текста и количество знаков зависит от размеров экрана и желания пользователя. Тем не менее, создатели стандартов, влияющих на цитирование, ориентированы на печатный формат ин-квадро с точным указанием страниц. Вот почему научные работы продолжают публиковаться в электронном виде преимущественно в формате PDF или подобных ему форматах, предназначенных для представления полиграфической продукции.

Решение указанной проблемы со временем позволит авторам научных, технических и литературных работ изначально быть нацеленными на форматы, предлагаемые программами для электронных публикаций. В этой связи можно ожидать и изменений в традициях написания. Например, возвращения жанров, требующих продолжения, в том числе исчезнувших из историографии хроник. Но будут ли современные историки столь же прогрессивно настроены, как их далекие предшественники, чтобы идти в авангарде перемен?

Библиографический список

1. Исидор Севильский. Этимологии или начала. В XX книгах. Кн. I–III: Семь свободных искусств. СПб.: Евразия, 2006.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
3. Лукиан Самосатский. Сочинения. Том II. СПб.: Алетейя, 2001.
4. Шартье, Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.
5. Atwood R., de Beer A. The Roots of Academic News Research: Tobias Peucer's «De relationibus novellis» (1690) // *Journalism Studies*, 2001. Vol. 2. No 4. P. 485–496.
6. Der Weduwen A. Dutch and Flemish Newspapers of the Seventeenth Century, 1618–1700. Vol. 1. Leiden: Brill, 2017.
7. Detering N. Krise und Kontinent: Die Entstehung der deutschen Europa-Literatur in der Frühen Neuzeit. Köln, Weimar, Wein: Böhlau Verlag, 2017.
8. Findlen P. Historical Thought in the Renaissance // *A Companion to Western Historical Thought*. Hoboken: Blackwell Publishers, 2002. P. 99–120.
9. Home M. The Peterborough Version of the Anglo-Saxon Chronicle: Rewriting Post-conquest History. Woodbridge: The Boydell Press, 2015.
10. Hummel A. Movable Type Printing in China: A Brief Survey // *Quarterly Journal of Current Acquisitions*, 1944. Vol. 1. No 2. P. 18–24.
11. Pratt A., Kastan D. Printers, Publishers and the Chronicles as Artefact // *The Oxford Handbook of Holinshed's Chronicles*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 21–42.
12. Rubin J. Printing and Protestants: An Empirical Test of the Role of Printing in the Reformation // *Review of Economics and Statistics*, 2014. Vol. 96. No 2. P. 270–286.

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

С. О. Сидорова

*Белорусский государственный университет физической культуры,
пр-т. Победителей, 105, 220020, г. Минск, Беларусь, лана0415@mail.ru*

В статье рассматривается организация и проведение перлюстрации на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Просмотр частной корреспонденции представлял собой важный инструмент в осуществлении контроля общественного мнения и выявления антиправительственных настроений среди населения Российской империи. Автор статьи рассматривает легальность данной деятельности, а также цели и задачи осуществления перлюстрации. Проанализирована роль почтово-телеграфных служащих в проведении перлюстрации в учреждениях связи в указанный период времени.

Ключевые слова: перлюстрация; корреспонденция; общественное мнение; революционные настроения; почтово-телеграфные чиновники.

PERLUSTRATION OF CORRESPONDENCE AS A METHOD FOR IDENTIFYING REVOLUTIONARY MOOD IN THE TERRITORY OF BELARUSIN THE SECOND HALF OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY

S. O. Sidorova

*Belarusian State University of Physical Culture,
Pobeditelei Avenue, 105, 220020, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: S. O. Sidorova (лана0415@mail.ru)*

The article discusses the organization and implementation of perlustration on the territory of Belarus in the second half of the 19th - early 20th centuries. Viewing private correspondence was an important tool in monitoring public opinion and detecting anti-government sentiments among the population of the Russian Empire. The author of the article examines the legality of this activity, as well as the goals and objectives of the implementation of perlustration. The role of the postal and telegraph employees in carrying out the review in communication establishments in the specified period is analyze.

Key words: perlustration, correspondence; public opinion; revolutionary sentiments; postal and telegraph officials.

Важным методом контроля борьбы с антиправительственной деятельностью организаций и частных лиц в условиях кризисных явлений политического строя и роста революционных настроений в обществе во второй половине XIX – начале XX в. была перлюстрация. В Российской империи существовало два вида цензурной деятельности: официальная, которая была представлена особым учреждением под названием «Цензура

иностранных газет и журналов при почтамте», и неофициальная, представленная перлюстрацией. Истории перлюстрации, а также развитию деятельности «черных кабинетов» в Российской империи посвящены работы в первую очередь таких исследователей, как М. А. Измозик, З. И. Перегудова, В. С. Смыкалин и др. [3; 4; 6]. Тем не менее перлюстрация на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. не стала предметом отдельного исследования.

Определение понятия перлюстрации представлено в Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона. В соответствии с ним «перлюстрация – это тайное вскрытие на почте корреспонденции частных лиц, считающихся подозрительными в каком-либо отношении» [1, с. 328–329]. Однако перлюстрационная деятельность во второй половине XIX – начале XX в. – это не просто тайное вскрытие частной корреспонденции, а прежде всего контроль общественного мнения, предотвращение политических преступлений и борьба с революционным движением.

Правительство Российской империи всегда отрицало факт существования перлюстрации. Во многом это было связано с тем, что вскрытие частной корреспонденции противоречило правилам Всемирного почтового союза, к которому присоединилась Российская империя. В соответствии с чем, работа перлюстрационных пунктов держалась государством в строжайшей тайне. Официально правительство гарантировало неприкосновенность почтовой и телеграфной корреспонденции. Ряд статей Уложения о наказании уголовных и исправительных 1885 г. предусматривали наказание за нарушение Почтового устава. Так, согласно ст. 1104 «почтовый чиновник или служитель, распечатавший, хотя бы из одного только любопытства, отданное для отправления с почтою или полученное по почте письмо, адресованное на имя другого лица, подвергается за сие удалению от должности. Буде же сие учинено им для сообщения содержания письма кому-либо другому, то приговаривается к заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев» [2, с. 424].

«Черные кабинеты» или, другими словами, перлюстрационные пункты были организованы при отделах цензуры иностранных газет и журналов. В начале XIX в. правительство планировало организовать работу перлюстрационных пунктов в белорусских губерниях, однако часто это становилось невозможным из-за нехватки специально обученных чиновников, способных качественно выполнять

перлюстрационную деятельность. Как отмечает В. С. Измозик, в Минской конторе «особый чиновник» «по слабости здоровья испросил увольнение от службы», а другого чиновника на его должность найти не смогли [3, с. 71].

В 1882 г. на территории Российской империи действовало восемь перлюстрационных пунктов, однако на территории белорусских губерний только один – в Вильно. Точные сведения о существовании других отдельных перлюстрационных пунктов на территории Беларуси второй половине XIX – начале XX в. отсутствуют. Проверка корреспонденции в «черных кабинетах» осуществлялась по двум спискам, в которых указывались фамилии и адреса лиц, чья переписка подлежала проверке и копированию. Один список был составлен Особым отделом Департамента полиции, а второй министром внутренних дел. Не просматривалась только корреспонденция императора, министра внутренних дел и филерская переписка [4, с. 277].

В соответствии с тайным указом от 1891 г., подписанным Александром III, разрешалось раскрывать любую корреспонденцию, если у полицейских чиновников возникали хотя бы малейшие подозрения относительно отправителя, получателя или самого отправления. В связи с чем подозрительную корреспонденцию могли досматривать в любом крупном почтово-телеграфном учреждении. Служащие учреждений связи, проводившие досмотр, были обязаны молчать о своей деятельности под угрозой увольнения. Правительство не желало, чтобы секретные материалы попали в руки революционных деятелей, поэтому в случае необходимости вся информация о существовании перлюстрации в учреждениях связи должна была быть немедленно уничтожена. Согласно данному распоряжению служба перлюстрации просуществовала вплоть до Февральской революции.

В докладе о перлюстрации от 1895 г., который был подан министром внутренних дел Николаю II, отмечалось, что в обязанность перлюстрационных пунктов входило в том числе «задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоправительственного и революционного содержания ... и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России» [8, с. 246]. На основании архивных сведений, в учреждениях белорусских губерний задерживались открытые письма с приглашениями к эмиграции в Америку, корреспонденция антиправительственного содержания из

Константинопля, Лондона, Нью-Йорка, рекламные листы аферистов из Вены, а также открытые карточки, на которых были изображения оскорбительного характера, «затрагивающие честь и достоинство адресата» [5, л. 1, 4, 6, 10, 12, 21; 6, л. 299].

Рост политической активности и революционных настроений в обществе, а также увеличение объемов внутренней и международной корреспонденции требовали расширения штата перлюстрационных пунктов. В связи с тем, что во многих городах белорусских губерний не было своих перлюстрационных пунктов, вскрытием подозрительной частной корреспонденции занимались служащие крупных почтово-телеграфных контор. Возросший объем работы в начале XX в. привел к необходимости привлекать прежде всего особо надежных почтово-телеграфных чиновников [7, с. 56].

С развитием почтово-телеграфных операций и интенсификацией процесса переписки совершенствовалась сама система перлюстрации и организация данной деятельности. Почтово-телеграфные чиновники, которые осуществляли разбор и сортировку корреспонденции, производили их тщательный осмотр. Особое внимание уделялось корреспонденции, предназначенной для людей, имеющих большое влияние на общественное мнение: деятелей науки и культуры, и др. Ценностью данного метода являлось то, что сведения, полученные из письма, могли быть единственным вещественным доказательством антиправительственной деятельности отправителя или указать на его единомышленников.

Пристальное внимание почтово-телеграфные чиновники уделяли досмотру иностранной корреспонденции. Вскрыть ценные бандероли и письма можно было только в присутствии самих адресатов, в остальных случаях было достаточно присутствие начальника учреждения связи. При необходимости корреспонденцию могли проверить жандармы, но при наличии соответствующего распоряжения и присутствии чиновника учреждения связи [8, с. 98]. В случае, если были обнаружены какие-либо запрещенные изображения, подписи оскорбительного характера и т. д., они должны были их уничтожить или арестовать. Также запрещалось пропагандировать переезд в другие страны, реализацию негосударственных лотерейных билетов и разного рода рекламные объявления иностранных государств. Вся изъятая или уничтоженная в процессе перлюстрации корреспонденция заносилась в специальные

списки, которые ежемесячно подавали начальнику почтово-телеграфного округа [6, л. 4–6; 9, л. 77].

Однако, как показала практика, отсутствие общего легального правового регулирования перлюстрации приводило к определенным сложностям в организации данной деятельности. В свою очередь, это приводило к возникновению так называемой «инициативной» или неофициальной перлюстрации. В. С. Измозик отмечает несколько причин для ее появления. Прежде всего, она была связана с любопытством служащих почтово-телеграфных учреждений, которые занимались вскрытием и просмотром писем исходя из личных интересов. Немаловажное значение имело желание местных властей и руководства учреждений связи перехватить информацию относительно жалоб своих подчиненных или местного населения. Поэтому часто письма, адресованные вышестоящему руководству или императору, задерживались и уничтожались. Происходила «инициативная» перлюстрация по разным причинам. Еще одной причиной такой неофициальной перлюстрации стало желание жандармских офицеров на местах отличиться в борьбе с антиправительственными настроениями и в выявлении революционно настроенных граждан [8, с. 244; 3, с. 169–170]. Так как такого рода перлюстрация была выгодна многим представителям местной власти, то зачастую губернаторы, руководители жандармских управлений и другие привлекали к сотрудничеству начальников местных почтово-телеграфных контор для просмотра корреспонденции своих возможных конкурентов, «неблагонадежных» и подозрительных лиц.

В декабре 1909 г. начальник Особого отдела Департамента полиции А. М. Еремин направил письма начальникам Виленского, Иркутского, Ковенского, Минского, Могилевского, Саратовского, Томского губернских жандармских управлений и Екатеринославского охранного отделения с просьбой сообщить о политической благонадежности руководителей почтовых учреждений и оказании ими секретных услуг органам политического сыска. В ответ на это письмо начальники губернских жандармских управлений на территории белорусских губерний сообщали, что от руководителя Виленского почтово-телеграфного округа Л. К. Даниловича «получались полезные для политического розыска сведения», а начальник Могилевской почтово-телеграфной конторы Н. И. Блинов, «человек безусловно правого направления», «охотно оказывает» все мелкие услуги. Также «почти во всех пунктах губернии, представляющих розыскной интерес», имелись

почтово-телеграфные служащие, которые поставляли необходимые сведения. Начальник Минской почтово-телеграфной конторы Т. И. Кравчук и подчиненные ему чиновники также занимались доставкой секретных сведений в губернское жандармское управление [3, с. 173–174].

Таким образом, в первую очередь во второй половине XIX – начале XX в. целью перлюстрации стало отслеживание антиправительственных настроений. Правительству было необходимо контролировать общественное мнение для предотвращения революционных выступлений. В связи с тем, что на территории Беларуси не всегда были организованы отдельные «черные кабинеты», перлюстрацией повсеместно занимались почтово-телеграфные служащие крупных учреждений связи. Особенностью развития данной деятельности являлось то, что в рассматриваемый период времени просмотр частной корреспонденции не только не имел четкой регламентации правовых актов, но и официально находился вне закона.

Библиографический список

1. Яновский А. Е. Перлюстрация // Энциклопедический словарь [в 86 т.] / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. А. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб., 1898. Т. 23 (45). С. 328–329.
2. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 796 с.
3. Измозик, В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации, XVIII – начало XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 693.
4. Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.
5. Дело по предписаниям ГУПТ от 5. 11. 1894 г. о порядке проверки корреспонденции из-за границы // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 448. Оп. 1. Д. 4; НИАБ. Фонд 448. Оп. 1. Д. 7.
6. Смыкалин А. С. Перлюстрация почтовой корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М.: Юстиция : RuScience, 2016. 264 с.
7. Гончарова Е. А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96–102.
8. Колотков М. Б. Просмотр частной корреспонденции в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: организационно-правовые основы и роль в борьбе с террором // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 243–249.
9. Переписка с начальниками почтово-телеграфных учреждений о шифровке переводных телеграмм (1912–1913) // НИАБ. Ф. 448. Оп. 1. Д. 35.

СКАУТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БРЕСТСКОЙ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

V. V. Sinchuk

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
slav.sinchuk@yandex.ru*

В статье рассматривается процесс появления и развития скаутского движения. На примере деятельности скаутской организации Брестской русской гимназии анализируется деятельность русских скаутов в межвоенный период.

Ключевые слова: скаут; скаутинг; бой-скауты; герл-гайды; герл-скауты.

SCOUT ORGANIZATION OF THE BREST RUSSIAN GYMNASIUM IN THE INTERWAR PERIOD

V. V. Sinchuk

*Belarusian State University
Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
Corresponding author: V. V. Sinchuk (slav.sinchuk@yandex.ru)*

The process of the emergence and development of the scout movement is considered in the article. Russian Scouts' activity in the interwar period is analyzed on the example of the activities of the scout organization of the Brest Russian Gymnasium.

Key words: scout; scouting; boy scouts; girl guides; girl scouts.

Изучение деятельности детско-юношеских общественных организаций и объединений в учреждениях образования представляет определённый научный интерес и имеет практическую значимость. Деятельность этих организаций направлена на формирование гармонично развитой личности и способствует процессу социализации молодого поколения. Изучение данной темы позволяет дать более объективную характеристику общественно-политической жизни в межвоенный период, представляет интерес в качестве примера практического осуществления воспитательной работы в учебных заведениях.

В начале XX в. большую популярность получил скаутинг. Скаут (англ. scout) означает разведчик, исследователь природы, жизни [1, с. 4]. Скаутское движение организовал в 1907 г. в Великобритании сэр Роберт Стивенсон Смит Баден-Пауэлл. В этом году он создал первый лагерь на острове Браунси для 20 мальчиков из разных социальных слоев, на базе которого разрабатывалась методика скаутинга, его атрибутика (законы, девиз, форма, галстук и т. д.) [8, с. 272].

В 1908 г. была опубликована книга Р. Баден-Пауэлла «Scouting for Boys» («Скаутинг для мальчиков»), в которой изложены основные

принципы нового метода воспитания детей [8, с. 272]. Эта работа стала популярной во всем мире. Первый отряд бойскаутов (скаутов-мальчиков) был организован в предместье Лондона Гампстеде. За короткий период времени скаутские отряды появляются по всей стране. Вскоре для управления движением скаутов в Великобритании был создан центральный штаб во главе Р. Баден-Пауэллом [2, с. 42].

В 1910 г. королевская хартия объявила Ассоциацию Бойскаутов государственной организацией, в этом же году в Великобритании жена Р. Баден-Пауэлла – Агнесса Смит Баден-Пауэлл – создала, «параллельно» бойскаутам (скаутам-мальчикам), организацию девочек-скаутов («герл-гайдов», «герл-скаутов»). В 1928 г. была создана Всемирная ассоциация герл-гайдов и герл-скаутов, штаб-квартира, которой разместилась в Лондоне [6, с. 10].

Скаутские организации создавались не только в Великобритании, но и во многих странах Европы, Америки, Азии и Африки. Разворачивается всемирное скаутское движение, которое впервые организационно оформилось в 1922 г. на международной скаутской конференции в Париже. Тогда во Франции была создана Всемирная организация скаутского движения, объединившая национальные скаутские организации. Исполнительными органами организации стали Всемирный скаутский комитет и Всемирное скаутское бюро. На конференции была принята Конституция Всемирной организации скаутского движения, инструкции по руководству отрядов и дружин [6, с. 9]. К этому времени оформились организационная структура скаутской организации и ступени роста скаутов.

Всемирной организации скаутского движения подчинялись национальные скаутские организации, которые были разделены на отряды или на группы. Скауты проходили шесть ступеней роста: скаут третьей ступени, скаут второй ступени, скаут первой ступени, скауты «Звезды» и высшая ступень «Орлов-скаутов». Самых младших скаутов в Бельгии называли «бобрами», в других странах Европы – «волчатами» и «птенчиками». Скаутов, которые уже окончили учебное заведение, но продолжали участвовать в жизни отряда, назывались ровер-скаутами. Возраст ровер-скаутов не ограничивался – при условии, что они работали со скаутской молодёжью. Перейти с низшей на высшую ступень можно было только после сдачи советующих экзаменов, которые подтверждали достижение скаутом определённого уровня знаний, умений и навыков.

Путь от скаута, который только начинает свое скаутское воспитание, до «Орла-скаута» продолжался в среднем 14 лет [1, с. 56].

В России первый отряд скаутов был создан 30 апреля 1909 г. в г. Павловске под Петербургом. Его основателем стал гвардейский офицер штабс-капитан Олег Иванович Пантюхов [2, с. 42]. Наиболее интенсивно скаутское движение стало развиваться в годы Первой мировой войны. Скауты помогали раненым, беженцам, занимались благотворительностью, работали на общественных огородах. 26–30 декабря 1915 г. состоялся Первый Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом. Разрозненная практика местных организаций была скоординирована, они были объединены в единую организацию Российских юных разведчиков. В ходе съезда был разработан устав российской скаутской организации, инструкции по руководству отрядов и дружин, выбраны руководящие органы, определена организационная структура и символика русского скаутизма [2, с. 43].

После Октябрьской революции скаутское движение начинает распадаться. В 1922 г. после образования Всероссийского пионерского движения имени Спартака часть скаутских организаций преобразовываются в пионерские. Оставшиеся со временем были запрещены. В апреле 1926 г. ОГПУ при СНК СССР произвело массовые аресты скаутов. К 1927 г. скаутские организации в СССР были окончательно разгромлены. Однако некоторым руководителям и скаутам удалось эмигрировать за границу, и русские скаутские организации продолжили свою работу в среде русской «белой» эмиграции [5, с. 4].

11 ноября 1920 г. О. И. Пантюхов объявил об объединении всех зарубежных русских скаутских организаций в одну единую – Организацию русских скаутов за границей. Спустя два года он стал её главой – Старшим русским скаутом за рубежом. В 1922 г. русские скауты во главе с О. И. Пантюховым вошли в Славянский союз скаутов и гайд [6, с. 13]. В это время русские скаутские организации возникли в целом ряде стран, в том числе и в Польше. Они существовали почти во всех городах этой страны, где были русские гимназии или школы, – в Варшаве, Вильне, Ровно, Бресте, Пинске, Белостоке и др. Общее руководство русскими скаутскими организациями в Польше осуществлял представитель Старшего Русского Скаута за рубежом. Такими представителями в разное время были: полковник Л. Ф. Плещов, инженер Б. Н. Егоров, бывший брестский скаут Н. М. Седляревич [7, с. 101].

Одна из первых организаций русских скаутов в Польше возникла при Брестской русской гимназии в конце 1921/22 учебного года по инициативе учеников 2-го класса. В этом же году начальником нового отряда К. Е. Князевым и его помощником Н. Н. Егоровым при содействии польского скаута Ковальского (имя, отчество не известны – автор) было получено разрешение со стороны Союза польских скаутов на право деятельности с осуществлением работы на русском языке [3, л. 89]. После этого отряд русских скаутов в Бресте вошёл в состав Польского скаутского союза. Однако вмешательство этого союза в русскую скаутскую жизнь в Бресте было довольно мягким. Вся деятельность организации (собрания, занятия, программа работы, использование русского языка, отправление православных религиозных обрядов, а также переписка с руководством Русских скаутских организаций) не подвергалась никаким ограничениям. Скаутская форма и скаутский значок также были русского образца. Однако экзамены на разряды выше второго и Торжественное обещание полагалось сдавать при польском центре [7, с. 104].

24 июня 1922 г. начальник Полесского отдела Союза польских скаутов ксёндз Ф. Щербицкий официально открыл первое организационное собрание отряда. Обязанности старшего друга отряда скаутов взял на себя преподаватель физики и математики П. А. Зленко [3, л. 89]. 23 апреля 1923 г. после молебна святому Георгию Победоносцу, покровителю всех скаутов, при стечении народа и многочисленных гостях капелланом скаутской организации К. Зноско было освящено знамя отряда. Крёстными знамени были директор гимназии Т. К. Лось и преподаватель Е. И. Чечёт [3, л. 89]. В 1922/23 учебном году отряд был разбит на четыре патруля – ласточек, иволг, воронов, ястребов. Кроме того, был создан суд чести и совет отряда. В дальнейшем организационная структура отряда продолжала расширяться. Так, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. при Брестской русской гимназии были созданы отряды «волчат» и «птенчиков» для детей от 7 до 12 лет [9, с. 170].

В 1923 г. при гимназии был организован женский скаутский отряд («герль-гайд»), который шесть лет проявлял слабую активность. Информация о деятельности отряда весьма фрагментарна. Известно, что после закрытия русской гимназии в Варшаве в 1929 г. несколько её воспитанников приехали в Брест, чтобы закончить обучение. Среди них были герль-гайды, которые активно включились в работу женского отряда. Начальником отряда стала Нина Петрушина, переехавшая из

Варшавы, а опекуном – А. А. Егорова, преподаватель математики. Отряд стал пополняться новыми членами и развивать активную работу среди молодёжи.

В 1920-ые гг. скаутское движение расширило своё влияние среди гимназистов. Так, если в 1921/22 учебном году в скаутскую организацию Брестской русской гимназии входило 19 человек, то в 1924/25 – 72. Позже организация разделилась на два отряда [3, л. 89–90]. В 1931/32 учебном году русская скаутская организация в Бресте состояла из четырёх отрядов и одного звена: отряд бойскаутов (около 30-ти человек), женский отряд герль-гайд (также около 30-ти человек), отряд «волчат» (около 20-ти мальчиков) отряд «птенчиков» (около 20-ти девочек) и звена роверскаутов, человек 10 [7, с. 103]. Таким образом, в начале 1930-х гг. скаутская организация Брестской русской гимназии охватывала свыше ста человек детского и юношеского возраста при общем среднем количестве учеников гимназии более 300 человек.

В основе системы воспитания скаутов был метод самоорганизации, содействия развитию личности посредством «обучения через дело». Одним из важнейших направлений деятельности скаутов была постоянная практика военной подготовки и активной деятельности на природе: многодневных походов, экскурсий, разведок. Так, уже летом 1922 г. скауты Брестской русской гимназии прошли подготовку военному строю, получили первые сведения по организации походов. Была устроена одна ночная и три дневных экскурсии. Во время всего дальнейшего периода деятельности организации именно походам, разведкам и экскурсиям уделялось большое внимание [3, л. 89].

Другим важнейшим направлением «Обучения через дело», была реализация конкретных проектов, развивающих программ. Так, в начале 1923/24 учебного года скауты занялись выпиливанием по дереву. Во время «Недели скаута» отряд Брестской русской гимназии стал лучшим и получил похвальный отзыв за наибольшее число экспонатов на выставке скаутских работ. В начале 1927/28 учебного года в отряде был образован патруль фотографов. Этот патруль принимал участие как в скаутской, так и гимназической жизни. Просуществовал два года, а затем был преобразован в Кружок любителей-фотографов при гимназии. В 1928/29 учебном году отряд организовал при гимназии лавочку пищебумажных принадлежностей и продажу учебников, которая функционировала 2 года [3, л. 90]. Отряд издавал журнал «Будь готов» [3, л. 89].

Особое место в скаутской системе занимала религиозное воспитание. Члены русской скаутской организации в Бресте во время больших православных праздников принимали участие в торжественных службах, крестных ходах, а также несли службу охраны порядка. В день св. Георгия Победоносца все отряды со знаменем Дружины отправлялись строем в Братскую церковь, где служился молебен, после которого во дворе гимназии происходил «парад» в присутствии родителей и представителя скаутского округа [3, л. 90].

Ещё одним направлением деятельности скаутских отрядов Брестской русской гимназии была благотворительность. В частности, скауты организовывали вечера художественной самодеятельности, на которых производился сбор средств в пользу не только скаутских отрядов, но и малоимущих учащихся гимназии. Брестские скауты принимали всегда деятельное участие во всех организуемых Русским Благотворительным обществом благотворительных акциях (таких, как «Красное яичко» на Пасху, посещение одиноких русских), во всех национальных русских празднествах – «День Русской культуры», «День непримиримости» и др. [4, л. 1–7].

Отряд Брестской гимназии принимал активное участие в общепольском и международном скаутском движении. Например, на слет Союза польских скаутов в Варшаве 3–10 июля 1924 г. отряд делегировал 10 человек во главе с начальником отряда В. И. Янчуком и скаутом 2-го разряда Н. Н. Егоровым [3, л. 90]. В мае 1924 г. 13 скаутов были в двухнедельном лагере около Дубицы. В 1928 г. два руководителя Брестского отряда проходили курс подготовки руководителей скаутских игр в Варшаве. Летом фото-патруль в составе 7-ми человек участвовал на всепольском слете в Познани. В 1931 г. два брестских русских скаута были на всеславянском скаутском слете в Праге и два – в лагере Брестского отдела Союза польских скаутов в селении «Окопы Святой Троицы», на польско-советской-румынской границе. Кроме этого брестские скауты поддерживали связь с русскими скаутскими организациями Зарубежья [7, с. 105].

Скаутская организация в Брестской русской гимназии функционировала до 1939 г. и была ликвидирована советской властью. Большинство руководителей организации и тех гимназистов, кто в какое-либо время участвовал в скаутском движении, подверглись репрессиям.

Таким, образом скаутская организация Брестской русской гимназии просуществовала с 1922 по 1939 гг. Это была традиционно русская

скаутская организация, которая, с одной стороны, подчинялась руководству Организации русских скаутов за границей, а с другой, – организационно входила в состав Союза польских скаутов. Находясь на стыке двух систем ей удалось вобрать в себя многие лучшие воспитательные традиции того периода и стать самой популярной ученической организацией русской гимназии в Бресте.

Библиографический список

1. Акімаў В. Р. Спадарожнік скаўта: [даведачнае выданне]. Мінск: Мінсктыппраект, 1993. 110 с.
2. Бустубаева А. В. История становления и развития детских организаций на Южном Урале (1918–1941 гг.): дис. ... канд. ист. 07. 00. 02. Уфа, 2000. 221 с.
3. Государственного архива Брестской области (ГАБО). Ф. 114. Оп. 1. Д. 2. Отчет о деятельности Холмского отдела Русского благотворительного общества; протоколы заседаний русских общественных организаций.
4. ГАБО. Ф. 114. Описание 1. Дело 5. Кассовая книга Русского благотворительного общества с 1924 по 1928 гг.
5. Логинов С. П. Скаутинг как молодежное движение добровольцев: история и современность // Научный вестник Крыма. 2018 г. № 6 (17). С. 1–6.
6. Лозка А. Беларускі скаўтынг. Мінск: Польша, 1997. 188 с.
7. Монтвилов М. В. Русская гимназия в Бресте на Буге, 1919–1939. Минск: Ним–Брест–Минск, 1996. 158 с.
8. Рожков А. Ю. «Держать линию на ликвидацию...»: страницы истории английской воспитательной системы на Юге России (1917–1926) // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сб. науч. ст. по итогам Всеросс. науч. конфер. с междунар. участ. / отв. ред. А. Н. Еремеева; редкол. И. И. Горлова и др. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. С. 272.
9. Самосюк Н. В. Особенности воспитания в среде русской общественности в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения: сб. науч. статей [по материалам междунар. науч.-практ. конф., 25 октября 2018 г., г. Витебск]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. С. 169–172.

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В БЕЛАРУСИ (1861–1914)

А. И. Сенько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, senkoAI@bsu.by*

В статье рассматривается проблема детской смертности во второй половине XIX – начале XX в., акцент делается на уровень смертности младенцев до 1 года. Изучение изменений уровня детской смертности позволяет охарактеризовать направленность социально-демографического развития белорусского общества, оценить степень вовлеченности белорусского общества в процессы демографического перехода и формирование современного типа воспроизводства населения.

Ключевые слова: детская смертность; воспроизводство населения; белорусские губернии; социально-демографические процессы.

INFANT MORTALITY IN BELARUS (1861–1914)

A. I. Senko

*Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, senkoAI@bsu.by*

The article examines the issue of infant mortality in the second half of the XIX – the beginning of the XX century. The author draws particular attention to the infant mortality rate under the age of 1. The research of infant mortality rates changes allows us to define the tendency of the socio-demographic development of the Belarusian society, estimate the degree of involvement of Belarusian society in the processes of demographic transition and the development of the modern type of population reproduction.

Key words: infant mortality; reproduction of population; Belarusian governorates; socio-demographic processes.

Изучение механизмов воспроизводства населения имеет ключевое значение для понимания процессов социально-демографического развития общества. В свою очередь, уровень смертности населения является одним из показателей, определяющих тип воспроизводства населения, динамику численности и возрастной состав населения. Для белорусского общества второй половины XIX – начала XX в. характерны трансформационные изменения, связанные в том числе и с демографической модернизацией общества. Демографические изменения охватывали процессы снижения уровней смертности и рождаемости, которые выразились в формировании современного типа воспроизводства населения, оказали влияние на социальное развитие общества, матримониальные показатели населения, брачно-семейные отношения, социальные и моральные нормы, миграционное поведение людей.

Социально-демографические изменения в белорусском обществе второй половины XIX – начала XX в. связаны с началом демографического перехода, главным результатом которого является переход общества от традиционного уровня его развития к современному. Демографический переход начинается с изменений в уровне смертности населения, вторая его фаза сопровождается изменениями в уровне рождаемости [4, с. 163–164].

Особое значение при изучении смертности населения имеет детская, или младенческая, смертность, т. к. ее показатели в сравнении с населением других возрастных групп являются наиболее высокими, в частности – уровень смертности детей в возрасте до 1 года. Чем больше в населении детей до 1 года, тем при прочих равных условиях выше общий коэффициент смертности [3, с. 97].

Проблема детской смертности в дореволюционный период рассматривалась С. Новосельским [10], В. Никитенко [9], Н. Экком [20] и др. Исследователи дореволюционного периода в своих работах делали упор на сбор и первичную систематизацию количественных данных. По мере углубления понимания процессов воспроизводства населения, зарождения в середине XX в. теории демографического перехода появляются аналитические работы советских исследователей А. Вишневого [4], А. Рашина [14], М. Птухи [13] и др. В современной историографии отдельные аспекты проблемы воспроизводства населения находят отражение в работах А. Кохановского [6], Е. Насытко [8], В. Носевича [11], российских исследователей Б. Миронова [7], А. Авдеева [1]. Однако завершеного рассмотрения в историографии проблема детской смертности и процессов воспроизводства населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. не получила.

Основными источниками для изучения статистики детской смертности служат данные статистических комитетов городов и уездов, сформированные в том числе на основе сведений духовных лиц, которые передавались в Центральный статистический комитет. Ежегодные публикации статистических сборников («Статистический временник» [17], «Статистика Российской империи» [16]) Центрального статистического комитета позволяют рассмотреть динамику естественного движения населения Беларуси. Отдельные аналитические данные о причинах детской смертности и методах, способствующих ее снижению, содержатся в отчетах уездных и губернских врачей [12].

Демографические показатели (смертность, рождаемость, брачность) принято отображать в промилле (‰), однако ввиду высокого коэффициента детской смертности в сравнении с другими коэффициентами воспроизводства населения чаще всего детскую смертность выражают в процентах (%) [3, с. 98].

Материалы Центрального статистического комитета о младенческой смертности в Европейской части Российской империи до 5 лет за 1867–1881 гг. указывают на исключительно высокие показатели детской смертности, однако процентное соотношение умерших младенцев к родившимся на территории белорусских губерний оказывается существенно ниже в сравнении с другими губерниями Европейской России. Так, среднее значение умерших младенцев в возрасте до 1 года к родившимся в Европейской России за период 1867–1881 гг. составляло 27,1% [17, с. 3]. Процентное соотношение умерших младенцев от рождения до 1 года к родившимся в Виленской губернии составляло 12,5%, в Витебской губернии – 16,3%. Подобные показатели наблюдались в Гродненской губернии – 16,8%; в Могилевской губернии – 17,9%, в Минской – 15,3% [17, с. 4]. Для сравнения, данные показатели в Московской губернии составляют 40,6%; в Смоленской – 31,0%, в Санкт-Петербургской – 34,5%; Псковской губернии – 39,6%, Орловской – 30,2%, Черниговской – 21,1% [17, с. 4].

Губернии, находившиеся западнее белорусских, отличались низкой младенческой смертностью в сравнении со средними показателями Европейской части Российской империи. Соотношение умерших детей до 1 года к рожденным в Волынской и Подольской губерниях составляло 16,9%, в Ковенской губернии – 15,5%, в Курляндской – 16,6%, в Лифляндской – 21,0% [17, с. 4].

Анализируя те же данные Центрального Статистического Комитета о смертности детей в возрасте до 5 лет за период 1867–1881 гг., необходимо отметить, что самые высокие показатели смертности детей белорусских губерний наблюдаются в возрастной категории от 6 месяцев до 2 лет. К примеру, в Виленской губернии процентное соотношение умерших младенцев к родившимся в возрасте от 6 месяцев до 1 года составляло 5,2% для мальчиков и 4,5% для девочек; в возрасте от 1 года до 2 лет – 7,1% для мальчиков и 6,7% для девочек. В возрасте же от 4 до 5 лет данный показатель снижается до 2,4% у мальчиков и 2,1% у девочек. Подобная ситуация характерна и для четырех других белорусских губерний. В Витебской губернии соотношение умерших детей к

родившимся в возрасте от 1 года до 2 лет для мальчиков составляло 7,6%, для девочек – 6,5%; в Минской губернии – 6,9% и 6,6%, в Могилевской губернии – 6,6% и 6,5%, в Гродненской губернии – 7,8% и 7,7% соответственно. В возрасте же от 4 до 5 лет показатели снижаются до 1,8% для обоих полов в Витебской губернии; до 2,5% для мальчиков и 2,7% для девочек в Гродненской губернии; соответственно до 2,1% и 1,8% в Минской губернии, до 1,6% и 1,7% в Могилевской губернии [17, с. 17].

Исходя из представленных данных, уровень смертности мальчиков в возрасте до 1 года выше уровня смертности девочек. Советский исследователь М. Птуха объяснял данное явление тем, что в Российской империи в конце XIX в. в среднем на 100 девочек рождалось 104–106 мальчиков, однако интенсивность смертности на 1 году жизни указывает на большую уязвимость мальчиков в отношении жизнеспособности. Жизнеспособность мальчиков и девочек к 10 годам постепенно выравнивается и составляет лишь незначительную разницу (от 0,07 % до 0,13 %) в пользу девочек [13, с. 204–207].

В доказательство данного утверждения следует привести данные годового отчета о состоянии Гродненской губернии за 1866 г. Число умерших детей в возрасте до 1 года от общего числа умерших среди православного населения составляло 24,5 % (13,1 % умерших мальчиков и 11,4% девочек). Число умерших детей в возрасте от 1 до 5 лет от общего числа умерших среди православного населения составляло 31,1 % (15,7 % мальчиков и 15,4 % девочек). Для сравнения в возрастной категории населения 15–20 лет смертность составляла лишь 2, 1% от общего числа умерших среди православного населения губернии (1,0 % мальчиков и 1,1 % девочек) [15, л. 73–76].

На протяжении второй половины XIX в. в динамике детской смертности отмечаются некоторые колебания то в сторону повышения, то в сторону понижения. Сохранявшаяся высокая смертность, по мнению исследователей, была обусловлена внутренними (слабое развитие народного здравоохранения) и внешними причинами (неурожайные годы, эпидемии и т. д.) [1, с. 19].

Уровень детской смертности в возрасте до 1 года в Минской губернии в 1885 г. составлял 26,3 % [18, с. 158–171]. При этом в отдельных уездах и городах Минской губернии младенческая смертность до 1 года в 1886 г. колебалась от 15,9 % (Минский уезд) и 18,5 % (г. Минск) до 17,5 % (г. Борисов) и 20,8 % (Борисовский уезд) [5]. Зачастую смертность младенцев до конца XIX в. в более крупных городах была

несколько выше, чем в сельской местности. Это объяснялось как большей скученностью населения в городах и неблагоприятными санитарными условиями, так и недоучетом смертности младенцев в сельской местности [1, с. 15–16].

Отдельные неточности демографических показателей или неполнота сведений (смертности, рождения, браки) до конца XIX в. может быть связана с особенностями демографического учета. Метрические книги, ведомости со сведениями, из которых передавались в Центральный статистический комитет, могли не учитывать детей, умерших до крещения или в первые месяцы жизни, мертворожденных или незаконнорожденных детей [2, с. 158–167].

Немаловажное значение для оценки уровня смертности населения последней четверти XIX в. имеют данные врачебных отделений губернских правлений. В Виленской губернии существовал порядок выдачи полицией разрешений на погребение по медицинским свидетельствам, копии которых отправлялись во Врачебное отделение gubernского правления. По ним производилась регистрация смертности. Таблицы смертности не всегда согласовались с данными gubernского статистического комитета, так как отображали смертность в пределах полицейских участков, однако служили дополнением для получения более точных сведений об уровне смертности населения [12, л. 6]. Так, смертность младенцев до 1 года от общего числа умерших в г. Вилейка в 1894 г. составила 22,2 %, в Вилейском уезде – 24,1 %; в г. Ошмяны – 29,5 %, в Ошмянском уезде – 23,1 % [12, л. 11].

Несмотря на периодические изменения в сторону повышения и последующего снижения уровня детской смертности в белорусских губерниях конца XIX – начала XX в. отмечается тенденция плавного снижения общего уровня смертности населения. Если средний показатель смертности для пяти белорусских губерний на начало 60-х гг. XIX в. составлял 30,9 ‰, то на 1914 г. – 18,2 ‰. Таким образом, уровень смертности за указанный период понизился на 41,2 % [14, с. 187].

Уровень смертности является одним из основных показателей санитарно-бытовых условий населения, качества его медицинского обслуживания, степени распространения инфекционных заболеваний. Принимая во внимание отчеты губернских врачебных правлений о состоянии здоровья населения губерний и организации врачебной помощи, следует отметить, что в конце XIX в. производится не только подробная регистрация заболевших с обозначением заразных и

эпидемических болезней, но и приводятся подробные сведения по результатам санитарного надзора за бытовыми условиями жизни населения, указываются меры по улучшению качества жизни [12, л. 93–97].

Хотя уровень младенческой смертности понизился в меньшей степени, чем коэффициенты общей смертности или детской смертности в возрасте 5–15 лет, и процентное отношение умерших детей до 1 года составляло значительную часть от общего числа умерших, уровень младенческой смертности в белорусских губерниях отличался относительно низкими показателями в сравнении с остальными губерниями Российской империи. В 1909 г. в Витебской губернии этот показатель составлял 34,6 % (от общего числа умерших 37,115 чел.), в Виленской губернии – 22,8 %, в Гродненской губернии – 29,4 %, в Минской губернии – 31,1 %, в Могилевской губернии – 34,9 % [16, с. 2–3; 19, с. 3].

Для сравнения, процентное соотношение умерших младенцев до 1 года от общего числа умерших за 1909 г. в Московской губернии составляло 38,2 %, в Смоленской губернии – 39,9 %, в Псковской губернии – 39,1 % [16, с. 2–3; 19, с. 3–4]. Сравнительно низкими показателями младенческой смертности до 1 года в 1909 г. отличались губернии, находившиеся западнее белорусских, а также прибалтийские губернии и некоторые северные губернии Российской империи. Численность умерших младенцев Лифляндской губернии составляла 20,4 %, Ковенской – 28,4 %; Санкт-Петербургской губернии – 27,1 % [16, с. 2–3; 19, с. 3–4]. Тем не менее, общий уровень смертности пяти белорусских губерний в 1909 г. не превышал 19,8 %. В то время как в Санкт-Петербургской губернии, детская смертность в которой оказалась ниже уровня смертности белорусских губерний, общий уровень смертности составил 25,7 % [19, с. 3].

Таким образом, уровень смертности населения является одним из основных показателей санитарно-гигиенических условий жизни населения, качества его медицинского обслуживания, социально-экономического развития государства в целом. Поскольку уровень детской смертности один из базовых показателей при оценке общего коэффициента смертности населения, то и проблема смертности детей – один из ключевых вопросов для понимания направления развития социально-демографических процессов. Несмотря на колебания уровня детской смертности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.,

которые, в свою очередь, были связаны с объективными внутренними и внешними причинами, а также с особенностями демографического учета населения, его последующего совершенствования, белорусские губернии относились к числу губерний Российской империи с относительно низким уровнем детской смертности. Повышенное внимание к проблеме заболеваемости населения, поиск закономерных причин и методов для ее снижения способствовало уменьшению уровня смертности населения, что позволяет говорить о начале на территории Беларуси демографического перехода с последующим формированием современного типа воспроизводства населения.

Библиографический список

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 13–73.
2. Антонова И. А., Антонов Д. Н. Метрические книги России XVIII – начала XX века. М.: РГГУ, 2006.
3. Боярский А. Я., Шушерин П. П. Демографическая статистика. 2-е изд. М.: Госстатиздат, 1955.
4. Вишневский А. Г. Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005.
5. Дело о количестве родившихся и умерших по городам и уездам за 1886 г. // НИАБ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 36.
6. Каханоўскі А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: БДУ, 2013.
7. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
8. Насытко Е. Этнические границы белорусов в XIX – начале XX в. // Деды : дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 13. Минск, 2014. С. 201–212.
9. Никитенко В. П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год. Диссертация на степень доктора медицины. СПб.: Товарищество Художественной Печати, 1901.
10. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Типография Министерства внутренних дел, 1916.
11. Носевич В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск: Технология. 2004.
12. По медицинскому отчету Виленской губернии за 1894 год // РГИА. Ф. 1297. Оп. 292. Д. 27.
13. Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М.: Госсиздат ЦСУ СССР, 1960.
14. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М.: Госстатиздат, 1956.
15. Сведения к годовому отчету о состоянии губернии за 1866 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1660.
16. Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910, 1911 годах. Спб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1914.

17. Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 гг. в возрастах от рождения до пяти лет. Спб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1889.

18. Статистика Российской империи. Вып. 11: Движение населения в Европейской России за 1885 г. Спб.: тип. Мин-ва внутр. дел, 1890.

19. Статистический ежегодник России. 1912 г. (год девятый). Петроград: изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1913.

20. Эжк Н. Опыт обработки статистических данных о смертности в России. Спб.: тип. М-ва внутр. дел, 1888.

**РЭЛІГІЙНЫ СІНКРЭТЫЗМ РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ Ў ПРАЦАХ
АЙЧЫННЫХ І ІТАЛЬЯНСКІХ ГІСТОРЫКАЎ
(2-АЯ ПАЛОВА XX – ПАЧ. XXI ст.)**

С. М. Смірноў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці 4. 220030. г. Мінск, Беларусь;
viales89@gmail.com*

Артыкул прадстаўляе агульны агляд дасягненняў італьянскай і беларускай гістарычнай навукі ў даследаванні рэлігійнага сінкрэтызму Рымскай імперыі III ст. н. э. Асноўная ўвага звернута на даследаванні шматлікіх аспектаў рэлігійнай гісторыі рымскага свету ў працах італьянскіх і беларускіх гісторыкаў

Ключавыя словы: Рымская імперыя; рэлігійны сінкрэтызм; італьянская і беларуская гістарыяграфія; рымская рэлігія.

**РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В
ПРОИЗВОДСТВАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ИТАЛЬЯНСКИХ
ИСТОЧНИКОВ
(2-Я ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

С. М. Смирнов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030. Минск,
Беларусь; viales89@gmail.com*

В статье представлен обзор достижений итальянской и белорусской исторической науки в изучении религиозного синкретизма Римской империи III века н. э. Основное внимание уделяется изучению многих аспектов религиозной истории римского мира в трудах итальянских и белорусских историков.

Ключевые слова: Римская империя; религиозный синкретизм; Итальянская и белорусская историография; Римская религия.

**RELIGIOUS SYNCRETISM IN THE ROMAN EMPIRE IN THE
STUDIES OF ITALIAN AND BELARUSIAN HISTORIANS
(2nd HALF XX – BEGINNING XXI CENTURY)**

S. M. Smirnou

*Belarusian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus; viales89@gmail.com*

This article provides an overview of the achievements of Italian and Belarusian historical science in the study of religious syncretism in the Roman Empire of the third century AD. The main attention is paid to the study of various aspects of the religious history of the Roman world in the scientific works of Italian and Belarusian historians.

Key words: Roman Empire; religious syncretism; Italian and Belarusian historiography; Roman religion.

Дадзены артыкул прысвечаны агульнаму разгляду асноўных думак і падыходаў італьянскай і айчыннай гістарыяграфіі другой паловы XX і пачатку XXI ст. да гісторыі рэлігійнага сінкрэтызму ў Рымскай імперыі III ст. н. э. Гістарыяграфія па дадзенай праблеме прадстаўлена шматлікімі працамі, у якіх асвятляюцца аспекты рэлігійнага сінкрэтызму ў духоўнай культуры Старажытнага Рыму. Італьянскія і беларускія гісторыкі разглядалі развіццё рэлігійна-філасофскай думкі ў першыя стагоддзі існавання Рымскай імперыі, узаемадзеянне язычнікаў і хрысціян, становішча ўсходніх містычных культаў, развіццё лакальных культаў і культу імператара ў рымскіх правінцыях, рэлігійную палітыку і прапаганду рымскіх імператараў. Таксама звярталася пэўная ўвага на праблему высвятлення сутнасці рэлігійнага сінкрэтызму як з’явы духоўнай культуры, а таксама прычыны яго ўзнікнення і разгортвання ў сацыяльнай і культурнай прасторы Рымскай імперыі.

Сярод даследчыкаў гісторыі антычнага свету пасляваеннай Італіі вызначаліся гісторыкі А. Мамільяна і С. Мадзарына. У сваёй працы па агульнай гісторыі Старажытнага Рыму А. Мамільяна звяртае ўвагу на рэлігійнае жыццё Рымскай імперыі. Гісторык падрабязна апісвае духоўную культуру эпохі прынцыпату, падкрэслівае крызісныя з’явы ў афіцыйнай рымскай рэлігіі. Крызісныя тэндэнцыі рымскага язычніцтва тлумачыць ростам уплыву ўсходніх містычных культаў і арыенталізацыю рымскай рэлігіі [24, р. 203–204]. Гэтыя тэндэнцыі былі выкліканы распадам антычнай грамады, ростам магутнасці рымскай дзяржавы і імператарскай улады. Таму духоўныя пошукі насельніцтва Рымскай імперыі з’яўляліся спробай прымірэння з неспрыяльнай сацыяльна-палітычнай рэчаіснасцю. На думку італьянскага гісторыка, антычная філасофская думка адыграла значную ролю ў гісторыі рэлігійнага жыцця імперыі. Але філасофскія вучэнні эпохі прынцыпату былі распаўсюджаны толькі сярод прадстаўнікоў інтэлектуальнай эліты Старажытнага Рыма. А. Мамільяна заўважае сінкрэтычныя рысы ў развіцці імператарскага культу, які фарміраваўся пад уплывам культаў эліністычных цароў [24, р. 204]. Рэлігійная палітыка рымскіх імператараў таксама адлюстроўвае агульны стан рэлігійнага жыцця імперыі [24, р. 215].

Агульнае апісанне рэлігійнай сітуацыі I–III стст. н. э прысутнічае ў працы італьянскага гісторыка С. Мадзарына. Даследчык адстойвае думку, што стасункі паміж хрысціянствам і язычніцтвам насілі не толькі канфрантацыйны характар, паміж рэлігійнымі сістэмамі адбываўся пэўны дыялог [23, р. 437–438]. Італьянскі гісторык падкрэслівае сінкрэтычныя

тэндэнцыі ў рэлігійнай палітыкі імператараў Элагабала і Аўрэліяна. Прыкладам рэлігійнай цярпімасці і падтрымкай сінкрэтызму, на думку С. Мадзарына, з'яўляецца рэлігійная палітыка Аляксандра Севера [23, р. 445–448, 451–470].

На думку італьянскага даследчыка Г. Кліментэ, сінкрэтычныя тэндэнцыі ў рэлігійным жыцці імперыі былі абумоўлены міжкультурнымі кантактамі, якія адбываліся ў гарадах рымскіх правінцый, а таксама ў рымскіх войску. Характэрнай рысай рэлігійнай сітуацыі III ст. н. э. італьянскі гісторык лічыць сувязь паміж культурам імператара і салярнай тэалогіяй. Рэлігійную рэформу імператара Аўрэліяна звязвае з містычным культурам Мітры. Звычайна італьянскія гісторыкі звязваюць культ Sol Invictus з сірыйскімі салярнымі культурамі [24, р. 215]. Даследчык тлумачыць монатэістычныя тэндэнцыі ў рымскім язычніцтве пашырэннем рэлігійнага і культурнага сінкрэтызму на прасторах імперыі. На думку Г. Кліментэ, дадзеная тэндэнцыя лепш заўважна ў гісторыі развіцця хрысціянскага і язычніцкага гнастыцызму [13].

Падобных поглядаў на праблему рэлігійнай гісторыі рымскага свету прытрымліваецца Дж. А. Чэконі, які разглядае рэлігійны сінкрэтызм у Рымскай імперыі праз прызму міжэтнічных кантактаў і працэсаў раманізацыі насельніцтва рымскіх правінцый [12, р. 263–282].

Італьянскія даследчыкі паставілі пытанне аб недакладнасці класічнага падыходу да вывучэння гісторыі рымскай рэлігіі, які быў прадстаўлены ў працах Ф. Кюмона [3, с. 47–77]. Італьянскі гісторык У. Біянкі абгрунтоўвае неабходнасць кампаратыўных даследаванняў містэрыяльных культаў, якія маглі ўплываць адзін на аднаго і перажывалі пэўныя змены пад уплывам лакальных культаў [16, р. 1–17]. Даследчык падкрэслівае перспектыўнасць даследавання гісторыі язычніцкага і хрысціянскага гнастыцызму. Крытычныя заўвагі У. Біянкі падтрымалі даследчыкі Ф. Корэалі, М. Гвардуччы, Р. Волпе, якія разглядалі асаблівасці сакральнага мастацтва арыентальных культаў, аспекты магіі і сатэралогіі культаў Кібелы, Сабазія і Юпітэра Даліхенскага [16, р. 33–68; 123–126; 145–156]. Акрамя гэтага У. Біянкі распрацоўваў праблему гісторыі рымскага мітраізму, элеўсінскіх і дыянісійскіх містэрыяў [17, р. 259–280].

Італьянская даследчыца Дж. Гаспара асвятляе трансфармацыю культу Кібелы і Аціса пад уплывам грэчаскай і рымскай рэлігіі. Яны лічыць, што фрыгійскі культ Кібелы першапачаткова не меў рыс містэрыяльнага культу. Пад уплывам грэчаскіх містэрыяў фрыгійскі культ трансфармаваўся і атрымаў свае містэрыі ў эліністычную эпоху. Культ Кібелы і Аціса ў

Рымскай імперыі мае яскравы сінкрэтычны характар, на думку італьянскай даследчыцы [14; 15, с. 56–64]. Праблемы гісторыі гнастыцызму, мітраізму і культу Добрай багіні асветлены ў працах А. Мастрачынкве [21; 22]. Італьянскі даследчык абгрунтоўвае думку аб значным ўплыве дыянісііскіх містэрый на культ Добрай багіні. У сваёй працы А. Мастрачынкве падкрэслівае гендарны аспект ў гісторыі рэлігійнага жыцця Рымскай імперыі [20, р. 50–52].

Гісторыю містэрыяльных культаў, рэлігійнай нецярпімасці закранаў сучасны італьянскі даследчык Э. Санцы [28, р. 29–53], які ўдзельнічаў разам з іншымі італьянскімі даследчыкамі ў складанні зборніка гістарычных крыніц па гісторыі арыентальных культаў [26]. Даследчыкі Э. Санцы і К. Сфамені апісваюць і аналізуюць монатэістычныя тэндэнцыі у развіцці арыентальных культаў і гнастыцызму [29, р. 73–121]. К. Сфамені лічыць узаемадзеянне розных рэлігійных уяўленняў, магіі і антычнай філасофіі адной з прычын фарміравання монатэістычных тэндэнцый у рэлігійным жыцці рымскага свету. Італьянская даследчыца не абсалютызуюе дадзеныя тэндэнцыі, але намагаецца падняць праблему тэарэтычнага разгляду гісторыі рэлігійнага жыцця ў Рымскай імперыі [29, р. 121–140].

На сучасным этапе італьянскія гісторыкі працягваюць даследаванні праблем рэлігійнай гісторыі Рымскага свету. Сярод сучасных даследчыкаў Італіі вылучаецца Р. Маркесіні, якая прадставіла працу аб усходніх культах у рымскай Осціі [19]. Праблему гісторыі салярнага культу Элагабала закранае Э. Бадарака [11]. Аспекты развіцця рэлігійнай думкі асвятляюцца даследчыкам Дж. Мускаліна [25]. Гісторыя містэрыяльных культаў і язычніцкага гнастыцызму распрацоўваецца даследчыкам П. Скарпі [18].

Асноўным дасягненнем італьянскай гістарыяграфіі з’яўляецца спроба дапоўніць і пашырыць класічны падыход Ф. Кюмона. Італьянскія гісторыкі прадставілі больш комплексны і сістэмны падыход да гісторыі рэлігійнай сітуацыі ў Рымскай імперыі. У сваіх даследаваннях яны разглядалі шматлікія аспекты гісторыі рэлігійнага сінкрэтызму і імкнуліся даць больш аб’ектыўную характарыстыку духоўнай культуры Старажытнага Рыму.

Праблема гісторыі духоўнай культуры і рэлігіі Рымскай імперыі цікавала прадстаўнікоў беларускай гістарычнай навукі. Айчынныя гісторыкі ў сваіх даследаваннях распрацоўвалі праблему фарміравання і развіцця хрысціянскай рэлігіі. Містэрыяльныя культуры і рэлігійны

сінкрэтызм выступаў як агульны гістарычны фон фарміравання і развіцця хрысціянства ў рымскім свеце. Айчынная гістарыяграфія падрабязна не разглядала шматлікія аспекты гісторыі рымскай рэлігіі. Савецкая гістарычная навука не абмінала ўвагай гісторыю рымскага язычніцтва і агульнага стану рэлігійнай сітуацыі ў Рымскай імперыі [10].

Значны ўнёсак у беларускае антыказнаўства зрабіў прафесар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Г. М. Ліўшыц. Гісторык у сваіх даследаваннях закранаў праблему фарміравання хрысціянства, а таксама праблему міжкультурнага дыялогу яўрэйскай дыяспары і эліністычнага свету [2, с. 66–75; 7]. Апісанне рэлігійнага сінкрэтызму ў Рымскай імперыі прысутнічае ў яго грунтоўнай працы аб вытоках хрысціянства [4, с. 140–142]. Гілер Маркавіч падкрэслівае думку, што фарміраванне хрысціянскай рэлігіі было лагічным вынікам культурных і рэлігійных кантактаў у антычным свеце [4, с. 200].

Дадзеную лінію даследавання рэлігійнага жыцця Старажытнага Рыму працягнулі даследчыкі В. І. Гарамыкіна і В. А. Фядосік. В. І. Гарамыкіна апісвае агульны рэлігійны стан Рымскай імперыі, звяртае ўвагу на рост папулярнасці арыентальных культаў у II–III ст. н. э [1, с. 22–23]. В. А. Фядосік закранае праблему развіцця хрысціянства, яго ўзаемадзеяння з язычніцтвам, рэлігійную палітыку рымскіх імператараў у адносінах да хрысціянскай царквы ў III ст. н. э [8; 9]. Далейшае даследаванне гісторыі ранняга хрысціянства працягнуў А. А. Тарканеўскі, які разглядае рэлігійны сінкрэтызм і пашырэнне арыентальных культаў у Рымскай імперыі як агульны культурны і рэлігійны фон развіцця хрысціянскай абшчыны ў Рыме эпохі прынцыпату [6, с. 56–81].

На сучасным этапе беларускія даследчыкі пачалі звяртаць увагу на гісторыю містэрыяльных культаў і рэлігійнага сінкрэтызму. Праблему гісторыі мітраізму і яго ўзаемадзеяння з хрысціянствам ў рымскай Брытаніі падмае сучасны беларускі даследчык А. І. Малюгін [5].

Сёння беларуская гістарычная навука можа звярнуцца да больш глыбокага даследавання праблемы рэлігійнай гісторыі Рымскай імперыі. Перад айчыннымі гісторыкамі адкрываецца перспектыўнасць вывучэння рэлігійнага сінкрэтызму і язычніцкіх форм рэлігійнага жыцця ў Старажытным Рыме. Досвед італьянскай гістарычнай навукі пацвярджае перспектыўнасць дадзенага накірунку гістарычных даследаванняў.

Бібліяграфічны спіс

1. Горемыкина В. И. В поисках истины о раннем христианстве. Минск: Беларусь, 1989.
2. Евтухов И. О. Кафедра истории древнего мира и средних веков. К 80-летию создания. Минск: БГУ. 2015.
3. Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. СПб.: Евразияб, 2002.
4. Лившиц Г. М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Минск: Вышэйшая школа, 1967.
5. Малюгин О. И. Митраизм versus христианства в римской Британии: противостояние или конформизм // International Internet Conference «Control and Freedom in Antiquity», Perm, Russian Federation, 2008. URL: <http://antiquity-perm.ru/?p=95>.
6. Торканевский А. А. Христианство в Риме в I – середине II вв. Минск. Минская духовная академия, 2020.
7. Федосик В. А. Из истории становления белорусской научной школы античного христианства: запрещенная монография Г. М. Лившица // Роль университетского образования и науки в современном обществе: материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. Минск.: БГУ, 2019. С. 656–665.
8. Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Минск: Университетское, 1991.
9. Федосик В. А. Церковь и государство: критика богословских концепций. Минск: Наука и техника, 1988.
10. Штаерман. Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука. 1987.
11. Badaracco E. Il culto del Deus Elagabalus dal I al III secolo d. C. Attraverso le testimonianze epigrafiche, letterarie e numismatiche. Tesi di dottorato. Sassari. Università di Sassari, 2015.
12. Cecconi G. A. La città e l'impero: una storia del mondo romano dalle origini a Teodosio il Grande. Roma: Carocci editore, 2019.
13. Clemente G. Guida alla storia romana. Milano: Mondadori, 2017.
14. Gasparro G. S. I culti orientali in Sicilia. Leiden: E. J. Brill, 1973.
15. Gassparo G. S. Soteriology and mystic aspects in the cult of Cybele and Attis. Leiden: E. J. Brill, 1985.
16. La soterologia dei culti orientali nell'Impero romano. Leiden: Brill, 1982.
17. Le civiltà del Mediterraneo e il sacro. V. 3. Milano: Jaca Book-Massimo, 1992.
18. Le religioni dei misteri. In 2 v. Roma: Fondazione Lorenzo Vallo; Mondadori, 2002.
19. Marchesini R. Sacra peregrina ad Ostia e Porto: Mithra, Iuppiter Sabazius, Iuppiter Dolichenus, Iuppiter Heliopolitanus. Roma: Sapienza Università di Roma, 2013.
20. Mastrocinque A. Bona Dea and the Cult of Roman Women. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014.
21. Mastrocinque A. From Jewish Magic to Gnosticism. Tübingen: Mohr Siebeck, 2005.
22. Mastrocinque A. The Mysteries of Mithra. Tübingen: Mohr Siebeck, 2017.
23. Mazzarino S. L'impero Romano. V. 2. Bari: Laterza, 2007.
24. Momigliano A. Manuale di storia romana. Novara; Torino: UTET. Università, 2011.
25. Muscolino G. Porfirio: Il contro christianos una nuova edizione dei frammenti: tesi di dottorato. Salerno, 2009.
26. Sanzi E. I culti orientali nell'impero Romano. Un'antologia di fonti. Cosenza: Edizioni Linello Giordano, 2003.
27. Sanzi E. IVPPITER OPTIMVS MAXIMVS DOLICHENVVS. Un «culto orientale» fra tradizione e innovazione riflessioni storico-religiose. Roma: Lithos, 2013.

28. Sanzi E. Maghi sacerdoti santi. Un itinerario storico-religioso attraverso le «crisi» dei primi secoli della nostra era Roma: Lithos, 2015.
29. Sanzi E. Magia e culti orientali. Per la storia religiosa della tarda Antichità. Cosenza: Edizioni Lionello Giordano, 2009.

ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ БССР В 1920-Е ГГ.

Е. В. Смолякова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, smoliakova@bsu.by*

Рассматриваются основные направления деятельности ЦИК и СНК БССР, связанные с решением вопросов рационализации делопроизводства, документирования законотворческого процесса в органах власти БССР 1920-е гг., определяется круг вопросов, решаемых в рамках совершенствования аппарата управления, обозначены основные организационные формы этой деятельности.

Ключевые слова: ЦИК БССР; СНК БССР; народный комиссариат юстиции; Комиссия законодательных предположений; рационализация делопроизводства; циркуляр.

SPECIFIC FEATURES OF DOCUMENTING THE ACTIVITIES OF THE LEGISLATIVE BODIES OF THE BSSR IN THE 1920s.

E. Smoliakova

*Belarusian State University, pr. Nezavisimosti, 4, 220030, Minsk, Belarus,
smoliakova@bsu.by*

The author of the article is reviewing the main directions of the activities of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the BSSR, related to the solution of issues of rationalizing office work, documenting the legislative process in the authorities of the BSSR in the 1920s, The bulk of questions connected with the range of issues to be solved within the framework of improving the administrative apparatus is determined, the main organizational forms of this activity are indicated.

Key words: Central Executive Committee of the BSSR; the Soviet of People's Commissars BSSR; People's Commissariat of Justice; Commission for Legislative Proposals; the rationalization of the office-work; circular.

Изменения, произошедшие в государственном управлении в 1917–1919 гг., были закреплены в Конституции ССРБ и дополнениях к ней, принятых, соответственно, в феврале 1919 г. и декабре 1920 г. Высшим органом государственной власти стал Съезд Советов Белоруссии, в период между съездами избирался Центральный Исполнительный комитет (ЦИК) – орган, выполняющий функции законодательной и исполнительной власти. Для управления республикой было сформировано правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК).

Одной из проблем нормального функционирования советских учреждений в начальный период их деятельности было смешение компетенции, отсутствие четкой системы разграничения их функций и системы соподчинения. Причем проявилось это на всех уровнях: от

высших органов власти до структурных подразделений учреждений. Эта управленческая неразбериха привела к появлению излишней и дублирующей переписки между учреждениями, и, как следствие, к увеличению объемов документооборота и сроков прохождения и исполнения документов. Необходимо было законодательно урегулировать деятельность властных структур, упорядочить процессы документирования.

Смещение функций высших органов власти попытались несколько скорректировать уже на первом заседании Президиума ЦИК ССРБ 8 января 1921 г., когда в повестку дня был включен вопрос «О разграничении функций Президиума ЦИК и СНК». Было решено, что ЦИК принадлежит общее законодательство, например, правовое дело граждан республики, основные положения о построении органов власти, об их назначении и т. д. СНК же, за исключением общего управления делами, должно было принадлежать законодательство, «возникающее на почве осуществления постановлений высших органов власти и вызванное самим процессом управления республики» [1]. Но на практике этого решения придерживались не всегда. ЦИК и СНК имели свои самостоятельные секретариаты и управления делами, вели отдельное делопроизводство, но часто на проектах законодательных актов, подготовленных одним из органов, при подписании исправлялось его название, и документ принимался от лица другого (председатель у них был общий). Это поспособствовало и смешанному формированию дел: так, в фонде №6 «ЦИК БССР» Национального архива Республики Беларусь отложилось огромное количество документов СНК, и наоборот.

Ряд мероприятий ЦИК и СНК, направленных на оптимизацию документооборота, касался непосредственно их деятельности в осуществлении законодательной функции. На заседаниях СНК неоднократно принимались решения о порядке издания декретов, положений и прочих узаконений ЦИК и СНК, о разработке и утверждении положений и другие. Этими решениями вводился единый порядок и этапы прохождения и согласования указанных актов. 4 февраля 1922 г. был издан декрет СНК ССРБ «О порядке рассмотрения и опубликования законодательных правительственных актов», согласно которому предварительное рассмотрение и согласование с действующим законодательством и редактирование законопроектов возлагалось на законодательно-кодификационный отдел Народного комиссариата юстиции (НКЮ). Декрет регламентировал порядок и сроки прохождения

правительственных актов с момента их подготовки до окончательного утверждения и опубликования в Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССРБ, издаваемом Наркомюстом [6].

С образованием СССР регламентация процессов законотворчества осуществлялась на двух уровнях: общесоюзном и республиканском. Это закреплялось в Конституциях СССР 1924 г. и БССР 1927 г. В Основном Законе БССР 1927 г. оговаривалось, что в пределах, указанных Конституцией СССР и по предметам, отнесенным к компетенции Союза, на территории БССР имеют обязательную силу постановления верховных органов СССР [3; гл. 1, ст. 5]. Эти же положения для союзных республик присутствовали и в Конституции СССР. В статьях о высших органах государственной власти и управления, кроме определения их задач, функций, компетенции и структуры, оговаривались порядок принятия законодательных и нормативных актов и виды документов, издаваемых каждым органом (хотя надо признать, это делалось достаточно условно). Во-первых, право издавать законодательные акты по Конституциям СССР 1924 г. и БССР 1927 г. принадлежало соответственно союзным и республиканским Съездам Советов, ЦИК и их Президиумам и Совнаркомам. Таким образом, в 1920-е гг. еще не определялся какой-либо единый государственный орган с четко обозначенными законодательными функциями. Во-вторых, при определении видов документов, издаваемых различными органами государственной власти, также не было единства. Например, декреты и постановления имели право издавать и ЦИК, и Президиум ЦИК, и СНК; распоряжения издавались и Президиумом ЦИК, и народными комиссариатами [3; гл. 4, ст. 41, 43; гл. 6, ст. 49].

Положение Конституции СССР о публикации законов на языках союзных республик уточнялось в Конституции БССР статьей, по которой законы должны были публиковаться на белорусском, русском, польском и еврейском языках [3, ст. 25] (здесь следует упомянуть также Постановление ЦИК и СНК БССР 1926 г., по которому документы, выдаваемые учреждениями БССР и предназначенные для предъявления и использования в других республиках СССР, должны были издаваться на русском и белорусском языках) [9].

Разумеется, отражение всех вопросов, связанных с документированием деятельности органов власти, не входило в задачи Конституции как Основного Закона государства. Поэтому в середине 1920-х гг. был издан ряд правительственных актов, касавшихся порядка

документирования, форм документов, отдельных сторон делопроизводства.

В 1924 г. была учреждена Комиссия законодательных предположений при СНК. Вопрос о целесообразности ее создания вызвал острую дискуссию в правительстве. Категорически против выступили Наркомат юстиции и Госплан БССР, заявив, что проект положения «О комиссии по рассмотрению законодательных предположений» устанавливает весьма сложный порядок рассмотрения как проектов законодательных актов БССР, так и проектов декретов и постановлений, долженствующих быть изданными правительством СССР и переданных на заключение правительства БССР.

Проект при этом должен был: пройти через заинтересованные ведомства, быть согласованными с НКЮ, быть переданным на предварительное ознакомление одного из членов комиссии для доклада на заседании, пройти через редактора-консультанта для окончательного редактирования и визирования проекта и, наконец, быть переданным на ознакомление и одобрение председателя СНК, а в некоторых случаях – на рассмотрение СНК. Такой порядок рассмотрения проектов Союзного правительства был практически невозможен, принимая во внимание тот краткий срок, который давался союзным республикам для дачи заключений по законопроектам. Что же касается законопроектов БССР, то 2 ст. проекта, говорящая о круге ведения Комиссии законодательных предположений, была тождественна статье Положения о НКЮ, устанавливающей круг ведения отдела Законодательных предположений Наркомюста, в той ее части, которая касалась компетенции отдела в отношении рассмотрения законодательных предположений. При однородности функций этих органов создавался риск нарушить всю систему работы и расстроить работу в НКЮ, не наладив ее в СНК [8; 10].

Создание комиссии, очевидно, было вызвано стремлением построить свою работу по образцу союзных органов, без учета того факта, что Комиссия законодательных предположений при СНК СССР существовала ввиду отсутствия союзного наркомата юстиции. Тем не менее, комиссия была учреждена и Положение о ней, принятое в 1925 г., стало одним из основных нормативных актов, регулирующих порядок прохождения и утверждения законодательных актов [5]. В 1928 г. комиссия законодательных предположений была реорганизована в Подготовительную комиссию при СНК БССР, которая наделялась уже гораздо меньшими полномочиями, нежели ее предшественница.

Говоря о порядке документирования законодательной деятельности правительства, следует назвать и Наказ о порядке работы Совета Народных Комиссаров и Комиссии законодательных предположений при СНК БССР, утвержденный в 1925 г. Этот объемный по содержанию документ представляет собой одновременно и положение об органе власти, и регламент работы, и инструкцию по делопроизводству. Кроме общих глав, касающихся состава правительства, функций его председателя и заместителей, здесь подробно регламентируется порядок внесения вопросов на рассмотрение СНК, определён круг ведомств и лиц, имеющих право вносить на рассмотрение вопросы, предложения и проекты декретов и постановлений, процедура и сроки согласования, правила оформления проектов, их редактирования и подписания и т. п. . Отдельные главы посвящены правилам ведения и оформления протоколов, порядку производства дел в комиссии законодательных предположений [4].

В 1927 г. было принято новое Постановление ЦИК и СНК БССР «Об опубликовании и времени вступления в силу законов и распоряжений правительства БССР, а также распоряжений народных комиссариатов БССР», которое установило порядок вступления в силу как опубликованных, так и неопубликованных законодательных актов [7].

И хотя документирование законодательной деятельности было в должной мере регламентировано, учреждения, внося вопрос на рассмотрение высших органов власти, придерживались этих положений далеко не всегда. Это привело к появлению большого количества циркуляров, предписывающих учреждениям внимательно относиться к установленным правилам, касающимся сроков предоставления, порядка оформления, согласования проектов и сопроводительной документации, рассылки копий постановлений и протоколов органов власти и управления, количества необходимых экземпляров. В 1920-е гг. именно циркуляры получили наибольшее распространение в качестве документов, регламентирующих отдельные стороны делопроизводства в учреждениях. Циркулярами устанавливался порядок осуществления соответствующего контроля за исполнением постановлений и поручений высших органов власти. Так, циркуляр СНК БССР от 30. 10. 1926 г. предписывал всем наркоматам и центральным учреждениям БССР проводить проверку исполнения в установленной Управлением делами СНК табличной форме, что давало возможность осуществлять всесторонний контроль и избежать

периодических проверок, которые, как показывала практика, являлись неполными и неудовлетворительными [13];

Чаще всего циркуляры издавались от имени Управления делами СНК или Секретариата ЦИК, как подразделений, ответственных за постановку делопроизводства. Но могли издаваться и от имени СНК или Президиума ЦИК. Наиболее важные вопросы совершенствования делопроизводства обсуждались на заседаниях правительства и, следовательно, нашли свое отражение в протоколах СНК и Президиума ЦИК БССР. Решения по ним, если не требовалось издания законодательного акта, принимали форму протокольных постановлений. Например, протокольным постановлением СНК БССР «Об упорядочении пересылки различных материалов» от 27.04.1930 г. устанавливался порядок рассылки на места различных документов, использования бланков и т. д. [11].

Практика издания нормативных актов, всесторонне регулирующих постановку делопроизводства, была успешно реализована и в регламентации деятельности самих аппаратов высших органов власти. Уже упоминавшийся Наказ о порядке работы СНК и КЗП при СНК БССР (1925) на треть представляет собой инструкцию по делопроизводству. Следует упомянуть также приказ № 11 по Секретариату ЦИК БССР от 24.02.1925 г., где в разделах «Ведение протоколов заседаний», «Ведение текущей переписки», «Секретная переписка», «Порядок подписания бумаг», «Производство по частным амнистиям», «Прием посетителей», как в инструкции, отражены все основные моменты постановки делопроизводства в Секретариате ЦИК, указаны этапы и сроки прохождения документов [2]. Разрабатывались и собственно инструкции.

Таким образом, в 1920-е гг. еще не сформировался какой-либо единый государственный орган с четко определенными законодательными функциями. Во-вторых, при определении видов документов, издаваемых различными органами государственной власти, также не было единства. В этой связи проблема рационализации управленческого труда и делопроизводства занимала значительное место в деятельности ЦИК и СНК БССР, которые, являясь высшими органами власти республики, призваны были решать, в том числе, и вопросы, связанные с функционированием государственного аппарата, и осуществлять поиск оптимальных организационных форм и методов информационно-документационного обслуживания в советских учреждениях. Регламентация делопроизводственных процессов осуществлялось по трем направлениям: законодательное регулирование отдельных сторон

делопроизводства, ведомственное регулирование делопроизводственных процессов в учреждениях, внутренняя регламентация постановки делопроизводства самих аппаратов ЦИК и СНК БССР. По каждому направлению значительное внимание уделялось их деятельности по осуществлению именно законодательной функции.

Библиографический список

1. В дополнение к временной Конституции ССРБ (проект) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.
2. Загад № 11 па Сэкратарыяту ЦВК БССР, 24 лют. 1925 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 422. Л. 29 – 33.
3. Конституция Белорусской Социалистической Советской Республики, 1927 г. // <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda>
4. Наказ о порядке работы СНК и КЗП при СНК БССР: утв. СНК БССР 18. 11. 1925 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 176. Л. 19–40.
5. О комиссии законодательных предположений при СНК БССР: положение СНК БССР, 18 нояб. 1925 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 176. Л. 14–15 об.
6. О порядке рассмотрения и опубликования законодательных правительственных актов: декрет СНК ССРБ, 4 февр. 1922 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15. Л. 47.
7. Об опубликовании и времени вступления в силу законов и распоряжений правительства БССР, а также распоряжений народных комиссариатов БССР: постановление ЦИК и СНК БССР, 14 авг. 1927 г. // НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1448. Л. 20–20 об.
8. Письмо НКЮ в СНК БССР, 2 окт. 1924 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 55. Л. 100–101.
9. Постановление ЦИК И СНК БССР от 18. 09. 1926 года «О языках, на которых должны составляться документы, издаваемые учреждениями БССР и предназначенными для предъявления и пользования в других республиках СССР»// СЗ БССР. 1926, № 4. ст. 148
10. Пра рэарганізацыю камісіі заканадаўчых праектаў пры СНК БССР у Падрыхтоўчую камісію СНК БССР і аб яе складзе: пастанова СНК БССР, 28 чэрв. 1928 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 661. Л. 48.
11. Пратакол № 45 пасяджэння СНК БССР, 27 крас. 1930 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 689. Л. 125–132.
12. Циркуляр СНК БССР № 4340/68, 30 окт. 1926 г. // НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 366. Л. 162.

СИСТЭМА АХОВЫ ПРАВАПАРАДКУ БЕЛАРУСКА-ЛІТОВСКИХ ГУБЕРНЯЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

А. Э. Сакольчык

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, edwardowna@mail.ru

Дадзены матэрыял прадстаўляе сабой гістарыяграфічны агляд наяўнай тэматычнай літаратуры, дзе акрэсліваецца спецыфіка характару публікацый па праблеме ў розныя гістарычныя перыяды: дарэвалюцыйны, савецкі, сучасны. Прааналізавана ступень распрацаванасці вылучанай навуковай праблемы, вызначаны канцэптуальныя і метадалагічныя падыходы да яе асвятлення, звернута ўвага на перспектыўныя накірункі далейшага даследавання тэмы.

Ключавыя словы: праваахоўныя органы; правапарадак; агульная паліцыя; палітычная паліцыя; паліцэістыка; юрыдычная навука; гістарыяграфія.

СИСТЕМА ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Е. Э. Сокольчик

Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, edwardowna@mail.ru

Данный материал представляет собой историографический обзор существующей тематической литературы, в котором излагается специфика характера публикаций по проблеме в разные исторические периоды: дореволюционный, советский, современный. Проанализирована степень разработанности выбранной научной проблемы, определены концептуальные и методологические подходы к ее освещению, уделено внимание перспективным направлениям дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: правоохранительные органы; правопорядок; общая полиция; политическая полиция; полицейстика; юридическая наука; историография.

THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES OF THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

A. Sakolchyk

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Akademicheskaya str., 1, 220072, Minsk, Belarus, edwardowna@mail.ru

This material is a historiographical review of the existing thematic literature, which outlines the specifics of the nature of publications on the problem in different historical periods: pre-revolutionary, Soviet, modern. The degree of elaboration of the chosen scientific

problem is analyzed, conceptual and methodological approaches to its coverage are defined, attention is paid to promising areas of further research of the topic.

Key words: law enforcement agencies; law and order; general police; political police; policeistics; legal science; historiography.

Тэма сістэмы аховы правапарадку з'яўляецца не новай для гуманітарнай навуковай думкі. Спецыфіка характару праблемы, якая знаходзіцца на стыку паліцэйска-прававой тэорыі і гістарычных ведаў, прывяла да назапашвання багатай тэматычнай літаратуры. Упершыню на інстытут паліцэйскай службы звярнулі ўвагу дарэвалюцыйныя даследчыкі. Гэта былі прававеды, гісторыкі права, спецыялісты па гісторыі дзяржаўных устаноў (дзяржававеды) і супрацоўнікі органаў унутраных спраў [3; 18; 35; 42]. Асноўны масіў прац створаны ў русле паліцэйскага права і тэарэтычнага напрамку паліцэйстыкі. Ён прадстаўляў сабой корпус лекцыйнага матэрыялу, юрыдычна-гістарычных аглядаў, ведамасных перыядычных выданняў МУС і дазваляе прасачыць асноўныя этапы развіцця паліцэйскіх інстытутаў, нарматыўна-прававую базу іх дзейнасці, законатворчы бок перыяду рэфармавання органаў праваахоўнай сістэмы, функцыі і абавязкі адпаведных устаноў. Хаця ў аналітычным плане большасць аўтарскіх ацэнак зроблена з пункту гледжання фармальна-юрыдычнага чым канкрэтна-гістарычнага. Безумоўна, аўтарам неабходна было прадэманстраваць афіцыйны погляд ураду на сутнасць рэарганізацыі паліцыі з мэтай фарміравання грамадскай думкі аб правільнасці рэфарматарскага накірунку. Каштоўнасць дадзеных прац заключаецца ў старанным камплектаванні і аналізе нарматыўна-прававога матэрыялу і суправаджальна-даведачнага апарату да яго. Яшчэ адной яскравай рысай дарэвалюцыйная гістарыяграфія выступае рэтраспектыўны агляд паліцэйскіх устаноў Расійскай імперыі ў межах вялікіх храналагічных перыядаў (1775–1872, 1703–1903, 1802–1902). Лагічнае тлумачэнне такога метадалагічнага падыходу вынікае з жыццёвай неабходнасці пры стварэнні новых законапраектаў абапірацца на ўсебакова вывучаны вопыт мінулага. А ў сучасным разуменні дапамагае скласці паэтапнае агульнае ўяўленне пра эвалюцыю, якую прарабілі дзяржаўныя паліцэйскія структуры. Прывабнасць дарэвалюцыйных выданняў таксама ў тым, што аўтары, будучы сведкамі і непасрэднымі ўдзельнікамі падзей, палітрай сваіх разважанняў (ліберальных, радыкальных, афіцыйных) ствараюць свайго роду факталагічную базу для больш глыбокага і ўзвешанага аналізу

ўнутраных працэсаў сістэмы аховы правапарадку другой паловы XIX – пачатку XX ст. сённяшнімі навукоўцамі і даследчыкамі.

З вышэйназванага кантэксту вылучаюцца працы, прысвечаныя прававой культуры насельніцтва Расійскай імперыі (пераважна сялянскага) [10; 26]. Яны не так часта выкарыстоўваюцца сучаснымі даследчыкамі пры кампаратыўным аналізе сістэмы аховы правапарадку, але дазваляюць лепш зразумець як спецыфіку ўспрыняцця і стаўленне насельніцтва да праваахоўных органаў, так і ў цэлым узровень і характэрныя рысы прававой свядомасці суб'ектаў і аб'ектаў разглядаанай сістэмы.

У савецкі час паліцэйская праблематыка не ўваходзіла ў кола запатрабаваных і актуальных даследчыцкіх напрамкаў, бо іх авангард складала сацыяльна-эканамічная тэматыка. Да яе часткова або ўскосна звярталіся навукоўцы, што займаліся пытаннямі барацьбы царызму з рэвалюцыйнымі рухамі [1; 2; 14; 17]. Як правіла, канцэптуальнай паліфаніі не адчувалася, а гучала адзінагалоссе, якое паказвала рэакцыйны характар паліцыі як карна-ахоўнага інстытута самадзяржаўнай Расійскай імперыі. Рэдка, але з'яўляліся працы непасрэдна па гісторыі палітычнага розшуку і тэматычна мемуарыстыка [12; 22]. У пасляваенны час цікавасць да праблемы значна пашырылася. З'явіліся працы, прысвечаныя інстытуцыянальнаму аспекту дзейнасці паліцэйскіх органаў, іх месцу ў сістэме дзяржаўнага апарату і механізме дзяржаўнага кіравання, структурным змяненням, вядучым праваахоўным функцыям і абавязкам [20; 37; 41; 51; 53]. Частка тагачасных выданняў была падрыхтавана ў Вышэйшых школах МУС. Таму іх канспектыўны характар выкладання факталагічнага матэрыялу і ступень яго абагульнення быў абмежаваны вучэбнымі мэтамі і прызначэннем для студэнцкай аўдыторыі.

Заўважаючы негатыўныя бакі савецкай эпохі (ідэалагічную заангажаванасць, прыярытэты праблемнага поля) і адпаведны ўплыў на эвалюцыю тэматычнай гістарыяграфіі, нельга не адзначыць, што ступень аб'ектыўнасці высноў вар'іравалася ў рамках існуючай парадгмы ад поўнага непрыняцця і негатыўнага ўспрымання паліцыі да разумення яе як важнага органа забеспячэння правапарадку ўнутры краіны.

У навейшай расійскай гістарыяграфіі назіраецца ўстойлівая зацікаўленнасць пытаннямі сістэмы аховы правапарадку. Адказваючы на выклікі часу, яна папоўнілася каласальнай колькасцю абагульняючых прац

[8; 44; 47], зборнікаў дакументаў [40; 43], абароненных дысертацый. Імпульс такой актуалізацыі праблемы, яе сацыяльнай і практычнай значнасці быў пакладзены рэформамі паліцэйскай службы Расійскай Федэрацыі ў 2000-х гг. Аўтары дысертацыйных даследаванняў пашырылі тэматычны ландшафт. Яны звярнуліся да аспектаў, якія раней вывучаліся фрагментна і не вылучаліся як самастойныя праблемы: прававое і сацыяльнае забеспячэнне дзейнасці паліцыі, прафесійная падрыхтоўка кадраў, яе фінансаванне і рэгіянальныя асаблівасці ў функцыянаванні паліцэйскай службы [6; 15; 19; 24; 45]. Па падліках А. А. Кісялёва, за перыяд з 1992 г. па 2017 г. у навуковых і адукацыйных установах Расійскай Федэрацыі было абаронена 167 дысертацый, прысвечаных розным аспектам паліцэйскай арганізацыі Расійскай імперыі. З ліку выяўленых навукоўцам дысертацыйных даследаванняў 76 (45,5 % ад усіх прааналізаваных) сваім прадметам навуковых розшукаў выбрала паліцэйскія структуры расійскай правінцыі. З іх трэцяя частка прысвечана выключна палітычнай паліцыі МУС. Каля паловы астатніх прац (34 аўтарэфераты – 44,7 %) закранаюць стан агульнай паліцыі. У геаграфічным плане А. А. Кісялёў убачыў своеасаблівы рэкорд сярод даследуемых абласцей. Ён належыць адміністрацыйна-тэрытарыяльным адзінкам Сібіры. Беларуска-літоўскія і ўкраінскія землі не знайшлі свайго даследчыка сярод расійскіх навукоўцаў. Аўтар аналізу такую абумоўленасць тлумачыць тым, што дадзеныя рэгіёны не разглядаюцца ў рамках спецыяльнасці «Айчынная гісторыя» і таму застаюцца ў поле зроку «нацыянальных гістарыяграфій сённяшніх дзяржаў» [30].

Яскрава бачыцца метадалагічны пераход у тэматычнай гістарыяграфіі ад гісторыі інстытуцый да разгляду некаторых аспектаў праз прызму сацыяльнай гісторыі і псіхагісторыі [5; 36]. Папулярнае ў пяпярэдня перыяды праблемнае поле таксама не засталася па-за ўвагай навукоўцаў (рэформы і заканадаўства аб паліцыі, яе функцыі, палітычны розшук і нагляд і г. д.) [4; 49]. Зразумела, яно напоўнілася новым факталагічным, архіўным матэрыялам і канцэптуальнымі падыходамі. Багаты існуючы літаратурны матэрыял па праблеме не застаўся без даследчыцкага аналізу і асэнсавання назапашанага навуковага вопыту, таму ў апошнія гады актуалізаваліся публікацыі гістарыяграфічнага і крыніцазнаўчага характару [30; 39; 48].

Сучасная беларуская гістарыяграфія не мае такой трывалай інтэнсіўнасці ў вывучэнні гісторыі сістэмы аховы правапарадку. Некаторымі даследчыкамі праведзены глыбокія дысертацыйныя даследаванні, але большасць публікацый прадстаўлена асобнымі навуковымі артыкуламі [21;25;32;46]. Пальма першынства ў навуковых інтарэсах належыць гісторыі палітычнай паліцыі і жандармерыі [9; 13; 16; 34; 38]. Паколькі праблема праваахоўнай сістэмы цесна перакрываецца з пытаннямі сацыяльна-небяспечных з'яў і злачыннасці, дзейнасцю службы чыноўніцтва, судовай, турэмнай і пажарнай сістэмы, то даследчыкі, якія іх разглядаюць, у той ці іншай ступені звяртаюцца да гісторыі паліцыі адпаведнага перыяду [11; 33; 50; 52].

Даведачная і вучэбная літаратура, канешне ў меру свайго прызначэння, абмяжоўваецца кароткімі аглядамі і зводзіцца да фрагментарнай характарыстыкі, простага канстатацыі фактаў у арганізацыі праваахоўных органаў і іх практычнай дзейнасці [23].

Найбольш шчыльна пытанні, звязаныя з функцыянаваннем паліцыі на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX ст., вучаюцца беларускім гісторыкам А. А. Кісялёвым. Навукоўцам на сённяшні дзень прааналізаваны рэфарматарскія праекты рэалізаваных і нерэалізаваных мерапрыемстваў на мясцовым узроўні, структурныя элементы павятовай і гарадской паліцыі па асобных губернях і іх змяненні, спецыфіка кадровай палітыкі і ўплыў на яе паўстання 1863–1864 гг. [27; 28; 29; 30; 31]. Высновы гісторыка грунтоўныя, падмацаваныя шырокай дакументальнай базай з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Расійскага і Літоўскага гістарычных архіваў. Аднак застаецца яшчэ шэраг тэматычных лакунаў, без якіх немагчыма цэласнае ўяўленне аб сістэме аховы правапарадку. Напрыклад, субардынацыя і ўнутраная камунікацыя паліцэйскіх служачых, іх зносіны з іншымі органамі ўлады, насельніцтвам, кампетэнцыі, практычная дзейнасць і г. д.

Што датычна замежнай гістарыяграфіі (англамоўнай), то фокус увагі даследчыкаў сканцэнтраваны ў асноўным на рэформах Расійскай імперыі, адпаведна і паліцэйскай. Усе новатворчыя працэсы разглядаюцца аўтарамі ў агульнаімперскім маштабе праз прызму тэорыі мадэрнізацыі [7].

Такім чынам, адзначаны навуковы арсенал паказвае, што тэма прадаўжае чакаць сваіх даследчыкаў як па асобных аспектах, так і ў абагульняючым плане.

Бібліяграфічны спіс

1. 1905: история революционного движения в отдельных очерках: [в 3 т.]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925–1927. Т. 3.
2. Агурский С. Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917). Минск: Белгосиздат, 1928.
3. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени: репринт. изд. М.: URSS Ленан, 2016.
4. Байкова Н. Ф. Формирование и развитие полицейских функций государства в России в XIX начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
5. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Сайт РГНФ. URL: <http://www.rfn.ru/downloads/Books/124193008.pdf>
6. Бойкеева С. Е. Кадровое обеспечение полицейских органов в Российской империи (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
7. Большакова О. В. Бюрократия, реформы и контрреформы в России (1855–1894) в освещении англоязычной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
8. Борисов А. В. Три века Российской полиции. М.: Рипол классик, 2017.
9. Бресская Ю. С. Становление органов политической полиции на территории Беларуси в начале XX века // Гісторыя і грамадазнаўства. 2014. № 11. С. 62–64.
10. Бржеский Н. К. Очерки юридического быта крестьян. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1902.
11. Бригадин Д. П. Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Минск: Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, 2018.
12. Бурцев В. Л. За кулисами охранного отделения: с дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями / составил А. Б. Berlin: Henrich Caspari, 1910.
13. Бусько С. І. Палітычная паліцыя ў беларускіх губернях: стварэнне, структура, дзейнасць (1898 – сакавік 1917 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2011.
14. Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии: (с 1826 по 1859 гг.). М.: Советская Россия, 1964.
15. Горлова Н. И. Полиция российской провинции в XIX веке: на примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005 .
16. Гронский А. Д. Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2003.

17. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М.: Мысль, 1971.
18. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. СПб.: Сенатск. тип., 1911.
19. Ерин Д. А. Организационные и кадровые реформы Российской полиции во второй половине XIX начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
20. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: учеб. пос. М.: Высш. школа, 1968.
21. Железняк М. Н. К вопросу о борьбе Департамента полиции Российской империи с революционным движением на территории Беларуси 1900–1907 гг. // Романовские чтения – 4. Могилев, 2008. С. 35–36.
22. Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти: с иллюстрациями. М.: [б. и.], 1918.
23. Жмуровский А. С. Краткий курс истории органов внутренних дел Беларуси: справочник. Минск: Академия МВД, 2014.
24. Закиматова А. Ю. Правовое регулирование службы в органах полиции Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
25. Капіца П. А. «Часовыя правілы аб уладкаванні паліцыі ў гарадах і паветах» 1862 г.: гісторыка-прававы аналіз // 95 лет милиции Беларуси: материалы респуб. науч.-практич. конференции. Минск, 2012. С. 127–130.
26. Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб.: тип. Скарятина, 1873.
27. Киселев А. А. Городские полицейские управления Минской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Полесского государственного университета. 2018. № 2. С. 22–30.
28. Киселев А. А. Изменения в структуре Брестского городского полицейского управления в начале XX века // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2018. Вып. 18, ч. 1. С. 194–200.
29. Киселев А. А. Общая полиция Минской губернии в начале XX в. // Вестник Полесского государственного университета. 2016. № 2. С. 3–9.
30. Киселев А. А. Общая полиция провинциальных губерний Российской империи в современной российской историографии // Актуальные проблемы российской провинции: вызовы современности. Материалы международной научной конференции. Брянск: ООО «Аверс», 2017. С. 40–51.
31. Киселев А. А. Полицейская стража: несостоявшийся проект // Беларуская думка. 2013. № 2. С. 68–74.
32. Косенко А. А. Организация деятельности городской полиции в белорусских губерниях // Вестник Полоцкого Госуниверситета. Сер. А. 2020. № 1. С. 94–97.
33. Кузьмин А. Социокультурный облик чиновничества (1862–1917). Могилев: МГУП, 2017.

34. Лашкевіч А. А. Чыгуначная жандармерыя ў другой палове XIX — пачатку XX ст. (па дакументах НГАБ) // *Архіварыус*. 2011. Вып. 9. С. 57–68.
35. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта.
36. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000.
37. Мулукаев Р. С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер. М.: Ред.-изд. отд., 1976.
38. Мурашко А. И. Жандармская полиция на железных дорогах Беларуси: организация и деятельность (1861–1917 гг.). Минск: Академия МВД, 2015.
39. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Отечественная историография профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в Российской империи как элемент общей историографии Российской полицистики // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2019. № 1. С. 9–24.
40. Памятники Российского права. В 35 т. Т. 14. Реформы полиции второй половины 19 века / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2015.
41. Перегудова З. И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
42. Политика, история и администрация: Критич. и полит. статьи А. Градовского. СПб.: М. О. Вольф, 1871.
43. Полиция России. Документы и материалы. Саратов: Сар. Юр. ин-т, 2002.
44. Реент Ю. А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России. Рязань: Акад. права и управ. Минюста России, 2002.
45. Седунов А. В. Псковская городская полиция в XVIII начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2004.
46. Сидоренко Б. И. Полиция губернского Могилева в начале XX века: обязанность, численность, довольствие // *Научные труды Могилевского филиала БИП*. 2007. Вып. 4. С. 97–101.
47. Смирнов Д. А. Российское государство и полицейская реформа. М.: Альфа-М, 2013.
48. Токарев С. Н. Источники по исследованию деятельности полиции Российской империи начала XX в.: по материалам федеральных архивов и архивов Центрального Черноземья // *Вестник архивиста*. 2012. № 1. С. 18–37.
49. Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: автореф. дис. ... док. ист. наук. СПб., 2003.
50. Чайкин С. Н. Развитие пенитенциарной системы на территории Беларуси в 1831–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Могилев, 2021.
51. Шелкопляс В. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века: [учеб. пос.]. Минск: Научно-исслед. и редак.-изд. отдел Минской высшей школы МВД СССР, 1981.
52. Яковчук В. И. Пожарная служба Беларуси: история развития. Минск: БГПУ, 2005.

53. Ярмыш А. Н. Политическая полиция Российской империи (1880–1904 гг.): автореф. дис... канд. юрид. наук. Харьков, 1978.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ СОСТАВ МАТЕРИАЛОВ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА БССР ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВИЧА ВОЛКОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. С. Соломкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 22030, г. Минск, Республика Беларусь, Solomkina.nadezhda@mail.ru*

Основной целью статьи являлось представление документов народного художника БССР Волкова Валентина Викторовича, которые хранятся в Государственном архиве Витебской области. Основной массив документов, касающийся витебского периода жизни и деятельности художника, находится в составе фондов 837 «Витебское художественное училище Главного управления профессионально-технического образования (Главпрофобра) Наркоматапросвещения БССР г. Витебска» и 485 «Витебское окружное планово-статистическое бюро (Витебское окрстатбюро)». На основании представленных документов уточняется дата начала и окончания работы В. В. Волкова в Витебском художественном училище, перечень преподаваемых дисциплин, фамилии его учеников, а также название произведений, созданных мастером в этот период.

Ключевые слова: Волков Валентин Викторович; художники БССР; архив; Государственный архив Витебской области; Витебский художественный техникум.

DOCUMENTAL COMPOSITION OF THE PEOPLE'S ARTIST OF THE BSSR VALENTIN VIKTOROVICH VOLKOV IN THE STATE ARCHIVE OF THE VITEBSK REGION

N. S. Solomkina

*Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Ave., 22030, Minsk, Republic of Belarus, Solomkina.nadezhda@mail.ru*

The main purpose of the article was to present the documents of the People's Artist of the BSSR Volkov Valentin Viktorovich, which are stored in the State Archives of the Vitebsk Region. It is noted that the bulk of documents are in the funds 837 «Vitebsk Art School of the Main Directorate of Vocational Education (Glavprofobra) of the People's Commissariat of Education of the BSSR in Vitebsk» and 485 «Vitebsk District Planning and Statistical Bureau (Vitebsk Regional Statistical Bureau)». Based on the documents submitted, the date of the beginning and end of the work of V. V. Volkov at the Vitebsk Art School, a list of disciplines taught, the names of his students, as well as the name of the works created by the master during this period.

Key words: Volkov Valentin Viktorovich; artists of the BSSR; archive; State Archives of Vitebsk Region; Vitebsk Art College.

Волков Валентин Викторович (1881–1964) – живописец, профессор, народный художник БССР, один из выдающихся людей своего времени, который оставил след в истории советского и белорусского искусства. Это был человек с интересной судьбой и необычной творческой дорогой в

живописи. Самыми известными его работами являются: «Минск 3-го июля 1944 года», «Вузовцы», «Кастусь Калиновский», «Передача опыта» и т. д. Он одним из первых в белорусской живописи написал портрет В. И. Ленина. В биографии В. В. Волкова можно выделить несколько периодов: 1) детство (1881–1901), которое прошло в г. Елец, Липецкой области, бывшая Орловская губерния 2) учеба (1901–1915) – студенческие годы мастера прошли в г. Пензе, а также в г. Петербурге. 3) профессиональная деятельность (1915–1964) – преподавать художник начал в г. Велиж, после в 1923 г. переехал в г. Витебск, а с 1929 г. работал в Минске.

В Витебск В. В. Волков переехал в 1923 г. из г. Велижа и работал преподавателем в художественном техникуме вплоть до 1929 г. Этот период жизни художника не нашел свое отражение в исследованиях. Наибольшее внимание исследователи уделяли «минскому периоду» творчества, который проходил в послевоенные годы и связан с написанием грандиозного полотна «Минск. 3-го июля 1944 года». «Витебский период» довоенный период жизни Валентина Викторовича, который связан с началом и становлением его педагогической и творческой карьеры, не получил достаточного отражения в исследованиях историков и искусствоведов.

Ряд документов, отражающих жизнь и деятельность художника, хранятся в составе фондов Государственного архива Витебской области. Основной массив материалов содержится в фонде 837 Витебское художественное училище Главного управления профессионально-технического образования (Главпрофобра) Наркомата просвещения БССР г. Витебска и в фонде 485 Витебское окружное планово-статистическое бюро (Витебское окрстатбюро).

В апреле 1923 г. в Витебском художественном институте началась ревизия, в результате которой Художественно-практический институт был реорганизован с понижением статуса в Витебский Художественный техникум. Губернское начальство не только приняло решение о реорганизации художественно-практического института, но и привлекло к преподавательской работе в техникуме коллектив художников-педагогов из находившейся неподалеку от Витебска художественной школы в г. Велиже. Из Велижа в Витебск приехали выпускники Академии художеств: М. Керзин, В. Волков, М. Энде и М. Лебедева, несколько позже к ним присоединился В. Хрусталева. Точная дата переезда и начала трудоустройства В. В. Волкова в Витебске – 10 ноября 1923 г. Она указана в письме директора Белорусского государственного художественного

техникума Михаила Аркадьевича Керзина о выдаче денег вновь назначенному руководителю В. В. Волкову для переезда в Витебск из Велижа [12].

Помимо, писем в фонде 837 хранятся списки служащих Белорусского государственного художественного техникума за 1923–1926 гг. Списки являются ценным источником для установления численного состава сотрудников, их квалификации, половой принадлежности и т. д. Так же в фонде имеются списки служащих на получение дров в рассрочку за 1926 г. Эти документы подтверждают информацию о трудоустройстве В. В. Волкова [1]. В фонде имеются протоколы заседания Витебского окружного союза работников искусств, общих собраний служащих техникума, ведомости уплаты членских взносов.

Протоколы заседания педсовета техникума являются источником о проблемах преподавателей, а также о командировании в научные поездки для повышения или подтверждения квалификации. Информация протоколов дополняется командировочными удостоверениями и другими документами информационного характера. Так, было выявлено удостоверение художника Волкова Валентина Викторовича, которое выдавалось мастеру для поездки в Минск на определение его профессиональной квалификации [3]. К удостоверению прилагалось письмо начальнику станции Минск [М. Б. Б.] железной дороги о временном переезде В. В. Волкова из города Витебска в Минск. Дата удостоверения и дата письма отличаются с разницей в один день 17 августа 1926 г. [3].

В протоколах заседания педсовета переводных экзаменов за 1927/1928 – 1928/1929 учебные года был выявлен отчет преподавателя-художника В. В. Волкова по художественным дисциплинам за 1927/1928 учебный год, датированный 14 июля 1928 г. В нем он приводит информацию о названиях работ студентов-выпускников и полученных ими отметках. В фонде 847 хранятся ряд документов, подтверждающих личность художника: анкеты сотрудника Белорусского государственного художественного техникума В. В. Волкова от 6 и 16 февраля 1926 г., его личное удостоверение и пропуск преподавателя Белорусского государственного художественного техникума [3]. Также имеются сведения о продаже картин, выставленных на Всебелорусской художественной выставке, итоговая ведомость сбора подоходного налога по техникуму за 1926/1927 учебный год [9].

В фонде 837 содержится большое количество организационно-распорядительной документации: проект штатного расписания на 1927/1928 учебный год, программа по искусству и отчёты об учебной работе по отделениям техникума за предыдущий учебный год, сведения об успеваемости студентов, два объявления о предстоящем педагогическом совете с подписью ознакомления В. В. Волова¹⁷, документы о распределении педагогической нагрузки, ведомости на выплату заработной платы преподавателям, расписание летнего отдыха служащих Белорусского государственного художественного техникума [14].

В конце 1928 г. художник серьёзно заболел и почти полгода не смог по состоянию здоровья преподавать. Среди документов хранятся заявление и справки Валентина Викторовича об отсутствии на работе по причине болезни с ноября 1928 по 25 апреля 1929 г. [6]. Свою работу в Витебске он завершил в 1929 г., после чего переехал в Минск, где не сразу стал преподавателем. В архиве сохранилось письмо от 25 мая 1929 г. директора Белорусского государственного художественного техникума в Главискусство Наркомпроса БССР, в котором он сообщает об увольнении В. В. Волкова [6].

Таким образом, документы, которые хранятся в Государственном архиве Витебской области, являются важными источниками о «витебском» периоде жизни и творчества народного художника БССР Волкова Валентина Викторовича. Выявленные документы в значительной мере уточняют и дополняют информацию фондов Белорусского государственного архива–музея литературы и искусства, Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, Национального архива Республики Беларусь, Национального художественного музея и музея истории Великой Отечественной войны, в которых также имеется значительный массив документов о жизни и творчестве художника.

Библиографический список

1. ГАВО Ф. 837 Оп. 1. Д 73. Ведомости на выплату задолженностей по зарплате преподавателям и административно-техническому персоналу за ноябрь 1923 г. – декабрь 1924 г., опись недвижимого имущества за 1 октября 1925 г.
2. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 64. Протоколы заседания Витебского окружного союза работников искусств, общих собраний служащих техникума, ведомости уплаты членских взносов за 1925 – март 1926 гг. и др.
3. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 11. Дело о личном составе преподавателей техникума.

¹⁷ Дата данного ознакомления 12 октября 1927, а второго тоже 1927 год, но уже без указания месяца и числа.

4. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 33. Материалы о личном составе техникума (Выписки из приказов наркомата просвещения БССР, списки, заявления и др.) за 1927–1928 гг.
5. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 28. Протоколы заседания Педсовета техникума.
6. ГАВО Ф. 867 Оп. 1 Д. 43. Отчётная карточка о личном составе служащих техникума на 1 января 1929 года, заявления о приёме и увольнении с работы, удостоверения, справки преподавателей техникума за 1928–1929 гг.
7. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 35. Удостоверения справки и заявления студентов за 1927–1929 гг.
8. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 10. Анкетные сведения о личном составе техникума за 1926 г.
9. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 76. Сведения о продаже картин, выставленных на Всебелорусской художественной выставке, итоговая ведомость сбора подоходного налога по техникуму за 1926/1927 гг.
10. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 6 Анкета, отчёт о работе техникума и статистические сведения о движении, половом и социальном составе студентов за первое полугодие 1925/1926 учебного года, учебный план, штатное расписание на 1926/1927 и объяснительные записки к ним.
11. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 30. Протоколы заседания педсовета переводных экзаменов отделений за 1927/1928–1928/1929 учебные гг., статистический отчёт техникума на 15 декабря 1927 года и др.
12. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 60. Выписки из протоколов № 62 заседания президиума Витебского Губрабиса от 10 декабря 1923 г. о финансовом состоянии музыкального и художественного техникумов, переписка с губфинотделом о преобразовании художественно-практического института в художественный техникум.
13. ГАВО Ф. 485 Оп. 1 Д. 153. Витебское окружное планово-статистическое бюро (Витебское окрстатбюро). 1923–1930 гг.
14. ГАВО Ф. 837 Оп. 1 Д. 20. Проект штатного расписания на 1927/1928 гг., программа по искусству и отчёты об учебной работе по отделениям техникума за 1926/1927 учебный год, сведения об успеваемости студентов за 1922–1926 гг.

МИФ О «ГОСУДАРСТВЕ» ИЕЗУИТОВ

О. Н. Старжинская

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, his. starzhinON@bsu. by*

В статье приводится краткий обзор литературы и источников, в которых употребляется термин «государство» иезуитов и которые повлияли на формирование этого мифа. Прослеживается последовательность и обстоятельства формирования мифа, раскрываются причинно-следственные связи его создания. Рассматривая отсутствие основных признаков государства в иезуитских миссиях, раскрывается суть противоречия в употреблении этого термина в современной науке.

Ключевые слова: «государство» иезуитов; «республика гуарани»; Параквария.

JESUIT «STATE» AS A MYTH

O. N. Starzhynskaya

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus his. starzhinON@bsu. by*

This article provides a brief overview of the literature and sources that use the term Jesuit «state» and which influenced the formation of this myth. The sequence and circumstances of the formation of the myth are traced, the cause-and-effect relationships of its creation are revealed. Considering the absence of the main features of the state in the Jesuit missions, the author reveals the essence of the contradiction in the use of this term in modern science.

Key words: Jesuit «state»; Guarani Republic; Paraquaria.

Миф, рождённый утопистами. В XVII–XVIII вв. в бассейне Рио-дела-Платы, которую иезуиты выделили в провинцию Paraquaria, христианизация индейцев имела особый успех: там повсеместно несколько иезуитов управляли многотысячными индейскими редуциями. Благодаря тому, что Испания нуждалась в них для закрепления своего владычества на этапе неосвоенности региона, они получали различную помощь от метрополии и вице-короля. Также залогом успеха была особая подготовка членов Общества Иисуса и гуманное законодательство в отношении индейцев, появившееся благодаря настойчивости предыдущих поколений миссионеров.

Чтобы понять истоки возникновения «государства», следует рассмотреть философские течения, наиболее популярные в то время, и учесть некоторые социально-политические факторы. Ко времени создания провинции Параквария (1607) в которой возникло так называемое государство, уже столетие обсуждалась «Утопия» Т. Мора, воплощения которой многие искали в реальной жизни. Успехи миссий в Ла-Плате

стали одновременно и итогом идеалистических устремлений миссионеров, и объектом восхищения и дальнейших идеализаций как иезуитами, так и светскими философами. Упуская непростые военно-политические условия, в которых индейцам приходилось бороться за выживание, авторы создавали часто не соответствующий реальности образ в литературе.

Уже в 1604 г. для всех тех, до кого доходили слухи о далёких миссиях, Диего де Торрес, провинциал иезуитской провинции Перу (единой тогда для всего испанского вице-королевства, за несколько лет до отделения от неё Паракварии) написал «Краткий отчёт о [духовных] плодах, возвращенных нами среди индейцев Перу» [7, р. XXIII]. С большим интересом читали во всем мире этот отчет, быстро переведенный на итальянский, английский, немецкий, французский и польский языки. В это же время Кампанелла дописывает, а затем и публикует в 1623 г. «Город солнца», всё больше ассоциаций возникает между описаниями иезуитов и мечтами философов.

В 1639 г. в Мадриде была издана книга «Духовное завоевание, проведенное монахами Общества Иисуса в пределах Парагвая, Параны, Уругвая и Гапе» авторства о. Антонио Руиса де Монтойи, описавшем миссии и их проблемы с 1610 по 1638 гг. Опубликование этой работы было связано с огромным уроном, наносимым миссиям португальскими работниками. Он описывал, какое прекрасное дело уничтожают бандейранты, также сделав свой вклад в идеализацию. В следующем году Монтойя получил королевское разрешение на вооружение индейцев. Король дал это разрешение для защиты границ испанских владений от португальцев, но в дальнейшем наличие войска часто приводили как главный аргумент в пользу концепции государственности и самостоятельности.

Еще более знаменитой стала вышедшая вслед за ней в 1673 г. на латыни «История провинции Парагвай» Николя дю Тои. Она содержала сведения с появления иезуитов в 1586 г. в Бразилии и Перу до успехов Общества 1645 г. Широкою известность получил и труд иезуита Педро Лозано «История Общества Иисуса в провинции Парагвай» [7, р. XXV].

В XVIII в. в литературе уже оформилось целое направление, существующее в историографии и по сей день, где «иезуитское государство в Парагвае» представляется как воплощенная мечта человечества о всеобщем счастье. Как отмечает в своей диссертации Е. В. Санникова, латиноамериканская действительность того времени была идеальным пространством для утопического творчества [3, с. 48]. Особо

очевидно это в книге К. Шарлевуа, напечатанной в 1757 г., – «История Парагвая, содержащая [...] полный и достоверный отчет об учреждениях, созданных здесь иезуитами из числа диких туземцев [...] позволивших воплотить в жизнь возвышенные идеи Фенелона, сэра Томаса Мора и Платона». В то же время, это наиболее полный источник, содержащий историю провинции Параквария от основания и почти до самого изгнания иезуитов. Вторя ему, Монтескьё полагал, что в «иезуитском государстве» реализовался идеал платоновской республики. Даже в статьях знаменитой «Энциклопедии», вышедших в свет до изгнания иезуитов из Франции, содержались восторги по поводу их «государства».

Вклад врагов Общества Иисуса в утверждение идеи «государства». С начала также XVIII в. укреплялась фальшивая история миссий, говорящая об обогащениях Общества, связанная с ростом ненависти в Европе, желающей передела колоний, к испанцам и иезуитам, а также с ростом конфликта интересов между редукциями и колонизаторами. В 1726 г. губернатор Парагвая Бартоломе Алдунате, критикуя систему управления редукциями, предлагал Мадриду во главе каждой из них поставить коррехидоров-испанцев, а в 1730 г. противник иезуитов губернатор Парагвая Мартин де Барруа высказал еще более пагубную идею, говоря, что «истинными суверенами и хозяевами Парагвая являются иезуиты» [7, р. XXVII]. Многочисленными опровержениями отвечал на это Жаме Агильяр, орденский прокуратор Парагвая. Обвинения в государственной измене метрополии часто были чрезмерно преувеличены: например, книга о «парагвайском императоре» с его портретом, а также выпущенные якобы им монеты [6].

После подписания мадридского Договора о границах колоний в 1750 г. войска метрополий, передвигая границу, вызвали Войну Гуарани, после чего в 1757 г. вышла на португальском языке «Краткая реляция о Республике, которую монахи-иезуиты в провинциях Португалии и Испании установили в наших заморских владениях двух монархий, и о войне, которая в них всколыхнулась и поддерживается против испанской и португальской армий» [8, р. XXVIII]. Эта и прочие подобные книги подчеркивали, что иезуиты и их подопечные получили слишком много свободы и перестали быть удобными интересам метрополий. Республикой в данном контексте называли, во-первых, из-за уже прочно привязанной к ней утопической традиции [3, с. 71], на фоне становления республиканизма, а также для того, чтобы подчеркнуть дальнейшую

неудобность свободы иезуитов и желания оправдать военные действия против мирного населения.

В 1883 г. в Лейпциге издаётся работа Е. Готхейна «Христианско-социальное государство иезуитов в Парагвае», основанная на памфлетах злейшего врага иезуитов маркиза де Помбаля. Но в целом описание миссий в XIX веке (Шатобриан, С. Канту К. Жоли), как и вся литература эпохи, было проникнуто романтизмом.

Развитие идеи социалистами и коммунистами. К. Каутский писал о миссиях Паракварии как о «Государстве будущего в прошлом». В его «Истории социализма» теме иезуитских редукиций был посвящен один из семи разделов, в нем анализировались труды Шарлевуа, Азара, Д'Орбиньи и Фуньеса. Автор раздела, П. Лафарг, высмеивая их вычурно восторженные отзывы о редукициях, делал предположение: «Возможно, что Общество Иисуса лелеяло грандиозный план – основать теократическую республику...» [2, с. 699]. Кирхенгейм в «Вечной утопии» (1902) и А. Фойгт в «Социальных утопиях» (1906) видели в миссиях воплощение идей утопистов и настаивали, что иезуиты создали коммунистическое государство. С ними соглашался В. В. Святловский, вторя в «Коммунистическом государстве иезуитов в Парагвае» мнениям Руссо, Суареса, Вольтера, Бугенвилля, Монтескье, Рейналя, Лессинга [4, с. 14–15].

Советские коммунисты Д. Е. Михневич и В. М. Мирошевский представили историю христианизации Парагвая иезуитами как закабаление индейцев гуарани. Используя критические материалы политических противников иезуитского господства, они показывали превосходство светского построения коммунизма и уже брали «государство» в кавычки.

Из научных трудов, вышедших в печать во второй половине XX в., следует отметить изданные во Франции книги К. Люгона и Ж. Деколя «Когда иезуиты у власти» (1956) и «Социалистическая теократия: государство иезуитов в Парагвае» (1962) Луи Бодена. Анализ социально-экономических отношений, осуществленный их авторами, несомненно представляет научную ценность, но с употреблением термина «государство» в прямом смысле стоит не согласиться. Например, советский ученый И. Р. Григулевич считал, что иезуиты создали свою автономию в рамках колониальной системы [1, с. 168].

Итак, проследив развитие идеи от заявления о «воплощении в миссиях идеалов Платона и Мора» до полноценных заявлений о

социалистическом, коммунистическом или теократическом «государстве», стоит рассмотреть, какова была действительность.

Отсутствие основных признаков государства [5]. Территория иезуитской провинции Параквария, где находились знаменитые миссии, была всего лишь областью ответственности за миссионерскую деятельность, а не территорией владения, и не вся она была в хозяйственном пользовании редукций, а перемежалась угольями колонистов. Территория была:

юридически не в собственности – принадлежала метрополии;

не единой по месту – всегда было несколько миссионерских округов, миссии перемещались и область основной хозяйственной и миссионерской активности тоже;

частью разных административных единиц, светских (со временем менявших территориальное деление) и духовных. Для тех, кто называет «государством» 30 миссий – они тем более были лишь частью системы миссий, связанных между собой хозяйственной специализацией.

Был ли в миссиях *единый народ*? Нет, в Паракварии были *несколько групп народов*: гуарани, гуайкуры и прочие. Соответственно, было и много языков. К тому же, состав населения миссий постоянно менялся: индейцы уходили и приходили, тысячами похищали их работорговцы, миссии перемещались, и в них вливались новые племена и появлялись новые языки.

Суверенитет? Иезуиты и их индейцы были *зависимы*:

от приказов Генерала Ордена;

от епископов, особенно в противоречиях с колонистами;

губернаторов, особенно в противоречиях с колонистами;

от вице-короля;

от короля: как поданные и как верующие по церковному патронату;

от Совета по Делах Индий.

Не было и разветвлённого бюрократического аппарата: несколько иезуитов на тысячи индейцев в каждой миссии и декоративное индейское самоуправление. Свобода во внутреннем управлении и торговле и даже собственное войско не дали миссиям независимости, всё это было лишь средствами физического выживания. М. Мёрнер склонен считать редукции «округом» в системе испанских колониальных владений, пользовавшимся административной автономией [1, с. 168]. Из оставшихся признаков [5] в полной мере присутствовали налоги и принуждение. Но налоги, во-первых, шли в Испанию, а то, что оставалось, шло не на

организацию бюрократического аппарата, а распределялось на нужды общины. Система принуждения же в некотором роде носила формальный характер, так как несогласные с внутренним порядком просто покидали миссии. Итак, основные признаки государства в провинции Параквария отсутствовали.

Почему же существует столько упоминаний о государстве иезуитов? Государством миссии желали видеть приверженцы идей утопического идеализма, христианского коммунизма, романтически настроенные мыслители, публицисты, стараясь найти в них воплощение и подтверждение своих идеалов. Политики-противники иезуитов подхватили эту мысль, чтобы уничтожить орден. Сам термин «государство иезуитов» – это плод историографической традиции, рожденный в процессе развития идей утопизма, коммунизма и социализма. Он часто хорошо вписывался как пример и объяснял теоретические построения, однако не соответствовал реальности, а потому правы современные исследователи, заключающие слово «государство» в кавычки, либо не использующие его вовсе. Показательно, что в современной испаноязычной историографии миссии иезуитов в Риоплатском регионе рассматриваются в контексте реально существовавшей иезуитской провинции Параквария, существование «государства» или «республики» называется мифом, а эти слова упоминаются лишь в контексте ранее существовавшей исторической мысли [9]. Таким образом, иезуитские редукции были зависимым элементом испанской колониальной системы, а миф о государственности в иезуитской провинции сложился под влиянием утопической культурной традиции и комплекса социально-политических условий.

Библиографический список

1. Григулевич И. Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. – М.: Наука, 1977. 295 с.
2. Каутский К. История социализма. Предтечи новейшего социализма. // История социализма. Предтечи новейшего социализма. СПб.: Общественная польза, 1906. 845 с.
3. Санникова Е. В. Ибероамериканская утопия как продукт межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук: 24. 00. 01. Ростов-на-Дону, 2008. 133 с.
4. Святловский В. В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Петроград: Путь к знанию, 1924. 54 с.

5. Основные признаки государства [Электронный ресурс] // Юридическая энциклопедия. URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/7259 – Дата доступа: 11. 09. 2021.
6. Шафаревич И. Р. «Государство» иезуитов в Парагвае [Электронный ресурс] // Социализм как явление мировой истории. URL: <http://shafarevich.voskres.ru/a13.htm>. – Дата доступа: 15. 04. 2022.
7. Historia de la Compania de Jesus en la Provincia del Paraguay (Argentina, Paraguay, Uruguay, Peru, Bolivia y Brasil) segun los documentos originales del Archivo General de Indias. – en 8 vol.: vol. 1 / P. Pastells, S. J., F. Mateos S. J. Madrid: Librería General de Victoriano Suárez, 1912. 604 p.
8. Historia de la Compañía de Jesús en la provincia del Paraguay: (Argentina, Paraguay, Uruguay, Perú, Bolivia y Brasil) según los documentos originales del Archivo General de Indias. – en 8 vol.: vol. 8 / F. Mateos S. J. Madrid: Librería General de Victoriano Suárez, 1912. 625 p.
9. Las misiones jesuitas ultramarinas // Expulsión y exilio de los jesuitas de los dominios de Carlos III - un portal temático de Biblioteca virtual Miguel de Cervantes [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: – http://www.cervantesvirtual.com/portales/expulsion_jesuitas/ – Fecha de acceso: 21. 04. 2021.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «СМОЛЕНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»: КОМПЛЕКС МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Т. И. Тарасенкова

*Государственный архив новейшей истории Смоленской области,
ул. Ленина, 28, 214000, г. Смоленск, Россия, tata-tarasenkova@yandex.ru*

История смоленской деревни во второй половине XX в. запечатлена в документах историко-этнографической экспедиции «Смоленская деревня». Инициатор организации экспедиции – смоленский ученый, историк-аграрник, профессор Г. Т. Рябков. Программа экспедиции была рассчитана на 20 лет – с 1971 по 1991 гг. Ее основные задачи – зафиксировать расселение крестьянства и запечатлеть в фотографиях современную деревню. Основная документация экспедиции – статистические сведения (анкеты), полевые дневники, фотоснимки. Собранные материалы являются важным и богатым источником информации о жизни смоленской деревни во второй половине XX в., который еще недостаточно изучен и оценен исследователями.

Ключевые слова: Смоленская область; историко-этнографическая экспедиция «Смоленская деревня»; Г. Т. Рябков.

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC EXPEDITION «SMOLENSKAYA VILLAGE»: A COMPLEX OF MASS SOURCES ON THE HISTORY OF THE VILLAGE OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

T. I. Tarasenkova

*State archives of modern history of the Smolensk region,
Lenin Street, 28, 214000, Russia, tata-tarasenkova@yandex.ru*

The history of the Smolensk village in the second half of the XX century is recorded in the documents of the historical and ethnographic expedition «Smolenskaya village». The initiator of the expedition organization is Smolensk scientist, agricultural historian, professor G. T. Ryabkov. The expedition program was designed for 20 years - from 1971 to 1991. Its main tasks are to record the settlement of the peasantry and capture a modern village in photographs. The main documentation of the expedition is statistical information (questionnaires), field diaries, photographs. The collected materials are an important and rich source of information about the life of the Smolensk village in the second half of the XX century, which has not yet been sufficiently studied and evaluated by researchers.

Key words: Smolensk region; historical and ethnographic expedition «Smolenskaya village»; G. T. Ryabkov.

История смоленской деревни во второй половине XX в. запечатлена в документах историко-этнографической экспедиции «Смоленская деревня». Инициатором организации экспедиции выступил смоленский ученый, историк-аграрник, профессор Георгий Трофимович Рябков.

Г. Т. Рябков – исследователь проблем аграрной истории XVIII – первой половины XIX в., постоянный участник Всесоюзного симпозиума по аграрной истории. В течение 1970-х – 1980-х гг. он руководил историко-этнографической экспедицией «Смоленская деревня». В ней принимали участие студенты исторического факультета Смоленского государственного педагогического института, учителя истории школ области, активисты Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Поводом для начала исследования явилась широкомасштабная кампания по ликвидации так называемых неперспективных деревень, сселения их в крупные поселки.

Большую заинтересованность в создании нового комплекса массовых источников по истории деревни проявили Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР и Археографическая комиссия Института истории СССР Академии наук СССР. Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства совместно с историками, этнографами и социологами участвовала в разработке вопросов анкеты обследования сельского населенного пункта. Основные задачи экспедиции – зафиксировать расселение крестьянства области и запечатлеть в фотодокументах современную деревню, быстро перестраивающуюся, но еще сохранявшую традиционный облик.

К 1971 г. В Смоленской области насчитывалось около шести тысяч сел и деревень. В первой трети XX в. в регионе сформировалось преимущественно хуторское и отрубное землевладение. В 1936 г., после проведения сплошной коллективизации, свыше 20% колхозных крестьянских дворов оставались на хуторах. Сселяясь с хуторов, крестьяне ставили свои дворы на старых дворищах, в ранее существовавших деревнях. Поэтому и в последующие годы образовалось много мелких и мельчайших деревень. Наличие большого количества хуторов и мелких деревень приводило к тому, что колхозы часто создавались в составе 10–15 дворов [1, л. 84].

В годы Великой Отечественной войны крестьянские хозяйства области очень пострадали. Немецко-фашистские захватчики сожгли более 900 сел и деревень, около 250 тысяч крестьянских дворов. В 1943–1945 гг. в Смоленской области было восстановлено 5550 колхозов и совхозов. Размеры уцелевших сельских поселений уменьшились. В послевоенные годы восстанавливаемые поселки формировались в традиционном виде. В 1950–1960-х гг. происходило укрупнение хозяйств, преобразование многих колхозов и совхозов. В результате к 1971 г. образовалось 152

укрупненных колхоза и 275 совхозов, хотя число сел и деревень оставалось в основном неизменным.

Историко-этнографическая экспедиция должна была рассмотреть формирование новых сельских поселений. Многие поселки колхозов и совхозов уже застраивались по генеральным планам с применением нетрадиционных планировочных и архитектурно-строительных решений. Вместо традиционных деревянных изб, крытых соломой, строились кирпичные коттеджи с квартирами или одноэтажные дома с квартирами на одну – две семьи, с водопроводом и канализацией, крытые жемьью или шифером, с вынесенными во двор хозяйственными помещениями.

В селе Никольское, центре колхоза им. Радищева Гагаринского района, коттеджами застроено семь улиц. На центральной улице построены кирпичные здания Дома культуры, детского сада и яслей, магазинов, Дома быта, средней школы. В поселке проложено более пяти километров водопроводных сетей, более 500 метров сетей парового отопления и почти километр канализации. В селе Середица, центре совхоза «Нащекинский» Сычевского района, построены здания фельдшерско-акушерского пункта, детского сада и яслей, Дома культуры и библиотеки, специализированных магазинов, вынесены из центра старые скотные дворы. Вещественные приметы времени – современная фабричная мебель, хорошая посуда, радиоприемники, телевизоры, в сених и гаражах – велосипеды, мотоциклы, автомобили. Рядом с коттеджами и новыми домами в населенных пунктах стоят избы традиционной архитектуры. Традиции народной культуры нашли отражение в архитектурном оформлении крыш, окон, входных дверей и других частей изб. В оформлении фронтонов, наличников, крылец проявились декоративный талант, тонкий художественный вкус.

Преобразовательные процессы в деревне остро поставили проблему сохранения памятников истории и культуры. В Смоленской области имеется много памятников древности. В сельской местности находится значительное количество городищ, курганов, памятников архитектуры. Экспедиция должна была не только зафиксировать уже учтенные и охраняемые памятники, но и выявить памятники, еще не взятые на учет и не охраняемые государством. Предполагалось, что ее участники будут общаться с ветеранами Великой Отечественной войны, ветеранами труда. Это позволит молодым людям внести свой вклад в выявление новых памятных мест.

Основная документация экспедиции – статистические сведения (анкеты), полевые дневники, фотоснимки жилых домов, производственных процессов, помещений культурно-бытового назначения, памятников истории и культуры – хранятся в Государственном архиве Смоленской области. Программа экспедиции рассчитывалась на 20 лет – с 1971 по 1991 гг. – и включала в себя сплошное анкетирование и фотографирование сел и деревень области, а также их выборочное детальное описание и сюжетную киносъёмку. Анкета содержала 14 вопросов обо всех основных сторонах жизни сел и деревень: о расселении сельских жителей, местоположении, размерах и типе каждого населенного пункта. Это позволяло расширить представления о современной топонимике сельских поселений, обогащении ее новыми названиями. Состояние земли, ее общая площадь, в том числе пашня, луга, леса, неиспользованная земля характеризовались на основе данных, ведомостей землепользования колхоза или совхоза и отражались только по тем населенным пунктам, которые являлись центрами хозяйств [2, л. 105–108; 3, л. 1–3].

Тип населенного пункта требовалось показать в нескольких аспектах: 1) какова степень индустриализации производства с указанием существовавших промышленных хозяйств (например, птицефабрик), животноводческих комплексов, предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья; 2) оценка перспективности развития населенного пункта; 3) анализ изменения сельскохозяйственных специализаций – полеводства, животноводства, семеноводства с 1917 г. до периода проведения экспедиции.

В анкете указывалось административное и производственное значение населенного пункта, количество хозяйств, жителей, число прибывших и выбывших, а также родившихся и умерших на 1970, 1980, 1990 годы. Выяснялось транспортное расположение населенных пунктов, регулярность транспортного сообщения и ближайшим городом, районным центром, наличие личного транспорта у населения – велосипедов, мотоциклов, автомобилей. Уточнялись бытовые условия и вопросы бытового обслуживания населения, наличие в сельских поселениях электричества, телефонной связи, радио, водопровода, газа, теплоснабжения, канализации, телевидения, заасфальтированных улиц, парков, скверов. Важным вопросом являлось обеспечение населения питьевой водой. Планировалось выяснить, откуда население получает

воду – из водопроводной колонки, колодца, реки или озера, и какое качество этой воды.

В анкете фиксировалось количество учреждений здравоохранения – фельдшерско-акушерских пунктов, аптек, больниц, детских яслей и садов; образования и культуры – школ, Домов культуры, клубов, кинотеатров, библиотек; торговли и бытового обслуживания – ларьков, магазинов, бань, швейных и сапожных мастерских, парикмахерских, хлебопекарен. Отдельный пункт анкеты был посвящен информации о находящихся на территории населенного пункта памятниках истории и культуры и памятных местах – курганах, городищах, обелисках, мемориальных зданиях, архитектурных памятниках, местах сражений.

Заполнение анкет осуществлялось по хозяйствам и сельским советам. Необходимые сведения получали из похозяйственных книг, хранящихся в сельсоветах, документов колхозов и совхозов, в результате подворного обследования в самих сельских поселениях. Тесно связаны с анкетами фотодокументы экспедиции. Они насыщены богатейшими этнографическими и другими сведениями, позволяющими судить как о традициях, так и о стремительности происходящих изменений.

Результаты экспедиции высоко оценены научной общественностью. С докладами о ходе экспедиции Г. Т. Рябков выступал в Институте истории АН СССР, на научных конференциях в Киеве, Новосибирске, Смоленске и других научных центрах. О работе экспедиции писали средства массовой информации – «Литературная газета», «Правда», смоленская газета «Рабочий путь». Собранные историко-этнографической экспедицией материалы являются важным и богатым источником информации о жизни смоленской деревни во второй половине XX в., который еще недостаточно изучен и оценен исследователями.

Библиографический список

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1343. Оп. 1. Д. 73.
2. ГАСО. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 11.
3. ГАСО. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 57.

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ МОГИЛЕВЩИНЫ И ВИТЕБЩИНЫ В ОЦЕНКАХ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.

Н. Я. Трифонова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nattrif@mail.ru*

Статья посвящена анализу оценок белорусских ученых конца XIX – начала XX в. памятников церковной старины Могилевщины и Витебщины. На основании рассмотренных материалов отмечается их вклад в изучение проблем древнебелорусского искусства.

Ключевые слова: изучение; церковные памятники; храмы; росписи; сюжет

THE ANCIENT CHURCH MONUMENTS OF MAHILIOŬ AND VICIEBSK REGIONS ASSESSED BY THE BELARUSIAN SCIENTISTS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

N. Ja. Trifonova

*Belarussian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, nattrif@mail.ru*

The article is devoted to the assessment analysis of the Belarusian scientists of the late 19th – early 20th century in point of the ancient church monuments of Mahilioŭ and Viciebsk Regions. The materials reviewed note the contribution of the Belarusian scientists to the study of the problems in the Old Belarusian art.

Key words: study; church monuments, churches, murals, subject

Конец XIX – начало XX в. был периодом активного исследования древностей Беларуси. Среди ученых того времени, занимавшихся исследованием древностей Беларуси, надо назвать А. М. Сементовского¹⁸, Е. Р. Романова¹⁹, А. П. Сапунова²⁰, В. Г. Краснянского²¹, Ф. А. Жудро²².

¹⁸ Сементовский Александр Максимович (1821–1893) занимал должность секретаря Витебского статистического комитета (1863–1882). Наряду с изучением археологических памятников в «Белорусских древностях», изданных в Санкт-Петербурге в 1890 г., он поместил результаты исследований древних храмов Витебска и Полоцка.

¹⁹ Романов Евдоким Романович (1855–1922) проводил археологические и этнографические исследования, способствовал открытию Могилёвского церковно-археологического музея. Автор многочисленных научных публикаций. Под редакцией Е. Р. Романова издается три выпуска «Могилевской старины».

²⁰ Сапунов Алексей Парфенович (1851–1924) – историк, археолог, изучавший древности Беларуси. Наряду с такой работой, как сборник «Витебская старина», вышедший в трех томах в 1883–1888 гг., ему принадлежит ряд исследований по истории Полоцкой епархии и ее памятников. А. П. Сапунов явился одним из организаторов витебского церковно-археологического древлехранилища.

Задачу изучения и фиксации наиболее ценных в художественном отношении памятников ставила перед собой Витебская ученая архивная комиссия, развернувшая в 1909–1918 гг. активную работу в этом направлении. Ей обращалось внимание императорской Археологической комиссии на плохое состояние древних памятников Полоцка и Витебска [9, с. 33]. Членами комиссии были П. М. Красовицкий²³, Д. С. Леонардов²⁴. Почётным членом Витебской учёной архивной комиссии был историк и археограф Д. И. Довгялло²⁵. В оставленном исследователями научном наследии определенное место занимают памятники церковного искусства, в том числе росписи церквей Восточной Беларуси. На рубеже XIX–XX вв. они становятся объектом изучения как белорусских, так и российских ученых, о чем свидетельствует публикация А. М. Павлинова в материалах IX археологического съезда, проходившего в 1893 г в Вильно [7, с. 1–27].

А. М. Сементовский после осмотра росписей полоцкой Борисоглебской церкви в книге *«Белорусские древности»* писал: «Внутри храма, с правой стороны, из-за толстого слоя известковой обмазки виднеются остатки древних фресок. Колорит рисунка и поставка ног фигуры сильно напомнили нам фрески Киевского Софийского собора» [10, с. 113]. В той же книге он подробно описал изображения в пяти куполах Троицкой церкви Витебского Маркова монастыря: «В алтарном, – отмечает А. М. Сементовский, – Св. Дух, в среднем три лица Св. Троицы с ликами, в четырех верхних простенках – святителей – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Николая Чудотворца; а в нижней осьмиугольной части купола Собор всех безплотных сил. В правом боковом куполе Господь Саваоф и ангелы, держащие все орудия страдания

²¹ Краснянский Владимир Гаврилович (1863–1930) краеведческую деятельность начал с раскопок курганов в Борисовском уезде. Автор работ о событиях Отечественной войны 1812 г., истории Мстиславля, древней архитектуре Беларуси.

²² Жудро Фёдор Андреевич (1864–?) получил богословское образование, преподавал в могилевских учебных заведениях духовного ведомства. Наряду с работой под руководством Е. Р. Романова по упорядочению Могилевского древлехранилища выполнял обязанности редактора «Могилевских епархиальных ведомостей». Ему принадлежат работы по истории Могилевской епархии, отдельных монастырей и храмов Могилевщины.

²³ Красовицкий Пётр Матвеевич (1873–1950) – член Витебской ученой архивной комиссии, автор исследований о культовых памятниках Витебщины.

²⁴ Леонардов Дмитрий Сергеевич (1871–1915) – историк, богослов, автор ряда работ религиозно-исторической тематики, член Витебской ученой архивной комиссии.

²⁵ Довгялло Дмитрий Иванович (1868–1942) работал в Витебском центральном архиве древних актов, Виленском Центральном архиве древних актов, был членом и председателем Виленской комиссии для разбора и издания древних актов (Виленской археографической комиссии). Участвовал в издании «Историко-юридических материалов...» и Актов Виленской археографической комиссии. Автор работ по истории городов средневекового периода, а также некоторых белорусских храмов.

и смерти спасителя /.../ В северном и западном куполах находились /.../ Богородица, вознесенная на облаках и кругом ее сонм пророков со свитками в руках /.../» и «/.../ апокалипсическое изображение Святителя с мечом из уст его, проходящего среди семисвещника, а кругом его также апокалипсические изображения» [10, с. 119]. Им отмечена также композиция, которая представляла князя Владимира, закладывающего церковь святого Спаса [10, с. 119]. По свидетельству А. М. Сементовского, Петропавловская церковь в Витебске была хорошо расписана «картинами из священных событий ветхого и нового завета» [11, с. 71].

В исследовании А. П. Сапунова «Полоцкий Спасо-Евфросиниевский девичий монастырь» имеется упоминание об изображении благословляющего Спаса [8, с. 20]. В работе Ф. А. Жудро, посвященной кутеинской обители, приводится наиболее подробное описание стенописи храма. По мнению автора, церковь была расписана в 1639 г. Основанием для такой датировки послужила дата под находившейся на стене за главным престолом картиной «Тайная вечеря» [2, с. 5–6]. Эта дата утвердилась в исследованиях современных белорусских ученых.

Исследователь истории Тупичевской обители близ Мстиславля В. Г. Краснянский отметил, как одну из достопримечательностей, росписи монастырского храма. Как следует из сделанного им описания монастырского храма, наружные стены церкви были расписаны на сюжеты исторических событий, связанных с Мстиславлем [5, с. 10]. Живопись, по мнению исследователя, невысокого качества, но « /.../ дышит наивным глубоким религиозным чувством» [5, с. 12].

В отличие от члена Археологической комиссии А. М. Павлинова, который, описывая интерьер Троицкой церкви Маркова монастыря, замечал, что внутренность церкви расписана по доскам и не представляет никакого интереса, П. М. Красовицкий указывал на тематическую широту и оригинальность трактовки сюжетов этих росписей [4, с. 1–64]. В качестве примера исследователь приводил также одну из композиций витебской Воскресенско-Заручавской церкви, на которой «враг, всеявший плевлы» изображен с коровьей головой, причем живописец «сумел придать этому лицу злорадно-самодовольную усмешку» [4, с. 27]. Обобщая свои наблюдения над росписями каменных храмов Витебщины, П. М. Красовицкий отмечал: «Стены и своды /.../ были расписаны клеевой краской по штукатурке священными изображениями и орнаментами (Барокко, Рококо). Излюбленными сюжетами были евангельские события и притчи, отчасти события, описанные в кн. Деяний апостольских и

ветхозаветных. Отметить какую-либо определенную традицию в распределении сюжетов затруднительно. Живопись итальянская, иногда очень слабая по технике, но не лишенная оригинальности в изображении лиц и сцен /.../ типы и костюмы отражают особенности эпохи и края» [4, с. 16]. Несколько ранее И. М. Истомина, характеризуя стенопись юго-западной России, указывал на сильное влияние западной гравюры, в частности Библии Пискатора, а к числу композиций с «намёками на более оригинальное творчество» относил те, в которых «воспроизводится богословская тенденция по адресу ереси Ария, учений Лютера, Кальвина, словом, протестантских учений, столь распространенных в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII вв.» [3, с. 25].

В поле зрения Д. С. Леонардова попала стенопись полоцкой Богоявленской церкви. На основании осмотра храма в 1910 г. он отмечает: «Из стенописи можно упомянуть только изображения апостолов и святителей /фигуры в рост человека/ в фанаре купола и евангелисты на парусах его. Работа среднего достоинства, но для своего времени – достаточная. На арках и сводах между ними сделаны украшения в виде незатейливых орнаментов /.../» [6, с. 35].

Одна из статей Д. И. Довгялло посвящена униатскому храму в д. Конаши и содержит подробное описание находившихся там росписей, воспроизводивших характерную для костелов систему алтарей [1, с. 53–57]. Судя по описанию, среди изображенных были православные и католические святые и преподобные, культ которых возник в данном регионе (св. Иосафат Кунцевич), либо получил здесь широкое распространение (св. Николай). Находившееся здесь изображение Богородицы, попирающей змея, может быть одним из примеров западноевропейской композиционной схемы, распространенной также в иконописи.

Не имея возможности исследовать росписи ряда храмов, которые находились в то время под позднейшими записями, белорусские ученые конца XIX – начала XX в. оставили описания росписей храмов, сгоревших или разрушенных в конце 1880-х – 1920-х гг. Причем глубокие богословские знания позволяли в ряде случаев (Ф. А. Жудро) провести анализ их состава. В тематической широте и оригинальности трактовки сюжетов видел исключительную ценность росписей Троицкой церкви Маркова монастыря П. М. Красовицкий. Отмеченные этим ученым особенности изобразительного языка росписей, их иконографическая

свобода, дополняли наблюдения, сделанные в этот период некоторыми российскими исследователями.

Библиографический список

1. Довгялло Д. И. Остатки униатского храма // Могилевская старина / Под ред. Е. Р. Романова. Могилев, 1903. Вып. 3. С. 53–57.
2. Жудро Ф. А. Богоявленский братский монастырь в г. Могилеве: [Ист. очерк]. Могилев: Тип. Губ. правл., 1899. 51 с.
3. Истомина М. И. Фрески XVII–XVIII вв. в храмах и костелах Юго-Западной России и отголоски прошлого в них // Археологические известия и заметки. М., 1900. Т. 7. С. 251–252.
4. Красавицкий П. М. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. С. 1–64.
5. Краснянский В. Г. Город Мстиславль Могилевской губернии с 50 автотипиями. Вильна: [Изд. Сев.-зап. отд. РГО], 1912. 99 с.
6. Описание полоцкого Богоявленского собора, сделанная Д. Леонардовым. Фонд 2771. Оп. 1. Ед. хр. 159. 1910 г.
7. Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX археологического съезда в Вильне. М.: Тип. Лиснера и Романа, 1895. Т. 1. С. 1–27.
8. Сапунов А. П. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский девичий монастырь. Витебск: Тип. Г. А. Малкина, 1888.
9. Селицкий А. А. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 171 с.
10. Сементовский А. М. Белорусские древности, изданные А. М. Сементовским. Спб: [Типолитограф. П. Стефанова], 1890. Вып. 1. 136 с.
11. Сементовский А. Витебск: Ист. очерк // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. Спб: Изд-во Витеб. губ. стат. ком., [1864]. С. 93–276.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772 г. – февраль 1917 г.)

Е. Н. Филатова

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая 1, 220072, г. Минск,
Беларусь, filatova@tut.by*

Мемуары, дневники, переписка всегда были очень ценными источниками для исследователей, и не только историков, но и литераторов, искусствоведов и др. Благодаря им можем посмотреть на жизнь другого времени глазами их современников. Понятно, что это субъективный взгляд, однако отношения к людям, поступкам, некоторым событиям не всегда найдешь в архивных документах. С другой стороны, архивные документы, в ряде случаев хорошо дополняют и проверяют источники личного происхождения.

Ключевые слова: Российская империя; белорусско-литовские губернии; источники; история; повседневная жизнь.

SOURCES ON THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE' OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1772-FEBRUARY 1917)

E. Filatova

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Akademicheskaya
str., 1, 220072, Minsk, Belarus, filatova@tut.by*

Memoirs, diaries, correspondence have always been very valuable sources for researchers and not only historians, but also writers, art critics, etc. Thanks to them, we can look at the life of another time through the eyes of contemporaries. It is clear that this is a subjective view, however, the attitude towards people, actions, some events not always found in archival documents. On the other hand, archival documents, in a number of cases, complement well and verify sources of personal origin.

Key word: Russian Empire; Belarusian-Lithuanian provinces; sources; history; everyday life.

За 20 лет XXI в. значительно пополнилась не только историография по истории Беларуси в составе Российской империи, но и введены в научный оборот новые источники, что особенно важно для исследователей. Связано это с тем, что кроме архивов и библиотек в Минске и Гродно, значительное количество материалов по данной тематике находится за пределами нашей страны – в России, Польше и Литве. Источники пополнились мемуарами, дневниками, перепиской, новыми опубликованными сборниками документов. Интересный материал можно найти и в большом количестве исследований по повседневной истории общества Российской империи, в том числе и населения

белорусско-литовских губерний. Большое количество работ, за редким исключением, за последние годы сконцентрировало свое внимание на многочисленных мелких вопросах, что хорошо, так как они являются и составной частью повседневной истории. Все эти аспекты вместе дают более-менее полное представление о специфических особенностях территории и населения белорусско-литовских губерний, которые отличались от центральных регионов Российской империи.

В ряде случаев интересные воспоминания, дневники, переписка изданные в дореволюционные времена переиздаются, а бывшие ранее в архивах и неопубликованные материалы переводятся с французского, немецкого, польского языков и издаются на русском, белорусском языках и вводятся в научный оборот. Эти опубликованные источники можно условно разделить на группы – мужские и женские. Мужчины больше обращали внимания на политические, военные и хозяйственные аспекты, а женщины – на быт, личную, светскую и культурную жизнь, много сплетничают, не всегда лестно отзываюся о своих знакомых. Кроме того, издан ряд текстов касаются жизни и деятельности отдельных исторических личностей, а также ряда проектов (как их называли – «прожекты») по различным аспектам государственной, региональной, конфессиональной деятельности. Эти источники написаны представителями шляхты/дворянства, духовенства, военных, чиновников, писателей и поэтов – наиболее активной и образованной части общества этого региона.

Авторы в ряде случаев писали воспоминания, будучи уже в пожилом возрасте, по памяти или базируясь на своей переписке, дневниках, которые модно было вести образованной части населения на протяжении своей жизни, не глядя даже на различные, не всегда благоприятные, обстоятельства. Хотя и не всегда. Ряд воспоминаний как бы переплетается между собой, так как они написаны людьми, которые бывали в высшем свете Варшавы, Вильны, Петербурга, Москвы, Парижа, Вены, Рима, Лондона и были знакомы между собой, а в ряде случаев и связаны родственными узами. Например, мемуары С. Моравского, Г. Пузыны, Л. Сапеги, Л. Потоцкого. О. А. Пржецлавского, М. Клеофаса Огинского, А. Чарторийского, А. Потоцкой (из Тышкевичей). Больше всего воспоминаний и других источников приходится на столицу региона – Вильну. Так, воспоминания С. Моравского о молодых годах, проведенных в Вильно, как бы переплетаются с воспоминаниями Г. Пузыны по обилию информации о личных отношениях представителей светского общества

этого города. При этом и те, и другие являются ценным источником не только для описания повседневной жизни дворянства, но и для такой специальной исторической дисциплины, как генеалогия.

Наиболее значительные события, которые затронули территорию и население белорусско-литовских губерний, нашли отражение в публикациях, которые касались присоединения белорусско-литовских земель к Российской империи после трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг., войны 1812 г., восстания 1830–1831 гг., ликвидации униатской церкви в 1839 г., восстания 1863–1864 гг., первой российской революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. Все эти события касались не только территории и общества этих губерний и внутренней жизни Российской империи в целом, но и имели значительный международный резонанс, а кроме того они влияли на повседневную жизнь населения территории. Отечественная и зарубежная историография до сих пор практически не имеет исследований, посвященных более полному раскрытию ключевых аспектов этих политических и военных событий в целом.

Один из существенных субъективных факторов в монархическом государстве – смена императоров, которая, как правило, приводила к изменению ближайшего окружения, изменению правительства, политического курса. Например, если император был молод, то и его окружение было молодым, возможно более образованным, прогрессивным. Влияли также и личные дружеские отношения, противоречия, которые сложились во взаимоотношениях с родителями и т. д. Поэтому важны для исследователей не только сами указы, но и воспоминания, дневники, переписка, личные записки как самих главных действующих лиц, так и о них. В сочетании с указами, проектами, секретными актами эти материалы дают более полное представление о политике того или иного монарха и правительства и отношения к ней общества.

Уникальным источником для исследователей повседневной жизни общества белорусско-литовских земель является изданный в 2010 г. сборник воспоминаний «Поляки в Петербурге в первой половине XIX века» [17]. Поляки, это шляхта/дворянство, которые владели имениями на территории белорусско-литовских земель, а также, некоторые из них – в Польше, Пруссии, Австрии. Хорошо дополняется эта работа изданным в 2017 г. первым томом «Журнала Комитета Западных губерний. 1831–1835». Например, среди крупных землевладельцев, которые поддержали

восстание 1830–1831 г., был Евстафий Каетан Сапега, самый богатый землевладелец на территории белорусско-литовских губерний. О. А. Пржецлавский, который его знал лично, отметил, что «никто не знает, что могло побудить его принять участие в сумасбродном польском мятеже 1830 года. Это тем не понятнее, что он никогда не разделял образа мыслей повстанцев и что, бросив огромное состояние, пристал к мятежу уже после взятия Варшавы. Он, как эмигрант, удалился в Англию, все имения его конфискованы» [17, с. 122]. Е. Сапега еще в ноябре 1831 г. подал прошение на имя императора с просьбой разрешить ему вернуться в Российскую империю и вернуть его владения, но он не дождался решения и в 1833 г. выехал из Дрездена в Англию. По его новому прошению на имя Николая I, от 18 мая 1834 г., рассматривался вопрос на заседании комитета Западных губерний. Поскольку он не участвовал в боевых действиях и мог бы рассчитывать на возврат своих владений, но препятствием этому стало повеление императора от 24 ноября 1832 г., в котором запрещался возврат в Российскую империю тем, кто служил до восстания в российской армии. А до 1821 г. Е. Сапега служил в кавалерии, затем в гусарском полку в Сумске. И поэтому «он не может получить дозволения на возврат в империю, а имение его следует оставить конфискованным» [8, с. 625].

Проекты польского генерала М. Сокольниковского, который был на службе у Наполеона, переведены с французского и опубликованы. Интересны они предложением создать систему «буферных» государств на белорусско-русской границе. В январе 1812 г. им были подготовлены записки «О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому – и от влияния Англии» (рукопись датирована 10 февраля 1812 г.). Он писал, что «надежно оградить Польшу от России можно было бы с помощью цепи федеративных герцогств, которые имели бы точно такую же, как в Польше, Конституцию и находились бы под ее непосредственной протекцией (но правительства которых назначал бы лично Великий Император)» [24, с. 80]. Этими государствами, на его взгляд, могли бы быть Ливонское герцогство (княжество), герцогство Полоцкое, герцогство Смоленское, герцогство Мстиславское, герцогство Черниговское или Новгород-Северское, герцогство Полтавское [24, с. 81].

Личность и деятельность военного министра, командующего 1-й Западной армии, генерал-фельдмаршала Российской империи М. Б. Баркляя де Толли очень привлекательны для исследователей военной истории. За более чем 200 лет, прошедших со времени окончания войны 1812 г., неоднозначные характеристики, данные ему современниками в

различных мемуарах, дневниках, письмах и в историографии, вызывают по-прежнему большой интерес. Обращается внимание и на разные стороны его жизни, даже личной. Например, бал, который состоялся в Вильно перед самым началом войны, многим запомнился как «прощальный привет мирной жизни». Александр I ходил около накрытых столов, одаривал комплиментами прекрасных дам, весело разговаривал со многими офицерами и успел пройти круг в полонезе с хозяйкой дома – четвертой по счету женой генерала Л. Л. Беннигсена, который был трижды вдовцом, а затем он танцевал с супругой генерала М. Б. Барклай де Толли. Последний поступок офицеры расценили как знак исключительной монаршей милости к военному министру. Так, А. П. Ермолов счел нужным заметить в адрес Е. И. Барклай де Толли: «Жена не молода, не обладает прелестями, которые могут удерживать в некотором очаровании, все остальные чувства покоряя». Супруга же Л. Л. Беннигсена, напротив, удостоилась благосклонных отзывов: «Госпожа чрезвычайно любезна. Во всяком случае женщина не может не украсить общества, и особенно полька во цвете лет» [10].

С пониманием оценивались участниками событий начала войны 1812 г. усилия М. Б. Барклай де Толли по сбережению войск. Как вспоминал о первом месяце кампании начальник Дипломатической канцелярии 2-й Западной армии А. П. Бутенев: «Барклай продолжал удивительное отступление. Тогдашние сторонники ставили его выше французского генерала Моро, который прославился подобным же движением в войне с Германией. Он довел свою армию во всей целостности до Витебска; у него не было ни отсталых, ни больных и на пути своем он не оставил позади не только не одной пушки, но даже и не одной телеги или повозки с припасами» [14, с. 111]. Об его искусном руководстве отступлением 1-й армии писал и артиллерийский офицер Н. Е. Митаревский в своих записках: «Во весь наш поход от Лиды до Дриссы и оттуда до Смоленска, несмотря на дурную погоду и трудные переходы, все до последнего солдата были бодры и веселы. Больных и отсталых было не более, как в обыкновенных походах; лошади были в хорошем теле и не изнурены» [25, с. 48]. Французы также высоко оценивали военного министра. Так, Ф. Сегюр охарактеризовал оставленный русский лагерь под Витебском: «все в этом лагере на знание военного искусства: удачный выбор места, симметрия всех его частей, точное и исключительное понимание каждой части и как результат – порядок и чистота. При том ничего не было забыто, ни одно орудие, ни один предмет и вообще никакие следы не

указывали, вне этого лагеря, какой путь избрали русские во время своего внезапного ночного выступления. В их поражении было больше порядка, чем в нашей победе» [20, с. 172]. Французский офицер Ц. Ложье, находясь в Сураже Витебской губернии, писал: «Верные своей системе, русские и здесь (как и везде, где успели) сожгли свои магазины, рассыпали зерно и уничтожили все, что не могли захватить. Отдельным отрядам приходится для поддержки своего существования прибегать к собственным средствам: они делают набеги, которые в результате только подрывают основы дисциплины, разоряют население и озлабляют его против нас. Армия уже уменьшилась на треть со времени перехода через Неман. Многие солдаты, под влиянием голода, отделялись от армии, отыскивая пищу, и были убиты на флангах; другие заперлись в покинутых господских домах, где нашли достаточно припасов, чтобы жить в довольстве, выбрали себе начальника и сохраняют себя по-военному, не помышляя об армии, к которой принадлежат. Считайте еще больных, отсталых, мертвых и раненых, и вы представите уменьшение наличного состава армии» [11, с. 36]. Современный российский историк В. М. Безотосный отмечал, что Александру I приходилось считаться с настроениями «патриотов» и жертвовать в угоду критикам «немецкого засилья» рядом заранее подготовленных на этот случай фигур. Первым для удовлетворения гнева российских военачальников на заклятие отдали К. Фуля, автора скандального Дриссенского проекта. Вторым для «генерального жертвоприношения» был подготовлен разработчик и главный исполнитель плана отступления М. Б. Барклай де Толли [2, с. 71].

Повседневная жизнь духовенства прослеживается, например, в дневнике (1858–1860) Минского православного архиепископа Михаила Голубовича, который активно участвовал в процессе «воссоединения» униатов с православной церковью. Дневник переведен с польского и издан литератором Я. Янушкевичем [27]. Продолжение этого дневника (1865–1867) было опубликовано иереем Г. Щегловым [26].

Многочисленные воспоминания по восстанию 1863–1864 гг. были дополнены воспоминаниями Аполонии Сераковской (из Далевских) – сестра Франтишка и Александра Далевских, жена З. Сераковского. Книгу подготовили к изданию польская исследовательница И. Сикорская-Кулеша и литовская Т. Байрашускайте [28].

В связи с рядом юбилейных и не юбилейных дат историографии возрос интерес к революциям 1905–1907, 1917 гг., в особенности в связи с их спецификой на территории белорусско-литовских губерний. Об этом

свидетельствует ряд изданных или переизданных воспоминаний, исследований. [4; 7; 9; 15; 16; 23]. Например, сборник «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска» не оставляет без внимания деятельность уроженцев белорусско-литовский губерний Г. Гершуни и Е. Азефа [15].

Анализируя причины революций, российский историк Б. Миронов писал, что «всех нас долго убеждали в необходимости, неизбежности закономерностей и благодетельности русских революций. Мы в это по настоящему поверили и теперь воспринимаем как аксиому» [13, с. 691]. По мнению автора, размах, потрясения и последствия, вызванные революциями, готовность и степень участия в них народа были обусловлены социальными, экономическими и культурными проблемами, которые при благоприятном стечении обстоятельств могли решаться мирным путем, без тяжелейших разрушений и миллионов жертв. Автор пишет, что «непосредственная причина революций заключалась в борьбе за власть между разными группами элит» [13, с. 700]. Революции начала XX в. обуславливались не столько социально-экономическими, сколько политическими факторами.

Первая Мировая война в советской историографии, была практически не изучена. В связи со 100-летием этой войны появилось много воспоминаний, научных исследований, в том числе и по повседневности [1; 3; 5; 9; 12; 16; 19; 21; 22; 23]. Так, в 2019 г. переведены с польского на белорусский и опубликованы воспоминания Анеты Примака-Онишк о беженцах с Царства Польского в 1915 г. [21]. Это очень оригинальная работа, в которой даны письма и воспоминания военнопленных офицеров французской армии, в том числе и капитана Ш. де Голля, который находился в лагере в Щучине, в то время оккупированном германскими войсками [19].

С началом Первой мировой войны отношение к еврейскому населению нашло отражение во втором томе «Архива еврейской истории». Так, в рассказах евреев-очевидцев «В прифронтовой Литве 1915 года» описывалась ситуация конца августа 1915 г.: «Еврейское население напугано и часто спасается бегством. На путях от Вильны, на трактах, в пунктах, где евреев мало, всюду можно наблюдать их заколоченные дома... Но и в больших пунктах беспокойно. В Сморгони, Ошмянах, Вилейке – везде чуть не погромные настроения. Вся судьба евреев зависит от милости этапного командира. В Ошмянах был избит стражник, заступившийся за евреев. В Молодечно для усмирения напившихся солдат

было пущено в ход оружие, были убитые и раненые. В Вилейке комендант отдал приказ не трогать население. Без их вмешательства в этих пунктах, где теперь сосредоточены десятки тысяч солдат, положение еврейского населения было бы невыносимо... Отношение к выселенцам в лежащих на пути деревнях было враждебное. Во многих местах выходили с дрекольем, не впускали в деревни. В деревне Суцково (6–7 верст от Сморгони) крестьяне избивали беженцев дубинами... Глубокое Дисненский уезд. С 7 на 8-е наехало казаков и начали бесчинствовать, грабить магазины и затем по домам... Они атаковали синагогу под названием Краута, собрали там много девушек. Часть казаков с саблями наголо стояло около синагоги, а часть их находилась в синагоге, и слышно было крик и плач этих бедных, несчастных девушек. Никого не допустили зайти на помощь этим несчастным жертвам... В таком положении Глубокое находилось два дня. На третий приехали офицеры полиции. Теперь в Глубоком тихо» [1, с. 402–404].

К настоящему времени источниковедение пополнилось рядом интересных изданий, которые позволяют несколько по-другому смотреть на события, которые влияли на повседневную жизнь общества. Хотя нужно отметить, что многие из них публикуются небольшим тиражом и по-прежнему малодоступны исследователям.

Библиографический список

1. Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2., 2005.
2. Безотосный В. М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: РОССПЭН, 2005.
3. Белявина В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны. Минск: Беларусь, 2013.
4. Бок М. П. О моем отце П. А. Столыпине. Минск: Харвест, 2004
5. Великая война. Последние годы империи. СПб.: Серебрянный век, 2014.
6. Веремченко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский Дом, 2009.
7. Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г. Повседневная жизнь российских жандармов. М.: Молодая гвардия, 2007.
8. Журнал Комитета Западных губерний. Т. 1. 1831–1835. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017.
9. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
10. Ивченко Л. Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 г. М.: Молодая гвардия, 2008.
11. Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М.: Правда-Пресс, 2005.
12. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.-Минск: АСТ, Харвест, 2005.
13. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России XVIII – начало XX века. М.: Весь мир, 2012.
14. Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М.: ГПИБР, 2011.

15. «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
16. Першая Расійская рэвалюцыя: прычыны, ход, наступствы: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Мінск, 27 кастрычніка 2005 г.: да 100-годдзя Першай расійскай рэвалюцыі. Мінск: БДПУ, 2005.
17. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
18. Пономарева В., Хорошилова В. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад, XVIII – начало XX века. М.: Ломоносовъ, 2020.
19. Понтъе М. Третий лагерь капитана де Голля. Минск: «б. изд-ва.», 2020.
20. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016.
21. Прымака-Онішк А. Бежанства. 1915. Забытыя ўцекачы. Смаленск: Інбелкульт, 2019.
22. Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск: Беларуская навука, 2020.
23. Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004.
24. Сокольницкий М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михаилом Сокольницким, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» (февраль 1812 г.). Минск: БГУ, 2003.
25. Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М.: Археографический центр, 1996.
26. Щеглов Г. Дневник архиепископа Минского и Бобруйского Михаила (Голубовича). 1865–1867. Минск: изд-во Минской духовной академии. 2020.
27. Янушкевіч Я. Дыярыюш з XIX стагоддзя: дзённікі М. Галубовіча як гістарычная крыніца. Мінск: В. Хурсік, 2003.
28. Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa: NERITON, 2010.

СЯДЗІБНА-ПАРКАВЫЯ КОМПЛЕКСЫ АРШАНСКАГА РАЁНА: ГІСТОРЫЯ, СУЧАСНЫ СТАН, ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫКАРЫСТАННЯ Ў ТУРЫЗМЕ

Д. У. Філіпчык

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030,
г. Мінск, Беларусь, fdv91@mail.ru*

У артыкуле паказана гісторыя і архітэктурныя асаблівасці сядзібна-паркавых комплексаў Аршанскага раёна. Ахарактарызувана ступень іх захаванасці і транспартнай даступнасці. Прааналізаваны магчымасці выкарыстання сядзібна-паркавых комплексаў у турыстычнай дзейнасці.

Ключавыя словы: гісторыка-культурная спадчына; сядзібна-паркавыя комплексы; Аршанскі раён; турызм.

УСАДЬБА-ПАРКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ОРШАНСКОГО РАЙОНА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТУРИЗМЕ

Д. В. Филипчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, fdv91@mail.ru*

В статье показана история и архитектурные особенности усадебно-парковых комплексов Оршанского района. Охарактеризована степень их сохранности и транспортной доступности. Анализируются возможности использования усадебно-парковых комплексов в туристической деятельности.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; усадебно-парковые комплексы; Оршанский район; туризм.

MANOR-PARK COMPLEXES OF ORSHA DISTRICT: HISTORY, CURRENT SITUATION, PROSPECTS OF USE IN TOURISM

D. U. Filipchyk

*Belarusian State University, Independence Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, fdv91@mail.ru*

The article shows the history and architectural features of the manor and park complexes of Orsha district. The degree of their safety and transport accessibility is characterized. Possibilities of using manor and park complexes in tourist activity are analyzed.

Key words: historical and cultural heritage; manor and park complexes; Orsha district; tourism.

Для індустрыі турызму 2020 і 2021 гг. былі надзвычай складаныя і праблемныя. Карантынныя абмежаванні, выкліканыя пандэміяй COVID-19, прывялі да значнага скарачэння міжнароднага турызму, у тым ліку і ў

Рэспубліцы Беларусь. З другога боку, узнікла неабходнасць у развіцці ўнутранага турызму, на які пераарыентавалася турыстычная плынь. У такіх умовах актывізавалася праца па стварэнні новага турыстычнага прадукту, уключэнні ў яго раней не задзейнічаных аб'ектаў. Сядзібна-паркавыя комплексы Аршанскага раёна не былі актыўна задзейнічаны ў турызме, хаця і валодаюць значным турыстычным патэнцыялам.

На тэрыторыі Аршанскага раёна сярод сядзібна-паркавых комплексаў, якія магчыма ўключыць у турыстычную дзейнасць, вылучаюцца: сядзібна-паркавы комплекс Макшыцкіх у пас. Высокае, Любенскіх у в. Межава, Любамірскіх у в. Юрцава. Яшчэ адзін сядзібна-паркавы комплекс у Смальянах захаваўся фрагментарна, але разам з руінамі замка «Белы Ковель» таксама можа быць уключаны ў экскурсійныя маршруты.

Сядзібна-паркавы комплекс Макшыцкіх. Сядзіба ў пас. Высокае Аршанскага раёна пабудавана Макшыцкімі на мяжы XIX–XX стст. Ядро сядзібнага ансамбля спланавана па сіметрычна-восевай схеме, у цэнтры якой знаходзіцца дом. Перад ім першапачаткова быў праектаваны прамавугольны двор, фланкіраваны двума флігелямі. Адзін з іх (1912) захаваўся ў якасці жылога дома і сёння знаходзіцца ў добрым стане.

Сама сядзіба складалася з аднапавярховага драўлянага дома і пазнейшай двухпавярховай цаглянай прыбудовы. Гэта характэрная рыса сядзібнага будаўніцтва на беларускіх землях, калі камбінавалі драўляныя і каменныя аб'ёмы для памяншэння затрат на будоўлю. Аднапавярховы жылы дом не захаваўся да нашых дзён, аб ім нагадваюць толькі падмуркі з глыбокімі скляпамі.

Прамавугольная ў плане каменная прыбудова сёння і асацыіруецца з сядзібай. Яна вылучаецца ў цэнтры паўднёвага фасада пяцікутным эркерам са спічастымі аконнымі праёмамі. Яе цокаль расцечаны лучковымі вокнамі. Першы паверх аздоблены рустам, другі – руставанымі вуглаватымі лапаткамі і аздабленнем аконных праёмаў у выглядзе прафіляваных ліштваў з трохвугольнымі франтонамі і аконнымі панэлямі [1, с. 137]. Захаваўся балкон на чыгунных літых кансолях, які звернуты да поймы р. Аршыцы.

Пасля 1917 г. маёнтак перайшоў у дзяржаўную ўласнасць. Менавіта ў гэтым будынку ў 1928 г. праходзіў I з'езд Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі, на якім прысутнічалі, у прыватнасці, Кнорын і Галадзед – вядомыя партыйныя дзеячы [1, с. 137]. У савецкія гады ў сядзібе знаходзілася школа, пасля будынак не выкарыстоўваўся і перайшоў у

прыватную ўласнасць. Сёння будынак закінуты, засмечаны. Пашкоджаны дах, страчана большая частка драўляных элементаў. У некалькіх месцах абвалены драўляныя перакрыцці паміж паверхамі. Сядзібны дом уключаны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь (далей Дзяржаўны спіс) пастановай Савета Міністраў № 1351 ад 21. 09. 2010 г., а вось добра захаваўшыся флігель 1912 г. – не [2]. Пад’езд да сядзібы магчымы толькі на легкавым аўтамабілі, паркоўка і якая-небудзь турыстычная інфраструктура адсутнічаюць.

Неад’емная частка шляхецкай сядзібы – гэта парк. Нават небагатыя шляхцічы імкнуліся арганізаваць вакол свайго дома ўтульную прастору. Парк у пас. Высокае яшчэ ў 1964 г. быў узяты пад ахову дзяржавай як помнік прыроды. Займае плошчу 4,7 га. Прыкладны ўзрост паркавых насаджэнняў налічвае 100 гадоў. Паркавая тэрыторыя спалучаецца з невялікім возерам і ручаём. Парк сфарміраваны дрэвамі разнастайных парод: ліпа драбналістая, клён, бяроза барадаўчатая, таполя белая, елка, лістоўніца сібірская, піхта, алешына чорная і інш. [3]

Сядзібна-паркавы комплекс Любенскіх. Межава з’яўлялася адным з фальваркаў Аршанскага ключа і знаходзілася ва ўласнасці Храпавіцкіх, Любамірскіх, Любенскіх. Пры Леоне Любенскім (1863–1944) у Межаве быў узведзены сядзібны дом, які, верагодна, будаваўся ў якасці летняй рэзідэнцыі [4, с. 299].

Будынак мае складаную планіровачную канфігурацыю. Асноўны аб’ём накрыты паўвальмавым мансардным дахам. Да асіметрычнага галоўнага фасада прыбудаваны высокі прамавугольны лесвічны аб’ём, да якога паабпал далучаны ніжэйшыя прыбудовы з вальмавым і пластычным шатровым пакрыццём [1, с. 304]. На бакавым фасадзе выступае пяцігранная апсіда бакавой капліцы. Спалучэнне розных архітэктурных аб’ёмаў і пасляваенны рамонт будынка з прыбудовай новага аб’ёма прывялі да разыходжання адносна стылістыкі дадзенай сядзібы. Некаторыя даследчыкі лічаць сядзібны дом узорам стылю «мадэрн» [5, с. 110; 6, с. 136; 7, с. 156], а некаторыя адносяць да неабарочнага стылю [1, с. 304].

Зараз сярод іншых устаноў частку сядзібы займае праваслаўны храм. Каштоўнасць уяўляе парк, які быў закладзены ў 1901 г. на перасечаным рэльефе ярам і ручаём [5, с. 111]. Найбольш добра захаваўшаяся частка парка размешчана на высокім мысе, створаным выгінам р. Аршыцы і ярам. Першапачаткова масіў дрэваў чаргаваўся з палянамі, дапаўняўся маляўнічым перапляценнем сеткі дарожак. У насаджэннях дамінавалі

хвойныя пароды: сасна (Банкса, Мурэя, веймутава, кедровая сібірская), піхта сібірская, лістоўніца еўрапейская. Сядзібны дом і рэшткі парка ўключаны ў Дзяржаўны спіс пастановай Савета Міністраў № 578 ад 14. 05. 2007 г. [2].

Сядзібна-паркавы комплекс Любамірскіх. Вёска Юрцава з 1787 г. уваходзіла ў лік дубровенскіх уладанняў князёў Любамірскіх. Юрцава дасталася Канстанціну Ксавер'евічу Любамірскаму ў спадчыну ад багатага бацькі. Канстанцін Ксавер'евіч валодаў 14 фальваркамі і 40 000 дзесяцін зямлі паміж Заходняй Дзвіной і Дняпром і ўзяўся за будаўніцтва сядзібнага дома ў Юрцава (меркавана ў 1820-х гг.). Па завяшчанні Канстанціна Любамірскага Юрцава з сядзібай дасталася яго дачцэ Ядвізе, якая выйшла замуж за Адама Грабоўскага. Пасля Ядвігі Юрцава зноў перайшло па жаночай лініі ўжо яе дачцэ Марыі Грабоўскай. Марыя выйшла замуж і як пасаг прынесла Юрцава князям Друцкім-Любецкім.

Канстанцін Ксавер'евіч Любамірскі пачаў будаўніцтва сядзібы, але пры ім яна была яшчэ не завершана. На малюнку Напалеона Орды 1877 г. сядзіба паказана з дзвюма масіўнымі вуглавымі вежамі, якія апаясваюць увесь будынак атыкам [4, с. 297]. На малюнку бачныя зубчастыя завяршэнні вежаў, што надавала ім і ўсяму будынку дадатковую суровасць, ваяўнічасць. Невядома, калі завяршэнні вежаў былі страчаны. Падчас апошняга рамонту яны не толькі не былі вернутыя да першапачатковага выгляду, але добра захаваная цагляная муроўка XIX ст. была атынкавана, крыжовыя скляпенні і скляпенні на нервюрах былі закрыты падвяснымі століямі. Уся архітэктура сядзібы з'яўляецца адсылкай да палацава-замкавага сярэднявечнага дойлідства. У спалучэнні з запруджанай р. Скуп'яй і паркам утварала завершаную кампазіцыю. Фрагменты парка захаваліся да нашых дзён.

У 1946 г. у сядзібе адкрыўся Аршанскі міжабласны шпіталь для інвалідаў вайны, які ў 1953 г. пераўтварылі ў Віцебскі міжабласны туберкулёзны шпіталь для інвалідаў вайны, а ў 1968 г. – Рэспубліканскі шпіталь для інвалідаў вайны Міністэрства аховы здароўя БССР. Пасля будаўніцтва новых карпусоў будынак сядзібы апусцеў і не выкарыстоўваўся. Зараз на тэрыторыі сядзібна-паркавага комплексу размешчаны Віцебскі абласны шпіталь інвалідаў Вялікай Айчыннай «Юрцава», а гістарычны будынак быў адрамантаваны ў 2020 г. і зноў выкарыстоўваецца шпіталем [8].

Замак Сангушак і сядзібна-паркавы комплекс Цітовых. Замак быў пабудаваны ў другім дзесяцігоддзі XVI ст. па загадзе князя Сямёна

Сангушкі-Ковельскага і ўяўляў сабой прамавугольнае ў плане збудаванне памерам 25x50 метраў. Памяшканні замка былі трохпавярховымі. На кожным куце будынка некалі ўзвышаліся вежы, якія выконвалі ролю жылых памяшканняў, аб чым сведчаць размешчаныя ў іх даволі шырокія вокны. Побач з варотамі знаходзілася 5-павярховая, пяцікутная ў плане, вежа. Вонкавыя сцены замка мелі таўшчыню да 1,7 метра. Атачаў замак роў і бастыённая сістэма. У абліччы замка даследчыкі бачаць уплыў галандскай архітэктуры [1, с. 452].

Замак разбураўся падчас вайны Расіі і Рэчы Паспалітай (1654–1667) і ў гады Паўночнай вайны (1700–1721). Сангушкі выступілі ў Паўночнай вайне на баку шведаў. У замку трымаў абарону шведскі генерал-ад’ютант Каніфер на чале каля 200 салдат. У выніку ўдалага штурму ўмацаванні былі захопленыя рускімі войскамі, а генерал Каніфер патрапіў у палон. Адступаючы, войскі Пятра I часткова ўзарвалі замак, каб не пакідаць яго шведскай арміі. Пасля гэтых падзей асноўнай рэзідэнцыяй роду Сангушак становіцца Гродна, а смалянскі замак пачынае прыходзіць у запустэненне.

Пасля паўстання 1830–1831 гг. замак быў канфіскаваны ў яго ўласнікаў і перададзены калезскаму асэсару Васілю Сямёнаву, які прадаў яго «на цэглу» [9, с. 31]. Пазней рэшткі замка перайшлі ва ўласнасць стацкага саветніка В. А. Цітова, які не толькі спыніў яго разборку, але і на ўласныя сродкі зрабіў кансервацыю вежы і ўмацаваў яе аснову невялікімі контрфорсамі.

На сённяшні дзень часткова захавалася галоўная пяціярусная вежа з часткай прымыкаючай да яе сцяны, фрагменты падмурка па ўсім перыметры замка. Руіны замка «Белы Ковель» уключаны ў Дзяржаўны спіс пастановай Савета Міністраў № 578 ад 14. 05. 2007 г. [2]. Уключэнне аб’екта ў турыстычную дзейнасць ускладнена, так як адсутнічае пад’езд і падыход да рэшткаў замка, інфармацыйныя стэнды і навігацыйныя ўказальнікі.

Побач з руінамі «Белага Ковеля» знаходзяцца фрагменты былой сядзібы Цітовых. Стацкі саветнік Валянцін Цітоў, які спыніў разборку замка і правёў яго кансервацыю, стварыў у Смалянах сядзібны дом і заснаваў сельскагаспадарчую школу (1901). Сядзібны дом згарэў у гады Вялікай Айчыннай вайны і на каменным цокалі быў узведзены будынак сельскагаспадарчага тэхнікума. Сёння на месцы сядзібы дзейнічае Смальянскі дзяржаўны аграрны каледж [9, с. 40]. Захаваліся толькі фрагменты парка і гаспадарчых пабудов сядзібы.

Высновы. Разгледзіўшы гісторыю і сучасны стан сядзібна-паркавых комплексаў Аршанскага раёна, можна зрабіць некалькі высноў. На тэрыторыі раёна ў рознай ступені захаванасці дастаткова вялікая канцэнтрацыя сядзібна-паркавых комплексаў для стварэння на іх аснове самастойнага турыстычнага прадукту. Такі прадукт дазволіць уключыць у турыстычную дзейнасць раней мала задзейнічаныя ў турызме гісторыка-культурныя аб'екты, будзе спрыяць комплекснай прэзентацыі беларускай культурнай спадчыны.

Аб'екты валодаюць дастатковай атрактыўнасцю, так як прадстаўляюць спадчыну розных гістарычных эпох (XVII, XIX–XX стст.), розных архітэктурных стыляў (эклектыка, нэаготыка, мадэрн). Сядзібна-паркавы комплекс Макшыцкіх у пас. Высокае валодае мемарыяльным значэннем (I з'езд Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі). Усе аб'екты хаця і ў рознай ступені, але дазваляюць пазнаёміцца з прыроднай спадчынай і садова-паркавым мастацтвам.

У той жа час неабходна канстатаваць, што значны турыстычны патэнцыял сядзібна-паркавых комплексаў амаль не выкарыстоўваецца. Яго выкарыстанню з боку індывидуальных турыстаў і турыстычных кампаній перашкаджае цэлы шэраг фактараў. Гэта адсутнасць турыстычнай інфраструктуры (пад'езды, паркоўкі, прыбіральні, сувенірная прадукцыя). Руіны замка «Белы Ковель» з-за адсутнасці масткоў фактычна недаступны для агляду з блізкай адлегласці, сядзіба ў Юрцава знаходзіцца на тэрыторыі медыцынскай установы, што ўскладняе да яе доступ без папярэдняга ўзгаднення. Значнай праблемай з'яўляецца дрэннае інфармацыйна-навігацыйнае забеспячэнне аб'ектаў (адсутнічаюць дарожныя ўказальнікі, турыстычна-інфармацыйныя стэнды, схемы і т. д.).

Вырашэнне вышэй пералічаных праблем, а таксама распрацоўка турыстычнага прадукту на аснове сядзібна-паркавых комплексаў спрыяла б не толькі стварэнню новых турыстычных прапаноў, але і захаванню гісторыка-культурнай спадчыны рэгіёна.

Бібліяграфічны спіс

1. Архітэктурна Беларусі: Энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл. Мінск: Беларус. Энцыкл. ім. П. Броўкі, 1993. 620 с.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. <http://gospisok.gov.by/Home/Index>. Дата доступа: 10. 10. 2021.
3. Высокае, парк. Аршанскі раён, в. Высокае [Электронны рэсурс]. <http://pridvinie.vlib.by/index.php/pomniki/178-pomniki-pryrody/2931-park-vysoka-arshanski-rajon-v-vysokaе>. Дата доступа: 10. 10. 2021.

4. Aftanzy R Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Cz. 1 [Mikrofilm]. T. 1: Wojewodztwa minskie, mscislawskie, polockie, witebskie. 2. wyd., przejrz., uzupel. 1991. 341 s.
5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / Акадэмія навук БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1985. 495 с.
6. Русецкі А. У., Русецкі Ю. А. Мастацкая культура Аршанскай зямлі ў канцы Х–ХІХ стагоддзях. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2002. 228 с.
7. Федорук А. Т. Садово-парковое искусство Белоруссии. Минск: Ураджай, 1989. 247 с.
8. Лечебный корпус госпиталя «Юрцево» открыли после капремонта [Электронный ресурс]. http://orsha.vitebsk-region.gov.by/ru/news_region_ru/view/lechebnyj-korpus-gospitalja-jurtsevo-otkryli-posle-kapremonta-18794/. Дата доступа: 12. 10. 2021.
9. Шинкевич А. Н Очерки о земле Оршанской. Барань, 2013. 844 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СНИЛ «БЕЛЫ КРЫЖ»)

В. Е. Шамова

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
ул. Советская, 102, 246003, г. Гомель, Беларусь, shamova_2002@mail.ru*

Статья посвящена теме реализации современных подходов к исторической реконструкции событий периода Позднего средневековья и популяризации ее на территории Беларуси. Материал статьи основан на изучении опыта работы СНИЛ «Белы Крыж», созданной на базе исторического факультета (ныне факультета истории и межкультурных коммуникаций) Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. В работе рассказывается об одной из форм использования в реальных условиях реконструкции – организации «живых музеев», которые не только сохраняют определенные традиции, но и обеспечивают их естественное поддержание в жизни общества, а также дальнейшего развития.

Ключевые слова: историческая реконструкция; средневековье; экспонаты.

HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE LATE MIDDLE AGES (FROM THE EXPERIENCE OF SNIL «BELY KRYZH»)

V. E. Shamova

*Gomel State University named after F. Skarina,
Sovetskaya str., 102, 246003, Gomel, Belarus, shamova_2002@mail.ru*

The article is devoted to the implementation of modern approaches to the historical reconstruction of the events of the Late Middle Ages and its popularization on the territory of Belarus. The material of the article is based on the study of the experience of the SNIL «Bely Kryzh», created on the basis of the Faculty of History (now the Faculty of History and Intercultural Communications) Gomel State University named after F. Skaryna. The paper describes one of the forms of use in real conditions of reconstruction - the organization of «living museums», which not only preserve certain traditions, but also ensure their natural maintenance in the life of society, as well as further development.

Key words: historical reconstruction; the Middle Ages; exhibits.

Одним из средств формирования и сохранения исторической памяти о событиях прошлого является историческая реконструкция. В последние годы в литературе и кинематографе этой теме уделяется существенное внимание. Так, главы многих государств историческую реконструкцию рассматривают и используют как основу для повышения туристической привлекательности региона, успешное направление воспитательной работы, средство активизации интереса к прошлому и даже как особую молодежную субкультуру. Но, к сожалению, видение истории как сплошного потока дат, понятий и музейных экспонатов, данное нам школой, очень часто заглушает интерес к изучению истории своего прошлого.

Именно с целью показа истории с другой стороны на базе исторического факультета Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (далее – ГГУ) в 2008 г. был создан исторической реконструкции «Белы Крыж» группой энтузиастов, любителей средневековой истории, среди которых значительная часть участников были выпускники и студенты исторического факультета. С 2011 г. клуб был оформлен на кафедре всеобщей истории как студенческая научно-исследовательская лаборатория (далее – СНИЛ). В работе СНИЛ принимают активное участие не только студенты, но и преподаватели исторического факультета. Участники СНИЛ смогли подготовить материальную базу для воссоздания облика походного лагеря войск Священной Римской империи начала XV века. Помимо этого, были реконструированы: средневековый шатер, мебель, посуда, кухонные принадлежности, характерные для стран Западной Европы и Великого Княжества Литовского данной эпохи. Также в рамках работы СНИЛ были исследованы рецепты этого времени и произведено воссоздание некоторых блюд с использованием средневековой походной печи [1]. В 2020 г. руководитель СНИЛ А. П. Шиляев предложил участникам реконструировать процесс добычи «кричного», или сыродутного железа – от сбора болотной руды до собственно выплавки самого железа. С этой целью 10 октября 2020 г. группы активистов клуба совершила выезд в район г. Речицы, где был произведен сбор образцов болотной руды. Собранная руда в ближайшее время планируется к обработке и непосредственному производству железа. С 2008 г. члены клуба принимают участие во многих фестивалях исторической реконструкции как на территории Республики Беларусь, так и за ее границами. Среди них: «Турнир на Долгом Озере» (Беларусь), «Празднование 600-летия Грюнвальдской битвы» (Польша), «Наследие веков» (Беларусь), «Времена и эпохи» (Россия), «Стародавний Волин» (Польша), «Средневековый Мединенкай» (Литва), открытие средневековой экспозиции в музее г. Кейла (Эстония) и многие другие [2].

Начиная с 2015 г. СНИЛ «Белы Крыж» при содействии студентов исторического факультета и представителей других клубов исторической реконструкции Беларуси на десяти интерактивных площадках были проведены мероприятия в форме «живого музея», организованные во дворе между 2 и 3 учебными корпусами ГГУ. Ежегодно формат мероприятия расширяется, растет количество экспонатов, участников и гостей. Главная цель музея под открытым небом – пробудить интерес к

изучению истории через демонстрацию походного лагеря, снаряжения и быта, характерного для периода XIV–XV вв. [3].

Сам походный лагерь разделен на боевую часть, где зрителям демонстрируются воинские доспехи и оружие конца XIV – начала XV в., и на бытовую, где размещен до мелочей воссозданный средневековый шатер, а рядом находятся образцы средневековой мебели, костюмы, утварь, которые использовались в повседневной жизни. О роли тех или иных предметов, особенностях оружия и снаряжения воинов рубежа XIV–XV вв. рассказывают эскурсоводы из числа студентов-историков и реконструкторов, занимающиеся экспериментальной историей [4]. Средневековая кухня предлагает отведать блюда и хлеб по старинным рецептам из поваренных книг, возраст которых измеряется сотнями лет. Причем буханки хлеба выпекаются не из заготовок, а все готовится под открытым небом на месте. При желании, каждый может испечь свою личную буханку в глиняной печи. На походной кухне дамы в средневековых платьях мастерят и другие исторические блюда. К примеру, кунгссунер – рубленые куры, запеченные в яичном кляре, рецепт которого был взят из Кенинсбергского кулинарного манускрипта XV в., или же мнихи – вымоченные в красном вине баранки. Все эти аутентичные изыски можно попробовать прямо на месте [1].

Также гости исторического праздника могут попробовать свои силы в изготовлении различных кованых предметов, стрельбе из лука, сыграть в настольные игры, поучаствовать в мастер-классе по приготовлению целебных снадобий и травянных настоев или же научиться средневековым танцам, исполняющимся под музыку средневековой эпохи. А в завершение праздника гостям музея предлагают зрелищный турнир копейщиков, облаченных в реплики рыцарских доспехов и шлемы. Пикинеры демонстрируют разные приемы владения копьем, реконструированных из средневековых книг по фехтованию [5].

Также участники клуба проводят воспитательную и культурно-просветительскую работу среди студентов университетов и учащихся средних школ города и области в формате «живых» уроков истории – демонстрация ежедневных предметов быта, воскового оружия XIV–XV вв., а в конце выступления зрителям представляют рыцарскую дуэль. Некоторые члены клуба занимаются и научно-методической деятельностью. Члены клуба принимают участие во многих международных научно-практических конференциях Беларуси, России и других стран. Сведения, полученные в ходе реконструкций, используются

студентами при написании курсовых работ и статей для студенческих конференций [2].

Занятие историческими реконструкциями, воссоздающими или имитирующими различные сценарии прошлого, все больше приобретает популярность у людей разных возрастов. Многие стали вовлекаться в удивительный мир ролевых игр Средневековья и других эпох, участвуя в турнирах, фестивалях или постановках сражений. Повсюду появляются тематические клубы, в которых объединяются любители истории. Они перевоплощаются в героев разных времен и испытывают себя в забытом ремесле или искусстве боя. Участие в исторических фестивалях позволяет людям на время стирать грани между собой и становиться кем-то, кем они не являются в повседневной жизни. Таким образом, можно сказать, что историческая реконструкция в современном мире вызывает интерес у людей не только возможностью стать очевидцем мероприятия, но и также непосредственным участником исторической реконструкции.

Библиографический список

1 Кунгсхунер, рыцарские бои и лечение травами – в Гомеле возродили Средневековье // Советская Белоруссия. [Электронный ресурс]. 2019. 25 мая. <https://www.sb.by/articles/kungsskhuner-rytsarskie-boi-i-lechenie-travami-v-gomele-vozrodili-srednevekove.html>. Дата доступа: 21. 10. 2021.

2. Белы Крыж // Сайт факультета истории и межкультурных коммуникаций [Электронный ресурс]. <http://history.gsu.by/bely-kryzh/>. Дата доступа: 21. 10. 2021.

3. Музей живой истории в пятый раз прошёл на историческом факультете ГГУ имени Ф. Скорины // Гомельские ведомости [Электронный ресурс]. 2019. 25 мая. https://newsgomel.by/news/society/muzey_39933.html. Дата доступа: 21. 10. 2021.

4. Музей живой истории под открытым небом развернется в Гомеле // Звезда. [Электронный ресурс]. 2019. 23 мая. <http://zviazda.by/ru/news/20190523/1558617348-muzey-zhivoy-istorii-pod-otkryтым-nebom-razvernetsya-v-gomele>. Дата доступа: 21. 10. 2021.

5. Турнир на копьях и мастер-класс по средневековым танцам проведут в музее живой истории в Гомеле // БЕЛТА. [Электронный ресурс]. 2019. 22 мая. <https://www.belta.by/culture/view/turnir-na-kopjjah-i-master-klass-po-srednevekovym-tantsam-provedut-v-muzee-zhivoj-istorii-v-gomele-348213-2019>. Дата доступа: 21. 10. 2021.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИСТОРИОГРАФИИ: НА ПРИМЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ НОВЫХ СТАРЫХ СЮЖЕТОВ В СКОРИНОВЕДЕНИИ

О. М. Шутова

*Лаборатория скориноведения и валоризации исследований истории и культуры
Беларуси
15 route de Pontoise, 78740 Vaux-sur-Seine, France, olga@shutova.com*

В статье ставится вопрос о преемственности в историографии и анализируются возможные пути разрешения проблем и ошибок, накапливаемых исторической наукой, применительно к скориноведению. Автор анализирует такие «классические» сюжеты скориноведения, как (возможные) знакомство Франциска Скорины с идеями Пико делла Мирандола и путешествие книгоиздателя в Москву. Рассматривается диахрония наследования и интерпретации «Предисловия к 4-й Книге Ездры» в составе Маначинского библейского свода 1575–1577 гг. С другой стороны, анализируется происхождение и генетические связи источников о сожжении книг в Москве в годы правления Сигизмунда I.

Ключевые слова: Франциск Скорина; Маначинский библейский свод 1575–1577 гг.; Инструкция Сигизмунда II Августа 21/02/1553; Войцех Крыски; Андре Тэве; Томас Рэндольф; Джайлс Флетчер.

ON CONTINUITY AND HISTORIOGRAPHY: ON THE EXAMPLE OF SEVERAL NEW OLD SCORES IN SCORING STUDIES

O. Shutova

*The Laboratory for research on Francysk Skaryna and valorization of the Belarusian
Studies,
15 route de Pontoise, 78740 Vaux-sur-Seine, France, olga@shutova.com*

The article raises the question of the continuity in historiography and analyzes the possible ways of solving the problems and errors accumulated in the Skaryna Studies. The author analyzes such classic topics as the (possible) Francysk Skaryna's acquaintance with the ideas of Pico della Mirandola and publisher's trip to Moscow. From the one hand, the article examines the diachrony of inheritance and interpretation of the «Preface to the 4th Book of Ezra» as part of the Manachin corpus of biblical manuscripts (1575–1577). On the other hand, it analyzes the origins and the genetic connections of the sources about the burning of books in Moscow during the reign of Sigismund I.

Key words: Francysk Skaryna; Manachin corpus of biblical manuscripts 1575–1577; Instruction of Sigismund II Augustus 21/02/1553; Wojciech Kryski; André Thevet; Thomas Randolph; Giles Fletcher.

«Практическое» понимание теории истории приходит, видимо, после какого-то времени в профессии. Таким образом «приняла форму» и мысль о том, о чем писал уже давно Хейден Уайт: историк работает со *следами* прошлого, которого *уже нет*, «вставляя» найденные им «следы» в рамку

тех троп, которые свойственны ему как нарративисту согласно своей идеологии. Получается, что не существует истории «самой по себе», «объективной» или свободной от идеологических влияний или нарративных конструкций. Это «дисциплинирование» работы историка состоит не столько в предписаниях того, что должно быть сделано, сколько в исключениях или предписаниях определенных путей отображения исторической реальности. Но что, если, осознавая эти ограничения, мы будем следовать по пути интеллектуальной истории, руководствуясь мыслью о преемственности, наследовании и развитии идей? Данный текст хотелось бы построить именно в русле преемственности и наследования в историографии (понимаемой широко, как Истории идей).

В качестве базы мы хотели бы привести два сюжета, достаточно хорошо известных в скориноведении. Несколько лет назад мы опубликовали текст «...Абы братия моя русь, люди посполитые, чтучи могли лепей разумети»: пристальное чтение и вопрос о символике Франциска Скорины» [17]. В этом эссе была сделана попытка проанализировать символику «Бивлии русской» Ф. Скорины в контексте тех идей, которые витали в Европе в период Ренессанса, в период конца Quattrocento и начала Cinquecento, в том числе в контексте идей Дж. Пико делла Мирандола о христианской каббале и о создании «prisca theologia» – науки о Знании, которое находило свое воплощение в наиболее выдающихся доктринах античности – платонизме, герметизме, каббале – и, наконец, наиболее полно, в христианстве.

Признаемся, недавно вышедшая статья нашего литовского коллеги С. Ю. Темчина о том, что Предисловие к 4-й Книге Ездры Маначинского библейского свода 1575–1577 гг. было «списано» не с неопубликованной или утраченной книги Скорины, как считалось повсеместно, а с чешской Библии Иржи Мелантриха (Jiří Melantrich z Aventina, 1511–1580) 1556/57 г. [6], стала своего рода шоком для научной общественности. Этот «след», признанный в истории «фактом», оказался не принадлежащим Франциску Скорине, что детронизировало утверждение о том, что наш Скорина знал о Пико делла Мирандола. Историки принимали это предположение как утверждение на протяжении столетий (здесь С. Ю. Темчин не совсем точен: процесс «усвоения» его как факта начался не со статьи Т. Н. Копреевой [2], а гораздо раньше, уже в XIX в., и был закреплен авторитетом такого видного скориноведа, как П. В. Владимиров [1]. Впоследствии эта информация стала хрестоматийной и была

растиражирована во всех престижных и фундаментальных изданиях о жизни Скорины, от монографии Е. Л. Немировского [4] до энциклопедических работ 1980-х гг. [8; 9].

Урок об авторстве рукописи из Маначинского библейского свода был болезненным. Как убедительно показывает С. Ю. Темчин, входящее в него Предисловие к 4-й книге Ездры не восходит к тексту Франциска Скорины, и переписчик взял его из чешской Библии Мелантриха 1556/57. В то же время этот «урок» остается открытым, поскольку не отменяет идеи о том, что сам Скорина знал об имени Пико делла Мирандола, поскольку оно фигурирует в чешской Библии 1506 г., изданной в Венеции [18], текстами которой он пользовался [7].

Более того, в «Предословии доктора Франциска Скорины с Полоцька въ Книги перьвые царствъ», где он описывает траектории, по которым человечество приобретало «писма и науку», т. е. Знание, мы находим имя, которое, как нам представляется, до сих пор всерьез не рассматривалось по отношению к Скорине, а именно – имя Гермеса Меркурия Трисмегиста. Упоминание Скориной этого имени в контексте процесса передачи Знания является эмблематичным, поскольку указывает на тот самый пресловутый ренессансный дискурс, в котором фигура Гермеса Трисмегиста была не просто «модной», но считалась одним из столпов «prisca theologia», а переведенный Марсилио Фичино в 1463 г. «Corpus Hermeticum» был бестселлером книгопечатной продукции²⁶. Добавим к этому фрагменты из текстов, достоверно известных как принадлежащих Ф. Скорине, несмотря на то, что тот, как было принято в эпоху, заимствовал многие из них из других авторитетных источников.

Так, несмотря на сходство скориновской «траектории Знания» с аналогичным отрывком из «Этимологий» Исидора Севильского, где говорится об «авторах законов», мы склоняемся к идее о его заимствовании из платоновского «Тимея», а точнее его перевода руки все того же Марсилио Фичино, боготворившего «нашего божественного Платона», где акцент делается именно на преемственность передачи Знания [19, р. 107, 366, 395]. Да и другой факт упоминания Скориной имени Аристотеля («Кто убо от филозофовъ могъ поразумети Абы господь богъ словомъ своимъ, снизчего сотворилъ вся видимая иневидимая. Старейшине ихъ Аристотелю глаголющу: “Знисчего ничтоже бысть”») [5, л. 8]) говорит не столько об эрудированности или вере

²⁶ Так, в 1471–1641 гг. вышло 24 издания «Pimander, Mercurii Trismegisti liber de sapientia et potestate» («Герметического корпуса»). См.: [22, р. 371].

Ф. Скорины, сколько позиционирует его как неоплатониста в том же направлении, что и М. Фичино, и Дж. Пико делла Мирандола. Эта скориновская фраза, превратившаяся от долгого употребления в своего рода штамп, дает нам следующее прочтение: 1) Скорина не причисляет себя к последователям Аристотеля (они/мы); 2) Скорина против аристотелизма и аверроизма, которые считали невозможным создание богом «видимого и невидимого» из ничего; 3) Скорина, в отличие от Аристотеля, выступает за принцип «ex nihilo», бывший в самом центре яростных дискуссий между сторонниками Аристотеля (аверроистами) и Платона (в его новом, возрожденчески преобразованном Марсилио Фичино облике). Не случайно эти споры нашли отражение в широко известной фреске «Афинская школа» Рафаэля Санти (1509–1511), где фигуры всех мыслителей сгруппированы вокруг центральных фигур – Платона и Аристотеля. «Бог создал мир из ничего своей бесконечной властью», писал М. Фичино в своем предисловии к «Тимею» Платона [20, р. 82–83].

Идея о «погруженности» Ф. Скорины в ренессансный дискурс косвенно подтверждается и фактом присутствия на защите его докторской степени в Падуе «одного из самых известных философов нашего времени» [25, р. 457] – Марка Антониуса де Януа (Marcus Antonius de Ianua, Маркантонио Дженуа, т. е. из Генуи, или Марко Антонио Пассери, Marco Antonio Passeri, Marcantonio De Passeri, 1491–1563), известного своим подходом, направленным на смягчение антагонизма между аристотелизмом и неоплатонизмом в духе М. Фичино. Присутствие в биографической ленте Франциска Скорины этого имени, а также имен профессора Краковского университета Яна из Глогова (см. аналогичный образ армиллярной сферы на фронтисписе издания Сакробоско: Glogowczyk J. *Introductorium compendiosum in tractatum sphere material Joachanem de Sacrobusto*. Cracovia: Joannis Haller, 1506) и символа греческой учености Сильвия Аматыса Сикулуса (Joannes Silvius Amatus Siculus, ок. 1465–1537) дополняется также смысловыми и текстуальными параллелями с предисловием Николо Малерми (Nicolò Malermi/Niccolo Malerbi, ок. 1422–1481) к первому печатному переводу Библии на итальянский («*Biblia vulgarizata/Bibbia italica*». Venice: Wendelinus de Spira, 1471 г.²⁷).

²⁷ Об очевидных параллелях между предисловием «*Epistola*» Н. Малерми к *Biblia vulgarizata* 1471 г. и «Предисловиями» Ф. Скорины, а также между графическим оформлением итальянской Библии 1490 г. («*Biblia vulgare istoriata*»), изданной в Венеции в 1490 г., и скориновской «Бивлии русской», см.: [13, с. 598–606].

После этого экскурса в «интеллектуальный ландшафт», на котором создавалась скориновская «Бивлия руска», и возвращаясь к нашему эпизоду о Предисловии к 4-й книге Ездры, следует констатировать еще один, маловероятный и забавный, но все же не противоречащий контексту аспект: несмотря на то, что рукопись Маначинского свода была переписана с чешской Библии 1556/57 гг., сохраняется, пусть и, повторимся, невероятная, но возможность того, что сам Иржи Мелантрих и его помощники, которые и в 1549, и в 1557 годах правили свой текст по венецианской Библии 1506 г., располагали рукописью Франциска Скорины, оставленной им в типографии Северина, и именно на основании скориновского текста внесли изменения, которые затем отразились на копии из Маначинского свода. Не потому ли Скорина не смог напечатать остальные книги Ветхого и Нового Заветов (хотя уверенно собирался их издать, поскольку заявлял в «Предисловии во всю Бивлию рускаго языка», что уже это сделал), утерев / оставив свои рукописи-переводы в пражской типографии Северина?

Представляется, что сравнение и поиск источников, которыми пользовался Ф. Скорина и чешские издатели, должны продолжаться, тем более, что определенный интерес представляет сравнение их художественного оформления. Так, в Библии, изданной И. Мелантрихом в 1556/57 гг., мы находим изображение Самсона (конечно, на совершенно ином художественном типографском уровне, учитывая, что с момента публикации Скорины прошло 50 лет), которое, возможно, было вдохновлено именно скориновским «Самсоном всеильным» (характерные дубовые листья в отличие от классического аканта, у Скорины превращены в волосы Самсона, а в Библии Мелантриха украшают голову героя в качестве венка).

Любопытным представляется и то, что известие Вацлава Гаека из Либочан о смерти сына Франциска Скорины в пожаре, было напечатано в типографии Бартоломея Нетолицкого [3, с. 128–149; 10, с. С. 208, 505], где чуть позже выйдет чешская Библия И. Мелантриха.

Сегодня мы не можем с уверенностью утверждать, что эти разрозненные фрагменты свидетельствуют о непосредственных взаимовлияниях, однако они представляют важные детали, которые составляют общую картину преемственности и перетекания идей в интеллектуальном пространстве ренессансной Европы.

Еще одним аспектом такого «связанного» восприятия эпохи являются свидетельства, рассеянные в европейских источниках, об эпизоде

сжигания книг в Москве. Современная историография, говоря собственно о Ф. Скорине, ограничивается 1550-ми годами²⁸. Это представляется логичным, если проводить границу по дате смерти издателя [3]. Между тем, документы, созданные позднее, но рассмотренные в перспективе преемственности идей, могут иметь серьезный потенциал, чтобы пролить свет на его деятельность ещё при жизни.

Очень кратко остановимся на трех свидетельствах, которые более полно проанализированы в нашей новой статье, выходящей в материалах XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции «Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития», которая организована Национальной академией наук Беларуси и Российской академией наук и будет проходить в Москве 24–25 ноября 2021 г.

Первое из них – это фрагмент из сочинения «Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres» известного французского космографа Андре Тэве (André Thevet, 1516–1590), которое было создано в 1584 г. и, казалось бы, является нерелевантным по отношению к Ф. Скорине²⁹. Мы уже показывали, что если рассмотреть это свидетельство в *его целостности*, то выясняются следующие факты: информатором А. Тэве был английский дипломат сэр Томас Рэндольф (Thomas Randolph (1523–1590), который был в Париже (со специальными миссиями в 1573 и 1576 гг.) и в 1576 г. передал Тэве информацию о сжигании книг в Москве (Тэве ошибся, когда сказал, Рэндольф был *в течение* 7 лет послом в Москве – на самом деле, посольство Рэндольфа в Москву состоялось в 1568–1569 гг., 7 лет *назад* (от 1576 г.).

Далее, практически идентичный рассказ мы встречаем в еще более позднем источнике – трактате Джайлса Флетчера (Giles Fletcher, the Elder, 1548–1611) «О государстве Русском» («Of the Russe Common Wealth. Or, Maner of gouvernement of the Russe emperour, (commonly called the Emperour

²⁸ Так, недавняя хрестоматия «Франциск Скарныя ў дакументах і сведчаннях», 2020 г. останавливается на 1553 г. (Инструкция 21/02/1553 Войцеху Крыскому), приводя затем лишь документы о жизни его потомков.

²⁹ До недавнего времени в белорусской историографии была распространена ошибочная идентификация этого отрывка как взятого из другого труда Тэве – *La Cosmographie universelle*. Paris: G. Chaudier, 1575. В 1584 г. Андре Тэве издал «Les vrais portraits de hommes illustres» («Истинные портреты известных людей») в 8 томах. Именно в этом произведении, в главе 56, посвящённой московскому царю Василию, Тэве приводит сюжет о сожжении в Москве «русских шрифтов». Путаница произошла тогда, когда в 1858 г. князь О. Голицын издал в Париже книгу под названием «Cosmographie Moscovite par André Thevet, recueillié et publiée par le prince Augustin Galitzin». Книга представляет собой компиляцию отрывков из «Cosmographie universelle» 1575 г., касающихся рутенских, литовских и московских земель. Единственная глава, которую Голицын добавил в свою публикацию, помимо «Универсальной космографии», взята из *другого* труда А. Тэве, а именно, из «Истинных портретов знаменитых людей» 1584 г. См.: [12].

of Moskouia) with the manners, and fashions of the people of that countrey») 1591 г. Мы уже показывали, что о факте сжигания книг Флетчер, очевидно, узнал не «на месте», в Москве, но эту информацию ему передал ранее Рэндольф, который близко его знал, некоторое время был его непосредственным начальником и даже рекомендовал его для дипломатической миссии в Москву (1588–1589 гг) [12]. Такая передача информации была не случайной – будущие участники экспедиций тщательно готовились еще в Англии, а сам факт сжигания книг был экстраординарным и поэтому заслуживающим интереса.

Остается выяснить, каким образом это свидетельство попало в дискурсивное пространство англичан, готовившихся к путешествию в Московию. В этой связи мы обратили внимание как раз на тот источник, которым заканчивается Хрестоматия 2020 г., приводящая документы, непосредственно связанные со Скориной, – Инструкцию от 21/02/1553 польского короля Сигизмунда II Августа Войцеху Крыскому (Wojciech Kryski / Crisski / Krisski), отправленного в Рим к Святому престолу (*Instructio legati ad cuius præscriptum generosus Albertus Kriski*) [10, с. 225–237; 14].

Опускаем детали и детективный сюжет истории, которая начинается в конце ноября – начале декабря 1552 г. с рекомендательного письма Сигизмунда Августа, выданного Войцеху Крыскому и инструкции, датированной июнем 1552 г. для его дипломатической миссии в Рим [26, с. 342–345]. Войцеху Крыскому было всего 22 года, когда король выбрал его, прошедшего свою юность в Италии и получившего блестящее образование в Болонье и Падуе [10, с. 357; 21, с. 143–145] для этой миссии, которая по мере развития событий оказывалась все более важной и деликатной. Первоначально речь шла о «*de religione*» и «*de annatis*» (налоги в *Camera Apostolica*), но к началу 1553 г. миссия Крыского приобрела новое измерение и масштаб, связанные с известными претензиями Ивана IV на королевский титул и сопутствующими интригами, поддержанными Карлом V Габсбургом перед папским престолом в обмен на обещанный московским царем союз против турок и обращение в католичество.

В этом контексте появляется довольно объемная корреспонденция польского короля «в догонку» своему послу в Риме, результатом которой и является исторически важный для нас документ – Инструкция от 21/02/1553, в которой Сигизмунд Август приказывает, чтобы В. Крыски выступил с протестом *publice et sollemnitor*, в соответствии с формулировкой, которую вез гонец [14; 26, р. 345]. В этой инструкции, в

качестве одного из аргументов против химерной идеи союза Рима с московским владыкой, и появляется старая история о сжигании книг *lingua Russica imprimi* в Москве, привезенных туда подданным Сигизмунда I.

Этот документ Крыски получил в Риме в первой половине марта 1553 г. [26, s. 345] и выполнил с лихвой поручения своего короля. Он покинул Рим 8/05/1553 [26, s. 347] и уже 12 января 1554 г. за успех своей миссии получил Добрыньское староство.

В скором времени, 1 марта 1555 г., Сигизмунд Август пишет, что отправляет своего секретаря в Англию ко двору Марии Тюдор. В соответствующих инструкциях³⁰ король дает задание Крыскому наладить союзнические отношения, главным образом, против Турции [16, f. 359r] и Московии³¹ [16, f. 359v–360r]. Роль Крыского состояла также в том, чтобы донести до Марии Тюдор и Филиппа негативный эффект от торговли Московской компании (*Muscovy Company* создана в 1553 г. в результате миссий в Московию Хью Уиллоуби (Hugh Willoughby, 1544–1554) и Ричарда Чэнслора (Richard Chancellor, ок. 1521–1556) для Польши.

Посольство Крыского в Англии продолжалось несколько месяцев. При английском дворе, молодость и эрудиция ренессансного интеллектуала В. Крыского принесли ему большую славу, он получил имя «*magnificus*»³². В Лондоне Крыский также встречался с английским кардиналом Поулем (Reginald of Pole, 1500–1558), от которого он привез своему королю письмо, датированное 12 июлем 1555 г. В своих частных беседах, о которых упоминал Сигизмунд Август в инструкциях, Крыский, убеждая в конформизме Москвы, очевидно, использовал и те доводы, которые ему уже были известны по первому посольству в Рим – о сжигании книг в Московии. Именно таким образом эта информация становится известной для английских путешественников, собиравших все возможные сведения при подготовке к миссиям в Москву [23, p. 352–358].

Выстраивается такая логическая цепочка имен и событий, которые способствовали передачи известного сюжета о сжигании книг в Москве: Инструкция Сигизмунда Августа 21/02/1553 Войцеху Крыскому в связи с миссией последнего в Рим; поездка Крыского в Лондон в 1555 г. и встреча с кардиналом Поулем; (возможная) его встреча с Уильямом Сесилем, сопровождавшем кардинала Поуля; подготовка посольства Томаса

³⁰ Мы нашли три такие инструкции в AGAD, Libri legationum, 15, см.: [15; 16; 17].

³¹ Инструкция датирована 13 марта 1555 г.

³² Не случайно В. Крыский разыскал ценные тексты первых книг *De re publica* Цицерона, которые впоследствии были у него украдены в дороге, см.: [21, s. 156].

Рэндольфа, начальником которого был Уильям Сесиль, в Москву и затем его пребывание в Париже с информированием Андре Тэве, включившего этот рассказ в свое повествование о Московии в «Des vrais portraits» по причине его важности (Тэве акцентирует, что приводит здесь лишь те факты о Московии, которые он не упомянул в своей «Cosmographie» и которые представляются ему особенно важными) [24, f. 389]; вовлечение в историю Дж. Флетчера при организации его московской дипломатической миссии в 1588–1589 гг. и, наконец, публикация им трактата «О государстве Русском». Эта последовательность возвращает нас к первоисточнику (Инструкция 21/02/1553) и отодвигает датировку случая со сжиганием книг к годам правления Сигизмунда I, таким образом, делая возможным путешествие Франциска Скорины в Москву в 1530-е гг.

Такое «связанное» восприятие, представленное здесь двумя известными сюжетами скориноведения, нам представляется перспективным в понимании общей картины преемственности и перетекания идей в интеллектуальном пространстве, в т. ч. и ренессансной Европы.

Библиографический список

1. Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык. СПб.: Тип. имп. АН, 1888.
2. Копреева Т. Н. Франциск Скорина и русская рукописная книжная традиция XV в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 61–70.
3. Лемешкин И. В. Франциск Скорина и Прага 1541 г. // Неман. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 8. Август, 2017. С. 128–149.
4. Немировский Е. Л. Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск: Маст. літ., 1990.
5. Скорина Ф. Сказание вопервые книги моисеовы рекомые бытъя. Бивлия руска. Прага, 1519.
6. Темчин С. Скорина и Пико делла Мирандола: Предисловие к 4-й Книге Ездры Маначинского библейского свода 1575–1577 годов и чешская Библия Мелантриха 1556–1561 годов // Slavica Slovaca, 2020, 55, № 3. P. 479–481.
7. Флоровский А. В. Češskaja biblija v istorii ruskoj kul'tury i pis'mennosti // Specimina Philologiae Slavicae. В. 77, ed. O. Horbatsch, G. Freidhot, P. Kosta. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1988. С. 153–258.
8. Францыск Скарына: зб. дак. і матэрыялаў. Прадм., уклад., камент., паказ. В. І. Дарашкевіча. Мінск: Навука і тэхніка, 1988. 351 с.
9. Францыск Скарына і яго час: энцыклапед. давед. І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск: БелСЭ, 1988. 608 с.
10. Францыск Скарына ў дакументах і сведчаннях / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад, А. А. Жлутка (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2020. 511 с.

11. Шутова О. М. «...Абы братия моя русь, люди посполитые, чтучи могли лепей разумети»: пристальное чтение и вопрос о символике Франциска Скорины. In: Груша, А. І. (ред.): Франциск Скарына: новыя даследаванні. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 126–160.
12. Шутова О. М. «Уликовая» парадигма в историографии: новые возможности // Франциск Скорина: личность, деятельность, современные образы. Ред. А. Груша. Минск: Национальная академия наук Беларуси, изд. «Белорусская наука», 2017. С. 74–102.
13. Шутова О. М. «Бивлия» Франциска Скорины и Италия: источники, влияния, вдохновения // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Междунар. науч. конф., Пинск, 29–30 мая 2019 г. Сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун и др. Минск; Москва, 2019. С. 598–606.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD), Libri legationum, 14, Instructio legati ad cuius præscriptum gene-rosus Albertus Kriski, orator regius ad Iulium III Pontificem Maximum in re Mosco-vitana orationem habuit. F. 234v – 239v.
15. AGAD, Libri legationum, 15: Instructio, secundum quam Legatus Serenissimi Poloniae Regis ad Serenissimum Angliæ Regem, orationem suam instituet. F. 354r–357v.
16. AGAD, Libri legationum, 15: Instructio ad cuius præscriptum Magnus Albertus Kriski, Praefectus Dobrzinensis et Secretarius noster, cum Serenissimo domino Anglia Rega, nostro nomine acturus sit. F. 358r – 360v.
17. AGAD, Libri legationum, 15: Instructio ad cuius præscriptum Magnus Albertus Criski Praefectus Dobrzinensis et Secretarius noster, cum Serenissima Domina Anglia Regina nostro nomine acturus sit. F. 361r – 362r.
18. Biblij Czěská, w Benatkach tištěná. Venetia: Petrus Liechtenstein, 1506.
19. Ficino M. Marsilii Ficini philosophi platonici medici atque theologi omnium praestantissimi operum. Parisiis: G. Pelé, 1690. T. 2.
20. Ficino M. Platonic theology. Latin and English trans. by M. J. B. Allen, ed. by J. Hankins. The I Tatti Renaissance Library Cambridge: Harvard University Press, 2006. Vol. VI. Book 18.
21. Maciejewska W. Wojciech Kryski: sekretarz kancelarji królewskiej Zygmunta Augusta // Księga ku czci Oskara Haleckiego wydana w XXV-lecie Jego pracy naukowej, Warszawa: Nakł. uczniów, 1935, s. 143–156.
22. Mahé J.-P. La Renaissance et le mirage égyptien // From Poimandres to Jacob Böhme: Gnosis, Hermetism and the Christian Tradition / ed. Roelof van den Broeck, Cis van Heertum. Amsterdam: Brill, 2000.
23. Mund S. The discovery of Muscovite Russia in Tudor England / S. Mund // Revue belge de philologie et d'histoire, 2008. T. 86. P. 351–373
24. Thevet A. Des vrais portraits et vies des hommes illustres grecz, latins et payens en 8 vol. Vol. 2. Paris: I. Kervert et G. Chaudière, 1584. 407 p.
25. Vedova G. Biografia degli scrittori padovani. Padova: Tip. della Minerva, 1832. Vol. 1. 645 p.
26. Wojtyska H. D. Papiestwo-Polska 1548-1563. Lublin: Towarzystwo naukowe Uniwersytetu Lubelskiego, 1977. 473 s.

БОРЬБА ЗА ГЕРЦОГСТВО ЛОТАРИНГИЯ И БИТВА ПРИ БЮЛЬНЕВИЛЕ (2 ИЮЛЯ 1431 Г.)

Д. Н. Черкасов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, dmcmink@gmail.com*

В статье рассматривается политическое противостояние Рене Анжуйского, герцога де Бар, и Антуана, графа де Водемон, в борьбе за герцогство Лотарингское, переросшее в 1431 г. в вооруженный конфликт. Анализируются причины сложившейся ситуации, действия сторон накануне военного столкновения, роль и место в противостоянии короля Франции и герцога Бургундского, ход, результаты и последствия решающего сражения при Бюльневиле.

Ключевые слова: Лотарингия; Рене Анжуйский; граф де Водемон; Бюльневиль.

THE FIGHT FOR THE DUCHY OF LOTARINGIA AND THE BATTLE OF BULGNÉVILLE (JULY 2, 1431)

D. N. Cherkasov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus, Corresponding author: D. N. Cherkasov (dmcmink@gmail.com)*

The article examines the political confrontation between René of Anjou, Duke de Bar, and Antoine, Count de Vaudemont, in the struggle for the Duchy of Lorraine, which grew in 1431 into an armed conflict. The reasons for this situation, the actions of the parties on the eve of the military clash, are analyzed the role and place in the confrontation between the King of France and the Duke of Burgundy, the course, results and consequences of the decisive battle at Bulgnéville.

Key words: Lorraine; René of Anjou; Count de Vaudemont; Bulgnéville.

В 1431 г. в Лотарингии достиг кульминации конфликт, развивавшийся с середины 1420-х гг. – династический спор в отношении наследования герцогства Лотарингского, переросший в вооруженную борьбу. Столкновение двух ветвей Лотарингского дома вышло за рамки внутрирегионального конфликта, оказавшись тесно связанным с франко-бургундским противостоянием на последнем этапе Столетней войны (1415–1453).

Начало конфликта (январь – июнь 1431 г.). Карл II, герцог Лотарингский (1390–1431), в качестве прямых наследников имел только двух дочерей. Старшая из них, Изабелла, жена Рене Анжуйского, герцога де Бар, должна была унаследовать основные отцовские владения, в том числе Лотарингское герцогство. Однако права Изабеллы и ее мужа оспаривал племянник Карла II, Антуан – граф де Водемон. Еще в 1425 г. Антуан впервые открыто предъявил претензии на наследование Лотарингии, как ближайший родственник герцога по мужской линии,

настаивая на том, что герцогство – мужской фьеф и не может быть передан дочерям. Но Штаты герцогства, собранные в декабре 1425 г., подтвердили права Изабеллы Лотарингской. Граф де Водемон не решился выступить открыто, сохранив намерение бороться за наследство Карла II после смерти герцога [8, р. 66–67]. Карл II умер 25 января 1431 г., в результате чего, его зять, Рене Анжуйский, объединил в своих руках герцогства Бар и Лотарингия [8, р. 79].

Попытка сторон примириться состоялась 13 марта 1431 г., когда Рене Анжуйский направил к Антуану де Водемону посольство из 3 человек, но переговоры не привели к компромиссу [6, р. 236]. В марте 1431 г., когда Рене Анжуйский покинул столицу герцогства – Нанси, чтобы объехать Лотарингию и принять клятву верности у городов и знати, туда прибыл граф де Водемон и оспорил права Изабеллы, попытавшись склонить на свою сторону герцогский Совет [2, col. LIV]. Однако Совет, выслушав доводы графа, отверг его притязания на наследство покойного герцога.

Не видя со стороны соперника готовности договориться, Рене Анжуйский решил добиться от него повиновения, поскольку Антуан был его вассалом и не принес еще фуа и оммажа за свое графство. 11 апреля 1431 г. Рене поручил своему бальи Бара, Филиберу де Донкуру, или, в его отсутствие, бальи Сен-Мийеля, Тьерри д’Отелю, приехать в Водемон или Везелис с требованием открыть перед ним ворота городов и замков графства под страхом конфискации владений [6, р. 237]. 13 апреля 1431 г. Тьерри д’Отель зачитал герцогское послание у стен замка Водемон. Бальи графства, Жерар де Пфаффенхофен, отказался впускать людей герцога де Бар, сославшись на то, что граф отсутствует, а ему поручено охранять замок. Этот ответ был расценен, как неповиновение. На следующий день Рене Анжуйский объявил графу де Водемону войну, как мятежному вассалу. Были созваны бан и арьер-бан лотарингской знати. Во время этих приготовлений, в мае 1431 г., герцог Рене поехал в Тур просить дополнительной помощи у Карла VII, который ему уже оказывал поддержку через бальи Вермандуа [8, р. 82].

Рене Анжуйский, чья сестра была королевой Франции, в условиях Столетней войны, был одним из наиболее преданных сторонников Карла VII и, таким образом, врагом не только англичан, но и их союзника – бургундского герцога Филиппа III Доброго. В тоже время, отец графа де Водемона, Ферри, и сам Антуан тяготели к Бургундскому дому, являясь его сторонниками в гражданской войне бургиньонов и арманьяков, а также на последнем этапе Столетней войны.

Существенно уступая своему сопернику в силах, в апреле 1431 г. граф де Водемон направился к герцогу Бургундскому во Фландрию, чтобы заручиться его поддержкой [2, col. LV]. В это же время во Фландрию прибыла бургундская делегация во главе с маршалом Бургундии Антуаном де Туланжоном, чтобы попросить помощи для защиты южных бургундских владений [7, p. 455]. В отношении поддержки графа де Водемона в герцогском Совете мнения разделились. Часть членов Совета предостерегала от посылки значительного контингента, опасаясь оголить границы Пикардии, чем могли воспользоваться люди Карла VII. Поэтому было решено выделить не более 1000 воинов, а набор остальных предоставить графу де Водемон и маршалу де Туланжону, которые должны были действовать совместно [7, p. 456]. Герцог Бургундский привлек к делу Пьера де Люксембурга, графа де Сен-Поль, который предоставил отряд воинов во главе с капитаном по прозвищу Гран Мартэн [1, col. 768]. Было получено финансирование от Штатов Бургундии, которые в начале июля постановили собрать «эд» в 50 тыс. ливров для поддержки маршала де Туланжона [10, p. 145].

В свою очередь, с 1 июня 1431 г. несколько тысяч конных воинов и пехоты Рене Анжуйского осадили Водемон, столицу графства [2, col. LV–LVI]. Значительную помощь Рене оказали его имперские союзники – пфальцграф Рейнский, маркграф Баденский, епископ Меца, граф де Сальм и ряд других, которые направили ему свои контингенты, составившие около 1000 воинов. Король Карл VII предоставил шурина 200 копий конных воинов и пехоту во главе с одним из самых опытных капитанов – Арно Гийомом де Барбазаном [1, col. 769]. Имея непререкаемый военный авторитет, де Барбазан стал главным военным советником Рене Анжуйского [2, col. LV; 7, p. 453–454].

Предпринятая лотарингцами и барруасцами осада Водемона оказалась затяжной, что привело к тотальному разорению графства, но, в то же время, упорство защитников города дало возможность противникам Рене собраться с силами [7, p. 454–455]. В ходе подготовки экспедиции у графа де Водемона и маршала де Туланжона возникли сложности с набором людей, поскольку желающих присоединиться к походу среди бургундо-нидерландской знати было не много. Так как осада Водемона заставляла организаторов похода торопиться, они набрали войско из тех, кого быстро смогли найти – в основном наемников из разбойничьих отрядов, предводительствуемых бастардами, не гнушавшихся любой работы, на которой можно было бы поживиться [7, p. 456–457].

По пути в Лотарингию армия маршала Бургундии из Пикардии прошла через Камбрези в Шампань, откуда двинулась в Бургундию, чтобы объединиться с собравшимися там отрядами местной знати, а затем снова вернулась в Шампань [7, р. 457–459]. Граф де Водемон 9 июня вышел из Сен-Мену с 1500 всадниками, соединившись с войском де Туланжона у Жуанвиля [6, р. 238]. Осажденный Водемон, имея сильные укрепления и значительный гарнизон, держался, получая известия от графа о приближении помощи [7, р. 454, 458].

Битва при Бюльневиле (2 июля 1431 г.). Первоочередная задача маршала де Туланжона, осуществлявшего общее командование, заключалась в том, чтобы заставить Рене Анжуйского снять осаду Водемона, для чего он вошел в герцогство Бар и подверг его разорению. Для спасения своей земли Рене вынужден был, оставив у Водемона небольшую часть сил, выступить с основными навстречу противнику. К этому времени армия маршала де Туланжона стала испытывать трудности в снабжении продовольствием и готова была отступить в герцогство Бургундское. Этим планам помешал подход войск Рене Анжуйского. Стороны приготовились к битве [7, р. 460–461].

Сражение состоялось 2 июля 1431 г. на поле между Бюльневилем и Водонкуром [2, col. LVI]. Сведения о силе сторон противоречивы, но сходятся в одном – у Рене Анжуйского было превосходство в людях. Его армия могла насчитывать около 7,5 тыс. воинов (6 тыс. кавалерии и 1500 пехоты). Силы бургундцев и де Водемона составляли от 4 до 6 тыс. человек, с преобладанием пехоты и лучников [4, р. 147; 7, р. 459]. В их составе было 120 англичан под командованием Джона Адама, капитана замка Монтиньи-ле-Руа, и Томаса Гаргрейва [7, р. 459–460].

Перед сражением граф де Водемон и Рене Анжуйский провели личную встречу, но переговоры ничего не дали [1, col. 771]. Уступая по численности лотарингцам Рене Анжуйского, бургундцы и воины графа де Водемона решили занять оборону. Чтобы укрепить свои порядки, они использовали английскую тактику, при которой тяжелая кавалерия спешивалась и становилась в ряды пехоты. Считалось, что такой прием качественно усиливает боевые способности пехоты, укрепляет ее дух [7, р. 461]. Пехота, выстроенная в баталию, располагалась в центре, позиции на флангах и спереди заняли лучники и артиллерия. Воины получили вино (вероятно, только знатные), а граф де Водемон старался поднять их боевой дух, указывая на справедливость своих притязаний [7, р. 462–463].

Рене Анжуйский, которому было 22 года, уже участвовал в военных действиях, но это было его первое по-настоящему крупное сражение. В отличие от солдат противника, прошедших закалку в горниле Столетней войны, большая часть лотарингцев и «немцев», составлявших костяк армии Рене, не имела значительного боевого опыта. Уповав на численное превосходство, Рене хотел напасть немедленно, несмотря на совет де Барбазана действовать осмотрительно и постараться, не вступая в сражение, вынудить противника покинуть Барруа [7, р. 462]. С такими же советами выступали епископ Меца и граф де Сальм. Но более молодая часть окружения Рене, представленная графом де Саррбрюк, дамуазо де Коммерси, бастардом де Тюильер, настаивала на решительных действиях. По этому поводу был даже конфликт между де Барбазаном и Жаном д'Оссонвилем, который упрекал старого капитана в боязливости [1, col. 771]. «Безупречный рыцарь», как называли де Барбазана современники, не нашел в себе сил настоять на своем.

Не дождавшись атаки со стороны противника, Рене Анжуйский приказал атаковать своим войскам, выстроив их в три баталии. Командование центральной взял на себя сам Рене, авангардом, развернувшимся затем в правый фланг, руководил де Барбазан, аррьергард, занявший во время сражения левый фланг, вели Робер, дамуазо де Коммерси, и Жан д'Оссонвиль. Сражение, начавшееся около 11 часов, длилось всего от 15 до 30 минут. Залп бургундской артиллерии ошеломил наступавшего противника, большой урон войскам Рене нанесли пикардийские лучники. Отбив натиск лотарингцев, бургундцы и воины графа де Водемона перешли в контратаку, заставив отступить левое крыло, после чего организованное сопротивление противника прекратилось, превратившись в бегство [7, р. 463–464].

Итогом битвы стала гибель более 2700 лотарингцев и их союзников. Среди убитых оказались сеньор де Барбазан, графы де Сальм, де Саарверден, де Линьянж [3, р. 58]. Потери противоположной стороны могли составить до 400 человек [5, р. 32].

В плен попало около 200 представителей знати (всего около 1 тыс.). Среди них был епископ Меца, Конрад Байе де Боппар, которого позднее освободили за 10 тыс. золотых салю [2, col. LVII]. 10 тыс. экю должен был выплатить Жан де Родемак, за которого поручились канцлер Рене Анжуйского, Жан де Сирк, и другие советники герцога [8, р. 100]. Веншелен де ла Тур, оказавшийся в руках английского капитана Монтиньи-ле-Руа, заплатил за свою свободу 7 тыс. золотых салю, 600

салю, чтобы выкупить скакуна и упряжь, и еще 1 тыс. за салю пени за задержку выплат [11, р. 246]. Эврар дю Шатле, маршал Лотарингии, был отпущен из плена в начале 1432 г. за 2420 «старых» золотых флоринов [9, р. 41]. Из наиболее знатных плена удалось избежать дамуазо де Коммерси, Роберу де Бодрикуру и Жану д'Оссонвиллю [2, col. LVII].

Главным трофеем битвы, безусловно, был сам Рене Анжуйский, которого, к неудовольствию графа де Водемона, забрал маршал де Туланжон, как пленника герцога Бургундского. Маршал полагал, что поскольку вся экспедиция проводилась на деньги герцога Бургундского, то и плоды победы должны достаться ему, в том числе и плененный Рене [8, р. 90–92].

В результате план графа де Водемона на получение лотарингского наследства остался нереализованным, а основным выгодополучателем стал Филипп Добрый. В его руках оказался представитель наиболее враждебной Бургундскому дому династии, родственник Карла VII. Рене Анжуйский, ценой огромного выкупа, получив свободу только в 1437 г., был выведен из борьбы, как противник Филиппа Доброго. Удерживая в своих руках Рене, герцог Бургундский получил возможность предъявить притязания на ряд владений Лотарингского и Анжуйского домов, в том числе сеньорию Кассель во Фландрии и герцогство Бар, а также создать предпосылки для укрепления бургундского влияния на землях Лотарингии.

Библиографический список

1. Calmet Aug. Histoire ecclesiastique et civile de Lorraine: en 3 t. Nancy : J.-B. Cusson, 1728. Т. 2.
2. Chronique, ou Annales du Doyen de S. Thiébaud de Metz // Calmet, Aug. Histoire de Lorraine: en 7 t. Nancy : Leseur, 1752. Т. 5. P. V–CXVII.
3. Chronique de Metz de Jacomin Husson (1200–1525). Publié d'après le manuscrit autographe de Copenhague et celui de Paris, par H. Michelant. Metz : Rousseau-Pallez, 1870.
4. Giuliato G., Kraemer Ch. Réseau défensif et résidences princières dans le barrois sous René Ier d'Anjou // René d'Anjou (1409–1480). Pouvoirs et gouvernement. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2011. P. 137–162. DOI: 10. 4000/books. pur. 124710
5. François M. A propos du cinquieme centenaire de la bataille de Bulgnéville // Le Pays Lorrain, 1933, №1. P. 21–37.
6. François M. Histoire des comtes et du comté de Vaudémont // Mémoires de la Société d'archéologie lorraine et du Musée historique lorrain. Nancy: Société d'archéologie lorraine, 1933. Т. 71. P. 209–354.
7. La chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1444: en 6 t. Paris: Renouard, 1860. Т. 4.
8. Lecoy de la Marche A. Le Roi René, sa vie, son administration, ses travaux artistiques et littéraires : en 2 t. Paris : Firmin-Didot frères, fils et Cie, 1875. Т. 1.

9. Calmet Aug. Histoire généalogique de la Maison de Chatelet, branche puinée de la Maison de Lorraine. Nancy: la Veuve de J.-B. Cusson, 1741.

10. Plancher Ur. Histoire générale et particuliere de Bourgogne: en 4 t. Dijon: N.-L. Frantin, 1781. T. 4.

11. Wurth-Paquet Fr.-X. Chartes de la famille de Reinach déposées aux archives du Gran-duché de Luxembourg // Publications de la Section historique de l'Institut royale grand-ducale de Luxembourg. Année 1879. Luxembourg : V. Buck, 1879. T. 30. P. 1–796.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ВОПРОСУ О ПРОДАЖЕ АМЕРИКАНСКОГО ОРУЖИЯ ТАЙВАНЮ В 1981–1982 гг.

Ван Чунхуа

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск Nicolas-010@qq. com*

В статье анализируется двустороннее взаимодействие между Китаем и США с 1981 по 1982 год после установления дипломатических отношений. В основном оно вращается вокруг дипломатических споров, вызванных односторонним принятием США «Закона об отношениях с Тайванем» и продолжением продажи оружия Тайваню. Переговоры между Китаем и США по вопросу продажи американского оружия Тайваню. Последние результаты отражены в третьем совместном коммюнике двух стран: «Коммюнике 17 августа».

Ключевые слова: американо-китайские отношения; «Закон об отношениях с Тайванем»; «Коммюнике от 17 августа».

NEGOTIATIONS BETWEEN CHINA AND THE USA ON THE ISSUE OF AMERICAN ARMS SALE TO TAIWAN IN 1981–1982

Wang Chonghua

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of
Belarus*

Corresponding author: Wang Chonghua Nicolas-010@qq. com

This article analyses bilateral interaction between China and the USA within the period from 1981 to 1982 after establishment of diplomatic relations. Diplomatic disputes brought on by the USA's passing of the Taiwan Relations Act in a unilateral fashion and USA's refusal to cease arm sale to Taiwan are the main focus of the article. The results of the negotiations was documented in the third joint communique of the two countries commonly known as «August 17 Communiqué».

Key words: China-USA relations; Taiwan Relations Act; August 17 Communiqué.

В январе 1981 г. Рональд Рейган стал президентом Соединенных Штатов. Во время президентской кампании он однажды сказал: «Я удовлетворен тем, что «Закон об отношениях с Тайванем» является официальной и достаточной основой для поддержания наших отношений с Тайванем. Я обещаю реализовать этот закон» [1, с. 191]. 12 мая советник президента Миз заявил, что полностью выполнит «Закон о тайваньских отношениях», включая продажу оружия Тайваню. Вскоре после этого в прессе США сообщалось, что десятки сенаторов отправили письмо в Рейгану с просьбой о продаже передовых истребителей F-16 на Тайвань. В октябре 1981 г., когда премьер-министр Китая и министр иностранных дел приняли участие в саммите «Север-Юг» в Канкуне, они обсудили этот

вопрос с Президентом Соединенных Штатов и Государственным секретарем. После встречи, когда министр иностранных дел Хуан Хуа посетил Вашингтон, он продолжал обсуждать этот вопрос. Китай предложил США: 1) В установленные сроки, оружие США, проданное Тайваню, не должно превышать уровень, существовавший во время президентского срока Картера с точки зрения эффективности и количества; 2) В течение того же срока американское оружие, проданное Тайваню, будет уменьшаться из года в год и в конечном итоге прекратится полностью. Американская сторона ответила, что она не может принять запрос, чтобы остановить продажи оружия Тайваню в течение установленного срока. До объединения Китая Соединенные Штаты будут продолжать осуществлять «осторожную, сдержанную, селективную политику продажи оружия Тайваню», однако показатели эффективности и количества не будут превышать существовавшие во время президентского срока Картера. Замена самолета Тайваня также будет рассматриваться как таковая. В конце концов обе стороны согласились продолжить переговоры по вопросу продажи оружия в США на Тайване [2, с. 286, 290].

4 декабря 1981 г. в Пекине начались китайско-американские переговоры по вопросу продажи оружия на Тайване со стороны Соединенных Штатов. В ходе переговоров 10–14 января 1982 г. администрация Рейгана направила помощника госсекретаря Холдриджа с визитом в Китай для переговоров по этому вопросу. Холдридж сказал китайской стороне: правительство США решило не продавать истребители F-5G Тайваню; правительство США надеется работать с правительством Китая над обсуждением совместного коммюнике по определению вопроса о продаже США оружия Тайваню на условиях, приемлемых для обеих сторон. Так что две страны избавятся от этого крупного спора. Холдридж также привез проект совместного коммюнике США, в который вошли несколько принципов, одобренных самим Рейганом [3, с. 265]. Правительство США выступило с заявлением от 11 января 1982 г., в котором сообщалось, что заинтересованные ведомства США «приняли решение о продаже самолетов Тайваню. Они пришли к выводу, что нет необходимости продавать передовые истребители на Тайвань, потому что они не являются военными». Этот вид воздушных судов необходим. Потребности обороны Тайваня в нынешнем и в обозримом будущем могут быть решены путем замены существующих устаревших самолетов Тайваня подобными самолетами и продлением срока действия линии самолетов Тайваньской F-5E [4]. Поскольку Соединенные Штаты

согласны с тем, что будущая производительность и количество проданного Тайваню оружия не превысит уровень, существовавший при установлении дипломатических отношений между Китаем и Соединенными Штатами, они не могут согласиться с тем, что продажи оружия Тайваню будут полностью прекращены в течение определенного периода времени. Он также настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты постепенно сокращали продажи оружия на Тайвань и в конечном итоге решали этот вопрос и связывали его с мирным урегулированием Тайваньского вопроса. Китайско-американские переговоры застопорились весной 1982 г.

Чтобы выйти из тупика в переговорах, вице-президент США Буш прибыл в Китай 5 мая и провел переговоры с китайскими лидерами Ден Сяопином. После этого стороны обсудили конкретные положения совместного коммюнике параграф за параграфом. 30 мая лидер большинства из сената США Говард Бейкер посетил Китай по приглашению Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Китая. После этого обе стороны в результате тяжелых переговоров наконец достигли соглашения 15 августа в 1982 г. [5, с. 72 – 74.]. 17 августа было опубликовано «Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки». Публикация Коммюнике от 17 августа имеет большое значение.

Однако переговорный процесс по коммюнике демонстрирует трудность и сложность решения вопроса о продаже США оружия Тайваню. Различное толкование некоторых слов в коммюнике также подготовило почву для будущих разногласий и трений между двумя сторонами по этому вопросу. Скрытые опасности. Накануне подписания коммюнике между правительством США и правительством Китая, в середине июля 1982 г., Рейган сообщил Тайваню о «шести гарантиях» США: (1) США не согласятся установить крайний срок для прекращения продажи оружия Тайваню; (2) Соединенные Штаты не согласятся на предварительные переговоры с Китайской Народной Республикой по вопросу продажи оружия Тайваню; (3) Соединенные Штаты не будут выступать в качестве посредника между Тайбэем и Пекином; (4) Соединенные Штаты не согласятся с требованиями Китайской Народной Республики. Был пересмотрен «Закон об отношениях с Тайванем»; (5) Соединенные Штаты не изменили своей позиции по суверенитету Тайваня; (6) Соединенные Штаты не будут оказывать давление на

Тайвань, чтобы заставить его вести переговоры с Коммунистической партией Китая [6, с. 239].

После публикации совместного коммюнике Китая и США, кризис, который серьезно угрожал отношениям между Китаем и США, был временно смягчен. Однако между двумя странами по-прежнему возникали новые конфликты и проблемы [7, с. 161–169].

Библиографический список

1. Донмэй (冬梅). Избранные материалы для китайско-американских отношений // Пекин: издательство текущих событий (时事出版社). 1982. 537 с.
2. Ли Чанцзю (李长久). 200 лет китайско-американских отношений // Пекин: издательство Синьхуа(新华出版社). 1984. 779 с.
3. Ронг Анлан(容安澜). Ограничивая лошадь со скалы: американская политика тайваня и китайско-американские отношения // Пекин: издательство Синьхуа(新华出版社). 2007. 479. с.
4. Несмотря на неоднократные заявления нашей страны, правительство США нагло решило продолжить продажу оружия Тайваню (美国政府不顾我外交部多次交涉, 悍然决定继续对台出售武器) // Женьминь жибао. 1982, 12 января. С. 1.
5. Уянаев С. В. Стратегические отношения КНР с Российской Федерацией и США: Общее и особенное // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2007. Т. 12. № 12. С. 72–104.
6. Donald S. Zagoria ed., Breaking the China-Taiwan Impasse, Praeger Publishers, 2003, p. 239.
7. Романова Е. В. Современные международные отношения КНР–США–Тайвань // Актуальные проблемы международного права и международных отношений. Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития. М., 2017. С. 161–169.

ВКЛАД УЧЕНЫХ БССР В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г.
Минск, Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье рассматриваются проблемы методического сопровождения антирелигиозной работы. Установлено, что в рассматриваемый период отсутствовала единая точка зрения по вопросу проведения атеистического воспитания среди населения. Партийным руководством устанавливались жесткие рамки научных исследований. Определено, что разрабатываемые антирелигиозные материалы носили прикладной характер.

Ключевые слова: научный атеизм; историческая память; антирелигиозная пропаганда; коммунистическая партия.

CONTRIBUTION OF SCIENTISTS OF THE BSSR TO THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF ATHEISTIC EDUCATION

I. Yanushevich

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, yanush@bsu.by

The article deals with the problems of methodological support of anti-religious work. It is established that during the period under review there was no unified point of view on the issue of atheistic education among the population. The party leadership established a strict framework for scientific research. It is determined that the anti-religious materials being developed were of an applied nature.

Key words: Scientific atheism; historical memory; anti-religious propaganda; Communist Party.

Система антирелигиозной агитационно-пропагандистской работы в БССР начала формироваться с 1923 г. Ответственным за данное направление деятельности партийным и комсомольским работникам предстояло обеспечить как организационное и кадровое сопровождение мероприятий, так и соответствующими информационными материалами. Общее руководство всем процессом осуществляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б). Комиссия стала научно-методическим центром, определяющим задачи и характер антирелигиозной работы. Одним из направлений деятельности была подготовка и издание соответствующей литературы. В советской историографии формировались несколько основных тесно связанных с идеологическими установками правящей партии и «текущим моментом» этапов исследования методов атеистического воспитания населения. Первый этап в 1920-е гг. – 1941 г.

носил исключительно практико-ориентированный характер. Перед исследователями стояли конкретные задачи по теоретическому обоснованию рациональности и закономерности публичных партийных решений по отношению к религии и церкви. Первые работы принадлежат видным государственным и партийным деятелям, таким как В. Д. Бонч-Бруевич, П. А. Красиков, Н. К. Крупская, И. И. Скворцов-Степанов, Ем. Ярославский [1–5]. В 1920-е гг. именно они отвечали за распространение атеистического мировоззрения и во многом определяли политику коммунистической партии в отношении религиозных организаций. В данных работах на десятилетия вперед закреплялись направления дальнейших научных исследований, обосновывающих правильность теоретических выкладок классиков марксизма-ленинизма, разъясняющих установки В. И. Ленина, как основоположника научного атеизма, видного теоретика и практика антирелигиозной деятельности [6, с. 3]. Весьма осложняло работу авторов отсутствие единства по церковному вопросу в рядах руководства РКП(б)–ВКП(б)–ВЧК–ОГПУ–НКВД [7, л. 19]. Из всего спектра имевших место действий государства в отношении религии и церкви анализу подвергались исключительно официальные решения и действия органов государственной власти.

Перед всеми советскими исследователями стояла задача выявления наиболее уязвимых в деле распространения атеизма вопросов и предложения путей их преодоления [8]. Партийные и государственные деятели, ученые, специалисты-практики вели подготовку специализированных пропагандистских материалов. Основная их масса выходила в рамках редакций антирелигиозных журналов «Безбожник», «Воинствующий атеист», «Юный безбожник» и «Антирелигиозник» небольшого объёма, но громадными тиражами. Данные брошюры и отдельные статьи были четко ориентированы на конкретную аудиторию и предназначались для решения наиболее актуальных в данный период политических или народнохозяйственных задач через призму антирелигиозной работы. Авторам осуществляемую на практике борьбу с религиозностью, священнослужителями и верующими предстояло продемонстрировать как естественный процесс преодоления религиозных пережитков [9]. Религия, церковь, духовенство как в исторической ретроспективе, так и в рассматриваемое время преподносились как тормозящие развитие государства и общества институты. Главной их целью исследователи считали обеспечение единоличного политического господства правящих элит и извлечение материальных благ

эксплуататорскими классами. В многочисленных работах раскрывалась контрреволюционная деятельность религиозных организаций и священнослужителей [10–11]. На дискредитацию священнослужителей, веры в сверхъестественные силы, культовых практик были направлены многомиллионные тиражи различного рода однотипных брошюр, имеющих агрессивный наступательный характер, оскорбляющих чувства верующих [12].

В рамках подобных установок должны были действовать и ученые БССР. В начале 1920-х гг. они видели практическую сторону вопроса, выразившуюся в силовых методах борьбы с религией и церковью и отсутствие базы и материальной, и методической для организации пропагандистской работы. Дореволюционным исследователям было трудно переориентироваться в новых условиях. При определении направлений исследования учёные БССР недооценивали важность теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса при определении содержания антирелигиозной пропаганды.

Белорусские ученые в своих научных исследованиях, том числе С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген, Н. М. Никольский не смогли сразу определить главенствующего значения работ В. И. Ленина в развитии атеистической мысли в молодом социалистическом государстве. Н. М. Никольский даже считал, что для В. И. Ленина и его соратников религия есть «прежде всего объект обличения и нападения» [13, с. 48]. И на самом деле в работах ближайших соратников В. И. Ленина имелись четкие указания на ликвидацию религии и церкви как залог выживания Советской республики и неотъемлемый фактор построения социалистического общества, а издававшиеся антирелигиозные периодические издания в достаточно вульгарной и примитивной форме призывали «к штурму небес». С. Я. Вольфсон, как автор одного из первых в нашей стране учебников по диалектическому материализму, в своё время находился под влиянием взглядов Г. В. Плеханова. Позже ученый отказался от этого ошибочного взгляда. Он признал свои заблуждения и указывал, что «успешно вести антирелигиозный пропаганду, уметь бороться с религией можно только с высоты ленинского этапа воинствующего атеизма» [14, с. 23].

Ученые не могли предвидеть жесткость предстоящих действий в отношении религиозных организаций. Существующее законодательство не вводило запретов на исповедание религии, а только на ее распространение. Н. М. Никольский на торжественном собрании БГУ 30

октября 1922 г. отмечал, что «только в Советской Федерации имеются сейчас налицо надлежащие социально-политические предпосылки для свободного изучения религии как предмета науки» [13, с. 45]. При его непосредственном участии в Белорусском государственном университете в 1922 г. был создан музей истории религии.

Наибольшее практическое значение имела его работа «История русской церкви» [15]. Автор значительно дополнил доказательную базу «эксплуататорской сущности» Русской православной церкви в дореволюционный период, в тоже время при непредвзятом анализе приводимых цифр и фактов читатель мог увидеть и значительные расхождения с насаждаемыми антирелигиозниками постулатами. Церковь, как оказалась, в значительной степени обеспечивала себя сама, а не через бюджетные поступления [15, с. 445–448]. Земельные угодья использовались для обеспечения минимально необходимого уровня жизни клириков и их семей, оказания благотворительной помощи, а не исключительно обогащения «князей церкви».

Атеистическое наследие классиков марксизма-ленинизма, на котором в принципе в рассматриваемый период и строилась вся антирелигиозная деятельность, определяло жесткие методические рамки. Всякого рода дискуссии, в том числе имевшие место в 1920-е гг. в академической среде в БССР, могли привести к сомнениям в состоятельности диалектического материализма. Статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» без колебаний должна была восприниматься учеными-атеистами как алгоритм дальнейших исследований [16]. Между тем ситуация с кадрами в университетах была достаточно проблематичной. В том числе это касалось и Белорусского государственного университета, преподавательский коллектив которого в целом не был сторонником марксистско-ленинской теории и предпринимаемых чрезвычайных мер по строительству нового социалистического государства. По словам С. Я. Вольфсона, он видел «на своих кафедрах контрреволюционеров, черносотенцев-великодержавников, еврейских клерикалов, белорусских нацдемов» [14, с. 35]. На одном из совещаний коммунистов Белорусского государственного университета в 1929 г. отмечалось, что большинство дисциплин, в том числе и гуманитарных, находилась в руках людей марксизм непонимающих и поэтому искажающих или явно ему враждебных. В точных наук и естественных знаний господствует грубый эмпиризм полное неуважение к теории, марксистской методологии» [17, л. 28].

Г. А. Гурьев совершенно верно указывал, что религия «страшно вредит диктатуре пролетариата» [18, с. 14]. Доказать на практике, чем мешает религия в строительстве социализма ученый не смог. Главное внимание в работах автора сконцентрировано на подтверждении первостепенного значения атеистического наследия В. И. Ленина в развитии научного атеизма. По мнению Г. А. Гурьева, вождь революции своим анализом развития основных этапов естествознания определил значимость науки в преодолении идеалистического мировоззрения.

Таким образом, проведённое исследование показало, что уже с первых лет существования Советской власти начинает активно разрабатываться вопрос обоснования закономерности борьбы с религией и церковью. Осуществляемая на практике жесткая политика по отношению к священнослужителям и религиозным организациям официальной пропагандой, учёными и специалистами в области государственно-церковных отношений трактовалась как неизбежное для начального этапа строительства социалистического государства «преодоление пережитков». Ближайшим окружением В. И. Ленина, исходя из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и самого вождя революции, были определены приемлемые ориентиры научных исследований, а задачей авторов было убедить себя и общественность в правильности выдвинутых постулатов и максимально полно и доходчиво разъяснить их атеистическому активу, а затем и верующим. Практическая значимость трудов классиков марксизма-ленинизма в условиях 1920–1930-х гг. оказалась невысокой. Агитаторы антирелигиозники должны были получить адаптированный под слушателя материал. Философские и методологические изыскания не давали ответ на вопрос о существовании или о не существовании Бога. Доказательная база отсутствия альтернативы материализму представлена не была. Антирелигиозные труды выступали в качестве дополнительного идеологического обоснования реализуемой внутренней и внешней политики, социализации в социалистическом обществе некоторых слоёв населения, зарождения советской обрядности, однако не отвечали на вопрос, как верующего сделать атеистом.

Библиографический список

1. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973.
2. Скворцов-Степанов И. И. Избранные произведения. М.: Гос. изд., 1931.
3. Красиков П. А. Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1970.
4. Крупская Н. К. Из атеистического наследия. М.: Наука, 1964.
5. Ярославский Ем. О религии. М.: Политиздат, 1958.

6. Круглов А. А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.). Минск: Беларусь, 1989.
7. Российский государственный архив социально политической истории. Ф. 17. Оп. 60. Д. 792 .
8. Амосов Н. К. О пьяных праздниках. М.: Безбожник, 1929.
9. Олещук Ф. Н. Борьба церкви против народа. М.: Воениздат. 1941.
10. Кандидов Б. П. Церковь и шпионаж: О некоторых фактах контрреволюционной и шпионской деятельности религиозных организаций. М.: Воениздат., 1940.
11. Путинцев Ф. М. Выборы в Советы и разоблачение поповщины. М.: ГАИЗ, 1937.
12. Глан Я. М. Антирелигиозная литература за 12 лет (1917–1929): аннотированный систематический указатель книг, брошюр и журнальных статей по вопросам религии и антирелигиозной пропаганды. М.: Безбожник, 1930.
13. Никольский Н. М. Религия как предмет науки. Минск, 1923.
14. Вальфсон С. Я. Аб лeнiнскiм этапе ваяўнiчага атэiзму. Мiнск, 1932.
15. Никольский Н. М. История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990.
16. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. М.: Партиздат, 1937.
17. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 2. Оп. 7. Д. 234.
18. Гурьев Г. А. Хрестоматия молодого безбожника. Гомель: 1926.

ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МАРГИНАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Г. О. Ярошук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, erabio@mail.ru*

В статье рассмотрена историография девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси в указанный период. Особое внимание уделяется важнейшим трудам, авторам-ученым, а также современным тенденциям и перспективам в изучении девиантного поведения таких групп маргиналов, как нищие и проститутки.

Ключевые слова: девиантное поведения; маргинальные группы; нищие; проституция.

HISTORIOGRAPHY OF THE DEVIANT BEHAVIOR OF MARGINAL GROUPS OF THE POPULATION OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

G. O. Yaroshuk

*Belarusian State University,
Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, erabio@mail.ru*

This article examines the historiography of the deviant behavior of marginalized groups of the population of Belarus in the specified period. Particular attention is paid to the most important works, authors-scientists, as well as modern trends and prospects in the study of the deviant behavior of such marginalized groups as beggars and prostitutes.

Key words: deviant behavior; marginal groups; beggars; prostitution.

Девиантное поведение маргинальных групп населения Беларуси является аспектом белорусской истории, который на данный момент в значительной степени не разработан, в частности из-за новизны такого рода тематики для отечественных исследований, которая позволяла бы использовать возможности междисциплинарного подхода, сочетая в себе методы, терминологию как и классическо-исторические, так и заимствованные из других гуманитарных наук. Не исчерпывающе, но косвенно, смежно, однако современными белорусскими и иностранными учеными затрагивается проблема девиантного поведения. Важно отметить, на данный момент в отечественной историографии фактически отсутствуют труды, которые давали бы всесторонний анализ проблематики. Большинство исследований, в которых используется новейшие подходы в исторической науке, представляют работы историков

Российской Федерации, которые, безусловно, касаются и территории Беларуси, так как она входила в изучаемый период в состав Российской империи.

Весь массив работ, которые так или иначе посвящены проблемам социальной девиации маргинальных групп Беларуси, рассматривая с помощью хронологического метода, можно выделить в три группы исследований:

1) исследования этнографов, фольклористов – собирателей народной культуры и традиций народов Российской империи; также работы протоэтнографов; в данную группу следует выделить и труды не историков по своему призванию – медиков, представителей силовых структур, чиновников, которые, однако, так или иначе раскрывают проблемы социальной девиации (особенно в отношении вопросов проституции);

2) исследования советского периода, которые имеют весьма серьезную ограниченность из-за мизерной разработанности проблем маргинальных групп населения (в большей степени труды историков касаются проблем суицида и алкоголизма);

3) современные исследования (с 1991 г.) как белорусских, так и иностранных авторов.

Что касается первой выделенной группы – исследования Беларуси в Российской империи не имели системного характера. В период конца XVIII – начала XIX в. встречаются лишь отдельные работы различных протоэтнографов, а также и ученых, но не связанные между собой; во второй половине XIX в. во времена расцвета белорусоведения ситуация изменилась, на территории Беларуси во многом с повеления российского правительства были организованы этнографические экспедиции, первоочередная цель которых состояла в том, чтобы доказать, что белорусы есть часть русского этноса, что было опровергнуто этнологами.

Безусловно, следует отметить работы классиков белорусской этнологии А. К. Сержпутовского [21], М. В. Довнар-Заольского [11; 12], Н. Я. Никифоровского [18]. Именно благодаря этнографическим данным у современного историка есть возможность изучать проблему не только «сухо», используя материалы делопроизводства и законодательства, но и взглянуть на не со стороны общественности того времени, через призму народного восприятия.

Изучению белорусских нищих уделялось немного внимания со стороны этнографов XIX – начала XX в. Чаще всего данные, касающиеся

нищенствующих, сводились к подчеркиванию их непомерной бедности. Среди значимых работ на этом фоне следует выделить труд фольклориста П. Бессонова «Калики переходные. Сборник стихов и исследований» [2], представляющий из себя уникальный сборник фольклорной культуры нищих.

Говоря о вопросе изучения нищих Беларуси, невозможно не упомянуть про исключительно важную работу Е. Р. Романова, непосредственно касающуюся нищих Могилевской губернии, их быта, а также особенного языка – «Очерки быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент»)» [19]. Особенно данное исследование тем, что дает детальное описание внешнего и внутреннего образа нищих, уникальности их тайного языка. Евдоким Романов провел сравнительную характеристику лингвистических особенностей разных нищенских языков, составил словарь «любецкого лемента».

Нищим, только уже Слуцкого уезда, посвящен труд известного российского лингвиста, литературоведа А. Е. Грузинского «Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии» [9]. Ценность данного труда заключается в том, что автор дает уникальные сведения о праздниках нищих, семейных вопросах в их среде, об институте старецких школ. Особенности тайного языка отдельных белорусских нищих рассматривает Ф. Сцепуро в своем «Русско-нищенском словаре...» [22].

Проблема проституции в Российской империи широко освещена современниками изучаемого периода, но в большинстве своем не историками, а специалистами иных профессий. Так, следователю Б. Бентовину удалось издать уникальный по объему труд о проституции в России: «Торгующие телом. Очерки современной проституции» [1], в котором он описывает деятельность полицейско-медицинского надзора, озвучивает численность проституток, их социальный состав. Процессу организации надзора за борделями и в целом проституции посвящена также работа П. А. Грацианова [7]. Проблема проституции привлекала внимание правительства империи во многом из-за распространения опасной болезни – сифилиса, который, распространялся невероятными темпами и из-за процветания тайной проституции, в силу чего и был организован ее надзор.

Среди множества авторов-медиков, посвятивших свои работы проституции, следует отметить «Проституцию и сифилис в России» М. Кузнецова, где представлены статистические данные по распространению

сифилиса в том числе в белорусских губерниях, о государственных мерах по борьбе с болезнью, дается характеристика образа жизни проститутки [15]. Также содержателен труд московского доктора К. В. Грязнова [10].

Проституция являлась излюбленной темой и для исследователей-публицистов: С. С. Шашкова [25], А. И. Федорова [24]. Общественный резонанс и всеобщий интерес вызвала статья Н. А. Мукалова «Дети улицы. Малолетние проститутки», повествующая об ужасах детской нелегальной проституции [17]. Также данной проблеме посвятил труд Е. Н. Тарновский [23].

В следующий период, связанный с советским прошлым Беларуси, тема изучения девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси не была актуальной для исторической науки. По проблематике социальной девиации нищих и проституток исследований в советское время фактически не проводилось, за исключением периода «перестройки», когда политика гласности привела к расширению тематических возможностей историков. Появляются работы, которые и положили начало определения в современной науке на постсоветском пространстве вопросов нормы и девиации в обществе Российской империи. Таковой является, к примеру, работа М. М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века» [8].

В наше время появляются полноценные теоретические труды, которые посвящены вопросам девиантного поведения, разрабатывается своя постсоветская основа для изучения социальной девиации. Особое значение в данном вопросе имеет работа историка И. С. Менщикова «Норма и девиация в русской деревне во второй половине XIX века: теоретический аспект» [16]. В исследованиях начинается поворот к социальной истории, микроистории. Ученых-историков привлекла проблематика в том числе и быта, социального статуса и положения маргинальных групп населения. В Российской Федерации был подготовлен основательных труд по нищим, который дает детальный анализ нищенства в Российской империи и за ее рубежами: «Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность» [4].

Среди отечественных современных историков, изучающих маргинальные слои населения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., следует выделить О. В. Кныш. Масштабные работы посвящены вопросу благотворительности в Российской империи,

проституции и в целом социальным низам [13; 14], нищим Беларуси [20], преступности на территории Беларуси [3]. Исключительный вклад в разработку проблемы проституции белорусских городов во второй половине XIX – начале XX в. принадлежит исследованиям Т. В. Воронич [5; 6].

Таким образом, историография проблемы переживала значительные изменения с течением времени. Интерес к изучению девиантного поведения маргинальных групп населения в рамках существующей тогда методологии и подходов был еще у современников Российской империи, однако в период существования СССР наступило время затишья в изучении маргинальных групп. Затем ученым стали доступны ранее табуированные и неактуальные в советское время темы, в том числе широко стала развиваться проблематика социальной истории, а в ее рамках и изучение девиантного поведения маргинальных групп населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Разработка теоретических аспектов данного специфического исследования осуществляется с использованием ранее накопленного опыта, в том числе западных исследователей.

Библиографический список

1. Бентовин Б. Торгующие телом. Очерки современной проституции. М.: Типо-литография Русского товарищества печатн. и издат. дела, 1907. 201 с.
2. Бессонов П. А. Калики перехожие: сборник стихов и исследование: [в 2 ч.]. М.: Тип. А. Семена. Ч. 1: Вып. 1–3. 1861. 852 с.
3. Бригадин Д. П. Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: историография проблемы // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 1. С. 26–30.
4. Бутовская М. Л., Дьякова И. Ю., Ванчатова М. А. Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы, история и современность. М.: Научный мир, 2007. 280 с.
5. Воронич Т. В. Город и проституция: из истории повседневности Гродно (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Гарадзенскі палімпсест 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV–XXст ст. Мн., 2011. С. 260–290.
6. Воронич Т. В. Царские власти в борьбе за моральность минчан: вторая половина XIX – начало XX в. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць: (да 945-годдзя Мінска): зб. навук. арт. / уклад. А. І. Груша; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларус. навука, 2012. С. 305–321.
7. Грацианов П. А. К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским Департаментом. 1895. Т. XXVIII. Книга 2. Ноябрь. 166 с.
8. Громько М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.

9. Грузинский А. Е. Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии. М.: Этнографическое обозрение. 1891. № 4. С. 142–156.
10. Грязнов К. Проституция как общественный недуг и меры к его врачеванию. В 2-х ч. М.: ар. Типо-литография А. П. Поплавский, 1901. 202 с.
11. Довнар-Запольский М. В. Белорусская свадьба и свадебные песни. Этнографический этюд. Киев: Типография А. Дивиденко, 1888. 38 с.
12. Довнар-Запольский М. В. Чародейство в Северо-Западном крае (XVII–XVIII вв.) // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Мн.: А. Н. Вараксин, 2012. Вып. 9. С. 243–259.
13. Кныш В. В. Прастытуцыя ў Беларусі ў канцы XIX ст.: аналіз статыстычных дадзеных // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Вып. 2. 2007. С. 132–135.
14. Кныш О. В. Развитие благотворительности на территории Беларуси в 60–90-е гг. XIX в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4. Мінск: БДУ, 2009. С. 269–276.
15. Кузнецов М. Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1871. 268 с.
16. Меншиков И. С. Норма и девиация в русской деревне во второй половине XIX века: теоретический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2015, № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 137–141.
17. Мукалов М. К. Дети улицы. Малолетние проститутки. СПб.: Типо-лит. И. Юделевица, 1906. 20 с.
18. Никифоровский Н. Я. Очерки Витебской Белоруссии. Мн.: Беларусь, 2019. 269 с.
19. Романов Е. Р. Очерки быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент») // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Под ред. Н. А. Янчука. М.: Императорское Общество Любителей естествознания, антропологии и этнографии, № 4, 1890. С. 119–129.
20. Русецкі С. В. Жабракі Беларусі: гісторыя этналагічнага вывучэння ў XIX – пач. XX ст. // Сборник работ 60-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 14–16 мая 2003 г., г. Минск: в 3 ч. Минск, 2003. Ч. 2. С. 251–255.
21. Сержпутоўскі А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мн.: Універсітэцкае, 1998. 301 с.
22. Сепуро Ф. Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда Минской губернии местечка Семежова: Приложение к протоколам Отделения русского языка и словесности Императорской Российской академии наук. С отзывом А. Ф. Бычкова. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. АН, 1881. 12 с.
23. Тарновский Е. Н. О преступности малолетних в России. М.: Журнал Министерства Юстиции, 1899. С. 1–42.
24. Федоров А. И. Позорный промысел. СПб.: Типография СПб. Градоначальства Изм. п., 8-я р., д. № 20, 1901. 17 с.
25. Шашков С. С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. История русской женщины // Собрание сочинений С. С. Шашкова. СПб., 1898. Т. 1. С. 876–877.

Навуковае выданне

ПІЧЭТАЎСКІЯ ЧЫТАННІ – 2021:
100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі

Матэрыялы
міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі

Мінск, 27–28 кастрычніка 2021 г.

На беларускай і рускай мовах

Адказы за выпуск *Т. Д. Герновіч*

Падпісана да друку 31.12.2021. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.

Лічбавы друк. Ум. друк. арк. 46,03. Ул.-выд. арк. 47,88.

Тыраж экз. Заказ

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.

Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Паліграфічнае выкананне